ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Томъ I. **Годъ VIII.**

№ 14. На годъ съ пер. и дост.—7 руб. *Адресъ конторы редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ по 20 к. За полгода—4 руб. **29 Марта 1880 года.**

* * *

Стихъ **Дмитрія Черткова.**

Тяжелое чувство глубокой кручины,
Тоски безотчетной, тоски безъ причины,
Какъ будто предвѣстникъ грядущей печали,
Томитъ и тревожитъ мой умъ безпощадно,
Твердитъ мнѣ, что буду я жить безотрадно,
Что мнѣ не достигнуть невѣдомой дали,
Земли обѣтованной, жизни безпечной,
Что долженъ страдать я и мучиться вѣчно,
Ни счастья, ни отдыха въ скорби не зная,
Что я былъ обманутъ надеждою ложной,
Что я родился лишь для муки тревожной,
Что горе сулитъ мнѣ дорога земная.

Но нѣтъ, невозможно; настанетъ и время,
Когда я откину тяжелое бремя,
Когда я достигну желаннаго счастья,
Когда, отдыхая отъ скорби тяжелой,
Я жить буду жизнью иною, веселой,
Разсѣявъ всѣ тучи былого ненастья.
Но скоро ль настанутъ счастливые годы
И скоро ль тяжелыя жизни невзгоды
Изчезнутъ, съ собой унося всѣ страданья?
Надежда блѣднѣетъ, надежда пропала!
Нѣтъ, мнѣ не достичь своего идеала,
Напрасно томлюсь я тоской ожиданья.

На краю пропасти.

Повѣсть **Л. Гербетъ.** Переводъ **М. Л—ой.**

(*Продолженіе.*)

III.

Въ этотъ вечеръ Рудольфъ не вернулся. Онъ только написалъ ей нѣсколько неутѣшительныхъ строкъ. Насталъ слѣдующій день и медленно прошелъ. Рудольфъ все не возвращался. Двѣ ночи и два дня просидѣла молодая женщина у изголовья ребенка съ своимъ двойнымъ горемъ. Наконецъ, ей принесли письмо, написанное рукой ея мужа. Послѣднее средство тоже не удалось, помощи ни откуда... Прощаніе на долгое, долгое время!

— На сколько же? О, Боже! съ жгучей болью прижала она письмо къ груди, затѣмъ стала смотрѣть безслезнымъ и полнымъ тревоги взоромъ на угасающаго въ своихъ бѣлыхъ подушкахъ ребенка. Еще одинъ послѣдній взглядъ милыхъ дорогихъ очей, еще одинъ послѣдній глубокій вздохъ — и молодая жизнь отлетѣла, вырванная изъ ея объятій. Она осталась одна. Ночь приближалась, одинокая, страшная.

Когда на другое утро взошло солнце и равно освѣтило злыхъ и добрыхъ, горе и радости, лучъ его проникъ и въ эту завѣшанную, печальную комнату.

Клотильда лежала на колѣняхъ передъ бѣлой кроваткой и гладила бѣлую, холодную ручку своего уснувшаго ангела. Тотъ-же лучъ, который такъ горячо обливалъ голову молодой матери, скользилъ и по маленькой ручкѣ ребенка, но холоднымъ осталось то, на что смерть наложила печать.

— Дитя мое, родное, что же ты умолкло и такъ тихо лежишь! шептала бѣдная, стоя на колѣняхъ.—Отчего оставляешь меня одну среди мученій?

Не отводя глазъ, смотрѣла она на бѣломраморное личико, такъ спокойно на вѣки уснувшее.

— Почивай, моя дѣвочка, я не буду тревожить тебя и завидовать твоему безболѣзненному покою. О, какъ тяжела жизнь!

Потихоньку вошла старушка-няня; Клотильда, превозмогая свое нравственное изнеможеніе; поднялась съ колѣнъ.

— Что ты несешь мнѣ, Ганна, тихо спросила она,—письмо?

— Ничего у меня нѣтъ, сударыня, отвѣтила ей вѣрная старушка и, печально качая головой, показала ей свои пустыя руки.

— О, я безумная: мнѣ и ждать нечего, вздохнувъ, прошептала Клотильда и провела рукой по блѣдному лбу, — еще много, много должно пройдти недѣль, прежде нежели...

— Господинъ Леонгардтъ здѣсь и желаетъ переговорить съ вами, сударыня, сказала няня.

— Ахъ, Ганна! лучше-бы было, если бы ты избавила меня отъ его посѣщенія.

— Я пробовала это сдѣлать, но тщетно. Онъ коротко и ясно велѣлъ доложить о себѣ. Можетъ быть, сударыня, вамъ угодно будетъ приказать не...

— Нѣтъ, я приму его, надо мнѣ перенести и это.

Она еще разъ взглянула на своего затихшаго ребенка, сложила руки, какъ на молитву, и затѣмъ пошла въ гостиную. Строгая, блѣдная, полная благороднаго самообладанія и, не теряясь, она взглянула на своего двоюроднаго брата, который сдержанно шелъ ей на встрѣчу. Молча протянула она ему руку, которую онъ медленно поднесъ къ своимъ узкимъ губамъ, а сѣрые глаза его пытливо всматривались въ выраженіе ея лица. Онъ ожидалъ увидать безутѣшную, сокрушенную горемъ женщину и изумленіе его было очевидно. Твердость молодой женщины на мгновеніе смутила его.

— Мы встрѣчаемся при грустныхъ обстоятельствахъ, произнесъ онъ, наконецъ, своимъ нѣсколько рѣзкимъ голосомъ, въ звуки котораго ему хотѣлось вложить сердечное участіе.—Я вернулся домой въ недобрый часъ.

Клотильда прямо смотрѣла передъ собой и какъ бы утвердительно кивнула головой, но не произнесла ни одного слова.

— Я понимаю твои мысли, продолжалъ онъ въ отвѣтъ на ея молчаніе,—тебѣ было бы пріятнѣе, если бы именно въ эту минуту я былъ далеко.

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и сказала съ благородной простотой:

— Я думаю, что тогда дѣйствительно я избѣжала бы многихъ тяжелыхъ часовъ, можетъ быть, и лѣтъ!

— По крайней мѣрѣ, вѣрно то, возразилъ Леонгардтъ съ горечью,—что не будь моего энергическаго вмѣшательства, Рудольфъ добился бы у слабаго старика даже самаго невѣроятнаго.

— Но почему-же, Леонгардтъ, ты счелъ нужнымъ такъ рѣзко и не деликатно идти на перекоръ моему желанію?

— Почему? потому, что твое благо для меня дороже всякихъ другихъ соображеній.

— Мое благо? переспросила она съ изумленіемъ. — Но ты навѣрное зналъ, что твое не дружелюбное посредничество принесетъ мнѣ только горе и скорби.

Голосъ ея задрожалъ.

— О, Леонгардтъ, продолжала она, когда онъ холоднымъ молчаніемъ отвѣтилъ на ея обвиненіе.—Ты остался вѣренъ своей давнишней, необъяснимой непріязни къ Рудольфу — и она-то и управляла твоими дѣйствіями.

Клотильда посмотрѣла на своего двоюроднаго брата съ выраженіемъ такой глубокой печали, что даже въ его холодныхъ чертахъ начало шевелиться что-то похожее на участіе.

— Я не стану сердиться на тебя за то, сказалъ онъ, — что ты въ настоящемъ своемъ настроеніи совершенно не понимаешь и не цѣнишь меня. Но придетъ время, когда ты, наконецъ, отдашь мнѣ должную справедливость.

— Эти самыя слова ты уже говорилъ мнѣ однажды, когда я боролась противъ вашего упорнаго предубѣжденія и отвоевывала счастіе моей жизни.

— Счастіе твоей жизни! Да, такъ ты называла это, тогда, сказалъ онъ, медленно отчеканивая каждое слово и пытливо глядя на нее, точно желая проникнуть въ глубь ея мыслей.

— И также называю это и теперь, и буду называть до конца моихъ дней. Дальнѣйшая жизнь, если-бы даже она была полна горя и бѣдствій, не могла-бы стереть тѣ годы блаженства, данные мнѣ любовью Рудольфа. Онъ — лучшій, благороднѣйшій человѣкъ и самый вѣрный изъ мужей; одинъ ты никогда не хотѣлъ этому повѣрить.

Подергиваніе, будто отъ сдержанной боли, исказило губы Леонгарда; черезъ минуту онъ холодно произнесъ:

— Однако позволь, въ настоящую минуту все это сомнительнѣе, нежели когда-либо. Онъ красивый, любезный, даровитый человѣкъ, но легкомысленный расточитель и эгоистъ, который не умѣлъ даже изъ любви къ тебѣ сдержать въ должныхъ границахъ свою склонность къ роскоши.

— О, какъ ты несправедливъ, отвѣтила она въ благородномъ негодованіи.—Именно любовь ко мнѣ и повела его къ поступкамъ, которые вовлекли его въ бѣду.

— Онъ что-то подобное напѣвалъ моему отцу и возвышенныя чувства твоего мужа разжалобили старика до слезъ. Но, признаюсь, это именно и возмутило меня. Я предполагалъ, что онъ долженъ-бы знать тебя лучше.

— И ты счелъ долгомъ съ обычной твоей рѣзкостью воспротивиться моему доброму старому дядѣ, когда тотъ обѣщалъ Рудольфу свою помощь. Злыми рѣчами ты достигъ того, что спасительная рука была отнята и мой мужъ долженъ былъ, нищимъ и одинокимъ, уйдти далеко, далеко.

— То есть, онъ просто-на-просто бѣжалъ, предоставивъ на произволъ судьбы свою жену и свою дочь.

— Свою дочь! О, Боже! зарыдала Клотильда.— Ей отецъ уже болѣе не нуженъ; она уснула вѣчнымъ сномъ.

— Какъ! ребенокъ умеръ? спросилъ онъ съ неподдѣльнымъ испугомъ. — Я ничего не зналъ объ этомъ. Я только сію минуту пріѣхалъ въ городъ и слышалъ только, что твой мужъ исчезъ. Я тотчасъ-же пришелъ къ тебѣ, чтобы предложить мою братскую помощь для распутыванія твоихъ дѣлъ.

— Благодарю тебя, холодно отвѣчала молодая женщина.—Я, насколько возможно было при теперешнемъ моемъ настроеніи, привела уже въ исполненіе нѣкоторыя письменныя указанія мужа и надѣюсь покончить дѣла безъ посторонней помощи.

Леонгардтъ молча сдѣлалъ натянутый поклонъ. Клотильда тоже молчала и смотрѣла разсѣянно впередъ. Наконецъ, молодой человѣкъ сказалъ мягкимъ голосомъ:

— При настоящемъ грустномъ положеніи твоихъ дѣлъ, Клотильда, пребываніе въ этомъ домѣ, на который кредиторы, разумѣется, наложатъ секвестръ, для тебя будетъ совершенно неумѣстно. Я предлагаю тебѣ, отъ имени моего отца, поселиться на его дачѣ и перевести туда твое имущество.

— Съ благодарностью отклоняю и это предложеніе, возразила она. — Мнѣ было-бы невозможно дышать въ томъ домѣ, изъ котораго мой мужъ, доведенный до крайности, былъ безжалостно изгнанъ.

На лицѣ Леонгардта снова появилось сильное нервное подергиваніе, но онъ смолчалъ.

— Послѣ того, какъ ты отрѣзалъ ему путь къ какой-бы то ни было помощи, ему удалось отсрочить главный вексель на недѣлю. Онъ хотѣлъ попробовать, не найдетъ-ли поддержки у одного пріятеля въ Гамбургѣ и въ ночь отправился туда. Но и это было тщетно; тому причиной неблагопріятныя времена, но не недостатокъ дружбы... И такъ, ему на родинѣ уже не оставалось никакой надежды избѣгнуть стыда. Несчастный сѣлъ на корабль, разлучившій меня съ нимъ на долгіе годы, не сказавъ мнѣ послѣдняго прости, не взглянувъ на меня въ послѣдній разъ.

Леонгардтъ съ ласковымъ участіемъ хотѣлъ взять ее за руку, но она отняла ее.

— Отсрочка истечетъ къ тому времени, какъ я передамъ землѣ своего ребенка, продолжала она съ неподражаемымъ присутствіемъ духа.— Тогда я предоставлю этотъ домъ кредиторамъ и сама съ помощью своихъ друзей буду искать работы въ Дрезденѣ.

— Понимаю, твой прекрасный голосъ... сказалъ Леонгардтъ мрачно.

Клотильда съ ужасомъ взглянула на него:

— И ты могъ подумать, что я, нося свое горе въ сердцѣ, была-бы въ состояніи пѣніемъ зарабатывать себѣ хлѣбъ! Нѣтъ, слава Богу, я училась кой-чему другому и познанія мои позаботятся обо мнѣ. Я возьму съ собой самыя необходимыя вещи. Все-же остальное, что я вправѣ назвать своей собственностью, я передамъ суду для удовлетворенія хотя частью нашихъ заимодавцевъ.

— Согласится-ли на это мой отецъ, какъ твой опекунъ, это еще вопросъ, возразилъ Леонгардтъ.

Клотильда поднялась съ мѣста и холодно сказала:

— Если ты сочтешь своею обязанностью противодѣйствовать и этому моему желанію, то я, по всей вѣроятности, буду не въ силахъ тебѣ въ этомъ препятствовать, но ты достигнешь только одного—годовой отсрочки.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Черезъ годъ я буду совершеннолѣтняя и освобожусь отъ всякаго опекунскаго стѣсненія; никто не будетъ имѣть права помѣшать мнѣ распорядиться отцовскимъ наслѣдствомъ по собственному моему усмотрѣнію.

При этихъ словахъ какое-то радостное сіяніе разлилось по ея прекрасному, печальному лицу.

— Теперь же, продолжала она,—дозволь мнѣ безъ помѣхи эти немногіе дни до похоронъ насмотрѣться еще на мое дитя.

— Я уважаю твою скорбь, сказалъ Леонгардтъ не безъ волненія,—и ухожу. Если тебѣ понадобится вѣрный другъ, то знай, что найдешь его всегда во мнѣ.

Онъ подалъ ей руку и въ сѣрыхъ глазахъ его сверкнулъ лучъ такой плотоядной страсти, что она съ отвращеніемъ опустила свои длинныя черныя рѣсницы. Тихо, едва слышно отвѣтила она на его прощальный привѣтъ и вздохнула изъ глубины облегченной груди, когда затворилась за нимъ дверь.

Въ тихій, ранній утренній часъ, уложила Клотильда свою малютку на вѣчный покой. Опираясь на свою вѣрную Ганну, возвратилась она съ своего крестнаго пути въ сопровожденіи своихъ слугъ и служанокъ и переступила порогъ дома; шаги ея гулко отдались въ пустыхъ покояхъ; жуть и дрожь охватили ее. Она подала руку каждому изъ провожатыхъ и сказала съ глубокимъ волненіемъ:

— Спасибо вамъ всѣмъ; вы любили мою бѣдную Катю; я не хотѣла, чтобы кто-нибудь, исключая васъ, провожалъ ее. А теперь, прощайте, будьте счастливы всѣ, прощайте навсегда!

Отпуская свою прислугу, она слышала плачъ уходящихъ. Всѣ любили ее за добрый и кроткій нравъ и спокойную твердость ея ровнаго характера; теперь она оставалась одна. По крайней мѣрѣ, она такъ думала. Ея взоръ опустился на пестрый коверъ, лежавшій у ея ногъ. Черныя мысли овладѣли ею. Но, поднявъ глаза, она увидала, что старая Ганна все еще стояла у двери, прислонясь къ притолкѣ и въ горькомъ молчаніи уставилась въ полъ.

— Ты еще не ушла?

— Нѣтъ, отвѣтила Ганна.

— Ганна, я очень хорошо знаю, что тебѣ отъ меня нужно. Ты хочешь сказать, что остаешься при мнѣ и не покинешь меня.

Старуха утвердительно кивнула головой.

— Но, милая моя, добрая Ганна, дозволить тебѣ остаться я не могу. Теперь у меня ничего нѣтъ, ровно-таки ничего, намъ вдвоемъ жить не чѣмъ; все, что я накопила отъ расходовъ на булавки, я у тебя-же на глазахъ раздала тѣмъ преданнымъ людямъ, которые у насъ служили; имъ тоже пришлось пострадать изъ-за нашего несчастія. Все мое теперешнее достояніе заключается только въ нѣсколькихъ талерахъ на путевыя издержки и прокормленіе себя на нѣсколько дней. Въ Дрезденѣ, я знаю, мнѣ удастся заработать себѣ хлѣбъ насущный, но держать прислугу—на это у меня средствъ не будетъ.

— А я-то куда дѣнусь, сударыня? отвѣтила старуха.—Что-жь мнѣ на старости лѣтъ, идти въ чужіе люди или оставаться подъ конецъ жизни совсѣмъ одной? Что-жь мнѣ одной, безъ единой души, которая бы меня любила, проѣдать всѣ эти деньги, которыя я нажила въ вашемъ домѣ и у покойныхъ родителей вашихъ? Это бы было просто жестоко, а я, кажется, не заслужила этого! прибавила она почти грубо.

— Ганна, добрая моя старуха! и ты хочешь терзать мое сердце?

Клотильда громко зарыдала.

— О, Господи, Создатель! Да Боже меня сохрани отъ этого; какъ бы я могла этого хотѣть! воскликнула старуха и, вынувъ платокъ изъ своего кармана, съ материнской нѣжностію стала утирать глаза плачущей.—Я, должно быть, ужь очень неловко приступила къ дѣлу, не гнѣвайтесь на меня, сударыня! Видите-ли, я вѣдь только хотѣла очень и очень просить васъ взять меня съ собой, куда бы вы ни поѣхали, и позволить мнѣ нанять себѣ горенку вблизи отъ васъ, чтобъ я могла проѣдать свои деньженки на вашихъ глазахъ. А въ случаѣ, если кто изъ насъ занеможетъ или вообще понадобится помощь, то другая тутъ-же—подъ рукой.

И старуха потупилась съ полнѣйшимъ смиреніемъ, точно сказала самую обыкновенную вещь въ мірѣ.

— Добрая моя Ганна, ужь я вижу, что мнѣ отъ тебя не отдѣлаться, сказала Клотильда и крѣпко обняла старуху.—Я знаю, что и впослѣдствіи ты ничьей чужой рукѣ не дозволишь оказывать мнѣ дружескихъ услугъ.

Она поцѣловала морщинистый лобъ вѣрной няни и, глубоко тронутая, вышла, предоставляя старушку ея дѣтской радости.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ Гюго.

Стих. Д. Ушакова.

Стоялъ у моря я; ночь звѣздная сверкала;
Морская глубь ее, волнуясь, отражала
И взоръ мой утопалъ въ невѣдомой дали;
А горы, и лѣса, и дремлющія дали
Неяснымъ шопотомъ, чуть слышно, лепетали
И слушали ихъ рѣчь небесные огни.

* * *

И хоръ блестящихъ звѣздъ, волшебный и спокойный,
Казалось мнѣ, шепталъ съ гармоніею стройной
Съ небесной вышины, безъ горя и тревогъ;
И волнъ морскихъ четы, что мчались на просторѣ,
Шептали тихо мнѣ, скрываясь въ темномъ морѣ:
— «Великъ Господь, всесиленъ Богъ!»..

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

При всѣхъ этихъ поминаньяхъ, особенно при похоронахъ, въ большей части Россіи полагается выть, голосить и причитать, а купцы для пущей важности нанимаютъ даже особыхъ плакальщицъ, но рядомъ съ этими обычаями въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что плакать о покойникѣ грѣхъ, что его можно затопить слезами и ему будетъ тяжело лежать въ землѣ. Рядомъ съ этими позднѣйшими представленіями до сихъ поръ держатся въ жизни остатки первобытныхъ вѣрованій и понятій о душахъ умершихъ. Блудящіе, болотные и могильные, вслѣдствіе фосфорическихъ испареній, огоньки считаются душами покойниковъ; въ одномъ мѣстѣ тамбовской губ.,

гдѣ обыкновенно хоронятъ самоубійцъ, души ихъ являются въ видѣ горящихъ свѣчей, въ пензенской губ. на могилѣ невинно повѣшеннаго теплилась по ночамъ свѣча, пока не совершили по немъ поминовенія. Въ Приднѣпровьѣ разсказываютъ о синихъ огняхъ, вспыхивающихъ на могилахъ и курганахъ и разводимыхъ русалками. «Смерть, разсказываютъ въ Малороссіи, жила пидъ землею, здоровецка хата уся була освичена свичками: дѣ яки з' ныхъ начыналы горити, дѣ яки догорувалы й погасалы». Пришелъ къ ней въ гости кумъ и сталъ разспрашивать про свѣчи; смерть отвѣчала: «каждый чоловикъ, якій тилько іе на свити, мае тутъ свою свичку; якъ винъ тилько родыцьця—свичка запалюетця, якъ свичка гасне — винъ умерае». — А гдѣ-жь моя свѣчка? спросилъ кумъ. Смерть указала ему догорающій остатокъ и когда тотъ сталъ молить, чтобы она удлинила его свѣчку, строго замѣтила ему: «чи памьятаешь, що ты мене узявъ за куму за то, що я живу по правди? чи уже-жъ съ той поры, якъ ты ставъ паномъ, тоби не мила правда». Блудящіе огни считаются еще за звѣзды, упавшія съ неба, но съ другой стороны во многихъ мѣстностяхъ звѣзды считаются душами человѣческими. Въ пермской губ. и во всей Сибири думаютъ, что сколько людей—столько и звѣздъ, что при рожденіи каждаго человѣка на небѣ появляется новая звѣзда, а при кончинѣ его падаетъ. Думаютъ еще, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, посланнаго за душею умирающаго человѣка, или считаютъ ее душею праведника, летящею въ рай; если успѣть пожелать что-нибудь, пока она еще не скрылась, то это желаніе дойдетъ до Бога и непремѣнно исполнится. Въ народной пѣснѣ смерть сравнивается съ паденіемъ звѣзды:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску яраго —
Не становится у насъ млада царевича.

Древнее представленіе души въ видѣ тѣни до сихъ поръ сохраняется въ разныхъ предразсудкахъ, напр., если въ сочельникъ, когда ѣдятъ кутью, не будетъ замѣтно чьей-нибудь тѣни, тотъ навѣрное скоро умретъ. Если осиновымъ коломъ прибить къ землѣ тѣнь колдуна, вѣдьмы или оборотня, то они потеряютъ свою силу и взмолятся о пощадѣ. Есть преданіе, какъ чортъ укралъ тѣнь одного человѣка и сколько выстрадалъ послѣдній, пока ему не удалось получить украденное обратно. Когда я былъ еще ребенкомъ, моя нянька, иркутская крестьянка, постоянно запрещала мнѣ смотрѣть на мою тѣнь: «будетъ худо». По мѣстамъ считаютъ вреднымъ для дѣтей смотрѣть и на свое отраженіе въ зеркалѣ (см. во вступленіи о душѣ). По мнѣнію раскольниковъ, зеркало отъ дьявола. Когда въ домѣ покойникъ—всѣ зеркала въ домѣ занавѣшиваются. Дикари обыкновенно ужасно боятся, если съ нихъ хотятъ снять портретъ, т. е., по ихъ понятіямъ, взять ихъ тѣнь, душу. На Руси еще не мало такихъ дикарей. Въ 1873 г. въ Бобровѣ, воронежской губерніи, одинъ купецъ увѣрялъ меня, что снимать съ себя фотографическія карточки — смертный грѣхъ: на страшномъ судѣ каждая изъ нихъ потребуетъ себѣ отъ снимавшагося души. Въ 1879 г. въ слободѣ Юрьевой, новгородскаго уѣзда, подобное-же мнѣніе высказалъ мнѣ одинъ зажиточный мастеровой, который, не смотря на всѣ просьбы родныхъ, низачто не хотѣлъ сниматься въ фотографіи, боясь умереть отъ этого. По суевѣрному преданію, члены масонскихъ ложъ оставляли въ нихъ свои портреты; въ случаѣ измѣны члена въ портретъ его стрѣляли изъ пистолета и онъ немедленно умиралъ. Первобытное представленіе души въ видѣ бабочки до сихъ поръ отчасти сохраняется въ ярославской губ., гдѣ мотылекъ называется душичкою, а въ херсонской губ. если не раздается заупокойная милостыня, то душа умершаго прилетаетъ къ роднымъ въ видѣ ночной бабочки и вьется вокругъ свѣчки; для успокоенія на другой-же день собираютъ и кормятъ нищихъ. Въ Бѣлоруссіи мотылекъ, прилетѣвшій во время поминокъ, считается посланцемъ умершаго, отправившаго его за обрѣзками своихъ ногтей. Въ Малороссіи послѣ похоронъ старухи, поставивъ на столъ медовую сыту, цѣлую ночь ждутъ прилета души покойника, являющейся въ видѣ мухи. Вообще душа летаетъ, имѣетъ крылья и чаще всего ее представляютъ себѣ птицею. Кулишъ приводитъ слѣдующій, записанный имъ разсказъ одной старухи о томъ, какъ она обмирала: «якъ прійшла вже мини година вмирати, то смерть и стала съ косою въ мене въ ногахъ. Якъ стала, то ноги такъ и похололи... Якъ замахне косою, то душа тилько пурхъ! такъ якъ пташка вилетила, та-й полетила по хати, и сила въ кутку на образи, пидъ самою стелею. А грихи стали на порози та-й не пускають души съ хати. Отъ я бачу, що никуди вийти; дивлюсь, ажъ викно отчинене. Я—пурхъ у викно! и пишла, пишла полемъ». Въ апрѣлѣ 1754 г. умеръ гофмейстеръ Чоглоковъ; въ окно спальни его жены влетѣла птица и сѣла около постели; Чоглокова сказала, что это прилетѣла душа ея мужа и разубѣдить ее въ этомъ никто не могъ. Въ уѣздахъ масальскомъ и жиздринскомъ, впродолженіи 6 недѣль послѣ чьей-нибудь смерти вывѣшиваютъ за окно полотенце и кладутъ на него хлѣбъ для души покойнаго, которая является въ видѣ какой-нибудь птицы. Въ похоронныхъ причитаньяхъ умершаго просятъ обыкновенно: «прилети хоть сизымъ голубемъ, хоть яснымъ соколомъ, хоть бѣлымъ лебедемъ, хоть кукушечкой прокукуй мнѣ свою волюшку». Большею частью душа является въ видѣ бѣлаго голубя. Когда, въ 1681 г., въ Москвѣ сожгли расколоучителей, дьякона Федора и трехъ другихъ, то души ихъ, по раскольничьему сказанію, взвились къ небу въ видѣ голубей. На Волыни дѣтскія души, слетая съ неба весною въ видѣ ласточекъ, коноплянокъ и другихъ пташекъ, садятся на деревьяхъ около избъ родителей и утѣшаютъ послѣднихъ своимъ пѣніемъ. Изъ этого-же вѣрованія вытекаетъ и суевѣрное отношеніе народа къ кукушкѣ, которая считается вѣщею. Къ ней, какъ къ жительницѣ загробнаго міра, обращаются съ разными вопросами о покойникахъ:

Мій-же ты таточку!
Якъ будуть садочки цвисты,
И буде зозуленька куковаты,
Я-жъ буду, мій таточку,
Зозуленьку пытаты:
Чи не бачила-жъ ты, зозуленько,
Мого батьку риднаго?

На семицкой недѣлѣ въ разныхъ мѣстахъ совершается обрядъ крещенія кукушекъ, напоминающій разсказъ лѣтописи, что въ 1044 г. «выгребоша два князя—Ярополка и Олега (умершихъ язычниками)—и крестиша кости ихъ». Женщины и дѣвицы, собравшись въ лѣсу, дѣлаютъ изъ лоскутьевъ и цвѣтовъ чучело кукушки, садятъ его на деревѣ и подвѣшиваютъ кресты или надѣваютъ крестикъ на чучело и поютъ: «кумушки-голубушки, кумитеся, любитеся, дарнтеся». Это и есть крещеніе кукушки. Кумушки обмѣниваются крестами и кольцами, а чучело раздѣляютъ между собою и хранятъ на память. Крестины сопровождаются пиромъ, необходимымъ блюдомъ котораго служитъ яичница. Смыслъ этого обряда поясняется вѣрованіемъ, что души младенцевъ, умершихъ некрещенными, до превращенія своего въ русалокъ и мавокъ, впродолженіи 7 лѣтъ летаютъ по воздуху и жалобно просятъ, чтобы ихъ окрестили. Кто услышитъ ихъ голосъ, долженъ сказать: «крещаю тебя, Иванъ-да-Марья, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа», послѣ чего онѣ возносятся на небо.

Представленіе души въ видѣ птицы вело за собою представленіе въ видѣ птицъ-же различныхъ духовъ и сливалось съ нимъ. Отсюда и всѣ суевѣрія о птицахъ. Голубь въ древности считался священнымъ воплощеніемъ души. Въ Москвѣ на нѣкоторыхъ улицахъ въ извѣстные дни старухи до сихъ поръ кормятъ голубей на деньги, сбираемыя съ проходящихъ. Стрѣлять и ѣсть голубей грѣхъ, караемый падежемъ скота. Если въ домѣ живутъ голуби, то приносятъ ему счастіе и избавляютъ отъ пожара; чтобы погасить пожаръ, слѣдуетъ бросить въ пламя бѣлаго голубя; напротивъ, голубь, влетѣвшій въ окно, предвѣщаетъ пожаръ. Тоже—лебедь и ласточка, эта божья птица, приносящая съ собою счастье дому, въ которомъ она вьетъ гнѣздо. За убійство ласточки преступника поражаютъ смерть, пожаръ или падежъ скота. Воробей — другое дѣло. Если влетитъ въ избу воробей, ему слѣдуетъ отвернуть голову, иначе — бѣда. Когда евреи искали Христа, чтобы распять, всѣ птицы старались отвести ихъ, одинъ только воробей своимъ чириканьемъ указалъ, гдѣ онъ находится. Когда начали мучить Христа, ласточки чирикали и голуби ворковали «умеръ, умеръ», а воробьи кричали «живъ, живъ», созывая жидовъ на новыя мучительства. Ласточки воровали гвозди, припасенные жидами для распятія, а воробьи отыскивали ихъ и приносили снова. Богъ за это проклялъ воробья и связалъ его ноги невидимыми путами, которыя дозволяютъ ему только прыгать, а не ходить. Въ Благовѣщенье изъ всѣхъ птицъ одинъ только безбожникъ воробей вьетъ гнѣздо. Такая-же проклятая птица сорока. Въ Москвѣ сорокъ нѣтъ потому, что когда бояринъ Кучка спрятался отъ своихъ убійцъ подъ кустомъ, то сорока выдала его и была имъ проклята. По другимъ преданіямъ, ее проклялъ митрополитъ Филиппъ за то, что она украла кусочекъ причастія. Воронъ еще хуже; подъ видомъ его часто появляется самъ чортъ. Пѣтухъ-же заклятый врагъ чорта. Древніе апокрифы разсказываютъ о громадномъ мифическомъ пѣтухѣ: «солнце течетъ на воздухѣ въ день, а въ нощи по окіяну ниско летитъ, не омочась, но токмо трижды омывается въ окіянѣ. Глаголетъ писаніе: есть куръ, ему-же глава до небеси, а море до колѣна; еда-же солнце омывается въ кіянѣ, тогда-же акіянъ всколебается и начнутъ волны кура бити по перью; онъ-же, очютивъ волны, и речетъ: кокореку! протолкуется: свѣтодавче Господи! дай-же свѣтъ мірови Еда-же то въспоетъ, и тогда всѣ кури воспоютъ въ единъ годъ (часъ) по всей вселеннѣй». Стихъ о голубиной книгѣ соединяетъ это сказаніе съ Стратимъ птицею:

Когда Стратимъ вострепещется
Во-второмъ часу послѣ полуночи,
Тогда запоютъ пѣтухи по всей земли,
Освѣтится въ тѣ поры вся земля.

Малороссы называютъ пѣтуха будиміромъ. Каждый вечеръ Богъ повелѣваетъ ангеламъ запирать небесныя ворота и нечистая сила разлетается по землѣ; послѣ-же полуночи повелѣвается отворить упомянутыя ворота и, услышавъ это, пѣтухи начинаютъ пѣть, пробуждая людей, а черти исчезаютъ. Крикъ пѣтуховъ служитъ знакомъ, что на небѣ звонятъ къ заутренѣ. По выраженію загадки, пѣтухъ «два раза родится, ни разу не крестится, а чортъ его боится». Постель и одежду покойника выносятъ на 3 дня въ курятникъ, чтобы пѣтухи опѣли. Если пѣтухъ поетъ раньше полуночи, значитъ, онъ видитъ чорта и хочетъ прогнать его. Больныхъ отъ испуга въ архангельской губ. лѣчатъ водою, въ которой выкупанъ пѣтухъ. Отъ лихорадки и желтухи обливаютъ подъ насѣстью, когда

КАРТИНА ОБЕРА.

Источникъ любви.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ по фотографіи Гупиля.

усядутся куры. Чтобы у ребенка легче прорѣзывались зубы, слѣдуетъ костяною или деревянною шпилькою проколоть гребень чернаго пѣтуха и кровью помазать десны. Пѣтухъ и курица употребляются для святочныхъ гаданій. Старый пѣтухъ можетъ снести яйцо и я помню, какъ однажды моя тетка, иркутская купчиха, найдя на дворѣ какую-то слизистую перепонку, сочла ее за пѣтушиное яйцо и закопала. Изъ этого яйца рождается огненный змѣй, стоитъ только колдуну поносить его подъ мышкою или закопать въ навозъ. Въ тѣсной связи съ этимъ куринымъ культомъ стоятъ яйца, играющія такую важную роль на пасхѣ, въ родительскій день, при крестинахъ русалокъ и т. д. Въ Вознесенье крестьяне ходятъ на поля, бросая вверхъ крашеныя яйца, чтобы рожь такъ-же высоко вознеслась, какъ они. Въ Юрьевъ день, выгоняя въ поле скотину, гладятъ лошадей по спинѣ пасхальнымъ яйцомъ, приговаривая: «какъ яичко чисто-гладко, такъ и моя лошадушка будь гладка и сыта». Чтобы волки не трогали скота, нужно обнести вокругъ пастбища первое яйцо, снесенное черною курицею и оставить его въ полѣ. Пожаръ можно потушить пасхальнымъ яйцомъ, брошеннымъ въ пламя.

Культъ родителей со всѣми его развѣтвленіями представляетъ ихъ существами, расположенными къ ихъ живымъ родичамъ; но даже родной мертвецъ производитъ на живыхъ нѣкоторый страхъ, тѣмъ болѣе чужой мертвецъ, особенно недобрый человѣкъ, колдунъ какой-нибудь. Мертвецъ представляется отчасти чѣмъ-то близкимъ къ нечистой силѣ. У насъ вѣрятъ, что воры нагоняютъ на хозяевъ мертвецкій сонъ, осѣняя ихъ отрѣзанною у мертвеца рукою, или зажигая свѣчу, сдѣланную изъ сала покойника. Особенно ужасны упыри, эти выходящіе изъ могилъ покойники, высасывающіе кровь изъ людей и служащіе отголоскомъ преданій о древнемъ людоѣдствѣ. Въ Сибири упырей называютъ еретиками. Они производятъ засухи и неурожаи, насылаютъ морозы, ѣдятъ дѣтей. Въ XVI в. Максимъ Грекъ вооружался противъ обычая выкапывать изъ могилъ трупы самоубійцъ и опоицъ, чтобы они не произвели неурожая: «кій отвѣтъ сотворимъ (говоритъ онъ) въ день судный, тѣлеса утопленныхъ или убіенныхъ и поверженныхъ не сподобляюще я погребанію, но на поле извлекше ихъ, отыняемъ коліемъ, и еже беззаконнѣйше и богомерзко есть, яко аще случится въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣяти и сими садимая и сѣемая нами не преспѣваютъ на лучшее, оставивше молитися содѣтелю и строителю всѣхъ... аще увѣмы нѣкоего утопленаго или убитаго неидавна погребена... раскопаемъ оканнаго и извержемъ его нѣгдѣ далѣ и непогребена покинемъ... по нашему по премногу безумію виновно стужи мняще быти погребеніе его». Когда послѣ убійства Дмитрія Самозванца настали въ маѣ мѣсяцѣ холода, трупъ его вырыли и сожгли, а пепелъ развѣяли пушечнымъ выстрѣломъ. Даже въ настоящее время бываютъ случаи, что во время засухъ крестьяне выкапываютъ изъ могилъ трупъ опоицы и топятъ его въ озерѣ или болотѣ. Во время засухи 1868 г. въ таращанскомъ уѣздѣ крестьяне села Тихаго Хутора разрыли могилу умершаго за нѣсколько мѣсяцевъ раскольника, вскрыли гробъ и, приподнявъ трупъ, начали поливать его водой и бить по черепу, приговаривая «подавай дождя», затѣмъ закопали снова. Въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ съ той-же цѣлью въ могилы заподозрѣнныхъ мертвецовъ лили воду цѣлыми бочками. Лучшее средство противъ упыря— вбить ему въ спину между лопатками осиновый колъ. «Привезли (говоритъ сказка) осиновыя дрова на кладбище, свалили въ кучу, вытащили колдуна изъ могилы, положили на костеръ и зажгли; а кругомъ народъ обступилъ—всѣ съ метлами, лопатами, кочергами. Костеръ облился пламенемъ, началъ и колдунъ горѣть; утроба его лопнула и полѣзли оттуда змѣи, черви и разные гады, и полетѣли оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьютъ ихъ да въ огонь бросаютъ», чтобы и въ червякѣ не могъ ускользнуть волшебникъ отъ заслуженной имъ кары.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ міра русскаго искуства.

Диллетанта.

Академическая выставка.

Нельзя не пожалѣть, что г. Якобій на этотъ разъ выступилъ не съ настоящей законченной картиной, а скорѣе съ этюдами и эскизами, привезенными имъ изъ его путешествія по Испаніи и Гренадѣ. Тѣмъ не менѣе, и то, что выставилъ талантливый художникъ, очень интересно и талантливо. «Полдень въ Гренадѣ», «Свиданіе» (Тангеръ), «Нищіе въ Тангерѣ»—знакомятъ насъ съ южной, африканской природой, съ мало или почти совершенно незнакомой намъ по произведеніямъ нашихъ художниковъ. По странному стеченію обстоятельствъ наши художники, эксплоатируя природу Италіи втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ съ рвеніемъ достойнымъ лучшаго дѣла, никогда не заглядываютъ, не говоря уже объ Африкѣ, но даже и въ Испанію; а между тѣмъ южная природа во всемъ своемъ чарующемъ блескѣ развертывается только тамъ. Къ тому-же, какой-нибудь Мароко, Тангеръ, или мало извѣстные уголки Испаніи представляютъ такое разнообразіе южныхъ типовъ, о которыхъ не можетъ дать ни малѣйшаго понятія Италія, почему-то особенно излюбленная нашими художниками. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать съ особеннымъ удовольствіемъ г. Якобія, который рѣшился оставить торныя дорожки и искать матеріаловъ для своего художественнаго наблюденія тамъ, гдѣ не искали ихъ пока не только наши, но даже и иностранные художники. Уже изъ того, что на этотъ разъ г. Якобій выставилъ, можно догадаться, какъ богатъ этотъ матеріалъ; жаль только, что талантливый художникъ ограничился пока простыми этюдами и не произвелъ ничего болѣе самостоятельнаго и цѣльнаго; Испанія съ ея роскошными мавританскими постройками, съ ея поэтическими легендами даетъ широкое поле художнику и мы надѣемся, что въ слѣдующую поѣздку туда г. Якобій не ограничится этюдами. Изъ выставленныхъ теперь этюдовъ, «Нищіе въ Тангерѣ»—очень хорошъ по типамъ, а «Полдень въ Гренадѣ» и «Свиданіе»— превосходны по эфектному освѣщенію.

Большая картина професора Венига «Самозванецъ» удостоилась чести особаго помѣщенія; она поставлена въ такъ называемой гобеленовой залѣ совершенно отдѣльно. Было-бы совершенно излишне распространяться о достоинствахъ живописи г. Венига: они достаточно хорошо извѣстны, также какъ и его недостатки. Его «Самозванецъ» не прибавляетъ ничего къ тому, что уже извѣстно. Тѣмъ не менѣе, какъ о композиціи, такъ и объ исполненіи слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что, отчасти благодаря сюжету, картина эта обращаетъ на себя вниманіе. Художникъ выбралъ сюжетомъ своей картины послѣднія минуты жизни Самозванца. Басмановъ, схвативъ Самозванца за руку, указываетъ ему въ окно на разъяренную толпу. Вдали, на послѣднемъ планѣ, съ правой стороны картины Марина съ ужасомъ выглядываетъ на эту сцену изъ-за двери. По композиціи картина неудачна и плохо сгруппирована. Басмановъ, вытянувъ одну руку и указывая въ окно, схвативъ другой рукой, опущенной внизъ, также опущенную руку Самозванца, находится въ полной симетріи съ фигурой Самозванца, который, выдвинувъ одну ногу впередъ, также какъ и Басмановъ, отодвинулъ другую руку назадъ. Эта симетрія двухъ фигуръ, искуственно и неестественно поставленныхъ, непріятно рѣжетъ глазъ и придаетъ нѣкоторую сухость, которую можно было-бы избѣжать при другой, болѣе правдивой групировкѣ. Не только групировка этихъ фигуръ неестественна, но и каждая фигура, взятая отдѣльно, чрезвычайно театральна. Не менѣе театральна и Марина Мнишекъ: съ раскрытою грудью, съ лицомъ леди Макбетъ, въ позѣ трагической героини на подмосткахъ,—Марина Мнишекъ составляетъ уже совершенно неудачную фигуру. Лицо Самозванца, хотя на немъ и отражается страхъ, также неудачно: оно прежде всего мало похоже на извѣстные намъ портреты Самозванца, а во вторыхъ—плохо написано, грубо и не колоритно. Бархатъ драпировокъ, шелковая рубашка Самозванца, бархатный зеленый кафтанъ Басманова, сапоги какъ того, такъ и другого, коверъ, опрокинутый столъ, написаны, можно сказать, превосходно, даже слишкомъ хорошо, такъ что желательно было-бы со стороны художника и въ этомъ отношеніи меньшаго прилежанія; прекрасная отдѣлка этихъ аксесуаровъ еще болѣе обнаруживаетъ недостатки самой композиціи и кромѣ того она неудачна по другой причинѣ: глядя на этотъ бархатъ, шелкъ, лоснящіеся сапоги, коверъ, кажется, что они только-что вышли изъ фабрики и блестятъ своей новизной; все такъ чисто, блестяще, ново, безъ малѣйшей пылинки, что, удивляясь искуству художника, его терпѣнію, невольно удивляешься въ тоже время и недостатку его вкуса, который одѣлъ Басманова и Самозванца въ новые кафтанъ и рубашку, надѣлъ на нихъ лоснящіеся, столь-же новые сапоги, поставилъ ихъ въ театральныя позы и позабылъ не только о психологической правдѣ, но даже и о томъ простомъ обстоятельствѣ, что ни Самозванцу, ни Басманову некогда было наряжаться въ нарядные костюмы, о которыхъ они, по всей вѣроятности, совершенно и не думали. Въ цѣломъ картина неудачна, условна, академична, театральна и производитъ анти-художественное впечатлѣніе; но за то это единственная картина исторической живописи на академической выставкѣ.

Я, право, затрудняюсь сказать, къ какому роду живописи слѣдуетъ отнести изумительныя картины г. Добровольскаго. На одной изъ нихъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный художникъ изобразилъ «Берегъ Финскаго залива послѣ разлитія воды». Въ этой картинѣ все необыкновенно изумительно: и вода, и небо, и деревья, и корни деревьевъ, и почва. Такой природы и такихъ предметовъ, несомнѣнно, не видалъ еще ни одинъ смертный, за исключеніемъ г. Добровольскаго, за что онъ, конечно, попадетъ въ безсмертные художники. Въ особенности я совѣтую обратить вниманіе на почву и на корни, представляющіе собой... впрочемъ, я, право, не знаю, что они представляютъ собой и отказываюсь вслѣдствіе этого отъ дальнѣйшаго описанія этого замѣчательнаго произведенія. Въ другой картинѣ г. Добровольскій изображаетъ намъ Петра Великаго послѣ первой побѣды надъ шведами при устьяхъ Невы. «Лирическій мотивъ» заимствованъ изъ романа г. Мордовцева «Царь и гетманъ». Признаюсь, что этого достопримѣчательнаго романа я не читалъ и поэтому не могу сказать насколько «лирическій мотивъ»

заимствованъ вѣрно, но для меня несомнѣнно, что г. Добровольскій обезсмертилъ г. Мордовцева. Петръ стоитъ на берегу Невы и смотритъ, но не на Неву, а куда-то въ даль, или скорѣе въ небо, съ какимъ-то истинно «лирическимъ» выраженіемъ глазъ, и даже можно сказать, со свирѣпостью, вѣроятно, мысленно повторяя стихъ Пушкина: «На берегу пустынныхъ волнъ, стоялъ онъ думъ великихъ полнъ и въ даль глядѣлъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ; передъ нимъ «широко» несется «волна» и «утлый челнъ (или барки, или корабль, или ялики,—хорошенько не знаю) по ней стремится одиноко». Смысла всего этого «лирическаго мотива» я, конечно, сообразить не могъ, но исполняя заповѣдь Христа: «люби ближняго, какъ самого себя», я бы посовѣтовалъ г. Добровольскому не только навсегда покинуть «лирическіе мотивы» и пейзажи съ сверхъестественными корнями, но даже совершенно забыть о существованіи красокъ, кистей и вообще живописи и обратиться къ болѣе подходящимъ его талантамъ занятіямъ. Г. Добровольскій напомнилъ мнѣ о томъ, что на академической выставкѣ есть нѣсколько залъ, спеціально посвященныхъ произведеніямъ «удивительныхъ» художниковъ; это своего рода «exposition des refusés»; я только не понимаю, почему эти refusés удостоились чести фигурировать на академической выставкѣ. Снисходительность и свобода, конечно, вещи прекрасныя, но все имѣетъ свои границы; при пріемѣ картинъ на выставку долженъ-же быть хотя кое-какой контроль, положимъ, снисходительный, но все-таки требующій отъ выставляемаго произведенія если не таланта, не манеры, то, по крайней мѣрѣ, хотя умѣнія держать кисть и умѣнія обращаться съ красками. Вѣдь нельзя-же заставлять публику смотрѣть на вещи, которыя не только не имѣютъ ничего общаго съ искуствомъ, но представляютъ собою что-то, во всякомъ случаѣ, совершенно неподобное и невѣроятное. А между тѣмъ такихъ «вещей» кромѣ «произведеній» г. Добровольскаго на академической выставкѣ находится нѣсколько десятковъ. Тутъ есть и г. Колесовъ съ совершенно невозможными портретами, и Филиповъ, и Свириденко, Брянскій, Билибинъ, Сергѣевъ, Allieri, Жуковъ, Жадовская, Кандопуло, Фитинговъ, тутъ есть и многіе другіе, вмѣстѣ съ нѣсколькими «картинами» неизвѣстнаго художника, долженствующими уничтожить собою «Слово о полку Игоревѣ»,—вообще, тутъ есть бѣлыя птицы на черномъ небѣ, деревья всѣхъ цвѣтовъ, по преимуществу красныя и лиловыя, да и вообще тутъ есть чортъ знаетъ что.

Къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ слѣдуетъ во всякомъ случаѣ отнести пейзажъ. Наша пейзажная живопись, можно сказать, развивается не по днямъ, а по часамъ. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ кромѣ неудачныхъ попытокъ и подражательности нашъ пейзажъ не существовалъ, а теперь, не смотря на несовершенства, нѣкоторую односторонность, не смотря на бѣдность русской природы, нашъ пейзажъ представляетъ наиболѣе живую сторону русскаго искуства. Тутъ виденъ и талантъ, и несомнѣнная самостоятельность, и чувство природы, и оригинальный пріемъ. Однимъ словомъ, у насъ есть «школа» пейзажа, что уже одно заставляетъ полагать большія надежды на будущее. Было-бы, однакожь, ошибочно думать, что нашъ пейзажъ даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ лишенъ крупныхъ недостатковъ. Всѣ наши пейзажисты (за исключеніемъ, можетъ быть, Шишкина) чрезвычайно односторонни и съ какою-то упрямою настойчивостью всегда и вездѣ бьютъ на свѣтовые, исключительные эфекты. Въ этомъ отношеніи вліяніе Куинджи было очень вредно. Наши пейзажисты, увлекшись небывалымъ успѣхомъ Куинджи, и вздумавшіе идти по его слѣдамъ, забыли, что всякое подражаніе вредно отзывается на самостоятельности таланта и что кромѣ всего этого Куинджи принадлежитъ къ такому роду талантовъ, которымъ менѣе всего можно и слѣдуетъ подражать. Странные и исключительные эфекты хороши у Куинджи потому, что тутъ, въ этой узкой области пейзажа, онъ несомнѣнный мастеръ и поэтъ; но подражаніе этимъ эфектамъ, даже при талантѣ, всегда будетъ искуственно, фальшиво. Къ несчастью, успѣхъ Куинджи вскружилъ голову нашимъ пейзажистамъ и всѣ они стали подражать ему. До какихъ невозможныхъ результатовъ дошло это подражаніе можно наглядно видѣть въ залахъ, гдѣ пріютились наши refusés, о которыхъ я сказалъ уже нѣсколько словъ. Въ этомъ отношеніи наши refusés могутъ принести несомнѣнную пользу русскому искуству. Всякій пейзажистъ, мало-мальски талантливый, мало-мальски заботящійся о своемъ талантѣ, мало-мальски уважающій свое собственное искуство, взглянувъ на пейзажи нашихъ refusés, долженъ придти въ нѣкоторое смущеніе, замѣтивъ, къ какимъ конечнымъ результатамъ полнѣйшаго безобразія дошло подражаніе Куинджи всякою бездарностью...

Изъ молодыхъ пейзажистовъ г. Крачковскій въ сравнительно короткое время пріобрѣлъ нѣчто въ родѣ извѣстности. Въ его первыхъ работахъ усмотрѣнъ былъ талантъ, а его «Лѣсъ» далъ даже ему право отправиться заграницу на казенный счетъ. Я долженъ, однакожь, замѣтить, что талантъ г. Крачковскаго былъ значительно преувеличенъ. Его «Лѣсъ» довольно баналенъ по композиціи и плохо написанъ. Его «Ивы» лучше, но немногимъ; «Закатъ» уже обнаруживаетъ желаніе подражать Куинджи. О г. Клеверѣ новаго ничего не приходится сказать: онъ по-прежнему эксплоатируетъ свой вѣчный мотивъ—снѣгъ, зима, голыя деревья, красный закатъ. На эту тему онъ выставилъ нѣсколько пейзажей, изъ которыхъ одни похуже, другіе—получше, но всѣ, безъ исключенія всѣ, страдаютъ необыкновеннымъ однообразіемъ зимняго пейзажа съ голыми деревьями и краснымъ закатомъ. Г. Клеверъ, несомнѣнно, талантливый художникъ, но, ограничиваясь только этимъ мотивомъ, онъ непремѣнно убьетъ свой талантъ и сдѣлается самымъ банальнымъ пейзажистомъ.

Самые талантливые пейзажи, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ г. Орловскому. На нынѣшней академической выставкѣ г. Орловскій своими картинами занимаетъ первое мѣсто. Свѣтовый эфектъ, о которомъ я говорилъ, существуетъ и у г. Орловскаго, но г. Орловскій, по крайней мѣрѣ, умѣетъ съ нимъ справиться и эфектъ этотъ, во всякомъ случаѣ, появляется у него простымъ подражаніемъ Куинджи; онъ его чувствуетъ и поэтому передаетъ его талантливо. Съ его «Ручьемъ» (мотивъ изъ Кисловодска) читатели «Живописнаго Обозрѣнія» уже знакомы. Его «Жнитво»—превосходно во всѣхъ отношеніяхъ; менѣе удаченъ, по моему мнѣнію, пейзажъ «Надъ потокомъ»; за то «Разливъ»—одинъ изъ лучшихъ пейзажей не только настоящей выставки, но и вообще и послѣднихъ лѣтъ.

О гг. Лагоріо и Мещерскомъ считаю не нужнымъ распространяться. Каждый выставилъ нѣсколько пейзажей, между которыми есть очень талантливыя и интересныя вещи. Но, какъ г. Лагоріо, такъ и г. Мещерскій, слишкомъ хорошо извѣстны публикѣ. Оба они принадлежатъ къ прежней школѣ слишкомъ большой условности въ пейзажѣ; оба они иногда прикрашиваютъ природу, сочиняютъ групы, эфекты, красивые ландшафты, иногда слишкомъ отдѣлываютъ свои картины, вслѣдствіе чего ихъ природа нѣсколько свинцова и мало похожа на дѣйствительную, иногда грубую природу. На г. Мещерскомъ видны вліяніе и манера его знаменитаго учителя Калама. Съ нѣкоторыми изъ пейзажей г. Мещерскаго мы еще надѣемся познакомить нашихъ читателей.

Изъ прошлаго и настоящаго Америки.

Ст. Н. В. Шелгунова.

(Продолженіе.)

Задумавъ составить конституцію, американцы искали образцовъ и примѣровъ въ европейскихъ учрежденіяхъ. Лучшимъ примѣромъ, составлявшимъ тогда предметъ удивленія, могла служить Голандія, политическими идеями которой и воспользовались американцы. Голандія была маленькой землицей съ населеніемъ въ два миліона, которая, не смотря на это, владѣла колоніями индѣйскаго архипелага, населенными болѣе, чѣмъ пятидесятью миліонами. Въ маломъ видѣ Голандія была тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась потомъ Англія, взявшая голандскую конституцію за образецъ.

Голандскую конфедерацію превозносилъ Монтескье и потому понятно, что американцы обратили на нее вниманіе, какъ на единственный образчикъ, достойный изученія и подражанія. Голандія состояла изъ семи независимыхъ провинцій и общіе интересы разрѣшались сеймомъ. Когда приходилось разрѣшать какой-нибудь общій вопросъ, каждая провинція посылала въ сеймъ своихъ депутатовъ и каждая изъ нихъ имѣла на сеймѣ лишь одинъ голосъ. При кажущейся простотѣ голандскій порядокъ былъ сложенъ. Каждая провинція пользовалась полною независимостью и ея депутаты не имѣли права окончательнаго рѣшенія. Являясь на сеймъ какъ-бы посланцами, депутаты, обсудивъ какой-либо общій вопросъ, представляли его на утвержденіе своихъ штатовъ. Если при этомъ представлялся такой случай, что штаты были несогласны, то для разъясненія недоразумѣній и для соглашенія спрашивалось мнѣніе отдѣльныхъ городовъ, которые были тоже независимы. Этотъ сложный и медленный механизмъ имѣлъ большое неудобство въ дѣлахъ, требовавшихъ быстраго рѣшенія. Удобный для мира, онъ былъ неудобенъ для войны, и вотъ, въ случаѣ объявленія войны, штатгальтеръ, т. е., глава арміи, облекался диктаторскою властью и во все время войны управлялъ дѣлами республики, насколько они имѣли отношеніе къ военнымъ обстоятельствамъ. Это-же самое повторила и Америка, поручивъ диктаторскую власть Вашингтону. Но диктаторская власть вещь очень опасная, какъ и всякая привычка властвовать. Поэтому, вручая военную власть штатгальтеру, голандцамъ всегда приходилось думать о томъ, какъ лишить штатгальтера той самой власти, которую ему дали. Примѣры подобнаго патріотизма и любви къ свободѣ, которые представляетъ Вашингтонъ, не могутъ служить основаніемъ при составленіи конституціи. Слѣдовательно, нужно было разсчитывать не на исключеніе, а на установленіе такихъ порядковъ, при которыхъ и не потребовались-бы исключенія. Опытъ войны научилъ американцевъ, что къ атрибутамъ центральной власти должны быть причислены внѣшнее представительство, армія, флотъ и финансы. Что-же касается до дѣлъ внутреннихъ, то каждому штату казалось, что онъ не нуждается ни въ чьемъ руководительствѣ и можетъ очень хорошо управляться самъ собою. Отдѣльные штаты ревниво относились къ своей независимости и боялись, чтобы, опираясь на иную власть, не очутиться совсѣмъ въ рукахъ этой власти. Еще больше они боялись, чтобы при столкновеніи малень-

каго штата съ большимъ не случилось-бы, что большой штатъ проглотитъ маленькій. Противъ этой боязни Франклинъ со своей обыкновенной манерой сослался на Шотландію и Англію. «Когда, въ правленіе королевы Анны, говорилъ онъ,—захотѣли присоединить Шотландію къ Англіи, шотландцы стали жаловаться, что уничтожаютъ ихъ независимость, говорили, что китъ поглотитъ Іону. Вышло совершенно противное. Шотландцевъ встрѣтишь повсюду, это самые дѣятельные люди въ Великобританіи и оказывается, что Іона поглотилъ кита». Но Америка не желала быть ни китомъ, ни Іоной. Вопросъ заключался въ томъ, какимъ образомъ каждому штату сохранить свою независимость и чтобы въ тоже время союзъ имѣлъ-бы сильную центральную власть, которая могла бы обезпечить за нимъ политическое могущество и гарантировать свободу и процвѣтаніе. Въ Америкѣ господствовало два мнѣнія. Одни стояли преимущественно за независимость штатовъ и, слѣдовательно, за федеративность, другіе-же желали образовать сильный союзъ, который-бы концентрировалъ въ себѣ интересы отдѣльныхъ штатовъ. «Если вы хотите сохранить независимость каждаго штата въ отдѣльности, говорилъ Гамильтонъ,—то вотъ что будетъ съ вами: штаты раздѣлятся, потребуются границы: мы сдѣлаемся такою-же раздробленною страною, какъ Германія; потребуются тяжелые налоги для содержанія армій, устройства крѣпостей, пріобрѣтенія военныхъ кораблей. Если-же на этомъ обширномъ материкѣ мы устроимъ центральное правительство, то можемъ существовать съ незначительной арміей и основать самую громадную республику, когда либо существовавшую въ свѣтѣ». Но какъ-же согласовать сильное правительство, не нарушая самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ? Американцы необыкновенно удачно разрѣшили этотъ вопросъ. Они очень хорошо поняли, что разсуждать, обсуживать, составлять законы можетъ лучше всего собраніе, но исполнять эти законы и дѣйствовать можетъ лучше отдѣльное лицо. Слѣдовательно, хорошо организованная исполнительная власть должна соединяться въ одномъ лицѣ. И вотъ американцы ввѣряютъ исполнительную власть президенту, а за неимѣніемъ его—вице-президенту. Вице-президентъ въ Америкѣ есть не болѣе, какъ лицо подставное; онъ даже не членъ президентскаго кабинета; онъ только предсѣдатель сената. Весьма важный вопросъ при этомъ заключался въ срокѣ президентства. Если назначить короткій срокъ, то президентъ могъ недостаточно познакомиться съ дѣлами, а при длинномъ срокѣ онъ могъ настолько привыкнуть къ власти, что затѣмъ могъ и не пожелать разстаться съ нею. Ясно, какая опасность могла произойдти въ послѣднемъ случаѣ. Пожизненное президентство, предложенное консерваторами, какъ идея аристократическая, было отвергнуто съ перваго-же раза. Затѣмъ явилось предложеніе о семилѣтнемъ срокѣ съ запрещеніемъ вторичнаго выбора. Но и это предложеніе не было принято. Наконецъ, американцы остановились на четырехлѣтнемъ срокѣ съ правомъ на повторительное избраніе. Противъ вторичнаго избранія былъ постоянно Вашингтонъ, хотя оно и допущено конституціей. Вашингтону казалось, что президентъ, занятый мыслью о вторичномъ избраніи, будетъ думать больше о себѣ, чѣмъ о дѣлахъ союза. Одного мнѣнія съ Вашингтономъ былъ и Джеферсонъ. Но когда послѣ перваго срока избранія Вашингтону должно было оставить президентство, американскій союзъ находился еще въ такомъ незакрѣпшемъ состояніи, что въ интересахъ республики и ея свободы тотъ-же самый Джеферсонъ просилъ Вашингтона принять вторично избраніе. Вашингтонъ принялъ его, но по окончаніи восьми лѣтъ президентства онъ рѣшительно отказался отъ третьяго выбора и его примѣръ сталъ обычаемъ, котораго съ тѣхъ поръ никто не осмѣлился нарушить. Чтобы быть избраннымъ въ президенты или въ вице-президенты, нужно быть американскимъ гражданиномъ по рожденію, быть не моложе 35 лѣтъ и имѣть жительство въ Соединенныхъ Штатахъ не менѣе четырнадцати лѣтъ. Затѣмъ ни слова не говорится ни о религіи, ни о состояніи, ни о цензѣ и вообще ни объ одномъ изъ внѣшнихъ условій и положеній.

Не менѣе важный вопросъ заключался въ томъ, кому предоставить право выбора. Если предоставить это право народной массѣ, то уже не говоря про избирательную лихорадку и крайнее возбужденіе умовъ при выборахъ, подобный порядокъ можетъ имѣть еще двѣ опасныя стороны. Съ одной стороны очень опасно приводить народъ въ энтузіазмъ однимъ какимъ-нибудь именемъ, а съ другой—президентъ, выбранный непосредственно народомъ, можетъ слишкомъ преувеличенно смотрѣть на себя.

Если-же предоставить выборы палатѣ народныхъ представителей, то это значитъ придать выборамъ кружковый характеръ и создать возможность всякихъ интригъ, стачекъ, а слѣдовательно, и умалить достоинство исполнительной власти. Чтобы избѣгнуть этого, американцы придумали такой порядокъ. Президентъ выбирается избирателями, назначенными спеціально для этого избранія, и каждый штатъ имѣетъ столько президентскихъ избирателей, сколько посылаетъ депутатовъ и сенаторовъ въ союзный конгресъ. Этимъ простымъ разрѣшеніемъ вопроса каждый штатъ имѣетъ на выборъ президента такое-же вліяніе, какое онъ имѣетъ на общественныя дѣла. Впрочемъ, съ теченіемъ времени этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился и американская демократія пожелала имѣть болѣе дѣятельное вліяніе при выборѣ президента. Объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Содержаніе президента составляло не менѣе важный вопросъ. Экономическая независимость представителя власти даетъ ему всегда больше свободы дѣйствій и придаетъ его власти большій ореолъ. Поэтому президенту штатовъ было назначено постоянное жалованье и пользованіе президентскимъ дворцомъ. Нормой жалованья былъ назначенъ расходъ Вашингтона во время его президентства или 25,000 доларовъ. Цифра эта настолько недостаточна, что, напримѣръ, Джеферсонъ разорился во время президентства и долженъ былъ разыграть въ лотерею свою библіотеку. Послѣ отставки президенту тоже не дается никакого пособія и, возвращаясь къ частной жизни, онъ становится лицомъ безъизвѣстнымъ.

Наиболѣе любопытную особенность американской конституціи, особенность, совершенно неизвѣстную на континентѣ Европы, составляетъ судебная власть. Только одни американцы сдѣлали изъ нея политическую силу. Вездѣ въ конституціонныхъ правительствахъ верховное толкованіе конституціи принадлежитъ парламенту. Парламентъ, издавая законъ, дѣлаетъ его и конституціоннымъ закономъ. Но если-бы парламентъ вздумалъ издать законъ, противный конституціи, кто ему напомнитъ объ этомъ? Предположите, что по конституціи свобода лица считается неприкосновенной и что виновный судится судомъ присяжныхъ. Но вотъ, какъ нынче въ Германіи, необыкновенныя обстоятельства вызываютъ берлинское военное положеніе, или какъ это было во Франціи, открываются комисіи военныхъ судовъ. Если-бы гражданинъ вздумалъ ссылаться на конституцію, то, конечно, эти ссылки не привели-бы ни къ чему. Въ Америкѣ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло о конституціи, недоразумѣнія рѣшаются федеральнымъ судомъ. Онъ не образуетъ собою суда касаціоннаго, а является спеціальнымъ судомъ, разрѣшающимъ данное недоразумѣніе. Тотъ-же федеральный судъ рѣшаетъ недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть между законами отдѣльныхъ штатовъ и законами союза. Положимъ, что какой-нибудь штатъ издалъ-бы законъ о долгахъ. Если этотъ законъ несогласенъ съ закономъ конгреса, онъ теряетъ свою силу. Во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ федеральный судъ поддерживаетъ достоинство конгреса и верховную власть народа.

Такимъ-же образомъ федеральный судъ поддерживаетъ и права гражданъ. Если-бы полиція вздумала требовать отъ гражданъ исполненія того, что не повелѣваетъ законъ, то судъ рѣшаетъ дѣло въ пользу гражданъ и противъ полиціи.

Когда конституція американскихъ штатовъ была готова, она возбудила много споровъ между членами собранія и много было высказано за и противъ нея, прежде чѣмъ составители ее подписали. Чтобы склонить всѣхъ на согласіе, требовалось, чтобъ явился голосъ, который могъ бы увлечь всѣхъ. Голосъ этотъ принадлежалъ Рандольфу. Конецъ его рѣчи, увлекшій собраніе, полонъ силы и увлекательнаго краснорѣчія. «Я трудился, сказалъ онъ, — чтобъ сохранить нашъ якорь спасенія. Я, какъ въ Бога, вѣрую въ то, что наша политическая безопасность, наше счастье и наше существованіе въ качествѣ націи зависитъ отъ союза штатовъ. Безъ этого союза народъ Виргиніи также, какъ народъ другихъ штатовъ, подвергнется невыразимымъ бѣдствіямъ, производимымъ раздорами, мятежами, смутами, войною и кровопролитіемъ... Не допустимъ, чтобы исторія сказала потомству, что для установленія правительства у американцевъ не достало мудрости и добродѣтели... Ловите настоящій часъ, хватайтесь за него съ жадностью... Если союзъ погибнетъ теперь,—онъ никогда не воскреснетъ. Когда я взвѣшиваю выгоды союза и ужасныя послѣдствія разъединенія, когда я вижу съ одной стороны безчестіе, а съ другой уничтоженіе народнаго величія и благоденствія, я не могу колебаться—я подаю голосъ за конституцію...»

Разсказываютъ, что во время подписанія конституціи, Франклинъ устремилъ взглядъ на картину, висѣвшую позади кресла президента. На этой картинѣ было очень плохо нарисовано солнце. Франклинъ, указавъ окружавшимъ его на картину, сказалъ: «Художники рисуютъ солнце обыкновенно такъ, что трудно отличить восходъ отъ заката. Сколько разъ во время этой сессіи, въ переходахъ отъ страха къ надеждѣ, я смотрѣлъ на эту картину и не могъ опредѣлить, былъ-ли это восходъ или закатъ солнца. Теперь я вижу, что это солнце не заходящее, а восходящее».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

А. Н. Островскій.

Критическій этюдъ **В. А. Пинчука.**

(*Продолженіе.*)

II.

«Основываясь на драматическихъ произведеніяхъ Островскаго, Добролюбовъ показалъ намъ въ русской семьѣ то «темное царство», въ которомъ вянутъ умственныя способности и истощаются свѣжія силы нашихъ молодыхъ поколѣній», такъ начинаетъ свою статью «Мотивы русской драмы» Писаревъ. Вся эта статья покойнаго Писарева занимается рѣшеніемъ вопроса, дѣйствительно-ли типъ Катерины въ пьесѣ Островскаго «Гроза»—свѣтлое явленіе русскаго «темнаго царства». Причемъ, какъ и слѣдовало

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1880 Г.

КАРТИНА ПРОФЕССОРА В. Д. ОРЛОВСКАГО.

Рожь.

Рисовалъ Н. Т. Малышевъ; рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

ожидать, приходитъ къ тому заключенію, что Катерина далеко не «лучъ свѣта», а просто молодой еще отпрыскъ отъ старыхъ корней, грозящій, выражаясь языкомъ представителей обвинительной власти, въ близкомъ или далекомъ будущемъ сдѣлаться ничѣмъ не лучше своихъ родителей.

Фраза «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», если ее относить къ Катеринѣ, грубая діалектическая ошибка. Катерина вовсе не лучъ свѣта, а только одинъ изъ членовъ «темнаго царства», освѣщенный пробившимся сквозь щели этого царства лучемъ. Этотъ лучъ исходитъ отъ громаднаго источника свѣта — любви. Не пускаясь въ различныя опредѣленія любви и ея значенія, я напомню читателямъ только небольшое стихотвореніе Бурдильона въ переводѣ г. Полонскаго:

Ночь смотритъ тысячами глазъ,
А день глядитъ однимъ;
Но солнца нѣтъ — и по землѣ
Тьма стелется, какъ дымъ.
Умъ смотритъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ;
Но нѣтъ любви — и гаснетъ жизнь
И дни плывутъ, какъ дымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что за жизнь была у Катерины до того дня, въ который она познакомилась съ Борисомъ, племянникомъ Дикого. Всѣ дни были, какъ одинъ. Ничѣмъ они другъ отъ друга не отличались. Брань, разговоры со странницами, да молитвы, пересыпанныя руганью, съ утра до вечера стояли въ домѣ Кабановыхъ. И вотъ Борисъ вноситъ въ жизнь Катерины что-то новое, до той поры совершенно невѣдомое душѣ молодой женщины. Это новое — любовь, которая доставляетъ ей массу душевныхъ мученій, вызываетъ борьбу различныхъ чувствъ и въ тоже время даетъ ей такія наслажденія, которыхъ раньше она никогда не испытывала. Но предметъ, освѣщенный лучемъ, пробившимся въ темное пространство сквозь незначительную щель, не можетъ освѣщаться долго. Если даже это будетъ лучъ, исходящій отъ постояннаго источника свѣта, то вслѣдствіе своей незначительности онъ не въ состояніи освѣтить предметъ, какъ слѣдуетъ. Наконецъ, достаточно стать кому-нибудь возлѣ щели, сквозь которую проходитъ лучъ, и на минуту освѣщенный предметъ снова погрузится въ прежній мракъ. Тоже самое съ Катериной въ «Грозѣ». Любовь Катерины и ея страданія вызываютъ въ насъ симпатію къ этой несчастной по своему положенію женщинѣ. Ея родители и среда, въ которой она выросла, заслоняютъ лучъ, ее освѣщающій, она погружается въ мракъ и мы перестаемъ считать Катерину свѣтлымъ явленіемъ, какимъ она на самомъ дѣлѣ и не была, и къ чему насъ приводитъ немного длинный анализъ Писарева. Есть, однако, у Катерины нѣчто особенное, чего никакой анализъ уничтожить не можетъ, если можно такъ выразиться. Это нѣчто — поэтическая струйка, которая нѣтъ-нѣтъ да и пробьется въ ней. Поэтическая натура Катерины сказывается при первомъ же знакомствѣ съ нею читателя или зрителя.

Въ откровенномъ разговорѣ съ Варварой Катерина говоритъ, напр., «отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летѣть. Вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла». Говоря о своей прошлой жизни, Катерина также говоритъ поэтическимъ языкомъ и идеализируетъ свое прошлое: «Встану я, бывало, рано, коли лѣтомъ, такъ схожу на ключѐкъ, умоюсь, принесу съ собой водицы и всѣ, всѣ цвѣты въ домѣ полью. У меня цвѣтовъ было много». Или: «А какіе сны мнѣ снились, Варенька, какіе сны! Или храмы золотые, или сады какіе-то необыкновенные, и все поютъ невидимые голоса, и кипарисомъ пахнетъ, и горы и деревья будто не такія, какъ обыкновенно, а какъ на образахъ пишутся. А то будто я летаю, такъ и летаю по воздуху». Какой простой, наивный языкъ, и какъ въ немъ много поэзіи! Этотъ простой поэтическій языкъ, эта идеализація прошлаго сразу подкупаютъ насъ въ пользу Катерины. Мы забываемъ, что это идеализированное прошлое сдѣлало изъ Катерины нервную женщину — не болѣе. Странницы, наполнявшія домъ ея матери, развили въ ней фантазію своими разсказами, запугали ея воображеніе и ужь нисколько не способствовали развитію сильнаго характера; за недостаткомъ-же послѣдняго она не могла стать выше своей среды, не смотря на проблески задатковъ хорошей натуры. Катерина знала, что мужъ не Богъ знаетъ, какъ ее любитъ, но она не въ силахъ была пожертвовать мужемъ въ пользу своей любви, которая вдругъ страстно охватила ее. Въ лицѣ сумасшедшей барыни совѣсть сказала ей, что она поступаетъ противъ правилъ, въ которыхъ она воспитывалась, и это-то заставляетъ ее окончить самоубійствомъ.

Когда говорятъ о «Грозѣ» Островскаго, то удивляются обыкновенно, къ чему эта сумасшедшая барыня. Писаревъ тотъ даже упрекаетъ Катерину за то, что она придаетъ особое значеніе словамъ старой безумной женщины. А эта женщина ни больше, ни меньше какъ олицетвореніе того тайнаго голоса совѣсти, который мучилъ Катерину послѣ того, какъ она отдалась своей любви. Я не говорю, что Островскій обдуманно ввелъ въ пьесу сумасшедшую барыню, и тѣмъ болѣе не утверждаю, что онъ задавался подобнымъ олицетвореніемъ, я даже увѣренъ, что ввести эту личность въ драму заставило его поэтическое инстинктивное чувство. Если бы Катерина сама, путемъ асоціаціи идей — что на самомъ дѣлѣ и должно было быть — дошла до «геены огненной», это сильно утомило бы и читателя, и зрителя: слишкомъ много понадобилось бы на это времени и словъ и пьеса потеряла бы сценичность вслѣдствіе длинныхъ монологовъ. Сумасшедшая барыня помогла драматургу избѣжать подобныхъ длиннотъ, за что, конечно, ни читатель, ни зритель не могутъ сѣтовать на автора.

Такое-же олицетвореніе внутренняго голоса совѣсти человѣка мы видимъ и въ другихъ пьесахъ Островскаго, какъ, напр., въ драмахъ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» и «Не такъ живи, какъ хочется», съ той, однако, разницей что въ этихъ пьесахъ внутренній голосъ состоитъ изъ двухъ противоположныхъ элементовъ.

Въ пьесѣ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» такое олицетвореніе представляютъ два лица: Архипъ, слѣпой старикъ, дѣдъ Краснова, и Афоня, братъ его. Одинъ олицетвореніе добрыхъ задатковъ души Краснова, другой злыхъ. Первый склоняетъ къ семейному миру Краснова, второй при всякомъ удобномъ случаѣ старается внушить ему недобрыя мысли.

Желая быть реально правдивымъ и по возможности объяснить характеръ Афони, авторъ сдѣлалъ его болѣзненнымъ; но эта болѣзненность именно и мѣшаетъ намъ сразу видѣть въ Афонѣ олицетвореніе дурныхъ помышленій Краснова. Что-же касается до Архипа, то совершенно непонятно, къ чему автору понадобился непремѣнно слѣпой Архипъ. Тѣмъ не менѣе Афоня и Архипъ реально показываютъ намъ борьбу, которая происходитъ въ душѣ Краснова.

Послѣдній, поссорившись съ женой изъ за помѣщика Бабаева, благодаря вкоренившимся традиціямъ, вовсе не прочь, чтобы жена послѣ примиренія кланялась ему въ ноги. Это-же желаніе высказываетъ Афоня. Онъ передъ примиреніемъ спрашиваетъ дѣда Архипа: «Дѣдушко, будетъ она брату въ ноги кланяться аль нѣтъ? Коли не будетъ, я уйду». Архипу хочется мира въ семьѣ. Афонѣ-же желательно, чтобы братъ побилъ жену, что разъ онъ и высказываетъ какъ дѣдушкѣ, такъ и самой Татьянѣ Красновой. Дѣдушка, конечно, противъ этого. Въ Красновѣ мы видимъ борьбу обоихъ желаній, хотя и не такъ ясно. Красновъ въ гнѣвѣ готовъ побить жену. Когда Архипъ говоритъ ему: «ты за малость гнѣва не держи. Одна вина — не вина» и проч., Красновъ возражаетъ: «Какова вина! Вина винѣ рознь. За другую вину удавить мало» (А и вся та вина жены пока состояла въ томъ, что противъ его желанія, хотя не безъ его разрѣшенія, она пошла къ Бабаеву и пробыла тамъ долѣе назначеннаго срока). Но совѣсть въ лицѣ Архипа вслѣдъ за этой фразой говоритъ ему: «Что больно грозно! Нонѣ за денной разбой, да и то не вѣшаютъ».

Послѣдняя-же сцена этой драмы прямо указываетъ на то, что Архипъ и Афоня — олицетвореніе личныхъ чувствъ Краснова.

Красновъ, убивъ за сценой Татьяну, возвращается и говоритъ: «Вяжите меня, я ее убилъ».

Афоня. Ништо ей!

Архипъ. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Ведите меня къ нему! Что ты сдѣлалъ? Кто тебѣ волю далъ? Нешто она предъ тобой однимъ виновата? Она прежде всего передъ Богомъ виновата, а ты гордый, самовольный человѣкъ, ты самъ своимъ судомъ захотѣлъ. Не захотѣлъ ты подождать милосерднаго суда Божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ человѣческій! Вяжите его!

Только что приведенная небольшая сцена реально рисуетъ намъ то, что происходитъ въ душѣ Краснова. Въ первый моментъ послѣ преступленія Краснову приходитъ въ голову мысль о наказаніи за него, послѣдствіемъ которой являются слова: «вяжите меня». Слова-же Афони заставляютъ насъ думать, что все-таки Красновъ не вполнѣ разстался съ мыслью: «такъ ей (женѣ) и слѣдуетъ». Непосредственно за этимъ совѣсть словами Архипа говоритъ ему, что отнимать жизнь у другого онъ не имѣетъ права, отнимая-же чужую жизнь, онъ тѣмъ самымъ даетъ право другимъ располагать его жизнью.

Въ драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется» есть совершенно однородныя лица съ Архипомъ и Афоней. Кузнецъ Еремка, — это усиленный типъ Афони, а Илья, отецъ героя драмы Петра, — слабое повтореніе Архипа. Еремка болѣе рельефно очерченъ и вслѣдствіе этого болѣе понятенъ, чѣмъ Афоня. Еремка — это маленькій Мефистофель. Онъ называетъ вещи ихъ собственными именами, дѣйствуетъ прямо, очертя голову, и этимъ самымъ выдвигается въ пьесѣ на первый планъ, тогда какъ Афоня постоянно находится гдѣ-то вдали. Но насколько Еремка удачнѣе Афони, настолько Илья слабѣе Архипа. Отъ Ильи пахнетъ аскетизмомъ — это фанатикъ, говорящій только жалкія слова, напоминающія скорѣе помѣшаннаго человѣка, чѣмъ религіозно-нравственнаго моралиста. Въ рѣчи Ильи нѣтъ реальной правды, нѣтъ простоты, а потому онъ и меньше дѣйствуетъ на чувство, чѣмъ Архипъ.

Три указанныя драмы принадлежатъ къ числу тѣхъ пьесъ, въ которыхъ личное чувство любви, благодаря житейской обстановкѣ, попирается. Среди пошлаго люда, жизнь котораго рисуетъ намъ Островскій, не можетъ быть разумнаго отношенія къ этому единственному внутреннему отличительному признаку людей отъ скотовъ. Этотъ людъ настолько погрязъ въ плутовствѣ, самодурствѣ, пошломъ мѣщанствѣ, что такое чувство, какъ любовь, ему недоступно во всей его полнотѣ, а потому въ подобной средѣ немыслимо и полное семейное счастье.

Правда, Островскій показалъ намъ въ «Бѣд-

ности не порокъ», что и въ такой средѣ возможны браки по любви, но подобное явленіе—случайность. Вся пьеса держится на Любимѣ Торцовѣ, типѣ промотавшагося купца. Говорить объ этой пьесѣ—значитъ снова окунуться въ міръ самодуровъ, а въ данный моментъ я не имѣю на это никакого желанія и намѣренъ сказать нѣсколько словъ по поводу особаго элемента бытовыхъ комедій Островскаго. Въ этихъ комедіяхъ съ любовнымъ сюжетомъ, какъ я позволилъ себѣ ихъ назвать, часто играютъ роль интелигентныя лица, въ родѣ слѣдующихъ: Вихоревъ («Не въ свои сани не садись»), Бабаевъ («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ»), Миловидовъ («На бойкомъ мѣстѣ») и друг. Что это за люди? Какая роль ихъ въ «темномъ царствѣ»? Роль самая незавидная. Три случайно подвернувшіяся мнѣ лица—три наиболѣе выдающихся типа: промотавшійся баринъ, ловеласъ-развратникъ и безшабашный гусаръ съ оттѣнкомъ самодурства, могущимъ поспорить съ самодурствомъ любого Тита Титыча. Эти три типа—необходимый аксесуаръ въ «темномъ царствѣ» и въ тоже время они напоминаютъ намъ, что мы не чужды его. Люди подобные Бабаевымъ, Вихоревымъ, еле сталкиваясь съ «темнымъ царствомъ», становятся одной изъ его частицъ или потому, что разсчитываютъ поживиться отъ него деньгами, или потому, что хотятъ удовлетворить свои скотскія побужденія. По счастію, для насъ эти посѣвы «добраго стараго времени» въ рѣдкихъ случаяхъ даютъ отъ себя плоды. Попадаются и въ наше время довольно породистые экземпляры этихъ вырождающихся растеній, но далеко рѣже прежняго. А. Н. Островскій, не смотря на то, что типъ подобныхъ людей вымираетъ, какъ мы увидимъ ниже, не можетъ разстаться съ нимъ. Хотя, впрочемъ, нашъ драматургъ допускаетъ маленькое измѣненіе въ этомъ типѣ: онъ наряжаетъ его въ другой костюмъ и вообще старается придать ему болѣе изящную форму.

Какъ читатель видитъ, все время мнѣ приходилось говорить объ отрицательныхъ типахъ русской жизни. Что-же дѣлать, если положительныхъ нѣтъ. Предвижу заранѣе, что мнѣ укажутъ на нѣсколькихъ лицъ въ тѣхъ-же произведеніяхъ Островскаго, напр., на Митю («Бѣдность не порокъ»), Ваню Бородкина («Не въ свои сани не садись»), Кулигина, самоучку-механика и поэта («Гроза») и др. Что-же, неужели это русскіе идеальные люди? У первыхъ двухъ вся и заслуга въ томъ только, что они нюни распустить умѣютъ, «искренними слезами свои высокія чувства показать», да вѣдь отъ этого никому ни тепло, ни холодно. Сколько они ни плачь, «темное царство» отъ ихъ слезъ не просвѣтлѣетъ. Что-же касается Кулигина, то Господь его знаетъ, зачѣмъ онъ съ своимъ перпетуумъ-мобиле путается въ этой драмѣ. Развѣ, чтобъ показать, что и среди русскихъ есть даровитые люди? Вѣдь въ этомъ никто и не сомнѣвается. Но на что-же расходуетъ свое дарованіе Кулигинъ? На пустое занятіе—отыскиванье перпетуумъ-мобиле. Такъ стоитъ-ли говорить о такихъ людяхъ. Чѣмъ хуже Брусковы, Пузатовы, Русаковы, Гордѣи Торцовы, разныхъ сентиментальныхъ Митенекъ, Бородкиныхъ и tutti quanti слащавыхъ людишекъ. Пройдетъ пять лѣтъ брачной жизни и послѣдніе сдѣлаются ничѣмъ не лучше первыхъ. Вся разница между ними та, что вторыхъ мы видимъ въ нѣкоторомъ поэтическомъ освѣщеніи. Правда, иногда нѣтъ-нѣтъ да и скользнетъ лучъ свѣта по старикамъ «темнаго царства» (Русаковъ). Скользнетъ, на минуту освѣтитъ и нѣтъ его—сгинулъ. Подобное явленіе не можетъ насъ удовлетворить. Представьте себѣ, читатель, громадный городъ, погруженный въ постоянный ночной мракъ и освѣщенный однимъ электрическимъ фонаремъ системы Яблочкова. Свѣта не то, чтобы очень много, но все-таки предметы, близко стоящіе къ фонарю, освѣщаются. На далекомъ разстояніи отъ этого мѣста, куда еле-еле доходитъ свѣтъ отъ электрическаго фонаря, поставленъ одинъ газовый фонарь. Блѣдно свѣтитъ послѣдній послѣ электрическаго освѣщенія и глаза испытываютъ непріятное ощущеніе. Свѣтъ отъ перваго фонаря—молодая любовь, свѣтъ отъ газоваго рожка, одновременно дѣйствующаго съ электрическимъ фонаремъ—любовь родителей къ дѣтямъ. Ни тотъ, ни другой свѣтъ однако не можетъ конкурировать съ настоящимъ солнечнымъ свѣтомъ. Когда-же взойдетъ надъ этимъ городомъ настоящее солнце и затмитъ эти два одинокіе и столь различные по силѣ свѣта фонаря? Не скоро, читатель.

Какъ ни сильна первая разобранная мною пьеса Островскаго—«Свои люди сочтемся»—но я долженъ сознаться, что для массы драмы, на которыя я указалъ въ этой главѣ, всегда будутъ имѣть бо́льшее значеніе. Тутъ есть опоэтизированныя личности, какъ Катерина, Красновъ, Петръ и др. Островскій заставляетъ насъ въ нѣсколько минутъ пережить страданія, волненія и всѣ муки, какими любовь въ состояніи надѣлить человѣка. Островскій затрогиваетъ наше чувство и никакой анализъ не заставитъ насъ отказаться отъ него.

Я навѣрно не помню, кто, но кажется, г. Скабичевскій, говоря о произведеніяхъ А. Н. Островскаго, сказалъ, что «врядъ-ли чьи произведенія вызывали такъ много толковъ въ литературѣ, какъ произведенія Островскаго». Въ силу этого обстоятельства я считаю произведенія его настолько извѣстными, что не находилъ нужнымъ передавать содержаніе разбираемыхъ пьесъ. Я останавливался въ пьесѣ лишь на томъ, что по тѣмъ или инымъ причинамъ не затрогивалось другими. Вѣрно-ли я понялъ выраженное Островскимъ—судить не мнѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Обращеніе капитана Сэма *).

Разсказъ Джона Габертона.

«Что-жь, надо испробовать всѣ средства до конца!» сказала сама себѣ съ глубокимъ вздохомъ почтенная м-съ Симсонъ, содержательница гостинницы въ одномъ маленькомъ городкѣ на Огіо.

Замѣчаніе ея относилось къ капитану морской службы, Сэму Томми, который часто останавливался со своимъ пароходомъ для починокъ или запасовъ угля въ гавани Огіо и всегда находилъ гостепріимный пріютъ у м-съ Симсонъ, успѣвъ съ самаго начала ихъ знакомства полонить старое одинокое сердце этой доброй женщины. День прибытія капитана ожидался ею обыкновенно съ величайшимъ нетерпѣніемъ и было только одно обстоятельство, мѣшавшее полному счастію м-съ Симсонъ при свиданіи съ капитаномъ,—это, по ея собственному выраженію, «его ложный путь». Дѣло въ томъ, что сама м-съ Симсонъ была усердная, вполнѣ преданная своей сектѣ методистка, тогда какъ капитанъ Сэмъ былъ только самый обыкновенный морякъ, представлявшій собою типъ честнаго, безкорыстнаго служаки, добраго малаго, всегда готоваго оказать услугу и учинить хорошую выпивку. Ревностный поклонникъ прекраснаго пола, онъ могъ, если-бы только захотѣлъ, хвастаться лестнымъ вниманіемъ двухъ-трехъ прелестныхъ и еще молодыхъ дамъ высшаго круга; но все, что касалось религіозности, не входило въ его образъ мыслей. Вотъ это-то и было причиной, по которой добрѣйшая м-съ Симсонъ, при всемъ своемъ уваженіи къ капитану, всѣмъ сердцемъ скорбѣла о его заблужденіяхъ и задалась, наконецъ, мыслью во что-бы то ни стало обратить его на путь истины. Однакожь до сихъ поръ всѣ усилія ея въ этомъ отношеніи оставались тщетными. Все шло по прежнему и капитанъ, вѣроятно, даже и не подозрѣвалъ, сколько мукъ доставляетъ онъ этой доброй душѣ, когда поздно ночью, возвращаясь домой, нетвердыми шагами взбирается по лѣстницѣ, произнося отрывочныя фразы, непринятыя въ благовоспитанномъ обществѣ.

Но, не смотря на все это, добродѣтельная старушка не только не отчаявалась въ своемъ предпріятіи, напротивъ, еще съ большимъ упованіемъ, какъ мы видѣли въ началѣ разсказа, рѣшилась до конца преслѣдовать свою цѣль.

И вотъ однажды на Рождествѣ, въ одну изъ побывокъ капитана, она торжественно приподнесла ему давно задуманный подарокъ,—Библію, въ роскошномъ переплетѣ съ вытѣсненными золотыми буквами его имени.

Капитанъ съ гордостію принялъ этотъ подарокъ и тотчасъ-же отнесъ его въ свою комнату, бережно обернулъ его въ нѣсколько бумагъ и на другой-же день отправилъ на храненіе въ каюту парохода.

М-съ Симсонъ, узнавъ объ этомъ, была очень огорчена, но, не подавая виду, только объявила капитану, что намѣрена подарить ему еще другой экземпляръ Библіи, для вседневнаго употребленія, попроще.

— Какъ, для вседневнаго употребленія?! съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнулъ капитанъ.—Пощадите, почтеннѣйшая м-съ Симсонъ! У меня едва хватаетъ времени пробѣжать иногда газеты, чтобы узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, хотя, напримѣръ, о томъ, когда, гдѣ и какое судно снялось съ якоря, или вошло въ гавань, или кто кого поколотилъ, а вы...

— Но лучшая-то ваша сторона, дорогой мой капитанъ? спросила старушка.

— Ахъ, вотъ что! ну въ этомъ я не много смыслю, отвѣчалъ капитанъ.—Вообще это для меня через-чуръ высоко!

— Неужели-же вы никогда не чувствуете потребности въ обновленіи?

— Въ обновленіи «Королевы Анны»? отшучивался капитанъ.—О, нѣтъ! Въ немъ только что произведены поправки!

— Обновленіи вашемъ собственномъ, духовномъ, хотѣла я сказать, обиженно прервала старушка.

— Ха, ха, ха! разразился капитанъ добродушнымъ, раскатистымъ смѣхомъ.—Вы, какъ посмотрю я, добрѣйшая м-съ Симсонъ, презабавная! Ну, подумайте вы сами, святая вы душа,

*) Джонъ Габертонъ одинъ изъ популярныхъ американскихъ писателей, имѣетъ много общаго съ другимъ извѣстнымъ писателемъ-художникомъ Бретъ-Гартомъ: онъ также рисуетъ жизнь рудокоповъ съ ихъ оригинальною, независимою обстановкою, мастерски умѣя подмѣтить искру любви и добра въ этихъ, на первый взглядъ, зачерствѣлыхъ натурахъ; Габертонъ также владѣетъ легкимъ, остроумнымъ перомъ, хотя первенство все-же несомнѣнно остается за Бретъ-Гартомъ, какъ по художественности, такъ и по оригинальности замысла и выполненія. Успѣхъ Габертона однако-жь настолько великъ, что сочиненія его раскупаются въ громадномъ числѣ экземпляровъ не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и заграницей, какъ это можно видѣть на самомъ популярномъ разсказѣ его «Малютки Елены».

Джонъ Габертонъ родился въ Бруклинѣ, подлѣ Нью-Іорка, въ 1842 году. 8 лѣтъ онъ былъ увезенъ на западъ и отданъ въ ученіе въ типографію. Затѣмъ, юношей, онъ поступилъ въ армію и служилъ во время междоусобной войны. Послѣ этого снова сдѣлался типографщикомъ, потомъ книгопродавцемъ и журналистомъ. Первыми литературными трудами его былъ рядъ очерковъ изъ жизни запада. Въ 1876 г. вышла въ свѣтъ его книга «Малютки Елены» разошлась слишкомъ въ 200,000 экземплярахъ въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ, не считая изданій этого сочиненія въ Англіи, Франціи и Германіи. Затѣмъ Габертонъ написалъ и издалъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ.

совмѣстимы-ли такія двѣ вещи: капитанъ морской службы и ханжество! До того-ли намъ, помилуйте! Когда тебя безпрестанно гоняютъ изъ одного порта въ другой, время-ли тутъ заботиться о благочестивыхъ размышленіяхъ!

На такую рѣчь м-съ Симсонъ не нашла что возразить и на этотъ разъ споръ ихъ окончился такъ-же, какъ кончались у нихъ обыкновенно всѣ споры Пришлось снова на неопредѣленное время отложить обращеніе капитана.

По прежнему онъ оставался только добрымъ малымъ, вѣчнымъ весельчакомъ, но, впрочемъ, не отказывалъ иногда м-съ Симсонъ въ удовольствіи проводить ее до церкви или пожертвовать на какое-нибудь богоугодное дѣло, хотя въ послѣднемъ случаѣ приправлялъ большею частью свою лепту крѣпкимъ словцомъ на счетъ нравственныхъ качествъ методистскаго духовенства; но м-съ Симсонъ великодушно прощала ему, такъ какъ, по ея мнѣнію, важнѣе всего было внутреннее побужденіе; готовность-же капитана жертвовать безспорно доказывала его высокую душу. «Нѣтъ! нѣтъ! твердила она сама себѣ въ подобныя минуты, — онъ слишкомъ добръ для ада и долженъ непремѣнно обрѣсти спасеніе!» И она удвоивала свои старанія къ обращенію капитана.

Но вотъ однажды, послѣ долгой отлучки, какъ-то совершенно неожиданно капитанъ снова предсталъ передъ своей покровительницей. Она радостно взглянула на него черезъ свои очки и только что собиралась сказать привѣтствіе, какъ вдругъ... ее внезапно поразила въ немъ особенная перемѣна! «Неужели? мелькнуло у нея въ головѣ.—Да, онъ совсѣмъ не тотъ; въ немъ есть что-то новое! Да! онъ перемѣнился къ лучшему, его узнать нельзя!» мелькало у нея въ мысляхъ. Но сообщить наблюденія свои капитану и расспросить его самого, она, по свойственной вообще всѣмъ женщинамъ деликатности, не рѣшалась, предпочитая лучше ожидать, пока все это разъяснится само собой.

— Ну, что, какъ поживали вы за это время, пока мы съ вами не видались, любезный капитанъ? спросила она.

— Какъ никогда! весело воскликнулъ онъ.

— Здоровы?

— Какъ никогда! говорю я вамъ, добрѣйшая м-съ Симсонъ: отъ пятокъ до макушки!

— Такъ, такъ!

Восхищенная м-съ Симсонъ, снова отдавшись своимъ мечтамъ, не замѣтила, какъ капитанъ вышелъ изъ комнаты. Невольно, отъ полноты души, она запѣла гимнъ, немилосердно фальшивя при этомъ.

Вдругъ дверь снова распахнулась и на порогѣ показался капитанъ.

— Вотъ не возьмете-ли вы это, м-съ Симсонъ? обратился онъ къ ней, вынимая изъ кармана какую-то плоскую бутылочку. — Вамъ, можетъ быть, пригодится въ хозяйствѣ... Да, вы не знаете еще, я поклялся не пить!

И не успѣла м-съ Симсонъ оправиться отъ новаго изумленія, какъ капитанъ уже опять исчезъ за дверью, оставивъ бутылку на столѣ. Этого было для нея слишкомъ! она не могла выносить долѣе и кинулась ему вслѣдъ съ крикомъ:

— Капитанъ, капитанъ!

— Что случилось? испуганно спросилъ онъ, снова появляясь на порогѣ.

— Какъ что! Нѣтъ! я дольше не могу молчать! Вы, наконецъ, должны объяснить мнѣ, что все это значитъ! говорила она прерывающимся отъ волненія голосомъ. — Какъ все это произошло съ вами? Господь-ли самъ посѣтилъ васъ или послалъ своего ангела?

— Ангела! торжественно произнесъ капитанъ, снова спасаясь въ свою комнату.

На этотъ разъ м-съ Симсонъ уже не преслѣдовала его. Она находилась въ экстазѣ и, воздѣвая руки къ небу, восклицала: «Ну, слава Всевышнему! еще одна обрѣтенная душа на небесахъ! И съ какой радостью сообщу я сегодня объ этомъ на митингѣ!» И дѣйствительно, въ тотъ вечеръ, на собраніи методистовъ была радость велія, ибо за все время существованія ихъ общества въ числѣ ихъ членовъ не было пока ни одного капитана-моряка!

По возвращеніи м-съ Симсонъ домой, ее ожидалъ еще сюрпризъ: въ 9 часовъ вечера, — о, чудо!—капитанъ былъ уже въ своей комнатѣ! тогда какъ за все время ихъ продолжительнаго знакомства никогда не случалось съ нимъ ничего подобнаго! Положимъ, и теперь онъ не былъ въ строго-религіозномъ настроеніи, ибо насвистывалъ какую-то свѣтскую мелодію. Но м-съ Симсонъ была такъ счастлива въ тотъ вечеръ, что великодушно простила ему эту маленькую вольность. — «Ну, что-жъ! нельзя-же всего вдругъ!» подумала она.

На слѣдующій день, когда они по обыкновенію сошлись за завтракомъ, она не вытерпѣла и вкрадчивымъ голосомъ спросила его:

— Скажите, любезный капитанъ, вы, вѣроятно, чувствуете теперь въ душѣ своей полное затишье?

— Полнѣйшее, какъ на водахъ Огіо во время отлива, отвѣчалъ капитанъ, улыбаясь, хотя опять-таки не такою святою улыбкой, какую желала-бы видѣть у него м-съ Симсонъ, но она снова великодушно простила ему и это, прибавивъ съ чувствомъ:

— Ну вотъ, видите-ли, какъ все это прекрасно, дорогой капитанъ, и какъ-бы я желала, чтобы вы были всегда такой; я постоянно молюсь объ этомъ!

— Аминь! закончилъ капитанъ, шумно подымаясь изъ-за стола и по обыкновенію уходя въ свою комнату.

М-съ Симсонъ проводила его нѣжнымъ взглядомъ.

И съ этихъ поръ для нея началась совсѣмъ иная жизнь. Она все время находилась въ томъ блаженномъ состояніи, которое обыкновенно ставитъ человѣка выше всего житейскаго; понятно, что такое состояніе рѣже всего случается у содержательницы гостинницы, поставленной по необходимости въ самыя реальныя столкновенія съ дѣйствительностію. М-съ Симсонъ, какъ мы видимъ, въ этомъ случаѣ составляла исключеніе; среди самыхъ хлопотливыхъ хозяйственныхъ распоряженій ее ни на минуту не оставляло благочестивое настроеніе и постоянно, на кухнѣ-ли, въ кладовой, столовой или погребѣ, раздавались заунывные, диссонирующіе звуки ея гимновъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что составляло для нея теперь все житейское? Могла-ли она ощущать палящій жаръ кухонной печи, когда капитанъ Сэмъ избавился отъ вѣчнаго огня? Что составляли для нея теперь деньги, если даже онъ добровольно отказался отъ столькихъ земныхъ благъ? Она была теперь полна только одной мыслью, однимъ желаніемъ: постоянно лицезрѣть его передъ собою, обращеннаго, вѣрующаго, и молиться за него! Притомъ ей жилось теперь несравненно легче прежняго уже потому, что многое измѣнилось къ лучшему: она могла безъ опасенія оставлять на ночь на лѣстницѣ ведро съ водой или кувшинъ съ угольями, потому что она не страшилась болѣе, что эти предметы могутъ быть опрокинуты капитаномъ; она могла спокойно отдаваться сну, безъ тревожной мысли быть внезапно разбуженной отчаянными возгласами и ругательствами возвращавшагося на-веселѣ капитана! Теперь она даже не замѣчала, какъ быстро стало сгорать масло въ его лампѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ проводилъ дома вечера; напротивъ, вполнѣ счастливая, она старательно подливала масло, не позволяя себѣ сдѣлать капитану ни малѣйшаго намека на экономію или дороговизну. Вмѣстѣ съ тѣмъ она втихомолку подкладывала ему на столъ душеспасительныя брошюры въ полной надеждѣ, что рано или поздно онѣ будутъ прочтены.

Однажды какъ-то, не слыша подъ собою ногъ послѣ дневной суеты и по обыкновенію напѣвая гимны, она бережно несла изъ одной комнаты въ другую свою любимую старинную миску, которой очень дорожила, какъ вдругъ передъ нею неожиданно, точно изъ-подъ земли, появился капитанъ.

— М-съ Симсонъ!

Отъ неожиданности у нея дрогнули руки, миска выскользнула и разлетѣлась въ мелкіе куски, сама-же она точно окаменѣла.

— Ахъ! что я надѣлалъ, простите! въ отчаяніи воскликнулъ капитанъ.—Я шелъ къ вамъ по дѣлу, нужно было переговорить и не ожидалъ совсѣмъ, что такъ напугаю васъ.

Но м-съ Симсонъ уже оправилась и ласково вопросительно смотрѣла на капитана.

— Такъ вы и теперь готовы выслушать меня, добрѣйшая моя, продолжалъ капитанъ.—Видите-ли, теперь я началъ вести совсѣмъ иную жизнь и убѣдился, что вы были правы, сказавъ, что нѣтъ человѣка, который рано или поздно не обрѣлъ-бы ангела, не дающаго ему погибнуть. Я испыталъ это на себѣ, но я знаю также, что вы давно привязаны ко мнѣ, какъ къ родному, и потому не хотѣлъ-бы предпринимать что-либо безъ вашего содѣйствія (М-съ Симсонъ ничего не отвѣчала ему, но только двѣ крупныя слезы блеснули у нея изъ-подъ очковъ)!.. Видите-ли въ чемъ дѣло, добрѣйшая моя м-съ Симсонъ, я прошу васъ рекомендовать меня вашему духовному пастырю.

— Да?! воскликнула обрадованная м-съ Симсонъ:—это было и мое давнишнее желаніе, я даже намекалъ ему объ этомъ!

— Какъ? значитъ вы догадывались о моемъ намѣреніи...

— Конечно, съ первой-же минуты вашего пышнаго пріѣзда я все поняла! повѣрьте, у меня на этотъ счетъ есть особыя примѣты Когда-то я и сама испытала тоже самое!

— А, ну, въ такомъ случаѣ нечего и толковать, сказалъ нѣсколько удивленный капитанъ,— и если вы не прочь, мы можемъ сейчасъ-же...

Но м-съ Симсонъ уже исчезла изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вернулась, торжествено-облеченная въ новый фланелевый капотъ и въ какого-то особеннаго фасона шляпку (это было давно, господа), и оба они, сіяющіе и довольные, гордо пошли по улицѣ, возбуждая любопытство встрѣчныхъ. Когда-же они всходили на крыльцо пасторскаго дома, два матроса съ парохода, увидя своего капитана, просто остолбенѣли отъ удивленія и еще долго стояли на одномъ мѣстѣ, вѣроятно, разрѣшая вопросъ, что могло понадобиться ему у пастора?

Между тѣмъ капитанъ и его спутница были ласково приняты пасторомъ, витіевато выразившимъ свое удовольствіе по поводу знакомства съ капитаномъ.

— Да, да, конечно, отвѣчалъ капитанъ, не разобравъ хорошенько его высокопарную рѣчь;— я также очень радъ и такъ какъ вамъ уже отчасти извѣстно, черезъ м-съ Симсонъ, о моемъ намѣреніи, я желалъ бы спросить васъ, когда именно могли бы вы обдѣлать мнѣ это дѣльце?

Такое странное выраженіе нѣсколько озадачило пастора и онъ было даже попятился; но тотчасъ-же, вспомнивъ, вѣроятно, что капитанъ иногда странно выражается, о чемъ не разъ слышалъ отъ м-съ Симсонъ, поспѣшилъ оправиться и спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ:

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РИСУНОКЪ ЗЕМЦОВА.

Борисъ Годуновъ и юродивый.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

— О, что касается этого, я готовъ, когда вамъ будетъ удобно, хотя бы, напримѣръ, въ субботу; мы призовемъ на васъ благословеніе свыше; и повѣрьте, радость, которая въ тотъ день будетъ на небесахъ...

— Да, да, прервалъ его капитанъ,—конечно, но все-таки скажите, развѣ кромѣ субботы нельзя намъ избрать другой день для вѣнчанія?

— Для вѣнчанія! воскликнулъ озадаченный пасторъ, вопросительно уставившись на разряженную м-съ Симсонъ.

— Для вѣнчанія! въ свою очередь простонала несчастная старушка. — О, Богъ мой! да что-же это такое? скажите, капитанъ! И какъ только вамъ не грѣшно было такъ обманывать меня! А я думала, что вы хотите поступить въ число нашихъ братьевъ, я такъ и говорила всѣмъ о васъ!

Но тутъ уже очередь изумляться дошла до капитана и онъ по своему обыкновенію разразился такимъ искреннимъ смѣхомъ, что даже подсвѣчники задребезжали на каминѣ; къ нему вскорѣ, понявъ недоразумѣніе, присоединился и самъ пасторъ.

Бѣдная-же м-съ Симсонъ заливалась слезами.

— Голубушка вы моя, нѣжно обратился къ ней капитанъ, переставъ смѣяться и обнимая ее,—ну, полноте, что-же это вы такъ разгоревались? Мнѣ, право, совѣстно, что я, хотя невольно, разочаровалъ васъ; но вы отчасти и сами виноваты; я думалъ, вы и въ самомъ дѣлѣ угадали мою тайну. Я увѣренъ, когда вы увидите моего ангела, который заставилъ меня измѣниться, вы простите мнѣ все, добрѣйшая душа, не правда-ли?.. Ее зовутъ Анной, Анной Мей, поэтому-то и пароходъ мой названъ «Королевой Анной». Ну, полноте-же, успокойтесь, прошу васъ; пойдемте, я сведу васъ посмотрѣть, какъ заново отдѣлали мою игрушку и какъ на немъ красуется ея имя—на счастье!

Но долго еще не могла придти въ себя и успокоться бѣдная м-съ Симсонъ. На всѣ увѣщанія она продолжала горько всхлипывать и, воздымая руки къ небу, восклицала:

— О, Боже мой! да что-же это такое! какъ могла я такъ жестоко ошибиться! Какое разочарованіе! И какъ жестоко обманула меня моя опытность!

Наконецъ, она успокоилась и была отведена капитаномъ домой. А черезъ нѣсколько дней, снова нарядная и уже улыбающаяся, она присутствовала на его свадьбѣ.

Невѣста капитана была круглая сирота; она назвала ее своею нареченною матерью, и какъ трогательно было видѣть въ этотъ день заботы и хлопоты м-съ Симсонъ объ угощеніи и комфортѣ для молодой четы. Но, говорятъ, послѣ отъѣзда молодыхъ, въ минуты одиночества и раздумья, старушка нерѣдко повторяетъ:

— О, Боже мой! какое разочарованіе! И какъ могла я такъ жестоко ошибиться! Сколько я потратила терпѣнія и любви! Какъ обманула меня моя опытность!

Баронъ Штейнъ *).

Статья **Лео Кэнеля**, перев. **М. К. Цебриковой**.

Мы, французы, имѣемъ, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что чужды предразсудковъ противъ лицъ и національныхъ антипатій. Штейнъ былъ въ числѣ нашихъ самыхъ страшныхъ враговъ и за то мы тѣмъ болѣе уважаемъ память его, тѣмъ болѣе желаемъ отдать ему полную справедливость. Этого мало, мы видимъ одного изъ своихъ въ этомъ нѣмцѣ, потомкѣ феодаловъ, руководившемся въ своей государственной дѣятельности принципами, выработанными французской революціей, и мы съ нѣкоторой радостью чувствуемъ, что ореолъ, вѣнчающій его въ исторіи, составленъ изъ нашихъ собственныхъ лучей.

Судьба барона Штейна очень странная. Второй періодъ его управленія министерствомъ продолжался менѣе двухъ лѣтъ и въ такое короткое время монархія Фридриха Великаго преобразовалась въ его рукахъ. Мы не скажемъ, что онъ самъ преобразовалъ ее, потому что такія великія перемѣны—дѣло вѣковъ, и въ томъ, что касается Пруссіи, онѣ были косвеннымъ путемъ и нашимъ дѣломъ; мы знаемъ, что онѣ наступаютъ только тогда, когда созрѣетъ время. Къ тому-же баронъ Штейнъ не былъ единственнымъ работникомъ преобразованія Пруссіи: Гарденбергъ такъ-же приложилъ руку; во второмъ ряду работали Шенъ и историкъ Нибуръ; военная реорганизація страны, совершившаяся паралельно съ гражданской и политической реорганизаціей ея, была дѣломъ Шарнгорста и Гнейзенау. Давно уже идея освобожденія крестьянъ появилась въ умахъ; но имя Штейна осталось навсегда связаннымъ съ реформой, не только потому, что онъ подписывалъ манифесты объ освобожденіи, но болѣе всего потому, что онъ въ глазахъ всѣхъ приверженцевъ старины несъ за нихъ всю отвѣтственность, потому, что онъ былъ мишенью всѣхъ нападеній и выдержалъ бурю съ твердостью, достойной его имени (Штейнъ значитъ по-нѣмецки камень).

Штейну не легко доставались реформы, противъ которыхъ возставалъ и самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ, а въ особенности ратовала придворная партія, ненавидѣвшая министра. Придворные даже игнорируютъ его въ своихъ мемуарахъ. Въ двухъ толстыхъ томахъ записокъ графини фонъ-Фоссъ Штейнъ ни разу не упомянутъ; въ «Жизни королевы Луизы Прусской», написанной Елизабетой Гудзонъ, составленной по интимнымъ документамъ, въ которыхъ болѣе всего отражается настроеніе духа лицъ, близкихъ къ королевѣ, Штейнъ появляется всего одинъ разъ. Съ другой стороны, личность его наполняетъ всѣ политическіе мемуары этого времени, въ особенности подлинныя записки князя Гарденберга. Поэты воспѣвали Штейна и имя его начертано въ сердцѣ прусской націи.

Штейнъ былъ человѣкъ необыкновеннаго закала. Онъ съумѣлъ сохранить независимость характера, которая съ одной стороны граничила съ грубостью, съ другой—съ великодушіемъ. Онъ могъ быть проданнымъ людьми и не ожесточиться противъ людей. Длинный рядъ предковъ, независимыхъ и свободныхъ, подготовили феноменъ-человѣка, на котораго ничто не могло повліять, котораго ничто не могло поколебать.

II.

Бароны фонъ-Штейнъ принадлежали учрежденію, которое могло развить духъ независимости людей, пользовавшихся благами его: они были имперскими рыцарями, т. е. подчиненные только императорской коронѣ, они были совершенно независимы отъ владѣтельныхъ принцевъ, во владѣніяхъ которыхъ находились ихъ имѣнія. Имперскіе рыцари, разсѣянные по всей Германіи, составляли милицію свободныхъ людей, существованіе которыхъ отчасти было поправкой неудобства дробленія Германіи на мелкія владѣнія и уравновѣшивало мѣстныя власти въ пользу германскаго единства. Много разъ нассауские принцы пытались конфисковать привилегіи Штейновъ, но Штейны побѣдоносно боролись съ принцами и въ 1757 г.—годъ рожденія будущаго реформатора Пруссіи—родъ его всецѣло обладалъ своими старинными привилегіями: онъ владѣлъ землею Штейновъ 750 лѣтъ.

На берегахъ Лоны, одного изъ притоковъ Рейна, вырѣзаются высоко въ воздухѣ живописныя развалины древняго жилища бароновъ Штейновъ, покинутаго послѣ войнъ Людовика XIV. Посреди города Нассау стоитъ прекрасный домъ, фланкированный башнею, въ которой семейство Штейновъ искало убѣжища и начало играть роль дворянъ герцогства Нассау. Оно было примѣромъ карьеры, пройденной нѣмецкимъ дворянствомъ этой полосы Германіи. Замки его, построенные на высотахъ, были разрушены въ тридцатилѣтнюю войну; дворянство спускается въ долины, селится въ городахъ, строитъ тамъ себѣ дома и гордые рыцари начинаютъ смѣшиваться съ простыми гражданами.

Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ Штейнъ, 9-й изъ 10 человѣкъ дѣтей, первый изъ рода своего поступилъ на службу короля прусскаго. Имперскіе рыцари обыкновенно искали мѣстъ, должностей и милостей только у вѣнскаго двора. Генрихъ пренебрегъ этимъ путемъ. Даже въ связяхъ, которыя онъ заключалъ, онъ хотѣлъ быть прежде всего независимымъ и для этого принимать только добровольную службу. Онъ могъ выбрать, если-бы хотѣлъ, дипломатію или военную службу—но ни та, ни другая не привлекали его. Слабое здоровье его—онъ имѣлъ сильную наклонность къ подагрѣ—дѣлало изъ него плохого солдата; что-же касается иностранной политики, онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи, что она всегда была противна ему, потому что большинство дипломатовъ предавались только «праздности пустой». Склонность, равно какъ и способности Штейна влекли его къ администраціи и въ особенности къ финансамъ. Онъ родился практическимъ, дѣловымъ человѣкомъ. То было время, когда Тюрго во Франціи, Адамъ Смитъ въ Англіи, а въ Германіи Краусъ, ученикъ Смита, создавали или популяризировали науку политической экономіи. Штейна сильно влекло въ эту сторону. Блескъ, приданный Фридрихомъ II Пруссіи, ровно привлекалъ его, хотя то былъ заимствованный блескъ. Онъ отправился въ Берлинъ. Послѣ нѣсколькихъ годовъ ученичества, онъ былъ назначенъ директоромъ рудниковъ Веттера въ Вестфаліи. Разсказываютъ, что когда онъ въ первый разъ получилъ жалованье, въ немъ сказалась кровь имперскаго рыцаря и онъ, бросивъ золото на землю, горько заплакалъ. Черезъ нѣсколько времени Штейнъ получилъ важную должность: онъ былъ назначенъ президентомъ всѣхъ палатъ въ Вестфаліи, чѣмъ-то въ родѣ губернатора всѣхъ прусскихъ земель, находившихся въ округѣ Вестфаліи. Онъ выказалъ необыкновенную дѣятельность и началъ въ скромныхъ рамкахъ великое дѣло свое—реформы въ прусской администраціи, которое онъ долженъ былъ позже окончить, благодаря самимъ несчастіямъ страны.

Уже во время пребыванія своего въ Веттерѣ, онъ выдвинулся своими трудами по части общественнаго устройства. Онъ прокладывалъ дороги, соединялъ рѣки каналами, сдѣлалъ судоход-

*) Предлагая переводъ этой интересной статьи читателямъ, мы не сочли за нужное оговорить то, что въ ней есть исключительно французскаго во взглядахъ автора на освобожденіе крестьянъ. Читатель самъ увидитъ, что есть въ нихъ несогласнаго съ русскими взглядами. Хотя чувство національной вражды и проскальзываетъ мѣстами, быть можетъ, безсознательно и для самого автора, но онъ отдаетъ полную справедливость крупной личности Штейна, который показалъ, что можетъ въ самую бѣдственную эпоху непріятельскаго погрома, разстройства финансовъ, общаго недовольства и тайныхъ смутъ, не смотря на всѣ препятствія, поставленныя интригами продажной камарильи и не менѣе продажной бюрократіи, сдѣлать талантливый, энергическій и честный государственный человѣкъ. *Пр. пер.*

ной рѣку Суръ; все это, казалось, было для него дѣломъ легкимъ. Получивъ болѣе высокое положеніе, онъ занялся дѣломъ болѣе важнымъ для блага народовъ: освобожденіемъ отъ бюрократической опеки. Трудно составить себѣ понятіе о томъ положеніи, до какого довело народъ военное правленіе Фридриха I и Фридриха II. Все для государства было, повидимому, девизомъ Пруссіи. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, водворилась въ сильной степени административная испорченность и продажность. Штейнъ обратилъ свою дѣятельность на эту сторону и съ этого времени получилъ названіе освободителя народа не за то, за что онъ получилъ его впослѣдствіи, т. е. за открытіе доступа бѣднымъ класамъ къ поземельной собственности, но за освобожденіе ихъ отъ бюрократіи.

1804 годъ засталъ Штейна министромъ финансовъ и торговли. Король съ трудомъ рѣшился назначить его, потому что чувствовалъ «что-то въ родѣ инстинктивнаго страха въ присутствіи такой сильной личности». Штейнъ сталъ тогда на свою почву. Какъ хорошій хозяинъ, который терпѣливымъ и скромнымъ трудомъ своимъ создаетъ благосостояніе семьи, онъ своими финансовыми реформами приготовилъ политическое величіе Пруссіи. Фридрихъ II былъ дурнымъ финансистомъ, хотя онъ былъ экономенъ и скопидомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, преемникъ его, поддерживалъ систему раззорительную для страны—вооруженнаго мира. Съ 1792 г. онъ воевалъ съ Франціей и съ Польшей. Урожай 1794 г. былъ самымъ плохимъ изо всѣхъ урожаевъ, о которыхъ говорятъ прусскія лѣтописи. Наконецъ, знаменитая казна въ 55,000,000 талеровъ, оставленная наслѣдникамъ Фридрихомъ Великимъ, была истощена и нація, имѣвшая до сихъ поръ сбереженія въ своей казнѣ, выпуждена была дѣлать долги; она занимала вездѣ, гдѣ только могла: у Голандіи, у франкфуртскихъ банкировъ, у морского института и пр. и такъ какъ система постоянныхъ и на неопредѣленное время займовъ не была еще введена въ Европѣ, то приходилось прибѣгать къ тяжкимъ налогамъ для уплаты долговъ. При смерти Фридриха-Вильгельма II долгъ достигъ цифры 48,000,000 талеровъ, сумма громадная по понятіямъ того времени. Пруссія, казалось, была обречена самою природою на вѣчную бѣдность. Не говоря уже о маломъ плодородіи почвы, самое положеніе ея, какъ куска земли посреди сильныхъ сосѣдей, принуждало ее постоянно держать на-готовѣ большія арміи. Военное правительство и дорого стоющая армія—вотъ каковы были условія, которымъ была подчинена Пруссія. Въ то время, какъ, напр., Англія въ началѣ XVIII вѣка имѣла подъ ружьемъ 17,000 человѣкъ на населеніе около 10,000,000,—Пруссія съ населеніемъ въ 2,200,000 содержала 80,000 солдатъ. Эта пропорціональность, или, вѣрнѣе, непропорціональность съ тѣхъ поръ постоянно поддерживалась. Когда Штейнъ въ 1804 г. вступилъ въ министерство, вооруженный миръ былъ болѣе чѣмъ когда-либо лозунгомъ дня, потому что война была близка. Задача поправить финансы казалась неразрѣшимой, и если подумать, что через 2 года разразилась прусская катастрофа и слѣдомъ за нею платежи военныхъ контрибуцій, то мы увидимъ, при какихъ условіяхъ барону Штейну приходилось примѣнять къ своему отечеству принципы, выясненные въ «Богатствѣ народовъ».

Препятствія, съ которыми приходилось бороться Штейну, не всѣ были матеріальными препятствіями; были и нравственныя; болѣе же всего дурная система управленія дѣлала невозможными финансовыя реформы. Штейнъ могъ сказать, какъ баронъ Луи: «дайте мнѣ хорошую политику и я дамъ хорошіе финансы». Штейнъ былъ принужденъ давать и политику, и финансы. Въ то время въ Пруссіи существовала вполнѣ патріархальная система. Фридрихъ I и Фридрихъ II Великій лично управляли государственными дѣлами. При болѣе слабыхъ преемникахъ управляла камарилья. Въ Пруссіи были 2 рода министровъ: кабинетъ-министры и министры государства. Кабинетъ-министры были тайными совѣтниками короля; всего чаще, то были его личные друзья. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ III Беймъ и Ломбардъ, занимавшіе эти должности, дошли до того, что заставляли короля подписывать то, что называли прямыми приказами, которые имѣли силу декретовъ; такимъ образомъ, они управляли через головы министровъ. Сверхъ того у короля былъ интимный совѣтникъ, генералъ Кекерицъ, которому онъ, при вступленіи своемъ на престолъ и съ похвальною цѣлью, даровалъ почти отеческую власть надъ самимъ собой. Кекерицъ могъ все говорить, давать свой совѣтъ обо всѣхъ дѣлахъ и съ самыми лучшими намѣреніями путать все, потому что это былъ человѣкъ съ заслуженной репутаціей самой неоспоримой посредственности.

Уничтожить учрежденіе кабинетъ-министровъ, свергнуть камарилью, освободить короля отъ вліянія Кекерица, внушить этому государю, доброму, но безхарактерному, прочныя рѣшенія и въ тоже время преобразовать администрацію, погрязшую въ злоупотребленіяхъ,—такова была задача партіи Штейна и Гарденберга. Нечего удивляться, если Штейнъ сначала потерпѣлъ неудачу и что нужны были неслыханныя бѣдствія, обрушившіяся на Пруссію, для того, чтобы онъ одержалъ верхъ надъ сопротивленіемъ.

Штейнъ, какъ министръ, былъ свидѣтелемъ бѣдствій, онъ былъ на службѣ въ 1806 году и оставилъ ее въ 1807, но въ томъ-же году онъ снова вступилъ въ министерство и вышелъ окончательно въ 1808 г. Наполеонъ былъ исключительно виновенъ во вторичномъ изгнаніи Штейна изъ министерства, но слѣдуетъ замѣтить, что отвѣтственность за первое падаетъ всецѣло на Фридриха-Вильгельма и камарилью. Штейну пришлось вынести болѣе обиды отъ государя, которому онъ такъ хорошо служилъ, чѣмъ отъ непріятеля своего отечества. Неблагодарность короля была болѣе чувствительна для Штейна, чѣмъ была страшна ему ненависть Наполеона, и онъ въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ когда-бы то ни было, выказалъ всю твердость своего характера.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы».

(Продолженіе.)

Глава V.

Письмо покойника.

Послѣ ухода сестры, Элиза встала, заперла дверь на лѣстницу и, возвратясь въ спальню, опустилась въ кресло подлѣ постели.

— Теперь все кончено, проговорила она вслухъ:—я ихъ ненавижу. У меня нѣтъ болѣе ни родственниковъ, ни друзей.

Часу въ третьемъ ночи она неожиданно услыхала легкій стукъ въ наружную дверь и съ безпокойствомъ отворила ее.

— Здѣсь квартира г. Аристида де-Фаржа? спросилъ незнакомый ей мужчина въ дорожной одеждѣ.

— Да, отвѣчала Элиза и, полагая, что это знакомый или родственникъ покойнаго, быть можетъ, незнавшій еще объ его смерти, прибавила:—но вамъ извѣстно несчастье...

— Да, получивъ извѣстіе объ его смерти, я тотчасъ бросился на желѣзную дорогу и пріѣхалъ сюда, чтобъ исполнить его послѣднюю волю, сказалъ незнакомецъ и, войдя въ гостиную, продолжалъ, съ недоумѣніемъ посматривая на молодую дѣвушку:—я провинціальный потаріусъ, другъ дѣтства Аристида, фамилія моя Пулэ. Я полагалъ, что встрѣчу здѣсь близкаго пріятеля его г. Тенара де-Марби.

— Это мой зять.

— А вы м-ль Элиза.

— Да, отвѣчала молодая дѣвушка, покраснѣвъ.—Онъ вамъ говорилъ обо мнѣ?

— О, очень часто. Я понимаю теперь ваше присутствіе здѣсь, вы замѣняете г. и г-жу Тенаръ де-Марби.

— Да.

— Очень радъ встрѣчѣ съ вами. Именно васъ я желалъ видѣть. Бѣдный Аристидъ предчувствовалъ свою смерть и писалъ мнѣ въ прошломъ мѣсяцѣ, чтобы, въ случаѣ полученія телеграмы объ его скоропостижной смерти отъ кого-нибудь изъ его товарищей по министерству, я немедленно ѣхалъ въ Парижъ и взялъ въ сигарномъ ящикѣ, стоявшемъ на этажеркѣ въ гостиной, запечатанный конвертъ съ его духовнымъ завѣщаніемъ и письмомъ къ м-ль Элизѣ. Въ видѣ объясненія онъ прибавлялъ, что съ вами обращались очень дурно въ домѣ капитана, почти какъ съ служанкой, и что капитанъ часто присылалъ васъ къ нему, чтобъ прибрать его комнаты во время его отсутствія или исполнять его комисіи. Такимъ образомъ вамъ извѣстны были нѣкоторые секреты Аристида и онъ написалъ вамъ въ этомъ письмѣ свою послѣднюю волю насчетъ возвращенія какой-то неизвѣстной мнѣ особѣ писемъ, которыя могли-бы скомпрометировать ее. Вы понимаете, м-ль Элиза, все, что я вамъ говорю?

— Да, вотъ сигарный ящикъ, отвѣчала Элиза, взявъ ящикъ съ этажерки и подавая потаріусу.

Дѣйствительно, подъ сигарами нашелся запечатанный конвертъ, а въ немъ два тоже запечатанныхъ письма: одно съ надписью: «Мое завѣщаніе», а другое: «Г-жѣ Элизѣ Буатель».

Отдавъ послѣднее молодой дѣвушкѣ и спрятавъ въ карманъ духовное завѣщаніе, потаріусъ удалился, обѣщая придти на другое утро, когда онъ надѣялся встрѣтить г. и г-жу Марби.

— Не знаю, увидите-ли вы ихъ, отвѣчала Элиза,—мой зять былъ такъ пораженъ смертью своего друга, что слегъ въ постель.

Уходя, потаріусъ съ удивленіемъ замѣтилъ печати мироваго судьи на столахъ, шкапахъ и комодахъ.

— Что это? спросилъ онъ,—кто требовалъ описи?

— Не знаю. Мировой судья явился въ десять часовъ вечера.

— Еще страннѣе и непонятнѣе.

— Можетъ быть, этого требовали его родственники.

— У него не было никого родни. Ну, мы все это узнаемъ завтра.

Проводивъ потаріуса, Элиза вернулась къ покойнику и при свѣтѣ канделябровъ прочитала его письмо.

«Добрая, милая Элиза, я увѣренъ, что ты будешь читать эти строки со слезами, потому что ты была моимъ маленькимъ другомъ и сестрою. Это письмо тебѣ передадутъ послѣ моей смерти. Я вѣрю одной тебѣ, моя милая Элиза, и тебя прошу исполнить мою послѣднюю волю. Ты еще ребенкомъ и совершенно безсознательно начала помогать мнѣ и твоей сестрѣ скрывать нашу любовь. Ты слѣпо повиновалась своей сестрѣ. Теперь ты почти женщина и могла-бы строго судить наше поведеніе, но ты все-же осталась моимъ прежнимъ обязательнымъ, добрымъ другомъ. Благодарю милая Элиза и прошу прощенія. Я, можетъ быть, дурно поступилъ въ этомъ

случаѣ, хотя болѣе виновна твоя сестра. Но и ее нельзя строго обвинять, это было-бы несправедливо; бѣдная красавица, созданная для любви, вышла замужъ за холоднаго эгоиста. Разставшись съ своей семьей, она нашла вмѣсто любви грубое обращеніе тирана; она думала быть женою, а сдѣлалась служанкой. Благодаря этому разочарованію, она забыла свои обязанности жены. Я хотѣлъ утѣшить ее въ горѣ и сдѣлался ея любовникомъ. Надо во что-бы то ни стало простить твоей сестрѣ, Элиза; она болѣе несчастна, чѣмъ преступна. Но ты, моя милая сестричка, не должна никогда пасть такъ, какъ пала она, а для этого выходи замужъ только за любимаго человѣка. Твой мужъ долженъ быть твоимъ единственнымъ любовникомъ. Орели поддалась не хорошему чувству, самолюбію, и искала въ мужѣ не любви, а богатства. Она, рожденная для труда, захотѣла сдѣлаться знатной дамой и для этого пожертвовала единственной радостью въ жизни—любовью, основой семейной жизни. Вотъ иронія судьбы. Не желая быть работницей, она стала хуже, чѣмъ служанкой; она думала найдти въ бракѣ свободу и независимость, а нашла почти тюрьму. Повторяю, это разочарованіе извиняетъ ея поведеніе. Но что-бы она ни дѣлала, она была счастьемъ моей жизни и во всякомъ случаѣ я хочу избавить ее отъ тяжелыхъ послѣдствій. Вотъ цѣль моего письма. Милая Элиза, ты одна знаешь, гдѣ я пряталъ письма, которыя ты приносила мнѣ; надо взять эти письма и передать сестрѣ въ томъ конвертѣ, въ которомъ они находятся. Получивъ извѣстіе о моей смерти, капитанъ де-Марби, можетъ быть, тотчасъ отправится въ мою квартиру и станетъ искать оставшіяся послѣ меня бумаги во всѣхъ ящикахъ. Это именно я и хочу предупредить. При моей болѣзни я могу умереть на улицѣ и тогда нельзя будетъ отвратить опечатанія мебели. Но тогда ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать, чтобъ отворяли ящикъ съ письмами. Мое духовное завѣщаніе дастъ тебѣ на это право. Ты меня понимаешь, милая сестричка: необходимо, чтобъ съ моей смертью исчезли всѣ улики противъ твоей сестры... Дорогая моя рябая красавица,—ты любила, чтобъ я такъ тебя звалъ,—тебѣ будетъ безъ меня еще хуже, но моя смерть поставитъ тебя въ независимое положеніе. Я составилъ мое духовное завѣщаніе въ твою пользу, моя бѣдная красавица. Прощай, милая Элиза, прощай навсегда. Останься всю жизнь тою-же прекрасною женщиною, какою, зналъ тебя до сихъ поръ. Если наша душа не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то когда ты будешь читать эти строки, знай, что я невидимо запечатлѣю на твоихъ устахъ торжественный поцѣлуй вѣчной разлуки.

Твой Аристидъ».

Вся въ слезахъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, Элиза нагнулась къ покойнику.

— Я пришла за этимъ поцѣлуемъ, прошептала она и прильнула губами къ холодному лицу умершаго друга.

Морозъ пробѣжалъ по ея спинѣ; она хотѣла встать, но не могла; силы измѣнили ей и она упала безъ чувствъ на окоченѣвшій трупъ.

Было восемь часовъ утра, когда явился къ привратницѣ капитанъ Тенаръ де-Марби и спросилъ, есть-ли кто въ квартирѣ покойника? Она отвѣчала, что, кажется, его сестра, проведшая тамъ ночь, еще не уходила.

— Какъ, чортъ возьми, эта сволочь осмѣлилась придти сюда, воскликнулъ капитанъ.—Можетъ быть, она пришла сюда! чтобъ обворовать покойнаго. У нея нѣтъ ни гроша за душой.

Онъ поспѣшно поднялся въ квартиру, машинально снялъ шляпу и прошелъ прямо въ спальню. Онъ только-что хотѣлъ отдернуть занавѣсъ кровати, какъ вдругъ отскочилъ съ ужасомъ. Передъ нимъ стояла женщина, которую онъ въ первую минуту не узналъ. Она дико осмотрѣлась по сторонамъ. Глаза ихъ встрѣтились.

— Вы, вы здѣсь! сказала она, подходя къ нему.

Потомъ она вдругъ вспомнила о письмѣ Аристида и увидала его на кровати.

— О, Господи! вскрикнула она и быстро скомкала въ рукѣ письмо.

— Я такъ и думалъ, ты пришла сюда воровать, произнесъ сухо капитанъ, нахмуривъ брови.

Элиза была скорѣе поражена, чѣмъ оскорблена этимъ обвиненіемъ. Она спрятала за корсажъ письмо Аристида и, показавъ капитану пустую руку, сказала:

— Ты видишь, Илеръ, что я своровала. Еслибъ я хотѣла отомстить тебѣ за эту послѣднюю обиду, мнѣ стоило-бы только передать тебѣ это письмо. Но я сострадательнѣе тебя.

Капитанъ внѣ себя отъ злобы, что такая сволочь, какъ Элиза, смѣла еще отвѣчать ему, побагровѣлъ и не могъ промолвить ни слова. Онъ только указалъ ей рукой на гостиную и промычалъ:

— Маршъ!

Но дѣвчонка, которую онъ вѣчно преслѣдовалъ, называя уродомъ и сволочью, теперь не испугалась, а пройдя передъ нимъ въ гостиную, спокойно остановилась, гордо подняла голову и презрительно сказала:

— Наконецъ-то ты пришелъ! Тебѣ понадобились цѣлыя сутки, чтобъ додуматься до необходимости посѣтить несчастнаго.

Тенаръ де-Марби былъ приведенъ въ тупикъ необыкновенной перемѣной, происшедшей въ молодой дѣвушкѣ. Она казалась ему совершенно преобразившейся, даже съ физической стороны. Это не былъ прежній уродъ; спина у нея выпрямилась, глаза блестѣли, всѣ движенія дышали силой и граціей.

— Чего тебѣ надо? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Я не зналъ, что ты здѣсь, отвѣчалъ капитанъ; — здѣсь не мѣсто толковать о твоемъ поведеніи; мы объ этомъ поговоримъ послѣ.

Элиза пожала плечами.

— Тебѣ никогда не придется судить о моемъ поведеніи; я навсегда ушла изъ твоего дома и, слава Богу, не переступлю болѣе порога твоего дома. Я здѣсь у себя, прибавила Элиза, вспомнивая, что для капитана она была любовницей

РИСУНОКЪ АНДРІОЛЛИ.

(Къ роману Крашевскаго «Старое сказаніе»). **Гаданіе.**

Аристида:—Ты вѣдь теперь знаешь, что та, съ которой ты обращался, какъ съ служанкой, была любовницей Аристида де-Фаржа.

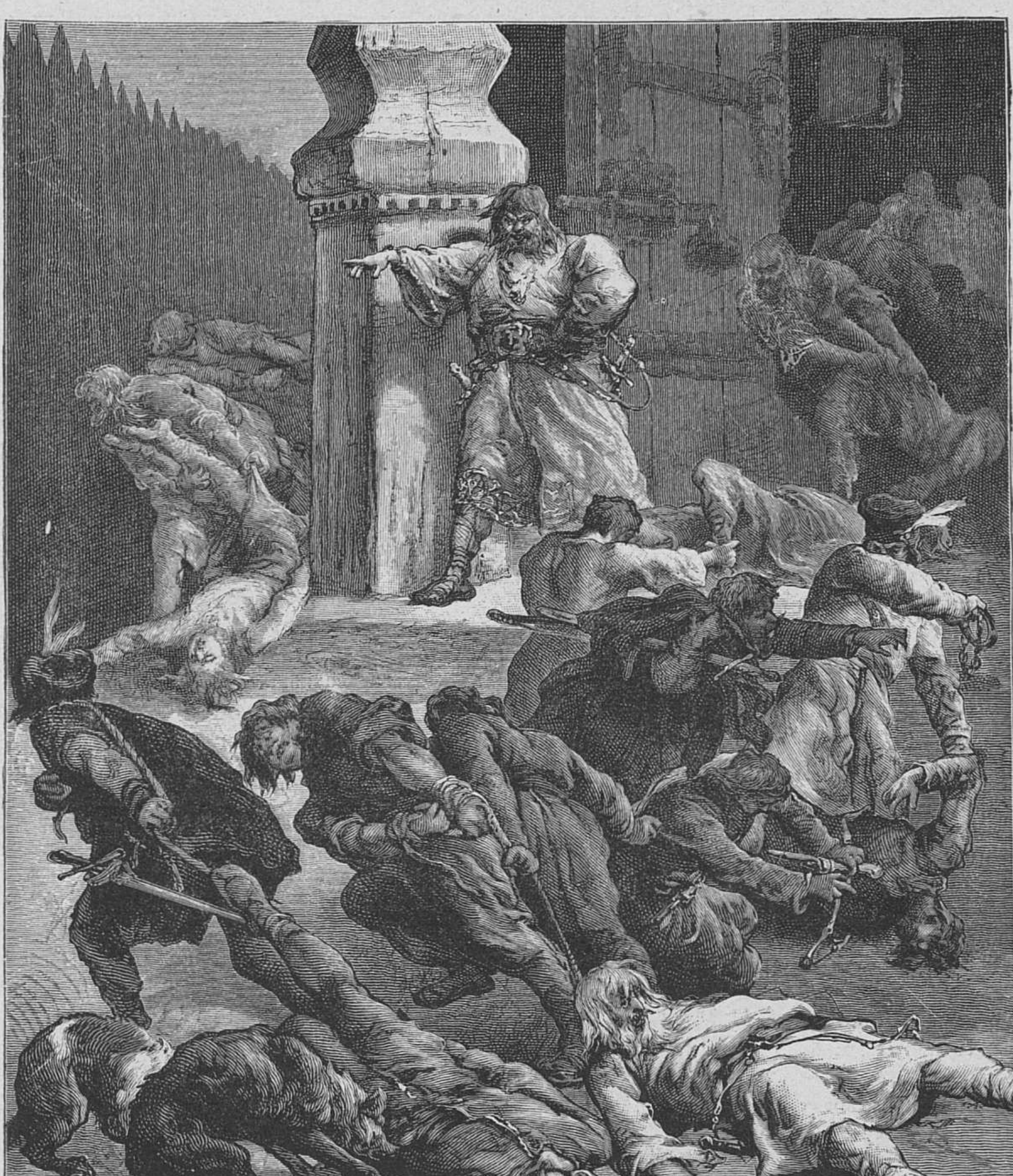
— Избавь меня отъ этого скандальнаго признанія.

— Нѣтъ, ты долженъ знать, что со мною будетъ... а то ты слишкомъ убивался бы, безпокоясь обо мнѣ.

— Повторяю, здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ, воскликнулъ капитанъ, понявъ всю горькую иронію словъ молодой дѣвушки.

— Нѣтъ, я считаю необходимымъ именно здѣсь сказать тебѣ, что я единственная наслѣдница послѣ моего любовника, г. де-Фаржа.

РИСУНОКЪ АНДРІОЛЛИ.



(Къ роману Крашевскаго «Старое сказаніе»). **Варварская расправа.**

— Это ужасно... это непостижимо. Я понимаю теперь, зачѣмъ ты убѣжала. Ты въ насъ болѣе не нуждаешься, а потому и отвернулась отъ насъ, неблагодарная.

— Я ждала отъ тебя этого упрека.

— Что?

— За что-же мнѣ быть благодарной! Во все время, что я жила у тебя, я не слыхала ни одного добраго слова, со мною обращались, какъ съ послѣдней служанкой. Меня бранили, толкали и когда случилось несчастье, то ты сказалъ про себя: «она любовница моего друга, котораго я убилъ и я лучше всего заглажу свою вину, если прогоню ее изъ дома». Вѣдь ты хотѣлъ меня прогнать и я только предупредила тебя. Но знай теперь, что я убѣжала изъ вашего дома потому, что мнѣ было стыдно имѣть такихъ родственниковъ.

— Чортъ возьми! Это уже слишкомъ!

— Несчастный мертвецъ, лежащій въ сосѣдней комнатѣ, былъ твоимъ лучшимъ другомъ. Ты его убилъ.

— Это случайность и ты въ ней виновата.

— Положимъ... но вѣдь онъ твой другъ и тебя должны бы мучить укоры совѣсти за это случайное убійство. Но тебѣ все не почемъ. Ты забылъ объ убитомъ тобою другѣ и еслибъ не я, то его похоронили бы на счетъ полиціи. Ты и твоя жена неблагодарные и я отрекаюсь отъ васъ.

— Довольно, довольно! Мы тебя воспитали и теперь ты отъ насъ уходишь; хорошо, мы ничего отъ тебя не требуемъ, но будь почтительна. Ты еще несовершеннолѣтняя и я имѣю право силою удержать тебя и не дозволить тебѣ вести ту постыдную жизнь, которую ты начала у насъ.

— Есть пороки заразительные, замѣтила со злобнымъ смѣхомъ молодая дѣвушка.

— Что? загремѣлъ капитанъ:—ты дорого заплатишь за всѣ твои дерзости. Мы опекаемъ тебя и нашъ долгъ сдѣлать все возможное для твоего исправленія.

— Я не признаю васъ своими родными. Я васъ ненавижу и одного моего слова достаточно, чтобъ накликать на вашу голову самыя страшныя несчастья. Вы не знаете, какъ вы меня измѣнили въ два дня.

— Она мнѣ угрожаетъ, эта...

Элиза гордо выпрямилась и перебила его, сверкая глазами:

— Посмѣйте только кончить свою фразу! Посмѣйте! Я у себя въ домѣ, потому что я у своего любовника. Вѣдь вы говорите всѣмъ, что Аристидъ былъ моимъ любовникомъ.

— А ты развѣ осмѣлишься отпереться?

— Нѣтъ, еще не время. Я подожду, но придетъ часъ, когда я за него отомщу.

— Что-же все это значитъ? Объяснись, наконецъ! дико заревѣлъ капитанъ, потерявъ терпѣніе и грозя ей кулаками.

Элиза бросилась въ дверь спальни.

— Вы смѣете поднимать на меня руки въ присутствіи его?

— Элиза, берегись, худо кончится.

— И для васъ также. Убирайтесь лучше по здорову, г. мой зять.

— Зачѣмъ?

— А впрочемъ, оставайтесь. Можетъ быть, вамъ пріятно будетъ слышать, какъ публика, которая соберется на похороны, скажетъ: «вотъ убійца, пришедшій хоронить свою жертву, вотъ г. Тенаръ де-Марби, отдающій послѣдній долгъ любовнику своей сестры».

— Несчастная! воскликнулъ внѣ себя отъ ярости капитанъ.

Онъ весь побагровѣлъ, точно ему дали оплеуху Какъ, онъ боялся этой дѣвчонки или мертвеца, онъ, который обагрилъ себя кровью невинныхъ жертвъ второго декабря! Нѣтъ, глупо было поддаваться нелѣпому предразсудку: уважать дѣтей и мертвыхъ!

— Ты, уродъ, смѣешь такъ говорить со мною! заревѣлъ онъ. — Ты держишь мою жизнь въ своихъ рукахъ и ты мнѣ не скажешь: почему? Нѣтъ, погоди, ты меня не знаешь еще, сволочь!

Онъ бросился за нею въ спальню. Она думала спастись подъ защитой мертваго тѣла, но, обезумѣвъ отъ гнѣва, съ налитыми кровью глазами, капитанъ схватилъ ее за плечи.

— Давай письмо, рябой чортъ! кричалъ онъ въ изступленіи;— отдай орудіе своей мести.

— Нѣтъ, ты его не получишь, подлецъ, отвѣчала Элиза, мужественно отъ него отбиваясь.

— Отдай, или я тебя задушу.

— Ты подлецъ!

Капитанъ размахнулся и съ силой ударилъ бѣднаго ребенка по щекѣ. Затѣмъ схватилъ ее за горло и разорвалъ ей корсажъ. Это дикое звѣрство заставило ее очнуться, она вскочила, вырвалась отъ него и, сжавъ письмо въ рукѣ, выбѣжала въ гостиную.

— Помогите! Помогите! Рѣжутъ! воскликнула она во все горло.

Капитанъ послѣдовалъ за нею и, схвативъ ея сжатую руку, сталъ безжалостно ее ломать.

— Помогите! Рѣжутъ! продолжала кричать несчастная.

— Зови себѣ на помощь всѣхъ чертей! заревѣлъ капитанъ:—а я все-же узнаю, что ты отъ меня скрываешь.

Рука бѣдной дѣвушки открылась отъ боли и Тенаръ уже схватилъ письмо, какъ дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вбѣжали сосѣди, испуганные крикомъ Элизы. Энергія тогда возвратилась молодой дѣвушкѣ, она рванула назадъ письмо. Оно разорвалось и уголъ остался въ рукахъ капитана.

Плачевный видъ Элизы съ разорваннымъ корсажемъ и ясными слѣдами ударовъ на щекѣ и шеѣ вызвали общее сочувствіе сбѣжавшихся къ ней на помощь людей. Тенаръ де-Марби, желая ослабить это непріятное для него сочувствіе, воскликнулъ, показывая уголокъ разорваннаго письма:

— Она хотѣла украсть и...

Но Элиза, собравшись съ силами, перебила его:

— Онъ хотѣлъ меня задушить и сорвать печати, наложенные судьею.

— А! произнесли всѣ присутствующіе.

— Я? заревѣлъ капитанъ.

Но въ эту минуту явились полицейскіе сержанты. Элиза, въ доказательство справедливости своихъ словъ, указала на одну печать, дѣйствительно, сорванную съ одного столика во время борьбы, а капитанъ только кричалъ и бранился. Охранители общественной безопасности повѣрили молодой дѣвушкѣ и увели Тенара де-Марби къ мѣстному комисару. Всѣ сосѣди послѣдовали за ними.

Черезъ часъ капитанъ вернулся домой, злобно обдумывая, какъ отомстить рябому уроду за его продѣлку. Онъ засталъ свою жену въ большой тревогѣ отъ неожиданнаго ухода мужа. На всѣ ея распросы онъ ничего не отвѣчалъ, а сунувъ руки въ карманы, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, мрачный, съ насупленными бровями. Вдругъ онъ почувствовалъ въ карманѣ лоскутокъ бумаги. Это былъ уголокъ письма, вырванный у Элизы. Онъ взялъ его, разгладилъ и, подойдя къ окну, началъ читать. Орели съ удивленіемъ смотрѣла на него.

— Черти, дьяволы! воскликнулъ онъ, наконецъ:—что все это значитъ? Г-жа Марби, пожалуйте сюда.

Орели съ испугомъ приблизилась. Неужели сестра ее выдала?

— Что съ тобой? промолвила она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Я былъ у Аристида, началъ капитанъ гнѣвно:—Твоя сестра тамъ хозяйка. Она хотѣла меня прогнать. Она мнѣ сказала, что мы оба съ тобою подлецы, что она насъ презираетъ и можетъ погубить. Она мнѣ показала письмо, въ которомъ, повидимому, было написано что-то для насъ страшное. Я хотѣлъ взять это письмо, она меня оскорбила и, позвавъ сосѣдей, велѣла меня отвести въ полицію. Ну, она за все это дорого поплатится. Вотъ у меня остался уголокъ письма, которое я не могъ у нея вырвать. Тутъ что-то кроется. Меня обманываютъ.

Орели поблѣднѣла и схватилась за стулъ, чтобъ не упасть.

— Вы обѣ всегда были противъ меня. Я одну прогналъ изъ дома и, не задумавшись, прогоню другую. Ну, говори, что это такое?

И капитанъ сунулъ женѣ лоскутокъ письма. Орели съ перваго взгляда узнала почеркъ Аристида.

— Читай! грозно скомандовалъ ея мужъ и она дрожащимъ голосомъ прочитала отрывки фразъ, которыя ей легко было востановить:

«Бѣдная красавица, рожденная для любви, вышла замужъ... сдѣлалась служанкой... этому разочарованію она и забыла свои обязанности... и сдѣлался ея любовникомъ. Надо... преступна...»

— Переверни, сухо произнесъ капитанъ.

Орели повиновалась:

«Знаешь, гдѣ я пряталъ письма, которыя ты мнѣ приносила... твоей сестрѣ... Марби... отправится въ мою квартиру... искать... бумаги... предупредить...»

— Ну, какія? грозно заревѣлъ Тенаръ.

— Въ чемъ? Что это за письмо? промолвила едва слышно Орели.

— Это письмо писано Аристидомъ, продолжалъ капитанъ, видя въ смущеніи жены доказательство своихъ недоразумѣній:—я вырвалъ этотъ лоскутокъ изъ рукъ рябой дѣвчонки. Въ письмѣ говорится о тебѣ. Это ясно! Ты красавица, рожденная для любви... выйдя за меня замужъ, ты сдѣлалась служанкой... Твоя сестра носила ему твои письма. Онъ боится, чтобъ я не пришелъ въ его квартиру и велитъ тебѣ передать письма. Подлая измѣнница, трепещи моего гнѣва! Проси пощады! прибавилъ онъ и, схвативъ ее за плечи, бросилъ на полъ.

— Нѣтъ, я прошу справедливости, я не измѣнница, произнесла Орели, вдругъ почувствовавъ въ себѣ мужество отчаянія.

— Что-же значитъ это письмо и угрозы рябой?

— Что значитъ письмо, я не знаю, но угрозы Элизы должны-бы вамъ доказать, что я не пользовалась ея услугами, она теперь меня болѣе ненавидитъ, чѣмъ васъ, за то, что я обнаружила ея недостойное поведеніе.

Эти послѣднія слова показались капитану логичными. Онъ протянулъ руку и поднялъ ее съ полу. Орели ловко воспользовалась своей первой удачей.

— Какъ! воскликнула она съ оскорбленнымъ достоинствомъ,—я должна защищаться и отъ какого обвиненія? Нѣтъ, Илеръ, я не ожидала этого отъ тебя. Вотъ награда за мою любовь и преданность. Развѣ я когда-нибудь дала тебѣ право меня подозрѣвать? Да и на чемъ основано это обвиненіе?

— Но, письмо, письмо, бормоталъ капитанъ, гнѣвъ котораго мгновенно исчезъ передъ дерзкой смѣлостью жены.

— Письмо? Да, очевидно, это послѣднее письмо, которое ей писалъ г. Марби, такъ ты узналъ его почеркъ. Я-же никогда не видала его почерка. Онъ просто успокоиваетъ въ ея ложномъ положеніи, какъ любовницы, онъ ей разсказываетъ, что онъ зналъ прежде «бѣдную красавицу, рожденную для любви, которая вышла замужъ, но не нашла любви и нѣжныхъ ласкъ, а сдѣлалась служанкой. Благодаря этому разочарованію, она забыла свои обязанности... но не такъ будетъ съ той, которую я люблю и которой я сдѣлался любовникомъ. Надо, Элиза, признать, что любовь наша не преступна». Потомъ онъ далѣе говоритъ: «Ты знаешь, гдѣ я пряталъ письма, которыя ты мнѣ приносила и въ которыхъ ты описывала все, что ты дѣлала безъ меня,—ты должна сдѣлать тоже, чтобъ мои письма не попали твоей сестрѣ. А то Тенаръ де-Марби отправится въ мою квартиру, чтобъ отыскать доказательства нашей связи. Перероетъ всѣ мои бумаги. Надо во что-бы то ни стало это предупредить». Вотъ что значитъ это письмо.

— Ты права; да оно не можетъ значить ничего другого, но я такъ тебя люблю, что при одной мысли о твоей измѣнѣ кровь моя кипитъ и я схожу съума. Право, кажется, я-бы тебя убилъ, еслибъ подозрѣнія оправдались.

— Но, подумай еще... Если г. де-Фаржъ приходилъ ко мнѣ, при одной мысли объ этомъ я краснѣю... то къ чему-же я кричала? Мнѣ надо было его просто принять въ свои объятія.

— Да, да, прости меня, воскликнулъ капитанъ, обнимая и цѣлуя жену:—я тебя такъ люблю, Орели, ты ангелъ!

Впервые въ жизни онъ былъ такъ нѣженъ съ нею.

— Но знаешь, Орели, намъ надо очень остерегаться твоей сестры, прибавилъ онъ и удалился въ свою комнату.

Оставшись одна, Орели тяжело переводила дыханіе.

— Еще одна такая побѣда и я погибла, думала она:—Неужели мнѣ всегда придется жить подъ страхомъ? И что это за страшное письмо? Когда онъ ей писалъ? Что мнѣ дѣлать?

И она погрузилась въ глубокую думу.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Источникъ любви. Эта картина—идилія любви, напоминающая о молодости, о веснѣ, о тѣхъ невозвратныхъ дняхъ счастія, которые переживаются только разъ въ жизни и не повторяются снова. Эти дѣвушка и юноша, обнявшись, склонившіеся посмотрѣть на себя въ зеркало рѣчки, может быть, еще и сами не сознаютъ, что въ ихъ сердцахъ уже пробуждается первая любовь, но скоро они ее узнаютъ. Это ясно, если-бы даже художникъ и не помѣстилъ на второмъ планѣ шаловливаго бога любви, готоваго поразить эту парочку своею мѣткою стрѣлою. Эта картина, прелестно написанная, очень красивая по линіямъ, напоминаетъ по замыслу и по характеру картины Ватто, Буше и т. п. мастеровъ той эпохи, когда были въ ходу идиліи, пастушескія сцены и т. п.

Борисъ Годуновъ и юродивый. Юродивый, увидѣвъ Бориса Годунова, идущаго изъ храма, обращается къ нему съ рѣзкими словами, съ мрачными пророчествами. Борисъ пораженъ, испуганъ. Эту сцену передаетъ молодой художникъ, нѣсколько рисунковъ котораго уже было помѣщено нами въ прошломъ году. Тщательное изученіе старинной обстановки, старинныхъ костюмовъ, старинной архитектуры, болѣе или менѣе удачная групировка дѣйствующихъ лицъ,—вотъ тѣ достоинства, которыми отличаются историческія сценки этого художника, еще только-что начинающаго свой путь. Онъ, впрочемъ можетъ радоваться, что среди массы другихъ помѣщаемыхъ въ русскихъ журналахъ илюстрацій, его рисунки не прошли незамѣченными заграницей и были выписаны отъ насъ одними изъ распространенныхъ иностранныхъ журналовъ.

Старое сказаніе.

Романъ г. Крашевскаго подъ этимъ заглавіемъ былъ роскошно изданъ въ Варшавѣ ко дню юбилея маститаго талантливаго писателя. Книга издана съ возможной роскошью. Романъ илюстрированъ талантливѣйшимъ польскимъ илюстраторомъ, художникомъ Андріоли Эта превосходно изданная книга, въ богатомъ переплетѣ, продается по 12 руб. Пріобрѣтя отъ автора право изданія его талантливаго произведенія въ русскомъ переводѣ и рисунки г. Андріоли, редакція «Живописнаго Обозрѣнія» уже приступила къ изданію, которое выйдетъ въ свѣтъ къ осени нынѣшняго года. Въ свое время будетъ объявлена и цѣна книги. Гг. подписчики на «Живописное Обозрѣніе» будутъ пользоваться значительной уступкой при покупкѣ книги. Въ настоящемъ нумерѣ мы помѣщаемъ для образца два рисунка г. Андріоли къ этому роману.

Смѣсь.

— Г. Ивановъ-Козельскій въ «Гамлетѣ» (замѣтка В. В. Чуйко). Съ отъѣздомъ Росси и до появленія на сценѣ александринскаго театра г. Иванова-Козельскаго, мы не видали мало-мальски приличнаго Гамлета, такъ какъ объ игрѣ г. Нильскаго, серьезно говоря, не можетъ быть и рѣчи. Не мудрено, поэтому, что дебютъ г. Иванова-Козельскаго явился, до извѣстной степени, событіемъ въ нашемъ театральномъ мірѣ. И дѣйствительно, мы не совсѣмъ ошиблись въ разсчетѣ: изъ всѣхъ современныхъ русскихъ Гамлетовъ—г. Иванова-Козельскаго можно считать самымъ талантливымъ. И прежде всего, онъ, несомнѣнно, умный актеръ: играетъ онъ чрезвычайно осмысленно, обдуманно, страстно, стараясь придать фигурѣ Гамлета живой, яркій образъ, тщательно оттѣняя подробности, выдѣляя, насколько возможно, Гамлета съумасшедшаго отъ Гамлета, прикидывающагося съумасшедшимъ и дѣлая осязательной ту гармоническую точку въ характерѣ датскаго принца, въ которой сливаются всѣ противорѣчія его сложной натуры. Отъ актера сравнительно молодого, не отличающагося сильнымъ, выдающимся дарованіемъ, но во всякомъ случаѣ, очень талантливаго,—было-бы несправедливостью требованіе большаго. Если Росси съ его пластикой южанина, съ его громадными средствами, съ его крупнымъ сценическимъ талантомъ—не удовлетворяетъ въ роли Гамлета; если вообще изъ всѣхъ Гамлетовъ, - русскихъ и европейскихъ,—ни одинъ не отвѣчаетъ вполнѣ тому образу, который даетъ намъ драма Шекспира, то и къ г. Иванову-Козельскому не слѣдуетъ заявлять неосуществимыхъ тре-

бованій и, указывая откровенно на недостатки его игры, намъ приходится во всякомъ случаѣ благодарить его за то, несомнѣнно, высокое наслажденіе, которое намъ доставила его игра.

А недостатки его игры тѣмъ не менѣе значительны. Но прежде, чѣмъ говорить объ нихъ, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, на первый взглядъ, можетъ быть, и парадоксальныхъ. Въ XIX столѣтіи роль принца датскаго сдѣлалась какою-то непростительною слабостью всѣхъ русскихъ и заграничныхъ jeunes premiers, подающихъ надежды. Всякій такой jeune premier считаетъ своею священною обязанностью приступить къ сценическому воспроизведенію Гамлета, и если не каждый изъ насъ осуществляетъ это благое намѣреніе, то это, конечно, зависитъ не отъ его доброй воли. Исключеніе составляютъ одни лишь французы, имѣющіе свой собственный богатый и благодарный репертуаръ. Что-же касается нашихъ русскихъ jeunes premiers, то роль Гамлета для нихъ составляетъ, по истинѣ, несчастіе, послѣдствія котораго они влачатъ, можно сказать, всю жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, эта несчастная слабость, въ большинствѣ случаевъ, губила ихъ окончательно: желаніе блеснуть тонкостью игры, проникнуть во всю глубину шекспировскаго душевнаго анализа и къ тому-же затмить своихъ многочисленныхъ соперниковъ, быть оригинальнымъ, своеобразнымъ, патетичнымъ, потрясать сердца божественными словами великаго сердцевѣдца, выжимать слезы ручьями изъ глазъ чувствительныхъ зрительницъ,—все это тѣмъ неудержимо дѣйствуетъ на молодаго актера, что онъ въ концѣ концовъ, очертя голову, бросается въ это безбрежное море роли Гамлета. Въ эти печальные дни своего существованія молодой, даже и талантливый актеръ уподобляется самому Гамлету, какимъ понималъ его Гете: уподобляется человѣку, на котораго возложено великое дѣло и который не въ силахъ выполнить его. И вотъ начинается умственная пытка: каждому слову приписывается особенный смыслъ, которому долженъ соотвѣтствовать особенный, осмысленный жестъ; принцъ датскій подвергается изслѣдованію, которое выворачиваетъ на изнанку всю его душу, всѣ его вольныя и невольныя помышленія; его душа, чувство, темпераментъ, умственныя способности, подвергаются самому тщательному анализу, изучаются коментаторы и критики, поглощается безчисленное количество всякаго рода книгъ, среди которыхъ для русскаго актера не маловажную роль играетъ Гервинусъ, и въ концѣ концовъ оказывается что-то совершенно невозможное, оказывается, что анализъ не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, всѣ коментаторы и критики противорѣчатъ другъ другу и среди этой борьбы мнѣній, изъ которой, по выраженію Вольтера, должна брызнуть (jaillir) истина, появляется какой-то непроницаемый туманъ, въ которомъ ничего нельзя разглядѣть и который похожъ на туманъ, спустившійся на терасу Эльсинора въ ту памятную ночь, когда тамъ появилась тѣнь отца Гамлета. Къ довершенію ужаса, къ этому туману присоединяются разсказы объ игрѣ знаменитыхъ актеровъ: Барбеджа, Гаррика, Кембля, Ирвинга, Девріента, Мочалова, Росси, Сальвини, Пассарда... Всѣ они понимали Гамлета различно, всѣ коментировали великое произведеніе на свой ладъ, оттѣняя одни черты, стушевывая другія, и придавая фигурѣ Гамлета тотъ или другой характеръ, сообразно духу времени, предрасположеніямъ натуры, господствующимъ теоріямъ и направленіямъ; одни дѣлали изъ него демоническую фигуру въ романтическомъ стилѣ, или реалистическую натуру съ сильными страстями, слабохарактернаго человѣка, по теоріи Гете, или человѣка капризнаго, но съ волей, по програмѣ Шлегеля, съумасшедшаго, или только прикидывающагося съумасшедшимъ. Въ этомъ хаосѣ противорѣчій и разногласій, молодой актеръ понятно теряется и, въ концѣ концовъ, полагаясь отчасти на собственныя силы, отчасти на геній Шекспира, ломаетъ себя непосильнымъ изученіемъ, создавая въ большинствѣ случаевъ нѣчто чрезвычайно искуственное, вымученное, дѣланное, въ которомъ исчезаетъ цѣльность, а подробности и детали искажены. Если-бы бѣда ограничивалась только неудачей въ роли Гамлета, то съ этимъ пожалуй можно было-бы примириться, но дѣло въ томъ, что принцъ датскій чаще всего имѣетъ пагубное вліяніе на умъ и талантъ молодого актера, котораго коснулась эта зараза нашего времени: принцъ датскій до такой степени исковеркаетъ и изломаетъ его, что онъ и потомъ, во всѣхъ другихъ роляхъ и втеченіи всей своей жизни ломается на сценѣ и тушитъ даже и ту долю священного огня, которая нѣкогда пылала въ его душѣ. Такъ что, развивая до конца этотъ кажущійся парадоксъ, можно пожалуй придти къ заключенію, что игра въ Гамлетѣ портитъ молодого актера и что, слѣдовательно, лучшій совѣтъ, который можно дать начинающему таланту, заключается въ томъ, чтобы онъ насколько возможно, не знакомился съ Шекспиромъ, который доступенъ только несомнѣнно крупнымъ, геніальнымъ актерамъ, и совершенно недоступенъ актерамъ посредственнымъ.

Мнѣ кажется, что и г. Ивановъ-Козельскій не избѣжалъ бѣды, о которой я только-что говорилъ. Прежде всего нужно замѣтить, что ни по своимъ сценическимъ средствамъ, ни по своей фигурѣ, онъ совершенно не подходитъ къ роли Гамлета. Нѣсколько подавленный, однообразный и глухой голосъ, безъ интонаціи и сильныхъ переходовъ, une voix voilée, какъ говорятъ французы, дѣлаетъ почти невозможнымъ выраженіе страсти въ сильныхъ драматическихъ моментахъ. Къ тому-же г. Козельскій малъ ростомъ, худощавъ, съ нѣсколько женственнымъ лицомъ—какъ разъ противоположность Гамлету. Правда, что одинъ газетный рецензентъ утверждалъ, будто-бы это женственное лицо, маленькій ростъ и тонкая фигура и есть принадлежность настоящаго Гамлета, но рецензенту мы все-таки не повѣрили, тѣмъ болѣе, что онъ видимо никогда не читалъ Гамлета, а если читалъ, то лишь въ переводѣ г. Кронеберга, который почему-то слова королевы: «He's fat, and scant of breath» (д. V, сц. 2) (въ буквальномъ переводѣ: онъ толстъ и съ отдышкой) передаетъ такъ: «онъ потенъ и усталъ»,—идея, можетъ быть, и очень своеобразная, и даже игривая, но нисколько не принадлежащая Шекспиру. Г. Загуляевъ въ своемъ переводѣ значительно ближе; онъ переводитъ: «онъ слишкомъ толстъ и у него отдышка». Правда, существуетъ догадка, что эта характеристика случайна и была вставлена Шекспиромъ только потому, что Барбеджъ, актеръ, который долженъ былъ играть Гамлета, былъ толстъ и съ отдышкой; но большинство коментаторовъ и критиковъ согласны въ томъ, что темпераментъ Гамлета вполнѣ отвѣчаетъ этой характеристикѣ; это темпераментъ флегматическій. Въ особенности на этомъ настаиваетъ Гервинусъ. Но и помимо несоотвѣтствующей фигуры, одинъ голосъ г. Иванова-Козельскаго, голосъ не гибкій, безъ интонаціи, однообразный, глухой,—уже составляетъ почти непреодолимое препятствіе. За неимѣніемъ надлежащихъ нотъ въ голосѣ г. Козельскій принужденъ прибѣгать къ утрировкѣ жестовъ и позъ, иногда принужденъ просто кричать. Такимъ образомъ, вы видите передъ собой не принца датскаго, уже пожившаго (Гамлету болѣе тридцати лѣтъ), испытавшаго много въ жизни, разочарованнаго скептика,—а просто истерическую женщину, которая кричитъ, плачетъ, смѣется, махаетъ руками и кидается въ настоящемъ истерическомъ припадкѣ. Такому представленію въ особенности помогаетъ женственное лицо г. Козельскаго и его маленькая, худощавая фигура. Особенно сильно и непріятно поражаетъ эта женственность въ первомъ дѣйствіи, такъ что зритель съ самаго начала теряетъ нить въ пониманіи характера Гамлета и бродитъ въ какихъ-то неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ. Нить не отыскивается и въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ, хотя г. Ивановъ-Козельскій во второмъ дѣйствіи играетъ значительно ровнѣе и спокойнѣе; не отыскивается нить потому, что весь талантъ г. Козельскаго, талантъ, во всякомъ случаѣ, не дюжинный, уходитъ на отдѣлку подробностей, по временамъ безподобную, но мелкую, безъ органической связи съ цѣлымъ. Нѣкоторыя сцены (съ Полоніемъ—«слова, слова, слова»,—съ Офеліей, съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ) замѣчательны по высоко-художественному выполненію и вполнѣ примиряютъ зрителя съ талантливымъ актеромъ, который такъ замѣчательно илюстрируетъ Шекспира, но затѣмъ вы опять видите его безсиліе справиться съ ролью, въ сценѣ, напр., съ матерью. Крайняя неровность игры, мѣстами проблески большого таланта, мѣстами—банальность и истеричность въ игрѣ, въ цѣломъ—слишкомъ видимая дѣланность, недостатокъ въ пластичности, отсутствіе полнаго и живого образа, но въ тоже время добросовѣстное изученіе драмы, обдуманность и по временамъ прекрасный пріемъ,—таковы общія черты игры г. Иванова Козельскаго. Это во всякомъ случаѣ много, но не все, что мы-бы желали видѣть въ роли Гамлета.

— Бенефисъ гг. Бинара и Лафитта. За бенефисомъ главнаго режисера михайловскаго театра слѣдовалъ бенефисъ обоихъ младшихъ, гг. Бинара и Лафитта. Капитальной пьесой спектакля была новая трехъ-актная комедія Калонна «La dispense», «соль» которой заключается въ комическомъ положеніи молодого супруга, не могущаго воспользоваться своими правами до полученія епископскаго разрѣшенія на церковный бракъ. Пьеса эта написана недурнымъ языкомъ, переполнена смѣшными сценками и смотрится легко. Исполнена была она удовлетворительно. Гг. Андріе, Нертанъ и Ренаръ по обыкновенію были лучше прочихъ. Ансамбль—недуренъ. Спектакль закончился живыми картинами, довольно хорошо поставленными. Въ матеріальномъ отношеніи бенефисъ былъ также удаченъ.

— А. И. Абаринова въ новой роли. 20 марта на сценѣ малаго театра въ извѣстной пяти-актной драмѣ «За монастырскою стѣной» въ роли Терезы, настоятельницы монастыря, выступила даровитая артистка г-жа Абаринова. Какъ пріятно было видѣть истинно-художественное и жизненно-правдивое исполненіе этой трудной, объемистой, но симпатичной и благодарной роли. Г-жа Абаринова такъ хорошо справилась со своею задачею, что чего-либо лучшаго и желать трудно. Бури аплодисментовъ наградили артистку и вызовы долго не умолкали, особенно послѣ четвертаго акта и при концѣ пьесы. Остальныя роли были распредѣлены по прежнему. Ансамбль былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ.

— Торговля дѣвушками въ Китаѣ. Китайцы ведутъ формальный торгъ молодыми дѣвушками и обращаются съ ними, какъ съ обыкновеннымъ товаромъ. Эта отрасль китайской промышленности еще очень мало извѣстна въ Европѣ. Мы знаемъ очень хорошо о подобной-же торговлѣ у другихъ восточныхъ народовъ мусульманскаго исповѣданія, но тамъ она вовсе не имѣетъ той торжественности, которая встрѣчается у китайцевъ, такъ какъ совершается болѣе втихомолку, будучи преслѣдуема европейскими націями. Въ Китаѣ-же она производится совершенно безпрепятствено слѣдующимъ образомъ: во внутреннихъ, сильно населенныхъ провинціяхъ небесной имперіи, гдѣ уже до невѣроятности велико населеніе вообще и особенно прекраснаго пола и гдѣ дѣвушки не могутъ найдти себѣ ни работы для прокормленія, ни мужей, торговцы ходятъ по домамъ, скупаютъ ихъ сотнями, сажаютъ на корабли и отправляютъ въ торговые порты и значительные приморскіе города. Въ извѣстное время года нагруженныя живымъ товаромъ суда являются у береговъ. Купцы выгружаютъ этотъ товаръ съ необыкновенною торжественностію. И на берегу, и на палубахъ судовъ играетъ музыка, сопровождаемая оглушительными ударами барабановъ и мѣдныхъ тарелокъ. Лодки ихъ раскрашиваются нарочно на этотъ случай разноцвѣтными красками самыхъ яркихъ цвѣтовъ, вывѣшиваются самые пестрые флаги, разрисованные фонарики, золотые и серебряные драконы и подобныя украшенія. На берегу также строится цѣлый рядъ изукрашенныхъ лавокъ, въ которыхъ помѣщаются пышно разряженныя дѣвушки и по китайскому обычаю сильно набѣленныя и нарумяненныя, потому что купцы хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобы продать товаръ лицомъ. На этихъ живыхъ выставкахъ появляется китайская молодежь, желающая обзавестись женами или временными подругами. Осмотрѣвъ покупку во всей подробности, покупатель отсчитываетъ купцу условленную плату за слѣдующіе предметы: во-первыхъ за купленную дѣвушку, во-вторыхъ за издержки ея провоза, за ласковое обращеніе съ нею, за нарядъ ея, за бѣлила, румяна и наконецъ за внушенныя ей изящныя манеры и утонченныя ласки, хотя на самомъ дѣлѣ, во время провоза, всякое обученіе немыслимо, такъ какъ купецъ, кромѣ наружной заботы, думаетъ объ этихъ дѣвушкахъ столько-же, сколько о стадѣ барановъ. Въ заключеніе покупатель отвозитъ дѣвушку къ себѣ домой на телѣжкѣ или отдаетъ ее посыльному, который и отводитъ ее по указанному адресу.

— Разрѣшительный мѣсяцъ. Будущій май мѣсяцъ настоящаго года есть разрѣшительный въ двѣнадцатомъ священномъ годѣ, о чемъ индійскіе жрецы оповѣстили заранѣе. Разрѣшительный мѣсяцъ называется потому, что въ этотъ только мѣсяцъ дозволяется обрядъ брака по священнымъ книгамъ. Такой мѣсяцъ бываетъ одинъ въ 12 лѣтъ. Съ особенною торжественностью брачный обрядъ совершается въ г. Гузератѣ, въ провинціи Пенджабъ, сектою Кудва-Кунбисъ. Втеченіи 11 лѣтъ родители малолѣтнихъ заранѣе приготовляютъ ихъ къ браку. Въ первый мѣсяцъ по наступленіи 12-го года выбираются депутаты отъ всѣхъ селеній и идутъ въ священную пагоду богини Мата, покровительницы брака, которая находится въ мѣст. Оонза, близъ Вишелнагара. Въ пагодѣ, послѣ ряда очистительныхъ молитвъ, избираются 12 представителей, которые, по указанію ламъ, вводятъ въ храмъ дѣвочку и ставятъ ее на колѣни предъ богинею; въ руки богини кладутъ: въ правую—папирусъ, свернутый въ трубку съ надписями мѣсяцевъ года, а въ лѣвую—корзину съ шариками, соотвѣтствующими числу дней мѣсяца. Ребенокъ съ завязанными глазами вынимаетъ изъ папируса билетикъ мѣсяца, который будетъ разрѣшительнымъ; затѣмъ, опять послѣ долгихъ молитвъ, ребенокъ вынимаетъ изъ корзины столько шариковъ, сколько въ состояніи захва-

тить въ свою ручонку, такъ что, если ребенокъ захватитъ 2, 3 или 4 шарика, то это знакъ того, что только въ эти дни обрядъ будетъ освѣщенъ божествомъ. Въ эти торжественные дни всѣ брачующіе свозятся въ пагоду, а за неимѣніемъ мѣста и около нея и благословляются жрецами. Послѣ этого совершаются жертвоприношенія и обрядъ оканчивается до слѣдующаго двѣнадцатаго года.

— **Чудачества американцевъ.** Недавно въ г. Вашингтонъ пріѣхала извѣстная въ г. Балтиморѣ красавица, которую тотчасъ по пріѣздѣ окружила толпа богатыхъ денди, которые наперерывъ одинъ передъ другимъ старались снискать ея расположеніе. Всевозможнымъ причудамъ ея не было конца; пикники, кавалькады и т. п. увеселенія быстро слѣдовали одно за другимъ, но тутъ выдался курьезный случай. Въ одну изъ кавалькадъ у красавицы споткнулась лошадь и она упала, но не прошло и минуты, какъ неустрашимая наѣздница была уже опять въ сѣдлѣ и кавалькада помчалась. По пріѣздѣ въ городъ кому-то пришло въ голову осмотрѣть лошадь и узнать причину паденія; оказалось, что лошадь потеряла подкову. Прекрасная наѣздница пожелала найдти на «счастье» эту подкову. Желающихъ отправиться на поиски оказалось такое множество, что пришлось бросить жребій,—нашедшему предназначалась отъ красавицы награда. Чрезъ нѣсколько дней счастливецъ возвратилъ по принадлежности находку, но въ измѣненномъ видѣ: подкова, оправленная въ золото и усыпанная бриліантами и рубинами, была положена на письменный столикъ, какъ пресъ. Съ этого времени подкова вошла въ моду и не только мужчины, но и дамы, носятъ такое количество подковъ на своихъ костюмахъ, что трудно вѣрить: серьги, броши, браслеты, головные уборы въ видѣ подковы; подковы-же нашиваются на платья и шляпы, даже подковываютъ сапоги и калоши; буквально весь костюмъ испещренъ блестящими подковами. Этого мало, красавица на своихъ вечерахъ говорила только по-французски, это дало поводъ устраивать вечера, на которыхъ разговорнымъ языкомъ былъ только французскій.

— **Мыльный призъ.** Недавно въ Парижѣ составилось новое общество подъ названіемъ «Мыльный пузырь», въ составъ котораго вошли лица «достойныя великой будущности». Президентомъ общества состоитъ давно извѣстная Парижу «элегантная американка». Красавица настолько съумѣла зарекомендовать себя, что является полновластною хозяйкою; она заняла громадную квартиру съ роскошнѣйшею обстановкою, куда по вечерамъ приглашаетъ гг. членовъ «на десертъ, насладиться музыкой и позабавиться дѣломъ». Собранія постоянно многолюдны. Забава состоитъ въ слѣдующемъ: по срединѣ громадной залы поставленъ огромный круглый столъ, на которомъ помѣщается громадная ваза съ теплою мыльною водою, отъ этой вазы къ краю стола проведено множество стеклянныхъ трубочекъ, съ перевитыми разноцвѣтными ленточками (сложенныя бантиками ленты носятся членами въ петлицѣ; цвѣтъ банта соотвѣтствуетъ цвѣту ленты на трубочкѣ). Вокругъ стола уставлены мягкія, но очень низенькія табуретки, такъ что возсѣдающій на ней касается стола только своею головою; сама прелестная американка помѣщается на небольшомъ возвышеніи. Забава состоитъ въ пусканіи мыльныхъ пузырей; самаго искустнаго въ этомъ бездѣльничаньи ожидаетъ награда, которую назначаетъ хозяйка. До сихъ поръ еще никто не получилъ приза—достойнаго не оказывается, между тѣмъ члены пресловутаго общества изо всѣхъ силъ выдуваютъ мыльные пузыри; нѣкоторые стараются до того, что въ изнеможеніи сваливаются подъ столъ, а красавица весело хохочетъ... Могутъ-же люди, не знающіе чѣмъ наполнить свою праздную жизнь, доходить до такого безобразія!

— **О судьбѣ изобрѣтателя книгопечатанія Гутенбергѣ** появились въ свѣтъ новыя свѣдѣнія. Изъ рукописи, найденной недавно въ Кельнѣ, явствуетъ, что Гутенбергъ поплатился жизнью за свое открытіе: его потащили за городъ и тамъ удавили. Латинская рукопись, въ которой въ довольно спутанныхъ выраженіяхъ разсказывается это событіе, написана въ 1541 году, т. е. лѣтъ 70 послѣ смерти Гутенберга.

— **Травяная бумага.** Постепенно расширяя и совершенствуя бумажное производство, переходя отъ соломы къ дереву, отъ дерева къ крапивѣ, въ настоящее время дошли, наконецъ, до возможности приготовлять бумагу изъ обыкновенной луговой травы. Въ Англіи выдана уже привилегія на изобрѣтеніе, свидѣтельствующее, что свѣже-скошенная трава, превращенная въ кашицу, даетъ при обработкѣ чрезвычайно гибкія, шелковистыя, длинныя, клейкія волокна, служащія для приготовленія бумаги, похожей на извѣстную рисовальную, такъ называемую «papier-toile», только гораздо нѣжнѣе, прозрачнѣе послѣдней. Всѣ разновидности травъ могутъ быть употреблены въ дѣло; желательно лишь скашивать ихъ до наступленія періода цвѣтенія. Впрочемъ, равно годится и зрѣлая, пожелтѣвшая трава, при условіи, чтобы соки въ ней еще сохранились; въ противномъ случаѣ основное качество волоконъ значительно измѣняется. Скошенную траву пропускаютъ между вращающимися цилиндрами, выжимающими изъ нея соки и перемалывающими волокна; затѣмъ, траву опускаютъ въ большой чанъ съ водой, гдѣ тщательно промываютъ. Температура воды не играетъ роли, но чанъ непремѣнно долженъ имѣть кромѣ настоящаго еще ложное, сѣтчатое дно, сквозь которое стекаютъ въ нижнюю часть всѣ нечистоты. Очищенную траву кипятятъ въ щелокѣ изъ соды и извести. Кипяченіе производятъ или въ открытомъ или въ закрытомъ котлѣ; въ первомъ случаѣ потребно 5, во второмъ достаточно 2 часовъ. Вынувъ обрабатываемый продуктъ изъ котла, его перемѣщаютъ въ фильтровальное корыто, гдѣ снова подвергаютъ очищенію; наконецъ, окончательно споласкиваютъ чистой водою. Полученную такимъ образомъ травяную кашицу измельчаютъ, бѣлятъ, послѣ чего она уже поступаетъ въ машину, которая и превращаетъ ее въ бумагу. Травяная бумага бываетъ различныхъ сортовъ: писчая, рисовальная, копировальная. Достоинство ея заключается въ необыкновенной тонкости и прозрачности, безъ всякаго искуственнаго проклеиванія. Въ примѣненіяхъ, гдѣ прозрачность оказывается излишнею, таковая легко устраняется. Квадратный метръ лугового пространства въ состояніи ежегодно дать отъ 3 до 7 килограмовъ свѣжей травы, слѣдовательно гектаръ—отъ 34,000 до 72,000 килограмовъ. Килограмъ свѣжей травы—въ высохшемъ видѣ представитъ отъ $^1/_4$ до $^1/_6$ своего первоначальнаго вѣса, въ среднемъ—10,600 килограмовъ съ гектара. Наконецъ, килограмъ высохшей травы (но не пересушенной) дастъ отъ $^1/_3$ до $^1/_4$ килограма готовой бумаги, что въ среднемъ составитъ 3,075 килограмовъ съ гектара.

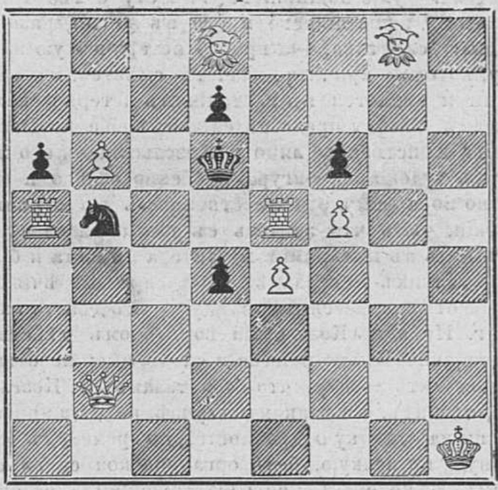
Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧИ

№ 21.

Д-ра Шведе (въ Германіи.)

Черные.



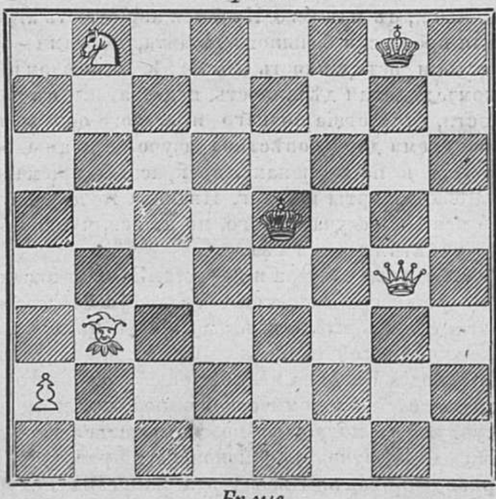
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 22.

А. Барбе.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи Кидсона № 14 (въ № 9)

1. Л a3—a7 / d7—d6	2. К b7—d8 ×
2. . . . / d7—d5	2. Ф d1—g4 ×
3. . . . / Кр e6—d5	2. Ф d1 - b3 ×
4. . . . / Ф:Ф (или e4—e3	2. К h3—f4

Есть еще варіанты.

Правильно рѣшили: *К. Сердешневъ, А. Кроль, А. Бекеневъ, Львовскій, Н. Даржанъ.*—Другіе прислали неправильныя рѣшенія; какъ на одно изъ курьезныхъ—укажемъ: 1. К h3—f4 †, Ф d2 : f4; 2. К b7—d8 × (?),—они не видятъ, что бѣлый король подъ шахомъ.

ОТВѢТЫ.

Въ виду постоянныхъ указаній нѣкоторыми лицами, что помѣщенныя нами рѣшенія задачъ неправильны, или задачи имѣютъ еще другія рѣшенія, считаемъ нужнымъ разъяснить, что помѣщенныя до сихъ поръ задачи имѣютъ только тѣ рѣшенія, которыя мы указали—другихъ не имѣютъ. «Указывающіе» сами ошибаются.—На вопросъ многихъ отвѣчаемъ: фамиліи лицъ, рѣшившихъ задачи печатаемъ только тогда, когда рѣшенія ихъ, во первыхъ, правильны, а во вторыхъ, когда имѣемъ ихъ рѣшенія за недѣлю до выхода въ свѣтъ № журнала, въ которомъ помѣщено рѣшеніе.

Просимъ придерживаться названій фигуръ и принятой нами нотаціи, указанныхъ въ № 44 «Ж. О.» за 1879 годъ. Названія же фигуръ, вродѣ «солдатики», «кавалеры» (?), «тумбы», «башни», «лауферы» и проч. вовсе не употребительны.

А. Петрову (Елецъ), *Е. Ушкову* (Казань). Найдете «въ отвѣтахъ» въ № 11 нашего журнала. Адресуйтесь прямо: въ С.-Петербургъ, въ редакцію.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 13-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 22 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 25 марта въ 7 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Стих. **Дмитрія Черткова.**—На краю пропасти, пов. **Л. Гербетъ.**—Изъ Гюго, стих. **Д. Ушакова.**—Русскія суевѣрія, очерк. **С. С. Шашкова.**—Изъ міра русскаго искуства, **Диллетанта.**—Изъ прошлаго и настоящаго Америки, ст. **Н. В. Шелгунова.**—А. Н Островскій, **В. А. Пинчука.**—Обращеніе капитана Сэма, разск. **Джона Габертона.**—Баронъ Штейнъ, ст. **Лео Кэнеля.**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Старое сказаніе.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Источникъ любви, карт **Обера.**—Рожь, карт. проф. **В. Д. Орловскаго.**—Борисъ Годуновъ и юродивый, рис. **Земцова.**—2 рис. къ ром. «Старое сказаніе» Гаданіе, рис. Андріолли.—Варварская расправа, рис. **Его-же.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1880 года, выйдетъ изъ печати и поступитъ въ продажу

АЛЬБОМЪ

УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ,

Альбомъ этотъ отпечатанъ на 24-хъ листахъ, вмѣщающихъ около 300 различныхъ узоровъ, въ стилѣ: великорусскомъ, малороссійскомъ, венгерскомъ, турецкомъ и т. п. Узоры приспособлены для вышивокъ по канвѣ, для бѣлья, для филейныхъ работъ, славянская и русская азбука, цифры и т. д. Узоры составлены по клѣткамъ и такимъ образомъ, что изъ имѣющихся въ альбомѣ образцовъ, каждый можетъ самъ составить более 1000 различныхъ узоровъ.—По изяществу, богатству содержанія и необычайной дешевизнѣ изданіе это превосходитъ всѣ подобнаго рода Альбомы, дороговизна которыхъ дѣлаетъ ихъ недоступными для большинства. Цѣна альбома въ бумажной обложкѣ 2 р.; въ англійскомъ, съ золотымъ тисненіемъ, переплетѣ (портфелѣ)—2 р. 75 к. безъ пересылки.

На пересылку альбома по почтѣ слѣдуетъ добавлять за 2 фунта по разстоянію

Адресовать: въ редакцію „ВАЗА" С.-П.-бургъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 марта 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Томъ I. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. Годъ VIII.

№ 15. На годъ съ пер. и дост.—7 руб. *Адресъ конторы редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ по 20 к. За полгода—4 руб. 5 Апрѣля 1880 года.

В. В. Верещагинъ.

Рѣзалъ на деревѣ Скржимовскій.

Близость весны.

Стих. **В. Львова.**

Въ свои мечтанья погруженный,
Иду я вдоль Невы плѣненной;
Все снѣгъ и льды—печальный видъ!
На небѣ пасмурномъ глядитъ
Луна сквозь хладные туманы,
И эти льдистыя поляны
Тоски, унынія полны,
Луной едва освѣщены;
Царитъ вездѣ морозъ трескучій,
Властитель сѣвера могучій,
Простерся мощною рукой
Надъ рабски-скованной рѣкой...
Но это рабство, вѣрь, не вѣчно—
И, дни за днями, быстротечно,
Придетъ желанная весна,
Красы чарующей полна,
И озарятся неба своды
Лучемъ живительнымъ свободы
И царствомъ свѣта и тепла
Разсѣется сѣдая мгла.
Подъ оболочкой ледяною
Волна клокочетъ за волною,
Нева, невольница на видъ,
Немало бурныхъ силъ таитъ.
Не долго ждать—и ледъ суровый—
Невы холодныя оковы—
Подъ вешнимъ пламеннымъ лучемъ
Растаетъ и забьетъ ключемъ
Вся жизнь воскреснувшей природы.
Доселѣ скованныя воды
Кору позорную сорвутъ,
Шумя и пѣнясь, потекутъ
Въ сознаньи силы горделивой—
И волны стаею бурливой
Помчатся въ дальній океанъ,
На берега чудесныхъ странъ,
Туда, гдѣ грозные буруны,
Сыны могучіе Нептуна,
О скалы мрачныя гремятъ,
Гдѣ чайки вьются и кричатъ,
Гдѣ вольный вѣтеръ лишь гуляетъ,
Дельфины съ волнами играютъ,
Жемчужины схоронены
На днѣ шумящей глубины,
Гдѣ очарованные взоры
Напрасно ищутъ край простора,
Гдѣ рать свободная валовъ
Не знаетъ холода оковъ,
Гдѣ вѣчная борьба, движенье,
Борьба стихій, безъ утомленья...

На краю пропасти.

Повѣсть **Л. Гербетъ**. Переводъ **М. Л—ой.**

(*Продолженіе.*)

IV.

Прошелъ годъ. Для мужественно боровшейся Клотильды годъ этотъ миновалъ, какъ тяжелый сонъ. Задушевное желаніе ея исполнилось. Она сполна расплатилась съ кредиторами своего мужа деньгами, только что выданными ей ея дядей и опекуномъ. Никто уже болѣе не могъ бросить камнемъ въ ея Рудольфа. Пусть теперь онъ смѣло вернется; ему ни передъ кѣмъ не придется опускать глазъ. Онъ можетъ работать и жить вмѣстѣ съ ней, конечно, очень скромно. Онъ также стремится къ новой жизни, какъ и она. Онъ, разумѣется, снова будетъ счастливъ, не смотря на измѣнившееся положеніе, они будутъ вмѣстѣ!

Въ настоящую минуту она сидѣла у дяди на дачѣ, въ той самой комнаткѣ, въ которой мечтала о миломъ, въ которой писала письмо съ тѣмъ восторженнымъ «да, согласна», возведшемъ ее въ званіе невѣсты. Она сидѣла у того-же самаго стола и снова писала милому. Какъ шесть лѣтъ тому назадъ письмо ея призывало его, ожидающаго, въ тотъ домъ, гдѣ она жила, такъ и теперь посланіе ея должно было привести его домой изъ печальной дали назадъ въ ея объятія.

Голосъ ея звучалъ такъ радостно, когда она кликнула: «войдите» въ отвѣтъ на стукъ въ ея дверь. Маленькая дѣвочка подала письмо. Клотильда, полная счастія, прижала его къ сердцу. Письмо было отъ него. Трепещущей, нетерпѣливой рукой сорвала она конвертъ. Она читала, читала и все не перевертывала листа. Вся кровь отхлынула отъ ея лица и листокъ задрожалъ въ ея пальцахъ. Ни звука не издали ея поблѣднѣвшія губы, ни одна слеза не скатилась изъ ея большихъ неподвижныхъ глазъ. Она остановилась на строкахъ, сообщавшихъ ей прекраснымъ, четкимъ почеркомъ ужасныя свѣденія. Долго просидѣла она, не отводя глазъ отъ страницы, наконецъ, перевернула листокъ, еще и еще,—схватывалась то за голову, то за сердце, и ей казалось, что она сошла съума. Не смотря на оцѣпенѣніе, она услыхала шаги, приближавшіеся къ ея двери и почти съ сверхестественной силой заставила себя принять спокойный видъ.

Та-же самая дѣвочка, которая приносила письмо, пришла ей доложить, что ея дядя желаетъ пить кофе въ ея обществѣ.

Отчего дѣвочка смотрѣла на нее удивленными глазами, полными тревоги? Клотильда сдѣлала усиліе и улыбнулась ребенку, сказавъ, что сейчасъ придетъ. Она случайно взглянула въ зеркало и въ немъ съ испугомъ увидала свое совершенно побѣлѣвшее лицо. Она стала тереть блѣдныя щеки холодной водой, заучивала улыбку.

Подойдя къ дядѣ и заговоривъ съ нимъ, она была рада, что изъ ея сжатаго горла выходятъ довольно естественные звуки. Но, когда она хотѣла налить чашку, рука ея такъ дрожала, что даже старые глаза дяди замѣтили это. Добрый старикъ долго смотрѣлъ на нее, наконецъ, сказалъ:

— Милое дитя мое, ты слишкомъ много взяла на себя; зачѣмъ ты не позволила хоть Леонгардту помочь тебѣ, если уже непремѣнно хотѣла все покончить разомъ? Зачѣмъ тебѣ надо непремѣнно самой возиться съ этими сложными денежными счетами? Все это слишкомъ тяжело для юной женской головки!

— О, нѣтъ, милый дядя, ты ошибаешься! отвѣтила она, насколько возможно убѣдительно.— Вѣдь то была радость, а радость никому не вредитъ.

— Говорить все можно, дитя мое, сказалъ дядя, покачивая головой, — но я все-таки остаюсь при своемъ: когда съ дѣтства привыкнешь къ избытку и потомъ отдашь все свое состояніе, а на будущее время ничего не остается, исключая того, что самъ себѣ заработаешь съ большимъ трудомъ, даже при полномъ здоровьи, — то это не можетъ быть легко... Но ты такъ хотѣла, продолжалъ онъ, замѣтивъ, что она собиралась ему что-то возразить, — просьбы и уговоры старика ни къ чему не привели и теперь уже дѣло сдѣлано. Я болѣе не буду объ этомъ говорить. Дозволь только своему старику-дядѣ, который любитъ тебя, какъ родной отецъ, удѣлять тебѣ, чтобы облегчить трудовую жизнь, отъ избытка своего, хотя маленькую сумму ежегодно...

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, прервала она его умоляющимъ тономъ,—благодарю тебя тысячу, тысячу разъ; объ этомъ ты со мной не заговаривай. У тебя сынъ и я ничего не хочу у него отнимать.

— Я вижу, дитя мое, ты не можешь простить мнѣ, что я въ послѣдній рѣшительный часъ поддался вліянію Леонгардта, сказалъ старикъ вполголоса и положилъ свою блѣдную руку на ея нѣжные пальцы.— Повѣрь мнѣ, во мнѣ самомъ созрѣло убѣжденіе, что я поступилъ-бы несправедливо и нарушилъ-бы долгъ совѣсти, если-бы допустилъ бросить наслѣдственное достояніе твое въ общую бездну всего уже потеряннаго. Если-бы я зналъ, что сегодня ты сама это сдѣлаешь, то, конечно...

— Пусть прошедшее покоится мирнымъ сномъ, дорогой мой дядя; не безпокойся обо мнѣ! То, чѣмъ я обязана тебѣ, мое воспитаніе, познанія, о которыхъ ты такъ отечески заботился—вотъ что мнѣ дороже денегъ и состоянія.

Слезы подступили къ глазамъ старика. Онъ погладилъ щеки Клотильды и недовѣрчиво съ недовольнымъ видомъ покачалъ сѣдой головой.

— На миломъ лицѣ твоемъ написано, дорогая моя, что ты взвалила себѣ на плечи слишкомъ тяжелую ношу; да пошлетъ тебѣ Господь силу и подкрѣпитъ тебя.

Появленіе Леонгардта избавило Клотильду отъ отвѣта. Онъ пытливо посмотрѣлъ на нее. Она предчувствовала, что затѣмъ послѣдуетъ, и не ошиблась.

— У тебя сегодня неожиданная радость, милая кузина? спросилъ Леонгардтъ своимъ рѣзкимъ голосомъ.—Ты получила письмо отъ своего Рудольфа?

— Да! письмо пришло неожиданно.

— Какъ! ты получила письмо отъ мужа и ни слова мнѣ не сказала? удивился старикъ.

— Я еще не вполнѣ прочла его, милый дядя, меня позвали къ тебѣ и чтеніе мое было прервано.

— Какъ мнѣ жаль, что такъ случилось, дорогая моя. Иди скорѣе къ себѣ, голубка, и пусть радость подкрѣпитъ тебя! У тебя такой утомленный видъ.

— Да, ты необыкновенно блѣдна, присовокупилъ Леонгардтъ, глядя на нее въ упоръ.— Штемпель на письмѣ не американскій—твой мужъ уже, вѣроятно, на пути къ дому?

— Кажется, такъ, съ болѣзненнымъ усиліемъ отвѣтила измученная молодая женщина,—мнѣ очень хочется дочитать письмо, прошу васъ—отпустите меня теперь!

И, не дожидаясь отвѣта, Клотильда поспѣшно удалилась. Въ комнатѣ своей она упала на колѣни, тяжело дыша, ломая руки и простирая ихъ къ небу, будто умоляя о пощадѣ. Потомъ она вынула письмо изъ кармана и прочла его отъ начала до конца, неподвижными, сухими глазами, но ни малѣйшій проблескъ утѣшенія не прояснилъ растеряннаго выраженія ея лица. Она машинально встала, завернулась въ шаль, закрыла лицо вуалью отъ шляпы и тихо прошла черезъ домъ и садовую калитку въ поле. Она все шла и шла, пока не достигла кладбища и маленькой цвѣтущей могилки, гдѣ покоилась ея дѣвочка. Но здѣсь силы ее оставили и, потерявъ сознаніе, она упала на холмикъ.

Сострадательная женщина, плакавшая на одной изъ сосѣднихъ могилъ, поспѣшила на помощь, какъ только увидала молодую, красивую даму, упавшую въ обморокъ. Ей скоро удалось привести Клотильду въ чувство и Клотильда изумилась, увидавъ себя на попеченіи незнакомой личности. Скорбное выраженіе ея глазъ было яснѣе словъ: «лучше-бы было умереть!»

— Не могу-ли я вамъ чѣмъ-нибудь помочь? спросила незнакомка съ участіемъ.—Не проводить-ли васъ?

— Куда? прошептала Клотильда.—Опять назадъ, къ нимъ? выдерживать ихъ допросы? Нѣтъ, не могу...

Подумавъ съ минуту, она прибавила:

— Добрая моя, окажите мнѣ большую услугу, позовите извощика, я слишкомъ слаба, чтобы идти пѣшкомъ.

— Вѣрю, вѣрю, вы такъ блѣдны... Я не долго заставлю васъ ждать, биржа близехонько.

Лишь только незнакомка удалилась, Клотильда вынула карточку изъ своего бумажника и на ней написала прощальный привѣтъ своему дядѣ:

«Мнѣ сильно не здоровится, дорогой дядя, и настоятельная потребность въ уходѣ моей вѣрной Ганны гонитъ меня домой. Прости мнѣ мой внезапный отъѣздъ. Скоро извѣститъ о себѣ подробнѣе Твоя Клотильда».

Она дала денегъ женщинѣ и попросила ее отнести записку дядѣ, сама-же поспѣшила къ дрезденскому вокзалу.

На другой день, едва забрезжило утро, Клотильда стояла передъ дверью своей скромной квартиры и слабой рукой стучала въ окно Ганны. Сонными глазами посмотрѣла старуха на улицу и въ испугѣ всплеснула руками; не одѣтая побѣжала она отворять дверь.

— Господи, Боже мой! что-же это значитъ?

— Я тебѣ все объясню въ другой разъ, Ганна, а теперь помоги мнѣ лечь въ постель; я себя очень дурно чувствую.

— О, Господи, что-же такое сдѣлали съ ней! На что похожа стала моя барынька! убивалась старуха, раздѣвая и укладывая въ постель нѣжной и привычной рукой дрожавшую, какъ въ лихорадкѣ, Клотильду. Заботливость усердной няни благотворно подѣйствовала на Клотильду, оцѣпенѣніе ея проходило и горячій потокъ слезъ облегчилъ ея грудь. Но губы оставались замкнутыми и ни одна душа не подозрѣвала, что такъ глубоко ранило и оскорбило ея благородное сердце.

Цѣлыми днями старуха Ганна ходила озабоченная. Каждый разъ, какъ она приближалась къ постели своей госпожи, она заставала ее безучастно лежащую съ закрытыми глазами; а между тѣмъ слезы текли по ея щекамъ. Но Клотильда молчала и уже вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ рѣшилась принять немного пищи. Призвать доктора Клотильда положительно запретила.

Когда Ганна на третье утро потихоньку и со страхомъ вошла въ спальню больной, она въ изумленіи остановилась на порогѣ. Клотильда одѣтая сидѣла у открытаго окна и читала.

Прекрасные, темные глаза ея глядѣли еще слабо и печально, но она съ ласковой улыбкой протянула руку Ганнѣ.

— Я тебѣ надѣлала много горя, милая няня. Теперь все прошло. Дай-ка мнѣ поѣсть; мнѣ нужно подкрѣпиться, ты знаешь, завтра я опять принимаюсь за уроки.

— Это невозможно, сударыня.

— Невозможно? почему?

— Надо вамъ прежде завести себѣ другое выраженіе глазъ; да и съ вашими блѣдными щеками трудная работа не будетъ спориться.

— Не безпокойся, Ганна, дѣятельность — лучшее лѣкарство для меня. Я могла-бы долго пролежать и ты увидала-бы, что я отъ этого не разцвѣтаю. За то сегодня я уполномочиваю тебя ходить за мной, лелѣять меня, сколько твоей душѣ угодно, и позаботиться о томъ, что-бы никто не нарушалъ моего покоя.

Клотильда мужественно принялась опять за прежнюю трудовую жизнь. Она воспользовалась разносторонними талантами своими и познаніями, чтобы давать уроки по многимъ отраслямъ, и именно это-то разнообразіе занятій облегчало ей тяжелый трудъ и даже дѣлало его интереснымъ и пріятнымъ. Любовь и привязанность ея учениць дѣйствовали на нее благотворно. Взрослыя дѣвицы и маленькія дѣвочки съ какимъ-то фанатичнымъ благоговѣніемъ смотрѣли на свою кроткую, очаровательную преподавательницу. Однажды, послѣ особенно-утомительнаго дня, Клотильда въ изнеможеніи опустилась въ свое кресло передъ рабочимъ столикомъ и дозволила себѣ минуту отдыха; но не болѣе минуты; почти тотчасъ-же трудолюбивыя руки ея взялись за иную работу. Она вязала теплый платокъ для своей няни, которая упорно и неумолимо отклоняла всякое денежное вознагражденіе за вѣрную свою службу.

Старуха заглянула въ комнату и съ тревогой въ глазахъ доложила о посѣщеніи Леонгардта. Изумленная Клотильда вскочила съ мѣста.

— Какъ! онъ здѣсь? спросила она съ испугомъ. — Что ему нужно? Введи его! сказала она и вздохнула.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

За газетой.

(Мысли про себя).

Стих. **Е. П. Пономарева.**

Всякъ молодецъ на свой образецъ.
Пословица.

„Вчера, въ А-мъ паркѣ, усмотрѣно тѣло застрѣлившагося молодого человѣка, неизвѣстнаго званія. При немъ найдена записка, въ которой онъ проситъ никого не винить въ его смерти. Производится слѣдствіе". *Изъ газетъ.*

Барышня.
Это отъ измѣны! Это отъ любви!
Торговецъ.
Нѣтъ, ты обанкруться, да потомъ — живи!
Обывательница.
Ни за что я почью не пойду туда!
Студентъ.
Не досталъ работы, подвела нужда.
Радикалъ.
Глупо такъ безцѣльно жизнью рисковать.
Старушка.
Каково-то плачетъ-изнываетъ мать!
Разочарованный.
И отлично сдѣлалъ: жизнь полна химеръ.
Безнадежно влюбленный.
Скоро мнѣ придется брать съ него примѣръ.
Духовное лицо.
Недостатокъ вѣры — основанье зла!
Интересная вдовушка.
Ахъ, сведи насъ случай, — я-бъ его спасла!
Умѣренный человѣкъ.
Модное занятье! Все пустая блажь.
Чиновникъ.
Задолжалъ, быть можетъ, запилъ — и шабашъ.
Жена.
Не былъ-ли женатъ онъ? Ревновалъ къ женѣ...
Мужъ.
Если онъ женатый, — все понятно мнѣ

Баронъ Штейнъ.

Статья **Лео Кэнеля**, перев. **М. К. Цебриковой**.

(*Окончаніе.*)

Было бы слишкомъ долго передавать всѣ обстоятельства, которыя черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ іенскаго пораженія побудили несчастнаго Фридриха-Вильгельма отослать и оскорбить человѣка, наиболѣе способнаго помочь бѣдствіямъ страны. Штейнъ, гордый имперскій рыцарь, не пользовался никогда симпатіей короля. Грубость его языка, достойная его первыхъ предковъ, независимость его взглядовъ и, не смотря на крѣпкій консерватизмъ его, либеральныя стремленія, которыя онъ получилъ вмѣстѣ и отъ преданій имперскаго рыцарства, и отъ духа вѣка, — все это не нравилось королю. Гнѣвъ Фридриха-Вильгельма разразился по поводу какихъ-то мелочей службы и разразился, какъ всегда бываетъ у слабыхъ характеровъ, безъ сдержанности и мѣры. Мы переведемъ, не смотря на длинноту его, собственноручное письмо, которое король написалъ тогда министру: «Я сначала имѣлъ предубѣжденіе противъ васъ. Я считалъ васъ человѣкомъ талантливымъ, дѣятельнымъ, способнымъ создавать великіе планы; но въ тоже время я думалъ, что вы не свободны отъ эксцентричностей генія, т. е., что вы имѣете большую увѣренность въ превосходствѣ вашего мнѣнія до такой степени, что вы не можете быть членомъ министерства, гдѣ надо обсуждать все и не раздражаться противорѣчіемъ. Я восторжествовалъ надъ своимъ предубѣжденіемъ въ отношеніи васъ, потому что всегда при выборѣ своихъ министровъ руководился болѣе благомъ народа, нежели личными привязанностями моими. Для меня дѣло необъяснимое, что вашими адвокатами передо мною въ то время были именно тѣ люди, на которыхъ вы теперь всего сильнѣе нападаете и которыхъ хотите низвергнуть (король говоритъ о своихъ кабинетъ-министрахъ и въ особенности о Беймѣ). Я уступилъ настоянію ихъ, назначивъ васъ на мѣсто Струэнзи. Вы въ совершенствѣ исполняли обязанности, которыя я вамъ довѣрилъ, и тогда я подумалъ еще болѣе приблизить васъ къ себѣ и облечь васъ еще большею властью. Ироническая выходка, неприличная въ офиціальномъ донесеніи, навлекла на васъ выговоръ отъ меня. Вы не отвѣчали. Потому-ли такъ было, что вы чувствовали вину свою? Я оставляю вопросъ этотъ въ сторонѣ. Вскорѣ послѣ этого я видѣлъ вашу подпись подъ документомъ, подписаннымъ многими лицами (король, безъ сомнѣнія, намекаетъ на адресъ 2 сентября, составленный историкомъ Мюллеромъ, подписанный многими принцами его фамиліи и Штейномъ; адресъ заключалъ представленія противъ кабинетъ-министровъ, которымъ король былъ очень оскорбленъ); форма документа этого была такова, что я считаю за лучшее пройдти ее молчаніемъ. Не смотря на все, я продолжалъ выказывать вамъ довѣріе, принимать совѣтъ вашъ въ важныхъ дѣлахъ, потому что я зналъ ваше знаніе и умъ; я даже хотѣлъ довѣрить вамъ на время портфель иностранныхъ дѣлъ. Вы отказались отъ него въ напыщенномъ письмѣ. Хотя отказъ этотъ на время ставилъ меня въ затрудненіе, я принялъ ваши доводы и подписалъ 7 декабря приказъ, согласный съ вашими административными взглядами, — приказъ, который, я полагаю, извѣстенъ вамъ. Я говорю: полагаю, потому что молчаніе ваше объ этомъ предметѣ, которое я сначала приписывалъ состоянію вашего здоровья, было бы необъяснимо безъ этой причины. Мнѣ невозможно-же приписывать его неповиновенію или намѣренію вызова, потому что въ такомъ случаѣ мнѣ приходилось бы отвести вамъ приличное помѣщеніе. Я знаю однако, какъ дерзко вы выражались и словесно, и письменно съ генералами Рюхелемъ, Застровомъ, Кекерицемъ, и мнѣ не безъизвѣстно, что вы два раза отказались представить мнѣ ваше донесеніе о дѣлѣ, входящемъ въ кругъ вашего вѣдомства. Все это принуждаетъ меня, къ моему сожалѣнію, признать, что я съ самаго начала не обманывался на счетъ вашего характера и что я долженъ видѣть въ васъ чиновника дерзкаго, непокорнаго, упрямаго, ослушнаго, который, гордясь своимъ геніемъ и своими талантами, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду благо государства, руководится только своею прихотью, дѣйствуетъ только подъ вліяніемъ страсти, ненависти и злобы. Чиновники такого рода разрушаютъ дисциплину въ другихъ. Я искренне огорченъ, что вы принудили меня высказаться въ отношеніи васъ съ такою искренностью; но такъ какъ вы выдаете себя за друга истины, я высказалъ вамъ свое мнѣніе нѣмецкимъ языкомъ. Теперь я прибавляю, что если вы не захотите измѣнить ваше непочтительное поведеніе, то государство не можетъ болѣе разсчитывать на вашу службу въ будущемъ.

Фридрихъ Вильгельмъ».

Кенигсбергъ 3 января 1807 г.

На это письмо Штейнъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: «Я получилъ приказаніе вашего

величества въ ту минуту, когда готовился къ трудному путешествію въ Мемель для серьезныхъ дѣлъ (дворъ жилъ въ то время въ Мемелѣ) и я долженъ былъ выѣхать въ эту ночь. Такъ какъ ваше величество видите во мнѣ чиновника дерзкаго, непокорнаго, упрямаго и ослушнаго, который, гордясь своимъ геніемъ и своими талантами, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду благо государства, руководится только своею прихотью, дѣйствуетъ только подъ вліяніемъ страсти, ненависти и злобы, и такъ какъ и я самъ такъ-же убѣжденъ, что чиновники такого рода могутъ только разрушать дисциплину въ другихъ, то я вынужденъ просить ваше величество соблаговолить принять мою отставку, которую я прошу позволить мнѣ вручить здѣсь, потому что при настоящихъ обстоятельствахъ поѣздка моя въ Мемель оказывается безполезной. Штейнъ».

3 января 1807 г.

Отставка была принята, но не долго Штейнъ оставался внѣ дѣла. Бѣдный прусскій король не имѣлъ силъ долго выдерживать навязанную ему роль. Его угнетали политическія событія, становившіяся все болѣе и болѣе враждебными ему; онъ получилъ совѣтъ отъ Наполеона, не испытавшаго еще на свой счетъ твердость Штейна; онъ внялъ настояніямъ Гарденберга видѣвшаго способнаго министра только въ одномъ Штейнѣ, и черезъ 8 мѣсяцевъ приказалъ написать къ опальному министру и просить его снова вступить въ управленіе дѣлами. Гарденбергъ, написалъ Штейну отъ имени короля; написалъ и Блюхеръ; принцеса Луиза Радзивилъ, сестра принца Фердинанда, съ своей стороны послала Штейну умоляющее письмо; Нибуръ и многіе присоединили свои просьбы къ приказанію короля. Штейнъ находился въ это время въ Нассау; онъ былъ серьезно боленъ съ тильзитскаго мира; его натура, раздражительная и страстная, вмѣстѣ съ наклонностью къ подагрѣ, дѣлала каждое огорченіе причиной болѣзни. Не смотря на все, онъ владѣлъ собою среди самыхъ сильныхъ мученій и, съ величіемъ души древнихъ римлянъ, продиктовалъ женѣ слѣдующее письмо:

«Его королевскому величеству.

«Я получилъ 9 августа отданное мнѣ черезъ кабинетъ-министра Гарденберга приказаніе принять портфель внутреннихъ дѣлъ. Я повинуюсь безусловно. Я оставляю вашему величеству выборъ сотрудниковъ моихъ. Въ этотъ бѣдственный часъ было бы непростительно останавливаться на личныхъ соображеніяхъ, тѣмъ болѣе, когда ваше величество показываете такіе высокіе примѣры мужества. Я выѣду, какъ только буду въ состояніи встать съ постели и проѣду черезъ Копенгагенъ, потому что дорога на Берлинъ не безопасна. Штейнъ».

III.

Наступала рѣшительная минута въ жизни Штейна, которая въ тоже время была замѣчательнымъ періодомъ въ исторіи Пруссіи. Потрясающая катастрофа 1806 г., возвращеніе Штейна къ дѣламъ и преобразованіе прусской монархіи на основаніяхъ достаточно широкихъ, чтобы на нихъ впослѣдствіи поставить имперію,—таковы были три акта исторической драмы самаго высокаго интереса. Въ драмѣ есть почти единство времени, потому что она совершилась въ 3 года.

Чтобы дать себѣ вполнѣ отчетъ въ услугѣ, оказанной человѣчеству и Германіи Штейномъ, надо припомнить, чѣмъ была организація Пруссіи передъ актомъ эмансипаціи 9 октября 1807 года. Прусское населеніе было не только раздѣлено, какъ то было повсюду, на 3 класа: дворянъ, мѣщанъ и крѣпостныхъ, но класы эти были раздѣлены на отдѣленія системой, напоминавшей кастовое устройство Индіи. Въ той-же

Зефиръ и Флора.

Рѣзалъ на деревѣ Паннемакеръ въ Парижѣ.

самой деревнѣ и между людьми, повидимому, принадлежавшими къ тому-же самому сословію, существовало 5 или 6 класовъ пруссаковъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга почти неодолимыми преградами. Земли, какъ и люди, были класифицированы не по отношенію къ свойствамъ и цѣнности ихъ, но въ силу постановленій, требовавшихъ, чтобы система касты распространялась и на землю. Это было нѣчто безконечно болѣе сложное, чѣмъ старинная организація Франціи. Идея невмѣшательства была неизвѣстна. Каждый имѣлъ свое отмѣченное при самомъ рожденіи мѣсто и оставался на немъ до смерти. Не только каждый гражданинъ былъ солдатомъ на продолжительный срокъ, но и вступивъ въ ряды гражданскаго общества, онъ оставался подчиненнымъ порядку, совершенно военному. Его состояніе, равно какъ и личность его, въ сущности, ему не принадлежали. Всѣ средства страны были занесены въ инвентарь такого рода, чтобы властелинъ могъ всегда располагать ими по своей волѣ. Свобода переходить изъ сословія въ другое, изъ одной провинціи въ другую, и еще болѣе свобода заняться торговлей безъ спеціальнаго разрѣшенія, не существовала.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ возвращенія Штейна къ дѣламъ, былъ изданъ указъ объ эмансипаціи. Уже во время перваго своего управленія министерствомъ Штейнъ выработалъ проектъ освобожденія. Надо сказать, что король не противился ему; онъ даже относился къ нему благопріятно. Но у короля не хватало рѣшимости и онъ, навѣрно, не сдѣлалъ-бы ничего и теперь, если-бы не твердость министра. Гарденбергъ не имѣлъ ни смѣлости, ни рѣшительности Штейна. Послѣдній, настоящій Наполеонъ мира, круто повернулъ дѣло и этотъ достопамятный актъ былъ совершенъ однимъ мановеніемъ. Вотъ въ сокращеніи содержанія указа: Статья 1. Каждый житель нашего государства можетъ безъ всякаго ограниченія съ нашей стороны владѣть, продавать, перепродавать и закладывать земли, будь онъ дворяниномъ, бюргеромъ или крестьяномъ. Ст. 2. Каждый дворянинъ можетъ, не унижая себя, заниматься ремеслами, считавшимися до сихъ поръ удѣломъ класа бюргеровъ. Бюргеры могутъ переходить въ сословіе крестьянъ, крестьяне въ сословіе бюргеровъ. Ст. 3 опредѣляетъ права покупки земли. Ст. 4. Разрѣшается дробить помѣстья или для продажи по частямъ или для раздѣла между совмѣстными владѣльцами. Ст. 5 опредѣляетъ новую долгосрочную аренду. Ст. 6 опредѣляетъ старую аренду. Ст. 7. Порядокъ наслѣдованія аренды. Ст. 8 опредѣляетъ маіораты и даетъ право владѣльцамъ ихъ занимать подъ залогъ ихъ, но только въ извѣстныхъ случаяхъ. Очевидно, Штейнъ не имѣлъ намѣренія уничтожить аристократію. Ст. 9 относится къ уничтоженію феодальныхъ законовъ во всемъ, касающемся іерархическихъ обязанностей. Ст. 10, 11 и 12. Три самыя важныя и мы приведемъ ихъ цѣликомъ, потому что въ нихъ заключается уничтоженіе крѣпостного права.

«Считая со дня этого указа, установляются новыя отношенія между крестьянами и помѣщиками и пр. Начиная со дня св. Мартина 1810 г., крѣпостное право всякаго рода отмѣняется въ Пруссіи. Все населеніе будетъ свободно, какъ оно свободно уже въ доменахъ короны и будетъ подчинено только общимъ законамъ».

Такимъ образомъ въ Пруссіи мирно совершился такой важный переворотъ. Въ то время, какъ французская и англійская революціи пролили рѣки крови, прусскій переворотъ мирно совершился подъ сѣнью короны. Пруссія преимущественно обязана Штейну этимъ благодѣяніемъ. Правда, что для того, чтобы это событіе стало возможно, Прус-

сія должна была пройдти черезъ крайне скорбный искусъ, путемъ позора и слезъ.

Послѣ этого великаго дѣла баронъ Штейнъ посвятилъ немногіе мѣсяцы, которые онъ еще оставался въ министерствѣ, на то, чтобы сдѣлать болѣе плодотворными фискальныя реформы, введенныя имъ предъ войною, въ виду удовлетворенія финансовыхъ средствъ побѣдителя. Два года администраціи его были для Пруссіи тѣмъ, чѣмъ было позднѣе для Франціи управленіе Тьера. Прилагая всѣ силы на то, чтобы пробудить надежды и довѣріе къ будущему, онъ увеличилъ средства страны и уплатилъ контрибуціи. Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ него. Но когда Штейнъ увидѣлъ, что золото это не освобождало землю и что французы по прежнему занимали Пруссію, вслѣдствіе роковой необходимости, созданной императорской политикой, то онъ направилъ свои усилія въ другую сторону. Испанское возстаніе подало всей Европѣ великій примѣръ, слѣдовать которому Германія была какъ нельзя болѣе расположена. Общество Тугендбунда сильно разросталось; клочья старой коалиціи стремились соединиться и Штейнъ однимъ изъ первыхъ увидѣлъ въ будущемъ лучшія времена для своего отечества. Тогда онъ началъ тайно разжигать германскій патріотизмъ, сноситься съ германскими принцами и работать скрытыми путями для освобожденія Пруссіи. Вскорѣ неосторожное письмо, адресованное имъ принцу Сейнъ-Витгенштейну, было захвачено на посланномъ имъ гонцѣ и вызвало олимпійскій гнѣвъ всесильнаго Наполеона, отвѣтившаго слѣдующимъ оскорбительнымъ для Штейна декретомъ:

«Названный Штейнъ, покушавшійся возбудить смуты въ Германіи, объявленъ врагомъ Франціи и рейнской конференціи. Имущество, которымъ вышеупомянутый Штейнъ владѣетъ во Франціи или въ земляхъ рейнской конференціи, будетъ конфисковано. Вышеупомянутый Штейнъ будетъ арестованъ повсюду, гдѣ онъ можетъ быть настигнутъ нашими войсками или войсками союзниковъ нашихъ.

«Въ нашей императорской главной квартирѣ, въ Мадридѣ, 16 декабря 1808.

Подписано: Наполеонъ».

Испуганный Фридрихъ-Вильгельмъ выказалъ полнѣйшую слабость, отказавъ друзьямъ Штейна, умолявшимъ болѣе для чести самого короля, чѣмъ для чести министра, дать орденъ черного орла человѣку, покрывшему правленіе его такимъ прочнымъ блескомъ и спасшему свое отечество.

Къ несправедливости событій (потому что, за исключеніемъ наглой формы, наполеоновскій декретъ былъ результатомъ событій), къ неблагодарности его государя, присоединились для Штейна еще оскорбленія его непримиримыхъ враговъ. Даже среди бѣдствій отечества старыя партіи не хотѣли положить оружіе. Дворянство и бюрократія были великою силою въ Пруссіи, почти единственной силой страны; нечего удивляться, если и первое, и вторая не желали разставаться съ своими привилегіями безъ ропота. Іоркъ съ самымъ наивнымъ презрѣніемъ къ Штейну такъ выразилъ чувства прусской юнкерской партіи: «Человѣкъ этотъ, писалъ онъ, — къ несчастью для насъ, учился въ Англіи своему ремеслу государственнаго человѣка и теперь онъ хочетъ примѣнить учрежденія богатой торговой и морской націи къ такой бѣдной земледѣльческой странѣ, какъ наша. Какъ онъ спѣшитъ! Едва сдѣлавшись министромъ, онъ бѣжитъ въ Мемель, выманиваетъ у короля гибельный указъ, по которому отнынѣ простолюдинъ можетъ покупать дворянскія земли, дворянинъ заниматься промыслами простолюдина. Что можетъ быть болѣе унизительно для дворянства, что болѣе противно духу нашей монархіи? Неужели-же бакалейщикъ, который купитъ имѣніе, можетъ явиться около короля въ дни опасностей? А такъ называемое рабство? Развѣ мы не знаемъ, что это не болѣе какъ филантропическій конекъ? Прекрасно! Земля теперь будетъ вродѣ монеты, которая переходитъ изъ рукъ въ руки и съ которой король, при каждомъ переходѣ, будетъ взимать извѣстную пошлину, извѣстный налогъ! Такая прекрасная идея могла родиться только въ головѣ профессора, набитой до несваренія выдумками Адама Смита. Къ несчастью, чепуха эта забралась въ голову великаго генія, котораго мы имѣемъ министромъ. Вы увидите, что онъ потребуетъ продажи даже коронныхъ имуществъ... Но у него еще и другое въ головѣ! Онъ хочетъ увеличить народонаселеніе! Даже подмастерья могутъ жениться и плодить несчастныхъ пролетаріевъ! Вотъ мы обречены на жертву пауперизму! Недоставало только этого! А уничтоженіе барщины крестьянъ! Развѣ это не посягновеніе на собственность дворянства? Право, для того, чтобы угодить ему, нужно, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ замѣнилъ девизъ своего ордена — Suum cuique, который есть основный принципъ королей Пруссіи, изображеніемъ св. Кристина» *).

Мы привели эти, въ сущности, нелѣпыя тирады, высказанныя заносчиво-самоувѣреннымъ тономъ, потому что онѣ наводятъ на размышленіе. Развѣ теперь люди такъ сильно измѣнились и развѣ юнкерскія партіи въ Пруссіи и подобныя ей въ другихъ странахъ не мечутъ всегда тѣже безсильныя стрѣлы противъ тѣхъ, кто подрываетъ стѣны, за которыми скрывается слѣпой эгоизмъ?

*) Въ легендѣ св. Кристинъ отдаетъ послѣднюю одежду нищему.

Разъ въ мѣсяцъ.

Бесѣда **И. Василевскаго (Буквы)**.

Судя по числу существующихъ въ данную минуту выставокъ, можно-бы признать Петербургъ метрополіею художествъ. Пріѣзжій человѣкъ, желая обозрѣть всѣ выставки заразъ, долженъ-бы употребить весь длинный весенній день только лишь на бѣглый и поверхностный осмотръ произведеній, разставшихся съ укромными мастерскими и выступившихъ на публичную арену. На лицо шесть выставокъ, три изъ которыхъ помѣщаются въ одномъ и томъ-же зданіи академіи художествъ. Я говорю объ офиціальной академической выставкѣ, о выставкѣ мозаическихъ произведеній и о скульптурной колекціи г. Антокольскаго. Затѣмъ, Верещагинская выставка, передвижная выставка и кромѣ того есть еще въ Морской, въ помѣщеніи «товарищества поощренія художниковъ», прекрасная серія картоновъ нѣмецкаго художника, иллюстрировавшаго гётевскаго «Фауста», кажется, въ сто первый разъ, но съ большою глубиною пониманія и выдающимся рисовальнымъ успѣхомъ. Словомъ, полдюжины выставокъ на полномъ ходу.

Не заходя въ область обстоятельной и надлежаще вооруженной художественной критики и не придавая личнымъ своимъ впечатлѣніямъ вѣса критическихъ приговоровъ, я коснусь живописи развѣ только мелькомъ. За то въ моемъ распоряженіи окажутся г. Антокольскій, коекакія любопытныя подробности, относящіяся до мозаическаго дѣла, и нѣсколько общихъ художественныхъ вопросовъ, возбужденныхъ своеобразною верещагинскою галереею и вызванною ею страстною и оживленною журнальною полемикою.

I.

Г. Антокольскій единогласно признается въ настоящее время первымъ нашимъ скульпторомъ. Природа удивительно раскидываетъ дары свои. Бѣдный еврейчикъ, дѣтство котораго пробѣжало за грошевымъ прилавкомъ въ одномъ изъ сѣверо-западныхъ центровъ, человѣкъ безъ всякой предварительной подготовки, выводящій и въ настоящее время довольно плохія каракули, дитя кагала, подавляющей бѣдности и обособленнаго семейнаго гнета, быстро пробѣгаетъ огромное разстояніе, отдѣляющее уличнаго гамэна отъ художественной знаменитости, собственными силами карабкается съ одной ступени на другую, еле останавливается для передышки на промежуточныхъ площадкахъ, находитъ по пути взмахъ мысли, смѣлость и красоту замысловъ, превосходную и огромную технику и достигаетъ тѣхъ художественныхъ высей, того аристократическаго Олимпа въ области искуства, на которомъ и созидаетъ «умирающаго Сократа».

Я говорю именно объ «умирающемъ Сократѣ» потому, что всѣ остальныя произведенія нынѣшней выставки г. Антокольскаго служатъ лишь доказательствомъ и проявленіемъ его безукоризненной техники, но представляютъ собою, по большей части, только заказные, хорошо оплаченные бюсты частныхъ лицъ, и потому имѣютъ внѣшнее и нѣсколько натянутое отношеніе къ чистому, свободному и самоцѣльному искуству. На мой взглядъ, эти произведенія даже роняютъ и сильно опошляютъ колекцію даровитаго скульптора. Можно работать для хлѣба, можно съ ироническою улыбкою на лицѣ ваять изъ мрамора и отливать изъ бронзы поясныя полуфигуры разныхъ статскихъ генераловъ и комерціи совѣтниковъ, хлѣбныхъ торговцевъ и милioнеровъ-желѣзнодорожниковъ, эта мануфактурная производительность купленнаго и нанятаго художника могла-бы совершенно спокойно остаться въ тѣни. Дѣйствительно, хорошія вещи художника только теряютъ въ своемъ достоинствѣ и въ производимомъ ими эфектѣ, благодаря уродливому и даже нечистоплотному сосѣдству. Развѣ можно безъ вопіющаго, вызываемаго у зрителя внутренняго протеста, ставить рядомъ, въ одной и той-же залѣ, съ однимъ и тѣмъ-же заботливымъ освѣщеніемъ, на однихъ и тѣхъ-же пьедесталахъ, Христа, Спинозу, Сократа съ одной стороны и банкира съ желѣзно-дорожникомъ, г. Гинцбурга съ г. Поляковымъ — съ другой? Развѣ можно помѣщать тутъ-же, возлѣ многострадальнаго, прекрасно-опоэтизированнаго лица умирающаго Бого-человѣка сутуловатый бюстъ гешефтмахера, съ плоскою, вульгарною, полутатарскаго, полуеврейскаго типа физіономіею, съ какою-то лентою черезъ плечо и орденами, украшающими подрядчическую грудь? Г. Поляковъ или г. Гинцбургъ имѣютъ полное право изготовлять свои изображенія изъ мрамора, бронзы, серебра или даже и изъ золота, — и у греческаго скульптора въ «Прекрасной Галатеѣ» банкиръ Мидасъ былъ заказчикомъ. Никто не мѣшаетъ этимъ господамъ брать къ себѣ тайкомъ на содержаніе не только чиновниковъ и французскихъ актрисъ, но еще кисть, рѣзецъ, перо и лиру: рынокъ все продаетъ и все покупаетъ. Но какое отношеніе имѣютъ они къ искуству и по какому праву залѣзаютъ они въ его чертоги?

Скульпторъ, говорю я, поступилъ весьма необдуманно, не отдѣливъ своихъ серьезныхъ работъ отъ комерческихъ заказовъ и, притащивъ на выставку цѣлый кагалъ мраморныхъ, карикатурно-напыщенныхъ евреевъ и еврeекъ, способныхъ привести въ восторгъ своими изображеніями только биржевые задворки и излюбленные маклерами трактиры.

Если уже и нельзя было избѣжать выставки бюста, напримѣръ, Самуила Полякова, то во

всякомъ случаѣ азбучный долгъ приличія велѣлъ г. Антокольскому закрыть физіономію знаменитаго дѣятеля... соотвѣтственныхъ размѣровъ фиговымъ листомъ.

Но уже и за одного Сократа можно простить художнику его неосторожную и неловкую погрѣшность.

Статуя умирающаго греческаго мыслителя — произведеніе капитальное, обладающее первостепенными, сразу бросающимися въ глаза достоинствами. Она воплотила глубокую идею въ грандіозную каменную глыбу и сообщила послѣдней жизнь, правду, краснорѣчіе и драматизмъ. Замыселъ въ этой превосходной вещи стоитъ на высотѣ ея исполненія. Если-бы г. Антокольскій не изваялъ ничего другого, кромѣ умирающаго философа, и тогда уже имя его имѣло-бы полное право на самую прочную и почетную извѣстность.

Размѣры статуи нѣсколько больше противъ обыкновенной человѣческой нормы, но они утрированы лишь на столько, на сколько нужно было для усиленія величія и крупности эфекта, производимаго композиціею. Глазъ нашъ такъ свыкся съ раскидистостью очертаній въ лѣпныхъ, отливныхъ и скульптурныхъ работахъ, что обыкновенный, мраморный или бронзовый человѣкъ казался-бы намъ нѣсколько карликоватымъ и недоразвитымъ. Сократъ умираетъ, растянувшись навзничь, на толстой, спартанской простоты скамьѣ изъ дерева. Правая рука судорожно схватилась за поручень и жметъ его въ предсмертной агоніи; лѣвая — тяжело и грузно повисла во всю длину свою. Голыя ноги въ деревянныхъ сандаліяхъ выпрямились и раскинулись, почти вертикально опираясь на края ступней. Просторный греческій хитонъ, обнажая шею и лѣвую половину груди до соска, закутываетъ всю остальную фигуру и ниспадаетъ по лѣвую сторону богатыми и живописными складками. Складки исполнены г. Антокольскимъ съ такимъ удивительнымъ совершенствомъ, что камень получилъ отъ нихъ теплоту, мягкость и нѣжность настоящей шерстяной или суконной матеріи. Зрителю хочется сжать въ пальцахъ складку, чтобы неподатливость и холодъ ея оборвали поселенный художникомъ оптическій обманъ. Складки у скульптора тоже, что тѣни у живописца. Искуство владѣть складками образуетъ въ скульптурѣ какъ-бы самостоятельную науку. Можно дѣлать изъ камня фигурныя обойщицкія драпировки, овальныя и элиптическія безвкусицы театральныхъ занавѣсовъ и можно возвышаться даже только въ подборѣ и группировкѣ складокъ до необыкновенной простоты и естественности, чуждыхъ банальности и однообразія. Г. Антокольскій неподражаемо владѣетъ этимъ очень важнымъ орнаментующимъ атрибутомъ. Совершенство его техники обманываетъ глазъ. Голову Сократа можно разсматривать, какъ самостоятельное художественное цѣлое, хотя она безподобно гармонируетъ со всею фигурою. Очевидно, что художникъ работалъ надъ нею съ особенною любовью и увлеченіемъ. Тутъ каждая жилка на вискахъ, каждая складка на челѣ и каждый мускулъ на лицѣ были продуманы и прочувствованы, чтобы полнѣе и ближе воспроизвести обликъ мудреца, величаво, но спокойно разстающагося съ жизнью. Сократъ опустилъ свою голову. Свинцовая тяжесть ея давитъ и какъ-бы оттягиваетъ шею, на которой поэтому вздулись и вытянулись безукоризненно выполненныя аорты, развѣтвленія кровяныхъ сосудовъ и мышцы. Самый строгій и точный анатомъ не нашелъ-бы здѣсь ни одной погрѣшности. Довольно густые, но не длинные, въ безпорядкѣ вьющіеся волосы, широкая борода, мохнатые усы, характерный безформенный и расплюснутый сократовскій носъ, прекрасные огромные глаза и высокій, открытый, выпуклый лобъ, служатъ дополненіемъ остального. Сократъ измученъ страданіемъ, изломанъ въ борьбѣ съ физическимъ недугомъ суетнаго тѣла, но не обезсиленъ духомъ, не обезоруженъ со стороны энергіи и паренія мысли. Глазамъ философа г. Антокольскій придалъ новый весьма сильный эфектъ. Глаза для рѣзца—самая деревянная и неблагодарная вещь. Какъ ни работать надъ ними, какъ ни отдѣлывать бровей, вѣкъ и тѣлесныхъ орбитъ, глаза все-таки будутъ выходить только мраморными, безсмысленными кружечками и ничѣмъ больше. То, что портретистъ ставитъ на первомъ планѣ, скульпторъ совсѣмъ упразднилъ-бы, если-бы только могъ. Глаза у него фатально остаются холодными, нарушающими эфектъ цѣлаго, впадинами. Г. Антокольскій вышелъ, однако, побѣдоносно изъ этого кореннаго затрудненія техники. Я сказалъ уже, что голова Сократа наклонена. Лицо философа представляется намъ поэтому не въ вертикальной плоскости, а въ наклонной. Собственно глазъ фигуры вы, стоя, не видите и тутъ весь секретъ. Дѣло въ томъ, что при избранной г. Антокольскимъ для Сократа позѣ густыя брови бросаютъ свѣтовую тѣнь на глаза, скрадываютъ ихъ холодныя, черезъ-чуръ рельефныя очертанія и вводятъ такую мягкость свѣтовыхъ тѣней и контуровъ, что вы не видите, но какъ-бы чувствуете присутствіе подъ бровями большихъ, спокойныхъ и блестящихъ сократовскихъ глазъ. Тутъ скульпторъ воспользовался тайнами свѣта и спряталъ куда-то глубоко, подъ наклоненный лобъ, то, передъ чѣмъ, по самому существу скульптуры, безсильно остановился рѣзецъ. Г. Антокольскій вторично уже прибѣгаетъ къ этому остроумному эфекту съ глазами. Онъ примѣненъ у него и къ болѣе раннему произведенію—къ «Іоанну Грозному», который тоже смотритъ изъ-подлобья.

Лицо Сократа, сказалъ я, борется съ недугомъ, но озарено спокойствіемъ и мыслію. Оно прекрасно. Оно мастерки отражаетъ внутреннія великія качества греческаго генія, поставившаго всеобщій умъ основнымъ міровымъ началомъ, подчинившаго этой единой верховной идеѣ все множественное, случайное и преходящее, доказывавшаго, что истинная мудрость совпадаетъ и сливается съ истинною добродѣтелью, и взывавшаго къ разумной свободѣ воли и мысли,—свободѣ, изъ которой должна исходить дѣятельность праведная и справедливая, «изящная и прекрасная, добрая и нравственная, гражданская и человѣческая». Все это написано, все это чувствуется и подсказывается широкимъ и открытымъ, печальнымъ и задумчивымъ лицомъ мыслителя. Торжественный-же моментъ смерти, моментъ разставанія мощнаго духа съ органическимъ безсиліемъ еще болѣе усиливаетъ общее впечатлѣніе и приковываетъ вашъ глазъ къ произведенію, въ которомъ все правдиво, все реально и въ тоже время—я не боюсь этого контраста—и въ тоже время такъ много идеальнаго.

И вдругъ, представьте себѣ, что тутъ-же, рядомъ, глазъ вашъ долженъ переноситься отъ созерцанія Сократова облика къ невольному обозрѣнію плоской, птичьей головки, съ распомаженнымъ проборомъ по серединѣ, съ подстриженными височками, съ юношески-хлыщевскою мордочкою подростающаго птенца Поляковскаго гнѣздышка.

Какая, по меньшей мѣрѣ, безвкусица и какая безтактность въ отношеніи къ искуству!

II.

6 мѣсяцевъ работать только надъ лицомъ, 3 недѣли посвящать одной лишь ручной кисти или складчатому уголку одежды и 4—5 лѣтъ втроемъ или вчетверомъ, при самомъ усердномъ и равноправномъ сотрудничествѣ каждаго, воспроизводить одну и туже картину! Знакомъ-ли вамъ примѣръ большаго терпѣнія, большей выносливости и болѣе горячей любви къ своему обособленному, безразличному для общества и матеріально неблагодарному дѣлу? Я провелъ около двухъ часовъ въ мозаической мастерской и вышелъ оттуда съ покорнымъ, смиреннымъ, растроганнымъ настроеніемъ, съ чувствомъ глубочайшаго уваженія къ нравственнымъ и профессіональнымъ качествамъ этихъ суровыхъ аскетовъ призванія и долга. Любопытный, въ самомъ дѣлѣ, контрастъ. Мозаическая выставка почти въ томъ-же домѣ, что и академическая; нѣсколько десятковъ шаговъ отдѣляетъ мастерскую однихъ отъ анфилады парадныхъ залъ, принадлежащихъ другимъ. Между тѣмъ въ это время, какъ сотни пестрой и нарядной бонвиванствующей публики съ интересомъ и удовольствіемъ останавливаются даже передъ плохими и скороспѣлыми продуктами кисти, у злополучныхъ мозаистовъ совсѣмъ безлюдно и пусто. Они, дѣйствительно, радуются всякому посѣщенію и готовы выложить вамъ всю свою душу, посвятить васъ во всѣ тайны своего каторжнаго, египетскаго труда, разъ что замѣтятъ въ васъ проблескъ любознательности и намѣреніе воздать должное этой причудливой и самобытной художественной отрасли.

Милые, добрые и бѣдные люди!

Всего на всего ихъ небольшой десятокъ на всю Россію. Нѣтъ у нихъ ни професоровъ, ни учениковъ и послѣдователей и всѣ они составляютъ одну сплоченную республиканскую семью. Тихо, просторно, свѣтло и пустынно въ ихъ громадной, слившей два этажа въ одно цѣлое, мастерской, которая смотритъ гигантскими окнами въ безлюдный академическій садикъ и служитъ ареною всей ихъ жизненной дѣятельности. Здѣсь мозаистъ какъ-бы заряжается; здѣсь онъ проводитъ нѣсколько лѣтъ за своимъ точиломъ и здѣсь онъ угасаетъ. Искуственна и случайна цѣль его существованія. Никому онъ особенно не нуженъ и никто его не спроситъ, хотя-бы у него дозрѣвали чудеснѣйшія произведенія труда и техники. Отличайся обыкновенная живопись большей устойчивостью во времени, имѣй она возможность бороться съ холодомъ и сыростью, царствующими въ церквяхъ и соборахъ, выищи она секретъ давать долговѣчность полотну и прочнѣе нынѣшняго укрѣплять масляныя краски—и не было-бы ни этой мастерской, ни этой отрасли, ни этихъ горячихъ и стоическихъ тружениковъ. Но мозаистъ закрѣпляетъ живописца. Тамъ, гдѣ нужно создать картину на цѣлые вѣка, гдѣ необходимо сохранить ее помимо всякихъ случайностей во всей ея первобытной свѣжести и силѣ, является мозаистъ и за какіе-то несчастные гроши, очень неохотно къ тому-же отпускаемые изъ разныхъ строительныхъ смѣтъ, создаетъ произведеніе, которое не боится самаго страшнаго человѣческаго пугала—времени.

Зайдите вы въ мастерскую мозаистовъ, вникните въ главныя подробности ихъ изумительной техники, порасспросите насчетъ ея пріемовъ и тогда только вы увидите, что такое, повторяю, настоящій египетскій трудъ, непоколебимое терпѣніе и преданность своей професіи. Вы остановитесь, напримѣръ, передъ огромною саженною мозаическою картиною «Снятіе со креста», предназначенною для одного изъ предѣловъ Исаакіевскаго собора. Это—картина монстръ. Вблизи она кажется живописью по стеклу, но по стеклу, расколотому варварски-систематичною рукою на милліонъ отдѣльныхъ кусочковъ, связно держащихся между собою только потому, что они склеены незамѣтнымъ цементомъ и сдавлены одною толстою неуклюжею деревянною рамою изъ полутора дюймовыхъ досокъ.

Въ картинѣ каждое лицо, каждая складка одежды, каждый вершокъ фона составлены изъ уголковъ, блестокъ, тягъ и квадратиковъ. Ничего не можетъ быть безвкуснѣе и механичнѣе этого подбора цвѣтныхъ стеклянныхъ кусочковъ, непріятно рѣжущихъ глаза, привыкшіе искать на всякой картинѣ мягкости, постепенности и свободы кисточнаго мазка или удара. Но отойдите отъ произведенія на нѣсколько саженъ назадъ, дайте возможность глазу потерять изъ виду едва замѣтныя щелки и края, обнять всю картину однимъ общимъ взглядомъ, привести въ гармонію и согласіе всѣ отдѣльныя части и вы замѣтите, что грубость техники, связывающей по рукамъ мозаиста, не мѣшаетъ ему быть истымъ и высоко даровитымъ художникомъ. Вы замѣтите, какъ борода евангелиста, сложенная изъ полинялыхъ зеленоватыхъ стеклышекъ, вдругъ получитъ нѣжный и цѣльный серебристый оттѣнокъ, великолѣпно играющій тонами и свѣтомъ; какъ бѣлесоватая фигура Христа, съ какими-то многоугольниками вмѣсто глазъ и отверстіемъ изъ камешковъ вмѣсто рта, чрезвычайно вблизи напоминающаю неуклюжія известковыя инкрустаціи на спичечницахъ и портъ-сигарахъ франценсбадскаго или маріенбадскаго происхожденія, — какъ эта фигура свободно выступитъ изъ картины бездыханнымъ, прекрасно-изображеннымъ мертвымъ тѣломъ, какъ закрытые глаза не уступятъ глазамъ, создаваемымъ живописью и какъ ротъ, при безукоризненномъ общемъ рисункѣ, дѣйствительно, сложится въ многострадальную и всепрощающую улыбку святости, любви и кротости. Вы замѣтите, какъ кропотливое, подбирающее и склеивающее мастерство возвысится до высоты живого и богатаго искусства, какъ сольются, облагородятся, заговорятъ и заиграютъ всѣми чарами живописи эти фарфоровые квадратики, уголки и призмы.

Да, мозаисты — великіе мастера своего дѣла. Весь скарбъ живописца — на его палитрѣ и кромѣ палитры нѣтъ ему ни въ чемъ другомъ надобности. Мозаистъ нуждается при своей работѣ въ цѣломъ арсеналѣ. Огромная галерея служитъ хранилищемъ только однѣхъ «красокъ» мозаиста, т. е. разноцвѣтныхъ стекловидныхъ кусочковъ, приготовляемыхъ въ особой мастерской фарфороваго завода. У мозаиста не болѣе, не менѣе, какъ 15,000 тоновъ, т. е. «красокъ»! Васъ, конечно, поразитъ эта цифра своею положительною невѣроятностью, особенно, если вспомните, что въ природѣ-то всего на всего 7 основныхъ колеровъ. Но сообразите, въ какую грандіозную массу разростется сравнительно небольшой циклъ принятыхъ въ живописи красокъ, если сразу надобно вамъ найдти въ вашей коллекціи любую **готовую краску** при какомъ угодно освѣщеніи, для какой только потребуется тѣневой или колоритной комбинаціи, — и вы получите тогда этотъ поразительный итогъ, всѣ составныя части котораго должны быть постоянно въ головѣ и на памяти у работающаго мозаиста. Скажу еще проще. Подвергните одну и туже краску свѣтовому вліянію, начиная самымъ сильнымъ солнечнымъ блескомъ и кончая самымъ слабымъ и тусклымъ. Таже краска при каждой перемѣнѣ свѣта будетъ получать иной оттѣнокъ, а каждый такой оттѣнокъ долженъ быть готовымъ къ услугамъ мозаиста. Возня предстоитъ тутъ художнику ужасная. Чтобы создать, положимъ, на картинѣ глазную орбиту, мозаисту нужно подобрать, подогнать и примирить между собою по законамъ живописи 30, 40—50 кусочковъ или «смальтъ», которые онъ тутъ-же гранитъ на точилѣ и вдавливаетъ въ гипсовую массу, служащую первоначальнымъ черновымъ фономъ картины. Чтобы изобразить, напр., голову, онъ потребуетъ уже 200—300 смальтъ, избранныхъ при этомъ съ необыкновенною осторожностью и искуствомъ, потому что иногда 2—3 невѣрно взятые кусочка могутъ повлечь за собою послѣдовательное появленіе дальнѣйшихъ, невѣрно-же избранныхъ смальтъ и испортить все произведеніе, стоившее времени года или даже и цѣлыхъ лѣтъ. А чтобы бросить, допустимъ, на всю картину яркій и плавный солнечный лучъ, провести его по всѣмъ колерамъ и контурамъ, сохранить въ немъ блескъ и скрыть грубую, такъ сказать, кусочечную технику, — для этого, согласитесь, надобно быть уже не только воплощеннымъ идеальнымъ терпѣніемъ, но еще и огромнымъ дарованіемъ, которое вынуждено ползти колѣнами по битому щебню тамъ, гдѣ обыкновенный живописецъ шагаетъ плавно и шутя.

И они ползутъ безропотно и спокойно, скрежеща иной разъ зубами, живя съ семьями своими на подкрышныхъ мансардахъ Васильевскаго острова, не пользуясь ни славою и извѣстностью, ни привѣтомъ критики и лаврами выставокъ, не имѣя ни сноснаго настоящаго, ни обезпеченнаго будущаго. Изъ года въ годъ, изо дня въ день сидятъ они въ своей безотрадной клѣткѣ, ворочаютъ точилами, стучатъ напильниками, вклеиваютъ, укладываютъ, комбинируютъ, работаютъ то съ любовью и увлеченіемъ надъ краснвымъ и осмысленнымъ картономъ, то съ тоскою и апатіею надъ сухимъ и неблагодарнымъ оригиналомъ, суетятся, хлопочутъ, ждутъ, надѣются, теряютъ годы, теряютъ силы, теряютъ зрѣніе и, въ концѣ концовъ, оказываются въ такомъ положеніи, какъ ихъ излюбленный авторитетъ и руководитель, мозаистъ Алексѣевъ, который ослѣпъ на старости, хлопоталъ въ академіи художествъ о какой бы то ни было постоянной подмогѣ, добился 150 руб. годичнаго пенсіона и, получивъ эту щедрую подачку, тутъ-же сошелъ съ ума.

Воля ваша, господа, вы можете индиферентно относиться къ мозаикѣ, какъ къ служебному дополнительному искуству, но не вправѣ не поклониться въ ноги этимъ великимъ аскетамъ долга, труда и беззавѣтнаго служенія профессіи, которая никогда не выходила изъ храма, чтобы попасть на толкучія вышки суетливо-увеселительнаго рынка.

III.

Вы, конечно, знаете живописный и поэтичный Страусовъ вальсъ «Künstlerleben». Даровитый музыкантъ очень удачно окрестилъ кличкою «жизни художника» эту прелестную бездѣлицу, Она изобилуетъ тонами мажорными, вакхическими, въ которыхъ чувствуется свобода и веселье, мелодичный звонъ дружескаго бокала и обаятельное присутствіе любимой женщины, но тамъ есть и грустныя, минорныя, причитывающія и жалующіяся ноты.

Капризомъ мысли вспомнилъ я объ этомъ вальсѣ, по поводу страстной агитаціи одной изъ нашихъ газетъ противъ В. В. Верещагина и отравившей ему много минутъ въ періодъ нынѣшняго его общепризнаннаго и вполнѣ заслуженнаго торжества.

Человѣкъ много времени провелъ на войнѣ. Увлекающійся темпераментъ и желаніе изучить человѣческую бойню во всѣхъ ея деталяхъ влекли его и къ аванпостамъ, и къ тылу арміи, и на поля битвъ, и въ дымныя собачьи солдатскія землянки, и въ походный лазаретъ, и на «оптовыя похороны» сотенъ человѣческихъ существъ, сваливаемыхъ въ одну яму при одномъ священникѣ и при одной общей панихидѣ. Художникъ видѣлъ, пережилъ и выстрадалъ все то, что создалъ онъ для нынѣшней выставки. Послѣдняя пользовалась такимъ исключительнымъ успѣхомъ именно потому, что правда била въ ней ключемъ, что полотна вопіяли и возмущали, что даже двѣ-три картины уже оставляли послѣ себя неизгладимый слѣдъ въ душѣ самаго благодушнаго зрителя. Художникъ и мыслитель, Верещагинъ не позволилъ себѣ отнестись легкомысленно и поверхностно къ недавнему печальному періоду, стоющему намъ столькихъ жертвъ. Онъ считалъ недостойнымъ серьезной, руководимой чувствомъ и разумомъ, кисти прибѣгать къ румянамъ и бѣлиламъ и подмалевывать эпизоды, въ которыхъ не было ничего, кромѣ ужаса, страсти, жестокости и безвременной гибели. Не спорю, что какой-нибудь карьеристъ щедринскаго письма пройдетъ съ небреженіемъ и даже съ негодованіемъ мимо эпопеи, отъ которой онъ привыкъ ждать средствъ для легкихъ отличій и тепленькой карьеры, но люди, умѣющіе видѣть нѣсколько дальше своего носа и привыкшіе искать внутренняго, обобщающаго смысла въ конкретныхъ и стихійныхъ явленіяхъ, какъ бы широки и крупны ни были они, что люди эти съ уваженіемъ и искреннѣйшимъ сочувствіемъ отнеслись къ выдающемуся верещагинскому таланту, связавшему рядъ своихъ картинъ изъ послѣдней войны единою краснорѣчивою идеею. Верещагина, безпристрастнаго сторонняго свидѣтеля роковыхъ событій, возмутила травля и онъ въ свою очередь возмутилъ и возмущаетъ сложившимся въ немъ рефлексомъ. Такія превосходныя полотна, какъ «Побѣжденные» — стелющееся море обезглавленныхъ труповъ, кучно отпѣваемыхъ однимъ только священникомъ съ причетникомъ изъ солдатъ, или какъ «Побѣдители» — батальная оргія турокъ вокругъ башибузука, нарядившагося въ мундиръ убитаго русскаго офицера, или какъ «Послѣдній привалъ», поэтическое царство замерзающихъ въ снѣговыхъ сугробахъ никому невѣдомыхъ героевъ, или «Транспортъ раненыхъ» — нескончаемое шествіе боли, крови, вздоховъ — независимо отъ своего подавляющаго идейнаго эфекта, служатъ еще и въ чисто художественномъ смыслѣ очень цѣнными и капитальными вкладами. А двѣ маленькія картинки «На Шипкѣ все спокойно?» А рядъ въ другомъ отдѣлѣ выставки мастерски написанныхъ маленькихъ картинокъ изъ индѣйской жизни и мѣстной природы? А волшебная лунная ночь въ Дельи, мечтательная и тихая, какъ водяное зеркало, въ которомъ любуется дрожащій свѣтовой отблескъ? А ослѣпительно блестящій снѣговыми покровами бѣлаго чистѣйшаго мрамора индійскій храмъ, у котораго, точно прикованными, останавливаются и архитекторъ-художникъ, и живописецъ, умѣющій оцѣнивать тайны и откровенія надлежаще понятой и выдержанной перспективы?

Вполнѣ удовлетворительная техника, нѣсколько эскизный, но вѣрный и талантливый рисунокъ, превосходное знакомство съ перспективою, умѣніе постигать силу эфектовъ, не доводя ихъ до грубости и утрировки, яркое и щегольское письмо, правило осмысливать всякую вещь и небреженіе дѣйствительнаго таланта къ узкой, гелертерской рутинѣ, существующей только для бездарныхъ и трудолюбивыхъ золотыхъ посредственностей, — вотъ тѣ данныя, которыя снискивали и снискиваютъ Верещагину основательный успѣхъ какъ у публики, такъ и у художественныхъ цѣнителей.

Говорить-ли о типахъ, выпавшихъ въ этотъ разъ на долю популярнаго художника?

Его укоряли въ пристрастіи и въ отсутствіи патріотизма; ему ставили въ упрекъ даже то, что онъ изобразилъ **англійскаго принца**, ѣдущаго на слонѣ въ торжественной процесіи! Въ немъ усматривали предвзятаго доктринера, желавшаго сдѣлать кисть публицистическимъ орудіемъ. За нимъ признавали только крошечный талантикъ, мизерную технику, огромное честолюбіе и безграничныя притязанія. Его обвиняли въ англофильствѣ и туркофильствѣ, въ непониманіи возвышенныхъ народныхъ теченій и въ извращеніи

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА У. Ж. МАРТЕНСА.

Любители цвѣтовъ.

Рѣзалъ на деревѣ г. Скржимовскій въ С.-Петербургѣ.

фактовъ, не взирая на то, что всѣ безпристрастные очевидцы войны готовы были скрѣпить верещагинскія картины своими подписями, не взирая на то, что Верещагинъ первый въ области художества отнесся съ истиннымъ сердоболіемъ и съ пламеннымъ сочувствіемъ къ участи и судьбѣ рядового, міромъ побѣждавшаго, но и міромъ умѣвшаго погибать, русскаго солдатика.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы».

(Продолженіе.)

Глава VI.

Какъ рѣшалась судьба дѣвицы Элизы Буатель.

Оправившись отъ испуга и негодованія, возбужденныхъ въ ней ужасной сценой съ капитаномъ Тенаромъ де-Марби, Элиза ушла въ спальню, чтобъ проститься въ послѣдній разъ съ своимъ мертвымъ другомъ, а привратницѣ поручила принять посѣтителей, которые должны были вскорѣ собраться на похороны. Вставъ на колѣни передъ покойникомъ, Элиза сказала со слезами:

— Прощай! прощай! Ты видишь, тебя окружали низкіе эгоисты; оба—и твоя любовница, и твой другъ—думаютъ только о себѣ и явились сюда лишь съ эгоистичной цѣлью. Клянусь, мой бѣдный, забытый всѣми другъ, что я отомщу за тебя. Въ эти два дня я прожила десять лѣтъ и если у всѣхъ одинъ девизъ: «Всякій за себя, а Богъ за всѣхъ», то я покараю этихъ эгоистовъ ихъ собственными пороками. Ты одинъ думалъ и сожалѣлъ обо мнѣ, клянусь, я тебя никогда не забуду и отомщу тѣмъ, которые не хотятъ помнить, что они всѣмъ были тебѣ обязаны.

Она закрыла лицо руками и горько зарыдала. Прошло нѣсколько времени и, когда она очнулась отъ этого припадка искренняго горя, гробовщики уже явились для исполненія своихъ мрачныхъ обязанностей. Она поспѣшно встала и удалилась въ комнату привратницы, не желая быть цѣлью всѣхъ вопросовъ и замѣчаній равнодушныхъ зѣвакъ, которые соберутся на похороны.

По той-же причинѣ и еще болѣе изъ отвращенія къ веселому равнодушію, съ которымъ отдавали послѣдній долгъ умершему его товарищи, Элиза не послѣдовала за гробомъ по улицамъ, а отдѣльно, незамѣченная никѣмъ, отправилась въ церковь, гдѣ въ отдаленномъ углу горячо помолилась за упокой души ея добраго друга. На кладбищѣ она также спряталась за памятниками и издали смотрѣла, какъ опустили гробъ въ могилу, какъ присутствующіе съ улыбкой и съ учтивыми поклонами другъ другу бросили горсть земли и поспѣшно разошлись почти со смѣхомъ. Особенно сіялъ довольствомъ и любезностью провинціальный нотаріусъ. Бѣдная Элиза была поражена до глубины души этимъ зрѣлищемъ. Неужели общество, въ которое она теперь вступила свободнымъ, независимымъ членомъ, было такъ создано, что все въ немъ—мишура, комедія. Стоило-ли после этого жить!

Вдругъ подлѣ нея раздался голосъ одного изъ товарищей Аристида, приходившихъ наканунѣ въ его квартиру и распорядившихся по ея просьбѣ похоронами.

— Вы, должно быть, очень устали, г. Пулэ?

— Да, ужасно, отвѣчалъ нотаріусъ: — я отправился тотчасъ по полученіи вашей телеграммы и, пріѣхавъ ночью, прямо поспѣшилъ въ его квартиру. Тамъ мнѣ пришлось поговорить нѣсколько минутъ съ маленькой...

— А, вы ее видѣли! воскликнулъ со смѣхомъ его собесѣдникъ.

— Вы смѣетесь, такъ вы поняли въ чемъ дѣло. Да, она была его любовницей.

— Мы всѣ это думали. Но, судя по тому, что вы мнѣ сказали, она не будетъ его сожалѣть.

— Я полагаю. Но мы это сейчасъ узнаемъ навѣрно. Я долженъ вскрыть его завѣщаніе. Безъ этого, вы понимаете, я не пріѣхалъ-бы сюда. Ремесло прежде всего.

— Да, дѣла всегда дѣла, но вы все-же поѣдете съ нами завтракать.

— Нѣтъ, не могу. Вы сами сказали — дѣла всегда дѣла. Я долженъ поскорѣе вернуться въ квартиру покойнаго, гдѣ меня ждетъ маленькая...

— Она знаетъ?

— Вѣроятно, предугадываетъ и вы понимаете, какъ это безпокоитъ ее. А потомъ мнѣ надо поспѣть къ часовому поѣзду.

— Прощайте, г. Пулэ, мы всѣ будемъ очень сожалѣть, что вы не завтракаете съ нами.

И они удалились съ кладбища, преслѣдуемые могильщиками, которые униженно просили на водку.

Бѣдная Элиза, слышавшая этотъ разговоръ, дрожала всѣмъ тѣломъ и схватилась руками за памятникъ, чтобъ не упасть. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ исчезли. Она осталась одна. Тогда бѣдная молодая дѣвушка подошла къ только-что засыпанной могилѣ и, опустившись на колѣни, горько зарыдала отъ горя, негодованія, злобы. Долго оставалась она такъ. Но она не молилась, даже не сдѣлала ни одного крестнаго знаменія. Ея дѣтская вѣра улетучилась при столкновеніи съ внѣшними проявленіями ея въ другихъ. Она видѣла теперь весь міръ совершенно въ иномъ свѣтѣ. Она поняла, что жизнь — борьба, въ которой побѣда остается не за добрыми и достойными, но за сильными и ловкими. Она вытерла слезы на глазахъ и поспѣшно ушла съ кладбища.

Въ квартирѣ покойнаго ее встрѣтилъ нотаріусъ, съ улыбкой объявившій ей, что ее ждали съ нетерпѣніемъ. Элиза саркастически улыбнулась и, пристально взглянувъ на него, сказала:

— Да, вы торопитесь. Дѣла всегда дѣла.

Нотаріуса удивила эта фраза, его нѣсколько смутилъ насмѣшливый взглядъ молодой дѣвушки, но онъ все-таки любезно взялъ ее за руку и ввелъ въ гостиную, гдѣ находились двое неизвѣстныхъ ей мужчинъ.

Квартира Аристида де-Фаржа приняла между тѣмъ веселый видъ. Окна были открыты, солнце радостно сіяло. Элизѣ показалось, что и природа была въ заговорѣ съ людьми, чтобъ всѣ поскорѣе забыли покойнаго. Сердце у нея сжалось и она поспѣшно отворила дверь въ спальню, гдѣ, по крайней мѣрѣ, она могла на свободѣ погрузиться въ грустныя воспоминанія. Но и тамъ все было прибрано. Съ кровати были сняты тюфяки и все въ комнатѣ приведено въ порядокъ. А въ отворенное окно точно также свѣтило веселое солнце и неслась изъ сада громкая пѣсня сосѣда. Элиза отскочила, какъ-бы ужаленная, и, упавъ въ кресло, горько зарыдала.

— Боже мой! сказалъ нотаріусъ, подойдя къ ней:—что съ вами, развѣ вы не понимаете, что все кончено.

— Я только-что вернулась съ кладбища, отвѣчала она, поднявъ голову; — боясь, что мое искреннее горе возбудитъ насмѣшки равнодушной толпы, я скрылась отъ всѣхъ.

— То-то, а я васъ вездѣ искалъ.

Эти слова были произнесены какимъ-то холоднымъ, почти насмѣшливымъ тономъ. Оскорбленная Элиза отвѣчала рѣзко;

— Я осталась одна на могилѣ, чтобъ сказать моему бѣдному другу послѣднее прости. Я подождала, пока вы всѣ удалились и слышала, что вы говорили, уходя.

Нотаріусъ покраснѣлъ до корней волосъ, но все-таки сказалъ съ улыбкой:

— Я очень сожалѣю, что этого не зналъ, я дождался-бы васъ. Но будьте увѣрены, сударыня, что если я такъ торопился, то лишь потому, что мнѣ надо было собрать, прежде чѣмъ вернуться сюда, кое-какія справки въ отношеніи васъ...

— Въ отношеніи меня?

— Да. Изъ словъ и писемъ моего покойнаго друга я могъ заключить, что его завѣщаніе будетъ въ вашу пользу и потому я хотѣлъ знать, кто вашъ опекунъ. Но по собраннымъ справкамъ оказалось, что опека уже отмѣнена.

— Да, это сдѣлано по желанію моего зятя.

— Такимъ образомъ всѣ затрудненія устранены. Потомъ я извѣстилъ г. и г-жу Марби о томъ, что мы вскроемъ завѣщаніе послѣ окончанія похоронъ, но они не пріѣхали. Вамъ предстоитъ рѣшить, надо-ли ихъ дожидаться.

Элиза поблѣднѣла при мысли, что сестра и ея мужъ могутъ вернуться, но не смотря на это, мужественно отвѣтила:

— Они не пріѣдутъ. Вы можете обойтись и безъ нихъ.

Тогда нотаріусъ представилъ ей двухъ незнакомцевъ, находившихся въ гостиной. Это были два парижскихъ нотаріуса, которыхъ онъ пригласилъ для присутствованія при вскрытіи завѣщанія. Послѣ того онъ вынулъ изъ своего портфеля конвертъ съ надписью: «Мое завѣщаніе. Открыть тотчасъ послѣ похоронъ» и показалъ его и сломанную печать своимъ товарищамъ.

— Господа, сказалъ онъ,—согласно 1007 ст. кодекса, каждое духовное завѣщаніе, прежде его исполненія, должно быть представлено въ мѣстный судъ первой степени; завѣщаніе должно быть вскрыто, если оно запечатано и, по составленіи о томъ протокола, передано предсѣдателемъ суда нотаріусу. Я уже исполнилъ эти формальности. Я думалъ, что мнѣ на это потребуется нѣсколько дней, но, по счастью, я успѣлъ все сдѣлать въ одно утро.

— Какимъ образомъ? воскликнули съ удивленіемъ его товарищи.

— Когда я прибылъ сюда ночью, г-жа Элиза Буатель мнѣ объявила, что все имущество моего бѣднаго дорогого Аристида было описано въ десять часовъ. Это обстоятельство мнѣ показалось очень страннымъ. Вы вѣдь хорошо знаете, господа, что опись производится такъ скоро въ тѣхъ случаяхъ, когда боятся захвата имущества наслѣдника или споровъ между родственниками. Но я зналъ хорошо Аристида; у него не было родни. Отецъ его былъ найденышъ и незаконный сынъ. При этихъ условіяхъ неожиданная опись показалась мнѣ непонятной и я отправился сегодня утромъ къ письмоводителю мирового судьи, который дѣлалъ опись. Тамъ я узналъ, что распоряженіе было сдѣлано по приказу предсѣдателя палаты Матье-де-Тальи. Не колеблясь ни минуты и зная, что почтенный юристъ, имѣющій входъ ко двору, со всѣми любезенъ и главное встаетъ очень рано, какъ всѣ труженики, я отправился прямо къ нему. Не успѣлъ я объяснить его секретарю въ чемъ дѣло, какъ меня тотчасъ провели къ предсѣдателю. Онъ принялъ меня очень радушно и, узнавъ въ чемъ дѣло, объявилъ, что опись была сдѣлана въ интересахъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Я этого не понялъ, но, конечно, не могъ спросить объясненія и, показавъ ему завѣщаніе Аристида, только прибавилъ, что, благодаря описи имущества покойнаго, мнѣ придется жить въ Парижѣ нѣсколько дней, пока я въ состояніи буду исполнить свою обязанность относительно вскрытія завѣщанія, а долгое отсутствіе изъ моей нотаріальной конторы принесло-бы мнѣ

большіе убытки. Онъ отвѣчалъ, что я очень хорошо сдѣлалъ, обратившись прямо къ нему, и поручилъ своему секретарю отправиться со мною къ предсѣдателю суда первой степени, увѣряя, что все будетъ кончено очень быстро. Дѣйствительно, господа, я уже получилъ всѣ необходимыя бумаги и мы можемъ приступить къ исполненію своей законной обязанности.

Онъ вынулъ изъ конверта листъ гербовой бумаги и громко его прочелъ.

«Находясь въ полномъ сознаніи и чувствуя, что вскорѣ умру отъ болѣзни, которая все усиливается во мнѣ, я написалъ это завѣщаніе.

«Я умираю счастливымъ, хотя моя жизнь была кратковременна и я уношу въ могилу пламенную любовь той, которая возбудила во мнѣ эту любовь, ей обязанъ я своимъ счастьемъ во время жизни и за это я благословляю ее. Не имѣя семейства, я расточилъ большую часть своего состоянія. Послѣ меня останется не много, но и эта бездѣлица будетъ почти состояніемъ для доброй, молодой дѣвушки, которую я любилъ, какъ сестру. Я назначаю моей единственной наслѣдницей Элизу Буатель, проживающую у г. де-Марби, своего зятя, и завѣщаю ей все, что у меня есть.

Парижъ, 13 мая 186...

Аристидъ де-Фаржъ».

Элиза снова зарыдала, а нотаріусъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ:

— Господа, имущество описано и сдано на храненіе наслѣдницѣ по завѣщанію. Поэтому ключи отъ квартиры останутся у нея до тѣхъ поръ, пока ее не введутъ во владѣніе. Не отъ кого ждать спора или пререканій. Впрочемъ, еслибъ она желала снять съ себя отвѣтственность...

— Нѣтъ, отвѣчала Элиза, вставая,—я остаюсь въ квартирѣ.

Эти слова удивили Пулэ и его товарищей, но имъ собственно не было никакого дѣла до ея дѣйствій и нотаріусъ торопился уѣхать изъ Парижа. Наслѣдство его друга Аристида не было выгоднымъ дѣломъ. Онъ поспѣшно объяснилъ Элизѣ всѣ формальности, которыя она дожна была исполнить прежде, чѣмъ вступить во владѣніе оставленнымъ ей наслѣдствомъ. Но молодая дѣвушка его не слушала и только желала поскорѣе отдѣлаться отъ своихъ непрошенныхъ гостей. Окончивъ свои наставленія и заявивъ, что онъ всегда къ услугамъ Элизы, нотаріусъ простился съ нею и ушелъ въ сопровожденіи своихъ товарищей, одному изъ которыхъ офиціально передалъ завѣщаніе.

Оставшись одна, молодая дѣвушка погрузилась въ глубокую думу. Ее не страшила мысль жить въ комнатахъ, гдѣ только-что стояло мертвое тѣло, но ее озабочивала представлявшаяся передъ нею будущность. Съ этого дня она была свободна и самостоятельна. Но была-ли она бѣдна или богата? Аристидъ не могъ оставить послѣ себя большого состоянія, но во всякомъ случаѣ она имѣла свой кровъ, а этого уже было много. Впрочемъ, ее сначала мучила мысль, не завѣщалъ-ли ей свое имущество Аристидъ съ той цѣлью, чтобъ она передала его сестрѣ, которую онъ, повидимому, такъ любилъ. Однакожь, она вскорѣ успокоилась, перечитавъ письмо покойнаго друга, которое дышало глубокой привязанностью къ ней. Она даже заподозрѣла, не испытывалъ-ли онъ къ ней болѣе нѣжнаго чувства, хотя не смѣлъ въ этомъ признаться даже самому себѣ. При этой мысли она покраснѣла и, вставъ съ кресла, посмотрѣлась въ зеркало. Нѣтъ, она рѣшительно не была уродомъ. Если три года тому назадъ отъ быстраго роста и болѣзни, оставившей глубокіе слѣды на ея лицѣ, она была далеко не красива, то все это теперь измѣнилось. Куколка превратилась въ бабочку. Всегда сгорбленная надъ работой, плохо одѣтая, она поневолѣ должна была казаться капитану уродомъ. Но теперь, благодаря тяжелымъ обстоятельствамъ послѣднихъ двухъ дней, она вдругъ гордо подняла голову и ея сестра, даже и ея жестокій зять въ своей борьбѣ съ нею стали обращаться съ нею, какъ съ равной женщиной, а не какъ съ ребенкомъ или рабою. Кромѣ того, довѣріе, оказанное ей Аристидомъ, и законъ, признавшій въ ней его наслѣдницу, возвысили молодую дѣвушку въ ея собственныхъ глазахъ. Наконецъ, въ эти два дня она многое видѣла, многое замѣтила и могла по всей справедливости сказать себѣ: «Я лучше всѣхъ окружающихъ меня». Занятая этими мыслями, Элиза не замѣтила, какъ стемнѣло и только пришла въ себя, когда добрая привратница предложила ей сходить за обѣдомъ въ сосѣдній ресторанъ. Она отказалась, говоря, что не голодна и просила только приготовить ей постель. Но привратница посовѣтовала ей не оставаться одной на ночь въ квартирѣ покойника и провести ночь въ отдѣльной комнатѣ верхняго этажа, которая принадлежала къ квартирѣ Аристида де-Фаржа и не была никѣмъ занята. Элиза согласилась и съ удовольствіемъ протянулась на постели, хотя далеко не мягкой. Вскорѣ она крѣпко заснула и проспала до слѣдующаго утра, такъ утомилась она въ эти тяжелые, грустные для нея дни.

Въ девять часовъ ее разбудила привратница, принесшая ей чашку шоколада. Это очень изумило молодую дѣвушку, которая привыкла до сихъ поръ всѣмъ услуживать. Она однакожь не смѣла принять услугъ доброй женщины, не объяснивъ ей своего положенія. Поэтому въ двухъ словахъ она разсказала, что поссорилась съ своей сестрой и зятемъ, что теперь не имѣла ни гроша и что до утвержденія ея въ наслѣдствѣ послѣ Аристида де-Фаржа, согласно его завѣщанію, она желала бы остаться жить въ этой комнатѣ. Кромѣ того ей необходимо было ѣсть гдѣнибудь въ кредитъ до полученія оставленныхъ ей Аристидомъ денегъ. Старая привратница охотно согласилась кормить ее въ кредитъ и дѣло, повидимому, уладилось.

Такъ прошло нѣсколько дней и Элиза стала все болѣе и болѣе убѣждаться, что ей невозможно было оставаться безъ гроша; кромѣ того ея нищенскій туалетъ совершенно не соотвѣтствовалъ ея новому положенію. Привратница посовѣтовала ей похлопотать о скорѣйшемъ вводѣ во владѣніе и она отправилась къ нотаріусу, товарищу г. Пулэ и, къ предсѣдателю суда первой дистанціи, но ни тутъ, ни тамъ не добилась ничего и вернулась домой въ отчаяніи. Однако счастье, повидимому, ей улыбнулось; она узнала отъ привратницы, что какой-то господинъ приходилъ во время ея отсутствія, разспрашивалъ подробно о ней, сколько ей лѣтъ, хорошенькая-ли она и оставилъ свою карточку, обѣщая ей оказать всякое содѣйствіе.

Хотя этотъ таинственный незнакомецъ показался Элизѣ очень загадочнымъ явленіемъ, но она все-таки отправилась къ нему на слѣдующее утро. Это оказался ходатай по дѣламъ Фоле, который объявилъ ей, что одна вліятельная личность, знавшая ея семейство, очень интересуется ею и если она обратится къ этой особѣ, то всѣ ея желанія будутъ исполнены. Все болѣе и болѣе недоумѣвая, откуда взялся этотъ покровитель, молодая дѣвушка однако тотчасъ пошла съ рекомендательнымъ письмомъ ходатая въ улицу Лиль. Адресъ письма гласилъ только «Г. Матье. Очень нужное, въ собственныя руки». Но Элиза была очень удивлена, очутившись передъ великолѣпнымъ, старинньмъ домомъ, извѣстнымъ всему Парижу. Въ концѣ царствованія Люи-Филиппа собственникъ этого аристократическаго жилища совершенно разорился и домъ былъ запертъ наглухо. Обширный дворъ, отдѣленный отъ улицы золоченной рѣшеткой въ стилѣ Людовика XIV, заросъ травой. Наслѣдникъ этого древняго великолѣпія, бѣдный товарищъ прокурора, жилъ въ двухъ комнатахъ одного изъ флигелей и имѣлъ только одного слугу, привратника, жена котораго исполняла должность кухарки. Въ околоткѣ говорили, что онъ очень скупъ и ведетъ жизнь уединенную, только иногда рано утромъ изъ дома выходили уличныя сирены, которыя набрасывали тѣнь на нравственныя свойства хозяина. Послѣ паденія Люи-Филиппа и въ первые года февральской республики въ этомъ старомъ домѣ стали появляться по вечерамъ подозрительныя личности въ статскомъ платьѣ, но очень смахивавшія на военныхъ. Наконецъ, государственный переворотъ 1851 г. совершенно преобразилъ это древнее аристократическое жилище. Его обновили; явилась многочисленная прислуга въ ливреяхъ и безпрестанно въ немъ давались блестящіе обѣды, балы, праздники.

— Здѣсь живетъ г. Матье? спросила Элиза дрожащимъ голосомъ у торжественнаго швейцара.

— Г. Матье де-Тальи, отвѣчалъ швейцаръ, презрительно взглянувъ на бѣдно-одѣтую дѣвушку, но увидавъ на письмѣ, которое она ему подала, надпись: «Очень нужное, въ собственныя руки», позвонилъ въ колокольчикъ и попросилъ Элизу подождать.

Черезъ минуту явился рослый лакей въ ливреѣ и, взявъ у швейцара письмо, провелъ молодую дѣвушку по великолѣпной лѣстницѣ съ колосальными бронзовыми канделябрами и бархатными портьерами въ большую пріемную, гдѣ дожидалось нѣсколько человѣкъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Наконецъ, къ изумленной и испуганной всѣмъ этимъ великолѣпіемъ Элизѣ подошелъ судебный приставъ въ цѣпи и спросилъ вполголоса:

— Вы г-жа Элиза Буатель?

— Да, это я, отвѣчала молодая дѣвушка, дрожащимъ голосомъ.

— Пожалуйте.

Онъ отворилъ дверь, пропустилъ въ сосѣднюю комнату Элизу, задернулъ бархатную портьеру и громогласно объявилъ лицамъ, дожидавшимся въ пріемной:

— Г. предсѣдатель палаты не будетъ болѣе принимать никого. Аудіенція кончена.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Зефиръ и Флора, Бугеро́. Было бы совершенно излишне разсказывать сюжетъ картины Бугеро́. Онъ заимствованъ изъ греческой миѳологіи, но, разумѣется, только заимствованъ: миѳологія даетъ полную свободу творчеству. Зефиръ цѣлуетъ Флору—вотъ и все. Но сколько удивительной граціи въ двухъ фигурахъ, какое прелестное расположеніе пятенъ, какой чудесный пейзажъ въ дали, сколько мягкости и нѣжности въ рисункѣ! Бугеро́ даже между французскими художниками отличается замѣчательной правильностью рисунка и особенной мягкостью кисти. Но еще больше, по нашему мнѣнію, онъ замѣчателенъ вкусомъ и граціозностью. «Зефиръ и Флора», въ этомъ отношеніи,—верхъ совершенства. Читатель, конечно, обратитъ вниманіе на граціозную и естественную позу Флоры, на удивительную легкость движенія Зефира. Объ аксесуарахъ, конечно, и говорить нечего: тутъ все сгруппировано въ одно общее, строго гармоническое цѣлое, начиная отъ разбросанныхъ вокругъ Флоры цвѣтовъ и кончая чудесною далью лѣваго плана.

Народная игра въ Норвегіи, Норденберга. Сѣверъ Европы намъ мало извѣстенъ, въ особенности съ бытовой своей стороны, но и тутъ, какъ и въ остальныхъ областяхъ знанія, искусство приходитъ намъ на помощь. Картина Норденберга—одного изъ лучшихъ художниковъ Норвегіи, изображающихъ бытовыя сцены—знакомитъ насъ съ однимъ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА К. ВЕРНЕРА.

Базаръ въ Дамаскѣ.

Рѣзано на деревѣ въ Лейпцигѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА НОРДЕНБЕРГА.

Борцы (Изъ народныхъ нравовъ Норвегіи).

Рѣзалъ на деревѣ Р. Брендамуръ.

изъ обычаевъ норвежскихъ крестьянъ. Обычай этотъ—своеобразная игра, на которую обыкновенно сходятся смотрѣть жители деревни. Игра заключается въ томъ, что двое молодыхъ парней связываются ремнемъ, спина къ спинѣ, dos à dos, и тогда между ними начинается борьба до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не пересилитъ другого. Гравюра наглядно показываетъ игру въ самый интересный моментъ. Народные норвежскіе типы, вся обстановка внутренности крестьянскаго дома въ Норвегіи, все это передано художникомъ съ большою точностью и талантливо.

Базаръ въ Дамаскѣ, Вернера. Акварель Вернера очень живописно изображаетъ базаръ въ Дамаскѣ со всѣми особенностями восточной общественной жизни. Громадный дубъ, растущій по серединѣ базара, голуби, рядъ лавокъ, восточная кофейня подъ навѣсомъ, гдѣ проворные турки сосредоточенно попиваютъ кофе и курятъ изъ кальяна, все: разношерстная и пестрая восточная толпа, наконецъ живописное расположеніе группъ, прекрасная композиція цѣлаго,—даютъ очень оживленную, осмысленную и интересную жанровую картину.

Любители цвѣтовъ. Тутъ дѣло вовсе не въ цвѣтахъ... И этотъ сытый аббатъ и этотъ старый маркизъ въ напудренномъ парикѣ едва-ли замѣтили бы эти гвоздики и розы, если бы эти гвоздики и розы не лежали на колѣняхъ миловидной, молодой дѣвушки, заснувшей сладкимъ сномъ, — ну, а тутъ поневолѣ остановишься, засмотришься, залюбуешься... Вотъ содержаніе картины Мартенса, обратившей на себя вниманіе на одной изъ лондонскихъ выставокъ. Картина скомпанована и написана очень удачно.

Смѣсь.

— Бенефисъ г. Михалека. 21 марта на александринской сценѣ состоялся бенефисъ капельмейстера театра г. Михалека. Спектакль состоялъ изъ пяти-актной комедіи г. Худекова «Въ чемъ сила?», живыхъ картинъ («Домовой» и «Вѣдьма») и дивертисмента. Комедія г. Худекова оказалась очень слабой. Сюжетъ пьесы вертится на вліяніи соціализма на семью. Нѣкій синьоръ Неладинъ, соціалистъ, поселяется въ семьѣ отставного чиновника Буромскаго, подговариваетъ его бросить жену, разстроиваетъ бракъ родственницы, Малашкиной, съ нѣкіимъ Балансовымъ, предлагая ей въ муженьки себя, и потомъ обманываетъ ее. Затѣмъ совращаетъ съ «пути истиннаго» отца Буромскаго и одного весьма неразумнаго маіора Извѣкова. Все это ему удается, не смотря на протесты Буромской и Балансова. Наконецъ, сотворивъ все это, Неладинъ умираетъ отъ чахотки... Что-же означаетъ злополучное названіе «Въ чемъ сила?» Намъ остается спросить г. Худекова «въ чемъ дѣло?» Въ пьесѣ всѣ дѣйствующія лица какія-то тряпки, идіоты; очерчены изъ рукъ вонъ плохо! Одна только и есть личность, похожая на человѣка, —это Балансовъ, да и тотъ намѣченъ слабо, недоконченно, односторонне... Какая-же тутъ можетъ быть борьба мнѣній? Съ кѣмъ бороться? Съ хламомъ какимъ-то, олицетворяющимъ членовъ семьи, съ дурнями, которымъ только «выпить» да «закусить», да лишній гривенникъ какимъ-нибудь образомъ заполучить?!... Такъ съ ними???... О, какъ вы наивны, г. Худековъ!... Языкъ пьесы, какъ и она сама, обличаютъ въ авторѣ отсутствіе художественнаго вкуса. Актеры старались сдѣлать все возможное, чтобы спасти свои роли; но что-же можно сдѣлать хорошаго изъ плохого матеріала?! Поэтому попытки ихъ и не удались. Наше мнѣніе подтверждаютъ и другіе органы печати. Пьеса не имѣла никакого успѣха. Живыя картины были поставлены очень хорошо, а гг. Горбуновъ и Ивановъ, г-жи Нелюбова и Владимірова, участвовавшіе въ дивертисментѣ, удачно справились съ своими задачами. Этимъ бенефисомъ заканчивается нынѣшній сезонъ, такъ какъ постановки новыхъ пьесъ на драматической сценѣ болѣе не предвидится. Теперь время оглянуться назадъ и подвести итоги за весь сезонъ, а потому въ непродолжительномъ времени мы и представимъ общій обзоръ на судъ читателя; а объ исходѣ слѣдующихъ бенефисовъ, гг. Петипа и Алексѣева, мы также своевременно извѣстимъ.

— Трости съ духами. Парижане обзавелись особыми тросточками, украшенными фигурами китайцевъ или индійскихъ идоловъ, наполненными духами или одеколономъ; нажимая пружинку, можно, по желанію, выпустить или струю, или брызги благовонной влаги.

— Замѣчательная операція. Въ Персіи, какъ извѣстно, фазаны на столько обыкновенны, что разводятся какъ наши домашнія куры. Какъ-то разъ одинъ изъ такихъ фазановъ сломалъ себѣ ногу; хозяинъ обратился къ доктору; тотъ сдѣлалъ ампутацію ноги и взамѣнъ отрѣзанной придѣлалъ деревянную. Птица вскорѣ начала ходить и совершенно забыла о своей утратѣ. Спустя годъ, этотъ фазанъ еще бодро разгуливалъ съ деревянной ногою, только перемѣнилъ обыкновенный цвѣтъ своихъ крыльевъ на бѣлый.

— Мнимая смерть. Между бумагами, оставшимися послѣ умершаго барона Рейхенбаха, найдены письма, бросающія новый свѣтъ на судьбу извѣстной Каролины фон-Линзингенъ, тайно обвѣнчанной съ королемъ Вильгельмомъ IV. Она познакомилась съ принцемъ въ то время, когда жила дѣвушкой въ домѣ своего отца, заслуженнаго генерала. Брачная жизнь ея длилась только 13 мѣсяцевъ, потому что по отъѣздѣ принца въ Англію пришлось ей отказаться отъ надежды быть когда-либо признанной законной супругой. Отъ преждевременныхъ родовъ и сильныхъ душевныхъ потрясеній она занемогла странною болѣзнью, отъ которой была на волоскѣ отъ смерти. Болѣзнь ея описана очевидцами слѣдующимъ образомъ: «Каролина лежала такая блѣдная, неподвижная и холодная, что трудно было не считать ее умершей. Сердце ея перестало биться, дыханіе остановилось, члены окоченѣли. Ее, какъ покойницу, приготовили къ погребенію, осыпали цвѣтами и выставили на парадномъ ложѣ. Все было готово къ пышному торжеству погребенія, какъ вдругъ одинъ изъ докторовъ, лѣчившихъ ее, объявилъ, что онъ имѣетъ причины сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно умерла; по его мнѣнію, признаки смерти были не достаточно ясно опредѣлены, въ особенности, если взять въ соображеніе то обстоятельство, что и самая болѣзнь принцесы далеко не выяснена докторами, лѣчившими ее. На смѣльчака, отважившагося на это дерзкое предположеніе, посыпался градъ насмѣшекъ товарищей. Всѣ они были много старше его и считались значительно опытнѣе, но молодой врачъ стоялъ на своемъ и добился того, что похороны были отложены на сутки. Но такъ какъ и на слѣдующій день покойница находилась все въ томъже положеніи, онъ настоялъ на новой отсрочкѣ. Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней; признаковъ разложенія никакихъ не являлось и всѣ убѣдились, что дѣйствительно несчастной Каролинѣ грозила опасность быть погребенной живою, если-бъ у молодого доктора не достало энергіи отстоять свое мнѣніе. Каролина умерла, но только мнимою смертью, а не настоящею. Ее сняли съ парадного ложа, уложили въ постель и отдали всѣ мрачные атрибуты похоронной церемоніи. Наконецъ, черезъ 3 недѣли, глаза ея открылись, она начала дышать и сердце ея снова забилось. Молодой врачъ, спасшій ей жизнь, былъ докторъ Мейнеке. Нравственное состояніе, въ которомъ пребывала Каролина эти 3 недѣли, было по истинѣ ужасно: находясь въ полнѣйшемъ сознаніи, она явственно слышала каждый шорохъ, каждое слово, произносимое около нея, не будучи въ состояніи сдѣлать ни малѣйшаго движенія! Понятно послѣ этого, какую глубокую признательность питала она къ доктору Мейнеке, за котораго она впослѣдствіи вышла замужъ».

— Замѣчательный случай летаргіи. Въ гор. Оттавѣ (Канада) проживаетъ семейство ювелира; работникъ семьи—молодой человѣкъ 22 лѣтъ; онъ содержитъ громадное семейство, состоящее изъ его матери, вдовы, 6 сестеръ и 2 малолѣтнихъ братьевъ. Возвратясь однажды вечеромъ домой, молодой человѣкъ почувствовалъ головокруженіе и легъ спать ранѣе обыкновеннаго. Утромъ, когда уже всѣ встали, мать, по обыкновенію, принеся сыну кофе, увидѣла, что онъ еще спитъ; она его будитъ, но, увы, предъ нею лежитъ холодное, бездыханное тѣло. Призвали доктора; онъ объявилъ, что ничто уже не поможетъ умершему. Мать не соглашалась сдѣлать вскрытіе, дабы узнать причину такой быстрой смерти и долго не рѣшалась хоронить. Но вотъ прошло 7 дней; трупъ остается все въ томъ-же видѣ, какъ и въ первый день; явилось сомнѣніе въ смерти; снова произвели изслѣдованіе, не найдено и признаковъ летаргіи; прошло еще 7 дней, трупъ не разлагается; наконецъ, рѣшено было прождать еще 7 дней. Прошли и эти дни; назначено погребеніе. Уже готовы были опустить тѣло въ могилу, какъ вдругъ крышка гроба отлетѣла и юноша зашевелился; всѣ съ ужасомъ отскочили, гробъ упалъ и мнимый мертвецъ всталъ, здоровый и невредимый. Обмершій все слышалъ, все понималъ, но не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія и всякая чувствительность тѣла была парализирована; онъ не могъ объяснить причины своей болѣзни; онъ былъ у товарищей и выпилъ одинъ стаканъ какого-то очень вкуснаго вина. Въ настоящее время онъ совершенно поправился.

— Институтъ искуствъ. Лондонскій благотворительный кружекъ осуществилъ свое давнишнее желаніе создать дешевый и удобный сбытъ произведеній женскаго труда. При помощи благотворительныхъ концертовъ, пожертвованій и т. п., обществу удалось собрать капиталъ, который далъ возможность пріобрѣсти особое зданіе и приспособить его для выставки всевозможныхъ образцевъ женскихъ работъ, начиная отъ чулокъ, различнаго шитья, вышивокъ и до замѣчательнѣйшихъ художественныхъ произведеній и скульптуры, и устроить правильную ихъ продажу. Общество составляетъ собою артель, каждый членъ которой постоянно, по очередно, обязанъ дежурить, т. е. показывать и продавать вещи и записывать въ книгу; за каждый дежурный день полагается плата; отчеты провѣряются депутатами и печатаются. Все зданіе приспособлено только для этой цѣли и не имѣетъ никакихъ особыхъ помѣщеній для квартиръ. Вещи принимаются такъ: желающая продать свою работу, приноситъ ее въ институтъ, сдаетъ дежурной и получаетъ №; по продажѣ ей выдается вся сумма полностью безъ всякихъ вычетовъ. Это учрежденіе въ настоящее время—лучшій въ Лондонѣ магазинъ, имѣющій массу покупателей.

— Заразительность примѣра. Изъ Мантгаузена пишутъ: на дняхъ сынъ одного каменьщика, 17-лѣтній юноша, воткнулъ въ стѣны замка Прагштейнъ нѣсколько патроновъ съ динамитомъ, съ цѣлью взорвать это зданіе. Къ счастью, какая-то женщина подкараулила его въ ту самую минуту, когда онъ уже зажигалъ на дворѣ спичку, посредствомъ которой надѣялся привести свое пагубное намѣреніе въ исполненіе. Преступникъ арестованъ. Онъ сознался, что описаніе въ газетахъ взрыва, произведеннаго 5 марта въ Петербургѣ, такъ сильно повліяло на его воображеніе, что у него явилось непреодолимое желаніе сдѣлать тоже самое.

— Вынужденная почтительность. Одинъ англичанинъ, недавно представлявшійся бирманскому королю, разсказываетъ слѣдующее: «Послѣ того, какъ служителя сняли съ насъ обувь, мы поднялись по лѣстницѣ и проникли въ обширную залу съ раззолоченными колоннами, вдоль которой стояли шпалерами двойные ряды воиновъ босикомъ и при ружьѣ. Въ слѣдующихъ за тѣмъ комнатахъ, мы были поражены страннымъ, неожиданнымъ зрѣлищемъ, въ истинно бирманскомъ вкусѣ. Изъ пола торчало такое множество острыхъ гвоздей, что мы вмѣсто того, чтобъ любоваться окружавшимъ насъ великолѣпіемъ, объ одномъ только и думали, какъ-бы не наступить на эти гвозди, и старательно выбирали себѣ между ними путь. Позже мы узнали, что при здѣшнемъ дворѣ съ давнихъ поръ существуетъ обычай вынуждать такимъ образомъ подданныхъ приближаться съ благоговѣйно поникшими головами къ ихъ повелителю».

— Проглоченная булавка. Въ одной изъ вѣнскихъ медицинскихъ газетъ сообщается слѣдующій интересный случай: 14 февраля 1877 года одинъ молодой человѣкъ проглотилъ нечаянно стальную булавку съ жемчужной головкой, не ощущая отъ этого никакихъ непріятныхъ послѣдствій, такъ что доктора пришли, наконецъ, къ такому убѣжденію, что булавка разложилась или вышла незамѣтнымъ образомъ изъ его тѣла. Но доктора ошибались, 7 октября 1879 года она выпала у него черезъ ротъ въ то время, когда онъ, работая въ полѣ, стоялъ въ наклоненномъ положеніи.

— Претендентъ. Въ Англіи недавно умеръ 47-лѣтній человѣкъ, по имени Августъ Мевсъ, про котораго ходили странные слухи. Покойникъ, а также отецъ его, считали себя членами Французской королевской Фамиліи и нѣсколько разъ обращались къ герцогу Омальскому съ требованіемъ признать родство, будто-бы существующее между ними. Отецъ Мевсъ увѣрялъ, что онъ никто иной, какъ сынъ казненнаго Людовика XVI; онъ разсказывалъ таинственныя подробности своего мнимаго бѣгства изъ Темпля, какъ ему удалось спастись отъ республиканцевъ и т. под. Сынъ его, Августъ, твердо вѣрилъ въ справедливость всей этой исторіи и недавно издалъ книгу, въ которой изложены всѣ разсказы, переданные ему отцомъ.

— Новый способъ играть въ шахматы. Въ одномъ изъ южно-австрійскихъ городовъ молодежь вздумала играть въ шахматы слѣдующимъ образомъ: на сукнѣ большого бильярда намѣтили 64 клѣтки, на которыя разставили въ шахматномъ порядкѣ бутылки съ разными винами: за короля стояла бутылка шампанскаго, за королеву—старое венгерское; представителями прочихъ фигуръ служили вина менѣе цѣнныя и, наконецъ, вмѣсто пѣшекъ стояли бутылки съ водкой. Каждый, кто бралъ одну изъ этихъ оригинальныхъ фигуръ или пѣшекъ, обязанъ былъ немедленно осушить ее до дна. Партія началась съ большимъ одушевленіемъ, но увы! окончить ее не было никакой возможности, потому что, забравъ первые ряды пѣшекъ, всѣ четыре партнера очутились подъ бильярдомъ.

— Оригинальная премія. Издатель одной американ-

ской газеты придумалъ для своихъ подписчиковъ весьма оригинальную премію, а именно: даровой билетъ лотереи, на которой счастливецъ можетъ выиграть себѣ хорошенькую жену.

Множество дамъ доставили этому остроумному изобрѣтателю новаго способа соединять людей брачными узами свои визитныя и фотографическія карточки съ просьбой быть включенными въ число выигрышей. Столбцы вышеупомянутой газеты покрыты самыми пламенными описаніями нравственныхъ и физическихъ совершенствъ этихъ дамъ. Подозрѣвать рекламы эти въ неточности или въ преувеличеніи нѣтъ никакого основанія, такъ какъ онѣ составляются самими дамами, желающими служить преміей. Между ними находятся «молодыя, красивыя вдовы», «хорошенькія дѣвицы отъ 16-ти до 20 лѣтъ», «25-тилѣтнія женщины замѣчательной красоты».

— **Новыя свѣденія о большомъ морскомъ зміи.** Капитанъ британскаго корабля «Приватеръ», приставшій къ гавани Делаваръ 9 февраля, разсказываетъ слѣдующее: 5 февраля, миль за 100 до Бреста, прохаживался я по палубѣ. Погода была прелестная, ясная и теплая; вдругъ изъ волнъ начала подниматься длинная, змѣинообразная фигура. Она имѣла фута 3 въ поперечникѣ и слѣдовала за кораблемъ на разстояніи 300 аршинъ. Поднявшись надъ волнами футовъ на 20, странное существо отвернуло голову отъ насъ въ сторону и съ громкимъ плескомъ окунулось 3 раза въ воду, а затѣмъ быстро скрылось изъ виду, волнуя кругомъ себя воду на далекое пространство. Ужасное чудовище, цвѣтомъ черное, оно напоминало своею формою чудовищнаго угря и, повидимому, напрягало всѣ свои усилія, чтобъ какъ можно скорѣе удалиться отъ нашего корабля. Я видѣлъ много морскихъ чудовищъ на своемъ вѣку, прибавляетъ въ концѣ своего разсказа капитанъ, — но ничего подобнаго этой морской змѣѣ мнѣ никогда еще не удавалось встрѣчать.

— **Коробки отъ шведскихъ спичекъ.** Любителямъ собирать окурки сигаръ, почтовыхъ марокъ, желѣзнодорожныхъ билетовъ, представляется возможность удовлетворять эту манію новымъ способомъ: фабрикантъ спичекъ, Карлъ Мейеръ въ Берлинѣ, предлагаетъ платить 50 пфениговъ за 1000 пустыхъ коробочекъ отъ шведскихъ спичекъ. Адресъ Карла Мейера: Brunnen Strasse, 139.

— **Искуство-обличитель.** Одинъ венеціанскій художникъ былъ въ большомъ затрудненіи отъ заданной ему темы: «типъ класической головы», потому что не могъ отыскать натурщика. Художникъ думалъ было отказаться, какъ вдругъ встрѣчается съ нимъ господинъ, роскошно одѣтый, и проситъ его адресъ; красивая, энергическая наружность незнакомца очаровала художника. Незнакомецъ явился въ условленный часъ и самъ заявилъ о своемъ желаніи быть натурщикомъ. Черезъ нѣсколько времени работа окончена, принята, получила первый призъ и попала на выставку. Публика любовалась красотою класическаго лица портрета; каково-же было ея удивленіе, когда картину пришлось убрать, такъ какъ она оказалась портретомъ извѣстнаго итальянскаго разбойника. Оригиналъ портрета вскорѣ былъ убитъ въ стычкѣ съ карабинерами.

— **Замѣчательный музей.** Въ Парижѣ существуетъ національный музей «Garde-Meuble», куда съ давнихъ поръ складываются: мебель, драпри, обои и пр., составлявшіе убранство комнатъ въ дворцахъ французскихъ королей. Въ музеѣ сохраняется, напримѣръ, цѣлый кабинетъ Людовика XIV, спальня и игорная комната Людовика XI, Карла III и т. подобныя рѣдкости; знаменитыя люстры — подарокъ Филиппа испанскаго, ковры римскаго императора Константина и много другихъ рѣдкостей, существованія которыхъ и не предполагалось. Теперь этотъ музей открытъ для публики.

— **Египетскія древности.** Археологическія изслѣдованія идутъ настолько быстрыми шагами, что историческіе пробѣлы все болѣе и болѣе восполняются. При раскопкахъ близъ Мейдоулга, въ Египтѣ, открыта могила царя Нофрема, принадлежащая третьей династіи и составляетъ такую древность, что передъ нею древнѣйшая изъ пирамидъ Гхизе можетъ считаться сравнительно новѣйшей, такъ какъ она относится къ концу четвертой династіи. Извѣстный археологъ Лепсіусъ говоритъ, что могила эта относится ко времени за 5,000 лѣтъ до Рожд. Христова. А по словамъ доктора Бирча, фараонъ Нофре-ма царствовалъ въ Туфу или Хеопсѣ; онъ самый древнѣйшій монархъ, о которомъ мы имѣемъ теперь документальныя или лучше сказать монументальныя доказательства. Могила Нофре-ма устроена такъ: въ каменной скалѣ выбиты глубокія, длинныя отверстія на подобіе дыръ, куда положенъ его набальзамированный трупъ, обернутый матеріей; отверстія этой дыры замазаны цвѣтнымъ красноватымъ цементомъ, чрезвычайно крѣпкимъ, такъ что камень легче откалывался; мумія его хорошо сохранилась, стѣны также были вымазаны разноцвѣтнымъ цементомъ на подобіе мозаики. Этотъ ранній способъ погребенія умершихъ въ четвертой династіи уже не употреблялся. Возлѣ его могилы найдена вторая, принадлежащая его женѣ Атотъ. Въ этихъ могилахъ найдены пара статуэтокъ съ именами Ра-Готепъ и его жены Нефертъ, которые по заключенію ученаго Маріета-Бея старше временъ Авраама на 1000 лѣтъ. Статуэтки эти сдѣланы изъ глины и настолько хорошо сохранились, что какъ-будто онѣ сработаны въ настоящемъ столѣтіи. Эта замѣчательная находка въ настоящее время помѣщена въ музеѣ въ г. Болакѣ, близъ Каира, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ перевезена въ Англію.

— **Зоологическая новость.** На островахъ Восточнаго океана найдена неизвѣстная до сихъ поръ птица, названная «Фладукъ». Одинъ живой экземпляръ ея помѣщенъ въ лондонскомъ зоологическомъ саду.

— **Священное дерево Китая.** Одному венгерскому туристу, графу Сечени, удалось пробраться въ Кумбумъ и заглянуть въ монастырь реформатора будизма — Жаменъ-хоу-Бук-си-съ, куда до сихъ поръ не проникалъ еще ни одинъ европеецъ. Графъ Сечени такъ описываетъ священное дерево Буды. Оно само по себѣ представляетъ чрезвычайно интересный экземпляръ растительнаго царства изъ породы душистыхъ чубучниковъ, ростетъ на холмѣ у самыхъ воротъ знаменитаго монастыря ламъ, основаннаго, по преданію, самимъ реформаторомъ. Дерево это громадной величины и составляетъ неизсякаемый источникъ баснословныхъ богатствъ монастыря; преданіе гласитъ, что когда реформаторъ пришелъ на прославленіе Буды, то въ знакъ своего религіознаго чувства, посадилъ это дерево, которому и передалъ свою таинственную силу исцѣлять больныхъ; съ того времени жрецы собираютъ съ него листья и сухія вѣтки, сушатъ ихъ и мелютъ въ порошекъ и въ этомъ видѣ даютъ больнымъ, какъ самое цѣлебное средство, но только оно доступно самымъ богатымъ, потому что продается за громадныя суммы денегъ. Сказаніе о насажденіи этого дерева относится къ 500 году по Р. Хр. Монастырь доступенъ только сановникамъ и богачамъ; бѣдный парій не смѣетъ къ нему приблизиться, такъ какъ бѣдность, по мнѣнію ламъ, есть кара Божія, — слѣдовательно, бѣднякъ, какъ опальный человѣкъ, не можетъ слышать шелеста священныхъ листьевъ и обонять ихъ душистый запахъ. Монастырь раскинутъ въ видѣ полукруга на высокомъ холмѣ и окруженъ высочайшею оградою; въ немъ, какъ вѣковая святыня, хранится изображеніе Буды, нарисованное на папирусѣ и въ особомъ хранилищѣ — его халатъ, туфли и павлиное перо. Сюда ежегодно стекаются на поклоненіе вельможи и мандарины небесной имперіи.

— **Черный медъ.** На американскомъ рынкѣ за послѣднее время все чаще и чаще встрѣчается такъ называемый пчелиный черный медъ, который прежде считался величайшею рѣдкостью. Онъ необыкновенно вкусенъ. Пчелы собираютъ его съ цвѣтковъ душистыхъ травъ въ степяхъ югозападныхъ штатовъ.

— **Выставка часовъ.** Давно ожидаемая выставка часовъ и ихъ принадлежностей въ Женевѣ откроется 3 (15) мая 1880 г.

— **Медали.** Шведское правительство установило въ честь открытія професоромъ Норденшильдомъ сѣверо-восточнаго пути особую медаль, которая будетъ роздана всѣмъ участникамъ славнаго путешествія. Медалей 4 золотыхъ и 46 серебряныхъ; на лицевой сторонѣ портретъ короля Оскара, а на другой орденскій знакъ «сѣверной звѣзды».

— **Новый способъ отопленія.** Муниципальныя власти г. Цинцинати примѣнили практическій способъ отопленія, состоящій въ слѣдующемъ. На окраинѣ гор. Цинцинати устроена громадная печь, изъ которой по городскимъ улицамъ проведены подземныя чугунныя, обтянутыя войлокомъ и каучукомъ трубы, въ каждый домъ отъ этой трубы проведены отводы, которые въ свою очередь развѣтвляются по всему дому и выходятъ въ комнату красивыми мѣдными кранами, снабженными клапанами, имѣющими такое назначеніе: если клапанъ открыть весь, то въ комнату идетъ сильною струею тепло; если клапанъ, не открывая прямо, повернуть вправо и открыть, — комнатѣ сообщается вентиляція; повернуть влѣво и надавить пружинку, — въ комнатѣ удерживается произвольная температура. Этотъ способъ отопленія оказался настолько практическимъ, что образовалась компанія для распространенія этого способа отопленія и въ другихъ мѣстахъ.

— **Бѣлый слонъ.** Въ Сіамѣ недавно окончилъ свое существованіе, на 382 году, священный бѣлый слонъ и совершилось торжественное прощаніе съ нимъ. На площади предъ пагодою верховнаго бога изъ стволовъ кипариса, убранныхъ цвѣтами, красовался громадный катафалкъ, на которомъ съ вытянутыми ногами и хоботомъ лежалъ громадный остовъ слона. По площади размѣстились шпалерами войска; стеченіе народа было громадное; всѣ ждали торжественной минуты появленія изъ дверей пагоды верховнаго ламы. За нѣсколько минутъ до его появленія музыка возвѣстила о прибытіи третьяго короля; нѣсколько спустя, болѣе оглушительная музыка и зажженіе травяныхъ факеловъ привѣтствовали второго короля, слѣдомъ за которымъ двигалась вереница слоновъ, въ срединѣ которой подъ балдахиномъ изъ бѣлой матеріи, въ родѣ парчи, возсѣдалъ на высокой подушкѣ, покрытой небольшимъ ковромъ, первый король — властитель Сіама. Процесія остановилась передъ катафалкомъ; первый король въ сопровожденіи второго и третьяго взошелъ на катафалкъ; все пало ницъ. Затѣмъ, по знаку перваго короля, прозвонилъ колокольчикъ; все встало и изъ воротъ пагоды выступила процесія верховнаго ламы на бѣломъ слонѣ, еще очень юномъ и только-что найденномъ, въ сопровожденіи 100 ламъ. Верховный жрецъ приблизился къ королю, подалъ ему пальмовую вѣтвь, какъ символъ того, что боги умилостивились надъ страной и послали новаго бѣлаго слона, который съ этого момента уже дѣлался священнымъ. Затѣмъ вся процесія жрецовъ окружила трупъ, загорѣлись факелы, раздалась музыка и черезъ часъ процесія ламъ отправилась обратно, а за нею и короли. Съ этого момента начался рядъ прощаній, начиная съ высшихъ сановниковъ и оканчивая послѣднимъ паріемъ въ государствѣ. Церемонія прощанія съ бѣлымъ слономъ продолжалась болѣе мѣсяца, когда, наконецъ, священный трупъ былъ убранъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ къ ряду показалъ, что обычный способъ пересылки премій въ трубкахъ, открытыхъ, представляетъ не мало неудобствъ. Нерѣдко присылаются письма, что получено двѣ картины, а третьей не доставлено, между тѣмъ редакціей посланы были разомъ три картины; ясно, что одна кѣмъ-нибудь вынута. Скажутъ, нужно заклеивать трубку наглухо; къ несчастью, этого не допускаютъ почтовыя правила *); преміи пересылаются въ качествѣ бандерольныхъ отправленій, а эти послѣдніе почтамтомъ принимаются только открытыми. Кромѣ того, при пересылкѣ премій въ открытыхъ трубкахъ, картины часто получаются смятыми и запачканными, случается и вовсе не доходятъ по адресу. Почтамтъ за пропажу бандерольныхъ отправленій не отвѣчаетъ. Редакціи «Жив. Об.» пришлось чувствительно поплатиться нѣсколькими сотнями рублей въ прошломъ 1879 году, отправляя нѣкоторымъ изъ гг. подписчиковъ преміи по 2 и даже по 3 раза. Единственное средство устранить вышесказанное неудобство заключается въ разсылкѣ премій застрахованными посылками. По сдѣланному Редакціей расчету, средняя стоимость такой посылки съ укупоркой обходится почти въ 60 коп. Пересылка этимъ способомъ премій обойдется въ нѣсколько тысячъ рублей лишняго расхода для Редакціи. Очевидно, Редакція «Жив. Об.», дающая за 6 руб. (цѣна безъ пересылки) журналъ съ нѣсколькими отдѣльными приложеніями и съ шестью преміями, не въ состояніи принять на себя новаго значительнаго расхода. Но этотъ расходъ, принятый на себя гг. подписчиками, будетъ весьма незначителенъ для каждаго изъ нихъ. Вычитая стоимость обычной пересылки премій, каждый изъ гг. подписчиковъ, пожелавшій получить преміи посылкой, благоволитъ **дослать въ Редакцію 40 коп. деньгами или почтовыми (но не гербовыми) марками.** Срокъ для присылки требованія назначается слѣдующій: изъ губерній европейской Россіи (кромѣ пермской и архангельской) до 5 мая; съ Кавказа и губ. пермской и архангельской до 20 мая; изъ ближайшихъ сибирскихъ губерній (до иркутской включительно) до 15 іюня; изъ остальныхъ восточныхъ сибирскихъ губер-

*) Тѣми-же правилами не допускается пересылка нумеровъ журнала въ наглухо заклеенныхъ конвертахъ.

ній до 15 іюля. Гг. подписчикамъ, не приславшимъ до истеченія означенныхъ сроковъ 40 коп. пересылочныхъ денегъ, преміи будутъ высланы обычнымъ способомъ. Кто пожелаетъ этимъ способомъ получить преміи ранѣе окончанія назначенныхъ сроковъ, благоволитъ увѣдомить о томъ Редакцію письменно. Преміи посылками будутъ отправляться тотчасъ-же по полученіи отъ гг. подписчиковъ пересылочныхъ денегъ.

Къ свѣденію гг. подписчиковъ въ Москвѣ и Одессѣ. Гг. подписчики въ Москвѣ и Одессѣ могутъ получать преміи лично изъ мѣстныхъ конторъ „Живописнаго Обозрѣнія": **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; **въ Одессѣ:** въ Южномъ Агентствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской ул., д. Вагнера.

Преміи въ мѣстныя московскую и одесскую конторы въ настоящее время еще **не отправлены.** О времени посылки туда, какъ премій, такъ и списковъ гг. подписчиковъ, по которымъ будутъ выдаваться преміи, **будетъ своевременно объявлено** въ „Живописномъ Обозрѣніи".

Шахматный отдѣлъ.

Въ петербургскомъ обществѣ любителей шахматной игры еженедѣльно, по субботамъ, устраиваются небольшіе турниры—гандикапъ (съ дачей впередъ). Участвующіе играютъ первую партію по жребію; проигравшіе выходятъ изъ турнира, а выигравшіе, тоже по жребію, играютъ вторую партію; побѣдители въ этомъ состязаніи рѣшаютъ между собою призы. Подобные турниры, оканчивающіеся въ одинъ вечеръ, не мало оживляютъ собранія шахматистовъ. Первый такой турниръ состоялся 22-го марта

Издающійся въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ «Шахматный Листокъ» объявилъ конкурсъ для шашечныхъ *) задачъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) желающій принять участіе въ конкурсѣ долженъ прислать одну посылку, состоящую изъ двухъ шашечныхъ задачъ и одного этюда; 2) каждая посылка (изъ 2 задачъ и этюда, съ рѣшеніями ихъ) обозначается какимъ-либо девизомъ; записка-же съ именемъ и адресомъ автора должна быть вложена въ особомъ запечатанномъ конвертѣ съ тѣмъ-же девизомъ; 3) двумъ наилучшимъ посылкамъ будутъ присуждены призы: *1-ый призъ* — 4 полуимперіала, присланные въ редакцію однимъ любителемъ для перваго приза; *2-й призъ*—полное изданіе «Шахматнаго Листка» за 1876—1880 г. въ изящныхъ переплетахъ. Независимо сего будутъ выданы призы—по одному золотому—за одну задачу и одинъ этюдъ, признанные наилучшими изъ всѣхъ задачъ и этюдовъ конкурса. 4) Призы будутъ присуждаться комисіей, составленной изъ наиболѣе извѣстныхъ цѣнителей шашечныхъ задачъ; 5) задачи должны быть присланы въ редакцію «Шахматнаго Листка» (Офицерская ул. д. 10, кв. 15) до 1-го іюня текущаго года; 6) задачи будутъ печататься въ «Шахм. Листкѣ» по мѣрѣ ихъ полученія. Результатъ конкурса будетъ объявленъ спустя два мѣсяца по напечатаніи всѣхъ задачъ конкурса. *Примѣчаніе.* Задачи, которыя будутъ присланы безъ соблюденія условій, указанныхъ въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ, не будутъ допущены на конкурсъ.

Помѣщаемъ ниже, напечатанную въ «Шахматномъ Листкѣ», весьма интересную и поучительную партію, игранную въ С.-Петербургскомъ шахматн. клубѣ.

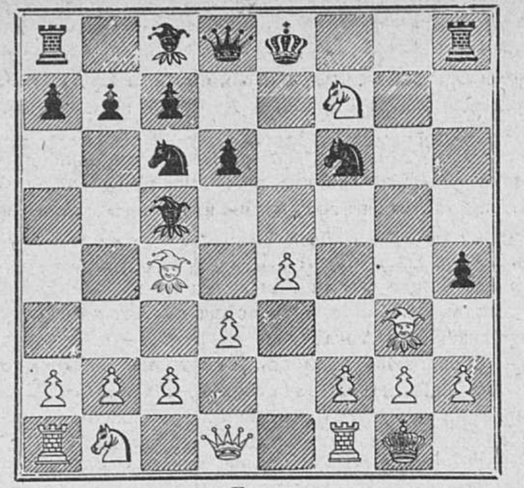
ПАРТІЯ № 10.

Итальянская партія.

Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. С f1—c4	3. С f1—c4 *a*
4. 0—0 *b*	4. d7—d6
5. d2—d3	5. К g8—f6
6. С c1—g5 *c*	6. h7—h6
7. С g5—h4 *d*	7. g7—g5 *e*
8. С h4—g3	8. h6—h5!
9. К f3 : g5 *f*	9. h5—h4!
10. К g5 : f7	

Положеніе партіи послѣ 10 хода бѣлыхъ.

Черные.



Бѣлые.

10. . . .	10. h4 : g3!
11. К f7 : d8	11. С c8—g4!
12. Ф d1—d2 *g*	12. К c6—d4!
13. К b1—c3 *h*	13. К d4—f3 †
14. g2 : f3	14. С g4 : f3

и черные даютъ матъ не позже 5-го хода. *i*)

Примѣчанія къ партіи.

a) См. прим. къ партіи № 1, въ № 44 «Ж. О.» за 1879 г.

b) Продолженіе 4. b2—b4, какъ уже извѣстно, составляетъ гамбитъ Эванса.

c) Когда черные еще не рокировали, то этотъ ходъ, дѣлаемый съ цѣлью связать коня, большею частію оказывается слабымъ, потому что черные безопасно могутъ подвигать пѣшки королевскаго фланга, что и случилось въ настоящей партіи. Лучше-же было играть: 6. С c1—e3, С c5—b6 (хуже брать слона; тогда бѣлые получаютъ центральныя пѣшки и открытую линію f); 7. К b1—c3, С c8—e6!; 8. С c4—b3 и т. д.

d) Ходъ 7. С g5 : f6 былъ бы все-таки лучше, но и онъ служилъ бы только къ развитію игры черныхъ.

e) Подвигать пѣшки на королевскомъ флангѣ послѣ рокировки часто бываетъ очень опасно, но въ данномъ положеніи ходъ g7—g5—наилучшій; онъ даетъ чернымъ сильную атаку.

f) Бѣлымъ очень трудно защищаться; они отдаютъ слона, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующій ходъ, взявъ конемъ п. f7, напасть на ферзя и выиграть ладью; черные-же, какъ ниже будетъ видно, съ пожертвованіемъ ферзя, посредствомъ атаки выигрываютъ партію. При ходѣ 9. h2—h4, черные тоже имѣютъ сильную игру, напр. 9. . . . С c8—g4; 10. h4 : g5, h5—h4!; 11. С g3—h2, К f6—h7 и т. д.

g) Бѣлые не могутъ уже спасти партію. Если напр. 12. К d8—f7, то Л h8—h5! (чтобы не дать вывести коня на g5); 13. Ф d1 : g4 (если спасать ферзя на d2, то К c6—d4 и далѣе, какъ въ партіи), К f6 : g4; 14. h2 : g3, К c6—d4; 15. К b1—c3, c7—c6 и послѣ d6—d5 выигрываютъ коня; бѣлые не могутъ сыграть f2—f3, такъ какъ послѣдуетъ К d4 : f3, двойной шахъ и матъ.

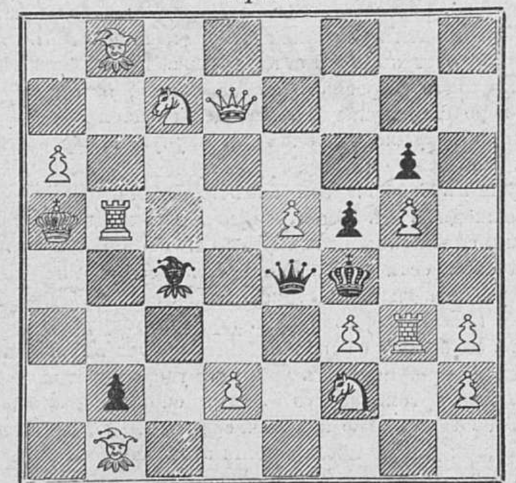
h) Бѣлые защищаютъ поле e2.

i) Черные угрожаютъ матомъ g3 : h2. Бѣлые могутъ отсрочить матъ только подставляя фигуры: 15. С c4—f7 †, Кр e8 : d8; 16. С f7—h5, Л h8 : h5; 17. h2—h4, Л h5 : h4; 18. Ф d2—h6, Л h4 : h 6и въ слѣдующій ходъ Л h6—h1 X.

ЗАДАЧА
№ 23.

Ф. Беннеттъ.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачъ (въ № 10.)

№ 16. Пирсона.

1. $\frac{\text{Ф c8—c3}}{\text{b4 : c3}}$ 2. f5—f6 X. 1. $\frac{\ldots}{\sim}$; 2. Ф или К X

Рѣшили: *К. Сердешневъ, В. Бинштокъ, Н. Даржанъ, Н. Лобшицъ, А. Сафоновъ.*

№ 17. Шрюфера.

1. $\frac{\text{Л e3—b3}}{\text{c4 : b3}}$ 2. $\frac{\text{С e5—b2}}{\sim}$ 3 Ф, С или Л X

1. $\frac{\ldots}{\text{c4 - c3}}$ 2. $\frac{\text{Л b3—b7}}{\text{c3 - c2}}$ 3. С e5 : g7 X

Правильное рѣшеніе прислалъ *Н. Даржанъ.*

ОТВѢТЫ.

В. Гориневскому, В. Бинштоку, Э. Миллеру. Напрасно вы, гг., не обратили вниманія на нашъ совѣтъ неопытнымъ композиторамъ шахм. задачъ («въ отвѣтахъ» № 11 «Ж. О.»). Простая разстановка фигуръ еще не есть *задача.*

ОТЪ КОНТОРЫ. № 14-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 29 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 1 апрѣля въ 7 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Близость весны, стих. **В. Львова.**—На краю пропасти, пов. **Л. Гербетъ.**—За газетой, стих. **Е. П. Пономарева,**—Баронъ Штейнъ, ст. **Лео Кэнеля.**—Разъ въ мѣсяцъ, **И. Василевскаго.**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Отъ редакціи.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: В. В. Верещагинъ.—Зефиръ и Флора, карт. **Бугеро.**—Любители цвѣтовъ, карт. **У. Ж. Мартенса.**—Базаръ въ Дамаскѣ, карт. **К. Вернера.**—Борцы, карт. **Норденберга.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ ГЕКТОГРАФЪ,

или скоро-копировальный апаратъ Зегимеля, принятый во мног. казен. и частн. учрежденіяхъ. 100 к. въ 10 мин. Цѣна апарата съ 2 сткл. чернилъ и составомъ для смыванія чернилъ: для почтоваго формата, 3 р. и 6 р,, д. писч. бум. 8 р. для развернутаго почтоваго листа и музыкальн. нотъ 10 р., за пересылку каждаго гектографа 1 р. Для разверн. листа писч. бум. 12 р., перес. за 20 фунт. Отдѣльно чернила 25 к. за сткл., масса 1 р. 25 к. за ф., 10 р. за 10 фунт. за перес. по расчету.

Переплеты для моментальнаго переплетенія дома любаго количества листовъ писемъ, иллюстр. журнал. и пр. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 к.

Удачнѣйшіе подарки для взрослыхъ и дѣтей.

Фотокопирователь или домашній фотограф. апаратъ, которымъ даже ребенокъ можетъ копировать только посредств. свѣта въ любомъ количествѣ всяк. фотограф. картъ, рисунковъ и пр. Цѣна (съ прилож. изящныхъ карточекъ, сдѣл. этимъ апар.) 2 р. 50 к., съ перес. 4 р. Съ прил. апар. для копиров. свѣтомъ рисунковъ, безъ вырыванія ихъ изъ книгъ 3 р. 50 к., съ перес. 5 р. Фотогр. карт. отдѣльно дюж. 1 р., сотня 5 р. съ перес.

Рисовальный апаратъ, которымъ даже неумѣющій рисовать можетъ копировать съ соверш. точностью любые рисунки, дамск. рукодѣлія, узоры и пр. Ц. съ прилож. способа умноженія посредствомъ сложенія и руководства къ живописи акварелью и пастелью 1 р. 30 к., съ перес. 2 руб.

Камера-обскура для рисов. съ натуры 1 руб. съ перес. 2 р.

Самоучитель чистописанія, съ прилож. школы чистописанія: русск., франц. и нѣмецк. яз. Съ помощью этого апар. дѣти выучиваются калиграфіи безъ затраты бумаги. Ц. 1 р. 20 к. съ перес. 2 р. Складъ: въ центральное бюро объявленій и переводовъ І. Зегимеля, Невскій, № 4, Въ Петербургѣ.

Поступила въ продажу **Элементарная Анатомія, Физіологія и Гигіена.** Руководство для городскихъ уч., сост. М. Герасимовымъ. Съ 28 рис. Ц. 50 к. Доп. Уч. К. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для городскихъ уч. и въ библіотекѣ народныхъ уч. Складъ изданія въ кн. маг. «Новаго Времени» и у автора: С.-П.-бургъ. Лиговскій каналъ, д. № 120.

*) Въ журналѣ имѣется особый «шашечный отдѣлъ»; помѣщаются задачи и статьи о шашкахъ.

При этомъ нумерѣ прилагается пятый двойной листъ романа А. Михайлова **„Чужіе грѣхи".**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 апрѣля 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Томъ I. Годъ VIII.

№ 16. На годъ съ пер. и дост. — 7 руб. *Адресъ конторы редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ по 20 к. За полгода — 4 руб. 12 Апрѣля 1880 года.

КАРТИНА ТОФАНО. ***Женская головка.*** Акварель на выставкѣ въ Италіи.

Рѣзалъ **Центенари** въ Италіи.

Изъ Іеронима Лорма. *)

Переводъ **Н. Гриднева**.

1.

Земля.

Я тщетно жду отвѣта
На мой вопросъ простой:
Какое благо свѣта
Все превзошло цѣной?

Ахъ! если-бы могилы
Разверзлись наконецъ,
На мой вопросъ унылый
Отвѣтилъ-бы мертвецъ:

«Всѣхъ благъ минутныхъ выше,
«Отраднѣе всего—
«Земля надъ старой крышей
«Жилища моего»...

Онъ правъ! онъ спитъ на ложѣ,
Гдѣ вѣчный міръ и тьма...
Да! на землѣ дороже
Всего земля сама!

2.

Поздно!

Что любовь мнѣ? что мнѣ грезы?
Вѣры нѣтъ уже во мнѣ!
Краткой молодости розы...
Ахъ! увяли и онѣ!

Пусть, мой другъ, твой взоръ прекрасный,
Къ счастью новому маня,
Не сулитъ мнѣ благъ напрасно!..
Нѣтъ ужъ счастья для меня...

Но я вижу въ этомъ взорѣ,
Что и мнѣ внимаетъ Богъ,
Давшій мнѣ лишь скорбь и горе,
Дни сомнѣній и тревогъ...

3.

Хоръ міровъ.

Отъ вѣка звѣзды пробѣгаютъ
Небесъ просторъ.
Есть въ мірѣ души, что вникаютъ
Въ ихъ дальній хоръ:

«Съ небытіемъ навѣкъ разстаться,
«Покинуть тьму,
«Чтобъ неудержно мчаться, мчаться...
«Къ чему?.. къ чему?..

4

Мірозданіе.

И куда ни упадетъ
Взоръ твой, всюду скорбь и мука!..
Что ни день, то новый гнетъ
Или новая разлука...

Въ этой скорби міровой
Сонъ о счастьи, сонъ безплодный,
Занялъ лишь просторъ такой,
Чтобъ разрушиться свободно...

Поднесеніе адреса.

Сценка **Н. Д. Лейкина**.

Пиръ горой готовится у купца Тараканьева. Во всѣхъ комнатахъ накрыты столы и блещутъ батареей бутылокъ, разставленныхъ по ранжиру, а также неизбѣжными вазами съ помятыми искуственными цвѣтами. Офиціанты во фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ слоняются по комнатамъ, снимаютъ въ передней верхнее платье съ пріѣзжающихъ на завтракъ гостей. Къ завтраку приглашены и всѣ многочисленные приказчики купца Тараканьева. Виднѣется священникъ въ голубой шелковой рясѣ и поодаль отъ него сидитъ дьячекъ съ гладкобритымъ, бульдогообразнымъ лицомъ и до того тугонамотанной на шеѣ косынкой, что вся кровь прилила у него въ голову и даже выпучились глаза, какъ у варенаго судака. Дьячекъ косится на закуску, плюетъ на пальцы и поправляетъ виски на прическѣ. Приказчики наблюдаютъ за нимъ со вниманіемъ.

— Это онъ для усиленія баса горло-то перетянулъ, чтобъ октава была, дѣлаетъ кто-то замѣчаніе.

Вошелъ гость, обозрѣлъ накрытые столы и, здороваясь съ хозяиномъ, спросилъ:

— Что у тебя за пиръ сегодня? По какому случаю? Самъ ты имянинникъ бываешь на Спиридона-Поворота, жена твоя—на Дарью Задери хвосты, и вдругъ получаю вчера отъ тебя билетъ: «покорнѣйше просятъ пожаловать на пирогъ...» Неужто свадебный день справляешь?

— Нѣтъ, таинственно улыбнулся хозяинъ, потрясая руку гостя.

— Такъ, вѣрно, день рожденья? Прежде, кажется, не справлялъ.

— Нѣтъ, и не день рожденья. А ты угадай.

— Крестины развѣ? Такъ у тебя жена порожнемъ ходила послѣднее время.

— Двадцатипяти лѣтній юбилей своей торговой дѣятельности справляю, отвѣчалъ хозяинъ.— Почитай четверть вѣка честно прохозяйствовать въ торговлѣ, братецъ ты мой, не шутка.

— А! ну, дай Богъ! Дай Богъ! А мы-то съ женой думаемъ... Полагали, ужь не выигралъ-ли на билеты тысячъ семьдесятъ пять, да до сего времени таился. И кліентовъ своихъ всѣхъ позвалъ? кивнулъ гость на приказчиковъ.—Что-жь, это хорошо. Въ такой день гордость надо бросить. Вѣдь и они люди. Только чувствуютъ-ли они твою доброту-то?

— А ужь это ихъ дѣло. Они у меня народъ хорошій.

Такой разговоръ происходилъ не съ однимъ гостемъ, а съ нѣсколькими. Многіе не знали, по какому случаю они пировать пріѣхали.

Когда всѣ собрались, начался молебенъ съ водосвятіемъ. Послѣ многолѣтія священникъ сказалъ краткое привѣтствіе и расцѣловался съ хозяиномъ. За столъ все еще не садились. Хозяинъ не приглашалъ, чего-то ждалъ и все посматривалъ въ другую комнату. У него даже вырвался легкій шепотъ: «Эхъ, черти!» Вскорѣ изъ сосѣдней комнаты показались два приказчика. Они несли серебряный подносъ и на немъ серебряную-же кружку. Подойдя къ хозяину, они сказали:

— Спиридонъ Захарычъ, въ сей священный день своего двадцатипяти лѣтія примите отъ насъ, вѣрныхъ слугъ, сей ничтожный подарокъ прямо отъ сердца.

— Не слугъ, а помощниковъ, поправилъ хозяинъ и заморгалъ мокрыми глазами.—Спасибо, господа! Большое спасибо! Такая неожиданность, что нѣтъ словъ...

— Да, неожиданность! Поди, самъ велѣлъ себѣ поднести. Наускалъ старшаго приказчика, а тотъ всѣхъ остальныхъ за вихоръ... послышалось гдѣ-то въ углу.

— Господа! Хотѣлъ-бы васъ всѣхъ обнять и расцѣловать, но за многочисленностью цѣлую только сихъ представителей! возгласилъ хозяинъ, держа въ рукахъ подносъ, протянулъ черезъ подносъ свои губы къ одному изъ нихъ и уронилъ кружку.

Въ это время выступилъ со свиткомъ въ рукахъ старшій приказчикъ и знаменательно крякнулъ. Около него стояли два лавочные мальчика. Онъ развернулъ свитокъ и далъ имъ держать его передъ собой за углы, а самъ, надѣвъ серебряные очки, началъ читать...

— «Многоуважаемый, боголюбивый, богобоязненный и справедливый, въ отношеніи своихъ вѣрныхъ торговыхъ слугъ, хозяинъ Спиридонъ Захарычъ! Позвольте намъ въ сей священный день вашего торжественнаго двадцатипяти лѣтія вашей торговой дѣятельности изобразить своимъ помощникамъ по комерціи и письменно принести наше сердечное поздравленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ излить наши теплыя чувства искренней благодарности за всѣ заботы и старанія о насъ. Словесная благодарность велика, но письменная еще больше и знаменательнѣе,—вотъ почему мы и порѣшили поднести вамъ сей благодарственный адресъ...»

— Красно написано!.. дѣлали замѣчаніе гости.

— Да вѣдь это они не сами. Это имъ одинъ адвокатъ писалъ, далъ кто-то отвѣтъ.

— То-то я слышу, что писака насчетъ слога собаку съѣлъ.

— Еще-бы... Это Акакій Назарычъ... этотъ самый, что съ краснымъ носомъ-то и съ волосяной бородавкой. Онъ въ Управѣ служилъ. Онъ куда угодно пишетъ прошенія: и къ мировому, и въ окружной...

Старшій приказчикъ продолжалъ.

— «Пройдутъ времена. Всѣ мы смертные помремъ, а адресъ съ нашими подписями останется и вы всегда можете засвидѣтельствовать человѣчеству, какъ любили и уважали васъ ваши вѣрные слуги.

— Помощники, господа, а не слуги. Вы мнѣ капиталъ составляли своею честностью, перебилъ чтеніе адреса совсѣмъ расплакавшійся хозяинъ.—Не будь васъ и торговля-бы не расширилась и капитала-бы не было!

— «Какъ любили и уважали васъ ваши вѣрные помощники, поправился старшій приказчикъ.—Ибо письменность имѣетъ совсѣмъ другой знакъ... Гдѣ рука, тамъ и голова, а что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ и торговые люди очень хорошо это знаютъ, выдавая векселя. Вексель для нихъ святыня...»

— Браво, браво! Отлично! одобряли купцы.

— ...«Святыня. Мы можемъ разсѣяться по вселенной и уѣхать къ себѣ на родину, а вы развернете адресъ сей и вспомните, кто васъ любилъ и уважалъ».

— А только и обезьянство-же это! Генералитету-молъ адресы подносятъ, такъ пусть и мнѣ поднесутъ, проговорилъ одинъ изъ гостей.—Положимъ, что тутъ современность, но развѣ купецъ можетъ быть съ генералитетомъ вровень?

— Молчи и слушай.

— «Подносимъ сей подарокъ въ знакъ ознаменованія вашего торговаго юбилея, состоящій изъ серебрянаго подноса по добровольной подпискѣ и кружку съ вашимъ и нашими именами, мы гордимся, что можемъ это сдѣлать, ибо честно и незапятнанно проторговать двадцать пять лѣтъ —не поле перейдти...»

— Да, честно! Три раза на своемъ вѣку рубль ломалъ. Одинъ разъ заплатилъ кредиторамъ двугривенный, другой разъ три гривенника, а третій на сорокъ копѣекъ сдѣлку дѣлалъ. Отъ этого и капиталъ нажилъ, разсуждали въ отдаленіи.

— Но все-таки, господа, черезъ комерческій судъ несостоятельности не было, а существовали однѣ негласныя сдѣлки, оправдывалъ кто-то хозяина.

— Такъ-съ. Но коли честно, зачѣмъ домъ и лавки на жену переводить? Конечно, кредиторы видѣли, что приступиться не къ чему, ну, и брали, что даютъ. Мнѣ даже за рыбу, что для домашняго употребленія у меня на садкѣ бралъ, и то сполна не заплатилъ.

— Да брось! Дай послушать! Что жужжишь, какъ муха!

Приказчикъ продолжалъ чтеніе адреса:

— «А посему въ заключеніе, съ теплой вѣ-

*) Въ послѣднее время въ Германіи особенное вниманіе обращаетъ на себя поэтъ Іеронимъ Лормъ. Шпильгагенъ въ своемъ журналѣ называетъ его представителемъ «пессимизма» въ современной поэтической литературѣ. Этотъ «пессимизмъ» у поэта-философа очень часто является слѣдствіемъ неудовлетворенной, всеобъемлющей любви къ человѣчеству.

рой въ сердцѣ, мы считаемъ своимъ счастливымъ долгомъ пожелать, дабы вы, уважаемый Спиридонъ Захарычъ, и, проторговавъ четверть вѣка на честь и славу отечеству, ширились и впредь въ торговлѣ и какъ сегодня, справили въ будущемъ свой пятидесятилѣтній торговый юбилей. Это наше искреннее желаніе, это вопль души нашей, закончилъ приказчикъ, сдѣлалъ маленькую паузу и скороговоркой забормоталъ: — Къ сему адресу руки приложили: старшій приказчикъ, углицкій мѣщанинъ Трифонъ Матвѣевъ, конторщикъ Михаилъ Ардальоновъ Чекушинъ, младшіе приказчики...

Перечисленіе именъ продолжалось, но хозяинъ прервалъ.

— Не нахожу словъ! Не нахожу словъ! Въ груди благодарныхъ мыслей много, но вонъ не идутъ! возгласилъ онъ, рыдая, заключилъ старшаго приказчика въ свои объятія и крѣпко цѣловалъ его въ губы.—Батюшка! Теперь благословите закуску! обратился онъ къ священнику, когда старшій приказчикъ вырвался изъ его объятій.

— Ура за юбилей! раздалось гдѣ-то.

Мѣста недавнихъ битвъ.

Очеркъ **В. И. Немировича-Данченко**

IV.

Въ Тырновѣ.

Иду по улицѣ въ Тырновѣ. Мнѣ на встрѣчу старый солдатъ—шипкинскій знакомецъ.

— Алексѣевъ, ты что здѣсь дѣлаешь?

— Пропащее дѣло! Оставили.

— Зачѣмъ?

— Да, бургаръ этихъ обучать... Всѣхъ въ Россію повратили, а я — во... Здѣсь съ братушками.

— Чему-жь ты ихъ учишь?

— Какъ настоящимъ солдатомъ быть... Толькп что! Не гораздо учатся-то... Онъ хорошъ-хорошъ... а только на бѣломъ хлѣбѣ выкормленъ. Крѣпости въ ёмъ нѣтъ.

— Да вѣдь на Шипкѣ помнишь?

— То въ бою. Въ бою всякій солдатъ хорошъ, а ты въ замиренье—пѣтухомъ будь, хвостъ трубой носи — вотъ это солдатъ... А не то что въ постель, на пуховую перину... Офицеры у нихъ изъ софійскаго училища выпущены. Народъ— охаить нельзя, а только не наши, нѣтъ! Сейчасъ это, какъ въ дружину прибудетъ, первое дѣло къ солдатамъ, которые изъ его мѣста. Рядомъ садится, цѣлуется. Нешто это порядокъ.. Какіе такіе офицеры—смотрѣть тошно...

— Что-жь, въ зубы развѣ лучше?

— Эхъ, Василій Ивановичъ, между зубами-то и этимъ бабствомъ, что отъ Москвы до Питера... Какая это армія—аршинники. У него тятька въ лавкѣ сидитъ, онъ тоже придетъ къ ёму — за прилавокъ и аршинъ въ руки, это во всей своей солдатской формѣ... Обидно... Нешто мѣсто солдату въ магазеѣ... А то возьметъ свою булку *) да подъ ручки... Дикій народъ!..

*) Булка — молодая женщина, невѣста, молодка. По поводу этого имени встрѣчалось много недоразумѣній на первыхъ порахъ. Вотъ одно изъ нихъ: Тырново занято только-что русскими. Голодный офицеръ подходитъ къ лавкѣ. Жирный, благополучный болгаринъ сидитъ за прилавкомъ.—Купецъ?—Да!..—Булка есть?—Има, братушка, има.—Ну, когда има, такъ давай ее сюда. И поскорѣе — ждать нѣкогда.

Болгаринъ, оторопѣвъ, срывается съ мѣста и въ крайнемъ возбужденіи оретъ:

— Има булку, только одну, для себя.

«Вотъ какіе подлецы—мы для нихъ сорокаверстный переходъ сдѣлали, проголодались, а ему скоту булки жаль».

И, разумѣется, тутъ-же бацъ-бацъ...

А и вся исторія только потому, что братушка вообразилъ, будто русскій требуетъ у него жену и притомъ «какъ можно поскорѣе...» Прим. авт.

— Ну, а жить-то тебѣ хорошо?

— Жить чудесно. Русскій въ почетѣ. Тутъ мнѣ одну булку сватаютъ тоже... У отца мастерство... Хорошая баба, рыхлая... Только одно... Дѣти не въ ту масть пойдутъ... Повратишься въ Рассею, навезешь черномазыхъ чертенятъ — смѣяться наши станутъ... Скажутъ, цыганскаго отродья наплодилъ экую прорву...

Я расхохотался.

— А, можетъ, въ тебя выйдутъ, русоволосые.

— Ну... куда! Здѣшняя баба все въ воронуюмасть рожаетъ... А только и ласковый народъ. Кажный день зазовутъ—угощенья... Ракія, сливовицы, мастика. Пей...

Въ «Хотелъ Давидовъ», гдѣ я остановился, за лошадями ходитъ, какъ оказалось потомъ, польскій эмигрантъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, бѣдный, какъ Іовъ въ тѣ дни, когда его посѣтилъ Господь своимъ гнѣвомъ... Коротенькая полотняная курточка, штанишки съ бахромкой отъ ветхости, старыя туфли на босу ногу, покорный, смирный взглядъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей и привѣтливая улыбка на губахъ. Ко мнѣ онъ почувствовалъ особенное расположеніе послѣ того, какъ я подарилъ ему сюртукъ. При этомъ бѣдняга объяснилъ мнѣ, что въ радомской губерніи онъ жилъ очень хорошо, «мялъ свой майонтекъ», но какъ честный человѣкъ, долженъ былъ пойдти въ повстаніе потому, что дѣло народовое. «Бо ежели-бы Руссъ былъ подъ Пруссомъ то и панъ пошелъ-бы въ повстаніе противъ Прусса»...

— Давно-ли вы въ Турціи.

— Тринадцать лѣтъ... Много насъ тутъ было, только когда русскіе Дунай перешли, — остальные побоялись и уѣхали за Балканы. Я не тронулся съ мѣста. Не на что, а притомъ я и старъ... Зачѣмъ меня трогать—кому надо. Живу я себѣ какъ «хршонжчь въ трстинѣ», ѣмъ что попало, работаю изъ-за восьми франковъ въ мѣсяцъ. Еще когда турки были—заработывалъ больше. Турки щедрѣе болгаръ... Ну, а теперь!.. Плохо теперь.

— Вы-бы похлопотали. Теперь разрѣшатъ вернуться.

— Не имѣю желанія!

— Почему это?..

— Первое — я все-таки эмигрантъ, станутъ за мной надзирать, а тутъ я живу свободно. Никто не мѣшаетъ. Вотъ соберу еще немного денегъ — въ Софію поѣду, ни у кого спрашиваться не надо будетъ... А второе, въ Радомѣ когда-то жилъ хорошо, средства были, самъ другихъ кормилъ, теперь-же нищимъ вернусь... Тутъ меня не знаютъ—не стыдно... А тамъ—сапогъ-бы вамъ чистить не сталъ и за лошадью вашей ходить было-бы зазорно...

Чудеса разсказываютъ здѣсь о нѣкоторыхъ русскихъ, которые явились въ Болгарію ловить въ мутной водѣ рыбу. Я уже сообщилъ массу эпизодовъ этого рода, теперь-же сообщу только случившееся въ Тырновѣ. Одинъ изъ нашихъ, пріѣхавъ сюда, сколотилъ себѣ годика въ два полтораста тысячъ франковъ. Видитъ онъ, что страна не просвѣщенная, люди ходятъ, разинувши рты, слѣдовательно, и впредь можно будетъ ихъ оболванивать чудесно. Слѣдуетъ обзавестись здѣсь имѣньицемъ. Кстати продавался богатый участокъ какого-то «турчина», пожелавшаго уйдти отъ звона христіанскихъ церквей въ Константинополь. Покупать на свое имя неловко. На службѣ еще подумаютъ Богъ знаетъ что и совсѣмъ напрасно сочтутъ ловкаго человѣка за безсовѣстнаго вора; подвернулся простодушный братушка съ разинутымъ ртомъ. «Хочешь у меня быть управляющимъ?» Братушка кланяется и благодаритъ. «Ну, такъ я пока на твое имя куплю этотъ чифтликъ, а потомъ дамъ тебѣ хорошее жалованье». Передалъ братушкѣ деньги, тотъ совершилъ куплю, получилъ бумаги на владѣніе.

— Ну, давай сюда.

— Что такое?

— Бумаги на чифтликъ.

— Какія? Чифтликъ я купилъ и бумаги мои. Я парички за чифтликъ платилъ...

Такъ рыболовъ мутныхъ водъ и остался безъ чифтлика и безъ денегъ.

Другой спокойно занялъ турецкіе дома и выгнать его оттуда трудно. Третій... Впрочемъ, это длинная эпопея съ однимъ и тѣмъ-же содержаніемъ. Великіе ловцы—хорошо покормились насчетъ братушекъ, которыхъ они теперь, поди, ругаютъ во всю!..

А какіе титулы придумывались здѣсь, а подстать титуламъ являлись и спасители отечества. Между прочимъ вотъ образчикъ такого спасенія. Въ одномъ изъ мусульманскихъ округовъ случилось нѣсколькимъ дружинникамъ принять турецкихъ коней издали за повстанцевъ. Кони, ничего же сумняшеся, паслись подъ какимъ-то селомъ. Дружинники открыли огонь. Сельская стража, стоявшая бивакомъ, вообразила, что это турки стрѣляютъ по нимъ изъ села и дала залпъ. Только и всего... Но вотъ какъ изобразили это болгарскіе офиціалы: телеграма первая: «Край въ возстаніи. Турки напали, городъ окруженъ мятежниками». Телеграма вторая черезъ четыре часа послѣ первой: «Бой продолжается, взято нѣсколько турецкихъ военныхъ, убито четыре караула» (?!) Телеграма третья на другой день: «Благодаря неустрашимости ротнаго командира и его солдатъ, а также моихъ стражарей, турки разбиты и обращены въ бѣгство!» Вотъ образецъ настоящей реляціи Офенбаховскаго боя. Я-бы не говорилъ объ этомъ ни слова, мало-ли рекламъ такого сорта распущено по свѣту, но дѣло въ томъ, что, воротясь въ Россію, я читалъ самъ въ газетахъ подробное описаніе этого боя съ указаніемъ восьмидесяти человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Очевидецъ корреспондентъ дѣлалъ между прочимъ на этомъ основаніи свои печальные выводы о темномъ будущемъ болгарскаго княжества. Второй эпизодъ той-же категоріи: кметъ какой-то деревушки два раза собиралъ подати и оба раза у него отнимали ихъ на пути въ городъ разбойники. Наконецъ, кмету удалось добраться до города, но съ пустыми руками. Наши кмета выдрали, но тотчасъ-же по начальству донесли: «Округъ не спокоенъ. Возставшіе турки напали на село N. Послѣ непродолжительнаго боя отступили, отнявъ казенныя деньги... Пострадалъ, благодаря Бога и своевременно принятымъ мѣрамъ, одинъ кметъ!» Одинъ изъ авторовъ такихъ реляцій совсѣмъ остался въ Болгаріи. Изъ остатковъ (истинно—остатки сладки) онъ реализировалъ кругленькій капиталецъ и купилъ подъ Тырновомъ богатые виноградники...

— Это наши!.. показываютъ на нихъ братушки.

— Какъ ваши?..

— Да, руссъ одинъ поправилъ дружиной нѣсколько мѣсяцевъ и купилъ чифтликъ...

Этотъ руссъ, впрочемъ, носитъ нѣмецкую фамилію.

Кстати, ужь заодно эта глава приняла отрывочный характеръ, у мѣста отмѣтить одинъ странный фактъ. На шапкахъ нашихъ офицеровъ, служащихъ въ болгарскомъ ополченіи, я видѣлъ у однихъ звѣзду, у другихъ крестъ. Что значитъ эта разница? Спрашиваю.

— А это, видите-ли: звѣзду присвоили себѣ переведенные сюда изъ гвардіи, а крестъ носятъ по положенію офицеры изъ армейскихъ полковъ...

И тутъ сказалась каста. Къ сожалѣнію, не на однихъ шапкахъ только.

Въ одной изъ прошлыхъ главъ я обѣщалъ сообщить въ главныхъ чертахъ органическій

статутъ княжества болгарскаго, созданный въ тырновскомъ народномъ собраніи въ мартѣ и апрѣлѣ 1879 года. Проектъ статута, сообщеннаго собранію императорскимъ комисаромъ, былъ значительно измѣненъ представителями населенія, разочаровавшими такимъ образомъ нашихъ отечественныхъ Полиньяковъ, предсказывавшихъ, что населеніе это не подготовлено, что мужики болгарскіе не поймутъ, въ чемъ дѣло, что во всякомъ случаѣ не въ коня кормъ окажутся всѣ наши благія намѣренія. Великую честь императорскому комисару и его представителю г. Лукьянову дѣлаетъ то обстоятельство, что они не поддались совѣтамъ, обязательно сообщавшимся даже нашими газетами, сходившими къ старому скалозубовскому: «фельдфебеля въ Вольтеры дамъ!» На всѣхъ засѣданіяхъ палаты находился г. Лукьяновъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ слѣдилъ за ними весьма пристально, но ни тотъ, ни другой не позволяли себѣ вмѣшаться въ это дѣло, направлять его, насилуя такимъ образомъ свободную волю избранныхъ по Высочайшему повелѣнію представителей страны. Въ засѣданіяхъ палаты часто слышались голоса людей враждебныхъ намъ. Воспитанники австрійскихъ школъ, сгрупировавшіеся теперь вокругъ министерства Бурмова, Начевича и Грекова, сплотившіеся въ партію излюбленныхъ нашей печатью болгарскихъ консерваторовъ, нерасположенные къ намъ, только и ждали того, чтобы князь Дондуковъ-Корсаковъ или Лукьяновъ вмѣшались въ работы тырновской палаты. Къ счастію, имъ не было доставлено это удовольствіе и статутъ княжества такимъ образомъ явился дѣломъ чисто народнымъ не навязаннымъ извнѣ. Въ палатѣ предсѣдательствовалъ епископъ виддинскій Анфимъ, вице-предсѣдателями были Икономовъ и Каравеловъ.

Органическій статутъ княжества Болгарскаго.

Отчужденіе какой бы то ни было части болгарскаго княжества, увеличеніе, расширеніе его можетъ быть произведено не иначе, какъ съ согласія великаго народнаго собранія. Исправленіе границъ, по скольку оно не связано съ вопросомъ о пограничномъ населеніи, можетъ послѣдовать съ разрѣшенія обыкновеннаго народнаго собранія. Устройство администраціи основывается на началахъ самоуправленія общинъ.

Княжество Болгарія — монархія наслѣдственная и конституціонная, съ народнымъ представительствомъ. Безъ согласія великаго народнаго собранія князь не можетъ быть одновременно правителемъ другого государства. Особа князя священна и неприкосновенна. Власть законодательная принадлежитъ князю совмѣстно съ народнымъ представительствомъ. Князь утверждаетъ и обнародываетъ принятые народнымъ собраніемъ законы. Онъ (князь) — верховный начальникъ всѣхъ военныхъ силъ края, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Князю принадлежитъ власть исполнительная; всѣ органы сей власти дѣйствуютъ его именемъ и подъ его верховнымъ надзоромъ. Власть судебная во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ мѣстамъ и лицамъ судебнымъ, дѣйствующимъ именемъ князя. Князю принадлежитъ право смягченія или помилованія въ дѣлахъ уголовныхъ. Право амнистіи принадлежитъ князю совмѣстно съ народнымъ собраніемъ. Права князя не распространяются на приговоры, по коимъ осуждены министры за нарушеніе конституціи. Князь есть представитель страны во всѣхъ сношеніяхъ съ иностранными государствами; именемъ его и съ уполномочія народнаго собранія заключаются съ правительствами сосѣднихъ державъ особыя соглашенія по дѣламъ управленія страны, требующимъ участія и содѣйствія этихъ правительствъ. Постановленія и распоряженія, исходящія отъ князя, дѣйствительны въ томъ случаѣ, когда они скрѣплены подлежащими министрами, принимающими на себя всю за нихъ отвѣтственность. Князь долженъ постоянно пребывать въ краѣ. Въ случаѣ временного своего отсутствія князь назначаетъ намѣстника, права и обязанности коего на время отсутствія князя должны быть опредѣлены особымъ закономъ. О своемъ отъѣздѣ и о назначеніи намѣстника князь объявляетъ прокламаціей къ народу. Наслѣдникъ престола равнымъ образомъ долженъ имѣть пребываніе въ краѣ.

Болгарскій государственный гербъ — въ темнокрасномъ щитѣ золотой коронованный левъ. Надъ щитомъ княжеская корона. На государственной печати изображается гербъ княжества. Болгарское народное знамя трехцвѣтное — изъ бѣлаго, зеленаго и краснаго цвѣтовъ, расположенныхъ горизонтально.

Княжеское достоинство наслѣдственно въ прямомъ нисходящемъ мужескомъ потомствѣ перваго избраннаго князя. Совершеннолѣтіе царствующему князю и наслѣднику престола полагается въ 18 лѣтъ. При вступленіи князя на престолъ прежде сего возраста, до совершеннолѣтія его, учреждается регентство и опека. Регентство учреждается въ лицѣ трехъ регентовъ, избираемыхъ великимъ народнымъ собраніемъ. Царствующій князь можетъ, на случай своей кончины и несовершеннолѣтія наслѣдника престола, избрать трехъ регентовъ, но не иначе какъ съ согласія и утвержденія великаго народнаго собранія Членами регентства могутъ быть назначаемы министры, предсѣдатель и члены суда высшей инстанціи, или же лица, занимавшія безупречно эти должности. Члены регентства при вступленіи въ должность приносятъ въ великомъ народномъ собраніи присягу на вѣрность князю и конституціи, засимъ въ прокламаціи къ народу объявляютъ о вступленіи въ управленіе страною въ предѣлахъ княжеской власти и во имя князя. По достиженіи княземъ совершеннолѣтія и по принесеніи присяги, онъ вступаетъ въ управленіе страною, о чемъ и объявляетъ народу прокламаціей. Заботы о воспитаніи несовершеннолѣтняго князя и управленіе его имуществомъ поручаются вдовствующей княгинѣ и опекунамъ, назначаемымъ совѣтомъ министровъ по соглашеніи съ княгинею-матерью. Члены регентства не могутъ быть опекунами несовершеннолѣтняго князя.

По кончинѣ князя наслѣдникъ его вступаетъ на престолъ и дѣлаетъ немедленно распоряженіе о созваніи великаго народнаго собранія, предъ которымъ и приноситъ слѣдующую присягу. «Клянусь Всемогущимъ Богомъ свято и неуклонно соблюдать конституцію и законы княжества и во всѣхъ моихъ мѣропріятіяхъ имѣть въ виду единственно пользу и благо страны, въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ».

Народное собраніе опредѣляетъ на личное содержаніе князя и содержаніе его двора шестьсотъ тысячъ франковъ въ годъ. Количество этой суммы не можетъ быть ни увеличено безъ согласія народнаго собранія, ни уменьшено безъ соизволенія князя. Содержаніе наслѣдника престола по достиженіи имъ совершеннолѣтія опредѣляется народнымъ собраніемъ.

Господствующая въ болгарскомъ княжествѣ вѣра есть христіанская православная восточнаго исповѣданія. Князь болгарскій и его потомство не могутъ исповѣдывать никакой другой вѣры, кромѣ православной. Только первый избранный болгарскій князь, если-бы принадлежалъ къ иной вѣрѣ, можетъ неизмѣнно пребывать въ ней. Княжество болгарское въ церковномъ отношеніи, составляя нераздѣльную часть болгарской церковной области, подчиняется св. синоду, — высшей духовной власти болгарской церкви, гдѣ-бы власть сія ни пребывала, и посредствомъ нея сохраняетъ единеніе съ восточною церковью во всемъ, что касается догматовъ вѣры. Христіане неправославнаго исповѣданія и иновѣрцы пользуются свободою вѣроисповѣданія. Дѣла церковныя христіанъ неправославнаго исповѣданія и иновѣрцевъ вѣдаются ихъ духовными властями подъ высшимъ надзоромъ надлежащаго министра.

Болгарское княжество управляется на точномъ основаніи законовъ, издаваемыхъ порядкомъ, въ конституціи изложеннымъ. Ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ, дополненъ, измѣненъ и отмѣненъ безъ предварительнаго обсужденія и принятія его народнымъ собраніемъ, которому предоставляется также и автентическое его истолкованіе. По утвержденіи княземъ, принятый народнымъ собраніемъ законъ, въ полномъ его текстѣ долженъ быть обнародованъ. При обнародованіи закона должно быть сказано, что онъ принятъ народнымъ собраніемъ. Ни одинъ законъ не имѣетъ силы и дѣйствія до такого обнародованія. Если-бы государству угрожала опасность внѣшняя или внутренняя и народное собраніе созвано быть не могло, то въ такомъ единственно случаѣ князю, по представленію совѣта министровъ и подъ ихъ общею отвѣтственностію, предоставляется издавать постановленія и дѣлать распоряженія, которыя имѣютъ обязательную силу наравнѣ съ закономъ. Такія чрезвычайныя постановленія вносятся на одобреніе перваго созваннаго за тѣмъ народнаго собранія. Эти распоряженія ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ установленію налоговъ и государственныхъ сборовъ, которые всегда устанавливаются съ согласія народнаго собранія. Одно народное собраніе въ правѣ рѣшить, изданъ-ли законъ съ соблюденіемъ всѣхъ, указанныхъ въ конституціи, условій.

Государственныя имущества составляютъ достояніе болгарскаго княжества и не могутъ быть предоставлены въ частное пользованіе ни князя, ни членовъ его рода.

Всѣ уроженцы Болгаріи, непринявшіе иного подданства, равно какъ и дѣти болгарскихъ подданныхъ, родившіяся внѣ предѣловъ княжества, считаются подданными болгарскаго княжества. Иностранцы могутъ быть приняты въ болгарское подданство только съ утвержденія народнаго собранія. Всякій подданный княжества можетъ отказаться отъ подданства, отбывши предварительно воинскую повинность и исполнивши другія, лежащія на немъ, обязанности относительно государства. Всѣ болгарскіе подданные равны передъ закономъ. Раздѣленія на сословія въ Болгаріи не допускается. Титулы благородства и другія отличія, а равно и ордена въ болгарскомъ княжествѣ не допускаются. Князю предоставляется право учредить одинъ знакъ отличія исключительно для военныхъ за дѣйствительно совершенные ими подвиги во время войны *). Пользованіе политическими правами принадлежитъ исключительно гражданамъ болгарскаго княжества. Пользованіе-же гражданскими правами, на основаніи законовъ, предоставляется всѣмъ пребывающимъ въ княжествѣ. Торговля людьми не допускается въ болгарскомъ княжествѣ. Всякій рабъ какого-бы вѣроисповѣданія, пола и племени онъ ни былъ, вступая на територію болгарскаго княжества, становится свободнымъ.

Только болгарскіе подданные могутъ занимать должности по государственной, общественной и военной службѣ. Иностранные подданные могутъ быть принимаемы на службу съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, народнаго собранія.

Каждый подданный княжества болгарскаго, безъ изъятія, обязанъ платить установленные закономъ налоги и государственные сборы и исполнять повинности. Только князь и наслѣдникъ престола освобождаются отъ всякаго рода налоговъ, государственныхъ сборовъ и повинностей.

Каждый болгарскій подданный подлежитъ воинской повинности. Въ дѣлахъ уголовныхъ военнослужащіе подсудны судамъ военнымъ лишь во время нахожденія на дѣйствительной службѣ.

Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ по приговору подлежащаго суда, вошедшему въ законную силу. Аресты и обыски въ домахъ могутъ быть чинимы лишь по правиламъ, изложеннымъ въ законахъ. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, неустановленному въ законахъ. Пытки и конфискація имуществъ воспрещаются.

Въ виду событій, грозящихъ нарушеніемъ общественной безопасности, предоставляется князю право въ той или другой мѣстности производить аресты и разрѣшать обыски, но съ обязанностью внести свое о томъ постановленіе на утвержденіе перваго за симъ народнаго собранія. Частная переписка и частныя телеграфическія депеши составляютъ тайну и почитаются неприкосновенными. Отвѣтственность должностныхъ лицъ за нарушеніе тайны писемъ и депешъ будетъ опредѣлена особымъ закономъ.

Первоначальное обученіе безплатно и обязательно для всѣхъ подданныхъ болгарскаго княжества.

Печать свободна. Никакой цензуры не допускается и никакого залога не требуется отъ авторовъ, издателей и типографщиковъ. Если авторъ извѣстенъ и находится въ княжествѣ, то издатель, типографщикъ и распространитель не могутъ быть подвергаемы преслѣдованію. Только священное писаніе, богослужебныя книги и сочиненія догматическаго содержанія, назначенныя для употребленія въ православныхъ церквахъ, а также и учебники по закону Божію для православныхъ, подлежатъ предварительному одобренію св. синода. Преступленія по дѣламъ печати судятся по закону въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

Жителямъ болгарскаго княжества предоставляется право собираться мирно и безъ оружія для обсужденія всякаго рода вопросовъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія. Собранія внѣ зданій, на открытомъ воздухѣ, подчиняются вполнѣ полицейскимъ правиламъ благочинія. Болгарскіе граждане имѣютъ право составлять дружества безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія, если только цѣль и средства этихъ дружествъ не приносятъ вреда государственному и общественному порядку, религіи и добрымъ нравамъ.

Каждый болгарскій подданный имѣетъ право подавать надлежащимъ властямъ прошенія, подписанныя однимъ или нѣсколькими лицами (колективно).

Представительство страны заключается въ народномъ собраніи, которое бываетъ:

1. Обыкновенное.
2. Великое.

Обыкновенное народное собраніе состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачею голосовъ по одному на 10,000 жителей обоего пола. Депутаты избираются на три года. Право быть избирателями принадлежитъ всѣмъ болгарскимъ гражданамъ, достигшимъ 20 лѣтъ съ годомъ и пользующимся гражданскими и политическими правами.

Въ депутаты могутъ быть избираемы всѣ болгарскіе граждане, пользующіеся гражданскими и политическими правами; они должны быть грамотны и не моложе 30 лѣтъ отъ роду. Порядокъ выборовъ долженъ быть опредѣленъ особымъ избирательнымъ закономъ. Депутаты почитаются представителями не только своихъ избирателей, но и всего народа. Посему они не могутъ принимать отъ своихъ избирателей никакихъ обязательныхъ инструкцій. Депутатамъ предоставляется судить о нуждахъ края по собственному убѣжденію и совѣсти. При открытіи засѣданія народное собраніе подъ предсѣдательствомъ депутата, старшаго по возрасту, приступаетъ

*) Проектированъ крестъ „Льва Болгарскаго“.

КАРТИНА МАВРИКІЯ ГОТЛИБА.

Уріель Акоста и Юдифь.

Рѣзалъ на деревѣ Паар**ъ**.

немедленно къ избранію постояннаго предсѣдателя и вице-предсѣдателей. Секретари въ необходимомъ для занятій числѣ избираются самимъ собраніемъ изъ собственной среды. Министры могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ собранія и принимать участіе въ преніяхъ. Собраніе обязано выслушивать министровъ всякій разъ, когда они просятъ слова. Для представленія собранію объясненій по внесеннымъ проектамъ князь можетъ, вмѣсто министровъ или совмѣстно съ ними, назначать въ собраніе особыхъ комисаровъ, кои въ сихъ случаяхъ пользуются правами министровъ, указанными въ предшедшей статьѣ. Собраніе можетъ просить министровъ и комисаровъ прибыть въ засѣданіе для сообщенія необходимыхъ свѣдѣній и разъясненій. Министры и комисары обязаны явиться въ собраніе и сообщить лично требуемыя объясненія. Министры и комисары подъ своею отвѣтственностью могутъ не сообщать такихъ фактовъ, несвоевременная огласка коихъ можетъ повредить государственнымъ интересамъ.

Каждый членъ собранія имѣетъ право выражать свободно свое мнѣніе, подавая голосъ по внутреннему убѣжденію и совѣсти. Никто не можетъ требовать отъ него въ выраженномъ мнѣніи отчета, или возбуждать за сіе противъ него преслѣдованіе. За совершенные въ засѣданіи собранія членами его проступки и преступленія, предусмотрѣнные уголовными законами, виновные въ томъ могутъ быть привлекаемы къ суду не иначе, какъ по опредѣленію собранія. Члены народнаго собранія за пять дней до открытія и во все время продолженія засѣданій не могутъ быть арестованы и судимы, за исключеніемъ случаевъ, когда они обвиняются въ преступленіяхъ, за кои налагаются по уголовному закону тягчайшія наказанія. Въ сихъ случаяхъ объ арестѣ слѣдуетъ немедленно увѣдомить народное собраніе, а самое преслѣдованіе можетъ быть начато лишь съ его разрѣшенія.

Засѣданія народнаго собранія происходятъ при открытыхъ дверяхъ. Предсѣдатель, министръ, комисаръ, а равно члены собранія, въ числѣ не менѣе трехъ, могутъ внести предложеніе о закрытіи собранія для лицъ постороннихъ. Такое предложеніе обсуждается при закрытыхъ дверяхъ и рѣшается большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ. Рѣшеніе собранія такого рода объявляются предсѣдателемъ при открытыхъ дверяхъ. Никто не допускается съ оружіемъ ни въ залу засѣданій, ни въ зданіе, въ коемъ собраніе помѣщается. Военные караулы и вообще вооруженныя силы не должны быть помѣщаемы ни у дверей залы засѣданій, ни въ самомъ зданіи, ни по близости зданія, развѣ бы само собраніе большинствомъ голосовъ того пожелало. Собраніе имѣетъ свою собственную внутреннюю полицію, состоящую въ подчиненіи предсѣдателя. Внутренній распорядокъ и дѣлопроизводство опредѣляются самимъ собраніемъ.

Предметы вѣдѣнія народнаго собранія суть: обсужденіе проектовъ законовъ, обсужденіе предложеній о государственныхъ займахъ, объ увеличеніи, уменьшеніи или установленіи налоговъ и всякаго рода сборовъ, а равно о ихъ распредѣленіи и порядкѣ взиманія. Дѣла о сложеніи недоимокъ и всякаго рода недоборовъ, взысканіе коихъ признано будетъ невозможнымъ. Обсужденіе ежегоднаго бюджета доходовъ и расходовъ. Разсмотрѣніе отчетовъ о расходованіи суммъ, назначенныхъ по бюджету. Разсмотрѣніе отчетовъ высшей счетной палаты, которая должна представлять собранію подробные доклады объ исполненіи росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Возбужденіе вопросовъ объ отвѣтственности министровъ. Собраніе имѣетъ право принимать всякаго рода прошенія и жалобы и передавать ихъ подлежащимъ министрамъ. Ему предоставляется право назначать слѣдственныя комиссіи по управленію. Министры, по запросу собранія, должны давать объясненія. Члены собранія имѣютъ право дѣлать правительству запросы, а подлежащіе министры обязаны отвѣчать на нихъ.

Законодательная инициатива принадлежитъ князю и народному собранію. Законопроекты и предложенія правительства вносятся въ народное собраніе подлежащими министрами по распоряженію князя. Каждый депутатъ также можетъ внести въ народное собраніе законопроектъ или предложеніе, если они подписаны одною четвертью присутствующихъ депутатовъ. Каждый законопроектъ или предложеніе, внесенные въ собраніе, могутъ быть взяты обратно, если не было еще окончательной подачи голосовъ. Народное собраніе можетъ дѣлать во внесенныхъ проектахъ измѣненія, дополненія и поправки. Если правительство не согласится на измѣненія, дополненія и поправки, сдѣланныя въ его законопроектѣ, то оно можетъ или взять законопроектъ обратно, или внести его вторично въ первоначальной редакціи съ объясненіями и замѣчаніями, или же внести его съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя найдетъ цѣлесообразными. Ни одинъ законопроектъ, отвергнутый народнымъ собраніемъ во всей его цѣлости, не можетъ быть внесенъ безъ измѣненія въ собраніе втеченіи той-же сессіи. Такой законопроектъ можетъ быть внесенъ въ слѣдующую сессію. Подача голосовъ о поступившемъ на разсмотрѣніе собранія проектѣ или предложеніи допускается лишь въ томъ случаѣ, если въ засѣданіи присутствуетъ болѣе половины всѣхъ членовъ. Члены собранія должны подавать голоса лично, открыто и устно. По требованію десяти членовъ голосованіе можетъ быть закрытое. Рѣшенія собранія постановляются большинствомъ голосовъ. При равенствѣ голосовъ проектъ или предложеніе почитается отвергнутымъ. По каждому постановленію, состоявшемуся въ собраніи и представленному князю, рѣшеніе его должно послѣдовать втеченіи сессіи.

Бюджетъ представляется на разсмотрѣніе народнаго собранія ежегодно. Бюджетъ, по принятіи его народнымъ собраніемъ, представляется на утвержденіе князя. Народное собраніе разсматриваетъ проектъ бюджета по статьямъ и въ случаѣ измѣненія или устраненія какой либо изъ нихъ указываетъ побуждающія его къ тому причины. Въ случаѣ невозможности созвать собраніе и при необходимости безотлагательныхъ расходовъ сила и дѣйствіе прошлогодняго бюджета продолжаются подъ отвѣтственностью министровъ, впредь до одобренія ихъ распоряженій народнымъ собраніемъ въ первую имѣющую состояться сессію.

Ни одинъ заемъ не можетъ быть заключенъ безъ согласія народнаго собранія. Если-бы для государства не въ періодъ засѣданій собранія встрѣтилась необходимость заключить заемъ на покрытіе чрезвычайныхъ и неотлагательныхъ расходовъ, то созывается немедленно народное собраніе не въ очередь. Если-бы для созванія народнаго собранія встрѣчены были важныя препятствія, то князь по представленію совѣта министровъ можетъ разрѣшить заемъ до одного миліона франковъ, подъ условіемъ одобренія ближайшаго народнаго собранія. По статьямъ, по коимъ кредита установлено не было, князь можетъ, порядкомъ и въ случаяхъ, указанныхъ въ предъидущей статьѣ, разрѣшить расходъ изъ средствъ казны, но расходъ сей не долженъ въ общемъ итогѣ превышать трехсотъ тысячъ франковъ.

Народное собраніе созывается княземъ ежегодно. Сессія продолжается съ 15 октября по 15 декабря. Но собраніе можетъ быть созвано и не въ очередь, если важныя обстоятельства того потребуютъ. Очередная сессія собранія можетъ быть продолжена по взаимному соглашенію князя и народнаго собранія. Князь открываетъ и закрываетъ собраніе или лично, или поручаетъ это уполномоченному. Предъ открытіемъ собранія всѣ члены его одновременно, по обрядамъ ихъ исповѣданій, приносятъ слѣдующую присягу: «Клянусь единымъ Богомъ соблюдать и охранять конституцію и при исполненіи моихъ обязанностей въ семъ собраніи имѣть единственно въ виду общее благо народа и князя, по крайнему моему разумѣнію и совѣсти, въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ. Аминь». Лица духовнаго сана присяги не приносятъ, но даютъ торжественное обѣщаніе поступать во всемъ по совѣсти, имѣя исключительно въ виду общее благо страны и князя. При открытіи собранія въ княжеской рѣчи излагается положеніе края и указываются проекты и предложенія, имѣющіе быть внесенными на разсмотрѣніе собранія. На княжескую рѣчь собраніе представляетъ князю отвѣтный адресъ. По созваніи собранія князь можетъ отсрочить его засѣданія, но не болѣе, какъ на два мѣсяца. Новая отсрочка въ періодъ той-же сессіи можетъ послѣдовать лишь съ согласія самаго собранія. Князь можетъ распустить собраніе и назначить новые выборы народныхъ представителей. Новые выборы должны послѣдовать не позже двухъ, а новое собраніе должно быть открыто не позже четырехъ мѣсяцевъ со дня распущенія прежняго народнаго собранія. Члены народнаго собранія не могутъ собираться въ сессіи безъ созванія ихъ княземъ; равнымъ образомъ не могутъ собираться въ засѣданія послѣ отсрочки, закрытія или распущенія собранія. Члены народнаго собранія, мѣстожительство коихъ находится не въ той мѣстности, гдѣ засѣдаетъ собраніе, получаютъ суточныя деньги, а равно и прогонныя въ оба пути. Размѣръ ихъ будетъ опредѣленъ особымъ закономъ.

Великое народное собраніе созывается княземъ, или регентствомъ, или совѣтомъ министровъ. Князь созываетъ великое народное собраніе: для обсужденія вопросовъ объ отчужденіи или обмѣнѣ части територіи княжества. Вопросы эти рѣшаются большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ собранія. Для измѣненія или пересмотра конституціи. Рѣшеніе по симъ предметамъ требуетъ большинства двухъ третей голосовъ всѣхъ членовъ собранія. Великое народное собраніе можетъ быть созвано регентствомъ только для обсужденія вопросовъ объ отчужденіи или обмѣнѣ части територіи княжества. Вопросы эти рѣшаются большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ собранія. Совѣтъ министровъ созываетъ великое народное собраніе: для избранія новаго князя, въ случаѣ, если-бы царствовавшій князь скончался, не оставивъ по себѣ наслѣдника. Избраніе совершается большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ членовъ собранія. Для избранія регентовъ, въ случаѣ несовершеннолѣтія наслѣдника престола. Избраніе совершается большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ собранія.

Великое народное собраніе состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачею голосовъ. Число депутатовъ равно двойному числу членовъ обыкновеннаго народнаго собранія, считая по два на каждые 10,000 жителей обоего пола. О порядкѣ избранія депутатовъ будетъ изданъ особый избирательный законъ. Предсѣдатель, вицепредсѣдатели и необходимое число секретарей избираются самымъ собраніемъ изъ своей собственной среды. До избранія же ихъ предсѣдательствуетъ старшій по возрасту депутатъ. Великое народное собраніе занимается исключительно тѣми предметами, для которыхъ оно по конституціи было созвано, и распускается немедленно послѣ ихъ рѣшенія.

Высшія правительственныя учрежденія суть: 1) Совѣтъ министровъ. 2) Министерства. Исполнительная власть, подъ высшимъ надзоромъ и руководствомъ князя принадлежитъ министрамъ и ихъ совѣту. Совѣтъ министровъ состоитъ изъ всѣхъ министровъ. Одинъ изъ нихъ, по выбору князя, назначается предсѣдателемъ совѣта. Сверхъ общихъ обязанностей въ обыкновенное время совѣту министровъ, въ нѣкоторыхъ нижепоименованныхъ случаяхъ, присвоиваются слѣдующія права и обязанности. Въ случаѣ смерти князя безъ наслѣдника совѣтъ министровъ вступаетъ въ управленіе страною и въ мѣсячный со времени вступленія въ управленіе срокъ созываетъ великое народное собраніе для избранія новаго князя. Совѣтъ министровъ вступаетъ также въ управленіе страною и въ томъ случаѣ, если князь при смерти не учредилъ регентства. Великое народное собраніе для избранія регентовъ должно быть созвано въ тотъ-же мѣсячный срокъ. Если по смерти князя вдовствующая княгиня осталась беременною, то впредь до разрѣшенія ея отъ бремени управленіе страною принадлежитъ совѣту министровъ. Въ случаѣ смерти одного изъ членовъ регентства, совѣтъ министровъ созываетъ великое народное собраніе для избранія регента на мѣсто умершаго. Втеченіи своего управленія страною совѣтъ министровъ не можетъ смѣнять министровъ. Члены совѣта министровъ, въ случаѣ временнаго управленія страною, получаютъ только содержаніе, ихъ должностямъ присвоенное. Министры назначаются и увольняются княземъ. Министры отвѣтственны передъ княземъ и народнымъ собраніемъ въ совокупности за общія ими принятыя мѣры, и лично, каждый за дѣйствія, совершенныя имъ по ввѣренной ему части управленія. Каждый офиціальный актъ, подписанный княземъ, по свойству своему долженъ быть скрѣпленъ или всѣми министрами, или министромъ по принадлежности. Министры могутъ быть преданы народнымъ собраніемъ суду за измѣну отечеству или князю, за нарушеніе конституціи, за предательство или вредъ, нанесенный странѣ съ цѣлью личнаго интереса. Предложеніе о преданіи министра суду должно быть письменное, содержать исчисленіе пунктовъ обвиненія и быть подписано, по крайней мѣрѣ, одною четвертью членовъ народнаго собранія. Для преданія министра суду необходимо двѣ трети голосовъ присутствующихъ членовъ. Министры подсудны особому государственному суду, составъ коего будетъ опредѣленъ особымъ закономъ. Князь не можетъ помиловать обвиненнаго министра безъ согласія народнаго собранія. Исполненіе законовъ поручается высшимъ административнымъ учрежденіямъ, именуемымъ министерствами. Министерствъ шесть: 1) Министерство иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій. 2) Министерство внутреннихъ дѣлъ. 3) Министерство народнаго просвѣщенія. 4) Министерство финансовъ. 5) Министерство юстиціи. 6) Министерство военное. Во главѣ каждаго министерства находится министръ. Назначеніе на всѣ государственныя должности принадлежитъ князю. Каждое должностное лицо приноситъ присягу на вѣрность князю и конституціи. Каждое должностное лицо отвѣчаетъ за свои служебныя дѣйствія. Должностныя лица, служащія по назначенію отъ правительства, имѣютъ право на пенсію, основаніе и размѣръ коей будетъ опредѣленъ особымъ закономъ.

Предложенія объ измѣненіи или пересмотрѣ конституціи дѣлаются общимъ порядкомъ, установленнымъ для изданія законовъ. Означенныя предложенія считаются принятыми, если за нихъ выскажется болѣе двухъ третей всѣхъ членовъ народнаго собранія. Для разсмотрѣнія сущности предложеній, созывается великое народное собраніе, которое большинствомъ двухъ третей голосовъ всѣхъ членовъ собранія рѣшаетъ вопросы, касающіеся измѣненія и пересмотра конституціи.

Статутъ этотъ былъ подписанъ 16 апрѣля 1879 года двѣсти двѣнадцатью представителями болгарскаго народа и уполномоченнымъ императорскаго россійскаго комисара сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ С. Лукьяновымъ. Среди лицъ подписавшихъ этотъ актъ болгарской независимости находится семь митрополитовъ, одинъ епископъ, нѣсколько игумновъ монастырей, софійскій раввинъ; пять евреевъ и восемь мусульманскихъ представителей.

Статутъ этотъ является въ первый разъ на страницахъ русскаго изданія. Насколько мы равнодушно относились къ этому, видно изъ слѣдующаго.

Когда я пошелъ въ типографію Л. Каравелова и Н. К. Жейнова въ Тырновѣ для покупки экземпляра статута, Словейковъ выразилъ свое удовольствіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Наконецъ-то!.. Вы первый русскій, покупающій у насъ этотъ статутъ.

— Какъ такъ?

— До сихъ поръ никто не требовалъ его изъ вашихъ!

А толковъ-то, толковъ о немъ—и, разумѣется, безъ всякаго знанія дѣла—въ нашей печати!

Экземпляръ статута стоитъ 50 сантимовъ, деньги, вырученныя за продажу, идутъ на возведеніе монумента нашему Государю Императору, а также памятника русскимъ, павшимъ и боровшимся за болгарскую независимость.

На краю пропасти.

Повѣсть **Л. Гербетъ**. Переводъ **М. Л—ой**.

(Продолженіе.)

Холодное лицо Леонгардта то вспыхивало, то блѣднѣло, когда онъ подходилъ къ Клотильдѣ, которая въ свою очередь мѣнялась въ лицѣ.

— Какая неожиданность! сказала она, пока онъ молча ее разглядывалъ. — Я надѣюсь, что ни что-нибудь печальное привело тебя сюда.

— Я пріѣхалъ съ лучшимъ и чистѣйшимъ намѣреніемъ, возразилъ онъ своимъ обыкновеннымъ сдержаннымъ тономъ. Однако замѣтное волненіе его голоса и проницательный взглядъ его глазъ, заставили тревожно забиться сердце Клотильды.

— Садись, Леонгардтъ, пригласила она и сама поспѣшила сѣсть; она дрожала и боялась упасть. Леонгардтъ откашлялся.

— Случай, началъ онъ,—сдѣлалъ мнѣ извѣстнымъ предполагаемое мною содержаніе письма твоего мужа, которое, вѣроятно, и было причиною твоего необъяснимаго исчезновенія изъ нашего дома три недѣли тому назадъ.

Клотильда все блѣднѣла и блѣднѣла и дрожащія губы ея не проявляли ни малѣйшей склонности къ возраженію. Леонгардтъ замолчалъ и терпѣливо дожидался, что она ему на это скажетъ. Неделикатность его обращенія такъ ее возмутила, что къ ней снова вернулось самообладаніе.

— И ты не могъ избавить меня отъ разговора о такомъ предметѣ, о которомъ мнѣ пріятнѣе всего было-бы молчать?

Благородное и кроткое достоинство, съ которымъ она сдѣлала ему этотъ вопросъ, казалось, смутило его; онъ перемѣнилъ позу, быстрымъ, нервнымъ движеніемъ вытянулъ ноги и потупился; наконецъ, онъ поднялъ голову и съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей въ глаза:

— Клотильда, сказалъ онъ съ необычной мягкостью, — если ты въ прежнее время была-бы болѣе ко мнѣ справедлива и не истолковывала моихъ чувствъ превратно, мнѣ теперь не нужно-бы было говорить тебѣ, что лишь одно глубокое къ тебѣ сочувствіе привело меня сюда.

Клотильда сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Пожалуйста, выслушай меня спокойно. Ты знаешь, я не одобрялъ твоего выбора,—не волнуйся, прошу тебя, дай мнѣ договорить. Хотя я и не скрывалъ отъ тебя своего мнѣнія, но все-же не рѣшался изъ ложной деликатности настоятельно отговаривать тебя.

— Ты ничего не выигралъ-бы этимъ, перебила она.

— Да, я имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ справедливости твоего замѣчанія. И не смотря на это, я теперь горько раскаиваюсь въ томъ, что не рѣшился тогда принять крайнихъ мѣръ; я избавилъ-бы тебя отъ униженія и оскорбленія, которыхъ, конечно, не заслужила твоя преданная любовь.

Клотильда откинулась на спинку кресла; легкая краска набѣжала ей на щеки и изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ текла слеза за слезой.

— Я надѣюсь, что сегодня ты не станешь противорѣчить мнѣ, если я скажу, что твой мужъ—подлецъ.

Клотильда въ ужасѣ вскочила съ мѣста:

— Молчи, Леонгардтъ! Я не могу слышать, когда о немъ говорятъ въ такихъ выраженіяхъ. Рудольфъ для меня умеръ. Я оплакиваю его какъ усопшаго, и никогда не потерплю, чтобы его позорили въ моемъ присутствіи.

Леонгардтъ посмотрѣлъ на нее съ выраженіемъ глубочайшаго удивленія; онъ долго не могъ найдти, что ей отвѣтить, и когда онъ всталъ, Клотильда машинально тоже поднялась съ мѣста.

— Прежде, нежели я прощусь съ тобой, сказалъ онъ, наконецъ, взволнованнымъ голосомъ,—позволь мнѣ, отъ имени твоего дяди, обратиться къ тебѣ съ вопросомъ. Онъ желаетъ знать, — изъ отеческаго участія, конечно, — дала-ли ты согласіе на разводъ съ мужемъ.

— Прежде, нежели я отвѣчу, съ усиліемъ проговорила она,—я прошу тебя мнѣ объяснить, какимъ образомъ вамъ стали извѣстны обстоятельства, которыя, какъ я думала, до сихъ поръ глубокая тайна.

— Все случай, отвѣтилъ Леонгардтъ, — или, вѣрнѣе, откровенный разсказъ друга твоего дѣтства, молодого врача Зольмса. Онъ недавно поселился въ маленькомъ гановерскомъ городкѣ, вблизи котораго находятся большія наслѣдственныя помѣстья госпожи фонъ-Дунклеръ, о которой идетъ рѣчь. Когда, съ недѣлю тому назадъ, его призвали къ заболѣвшей владѣлицѣ помѣстья, ему уже были извѣстны нѣкоторыя подробности ея... неустойчивой жизни, — подробности, которыя для тебя, быть можетъ, будутъ новы, прибавилъ Леонгардтъ совершенно спокойно.—Эта молодая женщина, какъ говорятъ, замѣчательной красоты и весьма легкаго нрава, она, изъ упрямаго сопротивленія волѣ своего отца, дозволила себя похитить одному весьма легкомысленному офицеру, извѣстному шулеру и, тайно обвѣнчавшись съ нимъ въ Англіи, сопутствовала ему въ Америку. Не прошло и года, какъ одинъ изъ его партнеровъ поймалъ его въ передержкѣ и тутъ-же убилъ на дуэли. Огорченная молодая вдова почти одновременно съ этой утратой получила извѣстіе, что отецъ ея скончался въ Германіи и лишилъ ее наслѣдства, предоставивъ по духовному завѣщанію всѣ свои имѣнія боковой линіи. Молодая женщина, разумѣется, протестовала и ея американскій адвокатъ потребовалъ копію съ духовнаго завѣщанія. Случайное знакомство его съ однимъ молодымъ нѣмецкимъ юристомъ, дало ему возможность воспользоваться его совѣтами. Изворотливому уму хитраго нѣмца, съ которымъ вдовушка успѣла уже лично познакомиться, удалось въ пользу красавицы опровергнуть завѣщаніе. Богатая наслѣдница, возвращаясь въ Германію, изъ благодарности взяла нѣмца съ собой въ качествѣ юридическаго консультанта при своихъ имѣніяхъ. Молодой-же человѣкъ до того времени жилъ въ бѣдности. Дорогой дѣло у нихъ зашло уже такъ далеко, что вдова обѣщала осчастливить его своей рукой. Эта исторія до нельзя заинтересовала доктора Зольмса и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ личнаго знакомства съ этой парочкой, бракосочетаніе которой, кажется, уже было назначено въ неотдаленномъ будущемъ...

Во время этого разсказа, взоръ Леонгардта, не отрываясь, былъ устремленъ на несчастную Клотильду; ей только отчасти была извѣстна эта исторія и, слушая ее, молодая женщина страшно страдала; но ни звукомъ, ни движеніемъ она не выразила своего мученія.

— Ты можешь вообразить себѣ его удивленіе, когда онъ узналъ въ счастливомъ женихѣ, котораго ему представили подъ другимъ именемъ, мужа хорошенькой подруги его дѣтства. Онъ поздоровался съ нимъ, какъ съ землякомъ, и не имѣлъ намѣренія касаться извѣстныхъ обстоятельствъ въ присутствіи невѣсты. Но испугъ молодого человѣка при неожиданной встрѣчѣ съ знакомымъ былъ такъ очевиденъ, что его замѣтила и его возлюбленная. Послѣ того, какъ Рудольфъ фонъ-Браунекъ, — Леонгардтъ нарочно отчеканилъ это имя, возвышая голосъ,—въ смущеніи скрылся изъ залы, г-жа фонъ-Дункеръ спросила нашего друга: «Давно-ли вы знакомы съ моимъ женихомъ?» Зольмсъ отвѣчалъ: «Я имѣлъ честь танцовать на его свадьбѣ». — «На его свадьбѣ? взвизгнула барыня.—Какъ! онъ былъ женатъ?»—«На сколько мнѣ извѣстно, жена его жива и теперь и съ мучительной тоской ожидаетъ его возвращенія...» Тутъ одно за другимъ начались обмороки и судороги и на долю врача досталось много хлопотъ, но героя вечера другъ нашъ Зольмсъ уже больше не видалъ. За то нѣсколько дней спустя, онъ получилъ любезную записку отъ госпожи фонъ-Дунклеръ съ увѣдомленіемъ, что женихъ ея, возвращаясь съ ней изъ Америки, еще въ Англіи началъ ходатайство о разводѣ, но изъ деликатности сообщеніемъ этимъ медлилъ до окончанія дѣла; объ уступкѣ-же жениха въ запискѣ не было и рѣчи.

Такъ какъ Клотильда все еще сидѣла безмолвно, не поднимая глазъ, то Леонгардтъ, наконецъ, рѣшился снова предложить ей вопросъ:

— Какой отвѣтъ передать мнѣ моему отцу?

Клотильда медленно подняла голову, будто пробуждаясь отъ глубокаго сна, и сказала беззвучнымъ голосомъ:

— Я дала свое согласіе на разводъ нѣсколько дней спустя, какъ я возвратилась отъ васъ. Однако, на просьбу Рудольфа, чтобы прошеніе о разводѣ подала я, я отвѣтила отказомъ. Я передъ алтаремъ поклялась быть ему вѣрной, пока смерть не разлучитъ насъ, и—губы ея задрожали—и никогда не сдѣлаю я перваго шага для того, чтобы разойдтись. Если-же это дѣло пойдетъ въ ходъ по его иниціативѣ и мнѣ принесутъ разводный актъ — я подпишу его твердой рукой. А теперь, Леонгардтъ, прибавила она усталымъ голосомъ,—я желала-бы прекратить этотъ печальный разговоръ. Скажи своему отцу, что я довольна своимъ новымъ призваніемъ и съ терпѣніемъ ожидаю, пока Господь призоветъ меня..

— И эти грустныя слова я долженъ передать старику и ты къ нимъ ничего не прибавишь?

— Что-же онъ можетъ желать для меня лучшаго?

— Ты знаешь его всегдашнее желаніе имѣть тебя при себѣ, какъ въ прежнее время. Ему хочется,чтобы твоя рука, рука любящей дочери лелѣяла его старость; ты озарила бы ему вечеръ его жизни.

— Нѣтъ, Леонгардтъ, отвѣтила она грустно,— ты ошибаешься. Я уже не та Клотильда, что была прежде. Мое присутствіе могло бы только опечалить его. Что-же до меня касается, то я могу переносить жизнь только при непрерывной дѣятельности.

Леонгардтъ подошелъ къ ней и схватилъ ея руку. Глаза его зажглись страстью; никогда не видалъ онъ свою кузину такой красавицей, какъ она была теперь, съ выраженіемъ кроткой скорби на лицѣ.

— Дорогая моя Клотильда, сказалъ онъ такъ задушевно, что она испугалась,—невозможно, чтобы ты всю свою молодую жизнь загубила въ безъисходной тоскѣ, въ лишеніяхъ и трудной работѣ. Покончи съ прежней жизнью. Начни ты дѣло о разводѣ. Ему это не удается, такъ какъ невѣрность была только съ его стороны...

— Что ты говоришь, Леонгардтъ, воскли-

ГРАВЮРА Г-ЖИ ШЛЕХТА.

Портретъ В. И. Главача.

(Рисованъ г-жею Софіею Шлехта.)

нула Клотильда недовольнымъ тономъ.—Мнѣ, собственной рукой написать жалобу на него! Мнѣ самой потребовать, самой выразить желаніе расторгнуть священныя узы, соединяющія меня съ нимъ?! Никогда, никогда!

— Позволь! Ты-же сама сейчасъ говорила, что твердой рукой подпишешь разводный актъ, если его подадутъ тебѣ по его иниціативѣ. Не есть-ли это одно и тоже въ сущности? Одинаковое разторженіе несчастнаго союза?

— По моимъ понятіямъ, для меня это не было бы одно и тоже и я буду слѣдовать только своимъ собственнымъ чувствамъ. Но довольно, Леонгардтъ, я больше не въ силахъ объ этомъ говорить.

— Еще одно только слово, Клотильда! умолялъ Леонгардтъ страстно и схватилъ обѣ ея руки, которыя она тщетно силилась у него отнять. — Я однажды уже смолчалъ, когда нужно было говорить, и раскаянье о томъ преслѣдуетъ меня цѣлые годы. Я хочу дѣйствовать иначе въ настоящую минуту. Клотильда, я любилъ тебя, бывши еще ребенкомъ. Ты была для меня самымъ дорогимъ существомъ, которое я когда либо встрѣтилъ въ жизни. Назвать тебя моей женой было самымъ пламеннымъ моимъ желаніемъ и я молчалъ, молчалъ изъ трусости. Явился другой,—притворщикъ, лицемѣръ; льстивому языку его удалось похитить мое сокровище.

— Замолчи, Леонгардтъ, воскликнула Клотильда съ возрастающимъ страхомъ,—ты забылъ — я любила Рудольфа.

— О, я это видѣлъ, сказалъ Леонгардтъ, дрожа отъ страсти, — и оттого-то я молчалъ. Но теперь, теперь, когда онъ доказалъ тебѣ, что не достоинъ твоей любви,—теперь, я могу говорить. Расторгни союзъ съ недостойнымъ и будь моей! Безграничной любовью я заставлю тебя забыть скорбь и обиду. На любящихъ, вѣрныхъ рукахъ моихъ я буду носить тебя всю жизнь.

— Ради Бога! воскликнула она въ отчаяніи.—Какъ могла придти тебѣ въ голову эта невозможная мысль? Я, жена другого,—твоя жена! О! это немыслимо. Послушай, Леонгардтъ, продолжала она болѣе спокойно, когда онъ, поблѣднѣвъ, отступилъ отъ нея,—я тебѣ простила, простила все горе, которое ты мнѣ причинилъ. Ради воспоминанія моего дѣтства, когда ты былъ для меня добрымъ, любящимъ братомъ, я хочу все забыть и воспоминать о тебѣ дружелюбно. Но сдѣлаться твоей женой—никогда!

— Клотильда, сказалъ Леонгардтъ, гордо и холодно выпрямляясь передъ нею во весь ростъ,—это-ли твое послѣднее слово?

— Мое послѣднее, Леонгардтъ! Объ одномъ только буду просить васъ: на тѣ дни моей земной жизни, которые мнѣ предопредѣлены,—предоставьте меня моей скорби. Она такъ велика, что наполняетъ все мое сердце.

— Ты такъ хотѣла, сказалъ онъ, окидывая холоднымъ взоромъ благородную осанку молодой женщины, стоявшей передъ нимъ во всемъ величіи своей скорби.

— И такъ прощай!

— Прощай, Леонгардтъ!

Онъ отвернулся и поспѣшно бросился вонъ изъ комнаты.

(*Продолженіе будетъ.*)

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

СКУЛЬПТУРА ФРЕНГЕЛЛИ.

Нищета.

Рѣзано на деревѣ въ Италіи.

Восьмая передвижная выставка.

Дилетанта.

Говоря объ академической выставкѣ, я сказалъ, что наша школа пейзажа при несомнѣнныхъ достоинствахъ и живомъ интересѣ представляетъ значительную односторонность, слишкомъ увлечена модой подражанія Куинджи, слишкомъ бьетъ на эфектъ, по большей части, довольно дешевый и во всякомъ случаѣ исключительный. Если-бы нашелся такой наивный человѣкъ, который-бы повѣрилъ нашимъ пейзажистамъ, то его представленіе о природѣ было-бы чрезвычайно странно и уподобилось-бы фантастической сказкѣ, можетъ быть, и отвѣчающей дѣйствительности гдѣ-нибудь на Сиріусѣ, но совершенно не правдоподобной на нашемъ земномъ шарѣ: бенгальскіе огни вмѣсто солнечнаго освѣщенія, фантасмагорія всевозможныхъ красокъ, невѣроятныя сочетанія сверхъестественнаго блеска, — вотъ сущность этой школы пейзажа. И это, изволите видѣть, у насъ, въ россійской имперіи, въ гиперборейской странѣ болотъ, тундры, сѣренькой природы, тусклаго солнца, мрачнаго, свинцоваго неба! Можно-ли послѣ этого вѣрить искусству, которое такъ безцеремонно лжетъ на природу, такъ свободно относится къ реальному міру! Объяснить такую странность можно только психическимъ закономъ, контрастомъ. Извѣстно, что голодный въ своихъ сновидѣніяхъ представляетъ себѣ то, чего не достаетъ ему въ дѣйствительности: онъ не довольствуется кускомъ хлѣба, чтобы утолить свой голодъ, а пожираетъ въ воображеніи самыя изысканныя блюда, самыя тонкія вина.

Не тотъ-ли же самый психическій законъ проявляется въ творчествѣ нашихъ пейзажистовъ, которые изображаютъ намъ какой-то фантастическій лучъ свѣта и красокъ, блеска и очарованія, въ то время, какъ мы должны прозябать подъ туманнымъ небомъ, тусклымъ солнцемъ, среди сѣрой, не только не блестящей, но скучной и однообразной природы?

По странной случайности въ то время, какъ академическая выставка отличается по преимуществу пейзажемъ à la Куинджи,—передвижная, въ этомъ отношеніи, гораздо скромнѣе: пейзажей на ней мало и за незначительными исключеніями эти пейзажи гораздо проще и благоразумнѣе. Гг. Шишкинъ, Волковъ, Бегровъ, Брюловъ, Полѣновъ, Киселевъ, Боголюбовъ, не эфекціонисты, если можно такъ выразиться; они просто воспроизводятъ природу, каждый, конечно, подъ своимъ собственнымъ угломъ зрѣнія, каждый въ предѣлахъ своего таланта и предрасположенія, но не стараясь, во что-бы то ни стало, поражать блескомъ и исключительными эфектами. Необходимо, впрочемъ, прибавить, что если пейзажи передвижной выставки представляютъ болѣе нормальное явленіе, то съ другой стороны, по большей части, не блещутъ ничѣмъ выдающимся и не могутъ идти въ сравненіе, напримѣръ, съ крайне симпатичными пейзажами г. Орловскаго. «Крымскіе этюды» г. Шишкина (въ числѣ 12)—только этюды, представляющіе мало художественнаго интереса; манера г. Бегрова слишкомъ извѣстна: онъ всегда будетъ весьма почтеннымъ пейзажистомъ, но едва-ли когда-либо будетъ особенно талантливымъ художникомъ; его пейзажи близко передаютъ дѣйствительность, но совершенно лишены индивидуальности и нѣсколько сухи по исполненію. Тоже самое можно сказать и о г. Брюловѣ. «Маякъ у биржи въ Петербургѣ» г. Боголюбова,—мотивъ довольно избитый и нѣсколько разъ уже повторяемый художникомъ. Лучшіе пейзажи принадлежатъ безспорно гг. Волкову и Полѣнову: у обоихъ, безъ всякаго сомнѣнія, замѣчается индивидуальность въ пониманіи природы и оба, по своему, поэты. Въ этомъ отношеніи «Осень» г. Волкова и "Заросшій прудъ" г. Полѣнова выгодно выдаются; при прекрасной техникѣ, при несомнѣнномъ чувствѣ колорита, оба пейзажа превосходно скомпанованы и смотрятся съ удовольствіемъ. Можетъ быть, однакожь, «Осень» слишкомъ прикрашена, слишкомъ, такъ сказать, вычищена и принаряжена, а «Заросшій прудъ», можетъ быть, ужь слишкомъ ярко зеленъ, слишкомъ богатъ живописнымъ мотивомъ, но во всякомъ случаѣ оба обнаруживаютъ черту, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко встрѣчающуюся въ русской живописи: именно вкусъ, умѣніе придать природѣ живописный и пріятный характеръ, не взводя на нее какихъ-либо эфектныхъ небылицъ.

Но странно! психическій законъ, которому подчиняется всякій голодный и о которомъ я упомянулъ нѣсколько выше, находитъ себѣ выраженіе и на передвижной выставкѣ, хотя не въ пейзажѣ. Пейзажи передвижной выставки, можно сказать, трезвы; за то бенгальское освѣщеніе проявляется съ особенной силой въ другихъ картинахъ, на половину принадлежащихъ къ пейзажу, на половину—къ сентиментальному жанру, если можно такъ выразиться. Въ этомъ отношеніи бросается въ глаза довольно значительныхъ размѣровъ картина И. Н. Крамского, одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ художниковъ. Объ этой картинѣ болѣе всего говорятъ на выставкѣ, такъ какъ въ ней нельзя не замѣтить значительныхъ достоинствъ. Картина изображаетъ собою тѣнистую алею парка ночью; на каменной скамейкѣ, освѣщенной луннымъ свѣтомъ, сидитъ дама, вѣроятно, погруженная въ самыя поэтическія грезы. Алея парка тянется въ даль, среди массивныхъ деревьевъ, среди фантастическаго луннаго освѣщенія. Картина очень красива, безукоризненна въ техническомъ отношеніи и производитъ впечатлѣніе на массу, но, мы должны сознаться, насъ она не вполнѣ удовлетворяетъ. Г. Крамской доказалъ своимъ «Христомъ», что онъ—мыслящій художникъ и что отъ него, слѣдовательно, можно ожидать гораздо больше, чѣмъ болѣе или менѣе вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности, или техническихъ тонкостей. А между тѣмъ, что хотѣлъ изобразить г. Крамской своею «Ночью»?—Сентиментальную сценку съ волшебнымъ освѣщеніемъ. Подобный жанръ не въ характерѣ русскаго искуства, грубо реалистическаго и нисколько не сентиментальнаго. Онъ не въ характерѣ и самого г. Крамского, произведенія котораго отличаются правдой. Обратите вниманіе здѣсь на самую композицію и вы увидите, какъ неудачный замыселъ повелъ за собой фальшь въ композиціи. Гдѣ-нибудь въ Англіи или во Франціи,—эта роскошная растительность, эти массивныя деревья съ густою и живописною зеленью, конечно, возможны, но въ Россіи такихъ парковъ во всякомъ случаѣ очень немного и потому отъ картины вѣетъ чѣмъ-то не русскимъ. Но съ этимъ нѣсколько придуманнымъ пейзажемъ можно было бы еще примириться, если-бы художникъ ограничился просто поэтическимъ воспроизведеніемъ «Ночи» и не посадилъ-бы на скамейку эту мечтающую женщину, играющую въ картинѣ роль живописнаго пятна. Эта грустно-задумавшаяся дама слишкомъ подчеркиваетъ, слишкомъ выдаетъ намѣренія художника... Все это тѣмъ болѣе жаль, что въ исполненіи видно слишкомъ много таланта, замѣчательныя техническія подробности, чрезвычайно пріятная и мягкая манера. Но, можетъ быть, именно этой картиной г. Крамской отвѣчаетъ на упреки тѣхъ изъ своихъ противниковъ, которые упреками его и его друзей за то, что они не идутъ далѣе простого и голаго воспроизведенія дѣйствительности...

Къ тому-же роду живописи принадлежитъ и «Амазонка» г. Бодаревскаго. «Амазонка» дѣйствительно привлекательна: une belle femme, стройная, съ красивой, прекрасно обутой ножкой, со строгимъ смуглымъ лицомъ брюнетки, съ хлыстикомъ въ рукѣ. Она несомнѣнно дѣйствуетъ на зрителя, а аксесуары,—красивая лѣстница вся въ цвѣтахъ, въ фонѣ—зелень сада, цвѣты и деревья,—пріятно ласкаютъ взоръ, и зритель подъ этимъ пріятнымъ впечатлѣніемъ можетъ и не обратить вниманія на то, что пожалуй все это ужь слишкомъ красиво и слишкомъ далеко отъ дѣйствительной природы. При подобномъ-же блескѣ красокъ, но гораздо правдивѣе,—картина г. Богданова: «Въ своихъ владѣніяхъ». Г. Богдановъ рѣшительно человѣкъ со вкусомъ: этотъ жаркій лѣтній день, этотъ роскошный садъ, эти фигуры, въ которыхъ много правды и простоты, и въ особенности прекрасная гармонія красокъ, все это привлекаетъ взоръ, ослѣпляетъ; не настолько однакожь, чтобы зритель не замѣтилъ нѣкоторой искуственности въ композиціи и несчастнаго желанія художника бить на эфектъ, въ сущности, довольно поверхностный. Вообще въ этомъ французскомъ жанрѣ, къ которому все чаще и чаще прибѣгаютъ теперь наши художники, виденъ недостатокъ художественной правды и желаніе не столько реалистически воспроизводить природу, сколько представлять ее въ какомъ-то праздничномъ видѣ. Въ сущности, и во Франціи этотъ жанръ уже совершенно выдохся: это—наслѣдіе романтизма, въ настоящее время неимѣющее уже своей raison d'être; для насъ-же онъ слишкомъ искуственъ и теперь кажется анахронизмомъ, въ особенности въ русскомъ искуствѣ, которое слишкомъ реалистично по своей сущности. Но намъ, должно быть, уже на роду написано: жить заднимъ числомъ. Съ сентиментальнымъ жанромъ въ стилѣ романтизма французы давнымъ давно порѣшили, а мы только теперь спохватились и давай его воскрешать, проглядѣвъ тотъ простой фактъ, что современное искуство выработало себѣ новые художественные идеалы и расчистило новый путь.

О какихъ собственно идеалахъ мечтаетъ г. Васнецовъ, я, право, и сказать не могу. На передвижной выставкѣ находятся двѣ картины его и обѣ приводятъ въ какое-то недоумѣніе зрителей. Обѣ громадны по размѣрамъ и обѣ эксцентричны и странны въ высшей степени. Одна называется: «Послѣ побоища Игоря Святославовича съ половцами (изъ Слова о полку Игоревѣ)». Представьте себѣ поле, должно быть, вечеромъ или ночью, при встающей лунѣ, усѣянное трупами. Странно здѣсь собственно не это поле съ трупами, а такъ сказать, самое изображеніе его: о какой-бы то ни было художественной правдѣ, о какой-бы то ни было дѣйствительности не можетъ быть и рѣчи: молодой мальчикъ, лежащій на первомъ планѣ, съ пронзенною стрѣлою грудью и восковымъ лицомъ—не больше, какъ брошенный на холстъ манекенъ, точно также, какъ справа трупъ татарина, а слѣва—трупъ богатыря; тутъ все театрально, условно, сочинено, не сохранено даже элементарныхъ требованій соразмѣрности: такъ, поле, очевидно, громадно и на немъ, тѣмъ не менѣе, помѣщено всего нѣсколько лежащихъ фигуръ, до такой степени эти фигуры громадны, до такой степени они не гармонируютъ съ остальными частями картины. Трудно себѣ представить, какимъ образомъ такой талантливый жанристъ, какимъ мы знали г. Васнецова, могъ додуматься до такой странной концепціи, нисколько не отвѣчающей его таланту. Всѣ эти странности, до извѣстной степени, можно объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что художникъ не въ мѣру увлекся русскими былинами и въ живописи вознамѣрился воспроизвести русскій эпосъ: отсюда всѣ странности художественнаго пріема г. Васнецова: и условность, и несоразмѣрность въ частяхъ, и странный стиль, который, такъ сказать, долженъ передать духъ русскаго эпоса, и эти восковыя фигуры, и эта мертвая, никѣмъ невиданная природа, и это поле, усѣянное трупами. Странно только, что художникъ, нѣкогда отличавшійся такимъ тонкимъ чувствомъ правды, вдругъ до такой степени измѣнилъ ей и ради особенностей въ характерѣ русскаго эпоса (особенностей, открытыхъ, какъ кажется, исключительно г. Васнецовымъ) до такой степени небрежно относится къ своему собственному искуству. И замѣтьте, что пріемъ этотъ далеко не новъ и не составляетъ принадлежности г. Васнецова. Въ Европѣ нѣкоторые эксцентрическіе художники давнымъ-давно долго употребляли его, возбуждая любопытство, но не оставляя никакихъ прочныхъ слѣдовъ. Такъ, Овербекъ вздумалъ перенести въ живопись мистическій элементъ; Пюи-де-Шаванъ при несомнѣнномъ талантѣ увлекся средневѣковымъ искуствомъ и началъ писать свои картины такъ, какъ писали въ XIII вѣкѣ; наконецъ, извѣстная школа англійскихъ прерафаэлистовъ. Въ сущности, тоже самое дѣлаетъ и г. Васнецовъ; въ живопись онъ вноситъ мистически-алегорическій элементъ не только въ концепцію, но и въ композицію. Такимъ образомъ, онъ удаляется отъ нормальныхъ условій искуства, утрируя условность и искуственность и художественную правду принося въ жертву поэтической условности, какъ Энгръ приносилъ ее

въ жертву условности пластической, а Овербекъ —условности мистической. Говорить послѣ этого о специально-техническихъ достоинствахъ кисти г. Васнецова, разумѣется, не приходится; точно такъ же, какъ не приходится говорить о другой его картинѣ: «Коверъ-самолетъ»,—произведенiи уже окончательно неудачномъ, даже въ предѣлахъ того узкаго и фальшиваго стиля, которымъ увлекся г. Васнецовъ.

Но если новая манера г. Васнецова оказывается несостоятельною, то что сказать о картинѣ г. Ге: «Милосердіе»? Картина написана на евангельскій текстъ: «поелику вы сдѣлали сіе одному изъ братьевъ моихъ меньшихъ, то сдѣлали мнѣ», и изображаетъ собою какой-то садъ при заходящемъ солнцѣ; на первомъ планѣ фигура, какъ слѣдуетъ предположить,—Христа, а нѣсколько позади, на дорожкѣ, какая-то барышня въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и въ кринолинѣ. Больше на картинѣ нѣтъ ничего. Если-бы читатель спросилъ у меня, что сей сонъ означаетъ, что художникъ намѣревался выразить, то, при всемъ добромъ желаніи, я-бы не могъ удовлетворить его любопытству. Ни намѣреній, ни желаній художника рѣшительно угадать невозможно; это—непроницаемая тайна, которую могъ-бы открыть одинъ только г. Ге. Но и помимо этихъ непроницаемыхъ намѣреній въ картинѣ все удивительно, и какія-то небывалыя деревья зелено-желто-красныя, и совершенно небывалый солнечный свѣтъ, и фигура Христа въ лохмотьяхъ, какая-то почернѣвшая и уродливая, и дѣвица въ кисейномъ платьѣ. Если можно удивляться непонятной фантазіи художника, то какъ не удивляться тому, что въ картинѣ его не видно даже того, чтобы писалъ ее художникъ: кажется, что г. Ге разучился держать кисть въ рукѣ и забылъ о самыхъ элементарныхъ требованіяхъ рисунка. Съ этой точки зрѣнія его картина представляетъ довольно курьезное явленіе и даже поучительное: на ней можно воочію убѣдиться, до какихъ странностей (чтобъ не сказать больше) можетъ дойдти даже талантливый художникъ, когда онъ возмнитъ о себѣ слишкомъ многое и дастъ волю своей необузданной, ничѣмъ нерегулированной фантазіи.

На настоящей передвижной выставкѣ всего нѣсколько жанровыхъ картинъ, но между ними есть вещи достойныя вниманія. Г. Прянишниковъ выставилъ «Скрипача» и «Праздникъ»,— оба произведенія, не лишенныя нѣкоторыхъ достоинствъ; въ нихъ видны и наблюдательность, и юморъ, и умѣніе схватить народныя черты, и удачная композиція, но г. Прянишниковъ не колористъ. Гораздо удачнѣе «Сумерки» г. Мясоѣдова, съ обычнымъ этому художнику эфектомъ. Картина г. Савицкаго «На войну» представляетъ значительныхъ размѣровъ холстъ со множествомъ фигуръ. Картина изображаетъ платформу станціи желѣзной дороги; поѣздъ готовится отправиться въ путь; солдаты толпами тѣснятся у вагоновъ, прощаясь съ родными и знакомыми. Въ картинѣ несомнѣнно много жизни, много движенія; типы разнообразны и удачно схвачены, но въ цѣломъ картина пестра и не оставляетъ впечатлѣнія. Нельзя также назвать удачной и композицію: эта масса солдатъ, толпящихся у поѣзда желѣзной дороги, не представляетъ ни малѣйшаго художественнаго интереса; этимъ я хочу сказать, что въ ней нѣтъ пункта, на которомъ-бы могло остановиться вниманіе зрителя; его глазъ безразлично и безучастно блуждаетъ отъ одной фигуры къ другой, не останавливаясь ни на одной, и не находя ни драматическаго, ни комическаго элемента. Это, можетъ быть, прекрасный этюдъ, непосредственно схваченный съ натуры, но не картина, потому что отъ картины мы требуемъ больше, чѣмъ фотографическаго воспроизведенія: мы требуемъ извѣстнаго единства въ интересѣ, центра, который-бы приковывалъ къ себѣ вниманіе зрителя и который-бы давалъ смыслъ и характеръ художественнаго произведенія.

Большая картина г. В. Маковскаго: «Толкучій рынокъ въ Москвѣ»,— размѣрами еще больше картины г. Савицкаго, но по содержанію принадлежитъ къ тому-же порядку. У г. Маковскаго, конечно, больше единства и живописности, больше разнообразія типовъ, но и г. В. Маковскій отличается тою-же фотографичностью. Нѣкоторыя групы расположены въ картинѣ прекрасно и составляютъ какъ-бы отдѣльныя сцены, талантливо и умно переданныя, но въ картинѣ существуетъ недостатокъ очень крупный: размѣры картины совершенно не подходятъ къ содержанію. Для того, чтобы разсмотрѣть собственно толкучій рынокъ, типы, цѣлый рядъ сценъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой интересъ и свой характеръ, необходимо такъ близко подойдти къ холсту, что цѣлость исчезаетъ: вы видите детали, но картины не видите. Цѣлость, ансамбль, возстановляются только на извѣстномъ разстояніи, но тогда зритель не видитъ типовъ и сценъ: все сливается въ одну массу, въ которой ничего невозможно разсмотрѣть. Такимъ образомъ, художникъ ни въ какомъ случаѣ не достигаетъ цѣли.

Самою удачною частью восьмой передвижной выставки можно считать портреты. Г. К. Маковскій выставилъ два портрета: генерала Тимашева и графини Богарнэ, оба портрета превосходны. Еще лучше портреты работы г. Крамского: князя Ливена, И. И. Шишкина и NN; но лучшимъ на всей выставкѣ портретомъ, безспорно, является портретъ «дамы подъ вуалью» г. Лемана.

Въ общемъ, однако, какъ передвижная, такъ и академическая выставки, приводятъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. Русское искусство рѣшительно какъ-то шатается изъ стороны въ сторону, не укладываясь въ опредѣленныя формы и не выработывая опредѣленнаго направленія. Собственно жанръ съ каждымъ днемъ падаетъ и вытѣсняется сентиментальными сценами во французскомъ вкусѣ. Историческая живопись почти не существуетъ; вмѣсто нея являются какія-то фантазіи, нисколько не интересныя въ художественномъ отношеніи. Наиболѣе богатымъ является пейзажъ, но и въ немъ замѣчается односторонность моды. Въ общемъ зрителя поражаетъ безсодержательность и какъ-бы даже безсиліе художественной мысли, принужденной прибѣгать къ эксцентричности и крайней условности.

Естественныя богатства Россіи.

II.

Самшитъ.

(Ст. фон-Липхарта.)

Самшитъ (buxus sempervires), извѣстный въ Закавказьѣ подъ названіемъ пальмы, есть одна изъ тѣхъ древесныхъ драгоцѣннѣйшихъ породъ, изъ которой выдѣлываются: шахматы, игорныя шашки, портъ-сигары, разные предметы роскоши; но главнымъ образомъ потребляется она для выдѣлки роульсовъ и челноковъ ткацкихъ фабрикъ, а также и для политипажныхъ досокъ, почему и занимаетъ весьма видное мѣсто на рынкахъ Ливерпуля.

Порода эта произростаетъ обыкновенно только въ тѣхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ климатическія условія горизонта высоты горъ совпадаютъ съ присутствіемъ известняковъ бѣлой юры: строительныхъ, кавернозныхъ, а также и тѣхъ, въ которыхъ, какъ господствующій палеонтологическій остатокъ, содержится видъ (животнаго царства до историческаго прошедшаго морей) Caprotinia Ammonia и, наконецъ, гдѣ также встрѣчаются еще и другихъ различныхъ категорій известковыя породы, залегающія поверхъ напластованій мергеля, составляющихъ групу горныхъ породъ верхней части оксфордскаго яруса.

Распредѣленіе на поверхности земнаго шара сочетанія вышеприведенныхъ условій, при которыхъ произростаніе самшитной породы можетъ происходить успѣшно, встрѣчается во многихъ странахъ, нисколько не подчиняясь тождеству изотермъ, и вотъ почему самшитная порода, произростая въ такихъ различныхъ широтахъ, подъ какими находятся: Аббисинія, Испанія, Швейцарія, Персія и Азіятская Турція—является съ тѣмъ вмѣстѣ въ изобиліи и у насъ въ Закавказьѣ, гдѣ при широко-раскинувшейся юрской формаціи почвѣ находитъ себѣ обширную область для своего развитія въ предѣлахъ: южныхъ предгорій главнаго Кавказскаго хребта, въ Имеретіи, Гуріи, Мингреліи, Самурзакани, Сухумскомъ отдѣлѣ и еще во многихъ другихъ мѣстностяхъ восточнаго берега Чернаго моря, какъ равно и на горныхъ высотахъ Аджарскаго хребта, обрамляющаго съ юга живописную долину рѣки Ріона.

Достоинство самшита зависитъ отъ: 1) мѣры его компактности, 2) интенсивности желтизны цвѣта дерева въ сѣченіи, 3) рода и вида слойки этого сѣченія, 4) прямизны роста ствола, вѣтвей и сучьевъ экземпляра, 5) малочисленности вѣтвей и сучьевъ, на разстояніи между корнемъ и вершиною, 6) возраста экземпляра, 7) чистоты и прочности его коры и, наконецъ, 8) степени проявленія свилеватости въ продольномъ направленіи роста экземпляра. Вообще-же достоинство самшита возрастаетъ съ большимъ удѣльнымъ его вѣсомъ, которымъ обусловливается какъ его большая плотность, такъ и указаніе на присутствіе въ составѣ дерева такихъ элементовъ, отъ благопріятнаго вліянія которыхъ зависятъ высшія качества даннаго экземпляра и что, въ свою очередь, даетъ возможность судить о мѣрѣ производительности и соотвѣтственности той почвы, гдѣ ростетъ самшитное дерево.

Произростая отдѣльными, въ смѣшанномъ порядкѣ между прочими древесными породами, экземплярами, въ видѣ насажденій, самшитъ роскошнѣе разростается тамъ, гдѣ скалистая часть горъ находится подъ вліяніемъ только утреннихъ лучей солнца. Едва-ли не тѣми-же самими условіями объясняется также и численность экземпляровъ деревьевъ самшита тамъ, гдѣ встрѣчаются его насажденія.

Въ микроскопическомъ видѣ получается понятіе объ этомъ деревѣ, когда оно иногда служитъ украшеніемъ петербургскихъ парковъ и садовъ, какъ бордюрное растеніе, встрѣчающееся въ обрамленіяхъ цвѣтниковыхъ клумбъ и грядокъ, имѣя большое сходство по своимъ листьямъ съ миртовымъ кустарниковымъ растеніемъ.

Въ геологическомъ отношеніи появленіе въ данной мѣстности обильно распространившихся насажденій самшитной породы имѣетъ весьма важное значеніе. Присутствіемъ этой породы не только опредѣляется геологическій возрастъ мѣстныхъ горныхъ напластованій, но при этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подсказывается также и близость нахожденія въ той-же мѣстности юрскаго богатаго каменноугольными мѣсторожденіями яруса, получающаго тѣмъ большее значеніе для эксплоатаціи его, чѣмъ онъ ближе отложился къ черноморскому побережью.

Самшитъ, или buxus sempervires, т. е. въ переводномъ значеніи наименованія: «вѣчно-зеле-

нѣющій», произростающій въ горныхъ мѣстностяхъ Закавказья, бываетъ различныхъ видовъ.

Въ Закавказьѣ произростаетъ 3 вида самшита, а именно: бѣлый *), желтый и, какъ исключительная рѣдкость, черный **),—цвѣта буро-желтаго до темно-коричневаго. Но и въ этомъ распредѣленіи по категоріямъ желтый самшитъ имѣетъ 2 разновидности. Одна изъ нихъ находится въ прикаспійскихъ провинціяхъ Персіи; она тоже имѣетъ довольно красивый видъ слойки и въ крайнемъ случаѣ замѣняетъ самшитъ закавказскій, бѣлый, желтый и черный, но въ техническомъ примѣненіи она далеко уступаетъ качествамъ закавказскаго самшита. По своей способности подъ условіями малѣйшаго неравномѣрнаго измѣненія влажности и сухости окружающей его среды (къ чему чувствительны также вообще всѣ самшитныя породы болѣе, чѣмъ прочія древесныя породы кавказскихъ лѣсовъ), подвергаться гніенію—персидскій самшитъ пріобрѣлъ себѣ наименованіе «гнилая пальма»; поэтому она причисляется къ самому послѣднему сорту самшитной породы. Въ предѣлахъ Закавказья персидская порода самшита, извѣстная подъ названіемъ «гнилая пальма», нигдѣ не встрѣчается.

Порода «бѣлаго» самшита, составляющаго главный предметъ самшитной торговли Закавказья съ Англіей, болѣе прочихъ самшитныхъ породъ распространена въ краѣ. Въ прежнее время бѣлый самшитъ занималъ также значительныя пространства горнстыхъ мѣстностей Азіятской Турціи, но теперь онъ тамъ встрѣчается рѣдко, благодаря бывшему протекторату надъ нимъ британскихъ эксплоататоровъ, пользовавшихся убожественною неразвитостью османлисовъ, отдавшихъ ее за безцѣнокъ своимъ друзьямъ-англичанамъ.

Частные землевладѣльцы Закавказья, у которыхъ въ лѣсахъ встрѣчали довольно значительныя насажденія бѣлаго и желтаго самшита, не многимъ превосходя своею развитостью турокъ, довели содержимость своихъ самшитныхъ насажденій почти до такого-же состоянія, какъ и сосѣди ихъ турки. На десятинѣ ихъ лѣсовъ теперь, какъ рѣдкость, уцѣлѣло съ десятокъ экземпляровъ самшитнаго дерева той зрѣлости, отвѣчающихъ необходимымъ условіямъ измѣреній, при которыхъ самшитное дерево признается пригоднымъ для вывоза его на рынокъ. Въ особенности это коснулось мѣстностей, гдѣ предстояла возможность эксплоатировать самшитъ при небольшихъ затратахъ и при условіяхъ доступа вьючной перевозки. Лѣса частныхъ владѣльцевъ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, произростающіе въ мѣстностяхъ болѣе культурныхъ и находящихся ближе къ Ріонской долинѣ, въ настоящее время утратили уже свою цѣнность, какъ источники значительнаго дохода отъ самшита. При этомъ надо принять во вниманіе, что въ такомъ состояніи эти лѣса должны находиться отъ 100 до 150 лѣтъ. Насажденія самшита (которыми владѣльцы были обезпечены и могли бы обогатить себя ими болѣе правильно и выгодно, не прибѣгая къ истощенію этихъ насажденій посредствомъ хищнической вырубки), при условіяхъ долгосрочнаго произростанія самшитной породы, пока дерево достигнетъ пригоднаго для эксплоатаціи возраста, требуютъ на свое возобновленіе и развитіе до зрѣлости не менѣе 150 лѣтъ.

Такимъ образомъ большую часть лѣсовъ частныхъ владѣній въ краѣ, гдѣ находился прежде самшитъ въ изобиліи, слѣдуетъ отнести къ числу будущихъ источниковъ обогащенія Закавказья.

Той-же участи едва не подверглись насажденія самшита, состоящія въ закавказскихъ казенныхъ лѣсахъ; но это «государственное имущество», стоимость котораго можно цѣнить въ десятки миліоновъ рублей, уцѣлѣло во многихъ мѣстностяхъ. Отъ расхищенія казенные самшитные лѣса были спасены генеральнымъ размежеваніемъ; они поступили въ надѣлъ государственныхъ имуществъ при отчужденіи закавказскихъ церковныхъ владѣній. Конечно, мѣстами оказалось невозможнымъ наложить запрещеніе на продленіе срока аренды казенныхъ самшитныхъ насажденій, тамъ, гдѣ генеральное межеваніе уже застало подобныя арендныя сдѣлки промышленниковъ съ представителями бывшихъ церковныхъ имуществъ.

Взиманіе пошлины въ 30 коп. съ вывозимаго изъ края пуда самшита можно было-бы признать за мѣру отчасти практически полезную для государства, если-бы только образующійся изъ этого сбора капиталъ получилъ другое назначеніе, а не то, которое опредѣлено ему администраціей. Сколько извѣстно, капиталъ этотъ поступаетъ въ доходъ кассы для проведенія дорогъ въ краѣ; между тѣмъ, употребивъ его для устройства надзора за самшитными-же лѣсами, какой требуется правилами веденія раціональнаго лѣсного хозяйства, дали-бы ему настоящее дѣйствительно полезное спеціальное назначеніе. Теперь-же участіе его въ проложеніи путей сообщеній на Кавказѣ изображается до крайности ничтожною величиною.

Главнѣйшая причина какъ хищническаго истребленія самшитныхъ насажденій, такъ и ничтожныхъ результатовъ самшитной промышленности для Россіи заключается въ той монополіи, какой пользуются великобританскіе торговцы, почти исключительно эксплоатирующіе въ свою пользу самшитные лѣса. Никто не предоставлялъ имъ этой монополіи, но она утвердилась за ними въ силу того вліянія, какое пріобрѣли они въ торговлѣ самшитомъ при содѣйствіи агентовъ изъ мѣстныхъ жителей, барышниковъ, скупающихъ самшитъ по ничтожной цѣнѣ у владѣльцевъ этого драгоцѣннаго дерева.

Пріютившись въ разныхъ мѣстахъ западной части Закавказья, англійскіе агенты по самшитной промышленности неусыпно сторожатъ всякій случай, чтобы перехватить для своихъ оптовыхъ складовъ каждый гдѣ-бы то ни было появляющійся фунтъ пальмы.

Находясь въ такихъ условіяхъ, закавказская самшитная промышленность въ экономическомъ отношеніи для Россіи, скорѣе даже вредна, чѣмъ полезна. Поглощая все, что только имѣетъ видъ самшита, промышленность эта получаетъ значеніе, по отношенію къ Россіи прямой монополіи, направленной противъ интересовъ Россіи-же. Зло, которое кроется въ этой операціи, чувствительно затрогивая русскую мануфактурную производительность на рынкахъ сбыта, съ тѣмъ вмѣстѣ ставитъ Россію въ необходимость оставаться въ зависимости отъ Англіи по полученію самшита для себя-же.

Самшитъ, изъ котораго Англія выдѣлываетъ роульсы и челноки для ткацкихъ фабрикъ всего міра, достается нашимъ русскимъ ткацкимъ фабрикамъ не отъ закавказскихъ производителей непосредственно, но уже изъ рукъ Англіи.

При этихъ условіяхъ Англія всегда можетъ, если ей вздумается, значительно повышать цѣны на необходимыя для нашихъ ткацкихъ фабрикъ издѣлія изъ самшита. Устанавливая цѣну какъ на сырой продуктъ, такъ и на издѣлія изъ него, Англія, конечно, беретъ себѣ львиную часть, оставляя на долю Россіи истребленные драгоцѣнные лѣса, которые, какъ сказано выше, могутъ принять прежній видъ только черезъ полтора столѣтія и то при условіи введенія раціональнаго сельскаго хозяйства и заботливаго ухода за этими лѣсами.

Взвѣшивая по достоинству послѣдствія сводимыхъ Англіею на счетъ русскаго самшита итоговъ, всякій русскій долженъ придти къ заключенію, что необходимо, какъ можно скорѣе, принять мѣры противъ дальнѣйшаго продленія подобнаго анормальнаго порядка вещей. Надо помнить, что значительные запасы въ закавказскомъ краѣ самшита представляютъ собою тотъ громадный капиталъ, правильное полученіе значительныхъ процентовъ съ котораго должно служить для обогащенія Россіи, а никакъ не Англіи. Этого достигнуть можно, конечно, только въ томъ случаѣ, если русскіе стряхнутъ, наконецъ, съ себя вѣковую лѣнь и примутся за работу такъ-же энергично, какъ работаютъ англичане, обладающіе притомъ промышленнымъ опытомъ и, еще болѣе, рѣдкими промышленными способностями.

Руководствуясь такими данными, какъ удѣльный вѣсъ самшита, кубическій объемъ, при извѣстныхъ измѣреніяхъ, экземпляровъ деревьевъ средней мѣры и минимальная численность такихъ экземпляровъ на одной десятинѣ, получится возможность опредѣлить ту содержимость десятины въ пудахъ самшита, какая приблизительно встрѣчается въ насажденіяхъ лѣсовъ Закавказья, тамъ, гдѣ государственное имущество успѣло избѣгнуть хищнической вырубки. Вмѣстѣ съ тѣмъ легко составить себѣ также понятіе о размѣрахъ того капитала, который состоитъ изъ количества пудовъ самшита, произростающаго насажденіями въ казенныхъ лѣсахъ въ Закавказьѣ и находящагося въ запасѣ у государства.

Изъ умноженія удѣльнаго вѣса самшитной породы, равняющагося 1,4 на вѣсъ кубическаго фута воды оказывается, что кубическій футъ самшита вѣситъ 95,76 фунта, или болѣе 2 пудовъ $15\frac{3}{4}$ фунта.

Въ ряду скалы удѣльныхъ вѣсовъ, опредѣленныхъ для всѣхъ прочихъ древесныхъ породъ, произростающихъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, самшитная порода занимаетъ первое мѣсто. Чтобы было возможно составить себѣ надлежащее понятіе о градаціонной компактности самшитнаго дерева, сравнительно съ прочими деревьями, между которыми самшитъ по цѣнности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, будетъ не лишнимъ привести здѣсь нижеслѣдующую таблицу:

	Вѣсъ:	
	Удѣльный:	Въ кубическомъ футѣ дерева фунтовъ:
Самшитъ (бѣлый).......	1,400	95,76
Орѣховый наплывъ *)...	1,200	81,18
Ясень (горная)........	1,110	77,20
Карагачъ..............	1,048	72,10
Дубъ (горный).........	0,993	68,00
Кизильникъ (плодовый)..	0,946	64,80
Грабъ.................	0,900	62,00
Яблонь (горная).......	0,820	56,00
Тисъ (негной) **)......	0,807	55,30
Кленъ.................	0,800	55,20
Пихта (горная)........	0,700	48,80

*) Орѣховый наплывъ представляетъ собою видъ наростовъ на орѣховыхъ деревьяхъ (грецкій орѣхъ), которые достигаютъ размѣра до 50 куб. футъ; это тотъ самый матеріалъ, который извѣстенъ подъ названіемъ «фанерочнаго орѣха», употребляемаго по высокой красотѣ его узора на оклейку самыхъ элегантныхъ предметовъ мебели, въ томъ числѣ и столиковъ швейныхъ машинъ.

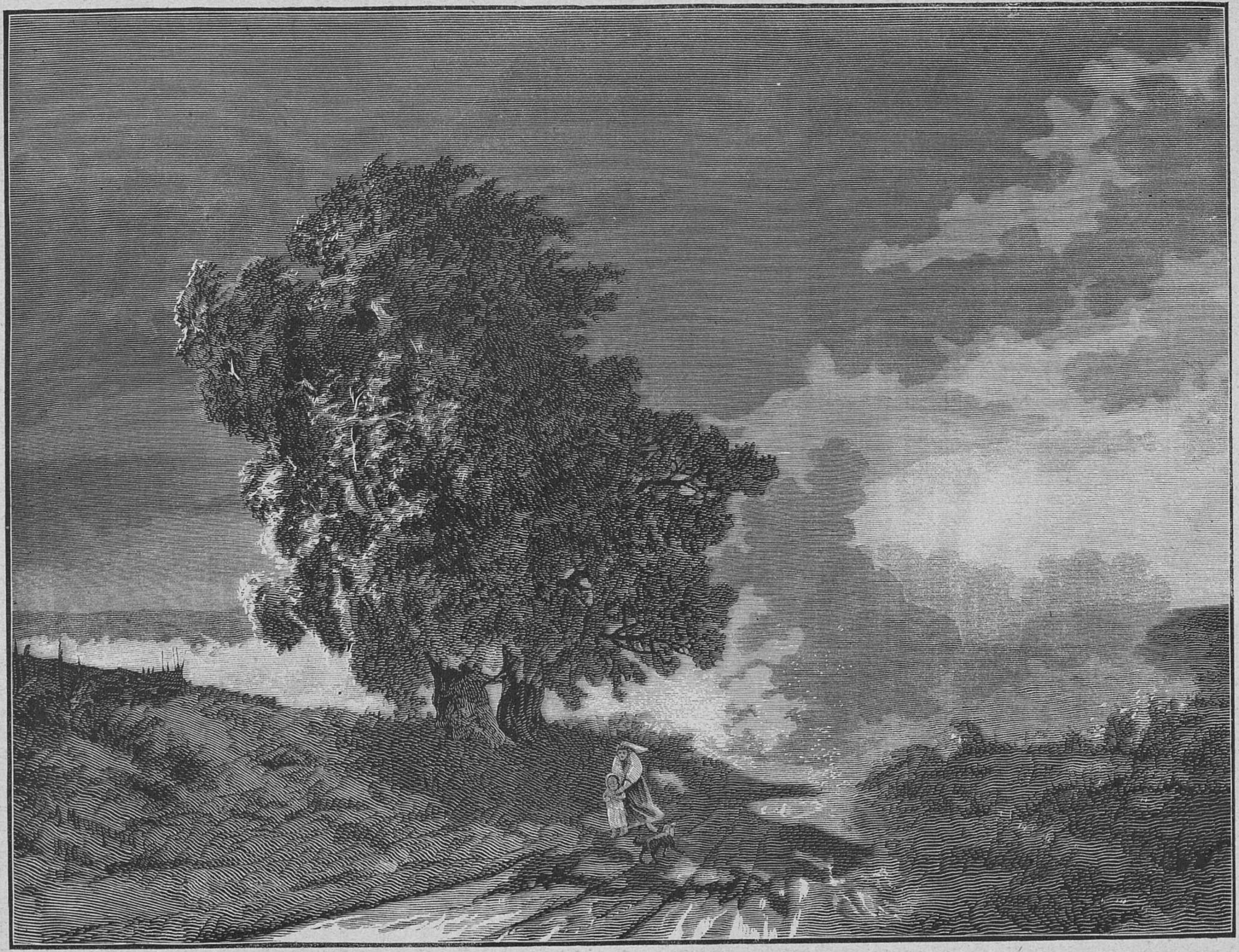
**) Называется негноемъ по устойчивости противъ вліянія атмосферическихъ дѣятелей на него и могъ-бы замѣнить чрезвычайно выгодно индійскій тикъ, употребляемый на подкладку подъ броню броненосныхъ судовъ, который значительно тяжелѣе тиса.

*) Цвѣтъ сѣченія его свѣтложелтый.

**) Черный самшитъ совершенно воспрещенъ къ вырубкѣ; желтый въ $1\frac{1}{2}$ раза цѣнится выше бѣлаго, который собственно и составляетъ главный предметъ эксплоатаціи.

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1880 ГОДА.

КАРТИНА ПРОФЕССОРА А. И. МЕЩЕРСКАГО.



Буря въ полѣ.

Рисовалъ на деревѣ самъ художникъ; рѣзалъ Скржимовскій.

Грушевое дерево.......	0,699	47,88
Липа (двухсотлѣтняя)...	0,690	47,60
Унаби (плодовое).......	0,690	47,60
Бѣлый букъ...........	0,687	47,40
Орѣхъ (мебельный).....	0,671	45,90
Чинаръ..............	0,640	44,00
Каштанъ.............	0,536	36,72
Сосна Нордманніана или Abies Nordmanniana *)....	0,465	32,00

Что-же касается размѣровъ самшитнаго дерева въ то время, когда оно достигло уже возраста, пригоднаго для того, чтобы его эксплоатировать, то это опредѣляется нормою $3\frac{1}{2}$ дюйма длины его поперечника на высотѣ 1 фута разстоянія отъ корня, т. е., когда изъ ствола его можно вырубить кряжи именно той мѣры толщины, какая требуется для вывоза, а вѣтви и сучья представляютъ отчасти уже матеріалъ, пригодный на обработку болванокъ, челноковъ и роульсовъ ткацкихъ фабрикъ.

Самые большіе экземпляры самшитнаго дерева на высотѣ одного фута отъ корня достигаютъ 18 вершковъ въ поперечникѣ, при высотѣ дерева отъ 25 до 35 футъ.

Для оцѣнки-же въ сложности идеальнаго (среднихъ измѣреній) эксплоатаціоннаго экземпляра можетъ быть принято дерево, имѣющее — на условной отъ корня высотѣ — поперечникъ въ 1,5 фута, при высотѣ ствола въ 10 футъ.

Такимъ образомъ на основаніи какъ этихъ данныхъ, такъ и опредѣленія вѣса одного кубическаго фута самшита, оказывается, что идеальный эксплоатаціонный экземпляръ самшитнаго дерева среднихъ измѣреній можетъ быть безошибочно принятъ вѣсомъ почти въ 120 пудовъ; а какъ на десятинѣ, на которой еще не было произведено вырубки самшитныхъ насажденій, подобнаго вѣса деревьевъ (какъ это практически опредѣлено) должно быть не менѣе 20, то оказывается, что содержимость непочатой десятины самшитныхъ насажденій опредѣляется въ 2,400 пудовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Женщины-граверы.

Въ послѣднее время область женскаго труда въ Петербургѣ увеличилась еще одной новой отраслью: появились женщины-граверы и первыя работы ихъ показали, что въ этой отрасли труда, какъ и во всѣхъ другихъ, за которыя берутся женщины, онѣ нисколько не уступаютъ мужчинамъ. Въ нашемъ журналѣ въ 1878 и 1879 годахъ было помѣщено нѣсколько работъ женщинъ-граверовъ. Въ числѣ ихъ особенными выдающимися достоинствами, если припомнятъ читатели, отличался портретъ г-жи Напрстекъ, исполненный г-жею Августою Шлехта. Въ настоящемъ нумерѣ читатели найдутъ другую выдающуюся работу этой талантливой исполнительницы: портретъ В. И. Главача. Портретъ этотъ, отличающійся большимъ сходствомъ, рисованъ на деревѣ художницею Софіею Шлехта, сестрою г-жи Августы Шлехта, рѣзавшей его на деревѣ. Талантливыя сестры родомъ изъ Чехіи. Онѣ, какъ мы слышали, вскорѣ оставляютъ Петербургъ и отправляются на родину для поправленія нѣсколько разстроеннаго здѣшнимъ климатомъ здоровья одной изъ нихъ.

Но кто такой В. И. Главачъ? спросятъ, вѣроятно, многіе изъ нашихъ провинціальныхъ читателей. Гг. петербургскимъ подписчикамъ имя г. Главача извѣстно, какъ композитора и дирижера на музыкальныхъ вечерахъ въ петербургскомъ собраніи художниковъ. На небольшой сценѣ этого собранія г. Главачъ съумѣлъ ставить цѣлыя оперы; здѣсь-же онъ сдѣлалъ опытъ устройства симфоническихъ концертовъ—опытъ очень удачный по выбору пьесъ и исполнителей.

Для незнакомыхъ съ дѣятельностію г. Главача сообщимъ нѣсколько біографическихъ о немъ свѣденій, обязательно доставленныхъ намъ г. Коцерадскимъ. Войтѣхъ Ивановичъ Главачъ родился въ 1849 г. въ Чехіи, въ городѣ Ледечѣ, на р. Сазавѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ обнаружилъ рѣдкое музыкальное дарованіе и, послѣ тщательной домашней подготовки въ 1857 г. былъ отправленъ въ Прагу для продолженія музыкальнаго образованія. Однако неблагопріятныя обстоятельства, внезапно обрушившіяся на его родителей, прервали музыкальныя занятія В. И. Необходимость вернуться въ родной городокъ сильно потрясла даровитаго мальчика, но не убила, а удвоила въ немъ энергію и неутомимую жажду дальнѣйшаго образованія. Потерявъ всякую надежду на поддержку со стороны богатыхъ родственниковъ и не будучи въ состояніи разсчитывать на нее со стороны обѣднѣвшихъ родителей, В. И. рѣшился самъ пробить себѣ путь къ желанной цѣли и, нѣсколько времени спустя, отправился вторично въ Прагу, гдѣ съ удвоеннымъ рвеніемъ сталъ продолжать прерванныя занятія подъ руководствомъ лучшихъ учителей, заключавшіяся главнымъ образомъ въ игрѣ на фортепьяно, органѣ, гармоніумѣ и въ изученіи контрапункта.

Не смотря на то, что В. И. приходилось бороться съ нуждою и заработывать кусокъ хлѣба уроками, онъ тѣмъ не менѣе, благодаря своему таланту, не застрялъ въ сферѣ музыкантовъ-ремесленниковъ: напротивъ, тяжкія обстоятельства, въ которыхъ онъ находился въ это время, выработали въ немъ самостоятельность и закалили его энергію. Кончивъ блестящимъ образомъ свои занятія въ пражской консерваторіи, В. И., еще 16-лѣтній юноша, былъ приглашенъ для исполненія обязанностей дирижера музыкальнаго общества въ Оравицу, въ Банатѣ (въ австрійской Сербіи), и затѣмъ дирижеромъ-же въ Вршецъ (тоже въ Банатѣ). Здѣсь онъ пробылъ 4 года. Получивъ чисто чешское воспитаніе, В. И. питалъ искреннюю привязанность къ славянской идеѣ, которая всегда воодушевляла его во всѣхъ его трудахъ, какъ композитора. Оставивъ родину во время самой кипучей дѣятельности многочисленныхъ музыкальныхъ и пѣвческихъ обществъ въ Чехіи (ихъ тамъ нѣсколько сотъ) и бывъ свидѣтелемъ ея плодотворнаго вліянія на распространеніе патріотическаго воодушевленія и на пробужденіе славянскаго сознанія, В. И. сталъ дѣйствовать въ этомъ направленіи и у сербовъ. Такъ, подъ его руководствомъ и благодаря его стараніямъ устроено было освященіе перваго знамени пѣвческаго общества въ Вршцѣ, съ участіемъ многихъ депутацій изъ славянскихъ земель. Это событіе имѣло въ то время важное политическое значеніе, такъ какъ собравшіеся по поводу его въ Вршцѣ выдающіеся юго-славянскіе дѣятели укрѣпились въ намѣреніи неустанно работать для развитія славянской идеи. Между этими дѣятелями находился извѣстный всему славянству сербскій патріотъ Милетичъ, присужденный мадьярскими властями къ 5-лѣтнему тюремному заключенію за поддержку, оказанную имъ сербамъ въ борьбѣ противъ турокъ, изъ котораго онъ только недавно освобожденъ.

Въ это время Войтѣхъ Ивановичъ заявилъ себя какъ даровитый композиторъ многими удачными пьесами по части сербскаго хорового пѣнія и своими фантазіями на сербскія пѣсни для фортепьяно, которыя доставили ему извѣстность у всѣхъ сербовъ. Большую услугу В. И. оказалъ также сербскому церковному пѣнію, обработавъ литургію для мужскихъ голосовъ.

Устройствомъ перваго музыкальнаго магазина въ Вршцѣ и печатаніемъ на свой счетъ музыкальныхъ произведеній славянскихъ композиторовъ, В. И. содѣйствовалъ распространенію ихъ между сербами. Рядомъ съ этимъ В. И. пользовался уже заслуженной репутаціею отличнаго концертанта и учителя музыки. Дѣятельность его среди сербскаго населенія не понравилась, однакожь, мадьярскимъ властямъ и они заставили В. И. покинуть Вршецъ и отправиться въ Вѣну, гдѣ его тотчасъ-же взяли въ солдаты.

Невольное пребываніе его въ Вѣнѣ не прошло для него даромъ, такъ какъ имя его, какъ концертанта, дирижера и композитора, вскорѣ стало извѣстнымъ въ Вѣнѣ съ хорошей стороны. Въ то время (1869 г.) не было почти ни одного выдающагося концерта, въ которомъ В. И. такъ или иначе не принималъ-бы участія. Лестные отзывы критики о немъ, какъ исполнителѣ и композиторѣ, нерѣдко появлялись въ вѣнскихъ газетахъ того времени. Славянское пѣвческое общество въ Вѣнѣ избрало его своимъ дирижеромъ, такъ какъ извѣстный профессоръ Ферхтготъ-Товачовскій въ это время по болѣзни не былъ въ состояніи исполнять свою трудную обязанность. Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ В. И. издалъ много чешскихъ романсовъ и хоровыхъ пѣсенъ, остающихся до сихъ поръ въ репертуарѣ пѣвческихъ обществъ. Къ этому времени относится знакомство В. И. съ многими знаменитостями музыкальнаго міра, между прочимъ съ Листомъ.

Покинувъ Вѣну въ 1870 г., В. И. пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто артиста императорскихъ театровъ. И въ Петербургѣ В. И. былъ оцѣненъ по достоинству и пріобрѣлъ извѣстность, какъ даровитый и добросовѣстный артистъ. Мы не станемъ здѣсь перечислять его сочиненія, хорошо извѣстныя петербургской публикѣ какъ по исполненію ихъ въ концертахъ, такъ и по отзывамъ критики; точно также мы не будемъ обсуждать его дирижерскую и преподавательскую дѣятельность, но не можемъ умолчать о томъ, что компетентные люди съ похвалою отзываются о дарованіи, серьезности и истинно художественномъ направленіи молодого артиста.

Въ заключеніе этой замѣтки считаемъ необходимымъ сказать, что примѣненіе женскаго труда къ граверному искуству ознаменовалось не одними только единичными попытками. Напротивъ, дѣло это поставлено вполнѣ солидно и, конечно, дастъ результаты въ будущемъ. Стараніями Д. В. Григоровича, извѣстнаго литератора, при Обществѣ поощренія художниковъ открыта и дѣйствуетъ правильно организованная школа для образованія женщинъ-граверовъ. Ученицы очень усердно посѣщаютъ ее и оказываютъ замѣтные успѣхи въ новомъ родѣ дѣятельности.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы».

(*Продолженіе.*)

Глава VII.

Аудіенція у предсѣдателя судебной палаты.

Мы просимъ позволенія у читателя ввести его въ маленькую гостинную, гдѣ предсѣдатель палаты Матье де-Тальи принималъ просителей за

---

*) Гигантскихъ размѣровъ высоты мачтовое дерево, открытое професоромъ Нордманномъ, какъ исключительная порода только на Кавказѣ.

нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ въ нее вошла Элиза Буатель.

Матье де-Тальи былъ вполнѣ преданъ Наполеону III и его очень любили въ Тюльери. Всѣмъ было извѣстно его громадное вліяніе и его пріемная ежедневно наполнялась просителями. Говорили, что отъ него можно было всего добиться черезъ женщинъ. Но правда-ли это? Мало-ли что говорятъ. Мы уже упомянули, что бѣдный товарищъ прокурора до 2 декабря, Матье де-Тальи вдругъ преобразился послѣ этого рокового дня. Онъ занялъ предсѣдательское кресло въ смѣшанныхъ комисіяхъ и такъ отличился, что его дальнѣйшая карьера была вполнѣ обезпечена.

Маленькая гостиная, въ которой онъ давалъ свои аудіенціи, была диковиной художественнаго вкуса. Войдя неожиданно за тяжелую портьеру, скрывавшую дверь, вы подумали-бы, что находитесь въ молельнѣ прекрасной Маргариты наварской; стѣны и дубовая мебель были обиты старинной тисненой кожей; венеціанскія зеркала и разноцвѣтныя стекла въ окнахъ еще болѣе придавали этой комнатѣ древній стиль.

Въ ту минуту, когда мы вводимъ читателя въ этотъ храмъ правосудія, солнце весело играло на мрачной мебели. Матье де-Тальи сидѣлъ на табуреткѣ, повернувшись спиною къ стѣнѣ и разговаривалъ съ женщиной, которой онъ уступилъ свое кресло. Старикъ держалъ въ своихъ рукахъ хорошенькія руки его собесѣдницы. Свѣтъ прямо падалъ на ея лицо; это была наша старая знакомая—г-жа де-Марби.

— Вотъ что я узналъ, моя милая, изъ подробнаго дознанія по этому дѣлу, говорилъ нѣжно Матье де-Тальи.—Я сдѣлалъ все, что вы желали и немедленно. Вы видите, что время не измѣнило моей старой дружбы къ вамъ.

— Я вамъ очень, очень благодарна. Но меня мучаетъ страхъ и вотъ почему я снова просила у васъ аудіенціи.

— И вы видите, я васъ сейчасъ-же принялъ.

— Да, но вы меня не слушаете, а все сами говорите о прошломъ.

— Потому что вы о немъ забыли.

— Нѣтъ, клянусь, вы ошибаетесь.

Матье де-Тальи любовался ею и нѣжно ласкалъ ея руки.

— Вы все еще удивительная красавица, Орели.

— Молчите, будемъ говорить серьезно.

— Это трудно подъ огнемъ вашихъ глазъ.

— Пожалуйста, выслушайте меня.

И она хотѣла вырвать у него свои руки. Но онъ поднесъ ихъ къ своимъ губамъ и поцѣловалъ.

— Нѣтъ, оставь ихъ у меня и говори.

— Хорошо. Письма, которыя могутъ компрометировать меня, не даютъ мнѣ покоя ни на минуту.

— Но, послушайте, другъ мой, вашъ мужъ вполнѣ убѣжденъ, что Аристидъ де-Фаржъ приходилъ ночью къ вашей сестрѣ и вы только-что сказали мнѣ, что эта увѣренность еще болѣе утвердилась въ немъ, когда онъ узналъ, что де-Фаржъ оставилъ ей все свое имущество. Чего вамъ бояться. Вы поссорились съ сестрою, но это обойдется со временемъ и вы знаете, что она никогда не будетъ вамъ мстить.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Я боюсь, что она въ одинъ прекрасный день вздумаетъ воспользоваться письмами.

— Но съ какою цѣлью?

— Вотъ видите, Матье...ахъ, извините, г. Матье.

— Ничего, называй меня по старому, сказалъ де-Тальи, снова цѣлуя ея руки.

— Будемъ серьезны. Я право думаю, что, желая спасти себя, я сказала правду и что Элиза дѣйствительно была любовницей Аристида. Они меня оба обманывали. Справедливость моего подозрѣнія доказывается тѣмъ, что онъ сдѣлалъ ее своей единственной наслѣдницей.

— Нѣтъ, Орели, ревность васъ обманываетъ.

— Я вовсе не ревнива. Я любила Аристида не болѣе другихъ. Еслибъ у меня былъ другой мужъ, я, можетъ быть, ни на кого-бы не смотрѣла.

Наступило молчаніе. Матье де-Тальи продолжалъ ласкать ея руки и смотрѣлъ ей прямо въ глаза, какъ-бы желая прочесть ея сокровенныя мысли.

— Дитя мое, сказалъ онъ, наконецъ, — вы, можетъ быть, правы. Ваша свадьба была большей ошибкой... И ужь если вы начали говорить объ этомъ, то скажите мнѣ, видѣли вы Эмиля.

— Эмиля! воскликнула Орели, поднимая голову.

— Да, Эмиля Облэ.

— Не говорите мнѣ о немъ.

— Напротивъ.

— Развѣ его срокъ окончился?

— Да, недавно. Вашъ мужъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія?

— Никогда, отвѣчала молодая женщина, опустивъ голову въ сильномъ смущеніи.

— И Эмиль вамъ не писалъ?

— Нѣтъ. Пожалуйста, не будемъ болѣе говорить о немъ.

— Хорошо; такъ вы утверждаете, что ваша сестра была вашей соперницей. Я все-таки не понимаю, чего вамъ бояться ее.

— Ахъ, Господи! воскликнула Орели, выходя изъ себя:—Элиза насъ ненавидитъ, она мнѣ не отдастъ этихъ писемъ и представитъ ихъ въ доказательство своей невинности первому дураку, за котораго она вздумаетъ выйдти замужъ. Вотъ почему я пришла къ вамъ съ просьбой достать мнѣ эти письма.

— Вы правы, опасность для васъ большая, но я ничего не могу сдѣлать. Эти письма—ея собственность, какъ и все, что она наслѣдовала отъ де-Фаржа.

Орели подвинулась поближе къ правосудному судьѣ.

— Матъ, вы можете сдѣлать все, что захотите. Вы мнѣ это доказали въ двухъ критическихъ случаяхъ. Матъ, вы можете успокоить меня.

— Я сдѣлалъ для васъ невозможное, Орели. Но тутъ я рѣшительно ничего не могу.

— Вы мнѣ отказываете? спросила Орели, припадая головою къ его плечу.

— Послушайте, голубушка, сказалъ очень спокойно Матье де-Тальи, взявъ ее за талію и посадивъ къ себѣ на колѣни,—вы знаете, что я удовлетворялъ всѣмъ вашимъ капризамъ.

— Но теперь вы мнѣ отказываете?

— Нѣтъ, чертенокъ, я не отказываю и постараюсь сдѣлать тебѣ угодное, но не отвѣчаю за успѣхъ.

— Вы все можете.

— О, еслибъ я все могъ, то желалъ-бы снова быть тѣмъ Матомъ, который встрѣтилъ тебя, помнишь, на набережной.

— Да, да, я помню, отвѣчала Орели съ улыбкой:—мнѣ тогда было почти шестнадцать лѣтъ и я возвращалась изъ мастерской. О, Господи, какимъ казались вы тогда простымъ, добрымъ.

— Ха, ха, ха! громко засмѣялся де-Тальи.

— Я не подозрѣвала, что скрывалось подъ этой личиной.

— Ты меня-же упрекаешь.

— Нѣтъ, я знаю, что если я была несчастна, то по своей винѣ.

— Ты сама, моя красавица, настояла на этомъ бракѣ, не смотря на мои совѣты. Тебя соблазняли имя, состояніе...

— Нѣтъ, я вышла замужъ по честному побужденію. Я боялась самой себя, своихъ страстей.

— Ты думала, что бракъ тебя сдержитъ.

— Да, увы!

— Ну, Орели, ты знала, что дѣлала, выходя замужъ за человѣка, вдвое старше тебя.

— Нѣтъ. Я вышла замужъ потому, что мнѣ надоѣла нищета и строгая жизнь въ родительскомъ домѣ; я хотѣла быть свободной. Г. де-Марби былъ нашъ сосѣдъ и мы знали, что у него есть кое-какія деньги. Онъ жилъ скромно, но всѣ увѣряли, что онъ богатъ. Къ тому-же онъ былъ хорошаго происхожденія, баронъ. Нищета претила мнѣ; для меня представлялись только: бракъ съ капитаномъ или развратная жизнь. Къ тому-же моя натура была пламенная, вы сами развили ее въ этомъ направленіи. Я хотѣла быть женою, а не отдавать свои ласки кому попало, какъ дѣлали мои подруги по мастерской.

— И однакожь тебѣ необходима была любовь.

— О, да.

Наступило неловкое молчаніе.

— И такъ я вышла замужъ изъ жажды свободы... Я разсчитывала на свою ловкость и... вы меня понимаете. Вы первый, Матъ, толкнули меня на эту дорогу. Вы первый видѣли, какъ я радовалась золоту, которое вы мнѣ давали и которое я должна была прятать отъ своихъ...

— Но Эмиля Облэ ты знала до твоей свадьбы.

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ. До свадьбы я знала только васъ... васъ одного. О, Матъ, я не упрекаю васъ, но вы научили меня веселой жизни, вы водили меня къ старухѣ Бераръ, которая давала мнѣ на прокатъ костюмы, чтобъ ѣздить съ вами въ Энгіенъ, вы познакомили меня съ роскошью, вы первый катали меня въ каретахъ и кормили меня дорогими обѣдами въ Монморанси. Еслибъ вы только знали, какъ все это волновало и возбуждало меня...

— Да, я помню...

— Однажды, помните, Матъ, въ этотъ день рѣшилась моя участь: вы не пришли на свиданіе. Вамъ надоѣла скромная швейка. А я вѣрила вамъ. Вы мнѣ много обѣщали... помните... и я хотѣла жаловаться. Вы помните все это?

— Да, но ты тогда не была такой красавицей, какъ теперь.

— Я вамъ грозила... О, тогда... вы помните! Выходя вечеромъ изъ мастерской, я попала въ руки полицейскихъ. Они осыпали меня такими словами, что я пришла въ тупикъ и чтобъ не попасть въ полицію и въ тюрьму падшихъ женщинъ, я назвала васъ. Меня выпустили на свободу по вашему приказанію, но меня заставили подписать протоколъ моего ареста и мнѣ объявили, что если я буду снова угрожать вамъ, то этимъ протоколомъ докажутъ, кто я, и упрячутъ меня въ Сен-Лазаръ. О! при одномъ воспоминаніи объ этомъ морозъ пробѣгаетъ по моему тѣлу. Посмотрите, у меня руки ледяныя.

Матье де-Тальи съ улыбкой слушалъ ее, играя ея волосами.

— Это и образумило тебя, сказалъ онъ какимъ-то страннымъ тономъ.—Ты вышла замужъ и стала г-жею Тенаръ де-Марби... Иначе, чтобы сталось съ тобою? Но ты умалчиваешь объ Эмилѣ Облэ!

— О, Господи! Зачѣмъ вы мнѣ бросаете въ лицо это имя. Ну, хорошо, я согласна, я каюсь, что разъ въ жизни сдѣлала ошибку, преступленіе.

— Ты жалуешься на твою жизнь, моя красавица, но ты свободна, а онъ?

— Да, я принесла его въ жертву. Я признаю, что поступила дурно, ну и довольно, ради Бога, не говорите мнѣ болѣе о немъ и вернемся къ моей просьбѣ.

— Голубушка, ты хочешь набросить на меня всю отвѣтственность за твою жизнь... а я хочу напомнить тебѣ, что ты сама помогла моему разочарованію. Вотъ затѣмъ я говорю объ Эмилѣ Облэ!

Орели вырвалась изъ рукъ Матье де-Тальи и, выпрямившись во весь ростъ, воскликнула съ негодованіемъ:

— Опять это имя! Вы слишкомъ жестоки! Ребенокъ, дѣвушка, женщина, я всегда была вашей рабой и когда я прошу у васъ теперь услуги, отъ которой зависитъ вся моя жизнь, вы мнѣ отвѣчаете: берегись, я знаю дѣло Облэ. Это низко, это гнусно!

Въ праведномъ судьѣ вдругъ произошла странная перемѣна. Любезность, сладость, ласки,— все исчезло.

— Г-жа Тенаръ де-Марби, сказалъ онъ совершенно инымъ тономъ, хотя очень тихо,—я буду говорить съ вами такъ-же откровенно. Ребенокъ, котораго я зналъ когда-то, слишкомъ скоро прозрѣлъ; узнавъ о его развратномъ поведеніи, я бросилъ его. Эта дѣвушка была того достойна и притомъ она ни въ чемъ не нуждалась. Если потомъ, послѣ ея свадьбы, я поддался ея кокетству, то она вскорѣ доказала мнѣ, чего стоили ея милости. Каждый разъ, какъ ея развратное поведеніе ставило ее въ затрудненіе, я долженъ былъ спасать ее...

— Что-же вы для меня сдѣлали? Чѣмъ вы хвастаетесь? спросила вызывающимъ тономъ Орели.

— Боже мой, вопервыхъ, я удвоилъ пенсію г. де-Марби, потомъ я поддержалъ ходатайство де-Фаржа, твоего любовника, о принятіи твоего мужа на службу въ военное министерство и настоялъ, чтобъ ему тотчасъ дали мѣсто. Кромѣ всего этого, вопреки правосудію, я не противился присужденію къ каторжной работѣ несчастнаго Облэ, который ни въ чемъ не виновенъ. Я это сдѣлалъ только для твоего спасенія. Въ другой разъ почти въ подобномъ-же случаѣ я прекратилъ слѣдствіе и, наконецъ, незаконно опечаталъ имущество только изъ уваженія къ твоимъ капризамъ. И ничего бы этого не было, еслибъ я съ самаго начала, узнавъ, что маленькая картонщица Орели Буатель издѣвалась надо мною и прокучивала съ переплетчикомъ, красавцемъ Жюло, тѣ деньги, которыя я ей сдуру давалъ на тряпки, — посадилъ ее въ исправительный домъ до ея совершеннолѣтія. Можетъ быть, тогда изъ нея вышла бы честная женщина или во всякомъ случаѣ она не позорила бы теперь своимъ поведеніемъ честнаго имени своего мужа.

Орели сначала покраснѣла, потомъ поблѣднѣла и, наконецъ, упавъ на колѣни, воскликнула со слезами:

— Матъ, Матъ! сжальтесь надо мною. Я несчастная! Я во всемъ виновата. Простите меня! Но спасите, не дайте мнѣ погибнуть.

Орели была внѣ себя отъ страха при грозномъ прошломъ, которое вызывалъ передъ нею Матье де-Тальи съ холоднымъ безпристрастіемъ судьи. Все, что онъ говорилъ, была правда. Когда они встрѣтились въ первый разъ, ей было пятнадцать лѣтъ, она была ребенокъ, непорочный физически, но глубоко развращенный нравственно отъ неприличныхъ разговоровъ, которые она постоянно слышала въ мастерской. Уже и тогда она была красавицей, но очень сухая, блѣдная и съ черными пятнами подъ глазами. Губы ея были толстыя, страстныя. Ребенокъ по возрасту тѣла, но женщина по мыслямъ, она завидовала своимъ подругамъ, которыя имѣли любовниковъ. Однажды вечеромъ, остановившись передъ окнами картиннаго магазина, она вдругъ почувствовала теплое дыханіе на своей щекѣ и услышала шепотомъ произнесенныя слова, которыя заставили ее покраснѣть до корней волосъ. Она разсмѣялась и отвѣчала грубымъ восклицаніемъ, подслушаннымъ ею въ мастерской. Она убѣжала, но чувствовала, что за нею слѣдовали. Она обернулась и взглянула изъ-подлобья. За нею шелъ мужчина, очень приличный и степенный. Она тотчасъ назвала его, какъ принято было въ мастерской называть такихъ господъ: «Старикомъ». Она пошла тише, граціозно изгибая свою фигуру. Незнакомецъ заговорилъ съ нею. Она ему отвѣтила. Возвратясь домой, она нашла въ своемъ кожаномъ мѣшкѣ, въ которомъ она носила ѣду въ мастерскую, два золотыхъ луидора. На слѣдующій день она снова увидала того-же господина, который назвалъ себя Матье. Она видѣлась съ нимъ еще два раза и потомъ онъ повезъ ее въ Монморанси. Это былъ первый шагъ по лѣстницѣ паденія. Но была-ли она бѣдная и несчастная? Нѣтъ, не нищета, а развратъ былъ причиной ея паденія. Въ это-же время она познакомилась съ красавцемъ Жюлемъ, переплетчикомъ и завсегдатаемъ публичныхъ баловъ. Въ тотъ день, въ который Матье или, какъ она его называла, Матъ, узналъ, что она обманывала его, онъ бросилъ ее. Тогда красавецъ Жюль научилъ ее пригрозить «старику» и даже продиктовалъ ей письмо къ нему. На это письмо не было получено отвѣта, но на второй день вечеромъ, при выходѣ ее изъ мастерской, на нее набросились два агента общественной нравственности. Она стала кричать, протестовать; Жюло, поджидавшій ее на улицѣ, хотѣлъ вступиться за нее; но въ концѣ концевъ ихъ обоихъ арестовали. Тогда, боясь горькихъ послѣдствій невозвращенія ночью домой, она назвала имя человѣка, который подвергъ ее этому скандалу. Ей прочли протоколъ, въ которомъ сказано было, что ее арестовали на улицѣ за то, что она приставала къ проходящимъ мужчинамъ; она подписала этотъ протоколъ и ее выпустили на свободу. На слѣдующій день она на колѣняхъ просила прощенія у Матье и клялась вѣчно сохранить къ нему пламенную благодарность.

Когда Тенаръ де-Марби сдѣлалъ ей предложеніе, она пошла спросить совѣта у своего стараго друга Матье, который съ этого времени сталъ принимать ее въ этой самой маленькой гостиной, гдѣ она была теперь. Она вышла изъ этой комнаты вся раскраснѣвшись и унесла съ собою обѣщаніе постояннаго покровительства. Дѣйствительно, пенсія де-Марби была удвоена на слѣдующій день послѣ его свадьбы. По этому случаю капитанъ замѣтилъ очень любезно своей женѣ:

— Г-жа де-Марби, вы мнѣ принесли счастье.

Потомъ случилось въ ихъ домѣ несчастье. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ свадьбы въ спальнѣ г-жи де-Марби ночью захватили молодого работника съ бумажникомъ и крестами капитана въ карманахъ. Злодѣя приговорили къ десятилѣтнему заключенію. Хотя на слѣдствіи онъ чистосердечно признался въ кражѣ, но на судѣ онъ заявилъ, что это признаніе онъ сдѣлалъ, чтобъ спасти г-жу де-Марби, которая была его любовницей. Предсѣдатель палаты Матье де-Тальи при этомъ громко разсмѣялся; засмѣялись присяжные и публика. Тогда обвиняемый, по имени Эмиль Облэ, упалъ на скамью.

— Да, вы правы, я съумасшедшій, воскликнулъ онъ:—благоразумные люди никогда не повѣрятъ моему разсказу... Осудите меня, присяжные, я воръ.

— Подсудимый, не торопитесь, все придетъ своимъ чередомъ, сказалъ торжественно предсѣдатель.

Орели по окончаніи засѣданія отправилась къ Матье де-Тальи и, такъ какъ его смѣхъ уничтожилъ клевету, она бросилась къ нему на шею и снова клялась въ своей вѣчной признательности.

Капитанъ де-Марби представилъ ей сына своего друга, котораго она полюбила съ перваго взгляда, и сказалъ ей:

— Это Аристидъ де-Фаржъ, онъ почти мой сынъ, будь ему сестрой.

Орели приняла это къ свѣдѣнію и скоро Аристидъ сталъ ея любовникомъ. Ея мужъ ничѣмъ не занимался и желалъ поступить на службу. Она этого еще болѣе желала, чѣмъ мужъ, потому что тогда она была-бы свободна цѣлый день. Переговоривъ съ своимъ любовникомъ, она рѣшила, что всего лучше капитану поступить въ военное министерство, гдѣ служилъ Аристидъ. Но трудность заключалась въ томъ, что Аристидъ не имѣлъ протекціи. Тогда она взялась все устроить и только потребовала, чтобъ онъ написалъ рекомендательное письмо; онъ, конечно, сдѣлалъ это съ удовольствіемъ и Орели снесла письмо къ Матье де-Тальи. Спустя нѣсколько дней, она вышла изъ маленькой гостиной предсѣдателя палаты, держа въ рукахъ приказъ объ опредѣленіи на службу капитана.

— Какъ счастливъ твой мужъ, сказалъ Матье, цѣлуя ее на прощанье:—ты хорошѣешь съ каждымъ днемъ.

И это забыла Орели, хотя уходя она нѣжно прошептала:

— Вы знаете, что я никогда не была неблагодарной.

Наконецъ, произошли тѣ событія, которыя извѣстны читателямъ, и вотъ какимъ образомъ прекрасная Орели очутилась на колѣняхъ передъ Матье де-Тальи, умоляя простить ее за то, что она забыла о прошломъ.

— Не плачь, моя голубушка Лили, сказалъ Матье, снова перемѣняя тонъ и, нѣжно поднявъ ее, поцѣловалъ въ лобъ;—я люблю тебя теперь такъ-же, какъ въ старину, когда ты была еще дѣвочкой. Я сдѣлаю для тебя все, что ты хочешь!.. Я спасу тебя еще разъ. Протяните мнѣ ваши прелестные губки и не плачьте, мой милый ребенокъ. Ну, успокойся, Лили, я сказалъ, что займусь твоими письмами.

Въ эту минуту кто-то тихо постучалъ въ дверь. Матье де-Тальи насупилъ брови. Онъ посадилъ Орели въ кресло и, вернувшись на свое мѣсто, громко сказалъ:

— Войдите.

Вошелъ судебный приставъ и подалъ ему письмо. Матье де-Тальи поспѣшно прочелъ его и махнулъ рукой приставу, который тотчасъ удалился.

— И такъ, повторимъ все нами сказанное, дитя мое, сказалъ Матье, обращаясь къ Орели:— вы боитесь мести сестры и хотите получить обратно находящіяся въ ея рукахъ письма, которыя могутъ погубить васъ; хорошо, я ихъ достану, приходите за ними, милая Орели, черезъ нѣсколько дней.

И праведный судья всталъ, серьезный, торжественный. Аудіенція была кончена. Орели очень удивила эта новая перемѣна въ Матье де-Тальи, который отъ фамильярности перешелъ вдругъ къ офиціально-церемонной холодности.

— Вы даете слово, Матъ, я могу на васъ разсчитывать? спросила она.

— Да. Очень важное дѣло заставляетъ меня прервать нашу бесѣду. Не сердитесь на меня, моя красавица. До свиданія.

Орели не понравилось это сухое, холодное прощаніе и она кокетливо бросила на него взглядъ, полный сладострастія. Старикъ улыбнулся и взялъ ее за талію.

— О, плутовка, сколько любви въ этихъ глазахъ, сказалъ онъ.

— Матъ, ты меня не забудешь? сказала она, крѣпко его цѣлуя.

— Развѣ можно тебя забыть.

Она исчезла за тяжелой портьерой.

Онъ вернулся къ письменному столу. Легкая дрожь пробѣгала по его тѣлу; щелкнувъ языкомъ, какъ обжора, приготовляющійся къ вкусному обѣду, онъ позвонилъ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

КАРТИНА БЕНЖАМЭНА КОНСТАНА.

Янычаръ и евнухъ.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

Въ дверяхъ показался приставъ.

— Просите дѣвицу Элизу Буатель. Я болѣе никого не буду принимать сегодня.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Уріель Акоста и Юдифь Вандерстратенъ, съ картины Гутлиба. — Извѣстная драма Гуцкова: «Уріель Акоста», изъ которой Готлибъ заимствовалъ сюжетъ своей картины, взята, какъ извѣстно, изъ жизни голандскихъ евреевъ XVII столѣтія. Молодой ученый еврей, Уріель Акоста, воспитанный въ вѣрѣ своихъ отцовъ, влюбляется въ дочь богатаго еврея, Юдифь Вандерстратенъ, у которой, впрочемъ, уже есть женихъ, — Іохай. Онъ готовъ бѣжать отъ этой преступной, какъ ему кажется, любви, но узнавъ, что еврейская синагога хочетъ произнести надъ нимъ проклятіе за его сочиненіе, въ которомъ онъ опровергаетъ ученіе талмудистовъ, Уріель Акоста остается въ Амстердамѣ: «кто ратовать готовъ, говоритъ онъ,—за истину, тотъ не попретъ ногами прекраснѣйшихъ лучей въ ея вѣнцѣ,—огня борьбы, который возжигаетъ въ насъ истина». Его проклинаютъ; евреи отвертываются отъ него, но Юдифь смѣло высказываетъ свою любовь къ нему и готова раздѣлить свою судьбу съ нимъ. Но женихъ Юдифи, Іохай, подъ вліяніемъ ревности мститъ любовникамъ; братья и мать Акосты принуждены переселиться въ Гагу, такъ какъ амстердамскіе евреи не хотятъ съ ними вести торговыхъ дѣлъ; кредитъ отца Юдифи, благодаря интригамъ того-же Іохая, падаетъ и ему грозитъ раззореніе. Тогда Акоста рѣшается публично отречься отъ своего ученія, чтобы спасти мать и братьевъ, а Юдифь соглашается выйдти за Іохая, чтобы спасти отца. Въ то время, какъ въ синагогѣ происходитъ церемонія отреченія, въ домѣ Манассе Вандерстратена все приготовлено къ вѣнчанію; но Юдифь отравляется, а Акоста въ отчаяніи убиваетъ себя выстрѣломъ изъ пистолета. Талантливый художникъ взялъ для своей картины сцену между Юдифью и Уріелемъ въ монологѣ Іохая въ первомъ дѣйствіи. Іохай, возвратившись изъ путешествія, отправляется въ домъ отца Юдифи; не заставъ ее дома, онъ отправляется въ садъ: «И я искалъ Юдифи. Сжигаемый томленіемъ любви, я пробѣгалъ по всѣмъ алеямъ парка и... послѣ двухъ... двухъ лѣтъ разлуки... я нашелъ ее — не одинокой. (Встаетъ.) Въ гротѣ изъ раковинъ, укутанномъ плющемъ и дикими лозами, рядомъ съ нею сидѣлъ... сидѣлъ мнѣ чуждый человѣкъ. Огромная пергаментная книга передъ четой безмолвной на столѣ раскрытою лежала... Я ближе къ нимъ подошелъ... Юдифь взглянула такъ, какъ будто-бы хотѣла строгимъ взоромъ спросить: «какъ смѣлъ, не посвященный, ты вступить въ мой храмъ?» Но вотъ она узнала, кто этотъ гость и, съ ложью на лицѣ, съ какимъ-то неподвижнымъ взглядомъ, руку мнѣ подала, холодную, какъ ледъ». Въ картинѣ Готлиба мы видимъ только счастливыхъ любовниковъ, Юдифь и Акосту, читающихъ вмѣстѣ книгу. Прелесть красокъ и рисунка, выраженіе лицъ, вся чарующая обстановка, нѣжность кисти, — вотъ въ общемъ особенности таланта Готлиба, молодого художника, тоже еврея (польскаго), ученика знаменитаго Матейки, къ сожалѣнію, умершаго въ прошломъ году въ цвѣтѣ лѣтъ: ему не было еще и тридцати лѣтъ. Искуство потеряло въ немъ одного изъ лучшихъ и талантливѣйшихъ своихъ представителей.

Нищая, статуя Френгелли. — Мы уже не разъ знакомили нашихъ читателей съ лучшими произведеніями новѣйшей итальянской реалистической скульптуры. «Нищая» Френгелли принадлежитъ къ той-же школѣ; статуя отличается сравнительной простотой композиціи и чрезвычайной выразительностью. Страдающее лицо «нищей», протянувшей исхудалую руку за милостыней, плачущій мальчуганъ на рукахъ матери,—поражаютъ своею реальностью, тою неподдѣльною реальностью, которую мы такъ рѣдко встрѣчаемъ въ искуствѣ. Но статуя отличается и другими достоинствами: замѣчательной красотой формъ и превосходной, нѣсколько эскизной работой.

Смѣсь.

— **Бенефисъ Джона Камбеля** (Истинное происшествіе. Разсказъ Генри Невиля). Въ апокрифическую эпоху добраго стараго времени для драмы нужда породила много чудовищъ. «Чудовище Бенефисъ» было однимъ изъ нихъ и тогда онъ значилъ несравненно болѣе, чѣмъ въ наше время желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Бенефисъ получался часто вмѣсто недоданнаго жалованья, онъ давалъ бѣднымъ актерамъ средства уплачивать по счетамъ мясника, булочника, зеленщика, «поднять голову», какъ они выражались, перенести ихъ, особенно-же ихъ семью, въ сосѣдній городъ, который въ то время затруднительныхъ почтовыхъ сообщеній казался несравненно дальше, чѣмъ теперь. Затруднительное и дорогое сообщеніе заставляло многихъ хорошихъ актеровъ проводить всю свою жизнь въ провинціи и окончить свое существованіе въ неизвѣстной могилѣ на скромномъ кладбищѣ; его талантъ глохнулъ, не сдѣлавшись достояніемъ публики, которая могла бы оцѣнить его. Геній его, извѣстный въ небольшомъ кружкѣ, не могъ, какъ теперь, заявить о себѣ всему міру. Слово «бенефисъ» выражало многое. Цѣль его была облегчить многочисленные, слишкомъ даже многочисленные недостатки и непріятности, окружавшіе жизнь актера прежнихъ временъ. Бродяжническая жизнь имѣла для нихъ особую привлекательность; въ ней заключалась вся ихъ надежда. Лондонъ былъ цѣлью, къ которой всякій стремился.

Въ настоящемъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, чувствовалась настоятельная потребность въ бенефисѣ, чтобы расплатиться за лѣченье и лѣкарство для малютки, страдавшаго сначала отъ лихорадки, а потомъ отъ изнурительной болѣзни, продержавшей его въ постели много долгихъ мѣсяцевъ и послѣ которой онъ, вѣроятно, никогда не будетъ крѣпкимъ и сильнымъ, какъ другія дѣти. Камбели хотѣли покинуть городъ и поискать счастья въ другомъ мѣстѣ. Съ докторомъ необходимо расплатиться, онъ былъ такъ терпѣливъ, такъ добръ, такъ внимателенъ. Всѣ лучшія чувства человѣческой натуры настаивали на уплатѣ этого священнаго долга. Не докторъ-ли спасъ ихъ дитя, ихъ единственное дитя! Благодарность ихъ къ Богу и доктору была выше всякаго выраженія. Правда, онъ никогда не требовалъ платы за визиты и лѣкарства, но потому именно они готовы были разстаться со своимъ лучшимъ имуществомъ—съ носильнымъ платьемъ—для уплаты этого долга и часто разсуждали, какъ бы собрать необходимую сумму и что можно продать и за сколько. Наконецъ, они остановились на бенефисѣ, какъ на лучшемъ средствѣ выдти изъ затрудненія. Нашъ герой едва достигъ того завиднаго положенія въ театрѣ, которое давало ему право на бенефисъ. Все зависѣло отъ заманчивой афиши, отнюдь не упоминающей о великой нуждѣ, вызвавшей ее.

Условія съ антрепренеромъ были заключены и бенефисъ былъ назначенъ черезъ какія-нибудь три недѣли. Затѣмъ появился вопросъ, что дать, чтобы заманить публику. «Ты долженъ играть первую роль въ день твоего бенефиса, говорила любящая жена Джона,—къ тому-же это единственный случай выдвинуться; у тебя достаточно для этого способностей. Не согласится-ли онъ (главный актеръ въ труппѣ) взять на себя роль Яго, если ты будешь играть Отелло?» Великолѣпная мысль. Джонъ Камбель даетъ Отелло и «Лиліанъ или дѣвушка на показъ», въ которой лучшая роль его жены;—трагедія и драма съ джигомъ въ концѣ, «по особенному желанію». Но по чьему желанію? И у мужа, и у жены было слишкомъ много любви къ истинѣ, чтобы отступить отъ нея даже въ бездѣлицѣ. «Какъ бы хорошо было пріобрѣсти покровительство?» О великолѣпно! «Подъ милостивымъ покровительствомъ» — большими буквами посреди афиши.

— Я обращусь къ лорду Манору, сказалъ Камбель,—это здѣсь самое важное лицо и почемъ знать, можетъ быть, ему пріятно будетъ видѣть свое имя, напечатанное крупными буквами. И потомъ, какую услугу онъ намъ окажетъ; если бы онъ зналъ, какъ много принесетъ намъ этимъ пользы, онъ, навѣрное, согласился бы. Путешествіе съ нѣкоторыми удобствами для малютки, уплата священнаго долга доктору.

И, поспѣшно выбѣгая изъ комнаты (все надо было дѣлать поспѣшно въ промежуткѣ до дня бенефиса), онъ услышалъ слабый голосъ ребенка, спрашивавшій, отчего онъ не идетъ поиграть и поговорить съ нимъ, какъ дѣлалъ это прежде? «Мнѣ такъ скучно одному?»

— Это скоро кончится, дитя мое, еще двѣ недѣли и затѣмъ мы уѣдемъ отсюда въ прекрасное мѣсто, гдѣ мы всѣ будемъ счастливы, очень счастливы и не будемъ терпѣть нужды.

— Да, это на небо, папа? Мы пойдемъ туда? Я такъ радъ, я буду такъ счастливъ черезъ двѣ недѣли.

Камбель поцѣловалъ ребенка и отправился съ веселымъ сердцемъ, полнымъ надежды и заботы о предстоящемъ бенефисѣ. Камбель дошелъ до жилища лорда и не зналъ, за который колокольчикъ дернуть. Наконецъ, онъ позвонилъ въ одинъ изъ нихъ «Прислуга», такъ какъ былъ слишкомъ скроменъ, чтобы взяться за «Посѣтители». Онъ пришелъ просить милости, а въ этомъ всегда есть что-то леденящее, не говоря уже о мучительномъ ожиданіи выхода хозяина. Однакожь ему не пришлось ожидать. «Въ это самое утро лордъ уѣхалъ и неизвѣстно когда вернется — вѣроятно, черезъ мѣсяцъ или полтора». Какое разочарованіе для Камбеля! Обратиться къ лорду по почтѣ было бы слишкомъ долго, къ тому же отвѣтъ можетъ быть неблагопріятенъ.

Онъ пошелъ домой и, не желая даромъ терять время, занялся изученіемъ своей роли къ великому удивленію встрѣчныхъ, прислушивавшихся къ его страстнымъ рѣчамъ. Камбель все болѣе и болѣе увлекался своей ролью, не подозрѣвая возбуждаемаго имъ интереса, пока не былъ остановленъ и окруженъ толпой, хотѣвшей отвести его въ домъ умалишенныхъ. Онъ объяснился, нашлись знакомые, которые признали его и онъ былъ освобожденъ. Жена много смѣялась надъ его разсказомъ о приключеніи. Не могло быть лучшей даровой рекламы. Но къ кому теперь обратиться за покровительствомъ? Кто былъ второй по важности послѣ лорда? «Конечно полковникъ квартирующаго здѣсь полка. Къ нему лучше, чѣмъ къ кому другому. Офицеры большіе почитатели сцены».

На слѣдующее утро, одѣтый въ свое лучшее платье, хотя его лучшее сослужило ему хорошую службу впродолженіи трехъ лѣтъ въ каждой пьесѣ изъ новѣйшей жизни, Камбель отправился въ лагерь и послалъ свою карточку. Удачное имя, такъ какъ полковникъ былъ шотландецъ, зналъ нѣкоторыхъ изъ Камбелей и любилъ ихъ. «Отличный, храбрый кланъ. Просите сюда!» Боже, его, наконецъ, ввели въ присутствіе сѣдоватаго, съ рѣдкими волосами, двойнымъ подбородкомъ, въ сто лошадиныхъ силъ человѣка, видъ котораго внушалъ невольное почтеніе Камбелю, нервы котораго были безъ того сильно напряжены.

— Ну-съ, чему я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ, м-ръ Камбель? спросилъ онъ.

Камбель униженно изложилъ свою просьбу. Но почему полковникъ приподнялъ такъ свои брови, закрутилъ громадные усы и принялъ на себя сосредоточенный видъ, неподходящій къ настоящему случаю?

— Покровительство? Съ чего? Зачѣмъ я буду тревожить себя вашими дѣлами?

— Я потому обратился къ вамъ съ этой просьбой, отвѣчалъ Камбель,—что для насъ это было-бы очень полезно. Намъ пришлось такъ много перенести за послѣднее время: моей женѣ, больному ребенку и...

— Я ненавижу театры, не пойду туда, ничего не дамъ... выведите его вонъ!

И Камбель выбѣжалъ вонъ смущенный и растерянный, какъ-будто предлагалъ что-нибудь дурное. «Ну, что-жь, полковникъ не единственное мое прибѣжище, завтра я попытаюсь у капитановъ». Но до капитановъ не такъ легко было добраться, какъ до полковника. Однакожь, послѣ часоваго ожиданія, онъ былъ принятъ двумя изъ нихъ — прекрасные люди, съ свѣтлыми волосами и папиросками въ зубахъ: «очень пріятно, рады сдѣлать все возможное, пригласимъ другихъ, большіе любители театра, особенно комическихъ пьесъ, хорошенькія женщины, вѣроятно. Какъ имя той, которая ищетъ нашего покровительства?»

— О, развѣ я не сказалъ вамъ. Я ищу покровительства для себя и своей семьи.

— Клянусь небомъ! Для васъ? Мы готовы сдѣлать все возможное для прекраснаго пола, но такъ смѣшно для мужчины... для женщины другое дѣло... очень жаль. Прощайте!

И они ушли, оставивъ Камбеля отыскивать себѣ дорогу, какъ съумѣетъ.

— Все это очень непріятно, сказалъ онъ своей женѣ,—я больше не буду пробовать. Да и не важность. Оставимъ не ясно «подъ милостивымъ покровительствомъ»; у насъ будетъ полный театръ и всѣ наши посѣтители милостивые.

И афиша появилась съ громкимъ заглавіемъ:

Подъ милостивымъ покровительствомъ
Небывалое представленіе
Въ первый и единственный разъ;

и т. п. Хотя не главный актеръ, Камбель былъ любимцемъ публики. Къ тому-же всѣмъ были извѣстны его затрудненія и печали — бѣдное, больное дитя привлекало всеобщую симпатію. Многіе, спѣшившіе по дѣлу мимо его жилища, видали матери на постели у окна и нѣжныя заботы о немъ матери; многіе, проходя мимо, останавливались и посылали ему воздушные поцѣлуи, а сосѣдскіе мальчики нарочно выбирали для своихъ игръ мѣсто передъ домомъ, чтобы развлечь больного. Время шло; день бенефиса приближался. У доктора потребованъ страшный счетъ и полученъ; не смотря на очевидное стараніе уменьшить его до крайности, сумма достигла значительной цифры: 20 фунтовъ. Могутъ-ли они разсчитывать, что бенефисъ покроетъ и этотъ счетъ и многіе другіе? Камбель отправится пѣшкомъ въ другой городъ, жена съ радостью послѣдовала-бы

за нимъ, но какъ быть съ ребенкомъ, для него необходимо мѣсто въ каретѣ.

Однажды, когда жена занята была малюткой и Камбель репетировалъ болѣе трудныя мѣста своей роли въ утреннемъ костюмѣ, раздался стукъ въ дверь. Весь домъ пришелъ въ волненіе: «какія-то леди къ м-ру и м-съ Камбель?» «Богъ мой, а я еще не одѣта; выйди къ нимъ». «Нѣтъ, выйди ты!» Пока они спорили и приводили въ порядокъ свой туалетъ, молодыя особы въ пріемной осматривали комнату, немного разочарованныя, что не видятъ ничего подобнаго роскошной обстановкѣ сцены, какъ рисовало имъ ихъ воображеніе и не зная, подастъ-ли имъ руку любимый актеръ или поклонится издали; онѣ надѣялись, что онъ дружески пожметъ имъ руку,— такъ пріятно вспоминать объ этомъ, когда онѣ увидятъ его на сценѣ,—но, вѣроятно, это не настоящее его жилище! Пріятная болтовня, на нѣсколько фунтовъ билетовъ къ бенефису, желанное пожатіе руки и онѣ вышли въ полной увѣренности, что это лучшій актеръ въ мірѣ и настоящій герой. Камбели скоро пріучились къ подобнымъ посѣщеніямъ, причемъ нерѣдко въ рукахъ ихъ оставались суммы, превосходящія цѣнностью стоимость билетовъ. Но ничто ихъ такъ не порадовало, какъ письмо отъ доктора слѣдующаго содержанія, въ которомъ они увидѣли истинную благотворительность, избѣгающую публичности и достигающую цѣли, не унижая человѣческаго достоинства того, кому оказывается: «Дорогая м-съ Камбель! Прошу васъ прислать мнѣ на 25 фунтовъ билетовъ къ вашему бенефису; многіе изъ моихъ друзей желаютъ присутствовать на представленіи. Отъ души желаю вамъ полнаго театра и успѣха въ игрѣ. При этомъ посылаются деньги и пр.»

Наконецъ, наступаетъ долго жданный день со всѣми своими тревогами. Погода тоже благопріятна, посѣтители идутъ въ театръ съ пріятной перспективой вернуться домой сухими. Толпа народа въ ложахъ, въ партерѣ и галереяхъ. Камбель въ восторгѣ отъ блестящихъ ожиданій. Ни долга, ни сомнительнаго завтра, удобства для больного ребенка и относительное благосостояніе на нѣсколько предстоящихъ мѣсяцевъ.

Громкіе аплодисменты и вызовы нашего героя послѣ каждаго акта: успѣхъ его полный. Главный актеръ долженъ сознаться, что онъ совсѣмъ стушевался, чего никакъ не могъ ожидать. Послѣ трагедіи Камбель подошелъ къ рампѣ, чтобы по обыкновенію поблагодарить публику и объявить о повтореніи спектакля на слѣдующій вечеръ. Полный надежды и жизни онъ отлично справился и съ этимъ дѣломъ. Любящая жена приберегла свои поздравленія до возвращенія домой. Теперь была ея очередь выходить на сцену и какъ хороша была она въ роли Лиліанъ. Не буду описывать хода пьесы; довольно сказать, что она шла успѣшно до того мѣста, гдѣ Эверардъ стрѣляетъ въ мѣшокъ, въ которомъ спрятался цыганъ.—«Отойди прочь, говоритъ онъ Лиліанъ,—посмотримъ, попаду-ли я въ него». Онъ стрѣляетъ на воздухъ согласно съ театральными обычаями и, о ужасъ!—раздается стонъ, жалобный стонъ и паденіе, и сильный здоровый человѣкъ катится безжизненный со ступеньки на ступеньку.

Въ минуту выстрѣла Камбель спускался по лѣстницѣ изъ своей уборной съ шуткой и улыбкой на губахъ. Онъ былъ такъ счастливъ. А теперь онъ лежитъ бездыханный у подножія лѣстницы,—кто-бы могъ повѣрить этому! Не застрѣлили-же его въ самомъ дѣлѣ. Крикъ, конечно, вырвался у мальчика въ мѣшкѣ. Поднимите его и отнесите въ зеленую комнату... на немъ не видно раны... поскорѣе за докторомъ... вѣроятно, ударъ, дайте воздуху. Увы, никакой воздухъ не оживитъ эту грудь, нѣжный голосъ жены не заставитъ радостно забиться это сердце... онъ мертвъ. Какъ электрическая искра пробѣгаетъ всюду эта новость. «Камбель застрѣленъ! Камбеля застрѣлили!»

Главный актеръ опускается передъ нимъ на колѣни и беретъ его безчувственную руку—нѣтъ болѣе вражды, все примиряетъ грозный царь смерти. «Не пускайте жену! затворите двери. Не говорите ей сразу ужасную новость!» Но какъ скрыть истину? Ею овладѣваетъ неопредѣленный страхъ, необъяснимый ужасъ. Дружескія руки стараются удалить ее отъ этой комнаты. Но выразительное молчаніе, глаза, избѣгающіе встрѣчи съ ея взглядомъ, краснорѣчивѣе словъ—она содрогается! «Что такое? Отчего вы не пускаете меня? Случилось что-нибудь ужасное—я должна, я хочу знать!» Она бросается впередъ, протискивается сквозь толпу. Жалобный стонъ вылетаетъ изъ ея груди: «О, Джонъ, о, мой мужъ!» Выходящіе изъ орбитъ глаза останавливаются поочередно на окружающихъ лицахъ и затѣмъ снова устремляются на человѣка, который былъ для нея всѣмъ... его нѣтъ! онъ умеръ! Приходитъ докторъ; съ его приходомъ послѣдняя надежда исчезаетъ. Только одна капля крови, одна единственная говоритъ о причинѣ смерти. Какъ разъ надъ сердцемъ видна чуть замѣтная ранка, которая отправила его въ вѣчность. Задернемъ занавѣсъ надъ этой сценой ужаса!

— Папа! папа! иди ко мнѣ, зоветъ мальчикъ, простирая руки. Онъ не спалъ всю ночь, удивляясь отчего никто не возвращается домой. Дверь отворяется, но не для того, чтобы впустить любимое лицо, которое онъ жаждетъ видѣть. Въ комнату вносятъ безчувственную мать. Испуганное, дрожащее дитя берутъ и выносятъ изъ комнаты. Стеклянный взглядъ матери слѣдуетъ за нимъ. Раздается ея разбитый голосъ: «Сынъ мой! сынъ мой!»—и сирота въ объятіяхъ вдовы матери.

Исторія моя кончена. И если читатель убѣдился, что жизнь актера не похожа на безконечный праздникъ, что его торжество не всегда означаетъ побѣду, что его радости часто смѣняются печалями— цѣль моя достигнута.

Добрый докторъ узналъ, наконецъ, причину смерти. Онъ прослѣдилъ путь крошечной ранки и нашелъ булавку, обыкновенную булавку вонзившуюся въ сердце. Какъ она попала въ ружье, никто не могъ объяснить. М-съ Камбель нашла въ своемъ горѣ преданныхъ друзей; публика приняла въ ней участіе. Время, великій целитель, излило на раны свой бальзамъ, но никакое время не могло изгладить воспоминанія о трагической смерти Джона Камбеля.

— **Дебюты г-жъ Грузовой и Заваровой** (замѣтка М. Л.) 28-го марта на сценѣ малаго театра въ четырехъактной драмѣ В. Дьяченко «Блестящая партія», роль княгини Каировой сыграла г-жа Грузова (ученица Н. Ф. Сазонова). Г-жа Грузова обладаетъ недурными манерами и выработанной дикціей. Роль она провела вообще недурно, хотя въ исполненіи ея, въ особенности, въ первомъ актѣ, была видна нѣкоторая робость, свойственная всѣмъ молодымъ дебютанткамъ, въ первый разъ появляющимся на петербургской сценѣ. Г-жа Грузова—артистка, несомнѣнно, талантливая; но ей много еще остается потрудиться для обработки своего дарованія. Что касается г-жи Заваровой, выступившей въ комедіи А. А. Соколова «Со ступеньки на ступеньку», то дебютантка, будучи радушно принята публикою, не оправдала ожиданій послѣдней, явившись плохой Марьей Доновой, не смотря на то, что роль эта создана авторомъ очень благодарной и эфектной.

— **Дебютъ г. Стрѣльскаго.** 4 апрѣля въ комедіи А. Н. Островскаго «На всякаго мудреца довольно простоты», на сценѣ александринскаго театра въ роли Егора Глумова выступилъ извѣстный провинціальный актеръ г. Стрѣльскій, принимавшій въ прежніе годы участіе въ спектакляхъ нашихъ загородныхъ театровъ и клубныхъ. Дебютантъ имѣлъ успѣхъ. Роль провелъ онъ очень хорошо; игралъ весьма старательно, много поработалъ надъ новою ролью и поэтому въ исполненіи его было все до малѣйшихъ деталей отдѣлано надлежащимъ образомъ. Прекрасная дикція дополнила пріятное впечатлѣніе, произведенное на публику г. Стрѣльскимъ, не смотря на то, что выбранная имъ роль Глумова принадлежитъ къ числу весьма трудныхъ и, главное, крайне неблагодарныхъ. Гг. Кисилевскій (въ роли Крутицкаго), Зубовъ (Мамаевъ), Душкинъ (Курчаевъ), Степановъ (Голутвинъ), Полонскій (Бородулинъ), г-жи Громова (Манефа) и Жулева (Турусина), содѣйствовали успѣху пьесы. Что-же касается г-жъ Малышевой (Мамаева) и Тютрюмовой (Марья Турусина), то эти артистки, вопреки нашимъ ожиданіямъ, были неудовлетворительны. Вообще комедія прошла одень хорошо; ансамбль не заставлялъ желать лучшаго. Театръ былъ далеко не полонъ. О второмъ дебютѣ г. Стрѣльскаго въ пятиактной драмѣ Д. В. Аверкіева «Каширская старина», въ роли Василія Коркина, рецензію откладываемъ до слѣдующаго нумера.

— **Новая исполнительница.** Въ пятиактной комедіи г. Худекова «Въ чемъ сила?» въ роли Ольги Малашкиной на александринской сценѣ выступила г-жа Читау 2-я и имѣла большой успѣхъ. Юная талантливая артистка исполнила эту роль очень хорошо. Монологи были сказаны ею съ чувствомъ и съ должными оттѣнками интонаціи; игра ея, какъ и всегда, была естественна. Послѣ каждаго акта ее вызывали. Г-жа Читау положительно сдѣлалась любимицею публики. Мы искренно радуемся быстрымъ успѣхамъ артистки и остается только пожалѣть, что новыя роли даются ей весьма туго.

— **Павловскій театръ.** Антрепризу театра въ Павловскѣ на нынѣшній лѣтній сезонъ беретъ г-жа Зубарева, управлявшая прошлымъ лѣтомъ спектаклями ораніенбаумскаго театра. Г-жа Зубарева намѣрена пригласить на нѣсколько гастролей знаменитую актрису г-жу Моджеевскую.

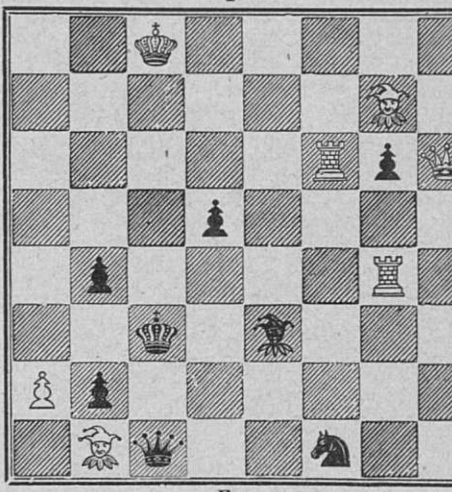
Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧИ

№ 24.

Т. Іенсена.

Черные.



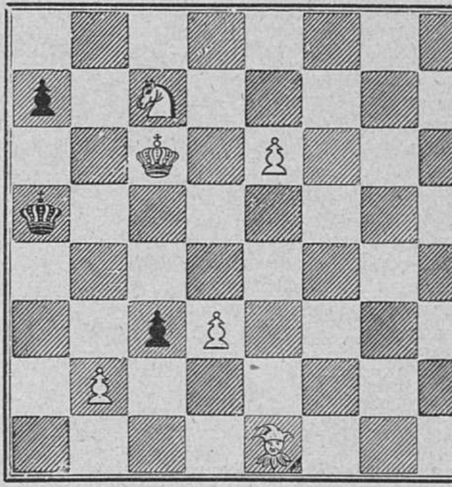
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 25.

М. Урсина (въ Христіаніи.)

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Редакція предлагаетъ гг. подписчикамъ по **уменьшенной** цѣнѣ слѣдующіе фотографическіе снимки съ картинъ русскихъ художниковъ, произведенные въ извѣстной петербургской фотографіи г. Каррика:

БОЛЬШОЙ ФОРМАТЪ.

Цѣна наклееннымъ 2 р. 50 коп.
ненаклееннымъ 75 коп.

Зичи (бывшій придвор. художникъ).—1—3. Сцены изъ «Демона», Лермонтова. 4—10. Сцены изъ охоты Е. И. Величества. 11—12. Сцены изъ Донъ-Жуана, Байрона. 13. Рафаэль и Форнарина. 14. Пляшущая цыганка. 15. Клеопатра. 16. Наставленіе матери. 17. Оргія миньоновъ. 18. Грабежъ погреба солдатами. 19. Лютеръ въ Вартбургѣ. 20. Фаустъ. 21. Сатиръ и нимфа. 22. Belle Hélène (виньетка попури). 23. Еврейскіе мученики. 24. Фальстафъ среди женщинъ. 25. Ришелье. 26. Мессія. 27. Маскарадъ. 28. Сцена изъ жизни Генриха III. 29. Портретъ актера Самойлова. 30. Пони и олень.

СРЕДНІЙ ФОРМАТЪ.

Наклеен.—1 руб. 25 коп., ненаклеен 30 коп.

Проф. Ге.—31. Пушкинъ въ изгнаніи. 32. Петръ I, допрашивающій царевича Алексѣя. 33. Екатерина у гроба Петра III. 34. Христосъ въ саду Гефсиманскомъ. 35. Портретъ А. С. Пушкина.

Крамской. — 36. Христосъ въ пустынѣ. 37. Созерцатель. 38. Сонъ въ майскую ночь (изъ Гоголя).

Клодтъ. — 39. Не доглядѣли. 40. Антикварій. 41. Царскій теремъ. 42. Прощанье.

Журавлевъ. — 43. Благословеніе къ вѣнцу. 44. Крикунъ. 45. Купальщица. 46. Мачиха.

Зичи. — 47. Зѣвака. 48. Фальставъ въ тюрьмѣ. 49. Нечего перекусить. 50. Кающійся монахъ.

Савицкій. — 51. Ремонтъ жел. дороги. 52. Съ нечистымъ водится. 53. Англичане въ Овернѣ. 54. Охотникъ. 55. Пожаръ въ деревнѣ.

Гунъ.—56. Самарка. 57. Одалиска.

Плѣшановъ.—58. Убіеніе царевича Димитрія.

Тютрюмовъ.—59. Нимфа. 60. Венера.

Литовченко.—61. Офелія. 62. Христосъ въ саду Гефсиманскомъ. 63. Іоаннъ Грозный и послы Англіи.

Васнецовъ.—64. За чаемъ. 65. Нищіе поютъ Лазаря.

Чистяковъ.—66. Бояринъ (имѣется и большой форматъ).

Прянишниковъ.—67. Французы въ 1812 г.

Саламаткинъ.—68. Поздравленіе съ нов. годомъ.

Лемохъ.—69. Старушка съ просвирой.

Корзухинъ.70. Бабушка и внучка. 71. Исповѣдь.
Келлеръ.—72. Ангелъ съ кадиломъ.
Мясоѣдовъ.—73. Мужикъ (этюдъ).
Богдановъ.—74. На взморьѣ. 75. У дилижанса.
Волковъ.—76. Зимній пейзажъ. 77. Лѣсъ зимою. 78. Болото. 79. Передъ ливнемъ.
Шишкинъ.—80. Песчаный берегъ. 81. Этюдъ лѣса.
Орловскій.—82. Коровы. 83. Сѣнокосъ. 84. Зимнее утро въ лѣсу.
Таубе.—85. Обгорѣлые пни.
Трутовскій.—86. Нищіе у церкви. 87. Отказъ жениху.
Лагоріо.—88. Замокъ Тамары.
И. Маковскій.—89. Нижній Новгородъ.
Брюловъ.—90. Аллея. 91. Лѣсъ.
Брандтъ.—92. Финскій пейзажъ.
Крачковскій.—93. Пейзажъ съ облаками. 94. Водяная мельница.
Пр. **Якоби.**—95. Привалъ арестантовъ (имѣется 3 форматовъ).
Пазетти.—96. Осень на Лахтѣ.

МАЛЫЙ ФОРМАТЪ.
(вдвое болѣе кабинетнаго.)
Наклеен.—75 коп. ненаклеен.—20 коп.

Якоби.—97. Свѣтлый праздникъ нищаго.
Беллоли.—98. Нимфа (съ рисунка).
Клодтъ.—99. Швея.
Поповъ.—100. Художникъ-любитель. 101. Балаганы. 102 Кормилица. 103. У фонтана. 104. Дѣти съ бабочкой. 105. Дѣвочка съ дровами. 106. Собаки и куры.
Тютрюмовъ.—107. Зима.
Келлеръ.—108. Св. Троица. 109. Благовѣщеніе.
Басинъ.—110. Александръ Македонскій. 111. Спаситель. 112. Богоматерь. 113. Апостолы Петръ и Павелъ. 114. Симеонъ Богопріимецъ. 115. Обрученіе Іосифа. 116. Благословеніе дѣтей. 117. Георгій Побѣдоносецъ. 118. Аполлонъ и музы.
Савицкій.—119. Дворикъ.
К. Маковскій.—120. Куры. 121. Русскіе типы.
Зичи.—122. Изъ Варфоломеевской ночи. 123. Продажа невольницы. 124. Швея.
Кошелевъ.—125. Разсказъ странницы. 126. Монахъ съ образками.
Лемохъ.—127. Семейное горе.
Чумаковъ.—128. Притча о богатомъ.
Киселевъ.—129. Пейзажъ.
Шарлеманъ.—130. Сцены изъ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» гр. Толстого (виньетка-попури). 131. Балъ на льду.
Трутовскій. — 132. Волокита. 133. Балаганъ. 134. Воры. 135. Масляница. 136. Возвращеніе съ сѣнокоса.
Максимовъ.—137. Разсказъ бабушки.
И. Соколовъ.—138. Пряха. 139. Пьяный. 140. Нищіе дѣти.
Крамской.—141. Охотникъ. 143. Портретъ художника Васильева. 143. Портретъ скульптора Антокольскаго.
К. Маковскій.—144. Разбитый горшокъ.
Брюловъ.—145. Дѣти, играющіе въ камешки.
Шварцъ. — 7 иллюстрацій къ «Князю Серебряному».
Е. Макаровъ. — 54 снимка съ акварелей, исполненныхъ на театрѣ войны 1877 г. для альбома Е. И. Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго.

За пересылку прилагается по таксѣ почтоваго сбора сообразно разстояніямъ: отъ 1 до 10 ненаклеенныхъ фотографій большого объема полагается на одинъ фунтъ; наклеенныхъ отъ 1 до 3 за одинъ фунтъ. Втораго и третьяго въ полтора раза болѣе. При этомъ прибавляется на упаковку не наклеенныхъ на 1 фунтъ 10 коп., наклеенныхъ 20 коп. Если будетъ выписано фотографій менѣе, чѣмъ на одинъ рубль, то они отправляются въ пакетѣ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 15-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 5 апрѣля въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 8 апрѣля въ 7 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Изъ Іеронима Лорма, стих. **Н. Гриднева.**— Поднесеніе адреса, сц. **Н. Д. Лейкина.**—Мѣста недавнихъ битвъ, очеркъ **В. И. Немировича-Данченко.**— На краю пропасти, пов. **Л. Гербетъ.**—Восьмая передвижная выставка, **Дилетанта.**—Естественныя богатства Россіи, ст. **Фон-Липхарта.**—Женщины-граверы.—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Отъ редакціи.— Объявленія.
Рисунки: Женская головка, карт. **Тофано.** — Уріель Акоста и Юдифь, карт. **Маврикія Готлиба.**—Порт. В. И. Главача, **гравюра г-жи Шлехта.** — Нищета, скульпт. **Френгелли.**—Буря въ полѣ, карт. проф. **А. И. Мещерскаго.**—Янычаръ и евнухъ, кар. **Б. Констана.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

Лечебницы Врачебной Общины:

1) Уголъ Невскаго и Большой Морской, домъ Росмонъ № 13—9 входъ съ Невскаго 2-й подъѣздъ.
2) Семіоновскій переулокъ домъ № 5.
3) Николаевская улица близь Разъѣзжей, домъ № 52.
4) Пески, уголъ 9-ой улицы и Дегтярной, домъ № 37—20.

Пріемъ приходящихъ больныхъ по всѣмъ спеціальностямъ ежедневно отъ 12 до 3 часовъ.
Общая Консультація врачей по Воскресеньямъ отъ 1 до 2 часовъ.
Ночное дежурство врачей отъ 10 часовъ вечера до 6 ч. утра.

СОЧИНЕНІЯ
А. МИХАЙЛОВА.
6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

НОВОСТЬ **КОСЫ** НОВОСТЬ
ШИНЬОНЫ, ЛОКОНЫ И БУФФОНЫ.
ИЗЪ РАСТИТЕЛЬНАГО ВОЛОСА
ПРИГОТОВЛЕНІЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННАГО СПОСОБА
ЕВГЕНІЯ ФЕВАЛЯ
легко, чисто, безвредно и дешево.
Косы отъ **1** рубля **75** коп. до **8** рублей.
Высылка по заказнымъ письмамъ и по присылкѣ образчика волосъ въ толщину спички и на почтовые расходы съ косы по 75 коп., 50 различныхъ тѣней.

ЕДИНСТВЕННЫЙ МАГАЗИНЪ
ПАРИЖСКИХЪ МОДЕЛЕЙ
ДАМСКИХЪ И ДѢТСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ
и
ВЫКРОЕКЪ.
ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ НА ПАРИЖСКІЕ МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ.
АГЕНТЪ ПАРИЖСКАГО МОДНАГО ДОМА
ДЕМОРЕСТЪ.
Книга съ картинками модъ Демореста.
Цѣна **75** коп., съ пересылкой **1** рубль.
С.-Петербургъ,
Невскій проспектъ, уголъ Новой улицы, домъ №75—2, кв. № 5.
ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА
КИРѢЕВСКАЯ.

У всѣхъ книгопродавцевъ продается новая книга
Н. А. ЛЕЙКИНА
МѢДНЫЕ ЛБЫ.
1880 г. около 300 стр., 65 разск. Ц. 1 р. 50 к., безъ пер.
Тамъ-же продаются слѣдующія книги
Н. А. ЛЕЙКИНА
СОВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ.
1880 г., около 300 стр. убористой печати, 72 разск. Ц. 1 р. 50 к. безъ перес.
Тамъ-же продаются слѣдующія книги
Н. А. ЛЕЙКИНА
НАШИ ЗАБАВНИКИ.
1879 г., 78 юмористическихъ разсказовъ, 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к.
РАДИ ПОТѢХИ.
1879 г., 63 юмор. разсказа, 308 стр. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.
НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ.
1879 г., 40 юмор. разск., 318 стр. Цѣна 1 р. 50 к.
ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.
(Изданіе 2-е дополненное).
1880 г., 87 юмор. разск., 320 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Лица, выписывающія не менѣе трехъ книжекъ отъ автора (С.-Петербургъ, Николаевская ул. № 48), за пересылку ничего не платятъ).

НОВОСТИ!!!
Изящные и практичные **ПОДАРКИ** для дѣтей и взрослыхъ.

Домашній фотографъ, которымъ каждый можетъ отпечатать любое количество картъ, портретовъ, рисунковъ и пр. Ц. (съ прилож. изящн. карточ., сдѣлан. эт. ап.) 2 р. 50 к., съ перес. 4 р. Любыя карточки дюж. 1 р., сотня 5 р. съ перес.
Рисовальный апаратъ, которымъ даже неумѣющій рисовать можетъ копировать съ соверш. точностью любые рисунки, дамскія рукодѣлія, узоры и пр. Ц. (съ прилож. способа умноженія посредств. сложенія) 1 р., съ перес. 2 р. Краски акварельн. и пастельныя съ руководствомъ 1 р. съ перес. за ящ.
Камера обскура для рисов. съ натуры 1 р., съ пер. 2 р.
Калиграфы, которыми дѣти скоро и легко выучиваются чистописанію безъ затраты бумаги. Ц. 1 р., съ перес. 2 р.
Гектографы, дающіе безъ труда 100 копій въ 10 мин. и замѣняющіе типо-и литографію; принятые многими казен. учрежд. и частн. лиц. Ц. со всѣми принадл. д. почт. бум. 3 и 6 руб., д. писчей б. 8 руб., д. нотъ 10 р., за перес. кажд. 1 р., д. развернут. листа писч. б. 12 р., перес. за 20 ф. Отдѣльно: копиров. масса—фунтъ 1 р. 25 к., 10 ф. 10 р., чернила—бан. 25 к., ф. 3 р. Составъ д. смыв. гектогр. черн.—1 р.
Моментальные переплеты дла писемъ, документ., иллюстрацій и пр. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Гг. торгующ. уступка. Адр. въ Центральное бюро объявленій и переводовъ Е. Зегимеля. Невскій пр., № 4. С.-Петербургъ.

Штемпеля наши не имѣютъ ничего общаго съ фабрикованными въ Москвѣ и въ Варшавѣ изъ какой-то клеевой массы.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ ФАБРИКА
ПАТЕНТОВАННЫХЪ
КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ
Германа Корнфельдъ въ С-Петербургѣ.
Лиговка, № 32.

Честь имѣю довести до всеобщаго свѣдѣнія, что каучуковые штемпеля, которые, благодаря своему превосходству, вездѣ, гдѣ они были испытаны, вытѣснили въ скоромъ времени всѣ гравированные; они отличаются: 1) чистотою оттиска; 2) невозможностью засоренія; 3) легкостью полученія, при самомъ сложномъ текстѣ и мелкости шрифтовъ, самыхъ изящныхъ оттисковъ, не уступающихъ типографскимъ, и 4) прочностью и дешевизною. Штемпеля эти исполняются, смотря по желанію: въ рамочкахъ, овалахъ, кругахъ, простымъ текстомъ, въ видѣ виньетокъ съ украшеніями всякаго рода, съ государственными гербами, вензелями, эмблематическими и другими изображеніями. Не смотря на громадное количество поступающихъ со всѣхъ сторонъ Россіи заказовъ, штемпеля исполняются вслѣдствіе значительнаго увеличенія состава фабрики, не менѣе быстро, какъ до сихъ поръ.
Иллюстрированные прейскуранты высылаются по востребованію.
Для городскихъ заказчиковъ — въ магазинѣ моемъ, находящемся на Михайловской, въ домѣ Европейской гостинницы, гдѣ принимаются заказы, можно видѣть и образцы всякаго рода каучуковыхъ штемпелей.

При этомъ нумерѣ прилагается первый двойной листъ II тома «Руководство къ Гигіенѣ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 апрѣля 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Томъ I. | Годъ VIII.

№ 17. На годъ съ пер. и дост.—7 руб. *Адресъ конторы редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ по 20 к. За полгода—4 руб. 19 Апрѣля 1880 года.

Слѣдующій 18 № „Живописнаго Обозрѣнія", выйдетъ 3-го Мая.

Зима.

Стих. **Дм. Черткова.**

Вьюга, мятели могучія, снѣжныя,
Думы тоскливыя, думы мятежныя,
Полныя грусти и полныя тьмы,—
Признакъ тяжелой, суровой зимы.

Снѣга летящія наземь волокна,
Хмурое небо и мерзлыя окна,
Тихо и мрачно въ морозной тиши,—
Грусть и страданье для бѣдной души.

Передъ дежурствомъ.

Рождественскій разсказъ **К. Баранцевича.**

I.

Короткій зимній день приближался къ концу. Сѣроватыя сумерки быстро окутывали улицы, на которыхъ кое-гдѣ уже зажигались фонари. Въ N департаментѣ чиновники собирались расходиться. По обыкновенію движеніе началось среди старшихъ. Сперва пронесся неясный, уловимый только для чиновничьяго слуха, шопотъ, что «самъ» уѣхалъ. Этотъ шопотъ произвелъ лихорадочное оживленіе среди мелкихъ сошекъ: какъ-то особенно шумно зашуршали листы различныхъ отношеній и предписаній, ожесточенно заскрипѣли перья, задвигались стулья. Но никто еще не трогался съ мѣста: всѣ ждали...

Но вотъ отворилась одна дверь и, словно тѣнь, прошелъ длинный и тощій, какъ высосанная спаржа, начальникъ отдѣленія. За нимъ съ портфелемъ у сердца промчался другой начальникъ отдѣленія, за этимъ утиной походкой проковылялъ третій...

А сошки все еще скрипѣли перьями, но этотъ скрипъ былъ такимъ яростнымъ, что явно указывалъ, до какой степени каждому изъ скрипѣвшихъ хотѣлось быть поскорѣе дома въ этотъ день кануна Рождества.

Стали уходить столоначальники. Но съ этими уже мало церемонились. Теперь никто не сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; всѣ встали. Кто убиралъ дѣла, кто пряталъ въ ящикъ перья и ножички, кто закурилъ папироску, кто стоялъ у окна и созерцалъ грязный казенный дворъ.

Вошелъ экзекуторъ.

— Г. Ставочкинъ здѣсь?

— Здѣсь, уныло отозвался стоявшій у окна молодой человѣкъ, худой, высокій, съ жидкими прядками бѣлобрысыхъ волосъ и съ длиннымъ меланхолическимъ посомъ.

— Вы знаете, вы сегодня дежурный.

— Знаю, коротко отозвался тотъ и подумалъ: «чортъ бы тебя побралъ, жирная скотина, въ самый канунъ дежурнымъ назначилъ».

Экзекуторъ повертѣлся еще немного, зачѣмъ то понюхалъ воздухъ и вышелъ.

Комната стала пустѣть. Уходила самая мелкота, въ числѣ которой задумчиво спускался по лѣстницѣ и Ставочкинъ.

— Что, братъ, Ставочкинъ, дежурный? раздался около него пискливый голосокъ маленькаго прыщеватаго юноши.

— Ну да. А тебѣ что? сердито обернулся тотъ.

— А то, что дашь рубль, такъ отдежурю.

— Ишь ты какой.

— Да что, какой? Меньше не возьму. Самъ знаешь, праздникъ. Я сегодня въ одно семейство приглашенъ. Гости будутъ, теперь дѣвицъ пропасть... Веселье да и только.

— Ну и чортъ съ тобой, веселись.

— Да я не къ тому, а вотъ, дашь рубль...

— Отстань ты ради Бога. И безъ тебя тошно. Нѣтъ у меня рубля.

— А нѣтъ, такъ и говорить съ тобой нечего. Юноша, насвистывая, покатилъ по лѣстницѣ, прыгая черезъ нѣсколько ступенекъ, а Ставочкинъ медленно сошелъ внизъ, медленно натянулъ свое плохое ватное пальтишко и вышелъ на улицу.

II.

Навязчивый юноша не на шутку разсердилъ Ставочкина.

— Рубль, ворчалъ онъ, тщетно пытаясь спрятать свой длинный носъ въ воротникъ пальто,—откуда я его возьму, коли ужъ Феклѣ задолжалъ за комнату. Вонъ въ оперу, въ парадизъ собираюсь второй годъ и все попасть не могу. А тутъ рубль! Да найди я сейчасъ канарeечную, ни за что бы не пошелъ на дежурство. Ну рубль, положимъ, мало, а вотъ еслибъ сотняжку гдѣ нибудь этакъ въ снѣгу. Сейчасъ бы я... Нѣтъ, пожалуй, чтобы поправиться, какъ слѣдуетъ, выѣхать изъ этой норы, понашить платья,—сотни мало. А что, если бы вотъ я теперь иду и вдругъ... красный, сафьяновый, туго набитый бумажникъ. Открываю—и все Катерины, все Катерины. И этакъ много ихъ, тысячъ на двадцать, что-ли! Эхъ! Сейчасъ извощика...

— Куда прикажите? откликнулся стоявшій на углу съ завязанными отъ мороза ушами «ванька». Ставочкинъ сердито оглянулся и перебѣжалъ на другу сторону,

— А куда бы тогда отправиться, продолжалъ онъ размышлять,—въ ресторанъ? Нѣтъ, въ ресторанъ опасно: сталъ бы расплачиваться, увидѣли бы много денегъ, сообразили бы по платью, и готовъ голубчикъ. Нѣтъ, лучше домой. Феклѣ сказать, что получилъ награду и велѣть ей накупить закуски и шампанскаго. Нужно-же вспрыснуть находку!

Ставочкинъ какъ разъ въ это время проходилъ мимо фруктовой лавки и остановился у ярко освѣщенного окна, въ которомъ были выставлены предметы гастрономіи.

— Развѣ вотъ эту рыбу, подумалъ онъ, впиваясь жадными глазами въ громадную заливную форель,—или пулярдку, тоже, должно быть, канальски вкусная штучка... А балыкъ-то, балыкъ каковъ! Впрочемъ, можно и то, и другое, и третье. Слава Богу, двадцать тысячъ деньги не маленькія. Потомъ сейчасъ бы съѣхалъ на другую квартиру: этотъ проклятый сосѣдъ съ его скрипкой просто до точки доводитъ. Снять хорошенькую, уютную квартирку, устроить приличную обстановку, а тамъ можно подумать и о женитьбѣ. Хорошо бы, конечно, взять съ приданымъ, ну да съ деньгами это будетъ нетрудно. А тамъ и службу къ чорту. Слуга покорный, послужилъ, помаялся на 15 руб. жалованья.

III.

Мечтая, онъ дошелъ до набережной Невы и, перейдя спускъ, пошелъ по льду. Все пространство Невы было окутано зимними сумерками; кое-гдѣ по дорогѣ одинокими точками свѣтили фонари. Вѣтеръ поднималъ снѣжную пыль и несъ ее въ лицо пѣшеходу, залѣпляя глаза и уши.

— Да, недурно все это, продолжалъ размышлять Ставочкинъ,—а каково было бы тому, кто потерялъ эти деньги. Можетъ быть, и не свои вовсе, а поручено ему было снести куда-нибудь, а самъ-то онъ, можетъ быть, такой же бѣднякъ, какъ и я, да еще семейный. А тѣ-то не повѣрятъ, что потерялъ, подумаютъ укралъ, ну и попадетъ на скамью подсудимыхъ, а тамъ—въ Сибирь. А другой ни слова никому не скажетъ, а пойдетъ на Неву, да въ полынью внизъ головой—и прощай жизнь.

Ставочкинъ оглянулся и такъ ему это показалось страшно, что даже мурашки пробѣжали по спинѣ.

— А дома бѣдная жена и дѣти ждутъ, не не дождутся. А человѣка все нѣтъ да нѣтъ. А тамъ, глядишь, въ полицейскихъ: «выплыло» молъ «мертвое тѣло неизвѣстнаго званія мужчины».

— Берегись! раздалось надъ самымъ его ухомъ и какая-то страшная, сопящая, съ раздутыми ноздрями и пѣной на губахъ морда метнулась ему въ глаза.

Ставочкинъ едва успѣлъ отскочить, какъ мимо него пронеслась пара горячихъ рысаковъ, запряженная въ сани съ богатой медвѣжьей полостью. Ставочкину кинулось въ глаза хорошенькое личико молодой женщины и затѣмъ только снѣжная пыль столбомъ закрутилась сзади.

— Скотъ, мерзавецъ! бросился онъ за санями, сжавъ кулаки и потрясая ими въ воздухѣ, но тѣ были уже далеко.

— Этакая свинья, ругался Ставочкинъ,—сидитъ себѣ и не видитъ, что чуть не задавилъ; да еще безнаказанно, потому, кто его тутъ поймаетъ. А та-то, барыня, и не пикнетъ, точно такъ и надо. Еще бы, станутъ они обращать вниманіе. Небось, въ оперу торопится: Капуль поетъ, какъ-же можно опоздать. А что, однако,

еслибы кучеръ меня задѣлъ? Упалъ бы безъ чувствъ, да такъ бы, пожалуй, и замерзъ. Ну, а если бы такъ случилось, что онъ не очень бы сильно задѣлъ, даже совсѣмъ безопасно. Я бы упалъ, крикнулъ, барыня услышала бы мой крикъ, велѣла кучеру остановиться, и какъ знать, можетъ быть, это повліяло-бы на мою судьбу? Можетъ быть, при посредствѣ ея я бы досталъ хорошенькое мѣстечко, этакъ примѣрно съ 3-хъ тысячнымъ окладомъ въ годъ. А, можетъ быть, даже было бы лучше... Какъ знать, мало-ли что случается, да, наконецъ, я не уродъ какой-нибудь.

Но тутъ мечты его прервались. Онъ очутился во дворѣ дома, въ которомъ жилъ.

IV.

При входѣ въ свою комнату Ставочкинъ скорчилъ гримасу, до такой степени обстановка ея не гармонировала съ тѣмъ, что нѣсколько времени тому назадъ рисовало ему его воображеніе.

Комнатка вся была сажени полторы въ квадратѣ: у одной стѣны стоялъ продавленный старомодный диванъ, замѣнявшій кровать, у другой—маленькій столъ и пара стульевъ. Больше мебели не полагалось, стѣны были совершенно голы.

— Что-жь это ты такъ поздно? привѣтствовала его старая толстая баба, внося въ комнату тарелку дымящихся щей,—награду, что-ли получали?

Ставочкинъ молча принялся за щи.

— Каша-то маленько пригорѣла, сообщила баба, стоя у притолки и наблюдая, какъ быстро работали челюсти постояльца и одинаково быстро исчезали щи.

— Ничего, тащи.

Баба принесла кашу. Ставочкинъ живо очистилъ тарелку и, закуривъ папироску, искоса взглянулъ на хозяйку.

— Вотъ что Фекла, я тебѣ, кажется, сотню разъ говорилъ, что мой желудокъ не выноситъ ни твоихъ щей, ни каши.

Баба во всѣ глаза смотрѣла на постояльца, откуда, молъ, онъ этакой прыти набрался.

— Я какъ поѣмъ, такъ и чувствую, что у меня будто свинецъ на желудкѣ. А ты меня вотъ уже вторую недѣлю пичкаешь.

— Посмотрю я на тебя, Герасимъ Андреичъ, заговорила баба, качая головой,—привередникъ ты сталъ большой, охъ, какой привередникъ. И то не ладно, и то не годится, а глядишь, щей-то ложки не осталось и кашу всю до чиста сгребъ.

— Сгребъ! Будешь всякую дрянь ѣсть, коли голоденъ.

— И ѣшь, нечего привередничать. А не нравится тебѣ харчъ, ищи другую комнату, вотъ тебѣ весь сказъ, отрѣзала баба и повернулась уходить.

— Постой, постой, куда ты, забезпокоился Ставочкинъ—я вѣдь не то что, я прошу, понимаешь, прошу... Ну, а не можешь, такъ что-жь дѣлать... Да вотъ что, Фекла голубушка, я сегодня дежурный, теперь лягу отдохнуть, а ты меня черезъ часикъ разбуди. А?

— Ладно ужь, разбужу.

Баба вышла, а Ставочкинъ бросилъ папироску, снялъ сюртукъ, сапоги и легъ на диванъ.

V.

Но только что онъ задремалъ, какъ услышалъ, что въ передней громко хлопнула дверь и чей-то знакомый голосъ назвалъ его фамилію.

— Дома, дома, послышался отвѣтъ Феклы и по коридору раздались шаги.

Ставочкинъ вскочилъ съ дивана и только что успѣлъ обуться и надѣть сюртукъ, какъ въ дверяхъ появилась лысая, лоснящаяся фигура экзекутора.

У Ставочкина вытянулось лицо отъ удивленія и опасенія, что не случилось-ли что по службѣ.

— Садитесь, пожалуйста, пригласилъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ некогда, отвѣчалъ тотъ,—очень радъ, что засталъ васъ. Видите-ли въ чемъ дѣло-съ. Сегодня у его пр-ва елка, будетъ много гостей, будутъ танцы. А играть-то некому. Постоянный таперъ его превосходительства заболѣлъ, а взять какого-нибудь съ вѣтру они не хотятъ, вдругъ между гостями будетъ шататься этакій какой-нибудь человѣчекъ въ засаленномъ сюртучкѣ. Такъ вотъ я и посовѣтовалъ его превосходительству... Вы вѣдь играете на роялѣ?

— Играю, отвѣчалъ Ставочкинъ съ нѣкоторой дрожью въ голосѣ. Онъ какъ бы предчувствовалъ, что сейчасъ для него должно произойдти нѣчто необычайное и очень хорошее.

— Такъ вотъ я васъ и предложилъ.

— Меня? Играть у... его... превосходительства?

— Ну да, что-же вы удивляетесь?

— Смѣю-ли я?..

У Ставочкина даже духъ захватило.

— Ха, ха, ха, расхохотался экзекуторъ,—да знаете-ли вы, что его превосходительство такъ ухватился за эту идею, что немедленно приказалъ мнѣ разыскать васъ во что-бы то ни стало и просить, слышите-ли, просить пріѣхать къ нему. Счастливчикъ вы, больше ничего!

— Я... я... что-жь, мнѣ это очень пріятно... я душевно благодарю за честь... но я давно не игралъ...

— О, это пустяки, вскричалъ экзекуторъ,—вѣдь это елка, дѣтскій балъ, тутъ даже и нотъ не нужно, такъ что-нибудь, вальсъ, тамъ, что-ли, или польку. Что нибудь этакое!..

Экзекуторъ пустилъ щелчокъ въ воздухъ, чтобы наглядно показать, какіе пустяки придется играть Ставочкину.

— Но вѣдь я сегодня дежурный.

— Ха, ха, ха, покатился экзекуторъ,—чудакъ молодой человѣкъ! Если васъ проситъ къ себѣ его превосходительство, такъ ваше дежурство, что такое ваше дежурство? Ну да нечего, времени немного, меня извощикъ ждетъ, поѣдемте.

— Сейчасъ, сейчасъ!

Ставочкинъ бросился къ чемодану, вытащилъ оттуда свою праздничную сорочку и новую пару и живо переодѣлся.

Они вышли на улицу, сѣли въ сани и поѣхали.

VI.

Дорогой Ставочкинъ былъ, какъ въ чаду. Порою онъ думалъ, что не грезитъ-ли, такъ все это было неожиданно и чудесно, но онъ видѣлъ себя ѣдущимъ на извощикѣ рядомъ съ экзекуторомъ, видѣлъ улицы, прохожихъ и долженъ былъ сознаться, что не грезитъ.

Вскорѣ извощикъ остановился у подъѣзда шикарнаго дома, цѣлый этажъ котораго былъ ярко освѣщенъ. У подъѣзда уже стояли кареты, собирались кучки любопытныхъ, расхаживали городовые.

Внушительный швейцаръ съ булавою распахнулъ имъ двери и они стали подниматься по лѣстницѣ, устланной широкимъ пушистымъ ковромъ, уставленной статуями и вазами съ тропическими растеніями. На площадкѣ стояли въ рядъ лакеи въ красивыхъ ливреяхъ и при ихъ проходѣ отдали имъ почтительный поклонъ. Промелькнула передняя во вкусѣ Louis XIV съ масивной рѣзной мебелью и вотъ они вступили въ залъ. Яркій свѣтъ огней, отражавшихся въ хрустальныхъ подвѣскахъ люстръ и канделябровъ, ослѣпилъ Ставочкина, сановники въ орденахъ и звѣздахъ, роскошно разодѣтыя дамы и дѣти, двигавшіеся по залѣ, привели его въ неописанное смущеніе.

У него закружилась голова и онъ остановился на порогѣ, не смѣя ступить шагу далѣе. И вдругъ онъ увидѣлъ, что изъ толпы, прямо на него, идетъ его превосходительство. У Ставочкина поджилки затряслись и въ глазахъ помутилось.

— Вы г. Ставочкинъ?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство, пролепеталъ тотъ.

Директоръ протянулъ ему руку. Ставочкинъ внѣ себя, какъ можно деликатнѣе коснулся ея.

— Очень пріятно познакомиться, заговорилъ директоръ,—я и не зналъ, что у меня въ департаментѣ артистъ. Это дѣлаетъ вамъ честь, молодой человѣкъ. Такъ вотъ вы намъ сыграете что-нибудь, не теперь, конечно, а попозже. Теперь вы мой гость, а потому прошу не стѣсняться. Смѣлѣе, смѣлѣе, молодой человѣкъ.

Директоръ одобрительно похлопалъ его по плечу и отошелъ, а Ставочкинъ смѣшался съ толпою гостей и принялся разсматривать убранство комнатъ.

Вскорѣ оживленное настроеніе гостей сообщилось и ему. Онъ даже рѣшился зайдти въ буфетъ и выпить рюмку вина. Это вино, должно быть, очень дорогое, оказало на немъ свое вліяніе. Ставочкинъ повеселѣлъ.

— Ну что-жь, думалъ онъ,—попалъ сюда, значитъ, я имъ нуженъ, нечего дичиться да прятаться. Его превосходительство самъ сказалъ, что я гость, ну и буду гостемъ.

Въ это время проходитъ директоръ подъ руку съ молодой дѣвушкой, одѣтой въ роскошное газовое, съ золотистыми блестками платье. Ставочкинъ взглянулъ на дѣвушку и обомлѣлъ. Это была та самая особа, кучеръ которой чуть не сшибъ его на Невѣ.

Директоръ подошелъ къ нему.

— Моя дочь, Ольга, отрекомендовалъ онъ дѣвушку,—страстная музыкантша, и, обратясь къ дочери, прибавилъ:—г. Ставочкинъ, чиновникъ моего департамента. Вотъ поговори-ко съ нимъ, mon ange, вы вѣдь оба должны любить музыку.

VII.

Когда отецъ отошелъ, Ольга сдѣлала знакъ Ставочкину и отвела его къ окну, стоявшій около котораго трельяжъ совершенно скрылъ ихъ отъ глазъ постороннихъ.

— Такъ вы музыкантъ? спросила Ольга, поднявъ на него свои лукавые, черные глазки.

— Да-съ, я играю.

— Т. е. играете только, или любите музыку.

— И играю, и люблю. Серьезную преимущественно.

— Ахъ, вообразите, и я тоже. Но здѣсь негдѣ наслаждаться серьезной музыкой.

— Это правда, зато вы играете сами.

— Очень мало. Намъ, свѣткимъ дѣвушкамъ, почти нѣтъ никакой возможности серьезно заниматься музыкой. Мнѣ кажется, что ваше положеніе лучше, у васъ вечера хоть свободны.

Конечно, Ставочкинъ ни за что бы не сказалъ, какъ онъ пользуется своими свободными вечерами, лежа до одуренія на диванѣ и развлекаясь бесѣдами съ Феклой, почему онъ отвѣтилъ только:

— Да, да.

— Вы что-нибудь разучиваете теперь? спросила Ольга.

Ставочкинъ подумалъ и назвалъ трудъ одного извѣстнаго композитора.

— А, это очень интересно. Да что-же мы тутъ. Пойдемте ко мнѣ, я вамъ покажу свой рояль, вы сыграете что-нибудь.

Ставочкинъ поклонился, они встали и, пройдя рядъ комнатъ, очутились въ уютной голубой гостиной, гдѣ стоялъ великолѣпный рояль съ изящными инкрустаціями.

Ставочкинъ сѣлъ за рояль, Ольга стала напротивъ и, облокотясь на крышку, до самаго лок-

тя обнажила прелестную, маленькую, почти дѣтскую ручку.

Ставочкинъ началъ какую-то сонату.

Ольга все время смотрѣла на него почти въ упоръ и, взглядывая на нее по временамъ, Ставочкинъ замѣчалъ, какъ волновалась ея грудь и какъ то загорались, то потухали ея глаза.

Эта игра взглядовъ смущала его, странныя мысли приходили ему въ голову, несбыточныя надежды закрадывались въ душу. Онъ не смотрѣлъ на ноты, словно какая-то необычайная сила приковывала его къ этой дѣвушкѣ.

— Ага, вы ошиблись, вы ошиблись, вскричала она съ дѣтской наивностью и, шаловливо ударивъ его вѣеромъ по плечу, прибавила:—дайте, я сыграю одну вещь, вы ее еще не слыхали. Это новый, нарождающійся талантъ.

Она сѣла къ роялю и вдругъ лицо ея преобразилось: изъ дѣтски наивнаго и плутоватаго оно сдѣлалось серьезнымъ, почти строгимъ.

Она дотронулась до клавишъ и отъ первыхъ же акордовъ Ставочкинъ почувствовалъ, что у него словно что всколыхнулось въ душѣ. Ему вдругъ стало необыкновенно легко и отрадно, словно какой-то тяжелый гнетъ свалился съ него, словно какія-то оковы распались.

А звуки все лились и лились и чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше хорошее, милое чувство росло и ширилось въ душѣ его.

Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, не смѣя шевельнуться, не смѣя дышать, и только слушалъ.

А она все играла...

Забытыя, милыя картинки безпечальнаго дѣтства золотой вереницей потянулись передъ нимъ.. Вотъ ласковое, безконечно милое лицо матери, склонившееся надъ его колыбелью... Вотъ въ широкомъ чепцѣ доброе лицо старухи-няньки, нѣжно гладившей его по головѣ своей морщинистой рукой и напѣвавшей нѣкогда:

Будешь въ золотѣ ходить,
Чисто-сѣребро носить...

Вотъ еще много дорогихъ, милыхъ лицъ, вызванныхъ изъ забытыхъ могилъ святыми звуками пѣсни...

А она все играла.

О, зачѣмъ, зачѣмъ вы покинули меня добрыя, дорогія существа, зачѣмъ вы оставили меня одного среди волнъ житейскаго моря бороться и изнемогать и снова бороться безъ конца, безъ надежды! Зачѣмъ только въ звукахъ проноситесь вы передо мной, будя уснувшія воспоминанія, бередя раны моего сердца!

Крупныя слезы, вмѣстѣ горькія и отрадныя струнлись по его щекамъ.

А она все играла и въ этихъ чудныхъ звукахъ слышались и слова прощенія, и вѣчнаго мира, и покоя, и мольбы, и бурные восторги любящаго сердца.

— Вы генiй! вскричалъ Ставочкинъ, не могши болѣе удерживать порыва чувствъ,—скажите, ради Бога, скажите мнѣ имя этого человѣка.

— Это я, отвѣчала Ольга.

— Вы!

Онъ бросился передъ ней на колѣни.

— Слушайте, слушайте, что я вамъ скажу... Вы раскрыли мнѣ душу этой пѣсней. Смотрите, читайте въ ней!.. Я не то, что вы думаете .. Я не жалкій чиновникъ, я не карьеристъ, мой кумиръ не золотой телецъ .. Я задавленъ нуждою, многаго во мнѣ уже нѣтъ, душа глохнетъ, но въ ней еще есть искра Божья, она способна еще отозваться на все святое и прекрасное, и если вы поглубже заглянете въ нее, вы меня не будете презирать, не будете смотрѣть на меня, какъ на нѣчто пресмыкающееся у вашихъ ногъ, вы будете меня жалѣть.

— Нѣтъ, сказала она,—больше! Я буду васъ любить!

Онъ схватилъ ея руку и сталъ покрывать поцѣлуями. Она склонилась къ нему, взгляды ихъ встрѣтились и что-то вдругъ зажглось у ней въ глазахъ и, подобно электричеству, перешло къ нему...

У него вдругъ закружилась голова и онъ почувствовалъ, какъ какая-то раздражающая сладость прошла по всему тѣлу, потрясла весь его организмъ...

VIII.

— Да, ну-же, да вставай! раздалось надъ самымъ его ухомъ и въ ту-же минуту онъ почувствовалъ, какъ чей-то мощный кулакъ тыкалъ его въ бокъ.

Онъ вскочилъ и сѣлъ на диванъ.

За стѣнкой сосѣдъ яростно пилилъ на скрипкѣ гамы, оплывавшій сальный огарокъ освѣщалъ грязную фигуру Феклы.

— Чтой-то, ей Богу, будишь, будишь не добудишься... Въ дежурство, говорю, пора, а онъ брыкается да кричитъ: «зачѣмъ дежурство»? Вонъ, гляди-ко, скоро семь часовъ, вотъ, погоди ужо, зададутъ гонку.

Ставочкинъ схватилъ себя за голову.

— И впрямь надо быть отъ каши, ворчала Фекла,—ну, вотъ ровно мертвый!.. Спитъ себѣ только, хоть что хошь. Ужь я водой хотѣла, ей Богу, водой.

— Убирайся ты прочь! крикнулъ Ставочкинъ въ озлобленіи.

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича.**

(*Продолженіе.*)

VII.

Женскій и мужской элементы въ народной пляскѣ.—Первообразъ плясовой игры по тексту пѣсни.—Пластическія особенности женской и мужской плясокъ.—Русская пляска по характеристикѣ поклонниковъ народности.

Весьма характеристично, что въ народной пѣснѣ, когда рѣчь заходитъ о хороводѣ и пляскѣ, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствующимъ лицомъ является «красная дѣвица», женщина. «Удалый-же молодецъ» присутствуетъ здѣсь либо въ качествѣ восхищающагося дѣвичьей граціей зрителя, либо служитъ музыкантомъ, подъ игру котораго и происходитъ пляска.

Такое распредѣленіе ролей между двумя полами въ плясовой игрѣ обозначено въ одной пѣснѣ весьма опредѣленно, въ смыслѣ какъ-бы общаго неизмѣннаго правила.

Какъ-то «съѣзжались господа изъ семидесяти городовъ» для большого и мудренаго дѣла, а именно: срубили они «яблоньку подъ самый корешокъ», напилили изъ нея досокъ и соединенными силами и искуствомъ смастерили изъ нихъ «гусли звончаты». Конечно, гусли тотчасъ-же получили должное назначеніе, но тутъ возникъ весьма существенный вопросъ:

«Кому поиграть въ гусли?
Кому поплясать будетъ?»

И пѣсня даетъ отвѣтъ, не задумываясь, и съ такой увѣренностью, которая не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ правильности принятаго рѣшенія:

«Играть въ гусли молодцу,
Плясать красной дѣвицѣ.»

Пѣсня въ этомъ случаѣ совершенно сходится съ дѣйствительностью относительно участія двухъ половъ въ музыкальномъ искуствѣ. Какъ извѣстно, въ народномъ бытѣ игра на музыкальныхъ инструментахъ — дѣло, по преимуществу, мужское и такъ какъ она служитъ тамъ исключительно для акомпанимента или пѣнію, или пляскѣ, не имѣя самостоятельной функціи, то этимъ и объясняется вполнѣ оговоренное пѣсней распредѣленіе участія мужчины и женщины въ «игрищѣ». Есть тутъ еще одно обстоятельство, вытекающее изъ натуры отношенія половъ и изъ поэтическаго воззрѣнія на женщину и на ея красоту.

Пластическая прелесть женскихъ формъ, женской граціи, всего ярче, полнѣе и обольстительнѣе выказывается при движеніи—въ походкѣ и въ ея наиболѣе выразительномъ видоизмѣненіи—пляскѣ. Отсюда самое любимое сравненіе на народномъ языкѣ хорошенькой женщины съ «лебедью бѣлой», съ «павой», съ «утицей», характеризующихъ своей красивой, плавной посадкой въ походкѣ или въ плаваніи, женскую грацію въ моменты движенія. Отсюда «красная дѣвица», инстинктивно сознавая, въ чемъ именно наиболѣе чарующая власть ея внѣшности въ глазахъ мужчинъ, желая показать себя передъ ними во всей красѣ, понравиться и пококетничать, начинаетъ «ходить» въ хороводѣ или плясать. И смотрите, какое впечатлѣніе производитъ ея выходъ и ея пляска!

«Вышла на улицу Маша,
Заиграла вся улица наша!
Она стала плясать:
Парни пѣсни играть,
А сѣдые старики
Да подмигивати,
А молодые мужики
Ногой подергивати...»

Отсюда, наконецъ, самое сближеніе между молодцемъ и дѣвицей, по смыслу народной пѣсни нерѣдко начинается съ музыки и пляски. Добръ-удалъ молодецъ является на игрище съ гуслями и, играя на нихъ, ходитъ, отыскиваетъ себѣ по сердцу «ладу», которой-бы и онъ самъ приглянулся:

«Заигралъ милый въ гусли,
Какъ струна струнѣ молвитъ:
Пора молодцу жениться...»

Музыка въ этомъ случаѣ является однимъ изъ средствъ ухаживанія и обольщенія со стороны мужчины *). (Вспомнимъ аналогическое явленіе, напр., въ жизни пѣвчихъ птицъ, у которыхъ самцы привлекаютъ самокъ своимъ пѣніемъ). Молодецъ обходитъ въ хороводѣ кругъ дѣвицъ, играетъ и «бьетъ челомъ», какъ поется въ одной пѣснѣ, сперва передъ молодой вдовой, проситъ ее поднять его «шапку-мурманку», но терпитъ для перваго разу неудачу:

«Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя»,

отвѣчаетъ ему вдова, на которую раззадоривающая игра молодца на гусляхъ не производитъ уже увлекательнаго впечатлѣнія. Молодецъ не унываетъ, идетъ дальше и, наконецъ, находитъ «душу-дѣвицу», воспламеняетъ ея сердце своей музыкой и тутъ-то начинается хореграфическій «пантомимъ любви», говоря терминомъ книжной поэзіи. Бойко зазвенѣли «золотыя струны» подъ умѣлыми пальцами игреца... Дѣвица встрепенулась, выступила и начала пляску, съ каждымъ моментомъ все болѣе и болѣе оживляющуюся и постепенно переходящую въ страстное увлеченіе. Чувство, одушевляющее плясунью, она высказываетъ въ пѣснѣ такимъ образомъ:

«Молодой въ гусли заигралъ;
Мое сердце радо, радо,
Скоры ноги расплясались,
Руки бѣлы размахались,
Очи ясны разглядѣлись...»

Такъ бываетъ и на самомъ дѣлѣ въ народныхъ игрищахъ — на деревенскихъ «бесѣдахъ», «посидѣнкахъ», «вечерницахъ» и проч.

«Въ около-московскихъ селеніяхъ мнѣ случалось видѣть, разсказываетъ Сахаровъ, что доб-

*) Это прекрасно выражено въ одной пѣснѣ: Иванъ-молодецъ, собираясь идти «съ дѣвками гулять», беретъ гусли и налаживаетъ ихъ:

«Звончатыя гусли-мысли принаравливаетъ,
Взыграйте гусли-мысли!»

рый молодецъ ходитъ въ хороводъ съ балалайкою... Въ тульскомъ уѣздѣ въ хороводѣ участвуютъ три лица: молодецъ, вдова и дѣвица. По окончаніи первой половины пѣсни вдова, отверженная мірскимъ совѣтомъ (?), выходитъ изъ хоровода; дѣвица-же остается до конца игры».

Хотя въ пѣснѣ совершенно вѣрно и точно воспроизведенъ первообразъ сцены заигрыванья при посредствѣ музыки, разрѣшающагося пляской, но, конечно, на практикѣ дѣло происходитъ съ различными видоизмѣненіями и отступленіями. Поэтическія гусли, напр., почти забыты въ настоящее время; самая возбуждающая къ пляскѣ музыка вовсе не обязательна для молодца: она специализируется въ обособленное искуство или «хитрость» нарочитыхъ «умѣльцевъ», для которыхъ служитъ уже професіей. Оттого, во многихъ мѣстностяхъ парни, отправляясь на вечеринки и желая угодить дѣвушкамъ, развеселить ихъ и заохотить къ пляскѣ, нерѣдко приводятъ съ собою наемныхъ музыкантовъ. Впрочемъ, въ каждой деревнѣ, въ средѣ самой молодежи всегда есть нѣсколько любителей-искустниковъ играть на балалайкѣ, на дудкѣ, на бубнѣ, на скрипкѣ или, по нынѣшнему, чаще всего на модной гармоникѣ... Тѣмъ не менѣе психическая сущность пляски, въ ея драматическомъ движеніи и развитіи, остается неизмѣнной при всякихъ условіяхъ. Какъ намѣчено пѣснью, всегда охота къ пляскѣ и увлеченіе ею возбуждаются съ наибольшей экспресіей чувствомъ полового различія, загорающимся въ моменты взаимнаго ухаживанія и заигрыванья парней и дѣвушекъ. Точно также неизмѣнно всегда царитъ въ пляскѣ женщина, придавая ей ту чарующую прелесть и ту разъимчивую, хватающую за сердце страстность, ощущеніе которыхъ заставляетъ мужиковъ «ногой подергивати» и даже «сѣдыхъ стариковъ» похотливо глазами «подмигивати». Въ этомъ отношеніи пляска является, по преимуществу, женской стихіей, въ которой пластическое выраженіе красоты женскаго тѣла, согрѣтаго огнемъ эротической страсти, достигаетъ самой высшей полноты и яркости. Это превосходно угадано класическими греками, олицетворившими, такъ сказать, поэзію человѣческаго тѣла, именно, въ женскомъ образѣ грацій и притомъ въ моментъ пляски.

Наши деревенскія плясуньи, не имѣя никакого понятія ни о класицизмѣ, ни о класическихъ граціяхъ, инстинктивно чувствуютъ, однако, эту поэзію своего тѣла, стараются возможно ярче, смотря по умѣнью, проявить ее въ пляскѣ и воспользоваться ея впечатлѣніемъ на мужчинъ.

«Передъ мальчиками
Хожу пальчиками;
Передъ старыми людьми
Хожу бѣлыми грудьми»,

говоритъ въ пѣснѣ плясунья, высказывая этимъ и сердечное вожделѣніе, какъ цѣль своей пляски, и кокетливое сознаніе плѣнительной силы своего тѣла и своей граціи въ моментъ пляски.

Повторяемъ, что пляска, когда она не является, какъ въ цивилизованномъ обществѣ, условнымъ, вложившимся въ разъ установленныя формы развлеченіемъ, а подчиняется своей непосредственной психической стихіи, возникшей изъ натуры любовныхъ отношеній половъ, всегда слѣдуетъ тому процесу, который такъ опредѣленно обозначенъ въ народной пѣснѣ.

Обыкновенно, при началѣ игрища, въ разгаръ ухаживанья, подъ раззадоривающіе звуки бойкой плясовой пѣсни или ея мотива, наигрываемаго на «гусляхъ звончатыхъ», либо на другомъ какомъ инструментѣ, выступаетъ въ кругъ, если не наиболѣе искустная, то наиболѣе впечатлительная плясунья и начинаетъ «ходить» «передъ мальчиками—пальчиками, передъ старыми людьми—бѣлыми грудьми»... Смотря по настроенію «бесѣды», плясовая страсть мало-по-малу сообщается всѣмъ ея участникамъ. За первой плясуньей выступаетъ другая, третья; наконецъ, къ нимъ присоединяются всѣ дѣвушки, а частью и парни, и образуютъ стройно вьющійся кругъ. Къ пляскѣ никто изъ участвующихъ въ игрищѣ не остается равнодушенъ; но степень этого участія со стороны мужчинъ и женщинъ различна, смотря по мѣстностямъ. Есть мѣстности, гдѣ на игрищахъ парни присутствуютъ только въ качествѣ зрителей: поютъ и пляшутъ однѣ только дѣвушки. Одинъ этнографъ, описывая «посидѣнки» въ сѣверныхъ губерніяхъ, удостовѣряетъ, что участіе парней на нихъ бываетъ большею частью «пасивное»: они только смотрятъ на поющихъ и пляшущихъ дѣвушекъ, посылая въ ихъ кругъ «остроты, иногда довольно острыя, но больше сальныя». Въ другихъ мѣстностяхъ, во время хороводной игры даже мужскую роль жениха или мужа исполняетъ одна изъ дѣвушекъ, для чего надѣваетъ на голову шляпу.

Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ мужчины принимаютъ дѣятельное участіе въ хороводахъ и пляскахъ. Вотъ образчикъ народной пляски, по описанію Рогова, близко изучившаго бытъ пермяковъ: «одна или двѣ дѣвушки встаютъ и начинаютъ бѣгать (ходить) одна за другою кругомъ по избѣ. Къ нимъ присоединяются постепенно прочіе любители пляски: дѣвки, холостые и женатые парни; составляется такимъ образомъ кругъ, который или весь движется въ одну сторону, или одна его половина устремляется на встрѣчу другой, въ «переплетъ». Во время пляски, участвующіе въ ней подергиваютъ плечами, помахиваютъ руками, припрыгиваютъ, стучатъ ногами; а бойкія полногрудыя дѣвки, выдавши впередъ грудь, склонивши на сторону голову, подъ тактъ пляски и пѣсни, подмигиваютъ молодымъ мужчинамъ».

Безъ сомнѣнія, этотъ «образецъ» народной пляски, относительно степени участія въ ней мужчинъ и женщинъ, имѣетъ безчисленное множество разновидностей.

Въ то время, какъ «полногрудыя» деревенскія граціи стараются въ моментъ пляски выказать красоту своего тѣла, женственную прелесть своихъ движеній и кокетство, парни соперничаютъ ухарствомъ, силой и стремительностью своей пляски. Русская женская пляска отличается, какъ извѣстно, плавностью, мѣрностью темпа и округленностью движеній тѣла и оконечностей. «Плывутъ», какъ «павы», «воды не замутятъ», «вьются», «ходятъ», ходятъ такъ, что «всѣ суставы говорятъ»,—вотъ въ какихъ выраженіяхъ самъ народъ характеризовалъ пляску женщинъ. Строго говоря, типичная русская женская пляска не столько пляска въ общепринятомъ смыслѣ, сколько—позированіе, стройное сочетаніе граціозныхъ нюансовъ, съ цѣлью выказать всю красоту женскаго тѣла, всю его обольстительную гармонію въ различныхъ положеніяхъ. Ея исполненіе не требуетъ напряженныхъ усилій и энергическихъ ракурсовъ, очень мало требуетъ искуства, выучки, потому что красотѣ и граціи не выучиваются. Вся она состоитъ изъ медленныхъ, свободныхъ движеній, зависящихъ отъ настроенія и степени граціи плясуньи и строго съ ними согласующихся.

Тогда какъ въ женской русской пляскѣ «говоритъ», «играетъ» все тѣло, наша мужская народная пляска состоитъ, главнымъ образомъ, въ энергической работѣ ногъ, требующей большой мускульной силы, мастерства и навыка. Русскій артистъ-плясунъ весь, такъ сказать, въ ногахъ: онъ то быстро «семенитъ» или то съ силой «топочетъ» и порывисто взмахиваетъ широкими, смѣлыми движеніями, то вихремъ кружится и носится въ бѣшеной «присядкѣ» съ головоломными «вывертами» и «колѣнцами». Руки, которыя въ женской пляскѣ играютъ такую важную роль и находятся въ непрерывномъ плавномъ движеніи, въ мужскомъ «трепакѣ» либо сложены, либо отчаянно машутся, какъ плети. Тѣло плясуна участвуетъ въ пляскѣ пасивно, самое лицо неподвижно: все вниманіе и его самого, и зрителей сосредоточено на ногахъ, доведенная до виртуозности вертлявость, изломанность и «скорость» которыхъ въ стройномъ сочетаніи танца составляетъ идеалъ мужскаго хореографическаго искуства, молодечества и лихости. Самая мелодія плясовой пѣсни для «трепака» отличается бѣшенымъ весельемъ, порывистымъ, стремительнымъ теченіемъ, бойкой, точно топоромъ рубящей, отчетистостью темпа, съ каждой минутой все болѣе и болѣе ускоряемаго, среди гика и свиста, пока, наконецъ, и пѣсня, и пляска не превратятся въ какой-то шумный и зычный вихрь страстнаго, вакханальнаго увлеченія...

Когда слышишь эту пѣсню и видишь самую пляску, трудно остаться равнодушнымъ: невольно поддаешься этой мощной, огневой вспышкѣ молодецкаго веселья и молодецкой удали, какъ-то духъ захватываетъ, по тѣлу пробѣгаетъ бодрящая, возбудительная дрожь и ноги сами собой подкашиваются...

Эти рефлективныя ощущенія, безсознательно испытываемыя всякимъ русскимъ человѣкомъ при видѣ нашей народной пляски, во всей ея красѣ и разгарѣ, преисполнили сердце одного извѣстнаго изслѣдователя-этнографа патріотической гордостью, подъ впечатлѣніемъ которой онъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ русскую пляску, въ пику «жидконогимъ нѣмцамъ»:

«Русскія пляски, пишетъ онъ, пришлись не по плечу чужеземцевъ. Да и гдѣ имъ сладить съ нашею пляскою, когда природа не надѣлила ихъ нашимъ богатырскимъ разгуломъ, когда отказала имъ въ такихъ ногахъ, которыя только могутъ быть у русскаго мужичка, отъ которыхъ во время пляски дрожитъ земля, шатается изба, клокочетъ въ груди ретивое. Русской пляскѣ нельзя выучиться; она приходитъ на роду, говорятъ наши земляки. Родись плясуномъ и будешь плясать, говорятъ наши старики. Мнѣ часто случалось видѣть и въ городахъ за-московныхъ и въ Питерѣ, какъ чужеземцы обучаютъ русскихъ плясать. Жалкіе люди эти чужеземцы! Неужели они думаютъ и въ этомъ уже уничтожить нашу народность. («Сказаніе русскаго народа», т. I, книга 3-я)?..»

Имѣютъ-ли или не имѣютъ «жалкіе» чужеземцы такой коварный замыселъ, но несомнѣнно, по мѣрѣ распространенія цивилизаціи народныя пляски, какъ у насъ, такъ и вездѣ, уступаютъ мѣсто общечеловѣческой французской кадрили, и—противъ этого ничего не подѣлаешь...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Совѣсть.

Стих. А. Вигилянскаго.

Суровый богъ, карающій преступныхъ,
Каралъ меня. Не мало набралось
Грѣховъ позорныхъ и ошибокъ крупныхъ,—
Притворства ежечаснаго, подкупныхъ,
Неискреннихъ рѣчей и лживыхъ слезъ,
Уступокъ всякихъ выгодамъ житейскимъ
И гордыхъ думъ съ смиреньемъ фарисейскимъ.
За каждое содѣянное зло
Мучительно раскаяніе жгло,
И я позналъ весь ужасъ кары адской,
И самая ничтожная вина

СТАТУЭТКА ИЗЪ ТЕРРАКОТТЫ ЭМИЛЯ БУАССО.

Omne vivum ex ovo!

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

Въ день судный не была мнѣ прощена.
Но той любви, глубокой, теплой, братской,
Которая въ судилищахъ людей
Вѣнецъ мнѣ уготовила терновый,—
Любви къ великой родинѣ моей
Не осудила совѣсть, богъ суровый...

Естественныя богатства Россіи.

II.

Самшитъ.

(Ст. фон-Липхарта.)

(*Окончаніе.*)

Выше было приведено, что казна за пудъ самшита, вывозимаго изъ края, взимаетъ пошлину по 30 коп.; если, сверхъ этого, она будетъ брать съ пуда еще по 20 к. за право эксплуатаціи самшитныхъ насажденій въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, то окажется, что вырубка экземпляровъ эксплуатаціоннаго возраста, безъ истощенія лѣса, могла-бы приносить казнѣ дохода по 1,200 рублей съ десятины.

Какъ-же великъ можетъ быть этотъ доходъ для казны, имѣющей десятки тысячъ подобныхъ десятинъ въ Закавказскомъ краѣ? Не имѣя точныхъ данныхъ о количествѣ подобныхъ десятинъ въ краѣ, гдѣ, для приведенія этого вопроса въ ясность, не было принято никакихъ мѣръ, отвѣтить на этотъ вопросъ невозможно.

Поэтому остается основывать выводы на томъ количествѣ самшита, которое вывозится въ средней сложности ряда годовъ изъ края. Но и это въ сущности будетъ только приблизительное опредѣленіе, во всякомъ случаѣ показывающее гораздо менѣе того, что вывозилось-бы въ Англію, Россію, а быть можетъ, и въ другія страны, если-бы самшитъ эксплуатировался тоже и изъ казенныхъ лѣсовъ. По таможеннымъ свѣденіямъ, средній вывозъ самшита, напр., хотя-бы въ послѣднее десятилѣтіе, простирался до 300 тысячъ пудовъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что казенные участки почти не принимали никакого участія въ этомъ вывозѣ; самшитъ почти исключительно поставлялся изъ сильно истощенныхъ насажденій частныхъ владѣльцевъ. Такъ что, для удовлетворенія требованій заграничныхъ рынковъ, при дозволеніи эксплуатаціи самшита изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ въ краѣ, слѣдуетъ цифру эту принимать, по крайней мѣрѣ, два раза болѣе. Останавливаясь на такой величинѣ, въ которой участіе казенныхъ участковъ могло-бы выразиться пятью шестыми долями изъ сотень тысячъ пудовъ, вывозимыхъ изъ края, окажется, что казна отъ самшитной промышленности получала-бы доходъ не менѣе 250,000 р. ежегодно. Она отводила-бы подъ эксплуатацію самшита, изъ всего числа десятинъ самшитныхъ насажденій, состоящихъ у нея въ Закавказьѣ, ежегодно только по 208—210 десятинъ въ общей сложности. Эта цифра составляетъ такую небольшую площадь по отношенію къ общей площади всѣхъ насажденій, что можно было-бы опредѣлить размѣры вырубки на каждую десятину уже не 20-ю экземплярами, но значительно менѣе, конечно, соображаясь при этомъ, съ бо́льшею или мѐньшею производительностью отводимаго подъ эксплуатацію самшитнаго насажденія данной десятины.

Количество пудовъ пальмы или самшита, получаемое обыкновенно съ десятины, гораздо болѣе 2,400 пудовъ. Нѣкоторыя десятины даютъ 10 и даже 15 тысячъ пудовъ. Но для вывоза идутъ только кряжи условной мѣры, остальное-же количество пальмы отходитъ въ отбросъ, какъ ненужные остатки. Сгнивая на мѣстѣ, эти остатки не только не способствуютъ произрастанію лѣса, но и создаютъ всѣ тѣ условія, при которыхъ нарождающіеся—паразиты, плесень и гніеніе—производятъ пагубное вліяніе на растущія смежно съ такимъ мѣстомъ деревья.

При правильной эксплуатаціи самшитныхъ насажденій, это неудобство устраняется, ибо остатки эти уже не могутъ скопляться въ избыткѣ. При машинной обработкѣ челноковъ и роульсовъ на мѣстѣ и правильной сортировкѣ и распредѣленіи матеріала на производство того или другого предмета, почти все, что теперь идетъ въ отбросъ, будетъ употреблено въ дѣло, смотря по качеству матеріала. Затѣмъ, если-бы даже и случилось скопленіе остатковъ въ избыткѣ, ихъ можно уничтожить съ пользою для удобренія почвы, сжигая въ особо вырытыхъ ямахъ.

Вести правильную эксплуатацію этой цѣнной породы во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе, чѣмъ заниматься вывозомъ самшита въ однихъ только кряжахъ, т. е. въ необдѣланномъ видѣ, какъ это существуетъ до сихъ поръ въ Закавказьѣ. Выгода эта выражается въ разности между цѣною пуда самшита, оболваненнаго въ роульсы и челноки, и цѣною пуда вывозимаго въ кряжахъ. Смотря по достоинству (собственно бѣлый самшитъ), продается въ необдѣланномъ видѣ отъ 2 до 3 руб. пудъ, тогда какъ пудъ челночныхъ и роульсевыхъ болванокъ, въ тѣхъ-же мѣстахъ, оплачивается отъ 20 до 30 рублей.

Правда, эксплуатація самшита въ кряжахъ не требуетъ затраты значительныхъ денежныхъ средствъ, какъ равно и того знанія дѣла, какими обусловливается самшитная операція, при участіи въ ней машиннаго производства, для обработки такихъ предметовъ, какъ болванки челноковъ и роульсевъ. Но, во всякомъ случаѣ, при существованіи операціи въ такихъ условіяхъ, получаются настолько болѣе значительные выгоды отъ дѣла, что о затратахъ, необходимыхъ для учрежденія правильной эксплуатаціи самшитнаго продукта, не можетъ быть и рѣчи, если только операція обезпечена оправдывающимъ ее количествомъ самшитнаго продукта.

На акціонерныхъ основаніяхъ, какъ извѣстно, учрежденіе въ краѣ подобной операціи не состоялось до сихъ поръ вѣроятно потому, что вообще въ этомъ краѣ ни для одной отрасли промышленности не существуетъ акціонерныхъ предпріятій. Въ ограниченныхъ размѣрахъ машинная обработка самшита была устроена только англичаниномъ Гарднеромъ въ Мингреліи, но и его заводъ проработалъ очень не долго, потому что запасы самшита, поставлявшаго для этого завода изъ ближайшихъ къ нему лѣсовъ, въ скоромъ времени были совершенно истощены. Получать-же самшитъ изъ смежныхъ окрестностей съ этими лѣсами оказалось невозможнымъ, по какимъ-то запутаннымъ причинамъ спорнаго лѣсовладѣнія; что, впрочемъ, не составляетъ исключенія въ краѣ и повторяется на каждомъ шагу, когда дѣло коснется извлеченія выгодъ изъ туземныхъ земель, представляющихъ частную собственность.

Впрочемъ, почему Гарднеръ не могъ пользоваться для своего завода самшитомъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, остается непонятнымъ, въ виду того, что, самшитъ, поставляемый въ кряжахъ за 100 верстъ до желѣзной дороги вьюками, и затѣмъ слѣдуя далѣе еще 100 верстъ желѣзною дорогою, оказывается все-таки на столько выгоднымъ предметомъ торговли, что идетъ за границу на расхватъ.

Въ какихъ размашистыхъ размѣрахъ проявляется иногда подобный расхватъ и до какой степени самшитъ представляется выгоднымъ и важнымъ предметомъ торговли имъ въ Англіи, объясняется однимъ изъ случаевъ недавняго столкновенія между двумя крупными ливерпульскими торговыми домами. Два представителя этихъ домовъ въ Закавказьѣ, искони занимавшіеся, тихо и мирно, своею операціею въ краѣ, внезапно почувствовали себя въ положеніи взаимной конкуренціи. Закипѣла спачала подпольная работа другъ противъ друга, а затѣмъ пошла и явная борьба. Когда-же возвышенія, надбавки, одного предъ другимъ, цѣнъ на поставляемый имъ туземцами самшитъ и участіе въ этомъ состязаніи всякихъ прочихъ комерческихъ пріемовъ и подвоховъ, убѣдили обоихъ противниковъ въ торжествѣ достигнутыхъ ими результатовъ въ ратоборствѣ, тогда, одинъ изъ нихъ, кровный британецъ предъявилъ представителю мѣстной русской власти заявленіе, о необходимости безотлагательнаго наложенія запрещенія на все то количество самшита, которое окажется на лицо въ оптовыхъ складахъ въ краѣ, принадлежащихъ, какъ ему, такъ и его конкуренту, впредь до рѣшенія судебнымъ учрежденіемъ иска, возникшаго между ними.

Случай этотъ поставившій мѣстное общество сначала въ недоумѣніе, только въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ выяснилъ все превосходство политики кровнаго англичанина предъ другимъ представителемъ ливерпульскаго торговаго дома, но только элинскаго происхожденія. Оказалось, что рѣшеніе судебнаго учрежденія не въ пользу англичанина, доставило ему и его ливерпульскимъ довѣрителямъ полнѣйшее торжество надъ конкурентомъ элиномъ и его принципалами въ Ливерпулѣ! Торжество, какъ результатъ искусно и ловко веденной борьбы англичаниномъ, выразилось для его довѣрителей солидною выгодою. Довѣрители эти, зная объ истощеніи запасовъ самшита въ ливерпульскихъ складахъ своихъ соперниковъ и имѣя самшитъ въ значительномъ скопленіи у себя самихъ, въ Ливерпулѣ, охотно предпочли принять на свою отвѣтственность всякія послѣдствія незаконной продѣлки своего агента въ Закавказьѣ съ его конкурентомъ, лишь бы только на время, необходимое для судебнаго рѣшенія спорнаго вопроса въ Россіи, пріостановить вывозъ изъ Закавказья, заготовленныхъ партій самшита своихъ ливерпульскихъ соперниковъ по операціи. Въ Ливерпулѣ, благодаря этой продѣлкѣ, не оказалось конкурентовъ и довѣрители агента-англичанина въ Закавказьѣ заработали такую крупную сумму, изъ продажи своего самшита по высокой цѣнѣ, которая дала имъ возможность не только уплатить за всѣ послѣдствія по отвѣтственности ихъ предъ агентомъ элиномъ, но также отчислить на свою долю огромную прибыль.

Этотъ случай заслуживаетъ вниманія еще и въ томъ отношеніи, что даетъ возможность оцѣнить то значеніе, какое, торговля самшитомъ, имѣетъ для Англіи, гдѣ спросъ на это дерево съ каждымъ годомъ возростаетъ съ развитіемъ численности ткацкихъ фабрикъ на европейскомъ континентѣ. Одно только политипажное искуство, доведенное въ Англіи, какъ извѣстно до совершенства, употребляющее самшитное дерево для приготовленія досокъ, на которыхъ вырѣзывается рисунокъ и требуетъ ежегодно болѣе 500,000 пудовъ самшита, ввозимаго въ Ливерпуль и пересылаемаго оттуда въ другія страны, въ томъ числѣ и къ намъ, въ Россію.

Торговля самшитомъ, который возвращается въ Россію за тройную цѣну, чѣмъ могъ-бы обойтись ей, при болѣе широкомъ ея вниманіи къ своимъ отечественнымъ сокровищамъ,—составляетъ насущный элементъ оборотовъ и дѣлъ англійской биржи. Это доказывается тѣмъ, что когда источники самшита оказались истощенными въ мѣстахъ, удобныхъ и выгодныхъ для операцій, при невозможности, въ то-же время эксплуатировать самшитъ въ недоступныхъ мѣстностяхъ Аббиссиніи,—англичане признали выгоднымъ получать низшій сортъ самшита изъ

мѣстностей прикаспійской Персіи; не смотря на то, что продуктъ этотъ обходится весьма дорого, потому что онъ испытываетъ нескончаемое число перегрузокъ. Изъ лѣсовъ его перевозятъ вьюками къ берегу Каспійскаго моря, для нагрузки его на суда; моремъ идетъ онъ до перегрузки его на Бирючей косѣ съ морскихъ на рѣчныя суда; дойдя, по Волгѣ до Царицына, онъ нагружается въ вагоны волго-донской желѣзной дороги, по доставкѣ которою въ Калачъ, снова перегружается на судно. Отсюда идетъ онъ до Керчи водою, съ перегрузкою въ Ростовѣ, и уже въ Керчи, принимается на суда, совершающія свое плаваніе съ нимъ до Ливерпуля.

Этого, окольными путями совершаемаго передвиженія самшита, какъ равно и происходящей на глазахъ Россіи кипучей дѣятельности агентовъ Англіи, въ самомъ Закавказьѣ, казалось вполнѣ достаточно, чтобы въ средѣ русскихъ заронить хотя искру возбужденнаго любопытства къ изученію истинныхъ причинъ этихъ явленій. Но какъ видно даже значительныя выгоды, получаемыя англичанами, не могутъ отряхнуть нашей вѣковѣчной лѣни и насъ никто не упрекнетъ въ приливѣ любознательности или любопытства къ изученію источниковъ нашего національнаго богатства. До сихъ поръ отъ Россіи, не только не возникла какая-бы то ни была иниціатива, касающаяся вопроса: «почему Англія Россіи, а не Россія Англіи продаетъ русскій самшитъ, въ обдѣланномъ и необдѣланномъ видѣ?»—но не проявлялось никогда даже и признаковъ желанія поближе узнать содержимость тѣхъ источниковъ самшита, откуда Англія отпускаетъ намъ-же нашъ самшитъ но уже въ обдѣланномъ видѣ, въ видѣ роульса, за который мы платимъ вмѣсто 5 по 75 коп. за штуку.

Тѣмъ болѣе все это кажется страннымъ, когда вспомнишь, что золотопромышленность находится подъ покровительствомъ ряда узаконеній, распоряженій и такихъ мѣръ, которыя прямо говорятъ за то, что интересы золотопромышленности (отъ развитія которой не выростало ни на одной точкѣ земной поверхности серьезнаго экономическаго прибытка) стоятъ гораздо ближе къ задачѣ обогащенія страны, въ матеріяльномъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ сопряженное съ меньшимъ рискомъ развитіе эксплуатаціи того государственнаго имущества, котораго наличность, находясь цѣликомъ на поверхности земли и будучи приведенною въ извѣстность, даетъ возможность точно опредѣлить мѣру ежегодной прибыли для государства.

Какъ показываетъ опытъ, къ сожалѣнію, весьма не отрадный для Россіи, иностранцы къ самшитному вопросу находятся гораздо ближе прямыхъ хозяевъ самшитныхъ сокровищъ Закавказья и въ то время, когда только въ нѣкоторыхъ русскихъ географіяхъ, и то съ величайшею робостью, упоминается о произрастаніи на Кавказѣ самшита, французскій журналъ «L'exploration du globe», въ книжкѣ, вышедшей 31 января 1877 года, даетъ весьма обстоятельное описаніе нашихъ самшитныхъ богатствъ въ Закавказьѣ.

Еще ближе къ этому дѣлу, какъ лично заинтересованные въ эксплуатаціи самшита, стоятъ англичане. Вотъ напримѣръ, съ какими просьбами обращаются они къ мѣстной администраціи.

«Просители Ирвинъ и Селлерсъ, въ Престонѣ и Ливерпулѣ, въ Англіи, занимающіеся много лѣтъ вывозомъ буксовыхъ (т. е. самшитныхъ) и другихъ деревьевъ изъ различныхъ портовъ Чернаго моря въ Англію, Францію, Германію и Америку, и имѣющіе агента въ Поти, въ Мингреліи, узнавъ, что дается концесія на вырубку самшитныхъ и другихъ деревьевъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказа, готовы предложить свои кондиціи... Если такая концесія еще не отдана, то просители, были-бы счастливы получить ее и въ исправности исполненія обязательствъ по оной, готовы представить вѣрную гарантію. Если-же концесія будетъ дарована по конкуренціи, то просители просятъ дозволить имъ со своей стороны, конкурировать съ другими соискателями. Просители желали-бы притомъ получить исключительное право на вырубку самшита въ лѣсахъ Грузіи и Мингреліи.

Въ увѣренности и такъ далѣе...

Ирвинъ и Селлерсъ».

Прошеніе это, какъ говорятъ, было будто-бы поддержано даже особымъ ходатайствомъ, но, не смотря на это, оно было отклонено.

Отказъ даетъ право предполагать, что мѣстная администрація рѣшилась положить конецъ монополіи въ самшитной промышленности. Хорошо-бы, если-бы вмѣстѣ съ тѣмъ она надумалась изыскать мѣры къ извлеченію наибольшей пользы изъ эксплуатаціи закавказскихъ самшитныхъ насажденій; а также послала-бы свѣдущаго человѣка для обстоятельнаго изученія условій самшитнаго дѣла въ Англіи. Еще полезнѣе было-бы эти вопросы подвергнуть колегіальному обсужденію спеціально составленной для того правительственной комисіи.

Само собою разумѣется, что самою первою необходимостью, на сколько раціональною, на столько-же и безотлагательною, представляется принятіе мѣръ къ огражденію вырубки самшитныхъ казенныхъ насажденій, какъ уже въ принадлежащихъ казнѣ лѣсныхъ дачахъ, такъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ право собственности еще не выяснилось посредствомъ генеральнаго межеванія въ Закавказскомъ краѣ.

Для скорѣйшаго-же осуществленія выясненія этого важнаго для Россіи вопроса, какъ равно и въ виду ожидаемыхъ значительныхъ доходовъ съ опредѣленныхъ генеральнымъ межеваніемъ за казною самшитныхъ насажденій, въ пользу государства, слѣдовало-бы теперь-же принять всякія мѣры къ тому, чтобы генеральное межеваніе въ Закавказскомъ краѣ было произведено и окончено въ самый кратчайшій срокъ.

Нечего и говорить, что дальнѣйшее развитіе самшитной промышленности будетъ прямо зависѣть отъ развитія частной предпріимчивости. Учрежденіе русской акціонерной компаніи для правильной торговли самшитомъ и для устройства фабрики, на которой будутъ изготовляться издѣлія изъ самшита, привозимыя теперь къ намъ изъ Англіи, быстро измѣнитъ печальное состояніе этой промышленности и послужитъ къ обогащенію края. Барыши, получаемые теперь Англіей, которые выплачиваетъ ей Россія за свой-же продуктъ, получатъ мѣстные производители и промышленники. Доходы-же эти, какъ показываютъ вычисленія, сдѣланныя нами выше, весьма значительны.

Сборы къ свѣтлой заутрени.

Сценка **Н. А. Лейкина.**

Вечеръ страстной субботы. Десятый часъ. Въ домѣ купца Сморчкова пахнетъ запеченымъ окорокомъ ветчины. Лампады передъ образами въ ярко вычищенныхъ мѣломъ серебряныхъ ризахъ не горятъ, а пылаютъ. Въ столовой на обѣденномъ столѣ разложены только-что сейчасъ вынеченные домашніе куличи и тоже распространяютъ сдобный запахъ. Тутъ-же стоитъ громадное лукошко крашеныхъ яицъ. На дѣло окраски были пущены въ ходъ и сандалъ, и луковыя перья, и листъ отъ вѣника, и цвѣтные шелковые лоскутки, и кофейная гуща. Рядомъ съ лукошкомъ большая твороговая пасха на блюдѣ и въ нее воткнута необожженая еще восковая свѣчка. Чады и домочадцы купца Сморчкова въ сумахохѣ. Хозяйка съ прислугой хлопочетъ по кухнѣ заготовляя яства къ розговѣнью; остальные члены семейства одѣваются, сбираясь къ свѣтлой заутрени. Лавочные мальчишки такъ и обливаются потомъ, начищая ваксяными щетками хозяйскіе и приказчицкіе сапоги. Самъ глава семейства стоитъ въ гостиной передъ зеркаломъ безъ жилета, напѣваетъ легонькимъ баскомъ «Волною морскою скрывшаго древле» и прикрѣпляетъ на шею двѣ медали, стараясь, чтобы онѣ были хорошенько видны изъ-подъ бороды.

— Папенька, уймите Володьку, онъ мнѣ одѣваться не даетъ! доносится изъ сосѣдней комнаты голосъ старшей дочери. — Сейчасъ вдругъ мой шиньонъ на свѣчкѣ хотѣлъ жечь. Что за баловство!

— А она зачѣмъ меня по затылку звиздануда? оправдывается маленькій сынишка.

— Затѣмъ, что не смѣй про меня облыжныя гадости врать. Вдругъ говоритъ, что я штукатура.

— А то нѣтъ, что-ли? Рожу красила — значитъ штукатура и есть.

— Да когда-же я? Ахъ, ты безстыдный мальчишка! Я только губы розовой помадой смазала. И то потому, что онѣ растрескались, а сегодня придется христосоваться.

— Врешь, врешь! Ты и брови углемъ наводила, и все лицо губкой съ бѣлой краской натирала.

— Дрянь эдакій! и вѣдь все вретъ. Ну, откуда у меня краски? Да у меня и въ заводѣ ихъ нѣтъ.

— А чѣмъ-же я себѣ сейчасъ носъ въ красную краску выкрасилъ? Твоими-же румянами. Вотъ посмотри.

Перебранка продолжалась, послышалась возня, что-то стеклянное упало на полъ и разбилось.

— Ну, что-же это такое? Банку одеколону разбилъ!

— А ты не дерись.

Отецъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Ежели вы сейчасъ не уйметесь, то обоимъ достанется на орѣхи! крикнулъ онъ. — Одного схвачу за вихоръ, а другую за косу.

— Какъ это деликатно съ вашей стороны взрослой дочери за ея-же страданія отъ мальчишки потасовку сулить! огрызнулась дочь. — А еще черезъ свой пріютскій мундиръ въ благородные чиновники хотите попасть.

— Молчать!

Въ гостиную вошла жена Сморчкова — рыхлая женщина на коротенькихъ ножкахъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ и по локоть засучеными у платья рукавами. Вошла и плюхнулась на кресло около мужа, все еще возившагося передъ зеркаломъ съ медалями.

— Такъ устала, что и сказать не могу! Просто ноженьки мои подломились. Не знаю ужь, какъ и заутреню выстою, говорила она. — Кухарка-дура ничего не понимаетъ, ну, и пришлось все самой около печки вертѣться. Да и то два кулича подожгли. Окорокъ еще туда-сюда удался, а телятина, думаю, не вышла-бы сырована.

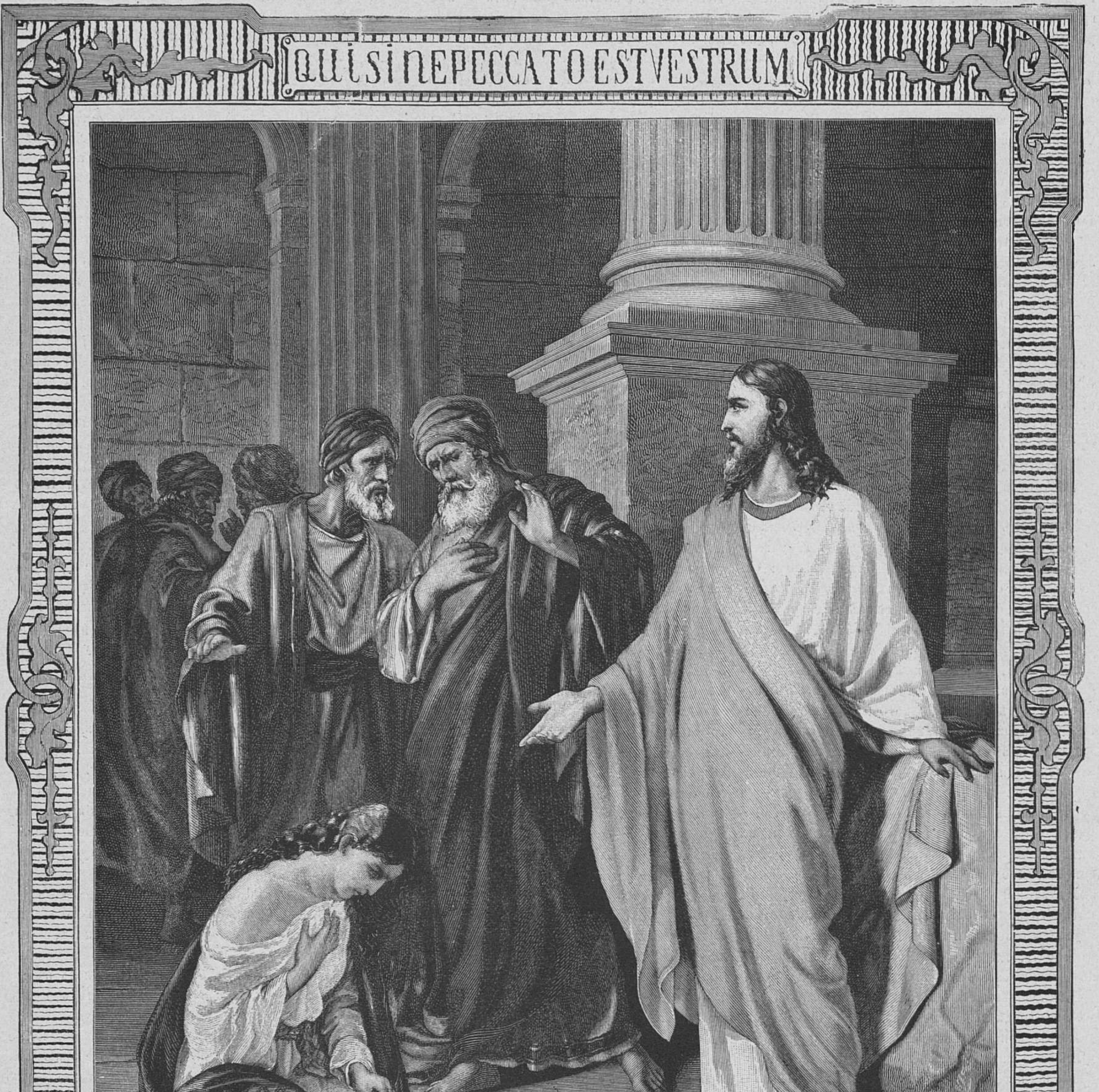
— Да одѣвайся ты скорѣй, а то, пожалуй, и въ церковь не попадемъ! крикнулъ ей мужъ вмѣсто отвѣта.

— Дай вздохнуть чуточку. Не шутка тоже: три сотни яицъ выкрасила, пасху сдѣлала, куличи испекла, два окорока и хоть-бы на минутку послѣ обѣда прикорнула!

— А вы, маменька, нашимъ лавочнымъ мальчишкамъ скажите, чтобы они, какъ пойдутъ въ церковь куличи святить, свѣчку-то отъ пасхи сохранили да потомъ мнѣ передали, послышался изъ другой комнаты голосъ старшей дочери. — Примѣта есть. У которой дѣвицы свѣчка отъ пасхи спрятана, та, говорятъ, въ тотъ годъ замужъ выйдетъ. Мнѣ Машенька сказывала.

ПЕРВАЯ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ВЪ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ 1879 Г.

КАРТИНА ВЕСЕЛОВСКАГО.



Грѣшница передъ Христомъ.

Рисовалъ на деревѣ самъ художникъ; рѣзано въ „Варшавской политипажнѣ“.

КАРТИНА ФОКАРДА.

Молода еще!

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

— Тогда ужъ мнѣ, маменька, свѣчку отдайте. Даша и такъ, какъ старшая, раньше меня замужъ выйдетъ, присоединился голосъ младшей дочери.

— Ну, ладно. Я пополамъ вамъ ее раздѣлю.

— Что пополамъ! Пополамъ никакой пользы не будетъ. Надо, чтобъ цѣльная свѣчка была. Да, наконецъ, при папенькиномъ сквалыжничествѣ нешто вы насъ обѣихъ въ одинъ годъ замужъ выдадите? Ему съ деньгами-то, какъ Кощею безсмертному, разставаться жаль.

— Что? А гдѣ у меня старыя подтяжки? крикнулъ отецъ. — Хоть и наканунѣ пасхи, а я поучу того, кто смѣетъ обо мнѣ такъ разговаривать.

— Да плюнь ты на нее! Мало-ли что дѣвка съ жиру болтаетъ, остановила отца мать.

— Вовсе даже и не съ жиру, а самую наисущую правду, не унималась старшая дочь.— Ежели-бы тогда передъ Рождествомъ о двухъ тысячахъ да о фортепьянахъ не заспорили, такъ ужъ я-бы теперь давно была замужемъ за Синявкинымъ.

— Полоумная, да вѣдь онъ оказался путанникъ и человѣкъ гулящій.

— Женился-бы такъ перемѣнился. Вы и сами до свадьбы, поди, были путанникъ и такой-же гулящій человѣкъ, да вѣдь теперь почувствовали-же солидность.

— Ты такъ отцу-то?.. Ну, ужь это изъ рукъ вонъ. Матрена Потаповна, отними у ней новую шляпку, что я ей къ пасхѣ подарилъ! сказалъ отецъ семейства матери.—Лучше я ее кухаркѣ отдамъ.

— Какое благородство чувствъ—дареное назадъ брать! Я вамъ тоже туфли къ имянинамъ вышила, однако назадъ ихъ не беру! Конечно-же вы жадный человѣкъ и только на свою мундирную красу денегъ не жалѣете.

— Ахъ ты дрянь-дѣвчонка! Ужъ только не хочется мнѣ грѣха на душу брать, потому говѣлъ я сегодня, а то проучилъ-бы я тебя!

— Молчи, Африканъ Тарасычъ. Ей-ей ее не переспоришь и только себя разбередишь, въ свою очередь остановила отца семейства жена. —Ну, я пойду одѣваться, сказала она.

— Да не топчись, какъ слѣпая въ банѣ, а поторапливайся. Не пудры золотыя тебѣ на себя насыпать. А то подгонишь къ такому времени, что и въ церковь не попадемъ.

— Ну, вотъ! Гдѣ-жь это видано, чтобъ церковный староста въ церковь не попалъ!

— А ты бобы-то не разводи, а иди и одѣвайся. Оттого-то я и хочу пораньше быть въ церкви, что я церковный староста. Мнѣ нужно въ крестномъ ходѣ участвовать, а отсюда тоже до нашей пріютской церкви дорога не близкая. Когда-то еще одры насъ дотащутъ.

Жена ушла и вскорѣ зашурчала въ сосѣдней комнатѣ шелковымъ платьемъ. Отецъ семейства напѣвая «Пріидите пиво піемъ новое» надѣлъ мундиръ, прицѣпилъ шпагу и началъ ходить по гостиной, то и дѣло посматриваясь въ зеркало и потягивая внизъ изъ подъ бороды медали.

— Володька! крикнулъ онъ наконецъ сыну.— Выгляни въ форточку на дворъ и посмотри пріѣхала-ли карета.

Маленькій сынишка въ мундирѣ комерческаго воспитанника опрометью бросился бѣжать черезъ гостиную и налетѣлъ на отца, ударившись ему головой въ брюхо.

— Тише ты, ошалѣлый! Шпагу мою сломишь, оттолкнулъ тотъ его и прибавилъ:—Ну, скажите на милость! Съ головы у него течетъ, полъбанки помады себѣ на голову вымазалъ, а самъ мнѣ въ брюхо тычется. Только мундиръ новый замаслилъ.

Въ гостиную выплыла совсѣмъ уже окончившая свой туалетъ старшая дочь.

— Что безстыдница? встрѣтилъ ее отецъ.— Отца ругаешь, а сама вонъ какъ на его деньги вырядилась! Словно принцеса.

— Послушайте, папенька: ѣхали-бы вы лучше впередъ на извощикѣ, а то всѣмъ намъ въ каретѣ, право, не умѣститься, сказала она.—Только изомнете вы насъ да всю дорогу ругаться будете, а прока никакого не выдетъ.

— Ну, вотъ еще! зачѣмъ-же это я буду лишнюю полтину на извощикѣ проѣзжать, ежели у насъ карета? Да и какъ не помѣстится! Я съ матерью на одну сторону, ты съ сестрой на другую. Сеня промежду меня съ матерью сядетъ, а Володька промежду васъ. Аннинька, какъ маленькая дѣвочка, можетъ у насъ въ ногахъ постоять, а лавочнаго мальчишку съ куличемъ и пасхой на козлы съ кучеромъ посадимъ. Шпагу я выну и буду въ рукахъ ее держать, чтобы не сломали.

— Какъ курица съ яйцомъ съ вашей шпагой вы носитесь. Только объ ней одной и думаете, а нѣтъ чтобы объ нашихъ платьяхъ озаботиться. Ихъ съ себя не снимешь и въ рукахъ не будешь держать.

— Смотри, что ты вывезла! Какое сравненіе! Шпага—присяга, а платья—тряпки. Ну, да ужъ довольно объ этомъ разговаривать! Какъ такъ не умѣститься въ четвероместной каретѣ четверымъ взрослымъ и троимъ малолѣтнимъ? Въ лучшемъ видѣ умѣстимся. Не рыдванъ-же копножелѣзный брать!

— Только ужъ вы, пожалуста, Володьку на свою сторону посадите, а то онъ сулился булавками насъ съ сестрой колоть.

— Небось, не уколетъ. Въ каретѣ-то я ему въ лучшемъ видѣ уши нарву!

— Пріѣхала! Пріѣхала! Карета пріѣхала! хлопалъ въ ладоши сынишка, вбѣгая въ гостиную.— Я даже на дворъ выбѣгалъ, чтобъ посмотрѣть. Одна лошадь большая и бѣлая, а другая маленькая и черная, а кучера зовутъ Васильемъ. Онъ, папенька, водки проситъ.

— Ну, скажи матери, чтобъ она ему стаканчикъ выслала. «Ангелъ вопіяше: благодатная!» запѣлъ отецъ, по тотчасъ-же остановился и спросилъ:—Матрена Потаповна, скоро ты?

— Господи! Да вѣдь у меня не десять рукъ! И одѣвайся и извощику водки давай.

— Даша, поди и нацѣди извощику водки.

— Ну, вотъ! Въ барежевомъ-то платьѣ да извощикамъ водку цѣдить! Что я за кабатчица! отвѣчала дочь.

— Дура полосатая; да вѣдь тебя-же онъ повезетъ. Вотъ ступъ-то народили! Возьми, Володька, у матери ключи отъ буфета и нацѣди самъ.

Сынишка опять помчался. Отецъ вошелъ въ комнату, гдѣ одѣвалась мать, и сѣлъ въ кресло.

— Все вотъ насчетъ одного пункта у меня сумнѣніе, началъ онъ.—Какъ церковный староста я, разумѣется, долженъ по своему почету запрестольный крестъ нести, а нашъ пріютскій экономъ всегда фонарь передъ крестомъ носитъ; между тѣмъ у него мундиръ девятаго класса, а у меня седьмого, значитъ я старше его, такъ какъ будто бы сзади-то мнѣ и не подобаетъ по мундиру идти.

— Тогда неси фонарь, сказала мать.

— Фонарь все не то. Лучше я вотъ что сдѣлаю: фонарь я отдамъ кому-нибудь изъ безмундирныхъ. Да вѣдь не уступитъ, пожалуй, экономъ-то. Какъ ты думаешь?

— Ничего я объ этомъ не думаю. У меня совсѣмъ другія мысли въ головѣ. Мнѣ вотъ сдается, что кухарка безъ меня непремѣнно индѣйку засушитъ въ печкѣ, а ты потомъ ругаться будешь.

— Тьфу ты! Кто о чемъ, а она все о стряпнѣ! Я съ тобой по поводу мундирной церемоніи посовѣтоваться пришелъ.

— Нечего со мной совѣтоваться. Какъ хочешь, такъ и дѣлай. А ты мнѣ лучше вотъ что скажи: мальчишекъ-то лавочныхъ изъ какого сорта яйцами одѣлять?

— Само собой изъ второго сорта. Все равно не въ коня кормъ. Много они понимаютъ! Медали видны у меня изъ-подъ бороды? спросилъ онъ.

— Да ужъ видны, видны! И такъ вмѣсто шеи то чуть не на животъ вывѣсилъ!

— Не думаете-ли, папенька, что я со всѣми вашими церковными сторожами христосоваться буду? ни съ того, ни съ сего сказала старшая дочь.—Скажите, чтобъ и не подходили ко мнѣ. Охота мнѣ свои губы о солдатскія губы трепать! Съ швейцаромъ я, пожалуй, похристосуюсь. И то потому, что онъ маменькинъ кумъ. Со священникомъ и дьякономъ тоже похристосуюсь, а съ дьячкомъ и экономомъ ни за что на свѣтѣ!

— Посмотрю я на тебя, такъ самое лучшее не обращать на твои пустыя слова никакого вниманія, презрительно отнесся къ дочери отецъ.

— Извощику водки вынесъ-съ, отрапортовалъ сынъ.—Папенька, правду наша Акулина говоритъ, что ежели теперь въ пустынное мѣсто выдти, то можно слышать какъ бѣсы передъ заутреней стонутъ?

— Праведники услышутъ, а ты нѣтъ, потому что ты баловень, отвѣчала мать.

— А видѣть ихъ можно?

— Они незримыми толпами между небомъ и землей носятся и какъ запоютъ «Христосъ воскресе»—сейчасъ подъ землю провалятся.

— А нашъ приказчикъ Спиридонъ разсказывалъ, что онъ наканунѣ Пасхи видѣлъ одну анафему на колокольнѣ и слышалъ какъ она пищала. «Зеленая, говоритъ, такая и изо рта огонь».

— Не анафему вѣрно... начала было мать.

— Не разговаривай съ нимъ, Матрена Потаповна, а одѣвайся! А то ей-ей срамоту надѣлаешь ты мнѣ, какъ церковному старостѣ, ежели я опоздаю, перебилъ ее отецъ. — Вдругъ я пріѣду, а нашъ генералъ ужъ тамъ? Мнѣ тоже хочется его встрѣтить, провести въ алтарь и показать ему новыя ризы, которыя я пожертвовалъ. Генералъ человѣкъ нужный.

— Да я совсѣмъ готова.

— Ну, а коли готова, то Господи благослови да и пойдемте! Ну, кувалды, надѣвайте на себя салопы! крикнулъ отецъ дочерямъ.

Черезъ пять минутъ все семейство спускалось съ лѣстницы. Впереди всѣхъ шелъ сынъ, комерческій воспитанникъ, несъ въ рукахъ отцовскую шпагу въ ножнахъ и замахивался ею на сестру.

— Не балуй, не балуй шпагой, а то еще сломаешь чего добраго! предостерегалъ его отецъ и запѣлъ «Плотію уснувъ, яко мертвъ»...

Сзади всѣхъ лавочный мальчишка несъ два узла съ куличомъ и пасхой.

— Ежели ты, Игнашка, мнѣ свѣчку съ пасхи не поломанную отдашь, то я тебѣ гривенникъ и сахарное яйцо подарю, говорила старшая дочь.

Разладъ.

Стих. Е. П. Пономарева.

Усталый отъ оргіи дикой,
Отъ ласкъ фаворитки,—домой
Идетъ онъ, какъ грѣшникъ великій,
Измученъ холодной тоской.

Онъ въ спальню проходитъ сурово
И сталъ, и задумался тутъ;
И вспомнилъ минувшее снова...
Тѣ дни никогда не придутъ!

Уснула жена молодая,
Глядитъ онъ, какъ дышетъ она,

Съ улыбкой его призывая
Сквозь чары туманнаго сна.

Онъ молча усталое тѣло
Покою теперь предаетъ;
Забыться онъ хочетъ всецѣло,
Но скорбь его мысли гнететъ.

И вотъ онъ встаетъ на разсвѣтѣ;
Какъ жгучъ этотъ день золотой!..
Сбѣгаются рѣзвыя дѣти
Къ отцу говорливой толпой.

Ласкаясь, они на колѣни
Со смѣхомъ вползаютъ къ нему,
А онъ—отъ сокрытыхъ мученій
И тяжко, и больно ему...

Глядитъ онъ на нихъ, размышляя!
— «Какъ ихъ поцѣлуи свѣжи!
А ты, эти ласки встрѣчая,
Любовью дѣтей дорожи.

Немногіе годы промчатся,
И все разгадаютъ онѣ;
И злобно тогда обратятся
Съ насмѣшкой презрѣнья ко мнѣ!

Дѣтей не могу я ни разу
Съ спокойной душой цѣловать:
Боюсь я, несчастный, заразу
Невиннымъ устамъ передать.

Голубить ихъ этой рукою
Мнѣ больно и ласки дѣтей
Лежатъ укоризною злою
На совѣсти черной моей.

Въ ихъ взорахъ такъ много отрады,
Но тутъ-же рисуются мнѣ
Глубокіе, чудные взгляды
И ласки въ ночной тишинѣ.

И жажду я оргіи пышной,
И ночи мучительно жду,
Чтобъ совѣсти не было слышно
Въ ея сладострастномъ чаду!»

Раковина дяди Бернара.

(Разсказъ **Эркмана Шатріана**, переводъ г-жи **Минутъ**.)

У дяди Бернара на комодѣ стояла большая раковина. Розовая раковина была рѣдкостью въ лѣсахъ Гундсдрюка, въ 150 лье отъ моря; старый матросъ Даніель Рихтеръ привезъ ее изъ-за океана, какъ память о своихъ походахъ. Вы можете себѣ представить, съ какимъ удивленіемъ мы, деревенскіе ребятишки, разсматривали эту диковинную штуку. Каждый разъ, какъ дядя выходилъ по сосѣдству, мы вбѣгали въ комнату и, не снимая шапокъ и заложивъ руки въ карманы, уставлялись носами въ каменную подставку и созерцали американскую улитку, какъ ее называла старая служанка Гредель.

Людвигъ говорилъ, что она навѣрно водится подъ заборами, Касперъ утверждалъ, что она плаваетъ въ рѣкѣ, но никто не зналъ ничего вѣрнаго. Вотъ однажды нашъ споръ услышалъ дядя Бернаръ и усмѣхнулся. Онъ положилъ шляпу на столъ, взялъ раковину и сѣлъ въ кресло:

— Послушайте-ка, дѣти, что въ ней дѣлается, сказалъ онъ.

Тотчасъ-же каждый приложилъ свое ухо къ раковинѣ и мы услышали странный шумъ, не то стонъ, не то шопотъ, не то шумъ вѣтра, какъ иногда въ лѣсу. Мы съ удивленіемъ посматривали другъ на друга.

— Ну, что вы объ этомъ думаете? спросилъ дядя. Никто не съумѣлъ ему отвѣчать. Тогда онъ сказалъ намъ медленно и важно:

— Дѣти, шумъ этотъ происходитъ отъ крови, которая переливается въ вашей головѣ, рукахъ, въ сердцѣ и вообще во всѣхъ членахъ. Въ одномъ мѣстѣ она течетъ спокойно, какъ ручеекъ, въ другомъ бьется, какъ потокъ или какъ сильная широкая рѣка. Она оживляетъ всю вашу внутренность и, благодаря этому, вы живете и ростете. Теперь, чтобы вы хорошенько поняли, почему вамъ слышится шумъ внутри раковины, надо вамъ объяснить одну вещь. Вы знаете эхо въ Пустой скалѣ, гдѣ ваши слова отдаются такъ-же ясно, какъ вы ихъ произносите, пѣсни ваши и звукъ рожка, когда вы сзываете стадо въ Альтенбергъ по вечерамъ. И такъ, эта раковина тоже подобна эхо въ Пустой скалѣ; только когда вы приставляете ухо, то въ ней отдается тотъ шумъ, который происходитъ въ васъ самихъ и шумъ этотъ походитъ на небесные и земные звуки, потому что каждый изъ насъ составляетъ маленькій міръ и тотъ, кто познаетъ сотую часть чудесъ, совмѣщаемыхъ въ насъ, и поразмыслитъ объ этомъ, тотъ долженъ пасть на колѣни и возблагодарить Бога за его безконечныя милости. Позднѣе, когда вы будете взрослыми людьми, вы лучше постигнете мои слова и сознаетесь, что я былъ правъ. А пока, друзья, блюдите вашу душу, не запятнайте неправдой вашей мысли, въ этомъ-то вѣдь и есть жизнь. Создатель далъ вамъ душу, чтобы освѣтить все ваше существо, точно такъ-же, какъ онъ создалъ солнце, чтобы освѣтить міръ. Знайте дѣти, что на свѣтѣ есть страны, гдѣ солнце никогда не свѣтитъ. Эти страны очень печальны. Люди не могутъ тамъ ужиться; тамъ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни деревьевъ, ни плодовъ, ни птицъ, ничего, кромѣ снѣга и льда; все тамъ мертво! Вотъ тоже будетъ и съ вами, если вы затемните свою душу, вашъ маленькій міръ погрузится въ мракъ и печаль; вы будете несчастны! И такъ, избѣгайте всего, что можетъ смутить вашу душу: лѣность, обжорство, непослушаніе и особенно ложь; всѣ эти пороки, какъ туманъ, завладѣютъ вашей душей и скроютъ свѣтъ, которымъ надѣлилъ васъ Создатель! Если-же вы сбережете вашу душу, то она будетъ сіять, какъ солнце, и вы будете счастливы!

Такъ говорилъ дядя Бернаръ и каждый изъ насъ, слушая его, обѣщалъ себѣ слѣдовать его добрымъ совѣтамъ и не допустить вредному туману затемнить свою душу. Сколько разъ съ тѣхъ поръ я прикладывалъ ухо къ раковинѣ! Каждый вечеръ, въ долгіе осенніе дни, возвращаясь съ поля, я бралъ ее на свои колѣна и, приложившись щекой къ ея розовой эмали, я сосредоточенно слушалъ. Я размышлялъ о чудныхъ вещахъ, о которыхъ намъ говорилъ дядя Бернаръ, и думалъ: «хоть бы въ маленькую щелочку посмотрѣть на всѣ эти диковины, вотъ было бы чудесно!» Но меня удивляло всего больше, что, прислушиваясь къ шуму въ раковинѣ, мнѣ казалось, я различалъ отголоски моихъ мыслей: одни были кроткіе и нѣжные, другіе веселые; въ нѣкоторыхъ слышалось пѣніе малиновки, когда наступаетъ весна, и меня это восхищало. Я бы сидѣлъ такъ цѣлые часы съ розинутымъ ртомъ и выпученными глазами, сдерживая дыханіе, если бы наша старуха Гредень не кричала на меня:

— Фрицель, что съ тобой? Да разстанься ты на милость съ этой улиткой и накрой на столъ; вотъ и докторъ идетъ.

Тогда я, вздыхая, клалъ на комодъ раковину и ставилъ приборы себѣ и дядѣ; бралъ большой графинъ и шелъ за водой къ фонтану.

Однажды мнѣ послышались въ раковинѣ не прежніе пріятные звуки; я слышалъ сердитые тоны и былъ пораженъ ужасомъ. Это вѣрно отъ того, что я и самъ не былъ доволенъ собой, мрачное облако заволокло мою душу; моя была вина, моя! Но надобно вамъ разсказать все съ самаго начала. Вотъ что случилось:

Однажды послѣ обѣда мы съ Людвигомъ пасли овецъ въ долинѣ Альтенберга; мы хлопали бичами, свистали и ни о чемъ не думали. Козы карабкались по вершинамъ скалъ, вытянувъ шеи и уставясь въ голубое небо. Нашъ старый беззубый песъ Бокель дремалъ, вытянувъ свою волчью морду между лапами. Мы отдыхали въ тѣни подъ кустами сосенъ, какъ вдругъ Людвигъ указалъ мнѣ на лощину и сказалъ:

— Посмотри, у скалы, на старомъ букѣ есть гнѣздо чернаго дрозда.

Я взглянулъ и увидѣлъ стараго дрозда, онъ вѣрно примѣтилъ, что мы на него смотримъ, потому что безпокойно перелеталъ съ вѣтки на вѣтку.

Тысячу разъ дядя Бернаръ запрещалъ мнѣ разбивать гнѣзда; къ тому же это гнѣздо было надъ пропастью, въ дуплѣ большой заплѣсневѣлой вѣтви. Долго я задумчиво смотрѣлъ туда.

— Тамъ есть дѣтеныши, сказалъ Людвигъ,— сегодня утромъ, когда я рвалъ на скалѣ ежевику, я слышалъ какъ они пищали; завтра они улетятъ, потому что у нихъ уже есть крылья.

Я все молчалъ, но меня взяло искушеніе. Кончилось тѣмъ, что я всталъ, пробрался къ дереву между верескомъ и пытался обхватить его... куда! Оно было слишкомъ толсто. По несчастью рядомъ росъ молоденькій зеленый букъ. Я вскарабкался на него и, раскачавшись, ухватился за вѣтку стараго дерева. Я взобрался на верхъ. Дрозды жалобно кричали и сновали въ листвѣ. Я не обращалъ на нихъ вниманія. Я сѣлъ верхомъ на старую вѣтвь, чтобы добраться до гнѣзда; тамъ было три птенчика и одно яйцо; это меня подзадорило. Птички вытянули шею и разинули свои желтые клювы такъ близко отъ меня, что я уже считалъ ихъ своими. Я подвинулся и растопырилъ руки, какъ вдругъ вѣтка подломилась и я успѣлъ лишь крикнуть: «Ахъ Господи!» Я повернулся въ воздухѣ и упалъ на нижнюю вѣтку, за которую и уцѣпился съ страшной силой. Все дерево тряслось до самаго корня и оторванная вѣтка упала со скрипомъ, касаясь скалы; у меня волоса стали дыбомъ; я не могъ удержаться и заглянулъ въ оврагъ; она попала прямо въ потокъ и исчезла въ пѣнѣ. Тутъ я тихонько добрался до ствола, поблагодарилъ Бога за свое спасеніе и блѣдный, какъ смерть, спустился въ верескъ. Надо мной кружились старые дрозды съ жалобными криками. Людвигъ убѣжалъ; но когда онъ пробирался по тропинкѣ въ Альтенбергъ, онъ случайно оглянулся и, видя меня здравымъ и невредимымъ, подбѣжалъ ко мнѣ, крича и задыхаясь:

— Ты живъ!.. Ты не упалъ въ пропасть?

— Да, отвѣчалъ я, насилу шевеля языкомъ,— я живъ, Богъ спасъ меня! Но уйдемъ скорѣй, я боюсь!

Было часовъ семь вечера, солнце садилось за соснами, на этотъ разъ я не въ силахъ былъ досмотрѣть за овцами. Собака собрала стадо, которое медленно двигалось по пыльной дорожкѣ въ Гиршландъ. Въ этотъ вечеръ мы съ Людвигомъ не свистали и не играли въ рожокъ и эхо Пустой скалы не вторило намъ! Мы были ужасно испуганы; у меня подгибались колѣна.

Когда мы добрались до деревни и пока овцы разбрелись по своимъ закутамъ, я сказалъ Людвигу:

— Ты никому не скажешь?

— Будь покоенъ.

Я пошелъ къ дядѣ. Онъ отправился на гору навѣстить стараго больного дровосѣка? Гредель накрывала на столъ. Когда дядя не приходилъ до восьми часовъ, мы ужинали одни. Такъ было и въ тотъ вечеръ. Потомъ Гредель убрала со стола и вымыла посуду въ кухнѣ. Я вошелъ въ нашу библіотеку и не безъ трепета взялъ раковину. Боже, какіе тамъ были звуки! Я слышалъ ревъ потока и жалобные крики дроздовъ и шумъ вѣтвей! И, ко всему этому, мнѣ представились маленькія птички, раздавленныя кам-

нями! Это было ужасно! Я убѣжалъ въ свою каморку и легъ; но сонъ не приходилъ, меня обуялъ страхъ. Часовъ въ девять съ половиною я слышалъ, что дядя вернулся; въ ночной тиши ясно слышался топотъ лошади. Онъ остановился у дверей, слѣзъ, отвелъ лошадь въ конюшню, потомъ вошелъ въ домъ. Я слышалъ, какъ онъ отворилъ шкапъ и наскоро поѣлъ чего-то, какъ онъ это дѣлалъ, когда возвращался поздно.

— Если-бы онъ зналъ, что я сдѣлалъ, говорилъ я самому себѣ.

Наконецъ, онъ легъ. Я вертѣлся съ боку на бокъ, но не могъ заснуть отъ волненія, моя душа казалась мнѣ черной, какъ чернила; мнѣ хотѣлось плакать. Около полуночи мое отчаяніе дошло до того, что я счелъ лучшимъ сознаться. Я всталъ и въ одной рубашкѣ вошелъ въ спальню дяди Бернара; онъ спалъ, на столѣ горѣлъ ночникъ. Я упалъ на колѣни возлѣ его кровати. Дядя проснулся, приподнялся на локтѣ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Это ты, Фрицель, что съ тобой, дитя?

— Дядя, воскликнулъ я рыдая,—простите меня, я согрѣшилъ передъ Богомъ и вами.

— Что-же ты сдѣлалъ, спросилъ онъ тронутый.

— Я влѣзъ на букъ въ Альтенбергѣ, чтобы разорить гнѣздо дроздовъ и вѣтка подломилась!

— Подломилась, Боже мой!

— Да, но Богъ спасъ меня, я уцѣпился за другую вѣтку; но я чувствую, какъ старые дрозды требуютъ отъ меня своихъ птенцовъ; мнѣ кажется, что они вьются надо мной, они не даютъ мнѣ спать.

Дядя молчалъ. Я горько плакалъ.

— Дядя, воскликнулъ я,—сегодня вечеромъ я долго слушалъ раковину, мнѣ слышались звуки, какъ-бы все было разбито и исправить этого зла уже нельзя.

Тутъ онъ взялъ меня за руку и черезъ минуту сказалъ мнѣ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Я прощаю тебя! Успокойся... Но да послужитъ это тебѣ урокомъ. Подумай о моемъ горѣ, если-бы тебя принесли мнѣ мертвымъ. Старые дрозды чувствуютъ тоже, что чувствовалъ-бы я: они требуютъ своихъ дѣтей! Ты объ этомъ не подумалъ. Но ты раскаялся и я прощаю тебя!

Онъ всталъ, далъ мнѣ выпить воды съ сахаромъ и сказалъ:

— Иди спать... теперь тебя ничто не потревожитъ... Богъ проститъ тебя, ты уснешь. Но съ завтрашняго дня ты уже не будешь больше пасти овецъ, мальчику твоихъ лѣтъ пора учиться.

Я спокойно поднялся къ себѣ и тихо уснулъ.

На другой день дядя Бернаръ самъ отвелъ меня къ нашему старому учителю Тоби Веріусу. Говоря по правдѣ, первые дни мнѣ было жутко съ утра до вечера сидѣть въ комнатѣ, не шевелясь, я жалѣлъ о своей свободѣ, но безъ труда ничего не достигнешь на этомъ свѣтѣ. Наконецъ, трудъ вошелъ въ привычку, а сознаніе труда есть лучшее чистѣйшее наслажденіе. Только трудомъ человѣкъ достигаетъ истинно человѣческаго достоинства и способенъ быть полезенъ своимъ ближнимъ.

Въ настоящее время дядя Бернаръ уже старъ; онъ проводитъ все свое время сидя у печки въ большомъ креслѣ зимой, а лѣтомъ на каменной скамьѣ передъ домомъ въ тѣни винограда, обвивающаго крыльцо. Теперь я его замѣняю, потому что я тоже врачъ. Я выѣзжаю рано утромъ и возвращаюсь только вечеромъ, падая отъ усталости. Жизнь моя тяжела, особливо въ зимнее время, но все-же я счастливъ.

Раковина по прежнему лежитъ на комодѣ. Иногда возвращаясь съ горъ, я беру ее, какъ дѣлывалъ это въ дѣтствѣ, и прислушиваюсь къ эхо своихъ мыслей; онѣ не всегда бываютъ радостны, чаще печальны, особенно когда кто-нибудь изъ моихъ бѣдныхъ больныхъ при смерти, а я не могу помочь,—но уже никогда онѣ не бываютъ такъ ужасны, какъ въ вечеръ моего приключенія съ гнѣздомъ дроздовъ.

Тотъ только счастливъ, друзья мои, кто имѣетъ спокойную совѣсть: будь онъ богачъ или бѣднякъ, только въ этомъ случаѣ онъ наслаждается блаженствомъ, доступнымъ человѣку въ этомъ мірѣ.

Рябая красавица.

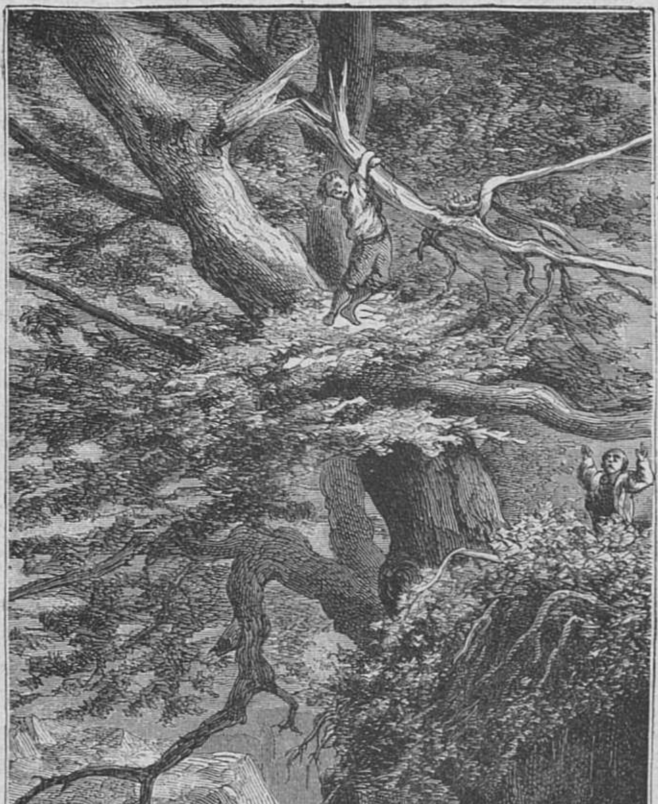
Романъ А. Бувье, автора «Изы».

(Продолженіе.)

Глава VIII.

Вторая аудіенція.

Тяжелая портьера поднялась и въ тѣни ея



(Къ ст. «Раковина дяди Бернара»). ...вѣтка подломилась!

складокъ показалось свѣжее, розовое, нѣсколько испуганное лицо Элизы. Ея оригинальная красота, рельефно выступавшая на темномъ фонѣ этой комнаты съ кожанной мебелью и такими-же стѣнами, привела въ восторгъ Матье де-Тальи. Онъ всталъ и, протянувъ руку, сказалъ:

— Взойдите, сударыня, взойдите.

Застѣнчивость молодой дѣвушки только придавала ей еще большую граціозность. Роскошная обстановка, среди которой она вдругъ очутилась, невольно смущала ее.

Матье де-Тальи посадилъ ее на то кресло, которое только что оставила ея сестра и, помѣстившись противъ нея, спиною къ свѣту, сталъ пристально разсматривать ее. Элиза молчала, нервно перебирая руками складки своего платья. Наконецъ, старый судья сказалъ отеческимъ тономъ:

— Зная ваше семейство, я получилъ извѣстіе, что вы находитесь въ затруднительномъ положеніи, заслуживая во всѣхъ отношеніяхъ полнаго сочувствія. Я поручилъ вѣрному человѣку передать вамъ, что я вполнѣ къ вашимъ услугамъ, что-же вамъ угодно?

— О, Боже мой, отвѣчала Элиза,—меня очень удивляетъ лестное вниманіе, которое вы мнѣ оказываете...

И молодая дѣвушка замолчала. Она не знала, что говорить и нервно мяла рукою свое платье. Старый судья смотрѣлъ изъ подлобья. Нехорошая улыбка появилась на его губахъ.

— Я зналъ вашихъ родителей, сказалъ онъ.

— А!

— Да, славные люди.

— Вы правы, промолвила Элиза, смотря на него съ благодарностью:—они были добрые люди, съ сердцемъ.

— Я желалъ бы, чтобъ вы имѣли ко мнѣ полное довѣріе.

— То, что я слышала о васъ, вполнѣ располагаетъ меня къ довѣрію.

— Я говорю это потому, что вольность, которую я позволилъ себѣ, пригласивъ васъ сюда, можно истолковать различно.

Эта фраза показалась Элизѣ странной и даже оскорбительной.

— О, нисколько. Мнѣ сказали, что одинъ господинъ можетъ мнѣ помочь въ скорѣйшемъ устройствѣ дѣла о снятіи печатей. Я думала, что вы дѣлецъ, занимающійся подобными ходатайствами... Войдя сюда, я такъ удивилась и смутилась...

Матье де-Тальи добродушно разсмѣялся, пододвинулъ свое кресло и хотѣлъ взять руку Элизы, но она быстро отдернула ее.

— Я это понимаю... извините, я хотѣлъ сказать, дитя мое.

Онъ думалъ, что молодая дѣвушка поощритъ его фамильярность, но она холодно молчала. Какое-то странное чувство отвращенія къ этому человѣку овладѣвало ею.

— Я это понимаю, продолжалъ онъ:—вы думали, что дѣльцы, желая нажить нѣсколько грошей, хотѣли васъ эксплуатировать... Но вотъ въ чемъ дѣло...

Онъ остановился, смущенный въ свою очередь пристальнымъ взглядомъ Элизы.

— Я вамъ уже сказалъ, что я зналъ ваше семейство, началъ онъ снова,—и меня очень удивило извѣстіе, что вы получили наслѣдство отъ одного молодого человѣка, умершаго таинственной смертью недѣли двѣ тому назадъ. Мнѣ сказали, что онъ васъ очень любилъ... что вы были для него болѣе, чѣмъ другомъ... однимъ словомъ, что вы были его любовницей и что онъ умеръ, отправляясь къ вамъ на свиданіе... Правда это?

Произнося эти слова тихо, отрывисто, Матье де-Тальи старался замѣтить на лицѣ Элизы, какое впечатлѣніе они производили на нее. Молодая дѣвушка вдругъ преобразилась. Все ея смущеніе исчезло; она гордо подняла голову и смотрѣла прямо въ глаза старику, очевидно, держась на сторожѣ и ничего не подтверждая, ничего не отрицая.

— Вы мнѣ не отвѣчаете, прибавилъ онъ съ нехорошей улыбкой.

— Мнѣ нечего отвѣчать, сказала Элиза сухо;—я наслѣдница г. Аристида де-Фаржа и нахожусь безъ всякихъ средствъ, поэтому я желала бы какъ можно скорѣе покончить со всѣми формальностями для снятія печатей съ имущества.

Старикъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее. Ея натура такъ рѣзко отличалась отъ натуры ея сестры.

— Вы правы и мнѣ надо было начать съ того, что привело васъ сюда. Вы желаете, чтобы печати были сняты? Хорошо. Сегодня вечеромъ ваше желаніе будетъ исполнено и вы будете

введены во владѣніе опредѣленіемъ суда. Очень сожалѣю, что разсердилъ васъ неловкимъ заявленіемъ, что я васъ знаю и что я вашъ другъ, но очень счастливъ, что могу доказать вамъ мою дружбу немедленнымъ исполненіемъ вашего желанія.

Элизѣ стало стыдно. Она покраснѣла.

— Простите меня, отвѣчала она: — у меня очень дурной характеръ. Вы такъ добры ко мнѣ, а я груба съ вами. Простите меня и примите мою горячую благодарность.

— Прекрасно, прошепталъ старикъ и снова взялъ ея руку. На этотъ разъ она ее не вырвала.

— Но кто вамъ говорилъ обо мнѣ, спросила Элиза,—что вы заинтересовались мною, бѣдной дѣвушкой.

— Нѣкто очень васъ любящій. Отгадайте.

Элиза подумала съ минуту.

— Нѣтъ, я не знаю никого, кто бы меня любилъ.

— Орели.

— Сестра! воскликнула Элиза съ сверкающими отъ гнѣва глазами:— такъ и слѣдовало ожидать по вашимъ словамъ.

Матье де-Тальи удивился странной злобѣ, вдругъ овладѣвшей Элизой и хотѣлъ спросить у нея объясненія, но она предупредила его.

— А, это моя сестра! Она явилась къ вамъ и лицемѣрно просила о скорѣйшемъ снятіи печатей будто въ моемъ интересѣ... Она васъ разжалобила на счетъ моего несчастнаго положенія. Она сказала вамъ, что, не имѣя возможности оставаться долѣе въ домѣ ея мужа послѣ открытія моего позора, я убѣжала, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, почему необходимо поскорѣе ввести меня во владѣніе. Не такъ-ли, она вамъ все это сказала?

Старый судья былъ внѣ себя отъ изумленія. Куда дѣлись смущеніе и застѣнчивость молодой дѣвушки. Она говорила смѣло, рѣшительно. Что-же произошло между двумя сестрами?

— О, какъ вы выходите изъ себя, произнесъ онъ съ своей прежней добродушной улыбкой покровителя:—вы меня смущаете. Вы точно хотите сказать, что ваша сестра имѣла дурныя намѣренія, замолвивъ мнѣ доброе слово о васъ.

— Я не могу и не хочу объяснять вамъ причинъ моего негодованія на г. и г-жу де-Марби, отвѣчала Элиза;—я свободна, бросила ихъ и не желаю никогда болѣе встрѣчаться съ ними. Мы разстались съ сестрою при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могли побудить ее хлопотать обо мнѣ. Вотъ почему меня удивляетъ ея ходатайство.

— Зачѣмъ вы уменьшаете значеніе добраго побужденія. Принимайте его съ благодарностью.

— Да, но надо знать не зло-ли оно.

— Я васъ не понимаю.

— Очень просто. Если сестра говорила съ вами, значитъ она вамъ сообщила, что де-Фаржъ былъ моимъ любовникомъ и что потому онъ оставилъ мнѣ все свое состояніе. Она сказала вамъ, что ея мужъ лучшій человѣкъ на свѣтѣ, что онъ принялъ меня къ себѣ въ домъ изъ человѣколюбія и что я, въ благодарность за это благодѣяніе, сдѣлалась любовницей его друга и навлекла позоръ на его домъ, ставши невольной причиной смерти г. де-Фаржа. Она все это вамъ сказала, да, да?

Говоря это, Элиза дрожала всѣмъ тѣломъ; глаза ея метали молніи, щеки пылали. Старикъ смотрѣлъ на нее съ восторгомъ. Онъ ничего не слышалъ, что она говорила, а только любовался ея красотою.

— Она великолѣпна, удивительна, шепталъ онъ про себя.

— Отвѣчайте-же мнѣ, она вамъ все это сказала? повторила Элиза внѣ себя отъ злобы.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Матье де-Тальи съ улыбкой,—вы ошибаетесь, она мнѣ ничего этого не сказала.

— Вы не отъ нея узнали, что Аристидъ де-Фаржъ былъ моимъ любовникомъ?

— Нѣтъ. Ваша сестра сказала мнѣ, что она была его любовницей и что онъ умеръ въ ея объятіяхъ.

— Она вамъ созналась!

— Да; и послѣ ея сознанія я захотѣлъ увидѣть васъ и сказать, что я вашъ другъ, который всегда готовъ защитить васъ.

Элиза широко раскрыла глаза отъ изумленія.

— Защитить, отъ кого-же? Вы сами говорите, что Орели меня любитъ.

— Нѣтъ, я вамъ этого не говорилъ. Она должна была сознаться мнѣ во всемъ, но не изъ любви къ вамъ. Напротивъ, она ревнуетъ васъ и увѣрена, что вы любили Аристида.

— Это правда, я любила его, какъ сестра, и поэтому меня бѣситъ равнодушіе къ нему въ другихъ.

— Ваша сестра не могла мнѣ прямо высказать своего горя...

— Не горя, а опасеній. Но не будемъ болѣе говорить объ этомъ и если вы интересуетесь мною изъ дружбы къ ней, то исполните ваше обѣщаніе.

— Я не беру назадъ своего слова, хотя все, что я для васъ сдѣлаю, будетъ незаконно.

— Что вы говорите?

— Да, по закону вамъ-бы слѣдовало долго ждать окончанія всѣхъ формальностей по вводу во владѣніе. И если я приношу вамъ эту жертву, то, кажется, могу разсчитывать на что-нибудь и съ вашей стороны.

И онъ смотрѣлъ на нее масляными глазами.

— Я васъ не понимаю.

— Г-жа де-Марби сообщила мнѣ, что вы находитесь въ затруднительномъ положеніи; бросивъ домъ безсердечныхъ эгоистовъ, вы остались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Ваша благородная смѣлость заинтересовала меня; я приказалъ слѣдить за вами и мнѣ донесли, что вы прелестное созданіе... Живописцы часто влюбляются въ свои модели и я влюбился въ молодую дѣвушку, которую изучалъ.

— Это вы обо мнѣ говорите? воскликнула Элиза:—вы влюблены въ меня! Да вы шутите?

— Нѣтъ. Почему-же я не могу васъ полюбить?

— Вы меня любите! сказала Элиза, вырывая свои руки, которыя онъ нѣжно ласкалъ,—и только что сказали, что, жертвуя своей честью, разсчитываете на что-нибудь и съ моей стороны. Вотъ чего вы хотите?

— Только согласитесь, дитя мое, и вы никогда не будете ни въ чемъ нуждаться. Сдѣлайте меня своимъ другомъ, своимъ совѣтникомъ, своимъ...

— Я кажется съума сошла.

— Съ чего вы это взяли?

Элиза не умѣла лгать; она отвѣчала съ безжалостной правдой:

— Вотъ въ двухъ словахъ, что произошло между вами и моей сестрой. Желая поскорѣе получить письма, оглашенія которыхъ она боится... если она вамъ все сказала, значитъ, не скрыла и этого... Орели просила васъ поскорѣе снять печати съ имущества. А вы послѣ разговора съ нею захотѣли посмотрѣть меньшую сестру, которую ревновала старшая. Она вамъ понравилась и вы сказали себѣ: я могу вывести ее изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ она находится, но для этого она должна согласиться на все.

— Да, да, я сказалъ себѣ все это и еще многое другое, отвѣчалъ де-Тальи, приближаясь къ Элизѣ и стараясь взять ее за талію;—я сказалъ себѣ еще: я вижу, что она чистое, невинное созданіе, я хочу любить ее; она, моя красотка, бѣдна, я сдѣлаю ее богатой; ея наслѣдство вздоръ... Вы меня понимаете, дитя мое?

Элиза схватила обѣ руки старика и оттолкнула его отъ себя со всей силой. Она едва вѣрила тому, что слышала.

— Но я ничего у васъ не просила, кромѣ скорѣйшаго исполненія судебной формальности, сказала она.

— Не говорите болѣе объ этомъ. Если я захочу, васъ никогда не введутъ во владѣніе... отвѣчайте мнѣ?

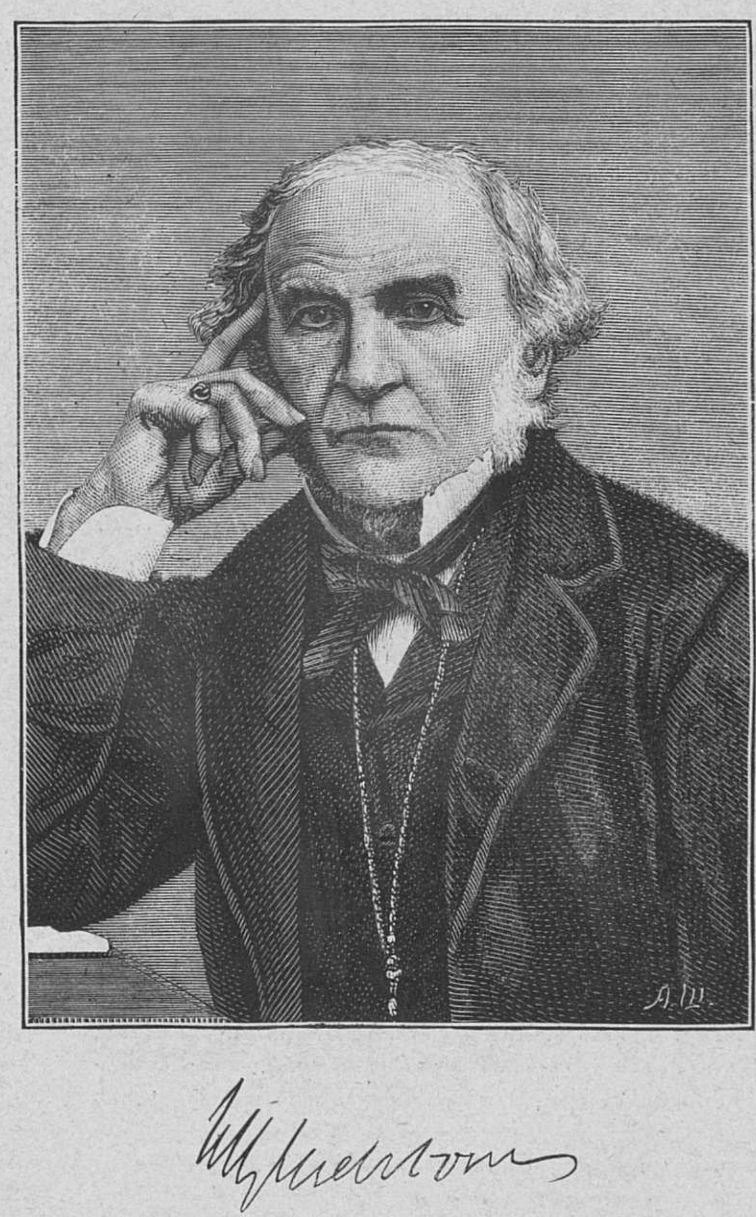
— Но это ужасно, что вы мнѣ говорите...

— Ты ребенокъ... выслушай меня.

— Я вамъ запрещаю такъ говорить со мною.

Онъ схватилъ ее за плечи, она освободилась

ПОРТРЕТЪ ГЛАДСТОНА.



Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

отъ него и побѣжала къ дверямъ. Онъ остановилъ ее за руку.

— Ты можешь кричать, сколько хочешь, сказалъ онъ:—никто не придетъ. Ты должна выслушать меня.

— Нѣтъ, нѣтъ!

Она снова вырвалась изъ его рукъ; онъ сталъ преслѣдовать ее. Она чувствовала, что опасность удесятеряетъ ея силы и когда, наконецъ, она очутилась въ углу и ей некуда было увернуться, она гордо подняла голову и воскликнула съ угрозой:

— Сдѣлайте еще шагъ и я задушу васъ.

— Не говорите пустяковъ. Такія хорошенькія ручки созданы только для ласки.

— Берегитесь!

Но ея сопротивленіе только раздражало развратника. Онъ схватилъ ее за обѣ руки и хотѣлъ поцѣловать ее.

— Подлецъ! Старый...

— Да, я твой старикъ... и ты будешь счастлива!

— Мерзавецъ! Разбойникъ! Спасите!

— Какая ты красавица!

— Спасите! Помогите!

И она плюнула ему прямо въ лицо. Затѣмъ, обезумѣвъ отъ страха и гнѣва, Элиза впилась зубами въ его губы и укусила ихъ до крови. Матье де-Тальи вскрикнулъ отъ боли и отскочилъ, схватившись рукою за ротъ.

Элиза обтерла свои губы рукавомъ, точно прикоснулась къ чему-то ядовитому, и окинула взоромъ всю комнату. Не было возможности спастись. Вдругъ страшная мысль вошла ей въ голову: сестра Орели придумала эту западню и подъучила Матье де-Тальи. Злоба молодой дѣвушки еще болѣе усилилась.

— Выпустите меня отсюда, сказала она.

Матье де-Тальи не отвѣчалъ, онъ стоялъ у зеркала и обтиралъ платкомъ губу.

— Выпустите меня или я буду кричать, повторила Элиза.

— Нѣтъ, ты слишкомъ хороша, отвѣчалъ онъ.

И онъ бросился на нее, но Элиза сдѣлала послѣднее усиліе и, съ помощью зубовъ и ногтей, снова освободилась отъ него. Теперь она совершенно сошла съ ума и какъ бѣшенная металась по комнатѣ, опрокидывая мебель, попадавшуюся ей на дорогѣ. Она уже хотѣла отворить окно и выпрыгнуть въ садъ, не заботясь о высотѣ, какъ вдругъ увидала на конторкѣ большой стальной ножикъ съ черною для разрѣзыванія бумаги. Она схватила его и въ свою очередь бросилась на Матье де-Тальи съ дикимъ крикомъ:

— Выпустите меня или я васъ убью.

Онъ увидалъ по глазамъ молодой дѣвушки, что она исполнитъ угрозу и не колебался ни минуты. Онъ подошелъ къ письменному столу и позвонилъ. Чувствуя себя спасенной, Элиза бросилась къ двери, а Матье де-Тальи, наскоро поправивъ свой туалетъ, остановился посреди комнаты въ торжественной позѣ. Онъ казался спокойнымъ, серьезнымъ, какъ будто только-что окончилъ важное дѣло.

Въ ту самую минуту, когда приставъ вошелъ въ комнату, Элиза, съ сверкающими глазами, распустившимися волосами, воскликнула:

— Мнѣ стыдно на васъ смотрѣть, подлый старикъ. Я уважала ваши сѣдины, а вы заманили меня въ западню. Но кто вы такой! Васъ подбила моя сестра. Хороши вы оба. Но прежде, чѣмъ уйти отсюда, я хочу заклеймить васъ позоромъ. При вашемъ подчиненномъ я дамъ вамъ пощечину.

И прежде, чѣмъ онъ успѣлъ очнуться, она подбѣжала къ нему и ударила его по щекѣ.

Матье де-Тальи махнулъ приставу. Тотъ схватилъ Элизу, но она вырвалась и выбѣжала изъ комнаты съ крикомъ:

— Негодяй! Подлецъ!

Въ пріемной и во дворѣ всѣ слуги сторонились передъ нею, какъ передъ сумасшедшей, такъ какъ она не переставала кричать:

— Старый разбойникъ! Старый мерзавецъ!

Между тѣмъ Матье де-Тальи сказалъ очень спокойно приставу, который смотрѣлъ на него, какъ человѣкъ ничего не видящій и ничего не слышащій.

— Пошлите ко мнѣ Бореля. Мнѣ надо коечто сказать ему.

Приставъ удалился. Де-Тальи подошелъ къ зеркалу. Ему казалось, что на его щекѣ виднѣлся ясно слѣдъ пяти пальцевъ.

— Ну, рябая красавица, вы дорого заплатите за это, сказалъ онъ, возвращаясь къ своему письменному столу.

Онъ вынулъ изъ ящика листъ бумаги съ печатнымъ заголовкомъ: «Общественная безопасность. Приказъ» и, написавъ три строчки, подписалъ свое имя, поставилъ сверху: «конфиденціально», положилъ въ конвертъ и запечаталъ. Потомъ онъ позвонилъ и сказалъ явившемуся приставу.

— Отнесите.

Когда приставъ исчезъ за тяжелой портьерой, Матье де-Тальи легъ на диванъ и вскорѣ заснулъ сладкимъ сномъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Горные артилеристы 1-го дивизіона 6-й батареи 39-й артилерійской бригады.

По открытіи кампаніи на нашей азіятской границѣ 6-й горной батареѣ пришлось дѣйствовать въ Аджаріи, но уже къ августу мѣсяцу 1877 г. за неимѣніемъ горной артилеріи въ главныхъ силахъ, оперировавшихъ въ Арменіи, изъ этой батареи выдѣленъ былъ дивизіонъ подъ командою штабсъ-капитана князя Бектабекова и направленъ въ корпусъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова. Перечисленіе всѣхъ подвиговъ горной полубатареи заняло-бы слишкомъ много мѣста; достаточно сказать, что она участвовала въ дѣлахъ при взятіи гор. Ардануча, 16 іюня; 13 августа, при Кизилъ-тапѣ; 19 и 20 сентября — въ составѣ обходной колоны генерала Шелковникова, 3-го октября — при пораженіи арміи Мухтара-паши, при штурмѣ Карса и пр. Но, безспорно, днемъ высшей славы дѣятельности горной полубатареи слѣдуетъ считать прикрытіе отступленія кембинскаго отряда, 20 сентября. Прекрасно задуманный планъ обхода главныхъ силъ Мухтара-паши, приведшій впослѣдствіи къ полному пораженію турецкой арміи, первоначально испробованный 20 сентября, какъ извѣстно, не удался. Наиболѣе трудная роль въ этомъ дѣлѣ выпала на долю кембинскаго отряда генерала Шелковникова, совершившаго въ одну ночь 40-верстный обходъ по гористому, пересѣченному и безводному пространству. Генералъ Шелковниковъ блистательно выполнилъ свою задачу: въ указанный часъ онъ сталъ въ тылу турецкой арміи, на вершинахъ Аладжи, готовясь отрѣзать непріятелю дорогу въ Карсъ. Но когда турки отразили наступленіе съ фронта и выслали противъ Шелковникова силы въ 5 разъ превосходящіе его малочисленный отрядъ, пришлось подумать о собственномъ спасеніи. Отступленіе кембинскаго отряда, 20 сентября, займетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи прошлой войны. Малочисленный отрядъ, утомленный переходомъ и боемъ, тѣснимый превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, блистательно вышелъ изъ затрудненія, не оставивъ въ рукахъ врага ни одного трофея. Одинъ изъ очевидцевъ такъ описываетъ это отступленіе: «Биткомъ набитое ущелье, въ которомъ за тѣснотою едва возможно было двигаться, засыпалось свинцовымъ дождемъ, причемъ пулямъ не задѣть кого-нибудь было весьма трудно, а потому число раненыхъ и убитыхъ росло неимовѣрно. Раненые во время боя, до отступленія, шли въ головѣ отступающихъ и ихъ положеніе относительно было сносно, хотя страданія отъ устали, потери крови, у многихъ отсутствія перевязки и у всѣхъ отсутствія воды — были ужасны. Но никакое перо не въ состояніи описать, что происходило съ ранеными, входившими въ составъ отступающаго отряда и получившими пораненіе въ этой давкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ столпленіе было такъ велико, что положительно раненый не находилъ мѣста, гдѣ-бы упасть; убитые выносились этою толпою, чтобъ только при выходѣ на болѣе просторное мѣсто, упасть свободно на землю... Увидѣвъ, что турки наполнили пройденный нами горный проходъ, штабсъ-капитанъ Бектабековъ развернулъ свою полубатарею и сталъ стрѣлять картечью по наступающимъ, чѣмъ задержалъ наступленіе турокъ. Геройскій поступокъ горной батареи далъ намъ возможность на минуту пріостановиться, собрать, устроить наши части и ужъ тогда продолжать движеніе». (См. «Голосъ», № 100, 1878 г., «Первый обходъ Аладжи».) Къ вечеру того дня отрядъ достигъ берега Арпачая и съ разсвѣтомъ переправился на нашу сторону. Его высочество главнокомандующій почтилъ героевъ благодарственной депешей. Много георгіевскихъ крестовъ было прислано отряду. Достались они и доблестнымъ артилеристамъ, своей отвагой давшимъ возможность товарищамъ пѣхотинцамъ устроиться, вздохнуть и въ большемъ порядкѣ продолжать путь. На рисункѣ изображены солдаты — георгіевскіе кавалеры горнаго дивизіона и офицеры его: подпоручикъ Зарыцкій, поручикъ Тупицынъ и командиръ дивизіона, также георгіевскій кавалеръ, капитанъ князь Бектабековъ.

Къ рисункамъ.

Нѣсколько словъ объ академической живописи по поводу «Грѣшницы» г. Веселовскаго. Картина г. Веселовскаго, какъ извѣстно, получила золотую медаль на академическомъ конкурсѣ и, если принять во вниманіе требованія академіи, то, конечно, она заслуживаетъ этой награды. Пятна расположены не дурно, гармонія линій сохранена въ достаточной степени, рисунокъ по большей части правиленъ. Въ жестахъ, въ положеніи фигуръ, въ выраженіи лицъ, въ драпировкахъ вы находите требуемую условность, благодаря которой «Грѣшница» г. Веселовскаго во многомъ напоминаетъ не только «Магдалину» Иванова, но и множество другихъ картинъ, написанныхъ на эту тему и въ подражаніе стилю живописи итальянскаго Возрожденія. Однимъ словомъ, картина г. Веселовскаго вполнѣ подходитъ подъ требованія и условія, такъ называемой, академической живописи. Нѣсколько раньше, именно въ № 10 «Живописнаго Обозрѣнія» мы помѣстили двѣ другія картины, принадлежащія къ той-же академической живописи: Шомера «Августъ у гроба Александра» и Брамто «Смерть Демосфена». Не смотря на то, что всѣ три картины принадлежатъ молодымъ художникамъ различныхъ національностей, художникамъ, развивавшимся подъ различными вліяніями, при различныхъ условіяхъ, — всѣ онѣ имѣютъ, такъ сказать, нѣкоторыя общія, родственныя черты; во всѣхъ трехъ картинахъ прежде всего поражаетъ зрителя крайняя условность формъ, нѣкоторая деревянность движеній, ходульность, нѣчто сухое и почти безжизненное, вслѣдствіе чего картины не производятъ никакого непосредственнаго впечатлѣнія. Индивидуальность художника, его личное міросозерцаніе, его развитіе не отразились въ картинѣ: школа, если можно такъ выразиться, поглотила личность художника, сдѣлала его болѣе или менѣе удачнымъ подражателемъ и понизила его талантъ, по крайней мѣрѣ, на столько-же, на сколько и обезличила его. Таковъ почти неизбѣжный результатъ всякой установившейся, господствующей школы, выработавшей свою эстетическую теорію и живущей уже созданными художественными формами.

Академическая школа есть не столько результатъ раціональнаго и естественнаго развитія искуства,

сколько протестъ противъ художественнаго упадка въ XVIII столѣтіи. Давидъ, возмущенный сквернымъ вкусомъ своего времени, желая реагировать противъ манерности Ванлоо и Буше, которымъ восторженно поклонялась толпа, по необходимости принужденъ былъ вернуться къ формамъ античнаго искусства и довелъ свой протестъ до послѣднихъ границъ возможнаго. Этотъ протестъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ полезенъ европейскому искусству, освобождая его отъ условнаго вкуса, отъ стремленія къ сантиментальнымъ эфектамъ въ ущербъ художественной правдѣ; но поклоненіе пластической формѣ, гармоніи линій увлекли Давида слишкомъ далеко; его картины напоминаютъ собою античный барельефъ. Энгръ, пользуясь указаніями учителя, понялъ, однакожъ, этотъ недостатокъ и пришелъ къ убѣжденію, что поворотъ, совершенный Давидомъ, только тогда будетъ благотворнымъ, когда живопись возвратится къ традиціямъ римской школы и по преимуществу къ Рафаэлю. По его мнѣнію, ни испанцы временъ Мурильо, ни фламандцы временъ Рубенса, ни голландцы временъ Рембрандта, не говоря уже о французахъ эпохи Пусена, и нѣмцахъ эпохи Гольбейна, — не отвѣчаютъ тому идеалу, къ которому должна стремиться живопись. Одна только Италія представляетъ кое-что въ этомъ отношеніи; но и среди итальянцевъ Возрожденія Энгръ дѣлаетъ строгій выборъ: Флоренція въ его системѣ не болѣе, какъ лепетаніе ребенка, Венеція — малая шалость, Парма—симптомъ болѣзненнаго настроенія. Тиціанъ и Корреджіо — развратители; одинъ только Рафаэль резюмируетъ условія красоты, Рафаэль есть выраженіе полной истины, и кто хочетъ идти твердымъ шагомъ на пути творчества, долженъ постоянно изучать его. Школа, созданная такимъ образомъ Энгромъ, завоевала себѣ мало-по-малу право гражданства, развилась и укрѣпилась, благодаря таланту и энергіи прежде всего самого Энгра, отчасти-же благодаря романтической школѣ Делакруа, смѣлости которой казались какою-то уродливостью и нелѣпостью. Такимъ образомъ, мало-по-малу возникли новыя воззрѣнія, установилась эстетическая теорія, образовался, такъ сказать, художественный кодексъ, полный и законченный, выходить за предѣлы котораго считалось упадкомъ въ искусствѣ. Кодексъ получилъ офиціальную санкцію и вошелъ въ основу офиціальнаго преподаванія во всѣхъ европейскихъ художественныхъ академіяхъ вообще и нашей петербургской академіи художествъ въ частности. Главныя, основныя положенія этого кодекса можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ: когда искусство не достигло такихъ богатыхъ результатовъ развитія, какъ въ античной Греціи и Италіи Возрожденія, значитъ, и величайшіе, наиболѣе совершенные образцы искусства находятся только въ древней Греціи и въ Италіи XVI столѣтія. Поэтому, не зачѣмъ искать новыхъ путей, когда настоящій путь уже давно отысканъ; изучайте произведенія этихъ величайшихъ геніевъ, которыхъ никто еще не превзошелъ, и когда вы проникнете во всѣ ихъ тайны, — тогда только вы можете творить самостоятельно. Благодаря этой теоріи, преподаваніе въ академіи художествъ ограничивается тщательнымъ изученіемъ художественныхъ произведеній и образцовъ въ скульптурѣ античной Греціи, въ живописи Италіи Возрожденія, до тѣхъ поръ, пока молодой художникъ сдѣлается почти совершенно неспособнымъ къ самостоятельному и независимому творчеству. Въ сущности, иначе и быть не можетъ при данныхъ условіяхъ. Академія является не просто учебнымъ заведеніемъ, програма котораго болѣе или менѣе отвѣчаетъ потребностямъ и значенію современнаго искусства, но ограниченнымъ учрежденіемъ, корпораціей, которая,—какія-бы ни были личныя достоинства лицъ, составляющихъ ее,—по необходимости и, такъ сказать, роковымъ образомъ является представительницей прошедшаго, по той простой причинѣ, что всякая организованная и имѣющая къ тому-же авторитетъ корпорація основана на извѣстной доктринѣ, исключающей всякую личную независимость, всякую оригинальность.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, современное европейское и русское искусство имѣетъ передъ собою три пути: или подражаніе искусству прошедшихъ столѣтій (академическая школа), или подражаніе дѣйствительности (реалистическая школа), или-же наконецъ свободное и независимое выраженіе личности и индивидуальности художника. Первый путь есть путь академическій. Въ основѣ его лежитъ болѣе или менѣе скрытое отрицаніе всякаго прогреса въ искусствѣ, всякаго независимаго и свободнаго проявленія личности, возвратъ искусства къ той точкѣ, на которой оно стояло въ эпоху папы Льва X. Но такъ какъ подобное дѣло на практикѣ невозможно, то большинство художниковъ (за весьма малыми исключеніями), подпавшихъ вліянію академической школы, находятъ болѣе удобнымъ отрѣшаться отъ всякой личной мысли, отъ всякаго личнаго чувства, и ограничиваются изученіемъ формъ и пріемовъ, которые считаются безусловнымъ совершенствомъ.

Но подобнаго рода крайность приводитъ къ другой крайности тѣхъ молодыхъ художниковъ, которые не могутъ примириться съ академической формулой. Они бросаются въ реализмъ. Реалистическая формула, доведенная до своего крайняго развитія, низводитъ художника на роль рабскаго подражателя и, съ этой точки зрѣнія, только то произведеніе искусства можетъ считаться совершенствомъ, которое будетъ заключаться въ полной и абсолютной иллюзіи; другими словами—реалистическое произведеніе есть нѣчто въ родѣ фотографіи, которая передаетъ съ одинаковой вѣрностью не только форму, но и краски. Къ счастью, для реалистической школы такого рода крайность невозможна. Человѣкъ, помимо всѣхъ теорій и воззрѣній, во всякое дѣло вноситъ нѣчто свое, личное. Какъ-бы рабски точно онъ не желалъ передавать видимую дѣйствительность, онъ всегда внесетъ въ произведеніе частичку своего чувства, своей индивидуальности. Въ этой-то именно индивидуальности и заключается главнымъ образомъ сущность всякаго истиннаго произведенія искусства. Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы техническое изученіе было безполезно. Напротивъ, —учиться всегда полезно, и въ этомъ отношеніи изученіе великихъ произведеній прошедшаго такъ же важно, какъ и изученіе природы, но какой смыслъ имѣетъ простой, непосредственный возвратъ къ прошедшему. Въ искусствѣ,—теперь это мы знаемъ уже самымъ положительнымъ образомъ, — существуетъ одно неизбѣжное условіе: художникъ долженъ жить въ полномъ и самомъ широкомъ значеніи этого слова; онъ долженъ откликаться на всѣ явленія жизни, его мысль должна участвовать во всѣхъ движеніяхъ, волнующихъ общество и окружающихъ его людей, но прежде всего и въ особенности онъ долженъ быть самимъ собой и избѣгать во что-бы то ни стало подражанія даже самымъ высокимъ произведеніямъ искусства, такъ какъ всякое подражаніе доказываетъ только отсутствіе творчества, а безъ творчества не существуетъ и художника.

Къ сожалѣнію, академическая школа, требуя отъ художника изученія не жизни и дѣйствительности, а образцовъ искусства эпохи Возрожденія, въ большинствѣ случаевъ обезцвѣчиваетъ его. Для примѣра можно указать на ту же «Грѣшницу» г. Веселовскаго. Это не болѣе, какъ талантливый академическій этюдъ на заданную тему. Въ художникѣ видно довольно основательное знакомство съ итальянскими мастерами, но не видно его самого. Въ евангельскую сцену онъ не внесъ ни своей мысли, ни своего чувства; не только вся композиція, но и каждая фигура въ отдѣльности взятая напоминаетъ вамъ сотни композицій и тысячи фигуръ, видѣнныхъ вами не разъ въ Эрмитажѣ. Представьте себѣ ту-же самую сцену, написанную художникомъ столь-же талантливымъ, какъ г. Веселовскій, но только отрѣшившимся отъ академической рутины. Его картина, можетъ быть, была-бы не такъ правильна, но производила-бы несомнѣнно сильное впечатлѣніе; не стѣсняемый требованіями условныхъ формъ, онъ бы внесъ въ картину больше жизни, онъ-бы оживилъ ее личнымъ чувствомъ и надѣлилъ-бы ее драматизмомъ, который въ картинѣ г. Веселовскаго совершенно отсутствуетъ.

Женская головка, Тофано (№ 16 Жив. Об.). Скромное названіе, данное Тофано своей картинѣ не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни роскошна сама женская головка, но еще роскошнѣе ловкое, необыкновенно искусное и талантливое исполненіе ея. Но такова уже, какъ кажется, особенность современныхъ итальянскихъ художниковъ. Нѣкоторые пуристы утверждаютъ, будто-бы ихъ реализмъ сводится на мелочную и кропотливую передачу внѣшности; но это не совсѣмъ вѣрно; если внѣшность передается ими съ необычайною роскошью подробностей, то самая манера итальянскихъ художниковъ необыкновенно пріятна, эскизна, широка. Эти особенности легко наблюдать и въ акварели г. Тофано. Начиная съ платья, цвѣтовъ, шляпки, обратите вниманіе на красивую руку, держащую громадный букетъ, и на спокойное лицо итальянскаго типа, лицо, которое такъ часто можно встрѣтить въ Римѣ на Monte Pincio, или во Флоренціи въ Кашинахъ. Все это необыкновенно красиво, съ большимъ вкусомъ и все это въ тоже время правдиво, потому что живо и непосредственно схвачено съ натуры.

Янычаръ и евнухъ, Б. Констана (№ 16 Ж. Об.). Къ такому-же роду живописи можно отнести и картину Констана. Молодой французскій художникъ, обнаружившій уже не дюжинный талантъ въ прежнихъ своихъ картинахъ, знакомитъ теперь насъ съ востокомъ. Хотя востокъ и очень старая художественная тема, но она всегда привлекательна для художника, благодаря своеобразнымъ типамъ, оригинальнымъ костюмамъ и необычайной силѣ красокъ и живописности. Посмотрите, напр., на этого грознаго янычара, развалившагося на диванѣ, на его богатый восточный костюмъ, на его сосредоточенное, восточное лицо, на его непринужденную позу. Посмотрите затѣмъ на рядомъ сидящаго съ нимъ евнуха, съ отупѣвшимъ лицомъ, съ необыкновеннымъ чурбаномъ на головѣ, полу-голаго, съ руками, сложенными на животѣ. Все это необыкновенно характерно и живо переноситъ насъ на востокъ, о которомъ еще такъ недавно грезили поэты и художники. Картина Бенжамэна Констана, точно отрывокъ изъ поэмы Байрона,—въ ней столько-же красокъ, свѣта, блеска, оригинальности и поэзіи, сколько и въ восточныхъ поэмахъ англійскаго поэта.

Все изъ яйца! (Omne vivum ex ovo). Это одна изъ тѣхъ прелестныхъ бездѣлушекъ, которыя ежегодно производитъ Парижъ, и только одинъ Парижъ, отличающійся въ подобныхъ произведеніяхъ удивительнымъ изяществомъ и вкусомъ. Этотъ ребенокъ, выходящій изъ пасхальнаго яйца, замѣчательно граціозенъ и привлекателенъ. Статуетка эта, сдѣланная изъ «терракотты» или «бисквита» можетъ дѣйствительно служить украшеніемъ любого стола въ гостиной.

Молода еще! Дѣвочка-тряпичница въ грубой одеждѣ, въ деревянныхъ башмакахъ, собирая тряпки и хламъ, нашла полумаску и примѣряетъ ее передъ зеркальнымъ окномъ съ наивной улыбкой. Ей тоже хочется посмотрѣть, какова она будетъ въ маскѣ. Вотъ содержаніе этой небольшой, но граціозной и прекрасно исполненной картины, дышащей простотой и наивностью.

Смѣсь.

— Шерифъ бенкервильскаго округа (Разсказъ Дж. Габбертона). Онъ какъ разъ подходилъ къ характеру туземцевъ; и чтобы они стали дѣлать безъ него, имъ и помыслить объ этомъ было страшно. Въ короткое время существованія этого новаго округа въ немъ уже успѣли смѣниться 3 шерифа, пока наконецъ, благодаря счастливой случайности, на это мѣсто не былъ избранъ Чарльзъ Манзель; каждый изъ его предшественниковъ отличался крупнымъ недостаткомъ: первый—небрежно относился къ сбору податей, былъ только номинально шерифомъ; второй—такъ пьянствовалъ, что все равно, какъ бы его вовсе не было; а третій, энергичный и неутомимый на охотѣ, былъ до такой степени вялъ и добродушенъ при исполненіи обязанностей шерифа, что скорѣе поощрялъ, чѣмъ останавливалъ всякаго рода злоупотребленія и безпорядки. Съ избраніемъ Чарльза Манзеля все пошло совершенно иначе. Его, относительно, очень мало знали у насъ. Онъ появился здѣсь ровно за годъ до дня избранія и занимался часовымъ мастерствомъ, преимущественно починкой; но занятіе это, конечно, приносило ему у насъ очень мало выгоды и у него оставалось много свободнаго времени. Его, однакожъ, никогда не видали въ кабакахъ и онъ не игралъ въ карты, между тѣмъ все очень скоро полюбили его. Онъ, вѣроятно, нравился своею внѣшностью, представляя разительный контрастъ со всѣми остальными поселенцами, большею частію, согнутыми и худыми, какъ скелеты, отъ мѣстной лихорадки, тогда какъ онъ былъ строенъ, свѣжъ и бодръ! Онъ невольно привлекалъ каждаго своею смѣлою рѣчью и вѣрнымъ сужденіемъ во всякомъ спорѣ, всегда горячо защищая истину и готовый, если бы пришлось, идти съ какою угодно просьбою хотя бы къ самому президенту! Разъ какъ-то, еще при послѣднемъ шерифѣ, когда удалось безнаказанно бѣжать одному убійцѣ, возмущенный Чарльзъ воскликнулъ: «О, если бы я былъ шерифомъ!» И восклицаніе это и его воодушевленное лицо произвели тогда на всѣхъ такое сильное впечатлѣніе, что тутъ-же было рѣшено, на предстоящихъ выборахъ, во что бы то ни стало, предоставить ему должность шерифа. Но когда выборы состоялись, Чарльзъ отказался, заявивъ, что онъ не можетъ быть выбранъ уже потому, что не въ состояніи внести за себя поручительской суммы; но едва это сдѣлалось извѣстнымъ, какъ самые состоятельные граждане внесли за него эту сумму, и такимъ образомъ, волей-неволей, онъ сдѣлался шерифомъ. За то какъ-же усердно принялся онъ за исполненіе своихъ обязанностей! Въ тотъ-же день ему удалось арестовать одного убійцу и, несмотря на то, что онъ былъ гораздо ниже его ростомъ, онъ внушалъ ему, повидимому, такой страхъ, что тотъ не могъ поднять на него глазъ и безпрекословно отдался въ его

ИЗЪ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ.

Къ статьѣ **„Горные артилеристы“.**

Рѣзалъ на деревѣ по фотографіи А. Шлиперъ.

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ 1880 Г.

КАРТИНА ПРОФЕССОРА В. Д. ОРЛОВСКАГО.

Лѣсъ въ солнечный день.

Рисовалъ на деревѣ **Н. Т. Малышевъ**; рѣзалъ **А. Шлиперъ**.

руки. Затѣмъ Чарльзъ сталъ приводить въ порядокъ дѣла, немедленно собралъ подати, не заводя ни съ кѣмъ ссоръ и чрезвычайно мягко относясь къ неимущимъ; когда-же разъ, помимо него, были пойманы три конокрада, съ которыми хотѣли было уже расправиться своимъ судомъ, т. е. попросту повѣсить, Чарльзъ вдругъ явился на мѣсто сборища и, приставивъ пистолетъ ко лбу исполнителя казни, грозно заявилъ, что онъ далъ себѣ слово преслѣдовать всякое убійство, и затѣмъ, собравъ преступниковъ, одинъ повелъ ихъ въ тюрьму. Все это онъ сдѣлалъ такъ быстро и неожиданно, что толпа точно онѣмѣла; но вскорѣ раздались угрожающіе возгласы на самоуправство и вся толпа со сжатыми кулаками ринулась вслѣдъ за шерифомъ. Разъяренные люди настигли его почти у воротъ тюрьмы; но когда онъ, смѣло обернувшись, снова поднялъ свой револьверъ, вмѣсто угрозъ раздался взрывъ восторженныхъ криковъ, съ которыми его и проводили до самаго дома. Вскорѣ, не смотря на то, что Чарльзъ строго преслѣдовалъ шумъ и безпорядки на митингахъ, всѣ такъ привыкли безпрекословно повиноваться ему, что никому и въ голову не приходило ослушаться его; предъ нимъ тотчасъ-же смирялся самый отчаянный буянъ!

Вообще городъ нашъ почти благоденствовалъ; но, конечно, не вездѣ могло распространяться благотворное вліяніе шерифа; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ одномъ селеніи на Миссури, продолжали по прежнему процвѣтать и воры, и убійцы, и конокрады, и шулера, нерѣдко заглядывавшіе и въ нашъ богоспасаемый городъ; въ особенности-же часто стали въ послѣднее время появляться у насъ въ обращеніи фальшивыя деньги; напасть-же на слѣдъ злоумышленниковъ было мудрено, такъ какъ всякій, кому попадались такія монеты или бумаги, старался самъ поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ, чтобы избѣжать лишнихъ хлопотъ. Шерифъ сбился на поискахъ: онъ разспрашивалъ всѣхъ торговцевъ, содержателей трактировъ, сторожей заставъ, перевозчиковъ,—все напрасно! Наконецъ, неожиданный случай помогъ ему: одинъ негръ, рѣдко имѣвшій въ рукахъ деньги, за продажу перьевъ какому-то проѣзжему, получилъ подозрительные жетоны и вечеромъ, продавъ другому проѣзжему еще нѣсколько перьевъ, снова получилъ такія-же монеты; причемъ онъ успѣлъ замѣтить, что оба раза лошади и экипажъ были одни и тѣ-же. Шерифъ, не долго думая, съ своей обычной отвагой, одинъ, верхомъ, полетѣлъ въ погоню по направленію, указанному негромъ, по которому должна была слѣдовать повозка; и дѣйствительно, по мѣрѣ того какъ онъ подвигался впередъ по этой дорогѣ, онъ болѣе и болѣе убѣждался, что это дожны быть фальшивые монетчики; вездѣ, гдѣ онъ останавливался отдохнуть и разспрашивалъ о проѣхавшихъ, ему показывали такія-же монеты.

Между тѣмъ, когда въ городѣ узнали, что шерифъ одинъ пустился въ погоню за ворами, всѣ невольно струсили за него; онъ могъ подвергнуться серьезной опасности. Тотчасъ-же четверо смѣльчаковъ вызвались нагнать его, причемъ также не мало прельщала ихъ и награда, выдаваемая обыкновенно за поимку воровъ.

Проскакавъ нѣсколько часовъ безуспѣшно, они остановились отдохнуть въ одной хижинѣ, гдѣ узнали отъ хозяина, что дѣйствительно нѣсколько времени тому назадъ здѣсь проѣхала крытая повозка, а за нею вскачь промчался какой-то всадникъ и когда они уже скрылись изъ виду, раздался выстрѣлъ, но онъ не обратилъ на это особеннаго вниманія. Встревоженные путники отправились дальше, толкуя о томъ, что, быть можетъ, шерифъ лежитъ теперь гдѣ-нибудь убитый въ кустахъ; какъ вдругъ передъ ними на дорогѣ показалась повозка; она двигалась довольно медленно; сзади была привязана лошадь.

— Какъ! значитъ, они вмѣстѣ и конокрады! воскликнулъ одинъ изъ нихъ.—Что-жь! Можно будетъ, пожалуй, надѣяться и на двойную награду! Только смотрите, не зѣвать! Я поѣду посрединѣ, а вы по бокамъ, и разомъ ударимъ на нихъ!

— Смотрите! воскликнулъ невольно другой,—вѣдь это лошадь шерифа! Они, навѣрное, убили его! Эй, вы, стой! или мы будемъ стрѣлять!

Но не успѣли преслѣдующіе опомниться, какъ изъ повозки раздался выстрѣлъ и одна изъ лошадей ихъ пала мертвою; затѣмъ еще выстрѣлъ—и рядомъ съ убитой лошадью пала другая.

— Чортова снаровка! нечего сказать! воскликнулъ въ бѣшенствѣ второй всадникъ, слѣзая съ убитой лошади.—Догадались-же стрѣлять лошадей!

Оставшіеся еще верхомъ, благоразумно свернули въ сторону съ дороги.

— Что-жь теперь намъ дѣлать? спрашивали они другъ друга.

— Вотъ что! рѣшилъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ, Джимъ Вильямсонъ, молодой парень, самый смѣлый и симпатичный изъ всѣхъ, — я ворочусь немного и осмотрю кусты, не лежитъ-ли онъ гдѣ-нибудь раненый или убитый; можетъ быть, мы проѣхали мимо и не замѣтили его; а вы подождите меня.

И, ведя въ поводу свою лошадь, онъ отправился на поиски за шерифомъ. Но чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился безуспѣшно; онъ осмотрѣлъ каждый кустъ и ничего не нашелъ; онъ замѣтилъ только на дорогѣ нѣсколько капель крови. Онъ предложилъ товарищамъ вернуться въ городъ, а самъ хотѣлъ, во что-бы то ни стало, нагнать повозку; онъ перемѣнился лошадью съ братомъ и направился въ другую сторону; вскорѣ повозка снова показалась передъ нимъ; тогда, не доѣзжая до нея, онъ слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву и пошелъ, держась въ тѣни деревьевъ; вдругъ повозка круто повернула въ чащу лѣса: онъ почти бѣгомъ кинулся за ней и, идя слѣдомъ по единственной тропинкѣ, пришелъ, наконецъ, къ какой-то бревенчатой хижинѣ; онъ часто бывалъ въ этомъ лѣсу, но никогда не замѣчалъ ее прежде; она вдругъ выросла, какъ изъ-подъ земли; повозка остановилась подлѣ нея; и Джимъ, сквозь сумерки, увидѣлъ, какъ изъ нея вышла какая-то фигура и, почти волоча, на рукахъ вынесла другую фигуру и затѣмъ обѣ онѣ скрылись въ хижину; черезъ минуту въ щель двери прорвалась полоска свѣта; оконъ-же не было вовсе, или они были завѣшаны чѣмъ-нибудь плотнымъ. Джимъ долго наблюдалъ, прислонясь къ дереву; наконецъ, рѣшился подойдти поближе; заглянувъ въ повозку, онъ убѣдился, что она пуста, и осторожно подкрался къ хижинѣ; полоска свѣта исчезла и ему долго пришлось искать какого-нибудь отверстія, чтобы подсмотрѣть, что дѣлается внутри; но, наконецъ, когда ему удалось найдти щель и онъ приложилъ къ ней глазъ,—онъ просто замеръ отъ изумленія...

На голомъ полу лежалъ пожилой человѣкъ съ окровавленной и кое-какъ перевязанной рукой; а подлѣ него, держа у себя на колѣняхъ его голову и осыпая ее безчисленными поцѣлуями, сидѣлъ никто иной, какъ бенкервильскій шерифъ!

— Не плачь, дочка, послышался слабый голосъ раненаго,—я заслужилъ это и именно отъ тебя; вѣдь никому не сдѣлалъ я столько зла!

На его голову снова посыпался при этомъ градъ поцѣлуевъ и слезъ.

— Ну, что-жь ты не везешь меня обратно въ тюрьму? снова заговорилъ онъ, — никто не имѣетъ на это большаго права, чѣмъ ты...

— Отецъ, милый! не говори такъ, умоляю тебя! О, если-бы я только знала, что это ты! Развѣ-бы я могла стрѣлять!.. Но могла-ли я думать, что снова встрѣчу тебя именно здѣсь...

— Да, ты честная дѣвушка, ты вся въ мать, сказалъ раненый. — Это, конечно, должно-бы служить мнѣ утѣшеніемъ, но я чувствую, что заслужилъ наказаніе, и тѣмъ болѣе тяжело мнѣ это теперь, когда я снова вижу тебя!..

— Нѣтъ, довольно, ни слова больше объ этомъ! уговаривалъ его шерифъ; — теперь я не выпущу тебя; мы уѣдемъ куда-нибудь далеко, и лучше обоимъ умереть съ голоду, чѣмъ снова тебѣ возвращаться къ позорному ремеслу... Ну, а они могутъ избрать себѣ другого шерифа!

— Если они заподозрятъ тебя въ сообществѣ со мной?

— Пусть заподозрѣваютъ меня въ чемъ хотятъ. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь намъ оставаться долго нельзя. Насъ могутъ открыть и, наконецъ... эта пустая хижина... ты на голомъ полу... истекаешь кровью, а я одна, о, Боже! и нѣтъ никого, кто-бы могъ помочь намъ!

— Я помогу! раздался вдругъ голосъ снаружи.

Оба, отецъ и дочь, невольно вздрогнули, а глаза раненаго загорѣлись, какъ у волка.

— Отворите! снова раздался голосъ за дверью,—не бойтесь, я не выдамъ васъ.

Дверь отворилась, но свѣтъ исчезъ; Джимъ ощупью взошелъ въ хижину; когда-же шерифъ снова зажегъ огонь и взглянулъ на вошедшаго, оба они невольно попятились. Однако Джимъ тотчасъ-же оправился и сказалъ:

— Будьте покойны, никто не откроетъ васъ; я одинъ; я нѣсколько разъ бывалъ въ этомъ лѣсу и ни разу не видѣлъ этой хижины... Что ваша рана опасна?

— Нѣтъ, это у насъ семейный недостатокъ: мы не умѣемъ мѣтко стрѣлять, отвѣчалъ раненый.

Снова посыпались на его голову горячіе поцѣлуи.

— А если не опасна, то можно, черезъ день, два и двинуться отсюда; а то оставаться здѣсь долго неудобно... Впрочемъ... я ожидаю приказаній миссъ... шерифа?..

— Нѣтъ, прежде, чѣмъ вы уйдете отсюда, поклянитесь мнѣ всѣмъ, что для васъ дорого, воскликнулъ раненый, съ трудомъ приподымаясь съ полу,—что вы ни однимъ словомъ, ни даже мыслью не оскорбите мою дочь, подозрѣвая ее въ сообщничествѣ со мною; слышите? О, если-бы вы знали, что это за существо! Когда она была еще ребенкомъ, я выучилъ ее гравированію, думая приготовить для себя впослѣдствіи помощницу, но какъ только она подросла и поняла, въ чемъ штука, она стала умолять меня бросить мое ремесло; я обѣщалъ ей, шутя,—понимаете, если втянешься во что-нибудь, да еще умѣешь удачно хоронить концы, то не легко разстаться... ну, вотъ она все умоляла, пока не захворала съ тоски; а потомъ взяла да и убѣжала отъ меня... И вотъ я два года розыскивалъ, пока намъ опять не удалось встрѣтиться вотъ здѣсь... и она не всадила мнѣ эту пулю!..

— Я не знала, что это ты, отецъ! началъ шерифъ.

— Что-жь, я готовъ поклясться, что не измѣню вамъ, сказалъ Джимъ, — и вотъ на чемъ!

Онъ взялъ маленькую руку шерифа и поднесъ ее къ губамъ.

— Весь вашъ! проговорилъ онъ съ чувствомъ.— Теперь я долженъ буду возвратиться къ своимъ, а завтра на зарѣ я снова буду здѣсь; ждите меня.

И съ этими словами онъ быстро исчезъ. Добѣжавъ до своей лошади, онъ галопомъ пустился по дорогѣ и уже почти у города нагналъ своихъ. Онъ разсказалъ имъ, что окончательно потерялъ изъ виду повозку, что она завернула куда-то въ лѣсъ и что онъ счелъ также за лучшее вернуться, тѣмъ болѣе что если ужь шерифъ убитъ, все равно, имъ не воскресить его...

На другое утро Джимъ объявилъ брату, что отправляется на охоту и чѣмъ свѣтъ уже пробирался снова по знакомой тропинкѣ къ хижинѣ. Онъ привезъ кое-что необходимое для раненаго и съѣстныхъ припасовъ; и самъ на этотъ разъ остался съ нимъ; а шерифъ, забравъ съ собою повозку и все содержимое ея, отправился въ Бенкервиль. Онъ разсказалъ, что отбилъ повозку, но что злодѣй успѣлъ бѣжать и онъ ранилъ его. Конечно, энтузіазмъ былъ общій; ему предложили награду и даже выборы въ депутаты; но онъ отвѣчалъ, что долженъ не только отказаться отъ этой чести, но даже оставить должность шерифа, такъ какъ по дорогѣ случайно узналъ о тяжкой болѣзни своего отца въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ становъ и долженъ будетъ немедленно отправиться къ нему. Конечно, всѣхъ это очень опечалило, но зная непоколебимую рѣшимость шерифа, никто не посмѣлъ настаивать и просили его только взять съ собою что-нибудь на память; шерифъ выбралъ только нѣсколько принадлежностей дамскаго туалета, которыя хотѣлъ свезти своей матери, отъ всего-же остальнаго отказался, и на другое утро оставилъ Бенкервиль.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда исчезъ и Джимъ, къ великому удивленію его брата, который, наконецъ, сталъ подозрѣвать его въ сообщничествѣ съ шерифомъ; вѣроятно, они тайкомъ раздѣлили добычу, подумалъ онъ, тѣмъ болѣе что въ послѣднее время, когда рѣчь заходила о шерифѣ, Джимъ каждый разъ казался смущеннымъ и почти всегда отмалчивался. Наконецъ, исчезновеніе Джима до такой степени заинтересовало его брата, что онъ рѣшился отыскать бѣглеца и, никому не сказавъ ни слова, также исчезъ изъ города. Проплутавъ нѣсколько дней, онъ, наконецъ, напалъ на слѣдъ брата въ сосѣднемъ городкѣ, на пути къ отплытію на пароходѣ «Іова». Хозяинъ гостинницы сказалъ, что дѣйствительно у него остановился молодой парень, но что онъ не одинъ, съ нимъ еще трое, въ томъ числѣ самъ г. судья и они не велѣли впускать къ себѣ никого посторонняго. Узнавъ-же, что спрашивавшій братъ Джима, хозяинъ указалъ ему комнату, гдѣ остановились проѣзжіе.

Братъ Джима подошелъ къ двери и наклонился къ замочной скважинѣ. Въ комнатѣ дѣйствительно стоялъ Джимъ, а около него прехорошенькая молоденькая дѣвушка съ остриженными волосами; затѣмъ какой-то высокій старикъ и судья.

— Именемъ власти, данной мнѣ городомъ Іова, объявляю васъ мужемъ и женою, сказалъ судья.

— Такъ вотъ за какой наградой удралъ онъ сюда, сказалъ про себя братъ Джима.—И я готовъ биться объ закладъ, что это была та дичь, за которой онъ поѣхалъ чѣмъ свѣтъ на другое утро нашей экскурсіи за шерифомъ!

Дальше этого его соображенія не шли.

— **Вагнеръ** (Ст. Жака Оффенбаха). Не безопасно говорить музыкантамъ о музыкѣ. Ихъ деликатные до крайности нервы возбуждаются отъ малѣйшей причины. Нельзя повѣрить, какъ легко можно оскорбить Петра, Павла... и даже Якова. Сколько разъ видѣлъ я Адольфа Адама, музыкальнаго критика въ Assemblée Nationale въ 1854 г., напрасно терявшаго

время, не зная, какъ изворотиться, чтобы какъ-нибудь невзначай не нанести обиду своимъ товарищамъ!

— Вотъ до чего мы дожили! сказалъ онъ мнѣ однажды.—Вчера я дѣлаю отзывъ объ одной комической оперѣ; я осыпаю автора похвалами и оканчиваю мою статью такими словами: «это почти образцовое произведеніе». Онъ мнѣ пишетъ сегодня утромъ: «статья ваша совершенство. Въ ней только одно слово лишнее»... «Вы думаете, что это слово было: образцовое произведеніе? Какъ-бы не такъ,— это было слово: «почти».

Я также остерегусь дѣлать какія-бы то ни было замѣчанія нашимъ молодымъ композиторамъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ дѣйствительный талантъ. Но какъ бы ихъ талантъ усилился, если-бы они имѣли болѣе довѣрія къ своимъ собственнымъ крыльямъ! Всѣ они парализованы этою головою Медузы, которая служитъ имъ объективомъ: головою Рихарда Вагнера. Они принимаютъ за главу школы эту могучую индивидуальность. Пріемы, рожденные съ нимъ, умрутъ съ нимъ. Онъ ни отъ кого не происходитъ; никто не будетъ жить имъ. Дивный образчикъ самороднаго происхожденія! Рихардъ Вагнеръ, записанный въ гражданское сословіе горы Парнаса: «отъ неизвѣстныхъ отца и матери», не будетъ имѣть потомства. Это—сѣверное сіяніе, которое приняли за солнце. Этотъ новаторъ увязъ въ класической тинѣ. Онъ знаетъ основательно старинныхъ плодовитыхъ композиторовъ: Генделя, Баха и въ особенности Глюка. Съ чѣмъ я его и поздравляю. Ничего не заимствуя отъ нихъ, онъ напитался ими. Вагнеръ и его адепты представляютъ, говорятъ намъ, «музыку будущаго». Но какимъ срокомъ ограничиваете вы это будущее? Вотъ уже 30 лѣтъ, какъ Тангейзеръ и Лоенгринъ имѣли свой заслуженный успѣхъ. Гдѣ-же ихъ отродье? Что породили они? Если-бы Вагнеръ былъ родоначальникомъ школы, его школа была-бы въ полномъ блескѣ. Я вижу достаточно композиторовъ, которыхъ онъ смутилъ; я не вижу, кого-бы онъ воодушевилъ. Нѣтъ, Вагнеръ не родоначальникъ школы.

Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ на главныхъ сценахъ Германіи были представлены такъ называемыя оперы «à la Wagner». Спросите публику, помнитъ-ли она названія этихъ оперъ, помнитъ-ли имена этихъ композиторовъ. Въ Мюнхенѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ были поставлены нѣкоторыя оперы Вагнера, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я говорилъ выше. Каждая попытка производилась при звукахъ трубъ. Тріумфъ предшествовалъ произведенію; онъ не слѣдовалъ за нимъ.

Донъ-Жуанъ былъ также принятъ холодно, когда онъ былъ представленъ въ первый разъ въ Вѣнѣ. Императоръ Іосифъ II сказалъ Моцарту: «Опера ваша величественна, но это не пища, годная для зубовъ нашихъ вѣнцевъ».

— Дадимъ имъ время пережевать ее, ваше величество, отвѣчалъ безсмертный учитель.

Чрезъ мѣсяцъ Донъ-Жуанъ былъ привѣтствованъ радостными криками.

Я сомнѣваюсь очень сильно, чтобы публика имѣла-бы когда-нибудь зубы на столько сильные, чтобы пережевать произведенія, упавшія изъ-подъ пера Вагнера впродолженіи 20 лѣтъ.

Россини дѣйствительно уважалъ Моцарта.

— Учитель, спросили его однажды,—что думаете вы о Бетховенѣ?

— Это первый между всѣми музыкантами.

— А Моцартъ?

— Это единственный!

Я не смѣю думать о мѣстѣ, которое отвелъ-бы Россини Вагнеру: оно, безъ сомнѣнія, было-бы тоже, какое Вагнеръ отвелъ Россини.

Оберъ поздравлялъ однажды одного музыканта (я имѣю причины не называть его) по поводу его успѣховъ и его большой легкости.

— Что дѣлать, отвѣчалъ ему композиторъ,—я принужденъ платить чистыми деньгами. Я не имѣю права требовать отъ публики за 3 мѣсяца впередъ.

Молодая школа показываетъ большое презрѣніе къ французскимъ композиторамъ, ко всѣмъ мелодистамъ, платящимъ чистоганами своей популярности. Это значитъ осуждать Донъ-Жуана, Фрейшюца, Жидовку, Бѣлую даму, Фенеллу, Гугеноты, Вильгельма Теля и т. д. Это значитъ осуждать безподобныя симфоніи Гейдна, Мендельсона, величественныя симфоніи Бетховена, въ которыхъ мелодія выступаетъ за край.

Можетъ случиться, какъ насъ въ этомъ увѣряютъ, что всѣ эти великіе учителя не «музыканты будущаго». Все-же впродолженіи 60 лѣтъ они держатся еще, привѣтствуются радостными криками, болѣе сочувственными, чѣмъ-когда нибудь, благодаря контрастамъ, благодаря въ особенности тому божественному огню, о который Прометей обжегъ себѣ пальцы и который называютъ по-просту геніемъ.

— Измѣненіе устава академіи художествъ. Намъ сообщаютъ слухъ объ измѣненіи устава императорской академіи художествъ. Въ будущемъ думаютъ ввести въ уставъ слѣдующія правила: «Императорская академія художествъ объявляетъ конкурсъ на золотыя медали по жанру для художниковъ и постороннихъ лицъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) право участія въ конкурсахъ предоставляется: а) окончившимъ курсъ художественнаго образованія въ академіи съ 1-ю серебряною медалью, но не ранѣе какъ черезъ три года послѣ выхода изъ академіи; б) постороннимъ и в) лицамъ женскаго пола, какъ бывшимъ ученицамъ, такъ и постороннимъ. 2) Лица обоего пола, невоспитывавшіяся въ академіи, для полученія права вступить въ конкурсъ должны: а) написать этюдъ въ этюдномъ класѣ академіи и б) выдержать испытаніе въ композиціи. 3) Выборъ сюжета собственно для конкурса предоставляется автору съ тѣмъ, чтобы эскизъ картины въ достаточно обработанномъ видѣ былъ представленъ на разсмотрѣніе совѣта къ опредѣленному сроку. При одинаковыхъ достоинствахъ историческому жанру отдается предпочтеніе. 4) Въ конкурсахъ дозволяется участвовать по нѣсколько разъ, но во всякомъ случаѣ не позже 30 лѣтъ отъ роду. 5) Конкурсъ будетъ происходить черезъ годъ въ опредѣленное совѣтомъ время, о чемъ будетъ заблаговременно сообщаться черезъ газеты. 6) Удостоенный 1-й золотой медали получаетъ право на пенсіонерское содержаніе втеченіи двухъ лѣтъ. Желающіе ѣхать за границу, получаютъ сверхъ содержанія путевыя въ оба конца. 7) Кромѣ 1-й золотой медали назначаются еще для поощренія золотыя медали: 2-го достоинства и за экспресію. Посторонніе, удостоенные 1-й золотой медали, подвергаются испытанію изъ спеціальныхъ предметовъ научнаго курса академіи по живописи, если имѣютъ свидѣтельство не ниже 4-хъ классовъ гимназіи». Объ этихъ правилахъ мы еще надѣемся поговорить подробно въ обстоятельной статьѣ, касающейся академіи и ея порядковъ.

— Дебютъ г. Стрѣльскаго. Лучшей дебютной ролью г. Стрѣльскаго была роль Сюливана въ комедіи «Любовь и Предразсудокъ». Это очень трудная роль. Артистъ долженъ употребить много труда на всестороннее изученіе ея. Эту роль г. Стрѣльскій исполнилъ прекрасно; послѣдній монологъ онъ сказалъ глубоко прочувствованно. Самыя трудныя сцены во второмъ актѣ, гдѣ онъ, по внушенію отца Леліи, долженъ себя компрометировать передъ нею, онъ провелъ мастерски. Все, начиная съ прекрасной мимики и интонаціи, вполнѣ соотвѣтствовало тѣмъ даннымъ, которыя изобильно сосредоточены въ этомъ наиболѣе психологически-сложномъ и эфектномъ мѣстѣ пьесы. Послѣ этого акта г. Стрѣльскаго вызвали восемь разъ. Г-жа Федорова въ роли Леліи была хороша. Гг. Зубовъ, въ роли отца, Волковъ — Думпля, Трофимовъ — адвоката Пикока, способствовали недурному ансамблю пьесы.

— Спектакль въ пользу кассы артистовъ. На святой недѣлѣ въ александринскомъ театрѣ будетъ устроенъ спектакль въ пользу вспомогательной кассы артистовъ императорскихъ театровъ. Для этого спектакля будетъ возобновлена извѣстная переводная комедійка «Отъ поцѣлуя къ поцѣлую», въ которой главную роль исполнитъ г-жа Савина. Въ заключеніе назначенъ дивертисементъ.

— Е. П. Струйская. Мы слышали, что Е. П. Струйская по болѣзни уѣзжаетъ на нынѣшнее лѣто заграницу и что въ будущемъ году она сходитъ со сцены. Такъ что бенефисъ ея, который состоится въ предстоящемъ сезонѣ (въ сентябрѣ), будетъ прощальнымъ. Сценическія заслуги уважаемой артистки и добрыя дѣла, сдѣланныя ею и проявившіяся въ нравственныхъ и матеріяльныхъ поддержкахъ собратамъ по искуству, заставятъ долго помнить о ней.

— Пари съ доминиканцемъ. Во время проповѣди въ церкви Троицы, въ Парижѣ, патеръ Оливье, доминиканецъ, обратился къ своимъ прихожанамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Кто желаетъ держать со мной пари въ 50,000 франковъ, что республика не продержится дольше 10 лѣтъ во Франціи?» Не привыкшіе къ подобнымъ выходкамъ слушатели молчали. Тогда патеръ продолжалъ торжествующимъ тономъ: «Вотъ видите, никто изъ васъ не рѣшается держать со мною пари!» На другой день появилось въ газетѣ «XIX Siècle» статья Сарсе, въ которой предлогается республиканцамъ держать пари, предлаженное доминиканцемъ. Деньги 50 т. франк. почтенный писатель совѣтуетъ собрать по подпискѣ, а сумму, которую доминиканецъ представитъ въ залогъ, обратить на благотворительную цѣль, когда черезъ 10 лѣтъ, вслѣдствіе проиграннаго имъ пари, она сдѣлается достояніемъ его противниковъ. «Не мѣшаетъ, говоритъ г. Сарсе, — наказать такимъ образомъ патера за сомнѣнія, выраженныя имъ относительно прочности существующей формы правленія во Франціи, а также за ругательства, которыми онъ осыпаетъ въ своихъ проповѣдяхъ республиканцевъ, называя ихъ канальями и т. п.» По всей вѣроятности, предложеніе это будетъ встрѣчено съ сочувствіемъ, однако изъ выше приведеннаго случая нельзя не усмотрѣть, какъ мало стѣсняются раздражать общественное мнѣніе представители тѣхъ монашескихъ конгрегацій (а доминиканцы принадлежатъ именно къ такой конгрегаціи), которыхъ настоящее правительство отказывается признавать.

Шахматный отдѣлъ.

Происходившій въ петербургскомъ обществѣ любителей шахматный турниръ-гандикапъ, о которомъ мы сообщали въ № 6 нашего журнала, надняхъ окончился. Первый призъ получилъ г. Шифферсъ, второй г. Чигоринъ, игроки 1-ой категоріи, третій—г. Резановъ (3 кат.), четвертый—г. Гольманъ (5 кат.) и пятый—г. Бѣлинъ (3 кат.).

Въ томъ-же обществѣ 14 апрѣля долженъ былъ начаться четвертый матчъ между г. Шифферсомъ и г. Чигоринымъ. Первый матчъ былъ выигранъ г. Чигоринымъ, при 7 выигранныхъ и 3 проиграныхъ партій, второй—г. Шифферсомъ, при 7 выигранныхъ и 6 проиграныхъ партій и третій, происходившій въ апрѣлѣ прошлаго года,—г. Чигоринымъ при 7 выиграныхъ и 4-хъ проиграныхъ партій. Новый матчъ будетъ играться при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и прежніе, т. е. побѣдителемъ будетъ считаться тотъ, кто первый выиграетъ 7 партій; время для обдумыванія ходовъ, какъ вообще во всѣхъ серьезныхъ состязаніяхъ, ограничено: каждымъ игрокомъ должно быть сдѣлано въ часъ не менѣе 15 ходовъ (въ прежнихъ 20-ть); состязаніе будетъ происходить еженедѣльно, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, съ 7 час. вечера. Съ нѣкоторыми партіями изъ этого матча мы познакомимъ нашихъ читателей.

Извѣстный шахматному міру г. Розенталь (въ Парижѣ), получившій третій призъ на международномъ турнирѣ въ Вѣнѣ въ 1873 г., но неудачно сражавшійся на послѣднемъ парижскомъ турнирѣ 1878 г., вызвалъ на матчъ побѣдителя въ этомъ турнирѣ, Цукерторта; вызовъ этотъ принятъ и состязаніе должно начаться въ этомъ мѣсяцѣ въ Лондонѣ, въ Сен-Джоржскомъ шахматномъ клубѣ. Условія матча: побѣдителемъ будетъ признанъ тотъ, кто первый выиграетъ 7 партій; въ недѣлю должно быть съиграно не менѣе трехъ партій; на обдумываніе 30 ходовъ каждому игроку полагается 2 часа времени; пари — 2,500 франковъ, собранныхъ по подпискѣ между членами парижскаго и лондонскаго шахматныхъ клубовъ.

Въ настоящемъ номерѣ мы даемъ одну изъ партій Цукерторта, игранную на данномъ имъ сеансѣ въ г. Кембриджѣ, на которомъ онъ велъ одновременно 12 партій несмотря на доску.

ПАРТІЯ № 11.

Гамбитъ Эванса.

Играна 13 февраля 1880 г.

Цукертортъ. *Бѣлые*	**Ф. Карръ.** *Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. С f1—c4	3. С f8—c5
4. b2—b4	4. С c5 : b4
5. c2—c3	5. С b4—a5
6. d2—d4	6. e5 : d4
7. 0—0	7. d7—d6 *a*
8. Ф d1—b3	8. Ф d8—f6
9. e4—e5 *b*	9. d6 : e5
10. Л f1—e1	10. С a5—b6 *c*
11. С c1—g5	11. Ф f6—g6 *d*
12. К f3 : e5	12. К c6 : e5
13. Л e1 : e5 †	13. Кр e8—f8
14. К b1—d2	14. f7—f6 *e*
15. Ф b3—a3 †	15. c7—c5
16. Л e5 : c5!	16. С b6 : c5
17. Ф a3 : c5 †	17. К g8—e7
18. Л a1—e1	18. Ф g6—e8
19. С g5—f4	19. b7—b6
20. Ф c5—a3	20. a7—a6
21. С f4—d6	21. Л a8—a7
22. К d2—f3	22. Л a7—d7
23. К f3 : d4	23. Л d7 : d6
24. Ф a3 : d6	24. Ф e8—d7
25. К d4—e6 †	25. Кр f8—e8
26. К e6 : g7 †	26. Кр e8—d8
27. Ф d6 : f6 черные сдались.	

Примѣчанія къ партіи.

a) Здѣсь лучше играть 7... С a5—b6; 8. c3 : d4, d7—d6.

b) Лучшее продолженіе, дающее очень сильную атаку.

c) Лучше было играть С c8—d7, или К g8—h6.

d) На 11. ... Ф f6—f5 бѣлые продолжаютъ 12. К f3 : e5, К c6 : e5; 13. f2—f4, d4 : c3 †; 14. Кр g1—h1, С b6—d4; 15. К b1 : c3 и бѣлые имѣютъ сильнѣйшую игру.

e) На 14. ... d4 : c3, бѣлые отвѣтили-бы 15. К d2—f3, а затѣмъ К f3—h4.—На 14. ... С c8—d7 послѣдовало бы 15. К d2—e4, а затѣмъ Ф b3—a3 †.

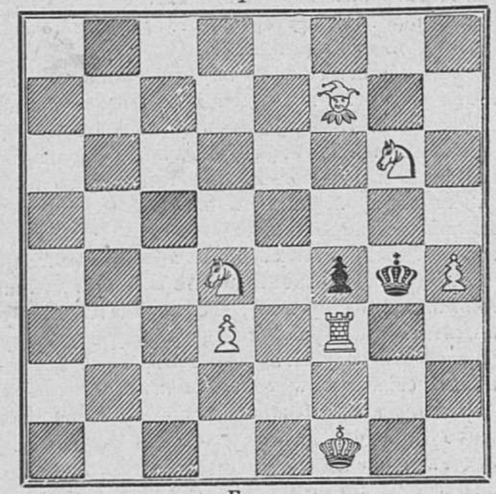
f) Еще сильнѣе бѣлые могли играть 20. Ф c5 : d4, угрожая 21. Ф d4 : f6; g7 : f6; 22. С f4—h6 X.

ЗАДАЧИ

№ 26.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ.)

Черные.



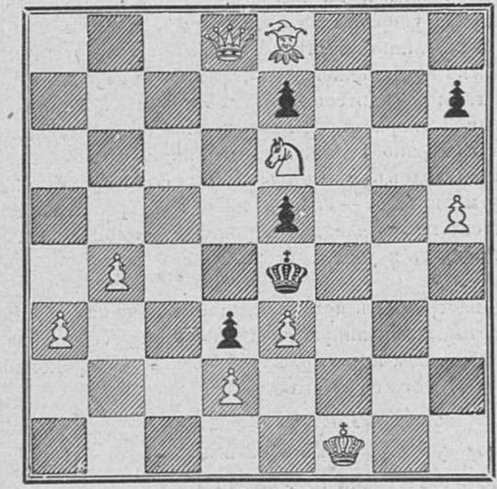
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 27.

Хохолуша (въ Прагѣ.)

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачъ (въ № 11.)

№ 18. Ламуру.

1. $\frac{\text{С g1—h2}}{\infty}$; 2. Ф, Л или К X смотря по ходу черныхъ.

Правильно рѣшили: *К. Сердешневъ, Н. Федоровъ, В. Эсиповъ, Ф. Паской, Н. Даржанъ, В. Венна, Н. Пикачевъ, В. Гориневскій, С. Мееровичъ.*

ОТВѢТЫ.

А. Сафонову (Тверь). Не намъ, а вамъ нужно быть внимательнѣе. Сообщайте вѣрныя рѣшенія и фамилію вашу напечатаемъ въ числѣ рѣшившихъ задачи.

Д. В. Кларку (Барнаулъ). Благодаримъ за присылку задачъ.

А. Рѣдкину (Малмыжъ), *А. Лутковскому* (Ларьевская ст.). Задачи слабы—не помѣстимъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, высылая деньги на пересылку премій, требуютъ, чтобы преміи были высланы имъ тотчасъ-же. Къ сожалѣнію, Редакція исполнить этого не можетъ. Одна изъ премій, гравюра «Явленіе Христа народу» еще не готова. Редакція задалась цѣлію дать гг. подписчикамъ большую гравюру съ картины русскаго художника, изготовленную непремѣнно въ Россіи. Очень хорошо вырѣзанная доска съ картины Иванова «Явленіе Христа народу» поспѣла въ свое время. Но за успѣшнымъ началомъ послѣдовали затрудненія, одно за другимъ. Вскорѣ оказалось, что съ громадной доски невозможно будетъ дѣлать оттиски. Дѣйствительно, доска при первыхъ же оттискахъ, нѣсколько скоробилась. Представилась необходимость сдѣлать гальванопластическимъ способомъ мѣдное клише. Началось странствованіе злосчастной доски изъ одного клишернаго заведенія въ другое. Побудетъ нѣсколько времени доска въ заведеніи и возвращается назадъ, потому что ни одно клишерное заведеніе въ Петербургѣ, по размѣрамъ своихъ машинъ, не въ состояніи сработать клише такой большой величины. Наконецъ, Редакція обратилась въ «Экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ» и ея просьба о сдѣланіи клише съ доски и отпечатаніи гравюры была принята съ полнымъ радушіемъ. Клише уже въ работѣ и въ маѣ мѣсяцѣ будетъ приступлено къ печатанію картины, которое окончится въ концѣ этого мѣсяца. Редакція считаетъ долгомъ принести искреннѣйшую благодарность «Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ», благосклонное содѣйствіе которой дало Редакціи возможность выполнить ея задачу: напечатать въ Россіи сдѣланную въ Россіи же гравюру съ картины геніальнаго русскаго художника. Не приди на помощь Редакція «Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ», доску пришлось-бы посылать въ Парижъ и тамъ-же печатать оттиски.

II. Редакція получила извѣстіе изъ Берлина, что олеографическая картина «Зима въ Нормандіи», значущаяся въ нашемъ каталогѣ, вся распродана. Не имѣя болѣе ни одного экземпляра, мы также исключаемъ ее изъ своего каталога. Просимъ гг. выписавшихъ ее замѣнить ее какой-нибудь другой картиной.

III. Біографія Гладстона будетъ напечатана въ 18 №.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 16-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 12 апрѣля въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 15 апрѣля въ 7 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Зима, стих. **Дм. Черткова.**—Передъ дежурствомъ, разск. **К. Баранцевича.**—Пляски и танцы на Руси, очерки **Вл. Михневича.**—Совѣсть, стих. **А. Вигилянскаго.**—Естественныя богатства Россіи, ст. **Фон-Липхарта.** — Сборы къ свѣтлой заутрени, сценка **Н. А. Лейкина.**—Разладъ, стих. **Е. П. Пономарева.**—Раковина дяди Бернара, разск. **Эркмана Шатріана.**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Горные артилеристы 1-го дивизіона 6-й батареи 39-й артилерійской бригады.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Отъ редакціи.—Объявленія.

Рисунки: Omne vivum ex ovo, статуэтка изъ терракотты, **Эмиля Буассо.** — Грѣшница передъ Христомъ. карт. **Веселовскаго.** — Молода еще, карт. **Фокардо.**—1 рис. къ ст. «Раковина дяди Бернара».—Портретъ Гладстона. — Горные артилеристы.—Лѣсъ въ солнечный день, карт. проф. **В. Д. Орловскаго.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

Большая хромолитографированная

КАРТА РОССІИ

(Н. И. Зуева).

Съ новыми пріобрѣтеніями въ Азіятской Турціи и Бессарабіи, по Берлинскому трактату, съ означеніемъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ морскихъ и сухопутныхъ сообщеній, на двухъ большихъ листахъ. **Цѣна 1 рубль**, съ пересылкою **1 р. 10 к.**

Кромѣ того находятся въ продажѣ:

Цѣны вмѣстѣ съ пересылкою:

1) Иллюстрированное описаніе **Австраліи**. . . . . 85 к.
2) **Варфоломеевская ночь** (избіеніе протестантовъ католиками 24 августа 1572 года). . . . 65 »
3) **Желѣзная маска**. . . . . 45 »
4) Романъ Дюма **«Людовикъ XVI и революція»** (2 части) . . . 1 р. 60 »
5) **«Кавалеръ Краснаго Замка»** (романъ изъ временъ революціи въ 2 частяхъ) . . . 1 » 60 »
6) Романъ Альфонса Додэ **«Фромонъ и Рислеръ»** . . . . 1 » 10 »

Деньги за эти изданія слѣдуетъ высылать, для удобства, почтовыми марками, которыя всегда точно доставляются почтою. Посылать можно въ простыхъ письмахъ, а по желанію и въ заказныхъ, адресуя въ С.-Петербургъ Н. И. Зуеву, Невскій проспектъ, домъ № 108, кв. 47.—Карты и книги продаются также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

9-го апрѣля вышелъ и разосланъ подписчикамъ № 4-й журн. Дѣтск. Чтен. и № 1-й Педагог. Листка.

Новые подписчики получаютъ всѣ уже вышедшіе №№.

При этомъ нумерѣ разсылается всѣмъ гг. подписчикамъ 2-й № приложенія „Парижскія моды“ и внесшимъ особую плату на полученіе выкроекъ—**вторая выкройка.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 апрѣля 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

№ 2-й. С.-Петербургъ. 1880 г.

Рис. 1.

Въ прежніе годы съ окончаніемъ масляницы принято было считать и окончаніе зимняго сезона, т. е. наступленіе прекращенія баловъ, театровъ и всякаго рода увеселеній; теперь-же все измѣнилось: приближеніе весны нисколько не мѣшаетъ выѣздамъ и пріемамъ; напротивъ, кажется, какъ-будто всѣ спѣшатъ еще болѣе повеселиться, имѣя въ виду то недалекое время, когда знакомые разъѣдутся по разнымъ сторонамъ: на дачи, въ провинцію, и за границу.

Всѣмъ извѣстно, что въ Лондонѣ сезонъ начинается только съ весной. Парижъ заимствовалъ нынѣшній годъ этотъ обычай у англичанъ и говорятъ, что еще никогда не бывало столько пріемовъ и баловъ, какъ теперь, тогда какъ впродолженіи зимы ихъ было немного. Не знаемъ, войдетъ-ли вполнѣ этотъ обычай и у насъ, но пока еще не замѣтно окончанія вечеровъ и пріемовъ и если нѣтъ большихъ баловъ, за то нѣтъ недостатка въ танцовальныхъ вечерахъ, которые ничѣмъ не отличаются отъ большихъ баловъ, развѣ большимъ весельемъ. Полагаемъ, не безъ интереса будетъ нашимъ читательницамъ узнать нѣкоторыя подробности объ одномъ недавно бывшемъ балѣ въ нашемъ высшемъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ дамы какъ бы задали себѣ задачу удовлетворить всѣхъ нетолько роскошью и изяществомъ своихъ туалетовъ, но и поразить такими нарядами, которыхъ еще никогда не видали у насъ въ Петербургѣ. На этотъ разъ пальма первенства единогласно присуждена была извѣстной въ обществѣ красавицѣ г-жѣ Г. Весь ея нарядъ былъ какъ бы отблескомъ луннаго свѣта. Онъ состоялъ изъ блѣдноголубого, серебристаго, самаго тонкаго газа, перемѣшаннаго съ сафировымъ атласомъ, сливающимся въ одно воздушное облако, такъ что трудно было бы отличить, гдѣ начинался тюникъ и гдѣ кончается тренъ платья. Все легко, изящно и прелестно! На головѣ три звѣзды изъ крупныхъ сафировъ, расположенныхъ въ видѣ діадемы на самой простой античногреческой прическѣ, съ совершенно гладкими бандо впереди. Только при своей красотѣ могла г-жа Г. позволить себѣ, не прибѣгая къ искуству парикмахера, соединить такую простую прическу съ вполнѣ изящнымъ бальнымъ туалетомъ, нарушая такимъ образомъ привычку дамъ украшать голову локонами, завитушками и коками. Мы видимъ, что г-жа Г. была первая, рѣшившаяся убѣдить насъ, какъ много красивѣе простая прическа въ сравненіи съ часто предпочитаемыми трех-ярусными куафюрами. Одинъ изъ знаменитыхъ парижскихъ парикмахеровъ, изобрѣтатель этого рода простой прически, разумѣется, сначала нашелъ много порицательницъ, особенно въ тѣхъ, кому трудно было справиться съ нарочно обстриженными спереди волосами, но вскорѣ большая часть свѣтскихъ дамъ согласилась съ его вкусомъ и уже теперь всѣ дамы, строго слѣдящія за модой, не носятъ иной прически, какъ совсѣмъ гладкія или только слегка волнистыя бандо, сзади-же всѣ волосы собраны въ довольно низко положенный бантъ, или висячую косу. Совѣтуемъ всѣмъ читательницамъ, которыя еще не успѣли обрѣзать свои волосы на лбу, хранить ихъ, какъ драгоцѣнность. Не далеко то время для нихъ, когда онѣ порадуются, что не послѣдовали минувшей модѣ, тѣмъ болѣе, что это зло не такъ легко поправимо.

Другой бальный туалетъ еще впервые былъ видѣнъ у насъ. Это длинный тюникъ съ корсажемъ блѣдно-розоваго бархата, отдѣланный старинными венеціанскими кружевами. По бархату разбросаны были букеты васильковъ, нарцизовъ и тюльпановъ и эти букеты не вытканы, но—повѣрите-ли—нарисованы рукой художника. Такая роскошь не всѣмъ доступна и понятно, что не часто придется видѣть такой туалетъ. Впрочемъ, не находящіе еще себѣ соперниковъ въ изобрѣтеніи модъ французы найдутъ способъ облегчить производство этихъ артистическихъ издѣлій посредствомъ фотографіи или какимъ-нибудь другимъ способомъ. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ послѣднихъ французскихъ журналовъ: «Наши дамы, слѣдующія модамъ, не хотятъ носить ничего болѣе, какъ только разрисованныя отъ руки ткани для платьевъ: весенняя природа съ бабочками, порхающими надъ распускающимися розами, колибри, запутавшіеся въ ліанахъ и проч. Платья разрисованы, какъ вѣера, по бѣлому атласному фону или серебристо-сѣрому сисильену; пока довольствуются изображеніемъ цвѣтовъ и птицъ, но мы убѣждены, что скоро придетъ очередь пейзажамъ; сюжетамъ, взятымъ изъ китайской жизни; амурамъ, играющимъ гирляндами, и, кто знаетъ, можетъ быть, дойдетъ и до военныхъ дѣйствій. Что вы скажете о генеральныхъ сраженіяхъ съ эскадронами, летящими съ распущенными знаменами вдоль розовой атласной юбки, а побѣдитель-полководецъ, какъ бы защищающій сердце отъ нападенія непріятелей». Признаемся, идея оригинальная и отчего не воспользоваться ею, чтобы этимъ способомъ оставлять потомкамъ въ нашихъ туалетахъ памятники доблестныхъ событій.

Еще новизна, которой, вѣроятно, не суждено ранѣе будущей зимы появиться у насъ. Это — казакинъ, весь изъ стекляруса, со всѣмъ блескомъ и лучами драгоцѣнныхъ камней. Есть сафировыя, рубиновыя, изумрудныя, аметистовыя и жемчужныя кирасы. Въ этой ослѣпительно-блестящей кирасѣ есть что-то волшебное. Кираса съ вырѣзаннымъ каре воротомъ, обшитымъ стоячей кружевной фреской, вышитой золотомъ и стеклярусомъ. Подобныя кирасы дѣлаются тоже золотыя, серебряныя и даже стальныя. Съ такимъ блестящимъ казакиномъ гладкая атласная юбка, съ отдѣлкой только на подолѣ, можетъ служить самымъ наряднымъ туалетомъ.

Рѣшительно золотыя и серебрянныя вышивки стали необходимой принадлежностью почти каждаго наряднаго туалета. Для молодыхъ дѣвицъ много бѣлыхъ туалетовъ изъ индійскаго кашемира, съ шарфами, вышитыми золотомъ, серебромъ и обшитыми подобными-же бахромами. Шарфы эти перевиваются нѣсколько разъ на всей юбкѣ и въ этой отдѣлкѣ выразится искуство модистки, съумѣющей придать оригинальность и изящество наряду. Одно положительное измѣненіе въ нынѣшнихъ туалетахъ, это — преобладаніе юбки безъ трена, не только для утренняго костюма, но даже и для вечернихъ. На нѣсколькихъ балахъ были замѣчены многія платья, не болѣе какъ на четверть лежащія на полу. Также совсѣмъ гладко облегающимъ юбкамъ суждено скоро уступить мѣсто болѣе пышнымъ сзади. Мы видѣли нѣсколько новыхъ турнюровъ у нашихъ модистокъ и надо признаться, что съ этими принадлежностями туалета всякій костюмъ кажется наряднѣе и гибкость тальи болѣе обрисовывается. Казакъ съ пришивными басками появляется рѣже, чѣмъ прежде; теперь преобладаютъ кирасы съ длиннымъ мысомъ, какъ спереди, такъ и сзади, съ кругло-вырѣзанными басками на бокахъ. Иногда именно въ то мѣсто, гдѣ круглая вырѣзка на бокахъ, вшивается другого цвѣта круглая баска такъ, чтобы она, доходя до передняго и задняго мыса, имѣла-бы на бокахъ одинаковую длину съ ними. Эти вшивныя баски слѣдуетъ кроить изъ косой матеріи; онѣ лучше сидятъ и не требуютъ шва на бокахъ.

Рис. 2.

Описаніе картинокъ.

Рис. 1. Нарядный вечерній костюмъ для молодой дамы, изъ шелковаго гранатнаго броше съ золотомъ и того-же цвѣта атласа съ золотистымъ отливомъ. Юбка изъ гранатнаго фая. Передъ атласный, весь бульоне и кулисами, оканчивается двумя сборчатыми воланами гранатнаго золотистаго цвѣта. На подолѣ трена 2 атласныхъ волана. Платье принсессъ изъ броше. Передъ корсажа изъ атласнаго пластрона въ сборкахъ, окаймленнаго реверами, гарнированными кружевами изъ жемчужныхъ и янтарныхъ бусъ. Эти реверы продолжаются до низа переда платья. Задняя складки платья легко приподняты, что составляетъ небольшой пуфъ, прикрѣпленный атласнымъ гранатовымъ бантомъ, концы котораго имѣютъ видъ эксельбантовъ. У конца тальи между складками выходитъ родъ баски изъ гранатнаго фая, подбитой золотистымъ атласомъ. Маркизный рукавъ изъ броше, отдѣланный атласнымъ реверомъ съ такимъ-же бантомъ изъ лентъ. На всемъ передѣ юбки атласные гранатовые банты, кончающіеся эксельбантами. Густая креповая фреска вокругъ ворота и рукавовъ. Атласныя гранатовыя туфельки съ вызолоченнымъ рисункомъ каблуками.

Вѣнчальное платье (рис. 2). Бѣлое атласное, передъ отдѣланъ вдоль 11 бульоне. Серебристо газовый шарфъ въ 5 складокъ спадаетъ почти до самаго подола, образуя большой мысъ. Съ праваго бока положенъ поперечный другой шарфъ-передникъ, который, соединяясь на лѣвомъ боку съ первымъ шарфомъ, прикрѣпленъ бантомъ изъ широкихъ атласныхъ лентъ съ длинными концами, въ серединѣ котораго букетъ флеръ-д'оранжъ. Шарфъ-передникъ, равно и концы банта обшиты бѣлой синелевой бахромой, перемѣшанной бусами. Заднія полотнища падаютъ широкими складками, прикрѣпленными тесемками внутри; вокругъ всего трена двойной рюшъ изъ серебристаго газа. Корсажъ съ длиннымъ мысомъ, какъ спереди, такъ и сзади. Бульоне изъ газа въ видѣ жилета спереди. Рукавъ длинный, узкій, имѣющій только съ самаго плеча до низу такой-же газовый бульоне, какъ спереди корсажа. Длинная вуаль изъ тюль-малинь слѣва прихвачена подъ косой, другая-же ея сторона слегка прикрываетъ всю правую сторону съ головы до ногъ; вѣнокъ изъ флеръ-д'оранжа на головѣ, букетъ у ворота и впереди платья надъ самымъ подоломъ.

Костюмъ для гулянья. (Рис. 3 и 4), показанный съ двухъ сторонъ. Круглая юбка изъ чернаго радзиміра съ тремя плисе на подолѣ. Тюникъ изъ той-же матеріи, обшитый широкимъ чернымъ бархатнымъ біэ. Скругленный передъ драпированъ на бокахъ и собранъ въ серединѣ въ двухъ мѣстахъ. Заднія полотнища очень низко драпированы. Передки корсажа застегиваются сбоку двумя рядами пуговицъ, изъ-подъ нихъ выходитъ черный бархатный жилетъ, застегнутый въ серединѣ. Спинка tailleur съ однимъ скругленнымъ бочкомъ. Заднiй шовъ расходится въ самомъ низу, а на бочкахъ 2 бархатныя черныя паты. Самъ казакъ Savoyard тисненнаго бархата двухъ тѣней: bleu marin и bleu céléste. Тройной черный бархатный воротникъ-перелинъ съ однимъ швомъ на плечахъ, такая-же отдѣлка на рукавахъ. Круглая шляпа съ бархатной тульей и атласными полями, а вокругъ шляпы гирлянда полевыхъ цвѣтовъ. Этотъ костюмъ очень красивъ для утреннихъ визитовъ или для гулянья; въ послѣднемъ случаѣ совѣтуемъ дѣлать весь туалетъ одно-цвѣтнымъ, но изъ разныхъ матерій.

Нарядный тюникъ-костюмъ (Рис. 5 и 6) спереди и сзади. Этотъ костюмъ весь изъ кашемира цвѣта темнаго моха и изъ зеленаго атласа. Юбка до колѣнъ вся изъ одного волана, сложеннаго широкими складками въ одну сторону, только спереди одна очень широкая складка обозначаетъ середину. Тюникъ съ отвернутыми реверами сложенъ въ 4 поперечныя складки, мысомъ къ верху, тогда какъ подобныя 4 на боковомъ швѣ прямо положены, что и образуетъ видныя на картинкѣ особаго рода складки. Какъ на переди тюника, такъ на боковыхъ швахъ висячія петли изъ зеленой атласной ленты Задъ тюника состоитъ изъ двухъ подборовъ вверху. Начиная отъ втораго подбора, онъ раздѣляется на двое, и каждое изъ двухъ полотнищъ положено въ 3 разнообразныя складки. Корсажъ-кираса отдѣланъ спереди атласной собранной драпри, окаймляющей какъ-бы жилетъ, съ таліи расширяется въ 3 широкія складки, что и составляетъ панье вокругъ всей кирасы до бочковъ спинки, гдѣ она кончается отворотомъ, отдѣланнымъ петлями изъ лентъ. Плюшевая сѣрая шляпа, отдѣланная перьями, съ поднятыми полями на лбу и спадающая сзади на шею, дополняетъ костюмъ, который можетъ служить и вечернимъ туалетомъ.

Траурное платье (Рис. 7). Изъ чернаго индійскаго кашемира и англійскаго крепа. Кашемировая юбка, на которой нашитъ сложенный крупными складками изъ крепа передникъ; воланъ крепoвый вокругъ всего платья. Тюникъ спереди состоитъ изъ двухъ кашемировыхъ полотнищъ, отвернутыхъ подъ передникомъ съ крепoвыми большими реверами, и переплетеннымъ шелковымъ шнуркомъ, кончающимся двумя кистями. Заднія полотнища образуютъ небольшой пуфъ, подъ которымъ раздвоиваются полотнища; онъ имѣетъ туже отдѣлку, что и передъ съ шелковыми шнурками надъ плисированнымъ крепoвымъ полотнищемъ. Корсажъ-кирасъ съ мысомъ спереди и сзади, имѣющій крепoвую отдѣлку въ видѣ жилета; шелковый шнурокъ окаймляетъ всю кирасу. Крепoвый, сложенный шарфъ выходитъ изъ-подъ баски въ видѣ небольшого панье и спереди прикрѣпленъ басонным аграфомъ съ кистью. Рукавъ узкій, съ крепoвымъ реверомъ.

Пальто изъ чернаго индійскаго кашемира (Рис. 8) съ крепомъ, подбитое тафтой. Передъ весь прямой, съ большимъ вырѣзомъ для рукава, отъ спины-же идетъ рукавъ. На спинкѣ средній шовъ только немного обрисовываетъ талью, спинка соединяется съ передомъ швомъ на плечѣ, продолженіе этого-же шва соединяетъ верхнюю часть рукава съ нижней внутренней, которая скроена вмѣстѣ съ передкомъ пальто. Два широкихъ крепoвыхъ біэ, подбитыхъ шелкомъ, положены на срединѣ спины, подобная-же отдѣлка идетъ вокругъ всего пальто. Большой реверъ идетъ отъ рукава до низу и соединяется съ другимъ реверомъ, идущимъ отъ спины. Другой реверъ поменьше указываетъ какъ-бы маленькій рукавъ до локтя, его спускаютъ на 4 пальца ниже рукава, что и дѣлаетъ его длиннѣе около кисти руки. Тройной шелковый шнурокъ съ басоннымъ аграфомъ, въ видѣ эксельбантовъ, гарнируетъ обѣ стороны. Передъ застегнутъ потайнымъ патомъ подъ крепoвой отдѣлкой. Черная крепoвая шляпа, подбитая сборчатымъ бархатомъ, приподнята съ лѣвой стороны и гарнирована черными перьями. Это пальто можно сдѣлать изъ муссамонтаньяка, драпа или другой какой-нибудь тяжелой матеріи и тогда не требуется подкладки. Вмѣсто крепoвой отдѣлки гарнировка должна быть изъ бархата, плюша, брокателя, или фая. Это пальто очень удобно для гулянья и требуетъ всего $3^1/_2$ арш. драповой матеріи и $3^1/_2$ арш. матеріи на отдѣлку.

Прилагаемая выкройка при этомъ нумерѣ, есть выкройка этого пальто; она состоитъ изъ 5 кусковъ: передъ, спинка, воротникъ, реверъ, идущій отъ рукава до спинки, и реверъ рукавчикъ, который спускается ниже рукава самаго пальто, пальца на 4 или 5; по желанію можно сдѣлать длиннѣе или короче самый рукавъ. На всей выкройкѣ рѣзцомъ показано, гдѣ должна быть положена отдѣлка и гдѣ встрѣчаются реверы отъ спины и отъ рукава. Пробитыя-же дырочки означаютъ, куда долженъ пришиваться реверъ.

Получивъ заявленіе отъ нѣкоторыхъ нашихъ читательницъ, что онѣ затрудняются въ исполненіи костюмовъ по картинкѣ, когда они представлены съ одной стороны, спереди, тогда какъ большая часть гарнировки всего платья по теперешнимъ модамъ находится сзади, мы на этотъ разъ старались исполнить ихъ желаніе и выборъ предлагаемыхъ костюмовъ на картинкахъ былъ сдѣланъ нами такой, чтобы легко видно было костюмъ со всѣхъ сторонъ. На заявленіе ихъ, что имъ очень желательно было бы видѣть другую сторону изящнаго костюма Намуны и красавицы персіанки, помѣщенныхъ въ 1 № «Модъ», спѣшимъ удовлетворить ихъ желаніе и прилагаемъ здѣсь задній видъ этого граціознаго костюма, (рис. 9 и 10). Надѣемся, что остальныя наши читательницы не посѣтуютъ за то на насъ, такъ какъ съ самымъ легкимъ измѣненіемъ казакъ прекрасной персіанки можетъ быть исполненъ и для самаго обыденнаго платья. Покрой его тотъ-же, что самый употребительный теперь casaque redingote; стоитъ только измѣнить широкій рукавъ на обык-

Рис. 5 и 6.

новенный, узкій, длиный рукавъ и явится какъ **redingote**. Его много носятъ изъ пестраго броше съ гладкой юбкой. Для весенняго костюма онъ необходимъ, такъ какъ обыкновенно лифы прошлогоднихъ костюмовъ изъ легкихъ тканей не могутъ служить на второй сезонъ, а юбки съ туниками еще довольно свѣжи; стоитъ по этому фасону сдѣлать казакъ изъ помпадуръ или броше, матеріи тѣнью темнѣе вашей юбки, и у васъ опять совершенно обвялость и кажутъ совершенно новыми, свѣжими туалетами, не надо только забывать при этомъ измѣнить отдѣлку всего туалета и стараться, чтобы преобладающій цвѣтъ отдѣлки находился въ плисе подъ юбкой. Шелковыя платья тоже подшиваются такими разноцвѣтными плисе; разумѣется, тогда они должны быть не иначе, какъ изъ фуляра, канауса или фая; видѣнное нами одно черное шелковое платье съ пунцовой, синей и оранжевой отдѣлкой было ососдѣлать весь костюмъ, а отдѣлку положить изъ одноцвѣтнаго кашемира-бархата или атласа; или на оборотъ, весь костюмъ изъ гладкой ткани, это по вкусу всякаго и каждый костюмъ будетъ моднымъ въ своемъ родѣ.

О легкихъ весеннихъ тканяхъ считаемъ еще преждевременнымъ говорить, такъ какъ трудно еще опредѣлить, какія будутъ болѣе въ употребленіи. Для нарядныхъ туалетовъ сисильенъ, газъ броше, газъ

Рис. 3.

Рис. 4.

новленный костюмъ при очень малыхъ расходахъ.

Еще очень хитрая выдумка нашихъ законодателей модъ, французовъ, чтобы освѣжить и оживить нѣсколько поблекшій свѣтлый туалетъ, это подшивать подолъ платьевъ въ нѣсколько рядовъ узенькими полосками плисе изъ яркаго альпага, фуляра или батиста разнаго цвѣта. Немного полинявшіе отъ солнца, сѣрые, голубые бежъ или суроваго цвѣта платья, окаймленныя подобнымъ плисе, теряютъ свою

бенно эфектно.

Много уже носимый бежъ и тонкій муссъ все еще имѣютъ преобладающій успѣхъ, только тѣнь и рисунки ихъ нѣсколько измѣнились. Пока видны болѣе темные цвѣта, но не гладкіе, а съ рисунками, разноцвѣтными горошинками, затканныя шелкомъ. Эти матеріи имѣютъ то преимущество, что онѣ не мнутся, легки и очень нарядны, замѣняя собою болѣе дорогія шелковыя матеріи. Изъ нихъ можно

фасоне, не уступаютъ еще своего первенства, да и трудно замѣнить эти легкія шелковистыя матеріи, удобныя для всѣхъ воздушныхъ панье, пуфъ и отдѣлокъ, безъ которыхъ немыслимы никакіе нарядные туалеты. Индійскій кашемиръ и шерстяной брокантель измѣнили свои рисунки; много полосатыхъ и съ разбросанными разноцвѣтными микроскопическими букетами. Мы видѣли подобную блѣдно-голубую матерію съ полосками изъ самыхъ мелкихъ ма-

ковъ съ золотыми стебельками, а другую бѣло-перламутроваго цвѣта съ микроскопическими колибри, наброcанными на дубовыхъ листкахъ. Обѣ очень изящны, и кажется, что рисунокъ сдѣланъ акварелью.

Атласъ, кажется, завоевалъ себѣ самое почетное мѣсто въ модахъ и не уступаетъ своего первенства никакимъ шелковымъ матеріямъ; никакой нарядный туалетъ невозможенъ безъ него не только для дамъ, гутъ измѣнить всякій домашній костюмъ въ болѣе нарядный, что мы принуждены поговорить о нихъ особенно. Начиная съ утренняго гладкаго полотняного воротника до вечерней фрески изъ дорогихъ кружевъ, много еще нарядныхъ и полунарядныхъ украшеній у ворота. Для закрытаго ворота самыя удобныя обшивки изъ point d'esprit или malines, сложенныхъ въ два ряда à la vieille, такъ, что одинъ комъ случаѣ, впрочемъ, долженъ быть обшитъ кружевомъ или crêpe lisse.

Рукава, какъ и воротники, измѣнили свой фасонъ, для нарядныхъ вечернихъ туалетовъ, не только съ открытымъ лифомъ, но даже и для полуоткрытыхъ, рукавъ маркизъ мало употребляется; или совсѣмъ нѣтъ рукава и пройма прямо обшита кружевомъ, или дѣлаютъ нѣсколько тюлевыхъ или кружевныхъ

Рис. 7 и 8.

но и для молоденькихъ дѣвицъ. Кирасъ атласный почти безусловно необходимъ для бальнаго платья; при легкихъ газовыхъ, тюлевыхъ и гренадиновыхъ тюникахъ, онъ своими блестящими оттѣнками придаетъ столько гибкости и прелести каждой таліи, что мало кто не воспользуется имъ.

Не маловажную роль занимаютъ теперь въ туалетѣ воротники; они такъ разнообразны и такъ мо- рядъ идетъ около ворота, а другой лежитъ на платьѣ и кончается большимъ кружевнымъ бантомъ или кокилье спереди, который перемѣшанъ мелкими лентами. Для вечерняго полуоткрытаго лифа теперь носятъ фишю изъ тюля malines, сложенный въ нѣсколько складокъ и выходящій изъ-подъ лифа; это очень удобно тѣмъ, что по желанію можно болѣе или менѣе декольтировать свой лифъ, который во вся- черныхъ или бѣлыхъ буфъ, перехваченныхъ браслетами изъ бархатной или атласной ленты, кончающимися бантикомъ, отъ самаго плеча до локтя. Вмѣсто рукава носятъ даже сѣтки изъ бусъ. Эти рукава очень нарядны и особенно хороши для стройныхъ особъ. Еще удобство: отнявъ отъ полунаряднаго платья обыкновенный рукавъ, замѣните его подобнымъ тому, который только что нами описанъ, съ

красивой фреской у ворота лифа, и у васъ сейчасъ получится очень нарядный вечерній туалетъ. Вообще, съ нѣкоторой изобрѣтательностью и особенно со вкусомъ очень не дорого измѣнять свои туалеты и совершенно напрасно обвиняютъ нынѣшнія моды, какъ раззорительныя для домашняго бюджета; напротивъ, можно сказать, никогда еще моды не давали намъ столько возможности разнообразить наши костюмы, употребивъ въ дѣло нѣсколько поблекшихъ, прежнихъ, заброшенныхъ туалетовъ; сочетаніе нѣсколькихъ цвѣтовъ и даже матерій какъ нельзя болѣе облегчаютъ эту трудную задачу и мы увѣрены, что наши читательницы воспользуются нѣкоторыми нашими совѣтами, тѣмъ болѣе, что мы задали себѣ задачей быть насколько возможно полезными именно тѣмъ изъ нихъ, которыя не имѣютъ средствъ дѣлать большія затраты, а по своему общественному положенію обязаны дѣлать частые выѣзды и пріемы въ небольшемъ кружкѣ, гдѣ такъ замѣтны всякіе туалеты.

Фасонъ для весеннихъ шляпъ еще неокончательно установился и пока новаго ничего не замѣтно, кромѣ отдѣлки изъ синелевыхъ сѣтокъ съ такой-же бахромой въ родѣ fanchon, покрывающаго всю тулью, и концы которой служатъ вмѣсто завязокъ. Это очень граціозно закрѣпляется красивымъ, завитымъ перомъ, или птичкой на верху шляпы, и можетъ служить какъ шляпой для визитовъ, такъ и для гулянья. Подобные синелевые fanchon въ большомъ употребленіи, какъ куафюра съ бархатнымъ бантомъ, и замѣняютъ дорогія кружева.

Какъ извѣстно, изобрѣтательность насчетъ модъ парижанъ безконечна. Вотъ примѣръ. Не довольствуясь почти ежедневнымъ измѣненіемъ фасона, казакъ, кирасъ, тюниковъ и отдѣлокъ, на дняхъ одна изъ модистокъ соорудила такой корсажъ, который не имѣетъ ни одного шва, кромѣ зашнуровки сзади; онъ обхватываетъ весь станъ, не дѣлая нигдѣ ни малѣйшей складки, или сборки. Желая видѣть это чудесное произведеніе, мы адресовались въ Парижъ съ просьбой выслать намъ модель такого корсажа, названнаго surcot, желая предложить его нашимъ читательницамъ, но, къ сожалѣнію; получили весьма не удовлетворительный отвѣтъ. Такой корсажъ можетъ быть сдѣланъ не иначе, какъ по мѣркѣ и съ точнымъ обозначеніемъ цвѣта, изъ котораго онъ долженъ быть сдѣланъ, ибо онъ не шьется, а ткется прямо по мѣркѣ изъ особенной шелковистой матеріи, потому обходится закащику далеко не дешево. Признаемся, мы не видимъ большого удобства въ такой модѣ и сомнѣваемся въ ея примѣненіи на практикѣ.

Описаніе картинки съ дѣтскими костюмами.

Рис. 11. Для 6-ти лѣтней дѣвочки. Коротенькая атласная юбочка рубиноваго цвѣта, гладкая спереди, съ 5-ю широкими складками сзади. Прямой казакъ изъ тисненнаго полосатаго бархата того-же цвѣта, спереди открытый жилетъ изъ тисненнаго пике, съ перламутровыми пуговицами. Воротникъ, отдѣлка рукавовъ и кармановъ атласные. Бархатная шапочка съ двумя бѣлыми помпонами на правой сторонѣ.

Рис. 12. Для дѣвочки 15 лѣтъ. Синяя бархатная юбка изъ широкихъ складокъ, сложенныхъ на обѣ стороны. Казакинъ изъ кашемира броше, немного свѣтлѣе, чѣмъ юбка, съ вырѣзкой у ворота и внизу казакина спереди; изъ-подъ него выходитъ шелковый жилетъ одного цвѣта съ казакиномъ. Синій бархатный шарфъ, завязанный спускными петлями сзади, драпированъ на бокахъ. Отдѣлка шалью вокругъ ворота изъ синяго бархата, такая-же и на рукавахъ. Сѣрая фетровая шляпа, гарнированная свѣтло-синими перьями, прихваченными птичкой съ распущенными крылышками.

Рис. 13. Для дѣвочки 4 лѣтъ. Весеннее пальто изъ коричневаго драпа, двухбортное спереди, съ округленными бочками; на 5 вершковъ ниже таліи правая сторона спинки должна быть скроена двумя пальцами шире для того, чтобы заходить на лѣвую, какъ у мужскихъ пальто. Четырехугольный воротникъ и обшлага на рукавахъ изъ поддѣльнаго котика. Пальто должно доходить ниже колѣнъ, такъ какъ платье не должно быть видно изъ-подъ него. Шляпа бѣлаго фетра съ коричневымъ страусовымъ перомъ кругомъ всей тульи.

Рис. 14. Для мальчика 4 лѣтъ. Длинный казакинъ изъ бархата вишневаго цвѣта, расходящійся спереди, надъ сборчатымъ жилетомъ, который застегивается съ лѣваго бока потайными пуговицами. Юбка вся въ широкихъ складкахъ можетъ прямо быть пришита къ казакину, только надо замѣтить, что спереди юбка доходитъ до самаго сборчатаго жилета. Весь казакъ вокругъ обшитъ бѣлыми кружевами Brugges, спереди въ видѣ кокилье. Шелковый шарфъ желтовато-розоваго цвѣта, сложенный легкими складками, положенъ ниже таліи и сзади завязанъ одной петлей безъ концовъ. Бархатная шляпочка, подбитая шелковой матеріей и отдѣланная перомъ того-же цвѣта, дополняетъ этотъ прелестный костюмъ, который такъ-же можетъ служить для мальчика, какъ и для дѣвочки.

Рис. 9 и 10.

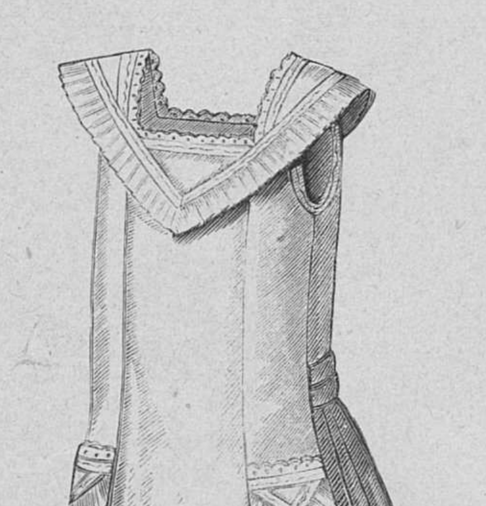


Рис. 23.

Рис. 15. Для трехлѣтняго ребенка. Бѣлая кашемировая или фланелевая кофта, обшитая лебяжьимъ пухомъ или шелковымъ плюшемъ, подбита бѣлой тафтой; бѣлая фетровая шапочка, гарнированная атласными бѣлыми лентами.

Рис. 16. Костюмъ для дѣвочки отъ 8 до 10 лѣтъ. Легкая фуляровая юбка, отдѣланная двумя сборчатыми воланами въ перемежку съ буфами, длинный казакъ изъ броше темаріи, сдѣлана по талье, очень вырѣзанный спереди нѣсколько ниже тальи, только застегивается на двухъ пуговицахъ и опять расходится круглымъ вырѣзомъ. Изъ-подъ него выходитъ жилетъ-передникъ блѣдно-голубого цвѣта, застегивающійся въ серединѣ на нѣсколько пуговицъ и немного короче самого казака. Грудь вся изъ бульоне фуляра того-же цвѣта, какъ юбка; воротникъ шалью блѣдно-голубой, такая-же отдѣлка на рукавахъ. Шляпка бѣлая фетровая, подбитая голубымъ, такія-же перья, сзади висячій бантъ изъ узкихъ ленточекъ.

Рис. 17. Для 11-лѣтней дѣвочки. Длинное пальто изъ мусса бежъ, обшитый вокругъ широкой полосой морского котика; широкій воротникъ-пелеринъ, обшлага и карманы изъ той-же отдѣлки; круглая шапочка съ краснымъ крылышкомъ сбоку.

Токъ Марія Стюартъ (рис. 18). Синій бархатный; края покрыты вышивкой изъ бусъ; тулья высокая и разрѣзана надъ лбомъ; прелестная птичка выходитъ изъ-подъ правой полы; два синихъ перышка спадаютъ на лобъ, а длинное перегнутое перо того-же цвѣта завертывается на лѣвую сторону.

Фетровая круглая шляпа (рис. 19) съ поднятыми полями сбоку, подбитыми перьями lophophores и ободкомъ изъ блестящихъ бусъ; передъ гарнированъ вышитымъ кашемировымъ шарфомъ, прикрѣпленнымъ въ серединѣ птичкой съ распущенными крылышками; этотъ шарфъ сзади завязанъ двумя висячими концами.

Предлагаемъ рисунки нѣсколькихъ отдѣлокъ для платьевъ; онѣ новы и легко исполнимы; описывать ихъ считаемъ излишнимъ, такъ какъ онѣ наглядно должны быть понятны каждому.

Фуляровый бантъ-галстухъ съ бретонскимъ кружевомъ (рис. 20). Бантъ кружевной съ пестрыми мелкими атласными или помпадуръ лентами (рис. 21). Креповая манжетка для траурнаго платья (рис. 22). Дѣтскій фартукъ изъ нансука съ вышивкой (рис. 23), очень нарядный и удобный для сохраненія лѣтняго нарядного платьица.

Еще новая мода для молодыхъ дѣвицъ, отличающаяся тонкимъ вкусомъ украшать шею и руки бархатной ленточкой, на которую пришиваются колибри; ихъ пестрыя тонкія крылышки переливаются яркими разноцвѣтными красками, что при вечернемъ освѣщеніи производитъ замѣчательный эффектъ.

Нѣсколько полезныхъ совѣтовъ.

Чистка мужскихъ высокихъ шляпъ. Совершенно ошибочно думаютъ многіе, что шелковыя плюшевыя мужскія шляпы, попадая подъ дождь, окончательно портятся. Между тѣмъ очень легко и дешево исправить бѣду. Промокшую шляпу должно тщательно тереть тонкимъ сухимъ полотенцемъ, мѣняя при надобности, пока она совершенно не высохнетъ, но надо избѣгать тренія ея противъ ворста. Когда шляпа совсѣмъ высохнетъ и приметъ свой первоначальный видъ, надо пригладить ее платяной щеткой; если-же покажется, что мало блеску, надо пригладить ее чуть теплымъ утюгомъ.

Чистка шерстяной бархатной и шелковой одежды. Обыкновенно принято у насъ чистить шерстяныя, бархатныя и шелковыя одежды платя-

ными щетками. Мы-же совѣтуемъ употреблять вмѣсто нея губку, предварительно слегка намочивъ ее и крѣпко выжавъ, такъ чтобы она была чуть-чуть сыровата. Удобство здѣсь въ томъ, что матерія не царапается, какъ отъ волоса щетки, и каждое сладкое, жирное и грязевое пятно сейчасъ сходитъ съ матеріи.

Рис. 18.

Рис. 19.

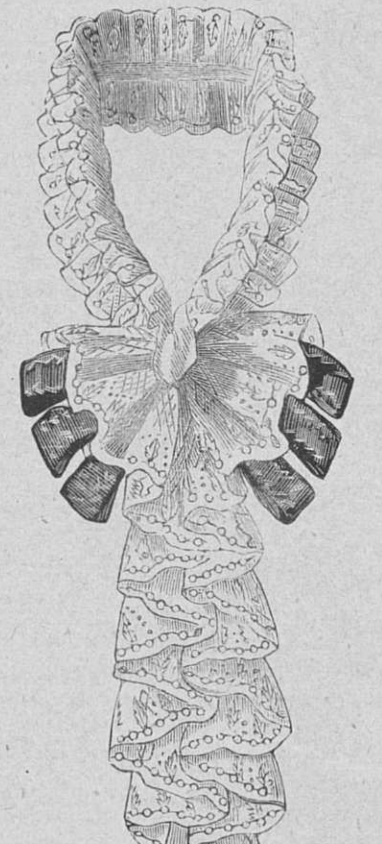


Рис. 20.

Рис. 21.

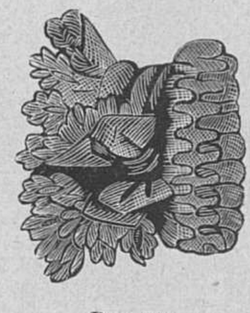


Рис. 22.

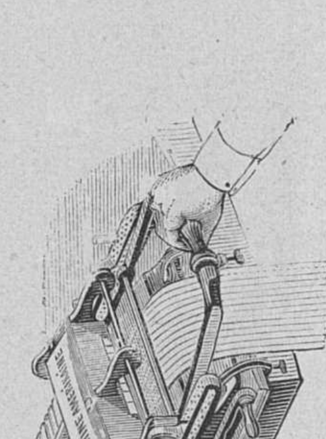


Рис. 24.

Способъ чистки блондъ и тюля. Пожелтѣвшія блонды слѣдуетъ сперва слегка разгладить, потомъ, акуратно сложивъ ихъ, положить въ тонкій холщевый мѣшокъ, зашитый наглухо, и опустить въ чистое прованское масло на 24 часа; по истеченіи этого времени, мѣшокъ кладется на четверть часа въ густо взмыленную горячую воду, послѣ чего его опускаютъ въ чистую, чуть теплую воду, наконецъ, въ воду съ разведеннымъ крахмаломъ въ самомъ маломъ количествѣ. Тогда только мѣшокъ развязываютъ, кружева вынимаются, разглаживаются и расправляются на подушкѣ, пришпиленной булавками, пока они совершенно не высохнутъ. При такой чисткѣ они принимаютъ видъ совершенно новыхъ кружевъ.

Прилагаемъ при этомъ нумерѣ рисунокъ новой машинки плисера (рис. 24); она особенно удобна и до того легко идетъ, что 10-лѣтній ребенокъ безъ малѣйшей усталости можетъ работать впродолженіи нѣсколькихъ часовъ; единственный складъ этихъ машинокъ въ Петербургѣ, въ центральномъ депо швейныхъ машинъ Эліаса Гау младшаго. А принадлежности для всѣхъ машинъ: иголки, масло, бумагу и шелкъ можно получать у Н. Ваконье: Гороховая ул., магазинъ № 15—9, въ С.-Петербургѣ.

Объ окраскѣ живыхъ цвѣтовъ. Парвиль (La science pour tous № 45 1879) описалъ слѣдующій интересный опытъ растительной химіи, который можетъ безъ труда быть сдѣланъ каждымъ. Всѣ садоводы знаютъ вліяніе, оказываемое извѣстными веществами, примѣшанными къ почвѣ, на окраску цвѣтовъ. Хорошо извѣстно, напримѣръ, дѣйствіе при этомъ железа. Посаженныя въ смѣсь земли съ желѣзными опилками гортензіи даютъ голубые цвѣты. Болѣе столѣтія изучали дѣйствіе нѣкото-

рыхъ красильныхъ растворовъ на цвѣты и успѣли измѣнить временно цвѣтъ анютиныхъ глазокъ, гіацинтовъ и др. При этомъ можно дѣйствовать только на срѣзанные цвѣты, иначе земля поглотила-бы окрашивающее вещество, которое не могло-бы проникнуть въ растительную ткань. Сакордо, въ Падуѣ, недавно погрузилъ анютины глазки и левкой въ растворы анилина (vert lumière) или еозина. Менѣе, чѣмъ въ 15 минутъ, нервы и вены вѣнчиковъ оказались вполнѣ проникнутыми красильнымъ веществомъ. Затѣмъ постепенно окрасилась вся клѣтчатка. Бѣлыя части сдѣлались блестящаго голубого цвѣта, красныя — фіолетовыми, желтыя — зелеными. Цвѣты камеліи, ириса, хризантема, также весьма существенно измѣняются. Можно дѣйствовать и на все растеніе, вынутое изъ земли, напримѣръ, на полное растеніе анютиныхъ глазокъ: его погружаютъ въ растворъ и затѣмъ снова сажаютъ въ землю; растеніе продолжаетъ жить никакъ не менѣе недѣли и даетъ окрашенные цвѣты. Это представляетъ интересный опытъ, который можетъ быть легко произведенъ. Еозина даетъ результаты быстрѣе, нежели анилинъ. Въ нѣсколько минутъ всѣ вены цвѣтка принимаютъ прекрасный кораловый цвѣтъ. Впрочемъ, окрашенныя растенія быстро умираютъ и нельзя надѣяться такимъ способомъ создать новыя разновидности. Однако бываютъ случаи, когда интересно перемѣнить оттѣнки цвѣтовъ на нѣсколько дней, и еще болѣе интересно видѣть, какъ распускаются новые цвѣты такихъ красокъ, какихъ не встрѣчаютъ обыкновенно на этомъ видѣ растенія.

Какъ еозинъ, такъ и анилинъ въ Петербургѣ можно пріобрѣтать въ извѣстномъ магазинѣ Штоля и Шмидта.

Рис. 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17.

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ**.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 апрѣля 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Томъ I. Годъ VIII.

№ 18. За годъ съ пер. и дост.—7 руб. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 к. за нумеръ. За полгода—4 руб. 3 Мая 1880 года.

Отрывки.

Стих. В. Юрьева.

I.

Фрина, красавица древнихъ Афинъ, посвятила однажды
Зеркало чудно-прекрасной богинѣ любви Афродитѣ:
«Зеркало это тебѣ, о, богиня, какъ даръ, приношу я:
Фрина поблекнетъ съ годами,—ты вѣчно прекрасною будешь»...

II.

Чудную пѣсню я слышалъ! Гармоніи полные звуки!..
Въ душу свободно лилися они животворной струею;
Сердце свой сонъ позабыло! И бездна прекрасныхъ созвучій,
Образовъ свѣтлыхъ и чудныхъ тѣснилась во мнѣ, какъ и прежде.
Такъ подъ лучами весенняго солнца въ ущельѣ холодномъ,
Цѣпи льдяныя сорвавши, родникъ вновь журчитъ и струится.

III.

Мраморомъ бѣлымъ сверкая, у брега Эгейскаго моря
Гордо стояла колонна подъ кущей роскошныхъ деревьевъ;
Волны ласкались у ногъ, но рѣчамъ ихъ она не внимала.
Въ полночь глухую ее опрокинула грозная буря;
Долго лежала она, вспоминая о прежнемъ величьи!..
Но изумруднымъ плющемъ Афродита колонну обвила,—
Въ страстныхъ объятьяхъ его позабыла она о величьи!

IV.

Всѣми покинутый, сердцемъ глубоко и тяжко страдая,
Полуразбитый, униженный другъ твой приходитъ къ тебѣ...
И на груди твоей, въ жаркихъ объятьяхъ печаль забывая,
Счастливъ онъ снова... и силы находитъ къ грядущей борьбѣ!

V.

Бѣлая лилія въ чащѣ таинственной рощи росла,
Въ рощѣ гуляя, красавица лилію эту сорвала.
Дикій цвѣтокъ на груди молодой очутился у дѣвы:
Слышалъ, какъ билося сердце ея и любовью, и горемъ.
Къ ночи увялъ онъ и выброшенъ былъ, позабытый навѣки,
Той-же красивой рукой на дорогу, покрытую пылью...

На краю пропасти.

Повѣсть Л. Гербетъ. Переводъ М. Л—ой.

(*Продолженіе.*)

VI.

Едва Клотильда успѣла оцѣнить благодать уединенія, едва сильно бьющееся сердце ея начало успокоиваться и сила воли одержала побѣду надъ волненіемъ—какъ стукъ въ дверь испугалъ ее. «Гдѣ это Ганна? думало бѣдное, измученное созданіе,—не ушла-ли уже въ городъ за покупками?» Она была принуждена сама отворить дверь и отступила въ изумленіи, увидавъ молодую женщину ослѣпительной красоты, богато, но нѣсколько безвкусно одѣтую, ожидавшую у двери.

— Не ошиблась-ли я? спросила незнакомая любезно, но немного жеманно.—Я желала переговорить съ госпожой фонъ-Браунекъ. Pardon, madame; я тщетно нѣсколько разъ звонила, но лакей не явился.

— Моя старая няня, вѣроятно, не ожидала гостей въ это время и ушла со двора, возразила Клотильда, приглашая посѣтительницу войдти величавымъ движеніемъ руки.

— Я, разумѣется, должна извиниться за мое позднее посѣщеніе, отвѣтила дама, входя въ комнату. Она съ ногъ до головы оглядывала молодую женщину въ траурѣ и затѣмъ глаза ея, быстрые, какъ зарница, забѣгали по всѣмъ направленіямъ, разсматривая и оцѣнивая скромное помѣщеніе Клотильды. Вѣроятно, она мысленно сравнивала его съ своими богато убранными покоями, потому что невольно откинула назадъ голову, обремененную множествомъ бѣлокурыхъ косъ.

— Я лишь на нѣсколько часовъ пріѣхала въ Дрезденъ и, быть можетъ, это послужитъ мнѣ извиненіемъ. Мое имя г-жа фонъ-Дункеръ.

Ощущеніе Клотильды было такое, будто въ сердце ея воткнули ножъ, но она умѣла сохранить внѣшнее спокойствіе и вторичнымъ движеніемъ руки пригласила незнакомую сѣсть; сама-же заняла мѣсто противъ нея.

— Чему я обязана за честь вашего посѣщенія? спросила она.

— Я явилась сюда по весьма щекотливому дѣлу, возразила г-жа фонъ-Дункеръ, съ дѣвственной скромностію опуская глазки и складывая губки сердечкомъ.—Мы имѣемъ несчастіе любить одного и того-же человѣка. Остается рѣшить, которая изъ насъ его сильнѣе любитъ.

— О комъ вы изволите говорить? о моемъ мужѣ? О господинѣ фонъ-Браунекъ? спросила Клотильда; она возмущалась въ душѣ и сердце усиленно забилось.

— Конечно, конечно; вы отгадали; я говорю о немъ.

— Г-жа фонъ-Дункеръ, я любила моего мужа. На сколько сильно, предоставляю ему самому судить. Теперь я его болѣе не люблю.

Клотильда говорила явственно, кротко и съ свойственнымъ ей достоинствомъ. Собесѣдница ея была на мгновеніе поражена ея тономъ, но черезъ минуту оправилась отъ смущенія.

— Вотъ видите-ли, я такъ и думала, что этотъ именно отвѣтъ и услышу отъ васъ. Невозможно, чтобы женщина продолжала любить, когда склонность любимаго человѣка обращена на другую. Я такъ и знала, что мы съ вами скорехонько столкуемся, лишь бы найдти возможность переговорить. Вотъ почему вы меня видите у себя.

— Я не считала бы дѣломъ крайней необходимости наше личное знакомство...

— Ахъ нѣтъ, не говорите!.. поспѣшно возразила гостья.—Намъ необходимо высказаться другъ передъ другомъ вполнѣ. Я этого не предполагала...

— Вы скоро согласитесь со мной, продолжала г-жа фонъ-Дункеръ, непоколебимая въ своемъ намѣреніи.—Изволите-ли видѣть: г-нъ фонъ-Браунекъ, конечно, въ свое время боготворилъ васъ; еще бы! вы такая красавица и молодая! Но несчастныя обстоятельства, потери, въ которыхъ онъ не повиненъ, оторвали его отъ васъ... Бѣдность плохо вяжется съ любовью. Если, какъ вы говорите, вы когда-то любили г-на фонъ-Браунекъ, то, конечно, теперь не пожелаете, чтобы онъ влачилъ жалкое существованіе среди лишеній, въ потѣ лица зарабатывая свой хлѣбъ. При изяществѣ его вкусовъ и пристрастіи его къ роскоши и богатству, она при этомъ слегка провела рукой по дорогому шолковому платью и бархатной накидкѣ, обшитой цѣнными кружевами,—при барскихъ потребностяхъ его, наконецъ, онъ можетъ быть счастливъ лишь въ широкой, пышной обстановкѣ! Кто пойметъ это лучше васъ? И для сердца вашего должно бы служить облегченіемъ быть увѣренной, что все это онъ найдетъ, женясь на мнѣ.

— Позвольте мнѣ одинъ вопросъ, сказала Клотильда, прерывая потокъ ея рѣчи,—знаетъ-ли мой мужъ, знаетъ-ли г-нъ фонъ-Браунекъ, что вы пожаловали сюда для переговоровъ.

— Что вы! сохрани Господи, все это женскія дѣла и лучше всего держать мужчинъ отъ нихъ въ сторонѣ.

— Имѣете-ли вы еще что-нибудь сообщить мнѣ?

— Теперь, если позволите, я приступлю къ сущности дѣла: вы знаете, что для союза между мною и г-номъ Браунекъ нельзя обойдтись безъ извѣстной формальности, которую, при вашемъ добромъ желаніи, вы могли-бы очень намъ облегчить. Я надѣюсь, что откровенное объясненіе мое убѣдитъ васъ склониться къ тому, чтобы самой начать дѣло о разводѣ. Не правда-ли, я не ошиблась? прибавила она съ заискивающей улыбкой.

Клотильда поднялась съ мѣста, выпрямилась во весь ростъ и, гордая, недоступная, остановилась передъ гостьей.

— Я сожалѣю, начала она явственнымъ и

твердымъ голосомъ,—быть принужденной сказать вамъ, что мои воззрѣнія на любовь и узы брака совершенно расходятся съ вашими. Моя любовь къ моему мужу умерла, какъ и я умерла для него. Я готова на разводъ и онъ можетъ не медля приступить къ дѣлу. Но ничто въ мірѣ не заставитъ меня сдѣлать перваго шага. Это мое послѣднее слово.

Она умолкла и большіе темные глаза ея бросили такой повелительный взглядъ на г-жу фонъ-Дункеръ, что та встала, и не найдя ни слова возраженія, откланялась и вышла.

Когда Клотильда увидала, что она, наконецъ, одна, она рыдая упала въ кресло:

«Боже мой, что за день, что за день! шептала она ломая руки.—И онъ оставилъ меня изъ-за этой женщины! Я его любила съ такимъ самоотверженіемъ! О! смерть была-бы легче!»

VII.

Клотильда со дня на день ожидала присылки бумагъ. Ей мерещился и на яву и во снѣ большой гербовый листъ, который приходилось ей подписывать кровью своего собственнаго сердца. Но день шелъ за днемъ—документа не присылали. Такимъ образомъ проходили мѣсяцы. Между тѣмъ великое событіе встревожило отечество: война 1870 года. Скорбь Клотильды, конечно, не исчезла и при этомъ міровомъ потрясеніи, но всё-же сердце ея трепетало за родину, какъ и сердца другихъ, и мысли ея получили иное направленіе. Происходили великія битвы; шло ликованіе по лицу всей страны, а рядомъ съ нимъ и глубокое горе—скорбь и трауръ по падшимъ героямъ.

— Вотъ письмо съ полевой почты, сударыня; какой толстый пакетъ! сказала однажды Ганна въ сильномъ волненіи.—Отъ кого-бы? у насъ вѣдь кажется никого нѣтъ на войнѣ?!

— Дай его сюда, Ганна, сейчасъ все узнаемъ, успокоительнымъ тономъ сказала Клотильда и внимательно стала разсматривать конвертъ.—Рука совсѣмъ мнѣ незнакомая, а штемпель стертъ.

Она распечатала пакетъ; бумага имѣла видъ офиціальной, большой листъ на половину исписанный, служилъ конвертомъ другому, заклеенному письму. Глаза Клотильды упали на слова, написанныя ниже ея адреса мелкимъ, слишкомъ хорошо извѣстнымъ ей почеркомъ: «передать послѣ моей смерти». Листокъ задрожалъ въ ея рукѣ и Ганна поспѣшила пододвинуть кресло, чтобы не допустить упасть свою госпожу. Собравшись съ силами, Клотильда сказала:

— Милая Ганна, пожалуйста, оставь меня одну.

Потомъ она долго разсматривала эту надпись такимъ взглядомъ, какимъ обыкновенно смотрятъ на дорогого усопшаго. Наконецъ, она преодолѣла себя и начала читать письмо, писанное посторонней рукой. Мало-по-малу лицо ея принимало другое выраженіе—благоговѣйно-молитвенное смѣнялось озабоченно-горестнымъ и пальцы ея уже не дрожали, когда она принялась за другое, длинное письмо, писанное знакомымъ почеркомъ. Далеко за полночь просидѣла она одна надъ корреспонденціей съ полевой почты и только, когда уже лампа начала гаснуть, она сложила письмо и спрятала его въ потайной ящикъ, гдѣ, какъ въ могилѣ, лежали письма ея жениха и мужа, а вмѣстѣ съ ними и прядь его бѣлокурыхъ волосъ. Слѣдующій день Клотильда была чрезвычайно занята; она выбирала различныя вещи изъ немногочисленныхъ своихъ ящиковъ и шкафовъ, сложила все въ акуратную посылку, присоединила къ ней деньги и поручила Ганнѣ отнести все это на почту. Любопытная Ганна не умѣла разбирать писаннаго и попросила одного изъ служащихъ на почтѣ прочесть ей адресъ. Оказалось, посылка была адресована во Францію на имя какого-то военнаго нѣмецкаго врача, имени котораго Ганна никогда въ жизни не слыхала. Старуха уходя покачала головой и подумала: «мнѣ-бы, кажется, можно сказать, что все это значитъ. Но барыня все молчитъ, все держитъ въ своемъ сердцѣ за семью замками! Ну, дѣлать нечего, подождемъ»! Съ тѣхъ поръ Клотильда стала получать довольно часто письма съ полевой почты, а Ганнѣ часто приходилось относить посылки и деньги въ почтамтъ. Старуха съ недоумѣніемъ покачивала головой и, наконецъ, рѣшилась сказать:

— Извините, сударыня за вопросъ... кому это мы посылаемъ всѣ эти деньги? Родственникъ онъ вамъ?

— Онъ когда-то былъ мнѣ очень близокъ, краснѣя, отвѣтила Клотильда, уклоняясь отъ прямого отвѣта и стараясь скрыть свое волненіе.—Ему не посчастливилось; онъ былъ раненъ въ первомъ-же сраженіи и тяжело страдаетъ.

— Это, конечно, очень грустно, возразила старуха,—но неужели-же у него нѣтъ никого, кто позаботился-бы о немъ?

— Никого.

— Я это оттого говорю, сударыня, продолжала Ганна,—что вѣдь и сами вы...

— Ахъ, полно! прервала ее Клотильда.—Ты видишь, теперь средствъ у меня достаточно. Два-три лишнихъ урока—вотъ и на все хватаетъ.

— Такъ-то такъ! но вѣдь я вижу, что личико-то ваше съежилось и щеки все блѣднѣютъ.

— Что ты, няня! Это все тебѣ кажется. Однако, тебѣ пора; опоздаешь на почту и несчастному придется терпѣть лишенія.

— Дѣлать нечего, надо идти, ворчала недовольная старушка и снова шла по знакомой дорожкѣ.

Такимъ образомъ прошло лѣто, задулъ холодный вѣтеръ, пришла и осень. Чувствовалось приближеніе зимы.

— И въ этакую-то погоду барыня моя собралась въ дорогу, думала Ганна, высовывая голову въ окно. Старуха собрала всю теплую одежду, которая только нашлась въ домѣ и бережно укутала ею свою дорогую барыню.

— Ганна, милая, право-же не надо, сказала Клотильда, начиная терять терпѣніе.—Вѣдь мнѣ не Богъ знаетъ какъ далеко ѣхать; всего 8 или 10 часовъ.

— 8 или 10 часовъ, развѣ этого мало и еще при такомъ холодѣ, вздыхала старуха.—Куда-же вы? Опять къ дядюшкѣ или не къ нему на этотъ разъ?

— На этотъ разъ—нѣтъ!

— И вы мнѣ не скажете, куда ѣдете?

— Какая тебѣ польза знать названіе мѣстечка, о которомъ ни ты, ни я понятія не имѣемъ. Пожалуйста, не разспрашивай меня. Я сама все разскажу тебѣ, когда вернусь.

«Едва-ли барыня ѣдетъ на радость, подумала Ганна, увидавъ крупныя слезы на глазахъ своей госпожи, когда та, прощаясь, кивала ей головой изъ окна вагона.—И отчего она не беретъ меня съ собой! Не хочетъ! Все-то одна, да одна!»

VIII.

Для Клотильды было истинное благодѣяніе остаться совершенно одной въ купэ. Ничто не прерывало теченія ея печальныхъ мыслей.

«Какое путешествіе! думала она.—Опять стать передъ нимъ лицомъ къ лицу и уже не находить въ сердцѣ своемъ ни любви, ни уваженія! Я думала, что болѣе никогда не увижу. Рудольфъ, Рудольфъ, что ты сдѣлалъ со мной? Гдѣ ты, моя блаженная юность? Гдѣ годы любви и счастія? Все, все миновалось! Ничего-то мнѣ не осталось, ничего; чистота и даже сладость воспоминанія отравлены твоей невѣрностью. А какъ радостно и сердечно заблистали твои глаза, когда ты въ первый разъ взялъ ребенка нашего на руки. И все миновалось. И ребенокъ мой умеръ!» Потокъ горячихъ слезъ облегчилъ ее, горе ея смягчилось и сердце было снова доступно любви; милосердіе и жалость влекли ее къ его смертному одру... Бѣдный, онъ не хотѣлъ умереть, не услыхавъ отъ нея слова прощенія, увѣренія, что она вѣритъ снова въ его любовь, что не прокляпетъ его памяти, но будетъ оплакивать его, когда его не станетъ.

Она вынула изъ кармана письмо страннаго вида — неопрятный листъ бумаги, сложенный неумѣлыми руками. Непривычнымъ перомъ были нацарапаны каракули — имъ продиктованныя слова. Кому-же диктовалъ онъ? Кто окружаетъ его? Въ какой онъ обстановкѣ? Послѣ долгихъ, мучительныхъ часовъ она, наконецъ, достигла цѣли своего путешествія.

Вотъ маленкій городокъ, гдѣ онъ живетъ и страдаетъ. Она быстро пошла вдоль первой улицы. Здѣсь должно было быть его жилище. Маленькая дѣвочка лѣтъ 12 стояла передъ сырымъ, грязнымъ домомъ и свѣтлые волосы ея безпорядочно развѣвались на вѣтру. Голубые глаза ребенка, не отрываясь, смотрѣли на стройную, красивую даму въ черномъ платьѣ, которая приближалась и скоро поравнялась съ ней. Кромѣ ихъ двухъ никого не было на улицѣ.

— Не знаешь-ли, гдѣ живетъ г-жа Маутнеръ? спросила Клотильда ребенка.

— Она здѣсь живетъ, услужливо заговорила дѣвочка. — Вы не та-ли дама, которую ждетъ больной баринъ?

— Почему ты знаешь, что онъ меня ожидаетъ?

— А вѣдь я писала письмо, возразила дѣвочка съ дѣтской гордостію,—и баринъ просилъ меня стоять и ждать васъ у воротъ, какъ только поѣздъ придетъ.

— Кто-же ходитъ за нимъ, кромѣ тебя, моя милая?

— Я только живу въ домѣ и иногда потихоньку хожу къ нему. Ему не хорошо здѣсь, у г-жи Маутнеръ, боязливо осматриваясь по сторонамъ, прошептала дѣвочка.

— Господи Боже мой! неужели это такъ? вздыхая, сказала Клотильда. — Можешь-ли ты проводить меня къ нему?

— Разумѣется. Для того-же я и стою здѣсь. Пойдемте, только потихоньку; неравно онъ спитъ; онъ сталъ много спать.

Они поднялись на лѣстницу и остановились передъ низенькой, не плотно сколоченной дверью; лишь эта дверь отдѣляла теперь Клотильду отъ ея мужа. Дѣвочка осторожно отворила ее. Въ полутемномъ, мрачномъ чуланѣ, на неопрятной постелѣ лежалъ худой, блѣдный человѣкъ съ растрепанными волосами и всклокоченной бородой. Неужели это—ея мужъ? Ея мужъ, нѣкогда красивый и гордый? Она закрыла глаза и крѣпко прижала руки къ сердцу, чтобы заглушить крикъ душевной муки, готовый вырваться изъ ея груди. Онъ, повидимому, спалъ; Клотильда тихонько подошла къ его ложу и старалась въ этомъ измѣнившимся лицѣ отыскать прежнія, любимыя черты. Боже! какая ужасная перемѣна. А между тѣмъ едва прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ онъ, послѣ постигшей его бѣды, съ отчаяніемъ и мукой былъ отторгнутъ отъ любимой семьи. Тонкій, нѣжный ароматъ одежды Клотильды, вѣроятно, коснулся обонятельныхъ нервовъ больного, лежавшаго въ забытьи, когда она подошла къ нему, и въ душѣ его возникъ ея образъ. Слабымъ голосомъ, дрожащимъ отъ боли и сердечной тоски, онъ воскликнулъ:

— Клотильда, Клотильда!

Она вздрогнула и тихо зарыдала. Больной зашевелился. Она беззвучно отошла отъ кровати

и вышла изъ комнаты, уводя за собой дѣвочку.

— Я подожду за дверью, пока онъ проснется; ты приготовишь его къ извѣстію о моемъ пріѣздѣ.

— Вы можете подождать и въ горницѣ, сказала дѣвочка съ грустнымъ выраженіемъ дѣтскихъ глазъ.—Онъ васъ не увидитъ.

— Какъ не увидитъ? что это значитъ? Я говорю, когда онъ проснется—тогда я войду.

— Онъ и тогда васъ не увидитъ. Вѣдь онъ слѣпъ.

— Какъ слѣпъ! Господи! давно-ли?

— Не знаю, отвѣтила дѣвочка и заплакала,— онъ каждый день слѣпнетъ все болѣе и болѣе.

— Что-же докторъ говоритъ?

— Докторъ? У него докторъ ни разу не былъ.

— Царь мой небесный, да что-же это такое!

— А ужь какъ онъ голодалъ, робко шептала дѣвочка;—я ему хлѣбца-то носила, да мало; мачиха мнѣ самой немного даетъ.

Клотильда въ отчаяніи ломала руки. Потомъ она ласково погладила ребенка по головкѣ и мягко заговорила:

— Да наградитъ тебя Господь, добрая дѣвочка. Г-жа Маутнеръ твоя мачиха? дома-ли она?

— Нѣтъ, у меня мачиха—другая, а г-жи Маутнеръ нѣтъ дома—она въ гостяхъ у сосѣдки. Позвать мнѣ ее?

— Нѣтъ еще, погоди. Но не можешь-ли ты достать доктора?

— Могу, теперь здѣсь опять есть докторъ, старый-то умеръ, а пріѣхалъ новый, молодой. Позвать мнѣ его?

— Да, конечно, и пожалуйста поскорѣй. Клотильда опять вошла въ холодную, непривѣтливую комнатку. Сердце ея разрывалось отъ скорби и жалости, но она опредѣленно чувствовала, что скорбь ея будто о постороннемъ, чужомъ ей человѣкѣ. Въ ея страданіи о немъ не примѣшивалось вовсе чувства прежней нѣжности. Больной проснулся. Исхудалая рука его пошарила по убогой скамейкѣ, стоявшей около кровати и не находила того, что нужно. Онъ вздохнулъ. Слабые, закраснѣвшіеся глаза его блуждали по комнатѣ, но ничего не могли видѣть, не видали и Клотильды. Дѣвочка была права—несчастный былъ слѣпъ. Клотильда сдѣлала движеніе.

— Это ты, Марія? спросилъ онъ. — Нѣтъ-ли у тебя кусочка хлѣба?

— Это я, Рудольфъ, тихонько сказала молодая женщина.

— Клотильда! воскликнулъ онъ и протянулъ къ ней свои дрожащія руки.—О, Клотильда! какъ мнѣ благодарить тебя за то, что ты пріѣхала, что ты не даешь мнѣ умереть безъ того, чтобы... чтобы я...

Голосъ измѣнилъ ему. Волненіе радости совершенно его обезсилило, онъ лежалъ, какъ мертвый.

Клотильда искала взоромъ, чѣмъ-бы помочь ему. Взглядъ на дорожную сумку навелъ ее на счастливую мысль: заботливая Ганна дала ей фляжку вина на дорогу; дрожащими руками она налила немного вина въ свой дорожный стаканчикъ и поднесла его къ его блѣднымъ губамъ. Едва Рудольфъ почувствовалъ, что ему подносятъ укрѣпляющій напитокъ, какъ онъ началъ втягивать его въ себя жадно, хотя и съ большимъ трудомъ и смертельная блѣдность начала уступать мѣсто легкой краскѣ на лицѣ. Вдругъ заслышались быстрые шаги по лѣстницѣ, а за ними—дѣтскіе; это предвѣщало появленіе врача. Молодой человѣкъ вошелъ въ комнату и въ изумленіи отступилъ, увидавъ передъ собой Клотильду, которая сильно покраснѣла отъ неожиданности.

— Это вы? я васъ нахожу здѣсь! спросилъ онъ тономъ глубочайшаго удивленія.

— Ваше удивленіе не можетъ быть сильнѣе моего, дорогой докторъ Зольмсъ. Леонгардтъ говорилъ мнѣ, что вы живете въ маленькомъ гановерскомъ городкѣ.

— Да, я тамъ и жилъ еще нѣсколько недѣль тому назадъ, но здѣсь умеръ врачъ — я сюда и переѣхалъ... Но скажите, кто-же вашъ больной? Кто тотъ бѣдняга, который призвалъ васъ къ себѣ, какъ мнѣ сообщила дѣвочка?

Слезы затуманили глаза Клотильды.

— Вглядитесь въ него, возразила она.

— Боже милосердный! воскликнулъ молодой человѣкъ. — Какимъ образомъ онъ попалъ сюда и въ такую обстановку? Я думалъ, что онъ въ... блестящихъ обстоятельствахъ.

Яркій румянецъ разлился по лицу Клотильды.

— Онъ бѣжалъ отъ «блестящихъ обстоятельствъ», исполненный раскаянія и отвращенія, отвѣтила она тихо, — и, возненавидѣвъ себя и свою разбитую жизнь, хотѣлъ погибнуть. Прежде, нежели онъ успѣлъ исполнить свое страшное намѣреніе, раздался призывъ къ войнѣ. Онъ поступилъ въ армію резервнымъ офицеромъ, вмѣстѣ съ полкомъ двинулся во Францію и былъ тяжело раненъ. Наканунѣ сраженія онъ написалъ мнѣ длинное письмо, полное раскаянія, и, въ увѣренности быть убитымъ, распорядился такъ, чтобы оно было переслано мнѣ послѣ его смерти. Врачъ, на руки котораго попалъ Рудольфъ, прислалъ мнѣ это письмо съ краткимъ увѣдомленіемъ о положеніи больного и послѣ того еще нѣсколько разъ писалъ мнѣ. Изъ послѣдняго письма доктора видно, что Рудольфъ въ сопровожденіи врача доѣхалъ сюда съ транспортомъ выздоравливающихъ и былъ оставленъ здѣсь, вслѣдствіе новаго очень тяжелаго заболѣванія. Его поручили попеченіямъ здѣшняго врача и одной превосходной женщины. Я еженедѣльно высылала условленную сумму, которая была достаточна въ уплату за самый лучшій уходъ, но лишь одинъ разъ получила утѣшительныя вѣсти о его здоровьѣ; въ этомъ-же письмѣ сидѣлка заявляла мнѣ, что она оставляетъ городъ. Другая женщина—хозяйка этого дома—бралась ходить за нимъ, на тѣхъ-же условіяхъ до его полнаго выздоровленія. А вотъ это письмо,—она подала доктору Зольмсъ каракули дѣвочки,—сегодня призвало меня сюда.

Докторъ подошелъ къ больному и приступилъ къ изслѣдованію.

— Онъ очень плохъ, шепталъ врачъ.—Вѣроятно, медицинской помощи здѣсь совсѣмъ не было во время болѣзни моего предшественника; но отчего-же, когда я пріѣхалъ сюда, послѣ смерти доктора, эта безсовѣстная женщина не посовѣтовалась со мной. Голодъ причиною всего.

Клотильда горько плакала.

— Что-же дѣлать теперь? спросила она въ скорбномъ недоумѣніи.—Ему невозможно оставаться здѣсь, въ этой ужасной берлогѣ. Думаете-ли вы, что возможно перевезти его, такого слабаго?

— Я думаю, отвѣтилъ докторъ.—Прошу васъ, располагайте нѣсколькими свободными комнатами въ моемъ домѣ. Хорошій воздухъ и хорошая пища, я надѣюсь, сдѣлаютъ чудеса.

— Вы разсчитываете на выздоровленіе?

— Не думаю, чтобы выздоровленіе было дѣломъ невозможнымъ. Предполагаете-ли вы сами остаться здѣсь на это время?

Молодая женщина смутилась и опустила глаза.

— Во всякомъ случаѣ я буду ожидать рѣшенія, отвѣтила она послѣ краткаго размышленія.

— Намъ-бы слѣдовало перевезти его еще до ночи. Предоставьте мнѣ заботу обо всемъ, а также и расправу съ этой гнусной женщиной и позвольте мнѣ проводить васъ къ моей сестрѣ, которая теперь заправляетъ моимъ маленькимъ хозяйствомъ.

— Какъ! ваша сестра здѣсь? моя добрая Софи! сказала Клотильда и лучъ искренней радости освѣтилъ ея скорбныя черты. — Здѣсь, на чужой сторонѣ, гдѣ я думала, что буду совсѣмъ одинока съ моимъ горемъ—мнѣ суждено найдти старыхъ друзей, и участіе, и доброту.

Она подала руку растроганному молодому человѣку, который съ чувствомъ глубокаго уваженія поднесъ ее къ своимъ губамъ. Еще разъ она взглянула съ сердечной жалостью на заснувшаго больного и подъ руку съ докторомъ удалилась изъ этого убогаго жилья.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

На рѣкѣ. (Октавы).

Стихотворенія **Дм. Ушакова.**

I.

Съ туманной вышины блестящая луна
Окрестность дальнюю спокойно озаряла;
Въ природѣ былъ покой, нѣмая тишина,
Въ задумчивой рѣкѣ вода не трепетала,
Не шевелилися макушки камыша
И бережно волна безмолвная играла
Съ катившейся вверху блистающей луной...
Безъ звука плылъ паромъ надъ сонною рѣкой.

Душа моя была полна воспоминаній
Давно умчавшихся, прекрасныхъ, свѣтлыхъ лѣтъ,
Когда еще не зналъ я скорби и страданій,
Ни тягостной борьбы, ни дней печалей, бѣдъ;
Когда я въ мірѣ жилъ надеждъ и ожиданій,
И пылкая мечта, и юношескій бредъ
Тревожили мой сонъ; смѣнялися видѣнья
И причиняли мнѣ то радость, то мученья.

Когда туманный дискъ на небо выплывалъ,
Катясь надъ темною, уснувшею землею,
Въ тиши я создавалъ свой чудный идеалъ,
Который вдалекѣ тускнѣлъ передо мною;
И также, какъ теперь, я надъ рѣкой стоялъ,
Любуясь сонною, безмолвною волною...
Я счастливъ былъ въ тѣ дни, но юные года
Умчалися, какъ сонъ прекрасный, навсегда.

II.

Мы плыли по рѣкѣ задумчивой, широкой,
Ужь западъ догоралъ кровавою зарей
И синей пропастью бездонной и далекой
Лежали небеса надъ дремлющей землей;
Они казались мнѣ могилою глубокой,
Гдѣ все забыто, все, и жизнь съ ея борьбой,
Надежды юныхъ лѣтъ, печали и стремленья,
И грезы въ тишинѣ, и горе, и мученья.

Она была со мной; покоился мой взоръ
На красотѣ ея въ безмолвномъ ожиданьи;
Она глядѣла въ даль, въ темнѣющій просторъ,
Не смѣя нарушать всеобщаго молчанья;
Глубокій взглядъ ея то выражалъ укоръ,
То ласку нѣжную, то муки и страданья;
Дрожала на глазахъ ревнивая слеза...
Но мнѣ была чужда тогда ея краса.

III.

Клубились въ вышинѣ чернѣющія тучи,
Шумѣла темная, глубокая рѣка,
Сверкали молніи, бросая свѣтъ летучій,
Кровавымъ пламенемъ свѣтились облака;
И громъ затѣмъ гремѣлъ порывистый, могучій;
И снова въ небесахъ лежала тишина..
А въ непроглядной тьмѣ лишь буря завывала
И съ грохотомъ волна о берегъ ударяла.

И мчался я одинъ безмолвно въ челнокѣ,
Страдая отъ борьбы тяжелой и жестокой,
Съ обломками весла разбитаго въ рукѣ
Надъ шумною рѣкой широкой и глубокой;
То утопалъ мой челнъ безпомощно въ водѣ,
То выплывалъ опять и берегъ недалекій
Манилъ меня къ себѣ... Кипѣла кровь моя,
Кружилась голова... Но вынесъ челнъ меня!..

IV.

Широкая рѣка струилась и плескала
Въ высокихъ и крутыхъ лѣсистыхъ берегахъ,
Вечернюю зарю спокойно отражала
Въ своихъ задумчивыхъ, трепещущихъ струяхъ;

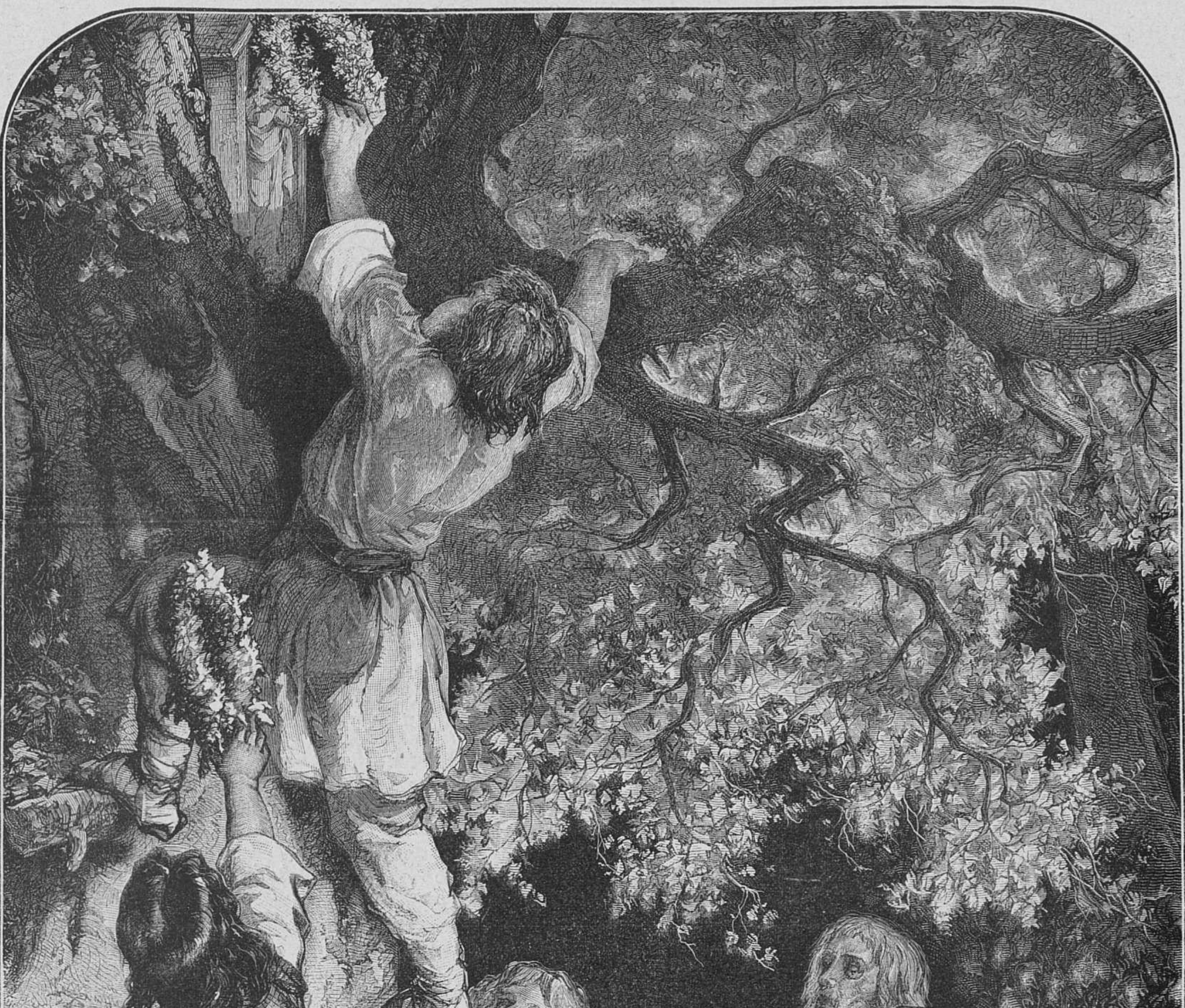
ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ 1880 Г.

КАРТИНА УРЛАУБА.

Монахъ.

Рисовалъ на деревѣ Петръ Чистяковъ; рѣзалъ Зубчаниновъ.

КАРТИНА АНДРІОЛЛИ.



Праздникъ весны въ Подольской губерніи.

Рѣзалъ на деревѣ Б. Пуцъ.

Рука моя весломъ безъ звука ударяла
По влагѣ дремлющей, и въ розовыхъ лучахъ
Безмолвно засыпалъ сосновый лѣсъ дремучій,
Какъ древній богатырь покойный и могучій.

И тихо издали задумчивый мотивъ
Пронесся медленно надъ сонною рѣкою;
То былъ въ немъ слышенъ крикъ, отчаянный призывъ,
То ропотъ надъ своей несчастною судьбою,
То скорби и тоски безпомощной приливъ,
Порой дышалъ напѣвъ то желчью, то мольбою,
Порой былъ слышенъ плачъ надъ рядомъ прошлыхъ дней
И отзывался онъ въ душѣ больной моей.

V.

Бросало солнце свѣтъ блестящій и летучій,
Плескала темная, глубокая рѣка;
И медленно шумѣлъ сосновый лѣсъ дремучій;
Закрылись облакомъ свинцовымъ небеса,
Послышался раскатъ изъ отдаленной тучи...
Нагрянетъ скоро вихрь... Надуетъ паруса...
И, накренившись, челнъ помчится надъ рѣкою,
Гонимый шумною, холодною волною...

VI.

Стоялъ осенній день... Кружилися стада
Крикливыхъ чибисовъ надъ черною рѣкою;
Катилася по ней свинцовая волна...
Клубились облака холодною толпою
Надъ темною землей; рыдали небеса
Беззвучно надъ своей утраченной красою;
Какъ сонъ, умчались дни прекрасные весны
И съ ними радости, и грезы, и мечты.

И плылъ я по рѣкѣ задумчивый, убитый,
Съ печальной думою въ усталой головѣ;
Все спало мертвымъ сномъ... Оставленный, забытый,
Обсыпавшійся лѣсъ ужь не манилъ къ себѣ,
И обнаженныя прибрежныя ракиты
Какъ-будто думали о канувшей веснѣ,
И словно полные кручины и печали
Листы опавшіе шумѣли и шуршали...

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

IV.

Небо, воздухъ, свѣтила.

Слѣды первобытнаго обожанія неба почти всѣ уже исчезли изъ народныхъ вѣрованій и крестьянинъ только чтитъ его, какъ главный источникъ земного плодородія, говоря: «не земля родитъ, а небо». Но за то до сихъ поръ сохраняются древнія вѣрованія въ атмосферныя явленія и небесныя свѣтила. Въ кемскомъ уѣздѣ, напр., передъ возвращеніемъ рыбаковъ съ мурманскаго берега бабы цѣлымъ селеніемъ отправляются на морской берегъ молить вѣтеръ, чтобы онъ благопріятствовалъ промышленникамъ. Для этого онѣ предварительно молятся крестамъ, поставленнымъ во множествѣ на всемъ бѣломорскомъ прибрежьѣ. На слѣдующую ночь послѣ богомолья всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгеръ, чтобы тянуло повѣтеріе и притомъ стараются припомнить и сосчитать ровно 27 (3X9) плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости и даже въ деревнѣ, если только есть возможность. Вспоминая имя плѣшиваго, дѣлаютъ рубежекъ на лучинкѣ углемъ или ножемъ; произнеся имя послѣдняго, 27-го, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучинами все женское населеніе деревни заходитъ за задворки и выкрикиваетъ громко. «Встокъ, да обѣдникъ, пора потянуть! Западъ да шалоникъ, пора покидать! Тридевять плѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя; встокова плѣшь напередъ пошла». Съ этими послѣдними словами бросаютъ лучинку черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ-же припѣваютъ: «Встоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку; а западу шалонику спину оголю. У встока да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла!» Съ окончаніемъ этого припѣвка спѣшатъ посмотрѣть на кинутую лучину: въ которую сторону легла крестомъ, съ той стороны ждутъ вѣтра. Но если она возвѣститъ неблагопріятный вѣтеръ, то прибѣгаютъ къ послѣднему средству: сажаютъ на щеку таракана и спускаютъ его въ воду, приговаривая: «поди тараканъ на воду, подними тараканъ сѣвера». Вихорь до сихъ поръ представляется дѣломъ летящихъ чертей или вѣдьмы и если бросить въ него ножъ, то онъ упадетъ окровавленнымъ. Даже вихорево гнѣздо (свитыя вихремъ вѣтви березы или ивы) считаются волшебнымъ средствомъ и старинные знахари совѣтовали: «Съ ветлы или березы надобно взять зеленый кустецъ... по нашему вихорево гнѣздо, и взять тотъ кустецъ, какъ потянетъ вѣтеръ-вихорь въ зимѣ или лѣтомъ, да середнее деревцо держать у себя—на судъ ходить, или къ великимъ людямъ, или на полѣ биться, и какъ бороться—держать тайно въ сапогѣ въ одномъ на правой ногѣ. А кто держитъ то деревцо у себя, тотъ человѣкъ не боится никого».

Когда пойдетъ плодотворный весенній дождь, то до сихъ поръ приговариваютъ: «дожь-дождемъ, поливай ковшемъ»; что-же касается грозы, то о ней существуютъ цѣлые мифы. Старинный «Луцидаріусъ» объясняетъ грозу «сраженіемъ облаковъ», мечущихъ громовые стрѣлы и топоры, которыми считаются находимыя въ землѣ орудія каменнаго вѣка, и «сіе бываетъ на устрашеніе демономъ, зане бо демони наблюдаютъ тогда, на кую страну Богъ казнь выпуститъ». Въ Малороссіи расказываютъ, что «якъ громъ гримить, то то Богъ издить по неби и калачи возить. Оцежъ-то Богъ калачи везе, а чортъ и литà попидъ небомъ и перекривляетця, якъ той грукае по хмарахъ. Богъ розсердитця и пускà въ ёго громову стрилу. Чортъ якъ побачить, то такъ и вдира!.. Якъ сбираетця на дощъ, то чорти вже знають и заране ховаютця въ лисъ. Хто не бачивъ, якъ вихоръ одинъ за другимъ съ поля та все въ лисъ тикають: отóжъ то сами чорти видъ громи ховаютця. Тайтамъ ихъ постигне кара божа—громъ, и дуба подробить, и чорта вбъе. Шо нигдѣ не знаходять убитого чорта, то видъ того, шо винъ смолою розливаетця, якъ громъ его вдарить, а смола въ землю ввийдè». Въ Литвѣ ходитъ легенда, что однажды въ сильную грозу вбѣжалъ въ избу запыхавшійся чортъ, сѣлъ, отдохнулъ немного и, уходя, посовѣтовалъ хозяйкѣ выбросить стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ; едва успѣла она выбросить его, какъ его мгновенно разбила въ щепы молнія. Спасаясь отъ молній, черти прячутся часто въ собакъ и кошекъ, которыхъ по этому и слѣдуетъ выгонять изъ дома во время грозы. Если убило человѣка, значитъ въ него тоже спрятался чортъ, за то Богъ прощаетъ убитому всѣ его грѣхи, а въ Литвѣ считаютъ его святымъ. О грозѣ у насъ выражаются: «его убило божьей милостью», «загорѣлось отъ божьей милости», «поставьте свѣчу къ образамъ да молитесь, дѣтушки,—божья милость заходитъ». Тушить пожаръ, происшедшій отъ грозы, во многихъ мѣстахъ считается грѣхомъ, а громовыми стрѣлками лѣчатся болѣзни. Большею-же частью гроза объясняется ѣздою по небу Ильи, на котораго народная фантазія перенесла мифическія представленія о Перунѣ. Въ слѣдующей скопческой пѣснѣ видны тѣ-же черты древняго мифа:

У насъ было на сырой землѣ—
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужь на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ-сударь гремитъ,
Нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой божій законъ.
Подъ нимъ бѣлой храброй конь;
Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ;
Ужь и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужной хвостъ,
А гривушка позолоченная,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная;
Въ очахъ его камень-маргаритъ,
Изъ устъ его огонь-пламень горитъ».

Илья считается подателемъ дождя и ведра и прежде въ Новгородѣ было двѣ церкви—Ильи Сухого и Ильи Мокраго, въ первой молились о ведрѣ, во второй—о дождѣ. По русскимъ поговоркамъ, «Илья грóзы держитъ», «на Ильинъ день гдѣ-нибудь отъ грозы загорается», «до Ильи попъ дождя не умолитъ, послѣ Ильи баба фартукомъ нагонитъ». Илья-же считается и покровителемъ урожая. Въ древнія времена жилъ-былъ мужикъ, Николинъ день завсегда почиталъ, а въ Ильинъ нѣтъ-нѣтъ да и работáть станетъ; Николѣ-угоднику и молебенъ отслужитъ, и свѣчу поставитъ, а про Илью-пророка и думать забылъ. Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николою полемъ этого самаго мужика, идутъ они да смотрятъ—на нивѣ зеленя́ стоятъ такія славныя, что душа не нарадуется. «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай!» говоритъ Никола.—«А вотъ посмотримъ! отвѣчалъ Илья; какъ спалю я молніей, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ мужикъ правду знать да Ильинъ день почитать». Поспорили и разошлись въ разныя стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: «продай, говоритъ, поскорѣе ильинскому попу весь хлѣбъ на корню; не то ничего не останется, все градомъ повыбьетъ». Мужикъ послушался. Прошло ни много—ни мало времени; собралась, попадвинулась грозная туча, страшнымъ градомъ и ливнемъ разразилась она надъ нивою мужика, весь хлѣбъ, какъ ножемъ, срѣзала. На другой день идутъ мимо Илья съ Николою и говоритъ Илья: «посмотри, каково разорилъ я мужиково поле!» Никола-угодникъ въ отвѣтъ ему замѣтилъ, что хлѣбъ мужикомъ давно на корню проданъ. «Постой-же, сказалъ Илья, я опять поправлю ниву, будетъ она вдвое лучше прежняго». Никола опять къ мужику и заставилъ его выкупить побитое поле. Межъ тѣмъ, откуда что взялось—стала мужикова нива поправляться; отъ старыхъ корней пошли новые, свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то и дѣло носятся надъ полемъ и поятъ землю; чудный уродился хлѣбъ—высокій да густой, сорной травы совсѣмъ не видать, а колосъ налился полный-полный, такъ и гнется къ землѣ. Пригрѣло солнышко и созрѣла рожь—словно золотая стоитъ въ полѣ. Много нажалъ мужикъ сноповъ, много наклалъ копенъ, ужь собрался возить да въ скирды складывать. На ту пору идетъ мимо Илья съ Николою; узнаетъ Илья, что поле мужикомъ выкуплено и говоритъ: «постой-же, отыму я у хлѣба спорынью: сколько-бы ни клалъ мужикъ сноповъ, больше четверика заразъ не вымолотитъ!» Никола-угодникъ идетъ къ мужику и совѣтуетъ ему, во время молотьбы больше какъ по одному снопу не класть на токъ. Сталъ мужикъ молотить: что ни снопъ, то и четверикъ зерна; всѣ закрома, всѣ клѣти засыпалъ рожью и все еще много остается; пришлось строить новые амбары.

Ильинскимъ дождемъ умываются и окачиваются отъ болѣзней, вражьихъ чаръ и очнаго призора. Въ Ильинъ день въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ учиняется быкомолъ, весь міръ покупаетъ лучшаго быка, котораго послѣ обѣдни убиваютъ, варятъ мясо и раздаютъ его за деньги, идущія на церковь. Кромѣ Ильи повелительницею грома считается отчасти Богородица, которую крестьяне смѣшиваютъ съ Маріей Магдалиной и въ день послѣдней, 22 іюля, не работаютъ въ полѣ, чтобы не убила за то гроза. Въ одномъ старинномъ сборникѣ разсказывается, какъ въ 1641 г. явилась Богородица къ нѣкоей женѣ, именемъ Феклѣ, и былъ отъ нея гласъ, чтобы христіане въ «праздники Господскіе никакой работы не работали и травъ не косили и хлѣба не жали»; буде покаются и престанутъ отъ такого неуваженія праздниковъ—«и Господь дастъ всякаго изобилія многое множество, болѣе прежняго; а будетъ христіане сему явленію и наказанію моему не повѣрятъ... и за ихъ непослушаніе будетъ на землю каменіе много, испущу съ небесъ молніе огненное... и ледъ, и мразъ лютый спущу на страдное время (т. е. въ пору жатвы), на скотъ и на хлѣбъ вашъ, и на все живущее, и во вся годы хлѣба не будетъ, и каменіе горящее съ небесъ спадетъ, и будетъ молніе огненное, и хлѣбъ, и трава озябнетъ, и скоты ваши голодомъ погибнутъ». Съ явленными иконами Богородицы соединяли въ старину мысль объ урожаѣ хлѣба и овощей, плодовитости скота и вёдренной погодѣ: «лѣта, коего явися икона Пречистыя Богородицы на Оковцѣ, въ лѣсу частомъ, на соснѣ на сучку, говоритъ повѣствователь о ея чудесахъ,—хлѣбъ бысть дешевъ: кадъ ржи купили по 4 московки, а лѣто было весьма вёдрено и красно, и незасушливо, и всякимъ овощемъ плодовито, и отъ поля тишина была, а людемъ здравіе было и всякому скоту плодъ». Въ повѣсти о выдропускомъ образѣ Богоматери, по случаю чудеснаго перемѣщенія его изъ Мурома въ село Выдропускъ, сказано: «и оттолѣ въ веси той, прочее-же и во всей новгородской области начаша людіе богатѣти духовнымъ богатствомъ, паче-же и тѣлесными потребами, вся земля обиліемъ кипя въ сѣменныхъ приплодѣхъ и въ скотскихъ родѣхъ паче первыхъ лѣтъ: сіе Богъ дарова и Пречистая Богородица». Бывающая обыкновенно послѣ грозы радуга представлялась въ древности существомъ живымъ, о которомъ «Матица Златая» XV в. говоритъ, что она «повелѣніемъ Божіимъ вбираетъ воду морскую, аки въ мѣхъ». Въ Сибири при видѣ радуги говорятъ, что она «воду пьетъ» и похищаетъ дѣтей. Въ харьковской губ. думаютъ, что радуга—труба, по которой Царица Небесная тянетъ воду, въ другихъ-же мѣстахъ полагаютъ,—блестящее коромысло Царицы Небесной, носящей на немъ воду и поливающей землю. Это коромысло хранится на небѣ и видно по ночамъ въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы, извѣстномъ въ оренбургской губ. подъ названіемъ коромысла, а въ волынской — дивка воду несе.

Небесныя свѣтила представлялись встарь одною семьею и въ пѣснѣ дѣвица говоритъ перевозчику.

«Перевозчикъ, добрый молодецъ!
Перевези меня на свою сторону».
— Я перевезу тебя—за себя возьму.

Въ отвѣтъ ему говоритъ красная дѣвица:

«Ты спросилъ-бы меня,
Чьего я роду, чьего племени?
Я роду ни большого, ни малаго:
Мнѣ матушка—красна Солнушка,
А батюшка—свѣтёлъ Мѣсяцъ,
Братцы у меня—часты Звѣздушки,
А сестрицы—бѣлы Зорюшки».

«Солнце-царь, говоритъ лѣтописецъ, сынъ Свароговъ (неба), еже есть Даждь-богъ», «Солнце красное, солнце праведное», поворачивая въ декабрѣ на лѣто, наряжается въ праздничный сарафанъ и кокошникъ, весною, на пасхѣ, пляшетъ, а на Ивановъ день, 24 іюня, встрѣчаетъ своего мужа, Мѣсяцъ, съ которымъ оно расходится съ наступленіемъ морозовъ. Пятна на лунѣ объясняютъ тѣмъ, что это видѣнъ Каинъ, осужденный за убійство Авеля стоять тамъ до скончанія вѣка и трястись надъ его неповинною кровію, или по другому разсказу: было нѣкогда два брата; «старшій братъ на Великъ день, коли ще добри люде на утрени стояли, пошовъ виднинуть воламъ сина, та замисць сина проткнувъ вилами меньшого брата; такъ ихъ Богъ такъ и поставивъ укупци на мисяци—на видъ усему хрищеному міру, щобъ бачили, що и скотини грихъ исти у такій великій празникъ, поки насокъ не посвятять». Въ Восточной Сибири русскіе вмѣстѣ съ бурятами полагаютъ, что мѣсяцъ похитилъ однажды дѣвушку, которую и видно на немъ. Дѣтямъ запрещаютъ поэтому долго смотрѣть на мѣсяцъ: утащитъ, оборони Богъ. Затмѣніе до сихъ поръ производитъ иногда настоящую панику, какую я помню изъ времени своего дѣтства въ Иркутскѣ, въ 50-хъ годахъ. Въ 1840 г. полное солнечное затмѣніе, видѣнное въ Черниговѣ, произвело въ народѣ сильную тревогу. Въ то время была тамъ ярмарка; собравшіеся на торгъ крестьяне, побросавъ все, одни спѣшили убраться поскорѣе домой, а другіе съ воплемъ бѣжали, сами не зная куда; явился какой-то проповѣдникъ и обратился къ толпѣ съ назидательными увѣщаніями покаяться въ сей послѣдній день. Солнце просіяло —и всѣ успокоились. Въ томъ-же году въ Пензѣ простой народъ, смотря на потемнѣвшее солнце, печально ожидалъ преставленія свѣта; на торговой площади многіе пали на колѣни и усердно молились Богу. Нагоняетъ страхъ и комета, эта звѣзда съ хвостомъ или съ метлой, по поводу которой ссылаемый въ 1641 г. Никонъ говорилъ: «Размететъ Господь Богъ васъ оною божественною метлою, иже является на дни многи!» Комета предшествуетъ войнѣ, кровопролитію. О звѣздахъ мы уже говорили и видѣли ихъ связь съ представленіями о душѣ. Небо—теремъ Божій, а звѣзды—окна. Какъ только рождается человѣкъ, Богъ повелѣваетъ тотчасъ прорубить въ небѣ новое окошечко и посадить къ нему ангела наблюдать за новорожденнымъ втеченіи всей его жизни; когда онъ умираетъ, окошечко закрывается.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ прошлаго и настоящаго Америки.

Ст. Н. В. Шелгунова.

Патріоты-демократы.

I.

Всякое великое дѣло кончается торжествомъ и для исполненія великаго дѣла всегда найдутся такіе-же великіе люди. Въ Америкѣ эта истина оправдалась еще разъ въ войну за независимость—и нынѣшній Сѣверо-Американскій Союзъ хранитъ самую признательную память къ вождямъ борьбы за независимость и къ творцамъ американской конституціи.

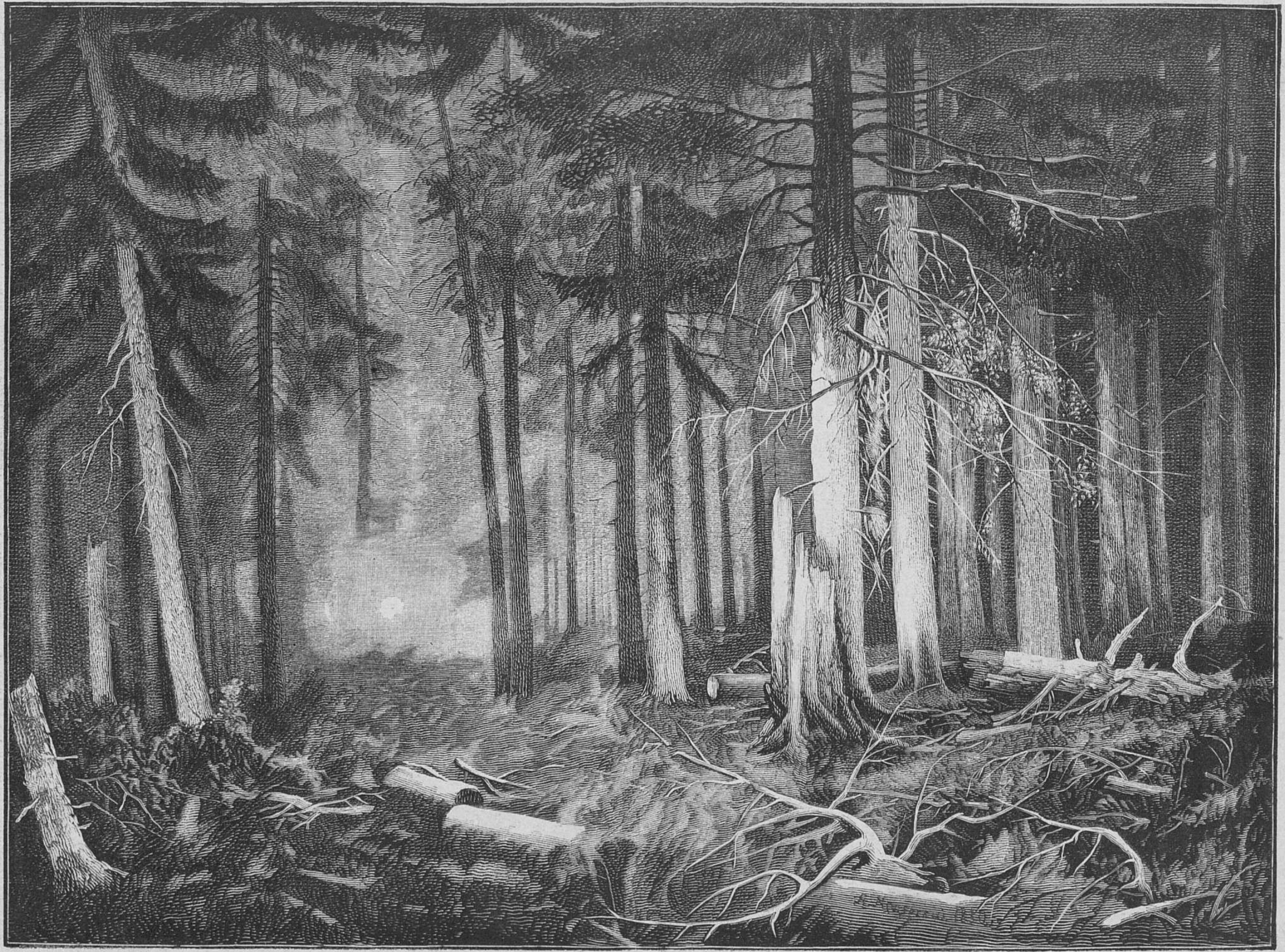
Когда наступило время борьбы, въ каждой колоніи и почти въ каждой общинѣ имѣлись люди, достаточно испытанные въ борьбѣ за общественную свободу, вліятельные по способностямъ, характеру, простые по образу жизни, проникнутые патріархальными добродѣтелями, но въ тоже время твердые сердцемъ, скромные, проникнутые чувствомъ любви къ своей родинѣ и полные самаго искренняго и горячаго стремленія къ ея цивилизаціи. Этимъ людямъ Сѣверо-Американскіе Штаты обязаны своимъ торжествомъ, а цивилизованный міръ практическимъ осуществленіемъ новыхъ политическихъ идей, примѣненныхъ къ громадной территоріи. Главой и центромъ, въ которомъ соединялись всѣ помыслы и стремленія американскихъ патріотовъ, былъ Вашингтонъ.

По рожденію, по вкусамъ, по воспитанію и интересамъ Вашингтонъ былъ земледѣлецъ. Онъ выросъ въ привычкахъ земледѣльческой жизни, которая собственно и составляла силу американскаго общества. Знаменитый Джеферсонъ только въ земледѣльческомъ строѣ американской жизни видѣлъ ручательство въ прочности американскихъ демократическихъ учрежденій. «Вѣра въ нашу силу, сказалъ онъ, не оставитъ насъ, пока мы будемъ добродѣтельны, а добродѣтельными мы будемъ до тѣхъ поръ, пока земледѣліе будетъ нашимъ главнымъ занятіемъ». Совершенно также смотрѣлъ на земледѣліе и Вашингтонъ, всѣ симпатіи и интересы котораго были связаны съ земледѣльческимъ населеніемъ, среди котораго онъ жилъ. Молодость его прошла въ земледѣльческихъ занятіяхъ, въ сношеніяхъ съ индѣйцами, то дружескихъ, то враждебныхъ, въ охотѣ, въ путешествіяхъ. Подобная жизнь не могла не обнаружить вліянія на развитіе характера и въ Вашингтонѣ выработалась подвижность, смѣлость, самообладаніе, осторожность и присутствіе духа, т. е. какъ разъ всѣ тѣ условія, безъ которыхъ было невозможно бороться ни съ дикой американской природой, ни отстоять своего существованія въ постоянной борьбѣ съ индѣйцами. Не самоувѣренность, а истина говорила устами Вашингтона, когда онъ сказалъ о себѣ: «У меня достаточно сильное физическое сложеніе, чтобы вынести всевозможныя физическія испытанія, и довольно рѣшимости, чтобы безъ боязни идти на все, на что осмѣливается идти человѣкъ». Потребность борьбы была, такъ сказать, въ натурѣ подобнаго человѣка и какъ только представлялся случай, онъ шелъ на встрѣчу опасности съ истинно юношескимъ увлеченіемъ. Разсказываютъ, что въ 1754 году королю Георгу III докладывали депешу, доставленную въ Лондонъ губернаторомъ Виргиніи. Въ депешѣ между прочимъ говорилось, что молодой майоръ Вашингтонъ, донося о первой битвѣ, выразился такъ: «Въ свистѣ пуль было что-то очаровательное». — «Онъ-бы не сказалъ этого, еслибъ слышалъ ихъ много», сказалъ король. Впослѣдствіи и самъ Вашингтонъ былъ того-же мнѣнія. Когда кто-то спросилъ Вашингтона, правда-ли, что онъ выразился такимъ образомъ, Вашингтонъ отвѣчалъ: «Если я это сказалъ, то потому, что былъ молодъ».

Молодость и кипучесть, вызывавшіяся дѣятельной натурой Вашингтона, были проникнуты въ тоже время серьезностью и торжественностью, присущими болѣе зрѣлымъ лѣтамъ. Не битвы ради битвъ плѣняли Вашингтона, но болѣе высокая цѣль и болѣе высокій успѣхъ, который ими достигался. Этотъ-то высшій успѣхъ и высшая цѣль заключали для него главную прелесть въ его боевыхъ подвигахъ. Уже двадцати двухъ лѣтъ Вашингтонъ командовалъ батальономъ милиціи и сносился съ представителемъ короля. Но ни сношенія съ товарищами, ни переписка съ намѣстникомъ, не мѣшали независимости сужденій Вашингтона и равновѣсію въ его поведеніи. Онъ превосходно понималъ обстоятельства, въ которыхъ дѣйствовалъ, и людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ, какъ къ высшимъ, такъ и къ низшимъ, онъ находилъ твердую точку для неошибочнаго поведенія. Онъ владѣлъ двумя величайшими

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1880 ГОДА.

КАРТИНА АКАДЕМИКА А. И. МЕЩЕРСКАГО.



Закатъ солнца въ лѣсу.

Рисовалъ самъ авторъ; рѣзалъ на деревѣ Скржимовскій.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА СИГИЗМУНДА АРЗАЙ.

Передъ судомъ присяжныхъ.

По фотографіи Ангерера; рѣзалъ Пааръ.

качествами, которыя необходимы, чтобы совершать великія дѣла. Онъ твердо вѣрилъ въ свои идеи и дѣйствовалъ рѣшительно, сообразно тому, какъ онъ думалъ, не боясь никакихъ послѣдствій и отвѣтственности. Таже самая убѣжденность въ правоту американскаго дѣла создала и все послѣдующее величіе Вашингтона. Онъ былъ убѣжденъ, что дѣло американцевъ справедливо, а слѣдовательно у него долженъ быть и успѣхъ. И великое дѣло, которое было ввѣрено Вашингтону, было совершено имъ.

Вашингтонъ принадлежалъ къ людямъ такъ называемаго практическаго ума, способнымъ необыкновенно вѣрно оцѣнять всѣ обстоятельства. Ему были неизвѣстны ни пристрастіе, ни предвзятость, и обо всѣхъ случаяхъ и фактахъ онъ составлялъ собственное сужденіе на основаніи внимательнаго ихъ изученія; но разъ выработавъ въ себѣ мнѣніе, Вашингтонъ уже держался его твердо, не кидаясь въ стороны, не боясь ни возраженій, ни противодѣйствій. Когда въ 1774 году собрался конгресъ и кто-то спросилъ Патрика. Генри, кто первый человѣкъ на конгресѣ, Патрикъ отвѣтилъ: «Если вы думаете объ ораторахъ, то первый, конечно, Рётледжъ изъ Южной Каролины, но если вы думаете объ основательномъ познаніи дѣлъ и неошибающемся сужденіи, то полковникъ Вашингтонъ есть несомнѣнно величайшій человѣкъ нашего собранія». И этотъ великій человѣкъ былъ дѣйствительно великъ вѣрою въ свою убѣжденность. «Если-бы какая-нибудь сила на землѣ, или высшая сила надъ землею указала истину для общественнаго политическаго мнѣнія, то на всемъ земномъ шарѣ не нашлось-бы человѣка болѣе меня готоваго слѣдовать ей, пока я служу своему отечеству. Но такъ какъ до сихъ поръ я еще не нашелъ лучшаго руководителя, какъ честныя намѣренія и внимательное изученіе дѣлъ, то пока я имъ служу, я буду и вести себя согласно съ ними», сказалъ Вашингтонъ, получивъ президентскую власть.

Если видѣть величіе въ блистательныхъ, ослѣпляющихъ подвигахъ, то, конечно, Вашингтонъ можетъ и не казаться великимъ человѣкомъ. Можетъ быть, правы даже и тѣ, которые сомнѣваются въ военныхъ заслугахъ Вашингтона. И дѣйствительно, онъ не далъ ни одной блистательной битвы и не совершилъ ни одного изъ тѣхъ подвиговъ, которые создали военную славу Наполеону I. Но Вашингтону приходилось бороться съ большими трудностями, неизвѣстными великимъ полководцамъ Европы. Въ Америкѣ въ XVIII столѣтіи царила боязнь постоянной арміи, и американцы больше всего боялись королевскаго войска, какъ одного изъ средствъ, которымъ легче всего могла быть подавлена національная свобода. Военный духъ, военная дисциплина, однимъ словомъ, все, что напоминало милитаризмъ, возбуждали въ американскихъ демократахъ враждебныя чувства. Понятно, что когда наступила пора противъ силы выставить силу, американцы какъ разъ встрѣтили препятствіе именно въ томъ, въ чемъ они думали найдти средство. Въ войскѣ, которое пришлось создать американцамъ, оказался независимый и демократическій духъ. Каждый полкъ, каждая рота хотѣли дѣйствовать по своему, какъ они считали удобнѣе. Отряды отдѣльныхъ штатовъ не признавали другихъ генераловъ, кромѣ собственныхъ, а солдаты—только тѣхъ офицеровъ, которыхъ они сами выбрали или назначеніе которыхъ они одобрили. Случалось, что послѣ неудачной битвы, а иногда даже и послѣ побѣды, цѣлые полки расходились, и никакими силами нельзя было ихъ удержать. Надо было положить конецъ подобной анархіи, надо было создать войско, а для этого нужно было обладать особеннымъ талантомъ организаціи, который и былъ только у Вашингтона. Кромѣ анархіи въ войскѣ царила еще анархія и во всемъ управленіи. Конгресъ былъ только тѣнью власти. Онъ ничего не дѣлалъ, ничего не могъ дѣлать, ничего не смѣлъ дѣлать, и Вашингтону стоило большой борьбы, чтобы создать ту управляющую власть, безъ которой была немыслима никакая внутренняя дисциплина, никакая возможность борьбы. Но Вашингтонъ своею энергіею, настойчивостью достигъ и организаціи управленія, какъ онъ достигъ организаціи арміи. Окончательный успѣхъ борьбы служитъ лучшимъ доказательствомъ военныхъ и гражданскихъ способностей Вашингтона и создалъ ему бо́льшую міровую славу, чѣмъ эфемерные блистательные подвиги Наполеона I. Совершенно справедливо говоритъ Гизо, что Вашингтонъ, зналъ нѣчто болѣе трудное и болѣе высокое, чѣмъ только воевать—онъ умѣлъ управлять. Война была для него лишь средствомъ, постоянно подчиненнымъ главной и основной цѣли,—успѣху всего дѣла: независимости Соединенныхъ Штатовъ.

И въ мирѣ и въ войнѣ только личныя качества Вашингтона давали всему извѣстную устойчивость, направленіе, содержаніе и силу. Американская армія нѣсколько разъ совершенно упадала духомъ и только личный примѣръ Вашингтона, привязанность, которую онъ умѣлъ внушить къ себѣ, и боязнь лишиться его уваженія удерживали подъ знаменами недовольныхъ, и создали наконецъ въ войскѣ тотъ военный духъ, который составляетъ силу и душу арміи. Но Вашингтонъ не страдалъ недостаткомъ многихъ великихъ людей—внушать къ себѣ преданность, не отвѣчая имъ ничѣмъ; Вашингтонъ любилъ своихъ товарищей, офицеровъ, армію. Онъ заботился объ нихъ и принималъ участіе въ ихъ интересахъ не по одному чувству долга и справедливости, но и по искреннему чувству привязанности къ людямъ, съ которыми онъ такъ много выстрадалъ и перенесъ. И въ тоже время онъ, въ отношеніяхъ своихъ къ войску, никогда не обнаруживалъ ни слабостей, ни попытки искать популярности. Онъ былъ даже строгъ и никогда не терялъ случая дать понять войску, что повиновеніе и преданность составляютъ непремѣнное естественное условіе и основной долгъ солдата.

Тѣже качества обнаруживалъ Вашингтонъ и на гражданской общественной службѣ. Задача, которая ему выпала, была очень не легка. Когда Вашингтонъ занялъ президентское мѣсто, ему пришлось бороться еще съ большей анархіей въ мысляхъ, чѣмъ какая была въ арміи. Колоніи, относительно своей общественной организаціи и идей, которыя въ нихъ господствовали, имѣли очень мало общаго. Въ Виргиніи и въ Каролинѣ царилъ аристократическій порядокъ вещей: земля была раздѣлена между крупными землевладѣльцами, обработывалась рабами, и гражданское право этихъ колоній носило на себѣ рѣзкую печать феодализма, съ его стремленіями къ поддержанію аристократическихъ фамилій. На сѣверѣ, напротивъ, не было ни рабовъ, ни крупныхъ землевладѣльцевъ, не существовало права первородства и майората, не было даже государственной церкви. Однимъ словомъ, нигдѣ и ни въ чемъ не выражался аристократизмъ, а, напротивъ, въ основѣ всѣхъ внутреннихъ отношеній, лежало стремленіе къ независимости и равенству.

Вмѣстѣ съ освободительнымъ движеніемъ въ Америкѣ совершилась быстрая революція въ понятіяхъ. Въ штатахъ, гдѣ господствовалъ аристократическій принципъ, демократическое движеніе внесло быстро уравнивающія перемѣны. Церковь не только утратила свои привилегіи, но и государственное значеніе. Субституціи исчезли, выборное право расширилось и гражданскіе законы очень быстро получили тенденцію къ всеобщему уравненію правъ. Но этомъ не остановилось еще движеніе. Въ Масачусетсѣ, Коннектикутѣ, Нью-Гэмширѣ явилось ученіе довольно радикальное, чтобъ испугать даже такихъ людей, какъ Джеферсонъ и Мадисонъ. Конечно, они боялись не сущности этого ученія, а того, что 15,000 людей, взявшихся за оружіе, чтобъ осуществить свои стремленія, могутъ внести въ едва освободившіеся штаты такую смуту, при которой погибнетъ окончательно едва только завоеванная свобода. Американскіе демагоги требовали, чтобы земли Союза, отторгнутыя отъ Великобританіи усиліями всѣхъ, были бы и общею собственностью. Они требовали, чтобы, какъ частные, такъ и общественные долги были уничтожены и введены аграрные законы; кто же будетъ противиться этимъ новымъ началамъ, тѣхъ, какъ враговъ справедливости, стереть съ лица земли.

При отсутствіи всякой силы въ конгресѣ, умственная шаткость союза, конечно, грозила его цѣлости, тѣмъ болѣе, что въ главныхъ политическихъ стремленіяхъ обнаружились два теченія. Одни стояли за цѣльность союза, другіе-же, федералисты, стремились къ большей независимости отдѣльныхъ штатовъ. И вотъ примирить всѣ эти теченія, согласовать ихъ, сцементировать, такъ сказать, въ одно неразрушимое цѣлое—выпало на долю Вашингтона. И онъ былъ единственный человѣкъ въ Америкѣ, способный выполнить эту великую миссію. Въ моментъ наибольшей опасности, когда, вслѣдствіе всякихъ неурядицъ, союзу грозило возстаніе, Вашингтонъ, бывшій всегда общимъ прибѣжищемъ въ минуты общественныхъ бѣдствій, получилъ отъ Генри Ли письмо, въ которомъ тотъ проситъ Вашингтона употребить свое вліяніе. Вашингтонъ отвѣчалъ: «Вліяніе! къ чему это! вліяніе не есть правительство. Начните съ того, чтобы имѣть правительство, обезпечивающее свободу и собственность гражданъ; безъ этого будьте готовы ко всему, что есть худшаго въ мірѣ».

Въ этомъ еще разъ сказалось гражданское величіе Вашингтона. По рожденію, по воспитанію, по привычкамъ, Вашингтонъ клонился болѣе къ тому соціальному порядку, представителями котораго были такъ называемые демократы. Но когда пришлось коснуться вопросовъ общественнаго порядка и политическаго строя, когда явился вопросъ объ организаціи управленія, Вашингтонъ сталъ въ опозицію съ мѣстными интересами и объявилъ себя федералистомъ, т. е. партизаномъ единства съ сильной центральной правительственной властью. Вашингтонъ сдѣлался президентомъ, чтобы дать торжество тому знамени, подъ которымъ онъ стоялъ. А это знамя не было знаменемъ какой-нибудь партіи. Даже въ глазахъ враговъ Вашингтонъ стоялъ выше подобнаго подозрѣнія. «Единственный человѣкъ союза, который пользуется общимъ довѣріемъ, писалъ Джефферсонъ, есть Вашингтонъ. Нѣтъ никого между нами, на кого бы можно было глядѣть, какъ на нѣчто болѣе высокое, чѣмъ глава партіи». И Вашингтонъ былъ именно этимъ болѣе высокимъ человѣкомъ.

Когда Вашингтонъ составилъ свой кабинетъ, онъ пригласилъ въ него федералистовъ Гамильтона и Кнокса и демократовъ Джеферсона и Рендольфа. Кноксъ былъ честный солдатъ, человѣкъ кроткій, но заурядный; Рендольфъ—человѣкъ подвижнаго, остраго ума, но сомнительной честности, и только Джеферсонъ и Гамильтонъ, люди безусловно высокой нравственности, искренніе, страстные, ловкіе и умные, были истинными представителями двухъ противуположныхъ партій. Примирить этихъ двухъ противуположныхъ людей было не легкимъ дѣломъ и Вашингтонъ

обыкновенно прибѣгалъ къ такой тактикѣ. Въ спорныхъ вопросахъ, которые приходилось обсуждать, онъ сначала разузнавалъ мнѣнія противниковъ, чтобы составить себѣ опредѣленное мнѣніе о вопросѣ. Вашингтонъ умѣлъ затронуть патріотическія чувства противниковъ и ихъ стремленія къ общему благу, но если разнорѣчіе было слишкомъ глубоко и страстно, онъ прибѣгалъ къ средствамъ своего личнаго вліянія, убѣждалъ, просилъ, и если ему не всегда удавалось примирить противниковъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ отстранялъ рѣзкость несогласія. Самъ Вашингтонъ разрѣшалъ вопросы съ той-же осторожностью и относился къ нимъ также бережно, какъ къ людямъ. Онъ не возбуждалъ ни одного вопроса, недостаточно созрѣвшаго, предоставлялъ штатамъ дѣйствовать въ предѣлѣ своей сферы, не вмѣшиваясь никогда въ частности мѣстныхъ интересовъ, пока они не затрогивали интересовъ общихъ. Политика Вашингтона отличалась безпристрастіемъ, осторожностью, сдержанностью, внимательностью къ личнымъ чувствамъ, бережливостью по отношенію къ интересамъ лицъ и дѣлъ, но въ тоже время—рѣшительностью, дѣйствительностью, твердостью въ принципахъ и какою-то стихійностью въ проявленіи воли. Другой политика Вашингтона и не могла быть. Только въ этихъ особенностяхъ и заключался секретъ ея вліянія и той умиротворяющей силы, которая упрочила американскую конституцію и создала прочную центральную власть, честную, безпристрастную, пекущуюся объ общемъ благѣ и возбуждающую къ себѣ всеобщее довѣріе. Правительство, какъ говоритъ Гизо, повсюду и вездѣ есть величайшее приложеніе человѣческихъ способностей. Нѣтъ большей чести, какъ служить общественному интересу и нѣтъ для человѣка съ высшими способностями и съ возвышенной душой лучшаго назначенія, какъ управлять общественными дѣлами. Такихъ людей не могутъ замѣнить никакіе статуты, никакія учрежденія, никакія общественныя гарантіи или отвѣтственности. Въ свою очередь и для людей, достойныхъ подобнаго назначенія, все личное и иногда самыя законныя, повидимому, чувства не больше какъ слабость, ихъ миссія есть трудъ, ихъ награда заключается въ успѣхѣ дѣла, которому они служатъ,—въ самомъ ихъ трудѣ. Очень часто они умираютъ подъ тяжестью общественной ноши, не достигнувъ намѣченныхъ результатовъ, и слѣдовательно — награды за свой трудъ. Вашингтонъ въ этомъ случаѣ представлялъ едва-ли не единственное исключеніе въ исторіи, потому что онъ видѣлъ успѣхъ своего дѣла и затѣмъ, вдали отъ общественныхъ дѣлъ, наслаждался личнымъ спокойствіемъ. «Изъ всѣхъ великихъ людей, говоритъ Гизо, онъ былъ наиболѣе добродѣтельный и наиболѣе счастливый. Богъ въ этой жизни не можетъ оказать большей милости».

Но тотъ-же Богъ оказалъ милость и американскому союзу, создавъ для него такихъ людей, какъ Вашингтонъ, Мадисонъ, Гамильтонъ, Франклинъ. «Я не могу удержаться, говоритъ Лабулэ, отъ размышленій о счастіи Америки, которая въ трудномъ положеніи тотчасъ-же находила людей, знающихъ, что надлежитъ дѣлать для достиженія преслѣдуемой ими благородной цѣли. Французы прошли черезъ тѣже фазисы, какъ и американцы; они испытали революцію, это волненіе умовъ, это всеобщее неудовольствіе, этотъ родъ томленія больного, который безпрестанно поворачивается съ боку на бокъ и не можетъ успокоиться. Но французы никогда не видали людей, которые являются и говорятъ: «Вотъ что должно дѣлать и мы дѣлаемъ это». Французы выходятъ изъ одной революціи черезъ другую и такимъ образомъ, переходя отъ революціи къ революціи, стремятся къ погибели свободы. Отчего это происходитъ? Отъ двухъ причинъ, тѣсно связанныхъ одна съ другою: отъ невѣжества и отсутствія политическаго смысла».

Французы, по словамъ Лабулэ, невиноваты въ своемъ политическомъ невѣжествѣ. Политическимъ-же невѣжествомъ онъ называетъ отсутствіе не того знанія, которое почерпается изъ книгъ, а того, которое почерпается изъ жизни. Въ Америкѣ каждый человѣкъ начинаетъ свое поприще тѣмъ, что становится однимъ изъ агентовъ общины. Кѣмъ бы онъ ни былъ, какое бы онъ ни занималъ мѣсто, онъ постоянно дѣлитъ свою жизнь на двѣ части,— изъ нихъ одна посвящена его собственнымъ дѣламъ, другая—дѣламъ общественнымъ. Постоянно дѣйствуя въ интересахъ общественнаго дѣла, которому онъ служитъ, американецъ получаетъ мѣсто въ извѣстной партіи, привыкаетъ, такъ сказать, къ политическому сосѣдству тѣхъ или другихъ людей и пріобрѣтаетъ привычку работать съ ними и не измѣнять имъ. Во Франціи, по словамъ Лабулэ, сложился другой порядокъ. Тамъ люди дѣлятся на двѣ категоріи: одни стоятъ за власть, другіе ей оппонируютъ. «Наступаетъ революція, говоритъ Лабулэ, повидимому, всѣ вещи должны измѣниться, но они нимало не измѣняются. Люди, защищавшіе прежнюю власть, начинаютъ защищать новую, и не слѣдуетъ ставить имъ этого въ вину, потому что они такимъ образомъ понимаютъ спасеніе общества». По словамъ Лабулэ, у французовъ недостаетъ убѣжденности и стойкости въ мнѣніяхъ и принципахъ. «Одни, по словамъ его, хотятъ все ниспровергнуть, другіе—все сохранить. Какимъ образомъ съ подобными идеями можно имѣть опредѣленный характеръ?» Отъ этой умственной неопредѣленности есть одно средство избавиться—создать практику политической жизни. «Практику въ асоціаціяхъ, въ общинахъ, во всемъ, что дѣлаетъ людей способными жить вмѣстѣ, обсуждать и поддерживать свои мнѣнія». И образцомъ такого человѣка для французовъ Лабулэ выставляетъ Лафайета. «Вы видите его въ 1789 году такимъ, какимъ онъ будетъ въ 1830, постоянно вѣрнымъ однимъ и тѣмъ-же идеямъ. Я раздѣляю всѣ его идеи, говоритъ Лабулэ, его характеръ прекрасенъ. Онъ можетъ ошибаться, но онъ дѣйствуетъ всегда согласно своимъ мнѣніямъ. Онъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму; Австрія ввергаетъ его въ казематы Ольмюца, вопреки праву народовъ. Для возвращенія свободы, ему пять или шесть разъ предлагаютъ высказать мнѣнія, противныя его убѣжденіямъ: онъ остается въ своей тюрьмѣ; это мученикъ. Впослѣдствіи ему предлагаютъ служить императору, онъ отказывается; онъ готовъ служить ему, но только тогда, когда императоръ пожелаетъ служить свободѣ, въ противномъ случаѣ нѣтъ. Въ 1815 г. онъ будетъ защищать свободу противъ Бонапарта, позднѣе противъ Бурбоновъ. Поэтому, когда Франція находилась среди какого-нибудь кризиса, то каждый говорилъ: призовемъ Лафайета. Это великая честь для страны имѣть нѣсколько людей до такой степени твердыхъ въ своей политической вѣрѣ, что въ день опасности она можетъ разсчитывать на ихъ увѣренность и рѣшительность. Въ этомъ состоитъ сила націи и это составляетъ величіе справедливо чтимыхъ именъ Вашингтона и Гамильтона».

Вашингтонъ умеръ 14 декабря 1799 года, а 23 декабря конгресъ постановилъ поставить въ память его мраморный памятникъ, наложилъ на всю страну десятидневный трауръ и повелѣлъ посвятить одинъ день плачу и молитвамъ. Когда извѣстіе о смерти Вашингтона достигло Европы, лордъ Брайтпортъ, командиръ англійскаго флота въ Ламаншѣ, опустилъ до половины мачты флагъ на своемъ адмиральскомъ кораблѣ и шестьдесятъ судовъ, составлявшихъ его эскадру, повторили тоже. Во Франціи, несмотря на нѣкоторую враждебность двухъ республикъ, первый консулъ повелѣлъ арміи надѣть трауръ и бюстъ великаго американскаго патріота былъ поставленъ въ Тюльери. «Вашингтонъ умеръ! гласитъ приказъ, отданный по арміи первымъ консуломъ. Этотъ великій человѣкъ боролся противъ тираніи и обезпечилъ свободу своему отечеству. Память его всегда будетъ дорога французскому народу, какъ и всѣмъ свободнымъ людямъ обѣихъ полушарій и въ особенности французскимъ солдатамъ, которые какъ онъ и какъ солдаты американскіе сражаются за равенство и свободу. Первый консулъ повелѣваетъ, чтобы втеченіи десяти дней всѣ знамена и штандарты республики были покрыты чернымъ крепомъ».

(*Продолженіе будетъ.*)

Вильямъ-Эвартъ Гладстонъ.

(Портретъ въ № 17.)

Очнувшись отъ шестилѣтняго биконсфильдовскаго кошмара, Англія снова вручила свою судьбу величайшему государственному человѣку нашего времени. Мѣсто «Юркаго Дизи» занялъ «Народный Вильямъ». Политика трескучихъ эфектовъ, блестящей мишуры и личнаго честолюбія замѣнилась простымъ, честнымъ, искреннимъ трудомъ на пользу англійскаго народа и пламеннымъ, энергичнымъ стремленіемъ къ обезпеченію всеобщаго мира. Торійское министерство удалилось если не съ честью, то съ почестями: орденами, баронетствами, мантіями пэровъ и т. д. А наслѣдовавшее имъ либеральное министерство до того строго охраняетъ принципъ честности, что одинъ изъ видныхъ представителей либеральной партіи и другъ Гладстона, лордъ Розбери, просилъ не включать его въ министерскую комбинацію, дабы не дать тѣни основанія злымъ языкамъ распустить клевету, что онъ энергично поддерживалъ кандидатуру Гладстона въ Эдинбургѣ и жертвовалъ на это громадныя деньги съ цѣлью выскочить въ министры. Этого одного характеристичнаго контраста достаточно, чтобы понять все значеніе мирнаго, безкровнаго переворота, совершеннаго втеченіи одного мѣсяца въ класической странѣ конституціонной свободы.

Но кромѣ значенія для Англіи и всего свѣта этой блестящей побѣды либеральной партіи, она крайне интересна и своею чисто драматическою стороною. Нигдѣ въ исторіи нельзя найдти примѣра, чтобы во главѣ дѣйствующей прогресивной партіи, во главѣ націи, громко заявившей требованіе энергичныхъ коренныхъ реформъ, стоялъ въ силу единодушнаго желанія и довѣрія всего народа семидесятилѣтній старикъ. А если мы еще вспомнимъ, что этотъ старикъ началъ свое политическое поприще 46 лѣтъ тому назадъ, «какъ восходящая надежда торіевъ»; что вся его долгая служба странѣ была въ сущности только неуклоннымъ постепеннымъ отрицаніемъ торійскихъ принциповъ, съ которыми не могли примириться сила, искренность, благородство, честность и человѣчность его натуры; что, наконецъ, на закатѣ своей полезной и благотворной жизни онъ—лучшая надежда всего англійскаго народа, то мы должны согласиться, что на яву иногда случаются странные, хотя и чудные сны. Дѣйствительно, въ наше время, какъ-бы гордящееся порчей политическихъ нравовъ, повальной измѣной людьми достигшими извѣстнаго возраста и положенія въ свѣтѣ своимъ юношескимъ идеаламъ, время общей погони за наживой и процвѣтанія всевозможныхъ сдѣлокъ съ совѣстью—зрѣлище этого человѣка у кормила правленія, гордо держащаго въ 70 лѣтъ знамя принциповъ чести, справедливости и свободы, по истинѣ утѣшительное и отрадное,

вселяющее одно лишь сожалѣніе, что оно слишкомъ рѣдкое явленіе.

Дѣйствительно, по краснорѣчивому замѣчанію Вемиса Рида, въ его характеристикѣ Гладстона *): кого изъ современныхъ государственныхъ людей можно поставить съ нимъ на одну доску? Онъ не шарлатанъ, не политическій искатель приключеній, не честолюбецъ, стремящійся къ достиженію личныхъ цѣлей. Онъ никогда не продавалъ себя и не могъ продать тѣмъ, кто дороже заплатитъ. Онъ самый простой, самый честный, самый искренній, самый благородный человѣкъ, когда-либо дѣлавшій честь великой странѣ управлять ея дѣлами. Весь характеръ, вся личность, все политическое поприще Гладстона выражается одной фразой—онъ дѣлалъ и дѣлаетъ то, что ему велитъ совѣсть. Онъ не только ораторъ, писатель и общественный дѣятель въ широкомъ значеніи этого слова, но передовой государственный человѣкъ; онъ руководилъ національной политикой, онъ стоялъ во главѣ администраціи, онъ постоянно вращался среди сложныхъ интригъ партій и при всемъ томъ онъ никогда, ни разу не поступилъ противъ совѣсти, а напротивъ приносилъ въ жертву личные интересы, повинуясь этому голосу совѣсти. Что-же касается до часто взводимыхъ на него обвиненій въ непрактичности, неуживчивости, дурномъ характерѣ и сотнѣ другихъ недостатковъ, то при старательномъ изслѣдованіи въ основѣ каждаго изъ этихъ недостатковъ лежитъ все то-же одно, главное его свойство—добросовѣстность. Каждый шагъ его общественной жизни, практическій или нѣтъ, правильный или ошибочный, сдѣланъ имъ потому, что такъ слѣдовало поступить по совѣсти. Обыкновенно политическіе дѣятели имѣютъ два мѣрила; одно для общественной, другое для частной жизни. Но Гладстонъ въ палатѣ общинъ и Гладстонъ въ Говарденскомъ замкѣ одинъ и тотъ-же; совѣсть у него одна и эта совѣсть руководитъ всѣми его дѣйствіями.

Рядомъ съ этой основной, характеристичной чертой Гладстона, его честностью въ самомъ высшемъ значеніи этого слова, надо поставить и двѣ другія стороны его богато одаренной натуры, это—искренность и пламенную любовь къ общественной свободѣ. Первое качество, особенно драгоцѣнное въ эпоху общаго разочарованія, равнодушія ко всему и преобладанія теоріи «хата моя съ краю», считается многими за главную слабость Гладстона. Его упрекаютъ, что, предпринявъ какое-нибудь дѣло, онъ отдается ему всецѣло и ведетъ его съ такой энергіей и съ такимъ пыломъ, которые, быть можетъ, иногда недостаточно принимаютъ въ соображеніе встрѣчающіяся преграды и отпугиваютъ многихъ, желавшихъ-бы идти съ нимъ, но немогущихъ соразмѣрить своего шага съ его поступью. Но въ сущности въ этой искренности и заключается одинъ изъ основныхъ источниковъ его силы. Однажды, говоря рѣчь ученикамъ какой-то школы, онъ объяснилъ имъ, что мальчикъ, если бѣжитъ, то долженъ бѣжать какъ можно скорѣе, если прыгаетъ, то долженъ прыгать какъ можно выше. Въ доказательство практичности этой теоріи онъ сослался на свою общественную дѣятельность. Дѣйствительно, онъ никогда не соразмѣрялъ своего бѣга и своихъ прыжковъ съ личными интересами своей партіи или съ настроеніемъ общества въ данную минуту, а напрягалъ свои громадныя, рѣдкія способности насколько было возможно для общей пользы всего народа, всего человѣчества. Къ тому-же Гладстонъ не только великій государственный человѣкъ, практическій администраторъ, умѣющій обнять всѣ мелкія подробности даннаго вопроса, не упуская общей широкой точки зрѣнія, и краснорѣчивый ораторъ, но богословъ, политико-экономъ, финансистъ, ученый изслѣдователь Гомера, литературный критикъ, журнальный публицистъ, любитель и знатокъ изящныхъ искуствъ, музыки и древняго фарфора, наконецъ, искустный дровосѣкъ. Понятно, что человѣкъ, подвизающійся на столькихъ разнородныхъ поприщахъ, естественно могъ-бы возбудить улыбку въ постороннихъ зрителяхъ, но горячая искренность Гладстона, его серьезное отношеніе къ каждому предмету спасаетъ его отъ насмѣшекъ и никто еще не сказалъ о немъ, что онъ способенъ на все и ни на что.

Третья основная черта Гладстона — любовь къ общественной свободѣ, быть можетъ, покажется неправдоподобнымъ явленіемъ въ человѣкѣ, начавшемъ жизнь упорнымъ торіемъ и долго считавшемся въ рядахъ торійской партіи. Но стоитъ только взглянуть на всю его политическую жизнь и вспомнить, какъ онъ отстаивалъ вмѣстѣ съ Пилемъ свободу торговли, какъ отказался только однажды отъ этого великаго принципа ради еще большаго, именно предложилъ обложить сахаръ, производимый невольниками, большей пошлиной, чѣмъ сахаръ, производимый свободнымъ трудомъ; какъ онъ горячо стоялъ за свободу совѣсти; какъ онъ первый обличилъ передъ всей Европой въ знаменитыхъ письмахъ къ лорду Абердину ужасы неаполитанскихъ тюремъ; какъ въ 1864 г. онъ, прямо высказавшись за равноправность рабочихъ классовъ, «нашей плоти и крови», по его собственному выраженію, поставилъ на практическую почву вопросъ объ избирательной реформѣ;—стоитъ только припомнить все это и мы убѣдимся, что любовь Гладстона къ общественной свободѣ вовсе не новость и не впервые проявилась она по случаю восточнаго вопроса для причиненія непріятности торійскому министерству, какъ увѣряли ярые джингонты. Напротивъ, когда Гладстонъ смѣло началъ свою знаменитую антитурецкую агитацію въ пользу освобожденія христіанскихъ населеній Балканскаго полуострова, одинъ англичанинъ, близко его знавшій, публично сказалъ: «Этого именно и можно было ждать отъ Гладстона». «Дѣйствительно, прибавляетъ Ридъ, передавая этотъ отзывъ,— можно ожидать, что Гладстонъ забудетъ всѣ общепринятые обычаи и сброситъ съ себя всѣ оковы, налагаемыя преданностью къ интересамъ партіи или даже страны, когда голосъ долга, голосъ совѣсти побуждаетъ его помочь святому дѣлу освобожденія».

Имѣя въ виду эти три главныя руководящія качества Гладстона: совѣстливость, искренность и любовь къ общественной свободѣ, мы поймемъ и всѣ перемѣны или, лучше сказать, все послѣдовательное развитіе его политическихъ убѣжденій, такъ какъ никогда даже враги его не ставили «Народнаго Вильяма» въ рядъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые, по словамъ Виктора Гюго, принимаютъ флюгарку за знамя

Родившись 29 декабря 1809 года въ Ливерпулѣ, Вильямъ-Эвартъ Гладстонъ, сынъ богатаго комерсанта и друга знаменитаго Канинга, развивалъ свой умъ съ дѣтства, по его собственнымъ словамъ, «подъ тѣнью этого великаго имени», съ которымъ была соединена идея отстаиванія извнѣ свободы всѣхъ народовъ и сопротивленія внутри реформамъ. Напитавшись въ домѣ отца торійскими принципами, Гладстонъ еще болѣе утвердился въ нихъ въ Итонѣ и Оксфордѣ, гдѣ онъ взялъ двѣ ученыя степени, но, какъ онъ самъ говорилъ въ прошломъ году въ одной изъ своихъ рѣчей, «не научился тому, чему научился впослѣдствіи, именно должной оцѣнкѣ не оцѣнимаго и не увядающаго принципа человѣческой свободы». Эта важная наука однако досталась ему не вдругъ; выступивъ очень рано на политическое поприще и выбранный въ 1812 г. депутатомъ Ньюарка, подъ покровительствомъ герцога Ньюкастля, онъ черезъ два года вступилъ въ министерство сэра Роберта Пиля младшимъ лордомъ казначейства, а потомъ былъ товарищемъ министра колоніи. Съ паденіемъ главы своей партіи, Гладстонъ, отличавшійся до тѣхъ поръ консервативными идеями, очутился въ опозиціи и написалъ свою знаменитую книгу «Церковь и государство», по поводу которой Маколей сказалъ: «мы расходимся съ ея авторомъ во мнѣніяхъ, но любуемся его талантомъ и уважаемъ его прямоту и великодушіе». Въ новомъ министерствѣ сэра Роберта Пиля Гладстонъ занялъ мѣсто товарища, а потомъ министра торговли и былъ правой рукой великаго реформатора въ дѣлѣ введенія свободной торговли. Это обращеніе Гладстона въ противника консервативнаго принципа протекціонизма было первымъ толчкомъ, придавшимъ его уму либеральное направленіе. Когда такой человѣкъ, какъ Гладстонъ, увидалъ, что основные принципы политической вѣры его и всей его партіи поколеблены въ одномъ отношеніи, естественно онъ долженъ былъ подвергнуть строгому изслѣдованію незыблемость этихъ принциповъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Поэтому неудивительно, что его религіозныя идеи также подверглись измѣненію; но чтобы никто не приписывалъ этой перемѣны желанію его сохранить министерскій портфель, онъ подалъ въ отставку въ 1845 г. и уже, какъ простой депутатъ, поддержалъ предложеніе сэра Роберта Пиля даровать субсидію католической мейнотской колегіи въ Ирландіи, что противорѣчило теоріи о господствѣ протестантской церкви, которую онъ проводилъ въ своей книгѣ, но какъ онъ объявилъ въ палатѣ, «нельзя сковывать своего сужденія, какъ члена парламента, отвлеченными теоріями». Эта жертва чувству долга, однако, не надолго лишила его министерскаго портфеля; въ концѣ того-же года сэръ Робертъ Пиль убѣдилъ его вступить снова въ кабинетъ министромъ колоній. Впрочемъ, и съ этимъ постомъ ему пришлось разстаться, также благодаря своей политической честности. Когда сэръ Робертъ Пиль внесъ въ палату свое знаменитое предложеніе объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, Гладстонъ нашелъ невозможнымъ оставаться болѣе депутатомъ Ньюарка, такъ какъ герцогъ Ньюкастль, вліяніе котораго было преобладающимъ въ этомъ мѣстечкѣ, находился въ числѣ самыхъ ярыхъ противниковъ этой мѣры. Онъ отказался отъ представительства Ньюарка и втеченіи двухъ лѣтъ не засѣдалъ въ палатѣ. Такимъ образомъ, онъ не принималъ участія въ горячихъ преніяхъ по отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, но содѣйствовалъ принятію этой великой мѣры своей министерской дѣятельностью и перомъ.

Послѣ паденія сэра Роберта Пиля, Гладстонъ занималъ независимое положеніе въ палатѣ, въ которую снова вступилъ депутатомъ отъ оксфордскаго университета въ 1847 году. До образованія коалиціоннаго министерства лорда Абердина онъ поддерживалъ то торіевъ, то виговъ, смотря на чью сторону склонялись въ данномъ вопросѣ его убѣжденія, принимавшія все болѣе и болѣе либеральный характеръ. Къ этой переходной эпохѣ относятся и его письма о неаполитанскихъ тюрьмахъ, которыя, оказавъ памятную услугу либерализму въ Европѣ, помогли и освобожденію могучаго ума Гладстона отъ послѣднихъ оковъ консерватизма. Съ того времени, чѣмъ дальше онъ шелъ въ своей общественной дѣятельности, тѣмъ болѣе отказывался отъ традицій юности и тѣмъ выше поднимался по лѣстницѣ либерализма, уже не отступая ни на одинъ шагъ. Вступивъ въ кабинетъ лорда Абердина

*) Politicians of To-day, by Wemiss Reid,—London 1880. 2 vol.

министромъ финансовъ, Гладстонъ высказалъ свои великія финансовыя способности, которыхъ не оспариваютъ даже его противники, и Англія была одолжена ему отмѣною многихъ налоговъ и пошлинъ, уменьшеніемъ государственнаго долга и сокращеніемъ государственныхъ расходовъ. Туже благотворную финансовую политику онъ продолжалъ и при министерствахъ лорда Пальмерстона и лорда Джона Росселя, вступленіе въ которыя уже означало окончательный переходъ его въ либеральную партію, что привело къ забаллотировкѣ Гладстона на выборахъ 1855 г. въ Оксфордѣ, отличавшемся всегда консервативными стремленіями. Избранный немедленно депутатомъ Южнаго Ланкашира, онъ вскорѣ возстановилъ противъ себя новыхъ своихъ избирателей пламенной агитаціей за избирательную реформу и уничтоженіе господствующей протестантской церкви въ Ирландіи. На общихъ выборахъ 1868 года онъ потерпѣлъ пораженіе въ Южномъ Ланкаширѣ, но былъ избранъ въ Гриничѣ. При этомъ вся страна такъ ясно высказалась за Гладстона, что министерство Дизраели подало въ отставку и Гладстонъ составилъ свой первый кабинетъ.

Пятилѣтнее управленіе Гладстона Англіею по справедливости названо золотой эрой либерализма. Ни одному министерству не удалось никогда провести столько великихъ и полезныхъ реформъ. Достаточно перечисленіе главныя изъ мѣропріятій Гладстона, запечатлѣнныя навѣки въ лѣтописяхъ англійскаго законодательства и въ благодарныхъ сердцахъ англійскаго народа: это—отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи, измѣненіе ирландской поземельной системы, введеніе тайной подачи голосовъ на выборахъ, отмѣна покупки офицерскихъ чиновъ, преобразованіе народнаго воспитанія и заключеніе вашингтонскаго трактата. Всѣ эти и многія другія полезныя реформы не истощили кипучей дѣятельности Гладстона; онъ хотѣлъ идти далѣе, но высшіе состоятельные класы, управляющіе до сихъ поръ Англіей, пришли въ ужасъ отъ этого наплыва нововведеній, грозившихъ подточить ихъ силу, и общественное мнѣніе отвернулось отъ человѣка, столько сдѣлавшаго для страны. На выборахъ 1874 года либеральная партія потерпѣла страшное пораженіе и Гладстонъ не только вышелъ въ отставку изъ первыхъ министровъ, но отказался и отъ предводительства своей партіей. Однако, это не значило, что онъ отказался отъ политической дѣятельности и во все позорное для Англіи царствованіе «Іерусалимскаго короля Джинго I» не было болѣе энергичнаго и пламеннаго противника его фантастичной, разорительной и постыдной политики, какъ «народный Вильямъ». Его чрезвычайныя, почти сверхъестественныя усилія, наконецъ, увѣнчались давно желаннымъ успѣхомъ. Онъ пробудилъ Англію отъ тяжелаго угара и снова стоитъ во главѣ либеральной партіи, либеральнаго парламента и либеральнаго министерства, радикальнѣе которыхъ никогда не видывала Англія.

Теперь впервые у величайшаго реформатора нашего времени развязаны руки и близкое будущее покажетъ, какими благами одаритъ ввѣренную его управленію страну человѣкъ, о которомъ его злѣйшій врагъ, Дизраели, сказалъ: «у него нѣтъ ни одного недостатка, который-бы хоть отчасти выкупалъ всѣ его добродѣтели».

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье**, автора **«Изы»**.

(Продолженіе.)

Глава IX.

Какъ рѣшилась судьба Элизы.

Элиза вернулась домой какъ сумасшедшая и, запершись въ своей маленькой комнатѣ, долго рыдала. Въ ея дѣтскомъ мозгу происходила страшная буря. Какъ! человѣкъ, оскорбившій ее, былъ старикъ, а ее всегда учили уважать старость! Какъ! та, которую научили ее любить, которая должна была замѣнить ей мать, ея родная сестра продала ее ужасному старику! Всѣ мысли о добрѣ и злѣ, внушенныя ей съ дѣтства, были перевернуты верхъ дномъ; то, къ чему она относилась съ любовью, теперь стало ей ненавистно, презрѣнно. Она едва не сошла съ ума.

Однако, слезы мало-по-малу успокоили ее и ей вдругъ пришла въ голову мысль, отчего она оставалась въ этой каморкѣ, а не въ комнатахъ, полныхъ воспоминаніями о томъ, который одинъ любилъ ее при жизни и не забылъ послѣ смерти. Не оскорбляла-ли она его память этой нелѣпой боязнью, этимъ гнуснымъ опасеніемъ мѣста, гдѣ онъ умеръ? Она, перенесшая столько страданій отъ живыхъ, могла-ли серьезно бояться этого мертвеца, который одинъ доказалъ ей свою искреннюю привязанность? Напротивъ, ей казалось, что въ эту минуту его тѣнь будетъ лучшей для нея защитой. Она даже подумала, что, быть можетъ, на нее обрушились несчастья только потому, что она бросила квартиру Аристида. Самый святой долгъ къ его памяти повелѣвалъ ей оставаться тамъ. Она была окружена врагами, которые, конечно, будутъ мстить ей; она чувствовала, что можетъ быть безопасной только среди воспоминаній объ Аристидѣ.

Она встала, обтерла глаза и спустилась къ привратницѣ.

— Ну что, вы успѣли въ своемъ намѣреніи? спросила послѣдняя.

— Да, черезъ нѣсколько дней снимутъ печати, отвѣчала молодая дѣвушка, желая скрыть отъ всѣхъ, что съ нею случилось,—но я узнала, что, какъ хранительница имущества покойнаго, я не должна выходить изъ квартиры и ночевать въ ней.

— Какъ! воскликнула съ ужасомъ привратница,—вы рѣшитесь ночевать въ комнатѣ, гдѣ...

— Я боюсь болѣе живыхъ, чѣмъ мертвыхъ, и хочу немедленно перейдти въ квартиру, которая находится на моей отвѣтственности.

Между тѣмъ наступала темнота; молодая дѣвушка попросила у привратницы свѣчу и ключъ отъ квартиры Аристида. Послѣдняя, видя рѣшимость Элизы, проводила ее и зажгла свѣчи въ канделябрахъ въ гостиной.

— Вамъ меня болѣе не надо? спросила она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ.

— Я уйду. Но, право, вы напрасно остаетесь здѣсь. Ночуйте лучше на верху.

— Нѣтъ, мнѣ тамъ будетъ страшно. Здѣсь я спокойна.

— Такъ прощайте. Доброй ночи.

Оставшись одна, Элиза погасила канделябры и пошла со свѣчею въ рукахъ въ спальню. Въ дверяхъ она остановилась съ невольной дрожью, но, пересиливъ инстинктивный страхъ, рѣшительно вошла въ комнату. Все въ ней было прибрано. Элиза закрыла отворенное на половину окно и, подойдя къ кровати, стала машинально раздѣваться.

— Здѣсь я у себя, говорила она громко, какъбы желая придать себѣ храбрости;—здѣсь я могу быть спокойна, могу безопасно спать. На его кровати я буду подъ его защитой. Какъ могу я бояться теперь, если я не боялась въ то время, когда онъ лежалъ здѣсь мертвый? Я не ребенокъ и боюсь только живыхъ людей.

Растянувшись на постели, она закрыла глаза, но, не смотря на усталость и изнеможеніе, не могла заснуть. Въ комнатѣ было очень душно. Она встала и пріотворила окно; изъ-за опущенной жалюзи подуло на нее свѣжимъ ночнымъ воздухомъ. Она вернулась въ постель, но не погасила свѣчи.

Не смотря на всѣ ея усилія она не могла заснуть; ей становилось все страшнѣе и страшнѣе. Она старалась думать о чемъ-нибудь другомъ, но образъ мертваго Аристида, лежавшаго на этой самой кровати, постоянно виталъ передъ ея глазами. Она готова была на всякія жертвы лишь бы заснуть. Вдругъ она вспомнила, что привратница показывала доктору, который приходилъ свидѣтельствовать умершаго Аристида, коробку съ лепешками, которыя, по ея словамъ, бѣдный юноша принималъ почью, чтобъ заснуть и хотя на минуту забыть свои страданія. Элиза машинально протянула руку къ столику и выдвинула ящикъ, гдѣ находились эти лепешки. Коробка была на своемъ мѣстѣ. Бѣдная молодая дѣвушка хотѣла спать. Вотъ готовое средство уснуть. Но, быть можетъ, сонъ будетъ долгій, тяжелый. Все равно, только бы освободиться отъ этого ужаснаго страха, который заставлялъ ее переносить несказанныя муки. Она взглянула на свѣчу. Оставался очень маленькій огарокъ. Еще нѣсколько минутъ и въ комнатѣ воцарится совершенная темнота. Тогда она совершенно сойдетъ съ ума.

Элиза положила въ ротъ лепешку и завернулась простынею поверхъ головы.

Прошло нѣсколько минутъ; судорожныя движенія ея тѣла становились все слабѣе и слабѣе. Наконецъ, она инстинктивно сбросила съ лица простыню и заснула тихимъ, сладкимъ сномъ. Ея хорошенькая головка была окаймлена роскошными волнами ея распущенныхъ волосъ, а полуоткрытый улыбкой ротъ обнаруживалъ рядъ прелестныхъ бѣлыхъ зубовъ. Ея руки небрежно лежали на простынѣ и полуобнаженная грудь тихо, покойно подымалась, точно она видѣла пріятный сонъ.

Вскорѣ свѣча погасла и въ комнатѣ слышно было только ровное дыханіе спящей дѣвушки. Изъ сада доносился нѣжный шелестъ листьевъ и пѣніе птицъ. Часа въ два замолкли и эти мелодичные звуки. Еще нѣсколько минутъ и жалюзи на окнѣ приподнялась, чья-то рука просунулась снаружи и открыла окно.

— Слава Богу, дѣло не трудное, прошепталъ кто-то, быстро вскакивая въ комнату.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти или тридцати, съ очень красивымъ, загорѣлымъ лицомъ, длиннымъ, правильнымъ носомъ, черными глазами, сверкавшими, какъ уголья, изъ подъ нависшихъ густыхъ бровей, и мягкими каштановыми волосами, низко опускавшимися на узкій, тупой лобъ. Ротъ его былъ небольшой, губы тонкія, зубы бѣлыя, вообще онъ былъ то, что женщины называютъ красавцемъ. Высокій ростъ, широкія плечи и мускулистыя руки придавали ему могучую физическую силу. Одѣтъ онъ былъ очень просто, въ черной курткѣ, побѣлѣвшей на швахъ, клѣтчатыхъ панталонахъ и изношенныхъ башмакахъ. Но бѣлье у него было чистое, галстухъ пестрый, волосы и борода приглажены, руки бѣлыя, чистыя. Очевидно, онъ очень заботился о своей наружности.

Очутившись въ темной комнатѣ, онъ вынулъ изъ кармана спички, зажегъ огарокъ, который также принесъ съ собою, и осмотрѣлся по сторонамъ.

— Здѣсь никого нѣтъ, сказалъ онъ сквозь зубы:—молодая дѣвушка, по словамъ привратницы, спитъ на верху. Счастье мнѣ, наконецъ, улыбнулось. Никто не знаетъ, сколько покойникъ оставилъ денегъ, но непремѣнно гдѣ-нибудь въ ящикахъ найдутся банковые билеты. Только надо хорошенько поискать. Судебныя печати мнѣ не помѣшаютъ.

Вдругъ онъ увидалъ у кровати женскія ботинки. Онъ мгновенно погасилъ свѣчу и бросился къ окну. Но все было тихо.

«Жаль отказаться отъ счастья, которое само

лѣзетъ въ руки! подумалъ молодой человѣкъ; это вѣроятно привратница. Тѣмъ хуже для нея.

Вынувъ изъ кармана ножъ, онъ снова зажегъ свѣчу и рѣшительно подошелъ къ кровати.

— О, прелестная дѣвушка! воскликнулъ онъ, увидавъ Элизу.

Она спала тихимъ, безмятежнымъ сномъ. Онъ поднесъ свѣчу къ ея глазамъ. Она не дрогнула. Тогда онъ успокоился. Эта юная красавица спала такъ крѣпко, что не могла ни въ чемъ помѣшать ему. А если-бъ она и проснулась, то онъ рѣшился на все. Острый ножъ и умѣлая рука скоро покончили-бы съ нею.

Поставивъ свѣчу на столъ онъ спокойно принялся за работу. Прежде всего онъ подошелъ къ столику, стоявшему за кроватью. Ловко подсунувъ ножъ подъ печать, онъ приподнялъ ее и отворилъ ящикъ. Въ немъ оказался маленькій портфель съ десятью именными акціями и тремя банковыми билетами по тысячѣ франковъ. Онъ спряталъ въ карманъ билеты. Туда-же нашли дорогу и двадцать золотыхъ, лежавшихъ въ особой шкатулочкѣ. Болѣе ничего не было въ этажеркѣ, кромѣ бумагъ. Одинъ большой свертокъ, старательно связанный, однако, обратилъ на себя его вниманіе. Онъ развязалъ его, надѣясь найдти какіе-нибудь денежные документы; но это были письма. Впрочемъ, почеркъ и подпись на одномъ изъ нихъ заставили его вскрикнуть съ изумленіемъ:

— Орели! Вотъ странно-то!

Онъ прочелъ письмо, злобно улыбнулся и сунулъ всю пачку себѣ за пазуху.

— Это пригодится, прибавилъ онъ и такъ-же ловко возвратилъ печати на прежнее ихъ мѣсто.

Потомъ онъ взглянулъ на спавшую Элизу. Его поразило сходство ея съ кѣмъ-то ему хорошо знакомымъ. Онъ подошелъ къ кровати и нагнулся, чтобъ поближе посмотрѣть на нее, но поскользнулся и упалъ почти прямо на молодую дѣвушку. Онъ тотчасъ отскочилъ и схватился за ножъ.

Но Элиза не пошевельнулась, не открыла глазъ.

«Ужь не мертвая-ли она! подумалъ негодяй и положилъ руку ей на сердце. — Бьется! На взглядъ она мертвая, а въ сущности жива, но ничего не чувствуетъ. Я никогда не видалъ ничего подобнаго».

Вдругъ глаза его остановились на коробочкѣ съ лепешками. Онъ посмотрѣлъ на сигнатурку и понялъ все.

— А, теперь ясно, сказалъ онъ со смѣхомъ: — мы хотѣли спать и видѣть пріятные сны, но приняли слишкомъ большую дозу. Однако какая она красавица, прибавилъ онъ, цинично сбрасывая простыню съ бѣднаго, невиннаго ребенка. — Да это цѣлый романъ: богатство и любовь...

Глаза его сверкали, губы сладострастно дрожали. Онъ нагнулся и сталъ пламенно цаловать Элизу. Ему показалось даже, что она отдала ему поцалуй, когда онъ прильнулъ къ ея розовому ротику.

Пробило два часа съ половиною, злодѣй улыбнулся.

— Пора, сказалъ онъ, — скоро будетъ свѣтать...

И мерзавецъ совершилъ гнуснѣйшее изъ преступленій.

— Какая ты прелесть! говорилъ онъ, держа въ своихъ объятіяхъ неподвижную, безмолвную жертву. — Ты идеалъ любовницы и жены! Ты молчишь!

Ночь была тихая, прекрасная. Никто и не подозрѣвалъ о совершившемся злодѣйствѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Выставка картинъ В. В. Верещагина.

Диллетанта.

Одинъ парижскій фельетонистъ назвалъ В. В. Верещагина «истымъ парижаниномъ» (un veritable parisien), желая этимъ, конечно, польстить самолюбію русскаго художника. Не знаю, былъ-ли г. Верещагинъ польщенъ этимъ названіемъ, но мнѣ кажется, что оно довольно мѣтко характеризуетъ его. И въ самомъ дѣлѣ, если мы оставимъ въ сторонѣ всякаго рода пошлости и банальныя фразы о легкомысліи и безсодержательности француза вообще и парижанина въ частности, фразы, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ часто повторяются русскими публицистами, имѣющими весьма смутное понятіе о Франціи и французахъ, — то несомнѣнно, что слово: парижанинъ, резюмируетъ собою качества человѣка, сильно воспріимчиваго, край не впечатлительнаго, въ значительной степени самостоятельнаго и, во всякомъ случаѣ, талантливаго. Но развѣ мы не встрѣчаемъ всѣхъ этихъ качествъ въ В. В. Верещагинѣ? Развѣ талантливый художникъ не доказалъ намъ своими ташкентскими, индійскими и военными картинами, что онъ не любитъ ходить по торнымъ дорожкамъ банальнаго искуства, а настойчиво прокладываетъ новыя тропинки, избѣгая общихъ художественныхъ мѣстъ и нисколько не заботясь о томъ qu'en dira-t-on? Развѣ его индивидуальность не выступаетъ съ крайней рѣзкостью въ его художественныхъ произведеніяхъ? Развѣ самый выборъ сюжетовъ не указываетъ на обитателя великаго города, — этого центра европейской цивилизаціи, — человѣка, которому надоѣла буржуазная пошлость современной Европы и который внѣ ея ищетъ болѣе сильныхъ и болѣе правдивыхъ художественныхъ впечатлѣній?.. Но г. Верещагинъ — парижанинъ еще и въ другомъ отношеніи, и эта особенность, несомнѣнно, наложила свою печать на художника.

Прежде всего необходимо замѣтить, что г. Верещагина, какъ художника, невозможно причислить ни къ одному изъ направленій, выработавшихся въ русской живописи. Въ нашемъ художественномъ мірѣ онъ стоитъ совершенно особнякомъ, въ сторонѣ, внося что-то новое, свѣжее и крайне симпатичное. Это до такой степени вѣрно, что его выставка была настоящимъ откровеніемъ не только для петербургскаго общества, но также и для художниковъ, хотя въ этомъ, можетъ быть, они не сознаются. Среди петербургской апатіи, онъ представился до такой степени новымъ, неожиданнымъ явленіемъ, что вызвалъ даже цѣлую бурю, въ высшей степени странную. За то Верещагинъ цѣликомъ принадлежитъ французской живописи и въ особенности той школѣ ея, которая по преимуществу носитъ на себѣ парижскій, въ значительной степени космополитическій характеръ; въ этомъ отношеніи, онъ — французъ или, вѣрнѣе, парижанинъ не только своими техническими особенностями, не только своей манерою письма, но также и пониманіемъ сюжета, пониманіемъ своеобразнымъ, хотя можетъ быть и нѣсколько поверхностнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ цѣликомъ соединяетъ въ себѣ не только достоинства, но и недостатки парижанина.

Необходимо также прибавить, что г. Верещагинъ ученикъ Жерома, одинъ изъ талантливѣйшихъ его учениковъ, до сихъ поръ не вполнѣ освободившійся отъ вліянія учителя; но если со временемъ, въ техническомъ отношеніи (что весьма вѣроятно) онъ освободится отъ этого вліянія, то характеръ его живописи, его, такъ сказать, художественное міросозерцаніе всегда будетъ напоминать собою Жерома въ двухъ направленіяхъ, резюмирующихъ собою всю художественную дѣятельность его учителя: въ пристрастіи къ этнографическому типу и въ анекдотичности, если можно такъ выразиться, избраннаго сюжета. Я вовсе не думаю ставить въ упрекъ г. Верещагину этого обстоятельства, тѣмъ болѣе, что я говорю не о подражаніи, которое всегда и во всѣхъ случаяхъ скверно отзывается на творчествѣ художника, а о вліяніи, которое нисколько не устраняетъ самобытности. Такого рода вліяніе не только не задерживаетъ художественнаго развитія, но, въ большинствѣ случаевъ, способствуетъ ему: оно, такъ сказать, даетъ опредѣленную форму и направленіе еще неопредѣлившемуся таланту, нисколько не дѣйствуя на его содержаніе. Если-бы, напр., счастливая случайность не сдѣлала Перуджино учителемъ Рафаэля, то весьма вѣроятно, что быстрое художественное развитіе великаго представителя римской школы было-бы въ значительной степени задержано. Къ тому-же, по отношенію къ г. Верещагину я вижу не столько непосредственное вліяніе Жерома, сколько замѣчательное родство талантовъ обоихъ художниковъ, родство, которое безъ всякаго сомнѣнія, узаконяваетъ за г. Верещагинымъ названіе русскаго Жерома.

По странной случайности настоящая выставка въ двухъ своихъ отдѣлахъ, — въ картинахъ Индіи и въ картинахъ послѣдней восточной войны, — обнаруживаетъ очень характерно оба Жеромовскихъ направленія живописи г. Верещагина, о которыхъ я уже упомянулъ нѣсколько выше: пристрастіе къ этнографическому типу и пристрастіе къ особенной, анекдотической сторонѣ драмы избраннаго сюжета. Стоитъ только вспомнить картины Жерома изъ античной жизни, напр., «Смерть Цезаря», «Клеопатру», «Ave, Caesar, imperator, morituri te salutant», «Пестумъ» и многія другія, или-же картины въ родѣ его «Promenade de harem», «Marchand ambulant au Caire», «Ambassadeurs Siamois», «Boucher turc», — чтобы замѣтить до какой степени это пристрастіе къ этнографическому типу всюду и всегда преслѣдуетъ Жерома; это пристрастіе такъ велико, что многіе критики считаютъ Жерома представителемъ, такъ называемаго, восточнаго направленія парижской школы живописи. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: чуть-ли не первый Жеромъ доказалъ важность въ художественномъ отношеніи этнографическаго типа и этимъ обстоятельствомъ внесъ новую, свѣжую струю и придалъ особенный характеръ тому «couleur locale», который для француза сохраняетъ всегда особенную прелесть. Этимъ-же обстоятельствомъ можно объяснить и громадный успѣхъ его картинъ изъ античной жизни, если оставить въ сторонѣ драматичность ихъ сюжетовъ. Жеромъ весьма посредственно заботится объ исторической точности, онъ не антикварій, подобно англійскому художнику Альма-Тадема; но за то типы въ античныхъ картинахъ Жерома необыкновенно характерны: такъ напр. его древніе египтяне сохраняютъ всѣ особенности и черты расы и изучены художникомъ на берегахъ Нила; его римляне и греки не только напоминаютъ своимъ типомъ лучшія статуи древняго міра или фрески Помпеи, но также и современныхъ римлянъ и грековъ съ береговъ Тибра или окрестностей Аѳинъ. Тоже можно сказать и о его картинахъ изъ восточной жизни; тутъ уже типъ цѣликомъ перенесенъ на холстъ и, взглянувъ на нихъ, зритель сразу убѣждается, что для художника центръ интереса находится въ возможно тщательномъ и вѣрномъ воспроизведеніи этнографическаго типа.

Эти особенности учителя въ значительной степени встрѣчаются и въ произведеніяхъ ученика. Индійскія картины г. Верещагина весьма любопытны. Художникъ провелъ въ Индіи цѣлыхъ два года, желая воспроизвести (какъ самъ говоритъ въ своемъ каталогѣ), въ рядѣ большихъ картинъ, главнѣйшіе эпизоды изъ новой исторіи этой страны. Онъ постоянно переѣзжалъ изъ одного мѣста въ другое, посѣщалъ наиболѣе интересные и любопытные храмы, проникалъ въ забытые уголки, рисовалъ, изучалъ, изслѣдовалъ и изъ своего продолжительнаго путешествія вывезъ необыкновенно богатый художественный матеріалъ, но достигъ-ли онъ цѣли своего путешествія, воспроизвелъ-ли онъ въ своихъ картинахъ новую исторію Индіи, хотя-бы даже въ ея важнѣйшихъ фазахъ? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать совершенно отрицательно. Собственно исполнены имъ только двѣ картины: «Мечеть великаго могола въ Дели» и «Процесія англійскихъ и туземныхъ властей въ Джейпорѣ»; остальныя 137 картинъ носятъ на себѣ, въ различныхъ степеняхъ, слишкомъ эскизный характеръ этюдовъ, иногда, правда, безподобныхъ по выполненію. Г. Верещагинъ привезъ изъ Индіи цѣлый міръ свѣта и красокъ: типы и пейзажи, индускіе всадники въ пышныхъ костюмахъ и факиры съ окаменѣлыми въ одной позѣ руками и ногами, ламы, духовные сановники Тибета, красные и желтые, архитектурныя зданія съ зубцами и кружевомъ, удивительно рельефно выходящія у художника, и тутъ-же рядомъ этюды животныхъ, лошадей, яхтъ; наконецъ, пейзажи, виды Гималайскихъ горъ, причудливые переливы свѣта и тѣней! Въ этой удивительной галереѣ этюдовъ, изъ которой каждый стоитъ цѣлой картины, безъ преувеличенія можно сказать, отразилась цѣликомъ вся Индія: природа, люди, архитектура, нравы. Но все это не приведено въ порядокъ, не осмысленно, не приведено въ гармонію и цѣлость. Этнографическій типъ, какъ я уже сказалъ, играетъ въ этой галереѣ значительную роль; тутъ мы видимъ и женщину среднихъ лѣтъ въ Ладакѣ, имѣющую пять мужей—родныхъ братьевъ, и буддистскаго ламу, и дикія племена средней Индіи, и огнепоклонника изъ Бомбея, и факировъ, и женщину изъ Бутана, и дѣвушку изъ Сиккима, и великаго могола, и женщину-священника и проч. Но еще богаче въ этой галереѣ представлена архитектура Индіи: это цѣлый міръ самыхъ причудливыхъ, самыхъ роскошныхъ, иногда поражающихъ своею красотою и причудливостью зданій, единственныхъ въ своемъ родѣ; наконецъ, индійская природа, съ ея южными, необычайными эфектами, съ странными, почти невѣроятными явленіями свѣта и красокъ. Изъ этого читатель легко замѣтитъ, что индійская галерея г. Верещагина имѣетъ несомнѣнный и живой интересъ. Но слѣдуетъ-ли прибавлять, что это интересъ не художественный; здѣсь искуство играетъ какую-то странную роль, оно —не цѣль, а скорѣе средство для ознакомленія съ любопытною страной малоизвѣстной европейцамъ, нѣчто въ родѣ богатой илюстраціи къ путешествію по Индіи? На одной страницѣ этого путешествія вы встрѣчаете изображеніе дикихъ лошадей Кіанга, въ западномъ Тибетѣ, лошадей, составляющихъ среднюю породу между осломъ и лошадью, удивительной легкости и прыткости; на другой страницѣ — горы вблизи монастыря Тассдингъ; далѣе вы встрѣчаете новую илюстрацію—розы въ Ладакѣ, кусты которыхъ поражаютъ своими колосальными размѣрами и привлекаютъ глазъ среди дикой песчано-каменистой страны...

Собственно картины, правда, громадныхъ размѣровъ, но точно также носятъ на себѣ характеръ этнографическій. Я принужденъ замѣтить, напр., что «Торжественный въѣздъ принца Уэльскаго въ Джейпоръ»—сплошная, почти непонятная ошибка талантливаго художника. Картина имѣетъ колосальный размѣръ, а между тѣмъ она ничѣмъ не поражаетъ; въ ней не только не достаетъ воздуха, но и богатая процесія слоновъ въ роскошныхъ украшеніяхъ не имѣетъ величія: вся эта толпа слоновъ, людей, лошадей, богатыхъ матерій, восточныхъ ковровъ, англійскихъ и туземныхъ представителей точно скучена въ узкомъ проходѣ и не представляетъ ни малѣйшаго живописнаго coup d'oeil. Даже въ смыслѣ красокъ и блеска картина вполнѣ неудачна: она просто имѣетъ видъ громадной, пестрой олеографіи, недостойной кисти такого художника, какъ г. Верещагинъ. Столь-же неудачна, но только въ другомъ отношеніи, другая картина г. Верещагина: «Молитва великаго могола въ Дели». Это даже не картина, а просто уголокъ архитектурнаго рисунка почти въ натуральную величину! Она могла-бы имѣть большой интересъ, если-бы была написана въ размѣрахъ маленькой картинки, соотвѣтствующей этому незатѣйливому сюжету вида уголка мечети, на которомъ красивыми пятнами расположены нѣсколько молящихся. Вообще, г. Верещагинъ не справляется съ картинами большихъ размѣровъ. Его талантъ, по преимуществу, заключается въ нѣкоторой нѣжности, въ живописности деталей, въ чувствѣ, въ тонкостяхъ техническаго выполненія; но эти драгоцѣнныя качества превращаются въ положительные недостатки въ картинахъ большихъ размѣровъ, гдѣ требуется энергія и сила письма и выраженія, сильныя краски, крупные контрасты и эфекты. Всего этого нѣтъ въ талантѣ Верещагина; колоритъ его, несомнѣнно, прекрасный, но жесткій и лишенный звучныхъ нотъ, манера слишкомъ, если можно такъ выразиться, лоснящаяся, прилизанная, безъ энергіи...

Тѣ-же самыя достоинства и недостатки, только въ другихъ формахъ, встрѣчаются и въ отдѣлѣ военныхъ картинъ. Здѣсь интересъ сосредоточенъ уже не на живописной внѣшности, не на этнографическомъ типѣ, природѣ или архитектурѣ, а на жизненной драмѣ, понимаемой художникомъ съ исключительной точки зрѣнія. Со стороны не только искуства, но и движенія идей, было-бы въ высшей степени интересно прослѣдить послѣдовательно, черезъ какіе фазисы измѣненій проходитъ взглядъ на военную славу и вообще на батальную живопись. Въ подобнаго рода историческомъ обзорѣ, несомнѣнно, поразило-бы насъ то обстоятельство, что по мѣрѣ того какъ война дѣлается болѣе разрушительной и жестокой, художники изображаютъ ее именно со стороны ея жестокостей и въ прежнее декоративное искуство батальной живописи вносятъ элементъ драмы и трагедіи. Они забываютъ о блестящемъ главномъ штабѣ, о групахъ генераловъ верхомъ и видятъ только сплошное убійство, страданіе и смерть. Офиціальная, такъ сказать, лицевая сторона войны устранена изъ живописи и на первый планъ выступаетъ драматическій эпизодъ, трагическій, если можно такъ выразиться, анекдотъ: послѣдній вздохъ раненаго, оставленнаго товарищами, предсмертныя судороги молодого солдатика, умирающаго близъ разореннаго дома, трупы, кровь, разстрѣляніе шпіона, замерзающіе часовые. Въ данномъ случаѣ, живопись послѣдовала только примѣру литературы, которая давнымъ давно уже отказалась отъ описаній офиціальной стороны войны и ищетъ въ ней личной драмы. Еще въ тридцатыхъ годахъ Стендаль такъ описалъ ватерлооскую битву, изложивъ ее въ впечатлѣніяхъ молодого солдатика, впервые попавшаго на эту бойню. Въ томъ-же направленіи мы имѣемъ описаніе Виктора Гюго и Льва Толстого.

Современная батальная живопись цѣликомъ и безъ малѣйшаго исключенія развивается въ этомъ направленіи; немудрено поэтому, что новая школа не имѣетъ почти ничего общаго ни съ красивыми, живописными кавалькадами Паоло Учелло, ни со свалками Сальватора Розы, ни съ изображеніями торжественныхъ побѣдъ Лебрена, ни съ толпами военныхъ всадниковъ Фанъ-деръ-Мелена, ни съ холстами Бургиньона, Парроселя, Лоутербурга. Эта школа столь-же далека и отъ Ораса Верне, и отъ Ивона, и отъ Пильса. Въ настоящее время всѣ батальные живописцы слѣдуютъ примѣру Мессонье и на батальную живопись смотрятъ, какъ на жанръ. Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ эта школа находится въ полномъ развитіи во Франціи и считаетъ въ своей средѣ такіе таланты первой величины, какъ Детайль, Невиль, Бернъ-Белькуръ, Кастръ, Дюпрэ, Ульманъ, Анкеръ, Бетсельевръ, Перро, Дюмарескъ, Босэ.

Къ этой школѣ принадлежитъ и В. В. Верещагинъ; въ данномъ случаѣ, онъ является вовсе не реформаторомъ и ничего новаго въ батальную живопись не вноситъ; онъ просто подчиняется общему теченію, идя по слѣдамъ Мессонье, Невиля и Детайля. Тѣмъ болѣе странны и непонятны были нападки, которымъ подвергся г. Верещагинъ въ Россіи; его именно упрекали въ томъ, что составляетъ славу и отличительную черту современной живописи и взвалили на него отвѣтственность за реформаторство, къ которому русскій художникъ нисколько не причастенъ, такъ что онъ могъ бы отвѣтить своимъ противникамъ словами французскаго поэта: я не заслужилъ

Ni cet éxcès d'honneur, ni cette indignité!

Несомнѣнно, однакожь, что въ военныя картины г. Верещагинъ вноситъ новый элементъ, принадлежащій, впрочемъ, не столько ему, сколько его учителю, Жерому. Г. Верещагинъ свою эпизодичность утрируетъ иногда до крайнихъ предѣловъ и рѣдко бываетъ объективенъ, расходясь въ этомъ отношеніи совершенно съ батальными живописцами французской школы. Обратите, напр., вниманіе на знаменитую картину Невиля: «Взятіе Буржэ». Невиль изобразилъ съ неподражаемымъ талантомъ страшно кровавую сцену и придалъ ей характеръ анекдотичности до такой степени, что большинство фигуръ — живые портреты лицъ, участвовавшихъ въ этомъ военномъ эпизодѣ, а мѣстность, улица городка, домъ, въ которомъ произошла схватка, — непосредственно списаны съ натуры и на картинѣ находятся въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ и находились въ день схватки. Не забыты самые мелкіе, ничтожные детали; картина производитъ не только потрясающее впечатлѣніе, но и передаетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ и деталяхъ всю сцену такъ, какъ она произошла въ дѣйствительности. Но дальше этой непосредственной правды Невиль не пошелъ: онъ не подчеркиваетъ тѣ или другіе детали на счетъ другихъ, онъ не желаетъ ни иронизировать, ни проводить ту или другую мысль, ни полемизировать; онъ даже удерживается отъ весьма понятнаго въ французѣ желанія выставлять въ непривлекательномъ видѣ пруссаковъ, которыхъ, впрочемъ, совсѣмъ и нѣтъ въ картинѣ. Онъ объективенъ, реаленъ; оттого-то его картина не мелодрама, возбуждающая въ зрителѣ извѣстныя симпатіи, негодованіе, не подсказывающая ему никакихъ нравственныхъ или практическихъ выводовъ.

Къ величайшему сожалѣнію, г. Верещагинъ не такъ объективенъ и этотъ крупный недостатокъ я принужденъ приписать вліянію Жерома. Отличительный характеръ Жерома заключается именно въ мелодраматичности, которая всегда слишкомъ присутствуетъ въ его картинѣ. Вспом-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ВИЛЬГЕЛЬМА МАРКА.

Венера, изъ пѣны рожденная.

По фотографіи Франца Гансштенгеля въ Мюнхенѣ.

КАРТИНА ПРОБСТА.

Мандолинистъ.

Рѣзано на деревѣ въ Барселонѣ.

ните, напр., его картину: «7 сентября 1815 г.», картину, которая произвела такой фуроръ на парижской выставкѣ 1868 года. Картина изображаетъ разстрѣляніе маршала Нея: день чуть-чуть брезжится; пасмурное, осеннее утро облекло сырымъ туманомъ старое зданіе парижской обсерваторіи, окрестные дома, пустынную площадь, деревья Люксамбургскаго сада. У старой, разваливающейся и длинной стѣны, на которой еще видны слѣды надписи: liberté, égalité, fraternité,—виденъ навзничь лежащій трупъ маршала Нея; нѣсколько вдали — взводъ удаляющихся солдатъ; офицеръ идетъ впереди и, оборачиваясь, съ участіемъ смотритъ на трупъ. Картина, несомнѣнно, производитъ потрясающее впечатлѣніе, почти болѣзненное, но при малѣйшемъ вниманіи вы замѣчаете, чѣмъ произведено это впечатлѣніе: оно произведено мелодраматическимъ характеромъ сцены, малѣйшіе детали которой намѣренно расположены извѣстнымъ образомъ для произведенія извѣстнаго впечатлѣнія. Не мѣшаетъ также упомянуть здѣсь объ извѣстной уловкѣ, которою почти всегда пользуется въ своихъ картинахъ Жеромъ. Въ разсказанной картинѣ, офицеръ оборачивается и смотритъ на трупъ, въ другой картинѣ «Іерусалимъ», удаляющіеся съ Голгофы римскіе солдаты оборачиваются и показываютъ кулаки Христу на крестѣ; въ его «Дуэль Пьеро»,—счастливый противникъ, удаляясь съ секундантами, въ маскарадныхъ костюмахъ, оборачивается и смотритъ на только что убитаго противника. Это оборачиваніе, эта поэзія мрачной природы, какъ бы гармонирующая съ настроеніемъ участниковъ и актеровъ драмы,—вотъ обычныя средства, которыми пользуется Жеромъ для произведенія впечатлѣнія. Эти средства можно бы назвать спеціально литературными, потому что они направляютъ мысль зрителя извѣстнымъ образомъ, и, такъ сказать, насилуютъ ощущенія: художникъ выходитъ изъ роли художника и превращается въ моралиста или публициста, онъ прямо указываетъ вамъ, въ какомъ направленіи вы должны негодовать, сострадать, каковъ долженъ быть вашъ нравственный выводъ.

Этотъ-же характеръ морализующей мелодрамы я вижу и въ военныхъ картинахъ г. Верещагина; несмотря на все мое удивленіе таланту художника, я принужденъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи онъ слишкомъ ученикъ Жерома и даже слишкомъ парижанинъ. Обратите, напр., вниманіе на три картины подъ названіемъ «На Шипкѣ все спокойно». Картины имѣютъ цѣлью вовсе не передачу извѣстной сцены, а извѣстное опредѣленное значеніе: художникъ имѣетъ въ виду указать на безмолвное геройство русскаго солдата: часовой, укутанный въ шинель, медленно умираетъ, занесенный снѣгомъ; чтобы въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, художникъ прибавляетъ въ каталогѣ: «каждый день солдаты падали десятками отъ турецкихъ пуль и сотнями отъ мороза. Полки уменшались до невѣроятной цифры». Всѣ лучшія картины имѣютъ тотъ-же характеръ. Груды труповъ, снѣжныя пространства, человѣческое звѣрство, разрушеніе, печаль, страданіе,—вотъ единственный сюжетъ этихъ картинъ. «Побѣдители», «Побѣжденные», «Плѣнные», «Вѣчная память», «Раненные», «Послѣдній привалъ», «Могилы на Шипкѣ», — одни эти названія картинъ уже слишкомъ ясно указываютъ вамъ на впечатлѣніе, которое желаетъ произвести художникъ, и средства, употребляемые художникомъ для этого, похожи на средства Жерома; они слишкомъ осязательно видны въ картинѣ «Шипка-Шеново». «На другой день побѣды при Шеновѣ войска были поставлены лѣвымъ флангомъ къ горѣ св. Николая, фронтомъ къ деревнѣ Шеново. Скобелевъ, выѣхавшій изъ деревни, далъ шпоры лошади и, снявъ фуражку, на всемъ скаку привѣтствовалъ солдатъ: «именемъ отчечества, именемъ Государя, спасибо, братцы!» Этотъ моментъ изображенъ художникомъ своеобразно: представьте себѣ снѣжную равнину у подошвы горы; на первомъ планѣ—трупы, обезображенные, замерзшіе, страшные; вдали, у самой подошвы фронтъ солдатъ; генералъ Скобелевъ верхомъ несется по фронту и поздравляетъ солдатъ съ побѣдой. Картина производитъ сильное впечатлѣніе именно этимъ контрастомъ, хотя она по выполненію хуже другихъ картинъ; но въ каждой вы найдете не только мелодраму, но и желаніе морализировать. До какой степени это желаніе не скрывается художникомъ, видно между прочимъ на картинахъ: «Два ястреба», «Si jeune et si decoré». На первой изъ нихъ изображены два баши-бузука, которые производили грабежи, убійства, вырѣзывали младенцевъ изъ утробъ матерей и проч. Художникъ прибавляетъ въ каталогѣ: «они не были повѣшены»: знай молъ, зритель, на что должно быть обращено твое негодованіе. Въ другой изображенъ молодой адъютантъ, чистенькій франтъ, грудь котораго вся увѣшана орденами. Зритель невольно думаетъ: да, на войнѣ бываютъ и такіе герои, которые никогда не видали пули, но за то увѣшаны орденами! Неужели подобная, дешевая мораль достойна г. Верещагина? Но верхъ совершенства въ этомъ родѣ — болгарская цѣпь (не картина, а настоящая, дѣйствительная, желѣзная цѣпь, которую художникъ повѣсилъ тутъ-же, рядомъ, съ картинами); цѣпь эта была взята при движеніи авангарда за Андріанополемъ: «нанизанные черезъ ошейники на эту цѣпь, болгары отправлялись въ Константинополь на расправу». Цѣпь нисколько не интересна, грубой работы; очевидно, что если г. Верещагинъ выставилъ ее, то не какъ художественное произведеніе, а какъ дополненіе къ картинамъ, съ цѣлью этимъ зрѣлищемъ еще болѣе возбудить чувство состраданія къ несчастнымъ жертвамъ войны. Неужели подобныя средства достойны искуства? Вообще, несмотря на изумительное мастерство кисти г. Верещагинъ (по временамъ лишь слишкомъ эскизной), изъ отдѣла военныхъ картинъ выносишь не благопріятное впечатлѣніе: дѣлается жаль, становится больно, что такой талантъ, такое удивительное мастерство, такой реализмъ, такое тонкое художественное чутье потрачены и израсходованы на мелодраматизмъ и дешевое морализированіе. Нѣтъ, г. Верещагинъ—не мыслитель; онъ можетъ довольствоваться тѣмъ, что онъ крупный художникъ...

Къ рисункамъ.

Праздникъ весны въ Подольской губерніи, рисунокъ Андріолли. Читатели наши уже знакомы съ талантомъ г. Андріолли: мы не разъ помѣщали его рисунки. Этотъ замѣчательный польскій художникъ можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ илюстраторовъ, послѣ Густава Доре. Какъ у Доре, такъ и у Андріолли замѣчаемъ одни и тѣже достоинста и недостатки: у обоихъ въ высшей степени развито чувство пейзажа и свѣтовыхъ эфектовъ, у обоихъ много юмора и фантастичности, у обоихъ въ одинаковой степени замѣтна небрежность рисунка, но г. Андріолли отличается кромѣ того типичностью своихъ лицъ: его евреи и польскіе крестьяне, его горожане и сельскіе жители поражаютъ правдой: чувствуется, глядя на нихъ, что художникъ не сочинялъ, а писалъ ихъ съ натуры, не гонясь за эфектомъ и стараясь достичь точности въ передачѣ. На этотъ разъ г. Андріолли знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ празднуютъ крестьяне подольской губерніи весну. Это старинный обычай, восходящій, можетъ быть, еще къ временамъ языческимъ: крестьяне поздравляютъ съ наступленіемъ весны дубъ. На громадномъ, столѣтнемъ дубѣ, межъ двухъ вѣтвей, помѣщается деревянная статуэтка Мадонны. Молодой парень, поддерживаемый другими, карабкается на дубъ и обвѣшиваетъ Мадонну вѣнками изъ цвѣтовъ, которые подаетъ ему молодая дѣвушка. Старики и старушки, родители молодыхъ людей, на колѣняхъ молятся... Лица дѣтей прелестны; типы стариковъ замѣчательны и весь рисунокъ, не смотря на крайнюю простоту свою, производитъ свѣтлое впечатлѣніе, дѣйствительно весеннее...

Монахъ, Урлауба. Картина эта была на выставкѣ академіи художествъ въ нынѣшнемъ году и невольно останавливала на себѣ вниманіе зрителей. Монахъ, лицо котораго передаетъ г. Урлаубъ съ такимъ замѣчательнымъ искуствомъ, представляетъ собою очень своеобразный типъ. Заплывшіе отъ жира глаза, беззубый ротъ, невозможный носъ, обвисшія, жирныя щеки, и въ особенности плотоядная улыбка дѣлаютъ одно изъ тѣхъ лицъ, которыя трудно забываются. Монахъ держитъ кружку съ пивомъ и, предвкушая наслажденіе отъ любимаго напитка, сладко улыбается... Картина и въ техническомъ отношеніи весьма замѣчательна.

Венера, изъ волнъ морскихъ рожденная, картина Вильяма Марка. Извѣстно, что Венера, богиня красоты, по мнѣнію однихъ, есть дочь Юпитера и Діонэ, по мнѣнію другихъ — родилась изъ волнъ морскихъ. Этотъ послѣдній мифъ, вѣроятно, означаетъ то, что культъ Венеры былъ привезенъ въ Грецію морскимъ путемъ съ востока. Она появилась на поверхности морскихъ волнъ, потомъ была принята на Олимпѣ, гдѣ Юпитеръ выдалъ ее замужъ за Вулкана,—самаго безобразнаго и неуклюжаго изъ боговъ. Немудрено, поэтому, что Венера оказалась не особенно вѣрной супругой: греческая мифологія сохранила цѣлый рядъ ея любовныхъ приключеній. Такъ, разсказываютъ, что Вулканъ, поймавъ ее однажды съ Марсомъ, окружилъ любовниковъ сѣтью и въ такомъ видѣ выставилъ ихъ на посмѣшище всѣмъ богамъ Олимпа. Мирта, роза, голубь, золотая рыбка были посвящены Венерѣ; одно время думали, что эта богиня красоты явилась въ формѣ планеты, которая носитъ ея имя. Сохранилось множество статуй Венеры, изъ которыхъ самыми извѣстными и совершенными можно считать, такъ называемую, Венеру, Медицейскую, которая, вѣроятно, есть не болѣе, какъ копія праксителевской Венеры Книдской; еще болѣе извѣстна Венера Милоская. Венеру изображаютъ обыкновенно голой, красивой, молодой, смѣющейся, или стоящей въ колесницѣ, которую везутъ голуби, или-же выходящей изъ морской пѣны на морской черепахѣ, или на раковинѣ. Нѣмецкій художникъ изображаетъ богиню нѣсколько иначе, хотя тѣмъ не менѣе довольно близко къ греческому мифу. Его богиня красоты стоитъ на раковинѣ, среди волнъ морскихъ, окруженная амурами, въ позѣ, напоминающей позу Венеры Медицейской. Прелестнѣйшій пейзажъ вдали, групы красивыхъ амуровъ, грація самой Венеры, громадныя волны, небо въ облакахъ составляютъ удивительно красивое и граціозное цѣлое, передающее очень удачно поэтическій мифъ грековъ.

Передъ судомъ, картина Сигизмунда Арвая. Вѣнскій художникъ очень удачно и съ большимъ драматическимъ чувствомъ изобразилъ эту раздирающую судебную драму и выбралъ именно тотъ моментъ, когда собственно драма уже кончена: приговоръ состоялся: осужденную, которая ломаетъ себѣ руки въ отчаяніи, уводятъ, мать кидается передъ нею на колѣни, идущій съ несчастной жандармъ отстраняетъ ее рукою, а отецъ осужденной, отвернувшись и закрывъ лицо руками, плачетъ. На лицахъ присяжныхъ засѣдателей видно состраданіе; защитникъ—озадаченъ, на лицахъ публики—всевозможныя чувства: любопытство, состраданіе, злобная улыбка, недоумѣніе; судьи—безстрастны; на своемъ вѣку, убѣленномъ сѣдинами, они не мало уже видали подобныхъ драмъ, можетъ быть, еще болѣе раздирающихъ. Осужденная красива, съ энергическимъ и характернымъ лицомъ; она не дурно одѣта и, вѣроятно, принадлежитъ къ лучшему обществу. Какое преступленіе сдѣлала она? Художникъ оставляетъ этотъ вопросъ невыясненнымъ, предоставляя зрителю дѣлать догадки, какіе ему угодно. Можетъ быть, она убила своего мужа изъ ревности, а можетъ быть... она нѣчто въ родѣ вѣнской г-жи Гулакъ-Артемовской... Во всякомъ случаѣ, вся сцена передана съ замѣчательнымъ мастерствомъ: глядя на нее, точно присутствуешь на судѣ и видишь всю эту драму...

Мандолинистъ, съ картины Пробста. Мы имѣемъ передъ собой внутренность залы богатаго и роскошнаго итальянскаго дворца въ эпоху возрожденія. Громадные своды, художественно украшенные лѣпной работой, рѣзной шкафъ въ глубинѣ, полу-мракъ стариннаго замка, — переносятъ насъ цѣликомъ въ XVI столѣтіе. Близъ пюпитра, молодой аристократъ, очевидно, страстный любитель музыки, наклонившись надъ нотами, готовится пѣть.

Вотъ простое и незатѣйливое содержаніе картины молодого нѣмецкаго художника Пробста, который уже и теперь стоитъ въ ряду лучшихъ современныхъ живописцевъ Германіи.

Смѣсь.

— Замѣчательное стеченіе обстоятельствъ. Молодой человѣкъ, пытавшійся безуспѣшно 3 раза сряду лишить себя жизни, придумалъ слѣдующій способъ достигнуть цѣли: онъ взялъ револьверъ, веревку, сильнаго яду и отправился къ рѣчкѣ, черезъ которую былъ перекинутъ мостъ. Привязавъ къ периламъ моста веревку съ петлей, онъ надѣлъ эту петлю себѣ на шею, принялъ ядъ и, усѣвшись на перила спиной къ водѣ, направилъ дуло въ високъ и выстрѣлилъ. Произошла осѣчка. Тогда упрямецъ снова взвелъ курокъ и снова выстрѣлилъ, на этотъ разъ удачнѣе, но все-же не вполнѣ: волненіе его было такъ сильно, что онъ промахнулся и пуля только слегка оцарапала ему голову. Онъ покачнулся назадъ и упалъ съ перилъ. Тутъ должна была-бы задушить его петля, накинутая на шею, но перила были гнилы, они надломились и юноша увлекъ ихъ за собой, падая... въ рыбачью лодку, которая въ эту минуту выплывала изъ-подъ моста. Отъ сильнаго душевнаго потрясенія, ядъ, принятый самоубійцей, не подѣйствовалъ, онъ остался живъ и навсегда отказался отъ своего намѣренія раньше времени отправиться къ праотцамъ.

— Неожиданное послѣдствіе казни. Въ нѣмецкихъ газетахъ сообщаютъ слѣдующія подробности о неудачно казненномъ убійцѣ Такоцѣ. Осужденный на смертную казнь черезъ повѣшеніе, онъ былъ привезенъ на мѣсто казни въ 8 часовъ утра, спокойно выслушалъ свой приговоръ, сталъ на скамейку и хотѣлъ что-то сказать, когда ему накинули петлю на шею, и палачъ, толкнувъ скамейку, прервалъ рѣчь осужденнаго. Черезъ десять минутъ казненнаго сняли съ висѣлицы, положили на повозку и быстро повезли въ ближайшую больницу, гдѣ ожидалъ докторъ Шмитъ, которому было дозволено произвести надъ трупомъ анатомическое изслѣдованіе. Пока производились приготовленія къ диссекціи, трупъ пролежалъ на анатомическомъ столѣ минутъ 15. По истеченіи этого времени, докторъ, взглянувъ на тѣло, замѣтилъ въ немъ легкое колыханіе груди, принялся растирать его и влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель эфира. Казненный началъ дышать глубже, испустилъ храпъ, а черезъ нѣсколько часовъ совсѣмъ очнулся и попросилъ знаками, чтобъ ему дали пить. Надо замѣтить, что за нѣсколько дней до казни, у преступника появился въ горлѣ нарывъ, который докторъ, лѣчившій его, ему прорѣзалъ. Этотъ-то нарывъ и помѣшалъ окончательному задушенію преступника, а затѣмъ сильная тряска по пути отъ висѣлицы къ больницѣ способствовала къ возстановленію кровеобращенія въ его тѣлѣ. Однако, воскресшій недолго пользовался случайностью, спасшей его отъ смерти; къ вечеру того-же дня съ нимъ сдѣлалась лихорадка и такой бредъ, что двое служителей съ трудомъ могли сдерживать его и пришлось привязать его къ кровати. Ночью состояніе несчастнаго ухудшилось, шея распухла, и утромъ, черезъ 24 часа послѣ казни, Такоцъ умеръ и на этотъ разъ окончательно.

— Убійство въ театрѣ. Происшествіе, случившееся на дняхъ въ театрѣ del Circa, въ Мадридѣ, можно по истинѣ назвать ужаснымъ. Неизвѣстный человѣкъ, съ топоромъ въ рукахъ, яростно врывается въ залу, пробиваетъ себѣ путь сквозь испуганную его появленіемъ толпу зрителей, вскакиваетъ на сцену и громогласно объявляетъ себя мстителемъ за человѣчество. Его окружаетъ полиція и нѣкоторыя лица изъ публики, между прочимъ одинъ чиновникъ, который, отъ взмаха топора бѣснующагося, падаетъ мертвымъ. Полицейскіе въ ужасѣ отступаютъ и на помощь имъ является на сцену цѣлый взводъ солдатъ. Безумца пытаются устрашить холостыми зарядами, но отъ выстрѣловъ бѣшенство его усиливается и онъ грозится прыгнуть въ партеръ въ толпу зрителей; тогда офицеръ, командующій взводомъ, приказываетъ стрѣлять въ безумца и тотъ падаетъ, пронзенный нѣсколькими пулями.

— Убійство девяти человѣкъ. Въ деревнѣ Височвишни, въ Галиціи, близъ венгерской границы, совершилось ужасное преступленіе. Происшествіе это описывается слѣдующимъ образомъ: въ харчевню еврея Гольденрейха пришли 6 человѣкъ венгерскихъ крестьянъ и сѣли бражничать. Угощались они часовъ до 10 вечера. Одновременно съ ними заѣхали ночевать въ харчевню 2 еврея съ возами, нагруженными солью. Послѣ того, какъ семья хозяина, а также одинъ изъ торговцевъ солью, легли спать, хозяинъ заведенія сталъ просить крестьянъ, усердно пившихъ водку, чтобъ они отправлялись домой. 5 изъ нихъ исполнили эту просьбу и удалились, 6-й же, взявшій на себя уплату за выпитое вино, остался. Обстоятельство это показалось подозрительнымъ тому изъ торговцевъ солью, который еще не легъ спать; опасаясь за цѣлость своего воза съ солью, онъ подошелъ къ окну м началъ смотрѣть на этотъ возъ, какъ вдругъ его ударили топоромъ по головѣ такъ сильно, что онъ упалъ мертвымъ. Въ тоже мгновеніе ушедшіе крестьяне вернулись и, ворвавшись въ харчевню, стали убивать всѣхъ, кто былъ въ домѣ. Отъ рукъ злодѣевъ спаслось только 2 человѣка, остальные 9 погибли—одинъ учитель, одинъ продавецъ сала, мать хозяина и трое его дѣтей были убиты наповалъ; слуга умеръ нѣсколько дней спустя отъ ранъ, а хозяйка и какой-то путешественникъ были такъ избиты, что на выздоровленіе ихъ мало надежды. Почти всѣ жертвы этого гнуснаго преступленія — евреи. Злодѣи пойманы. Они сознались во всемъ, а также и въ томъ, что у нихъ было въ виду совершить еще нѣсколько злодѣяній въ томъже родѣ и все надъ зажиточными евреями. Хозяинъ заведенія спасся бѣгствомъ черезъ окно, а 10-лѣтній сынишко его избѣгнулъ общей участи только тѣмъ, что залѣзъ подъ кровать и злодѣи его не замѣтили.

— Первое мая. Начало майскаго праздества, совершаемаго обыкновенно въ первый день мая, относится къ временамъ древняго Рима Нѣкоторые думаютъ, что оно совершалось въ честь богини Майи, матери Меркурія, отъ имени которой получилъ свое названіе и самый мѣсяцъ; другіе полагаютъ его начало въ праздникахъ Флоры, богини цвѣтовъ, продолжавшихся отъ 28 апрѣля по 1 мая. Это послѣднее предположеніе можетъ почитаться болѣе основательнымъ, потому что въ майскихъ празднествахъ, существовавшихъ почти у всѣхъ народовъ, цвѣты и зелень играли первую роль. Такъ, въ Римѣ, въ этотъ день улицы и дома убирались зелеными вѣтвями и цвѣтами. Во Франціи, при Людовикѣ IX, въ этотъ день убирали зеленью дворецъ короля. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., Испаніи, Португаліи, Англіи, Швеціи и др. первое мая сопровождалось различными обрядами. Особенно былъ замѣчателенъ обрядъ въ Литвѣ. Нѣсколько молодыхъ мужчинъ и женщинъ собирались въ назначенное мѣсто и здѣсь, изъ своей среды, избирали самую красивую и ловкую дѣвушку, дѣлая ее царицей праздника. Украсивъ ея голову вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а поясъ ея бѣлаго платья зеленью, вся толпа въ торжественной процесіи отправлялась куда-нибудь на лугъ, подъ зеленое дерево. Здѣсь танцовали, пѣли пѣсни и, обращаясь посреди этого веселья къ увѣнчанной цвѣтами царицѣ праздника, кричали ей: «о, Майя, Майя!» Во Франціи въ этотъ день исполнялся въ былыя времена другого рода странный обычай. 1-го мая возили по городу слабыхъ мужей, которые давали слишкомъ много воли своимъ женамъ. Ихъ обыкновенно сажали при этомъ случаѣ на осла лицомъ къ хвосту и давали, вмѣсто поводьевъ, держаться за хвостъ животнаго. Въ Россіи празднованіе перваго мая началось со временъ Петра Великаго. Увидѣвъ, какъ иностранцы, жившіе въ Москвѣ, встрѣчаютъ первое мая въ нѣмецкой слободѣ, онъ ввелъ эти удовольствія и между русскими и съ тѣхъ поръ майское гулянье сдѣлалось въ Россіи повсемѣстнымъ.

— Обращеніе либераловъ. Въ Апенцелѣ духовенствомъ предписано въ церквяхъ читать 7 разъ молитву «Отче нашъ» съ цѣлью обратить на путь истинный издателей мѣстной либеральной газеты.

— Апаратъ для печатанія желѣзнодорожныхъ билетовъ, изобрѣтенный механикомъ Мацомъ, уже примѣняется на нѣкоторыхъ дорогахъ въ Германіи. Приводится онъ въ дѣйствіе очень просто: кондуктору, снабженному имъ, стоитъ только повернуть рукоятку, придѣланную къ механизму, для того, чтобъ на билетѣ отпечаталась длина пути и плата за проѣздъ. Дѣлается это такъ же быстро, какъ отрываніе билета или прокалываніе его. Стрѣлка, находящаяся при апаратѣ, отмѣчаетъ количество выданныхъ билетовъ, чѣмъ облегчается контроль надъ ними. Апаратъ этотъ стоитъ изобрѣтателю трехлѣтняго труда. Онъ очень удобенъ и занимаетъ мало мѣста, всего только 25 сант. вышины, 20 сант. длины и отъ 8 до 10 сант. толщины; вѣситъ онъ очень мало.

— Телеграфное сообщеніе съ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ во время пути. Изобрѣтеніе это, сдѣланное инженеромъ Дальштремомъ въ Швеціи, состоитъ въ слѣдующемъ: въ одинъ изъ вагоновъ ставится обыкновенный телеграфный апаратъ, соединенный съ одной стороны съ осью колесъ, а съ другой—съ цилиндромъ, прикрѣпленнымъ горизонтально и перпендикулярно къ крышѣ вагона и свободно вращающійся. По этой-же сторонѣ пути врыты столбы, къ которымъ придѣлана проволока такъ, чтобъ при движеніи поѣзда она постоянно соприкасалась съ вышеупомянутымъ цилиндромъ. Такимъ образомъ апараты поѣздовъ соединены между собою и имѣютъ полную возможность переговариваться. Опыты, произведенные недавно надъ этимъ изобрѣтеніемъ, удались какъ нельзя лучше: пущенные съ двухъ противоположныхъ концовъ поѣзда не переставали все время переговариваться и, вычисливъ мѣсто столкновенія, оба сразу остановились за нѣсколько саженъ передъ этимъ мѣстомъ.

— Недоразумѣніе передъ висѣлицей. Мы читаемъ въ одной изъ американскихъ газетъ слѣдующее: одинъ изъ представителей мѣстной администраціи, присутствуя при казни черезъ повѣшеніе, вступилъ съ приговореннымъ въ разговоръ въ то время, какъ этотъ послѣдній подымался по лѣстницѣ, ведущей къ роковой площадкѣ, на которой стояла висѣлица. Вдругъ къ нимъ подходитъ третья личность и съ вѣжливымъ поклономъ спрашиваетъ:

— Позвольте узнать, господа, котораго изъ васъ двухъ я долженъ повѣсить?

Этотъ третій собесѣдникъ, такъ некстати вмѣшавшійся въ разговоръ, былъ человѣкъ, нанятый шерифомъ для приведенія приговора надъ осужденнымъ въ исполненіе.

— Юный философъ. Которымъ сидишь ты въ класѣ, любезный племянникъ?

— Предпослѣднимъ, дядюшка, или, лучше сказать, послѣднимъ, такъ какъ сосѣдъ мой настолько глупъ, что въ счетъ не идетъ.

— И тебѣ не стыдно въ этомъ сознаваться?

— Что-же тутъ стыднаго, дядюшка? Развѣ пріятно быть первымъ? Подумай только, сколько хлопотъ и заботъ, чтобъ удержаться на высшихъ мѣстахъ; объ одномъ только и думаешь, какъ бы не спуститься ниже. Повѣрь мнѣ, что спокойно работать можно только на моемъ мѣстѣ.

— Голосъ великаго духа. Въ Америкѣ въ настоящее время телефонъ устраивается не только между городами, но даже между селеніями и даже мѣстечками, въ особенности въ пограничныхъ съ индійцами мѣстностяхъ. Польза отъ этого изобрѣтенія оказывается особенно благотворною въ сношеніяхъ съ дикими, которые приходятъ въ неописанный ужасъ, какъ они говорятъ, отъ голоса великаго духа, котораго бѣлые переманили на свою сторону, такъ что и жертвы ему приносить болѣе не за что. Пограничные индійцы прекратили свои набѣги на жилища піонеровъ, благодаря присутствію въ нихъ великаго духа. Разсказываютъ одинъ оригинальный случай, бывшій въ Калифорніи. Двое сосѣдей устроили телефонъ и вели между собою разговоры; одинъ и сообщаетъ другому, что ночью толпа индѣйцевъ, имѣя во главѣ «Чернаго Волка», напала на веранду и угнала нѣсколькихъ лошадей. Сосѣдъ придумалъ такую хитрость: позвалъ къ себѣ «Чернаго Волка», приложилъ трубку телефона къ его уху и когда тотъ началъ говорить индіецъ услыхалъ звуки, затрясся и поблѣднѣлъ; когда-же услышалъ повелѣніе возвратить покражу, то окончательно растерялся и поклялся на другой-же день исполнить волю великаго духа. И не обманулъ.

— Скальпированіе. Въ Колорадо набѣги индійцевъ повторяются все чаще и чаще; немало бѣлыхъ попадаютъ къ нимъ въ плѣнъ и испытываютъ ужасныя страданія. Такъ, недавно индійцы напали на піонеровъ, причемъ многіе поплатились жизнью, а нѣкоторыхъ раненыхъ нападавшіе взяли въ плѣнъ. Несчастные томились въ ямахъ, питаясь объѣдками, которые имъ бросали; наконецъ, дикари устроили игрище; плѣнника заставляли бѣжать, за нимъ пускались дикари и первый догнавшій его, острымъ ножемъ быстро срѣзывалъ кожу съ волосами и обнажалъ несчастному голову, который вслѣдъ затѣмъ умиралъ, испытывая ужаснѣйшія страданія. Одному изъ такихъ скальпированныхъ удалось бѣжать и онъ разсказалъ о пережитыхъ имъ и его несчастными товарищами ужасахъ.

— Жертвы суровой зимы. Суровая зима нынѣшняго года причинила въ Парижѣ немало бѣдъ, въ особенности тропическимъ растеніямъ. Въ общественныхъ садахъ уничтожено до 40,000 деревьевъ; погибли даже нѣкоторыя совершенно акклиматизированныя деревья; такъ, не вынесли холодовъ въ Елисейскихъ поляхъ болѣе 10,000 кустарниковыхъ деревьевъ, въ Булонскомъ лѣсу до 10,000 деревьевъ, а знаменитый паркъ Трокадеро совсѣмъ погибъ.

— Добываніе яда изъ лягушекъ въ Колумбіи. Извѣстный путешественникъ Андрэ сообщилъ недавно объ одномъ оригинальномъ способѣ добыванія яда индійскимъ племенемъ Колумбіи, хокó, — яда, которымъ отравляются ихъ стрѣлы. Самое орудіе обращаетъ на себя вниманіе: это, такъ называемый, сарбаканъ, состоящій изъ длинной въ 3 метра трубки, выдѣланной изъ пальмовыхъ стержней; для этого

стержень разщепляется вдоль, обѣ половинки его очищаются отъ сердцевины, затѣмъ ихъ вновь соединяютъ, крѣпко связываютъ и покрываютъ сверху черным клеемъ, который, высыхая, твердѣетъ. Въ эту трубку вставляется тонкая въ видѣ вязальной иголки, но только раза въ 2 длиннѣе послѣдней—бамбуковая палочка, съ одного конца заостренная. Туземецъ-охотникъ съ силой выдуваетъ изъ сарбакана эту бамбуковую стрѣлку, которая мѣтко впивается въ жертву. Такое, повидимому, ничтожное оружіе оказывается страшнымъ, благодаря сильному яду, которымъ отравлена бамбуковая стрѣла. Хокедцы добываютъ этотъ ядъ изъ особаго мѣстнаго вида лягушки, извѣстой у туземцевъ подъ именемъ неаара и встрѣчающейся всего чаще въ округѣ р. Таташа, притока Сенъ-Жуаны. Лягушка-неаара очень небольшая, сверху цвѣта «свѣжаго лимона», съ лапками и брюшкомъ черноватыми. «Г. Тріанъ мнѣ говорилъ, передаетъ Андрэ, что разъ какъ-то онъ встрѣтилъ этихъ лягушекъ въ таманскихъ лѣсахъ по дорогѣ изъ Картаха въ Новита: я увидѣлъ почву, покрытую точно лимонами, только-что упавшими съ дерева, я подошелъ къ этому мѣсту, но всѣ мои лимоны пустились вскачь, — то были лягушки». Чтобы овладѣть этимъ гадомъ туземцы предварительно защищаютъ свои руки широкими листьями, причемъ самый процесъ поимки сопряженъ съ немалыми трудностями и требуетъ большой осторожности, по причинѣ страшнаго яда, выдѣляемаго накожными порами неаары. Пойманная лягушка прокалывается вдоль тонкимъ бамбуковымъ стержнемъ; затѣмъ ее медленно поджариваютъ, поворачивая со стороны въ сторону надъ слабымъ огнемъ. Подъ вліяніемъ жара кожа гада раздувается, лопается и изъ подъ нея просачивается желтоватая ѣдкая жидкость, въ которую и обмакиваютъ стрѣлы. Жидкость эта на воздухѣ быстро отвердѣваетъ и въ такомъ видѣ сохраняется туземцами; ея ядовитыя свойства нисколько не уступаютъ знаменитому кураре; будучи введена въ кровь, она быстро парализуетъ и убиваетъ животное. Птица, раненная стрѣлой, отравленной ядомъ неаары, начинаетъ задыхаться, трястись, изъ клюва выступаетъ обильная пѣна и она умираетъ втеченіи 3—4 минутъ. Одной такой стрѣлы совершенно достаточно, чтобы убить дикую козу. Даже опаснѣйшій обитатель туземныхъ лѣсовъ,—кровожадный ягуаръ—оказывается безсильнымъ и падаетъ мертвымъ, сраженный маленькой стрѣлкой изъ сарбакана. Противъ ужаснаго яда неаары неизвѣстно никакого противоядія, единственное стредство—прижиганіе. Но туземцы не пользуются имъ. Они убѣждены, что никакое средство не въ состояніи спасти отъ смерти раненнаго отравленной стрѣлою. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ раненный безропотно покоряется своей несчастной участи; онъ ложится на циновку и спокойно ожидаетъ смерти, которая и не заставляетъ долго ждать себя. Страшный ядъ неаары, подобно кураре, быстро парализуетъ дѣятельность нервной системы и смерть становится неизбѣжной.

— Вліяніе крови древесной лягушки на окраску попугаевъ. У дикихъ племенъ Амазонской рѣки очень часто встрѣчаютъ прирученныхъ зеленыхъ попугаевъ, отличающихся страннымъ измѣненіемъ природной окраски оперенія. Именно одна часть тѣла вмѣсто обычныхъ зеленыхъ снабжена красными или желтыми перьями. Утверждаютъ, говоритъ Соважъ, что такая окраска получается самими дикарями искуственнымъ путемъ. Съ этой цѣлью у попугая-птенца вырываютъ перья въ той части тѣла, на которой желаютъ получить красное или желтое опереніе,–и образовавшіяся вслѣдствіе такой операціи ранки натираютъ кровью одной туземной древесной лягушки, извѣстной у натуралистовъ подъ именемъ Dendrobati tinctorius.

— Оплодотвореніе растеній птицами. Какъ извѣстно, насѣкомыя переносятъ цвѣточную пыль съ одного цвѣтка на другой и тѣмъ содѣйствуютъ оплодотворенію многихъ растеній. Согласно наблюденію Эвереста на островѣ Миндинао (главный островъ южной групы Филипинскихъ острововъ), тою-же способностью отличаются нѣкоторыя маленькія птицы, колибри, питающіяся или исключительно плодами или также мелкими насѣкомыми. Эвересту не разъ приходилось замѣчать цвѣтную пыль на крыльяхъ и клювѣ этихъ птичекъ. Дальнѣйшія наблюденія выяснили причину этому. Въ поискахъ за мелкими насѣкомыми эти птички часто садятся на цвѣты и въ глубинѣ послѣднихъ отыскиваютъ между лепестками свою жертву. Въ подобныхъ случаяхъ почти всегда клювъ и перья на головѣ покрываются цвѣточной пылью, которая и переносится на другой цвѣтокъ при перелетѣ птички съ растенія на растеніе. Легко понять, что цвѣты служатъ приманкою для тѣхъ своихъ пернатыхъ посѣтителей, которые охотятся за насѣкомыми, благодаря именно цвѣточному соку, составляющему пищу послѣднихъ. По опыту онѣ знаютъ, гдѣ слѣдуетъ искать имъ свою жертву и почти безошибочно садятся на цвѣтокъ, обѣщающій имъ обильную трапезу. Наконецъ, нѣкоторыя изъ этихъ пернатыхъ крошекъ сами не прочь полакомиться сладкимъ цвѣточнымъ сокомъ. Мы только-что сказали «садятся»—это не всегда вѣрно: птички большей частью производятъ свою рекогносцировку на лету. Быстро подлетаетъ колибри къ цвѣтку, запускаетъ свою миніатюрную головку въ лепестки и также быстро перепархиваетъ къ другому цвѣтку, неся вмѣстѣ съ собою плодотворную пыль. Кромѣ того быстрыми и усиленными движеніями своихъ крыльевъ во время рекогносцировки она сбиваетъ съ цвѣтка нѣкоторое количество плодотворной пыли на воздухъ и послѣдній дуновеніемъ вѣтра разноситъ эту пыль часто на значительное разстояніе.

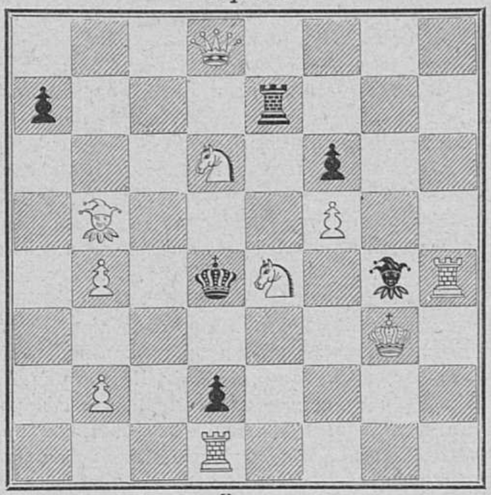
Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧИ

№ 28.

Финлинсона (въ Англіи.)

Черные.

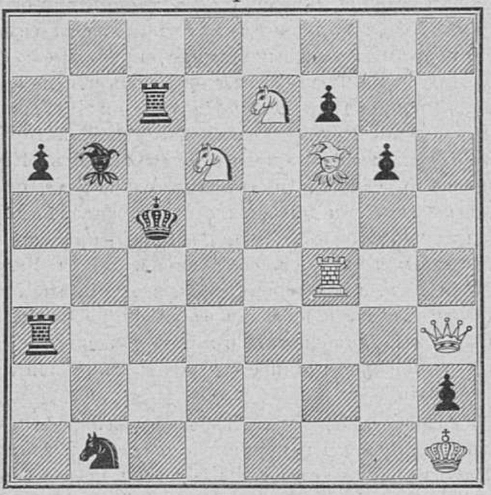


Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ)

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи (въ № 12.)

№ 19. Гольда.

1. Л b6—b4 / Кр f4—e3 (e5) — 2. К d4—b3 (b5) ×

1. . . . / С ∞ †, Кр g5, или ∞ — 2. К d4—e6 ×

Правильно рѣшили: *К. Сердешневъ, Н. Лобшицъ, В. Гориневскій, Н. Даржанъ, Э. Пертель, Н. Петеръ, А. Сафоновъ, Фаинъ, А. Бекеневъ. М. Кроль, С. Мееровичъ.*

Задача № 27, Хохолуша, помѣщенная въ № 17 «Жив. Об.», рѣшается въ 3 хода.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Мы получили извѣщеніе изъ Берлина о совершенной распродажѣ олеографической картины, обозначенной въ нашемъ каталогѣ подъ № 5 — **Астудица «Видъ»**. У насъ тоже разошлись всѣ экземпляры ея. Вмѣсто этой картины и № 4, тоже распроданнаго, мы предлагаемъ два вида, нѣсколько большей величины, по той-же цѣнѣ, т. е. **60 коп.** безъ пересылки, **90 коп.** съ пересылкой. Новыя картины будутъ значиться въ нашемъ каталогѣ: подъ № 4-мъ **«Кенигштейнъ»**; подъ № 5-мъ **«Шрекенштейнъ»**. Обѣ эти картины исполнены хорошо и могутъ вполнѣ замѣнить вышеозначенные два вида, быстрая распродажа которыхъ свидѣтельствуетъ объ ихъ достоинствахъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 17-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 19 апрѣля въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 23 апрѣля въ 7 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Отрывки, стих. **В. Юрьева.**—На краю пропасти, пов. **Л. Гербетъ.** — На рѣкѣ (октавы), стих. **Дм. Ушакова.**—Русскія суевѣрія, очерки **С. С. Шашкова.** — Изъ прошлаго и настоящаго Америки, ст. **Н. В. Шелгунова.**—Вильямъ-Эвартъ Гладстонъ.—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Выставка картинъ В. В. Верещагина, **Диллетанта.**—Къ рисункамъ.–Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Монахъ, карт. **Урлауба.**—Праздникъ весны въ подольской губерніи, карт. **Андріолли.**—Закатъ солнца въ лѣсу, карт. акад. **А. И. Мещерскаго.**—Передъ судомъ присяжныхъ, карт. **Сигизмунда Арвай.**—Венера, изъ пѣны рожденная, карт. **Вильгельма Марка.**—Мандолинистъ, карт. **Пробста.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

новость **КОСЫ** новость

ШИНЬОНЫ, ЛОКОНЫ И БУФФОНЫ.

ИЗЪ РАСТИТЕЛЬНАГО ВОЛОСА

ПРИГОТОВЛЕНІЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННАГО СПОСОБА

ЕВГЕНІЯ ФЕВАЛЯ

легко, чисто, безвредно и дешево.

Косы отъ **1** рубля **75** коп. до **8** рублей.

Высылка по заказнымъ письмамъ и по присылкѣ образчика волосъ въ толщину спички и на почтовые расходы съ косы по 75 коп., 50 различныхъ тѣней.

ЕДИНСТВЕННЫЙ МАГАЗИНЪ

ПАРИЖСКИХЪ МОДЕЛЕЙ

ДАМСКИХЪ И ДѢТСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ

и

ВЫКРОЕКЪ.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ НА ПАРИЖСКІЕ МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

АГЕНТЪ ПАРИЖСКАГО МОДНАГО ДОМА

ДЕМОРЕСТЪ.

Книга съ картинками модъ Демореста.
Цѣна **75** коп., съ пересылкой **1** рубль.

С.-Петербургъ,
Невскій проспектъ, уголъ Новой улицы, домъ №75–2, кв. № 5.

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА
КИРѢЕВСКАЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 мая 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Томъ I. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. Годъ VIII.

№ 19. За годъ съ пер. и дост.—7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 к. за нумеръ. За полгода—4 руб. 10 Мая 1880 года.

И. Н. Крамской.

Съ фотографіи А. Лоренса; рѣзалъ на деревѣ Матэ.

Хуторокъ въ украйнѣ.

Стих. **В. Львова.**

Когда надъ сонною землею
Взойдетъ сребристая луна,
Люблю бродить ночной порою:
Кругомъ покой и тишина...

Порой, проснувшись, встрепенется
Пѣвецъ полночный, соловей
И трелью звонкою зальется
Въ роскошной зелени вѣтвей...

Взошла звѣзда, взошла другая
Въ безбрежной неба синевѣ—
Лампада Бога золотая;
Свѣтлякъ шевелится въ травѣ.

Съ цвѣткомъ душистымъ, бѣлоснѣжнымъ
Играетъ легкій вѣтерокъ...
И сномъ глубокимъ, безмятежнымъ
Объятъ весь мирный хуторокъ.

За нимъ раскинутъ садъ вишневый;
При въѣздѣ група тополей;
Вдали виднѣются дубровы
И даль широкая полей.

Пріютъ родной—соломой крытый,
Уютный домикъ безъ затѣй,
Всегда съ радушіемъ открытый
И для своихъ, и для гостей.

Все въ немъ покой уже вкушаетъ,
Огни давно погашены:
Съ просонья песъ порой залаетъ
Среди царящей тишины.

Вкругъ дома дубы вѣковые,
Косой годовъ пощажены,
Стоятъ, свидѣтели нѣмые
Сѣдой, туманной старины!..

И вербъ развѣсистыхъ вершины
Въ тиши таинственно шумятъ;
Камышъ, поросшій вдоль плотины,
Стоитъ, какъ стройный копій рядъ.

И, озаренная луною,
Поверхность озера блеститъ,
Чуть слышно съ плещущей волною
Волна о чемъ-то говоритъ...

Кусты роскошными вѣтвями
Нависли томно надъ водой,
Какъ надъ лазурными очами
Рѣсницы дѣвы молодой...

Давно окончены работы,
Досугъ смѣнилъ тяжелый трудъ,
Забывъ тревоги и заботы,
Крестьяне съ пѣснями идутъ.

Поля и рощи оглашаютъ
Напѣвы милой стороны,
Ихъ звонко эхо повторяетъ
Среди волшебной тишины.

И мнѣ отрадны эти звуки:
Родного много въ пѣсняхъ тѣхъ—
Въ нихъ слышно злое горе, муки,
И удаль, и разгулъ, и смѣхъ...

Но звуки пѣсни замираютъ
За лѣсомъ, сонною рѣкой—
И ночь въ права свои вступаетъ,
Вездѣ всему даритъ покой...

И лишь таинственной дубровой
Влюбленный крадется казакъ
Къ своей казачкѣ чернобровой...
Спустился онъ уже въ оврагъ,

Близка ужь цѣль—и скоро, скоро
Къ вишневой рощѣ онъ придетъ,
«Коханку» встрѣтитъ у забора,
На грудь ей жадно упадетъ.

Мы ихъ оставимъ: пологъ ночи
Покрылъ ихъ нѣжною рукой...
Мнѣ сонъ уже смыкаетъ очи...
— Пора на сладостный покой!..

Изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Повѣсть **М. А. Филипова.**

Глава I.

Семенъ Григорьевичъ.

Въ 1844 году я ѣхалъ въ Одессу для поступленія въ бывшій ришельевскій лицей.

Гдѣ остановиться, какъ жить, какъ устроиться,—я самъ не зналъ да и родители мои едва-ли это знали, когда я въ одно прекрасное утро покинулъ въ Николаевѣ отчій домъ и устремился въ Одессу учиться. Правда, мать моя, на прощаньи, укладывая разныя печенья въ дорожный сакъ, шептала мнѣ:

— Коли пріѣдешь въ Одессу, остановись на постояломъ дворѣ, да тотчасъ и сходи къ Семену Григорьевичу; онъ тебя и пристроитъ либо у себя, либо у другихъ добрыхъ людей. Совѣтовъ его слушайся, уму-разуму у старыхъ людей учись. А Аннѣ Петровнѣ, женѣ его, сердечно отъ меня поклонись...

Въ первый разъ въ жизни я оставлялъ родительскій домъ и неизвѣстность, что̀ ждетъ меня въ чужомъ городѣ, сильно меня волновала; а потому, не дослушавъ материнскихъ нашептываній, я разсѣянно говорилъ ей:

— Хорошо... хорошо... буду слушаться...

— Да и береги себя, заканчивала мать.— Знаешь: береженаго Богъ бережетъ...

Послѣднее она повторяла часто, причемъ крестила меня. Этими-же словами она закончила, когда тронулся въ путь мой возница.

Скучна, однообразна и уныла показалась мнѣ дорога изъ Николаева въ Одессу: знойное солнце выжгло всѣ поля и только перекати поле, будьяки и колючки свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь была весною жизнь.

Глазамъ не было пищи, за то разыгралось мое воображеніе: оно перенесло меня въ дни моего дѣтства, когда я съ родителями жилъ въ Одессѣ.

Вспомнилъ я и Семена Григорьевича, о которомъ мнѣ напоминала мать, и воображеніе мое рисовало этого господина въ самомъ плѣнительномъ видѣ. Мое семейство жило у него въ домѣ въ концѣ 30-хъ годовъ и онъ почему-то представлялся мнѣ въ высшей степени остроумнымъ, любезнымъ и добрымъ. Въ дѣтствѣ мы иногда мякину принимаемъ за зерно: пустая болтовня кажется намъ остроуміемъ; мягкая рѣчь и простая вѣжливость—любезностью и добротою. И я, познакомившись съ Семеномъ Григорьевичемъ въ дѣтскомъ возрастѣ, плѣнился имъ и мнѣ казалось, что я не встрѣчалъ человѣка милѣе и прелестнѣе его. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я пріѣхалъ въ Одессу и вопреки наказу матери—остановиться на постояломъ дворѣ,—мнѣ пришла мысль: «нужно прямо заѣхать къ своему старому знакомому и просить его устроить меня».

Былъ августовскій день, одинъ изъ тѣхъ, въ которые въ Одессѣ въ прежнія времена къ вечеру атмосфера такъ пропитывалась пылью, что невозможно было дышать. Измученные кони моего возницы—жидовскаго балагулы *),—едва тащили ноги, понукаемые кнутомъ и крикомъ: «вьяуй!» «вьяуй!»

Я нетерпѣливо направлялъ извощика на Соборную площадь, гдѣ жила теща Семена Григорьевича, чтобы отъ нея узнать, гдѣ квартира ея зятя. Когда я остановилъ извощика у маленькаго желтаго домика и вылѣзалъ изъ своего далеко незатѣйливаго, некрасиваго и неудобнаго экипажа,—неудобнаго въ особенности по части вылазыванія и восхожденія,—я увидѣлъ предъ собою давно желаннаго Семена Григорьевича.

— Семенъ Григорьевичъ! невольно воскликнулъ я предъ самымъ его носомъ.

Особа эта была въ вицмундирѣ, съ бѣлой полушелковой накидкой, какія носятъ одесситы лѣтомъ. Онъ прищурилъ глаза и прокартавилъ:

— Я васъ не знаю, милостивый государь...

— Какъ не знаете! я... Ваня...

— Мало-ли Ваней на свѣтѣ...

— Ваня Берендѣевъ...

— Берендѣевъ... А!.. узнаю... А родители?

Я объяснилъ ему, что пріѣхалъ одинъ и желаю устроиться гдѣ-нибудь и намекнулъ ему, не пріютитъ-ли онъ меня у себя.

— У себя, сказалъ онъ,—недурно... пойдемъ ко мнѣ, если тебѣ понравится жить у меня, да еще въ одной комнатѣ со мною. Я недалеко живу отсюда... Гей, балагула, поѣзжай за нами...

Онъ повелъ меня по одной изъ улицъ, прилегающихъ къ Преображенской площади. Въ то время улицы эти были пустынны и хотя шоссированы, но очень плохо; въ длину безобразныхъ панелей тянулись водосточныя канавы, въ которыя непривычный попадалъ ночью, какъ въ волчью яму и куда выбрасывались домовладѣльцами всякія нечистоты: дохлыя кошки, и птицы, и помои... Пройдя квартала два, Семенъ Григорьевичъ остановился.

— Здѣсь я живу, сказалъ онъ, указывая на маленькій одноэтажный домикъ, имѣвшій огромный пустопорожній дворъ.

Домикъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ и кухни. Первая комната изъ сѣней была и гостиная, и столовая; на-лѣво—комнатка въ одно окно, была предназначена и для меня, такъ какъ на одномъ диванѣ спалъ Семенъ Григорьевичъ, а на другомъ, напротивъ, долженъ былъ я спать. На-право изъ гостиной были спальня и будуаръ хозяйки; въ примыкающей-же къ ней комнаткѣ была дѣтская, гдѣ имѣлись три кроватки для трехъ дочерей хозяевъ. Прислуга спала въ кухнѣ и состояла изъ кухарки и горничной. Насъ встрѣтила черноглазая дѣвушка, лѣтъ двадцати, бѣлолицая и съ рыжими волосами.

— Зиновья, сказалъ хозяинъ, — это нашъ гость.. помоги снести его вещи... проворнѣй... шевелись...

Онъ повернулъ дѣвушку къ дверямъ и слегка ее толкнулъ.

— Вы вѣчно юны, замѣтилъ я.

— Да моя страсть шалить... Жены нѣтъ: она, вѣроятно, ушла съ дѣтьми къ пріятельницѣ—знакомой акушеркѣ... терпѣть не могу этихъ знакомствъ...

Онъ что-то собирался еще сказать да Зиновья съ извощикомъ вошли и внесли не сложный мой багажъ: зеленый сундучекъ, окованный желѣзомъ, въ которомъ были мои платья и бѣлье, и дорожный сакъ, съ остатками запасовъ и питья, которые мать вложила мнѣ на дорогу и которыми я бы могъ продовольствоваться, по крайней мѣрѣ, еще мѣсяцъ.

Когда Зиновья вошла, она бросила на меня особенно нѣжный взглядъ. Я глупо улыбнулся и не зналъ: радоваться-ли такому расположенію или нѣтъ. Усѣвшись у окна, я задумался.

— Что̀ у тебя въ сакѣ? спросилъ Семенъ Григорьевичъ и вывелъ меня вопросомъ своимъ изъ раздумья.

— Кое-какая провизія, наливки и вино...

— Посмотримъ, прервалъ онъ меня. — Вишневка... полынная... хересъ... недурно... Мы попробуемъ, покамѣстъ моя хозяйка придетъ и распорядится съ чаемъ...

Онъ началъ съ полынной, перешелъ къ вишневкѣ и кончилъ хересомъ. При этомъ я замѣтилъ, что послѣ каждаго стакана онъ сталъ все чаще и чаще употреблять въ разговорѣ вставочное

*) На югѣ жидовскіе возы называются «будами», а извощики—балагулами.

слово «это», такъ что послѣ хереса онъ обратился ко мнѣ съ словами:

— Ты, Ваня, это... это... это... прости это... что я... это... это... это...

И онъ, усѣвшись въ креслѣ, сладчайшимъ образомъ захрапѣлъ. Въ это время влетѣла Зиновья.

— Противный, сказала она, указывая на спящаго хозяина.

— А вы—милашка, прошепталъ я.

— Будто...

И она исчезла. На дворѣ послышался шумъ и вошла хозяйка съ тремя малолѣтними дочерьми. Старшей было лѣтъ десять, двѣ другія—по году или по два моложе.

Хозяйка, Анна Петровна, была средняго роста, стройная, смуглая брюнетка, съ огненными черными глазами. Черты ея лица были неправильны, но тонки и общее выраженіе ея физіономіи—энергично. Лѣтъ ей было подъ тридцать.

Она быстро вошла въ комнату, взглянула мелькомъ на спящаго мужа и на бутылки и, подойдя ко мнѣ, сдѣлала такое движенье, какъ будто хотѣла меня обнять, но остановилась и произнесла:

— Ваня... извините, я знала васъ ребенкомъ... вы такъ возмужали...

Я взялъ ея руку и поцѣловалъ ее крѣпко.

— Я для васъ долженъ остаться всегда Ваней...

Она отняла свою маленькую ручку, сбросила съ головы соломенную шляпку и, войдя въ свою спальню, сказала оттуда:

— Зайдите ко мнѣ, пускай онъ спитъ... Богъ съ нимъ...

Я зашелъ къ ней въ спальню. Она велѣла подать чаю и заговорила со мною о моей семьѣ, въ особенности о моей матери, которую она очень любила. Когда-же подали чай, она напоила и накормила дѣтей, и уложила ихъ спать.

— Теперь, сказала она, — я свободна и могу съ вами побесѣдовать... но здѣсь неудобно: пойдемте на бульваръ. Мужъ спитъ... и, вѣроятно, не скоро проснется...

Я охотно согласился на прогулку, тѣмъ болѣе, что не чувствовалъ съ дороги никакой усталости и притомъ въ маленькой ихъ квартирѣ было невыносимо душно и жарко. Вдвоемъ мы вышли на улицу. Луна сіяла во всемъ блескѣ, но атмосфера была душна и давила грудь.

Почти молча мы дошли до бульвара: публика толпилась у буфета, но знаменитая лѣстница, ведущая съ горы къ морю, была пуста.

Тамъ мы усѣлись.

— Ваничка, сказала Анна Петровна полушопотомъ,—скажи откровенно: почему ты именно къ намъ заѣхалъ.

Откровенно я ей разсказалъ; какъ по дорогѣ мнѣ пришла нечаянно мысль заѣхать и устроиться у нихъ.

— Напрасно ты это сдѣлалъ, замѣтила она послѣ нѣкотораго молчанья.

Я допытывался: почему это такъ; но она, протянувъ мнѣ свою маленькую ручку, прошептала:

— Дай Богъ, чтобы опасенья мои не сбылись.

— Какія опасенья?..

— Ничего... ничего, возразила она быстро,— я обмолвилась... при тебѣ... по крайней мѣрѣ, хоть немного и я отдохну душой...

— Развѣ вы несчастны?..

— Развѣ мать ваша не разсказала вамъ о моей жизни?.. разсказъ не длиненъ: шестнадцати лѣтъ я вышла замужъ за перваго моего мужа. Чрезъ годъ онъ умеръ на моихъ рукахъ отъ чахотки: по завѣщанію онъ оставилъ мнѣ порядочное состояніе и я была интересною вдовушкою въ семнадцать лѣтъ. Семенъ Григорьевичъ въ это время окончилъ лицей и я случайно съ нимъ познакомилась. Съ мѣсяцъ онъ ухаживалъ за мною и я вышла за него замужъ. Мое состояніе погубило его: онъ облѣнился, на службѣ не работалъ, игралъ въ карты и сталъ пить... Ты видѣлъ, что изъ него сдѣлалось: онъ не можетъ видѣть равнодушно бутылки. Состояніе-же мое онъ проигралъ въ карты. Теперь у насъ остался только домишко, который отданъ по контракту жильцу, мы-же живемъ въ наемной квартирѣ. Но и теперь зачастую идетъ попойка и картёжъ по цѣлымъ ночамъ и это разстроило мое здоровье... Все это можно было-бы простить ему... да грубъ сдѣлался... невыносимъ... давно уже я ему не жена... а здѣсь... здѣсь... у меня огнемъ горитъ...

Она говорила съ большимъ жаромъ и, сама не замѣчая того, схватила мою руку и прижала ее къ груди своей: сердце ея сильно билось.

Чрезъ минуту она очнулась и слегка оттолкнула мою руку.

— Я не должна была тебѣ такъ много разсказывать... идемъ домой... самодуръ, пожалуй, проснется...

Я всталъ съ мѣста.

— Видишь, какъ ты выросъ... возмужалъ... а глаза... глаза... Теперь ночь, а они жгутъ меня...

Она вскочила и пошла съ бульвара. Движеніе ея было такъ быстро, что я насилу ее догналъ. Я предложилъ ей свою руку.

— Не надо, сказала она, отводя тихо мою руку. — Я давно отвыкла отъ всякихъ ощущеній.

Уныло я поплелся за нею. По дорогѣ меня занимали разныя мысли и я самъ не понималъ, что со мною дѣлается: сердце сильно билось, въ вискахъ стучало и я рѣшительно не зналъ: какой смыслъ придать бесѣдѣ моей съ Анной Петровной.

— Не можетъ-же она меня полюбить, думалъ я.—Я почти мальчикъ, а у нея—десятилѣтняя дочь. Чушь!.. воскликнулъ я мысленно.—Съ дороги и усталости мнѣ чортъ знаетъ что мерещится.

Вскорѣ мы пришли домой.

— Гляди, замѣтила она,—мой муженекъ изволилъ во время нашего отсутствія проснуться и допилъ всѣ остатки изъ бутылокъ. Уложимъ его на диванѣ.

Она начала его тормошить за руку.

— Я... это... это...

Процѣдилъ онъ сквозь зубы и захрапѣлъ. Въ ранней молодости я былъ необыкновенно силенъ въ рукахъ: воспользовавшись этимъ, я схватилъ Семена Григорьевича за руки и поднялъ его съ кресла.

Онъ проснулся, глупо улыбнулся и, едва передвигая ноги, поплелся въ свою комнату.

— Спокойной ночи, шепнулъ я Аннѣ Петровнѣ. — Идите спать, я самъ раздѣну и уложу его.

— Приготовили развѣ постель?..

— Со мною подушки, одѣяло и простыни, не безпокойтесь.

Она подала мнѣ свою ручку: я съ чувствомъ ее поцѣловалъ.

— Забудь нашъ разговоръ, прошептала она и отвернулась отъ меня.

Подойдя къ своей спальнѣ, она снова обернулась ко мнѣ: глаза ея были влажны. Она съ минуту на меня глядѣла и, пославъ мнѣ рукою поцѣлуй, быстро ушла въ свою спальню.

Долго я возился съ Семеномъ Григорьевичемъ, пока не раздѣлъ и не уложилъ его спать; потомъ усталый, не раздѣваясь, я бросился на диванъ и тотчасъ-же заснулъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Н. Островскій.

Критическій этюдъ **В. А. Пинчука**.

(Продолженіе.)

III.

Среди комедій А. Н. Островскаго, претендующихъ на общечеловѣчность, комедія «Бѣшеныя деньги» занимаетъ такое-же мѣсто, какое «Свои люди сочтемся» среди комедій бытовыхъ. Разница между ними, впрочемъ, та, что вторая занимаетъ самое почетное мѣсто среди всѣхъ русскихъ драматическихъ произведеній, тогда какъ «Бѣшеныя деньги» ни въ какомъ случаѣ на него претендовать не могутъ. Самый сюжетъ этой комедіи крайне незначителенъ. Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ. Жена и дочь богатаго помѣщика Чебоксарова доживаютъ въ старой столицѣ послѣднія крохи своего состоянія. Мать желаетъ поправить дѣла свои и мужа выгоднымъ бракомъ дочери. Дочь, Лидія, очень красива, съ прекрасными манерами и не прочь пожить на широкую ногу, словомъ, женщина, которая можетъ украсить салонъ любого мужа, любящаго эфектную обстановку, включая въ нее и жену со всѣми достоинствами свѣтской барыни. Такая именно жена нужна молодому негоціанту новой формаціи, Василькову. Васильковъ тоже купеческое отродье, которое такъ много матеріала дало и прежнимъ произведеніямъ Островскаго, но онъ отличается отъ своихъ родителей внѣшностью. Онъ получилъ высшее образованіе и нѣкоторый лоскъ интелегентнаго человѣка. Въ Москвѣ пріятели, шутки ради, распустили слухъ, что у Василькова золотые пріиски и чуть не миліонное состояніе, тогда какъ у него было не болѣе пятидесяти тысячъ. Благодаря этому слуху, вскорѣ послѣ знакомства съ Чебоксаровыми, Васильковъ женится на Лидіи. Послѣдняя, полагая, что у мужа несмѣтныя богатства, чуть не въ одну недѣлю проживаетъ около сорока тысячъ. Васильковъ платитъ долги своей жены, но рѣшаетъ сократить расходы до минимума. Нанимаетъ попроще квартиру, продаетъ экипажи, лошадей и пр. Чебоксаровой и ея дочери становится извѣстнымъ настоящее состояніе Василькова, отчего въ первую минуту онѣ впадаютъ въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что послѣднее имѣніе Чебоксарова за долги поступило въ продажу съ аукціона; но дочь находитъ выходъ изъ такого положенія: она приходитъ къ мысли о богатомъ любовникѣ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, такимъ является мнимый богачъ, Кучумовъ, старый знакомый Чебоксаровыхъ, извѣстный въ Москвѣ подъ именемъ «князиньки». Кучумовъ, это нѣчто въ родѣ Хлестакова, человѣкъ довольно пожилой, трусливый плутъ, падкій до хорошенькихъ женщинъ. Онъ убѣждаетъ обѣихъ женщинъ бросить Василькова и переѣхать на старую квартиру, обѣщая доставить имъ на это денегъ. У него ихъ не оказывается и онъ беретъ у Василькова-же взаймы шесть сотъ рублей. Еще до переѣзда жены Васильковъ узнаетъ изъ анонимнаго письма, что у его жены есть любовникъ. Въ первую минуту Васильковъ приходитъ въ негодованіе и хочетъ вызвать на дуэль лицо, похитившее его сокровище—жену. Но, когда послѣдняя заявляетъ ему о своемъ намѣреніи оставить его навсегда, онъ бросаетъ эту мысль, думая покончить самоубійствомъ. Дѣло, однако, такъ далеко не заходитъ. Васильковъ получаетъ громадные барыши съ какого-то дѣла и покупаетъ имѣніе отца своей жены, которое обѣщалъ Лидіи купить Кучумовъ, неимѣвшій гроша за душой. Скоро, конечно, глаза у Лидіи открываются: она узнаетъ, что у Кучумова денегъ нѣтъ и что, въ концѣ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Г. СЕМИРАДСКАГО.

Грѣшница.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

концовъ, ей жить все-таки нечѣмъ. Она предлагаетъ себя въ любовницы двумъ московскимъ фланерамъ, пріятелямъ ея мужа, Теляшеву и Глумову; но одинъ отказывается за неимѣніемъ денегъ, а другой самъ только-что поступилъ на содержаніе къ богатой барынѣ. Вотъ въ силу такихъ обстоятельствъ Лидія рѣшается, по совѣту матери, обратиться снова къ мужу, внезапно разбогатѣвшему. Она притворяется больной и зоветъ мужа къ себѣ. Васильковъ является только послѣ нѣсколькихъ настоятельныхъ приглашеній. Узнавъ, что его жена желаетъ жить съ нимъ снова, онъ соглашается на это, но съ условіемъ, чтобы она пробыла у него нѣкоторое время въ имѣніи экономкой, подъ руководствомъ его матери. При этомъ Васильковъ обѣщаетъ ей послѣ такого искуса блестящую жизнь, тѣмъ болѣе, что ему «въ его дѣлѣ» необходима «блестящая супруга». Послѣ нѣкотораго колебанія Лидія принимаетъ условія своего мужа. Это финалъ пьесы.

Какъ читатель видитъ, сюжетъ довольно странный, чтобъ не сказать большаго. И потому, читатель, мало знакомый съ пьесой, можетъ удивиться, какъ можно въ извѣстной групѣ пьесъ ставить «Бѣшеныя деньги» на первомъ мѣстѣ. Я ставлю эту пьесу на такое мѣсто не по сюжету; «Послѣдняя жертва», «Безприданница», «Трудовой хлѣбъ», даже «Волки и овцы» и др., выше этой пьесы, но только по сюжету. Здѣсь есть типъ комерсанта-дѣльца новой формаціи вполнѣ законченный. Въ другихъ пьесахъ этотъ типъ на второмъ планѣ. Больше того, что сказано въ «Бѣшеныхъ деньгахъ» о подобномъ типѣ ничего не скажешь. Островскій прекрасно понялъ это и потому въ позднѣйшія произведенія подобный типъ входитъ, какъ лицо второстепенное. Я говорю о Васильковѣ. Въ бытовыхъ пьесахъ мы видѣли дѣльцовъ, купцевъ и кулаковъ, не получившихъ никакого образованія; Васильковъ яблоко отъ той-же яблони, но только посаженной на нѣсколько лучшей почвѣ. Васильковъ получилъ высшее спеціальное образованіе и остался тѣмъ-же кулакомъ, даже, пожалуй, и похуже, чѣмъ его родитель. Въ немъ осталось даже самодурство и пошлость его отцовъ и дѣдовъ. Едва успѣлъ онъ познакомиться съ Чебоксаровой, какъ въ тотъ-же день въ подгулявшей, мало знакомой ему компаніи объявляетъ, что черезъ три недѣли Лидія Чебоксарова будетъ его женой (см. явленіе послѣднее, дѣйствіе первое) и даже предлагаетъ довольно большое пари. Тутъ-же онъ, не стѣсняясь, заявляетъ, что ему необходима такая жена, которая могла-бы занимать видное мѣсто въ обществѣ. Вскорѣ онъ дѣлаетъ формальное предложеніе Чебоксаровой. Она заявляетъ ему, что любви къ нему не чувствуетъ, а можетъ пока только уважать его; это его нисколько не смущаетъ и онъ женится. Жена, послѣ нѣсколькихъ ссоръ съ нимъ, только по совѣту матери, приласкала его, чтобы выманить такимъ образомъ денегъ на уплату долговъ, и онъ таетъ такъ-же, какъ Красновъ. Не отъ радости, конечно, что жена его любитъ (къ которой лично онъ не чувствуетъ особенной любви), а просто потому, что ласки красивой женщины вызываютъ въ немъ скотскія чувства. Подумаетъ, пожалуй, кто-нибудь, что онъ любилъ жену, потому что онъ ревновалъ, стрѣляться даже хотѣлъ. Вовсе это не отъ безграничной любви, а изъ самолюбія. Да, наконецъ, и просто, быть можетъ, потому, что онъ терялъ жену, необходимую «въ его дѣлѣ». Его послѣднее предложеніе женѣ кажется на первый взглядъ дикимъ, но стоитъ вспомнить, откуда Васильковъ, изъ какой среды, и тогда становится все понятно. На его мѣстѣ отецъ его прибилъ-бы свою жену и заперъ-бы въ темный чуланъ. Онъ-же драться

не могъ: человѣкъ высшаго образованія, да и терся большую часть своей жизни въ интелигентномъ кругу. Въ чуланъ запирать тоже дѣло неподходящее, а показать свою власть и силу все-таки надо, и вотъ онъ находитъ прекрасный выходъ сдѣлать изъ образованной жены экономку, находящуюся въ подчиненіи у необразованной женщины.

Не находя ни одной симпатичной черты у Василькова, я вовсе не хочу сказать, что онъ ниже Лидіи. Совсѣмъ нѣтъ. Они вполнѣ другъ друга стоятъ. Женщина, которая довольно откровенно предлагаетъ себя въ любовницы потому только, что у нея не хватаетъ денегъ на богатые наряды, не можетъ, конечно, вызвать сочувствія, но хорошъ и мужъ, который вслѣдствіе личныхъ выгодъ сохраняетъ супружескія отношенія съ подобной женщиной, хотя-бы даже и при нѣкоторыхъ условіяхъ! А условія, которыя предложилъ Лидіи Васильковъ, надо сознаться, довольно глупыя. Отъ исполненія этихъ условій она навѣрное не станетъ лучше, развѣ только похитрѣе сдѣлается и будетъ съ успѣхомъ надувать мужа. Но опять повторяю, что эти условія прекрасно характеризуютъ Василькова. При послѣдней сценѣ этой пьесы вы невольно вспоминаете Брускова и говорите себѣ, что таковы должны быть его сыновья, если на нихъ положить нѣкоторый лоскъ образованія и немного отшлифовать ихъ манеры. Но, кромѣ всего этого, Васильковъ типъ образованнаго кулака-міроѣда, только такого, которому нѣтъ надобности совѣтовать, какъ это дѣлаетъ Щедринъ, оставить мужику двугривенный на разводъ, чтобы получить за него рубль. Этотъ кулакъ если столкнется съ мужикомъ, то оберетъ его благородно, то есть оставитъ ему два двугривенные на разводъ, чтобы имѣть возможность впослѣдствіи стянуть съ него не рубль, а пять рублей. Человѣкъ, который смотритъ на женщину, какъ на дополненіе къ домашней обстановкѣ, имѣющее значеніе въ комерческихъ, да и всякихъ общественныхъ дѣлахъ, не можетъ быть честнымъ человѣкомъ.

Что касается до остальныхъ лицъ пьесы, то о нихъ право нечего сказать. Кому-же неизвѣстно, что Москва поставщица русскихъ Альфонсовъ, продающихъ себя съ публичнаго торга. Да и къ тому-же всѣ они на одинъ ладъ: самые обыкновенные мерзавцы, такъ что на всѣхъ этихъ Кучумовыхъ, Теляшевыхъ, Глумовыхъ, Дульчиныхъ не стоитъ тратить и пары словъ.

Такимъ образомъ, какъ я раньше сказалъ, комедія «Бѣшеныя деньги» занимаетъ первое мѣсто среди произведеній Островскаго, стремящихся стать въ ряды пьесъ съ общечеловѣческимъ характеромъ. Такое мѣсто принадлежитъ этой комедіи потому, что она даетъ новый типъ — современнаго купца, не похожаго по внѣшности на людей «темнаго царства», но сохранившаго многія ихъ внутреннія качества и умѣющаго болѣе тонко обдѣлывать свои подлыя дѣлишки.

Этотъ типъ повторяется и въ «Трудовомъ хлѣбѣ», но съ нѣкоторыми варіантами. Я говорю о Чепуринѣ, домохозяинѣ Корнѣлова, (учитель и главное дѣйствующее лицо пьесы). Чепуринъ не образованъ, но, не смотря на это, не походитъ на Брусковыхъ, Пузатовыхъ и tutti quanti, и болѣе подходитъ къ типу Василькова, хотя, конечно, съ большей внѣшней грубоватостью. Однако Чепуринъ тоже порядочная бестія, въ чемъ не трудно убѣдиться, стоитъ только спросить у него, откуда онъ добылъ себѣ состояніе. Онъ разскажетъ вамъ, что, придя въ Москву, нанялъ за ничтожную плату нѣсколько саженъ земли въ одномъ дворѣ, возлѣ забора прилегающаго къ улицѣ, построилъ деревянный шалашъ и сталъ торговать въ немъ водой и разными бездѣлками. Согласитесь, читатель, что честнымъ путемъ, подобнаго рода торговлей въ короткое время не наживешь капиталовъ для покупки дома, а Чепуринъ нажилъ, да мало того собирается обзавестись большимъ магазиномъ. Правда, Островскій, видимо, старается вызвать въ васъ чувство симпатіи къ Чепурину тѣмъ, что рисуетъ при всякомъ удобномъ случаѣ его простоту, но вѣдь Чепуринъ, такъ Чепуриномъ и останется и при случаѣ прекрасно надуетъ васъ. Конечно, въ данной пьесѣ Чепуринъ на второмъ планѣ, все дѣло въ идеѣ. Идея о трудовомъ хлѣбѣ—прекрасная вещь, но я долженъ сказать почтенному драматургу словами одного изъ лицъ этой пьесы: «Ваши мнѣнія о трудовомъ хлѣбѣ я уважаю, ихъ нельзя и не уважать... но...» (тутъ я продолжаю отъ себя) я не могу относиться съ уваженіемъ къ людямъ, которые фигурируютъ въ вашихъ сценахъ. Они дороги почтенному автору, но въ нихъ нѣтъ ничего такого, что заставило-бы читателя ихъ уважать. Ихъ только жалко... Это какой-то несчастненькій народецъ. Нельзя относиться съ уваженіемъ къ Корнѣлову, напр., который уроками добываетъ себѣ ежедневное пропитаніе, а въ случаѣ крайней необходимости въ деньгахъ идетъ просить взаймы у разбогатѣвшихъ пріятелей, при чемъ, чтобы доставить имъ удовольствіе, поетъ народныя пѣсни, а подчасъ даже пляшетъ. Что касается до Грунцова, студента, окончившаго университетскій курсъ, то мы и знаемъ о немъ только одно, что ему не стыдно сбѣгать въ лавочку за водой и что онъ готовъ заложить послѣдніе часы, чтобы доставить денегъ нуждающемуся пріятелю и купить фунтъ конфектъ для любимой женщины.

Къ Наташѣ, племянницѣ Корнѣлова, чувствуешь какое-то расположеніе только въ началѣ, потому что видишь въ ней прекрасную, добрую, любящую душу, а подъ конецъ Наташа поступаетъ крайне глупо и это уничтожаетъ хорошее понятіе о ней. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не глупость, потерявъ любимаго человѣка, связать свою жизнь навсегда съ человѣкомъ, котораго не любишь, да и въ добавокъ къ которому и уваженія питать не за что.

Словомъ, какъ ни хороша пьеса по идеѣ, по по выполненію она одна изъ самыхъ неудачныхъ, за то мы видимъ по этой пьесѣ хорошее отношеніе автора ко всему молодому, ко всѣмъ тѣмъ, кто не стремится жить только въ свою утробу.

«Трудовой хлѣбъ» Островскаго показываетъ намъ слабость его, когда онъ старается представить положительные типы; за то отрицательные типы почти во всѣхъ произведеніяхъ выступаютъ рельефно, даже въ «Послѣдней жертвѣ» и «Волкахъ и овцахъ» эти типы не дурны. Правда, въ «Послѣдней жертвѣ» мы не видимъ ничего новаго: всѣ лица—старые знакомые. Дульчинъ это тотъ-же Глумовъ въ деталяхъ. Глафира Фирсовна таже Красавина; Прибытковъ—переряженный Русаковъ; Лавръ, племянникъ Прибыткова—Кучумовъ изъ купцовъ новой формаціи. За то въ «Волкахъ и овцахъ» всѣ лица, кромѣ Чугунова, бывшаго члена уѣзднаго суда и Аполона Мурзавецкаго, новые.

Эта комедія, со стороны почтеннаго драматурга, ни больше, ни меньше какъ попытка воспользоваться для своихъ произведеній событіями текущей жизни. Всѣмъ намъ прекрасно памятенъ процесс игумены Митрофаніи, надѣлавшій въ свое время немало шума. Положимъ, Мурзавецкая далека отъ настоящей Митрофаніи, но этого автору нельзя ставить въ упрекъ, такъ какъ многое отъ него не зависѣло. Тѣмъ не менѣе эта пьеса насъ прекрасно знакомитъ со всей мерзостью новыхъ современныхъ дѣльцовъ. Какъ хорошъ Беркутовъ, появляющійся въ концѣ пьесы, разстраивающій всѣ планы Мурзавецкой, съумѣвшій обойдти такого доку, какъ Чугуновъ! Беркутовъ одинъ изъ тѣхъ новыхъ людей, которые всѣ свои подлости умѣютъ обставить такимъ образомъ, что никакіе законы не въ состояніи ихъ осудить. Беркутовъ, разумѣется, не Юханцевъ, не Струсбергъ, но онъ хуже ихъ, онъ опаснѣе для общества. Беркутовъ никогда не предприметъ ничего рискованнаго и никогда не кинется въ омутъ роскоши; не станетъ сорить деньгами, нажитыми не честнымъ путемъ. Онъ знаетъ, что, такимъ образомъ, легче всего могутъ выплыть наружу темныя стороны его дѣлъ и дѣлишекъ. Подобные люди въ свои плутни ловко втягиваютъ другихъ и дѣлаютъ ихъ отвѣтчиками за свои преступленія. Мало того, Беркутовы никогда не чувствуютъ угрызеній совѣсти, потому что всегда стараются найдти законное оправданіе своимъ дѣйствіямъ. Это тѣ самыя лица, которыя учавствуютъ въ преступленіяхъ Юханцевыхъ, Струсберговъ, Митрофаній, Гулакъ-Артемовскихъ и, въ концѣ концовъ, остаются въ сторонѣ. О нихъ какъ судъ, такъ и общество имѣютъ самое смутное понятіе. Беркутовы всегда пользуются уваженіемъ общества, почетомъ и богатствомъ, постоянно выѣзжая на спинахъ такихъ дураковъ, какъ Юханцевы. По отношенію къ Беркутовымъ всѣ наши знаменитые воры не болѣе, какъ овцы, какъ прекрасно назвалъ подобныхъ субъектовъ Островскій.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ пьесахъ Островскаго. Послѣднія пьесы въ родѣ «Безприданницы» и «Сердце не камень» ничего новаго не даютъ намъ, но и жизнь наша не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, да, наконецъ, и новизну эту наблюдать старику, потрудившемуся около тридцати лѣтъ на литературномъ поприщѣ, довольно трудно. А. Н. Островскій сослужилъ свою службу русскому обществу и о ней-то и его значеніи я и намѣренъ поговорить съ читателемъ въ слѣдующей главѣ. О многихъ произведеніяхъ Островскаго я не вспомнилъ даже; я не однимъ словомъ не упомянулъ, напр., о «Шутникахъ», «Доходномъ мѣстѣ», «Правда хорошо, а счастье лучше», «Бѣдной невѣстѣ» и другихъ. Я не говорилъ объ этихъ пьесахъ потому только, что онѣ служатъ какъ-бы дополненіемъ къ тѣмъ, о которыхъ мнѣ приходилось говорить. Я пропустилъ также еще одинъ типъ—актера, фигурирующій въ пьесахъ «Лѣсъ» и «Безприданница», но объ этомъ типѣ я скажу нѣсколько словъ въ слѣдующей и послѣдней главѣ моей нѣсколько затянувшейся статьи.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

На краю пропасти.

Повѣсть **Л. Гербетъ**. Переводъ **М. Л—ой**.

(*Продолженіе.*)

IX.

Самыя противоположныя чувства мучительно терзали сердце Клотильды въ тѣ тяжелые дни, когда состояніе здоровья больного измѣнялось по нѣсколько разъ и въ тѣ безсонныя ночи, когда она подходила къ его постели и старалась облегчить его страданія. То охватывала ее жалость, сострадание, даже нѣжность, то вдругъ она чувствовала, что рана въ ея сердцѣ не зажила; оскорбленіе, горькая обида поднимались со дна ея души. Тѣмъ временемъ Ганна сидѣла одна въ пустыхъ комнатахъ и изнывала отъ безпокойства неизвѣстности; куда уѣхала ея госпожа, отчего ея нѣтъ до сихъ поръ! «Ахъ, зачѣмъ я, вмѣсто того, чтобы стеречь отцовскихъ гусей, не училась грамотѣ; тогда, можетъ быть, милая моя барынька написала-бы мнѣ. А теперь она знаетъ, что это напрасный трудъ; не пришлетъ она мнѣ письма!»

Наконецъ, послѣ долгихъ дней тщетнаго ожиданія, однажды утромъ приходитъ къ Ганнѣ пріятельница Клотильды съ письмомъ въ рукахъ.

— Ну, милая Ганна, вотъ вамъ и новость. Ваша барыня домой ѣдетъ! И работы ужь будетъ вашимъ старымъ ногамъ и трудолюбивымъ рукамъ! Г-жа фонъ-Браунекъ ѣдетъ не одна.

Пріятельница Клотильды передала Ганнѣ все, что случилось за послѣднее время, все, что Клотильда поручила разсказать своей вѣрной нянѣ. Ганна слушала, раскрывъ ротъ отъ удивленія и со слезами на глазахъ. По временамъ она всплескивала руками и раскачивала сѣдой головой на подобіе маятника.

— Господи Боже мой! и что-же это такое? и на что-же это похоже? вотъ они мужчины каковы! Я всегда думала, что у моей барыньки что-то есть тяжелое на сердцѣ, но ужь этого мнѣ и во снѣ не снилось. И какъ она все переносила! Царь ты мой небесный! Кажется, и во всемъ свѣтѣ не встрѣтишь ничего подобнаго!

— Да, милая Ганна, ваша барыня настоящая героиня. Теперь, однако, постарайтесь придти въ себя; къ вечеру надо все устроить; комнату г-жи фонъ-Браунекъ надо приготовить для больного и какъ можно удобнѣе, чтобы все, что только есть въ домѣ, было къ его услугамъ. Горница, которая рядомъ, та для васъ, чтобы вы всегда находились тутъ-же, у него подъ рукой...

Насталъ вечеръ и часъ, въ который старуха должна была ожидать своихъ господъ. Сердце ея сильно билось и она никакъ не могла вообразить себѣ, какова будетъ ея встрѣча съ человѣкомъ, который сдѣлалъ такую вопіющую несправедливость въ отношеніи ея дорогой барыни. Но когда изъ кареты, привезшей ея господъ съ желѣзной дороги, съ трудомъ вышелъ смертельно-блѣдный, слабый и слѣпой человѣкъ и, опираясь на ея старческія плечи, едва передвигая ноги, переступилъ порогъ дома—состраданіе такъ переполнило сердце Ганны, что для иного чувства въ немъ не осталось болѣе мѣста. Заботливо помогла она ему лечь въ удобную постель, которую сегодня утромъ готовила почти съ отвращеніемъ и, сложивъ руки, радостно наблюдала, какъ онъ засыпалъ спокойнымъ сномъ. Когда Ганна пошла къ Клотильдѣ, она застала ее сидящую въ своемъ кабинетѣ. Усталые глаза ея были закрыты и руки бездѣйственно лежали на колѣнахъ. Она открыла глаза, ласково посмотрѣла на няню и молча подала ей руку. Сердце старухи было переполнено; она не владѣла собой и въ порывѣ благоговѣйнаго обожанія кинулась на колѣни передъ молодой страдалицей; громко зарыдавъ, она спрятала смоченное слезами лицо свое въ колѣни своей госпожи. Клотильда не препятствовала ей плакать, но старалась сдерживать свои собственныя слезы. Потомъ она подняла сѣдую голову няни и, заглянувъ глубоко въ ея старческіе, преданные глаза, проговорила:

— Дорогая Ганна, ты знаешь теперь, какое я скрывала горе. Не будемъ объ этомъ говорить! Я желала бы вынуть жало изъ моего сердца, но не могу; я чувствую, что оно пустило слишкомъ глубокіе корни. Боюсь, что и время мнѣ не поможетъ... Ты понимаешь меня, Ганна, не правда-ли? Обѣ мы будемъ молча исполнять нашу обязанность.

X.

Растаялъ послѣдній снѣгъ. Дыханіе весны согрѣвало землю и призывало къ жизни все уснувшее въ нѣдрахъ ея. Цвѣты въ садикѣ Клотильды тоже пробудились отъ зимней спячки и солнце ласково заглядывало въ окна ея домика, находящагося въ одномъ изъ дрезденскихъ предмѣстій. Но ни весенній воздухъ, ни солнечный свѣтъ не были въ состояніи изгнать холодныя тѣни, водворившіяся въ немъ съ зимы. Тяжелая, мрачная сосредоточенность лежала на лицахъ тѣхъ трехъ особъ, которыя по временамъ выглядывали изъ оконъ и смотрѣли на зеленѣющій міръ Божій. Обѣ женщины, конечно, совершили свою обязанность, но сознаніе исполненнаго долга не приносило имъ ни радости, ни душевнаго спокойствія. Ганна въ душѣ своей почувствовала жестокій разладъ: оскорбленіе, нанесенное ея дорогой госпожѣ, тяжелымъ камнемъ лежало на ея сердцѣ и она страдала вмѣстѣ съ Клотильдой, но теперь ей иногда случалось улавливать себя въ томъ, что въ глубинѣ души своей она чувствуетъ относительно Рудольфа слишкомъ теплое, не заслуженное имъ, по ея мнѣнію, состраданіе. Его терпѣніе при страданіяхъ, благодарность за услуги, ласковость въ обращеніи, смиренное благоговѣніе передъ Клотильдой и сердечная забота о труженицѣ, часто имъ выражаемая въ разговорахъ съ няней—говорили въ его пользу. Но когда она возобновляла въ памяти своей всю скорбь Клотильды, безъисходное горе, которое едва не разбило ея сердца,—справедливый гнѣвъ охватывалъ Ганну, гнѣвъ на человѣка, который былъ виной этого горя. Потомъ, не пройдетъ и часа, увидитъ она виновника скорби, погруженнаго въ мрачныя думы, невидящаго, неслышащаго ничего о томъ, что пришла весна и врывается къ нему черезъ отворенную дверь съ солнечнымъ лучемъ, съ пѣніемъ птицъ и благоуханіемъ цвѣтовъ, и жесткимъ покажется старушкѣ, что у Клотильды никогда не находится для него, ни привѣтливаго слова, ни ласковаго взгляда. Правда, она безъ устали работала для него, лишала себя ради него всего даже необходимаго, даже того, что за послѣдніе одинокіе годы приносило ей хоть какую-нибудь отраду. А сама Клотильда? О, она не узнавала себя! Куда дѣвалось удовольствіе, которое она находила въ трудѣ, гдѣ тѣ кроткія, мягкія ощущенія ея дѣтства, которыя помогали ей такъ легко прощать всякія, причиняемыя ей огорченія или непріятности? Безнадежная тоска овладѣвала ею. Она говорила сама себѣ: «я должна работать, не покладая рукъ, я не должна смыкать глазъ до тѣхъ поръ, пока онъ, выздоровѣвшій вполнѣ, не вступитъ снова въ жизнь»,—она говорила это себѣ, но все-же и при этомъ ее охватывало глубокое, страстное желаніе умереть.

Хотя съ трудомъ, но все-таки она еще могла выносить свое душевное состояніе въ то время, когда Рудольфъ, какъ чужой ей, безпомощно лежалъ на одрѣ болѣзни и она старалась облегчить его страданіе. Но когда мало-по-малу возстановлялись его силы и возвращалось зрѣніе, и она однажды почувствовала на себѣ взглядъ его, полный нѣжности, жало въ ея груди дало себя сильнѣе почувствовать. Съ той минуты она стала избѣгать его комнату и попеченіе о больномъ почти исключительно предоставила Ганнѣ.

Однажды утромъ Клотильда сидѣла за письменнымъ столомъ и углубилась въ занятіе; она поправляла письменныя работы своихъ учениць. Рудольфъ звонилъ уже во второй разъ, а Ганна по какой-то странной случайности не отвѣчала на его зовъ. Клотильда пошла на кухню, въ комнату Ганны—Ганны нигдѣ не было; тогда она вернулась въ кухню и увидала приготовленный Рудольфу и, вѣроятно, ожидаемый имъ завтракъ, стоящій на плитѣ. Послѣ минутнаго колебанія, она взяла его и сама отнесла больному. Лучъ радости разлился по исхудавшему лицу Рудольфа, когда онъ такъ неожиданно увидалъ Клотильду на порогѣ своей комнаты.

— Клотильда! ты сама безпокоилась, сказалъ онъ и съ сердечнымъ порывомъ протянулъ ей свою прозрачную отъ худобы руку.

— Ганна, вѣроятно, ушла со двора, отвѣтила Клотильда сдавленнымъ голосомъ.—Я не хотѣла заставлять тебя голодать.

— Благодарю тебя, ты воплощенная доброта... Но если...

Она взглянула на него вскользь и онъ запнулся.

— Что-же, «если»? спокойно спросила она.— Не нужно-ли тебѣ еще чего-нибудь?

— Клотильда! воскликнулъ онъ внезапно; долго сдерживаемое страданіе со страстностью рвалось наружу.—Клотильда! дай мнѣ яду, будь милосерда! Не допускай меня медленно гибнуть въ терзаніяхъ, которыя гложатъ меня, виноватаго!

Клотильда была потрясена, дрожь пробѣжала по ней, глаза наполнились слезами. Но сквозь дымку слезъ внезапно и не прошено, подобно злому духу, возникъ ненавистный образъ красивой женщины, которая когда-то такъ безпощадно, такъ смертельно ранила ея сердце, образъ той женщины, за которую онъ предалъ ее...

— Твои нервы еще слишкомъ возбуждены, сказала Клотильда и отступила на нѣсколько шаговъ.—Ты долженъ стараться избѣгать всякаго волненія. Не будемъ касаться такихъ предметовъ, существованія которыхъ никогда, никогда не уничтожишь. Мы оба, ты и я, должны всю жизнь нести послѣдствія случившагося!

— Клотильда, еще одно слово, воскликнулъ онъ и протянулъ дрожащія руки свои вслѣдъ убѣгающей женѣ.

Но она уже не слушала его. Колѣни ея подогнулись, когда она дошла до своей комнаты. Цѣлая буря поднялась въ ея груди, сердце билось неровно; она чувствовала острую, жгучую боль.

Рудольфъ, потрясенный до мозга костей, въ обморокѣ упалъ назадъ въ своемъ креслѣ; когда же Ганна черезъ часъ вошла къ нему, онъ все еще сидѣлъ въ томъ-же положеніи, съ закрытыми глазами и нетронутый завтракъ стылъ на столѣ.

Съ этого дня Рудольфъ ежедневно, едва передвигая ноги, отправлялся въ садикъ и старался укрѣпить свои силы медленными прогулками взадъ и впередъ въ тѣни деревьевъ. Состояніе духа его день ото дня становилось сумрачнѣе; выраженіе блѣднаго лица мрачнѣе. Добрая старая Ганна, въ сильномъ огорченіи, была какъ между двухъ огней; съ одной стороны, сумрачный господинъ ея; съ другой — точно окаменѣлая, молодая барыня. Она не узнавала ни того, ни другого. «Вѣдь это дурно кончится», думала она.

— Охъ, Боже ты мой! Я боюсь, какъ-бы баринъ опять не занемогъ, робко сказала Ганна однажды, въ воскресный вечеръ, Клотильдѣ.— Онъ сегодня и крохи въ ротъ не бралъ, я видѣла только, что онъ поспѣшно выпилъ стаканъ вина. Онъ, можетъ быть, и самъ думаетъ, что заболѣетъ, потому что, зачѣмъ-бы ему прибирать все такъ акуратно въ своей комнатѣ, какъ въ былое время онъ это дѣлалъ, собираясь въ дорогу.

Клотильда молчала.

— Даже ящикъ съ пистолетами, который намъ сюда переслали съ его военнымъ платьемъ, онъ сегодня осматривалъ и все выбралъ и перечистилъ; теперь положилъ его въ шкафъ. А самъ-то онъ, бѣдный, какой блѣдный, въ своемъ черномъ сюртукѣ, даже смотрѣть страшно, сидитъ теперь и пишетъ...

— О, Ганна! какъ ты все преувеличиваешь! нетерпѣливо прервала ее Клотильда.—Я сегодня видѣла его, когда онъ возвращался съ прогулки — вовсе онъ не былъ блѣднѣе обыкновеннаго.

— Я вѣдь говорю только то, что вижу и знаю, и хотѣла только сказать, что... если... бы...—Ганна говорила робко, запинаясь и пощипывая въ сму-

щеніи тесемки своего передника,— что если-бы вы хоть разъ сказали ему ласковое слово, ему, можетъ быть, скоро и стало-бы полегче. Конечно, онъ тяжело согрѣшилъ противъ васъ, но уже и искупленіе было какое! прибавила она тихо.

— Ганна! вспылила Клотильда,—не думаешь ли ты, что я страдаю менѣе его?

— Сохрани меня Богъ отъ подобныхъ мыслей. Дожили до горя старые глаза мои; видятъ они, какъ чахнетъ моя дорогая барыня!

— Ну, и не увеличивай зла, не дотрогивайся до раны; у насъ-же былъ уговоръ молчать объ этомъ.

И, не дожидаясь отвѣта Ганны, Клотильда быстро отвернулась, схватила перо и снова начала писать. Когда преданная старушка ушла съ тяжелымъ вздохомъ и Клотильда оказалась одна, она отложила перо.

«Онъ тоже пишетъ, думала она,— что-же онъ пишетъ? И что все это значитъ? Не хочетъ-ли онъ уйдти тайкомъ. Но, куда? Или жизнь ему становится невыносима въ этомъ домѣ? О, Боже! что за жизнь! простонала она. — А моя жизнь развѣ сноснѣй?»

Она, по обыкновенію, углубилась въ свои мрачныя мысли. Настала ночь, а она все еще сидѣла одна, опустивъ голову на руки; какой-то шорохъ въ тишинѣ ночи послышался изъ комнаты Рудольфа, которая отдѣлялась отъ ея горницы узкимъ коридоромъ. Странное безпокойство овладѣло ею. «Онъ еще не спитъ? не легъ? отчего не ложится? Ему такъ нуженъ покой!»

Она прокралась въ коридоръ и старалась въ замочную скважину одной, всегда затворенной двери въ комнату Рудольфа увидать, что тамъ дѣлается, но напрасно. Какая-то непроницаемая тѣнь загораживала ей свѣтъ съ той стороны. Она приложила ухо къ двери и пробовала слушать. Отъ времени до времени она слышала ходьбу взадъ и впередъ по комнатѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по временамъ, раздавалось явственно щелканье замковъ. Потомъ все стихало и стихло, наконецъ, до такой степени, что она услыхала даже тяжелый вздохъ. Она тоже невольно вздохнула. И вотъ, въ эти минуты, когда она стояла одиноко у двери, въ тишинѣ ночи, прислушиваясь къ его движеніямъ, воображеніе ея начало рисовать ей его образъ, его черты, выраженіе его лица. Ей стало жалко, что онъ все такой согбенный, такой слабый, что кожа его такъ безцвѣтна и глаза такіе усталые и печальные. Сколько недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ она привезла его сюда съ добрымъ намѣреніемъ вылѣчить его, окруживъ его своими и Ганниными попеченіями. И что-же она сдѣлала для него? Достаточно-ли того, что она заботится о его пищѣ и питьѣ, что она призываетъ къ нему хорошаго врача и снабжаетъ больнаго лекарствами? Что-же надо еще сдѣлать? Гдѣ въ мірѣ найдется женщина, которая простила-бы и забыла надругапіе надъ своей любовью? Да! но развѣ она не простила ему уже тогда, когда откликнулась на его зовъ и явилась къ умирающему. По забыть? забыть? Она не успѣла отвѣтить себѣ на этотъ мысленный вопросъ потому, что снова послышалось движеніе. Казалось болѣзненный стонъ вырывался изъ груди Рудольфа. Тихіе, жалобные звуки, похожіе на непонятныя слова проникали въ ту дверь, къ которой прислонялась Клотильда. Снова послышались шаги и потомъ осторожное отпираніе противоположной двери, ведущей изъ комнаты Рудольфа на просторную площадку. Она прокралась къ маленькому коридорному окну и услыхала, что потихоньку повернули ключъ во входной двери. Не смотря на темноту ночи, она острымъ зрѣніемъ разсмотрѣла высокую, но согбенную фигуру своего мужа, идущаго невѣрными шагами и быстро исчезавшаго въ темнотѣ. Что такое было у него подъ мышкой? Куда шелъ онъ въ поздній ночной часъ?

Клотильда хотѣла постучать въ окно, позвать его, но остановилась. Развѣ прежде она заботливо окликала его, когда онъ выходилъ изъ дому? Зачѣмъ-же дѣлать это теперь?

Она постояла еще нѣкоторое время, прислушивалась, но повсюду было тихо. Ей стало жутко и колѣни ея задрожали, она сама не понимала почему. Что-же могло быть необыкновеннаго и страшнаго въ томъ, что Рудольфъ прежде, нежели лечь спать, захотѣлъ сдѣлать маленькую прогулку въ теплый лѣтній вечеръ? Конечно, это была необдуманность и неосторожность со стороны выздоравливающаго, потому что, кажется, уже пробило 12 на церковной башнѣ. Мысли ея неслись дальше. Поѣзда тоже уже нѣтъ, слѣдовательно, уѣзжать теперь нельзя. Но куда-же, куда онъ пошелъ? Горитъ-ли огонь въ его комнатѣ? Надо пойдти посмотрѣть.

Она ушла съ площадки, на которой все еще стояла, быстро пошла къ себѣ и взяла лампу, но такъ поспѣшила, что лампа погасла. Руки ея дрожали такъ-же, какъ колѣни, и она съ трудомъ розыскала спички; едва была она въ состояніи зажечь лампу и, когда свѣтъ снова разлился вокругъ нея, она отворила дверь въ комнату Рудольфа; тамъ было темно. Она переступила порогъ и увидѣла его осиротѣлую, нетронутую постель; жутко было въ покинутомъ покоѣ. Свѣтъ отъ лампы упалъ на два свѣтлыхъ предмета, рядомъ лежавшихъ на столѣ, передъ темнымъ диваномъ. Клотильда подошла ближе. Одинъ изъ нихъ была фотографія—ея портретъ, подаренный ему, когда она была невѣстой. Рядомъ лежало письмо на ея имя. Она поставила лампу на столъ, потому что руки ея задрожали сильнѣе. На портретѣ заблестѣла капля при свѣтѣ лампы, она подумала: «Это слеза!»—«Точно брилліантъ!» пришло ей въ голову, не смотря на страхъ, заставлявшій сердце ея биться сильнѣе. Она разорвала конвертъ трепещущей рукой и впилась въ письмо жадными глазами.

«Дорогая Клотильда, ты, которую я когда-то имѣлъ право называть своей! Клотильда, которую я, въ безумномъ ослѣпленіи своемъ, позорно предалъ, ангелъ, полный милосердія, представшій передъ убогимъ ложемъ моимъ и вырвавшій меня изъ рукъ смерти, прости мнѣ, прости послѣднюю скорбь, которую я тебѣ готовлю! Повѣрь, намъ такъ обоимъ будетъ лучше. Благородное сердце твое полно высокихъ чувствъ, но оно не въ состояніи перенести горькой обиды, пока виновникъ передъ твоими глазами. Она гложетъ тебя, точитъ безъ отдыха, какъ червь, и подточитъ твою жизнь. Когда-же не станетъ грѣшника—твоя смущенная душа вновь обрѣтетъ покой. Забвеніе, какъ елей, хотя и медленно, но залѣчитъ твою рану. А я? Клотильда! умереть еще одинъ разъ, когда я уже испытывалъ тысячи смертей, не должно быть тяжело. Я иду въ маленькую рощицу за твоимъ садомъ и отыщу тихое мѣстечко, гдѣ созрѣло мое рѣшеніе. Тамъ, подъ дубомъ, около пруда, ты найдешь меня завтра, уснувшаго навѣки. Когда уложишь меня на вѣчный покой, положи свой портретъ на мою грудь — я никогда не разставался съ нимъ, даже въ самые темные дни моей жизни. Я разлучаюсь съ нимъ на очень короткое время, для того, чтобы, если кто-нибудь найдетъ меня до тебя, образъ твой не попалъ-бы въ чужія равнодушныя руки. Прощай, Клотильда! Ты чистая, высокая. Полный благодарности, цѣлую я твои дорогія руки. На сердцѣ у меня стало легко и свободно, точно я снова сдѣлался достойнымъ тебя. Прости меня. Рудольфъ».

Когда Клотильда, задыхаясь, дочитала до конца, она тихо вскрикнула и упала, но страхъ не допустилъ ее потерять сознаніе. Она быстро поднялась.

«О, сколько золотого времени потеряно съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣла, выходящимъ изъ дома», думала она въ отчаяніи. Не накинувъ ничего на себя, она бросилась изъ дому. Она знала низенькое мѣстечко въ огородкѣ сада и хотѣла, для сокращенія пути, перебраться черезъ заборъ, при помощи всегда находящейся тамъ лѣстницы. Этимъ выигрывалось время и являлась возможность скораго спасенія. Но, увы! по несчастной случайности, лѣстницы не оказалось на томъ мѣстѣ, гдѣ она всегда висѣла, а найдти ее въ темнотѣ ночи и въ тѣни деревьевъ—было невозможно. Ей пришлось вернуться снова въ домъ, пройдти другимъ ходомъ, обогнуть садъ; съ замирающимъ сердцемъ облетѣла она это пространство. Мысли въ головѣ ея бурно неслись, точно небесныя тучи, закрывающія луну. «О, Боже мой! думала она,—я высокая, чистая! я его убійца, если мнѣ не удастся вырвать оружіе изъ его руки. Царь мой Небесный! неужели ты допустишь, чтобы онъ ускользнулъ отъ меня, чтобы я лишилась возможности загладить преступленіе, вызванное жестокостью моего сердца. Отчего я не послушалась Ганны, когда она предупреждала меня? Сегодня вечеромъ еще было-бы время! Да, она права. Тяжко было искупленіе его грѣха!»

Силы едва не измѣнили ей, когда Клотильда достигла длинной аллеи, ведущей къ рощѣ. Она была принуждена прислониться къ дереву и перевести духъ. Тогда съ новыми силами она побѣжала дальше, вдоль утрамбованной дорожки. Легкая тѣнь отъ мѣсяца, заволакиваемаго тучами, набѣгала на дорожку и мчалась съ ней рядомъ, будто убѣгающій призракъ. Ужасъ охватилъ ее и гналъ все съ большею и большею поспѣшностью. Наконецъ она достигла рощицы и сокращеннымъ путемъ побѣжала къ указанному мѣстечку, которое когда-то было и ея любимымъ мѣстомъ отдохновенія. При послѣднемъ поворотѣ она остановилась и начала прислушиваться. Кругомъ все тихо, тихо до ужаса. А! вотъ легкій звукъ! Незнакомый ей звукъ, но предчувствіе подсказало ей, что спускался курокъ.

— Рудольфъ, Рудольфъ, стой! закричала она насколько возможно громко и все бѣжала впередъ.—Рудольфъ, я здѣсь, я, твоя Клотильда!

Раздался выстрѣлъ. Гулкимъ эхо отдался онъ въ рощѣ.

Безъ памяти летѣла она дальше, пока не достигла дуба, близъ прудика. Тамъ, прислонясь къ дереву, сидѣла темная фигура, низко склонивъ голову къ колѣнамъ. Клотильда безъ чувствъ упала рядомъ съ ней...

Когда она пришла въ себя, мѣсяцъ, освободившійся отъ тучъ, свѣтилъ ей въ лицо. Она почувствовала себя въ чьихъ-то нѣжныхъ объятіяхъ. Чье-то теплое дыханіе касалось ея щекъ. Путаясь въ мысляхъ, она медленно подняла вѣки и увидала склоненный къ ней взоръ, полный страха и заботливой нѣжности.

— Рудольфъ, ты живъ?! воскликнула она и быстро подняла голову отъ его колѣнъ. — Рудольфъ, это не сонъ?

— Нѣтъ, Клотильда, это не сонъ, прошепталъ онъ въ слезахъ.—Я живъ. Клотильда! Я сидѣлъ вотъ здѣсь и только-что хотѣлъ съ собой покончить. Но когда я вдругъ, среди этой тишины, услыхалъ твой зовъ — силы меня оставили. Пистолетъ выстрѣлилъ самъ собой... я еще слышалъ этотъ звукъ прежде, чѣмъ лишился чувствъ.

— Рудольфъ, воскликнула она и стала около него на колѣни; она схватила его руки, сложила ихъ, какъ на молитву, и, вмѣстѣ съ своими, молча подняла ихъ кверху, въ сіяніе луны, къ прояснившимся небесамъ. Потомъ она, рыдая, положила голову свою къ нему на грудь въ

ИЗЪ ГАЛЕРЕИ М. П. БОТКИНА.

КАРТИНА ДЮГРО.

Кардиналъ Медичи упрекаетъ своего брата.

Рисовалъ съ оригинала П. Чистяковъ; рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

торжественной тиши ночи, безъ словъ. Это было воскресеніе ихъ любви.

Я видѣлъ Клотильду невѣстой, осѣненную ореоломъ счастія. Потомъ пришлось мнѣ жить невдалекѣ отъ нея въ то время, когда зашло солнце ея благополучія и она съ поблѣднѣвшими щеками, но съ твердымъ духомъ, «въ слезахъ свой ѣла хлѣбъ», какъ говоритъ Гёте. Затѣмъ я опять увидѣлъ ее, вновь разцвѣтающую розу, прелестную, въ пышномъ блескѣ строгой, созрѣвшей красоты. Однажды, лѣтнимъ днемъ, она сидѣла на верандѣ, обвитой виноградомъ, на бывшей дачѣ своего дяди, перешедшей во владѣніе ея, вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, по волѣ завѣщателя. Она протягивала бѣлыя руки свои къ смѣющемуся мальчугану, котораго мужъ ея держалъ на рукахъ.

— Дай мнѣ его сюда, Рудольфъ, и садись къ намъ. Отдохни немного отъ упорнаго труда. Ахъ! какъ ты блѣденъ!

— Неужели-же дорогіе твои глазки все еще не могутъ привыкнуть къ моему обычному цвѣту лица? весело спросилъ онъ жену, садясь около нея. — Будь спокойна, душа моя! Мнѣ хорошо, въ особенности тогда, когда я много поработаю.

Клотильда была права, онъ все еще былъ блѣденъ. За то въ сіяющихъ глазахъ его выражалось сознаніе серьезной мысли и нѣкогда согбенный станъ его выпрямился въ полномъ развитіи мужественной силы.

«Они у вѣрной пристани, подумалъ я, смотря на нихъ.—Да хранитъ ихъ Богъ!»

Разъ въ мѣсяцъ.

Бесѣда **И. Василевскаго (Буквы).**

Великосвѣтское сектантство.

Позвольте мнѣ познакомить васъ на этотъ разъ съ однимъ новымъ, довольно любопытнымъ и своеобразнымъ, общественнымъ явленіемъ. Я говорю о многочисленномъ религіозномъ кружкѣ, сгруппировавшемся втеченіи нынѣшняго сезона вокругъ В. А. Пашкова. Имя это должно быть вамъ уже нѣсколько извѣстно. Оно неоднократно попадалось въ ежедневныхъ, преимущественно однако въ духовныхъ, газетахъ и журналахъ при очень разнообразномъ освѣщеніи. Въ то время, когда одни готовы были видѣть въ г. Пашковѣ страстнаго, убѣжденнаго и увлекающаго проповѣдника, дѣйствующаго какъ бы по наитію свыше, другіе расположены были смотрѣть на него, какъ на представителя скучающаго довольства и забавляющагося ничего-недѣланія, а третьи указывали на г. Пашкова, какъ на опаснаго врага, колеблющаго въ корняхъ христіанскую догму, какъ на новатора очень рискованнаго, неосмотрительнаго и вполнѣ заслуживающаго внѣшнихъ ограничительныхъ мѣръ.

Я постараюсь набросать характеристику г. Пашкова и его ученія безъ всякой предвзятой мысли, sine ira et studio.

I.

Въ томъ мѣстѣ безлюдной и строго аристократической Гагаринской набережной, гдѣ она почти примыкаетъ къ Литейному мосту, имѣя передъ собою просторно-чудный видъ на раскинувшуюся настоящимъ заливомъ Неву, бокъ-о-бокъ съ барскими палатами старинныхъ фамилій, стоитъ и домъ, служащій гражданскимъ соборомъ пашковской секты. Домъ этотъ принадлежитъ В. А. Пашкову и отличается необыкновенною внутреннею роскошью. Онъ относится къ тому-же типу петербургскихъ частныхъ дворцовъ, которые служатъ зимними резиденціями Бѣлосельскихъ - Бѣлозерскихъ, Строгоновыхъ, Шереметьевыхъ, Юсуповыхъ и другихъ боярскихъ родовъ, и донынѣ владѣющихъ огромными наслѣдственными богатствами. Это очень цѣнныя хранилища настоящихъ художественныхъ произведеній, рѣдкостей и предметовъ роскоши, великолѣпныя созданія чудовищныхъ денегъ, послѣдовательнаго многолѣтняго накопленія и тонкаго изощреннаго вкуса. Глава новой секты, носящей въ общежитіи наименованіе «Пашковцевъ», г. Пашковъ пользуется именно такою обстановкою. Прекрасная мраморная лѣстница съ зеркалами-монстръ, статуями, съ каминомъ артистическихъ формъ и купами тропическихъ растеній, съ цѣлою толпою гербовой и ливрейной челяди вводитъ въ длинную амфиладу комнатъ, служащихъ какъ бы музеемъ картинъ, старинной бронзы, художественной мебели разныхъ стилей, фарфора, шелковыхъ стѣнныхъ обоевъ и превосходныхъ лѣпныхъ простѣночныхъ и плафонныхъ барельефовъ и орнаментовъ.

Еженедѣльно, по воскресеньямъ въ 8 ч. вечера, вестибюль пашковскаго дома довольно быстро наполняется не совсѣмъ для него обыкновенною публикою. Посѣтители пріѣзжаютъ въ каретахъ, подкатываютъ на извощикахъ, но приходятъ и пѣшкомъ, шлепая по мрамору резиновыми калошами или оставляя на немъ слѣды смазныхъ сапогъ и неуклюжихъ башмаковъ. Двери стоятъ раскрытыми и ливрейные камердинеры исполняютъ свое дѣло съ подобающимъ достоинствомъ и даже не безъ нѣкотораго снисходительнаго величія, но внимательно и предупредительно. Посѣтителей при входѣ какъ-то очень ловко и незамѣтно раздѣляютъ на двѣ групы: такъ называемая, «чистая публика» идетъ ошую и направляется въ сборную залу черезъ кабинетъ г. Пашкова, а путь «разночинцевъ», различныхъ сѣренькихъ, ничего своею наружностью не говорящихъ субъектовъ, лежитъ одесную. Въ распоряженіе первой категоріи предоставлены штофныя кресла и ближайшія мѣста къ кафедрѣ проповѣдника; вторая-же категорія отчасти сидитъ на деревянныхъ стульяхъ, отчасти пребываетъ, стоя въ глубинѣ залы, отдѣленной отъ аванзалы нѣсколькими дорическими колонами, откуда внимаетъ поученіямъ. При входѣ въ залу какъ съ одной, такъ и съ другой стороны нѣсколько дамъ благотворительнаго вида, въ черномъ, раздаютъ книжки посѣтителямъ. Это—«Любимые стихи»— сборникъ духовныхъ кантатъ, сочиненныхъ г. Пашковымъ и распѣваемыхъ его единовѣрцами. Я скажу ниже объ этой любопытной книжкѣ.

II.

Великосвѣтскія радѣнія происходятъ въ большой и очень эфектной бальной залѣ, по правдѣ говоря, не особенно гармонирующей съ благочестиво - религіознымъ характеромъ собранія. Кажется, что вотъ-вотъ эта веселая и нарядная зала огласится звуками бойкой и шикарной французской кадрили и воспріемлетъ въ свои объятія цѣлый рой щегольскихъ, раздушенныхъ, кокетливо-улыбающихся и граціозно изъ-за вѣеровъ нашептывающихъ салонныхъ львицъ въ сопровожденіи сіяющихъ физіономіями и вырѣзными грудями и расфранченныхъ кавалеровъ. Вся зала испещрена лѣпными украшеніями очень мелкой и старательной работы. Легкокрылые амуры, въ одиночку и групами, стрѣляютъ изъ луковъ, играютъ на тамбуринахъ и флейтахъ, пляшутъ въ разнообразныхъ вакхическихъ позахъ. Двѣ огромныя бронзовыя люстры съ сотнею свѣчей каждая, кажется, едва выдерживаютъ свою тяжесть. По стѣнамъ, на мѣдныхъ бра, лампы съ огромными матовыми шарами. Солидныя, двойныя портьеры изъ желтой штофной матеріи опущены и старательно задернуты, мозаичный паркетный полъ съ перламутровою инкрустаціею блеститъ ослѣпительно, ждетъ-не дождется легкаго прикосновенія вальсирующихъ ножекъ и только не достаетъ рѣшительнаго взмаха дирижерскаго жезла. Въ залѣ, впрочемъ, есть кое-какія приспособленія къ воскреснымъ сеансамъ. У дверей, ведущихъ изъ кабинета въ залу, виднѣется небольшое возвышеніе въ родѣ тѣхъ, на которыя принято ставить рояли для концертовъ. На возвышеніи невысокая кафедра, хорошенькая мебельная бездѣлушка въ родѣ шкапчика, кресло, и тутъ-же по сосѣдству компатный органъ съ разложенными на пюпитрѣ нотами и съ барышнею-музыкантшею, вполнѣ готовою къ услугамъ проповѣдника.

III.

Зала полна уже. Она почти набита биткомъ. Освѣщеніе неполное, но довольно яркое. Восемь часовъ вечера, но проповѣдникъ даетъ обыкновенно un quart d'heure de grace. Публика въ ожиданіи оглядывается, удивленно переглядывается и перешептывается. Большинство лицъ выражаетъ чисто анекдотическій интересъ. Лица эти какъ бы говорятъ: «Посмотримъ... любопытно.. вотъ чудаки-то!» Собравшаяся паства довольно разнородна. Даже при бѣгломъ взглядѣ на нее очень не трудно замѣтить, что она состоитъ изъ двухъ, ничего между собою общаго не имѣющихъ, элементовъ. Первый элементъ образуютъ настоящіе, вѣрнопреданные, убѣжденные и увлеченные архипашковцы — суть и боевые кадры новаго ученія. Група эта состоитъ преимущественно изъ дамъ и дѣвицъ, молодыхъ и старыхъ, щеголяющихъ изящною, суровою простотою своихъ нарядовъ, играющихъ бриліантовыми брошами, кольцами, браслетами, эфектно идущими къ чернымъ методистскимъ платьямъ, и объясняющихся исключительно на французскомъ языкѣ. Это среда болѣе или менѣе обольстительныхъ Аннъ Карениныхъ, слушающихъ проповѣдника между свѣтскими визитами и вечерними раутами. Матери и компаньонки держатъ себя чинно и слегка позѣвываютъ, прикрываясь кружевными платочками. Барышни въ антрактахъ не измѣняютъ освященнымъ традиціямъ и, едва замѣтно улыбаясь, щурятся на всѣ стороны, какъ въ ложѣ италъянской оперы; во время-же проповѣди личики ихъ вытягиваются, застываютъ и какъ бы окаменѣваютъ. Тутъ-же нѣсколько помпадуровъ важнаго и глубокомысленнаго вида, по временамъ вздыхающихъ и медленно вращающихъ глазами; кружекъ привилегированныхъ офицеровъ, професіональныхъ танцоровъ и десятка полтора блѣдныхъ, лимфатическихъ, салонныхъ шаркуновъ и юныхъ, при содѣйствіи протекціи выходящихъ на линію, администраторовъ. Общество держитъ себя на мажорный ладъ, развязно и оживленно. Очевидно, что его собралъ сюда г. Пашковъ не только какъ новый истолкователь христіанства, но еще и какъ хорошій, очень милый личный знакомый и пріятель, которому нельзя отказать въ поддержкѣ.

Второй элементъ случайный и наплывной. Это волна, которая идетъ своею дорогою, заходитъ стихійно и направляется дальше, рѣшительно ничего не унося съ собою. Тутъ собственно и есть «публика» въ настоящемъ смыслѣ слова. Тутъ есть и нѣкіе неопредѣленные господа съ цѣпочками и оттопыренными воротниками, барыни въ шляпкахъ, гимназисты, кадеты, лавочники, благоговѣйно настроенныя старушки, пріютъ взрослыхъ слѣпыхъ въ полномъ своемъ составѣ, двое молодыхъ священниковъ съ сосредоточенными, самоуглубленными физіономіями, телеграфистъ, военный врачъ и даже какой-то горный или путейскій инженеръ. Тутъ-же между прочими я замѣчаю П. Д. Боборыкина и драма-

турга В. А. Крылова. Первый изъ нихъ вынесетъ отсюда главу для повѣсти, а второй — не безъ интересный бойкій актъ для комедіи нравовъ. Собственно-публика напираетъ на передніе ряды пашковцевъ, то и дѣло становится на пальцы и смотритъ черезъ головы на возвышеніе, недоумѣвая на счетъ отсутствія проповѣдника и какъ бы поджидая появленія его изъ подъ внезапно, на балетный маперъ, раскрывшагося пола. Во всякомъ случаѣ аскетически настроенныхъ лицъ очень немного и общее настроеніе вполнѣ неунывающее: чисто театральное и прекраснодушное.

IV.

По залѣ электрическою искрою пробѣгаетъ струя оживленія. Головы такъ или иначе наклоняются, или вытягиваются и взоры значительнаго большинства сосредоточиваются возлѣ кафедры. Проповѣдникъ безшумно и незамѣтно пробрался на свою вышку.

В. А. Пашковъ — отставной гвардіи полковникъ, скучающій аристократъ довольно фешенебельной наружности. Я ничего больше не знаю о прошломъ г. Пашкова, но едва-ли богословскія занятія входили прежде въ районъ его дѣятельности. Всего вѣроятнѣе, что, набивъ оскомину въ балетѣ, не найдя духовнаго оазиса въ Монако и не увлекаясь отъ природы ни рысистыми бѣгами, ни «палками» англійскаго клуба, ни классическими меню избранно-гастрономическихъ обѣдовъ, съѣдаемыхъ съ подобающе приподнятымъ душевнымъ строемъ, г. Пашковъ соблазнился салонною популярностью извѣстнаго лорда Рэдстока, пріѣзжавшаго въ Петербургъ нѣсколько разъ, чтобы подготовлять Сергіевскую и Гагаринскую улицы къ достойному вступленію въ царство небесное. Англійскій духовный импровизаторъ лордъ, ставшій апостоломъ, дѣйствительно пользовался у насъ довольно значительнымъ успѣхомъ. Рэдстокъ, впрочемъ, и обладалъ соотвѣтственно благопріятными данными: живописнымъ, красиво льющимся словомъ, пылкимъ, колоритнымъ воображеніемъ, довольно порядочною богословскою начитанностію и энтузіазмомъ фанатика, приковывавшимъ къ себѣ дряблые умы и праздныя мечтанія. Рэдстокъ говорилъ тепло и вкрадчиво, незамѣтно входя въ раскрытыя души своихъ слушателей и хозяйничая тамъ съ джентльменскою галантерейностью и почти женственною деликатностью. Рэдстокъ даже «обворожалъ».

Г. Пашкову во всѣхъ однако отношеніяхъ далеко до его иноземнаго соперника. Г. Пашкову лѣтъ за 40. Это плотный, высокій и дородный мужчина совсѣмъ не отшельническаго вида. Довольно большая голова коренасто сидитъ на широкихъ могучихъ плечахъ. Темнорусые волосы съ косымъ проборомъ гладко и акуратно причесаны по сторонамъ и загнуты на концахъ мягкими пукольками. Очень большой носъ, толстый, мясистый, нѣсколько карикатурнаго рисунка, полные голубые глаза на выкатѣ, стекловидные и нѣсколько мутные, въ родѣ тѣхъ, что бываютъ у восковыхъ фигуръ, сѣдыя растрепанныя бакенбарды, торчащія по сторонамъ лица двумя оттопыренными кустами, и вопиские усы служатъ наиболѣе характерными внѣшними чертами предтечи русскаго нео-христіанства. Грузная, высокая, упитанная фигура какъ бы тяготитъ г. Пашкова и онъ держится немного согнувшись. Движенія его медленны и безстрастны, съ нѣкоторыми претензіями на жреческую маститость и церемоніальность. Голосъ проповѣдника небольшой, но мягкій и довольно пріятный. Г. Пашковъ сильно картавитъ, къ сожалѣнію, на очень характерный манеръ молодыхъ ломающихся офицеровъ.

Не скажу, чтобы г. Пашковъ не обладалъ даромъ слова. Напротивъ, онъ говоритъ, пожалуй, даже лучше многихъ офиціальныхъ представителей кафедръ гражданскихъ и духовныхъ. Рѣчь его течетъ довольно плавно, безъ задержекъ, потугъ и равнозначущихъ повтореній. Въ распоряженіи г. Пашкова значительный капиталъ словъ, которымъ онъ и распоряжается не безъ извѣстнаго расчета и искуства. Есть тоже у г. Пашкова и оживленіе, и нѣсколько видовъ афектаціи, и подчеркиваніе нужныхъ оборотовъ, и возвышенные взывающіе и вызывающіе тоны. Въ общемъ онъ примыкаетъ къ типу не бездарныхъ, но и не блестящихъ католическихъ патеровъ и лютеранскихъ пасторовъ. Жестикуляція г. Пашкова даже прямо и цѣликомъ у нихъ заимствована. Она довольно сдержанна, выразительна и свободна отъ грубаго театральнаго шаржа.

Логическая и схематическая постройка пашковскихъ проповѣдей тоже на первый взглядъ довольно правильна. Поставивъ извѣстное общее положеніе, извѣстное основное начало, г. Пашковъ не теряется, не дробится и не раскидывается по сторонамъ. Онъ развиваетъ его съ удовлетворительною послѣдовательностію, обращаясь то къ дедукціи, то къ индукціи и иллюстрируя отвлеченныя умозрительныя мѣста и выводы наглядными примѣрами, разъясненіями и ссылками. Языкъ г. Пашкова постоянно придерживается общедоступной разговорной формы и почти не требуетъ для пониманія его никакой серьезной и систематической образовательной подготовки. Это дѣйствительно бесѣда, разговоръ—поученіе въ самой несложной и непритязательной формѣ.

Бѣда г. Пашкова лишь въ томъ, что онъ, не дурно ораторствуя, очень слабо мыслитъ. Умъ г. Пашкова совершенно незнакомъ со строгою, отвѣтственною, самоконтролирующею работою. Онъ качается, какъ утлый челнъ на водахъ океана. Онъ не признаетъ для себя безусловно обязательными тѣхъ законовъ, которые излагаетъ азбучный учебникъ логики. Это умъ причудливый, капризный и мелкій. Мыслительный процесъ г. Пашкова не останавливается ни передъ какими, повидимому, непреоборимыми препятствіями. Онъ смѣшиваетъ добытое мышленіемъ основоположеніе съ чистымъ, an und für sich существующимъ, вѣрованіемъ, способенъ превращать отдѣльную подробность въ цѣлое міросозерцаніе и, наоборотъ, подчинять законченное и стройное міросозерцаніе случайной и второстепенной мелочи, роднитъ вымыселъ съ фактомъ, требуетъ то безусловной вѣры, то чисто философской критики, выдаетъ собственные софизмы за непреложныя истины и, по мнѣнію компетентныхъ судей, сильно и невѣжественно путаетъ въ богословскомъ матеріалѣ, которымъ распоряжается вполнѣ произвольно и черезчуръ развязно. Всѣ эти черты въ общей совокупности своей производятъ на критически вооруженнаго слушателя весьма странное впечатлѣніе. Онѣ доказываютъ ему присутствіе въ г. Пашковѣ весьма шаткой и скользкой, сильно самодурствующей и куралесящей мыслительной способности, которая привыкла биться, какъ птица въ клѣткѣ, и растворяться въ обильномъ, но безсодержательномъ «словесномъ производствѣ».

Г. Пашкова можно слушать; въ то время, какъ онъ говоритъ, вашъ логическій критерій отнюдь не протестуетъ. Передъ вами довольно стройными рядами развертываются и проходятъ отвлеченія, обобщенія, примѣры, сближенія и выводы. Но когда проповѣдь кончена и вы желаете вкратцѣ и обстоятельно выяснить себѣ сущность ея, бросить общій взглядъ на всю умственную работу проповѣдника, голова ваша безнадежно опускается и вы чувствуете такое же впечатлѣніе, какъ послѣ выхода изъ жаркой и темной, угарно натопленной комнаты на солнечный свѣтъ и свѣжій воздухъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы».

(*Продолженіе.*)

Глава X.

Что окончательно рѣшило будущность Рябой Красавицы.

Было уже поздно, около десяти часовъ утра, когда Элиза проснулалась. Голова у нея была очень тяжела и, открывъ глаза, она съ удивленіемъ осматривалась. Она не могла понять, гдѣ находилась. Она хотѣла встать и никакъ не могла объяснить себѣ усталости, изнеможенія и общей тяжести, которыя овладѣли ею. Облокотясь на колѣни и засунувъ руки въ свои густые волоса, она стала припоминать, какъ не могла заснуть наканунѣ, какъ приняла усыпительныхъ лепешекъ, и румянецъ стыда покрылъ ея щеки при мысли о тѣхъ странныхъ снахъ, которые она видѣла всю ночь. Ей казалось, что она упала въ объятія мужчины, безпомощная, безсильная, приходящая въ ужасъ отъ его поцалуевъ и ласкъ. Это мертвецъ возсталъ изъ гроба и вернулся въ свою квартиру. Она лихорадочно дрожала при мысли, что такой ужасъ могъ ей померещиться во снѣ. Конечно, ея усталость и изнеможеніе происходили отъ наркотическаго средства и вчерашняго утомленія.

Она одѣлась и не успѣла еще причесать волоса, какъ кто-то постучался въ дверь. Она поспѣшила отворить. Это была привратница, которая безпокоилась, что Элиза такъ долго не встаетъ. Она передала ей связку гербовыхъ бумагъ, только что принесенныхъ на ея имя.

Элиза едва могла ходить и попросила привратницу принести ей кофе наверхъ въ гостиную.

— Вы вчера храбрились, а ночь, вѣрно, не могли спать отъ страха, замѣтила привратница.

— Нѣтъ, я хорошо спала, я только что проснулась.

— Но лицо у васъ ужасно утомленное.

Элиза вспыхнула; привратница надоѣла ей своими разспросами. Но когда та удалилась, молодая дѣвушка взглянула въ зеркало. Дѣйствительно, всѣ ея черты выражали полное утомленіе, глаза ея были мутные, подъ глазами черныя линіи. Она вздрогнула и дала себѣ слово, что никогда не будетъ спать по ночамъ и не прикоснется болѣе къ этому страшному наркотическому средству.

Она подошла къ окну и развернула бумаги, переданныя ей привратницей. Къ величайшему ея удивленію, это былъ актъ о введеніи ея во владѣніе оставленнымъ ей наслѣдствомъ.

Какъ послѣ ужасающей сцены, которая произошла наканунѣ между нею и Матье-де-Тальи, онъ поспѣшилъ исполнить ея желаніе! Это было очень странно. Она вернулась къ дивану и сѣла.

— Боже мой, какъ я устала. Ноги у меня подкашиваются.

Бумаги напомнили ей роковую борьбу съ низкимъ судьею и теперь ей стало яснымъ, почему ей такъ не здоровилось, почему она была такъ утомлена.

Снова раздался стукъ въ дверь. Это была привратница въ сопровожденіи четырехъ мужчинъ.

— Г. мировой судья, сказала она радостно,— пришелъ, чтобъ снять печати.

Элиза не вѣрила своимъ ушамъ. Мировой судья объяснилъ ей, что присутствіе господъ, явившихся съ нимъ, было необходимо для оцѣнки имущества съ цѣлью опредѣлить количество гербовыхъ пошлинъ, слѣдуемыхъ въ казну. Онъ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

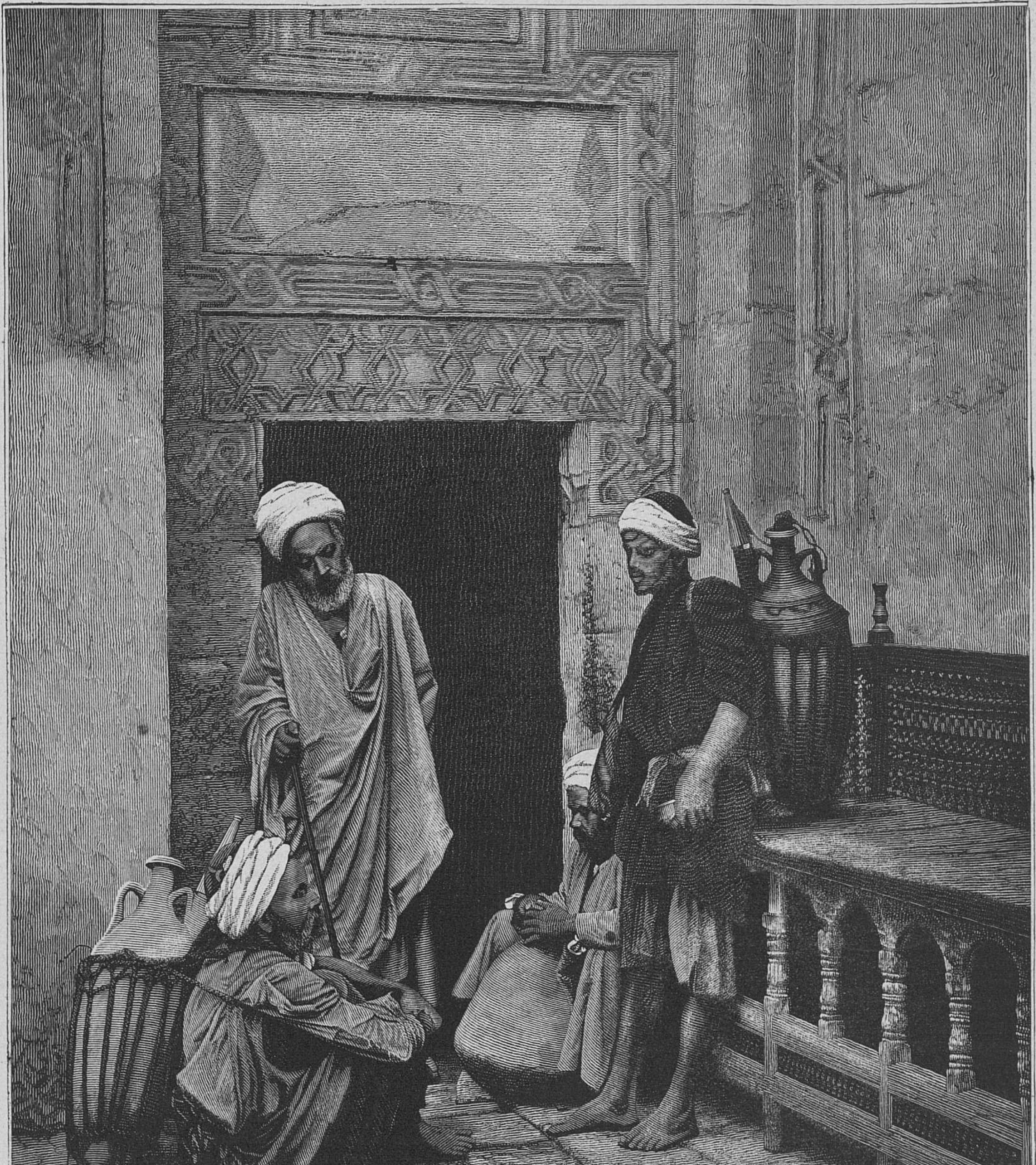
РИСУНОКЪ Г. ДОРЕ́.

Явленіе св. Георгія крестоносцамъ.

Рѣзалъ на деревѣ Пизанъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Б. КОНСТОНА.



Водоносцы въ Каирѣ.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

прибавилъ, что вслѣдствіе полученнаго свыше распоряженія только самыя неизбѣжныя формальности будутъ исполнены и черезъ часъ она явится полной собственницей оставленнаго ей наслѣдства.

Прежде всего сняты были печати съ мебели въ гостиной, а потомъ перешли въ спальню, гдѣ послѣднимъ предметомъ, остановившимъ на себѣ вниманіе судьи, былъ столикъ, стоявшій за кроватью. Печати на немъ оказались цѣлыми и судья снялъ ихъ. Но прежде, чѣмъ былъ отворенъ ящикъ, одинъ изъ сопровождавшихъ судью мужчинъ сказалъ:

— Г. судья, въ силу 939 ст. кодекса, бумаги, найденныя послѣ покойника и непринадлежащія къ оставленному имъ наслѣдству, возвращаются тѣмъ, кому онѣ принадлежатъ; а потому я требую возврата связки писемъ, находящейся въ этомъ ящикѣ.

— А по какому праву? спросила Элиза.

— Мнѣ поручено только заявить это требованіе, а права наши на означенныя письма мы докажемъ въ судѣ.

— Не безпокойтесь, сударыня, сказалъ судья, — мы запечатаемъ эту связку писемъ и передадимъ ее въ судъ первой инстанціи.

— Но у меня есть письмо покойнаго, въ которомъ онъ указываетъ, какъ поступить съ этими письмами.

— Вы представите въ судъ доказательства вашихъ правъ на эти письма точно такъ-же, какъ и вашъ противникъ.

Элиза, удивленная этимъ неожиданнымъ эпизодомъ, замолчала. Отворили ящикъ; судья прежде всего вынулъ именные денежные документы и объявилъ ихъ стоимость. Но связки писемъ не оказалось, а на мѣстѣ ея лежалъ конвертъ съ надписью: «письма». Элиза и господинъ, заявившій требованіе на эти письма, вскрикнули отъ изумленія.

— Вы, г. судья, слишкомъ поспѣшно сорвали печати, сказалъ послѣдній, — можетъ быть, основательный осмотръ печатей объяснилъ бы намъ странное исчезновеніе этихъ писемъ.

— Вотъ эти печати, отвѣчалъ судья, — посмотрите, онѣ вполнѣ цѣлы и невредимы.

Неизвѣстный господинъ надѣлъ очки и пристально сталъ разглядывать сюргучъ.

— Г. судья, сказала Элиза, очнувшись отъ непріятной неожиданности, — я почти не выходила изъ этой комнаты. Пропавшія письма для меня важнѣе, чѣмъ для кого бы то ни было, и ихъ исчезновеніе ставитъ меня въ тупикъ.

— Вы имѣете право требовать внесенія этого обстоятельства въ нашъ протоколъ.

Элиза ничего не отвѣчала. Неизвѣстный господинъ настоялъ на занесеніи въ протоколъ, что связка писемъ исчезла и, подписавъ его, удалился. Тогда молодая дѣвушка, которой также подали протоколъ для подписи, сказала судьѣ:

— Я желаю доказать вамъ, почему въ моихъ глазахъ эти письма имѣютъ такую важность.

И, вынувъ изъ кармана письмо Аристида, она прочла нѣсколько фразъ, въ которыхъ покойный указывалъ ей, гдѣ найти и что сдѣлать съ этими письмами.

— Я, конечно, пропустила собственныя имена, г. судья, прибавила Элиза, — такъ какъ это чужая тайна, но вы видите, что эти письма поручены мнѣ.

— Этотъ документъ былъ приложенъ къ завѣщанію?

— Нѣтъ, онъ мнѣ переданъ нотаріусомъ, которому покойный вручилъ его съ просьбою, въ случаѣ его смерти тотчасъ отдать мнѣ.

— Это письмо написано рукою г. Аристида де-Фаржа и подписано имъ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ оно имѣетъ силу завѣщанія и вы въ правѣ требовать возвращенія вамъ писемъ, если они найдутся.

— Но какъ ихъ найдти? Что мнѣ дѣлать?

— Надо подать заявленіе г. прокурору. Вы должны заявить ему о похищеніи важныхъ бумагъ изъ оставленнаго вамъ наслѣдства и просить розыска похитителей, дабы заставить ихъ возвратить вамъ эти бумаги.

— Очень вамъ благодарна, г. судья, я такъ и поступлю.

— Ну, сударыня, вы теперь у себя; все, что васъ окружаетъ, принадлежитъ вамъ. Если вы найдете нужнымъ за чѣмъ-нибудь обратиться ко мнѣ, я всегда къ вашимъ услугамъ. Но я вамъ совѣтую прежде всего хорошенько поискать вездѣ, въ квартирѣ, можетъ быть, покойный положилъ эти письма въ другое мѣсто.

— Вы совершенно правы, г. судья, я приведу здѣсь все въ порядокъ и потомъ уже обращусь къ прокурору.

— Во всякомъ случаѣ будьте добры, увѣдомьте меня о результатѣ вашихъ поисковъ.

— Непремѣнно.

Мировой судья съ понятыми удалился и Элиза осталась одна.

Исчезновеніе писемъ озадачило ее. Она осмотрѣлась по сторонамъ и, видя всѣ ящики въ столахъ, комодахъ и этажеркахъ открытыми, съ висящими остатками печатей, подумала, что, можетъ быть, найдетъ въ одномъ изъ нихъ эти роковыя письма.

Элиза была по природѣ очень любопытна и ей улыбалась мысль, что она будетъ совершенно свободно рыться въ этихъ бумагахъ и читать, что ей вздумается. Кромѣ того ей было отрадно сознавать, что она у себя, дѣйствительно у себя. Она смотрѣла на связку акцій, которая для нея бѣдняжки составляла цѣлое состояніе, и пересчитывала тридцать луидоровъ, которые находились въ маленькомъ мѣшечкѣ и, затерявшись между бумагами, избѣгли хищническихъ глазъ ночного злодѣя. Маленькая Элиза сочла себя богачкой и подумала, что письма она успѣетъ поискать послѣ, а теперь недурно было-бы прокатиться въ экипажѣ, такъ какъ у нея были деньги и ей надо было купить себѣ многое, начиная съ приличнаго туалета. Къ томуже прогулка въ веселое солнечное утро поможетъ ей оправиться отъ вчерашней усталости и страннаго ночного кошмара. Она только что хотѣла привести въ исполненіе эту благую мысль, какъ на лѣстницѣ позвонили. Она отворила дверь и съ изумленіемъ увидала полицейскаго комисара съ двумя агентами.

— Дѣвица Элиза Буатель?

— Это я.

— Именемъ закона я васъ арестую, сказалъ комисаръ, протягивая руку.

Испуганная Элиза отскочила.

— Оставьте меня, воскликнула она и, вспомнивъ угрозы Матье де-Тальи, прибавила: — вѣроятно, онъ васъ послалъ, но меня нельзя арестовать безъ всякой причины.

— Вы напрасно сопротивляетесь, сударыня. Я получилъ приказъ васъ арестовать и исполню его.

— Но я ничего не сдѣлала.

— Вы обвиняетесь въ томъ, что, состоя хранительницей чужого имущества, вы взломали судебныя печати и похитили бумаги.

— Это ложь! Спасите, спасите! воскликнула Элиза, стараясь вырваться изъ рукъ полицейскихъ агентовъ, которые схватили ее.

— Послушайте, сударыня, если обвиненіе ложное, вы легко оправдаетесь, но въ вашемъ собственномъ интересѣ не заставляйте меня прибѣгнуть къ силѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы всѣ негодяи... вы его клевреты... вы меня не возьмете.

Полицейскіе агенты, по знаку комисара, поволокли ее. Она не хотѣла идти, они потащили ее силой; она хваталась за что ни попало, они грубо отрывали ея руки, нанося ей побои. Отъ стыда и боли молодая дѣвушка задыхалась. Кровь прилила къ ея головѣ.

Привратница хотѣла за нее заступиться, но комисаръ сказалъ ей рѣзко:

— Молчите и заприте квартиру. Вы будете отвѣчать.

Старуха, дрожа всѣмъ тѣломъ, повиновалась.

Элиза продолжала отбиваться, насколько позволяли ея слабыя силы и оглашала воздухъ раздирательнымъ крикомъ:

— Убейте меня! Убейте! Но я не хочу идти въ тюрьму.

Страшный видъ представляла эта бѣдная дѣвочка, съ растрепанными волосами, въ разорванномъ платьѣ, которую безжалостно толкали полицейскіе агенты. Наконецъ, имъ удалось всадить ее въ дожидавшійся на улицѣ фіакръ. Но ея крики и вопли собрали тотчасъ толпу и многіе закричали охранителямъ общественнаго спокойствія.

— Нельзя бить женщину.

— Не вмѣшивайтесь не въ свое дѣло или васъ отправятъ вмѣстѣ съ нею, сказалъ рѣзко одинъ изъ агентовъ, заперъ дверцу фіакра и вскочилъ на козлы.

Экипажъ покатился.

Элиза была какъ съумасшедшая, она упала на подушку фіакра въ совершенномъ изнеможеніи отъ борьбы съ полицейскими агентами. Она плакала и въ отчаяніи сознавала, что совершенно погибла. Старикъ, сладострастнымъ порывамъ котораго она не поддалась наканунѣ, теперь ей мстилъ, а онъ былъ силой. У нея не было никакой возможности оправдать себя и доказать, что обвиненіе, взведенное на нее, было клеветою. Къ тому-же это было-бы излишнимъ; она хорошо понимала, что это обвиненіе было только предлогомъ. Можетъ быть даже, этотъ гнусный человѣкъ и самъ приказалъ похитить письма. Но что ей было дѣлать? Что станется съ нею? Придется-ли ей быть снова въ присутствіи этого злодѣя? Не поставитъ-ли онъ цѣною ея освобожденія то, чего онъ не могъ добиться силою? При этой мысли холодъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Она не смѣла сказать ни слова полицейскому комисару и агенту, сидѣвшимъ съ нею въ экипажѣ. Но если ее подвергнуть допросу тамъ, куда ее везли, она откроетъ всю правду и докажетъ письменнымъ документомъ, что если похищеніе этихъ писемъ кому-нибудь было непріятно, то болѣе всѣхъ ей, такъ какъ они были оставлены ей ея покойнымъ другомъ. Ее не могли посадить въ тюрьму; она убѣждала себя въ этомъ, но будущее пугало ее и слезы лились ручьемъ по ея лицу. Она чувствовала, что попалась въ западню и что не было никого, кто-бы любилъ ее и могъ защитить. Она была одна и ее окружали враги, гнусные и могучіе. Она скорѣе-бы умерла, чѣмъ призвала-бы на помощь зятя, первую причину всѣхъ ея несчастій. Къ сестрѣ она питала полное презрѣніе, а что касается Матье де-Тальи, который одинъ могъ спасти ее, она твердо рѣшилась лучше убить себя, чѣмъ согласиться на его гнусныя предложенія. Она была непорочной и хотѣла всегда остаться таковою.

Болѣзненно сжалось ея сердце, когда карета въѣхала во дворъ префектуры. Она боялась, что ее посадятъ въ общую арестантскую вмѣстѣ съ воровками и публичными женщинами. Напротивъ, ее посадили въ одиночную келью и оставили одну. Обезумѣвъ отъ отчаянія и злобы, она стала кричать, рыдать, проклинать все и всѣхъ. Потомъ мало-по-малу она стихла. Глаза ея осушились, рыданія замолкли и она сдѣлала усиліе,

чтобы привести немного въ порядокъ свои мысли.

Такъ прошелъ цѣлый день. Часа въ четыре дверь кельи отворилась. Сторожъ вошелъ, взялъ ее за руку и повелъ въ канцелярію, гдѣ какой-то чиновникъ подвергнулъ ее допросу.

Ей объявили, что она ловко приподняла печати, которыя потомъ такъ-же ловко положила на свои мѣста и похитила не только письма, очень компрометировавшія одну особу, но второе завѣщаніе Аристида де-Фаржа, которое уничтожало первое. Элиза слушала и смотрѣла на говорившаго, ничего не отвѣчая. Онъ прибавилъ, что со времени ея бѣгства изъ дома ея сестры и зятя, которые были всегда такъ добры къ ней, она, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, могла существовать только воровствомъ или безнравственнымъ поведеніемъ. Наконецъ, ей было сказано, что такъ какъ родственники, конечно, не захотятъ взять ее къ себѣ, то ее отвезутъ въ тюрьму Сен-Лазаръ.

Элиза по прежнему ничего не отвѣчала. Она, повидимому, не понимала, что ей говорили; тѣло ея судорожно подергивалось и она по временамъ схватывалась руками за голову съ глухимъ стономъ.

Чиновникъ, удивленный ея безмолвіемъ, пристально посмотрѣлъ на нее.

— Вы больны? спросилъ онъ:—что съ вами?

Она взглянула на него и все же не вымолвила ни слова, а прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

Ее отвели въ келью и послали за докторомъ, который, осмотрѣвъ ее, приказалъ тотчасъ перевести въ лазаретъ.

На слѣдующее утро былъ полученъ въ префектурѣ приказъ освободить Элизу Буатель, такъ какъ самый тщательный обыскъ въ квартирѣ покойнаго Аристида де-Фаржа не привелъ къ открытію уликъ противъ нея. Въ сущности, ее арестовали только за тѣмъ, чтобы дать время сыщикамъ найдти письма, которыя должны были, повидимому, находиться гдѣ нибудь въ столахъ или комодахъ. Но когда всѣ поиски ни къ чему не повели, несчастную приказали освободить. Но это фактически оказалось невозможнымъ. У нея открылся сильный тифъ и она металась на постели въ страшномъ бреду. Положеніе ея было очень опасное. Она отбивалась отъ какихъ-то чудовищныхъ видѣній и кричала къ ужасу сестеръ милосердія, ухаживавшихъ за нею:

— Вы судья безсовѣстный... подлый... Пустите меня... Ко мнѣ, ко мнѣ мой мертвый защитникъ... спаси меня, ты одинъ меня любишь. Выйди изъ могилы и унеси меня къ себѣ... Ой! ой! Онъ возвращается, страшный старикъ! Онъ хочетъ меня взять! Защити, защити меня!

Элиза была двадцать дней между жизнью и смертью. Наконецъ, молодость взяла свое и наступилъ спасительный переломъ болѣзни. Потомъ медленно, очень медленно силы и здоровье вернулись къ ней; но голова ея была такъ слаба, что она совершенно забыла тѣ страшныя сцены, которыя привели ее сюда. Она оставалась въ постели шесть недѣль и только по прошествіи двухъ мѣсяцевъ ее перевели домой, т. е. на бывшую квартиру Аристида де-Фаржа.

Добрая привратница встрѣтила со слезами на глазахъ бѣднаго больного ребенка и посвятила все свое свободное время уходу за нею. Недѣли черезъ двѣ Элиза уже была въ состояніи гулять въ Булонскомъ лѣсу, опираясь на руку старухи, а по прошествіи трехъ мѣсяцевъ отъ начала ея болѣзни она уже совершенно выздоровѣла. Только по временамъ у нея бывали обмороки и какія-то странныя боли, которыхъ она вовсе не понимала. По совѣту привратницы она, наконецъ, рѣшилась посовѣтоваться съ докторомъ. Онъ распросилъ ее подробно и съ улыбкой сказалъ:

— Болѣзнь, грозящая вамъ, не очень страшна, дитя мое; она радуетъ обыкновенно женщинъ.

— Что вы хотите сказать?

— Вы вскорѣ будете матерью.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь! воскликнула Элиза;—клянусь вамъ, я не то, что вы думаете. Я живу одна, я свободна, но я честная дѣвушка.

Слова эти дышали такой правдой и искренностью, что докторъ смутился. Онъ не хотѣлъ настаивать, прописалъ какое-то пустое лѣкарство и сказалъ, что надо посмотрѣть, можетъ быть, онъ и ошибся. Элиза весело взглянула на это дѣло и стала шутить съ привратницей надъ незнаніемъ доктора.

Прошелъ мѣсяцъ и положеніе молодой дѣвушки начало пугать ее не на шутку. Она снова послала за тѣмъ-же докторомъ. Теперь не могло быть болѣе сомнѣній. Изумленный докторъ подробно распросилъ Элизу обо всемъ.

— Вы жертва ужаснаго преступленія, сказалъ онъ, выслушавъ ея разсказъ.

— Но это невозможно.

— Увы, подобные случаи бывали и недавно еще одинъ зубной врачъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что онъ усыпилъ хлороформомъ молодую дѣвушку и потомъ обезчестилъ ее, такъ что она узнала о своемъ положеніи только передъ родами.

— Но это ужасно! Это безчеловѣчно!

И несчастная едва не упала. Докторъ поддержалъ ее.

— Я проклята! Я проклята! воскликнула она съ безпомощной злобой.

— Успокойтесь, дитя мое, сказалъ докторъ съ чувствомъ:—подобное преступленіе не можетъ остаться безнаказаннымъ. Я къ вашимъ услугамъ; располагайте мною. Мы рано или поздно найдемъ злодѣя. Но прежде всего надо, чтобы никто не зналъ вашего несчастья. Вы не можете всѣмъ разсказать, что вы жертва таинственнаго злодѣянія. Черезъ нѣсколько времени вы пріѣдете ко мнѣ въ Меданъ. У меня маленькій родовспомогательный пріютъ.

— Какой вы добрый человѣкъ, сказала Элиза, смотря на него со слезами благодарности.

— Положитесь на меня... и вы будете отомщены.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ маленькомъ хорошенькомъ домикѣ въ Меданѣ, окруженномъ деревьями и цвѣтами, бѣдная Элиза родила сына, котораго назвала Аристидомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Портретъ И. Н. Крамского. Въ настоящемъ нумерѣ наши читатели найдутъ портретъ И. Н. Крамского. Біографія и оцѣнка произведеній этого высокодаровитаго художника появятся въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ нашего журнала. Здѣсь мы только укажемъ на чрезвычайное сходство помѣщеннаго нами портрета, рѣзаннаго на деревѣ молодымъ, но уже замѣченнымъ обществомъ, русскимъ граверомъ г. Матэ. Портреты работы этого художника-гравера отличаются всегда своеобразностью, живостью и вѣрностью въ мельчайшихъ подробностяхъ. Таковы помѣщенные у насъ портреты Н. Г. Рубинштейна, А. Н. Островскаго, И. Н. Крамского. Въ настоящее время г. Матэ отправленъ на два года въ Парижъ. Тамъ онъ, между прочимъ, окончитъ для насъ нѣсколько замѣчательныхъ работъ.

Медичи укоряетъ брата, картина Дюгро́. Извѣстно, что Франческо-Марія Медичи былъ провозглашенъ флорентинскимъ герцогомъ послѣ смерти своего отца, Косьмы, въ 1574 году. Онъ женатъ былъ на Іоаннѣ австрійской, дочери императора Фердинанда I. Франческо былъ также деспотиченъ, какъ и его отецъ: онъ разорилъ многія флорентинскія семейства, благодаря конфискаціямъ, развратничалъ самымъ постыднымъ образомъ и былъ преданъ Филиппу II, королю испанскому. Послѣ смерти Іоанны австрійской, онъ тайно женился на Біанкѣ Капелло, дочери одного венеціанскаго аристократа, которая имѣла на своего мужа самое неблагопріятное вліяніе. Его братъ, Фердинандъ Медичи, герцогъ тосканскій, извѣстный своимъ благородствомъ и реформами, покровительствомъ искусствамъ и своимъ блестящимъ царствованіемъ, не разъ возставалъ противъ пагубнаго вліянія Біанки на его брата. Дюгро́ выбралъ сюжетомъ своей картины тотъ моментъ, когда Фердинандъ укоряетъ своего брата въ постыдномъ поведеніи и въ пагубномъ вліяніи Біанки. Франческо, развалившись на диванѣ, въ объятіяхъ Біанки, равнодушно слушаетъ, между тѣмъ какъ лицо Біанки обнаруживаетъ признаки сдержаннаго гнѣва. Художникъ прекрасно уловилъ этотъ моментъ и изобразилъ настоящую семейную драму, во вкусѣ Италіи XVI столѣтія. Дюгро́—римлянинъ; онъ былъ ученикомъ академіи святаго Луки и докончилъ свое художественное образованіе въ мастерской извѣстнаго художника Фракасини, любимца папы Пія IX. Картина Дюгро́, снимокъ съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ, получила премію на римской выставкѣ и была куплена извѣстнымъ русскимъ любителемъ искусствъ и древностей, Михаиломъ Петровичемъ Боткинымъ.

Смѣсь.

— **Иванъ Захаровичъ Суриковъ** (некрологъ). 26 апрѣля въ Москвѣ похоронили поэта Ивана Захаровича Сурикова. Онъ умеръ молодымъ: ему не окончилось еще и 38 лѣтъ. Вездѣ не легко достается самородкамъ жизненная карьера; у насъ-же, въ силу господствующихъ предразсудковъ, выбиться имъ изъ своей среды еще труднѣе. Удѣломъ многихъ изъ нихъ бываетъ безъисходная нужда, затѣмъ чахотка и ранняя смерть. Не легкая доля досталась и покойному Сурикову. Много терпѣлъ онъ невзгодъ и лишеній, преслѣдовавшихъ его до самой смерти. Неблистательна была его обстановка и въ то время, когда онъ, повидимому, зажилъ самостоятельною жизнью. Вотъ какъ описываетъ ее біографъ покойнаго, г. Соловьевъ-Несмѣловъ: «Въ одномъ изъ дальнихъ концовъ Москвы, въ закоулкѣ, близъ заставы, виднѣется маленькая лавочка желѣзнаго старья. На прилавкѣ, рядомъ съ старыми гвоздями и замками, нерѣдко лежитъ свѣжій нумеръ журнала или только-что вышедшая книга. Изъ-за прилавка входящаго покупателя спрашиваетъ мужчина лѣтъ за тридцать, просто одѣтый по-мѣщански—это поэтъ Суриковъ. Тутъ онъ проводитъ цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера; тутъ и его мастерская для исправленія и подновленія попорченныхъ желѣзныхъ вещей, и его рабочій кабинетъ, тутъ онъ работаетъ попеременно то молотомъ, то перомъ; отсюда вышли его лучшія произведенія». Трудно создавать поэтическіе образы при такой обстановкѣ. А Суриковъ безспорно былъ талантливый поэтъ и живи онъ въ другихъ матеріальныхъ условіяхъ, онъ, вѣроятно, завоевалъ-бы себѣ видное мѣсто въ русской литературѣ. Теперь-же онъ оставилъ немного, хотя и въ этомъ немногомъ виденъ истинный талантъ, и кончилъ чахоткой, какъ и его талантливые предшественники-самородки: Кольцовъ и Никитинъ.

И. З. Суриковъ родился въ 1841 году, въ дер. Новоселовой, углицкаго уѣзда, ярославской губ. Отецъ его, крестьянинъ, часто отлучался на заработки въ Москву, и до семи лѣтъ Иванъ Захаровичъ росъ на своей волѣ. Въ 1848 году отецъ его, заведя въ Москвѣ лавочку съ желѣзнымъ товаромъ, посадилъ въ нее сынишку пріучаться къ торговлѣ. Въ лавочкѣ мальчуганъ свелъ знакомство съ черничками и тѣ выучили его церковной грамотѣ. Затѣмъ, къ его благополучію, онъ познакомился съ чиновниками, живущими въ томъ-же домѣ, гдѣ находилась лавочка его отца. Замѣтивъ въ мальчикѣ любознательность и стремленіе учиться, чиновники научили его гражданской грамотѣ и стали давать ему книги на прочтеніе. Всему предпочиталъ мальчикъ стихи которыми и зачитывался. Мальчикъ жадно бросался на всякую книгу и нерѣдко забывалъ свое дѣло въ лавкѣ. Отецъ сердился на него и, узнавъ, откуда происходитъ разсѣянность сына, сталъ отнимать у него книги, ругать и бить его. Конечно, противодѣйствіе и побои привели къ развитію въ мальчикѣ, а потомъ юношѣ еще большей страсти къ книгамъ. Вѣчные семейные раздоры сдѣлали для молодого Сурикова жизнь невыносимой въ домѣ отца и онъ оставилъ его. Тутъ ему долгое время пришлось терпѣть горькую участь: голодъ, холодъ и всяческія невзгоды долго преслѣдовали его. Но молодой человѣкъ легко переносилъ всѣ страданія; его завѣтная мечта осуществилась: въ 1863 году въ печати появилось первое его стихотвореніе, а въ 1871 году вышелъ 1-й сборникъ его стихотвореній. Въ 1875 году появилось 2-е изданіе его стиховъ, а въ 1877

году—третье. Теперь готовится новое изданіе всѣхъ сочиненій Сурикова, которое предпринимаетъ извѣстный московскій богачъ К. Т. Солдатенковъ.

И. З. Суриковъ похороненъ на ваганьковскомъ кладбищѣ рядомъ съ Левитовымъ. Это мѣсто куплено покойнымъ годъ тому назадъ.

— **Искуственные алмазы.** Въ № 3 «Жив. Обозрѣнія», стр. 64, упомянуто о томъ, что г. Мактиру, удалось добыть искуственнымъ образомъ настоящіе алмазы. Приготовленные имъ кристалы были изслѣдованы проф. Маскелиномъ и д-ромъ Флейтомъ: первый изъ нихъ, въ письмѣ въ газету Times, отъ 30 декабря 1879 г., сообщилъ полученные имъ выводы, изъ которыхъ слѣдуетъ, что мелкіе кристалы, добытые Мактиромъ, не чертятъ ни топазовъ, ни сафировъ, слѣдовательно, они не алмазы; въ поляризованномъ свѣтѣ каждая частица выказывала сильное двойное преломленіе, слѣдовательно, это не алмазы. Нагрѣтые на платиновой пластинкѣ, въ пламени паятельной трубки или въ кислородѣ, кристалики не сгорали и не измѣнялись, слѣдовательно это не углеродъ. Положенные при этомъ на нихъ настоящіе алмазы быстро сгорали. Нагрѣтые съ фтористымъ амоніемъ они видимо измѣнялись и оставленные впродолженіи ночи въ фтористоводородной кислотѣ они исчезли, оставивъ въ сосудѣ небольшую инкрустацію, изъ чего видно, что они представляютъ кремнеземистое соединеніе; матеріала однакожъ было такъ мало, что невозможно было произвести дальнѣйшаго изслѣдованія. Такимъ образомъ эти «алмазы» обладаютъ свойствами, которыхъ нѣтъ у настоящихъ алмазовъ, и не проявили тѣхъ свойствъ, которыми отличаются алмазы. Для разъясненія этихъ недоразумѣній Мактиръ лично явился къ проф. Маскелину, въ Британскій музей, и надѣялся убѣдить его, по крайней мѣрѣ, въ поспѣшности его заключеній. Всѣ недоразумѣнія кончились, наконецъ, письмомъ, помѣщеннымъ самимъ Мактиромъ въ Times, 16 января 1880 г., въ которомъ онъ объявляетъ, что, проработавъ 4 дня въ лабораторіи Британскаго музея, онъ убѣдился, что приготовленное имъ кристалическое вещество, которое онъ считалъ углеродомъ, оказалось состоящимъ почти исключительно изъ кремнезема и глинозема, съ примѣсью малаго количества магнезіи и вещества нерастворимаго въ фтористоводородной кислотѣ, даже при дѣйствіи ея впродолженіи 48 часовъ. Въ заключеніе онъ сознается откровенно, что старанія его получить углеродъ въ видѣ алмаза, вышли неудачными; но онъ все-таки считаетъ нелишеннымъ интереса, что онъ получилъ вещество, столь сильно похожее на алмазъ, хотя и болѣе сходное по составу съ сафирами и рубинами.

Независимо отъ этого, Ганней изъ Глазгова, прочелъ въ королевскомъ обществѣ двѣ свои записки «О растворимости твердыхъ тѣлъ въ газахъ». Этотъ химикъ изъ своихъ изслѣдованій вывелъ заключеніе, что можно найдти растворяющее средство даже для углерода. Всѣ газы, говоритъ онъ, почти всегда выдѣляютъ растворенныя въ нихъ твердыя тѣла въ кристалическомъ видѣ, если удалить растворяющую среду или убавится способность растворенія. Изъ этого можно заключить, что еслибъ удалось растворить углеродъ въ газѣ, то изъ этого раствора онъ выдѣлится въ кристалахъ. Много было произведено опытовъ по этому поводу, но изъ нихъ оказалось, что обыкновенный уголь, сажа или графитъ, ни мало не растворяются въ средахъ, отъ которыхъ можно было этого ожидать, и что химическая дѣятельность при этомъ обыкновенно замѣняетъ раствореніе. Во время этихъ изслѣдованій Ганней замѣтилъ очень интересную реакцію, именно, что если газъ, содержащій углеродъ и водородъ нагрѣть подъ давленіемъ въ присутствіи извѣстныхъ металовъ, то водородъ поглощается металомъ, а углеродъ выдѣляется. Когда это происходитъ въ присутствіи устойчиваго соединенія, содержащаго азотъ, при нагрѣваніи близъ краснокалильнаго жара и подъ давленіемъ нѣсколькихъ тысячъ атмосферъ, азотистое соединеніе дѣйствуетъ такимъ образомъ на углеродъ, что послѣдній получается въ видѣ свѣтлыхъ прозрачныхъ алмазовъ. Трудность при этомъ заключается въ пріисканіи достаточно-крѣпкаго сосуда, могущаго выдержать громадное давленіе и высокую температуру; трубки изъ кованаго желѣза, въ видѣ стволовъ, съ отверстіемъ въ полдюйма, при наружномъ діаметрѣ въ 4 дюйма, разорвались 9 разъ при 10 опытахъ. Углеродъ, полученный при этомъ, также твердъ, какъ естественный алмазъ, чертитъ всѣ другіе кристалы и не дѣйствуетъ на поляризованный свѣтъ. Форма кристаловъ тождественна съ формою кристаловъ алмаза. Они легко сгораютъ на тонкой платиновой пластинкѣ въ хорошемъ пламени паятельной трубки, причемъ не оставляютъ никакого остатка. Погруженные 2 дня въ фтористоводородную кислоту, они не растворились даже при кипяченіи. Осколокъ ихъ, помѣщенный въ электрическомъ кругѣ, сдѣлался чернымъ, что составляетъ характеристическое свойство алмаза. Наконецъ, въ маленькомъ приборѣ было произведено горѣніе кристаловъ, для опредѣленія ихъ состава. Алмазы были помѣщены на платиновую пластинку, воспламененную электрическимъ токомъ, горѣніе произведено въ струѣ чистаго кислорода и результатъ горѣнія опредѣленъ по обыкновенному способу органическаго анализа. Проба съ 14 милиграмами вещества дала 97, 85% углерода, что близко къ 100%, принимая въ расчетъ малость употребленнаго вещества.

Извѣстіе, что въ королевскомъ обществѣ будетъ произведенъ столь давно ожидаемый опытъ полученія алмазовъ искуственнымъ образомъ, произвело сильное волненіе въ Англіи; но ни торговцы алмазами, ни публика не имѣютъ пока причинъ къ безпокойству. Произведенный опытъ, хотя въ высокой степени интересный и важный въ научномъ отношеніи, обходится очень дорого, до крайности утомителенъ и опасенъ, и получаемые тутъ алмазы такихъ ничтожныхъ размѣровъ, что внѣ своего научнаго интереса они не представляютъ никакого значенія. Дешевые алмазы, добытые искуственно, составляютъ пока удѣлъ будущихъ поколѣній.

— **Ораніенбаумскій театръ.** Въ труппѣ ораніенбаумскаго театра будутъ состоять многіе артисты императорскихъ, какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ театровъ. Гг. Трофимовъ, Бураковскій, Ленскій, г-жи Козловская, Мартынова и Васильева изъявили согласіе принимать участіе въ спектакляхъ впродолженіи лѣта. Открытіе театра послѣдуетъ около 15-го мая.

— **Театръ въ «Озеркахъ».** Спектакли въ этомъ театрѣ начнутся съ 1 іюня. Кромѣ пьесъ драматическихъ, въ извѣстные дни въ немъ будутъ ставиться оперы. Составъ труппы его пока неизвѣстенъ.

— **Шефильдскій музей.** Знаменитый своими скульптурными сокровищами, шефильдскій музей открылъ въ настоящее время свои роскошныя галереи, гдѣ красуются такія рѣдкости, какъ, напр, мраморныя статуи знаменитаго скульптора Рускина, оригиналы знаменитыхъ фресковъ собора св. Петра въ Римѣ, статуи ангеловъ и горельефы дворца дожей и св. Марка въ Венеціи и другія драгоцѣннѣйшія изваянія скульптуры, начиная отъ IX и до XIV столѣтія, знаменитыя мозаики и т. п.

— **Полярная экспедиція.** Въ Лондонѣ на-дняхъ окончательно сформировалась новая полярная экспедиція подъ начальствомъ командора Шейне, которая и отправится въ путь въ концѣ мая мѣсяца.

— **Центральная Африка.** Одинъ изъ членовъ бельгійской экспедиціи сообщаетъ, что ему удалось проникнуть въ Сим у, и между прочимъ приводитъ слѣдующій небезъинтересный разсказъ о понятіяхъ негровъ, населяющихъ эту мѣстность. Около полудня 20 августа послышался сильный подземный ударъ и тотчасъ-же землетрясеніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ; дикари не испугались; они собрались въ кучки, пошептались и скрылись по домамъ. Это удивило путешественника и онъ поспѣшилъ узнать причину происшедшаго; оказалось, что по повѣрію жителей, когда-то ихъ землею правилъ мудрый властитель, который скоропостижно умеръ, и на похоронахъ ему мало было принесено жертвъ, вотъ онъ теперь и не можетъ успокоиться и постоянно ворочается въ своей тѣсной могилѣ; онъ настолько великъ и силенъ, что можетъ по произволу колебать землю; при каждомъ ударѣ, духъ его носится надъ ихъ страною и предвѣщаетъ смерть одному изъ вельможъ, что всегда оправдывается, потому что если ни одинъ изъ знатныхъ особъ не умретъ своею смертію, котораго-нибудь изъ нихъ приносятъ въ жертву. Общій видъ страны гористый, въ періоды дождей образуются озера, которые, впрочемъ, скоро высыхаютъ, такъ какъ вода быстро стекаетъ въ огромное озеро Танганоика. Лѣсныя богатства, преимущественно краснаго дерева, громадны. По склону Уніанимбе раскинуто много деревень, густо населенныхъ, почва плодородна, воздѣлывается маисъ, скота много, больше всего буйволовъ. Сосѣднія земли Угунда, Маніара и Укамба болѣе плодородны, но менѣе воздѣланы, богатѣйшею землею считается Мравь, гдѣ и живетъ властелинъ края. Народъ бѣдный и почти совсѣмъ дикій, въ особенности племя Укагуенди, живущее въ ветхихъ шалашахъ и пропитывающееся охотою за бизонами, которые водятся здѣсь въ изобиліи, въ особенности вокругъ озеръ. Въ странѣ живутъ громадные львы и въ такомъ количествѣ, что не только буйволу, бизону и антилопѣ, но и человѣку приходится подчасъ очень плохо. Мѣстные жители очень боятся львовъ и не преслѣдуютъ ихъ. Въ настоящее время экспедиція находится въ Кимера, на гористомъ берегу Танганоика и устраиваетъ поселеніе, которое и будетъ базисомъ правильнаго сообщенія экспедиціи съ сосѣдними племенами.

— **Чудо-часы.** Подъ этимъ названіемъ парижане устроили чрезвычайно интересную новинку;—это часы, поставленные на городской площади. Механизмъ ихъ чрезвычайно простъ, они состоятъ изъ цилиндра, въ которомъ помѣщается самый механизмъ; съ двухъ сторонъ громадные стеклянные матовые циферблаты съ черными цифрами, пространство между стеклами освѣщается, такъ что ночью видно на обѣ стороны. Стрѣлки вращаются помощію пневматическихъ трубочекъ, выходящихъ изъ цилиндра, куда помощію особой машины въ 6-ть силъ накачивается воздухъ, такъ что часы не требуютъ заводки и идутъ чрезвычайно вѣрно. Честь устройства этихъ часовъ принадлежитъ австрійской фирмѣ «Попъ и Гиршъ».

ОТЪ КОНТОРЫ. № 18-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 3 мая въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 5 мая въ 7 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Хуторокъ на Украйнѣ, стих. **В. Львова.**—Изъ отдаленныхъ мѣстъ, повѣсть **М. А. Филипова.**—А. Н. Островскій, критич. этюд. **В. А. Пинчука.**—На краю пропасти, пов. **Л. Гербетъ.**—Разъ въ мѣсяцъ, бесѣда **И. Василевскаго** (**Буквы**). — Рябая красавица, ром. **А. Бувье.** — Къ рисункамъ. — Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: И. Н. Крамской.—Грѣшница, карт. **Г. Семирадскаго.**—Кардиналъ Медичи упрекаетъ своего брата, карт. **Дюгро.**—Явленіе св. Георгія, крестоносцамъ, рисун. **Г. Доре.** — Водоносцы въ Каирѣ, кар. **Б. Констана.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

У всѣхъ книгопродавцевъ продается новая книга

Н. А. ЛЕЙКИНА

МѢДНЫЕ ЛБЫ.

1880 г. около 300 стр., 65 разск. Ц. 1 р. 50 к., безъ пер.

Тамъ-же продаются слѣдующія книги

Н. А. ЛЕЙКИНА

СОВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ.

1880 г., около 300 стр. убористой печати, 72 разск. Ц. 1 р. 50 к. безъ перес.

Тамъ-же продаются слѣдующія книги

Н. А. ЛЕЙКИНА

НАШИ ЗАБАВНИКИ.

1879 г., 78 юмористическихъ разсказовъ, 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

РАДИ ПОТѢХИ.

1879 г., 63 юмор. разсказа, 308 стр. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ.

1879 г., 40 юмор. разск., 318 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.

(Изданіе 2-е дополненное).

1880 г., 87 юмор. разск., 320 стр. Ц. 1 р. 50 к. Лица, выписывающія не менѣе трехъ книжекъ отъ автора (С.-Петербургъ, Николаевская ул. № 48), за пересылку ничего не платятъ).

При этомъ нумерѣ прилагается шестой двойной листъ романа А. Михайлова **„Чужіе грѣхи“.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 мая 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Томъ I. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. Годъ VIII.

№ 20. За годъ съ пер. и дост.—7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 к. за нумеръ. За полгода—4 руб. 17 Мая 1880 года.

Изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Повѣсть А. М. Филипова.

(*Продолженіе.*)

Глава II.

Братъ.

На другой день я проснулся часовъ въ девять или десять. Въ домѣ было тихо, лишь храпъ Семена Григорьевича раздавался звонко.

Нѣсколько минутъ я полежалъ, потомъ вскочилъ и побѣжалъ въ кухню. Тамъ я засталъ за чаемъ и Зиновью и кухарку: Анна Петровна давно встала и успѣла уже накормить дѣтей. Я попросилъ умыться; съ дороги я былъ до крайности запыленъ. Зиновья принесла въ мою комнату умывальникъ и чашку. Умывшись и одѣвшись, я вышелъ въ гостиную и взглянулъ въ зеркало: лицо горѣло отъ загара и пыли, глаза блестѣли. Костюмъ-же мой былъ верхъ совершенства: на мнѣ былъ темно-вишневаго цвѣта фракъ, съ металическими, золочеными пуговицами, бѣлый пикейный жилетъ, такія-же панталоны, легкія ботинки на ногахъ и бѣленькій галстухъ. Франтъ — хоть куда. Въ довершеніе-же эфекта, я предъ выѣздомъ изъ Николаева, купилъ себѣ бѣлую, въ черныхъ полоскахъ, шапку изъ особенной волосяной матеріи, съ шелковою кисточкою по срединѣ. Крышка фуражки была широка, а козырекъ—маленькій.

Весь этотъ нарядъ показался мнѣ необыкновенно изящнымъ и я, съ самодовольствіемъ глядя въ зеркало, надѣлъ фуражку, чтобы увидѣть, къ лицу-ли она мнѣ.

За мною послышался шорохъ.

Я оглянулся — предо мною стояла Анна Петровна.

— Можно-ли такъ безобразить себя... фракъ съ короткими фалдами... кургузый... да такъ носили лѣтъ десять тому назадъ... А цвѣтъ... цвѣтъ...

— Дорогое сукно, замѣтилъ я.

— Я говорю не о качествѣ сукна, а о цвѣтѣ... Шапка твоя—да это верхъ безобразія...

— Закажу себѣ гимназическій мундиръ, пробормоталъ я, — у насъ, въ провинціи, это модный костюмъ.

— Сейчасъ-же пошлю за портнымъ: закажи себѣ мундиръ.

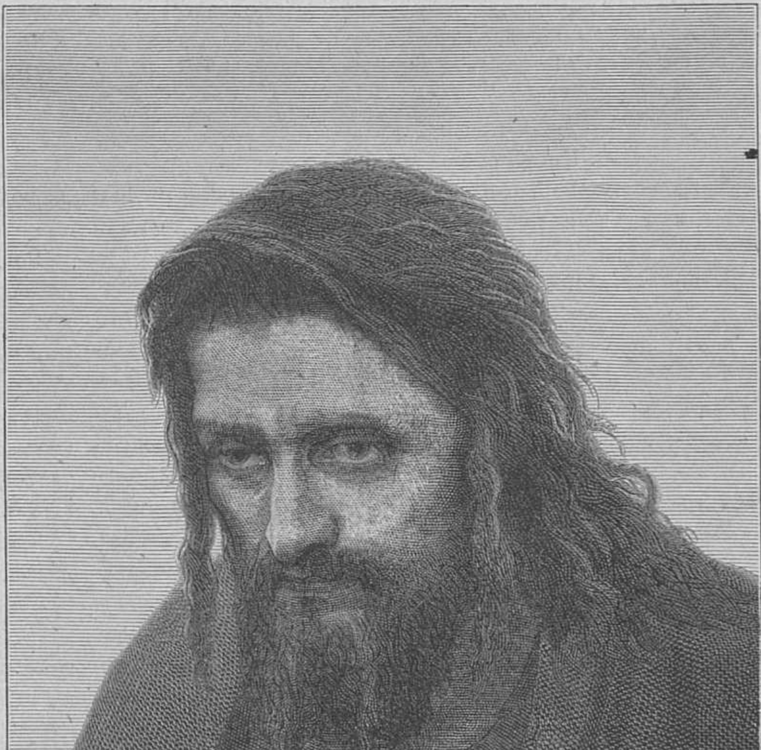
— Можетъ быть, я еще экзамена не выдержу.

— Выдержишь...

Въ это время я заглянулъ вновь въ зеркало и дѣйствительно я былъ смѣшонъ: вся моя фигура имѣла какое-то птичье выраженіе. При этомъ вспомнилъ, что фракъ-то въ самомъ дѣлѣ не ахти какой модный. Лѣтъ десять предъ тѣмъ у родителей моихъ былъ балъ по случаю 16-ти лѣтняго дня рожденья моего старшаго брата и къ этому торжеству ему сшили фракъ. Послѣ того братъ мой поступилъ въ военную службу и фракъ его остался у матери моей, какъ пріят-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА И. Н. КРАМСКОГО.



Голова Христа.

Рисовалъ **самъ авторъ**; рѣзалъ на деревѣ **Паннемакеръ** въ Парижѣ.

ное воспоминаніе о сынѣ. Уѣзжая изъ Николаева, я выпросилъ этотъ фракъ, разсчитывая произвести въ немъ такой-же поразительный эфектъ, какой произвелъ братъ мой на знаменитомъ балѣ.

— Такъ фракъ, по вашему мнѣнію, не модный, сказалъ я, краснѣя, вспомнивъ историческое его происхожденіе.

— Ты въ немъ просто смѣшонъ... Сейчасъ пошлю за портнымъ.

Она вышла. Нѣсколько минутъ спустя, Зиновья принесла мнѣ чашку чаю. Только-что я усѣлся у окна, какъ на улицѣ послышался картавящій голосъ, похожій на голосъ попугая:

— Братъ!.. братъ!.. братъ!..

Я выглянулъ въ окно: на панели стояла большая краснолицая фигура, съ выпученными глазами, въ военной фуражкѣ и длиннополомъ темнозеленомъ сюртукѣ, въ петличкѣ котораго красовалась орденская ленточка св. Анны и дворянская медаль за 12-й годъ. Фигура эта глядѣла стекловидными глазами своими въ окно и складывала съ большимъ стараніемъ фуляровый платокъ въ полукруглую форму, чтобы спрятать его въ карманъ.

Когда я выглянулъ въ окно, картавящій господинъ приложилъ руку къ козырьку въ видѣ поклона и сказалъ:

— Встрѣтилъ на базарѣ вашу кухарку: она мнѣ передала уже о вашемъ пріѣздѣ... Вы въ гимназію?..

— Въ пятый класъ...

— Моего разбойника никакъ не могу приготовить въ гимназію... Что братъ мой спитъ еще? Скажите ему, когда онъ проснется, что я успѣлъ отслушать заутреню, быть на базарѣ и выпить два ока полыннаго вина... *) Теперь иду спать... И вы заходите ко мнѣ съ братомъ...

Фигура выпрямилась въ струнку и, постукивая толстою палкою, удалилась величественно, по временамъ только откашливаясь басомъ и поплевывая по сторонамъ.

Когда она исчезла, я вспомнилъ, что Семенъ Григорьевичъ имѣлъ у себя на воспитаніи племянника, сиротку — Сашу, отецъ котораго служилъ гдѣ-то въ военной службѣ.

Первое мое знакомство съ Сашей, лѣтъ семь тому назадъ, представилось ясно въ моемъ воображеніи. Я съ родителями моими переѣхали въ домъ Семена Григорьевича вечеромъ и хозяинъ съ семействомъ своимъ стѣснились въ трехъ комнатахъ; остальныя-же семь или восемь отданы были намъ.

Мы устроились въ этомъ домѣ очень комфортабельно, въ особенности я. У меня имѣлось много голубей и въ домѣ я нашелъ отличный голубятникъ на сѣнномъ чердакѣ. Перевязавъ крылья голубямъ, чтобы они не перелетѣли на прежнюю нашу квартиру, я устроилъ ихъ на

*) Око имѣетъ 2 бутылки. Бѣлыя бессарабскія вина, когда они молоды, настаиваются на полыни. При привычкѣ, вино это прохладительно и пріятно.

голубятникѣ и ежедневно выпускалъ своихъ питомцевъ на крышу для того, чтобы они попривыкли къ мѣстности. Нѣкоторое время спустя, утромъ, когда я кормилъ на голубятнѣ моихъ голубей, я услышалъ за собою звонкій смѣхъ. Я оглянулся: предо мною стоялъ мальчикъ лѣтъ семи, бѣлолицый, въ зеленой суконной курточкѣ и такихъ-же панталонахъ.

— Что тебѣ нужно? спросилъ я.

— Голубей посмотрѣть, отвѣчалъ онъ, сильно заикаясь.

— Ты-же кто такой?

— Дядинъ племянникъ...

Я догадался, что это тотъ племянникъ-сиротка, котораго дядя отдалъ въ пансіонъ.

— Ты сегодня отпущенъ домой по случаю праздника?

— Да. Можно взять одного голубя въ руки? спросилъ онъ.

— Нѣтъ: они не привыкли.

— Я возьму.

— Нѣтъ, не возьмешь...

Въ это время одинъ изъ голубей близко подошелъ къ намъ; Саша ударилъ его ногой. Голубь отскочилъ и, прихрамывая, забился въ уголъ. Я вспылилъ: схватилъ мальчика за воротъ и повелъ его изъ голубятни. Саша, хотя былъ всего на два года моложе меня, однакожъ, оказался силенъ не по лѣтамъ. Сначала онъ сильно уперся ногами и мнѣ трудно было сдвинуть его; потомъ онъ началъ бить меня ногами и руками. Я-же съ своей стороны вначалѣ хотѣлъ только вытолкнуть его изъ голубятни; когда-же онъ сталъ драться, я пустилъ въ ходъ и свои кулаки и тузилъ его нѣсколько минутъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сталъ кричать:

— Больше не буду...

— Не будешь, прошипѣлъ я, задыхаясь.—Вонъ съ чердака и если въ другой разъ появишься, я тебя сброшу съ лѣстницы.

Онъ вырвался изъ моихъ рукъ, побѣжалъ по лѣстницѣ и на половинѣ пути споткнулся и полетѣлъ внизъ. Я испугался и помчался за нимъ, чтобы подать ему помощь; но онъ быстро вскочилъ съ мѣста, какъ-то дико и неистово расхохотался, нагнулся къ землѣ, схватилъ попавшійся ему камень и попалъ мнѣ въ ногу. Я застоналъ и, хромая, ушелъ въ домъ къ себѣ въ комнату. Сразу у меня вздулась нога, такъ что вынуждены были послать за докторомъ. Я, однакожъ, никому не разсказалъ о причинѣ моей болѣзни. Всѣ были увѣрены, что я оступился.

Вечеромъ того-же дня я лежалъ въ кровати и въ комнатѣ моей не было свѣчи, но теплилась лишь у иконы лампада. Нога была обложена льдомъ, боль стала утихать и я задремалъ. Вдругъ слышу надъ самымъ ухомъ чье-то горячее дыханіе и всхлипываніе. Я вздрогнулъ: у кровати моей стоялъ Саша и, уткнувъ лицо въ мою подушку, сильно плакалъ.

— Чего плачешь? проговорилъ я, догадываясь, что я причиною его слезъ.

Онъ не могъ говорить. Когда онъ бывалъ смущенъ, онъ еще больше заикался.

— Ваня... едва произнесъ онъ.

— Я на тебя не сержусь, продолжалъ я. — Мнѣ не слѣдовало тебя бить такъ сильно.

— Нѣтъ... ты хорошо сдѣлалъ... зачѣмъ-же ты не разсказалъ моему дядѣ, что я злой...

— Не хотѣлъ, чтобы онъ тебя наказалъ.

— Пускай накажетъ... пускай... пускай... кричалъ онъ.

— Меня это огорчитъ, прервалъ я его.—Хуже заболѣю... умру...

— Умрешь?

Онъ поднялъ свою русую растрепанную головку и нѣжно взглянулъ на меня.

— Такъ ты самъ, когда выздоровѣешь, побей меня больно, больно, чтобы и я заболѣлъ...

— Хорошо, хорошо, Саша, ты добрый мальчикъ... дай обниму тебя: прости за то, что я прибилъ тебя...

Онъ обвилъ мою шею рученками и долго плакалъ на моей груди.

— Меня дядя называетъ звѣрькомъ. Я, право, звѣрекъ... Меня всѣ бьютъ: и кухарка, и кучеръ, и дядя... одна только тетя ко мнѣ добра...

— Мать твоя давно умерла?..

— Говорятъ, когда меня еще кормили грудью. Тогда-же привезъ меня сюда отецъ, отдалъ дядѣ и я живу у него съ того времени.

Въ это время вбѣжала босоногая горничная и позвала Сашу чай пить.

Онъ быстро поцѣловалъ меня и исчезъ. Съ тѣхъ поръ я больше съ нимъ не видѣлся: на другой день утромъ его отослали въ пансіонъ; потомъ все семейство Семена Григорьевича переѣхало на казенную квартиру; спустя-же годъ, мое семейство переѣхало сначала въ Крымъ, а оттуда въ Николаевъ. Но описанная мною сцена врѣзалась въ моей памяти и когда странная фигура, кричавшая у окна: «братъ! братъ!» скрылась,—во мнѣ разгорѣлось сильное желаніе поскорѣе посѣтить этого брата, чтобы снова увидѣть Сашу.

Въ это время Семенъ Григорьевичъ проснулся и вышелъ изъ своей комнаты.

Увидѣвъ меня сидящаго у окна, онъ потянулся, зѣвнулъ и промычалъ сквозь зѣвоту:

— Ты уже и одѣтъ.

— Поздно. Вашъ братъ успѣлъ ужь два ока вина выпить.

— А! братъ — Федоръ Моисѣевичъ... развѣ онъ заходилъ?

— Да, и просилъ къ себѣ.

— Послѣ обѣда пойдемъ къ нему.

— Благо.. Пока-же я займусь своими тетрадками и руководствами. Завтра хочу держать экзаменъ.

— Займись, займись... а я вотъ ужь шестнадцать лѣтъ какъ окончилъ лицей и съ того времени, кромѣ «Одесскаго вѣстника» и «Академическаго календаря»,—ничего не читаю... Все—чушь, ерунда. Въ мое время было хорошо въ лицеѣ: когда кто-нибудь засидится долго въ одномъ класѣ, инспекторъ, греко-молдаванъ, бывало, говоритъ экзаменатору: «Писи ему цетирѣ: бо винъ старпинькій». За то пороли, пороли насъ на славу. Самъ инспекторъ велъ счетъ ударамъ, прибавляя: «Одина — крепше... еще крепше... осемь... Парсивое овцо, портяще се стадо...»

— Теперь, замѣтилъ я,—меньше порятъ, за то требуютъ больше на экзаменахъ.

— Это такъ; но всей премудрости не проглотишь. Знаешь изрѣченіе: я знаю только то, что ничего не знаю.

— Все-же учиться нужно.

— Нужно, братецъ, получить дипломъ, заручиться протекціею и выйдти на дорогу: это говоритъ житейская мудрость... «премудрость»,— пробасилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Я отправился къ своему зеленому сундучку и вынулъ изъ него книги. Въ это время вошла въ мою комнату Зиновья: на ней было ситцевое чистое платье и бѣлый передничекъ. Она показалась мнѣ очень миленькою. Я послалъ ей воздушный поцѣлуй.

— Отчего это у васъ, спросила она вдругъ,— такой большой замокъ на сундукѣ; да и самый сундукъ такой тяжелый, громоздкій.

Я улыбнулся. Въ сундукѣ были книги и тетради, что придавало ему особенную тяжесть; но мнѣ захотѣлось пошутить и я сказалъ:

— А тебѣ очень хочется знать, что въ сундукѣ?.

— Я такъ спросила, сказала она обиженнымъ тономъ.—Вчера, когда я несла его съ извощикомъ, сундукъ чуть руки мнѣ не отломалъ. Глядите, онъ окованъ такъ, какъ не оковываютъ даже экипажи; а замокъ на немъ какой-то заграничный: можно-бы и въ магазинъ его употребить.

Я поглядѣлъ на мой сундукъ: онъ дѣйствительно скорѣе походилъ на денежную кассу, чѣмъ на дорожній ящикъ.

— Видите-ли, отвѣчалъ я протяжно,—родители дали мнѣ свой капиталъ, чтобы я помѣстилъ его въ здѣшнемъ банкѣ, а золото и серебро, какъ извѣстно, тяжелы.

— Вотъ какъ, воскликнула она.—Какой-же вы богатый... имѣется у васъ тысячи двѣ?..

— Сотни тысячъ—не хотите-ли?..

Въ это время вошелъ Семенъ Григорьевичъ. Зиновья убрала молча комнату и ушла. Я принялся за свои занятія: такъ прошло время до обѣда. Послѣ обѣда съ Семеномъ Григорьевичемъ я пошелъ къ двоюродному его брату, Федору Моисѣевичу. Тотъ жилъ недалеко отъ насъ въ собственномъ домикѣ.

Домикъ его стоялъ на углу и представлялъ развалину, въ полномъ значеніи этого слова. Крыша, нѣкогда крытая дранью, провалилась, окна были заколочены досками. Мы подошли къ воротамъ.

— Неужели Федоръ Моисѣевичъ живетъ въ этой развалинѣ, невольно воскликнулъ я.

— Нѣтъ, увидишь...

Семенъ Григорьевичъ постучалъ въ калитку. Звонкій лай цѣпной собаки раздался по двору и чрезъ нѣсколько минутъ отворила дверь престарѣлая женщина, сгорбленная такъ, что спина ея образовывала съ ногами почти прямой уголъ.

— Здорово, баба, твой баринъ уже всталъ?

— Какъ-же... ужь по второму разу посылали за полыннымъ...

— Значитъ онъ въ сильномъ нетерпѣніи...

Войдя въ ворота, я увидѣлъ обширный дворъ, заросшій деревьями и кустарниками желтой акаціи, шиповника и розъ. Прямо, въ концѣ двора, стоялъ маленькій, каменный флигелекъ; а направо—каменный, новой постройки, хлѣбный магазинъ, крытый желѣзомъ. Семенъ Григорьевичъ направился къ магазину. На порогѣ встрѣтилъ насъ Федоръ Моисѣевичъ. На немъ была легкая, лѣтняя накидка.

— Милости просимъ, милости просимъ, говорилъ онъ и при этомъ лицо его приняло выраженіе, какъ будто что-то засѣло у него въ горлѣ и онъ точно давился.—Это моя хата, продолжалъ онъ,—лѣтомъ, когда магазинъ никѣмъ не нанятъ, я самъ въ немъ живу. И прохладно и удобно. Прошу сѣсть... Бабо! бабо!..

Появилась старуха.

— Твой каторжный сынъ—Грицко еще не вернулся? Вотъ ужь пятый день, какъ онъ не показывается домой: ужо я его... въ полиціи теперь отдеру...

Старуха безстрастно взяла большую бутыль и поплелась съ ней.

— Вотъ эту плетку, Федоръ Моисѣевичъ показалъ нагайку, съ ручкой изъ ножки дикой козы,—я держу для милаго сынка моего и для моей челяди. Это—крѣпостные моей покойной жены: они достались мнѣ въ приданое вмѣстѣ съ этимъ домикомъ. У меня съ ними только возня: корми и одѣвай ихъ.

— Отчего-же вы не освободите ихъ: пускай идутъ во всѣ четыре стороны...

— Какъ отпустить?

Онъ вытаращилъ на меня свои стеклянные глаза и сдѣлалъ снова гримасу, какъ будто-бы давится.

— А плетку развѣ я напрасно купилъ?.. мнѣ она не нужна: все для ихъ блага.

— Старуха глядитъ уже въ землю, продолжалъ я съ жаромъ.

— Меня и васъ переживетъ... но вы хотите, быть можетъ, видѣть моего разбойника-сына? Идемте во флигель; онъ сегодня наказанъ... и хотя праздникъ, но онъ все послѣ обѣда пишетъ: онъ долженъ написать десять разъ «Отче нашъ» хорошимъ почеркомъ.

Онъ повелъ насъ во флигель.

Флигель состоялъ изъ сѣней, изъ которыхъ налѣво вела дверь въ маленькую кухню, а направо—въ довольно обширную комнату, хорошо меблированную.

Посреди комнаты, у стола, стоялъ толстый дубовый обрубокъ и, прикованный къ нему цѣпью, сидѣлъ Саша и выводилъ «Отче нашъ».

— Вотъ онъ, разбойникъ, полюбуйтесь имъ. Вчера выпустилъ его походить по улицѣ, онъ сцѣпился съ мальчиками и они сдѣлали ему вотъ этотъ разрѣзъ на лбу; сегодня онъ схватилъ кошку и до тѣхъ поръ ее теребилъ, покамѣстъ она не вцѣпилась ему въ носъ и буквально оторвала кончикъ носа... Глядите, какъ онъ весь распухъ: все лицо въ бинтахъ.

Дѣйствительно, все лицо Саши было завязано. Я подошелъ къ нему и подалъ ему руку. Онъ протянулъ было мнѣ свою руку, но вдругъ отдернулъ ее и отвернулся отъ меня.

— Ради меня, простите ему, сказалъ я. — Поглядите, какой у него милый почеркъ и какъ грамотно онъ пишетъ.

— Слышишь, разбойникъ, ради гостя, прощаю тебя. Посмотри на него: онъ только двумя годами старше тебя, а держитъ уже въ пятый класъ гимназіи экзаменъ.

— Я учителей не имѣлъ, прошепталъ Саша.

— И онъ безъ учителей приготовился.

— Я хочу учиться, сквозь слезы возразилъ Саша.

— Я бралъ тебѣ дьячка изъ собора: еще кого тебѣ надо, разбойникъ?

— Дьячекъ не училъ меня, а только билъ и мучилъ... я... я... запка... а онъ заставлялъ меня по двадцать разъ читать одну и туже молитву, да притомъ громко, чтобъ каждое слово отчеканивать. Это пытка.

— Да и ты совсѣмъ перестала отвѣчать ему на урокахъ... за это я тебя самъ посѣкъ плеткой. Потомъ ты три дня сидѣлъ на цѣпи, на этой колодкѣ, на хлѣбѣ и водѣ, но ты не повинился и совсѣмъ перестала учиться...

— Со мною ты будешь учиться? Я тотъ Ваня, который когда-то тебя на голубятнѣ побилъ...

Саша, который до того сидѣлъ отвернувшись отъ насъ, повернулъ лицо свое ко мнѣ и нѣжнымъ, сконфуженнымъ голосомъ прошепталъ:

— Я тебя... я васъ не узналъ... какъ вы выросли... съ вами я буду учиться прилежно—увидите.

Въ это время вошла старуха и доложила, что вино приготовлено въ магазинѣ.

Семенъ Григорьевичъ и братъ его устремились въ магазинъ; я поплелся за ними. Признаюсь, на меня произвели грустное впечатлѣніе и личность Федора Моисѣевича, и положеніе Саши, и бѣдная сгорбленная старуха, — все это терзало мое сердце.

Я взялъ свою фуражку и собирался уйти.

— Куда? спросилъ хозяинъ.

— Домой. Мнѣ нужно готовиться къ экзамену.

— Когда-же увидимся?

— Какъ только окончу экзамены. Я зайду къ вамъ, чтобы условиться въ какіе часы заходить къ вамъ для занятій съ Сашею.

— Очень благодаренъ, на счетъ вознагражденія—условимся...

— Это дѣло послѣднее... Семенъ Григорьевичъ, вы останетесь здѣсь?

— О дѣлѣ потолкуемъ съ братомъ, сказалъ Семенъ Григорьевичъ, нѣжно посматривая на стаканъ свой.

Я быстро ушелъ. Старуха, съ несвойственною ея лѣтамъ и хилости скоростью, догнала меня и, выпустивъ изъ калитки, прихлопнула ее.

Я устремился домой.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Безъ пути во мракѣ.

Разсказъ **Д. Черткова.**

Настала ночь... бушуетъ вѣтеръ въ полѣ,
Блистаетъ снѣгъ алмазомъ при лунѣ...
Мнѣ вспомнилась внезапно поневолѣ
Вся жизнь моя и, будто бы во снѣ,
Передо мной проходитъ вереница
Знакомыхъ лицъ и дней пережитыхъ
Въ страданіяхъ, въ стремленіяхъ пустыхъ.
Былые дни, знакомыя мнѣ лица,
Лежитъ на васъ печать моей тоски,
Что жизнь мою до гробовой доски,
Преслѣдуетъ, какъ ада привидѣнье,
Убивъ навѣкъ блаженство наслажденья...

Хоть я привыкъ къ кручинѣ и къ печали,
Хоть я всегда томился на землѣ,
Я все искалъ какой-то чудной дали,
Гдѣ не живутъ, какъ ночью, какъ во мглѣ,
Гдѣ не томитъ души несчастной горе,
Гдѣ-бъ я нашелъ свой чудный идеалъ.
Всю жизнь свою безъ пользы я искалъ,
Надѣялся на отдыхъ на просторѣ...
Напрасно все и скорбію земной
Я окруженъ, какъ будто бы стѣной,
Какъ будто бы въ темницу заключенный,
Печалію, какъ цѣпью, удрученный.

Кругомъ, вездѣ я вижу лишь страданье
Иль явное, иль скрытое въ груди,
И душитъ всѣхъ безжалостно рыданье,
У всѣхъ печаль кругомъ и впереди.
Ни у кого надежды нѣтъ завѣтной,
Которая бы въ горѣ помогла.
Жизнь прошлая лишь муки принесла
И будущность намъ кажется безцвѣтной,
Мечты давно исчезли навсегда...
Мнѣ вспомнились минувшіе года
И вспомнилъ я о личности забытой,
На кладбищѣ засыпанной, зарытой.

Всю жизнь свою въ печали и тревогѣ
Онъ мучался напрасною мечтой.
Онъ брошенъ былъ на жизненной дорогѣ
И былъ забытъ той сферою пустой,
Въ которую закинутъ былъ судьбою.
Предпринялъ онъ напрасную борьбу,
Но былъ сраженъ. Теперь лежитъ въ гробу,
Подкошенный душевною борьбою.
Не могъ себѣ онъ счастія найдти,
Встрѣчая лишь преграды на пути...
Случайное дитя холодной сферы,
Гдѣ нѣтъ любви, гдѣ чувства нѣтъ и вѣры.

Онъ окруженъ былъ съ самой колыбели
И роскошью, и яркой мишурой,
И чередой блестящей пролетѣли
Дни первые бездѣльною порой.
Насмѣшкою судьбы своей злорадной
Онъ родился въ пеленкахъ кружевныхъ.
Предметомъ былъ онъ зависти иныхъ,
Прельщаемыхъ наружностью парадной,
Наружностью обманчивой, пустой,
Завѣсою блестящей, золотой,
Которою искустно прикрывали
Пятно нужды и темный видъ печали.

Онъ росъ въ семьѣ, въ средѣ извѣстной, знатной,
Воспитанный наемною рукой
И онъ не зналъ семейной, благодатной
Той жизни, гдѣ и счастье и покой.
Отецъ его серьезный и суровый
Лишь изрѣдка о сынѣ вспоминалъ,
А мать его, то ѣздила на балъ,
То занята была прической новой;
И сынъ одинъ, забытый, въ сторонѣ
Печально росъ, почти наединѣ
Съ младенческой мечтой первоначальной;
Онъ былъ томимъ ужь думою печальной.

Прошли года все тѣже и все тѣже,
Ни принося съ собою ничего.
Ребенокъ росъ. Отецъ его все рѣже
Сталъ обращать вниманье на него;
Онъ занятъ былъ своей веселой сферой
Иль легкою интригою. А мать,
Когда гостей хотѣла принимать,
Старалася всегда искустной мѣрой
Ребенка скрыть, чтобъ скрыть свои года.
Она была красива, молода,
Не лишена изряднаго кокетства...
Такъ пронеслось печально время дѣтства.

Такихъ семей у насъ въ столицѣ много,
Гдѣ сынъ ростетъ на произволъ судьбы;
Погибнетъ онъ иль будетъ жить убого,
Иль, слишкомъ гордъ для просьбы и мольбы,
Покончитъ онъ съ своимъ существованьемъ.
Довольствуясь наружностью пустой,
Никто не зналъ начала драмы той.
Придетъ конецъ, съ притворнымъ состраданьемъ
Столичный свѣтъ удивится сперва,
Поговорятъ объ этомъ день или два,
Появятся насмѣшки и остроты
И все на вѣкъ забудутъ безъ заботы.

Несчастенъ тотъ, кто въ той средѣ холодной
Родился не безъ сердца и души,
Въ кругу интригъ, въ кругу натяжки модной,
Гдѣ жизни нѣтъ, но нѣтъ и той тиши,
Которая покой душѣ-бъ давала,
Гдѣ иль ведетъ все къ цѣли мелочной,
Иль злобы все исполнено одной,
Гдѣ иль живутъ по гробъ безъ идеала,
Иль всѣхъ влечетъ постыдный идеалъ!
Несчастенъ тотъ, кто въ ту среду попалъ,
Гдѣ пошло все, и грязно, и позорно,
Гдѣ чувства нѣтъ, гдѣ въ людяхъ все притворно,

Гдѣ сыновья пойдутъ путемъ разврата,
И золотомъ, и шпорами звеня.
На нихъ падетъ тяжелая расплата.
Тогда они, родителей виня,
Пошлютъ въ душѣ имъ злобное проклятье,
Возмездіе, достойное за то,
Что все у нихъ виной ихъ прожито,
Все, деньги, честь, пропало безъ изъятья,
И унесутъ въ могилу поскорѣй
Грѣхи отцовъ, ошибки матерей,
Толпу потерь тяжелыхъ безъ возврата,
Посмертныя послѣдствія разврата.

А если сынъ отъ самой колыбели
Пойдетъ впередъ дорогою другой,
Не захотѣвъ жить праздно и безъ цѣли,
Стремясь къ мечтѣ завѣтной, дорогой,
Стремясь уйдти отъ жизни той безцвѣтной,
Гдѣ давитъ всѣхъ тяжелый, вѣчный гнетъ,
До цѣли онъ, несчастный, не дойдетъ,
Не добредетъ до цѣли той завѣтной,
Которую онъ видѣлъ впереди,
Которую таилъ въ своей груди,
И будетъ жить, томясь мечтой безплодной,
Ни къ пользѣ, ни къ стремленіямъ негодный.

Ребенокъ росъ и сталъ онъ незамѣтно
Печальнѣе, грустнѣе съ каждымъ днемъ.
Родители сперва старались тщетно
Узнать печаль его, потомъ о немъ
Забыли вновь. Прошли такъ дни и лѣта,
Ребенокъ сталъ ужь юношей, тогда
Онъ замѣчать ужь началъ безъ труда
Всѣ дѣйствія родителей и свѣта.
Онъ не видалъ всего до той поры,
Что крылося подъ блескомъ мишуры,
Онъ нищету увидѣлъ золотую
И суету бездѣльную, пустую.

Въ семьѣ своей, гдѣ чувства не бывало,
Онъ никого ни уважать не могъ,

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

КАРТИНА ГРОЛЛЕРОНА.

Когда кошки нѣтъ дома...

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

Ни полюбить. Въ ней было слишкомъ мало
Той жизни, что, вдали отъ всѣхъ тревогъ,
Даетъ просторъ влеченіямъ сердечнымъ,
Любви къ роднымъ, привязанности къ нимъ.
Держались въ ней приличіемъ однимъ,
Забавой и весельемъ безпечнымъ;
Въ ней жили лишь той жизнью напускной
Для суеты, для мелочи одной,
Въ которой все обманчиво и ложно,
Безжизненно, но все-таки тревожно.

Но гдѣ-жь найдти намъ въ юношества годы
Кого любить, когда въ семьѣ родной
Встрѣчаемъ мы лишь мелкія невзгоды,
Коль въ ней найдти не можемъ ни одной
Такой души, которой бы собою
Пожертвовать мы съ радостью могли,
Въ которой бы спокойствіе нашли,
Разбитые тяжелою борьбою.
Такъ гдѣ-жь найдти блаженство и покой,
Когда съ семьей нѣтъ связи никакой?
Въ развратѣ-ли, въ весельи-ль распутномъ,
Въ влеченьи-ли напрасномъ и минутномъ?

Намъ иногда развязкою случайной
Становятся извѣстны скорби тѣ,
Которыя скрывались долгой тайной
Въ весельи, въ житейской суетѣ.
Блестящая довольства позолота
Стирается на вѣки безъ слѣда
И видимъ мы, какъ горе и нужда,
Какъ тяжкая, ужасная забота
Скрывались такъ искустно столько лѣтъ.
Теперь не то, завѣсы прежней нѣтъ,
Нѣтъ красоты искуственной, притворной,
Доступенъ всѣмъ картины видъ позорный.

И слышится повсюду смѣхъ злорадный
И падшаго унизить всякій радъ
Съ ироніей жестокой, безпощадной,
Не знающей границы и преградъ;
Съ вниманіемъ бездѣльнымъ, хладнокровнымъ,
Слѣдя за тѣмъ, какъ прежній другъ его
Лишенъ на вѣкъ блаженства своего,
За мукою, за скрежетомъ зубовнымъ.
Придетъ пора, измѣнчивой судьбой
Сраженный, онъ услышитъ надъ собой
Насмѣшки тѣхъ, съ кѣмъ самъ былъ прежде друженъ
Лишь оттого, что былъ порою нуженъ.

И такъ все шло шаблонно и безцвѣтно
Въ семьѣ его безцвѣтной чередой.
Года прошли, но скоро незамѣтно
Пришлось ему знакомиться съ бѣдой.
Скончалась мать зимою отъ простуды,
Разъ налегкѣ оставивъ шумный балъ.
Отецъ сперва, какъ принято, скучалъ,
Потомъ пошли забавы и причуды.
А сынъ наврядъ-ли могъ жалѣть о ней,
Но онъ съ тѣхъ поръ печальнѣй сталъ, грустнѣй,
Какъ будто бы предвидѣлъ онъ, что вскорѣ
Появится безжалостное горе.

Вино, игра и дамы полу-свѣта,
Какъ шумный вихрь влекли его отца.
Сынъ понималъ, къ чему ведетъ все это,
И съ страхомъ ждалъ ужаснаго конца.
И былъ онъ правъ. Поживъ лишь годъ не въ мѣру,
Разврата всѣ причуды соверша,
Отецъ его остался безъ гроша,
Пустился онъ въ какую-то аферу
И запятналъ въ подлогѣ какъ-то честь.
Тогда стыда не могъ онъ больше снесть,
Не могъ онъ снесть насмѣшекъ злобныхъ свѣта
И пулю въ лобъ пустилъ изъ пистолета.

Такъ кончилась развязкою кровавой
Пустая жизнь бездѣльнаго отца.
Вся жизнь его была сплошной забавой;
Онъ отлагалъ заботы до конца.
Настала конецъ и пулею свинцовой
Онъ разрѣшилъ томительный вопросъ.
Онъ юношей въ средѣ такой же росъ
И годнымъ быть не могъ ужь къ жизни новой
Иль оттого, что вовсе не желалъ
Создать себѣ душевный идеалъ,
Иль оттого, что силы въ немъ заѣли
И пустота, и ложь отъ колыбели.

И вотъ примѣръ правдивый и печальный
Погибели живущихъ для забавъ,
Живущихъ лишь для шумной жизни бальной,
Стремленія душевныя поправъ.
Веселье... смѣхъ... потомъ концомъ трагичнымъ,
Кончается забава навсегда —
Концомъ людей не годныхъ для труда.
Возможность есть тогда кружкамъ столичнымъ
Поговорить въ бездѣльи пустомъ
Съ зѣвотой иль съ насмѣшкою о томъ.
Такъ свѣтская безсмысленная злоба
Проводитъ насъ и за предѣлы гроба.

Отецъ забылъ тогда вполнѣ о сынѣ,
Когда рѣшилъ покончить онъ съ собой,
И тотъ одинъ остался, какъ въ пустынѣ,
Подавленный жестокою судьбой.
Хотя отца и мать любилъ онъ мало,
Спокойно снесть не могъ онъ тѣхъ потерь.
Онъ сталъ одинъ; онъ понялъ, что теперь
Ему за трудъ приняться надлежало,
Вступить въ борьбу съ ужасной нищетой,
Прервать на вѣкъ сношенія съ пустой
Той сферой, гдѣ все пошло, лицемѣрно,
Подъ маскою все грязно и мизерно.

Съ младенчества знакомъ онъ былъ съ подкладкой—
Среды своей наружно—золотой,
Гдѣ принято томиться лишь украдкой
Печальною, тяжелою мечтой;
Гдѣ столько слезъ скрывается умѣло
Безпечностью притворной, напускной,
Гдѣ нѣтъ души открытой ни одной
И чувство изъ приличья зачерствѣло,
Гдѣ смѣшаны и золото, и грязь.
Рѣшился онъ прервать на вѣки связь
Съ средою той противною, бездѣльной,
Идти впередъ дорогою отдѣльной,

Идти впередъ тернистою дорогой,
Встрѣчая лишь несчастья на пути,
Бороться все съ нуждою и тревогой
И тяжкій крестъ безропотно нести,
Чтобъ не видать ни временной отрады,
Ни счастья, ни покоя на землѣ
И ощупью, какъ будто бы во мглѣ,
Отталкивать грозящія преграды,
Идти впередъ съ боязнью, наугадъ,
Идти впередъ, чтобъ не идти назадъ,
Чтобъ не упасть въ грозящую пучину;
Терпѣть печаль, страданье и кручину.

Онъ понималъ всю тягость положенья,
Въ которое поставленъ былъ судьбой,
Но онъ былъ полнъ энергіи, стремленья
И отступить предъ жизненной борьбой
Онъ не хотѣлъ, какъ ратникъ молодушный,
Котораго-бъ опасность не влекла.
Хоть жизнь ему казалась тяжела,
Онъ шелъ на бой спокойный, равнодушный,
Съ надеждой на грядущіе года.
Онъ съ честностью и помощью труда,
Въ борьбѣ съ судьбой безжалостной, враждебной
Хотѣлъ достичь свой идеалъ волшебный.

Но не легка была его задача
Достигнуть цѣль при помощи труда.
Препятствія, лишенья, неудача
И горестей внезапныхъ череда
Загородить могли ему дорогу
Высокою и крѣпкою стѣной,
И сталъ бы жить онъ скорбію одной,
Надеждъ своихъ лишившись понемногу,
Разбивши свой напрасный идеалъ,
Забывши все, о чемъ порой мечталъ
Съ надеждою и вѣрою слѣпою,
Когда пошелъ тяжелою тропою.

Онъ родился съ душою непокорной,
Съ стремленіемъ въ невѣдомую даль,
Гдѣ не живутъ одною жизнью вздорной,
Гдѣ не томитъ сердца людей печаль;
И въ свѣтлый мигъ фантазіи безбрежной
Роились въ немъ чудесныя мечты,
Твердившія: «счастливцемъ будешь ты
И будешь жить ты жизнью безмятежной».
Онъ вѣрилъ имъ, внималъ онъ имъ въ тиши,
Созданіямъ младенческой души,
И вслѣдствіе стремленій невозможныхъ
Онъ пережилъ не мало дней тревожныхъ.

Трудился онъ; дни быстро пролетѣли
Въ безропотныхъ лишеньяхъ и нуждѣ,
Но ближе стать къ своей не могъ онъ цѣли
И радости не могъ найдти нигдѣ.
Его тоска безжалостно томила,
Стремленіе душевное влекло
Въ какой-то край, гдѣ чисто, гдѣ свѣтло,
Въ немъ падали энергія и сила.
Страданія хотѣлъ онъ превозмочь,
Но отогнать мечты и думы прочь
Не въ силахъ былъ страдалецъ одинокій...
Томился онъ печалію глубокой.

Онъ былъ одинъ, любви святой не зная,
Безъ близкаго, родного существа.
Привязанность пустая, мелочная
Прельстить его собою не могла.
Стремился онъ къ любви высокой, чистой;
Онъ существа достойнаго искалъ,
Но исчезалъ все дальше идеалъ,
А онъ все шелъ дорогою тернистой.
Тропа была все уже и темнѣй,
Онъ шелъ съ трудомъ, съ усиліемъ по ней;
Истративши весь пылъ горячей силы,
Онъ ждалъ конца, покоя, сна могилы.

Родителей виня за всѣ невзгоды,
Онъ проклиналъ со злобой ихъ за то,
Что въ первые, младенческіе годы
Онъ былъ лишенъ семейства и всего,
Что укрѣпить могло въ немъ человѣка;
За то, что онъ не видѣлъ никогда
Спокойствія; за то, что ихъ среда,
Созданіе безсмысленнаго вѣка,
Заботилась лишь только о себѣ,
Не думая о горестной судьбѣ,
Которая грозила днямъ грядущимъ
Безчестьемъ иль страданіемъ гнетущимъ.

Теперь въ борьбѣ тяжелой и неровной
Онъ изнывалъ отъ горя и нужды
И на него съ улыбкой хладнокровной,
Безъ жалости, безъ чувства, безъ вражды
Смотрѣли тѣ, что алчною, бывало,
Роились толпой вокругъ него.
Онъ обѣднѣлъ, лишился онъ всего
И преданныхъ друзей уже не стало,
Стремящихся къ приманкѣ золотой.
Онъ не жалѣлъ о дружбѣ ихъ пустой,
О дружбѣ ихъ разсчетливой, наемной,
Направленной къ богатству, съ цѣлью темной.

Онъ не хотѣлъ дойдти до униженья
И расточить предъ сильными мольбы.
Онъ съ гордостью хотѣлъ снести мученья
И тягости безжалостной судьбы,
И на своемъ онъ настоялъ до гроба.
Страшить его собою не могли
Могучіе и сильные земли
И общества безсмысленная злоба.
Онъ не хотѣлъ идти другой тропой,
Излюбленной нечестною толпой,
Гдѣ съ совѣстью уступчивой и лживой
Живутъ однимъ обманомъ и наживой.

И умеръ онъ, подавленный кручиной,
Подъ тягостью страданья и тоски,

Страдальческой, тяжелою кончиной.
До гробовой онъ мучился доски,
Проживъ свой вѣкъ въ стремленьяхъ къ смутной цѣли,
Истративши всѣ силы лишь на то,
Чтобъ не достичь до смерти ничего.
Надъ нимъ года страданій пролетѣли,
Года тоски и тайныхъ, горькихъ слезъ,
Не пощадивъ ни юношескихъ грезъ,
Ни молодой отваги, полной силы...
Онъ отдохнулъ лишь въ сумракѣ могилы.

Не могъ себѣ никакъ онъ дать отчета
Въ томъ, что хотѣлъ. Онъ ощупью блуждалъ
Подъ бременемъ безжалостнаго гнёта.
Онъ лучшихъ дней безъ основанья ждалъ,
Но дни прошли, онъ понялъ, что напрасно
Стремленія въ душѣ онъ согрѣвалъ,
Что ложенъ былъ неясный идеалъ,
Что ложно то, что кажется прекрасно,
И не съумѣлъ разсѣять онъ никакъ
Ту темноту, тотъ вѣчный, тяжкій мракъ,
Что окружалъ его отъ колыбели...
Онъ шелъ впередъ безъ постоянной цѣли.

Засмѣйся-же, толпа людей злорадныхъ!
Еще одинъ не выдержалъ борьбы,
Не выдержалъ мученій безпощадныхъ,
Палъ жертвою безжалостной судьбы.
Васъ всѣхъ влечетъ, поклонники разврата,
Къ погибели страстей водоворотъ,
Живете вы въ забавахъ, безъ заботъ,
Но часъ придетъ и тяжкая расплата
Нагрянетъ вдругъ въ пылу мірскихъ забавъ.
Безсмысленно всѣ силы промотавъ
Для цѣли иль пустяшной или вредной,
Толпою вы исчезнете безслѣдной.

Разъ въ мѣсяцъ.

Бесѣда **И. Василевскаго (Буквы.)**

(*Окончаніе.*)

V.

Коснемся теперь подробностей религіознаго сеанса.

Отличительною чертою пашковской секты можетъ служить хоровое пѣніе мірянъ, заимствованное г. Пашковымъ у обычаевъ католической и протестантской церквей. Пашковцы поютъ подъ музыку, подъ акомпаниментъ органа, отдѣльныя пѣсни, заимствованныя изъ названной уже книжки «Любимыхъ стиховъ». Каждая пѣсня положена на иной музыкальный мотивъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что дилетантъ-музыкантъ, дѣлавшій инструментовку пѣсенъ, не отличался ни класицизмомъ въ выборѣ, ни излишнею сухостью. Напротивъ, музыка пѣсенъ ближе всего подходитъ къ музыкѣ чисто фортепьянныхъ романсовъ: она тягуча, грустна, меланхолична и очень мелка. За то есть такія пѣсни, на музыкѣ которыхъ явственно отразилось всемогущее опереточное вліяніе послѣдняго десятилѣтія. Я очень далекъ отъ пересола. Нѣкоторые номера пашковской музыки поражаютъ своею легкостью, разудалостью и финально-куплетнымъ шикомъ. Затягиваютъ сначала что нибудь заунывное, сбавляютъ затѣмъ голоса, постепенно доходятъ до piano и pianissimo, а потомъ вдругъ хватятъ мажорный окликъ, перейдутъ къ чисто бравурнымъ руладамъ, переливамъ и оборвутъ вмѣстѣ, круто, неожиданно, точно хоръ воиновъ въ «Маленькомъ Фаустѣ».

Что касается самихъ «Любимыхъ пѣсенъ», то всѣхъ ихъ 36 номеровъ, помѣщающихся на 60 страницахъ крупной, разгонистой печати. «Пѣсни» сочинены самимъ г. Пашковымъ съ нецеремоннымъ отношеніемъ къ основнымъ законамъ стихотворной техники. Литературная брезгливость вліяетъ даже на ваши нервы, когда вы пробѣгаете эти жалкіе, неуклюжіе и тяжелые, какъ свинцовыя подвѣски, вирши, въ которыхъ, по истинѣ, нѣтъ ни складу, ни ладу. Размѣръ въ нихъ совсѣмъ не соблюдается. Очевидно, что авторъ не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго понятія. Произволъ съ удареніями полнѣйшій. Сплошь и рядомъ приходится читать «повѣсть дивную» или «сильную бурю». Рифмовка самая отчаянная, за волосы притянутая, въ родѣ той, которая соблазняетъ насъ въ поздравительныхъ стихахъ клубныхъ швейцаровъ и въ стихотворныхъ просьбахъ къ купцамъ о подаяніи унтеръ-офицерскихъ вдовъ. Двѣ-третьихъ «Любимыхъ пѣсенъ» написаны при этомъ на самый куплетный ладъ. Очевидно, что поэтическіе образцы, съ которыми въ своей жизни имѣлъ случай познакомиться г. Пашковъ, отнюдь не принадлежали къ литературнымъ перламъ. Въ каждой «пѣснѣ» есть только одинъ какой-нибудь мотивецъ, разжеванный и повторенный съ убійственнымъ однообразіемъ въ 4 или 5 отдѣльныхъ куплетахъ, кончающихся одинаковыми припѣвами или refrains. Послѣдніе заслуживаютъ нѣкотораго вниманія со стороны своей курьезности. Одни refrains чрезвычайно лаконичны, напримѣръ: «Вскорѣ Онъ»... или «Въ Тебѣ»... или «Та дверь»... или «Крѣпость мою»... и больше ничего. Есть и такіе refrains, которые поражаютъ своею чисто кафе-шантанною игривостью, наприм., есть пѣснь (№ 18), кончающаяся восклицаніемъ: «Ахъ, какъ я радъ!» № 25 обрываетъ пѣніе вывертомъ: «Разъ на всегда! Разъ на всегда»...!, а № 1—совсѣмъ романсъ въ родѣ «Скажите ей» только съ припѣвомъ «Скажи мнѣ». Попадаются и буквальныя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, идейно чрезвычайно бѣдныхъ и только по виду носящихъ форму стиховъ. Наприм., въ № 4 нѣсколько разъ повторяется одна и таже фраза:

«Снѣга бѣлѣй, да, снѣга бѣлѣй
Омой меня, стану я снѣга бѣлѣй».

Чтобы дать возможно полное представленіе о виршахъ г. Пашкова и его сектантовъ, я приведу одно стихотвореніе цѣликомъ. Возьмемъ хотя бы «Странника», помѣщеннаго въ «Любимыхъ стихахъ» № 7. Я долженъ оговориться, что въ отношеніи къ содержанію этотъ стишокъ еще значительно лучше и выше многихъ другихъ. Сюжетъ его самъ по себѣ довольно поэтичный и благодарный. Но «Странникъ» познакомитъ васъ со стихотворными казусами и кунстштюками пашковской музы.

№ 7.

Странникъ.

...Странники и пришельцы на землѣ. (Евр. 11. 13)

«Ты куда идешь, скажи мнѣ,
Странникъ, съ посохомъ въ рукѣ?»
«Дивной милостью Господней,
Къ лучшей я иду странѣ.
Черезъ горы и долины,
Черезъ степи и поля,
Чрезъ лѣса и чрезъ равнины
Я иду домой, друзья».

«Странникъ, въ чемъ твоя надежда
Во странѣ твоей родной?»
«Бѣлоснѣжная одежда
И вѣнецъ весь золотой;
Тамъ источники живые
И небесные цвѣты;
Я иду за Іисусомъ
Черезъ жгучіе пески»

«Страхъ и ужасъ не знакомы
Развѣ на пути тебѣ?»
«Ахъ, Господни легіоны
Охранятъ меня вездѣ!
Іисусъ Христосъ со мною,
Онъ направитъ Самъ меня
Неуклонною тропою
Прямо, прямо въ небеса».

«Такъ возьми-жъ меня съ собою,
Гдѣ чудесная страна».
«Да, мой другъ, пойдемъ со мною,
Вотъ тебѣ моя рука.
Недалеко ужь родная
И желанная страна,
Вѣра чистая, живая
Насъ введетъ съ тобой туда».

Какъ видите, нельзя себѣ даже представить болѣе развязной и удивительной рифмовки. «Поля» и «друзья», «родной» и «золотой», «живые» и «Іисусомъ», «знакомы»—«легіоны», «меня»—«небеса»; съ одной стороны «страна» и «рука», съ другой — таже «страна» и «туда». Да, только вполнѣ нецеремонная рука «насъ введетъ съ тобой туда», въ этотъ капустный огородъ великосвѣтскаго малограмотства! Остальныя «пѣсни» въ такомъ-же родѣ, только съ несравненно болѣе вялымъ, бѣднымъ и безцвѣтнымъ содержаніемъ. Словомъ, нищета духовная этого стихотворнаго кодекса поразительна *).

VI.

Перейдемъ къ пашковскому радѣнію. Оно происходитъ въ такомъ порядкѣ. Появившись у кафедры, г. Пашковъ благимъ матомъ соборнаго дьякона басисто провозглашаетъ:

— Помолимся!

— Помолимся! въ унисонъ отвѣчаютъ ему вѣрующіе.

Г. Пашковъ беретъ съ кафедры «Любимые стихи» и предлагаетъ, для введенія, исполнить хоромъ тотъ или иной номеръ. Присутствующіе отыскиваютъ въ книжкѣ указанный имъ номеръ, барыня, сидящая за органомъ, беретъ нѣсколько вступительныхъ акордовъ, паства встаетъ со своихъ мѣстъ и начинается пѣніе. Въ общемъ идетъ оно довольно удовлетворительно, безъ особыхъ дисонансовъ и фальши. Дѣло въ томъ, что поютъ по большей части только искушенные уже въ этомъ дѣлѣ и раньше спѣвшіеся «пашковцы» и «пашковки»; сторонняя публика, незнакомая съ музыкальными мотивами «любимыхъ пѣсенъ», молча, слушаетъ или едва-едва подтягиваетъ.

* Вотъ еще примѣры этого безграмотнаго рифмоплетства:

№ 3.

Таковъ какъ есмь!

Приходящаго ко мнѣ не изгоню вонъ. (Іоан. 37).

Таковъ какъ есмь, во имя крови,
За насъ пролитой на крестѣ,
Во имя божьихъ призываній,
Христосъ, я прихожу къ тебѣ!
Таковъ какъ есмь, слѣпой и бѣдный,
Добра не находя въ себѣ,
За вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ,
Христосъ, я прихожу къ Тебѣ!
Таковъ какъ есмь, меня Ты примешь,
Дашь жизнь, спасенье, миръ Твой мнѣ;
Къ тебѣ я прихожу, Спаситель,
Дай мнѣ тебя познать вполнѣ!
Таковъ какъ есмь—Твоей любовью
Низвергнулъ ты преграды всѣ —
Я твой отнынѣ и во вѣки,
Христосъ, я прихожу къ Тебѣ!

№ 25.

Разъ навсегда.

Получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Іисусѣ. (Римл. 3. 24).

Снявъ съ насъ закона порабощенье,
Кровь Христосъ пролилъ, вотъ въ чемъ прощенье,
Мучимъ, истерзанъ, въ язвахъ тогда!..
Насъ онъ тѣмъ спасъ разъ навсегда!
Разъ навсегда! О, грѣшникъ, внемли ты,
Разъ навсегда! братъ! вѣрь и молись!
Иго съ тебя крестъ сниметъ, тогда,
Насъ Христосъ спасъ разъ навсегда!
Свободны мы, намъ нѣтъ осужденья,
Онъ уготовалъ наше спасенье,
«Ко мнѣ пріидите!» вотъ гласъ Христа,
Вы спасены, разъ навсегда!
Разъ навсегда!
Божіи дѣти! вотъ что насъ славитъ,
Вновь, отъ паденья Онъ насъ избавитъ
Перейдемъ отъ смерти къ жизни, тогда
Слава кто спасъ насъ, навсегда.
Разъ навсегда!..

Когда исполнена требуемая кантата (при пѣніи самъ г. Пашковъ старается всѣми силами отличиться своими довольно скромными голосовыми средствами, нѣсколько козлинаго тэмбра), присутствующіе садятся и начинается поученіе. Г. Пашковъ прочитываетъ извѣстный евангельскій текстъ и принимается за проповѣдь. Послѣдняя длится безъ всякихъ перерывовъ не меньше часу. Г. Пашковъ обнаруживаетъ при этомъ удивительную ораторскую выдержку. Онъ повѣтствуетъ, стоя, безъ передышки и какихъ-бы то ни было антрактовъ. Слова льются у него широкою рѣкою, вращаясь вокругъ данной темы, заботясь о возможно обстоятельной интерпретаціи и, то и дѣло, подводя сказанному суммирующіе, обобщающіе итоги. Этихъ итоговъ такъ много, что неувѣренность г. Пашкова въ своей собственной ясности и категоричности къ концу проповѣди не подлежитъ для слушателей уже ни малѣйшему сомнѣнію. Г. Пашковъ сразу раскрываетъ этимъ путемъ всѣ карты и обнаруживаетъ всѣ бреши въ своихъ духовныхъ валахъ.

Заключеніемъ проповѣди опять служитъ пѣсня. Г. Пашковъ еще разъ рекомендуетъ паствѣ какой-нибудь номеръ и хоровые звуки, щеголяющіе преобладаніемъ женскихъ, довольно пріятныхъ и мелодичныхъ голосовъ, вновь оглашаютъ бальную залу пашковскихъ радѣній.

Затѣмъ паства мирно расходится по домамъ.

VII.

Мнѣ остается теперь сказать еще о главномъ о существѣ измышленной г. Пашковымъ догмы, если только можно окрестить маститымъ терминомъ «догмы» хаотическій наборъ странныхъ и безсвязныхъ отрывковъ, понадерганныхъ отовсюду во имя вполнѣ неожиданной и совершенно безнравственной верховной идеи міросозерцанія. Позвольте объясниться. Я, разумѣется, ровно ничего не имѣю противъ великосвѣтскихъ танцовальныхъ, спиритическихъ, литературныхъ или quasi-религіозныхъ вечеровъ и съѣздовъ. Напротивъ, скорѣе можно порадоваться, что богатый и независимый человѣкъ такъ или иначе, но примкнулъ къ области мысли и духа, вмѣсто того, чтобы проводить свои досуги за вертящеюся рулеткою или за обдѣлываніемъ концесій и другихъ чисто матеріальныхъ операцій. Не менѣе слѣдуетъ радоваться и тому, что наши духовныя сферы обнаруживаютъ въ отношеніи къ г. В. А. Пашкову извѣстную толеранцію и не считаютъ себя достойными стѣснять взбалмошную и невинную пропаганду какими-бы то ни было внѣшними репресивными и ограничительными «мѣропріятіями». Пусть его, человѣкъ доказываетъ, что дважды два — пять, если находятся снисходительные слушатели, готовые внимать досужимъ розсказнямъ суесловнаго и недисциплинированнаго ума. Но эти смягчающія обстоятельства и соображенія отнюдь не мѣшаютъ мнѣ назвать ученіе г. Пашкова вполнѣ, хотя быть можетъ и несознательно, безнравственнымъ.

У меня немного уже мѣста и я буду краткомъ.

Г. Пашковъ старательно и упорно изъемлетъ изъ христіанской догмы все то, что есть въ ней самаго возвышеннаго и самаго благороднаго, все то, что играетъ въ ней роль сдерживающаго и направляющаго двигателя, по отношенію къ христіанскому міру. Христіанство утверждено на прекрасномъ и весьма глубокомъ основоположеніи, поучающемъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва есть и что человѣчество можетъ производить искупленіе грѣховъ своихъ только путемъ добрыхъ, положительныхъ дѣяній и поступковъ. Кодексъ христіанской нравственности раздѣляетъ всѣ человѣческія дѣянія на двѣ взаимно противоположныя и взаимно исключающія другъ друга области: на область дѣяній желательныхъ, одобрительныхъ, праведныхъ, открывающихъ путь къ вѣчному спасенію, и на область дѣяній отрицательныхъ предосудительныхъ, неправедныхъ и грѣховныхъ, запрещаемыхъ догмою подъ угрозою вѣчнаго наказанія. Въ этомъ именно различіи, возвышающемъ одну серію человѣческихъ дѣйствій и побужденій на счетъ другой, смягчающемъ страсти, облагораживающемъ цѣли, укрѣпляющемъ идеалы, въ этомъ стремленіи обезпечить человѣческимъ обществамъ ихъ внутренній миръ, кротость, взаимную любовь и самоотверженіе единицъ на пользу общаго блага, и заключается великое и вѣчное превосходство истинно христіанскаго міросозерцанія надъ вѣроученіями иныхъ источниковъ и иныхъ порядковъ.

Что-же дѣлаетъ г. Пашковъ? Онъ унижаетъ и обезцѣниваетъ внутреннее достоинство всѣхъ человѣческихъ поступковъ. Онъ не придаетъ имъ серьезнаго, довлѣющаго значенія. Онъ смотритъ на всякое человѣческое дѣяніе во внѣ, какъ на нѣчто суетное, временное, преходящее и служебное. Онъ совершенно подчиняетъ внѣшнюю человѣческую жизнь той жизни, которая должна находить себѣ широчайшее и единственно почитаемое развитіе во внутри всякаго субъективнаго «я». На этомъ основаніи, дискредитируя и обезцѣнивая поступки, г. Пашковъ доказываетъ, что по существу нѣтъ и не можетъ быть серьезной разницы между тѣми дѣяніями, которыя христіанскій кодексъ одобряетъ, и тѣми, которыя онъ предаетъ полнѣйшему осужденію. На этомъ основаніи порывъ великодушія и плотоядный обманъ, узкій безсердечный эгоизмъ и беззавѣтная любовь, широкое воздаяніе коемужды по заслугамъ и систематическое эксплуатированіе собственной распущенности, безпринципности, — все это для г. Пашкова явленія одной и той же окраски, почти одного и того же типа, ибо все это плодъ нашего матеріальнаго существованія и сущность такой ничтожной грошовой суеты, какъ земная жизнь. Спасеніе человѣка, поучаетъ г. Пашковъ, отнюдь не зависитъ отъ его поступковъ. Оно кроется въ томъ, чтобы каждый истый христіанинъ обрѣлъ Христа внутри себя, чтобы онъ возлюбилъ и предался всецѣло божественному учителю, чтобы онъ, такъ сказать, слился душою съ идеаломъ Бого-человѣка. Ибо только этимъ путемъ — вѣрованіемъ, исканіемъ Христа и внутреннимъ самоуглубленіемъ — можно подготовить себѣ вѣчное спасеніе.

Вотъ въ чемъ заключается сущность пашковскихъ проповѣдей. Онѣ безпорядочны, противорѣчивы, даже безтолковы; серьезный человѣкъ не вынесетъ изъ нихъ ни одной вѣской или возвышенной мысли; не серьезный человѣкъ собьется съ толку и запутается; но при всемъ своемъ внѣшнемъ, стилистическомъ и логическомъ хаосѣ, пашковскія проповѣди, къ сожалѣнію, еще, повторяю, и глубоко безнравственны. Это — баловство досужаго бонвивана, но баловство соблазняющее и развращающее... Благо оно безвредно, ибо кружекъ великосвѣтскихъ послѣдователей г. Пашкова, по существу, столько-же принадлежитъ истинному христіанству, какъ и буддизму или даже мормонству.

Сумасшествіе отъ любви.

Повѣсть **Катюлля Мендеса**. Переводъ **М. А. Мелехиной**.

У скромной хозяйки, во всю свою жизнь ничего не читавшей кромѣ своего молитвенника и полагавшей, что если женщина весь свой день провела въ томъ, что смотрѣла за кухней, обмывала, причесывала и одѣвала своихъ дѣтей, чинила рубашки своего мужа, то при наступленіи вечера ей ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только опустить голову на подушку и предаться мирнымъ сновидѣніямъ, — у превосходной хозяйки и у честнаго малаго ея мужа, впродолженіи двѣнадцати лѣтъ занимавшаго должность сборщика податей при трехъ тысячахъ франковъ жалованья, въ маленькомъ городкѣ сѣверной Франціи, въ одинъ прекрасный іюльскій день родился толстый и здоровый мальчуганъ, котораго и окрестили Шарлемъ-Ансельмомъ-Симеономъ Шарлери.

— Симеонъ Шарлери, вотъ такъ имячко! не безъ удовольствія замѣтила мать. — Точно звонъ тяжелаго су, ударившагося объ полъ.

Симеонъ, четвертый плодъ регулярно плодовитаго брака, былъ вскормленъ самою госпожей Шарлери. Она обыкновенно говорила про него:

— Это настоящій маленькій пьянчужка.

— Ничего, возражалъ ей на это отецъ, — пусть пока опивается молокомъ, лишь-бы потомъ не былъ пьяницей. Симеонъ выйдетъ весь въ меня, будетъ пить только одну воду.

Въ два года Симеонъ Шарлери былъ маленькимъ человѣчкомъ, приводившимъ въ отчаяніе свою мать тѣмъ, что не могъ съѣсть ни одного кусочка хлѣба съ вареньемъ безъ того, чтобы не подѣлиться великодушно со своимъ платьемъ или штанами. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ толстощекій, плотный мальчуганъ, любившій подолгу сидѣть на одномъ мѣстѣ въ задумчивости. Изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что онъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ о чемъ-нибудь; онъ только видъ имѣлъ глубокомысленный. Отецъ ставилъ его въ примѣръ другимъ своимъ дѣтямъ, буйнымъ и шаловливымъ, и говорилъ:

— Изъ него выйдетъ такой-же разсудительный человѣкъ, какъ я.

Позади маленькаго домика, въ которомъ обитало семейство Шарлери, находился маленькій садикъ. Въ немъ сама мать разводила артишоки, морковь и другія овощи; розъ тамъ не было: онѣ только напрасно занимали-бы мѣсто. Дѣти играли между овощами. Впрочемъ, солнце и бабочки способны превратить въ роскошный цвѣтникъ самый угрюмый уголокъ земли. Все равно, бѣгать-ли между пучками лука или китайскими астрами — только-бы бѣгать; а колючки артишокъ, чтобы порвать дѣтскія платья, ни въ чемъ не уступятъ шипамъ розовыхъ кустовъ. Симеонъ рѣдко вмѣшивался въ шумныя игры другихъ мальчиковъ. Онъ былъ тихій, застѣнчивый, но не угрюмый. Когда онъ издали поглядывалъ на бабочекъ, не осмѣливаясь пуститься въ погоню за ними, казалось, что онъ ихъ находилъ слишкомъ для себя красивыми.

Однажды, вечеромъ, между двумя партіями домино, которыя онъ, по обыкновенію, игралъ въ маленькомъ кафе, какъ разъ напротивъ своего дома, господинъ Шарлери объявилъ своимъ друзьямъ, что съ завтрашняго дня онъ приступаетъ къ обученію сына своего Симеона.

— Ему шесть лѣтъ и больше времени терять нельзя.

На другой день честный сборщикъ, положивъ на столъ небольшую книжечку, грифельную доску и свинцовую палочку, позвалъ сына и сказалъ ему внушительно:

— Симеонъ, поди сюда! затѣмъ, поднявъ очки на лобъ, прибавилъ: — Желаете-ли вы выучиться читать, господинъ Шарлери?

Результатомъ двадцати уроковъ, которые всѣ отъ перваго до послѣдняго начинались и кончались все тѣми-же словами: «Господинъ Шарлери, да вы, кажется, никогда не научитесь читать!» было то, что на юнаго Симеона нашелъ столбнякъ и въ немъ обнаружилось такое сильное отвращеніе къ азбукѣ, что одного вида книги на столѣ или вывѣски надъ магазиномъ было достаточно, чтобы заставить глаза его наполниться слезами, а самого его, по меньшей мѣрѣ, пуститься въ бѣгство.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЛИЦЕНЪ-МАЙЕРА.

Эккегардъ вноситъ Гедвигу черезъ монастырскіе ворота.

Изъ образцовыхъ произведеній граверная искусства.

Въ такія минуты онъ бѣжалъ обыкновенно прятаться въ юбки своей матери, женщины доброй, уже успѣвшей, со времени своего перваго причастія, немного разучиться читать, и чувствовавшей въ нѣкоторомъ родѣ благодарность къ своему сыну за то, что онъ такъ упорно держался невѣжества, имъ обоимъ общаго. Ей казалось, что если Симеонъ научится читать, то онъ уже не будетъ на столько ея сыномъ, какъ прежде.

Однако, господинъ Шарлери, послѣ семейнаго обѣда, за десертомъ, объявилъ, что его ученикъ прочтетъ вечеромъ басню.

Когда наступило назначенное время, ребенокъ взялъ книгу, поискалъ въ ней ту страницу, на которой онъ имѣлъ обыкновеніе складывать, и прочелъ обѣщанную басню. Вы думаете, онъ ее прочелъ? Нѣтъ! Господинъ Шарлери, заглянувъ въ книгу, убѣдился, что Симеонъ читалъ на память «Лягушка и волъ», держа передъ собою «Моръ звѣрей».

Но въ своей гордости отца и наставника, онъ умолчалъ о своемъ открытіи и постарался утѣшиться тѣмъ, что у его сына будетъ, по крайней мѣрѣ, хорошая память.

Когда Симеону минуло 12 лѣтъ, супруги Шарлери порѣшили отдать его въ какое-нибудь учебное заведеніе.

— Это составитъ большой расходъ, который, я не знаю, позволятъ-ли намъ наши средства, замѣтилъ отецъ,—такъ какъ воспитаніе старшихъ уже стоитъ намъ очень дорого.

— Мы можемъ отпустить Маріану, сказала мать.

— А я, сказалъ отецъ, одобряя предложенную мѣру,—я буду играть въ домино одинъ у себя дома.

Симеона отправили. Бѣлокурый, толстый, глуповатый, съ большими круглыми глазами и плоскимъ носомъ, по виду добрый и молчаливый, облеченный въ платье, принадлежавшее два года тому назадъ его старшему брату, онъ сдѣлался посмѣшищемъ всего заведенія, гдѣ за довольно ничтожную годичную плату обязывались, какъ и подобаетъ, питать его сокомъ науки. Онъ терпѣливо выносилъ вспышки своихъ наставниковъ, которыхъ нерѣдко раздражало въ немъ почти абсолютное отсутствіе всякаго пониманія; также кротко переносилъ онъ и жестокости своихъ товарищей, которые, находя его смѣшнымъ, нисколько не скрывали этого передъ нимъ.

Угрюмый во время класовъ, вѣчно какъ будто силившійся разгадать, зачѣмъ его заставляютъ читать книги, въ которыхъ онъ ничего не понималъ; всегда одинъ во время рекреацій, потому что неловкій физически, такъ-же какъ и умственно, непремѣнно разстроилъ-бы игру, въ которую задумалъ-бы вмѣшаться,—онъ росъ, тупѣя.

Естественно, что у него всегда былъ удивленный видъ. Казалось, онъ вѣчно вопрошалъ самого себя: чего отъ меня хотятъ эти люди?

Между окружавшими его предметами и его пониманіемъ находился какой-то туманъ, котораго онъ не могъ проникнуть. Нужно было давать идеямъ осязательную, матеріальную форму для того, чтобы онѣ могли произвести на него впечатлѣніе. Онъ не понималъ того, что ему доказывали, а только то, что ему показывали. Онъ самъ себѣ представлялъ въ образахъ то, что желалъ понять. Очень долго ему представлялись два странныя видѣнія: когда онъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи духа, онъ видѣлъ передъ собой, на близкомъ разстояніи, въ рамкѣ, величиною съ кабинетный портретъ, струйку воды, круглую и ровную, которая медленно лилась и падала на чрезвычайно ровный песокъ; когда-же его мучила какая-нибудь непріятная мысль, то онъ видѣлъ, на томъ-же мѣстѣ и такой-же величины, маленькій, сердитый, во всѣ стороны бросавшій отъ себя брызги, водопадъ, съ трудомъ пробиравшійся въ тростникѣ. Онъ судилъ о своемъ спокойствіи по болѣе или менѣе медленному теченію струйки и, наоборотъ, о тревогѣ, по большей или меньшей силѣ, съ какою сѣялъ повсюду свои брызги маленькій водопадикъ.

И такъ, онъ не имѣлъ способности углубляться въ самого себя; для того, чтобы уяснить свою мысль, ему необходимо было начертить ее, придать ей матеріальную форму. А между тѣмъ онъ не былъ глупъ. Онъ съ трудомъ схватывалъ, но выучивъ однажды, онъ не забывалъ. Впечатлѣнія его были рѣдки, но неизгладимы. Еще маленькимъ, онъ видѣлъ однажды, какъ кошка заѣла птичку; говорятъ, это въ немъ осталось: съ тѣхъ поръ при видѣ кошки онъ содрогался. Когда онъ видѣлъ сны (что случалось рѣдко), ему почти всегда снилось, что птичка клюетъ кошку, потому что въ немъ было глубокое чувство справедливости.

Въ училищѣ у него былъ товарищъ, вѣрнѣе тиранъ—Раймондъ Пишаръ.

Раймондъ Пишаръ былъ сынъ виннаго торговца. Его помѣстили въ училище не для того, чтобы дать ему научное образованіе, а чтобы научить его веденію книгъ и другимъ наукамъ, необходимымъ для промышленности и торговли. Онъ явился мальчикомъ тринадцати лѣтъ, съ рыжими волосами, острымъ носомъ и большимъ ртомъ. Этотъ маленькій человѣчекъ былъ смѣлъ, находчивъ и язвителенъ. Онъ тотчасъ замѣтилъ Симеона Шарлери и, по его собственному выраженію, наложилъ на него лапу. Почуявъ въ немъ безпрекословнаго мученика, онъ овладѣлъ имъ. Утромъ, вставая, онъ говорилъ Симеону: «сдѣлай мою постель». За столомъ онъ бралъ съ тарелки Шарлери тѣ куски, которые ему нравились. Когда послѣдній получалъ отъ матери конфекты или плитки шоколаду, Раймондъ завладѣвалъ ими и дѣлилъ ихъ между товарищами, говоря: «это мнѣ прислалъ отецъ», и прибавлялъ, обращаясь къ Симеону: «вѣдь ты не хочешь?» Наконецъ, когда Раймондъ Пишаръ дѣлалъ проступокъ, виновника котораго старались отыскать, онъ тихо говорилъ своей жертвѣ: «скажи, что это ты»—и тотъ повиновался.

Шарлери не любилъ своего деспота, но онъ преклонялся передъ нимъ. Изобрѣтатель шумныхъ и сложныхъ игръ, острякъ, повѣствователь свѣтскихъ сплетенъ, Раймондъ казался ему чѣмъ-то особеннымъ. Онъ, неиспорченный, съ удивленіемъ смотрѣлъ на порочныя наклонности и раннюю испорченность своего товарища. Онъ не завидовалъ, потому что инстинктивно чувствовалъ ихъ предосудительность, тѣмъ не менѣе испытывалъ ихъ подавляющее вліяніе. Однажды, когда Раймондъ Пишаръ разсказывалъ съ нѣкоторыми подробностями о томъ, какъ онъ въ послѣднія каникулы у корыта ущипнулъ одну прачку за голую руку, Симеонъ страшно покраснѣлъ, но затѣмъ, поднявъ глаза, посмотрѣлъ на дерзновеннаго такъ, какъ обыкновенно смотрятъ на тріумфальный трофей.

Эти двое дѣтей были одарены двумя совершенно противоположными качествами, которымъ суждено было идти рука объ руку: одинъ былъ плутъ, другой—простакъ.

Между тѣмъ Раймондъ Пишаръ вскорѣ покинулъ училище, въ которомъ мало чему научился, за то многому научилъ. Ему было шестнадцать лѣтъ.

— Прощай, сказалъ онъ Симеону,—ты мой другъ; я тебѣ помогалъ своею опытностью и опять буду помогать, если мы снова встрѣтимся съ тобою въ свѣтѣ. Во всѣхъ случаяхъ жизни ты найдешь меня готовымъ поддержать тебя моими совѣтами. Самъ ты не силенъ—тебѣ нужна будетъ моя помощь. Ну, а теперь... у тебя въ копилкѣ, кажется, есть десять франковъ: принеси мнѣ ихъ.

Симеонъ побѣжалъ и принесъ десять франковъ.

— Отлично, сказалъ Раймондъ.—Если-бы ты далъ эти деньги какой-нибудь неблагодарной твари, она не замедлила-бы тебѣ сказать: «Я ихъ возвращу», можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ возвратила-бы ихъ тебѣ; я-же говорю: «Ты ихъ никогда болѣе не увидишь, потому что я твой другъ. Поцѣлуй меня, вотъ и все—такъ я понимаю дружбу»

Симеонъ, растроганный, весь въ слезахъ, поцѣловалъ своего товарища и затѣмъ они разстались.

Симеона совсѣмъ ошеломила его неожиданная свобода; она его даже стѣсняла. Ему не доставало Раймонда Пишара, который избавлялъ его отъ труда думать. Онъ пытался найдти себѣ новаго повелителя. Предлагалъ каждому воспитаннику по очереди дѣлать ему постель; всѣ воспитанники, конечно, соглашались: они соглашались, но никто не приказывалъ; въ томъ, что онъ дѣлалъ, не было ничего обязательнаго для Симеона. Онъ не повиновался, а только услуживалъ. Самъ не понимая почему, онъ не былъ удовлетворенъ. За столомъ, прежде чѣмъ дотронуться, онъ предлагалъ свою порцію сосѣду; послѣдній-же, принимая ее, впрочемъ, говорилъ ему спасибо. Никогда Раймондъ не говорилъ ему: спасибо. Симеонъ, мысли котораго были неясны, часто повторялъ въ своемъ независимомъ одиночествѣ: «Тотъ былъ моимъ настоящимъ другомъ!»

Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ онъ поглощалъ цѣлые томы исторіи и словарей, онъ достигъ того, что сталъ ни то что понимать, а запоминать ихъ содержаніе; географія даже для него имѣла нѣкоторую прелесть, благодаря глобусамъ и картамъ. Тамъ онъ понималъ, потому что видѣлъ. Онъ даже достигъ того, что могъ нарисовать на память со всѣми подробностями басейновъ и рѣкъ, лѣсовъ и песковъ, чрезвычайно сложныя области, не пропустивъ ни одного самаго маленькаго городка, названіе котораго, надписанное несмѣлымъ почеркомъ, захватывало своей послѣдней буквой, на подобіе моста, тоненькую, бѣлую или черную черточку, изображавшую рѣку.

Что-же касается литературныхъ или философскихъ предметовъ, онъ оставался передъ ними въ постоянномъ изумленіи.

Со всѣмъ тѣмъ, при концѣ своего девятнадцатаго года, онъ зналъ приблизительно столько, чтобы быть бакалавромъ; онъ держалъ экзаменъ и былъ принятъ изъ состраданія.

Въ это время онъ былъ малый большого роста, чрезвычайно жирный, съ телячьими глазами, широкимъ носомъ и полнымъ отсутствіемъ лба подъ желтоватыми волосами. Нижняя губа у него была отвисши, самъ-же онъ былъ человѣкъ не низкій, но слабохарактерный и добрый. Онъ ходилъ неслышно и несмѣло, какъ обыкновенно ходятъ въ комнатѣ больного. Руки держалъ почти всегда по швамъ, рѣдко осмѣливался дѣлать жесты, но за то, разъ отдѣлившись отъ корпуса, его руки держались въ одномъ положеніи дольше, чѣмъ это слѣдовало, и тогда происходилъ смѣшной контрастъ между жестомъ и словами; но это обстоятельство не имѣло значенія, потому что вообще Симеонъ говорилъ мало. Въ общемъ, онъ имѣлъ солидный и порядочный видъ.

Бакалавромъ Симеонъ Шарлери возвратился въ семью, гдѣ по случаю торжественно выдержаннаго экзамена былъ данъ обѣдъ, на который пригласили всѣхъ важныхъ лицъ города. Уступая просьбамъ добрыхъ людей, которые, со слезами на глазахъ вспоминали, какъ онъ нѣ-

когда говорилъ «Лягушку и вола», онъ рѣшился показать образчикъ своего знанія и прочелъ наизустъ по-французски нѣсколько страницъ изъ Мальбранша «о лицезрѣніи Господа». Этотъ маленькій дивертисементъ очень всѣмъ понравился. Одна старая дама, содержавшая почтовую контору, воскликнула:

— Ахъ, какъ хорошо, если умѣешь говорить по-латыни!

Наконецъ, Симеонъ имѣлъ успѣхъ. Отецъ Шарлери смиренно замѣтилъ:

— Я былъ его первымъ учителемъ.

— Это и видно, сказалъ тихо толстякъ, писавшій мѣстную хронику въ газетѣ этого округа.

— Что вы тамъ говорите? рѣзко спросила его госпожа Шарлери.

— Я говорю, сударыня, что съ такими способностями вашъ сынъ не сегодня, завтра, можетъ сдѣлаться министромъ.

— Онъ имъ будетъ, во всякомъ случаѣ, прежде васъ! сказала мать, слышавшая лучше, чѣмъ это предполагалъ журналистъ.

Это небольшое происшествіе осталось безъ послѣдствій. Подали кофе. Симеонъ прочелъ нѣсколько стиховъ абата Делиля по поводу этого любезнаго напитка. Энтузіазмъ не имѣлъ границъ. Отецъ Шарлери, нагнувшись къ уху своей жены, тихо замѣтилъ:

— Я думаю, милая, что нашъ мальчикъ далеко пойдетъ: онъ нравится.

Слѣдующіе дни, въ то время, какъ Симеонъ съ благоговѣніемъ разсматривалъ капусту и морковь, которыя госпожа Шарлери не переставала разводить, между отцемъ и матерью происходилъ серьезный разговоръ о томъ, куда именно направить удивительныя способности ихъ сына. Превосходная женщина желала-бы, чтобы дитя остался при нихъ. Съ его умомъ и наружностью — такъ какъ она его находила красавцемъ — онъ не замедлилъ-бы жениться на дочери какого-нибудь землевладѣльца и такимъ образомъ сдѣлалъ-бы хорошую партію; а госпожа Шарлери, конечно, управляла-бы ихъ домомъ, такъ какъ молодые ничего не понимаютъ въ хозяйствѣ. Но сборщикъ возразилъ:

— Вотъ выдумала-то, моя милая! Неужели-же нашъ сынъ изучалъ латынь, греческій языкъ и географію только для того, чтобы сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ фермера. Зажегши свѣтильникъ, неужели мы станемъ прятать его подъ спудомъ? Никогда! Симеонъ долженъ ѣхать въ Парижъ: Парижъ есть единственный городъ, въ которомъ никакое развитіе не встрѣчаетъ препятствія. Тамъ онъ будетъ въ своей сферѣ. Вначалѣ, конечно, онъ ничего не будетъ заработывать и ему еще придется подвергнуть себя нѣкоторымъ лишеніямъ; но затѣмъ онъ сдѣлаетъ карьеру и по справедливому возмездію обогатитъ и прославитъ нашу старость.

— Пусть онъ ѣдетъ въ Парижъ, сказала мать.

Рѣшеніе это, сообщенное Симеону, поставило его въ тупикъ.

— Парижъ, столица Франціи, произнесъ онъ. Но онъ не сдѣлалъ другого возраженія.

Г-жа Шарлери тотчасъ же принялась хлопотать о гардеробѣ, который нужно было взять съ собой. Черный фракъ сборщика, употреблявшійся имъ въ рѣдкихъ случаяхъ, былъ съ замѣчательнымъ искуствомъ передѣланъ на ростъ молодого человѣка. Дюжина рубашекъ изъ прекраснаго полотна, немного пожелтѣвшаго, нѣсколько старыхъ камзоловъ, талантливо заштопанныхъ и совершенно новый костюмъ, скроенный и сшитый поденной портнихой по образцу, взятому у маклера, который, въ свою очередь, привезъ его пять лѣтъ тому назадъ изъ Парижа, все было сложено въ одинъ длинный, деревянный сундукъ, обшитый полосатой сѣрой шкурой и окаймленный фестонами изъ красной кожи.

Господинъ Шарлери съ своей стороны также заботился о сынѣ, стараясь возстановить въ своей памяти имена вліятельныхъ особъ, которыхъ онъ нѣкогда знавалъ въ Парижѣ. Онъ былъ когда-то очень близокъ съ однимъ промышленникомъ, теперь завѣдывавшимъ какимъ-то правительственнымъ учрежденіемъ. Онъ былъ увѣренъ, что этотъ другъ не забылъ его. Онъ сказалъ Симеону:

— Ты отправишься къ нему тотчасъ-же по прибытіи твоемъ въ Парижъ и передашь ему это письмо.

Въ этомъ письмѣ добрый сборщикъ поручалъ и ввѣрялъ своего сына другу.

Наконецъ, послѣ многочисленныхъ поцѣлуевъ и слезъ, которыя оставили слѣды на его хорошемъ платьѣ, Симеонъ сѣлъ въ вагонъ. У него было въ карманѣ 300 франковъ и въ маленькомъ кожаномъ мѣшечкѣ полъ-колбасы, немного хлѣба и три яблока.

Едва Симеонъ Шарлери успѣлъ вступить въ одну изъ улицъ Парижа, какъ имъ внезапно овладѣло непреодолимое честолюбіе увидѣть землю разверзшеюся подъ его ногами. Городъ ему представлялся въ видѣ муравейника великановъ. Ему казалось, что у каждаго прохожаго были надѣты сапоги-скороходы. Дома онъ принималъ за горы; съ нимъ дѣлалось головокруженіе, когда онъ смотрѣлъ на балконы четвертыхъ этажей. Послѣ желанія быть поглощеннымъ землею, которое не исполнилось, у него явилось другое — немедленно вернуться въ свой маленькій городокъ; но онъ не посмѣлъ этого сдѣлать, боясь отца. Между тѣмъ онъ скитался въ нерѣшимости и боязни; просилъ прощенья у людей, толкавшихъ его и не зналъ что дѣлать. Ему страшно захотѣлось ѣсть и пить отъ колбасы, но удалось это только очень поздно, въ маленькомъ отелѣ, въ который онъ, наконецъ, рѣшился войдти, предварительно вдоволь наглядѣвшись на него, съ мѣшкомъ въ рукѣ, съ противоположнаго тротуара.

На другой день другъ отца принялъ его довольно хорошо.

— Такъ, такъ, замѣтилъ онъ, — вы желаете получить мѣсто? Это совершенно въ порядкѣ вещей, но только неужели-же вы думаете, что мѣста сидятъ у меня въ карманѣ? Если-бы вы были адвокатъ, то можно было-бы поискать и найдти что-нибудь по тяжебнымъ дѣламъ; но вѣдь вы не адвокатъ! Я старый другъ вашего отца, что-же это значитъ? Что я былъ когда-то, очень давно, его другомъ. Наконецъ, хотите, что я вамъ скажу: постарайтесь сдѣлаться юристомъ.

Симеонъ употребилъ цѣлыхъ три дня, чтобы уяснить себѣ слова своего покровителя. Наконецъ, онъ рѣшился записать ихъ слово въ слово какъ онѣ были ему сказаны, потому что память у него была превосходная, и передать ихъ господину Шарлери, сборщику. Послѣдній отвѣчалъ своему сыну:

«Другъ мой прекрасно выразился и далъ тебѣ превосходный совѣтъ».

Такимъ образомъ, по указанію своего отца, Симеонъ записался въ студенты по юридическому факультету.

(*Продолженіе будетъ.*)

Явленія развитія въ мірѣ насѣкомыхъ.

Энтомологическіе очерки **Л. К. Попова.**

I.

«Ни одинъ отдѣлъ животныхъ не подвергается нападенію столь многочисленныхъ непріятелей, ни одинъ не обреченъ такимъ безчисленнымъ несчастіямъ, какъ насѣкомыя» (Керби и Спенсъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ этихъ отдѣловъ не отличается такой живучестью, такой непобѣдимостью, какъ все тѣ-же насѣкомыя *). Въ борьбѣ за существованіе эти «ничтожныя твари» составляютъ до того грозную силу, что самъ человѣкъ оказывается безпомощнымъ передъ ними. Громадныя опустошенія, причиняемыя насѣкомыми нашимъ воздѣланнымъ полямъ, опустошенія изъ года въ годъ возрастающія, служатъ тому весьма убѣдительнымъ, хотя и крайне печальнымъ свидѣтельствомъ.

Постепенное развитіе земледѣлія, захватывая все большіе и большіе участки земли, вытѣсняя различныя дикія полевыя растенія культурными, необходимо съуживало, сокращало естественную пищу многихъ насѣкомыхъ; послѣдніе однако какъ нельзя лучше освоились съ такой перемѣной: они накинулись съ подобающимъ имъ обжорствомъ на воздѣланныя поля и нашли здѣсь самую обильную жатву.

Мы видимъ такимъ образомъ, что развитіе земледѣлія, въ смыслѣ расширенія полеводства, шло рука объ руку съ развитіемъ наиболѣе вредныхъ насѣкомыхъ и какъ нельзя лучше содѣйствовало размноженію послѣднихъ. «Ничтожная тварь», въ родѣ, напримѣръ, какого-нибудь хлѣбнаго жучка-кузьки, до того совершенно неизвѣстная, стала втеченіи сравнительно непродолжительнаго времени грозою хлѣбопашества **). И вотъ тутъ-то обнаружилось все безсиліе человѣка, вся его неподготовленность къ борьбѣ съ этой «ничтожной тварью». Необходимо было встрѣтить врага съ подобающимъ орудіемъ въ рукахъ, но такого орудія не оказалось; вмѣсто дѣйствительнаго средства, которое могло-бы вырвать зло съ корнемъ, предлагались и предлагаются однѣ паліативныя мѣры.

Только въ послѣднее время стали постепенно убѣждаться, что успѣшная борьба съ вредными насѣкомыми возможна лишь подъ условіемъ наиболѣе полнаго знанія ихъ образа жизни и требуетъ прежде всего самаго всесторонняго изученія тѣхъ основныхъ законовъ развитія, которыя опредѣляютъ собою жизнедѣятельность этого многочисленнаго отдѣла животнаго царства. Допустите въ самомъ дѣлѣ, что были-бы ясно формулированы тѣ условія, которыя содѣйствуютъ размноженію хлѣбнаго жучка, опредѣляютъ его развитіе, споспѣшествуютъ его распространенію, и въ такой-же мѣрѣ обстоятельно выяснены условія противоположнаго характера. Само собою разумѣется, что тогда значительно облегчилась-бы и самая борьба съ этимъ насѣкомымъ. Но едва-ли слѣдуетъ пояснять, что для надлежащаго пониманія, какъ обнаруживаются въ томъ или другомъ частномъ случаѣ явленія развитія въ мірѣ насѣкомыхъ и какого характера условія этихъ частыхъ случаевъ — необходимо предварительно знаніе **общихъ законовъ**, которыми выражается развитіе даннаго отдѣла животнаго царства вообще.

И такъ, смѣемъ думать, что знакомство съ явленіями развитія насѣкомыхъ можетъ представлять интересъ не для однихъ спеціалистовъ, но заслуживаетъ также вниманія каждаго образованнаго человѣка. Оно заслуживаетъ вниманія не только съ вышеуказанной практической точки зрѣнія, оно представляетъ также важное значеніе и въ другомъ, болѣе общемъ, теоретическомъ отношеніи, въ отношеніи такихъ существенныхъ біологическихъ вопросовъ, какъ вопросы о взаимодѣйствіи окружающей среды и

*) Исключеніе составляютъ простѣйшія органическія формы, которыхъ, впрочемъ, мы не имѣемъ здѣсь въ виду.

**) «...сильное увеличеніе пахатныхъ земель на счетъ цѣлильныхъ чрезвычайно благопріятствовало размноженію (хлѣбнаго) жука и разселенію на большомъ пространствѣ» (I. Порчинскій).

природы организаціи, о вліяніи приспособленія и результатахъ такого вліянія, объ участіи индивидуальности въ борьбѣ за преобладаніе и проч., и проч.

II.

Обращаясь къ вопросу о развитіи насѣкомыхъ, намъ прежде всего предстоитъ разсмотрѣть рядъ явленій, хорошо извѣстныхъ въ описательномъ отношеніи, но далеко еще не вполнѣ выясненныхъ съ біологической точки зрѣнія,—мы говоримъ о превращеніи или метаморфозѣ насѣкомыхъ.

Мы не станемъ утверждать вслѣдъ за крайне увлекающимися англійскими энтомологами, Керби и Спенсомъ, будто превращенія насѣкомыхъ указываютъ «на чудеса едва сколько-нибудь уступающія самымъ затѣйливымъ вымысламъ поэтовъ», но несомнѣнно, что эти «превращенія» по первому взгляду, съ своей внѣшней стороны, производятъ впечатлѣніе, идущее совершенно въ разрѣзъ съ ученіемъ о развитіи въ смыслѣ постепенности, послѣдовательности измѣненій. Самый терминъ, только-что упомянутый, какъ нельзя лучше характеризуетъ это впечатлѣніе. Припомните, напр., тѣ превращенія, которыя испытываетъ бабочка—этотъ «вѣрный символъ непостоянства», по мнѣнію однихъ, «эмблема славы и любви», по мнѣнію другихъ, ни то, ни другое, по мнѣнію нашему, — припомните, что бабочка является на свѣтъ далеко не такою, какою видимъ мы ее въ періодѣ полнаго развитія. По выходѣ изъ яйца она находится въ томъ состояніи, которое извѣстно для всѣхъ вообще насѣкомыхъ подъ именемъ личинки, и напоминаетъ собою скорѣе червя, но ужь никакъ не легкаго, порхающаго мотылька. Ея мясистое тѣло иногда совершенно гладкое, иногда покрытое волосами, снабжено 16 короткими ножками; ея голова, съ 12-ю микроскопически-малыми глазами, надѣлена 2-мя челюстями достаточно сильными для того, чтобы съ жадностью пожирать листья.

Но это состояніе, въ которомъ бабочка извѣстна подъ именемъ гусеницы, какъ знаетъ каждый, преходящее. Сбросивъ съ себя кожицу нѣсколько разъ вплоть до самыхъ челюстей, гусеница достигаетъ, наконецъ, полнаго роста, послѣ чего подвергается иному, болѣе существенному измѣненію: тѣло ея постепенно сокращается, кожица еще разъ надрывается и обнаруживаетъ яйцевидное образованіе, лишенное всѣхъ внѣшнихъ органовъ и, повидимому, совершенно безжизненное; одни лишь слабыя движенія вслѣдствіе посторонняго прикосновенія свидѣтельствуютъ о томъ, что жизнь въ этомъ яйцевидномъ образованіи не угасла. Въ этомъ состояніи, состояніи куколки, насѣкомое продолжаетъ оставаться болѣе или менѣе продолжительное время; но затѣмъ «гробница вскрывается» и изъ тѣснаго вмѣстилища выходитъ бабочка, по своему строенію, по своимъ внѣшнимъ очертаніямъ не имѣющая, повидимому, ничего общаго съ состояніемъ личинки. Вмѣсто мясистаго, трудноподвижного подобія червя, является легкое, надѣленное крыльями насѣкомое; изъ 16 ножекъ личинки остались только 6 и притомъ совершенно не сходныя съ тѣми, мѣсто которыхъ онѣ замѣнили; форма головы представляетъ въ свою очередь иныя очертанія и взамѣнъ челюстей насѣкомое оказывается снабженнымъ завитымъ хоботкомъ, съ помощью котораго оно высасываетъ нектаръ изъ богатыхъ соками цвѣтовъ. Тѣже важныя различія обнаруживаются и во внутреннихъ органахъ, напр., органахъ пищеваренія и въ строеніи мышечной и нервной системы. Однимъ словомъ, самое рѣзкое «превращеніе», не разъ служившее для прежнихъ натуралистовъ предметомъ сравненій съ физической и духовной жизнью человѣка.

Вотъ, напр., какъ проводитъ эту паралель Свамердамъ: «Процесъ превращеній совершается у мотыльковъ такимъ чудеснымъ образомъ, что мы какъ будто видимъ передъ глазами воскресеніе мертвыхъ, какъ будто можемъ осязать его собственными руками. Мы видимъ, какъ гусеницы, которыя ползаютъ по землѣ и довольствуются нечистой пищею, проживъ въ этой низкой формѣ недѣли или мѣсяцы, совершивъ свое назначеніе, впадаютъ, наконецъ, въ состояніе видимой смерти. Онѣ лежатъ одѣтыя саваномъ, замкнутыя въ гробу и обыкновенно засыпанныя землею. Но теплые лучи солнца вызываютъ ихъ скоро изъ могилъ. Всѣ, которыя находились въ оковахъ смерти въ землѣ, воздухѣ или водѣ, сбрасываютъ ихъ и, одѣвшись въ новый, свадебный нарядъ, выходятъ наслаждаться новой формой жизни — состояніемъ, въ которомъ развиваются всѣ ихъ способности, въ которомъ ихъ природа достигаетъ полнаго совершенства, въ которомъ онѣ уже не прикованы къ землѣ, а носятся по воздуху, упиваясь сладкимъ сокомъ цвѣточныхъ чашечекъ, отдаваясь блаженству любви. При видѣ этого явленія мы не можемъ не подумать о трехъ состояніяхъ, которыя человѣкъ проходитъ послѣдовательно, и въ особенности о томъ счастливомъ днѣ, когда по зову великаго Солнца правды, всѣ покоющіеся въ гробахъ выйдутъ изъ могилъ, когда море отдастъ своихъ мертвыхъ, когда смерть уничтожится жизнью и сонмы счастливыхъ будутъ жить и любить безъ конца!»

Поучительно сопоставить съ этой аналогіей тотъ фактъ, что «Психея», означающая на греческомъ языкѣ человѣческую душу, означаетъ также и бабочку. «Изъ этого, повидимому, страннаго двусмыслія, говоритъ одинъ ученый, вытекаетъ несомнѣнная причина, въ силу которой бабочка была древнѣйшимъ символомъ души. Отъ преобладанія этого символа и отъ послѣдовательнаго совпаденія наименованій произошло и то, что греческіе скульпторы часто представляли Психею, отдающеюся во власть Купидона, въ видѣ бабочки. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она является въ ихъ произведеніяхъ въ формѣ человѣческой, мы видимъ ее украшенную легкими и прозрачными крыльями этого насѣкомаго».

Достойно также замѣчанія, что въ сѣверной и западной Англіи, по словамъ Керби и Спенса, ночныя бабочки, прилетающія на пламя свѣчи, называются saules (souls—душа), «быть можетъ, по причинѣ стариннаго повѣрья, что души умершихъ летаютъ по ночамъ, отыскивая свѣтъ». У простого народа Германіи, вѣроятно, по той-же причинѣ эти бабочки извѣстны подъ именемъ Geistchen (духовъ). Древнее ученіе о метампсихозѣ или переселеніи душъ также находило себѣ не малую пищу въ явленіяхъ превращенія насѣкомыхъ и дѣйствительно едвали было бы неправдоподобно предположить, что съ точки зрѣнія этого ученія видимое воспріятіе жизни куколкою могло зависѣть отъ переселенія въ нее души какого-нибудь грѣшника, присужденнаго одушевить насѣкомое одинаковыхъ свойствъ съ тѣми, «которыя оскверняли прежнюю человѣческую плоть этой души». Такимъ образомъ одно мѣсто въ уставахъ Мену гласитъ: «Жрецъ, испившій вино, переселится въ муху, питающуюся испражненіями. Похитившій золото, принадлежащее жрецу, тысячу разъ переселится въ тѣло пауковъ. Похитившій медъ, переродится въ большого жалящаго комара; похитившій масло — въ жука, пьющаго масло; похитившій соль — въ цикаду; похитившій домашнюю утварь—въ ихневмона».

III.

Въ настоящее время превращеніе насѣкомыхъ совершенно утратило уже тотъ чудесный характеръ, который установила въ немъ не научная мысль отдаленной старины и, не смотря на кажущіяся противорѣчія, эти явленія сведены къ тѣмъ самымъ основнымъ законамъ развитія, въ условіяхъ которыхъ складывается и возростаетъ организація каждаго живого существа. При этомъ однако само собою рождается вопросъ: если превращеніе насѣкомыхъ можетъ быть подведено подъ основные законы развитія, то чѣмъ объяснить тогда, что здѣсь это развитіе обнаруживается рядомъ такихъ измѣненій, которыя, по крайней мѣрѣ, своими внѣшними особенностями вовсе не даютъ представленія о послѣдовательности преобразованій? Отчего насѣкомыя вмѣсто того, чтобы сохранять одну и туже общую форму съ дѣтства и до старости, какъ это мы видимъ, напр., у высоко-организованныхъ животныхъ, являются въ первомъ періодѣ своего индивидуальнаго развитія совершенно не въ томъ видѣ, который пріобрѣтаютъ впослѣдствіи, въ періодѣ возмужалости? Чѣмъ объяснить, наконецъ, необходимость промежуточнаго стостоянія—состоянія оцѣпенѣнія или окукливанія?

Лишнее пояснять, что вопросы эти составляютъ самую существенную дилему при изученіи явленій развитія въ мірѣ насѣкомыхъ и точное разъясненіе этихъ явленій невозможно безъ надлежащаго разъясненія данной дилемы.

Какимъ-же образомъ объясняются только-что поставленные вопросы?

Совершенно понятно, что отвѣтъ долженъ всецѣло согласоваться съ основными законами ученія о развитіи, иначе пришлось бы отвергнуть значеніе такого ученія и, стало быть, вновь возвратиться къ ребяческимъ возрѣніямъ древнихъ на явленія жизни. Къ сожалѣнію, это обстоятельство было упущено нѣкоторыми изъ энтомологовъ, пытавшихся указать на причины происхожденія метаморфозы насѣкомыхъ, вслѣдствіе чего самыя указанія теряли свою силу и не могли имѣть научнаго значенія. Къ числу такихъ неудачныхъ попытокъ относится между прочимъ гипотеза англійскихъ энтомологовъ Керби и Спенса, на которую мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей какъ ради подтвержденія только-что сказаннаго, такъ и потому, что гипотеза эта можетъ служить нагляднымъ свидѣтельствомъ, въ какомъ направленіи было бы тщетно искать отвѣта на вышепоставленные вопросы.

Весьма важное назначеніе, указанное насѣкомымъ въ экономіи природы — такъ начинаютъ названные ученые свое объясненіе причины превращеній,—состоитъ въ быстромъ и дѣятельномъ устраненіи преизобилующихъ и гніющихъ животныхъ и растительныхъ веществъ. Для такихъ дѣятелей ненасытное прожорство составляетъ столько-же необходимое свойство, какъ и ихъ необыкновенная сила воспроизведенія. Но эти 2 свойства въ своемъ высшемъ развитіи несовмѣстимы. Насѣкомое, занятое дѣломъ воспроизведенія, не могло бы вполнѣ удовлетворять своей прожорливости. Вотъ почему жизнь насѣкомаго, послѣ выхода его изъ яйца, раздѣляется на 3 періода. Въ своемъ первомъ періодѣ, въ состояніи личинки (larva), оно представляетъ, по большей части, безплодное, т. е. не способное къ размноженію животное, единственная цѣль котораго заключается въ удовлетвореніи своего ненасытнаго голода, и потому, чтобы превратить массу съѣдаемой имъ пищи, вся внутренность его превращается почти въ одинъ желудокъ. Такое состояніе составляетъ обыкновенно самый длинный періодъ его существованія. Запасшись достаточнымъ количествомъ матеріаловъ для развитія будущаго совершеннаго насѣкомаго, гусеница превращается въ куколку. Впродолже-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ФЕЙЕРБАХА.

Играющія дѣти...

Рѣзано на деревѣ въ Мюнхенѣ

ніи этого второго недѣятельнаго періода, въ немъ медленно совершаются важнѣйшіе процесы, непрерываемые позывами на пищу. Послѣ этого появляется совершенное насѣкомое. Тутъ оно часто вовсе не требуетъ пищи, а если и требуетъ, то почти всегда въ маломъ количествѣ. Для принятія этой пищи желудокъ его сокращается въ нѣкоторыхъ случаяхъ до одной десятой противъ своей первоначальной величины. Почти единственную цѣль жизни совершеннаго насѣкомаго составляетъ теперь размноженіе и поддержаніе своего рода; отъ этой цѣли оно не отрывается ни какой другой наклонностью. Когда-же выполнится этотъ важный долгъ, тогда цѣль существованія насѣкомаго достигнута и оно умираетъ.

Такова гипотеза Керби и Спенса. Хотя эти ученые и полагаютъ, что нѣтъ ни одного возраженія, «на которое нельзя было-бы представить удовлетворительный отвѣтъ», но тѣмъ не менѣе всѣ въ сущности научныя данныя противорѣчатъ только-что указанному объясненію. Самое основаніе, на которомъ зиждется это объясненіе, крайне шатко и не выдерживаетъ критики. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на существенную сторону аргументаціи: жизнь насѣкомаго раздѣляется на 3 періода потому, что въ немъ не могутъ одновременно совмѣщаться 2 такихъ свойства, какъ воспроизведеніе потомства и «ненасытное прожорство», а между тѣмъ это послѣднее «необходимо», такъ какъ насѣкомыя имѣютъ своимъ назначеніемъ «устранять преизобилующія и гніющія животныя и растительныя вещества». Выходитъ, стало быть, что исходную точку, опредѣлившую собою явленія метаморфозы насѣкомыхъ, составляетъ «указанное насѣкомымъ въ экономіи природы назначеніе». Очевидно, тутъ уже развитіе не причемъ. Всему причиною обжорство, а обжорству — необходимость устранять излишки и нечистоты съ лица земли. Допустимъ, что человѣчество лишилось-бы многихъ богатствъ, «если-бы бабочка шелковичнаго червя рождалась прямо бабочкой, не будучи предварительно гусеницей»; но слѣдуетъ-ли отсюда, что эти превращенія для того и существуютъ, чтобы не лишить человѣчество шелковыхъ издѣлій. Такой отвѣтъ можетъ вызвать улыбку и по меньшей мѣрѣ пришлось-бы спросить: а причемъ-же тутъ остальныя насѣкомыя, ничѣмъ неповинныя въ дѣлѣ шелковаго производства. А между тѣмъ, такой-же по существу даетъ отвѣтъ гипотеза названныхъ выше энтомологовъ.

Это еще далеко не все.

Керби и Спенсъ указываютъ на обжорство, какъ на одну изъ главныхъ причинъ метаморфозы насѣкомыхъ. Но, во-первыхъ, по совершенно справедливому замѣчанію Лёббока, не одни насѣкомыя отличаются обжорствомъ, не одни они имѣютъ право на названіе «очистителей земли и воздуха», какъ величаетъ ихъ Мaзіусъ. Въ дѣлѣ устраненія преизобилующихъ и гніющихъ органическихъ веществъ не малое участіе принимаютъ также нѣкоторыя хищныя птицы и, между тѣмъ, онѣ не подвержены никакимъ превращеніямъ. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, самое раздѣленіе, по которому обжорство составляетъ характерное качество личинки, а воспроизведеніе, какъ процесъ несовмѣстимый съ обжорствомъ — достояніе вполнѣ развитаго насѣкомаго не вѣрно, — не вѣрно по очень многимъ причинамъ. Правда, по отношенію къ чешуекрылымъ, т. е. бабочкамъ, можно еще сказать, что въ противоположность своимъ личинкамъ онѣ требуютъ пищу «почти всегда въ маломъ количествѣ», что для принятія этой пищи желудокъ ихъ «сокращается, въ нѣкоторыхъ случаяхъ до одной десятой доли противъ своей первоначальной величины». Правда также, что ненасытность гусеницъ поразительна и нѣкоторыя изъ нихъ впродолженіи мѣсяца съѣдаютъ корму въ 60 тысячъ разъ болѣе противъ своего вѣса. Но несомнѣнно также, что не одни чешуекрылыя составляютъ царство насѣкомыхъ и что среди многихъ представителей этого царства не мало такихъ, которыя въ періодѣ полнаго развитія отличаются замѣчательнымъ обжорствомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшаетъ имъ быть крайне плодовитыми.

Примѣрами такой утробной ненасытности преизобилуютъ многочисленныя энтомологическія наблюденія; нерѣдки даже случаи, когда насѣкомыя въ своемъ обжорствѣ не щадили самихъ себя, своего собственнаго тѣла, не говоря уже о ихъ дѣтенышахъ. Мы укажемъ на 2 небезъинтересныя наблюденія. Первое принадлежитъ Стефенсону. Въ своихъ изслѣдованіяхъ, близъ Витлезмира, онъ дѣлалъ между прочимъ опыты надъ прожорливостью стрекозъ; поймавъ одну изъ нихъ и пригнувъ хвостъ насѣкомаго къ его рту, Стефенсонъ къ удивленію своему увидѣлъ, что стрекоза откусила и съѣла 4 крайнихъ сустава своего тѣла, а затѣмъ, ускользнувъ случайно изъ рукъ наблюдателя, полетѣла также проворно, какъ и всегда, словно съ нею ничего не приключилось. Другой замѣчательный случай разсказываетъ Нордлингеръ о волчкѣ, какъ называютъ его у насъ на югѣ, или обыкновенной медвѣдкѣ — насѣкомомъ, принадлежащемъ къ сверчкамъ и отличающемся оригинальнымъ устройствомъ переднихъ ножекъ, дозволяющимъ ему легко зарываться въ рыхлую почву, которая составляетъ его любимое мѣстопребываніе. Насѣкомое это питается кореньями, не щадитъ также и наземныхъ частей растеній; въ особенности волчекъ большой лакомка различныхъ овощей — рѣдиски, моркови и т. п.; будучи вмѣстѣ съ тѣмъ крайне прожорливымъ, онъ причиняетъ не мало вреда огородникамъ; медвѣдка не пренебрегаетъ также животной пищей. Вотъ о прожорствѣ этой-то медвѣдки Нордлингеръ и сообщаетъ между прочимъ, что одна изъ нихъ, найденная въ саду, была разсѣчена заступомъ на-двое, какъ разъ по серединѣ тѣла; черезъ четверть часа, къ величайшему удивленію, работникъ, считавшій ее мертвою, увидалъ, что передняя половина начала ѣсть мягкую заднюю половину. Не щадитъ медвѣдка и дѣтенышей своихъ: по словамъ Ташенберга, это насѣкомое, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ, продолжаетъ оставаться жить «послѣ того, какъ вылупятся молодыя личинки, и поѣдаетъ многихъ изъ нихъ».

Повторяемъ, такихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о прожорствѣ насѣкомыхъ въ періодъ ихъ полнаго развитія, безчисленное множество, а между тѣмъ они вовсе не говорятъ въ пользу разсматриваемой гипотезы, по которой раздѣленіе этого обжорства и производительной способности между двумя состояніями представляетъ основную причину метаморфозы насѣкомыхъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Московскіе театры.

(Ст. **М**.).

Большой театръ.

Значеніе русской оперы для Москвы. — Бенефисъ г-жи Верни. — «Робертъ» Мейербера. — Полное отсутствіе пѣвцовъ-актеровъ. — Какъ далека наша опера въ исполненіи московскими артистами отъ идеала оперы-драмы. — «Опричникъ», Чайковскаго съ итальянцемъ-капельмейстеромъ и бояре съ эспаньолками. — «Метрономное» значеніе Бевиньяни въ «Опричникѣ». — Исполненіе главныхъ ролей. — Слухи объ исчезновеніи «Опричника». — Г. Хохловъ въ «Демонѣ» Рубинштейна — Сравненіе его съ г. Корсовымъ. — Прощаніе съ г-жею Верни и г. Бевиньяни. — Оваціи А. Г. Рубинштейну. — Дебюты: гг. Коковцева, Каминскаго, Усатова, г-жъ Лукиной и Лысенковой. — Спектакль московской консерваторіи. — «Фиделіо» Бетховена.

Только въ нынѣшнемъ сезонѣ русская опера въ Москвѣ существовала самостоятельно; до сихъ поръ она была на заднемъ планѣ, ею замѣщались свободные отъ итальянцевъ и балета дни въ большомъ театрѣ. Въ истекшемъ сезонѣ москвичи были лишены итальянской оперы и должны были находить наслажденіе въ русской. Но наша русская опера только что народилась, она — дитя, и идя слушать, напр., «Роберта» въ исполненіи нашими московскими артистами, нужно помнить это и запастись особымъ аршиномъ для оцѣнки ихъ исполненія. Не запасясь-же этимъ аршиномъ постоянно будешь изумляться: почему партія самаго Роберта выходитъ такъ тускла и слаба у г. Барцала? Отчего Алиса постоянно детонируетъ и начинаетъ не во время? Почему такъ смѣшонъ Рембо съ его любовными потами. А потому, что для Роберта нуженъ сильный, звучный, энергичный голосъ, а именно этого и недостаетъ г. Барцалу; у него есть умѣнье, есть прекрасная манера управлять своими небольшими голосовыми средствами, но этого слишкомъ мало для трудной партіи Роберта.

Алису пѣла г-жа Верни. Нельзя не удивиться, почему г-жа Верни взяла эту оперу для своего бенефиса; партія Алисы ей не по голосу и не по фигурѣ. Разучила ее она наскоро, это было видно изъ того, какъ неувѣренно она начинала каждую арію, какъ исполняла ее безъ всякихъ оттѣнковъ и какъ не спускала глазъ съ дирижерской палочки, что, конечно, не могло не вредить ей въ игрѣ. Рембо — Додоновъ, со всѣми его свойствами, былъ въ довершеніе всего въ этой партіи комиченъ въ высшей степени. Лучше всѣхъ былъ Бертрамъ — Фюреръ, но опять-таки, лучше всѣхъ — не значитъ, чтобы онъ былъ особенно хорошъ. Онъ пѣлъ вѣрно, мѣстами увлекался, но не было настоящей силы, не было видно ни минуты настоящаго Мейерберовскаго Бертрама. Все выходило блѣдно, миніатюрно; по окончаніи оперы выносишь впечатлѣніе дѣтскаго спектакля. Объ игрѣ и говорить нечего. Нашимъ артистамъ видно и въ голову не приходитъ, что опера прежде всего должна быть драмой. Каждый изъ нихъ только хлопочетъ, чтобы спѣть свою партію, а до созданія лица, до драматическихъ положеній имъ нѣтъ никакого дѣла. Наши пѣвцы унаслѣдовали отъ итальянцевъ извѣстные позы и жесты и практикуютъ ихъ во всѣхъ операхъ. Ну въ Трубадурѣ, напр., и относишься къ нимъ снисходительно, привычка заставляетъ не замѣчать ихъ. Когда-же ставится опера съ такимъ развитымъ драматическимъ элементомъ, какъ, напр., «Опричникъ» Чайковскаго — нелѣпость всѣхъ этихъ позъ и жестовъ такъ и рѣжетъ глазъ.

«Опричникъ» настоящая опера-драма. Пошло-условнаго въ ней нѣтъ ничего. Оркестръ, пѣніе и игра должны составлять одно цѣлое и тогда только могутъ оставить цѣльное впечатлѣніе. Какже она поставлена въ Москвѣ? Русской драмой дирижируетъ итальянецъ. Нами уже было сказано, что г. Бевиньяни даровитый музыкантъ, прекрасный капельмейстеръ. Но онъ не знаетъ русскаго языка, не можетъ вникнуть въ содержаніе оперы. А потому онъ въ русской оперѣ, да еще съ славянскимъ оттѣнкомъ, имѣетъ значеніе метронома. Оркестръ у него идетъ дружно, вѣрно, но всѣ сильныя мѣста пропадаютъ и пѣть съ такимъ дирижеромъ очень трудно. Хористы всѣ также итальянцы. Они на звукъ выучили русскія слова и поютъ эти слова, а не то, что они означаютъ. Они даже не потрудились загримироваться прилично случаю. Можетъ быть, это вина не ихъ, а кого-нибудь другого — мы не знаемъ; мы говоримъ то, что видимъ: опричники съ усиками и эспаньолками смѣшны и нелѣпы.

Главныя роли были распредѣлены такъ: На-

ташу исполняла г-жа Махина. Если ее въ «Мартѣ» почти нельзя слушать, то какже можно отдавать ей партіи въ операхъ Чайковскаго. Въ Наташѣ ее было не слышно и почти не видно, она со своей микроскопической фигуркой потонула въ атласныхъ складкахъ сарафана. Про Морозова—Барцала придется повторять опять тоже самое: тутъ нуженъ настоящій теноръ силы, а не г. Барцалъ. Лучше другихъ были г-жи Святловская и Юпевичъ. Послѣдняя въ роли боярыни Морозовой была сильна, значительна, хотя мѣстами фальшивила нестерпимо.

Появленіе оперы Чайковскаго на московской сценѣ, какъ мы уже упоминали въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ, обставлено нѣкоторою таинственностью. Ее очень долго репетировали, назначили день постановки и вдругъ спрятали. Никто не зналъ настоящей причины этого, а публика и пресса поторопились сейчасъ-же раздуть такое исчезновеніе «Опричника» въ событіе. Говорили, что явились нѣкоторыя затрудненія въ цензурномъ отношеніи; но въ это-же время на сценѣ Артистическаго кружка давался «Опричникъ» безъ всякихъ урѣзокъ. Говорили о неумѣньи г. Бевиньяни дирижировать русскими операми. Оскорбленный маэстро поторопился опровергнуть этотъ слухъ письмомъ, въ которомъ ссылался на компетентныхъ судей, могущихъ заявить, что опера идетъ отлично. Наконецъ, не обошлось безъ таинственно-прозрачныхъ намековъ на какія-то интриги въ театральномъ мірѣ. Какъ-бы ни было, опера скрывалась нѣсколько недѣль, чтобы торжественно появиться на сценѣ большого театра 12-го февраля. Въ публикѣ былъ возбужденъ интересъ къ «Опричнику». Въ прежніе года, когда эта опера давалась здѣсь съ любимицей публики г-жею Кадминой—театръ былъ почти всегда пустъ. Теперь-же «Опричникъ» привлекъ массу публики. Насколько она была удовлетворена можно судить потому, что мы сказали выше объ исполненіи и еще потому, что послѣ второго представленія опера Чайковскаго опять скрылась и больше не появлялась до сихъ поръ. На первый планъ выступили опять старыя оперы: Трубадуръ, Жизнь за царя и др. Надо всѣми ими царилъ «Демонъ» Рубинштейна. Оперу дали 19 разъ и каждый разъ билеты доставались съ боя. По отъѣздѣ г. Корсова въ Петербургъ, партію Демона отдали молодому баритону г. Хохлову. Г. Корсовъ въ этой роли имѣлъ большой успѣхъ. Онъ явился сильнымъ, самоувѣреннымъ демономъ, страстнымъ, любящимъ существомъ. Но у него не доставало молодости и свѣжести въ голосѣ для исполненія этой партіи; у него слишкомъ тучная фигура, чтобы хоть сколько-нибудь олицетворить собою «духа отрицанья». Въ своемъ бѣломъ костюмѣ, покроемъ напоминающемъ ризу г. Корсовъ совсѣмъ не былъ похожъ на демона.

Эти недостатки и восполнилъ г. Хохловъ. У него молодой, сильный баритонъ и высокая стройная фигура. По внѣшности онъ гораздо больше, чѣмъ г. Корсовъ, походитъ на демона. И поетъ эту партію прекрасно. Только въ началѣ пролога вступительныя фразы демона и клятва въ 3-мъ дѣйствіи для г. Хохлова слишкомъ низки, оркестръ тутъ заглушаетъ его; за то во всѣхъ высокихъ мѣстахъ его голосъ звуч но покрываетъ инструменты и раздается по залѣ. У г. Хохлова голосовыя средства богатыя и, если онъ будетъ работать, изъ него можетъ выйдти очень хорошій пѣвецъ. Въ «Демонѣ» онъ и беретъ этими средствами, тонкой-же отдѣлки роли, оттѣнковъ въ пѣніи у него еще мало, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ гораздо ниже г. Корсова. Во всякомъ случаѣ дирекція должна дорожить г. Хохловымъ, хорошіе баритоны на счету, и если г. Хохлова не будетъ въ московской оперѣ, кѣмъ будетъ можно замѣнить его? А между тѣмъ дирекція какъ будто нарочно закрываетъ глаза, чтобы не видѣть, какъ въ московской публикѣ пробудился интересъ къ своей, національной оперѣ. Теперь-то и время собрать все, что есть лучшаго изъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Если въ нынѣшнемъ сезонѣ русская опера съ далеко не блестящимъ составомъ дала уже дирекціи значительный барышъ, то какъ-бы хорошо можно было поправить убытки, нанесенные итальянцами, если-бы обновить московскую оперу, распрощавшись съ г-жами Люценко, Махиной, г. Додоновымъ и т. п. и пригласивши талантливыхъ артистовъ. А что-же мы видимъ? Дебютируетъ г. Коковцевъ въ роли графа Люна. Послѣ каждой аріи ему шикаютъ. Въ сущности, даже не было слышно, хорошо-ли онъ пѣлъ, такъ какъ у него такой маленькій голосъ, что только потому, что онъ открываетъ ротъ, и можно догадаться, что онъ поетъ. Второй разъ онъ опять появляется въ томъ-же «Трубадурѣ», и ему опять шикаютъ. Оказывается, что онъ принятъ въ московскую русскую оперу, потому что г. Хохловъ не согласился взять предлагаемое ему жалованье,—жалованье, конечно, маленькое, но для г. Коковцева выгодное, такъ какъ и въ провинціи ему больше не дадутъ, а г. Хохловъ можетъ всегда заработать гораздо больше.

Изъ провинціальныхъ пѣвцовъ-баритоновъ этимъ постомъ пѣлъ въ Москвѣ съ большимъ успѣхомъ г. Каминскій. Онъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ извѣстность въ провинціи, хотя поетъ очень недавно. Поетъ онъ, въ сущности, не хорошо, но у него славный голосъ: чистый, сочный и громадный по діапазону. Онъ дебютировалъ въ роли графа де-Невера. И въ первомъ актѣ, гдѣ нужно пѣніе болѣе обдуманное, со вкусомъ, его не замѣтили. Послѣ-же аріи въ четвертомъ дѣйствіи его вызвали 4 раза. Такъ и въ «Фаустѣ», послѣ первой аріи Валентина онъ имѣлъ громадный успѣхъ, спѣвъ высокимъ, сильнымъ голосомъ эту арію, съ которою рѣдкій баритонъ можетъ справиться. А потрясающая сцена смерти Валентина у г. Каминскаго совсѣмъ пропала. Вообще г. Каминскій не артистъ, а пѣвчій съ громаднымъ голосомъ, не тронутымъ ни ученьемъ, ни лѣтами.

Съ постомъ въ Москву слетѣлись со всѣхъ сторонъ дебютанты и дебютантки. Явилось нѣсколько сопрано замѣнить г-жу Верни, которая уѣхала въ Лондонъ пѣть во время лѣтняго сезона въ ковенгарденскомъ театрѣ. Какія роли будетъ тамъ исполнять г-жа Верни—неизвѣстно. Въ Лондонѣ на лѣто собирается все, что есть лучшаго изъ артистовъ, и г-жа Верни со своимъ неумѣньемъ пѣть должна будетъ тамъ отойдти на задній планъ. Это не то, что въ Москвѣ. Подъ часъ она небрежно относилась не только къ игрѣ, но и къ пѣнію, и все-таки ее всегда принимали отлично и распростились съ нею, какъ съ любимой артисткой. Ея послѣдній выходъ былъ въ «Демонѣ». Въ этотъ-же вечеръ москвичи прощались со своимъ фаворитомъ—Бевиньяни и чествовали творца «Демона» А. Г. Рубинштейна. Вѣсть, что композиторъ въ театрѣ, (хоть его и не было видно въ глубинѣ директорской ложи) какъ электрическая искра, облетѣла всѣ 6 ярусовъ. Послѣ 1-й-же картины 1-го дѣйствія его стали вызывать и, когда онъ появился—театръ гремѣлъ. Потомъ звали Верни, Бевиньяни и Рубинштейна. Крики превратились въ какой-то гулъ и стонъ. Нельзя было понять кого зовутъ. А. Рубинштейнъ вышелъ разъ 20. Когда онъ уѣхалъ изъ театра, всѣ изъявленія восторговъ посыпались на г-жу Верни и Бевиньяни. Кричали, топали, махали платками, а по окончаніи спектакля пледы и гимназическіе пальто развѣвались во множествѣ со всѣхъ сторонъ верхнихъ ярусовъ. Г-жу Верни въ Москвѣ очень полюбили и, по всей вѣроятности, она пріѣдетъ къ намъ опять на будущую зиму. Изъ дебютировавшихъ сопрано никто не ангажированъ въ оперу. Изъ дебютантокъ г-жа Лукина имѣла сравнительно большой успѣхъ. Она появилась все въ томъ-же «Трубадурѣ». Голосъ у нея довольно большой, но непріятный по тэмбру и по манерѣ пѣть. Она напрягаетъ его на высокихъ нотахъ, оставляя въ тѣни всѣ другія. А потому у нея, напр., въ allegro 1-го акта только и слышны вскрикиванья, а мотивъ весь пропадаетъ. Играетъ г-жа Лукина не только плохо, но даже просто комично. Промахи въ игрѣ проявляются на каждомъ шагу, ихъ не перечтешь. А публикѣ какъ видно она правилась. Чѣмъ объяснить это? Можетъ быть, ея апломбомъ и самоувѣренностью. Ота такъ фальшивила и детонировала въ «Русалкѣ», что нѣкоторыхъ померовъ этой симпатичной партіи просто нельзя было узнать. Но она, не смущаясь, шла дальше и обыкновенно поправляла дѣло одной высокой нотой. Публика все еще легко подкупается одной какой-нибудь нотой, взятой сильно и чисто. Г-жа Лукина только и беретъ этимъ.

Другая дебютантка сопрано, г-жа Лысенкова знакома Петербургу по консерваторскимъ спектаклямъ прошлаго года. Она дебютировала въ Москвѣ въ 4-мъ актѣ «Гугенотовъ». Для начинающей пѣвицы рискованно брать для дебюта этотъ труднѣйшій въ драматическомъ отношеніи актъ. Тутъ невозможно отдѣлить игру отъ пѣнія. Драма сквозитъ въ каждой фразѣ, въ каждомъ звукѣ. Тутъ требуется очень большая опытность. Г-жа Лысенкова, видимо, робѣла, пѣла неувѣренно и постоянно путала въ ансамбляхъ. А потому она далеко не произвела пріятнаго впечатлѣнія своимъ первымъ дебютомъ; она даже не показала всей красоты и силы своего голоса. На 2-мъ дебютѣ, въ «Аидѣ» г-жа Лысенкова была значительно спокойнѣе и о ней можно было вывести болѣе или менѣе опредѣленное впечатлѣніе. У нея звучное, сильное сопрано, съ чистыми высокими нотами. Есть нѣсколько очень полныхъ, сочныхъ нотъ. Но вообще она не музыкальна. Въ ней совсѣмъ нѣтъ того художественнаго чутья, которое сквозитъ въ каждой нотѣ настоящаго музыканта. Можно поразиться, узнавъ, что г-жа Лысенкова прошла полный курсъ консерваторіи, брала потомъ еще частные уроки у Эверарди и доканчивала свое музыкальное образованіе въ Италіи. Слушая ее въ «Аидѣ», ее можно было-бы принять за пѣвицу-самоучку, а «Аида» чуть-ли не была ея экзаменомъ въ консерваторіи. Или она труситъ и отъ трусости забываетъ партію, или у нея плохой слухъ—не знаемъ, но видимъ, что она все время головой или ногой считаетъ тактъ, не сводитъ глазъ съ дирижера и даже порой обращается къ суфлеру. Понятно, что все это мѣшаетъ ей пѣть какъ слѣдуетъ, хотя у нея очень не дурной голосъ. Она показала его во всей красотѣ въ дуэтѣ 3-го акта. Пѣла г-жа Лысенкова съ г. Усатовымъ. Они хорошо спѣлись и хоть вначалѣ разошлись немного, но скоро поправились и дружно закончили дуэтъ сильными, грудными нотами.

Г. Усатовъ—дебютантъ на московской сценѣ, но уже извѣстный провинціальный пѣвецъ. Въ сущности, провинціи онъ обязанъ славой, раздутой тамъ въ преувеличенные размѣры, какъ обязанъ ей и большею частью своихъ недостатковъ. У г. Усатова рѣдкій по высотѣ теноръ, сильный и гибкій. Онъ ученикъ Эверарди и итальянская манера сквозитъ въ каждой его нотѣ. Въ «Фаустѣ», въ которомъ онъ выступилъ для своего перваго дебюта, онъ не взялъ ни одной ровной ноты: съ первой фразы до послѣдней голосъ дрожалъ, не переставая. А между тѣмъ у г. Усатова голосъ нисколько не утомленъ, онъ это дока-

залъ именно въ дуэтѣ 3-го акта «Аиды». Это особая манера, къ которой пріучаетъ провинція. Такъ и самовольныя fermato, къ которымъ прибѣгаетъ г. Усатовъ, были-бы немыслимы, если-бы онъ разучивалъ оперы подъ руководствомъ опытнаго, талантливаго капельмейстера, а не такъ, какъ Господь на душу положитъ. Но отъ всего этого г. Усатовъ можетъ легко отвыкнуть, хотя онъ и не начинающій пѣвецъ. Отбросивъ ненужную вибрацію, онъ своимъ красивымъ голосомъ можетъ производить пріятное впечатлѣніе. Мы еще будемъ имѣть время узнать его и оцѣнить. Г. Усатовъ остается на лѣто въ Москвѣ. Онъ будетъ пѣть у г. Лентовскаго въ «Саду Эрмитажъ», гдѣ, кромѣ оперетокъ, предполагается еще и комическая опера. Г. Усатовъ выступаетъ въ оперѣ Массене «Павелъ и Виргинія» въ роли Поля, созданной въ Парижѣ Капулемъ. Мы надѣемся своевременно поговорить объ этомъ, очень пріятномъ для Москвы предпріятіи Лентовскаго. Теперь намъ хочется сказать о появленіи Бетховенскаго «Фиделіо» на сценѣ большого театра.

Каждую весну Н. Г. Рубинштейнъ ставитъ въ Москвѣ одну оперу, служащую публичнымъ экзаменомъ для учениковъ московской консерваторіи. Онъ выбираетъ обыкновенно что-нибудь серьезное изъ оперъ недающихся въ Москвѣ. Но кромѣ этого г. Рубинштейнъ долженъ всегда сообразоваться съ наличными силами консерваторіи. Онъ такъ и дѣлалъ всегда. Его ученическіе спектакли давались въ маломъ театрѣ, онъ становилъ оперу, подходящую къ исполнителямъ и выходилъ всегда побѣдителемъ. Въ нынѣшнемъ году понадобилось перенести публичный экзаменъ въ большой театръ. Число почетныхъ членовъ, имѣющихъ право посѣщать всѣ консерваторскіе спектакли, такъ возрасло въ послѣдній годъ, что малый театръ оказался для нихъ тѣсенъ. А между тѣмъ въ консерваторіи, какъ мы могли видѣть, только 2 голоса, подходящіе къ большому театру — это г-жа Климентова и г. Махаловъ. Остальные—ученики, съ недоразвившимися слабыми голосами. И съ такими-то силами Н. Г. Рубинштейнъ затѣялъ поставить «Фиделіо». Понятно, что Бетховенъ поблѣднѣлъ при такомъ ученическомъ исполненіи. Нѣкоторые номера совсѣмъ стушевались. Вмѣсто квартета въ 1-мъ дѣйствіи—вышелъ неполный дуэтъ, такъ какъ 2-хъ исполнителей почти не было слышно. Главная роль, Фиделіо, исполнялась г-жею Климентовой, кончающей консерваторію въ нынѣшнемъ году. Намъ уже много разъ приходилось слышать эту молодую пѣвицу. Три года сряду она исполняетъ главныя партіи въ консерваторскихъ спектакляхъ: въ «Бѣлой дамѣ» Боальдьё, въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ», Чайковскаго и наконецъ въ «Фиделіо». Съ каждымъ годомъ ея голосъ дѣлался звучнѣе, сочнѣе, а главное красивѣе по тембру. У г-жи Климентовой—сопрано, очень пріятное по звуку и рѣдкое по чистотѣ. Она имъ управляетъ свободно и поетъ съ большимъ вкусомъ. Въ Фиделіо нельзя было оцѣнить всего этого. Она такъ была стѣснена въ мужскомъ костюмѣ на громадной сценѣ, такъ плохо играла, что портила невольно впечатлѣніе, которое обыкновенно производитъ ея задушевный голосъ. Г-жа Климентова будетъ дебютировать въ «Фаустѣ» и въ «Демонѣ» *). Изъ Маргариты Гупо трудно создать что-нибудь новое, послѣ стольких Маргаритъ, пѣвшихъ на московской сценѣ. А Тамара еще, можно сказать, неизвѣстна для Москвы. Г-жа Верни не только не создала типа, но даже не дала ни одной характерной черты. Что сдѣлаетъ изъ этой роли г-жа Климентова предсказать нельзя, но эта партія совершенно по характеру и по діапазону ея голоса.

*) Статья написана въ апрѣлѣ, но опоздали помѣщеніемъ по недостатку мѣста.

Изъ остальныхъ участвующихъ въ «Фиделіо» выдавался г. Махаловъ. Со своимъ мягкимъ, бархатистымъ басомъ, съ увѣреннымъ видомъ—онъ совсѣмъ не былъ похожъ на ученика. Въ роли тюремщика Рокко онъ имѣлъ видъ опытнаго пѣвца. Г. Махаловъ кажется тоже изъ кончающихъ консерваторію; хорошо бы было Москвѣ запастись такимъ Сусанинымъ.

Марселину пѣла г-жа Лазарева. У нея очень высокое сопрано, съ рѣзкимъ тэмбромъ, не особенно большое, но хорошо поставленное. Въ меньшей залѣ она можетъ исполнять и большія партіи.

Два тенора, исполнявшіе роли: Флорестана и Жакино совсѣмъ не замѣтны, ни по качеству, ни по силѣ. Еще Флорестанъ — г. Медвѣдевъ, какъ второй теноръ можетъ быть полезнымъ, но г. Успенскій совсѣмъ плохъ. Трудъ г. Бѣдлевича, изображавшаго министра, пропалъ даромъ. Его и г. Кроткова, въ роли губернатора, совсѣмъ не было слышно.

Какъ видите, вокальная часть исполненія далеко не изъ блестящихъ. Смѣшно винить тутъ директора консерваторіи. Если нѣтъ голосовъ, гдѣ-же взять ихъ? Всѣ, что зависѣло отъ Н. Г. Рубинштейна онъ сдѣлалъ. Оркестръ изъ учениковъ игралъ, какъ одинъ инструментъ. Не смотря на численное превосходство оркестра большаго театра—онъ въ вещахъ, дирижируемыхъ не Рубинштейномъ, никогда не даетъ такого полнаго, цѣльнаго впечатлѣнія. За одно исполненіе трудной увертюры ко второму акту можно сказать большое спасибо Н. Г. Рубинштейну.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Парижская звѣзда.

I.

Вечеръ у баронесы де-Марби.

Нѣсколько времени послѣ разсказанныхъ событій жители Отейля съ удивленіемъ разсказывали другъ другу, что капитанъ Марби бросилъ арендуемый имъ маленькій домъ, въ которомъ произошли первыя сцены нашего романа, заплатилъ за нѣсколько лѣтъ впередъ всю аренду и перебрался въ новое жилище въ улицѣ Ла-Фонтэнъ. Одни увѣряли, что причиной этого страннаго событія были смерть его друга и исчезновеніе сестры его жены; другіе утверждали, что ему приказано переѣхать, третьи разсказывали, что военное министерство вдругъ открыло въ немъ какія-то сокрытыя до тѣхъ поръ достоинства, и онъ получилъ блестящее мѣсто, занимая которое онъ долженъ былъ вести болѣе открытую, свѣтскую жизнь.

Во всѣхъ этихъ толкахъ была доля правды, но вотъ вся правда цѣликомъ. Посѣтивъ Матье де-Тальи съ цѣлью освѣдомиться о результатѣ ея просьбы, Орели узнала отъ него о неожиданномъ исчезновеніи ея писемъ. Конечно, онъ скрылъ отъ нея сцену, происшедшую между нимъ и Элизой, выразивъ впрочемъ къ молодой дѣвушкѣ презрительную ненависть. Но за то онъ разсыпался въ комплиментахъ Орели, которая показалась ему теперь особенно привлекательной. Ему было какъ-то пріятно видѣть блестящей бабочкой ту, которую онъ зналъ скромной куколкой. Онъ наговорилъ ей многое, что излишне повторять, но результатомъ этой нѣжной болтовни было неожиданное открытіе въ капитанѣ де-Марби особой способности браковать лошадей, и было рѣшено, что судья похлопочетъ о назначеніи Марби старшимъ ремонтеромъ кавалеріи, что заставитъ его находиться въ постоянныхъ разъѣздахъ, а она пріищетъ красивый домъ съ садомъ, будетъ давать вечера, держать экипажъ и пр.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько дней капитанъ получилъ офиціальную бумагу изъ военнаго министерства о назначеніи барона де-Марби инспекторомъ казенныхъ конскихъ заводовъ и ремонтеромъ съ жалованіемъ въ 20,000 франковъ, а спустя недѣлю баронъ и баронеса де-Марби переѣхали въ улицу Ла-Фонтэнъ, въ хорошенькій домъ особнякъ, съ большимъ садомъ и оранжереей. Прошло еще 10 дней и баронъ уѣхалъ въ командировку для осмотра конскихъ заводовъ въ центральной Франціи, а баронеса стала ежедневно показываться въ своемъ экипажѣ въ Булонскомъ лѣсу.

Однажды, возвращаясь съ прогулки, она на крыльцѣ своего дома увидала какого-то мужчину, прилично одѣтаго, но съ грубыми манерами. Онъ подошелъ къ ней съ улыбкой какъ старый знакомый и сказалъ фамильярно:

— Здраствуйте, вы меня узнали?

Орели взглянула на него презрительно.

— Зачѣмъ вы пускаете всякаго встрѣчнаго? спросила она съ негодованіемъ у привратника.

— Этотъ господинъ увѣрялъ, что онъ другъ вашего дѣтства и что вы будете очень рады его видѣть.

— Такъ вы меня не узнаете? сказалъ незнакомецъ, насупляя брови.

— Я васъ не знаю... Прошу васъ уходите.

— Орели, ты меня не узнаешь? воскликнулъ незнакомецъ, становясь прямо противъ нея и заграждая ей дорогу.

— Что-же это значитъ? закричала баронеса и, обращаясь къ привратнику и выбѣжавшему лакею, прибавила:—пошлите за полиціей.

Слуги хотѣли броситься на дерзкаго незнакомца, но онъ учтиво поклонился Орели и, пропуская ее, сказалъ съ саркастической улыбкой:

— Извините, сударыня, я ошибся. Не безпокойтесь посылать за полиціей, я и самъ уйду.

И онъ спустился съ подъѣзда и, гордо поднявъ голову, прошелъ по двору.

— Оставьте меня, презрительно говорилъ онъ слѣдовавшимъ за нимъ слугамъ,—я ошибся и ухожу.

Выйдя за рѣшетку, онъ остановился и, грозя кулакомъ, сказалъ:

— Тѣмъ хуже для тебя, моя красавица, ты дорого заплатишь за эту выходку...

«Какой я дуракъ! думалъ онъ.—Разъ въ жизни захотѣлъ сдѣлать добро и къ чему-же это привело? Однако какъ богатство измѣняетъ женщинъ. Я зналъ ее въ ситцевомъ короткомъ платьѣ, въ шелковомъ передникѣ и въ кокетливомъ маленькомъ чепцѣ. У нея тогда не было кареты, она бѣгала пѣшкомъ. Щеки ея сіяли молодостью, а не румянами... Она тогда любила своего Биби, потому что слушалась только своего сердца. Теперь она любитъ только себя и лжетъ, чтобъ казаться красивой... Хорошо Лили, презирай стараго любовника. Ты за это дорого поплатишься. Скажи она мнѣ доброе слово, улыбнись, и я-бы даромъ ей отдалъ эти письма. Она не подозрѣваетъ, какъ дорого они ей теперь обойдутся. Нѣтъ, голубушка, я прощаю женщинамъ невѣрность, но неблагодарности никогда!»

Онъ злобно засмѣялся и продолжалъ свой путь, весело напѣвая. Однако, дойдя до угла улицы Ла-Фонтэнъ, онъ повернулъ назадъ. Чтобъ успѣшно отомстить оскорбившей его Орели, прежде всего необходимо было узнать что именно дѣлалось въ ея домѣ, справедливо-ли говорили, что ея легкое поведеніе было источникомъ богатства ея мужа и т. д. Онъ возвратился снова къ дому, изъ котораго только что его выгнали, и недоумѣвалъ у кого-бы навести нужныя ему справки, какъ вдругъ замѣтилъ выходившаго изъ-за рѣшетки кондитерскаго ученика съ пустыми корзинами. Подойдя къ нему, онъ всту-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ЗЕМЦОВА.

Купецъ Калашниковъ передъ Иваномъ Грознымъ. (Къ поэмѣ Лермонтова.)

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

пилъ съ нимъ въ разговоръ и, заманивъ своего новаго пріятеля въ сосѣдній кабачекъ, вскорѣ узналъ отъ него, что въ этотъ самый вечеръ г-жа де-Марби давала, въ отсутствіи мужа, великолѣпный вечеръ съ иллюминаціей сада и роскошнымъ ужиномъ. Блестящая мысль вошла въ голову молодого человѣка. Онъ прикинулся только что пріѣхавшимъ въ Парижъ провинціаломъ, заявилъ пламенное желаніе увидѣть такой диковинный вечеръ и предложилъ даромъ свои услуги въ видѣ официанта. Кондитеръ тотчасъ согласился, говоря, что ихъ будетъ 15 человѣкъ прислуги, а потому одинъ лишній пройдетъ незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ рекомендуетъ его хозяину, какъ своего родственника. Они условились встрѣтиться черезъ два часа въ томъже кабачкѣ и разстались самыми закадычными друзьями.

— Ну, Орели, мы сегодня поговоримъ, сказалъ молодой человѣкъ, удаляясь.

Въ назначенный срокъ онъ былъ на мѣстѣ, въ обычномъ потертомъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ официанта; завитой, съ обритой бородой и баками на манеръ котлетъ, онъ такъ преобразился, что никто его не узналъ-бы въ домѣ, гдѣ произошла незадолго передъ тѣмъ столь непріятная для него сцена. Впрочемъ, не онъ одинъ измѣнился въ этотъ короткій промежутокъ; самый домъ баронесы Марби принялъ совершенно иной видъ. У подъѣзда былъ сооруженъ длинный павильонъ, уставленный цвѣтами, у входа въ который должны были останавливаться экипажи. Въ саду была зажжена блестящая иллюминація; разноцвѣтные фонари и склеклянные шары унизывали деревья и кусты. Окна гостиныхъ въ нижнемъ этажѣ были открыты и за тяжелыми портьерами виднѣлись массы цвѣтовъ, наполнявшихъ комнаты, изъ которыхъ вынесли мебель. Во второмъ этажѣ были устроены маленькая гостиная для игры въ карты и громадный буфетъ. Лѣстница, которая вела туда, была залита цвѣтами и увѣшана дорогими тканями. Въ глубинѣ сада, въ маленькомъ кіоскѣ помѣщался оркестръ.

Пораженный всѣмъ этимъ великолѣпіемъ, новый официантъ качалъ головой и бормоталъ сквозь зубы:

— Я ничего не понимаю... Чтобъ давать такіе праздники, надо имѣть тысячъ сто дохода...

Въ эту минуту вошла баронеса де-Марби, сіяя красотой. Начался пріѣздъ и вскорѣ роскошное жилище наполнилось блестящимъ обществомъ.

«Все это необыкновенно! думалъ ложный официантъ.—И она принимаетъ одна. Что-же это за чучело ея мужъ? Тутъ кроется какая-то тайна».

Чтобъ понять эту тайну намъ достаточно прислушаться къ разговору двухъ молодыхъ людей, которые, удалясь изъ давки, образовавшейся въ гостиныхъ, сидѣли въ саду близь маленькаго павильона, устроеннаго для курильщиковъ.

— Ты понимаешь, говорилъ одинъ изъ нихъ,— что этотъ оригинальный и блестящій праздникъ устроенъ баронесой и что присутствіе мужа испортило-бы все.

— Но вѣдь онъ-же платитъ за все это великолѣпіе, замѣтилъ другой.

— Да, онъ заплатитъ за свѣчи, которыя сгорятъ въ люстрахъ гостиныхъ, за музыку и нѣкоторую часть за ужинъ и будетъ увѣренъ, что это всѣ расходы.

— А кто-же покроетъ остальные?

— Г-жа де-Марби.

— У нея свое состояніе?

— Да, она, говорятъ, получаетъ доходы совершенно личные.

— Какой ты злой.

— Я не говорю и половины того, что знаю. Старикъ Марби прелюбопытный типъ, его послали куда-то за покупкой лошадей. Онъ долженъ былъ вернуться сегодня. До той минуты, пока ждали его пріѣзда, здѣсь дѣлали приготовленія для самаго обыкновеннаго вечера. Но какъ только пришло извѣстіе, что капитанъ не можетъ пріѣхать, въ два часа весь домъ былъ перевернутъ верхъ дномъ.

— И ты выводишь изъ этого?

— Что тѣ-же лица, которыя доставили капитану его странное мѣсто, послали ему приказаніе ѣхать далѣе и вернуться не ранѣе десяти дней. Баронеса телеграфировала ему, умоляя пріѣхать и извѣщая что она устроила вечеръ для празднованія его пріѣзда. Капитанъ отвѣчалъ: «я получилъ новую командировку, не могу вернуться, давай свой вечеръ». И комедія сыграна. Красавица баронеса даетъ намъ этотъ великолѣпный праздникъ... и ты самъ знаешь кто за него заплатитъ.

— Кто?

— Да все тотъ-же, о комъ мы говорили.

— Матье.

— Конечно.

— Такъ эта змѣя всюду суетъ свое жало.

— Почти всюду.

— Все, что ты мнѣ говоришь, такъ противно, что я сейчасъ уѣду. Какъ! женщина, казавшаяся мнѣ столь прелестной, продаетъ свои ласки этому чудовищу! Фуй!

— Какой ты провинціалъ! Но сознайся, что ты не отъ этого бѣжишь. Ты просто хочешь застать послѣдній актъ. Эта актриса тебѣ вскружила голову, особенно на тебя подѣйствовала ея исторія.

— Пустяки.

— Нѣтъ, ты сознайся, что ты думаешь только о Луизѣ Боттъ, о «Рябой красавицѣ», будь со мною откровененъ.

— Ну да; ты правъ. Поѣдемъ отсюда, я не хочу быть гостемъ этого чудовища.

— Вотъ видишь.

— Пожалуйста бросимъ этотъ разговоръ. Ты мой лучшій другъ и если дѣйствительно меня любишь, то не смѣйся. Да, я люблю «Рябую красавицу».

Наступило минутное молчаніе.

— Тебѣ нечего показываться въ гостинныя, тамъ давка и нашего отсутствія никто не замѣтитъ. Походимъ по саду и поговоримъ.

— О чемъ.

— Ты самъ знаешь.

— Опять!

— Пожалуйста, Оливье. Намъ надо поговорить съ тобою серьезно.

— Хорошо, пойдемъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, котораго звали Оливье, и, взявъ за руку своего товарища, направился вмѣстѣ съ нимъ въ отдаленный уголъ сада, который выходилъ на Сену.

Усѣвшись на рѣшетку, молодые люди закурили сигары.

— Что-же ты мнѣ хочешь сказать?

— Я хочу съ тобою поговорить какъ твой искренній другъ.

— Да, и помучить меня, пользуясь правомъ друга.

— Нѣтъ, дать тебѣ хорошій совѣтъ.

— Я слушаю.

— Ты недавно вернулся въ Парижъ изъ отдаленной страны, гдѣ ты велъ трезвую лагерную жизнь и очень естественно хотѣлъ повеселиться. Вотъ мы съ тобою и повели безумную жизнь. Но вдругъ ты сталъ мраченъ и всѣ наши кутежи тебѣ опротивѣли. Ты влюбился по уши.

— Это правда.

— Я захотѣлъ увидать эту удивительную женщину, которая, прибывъ въ Парижъ, сразу сдѣлалась его звѣздой. Увидать ее не трудно; она появилась на театрѣ съ самымъ блестящимъ успѣхомъ. Впрочемъ, она не великая пѣвица, не великая актриса, а просто очень одаренная женщина, инстинктивная артистка съ удивительно пріятнымъ голосомъ. Но она мало училась. Рядомъ съ поразившими всѣхъ красотами ея голоса замѣчаются слабости дебютантки. Но ея юная грація все скрадываетъ. Мало того, эта очаровательница обладаетъ магической силой придавать своимъ недостаткамъ особую прелесть. Такъ, она рябая, но это нисколько не уменьшаетъ, напротивъ, только возвышаетъ ея красоту.

— Къ чему ты все это говоришь?

— Къ тому, что она прелестна и что я очень былъ радъ за тебя, полагая, что ты сойдешься съ нею. Но она не хотѣла и слышать твоихъ обѣщаній и клятвъ, твое объясненіе въ любви только оскорбило ее. Отъ этого сопротивленія твоя любовь увеличилась и ты теперь думаешь жениться на ней.

— Почему-бы и нѣтъ? спросилъ Оливье, гордо поднявъ голову.

— Потому, что съ твоимъ именемъ можно любить «Рябую красавицу», но нельзя заставить свою семью принимать ее и уважать, какъ маркизу Мейранъ.

Оливье де-Мейранъ вскочилъ.

— Фердинандъ, сказалъ онъ,—если-бъ ты не былъ мой другъ, почти братъ, то ты заплатилъбы жизнью за эти слова.

— Лучше тебѣ умереть, чѣмъ быть мужемъ этой пѣвицы! воскликнулъ Фердинандъ.

— Хорошо... Прощай.

И Оливье Мейранъ хотѣлъ удалиться.

— Нѣтъ, ты такъ не уйдешь. Я изъ дружбы къ тебѣ перенесу твой гнѣвъ. Къ тому-же я долженъ тебѣ признаться, что моя мать и сестра по просьбѣ твоего семейства поручили мнѣ открыть тебѣ глаза насчетъ той, на которой ты хочешь жениться.

— А! отвѣчалъ молодой человѣкъ, кусая губы,—такъ покончимъ это дѣло разомъ. Въ наше время предразсудки не имѣютъ никакой силы и бракъ маркиза де-Мейрана съ актрисой не можетъ поднять бури. Тутъ кроется что-нибудь другое.

— Ты правъ, твоя семья возстаетъ противъ этого брака не потому, что она актриса, но по нравственнымъ причинамъ.

— О, въ такомъ случаѣ я спасенъ, воскликнулъ влюбленный юноша:—все, что могутъ говорить противъ нея, только самая гнусная клевета.

— Развѣ ты ее знаешь, развѣ ты знаешь ея прошлое, чтобы такъ смѣло говорить?

— Конечно, я знаю Лоизу Боттъ очень мало и вѣрю тому, что мнѣ про нее разсказали. Она, говорятъ, сирота, послѣдняя представительница знатнаго рода, переселившагося въ Америку и потерпѣвшаго разореніе, хорошо воспитанная и занимавшаяся музыкой только какъ любительница; она въ Америкѣ пѣла лишь въ гостиныхъ и пользовалась самой безупречной репутаціей. Приглашенная въ Парижъ, она поступила впервые на театръ и многіе ожидали, что въ ней явилась новая куртизанка. Ея свободныя манеры и американская эксцентричность возбудили сначала толки, но и здѣсь она ведетъ жизнь самую строгую, нравственную. Миссъ Лоиза Боттъ достойная молодая дѣвушка; она любитъ только свое искусство и живетъ только имъ. Она еще не встрѣтила ни одного мужчины, который-бы былъ достоинъ ея; она не хочетъ ни чѣмъ быть обязанной обществу, которое имѣетъ основаніе презирать. Вотъ что мнѣ говорили объ ней и я этому вѣрю. Ея красота, оригинальность, гра-

ція, невинность, очаровали меня. Если меня обманули, если я заблуждаюсь, докажи мнѣ это фактами, но не оскорбляй достойной молодой дѣвушки голословными клеветами.

— Виконтъ Шапэ не клеветникъ и если я тебѣ говорю, что на «Рябой красавицѣ» нельзя жениться порядочному человѣку, то знаю, что говорю. Бѣдный другъ мой, я буду жестокъ, но для твоей-же пользы. Лоиза Боттъ вовсе не американка, она не знаетъ ни слова по англійски. Она парижанка; вчера, когда она подъѣзжала къ своему театру, одинъ господинъ воскликнулъ съ удивленіемъ: «Это Лоиза Боттъ? Я ее знаю. Это «Малютка Рябая».

— Его имя? Имя этого человѣка?

— Все тотъ-же Матье де-Тальи.

— Это неправда.

— Не горячись, не оскорбляй меня напрасно, а слушай далѣе. Матье де-Тальи сказалъ въ клубѣ, что онъ ее зналъ годъ тому назадъ подъ кличкой «Рябая». Она была арестована по ужасному обвиненію и освобождена по недостатку уликъ, но свѣденія объ ея поведеніи самыя неудовлетворительныя.

— Это невозможно.

— Молчи; клянусь, я говорю правду. Матье де-Тальи самъ мнѣ сказалъ, что она, или сама убила своего любовника, или была причиной его смерти. Пойдемъ къ нему и если онъ не подтвердитъ моихъ словъ, я при тебѣ дамъ ему пощечину.

— Боже мой! Боже мой! простоналъ несчастный юноша.

— Оливье, успокойся, будь благоразуменъ.

— Но этотъ человѣкъ подлецъ, онъ просто клевещетъ.

— Я знаю, почему ты презираешь Матье де-Тальи, но надо быть логичнымъ. Онъ судья и не станетъ лгать. Однакожь, что это?

И Фердинандъ, вставъ, посмотрѣлъ за сосѣдніе кусты.

— Ты ничего не слыхалъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Мнѣ послышался шорохъ за кустами и я боюсь, что насъ подслушивали.

— Нечего опасаться, никто такъ далеко не зайдетъ.

— Такъ я продолжаю. Матье де-Тальи лгать не можетъ. Онъ только отказался назвать мнѣ ея настоящее имя, но разсказалъ все подробности. Она парижанка и не имѣетъ родителей, но у нея есть замужняя сестра, которая занимаетъ въ Парижѣ высокое мѣсто въ обществѣ.

— Это невѣроятно.

— Но справедливо. Она была застигнута однажды съ своимъ любовникомъ, онъ былъ убитъ, а она прогнана изъ дома сестры. Тогда она исчезла. Была-ли она дѣйствительно въ Америкѣ, никто не знаетъ. Но вотъ ея исторія.

— Это какая-нибудь ошибка. Она слишкомъ молода, чтобы имѣть столько приключеній въ жизни.

— Хочешь, пойдемъ сейчасъ къ Матье де-Тальи, онъ здѣсь?

— Нѣтъ, я не хочу ни видѣть его, ни говорить съ нимъ.

— Такъ хочешь, я потребую отъ него письменнаго заявленія или, по крайней мѣрѣ, выписку изъ полицейскаго архива.

— Не упоминая моего имени?

— Конечно.

— Дѣлай, какъ знаешь.

— А если я представлю тебѣ ясныя доказательства, ты откажешься...

— Я сейчасъ-же поступлю снова въ армію.

— Вернемся въ домъ, и я тотчасъ начну дѣйствовать.

— Помни, что моя жизнь зависитъ отъ результата твоихъ справокъ.

Молодые люди направились къ дому, но, увидавъ издали въ саду баронесу Марби, которая шла подъ руку съ Матье де-Тальи, виконтъ Шапэ разстался съ своимъ другомъ. Къ его удивленію, баронеса также его замѣтила и пошла къ нему на встрѣчу. Онъ покраснѣлъ отъ удовольствія. Орели была въ эту минуту очень хороша. Ея бѣлокурые волосы отливали золотомъ, ея голубые глаза бросали томные взгляды, ея алыя губы дрожали отъ удовольствія и обнаруживали жемчужные зубы. Великолѣпное бѣлое шелковое платье съ голубой гарнитурой, очень вырѣзанное, рельефно выставляло ея красоту.

— Виконтъ де-Шапэ, вы должны со мной вальсировать, сказала она и увлекла восхищеннаго ея красотой молодого человѣка въ вихрь танца.

— Ахъ, сказала она по окончаніи вальса своему кавалеру, — вы не знаете, что я очень любопытна и хочу все знать. Вы должны разсказать мнѣ кое-что.

Шапэ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Правда-ли, что вашъ другъ, маркизъ де-Мейранъ хочетъ жениться на своей любовницѣ, какой-то посредственной пѣвицѣ?

Удивленный этимъ вопросомъ, молодой человѣкъ прежде сталъ отрицать этотъ фактъ, но мало-по-малу ловкая Орели вырвала у него правду. Плѣненный ея красотою и явнымъ къ нему расположеніемъ, Фердинандъ разсказалъ ей, въ какомъ ужасномъ положеніи находился его другъ и что онъ поклялся спасти его. Баронеса съ большимъ сочувствіемъ стала оплакивать безуміе юноши, подтвердила справедливость всего, что Шапэ слышалъ отъ Матье де-Тальи, который разсказалъ ей тоже самое и, наконецъ, воскликнула съ жаромъ:

— Я понимаю, что эту свадьбу надо во что-бы то ни стало разстроить. Я считаю за честь быть другомъ вашей семьи и знакома съ матерью и сестрою маркиза. Возьмите меня въ союзники.

— О, съ благодарностью, воскликнулъ Шапэ: — въ такомъ дѣлѣ женщина всегда поступитъ разумнѣе мужчины.

— Вотъ кстати и вашъ другъ, ведите меня къ нему, сказала баронеса, указывая на Оливье, смотрѣвшаго съ удивленіемъ на Фердинанда, который, забывъ о своемъ обѣщаніи, танцовалъ и болталъ съ хозяйкой дома.

— Баронеса, сказалъ Шапэ, какъ-бы не замѣчая смущенія своего друга, — позвольте представить вамъ моего товарища, маркиза Оливье де-Мейрана.

— О, мы уже старые знакомые.

— Я имѣлъ честь, баронеса, танцовать съ вами на послѣднемъ балу у военнаго министра.

— Я очень хорошо помню, сказала Орели и протянула ему руку.

— И ты жаждешь сегодня повторенія этого блаженства, сказалъ Шапэ.

— Я былъ бы очень счастливъ, еслибы баронеса удостоила...

— Пойдемте, сказала она просто и они удалились.

Фердинандъ посмотрѣлъ съ улыбкой имъ въ слѣдъ. Ему показалось, что баронеса де-Марби дѣйствовала не только въ интересахъ семьи маркиза, но и ради себя. Дѣйствительно Орели смотрѣла прямо въ глаза своему кавалеру и, во время одуряющаго вихря вальса, онъ забылъ о своемъ предубѣжденіи противъ нея и поддался совершенно чарующей силѣ ея красоты.

— Пройдемтесь по саду, сказала баронеса, по окончаніи вальса, — у меня закружилась голова.

Они пошли въ глубь сада къ фонтану.

— Вотъ мы два раза вальсировали съ вами, продолжала баронеса, смотря на него съ улыбкой, отъ которой онъ совершенно растаялъ, — мы значитъ старые друзья. Я надѣюсь, что вы станете бывать у меня теперь за-просто, не дожидаясь приглашенія или званнаго вечера.

— Вы дѣлаете меня счастливѣйшимъ человѣкомъ, отвѣчалъ Оливье, льстя себя надеждой, что баронеса не со всѣми была такъ любезна и мила; — я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ и надоѣмъ вамъ своими частыми посѣщеніями.

— О, небойтесь этого. Еслибъ вы знали, какъ я скучаю. Мой мужъ почти всегда въ отлучкѣ и у меня очень мало друзей, въ числѣ которыхъ однако я имѣю честь считать вашу мать и сестру.

— Въ такомъ случаѣ я буду пріѣзжать къ вамъ съ моей матерью. Это дозволитъ мнѣ чаще бывать у васъ.

— Я всегда буду рада видѣть васъ.

— Благодарю васъ.

Глаза ихъ встрѣтились. Орели скромно опустила свои взоры и покраснѣла. Онъ сжалъ ей руку и почувствовалъ нѣжный отвѣтъ. Она тихо вздохнула и увлекла его къ дому.

— Пойдемте скорѣе, сказала она едва слышно, нѣжно пожала ему руку и прибавила самымъ любезнымъ тономъ: — помните, я жду васъ. А теперь, до свиданія, я должна принимать своихъ гостей.

И она быстро удалилась. Очарованный, опьяненный Оливье машинально пошелъ далѣе, самъ не чувствуя, куда онъ идетъ.

— Ну, что? Ты убѣдился? неожиданно спросилъ Фердинандъ, останавливая его.

— Въ чемъ?

— Да въ томъ, что ты жаждалъ узнать.

— Я жду, чтобъ ты меня убѣдилъ.

— Ну, мнѣ подтвердили справедливость всего, что я тебѣ передалъ.

— А! Я это послѣ приведу въ ясность, а теперь пойдемъ въ гостиныя.

Фердинандъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

«Что она могла сказать ему?» подумалъ онъ, пораженный хладнокровіемъ своего друга.

И онъ пошелъ за Оливье въ маленькую гостиную, гдѣ царила хозяйка дома, среди многочисленнаго кружка своихъ поклонниковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Голова Христа. Самымъ выдающимся произведеніемъ И. Н. Крамского, безъ сомнѣнія, нужно признать его картину: «Христосъ въ пустынѣ». Это замѣчательное произведеніе появится у насъ въ видѣ экстренной преміи въ гравюрѣ, исполненной въ Парижѣ лучшимъ изъ современныхъ граверовъ — Паннемакеромъ. Кромѣ этой гравюры, Паннемакеромъ исполнена для насъ отдѣльно голова Христа съ этой картины. Эта гравюра находится теперь передъ читателемъ и намъ нечего распространяться о ея достоинствахъ, такъ какъ они сами бросаются въ глаза.

Экегардъ вноситъ Гедвигу черезъ монастырскія ворота, картина Лиценъ-Мейера. Извѣстно, что Гедвига, герцогиня швабская, дочь Генриха баварскаго, была обручена Константину Порфирородному уже съ дѣтства и обучалась греческому языку у евнуха. Но этотъ бракъ былъ ей ненавистенъ и, при помощи хитрости, ей удалось освободиться отъ него. Въ 954 году она вышла замужъ за престарѣлаго герцога Бургардта, очаровавъ его красотой и умомъ. Послѣ его смерти, въ 975 году, она удалилась въ Гогентвиль, сошлась тамъ съ ученымъ монахомъ Экегардомъ и продолжала съ нимъ свои ученыя занятія. Такимъ образомъ, исторія Гедвиги и Экегарда напоминаетъ во многомъ исторію Элоизы и Абелара. Монахъ Экегардъ изъ Сентъ-Галлена, умершій въ 978 г., былъ ученымъ и поэтомъ. Его жизнь, какъ можно судить изъ только-что разсказаннаго эпизода, прошла не безъ приключеній и описана въ романѣ Шеффеля «Экегардъ». Въ стихахъ онъ подражалъ Виргилію. Г. Лиценъ-Мейеръ выбралъ сюжетомъ своей картины ту минуту, когда монахъ проноситъ Гедвигу черезъ монастырскія ворота. Было-бы излишне указывать здѣсь на

достоинства картины г. Лицценъ-Мейера. Въ этой картинѣ нѣмецкій художникъ такъ-же талантливъ, какъ и въ своихъ картинахъ къ «Фаусту» Гете. Эти картины нынѣшней зимой были выставлены въ обществѣ поощренія художниковъ, въ Петербургѣ, и обратили на себя вниманіе. Намъ не удалось еще коснуться этой выставки, а потому пользуемся случаемъ, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ. Всѣхъ картоновъ на Фауста — 50, но въ нихъ илюстрирована только первая часть поэмы Гете. Общій характеръ этихъ замѣчательныхъ композицій—грація и мягкій нѣжный рисунокъ. Въ талантѣ г. Лицценъ-Мейера замѣчается какъ-бы отсутствіе драматической нотки, поэтому и сильно-драматическіе моменты выходятъ у него сравнительно слабѣе. Зато грація, мягкость рисунка, нѣжность чувствъ и живописность—преобладающія свойства картоновъ. Г. Лицценъ-Мейеръ къ тому-же не такъ холодно-классиченъ, какъ Каульбахъ, въ немъ гораздо болѣе жизни, страстности и по характеру пониманія сюжета, онъ гораздо современнѣе Каульбаха; въ сферѣ нѣжности чувства, онъ, если можно такъ выразиться, вполнѣ передаетъ характеръ нашего внутренняго міра со всѣми его осложненіями, не облекая его въ классичность и алегоричность, подобно Каульбаху. Всѣ сцены Фауста съ Маргаритой въ саду, и вообще та часть поэмы Гете, гдѣ на первый планъ выступаетъ любовь Маргариты, удались г. Лицценъ-Мейеру лучше другихъ. Типъ Гретхенъ во всѣхъ картинахъ выдержанъ замѣчательно хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ талантливому художнику удалось съ удивительнымъ совершенствомъ прослѣдить въ своихъ илюстраціяхъ не только градаціи страсти, ея развитіе, пароксизмы и порывы, но также отмѣтить, какъ по мѣрѣ развитія этой страсти и несчастій, скопляющихся надъ бѣдной дѣвушкой, мѣняется ея лицо и, вначалѣ цвѣтущее, розовое, полное, наивное и почти дѣтское, оно дѣлается строже, печальнѣе, страстнѣе. Жизнь и несчастія, тяжелый жизненный опытъ, обманъ надеждъ, исчезновеніе илюзій наложили свою тяжелую печать на этомъ граціозномъ личикѣ, въ которомъ такъ много жизни, счастія и робости въ той сценѣ, напр., когда она видитъ въ первый разъ Фауста при выходѣ изъ церкви. Въ этомъ отношеніи картины г. Лицценъ-Мейера можно считать лучшими илюстраціями Фауста.

Играющія дѣти, картина Фейербаха. Собственно идилія все рѣже и рѣже бываетъ предметомъ живописи; одни нѣмцы отъ времени до времени еще прибѣгаютъ къ ней. Въ этомъ отношеніи, попытка Фейербаха весьма удачна. Пейзажъ, съ горами вдали, рѣкой внизу и пригоркомъ, на которомъ расположились дѣти, — прелестны. Дѣвочка, должно быть, въ мечтательномъ расположеніи духа скрестивъ руки на колѣняхъ, въ непринужденной позѣ, смотритъ вдаль; мальчикъ, развалившись ниже, играетъ на гитарѣ. Вся картина вѣетъ сельской прелестью и написана превосходно.

Когда кошки нѣтъ дома... картина Гроллерона. Талантливый художникъ, картина котораго обратила на себя вниманіе на парижской выставкѣ 1879 года,—извѣстенъ во Франціи своими сценами изъ жизни парижской прислуги. Онъ въ полномъ значеніи слова, парижскій жанристъ, съ веселымъ остроуміемъ и необыкновеннымъ блескомъ техническаго выполненія, изображающій парижскую жизнь во всемъ томъ, что она имѣетъ своеобразнаго и особеннаго. Но чаще всего Гроллеронъ возвращается въ своихъ остроумныхъ жанрахъ къ парижской прислугѣ. Оно и понятно: если вѣрно, что петербургская прислуга составляетъ «несчастіе» петербургскаго жителя, то для Парижа эта прислуга безъ преувеличенія, представляетъ собою одно изъ самыхъ «больныхъ» мѣстъ великаго города. Зазнавшаяся, плутоватая, чрезвычайно дорогая, она жестоко эксплуатируетъ своихъ господъ и, такъ сказать, живетъ на ихъ счетъ. Сцена, изображенная Гроллерономъ, въ картинѣ: «Когда кошки нѣтъ дома...» поясняетъ намъ наглядно это «больное мѣсто» Парижа. Картина изображаетъ роскошную аристократическую квартиру, «un hôtel», какъ говорятъ французы; тяжелыя, шелковыя драпировки у дверей, богатые ковры, дорогія картины, рѣзьба, золото и бронза, непосредственно указываютъ намъ, что мы имѣемъ передъ собой изображеніе квартиры если не одного изъ финансовыхъ или буржуазныхъ тузовъ современнаго Парижа, то по крайней мѣрѣ помѣщеніе «вліятельнаго» депутата. Хозяевъ нѣтъ дома; они или на какомъ-нибудь торжественномъ, официальномъ пріемѣ, или-же на официальномъ балу. Помѣщеніе пусто, въ квартирѣ царствуетъ тишина. Однимъ словомъ, «кошки нѣтъ дома», не мудрено, поэтому, что «мыши» принялись хозяйничать. Они, такъ сказать, устроили свой собственный балъ, въ чужомъ помѣщеніи. Всѣ «матеріалы» для бала находятся тутъ-же: дорогія вина въ погребѣ, хрусталь и посуда въ буфетѣ, тонкія яствa въ кухнѣ. Публика также на лицо: три кокетливыя горничныя, madame concierge, четыре лакея (valets de pied), одинъ камердинеръ, кучеръ и поваръ. Къ сожалѣнію, они не успѣли принарядиться надлежащимъ образомъ; имъ поэтому пришлось остаться въ томъ, въ чемъ они были: господа кавалеры въ ливреяхъ, дамы — въ шерстяныхъ или шелковыхъ платьяхъ. Но это не мѣшаетъ ихъ веселью; дамы—истыя парижанки, кокетливыя и ловкія, кавалеры—въ достаточной степени «умѣющіе жить». Соприкосновеніе съ большимъ свѣтомъ заразило ихъ и, теперь въ отсутствіи господъ, они не безъ шику и удовольствія изображаютъ ихъ: одни развалились на дорогой мебели и любезничаютъ, другіе—возбужденные винными парами, принялись канканировать, третьи, подъ ручку, важно расхаживаютъ; одинъ — престарѣлый камердинеръ—успѣлъ уже заснуть на креслѣ, въ то время, какъ жирный поваръ добросовѣстно наигрываетъ на какомъ-то инструментѣ... Сцена изображена необыкновенно живо, съ чисто парижскимъ шикомъ и съ большимъ талантомъ: разнообразныя физіономіи зазнавшихся лакеевъ, улыбающіяся личики горничныхъ, все это живо переноситъ насъ въ Парижъ...

Купецъ Калашниковъ. Пѣсня Лермонтова про «Купца Калашникова»—одно изъ лучшихъ произведеній нашего геніальнаго поэта. Одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ этой пѣсни—описаніе кулачнаго боя въ Москвѣ, гдѣ передъ лицомъ царя Ивана Васильевича выходитъ на бой купецъ Калашниковъ, желая отплатить опричнику Кирибѣевичу за свою обезчещенную жену. Превосходенъ отвѣтъ Калашникова на вопросъ: кто онъ?

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одному изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,—
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!..»
И вотъ бой начался, опричникъ упалъ мертвый.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое.

Калашниковъ держалъ отвѣтъ,—честный, благородный отвѣтъ оскорбленнаго мужа, добраго семьянина. Царь выслушалъ и отвѣтилъ:

Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего-же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку...»

Нашъ художникъ передаетъ этотъ послѣдній моментъ боя. Умирающій Кирибѣевичъ, купецъ Калашниковъ съ поникшей головой, грозный царь, присуждающій къ казни Калашникова, вотъ главныя лица этой драмы.

Смѣсь.

— **Новая книга** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). На дняхъ появилось сочиненіе професора В. И. Меллера подъ заглавіемъ «Фораминиферы каменноугольнаго известняка Россіи» съ 30 рисунками въ текстѣ и атласомъ изъ 7 таблицъ. Это какъ бы продолженіе изданнаго имъ ранѣе труда о спирально-свернутыхъ фораминиферахъ. Хотя и въ этомъ мемуарѣ есть дополненія къ первому, но въ немъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о скорлупкахъ или вовсе не представляющихъ спиральнаго завиванія, или у которыхъ завиваніе это играетъ лишь второстепенную роль. Такимъ образомъ настоящая книга распадается на двѣ части: въ первой—собраны всѣ дополнительныя свѣдѣнія о спирально - свернутыхъ фораминиферахъ, а во второй — излагаются результаты изслѣдованія различныхъ другихъ фораминиферъ каменноугольнаго известняка Россіи. Къ этимъ двумъ частямъ прибавлены еще другія двѣ общія, изъ коихъ въ одной (третьей) опредѣляется мѣсто, принадлежащее нашимъ каменноугольнымъ фораминиферамъ въ системѣ, а въ другой (четвертой) подробно разсматривается ихъ вертикальное распредѣленіе въ слояхъ соотвѣтственнаго геологическаго возраста, причемъ дѣлается попытка,—удачная или нѣтъ, это покажетъ будущее, — къ распознанію въ русскомъ каменноугольномъ известнякѣ, по остаткамъ фораминиферъ, подчиненныхъ геологическихъ горизонтовъ. Для установленія-же возможно тѣсной, наружной связи, какъ между первыми двумя частями настоящей книги, такъ и между всею ею и предъидущею работою автора о спирально-свернутыхъ фораминиферахъ, онъ принимаетъ, для разсматриваемыхъ имъ родовыхъ и видовыхъ типовъ, одну общую нумерацію съ приведенною въ этой послѣдней работѣ. Вторая часть настоящаго труда въ свою очередь распадается на двѣ отдѣльныя главы: историческую и описательную. Въ предисловіи г. Меллеръ выражаетъ благодарность бывшему г. министру государственныхъ имуществъ П. А. Валуеву и горному департаменту за оказанную ему матеріальную поддержку по изданію настоящаго труда, равно какъ гг. А. О. Струве, І. И. Лагузену, проф. Ор. С-тъ Жону, доктору Ф. Карреру, проф. Ферд. Ремеру и К. О. Милашевичу,—за обязательное доставленіе различныхъ свѣдѣній и важнаго, частью русскаго, частью-же иностраннаго палеонтологическаго матеріала.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 19-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 10 мая въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 12 мая въ 7 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Изъ отдаленныхъ мѣстъ, повѣсть **М. А. Филипова.**—Безъ пути во мракѣ, разск. **Д. Черткова.**—Разъ въ мѣсяцъ, бесѣда **И. Василевскаго** (Буквы).—Сумасшествіе отъ любви, повѣсть **Катюля Мендеса.**—Явленіе развитія въ мірѣ насѣкомыхъ, энтомологич. очеркъ **Л. К. Попова.** — Московскіе театры, ст. **М.**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Голова Христа, кар. **И. Н. Крамского.**—Когда кошки нѣтъ дома..., кар. **Гроллерона.** — Экегардъ вноситъ Гедвигу черезъ монастырскіе ворота, кар. **Лиценъ-Мейера.**—Играющія дѣти, кар. **Фейербаха.**—Курецъ Калашниковъ передъ Иваномъ Грознымъ рис. **Земцова.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ
А. МИХАЙЛОВА.
6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается:
У ОКЕАНА.
Сочиненіе **В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.**
СОДЕРЖАНІЕ:
I. **Въ пустыняхъ.** II. **На безлюдьѣ:** 1) Аргусъ. 2) Путь по льдинамъ. 3) На разбитой шхунѣ. 4) Южный вѣтеръ. 5) Вардехузскіе пираты. 6) Васька Быковъ на воракахъ. 7) Изъ-за чужого добра. 8) Гости съ другой стороны. III. **Мурманская страда:** 1) Становище просыпается. 2) Вѣтхій дѣдъ. 3) Изъ чужого поля. 4) Выборъ старосты. 5) Волкъ на погостѣ. 6) Серафима Корабельщица. 7) Вѣтромъ съ поля занесло да вьюгой пришибло. 8) Прибило стужей. 9) Съ полнымъ грузомъ. 10) Пріѣздъ хозяевъ. 11) Нерпа идетъ. 12) Подъ ногами лежало, да никто не поднялъ. 13) Новый врагъ въ становищѣ. 14) Теплый день. 15) Дѣдко встрѣчается съ Блажнымъ. IV. **Приволье:** 1) Штиль. 2) Вечеръ. 3) На берегу. 4) У семужьяго забора. 5) На ловлѣ. 6) По вѣтру. 7) Опять Серафима. 8) Въ скитахъ. 9) По лѣсамъ, по болотамъ. 10) На горахъ острова. 11) Разбитая шхуна. 12) На палубѣ и подъ палубой. 13) Поздно.
Большой томъ, въ 470 стр. убористой печати.
Цѣна 2 р. 50 к. Въ переплетѣ 3 р.
Печатается и скоро поступитъ въ продажу того-же автора „ПОСЛѢ ВОЙНЫ“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 мая 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Томъ I. Годъ VIII.

№ 21. За годъ съ пер. и дост.—7 руб. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 к. за нумеръ. За полгода—4 руб. 24 Мая 1880 года.

Я радуюсь и щастливъ что не-
сколько строкъ слегка набросанныхъ
мною въ Газетѣ могли тронуть
васъ до такой степени — Незнаніе
Греческаго языка мѣшаетъ мнѣ при-
ступить къ полному разбору Иліады вашей,
Онъ не нуженъ для вашей славы,
но былъ бы нуженъ для Россіи
Обнимаю васъ отъ сердца — Если
вы будете у Андреевскихъ то и
туда явлюсь — устроимъ это вмѣстѣ
правда —

Весь вашъ Пушкинъ

На переводъ Иліады

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллин-
-ской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной
душой.

Открытіе памятника А. С. Пушкину.

Мирный праздникъ родина справляетъ:
Въ этой бронзѣ послѣ долгихъ лѣтъ
Вновь она съ любовью воскрешаетъ
Величавый образъ твой, поэтъ,
И отнынѣ, чистый, благородный,
Не изгладитъ времени рука
Чертъ твоихъ изъ памяти народной
Въ отдаленные вѣка.

Пусть прочнѣе бронзы и гранита
Самъ себѣ ты памятникъ воздвигъ,
Пусть во вѣкъ не будетъ позабыто
Ни одно изъ вѣщихъ словъ твоихъ,
Пусть безъ всякихъ статуй неизмѣнно
Сохраняютъ русскія сердца,
Какъ святыню, образъ незабвенный
Дорогого имъ пѣвца,—

Но тому народу честь и слава,
Честь и слава той странѣ, гдѣ чтятъ
Память гражданъ, заслужившихъ право
Этой лучшей изъ земныхъ наградъ,
Гдѣ бойцамъ иного поколѣнья
Молодого воинства полки
Въ даръ приносятъ съ чувствомъ уваженья
Вѣчно свѣжіе вѣнки.

Эта связь различныхъ поколѣній
Для народа стойкости залогъ.
Гдѣ она, тамъ вождь народа—геній
Можетъ трудъ свершать свой безъ тревогъ,
Безъ обидной мысли, что потомки
Всѣ плоды его былыхъ трудовъ
Превратятъ въ негодные обломки
Съ безсердечіемъ враговъ.

Только тѣ народы процвѣтаютъ
И дѣла великія творятъ,
Гдѣ дѣянья предковъ уважаютъ
И судомъ потомковъ дорожатъ,
Гдѣ всѣ дѣти матери-отчизны,
Чувствомъ долга полные однимъ,
Въ честь отжившихъ гражданъ правятъ тризны,
Ставя памятники имъ.

Нынче Русь такую тризну правитъ.
Этотъ день оставитъ прочный слѣдъ:
Пусть онъ новыхъ лавровъ не прибавитъ
Въ лучезарный твой вѣнецъ, поэтъ,—
Будетъ этотъ памятникъ отнынѣ
Говорить, что мощный голосъ твой
Прозвучалъ когда-то не въ пустынѣ
И оставилъ слѣдъ живой.

А. С. Пушкинъ.

Біографическій очеркъ. Ст. **С. С. Шашкова.**

Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 г. Предкомъ его по матери былъ негръ, купленный Петромъ В., а по отцу онъ происходилъ отъ стариннаго дворянскаго рода. Отъ матери поэтъ наслѣдовалъ страстность натуры, отъ отца—барскую слабохарактерность. Домашнее воспитаніе ребенка было предоставлено учителямъ, преимущественно иностранцамъ, и прислугѣ. Русскія сказки любимой няни, положившія начало любви Пушкина къ народной поэзіи, увлекали его въ одно время съ французскими классиками, которыхъ онъ читалъ въ библіотекѣ своего отца. Въ домѣ Пушкиныхъ собирались нерѣдко Жуковскій, Карамзинъ, Тургеневъ; отецъ и особенно дядя поэта, стихотворецъ Василій, льнули къ литературнымъ кружкамъ, сами занимались литературой и естественно, что талантливый ребенокъ еще въ дѣтствѣ началъ пробовать свои писательскія силы.

Въ 1811 г. ребенка отдали во вновь открывшійся царскосельскій лицей, основанный для приготовленія аристократическаго юношества къ высшимъ сферамъ государственной службы. О сколько-нибудь серьезномъ образованіи здѣсь не было и рѣчи. Подборъ професоровъ былъ очень странный: тутъ былъ и родной братъ Марата, Будри, и сумасшедшій надзиратель Иконниковъ, и принадлежавшій къ татариновской сектѣ инспекторъ Пилецкій. Были и хорошіе преподаватели, но они почти ничего не дѣлали, математикъ Карцевъ, напр., разсказывалъ на лекціяхъ анекдоты, а философъ Галичъ кутилъ со студентами и только Куницынъ нѣсколько будилъ общественное чувство лицеистовъ. Лучшее въ этой лицейской жизни состояло въ товариществѣ и въ любви къ литературѣ, но эта наклонность къ литературнымъ занятіямъ носила на себѣ отпечатокъ той довольно пошлой жизни, какую вели лицеисты. Эти мальчики уже влюблялись, волочились, кутили, и всѣ лицейскія стихотворенія Пушкина посвящены вину, любви и войнѣ или, по крайней мѣрѣ, военной службѣ, когда онъ—

Надѣнетъ узкіе рейтузы,
Завьетъ въ колечки гордый усъ.

Но даже въ воспѣваніи этихъ пустяковъ былъ уже замѣтенъ необыкновенный талантъ, признанный въ Пушкинѣ даже старикомъ Державинымъ. Но этому таланту пришлось развиваться при самыхъ жалкихъ условіяхъ. Немедленно-же по выходѣ изъ лицея въ 1817 г. у Пушкина начались непріятности съ родными, главнымъ образомъ изъ-за денегъ. «Молодой Пушкинъ, разсказываетъ одинъ изъ его біографовъ, часто нуждался въ деньгахъ. За стихи въ то время еще не платили ему и тѣхъ 700 р., которые онъ получалъ, числясь на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, даже при тогдашней дороговизнѣ денегъ, не могло быть достаточно для привычекъ, вынесенныхъ имъ изъ лицея и для той жизни, которую онъ повелъ въ Петербургѣ. А между тѣмъ самъ Сергѣй Львовичъ, по своему характеру и воспитанію, не могъ заниматься хозяйствомъ, получалъ мало доходу съ своихъ, довольно, впрочемъ, значительныхъ имѣній, и попеременно то мотая, то скупясь, никогда не умѣлъ сводить концевъ съ концами. Отсюда разныя мелочныя непріятности. Одинъ современникъ, добрый пріятель Пушкина, разсказывалъ, какъ Александру Сергѣевичу приходилось упрашивать, чтобы ему купили бывшіе тогда въ модѣ бальные башмаки съ пряжками, и какъ Сергѣй Львовичъ предлагалъ ему свои старые, временъ павловскихъ. Съ другой стороны, родители Пушкина не могли, конечно, радоваться его проказамъ и смотрѣли неблагосклонно на его разнообразныя связи. Какая-то пріятельница дома, старая дѣвушка, графиня Е. В. имѣла неосторожность передавать матери Пушкина дурные слухи, ходившіе про него въ городѣ. Говорятъ, что Пушкинъ послѣ насмѣялся надъ ней въ первыхъ стихахъ пятой пѣсни «Руслана и Людмилы», гдѣ она изображена подъ именемъ Дельфиры. Вообще Пушкинъ, уѣхавъ изъ Петербурга, и въ стихахъ, и въ письмахъ нѣсколько разъ упоминаетъ о какихъ-то повредившихъ ему сплетняхъ. Но главнымъ поводомъ къ неудовольствіямъ была все-таки денежная несостоятельность молодого Пушкина. «Мнѣ больно видѣть, говоритъ онъ самъ въ одномъ письмѣ къ брату, равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извощика отъ Аничкина моста, онъ вѣчно бранился за 80 коп.,(которыхъ, вѣрно-бъ, ни ты, ни я не пожалѣли для слуги)». Словомъ, Пушкинъ, вышедши изъ лицея, очутился въ такомъ положеніи, въ какомъ часто находятся молодые люди, возвращающіеся подъ родительскій кровъ изъ богатыхъ и роскошныхъ учебныхъ заведеній; разница въ томъ, что тутъ примѣшивалась досадная, мелочная скупость, которая только раздражала Пушкина. Иногда онъ довольно зло и оригинально издѣвался надъ нею. «Однажды ему случилось кататься на лодкѣ въ обществѣ, въ которомъ находился и Сергѣй Львовичъ. Погода стояла тихая, а вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ. Гдѣ-жь было наготовиться денегъ для такого проказника?» («Библіогр. Зап.», 1858, 41; «Русск. Архивъ», 1866, 1093). При ограниченности средствъ поэтъ долженъ былъ бросить свою мечту о поступленіи въ гусары, но за то онъ сошелся съ кружкомъ свѣтскихъ кутилъ и впродолженіи трехъ лѣтъ не переставалъ участвовать въ ихъ оргіяхъ. Онъ старался даже щеголять своею распущенностью, волокитствомъ, храбростью, съ которою онъ готовъ былъ подставить свой геніальный лобъ подъ пулю каждаго пошляка-дуэлиста. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ стыдился въ обществѣ своего званія поэта, выходилъ изъ себя, когда его называли «сочинителемъ» и болѣе всего гордился своимъ шестисотлѣтнимъ дворянствомъ (Анн., 79, 228 и др.). «Пушкинъ, разсказываетъ о немъ одинъ изъ его лицейскихъ друзей, — либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напр., вертѣться у оркестра около знати, которая съ покровительственною улыбкою выслушивала его шутки и остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь бывало: «что тебѣ за охота возиться съ этимъ народомъ: ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія». Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами» (Р. Арх. 1866, 1096). «Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ, писалъ Пушкину Рылѣевъ.—На тебя устремлены глаза Россіи, тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ» (XIX В., т. I, стр. 376). Одинъ изъ поклонниковъ Пушкина писалъ ему: «Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующимъ передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди толпы и спрашиваетъ самого себя: почему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому-бы слѣдовало сдѣлаться моимъ вожатымъ? Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ, а я думаю о васъ много, даже до усталости. Позвольте-же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша» (Анн., 80, 200). Даже люди, которые вели почти такую-же жизнь, какъ Пушкинъ, и такъ-же легко смотрѣли на свои отношенія къ обществу, понимали опасность пушкинскаго положенія. Батюшковъ писалъ А. Тургеневу «Сверчокъ (арзамасское прозвище Пушкина) что дѣлаетъ? Не худо-бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикой. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если самъ не захочетъ. Потомство не отличитъ его отъ двухъ его однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство. Кн. А. Голицынъ—московскій промоталъ 20,000 душъ крестьянъ въ 6 мѣсяцевъ. Какъ ни великъ талантъ Сверчка, онъ его промотаетъ, если .. но да спасутъ его музы и молитвы наши».

Всѣ эти хлопоты друзей были напрасны и только общественное движеніе двадцатыхъ го-

довъ значительно отвлекло Пушкина отъ свѣтской пустоты. Пушкинъ отдался этому движенію и въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ стихотвореній, разошедшихся по всей Россіи, послужилъ ему, проповѣдуя освобожденіе крестьянъ и т. д. Особенно популярны были многочисленныя эпиграмы Пушкина, въ которыхъ онъ не щадилъ ни Аракчеева, ни другихъ подобныхъ тузовъ. Естественно, что независимо отъ возбужденной этимъ либерализмомъ поэта личной злобы, на него должны были обратить вниманіе и съ тогдашней полицейской точки зрѣнія и рѣшили послать автора «Руслана и Людмилы» въ Соловки на покаяніе. Ходатайство Карамзина спасло поэта и его въ маѣ 1820 г. отправили на службу къ генералу Инзову въ Екатеринославль.

Съ семействомъ Раевскихъ Пушкинъ ѣздилъ изъ Екатеринославля на Кавказъ, жилъ въ Крыму, увлекался южною природою, влюблялся, учился по-англійски, читалъ Байрона, писалъ «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братья разбойники». По возвращеніи изъ этого путешествія поэтъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ переѣхалъ въ грязный Кишиневъ, гдѣ онъ велъ самую разсѣянную жизнь, отчаянно игралъ въ карты, волочился, танцовалъ, кутилъ, потѣшался надъ молдавскими боярами, затѣвалъ дуэльныя исторіи, даже кочевалъ съ цыганами, которыхъ и воспѣлъ въ извѣстной поэмѣ, но по временамъ на него находили тихіе промежутки, когда онъ писалъ и старался посредствомъ чтенія восполнить недостатки своего жалкаго образованія,—

Искалъ вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Поэтъ сильно хлопоталъ о возвращеніи въ Петербургъ, но всѣ старанія его остались безплодными. Тогда онъ пришелъ въ отчаяніе, выразившееся въ извѣстномъ стихотвореніи—

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду: придетъ-ли мой конецъ?
Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Переводъ въ Одессу лѣтомъ 1823 году нѣсколько развлекъ Пушкина. Здѣсь Пушкинъ серьезно влюбился. Любовь и ревность доводили его подъ часъ до такого самозабвенія, что онъ способенъ былъ бѣжать по городу 5 верстъ безъ шапки, не замѣчая того (Анненковъ, Матеріалы, 88). Памятниками этой бурной страсти остались написанныя въ Одессѣ стихотворенія «Ненастный день потухъ», «Простишь-ли ревнивыя мечты» «Коварность». Слѣды тогоже бурнаго романтическаго настроенія ясны и въ поэмѣ «Цыгане», въ которой такія прекрасныя частности, какъ картины цыганскаго табора или расказъ цыгана объ Овидіи, соединены въ одно цѣлое, проникнутое фальшивымъ байронизмомъ, которому въ это время всецѣло подчинялся поэтъ. «Кромѣ развязности въ обращеніи съ людьми, говоритъ Анненковъ,—русскій байронизмъ отличался еще и другими своеобычными чертами. Онъ, напр., никогда не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ ненависти къ политическимъ дѣятелямъ и къ современному нравственному положенію Европы, которой отличалось это ученіе заграницей. Нашему байронизму не было никакого дѣла до того глубокаго сочувствія къ народамъ, которое одушевляло западный байронизмъ. Наоборотъ, вмѣсто этой основы, русскій байронизмъ уже строился на странномъ, ничѣмъ необъяснимомъ, ничѣмъ неоправдываемомъ презрѣніи къ человѣчеству вообще. Изъ источниковъ байронической поэзіи и байроническаго созерцанія добыто было нашими передовыми людьми только оправданіе безграничнаго произвола для всякой слѣпо-бунтующей личности и какое-то право на всякаго рода «демоническія» безчинства. Все это еще переплеталось у насъ съ подражаніемъ аристократическимъ пріемамъ благороднаго лорда, основавшаго направленіе и всегда помнившаго о своемъ происхожденіи отъ шотландскихъ королей, какъ извѣстно. Мы приводимъ здѣсь разительный примѣръ именно такого пониманія байронизма. Въ бумагахъ Пушкина осталась записка по французски, неизвѣстно кѣмъ писанная, но, вѣроятно, вызванная какимъ либо предшествующимъ разговоромъ ея автора съ нашимъ поэтомъ. Дикое сочетаніе аристократической кичливости съ грубостію мысли и чувства въ ней поразительно. «Вы, мой достойный наставникъ, говоритъ записка, смѣлы, язвительны, злы,—но этого еще мало: надо быть тираномъ, свирѣпымъ, мстительнымъ. Прошу васъ научить меня этому. Люди не стоятъ того, чтобъ ихъ цѣнили по искрамъ чувства, какъ я было вздумалъ ихъ оцѣнивать. Ихъ надо вѣсить берковцами. Подчинить ихъ себѣ можно только тогда, когда самъ сдѣлаешься такимъ-же эгоистомъ и такимъ-же злымъ, каковы они. Послѣ этого уже можно приступить къ назначенію каждому его настоящаго мѣста. Такъ-ли это, мой любезнѣйшій соотчичъ, или я ошибаюсь? Рѣшайте». Такія-то записки могъ получать теперь Пушкинъ—этотъ, по природѣ своей, добродушный и любящій человѣкъ. Не по дѣйствію одной случайности, какъ намъ кажется, сохранилась и самая записка въ его бумагахъ. Можетъ быть, онъ тайно гордился въ это время титуломъ мастера въ наукѣ вздорной ненависти къ человѣчеству, которымъ чествовала его записка, сама будучи произведеніемъ пустого тщеславія, распаленнаго празднымъ существованіемъ на трудахъ и потѣ того самаго человѣчества, которое она учила презирать» (Анненковъ, А. Пушкинъ, 170—172). Вмѣстѣ съ этимъ байронизмомъ въ Пушкинѣ уживалась аристократическая гордость своимъ дворянствомъ, имѣвшая тоже нѣсколько подражательный характеръ относительно того-же Байрона. Но и въ этомъ байронизмѣ, и въ этомъ аристократизмѣ поэта далеко не было цѣлости и законченности, и въ тоже время, какъ Пушкинъ высказывалъ свои аристократическія тенденціи, онъ писалъ: «Аристократія послѣ него (Петра) неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; къ счастію, хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и прочихъ совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынѣ-же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ: желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвященными народами Европы...»

Съ одесскимъ обществомъ Пушкинъ не ладилъ и вооружалъ его противъ себя своими эпиграмами, въ такомъ, напр., родѣ:

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

По представленію гр. Воронцова Пушкинъ былъ исключенъ изъ службы «за дурное поведеніе» и въ іюлѣ 1824 г. сосланъ въ село Михайловское, псковск. г., подъ надзоръ отца и мѣстныхъ властей. Одесса такъ опротивѣла поэту, что впослѣдствіи онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ это время, когда уѣхалъ—

Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, отъ вельможъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ,
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

Отецъ встрѣтилъ его крайне враждебно, произошла ожесточенная ссора, послѣ которой отецъ началъ кричать, что сынъ прибилъ его!.. Тотчасъ послѣ этой сцены Пушкинъ послалъ слѣдующее письмо псковскому губернатору: «Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любови его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить Е. И. В. да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства». Но посланный съ письмомъ не засталъ губернатора въ городѣ и Пушкинъ уничтожилъ письмо. Благодаря Жуковскому, дѣло уладилось, семейство Пушкина уѣхало въ Петербургъ и онъ остался въ деревнѣ одинъ съ своей доброй няней. Надзоръ за поэтомъ былъ порученъ Пещурову и настоятелю сосѣдняго монастыря. Этотъ добродушный и простой игуменъ нерѣдко заходилъ къ поэту, а Пушкинъ передъ приходомъ его раскрывалъ четь-минею. Даже письменныя сношенія съ изгнанникомъ возбуждали неудовольствія и подозрительность, и Плетневъ, напр., получалъ выговоры за то только, что переписывался «съ находившимся подъ гнѣвомъ властей сочинителемъ» (Рус. Арх. 1869, 2069). Впрочемъ, Пушкина нерѣдко посѣщали въ Михайловскомъ его друзья. Но эти рѣдкія посѣщенія развлекали Пушкина не надолго и поэтъ ждалъ ихъ, какъ свѣтлаго воскресенья. Приглашая, напр., къ себѣ Языкова и говоря, что самъ бы съ радостію полетѣлъ къ нему на встрѣчу, онъ продолжаетъ:

Но злобно мной играетъ счастье,
Давно я бурями ношусь,
Куда подуетъ самовластье,
Уснувъ, не знаю гдѣ проснусь.
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньи
Влачу закованные дни.
Услышь поэтъ мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани!

Кромѣ наѣзжихъ друзей Пушкинъ часто видѣлся съ жившимъ въ сосѣднемъ Тригорскомъ семействомъ Осиповой, съ которымъ онъ нерѣдко проводилъ цѣлые дни. Здѣсь онъ былъ близокъ и съ хозяйкою, и съ сыномъ ея отъ перваго брака, дерптскимъ студентомъ Вульфомъ, и съ его красавицами сестрами. Семейство Осиповой очень любило Пушкина и рѣшилось даже помочь ему въ побѣгѣ заграницу, мысль о которомъ зародилась еще въ Одессѣ. Въ 1825 г. Пушкинъ просился для лѣченія заграницу, но ему только дозволили лѣчиться во Псковѣ. Когда онъ узналъ, что въ Петербургѣ разнесся слухъ объ его побѣгѣ, то писалъ: «Стыжусь, что

доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ. Глупо часъ отъ часу вязнуть въ жизненной грязи». Осипова, бывшая тоже въ заговорѣ, испугалась, что въ случаѣ неудачи поэту достанется плохо, и, извѣщая объ этомъ планѣ Жуковскаго, просила совѣта (Р. Арх. 1872, XII): «Если вы думаете, что воздухъ и солнце Франціи, или близъ лежащихъ къ ней, черезъ Альпы, земель полезенъ для русскихъ орловъ,—и оный не будетъ вреденъ нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вѣчной тайной; когда-же вы другого мнѣнія, то подумайте какъ предупредить отлетъ». По поводу тѣхъ-же замысловъ Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если Царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, англ. журналы, или парижскіе театры и б..., то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣсни Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда-нибудь прочтешь ее и спросишь съ милою улыбкой: Гдѣ-же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится» (Р. Арх. 1874, 428). Кажется, вслѣдствіе нерѣшительности самого Пушкина, планъ побѣга былъ наконецъ оставленъ и поэтъ погрузился въ тихую деревенскую жизнь, ѣздилъ верхомъ, охотился, купался, посѣщалъ Тригорское, дома обѣдалъ въ своей огромной столовой вмѣстѣ съ няней. Пушкинъ много читалъ, знакомился съ русской народной поэзіей, изучалъ Шекспира, писалъ «Полтаву» и «Годунова». Всѣ хлопоты объ освобожденіи по прежнему не имѣли успѣха.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая, Пушкинъ былъ освобожденъ. «Фельдъегерь, расказываетъ онъ,—привезя въ Москву, прямо въ Кремль, всего въ пыли ввелъ меня въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ: «здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли ты, что возвращенъ?» Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ. Императоръ долго бесѣдовалъ со мною. «Ты довольно шалилъ, сказалъ императоръ, надѣюсь, что теперь образумишься и что размолвки у насъ впередъ не будетъ. Присылай все, что напишешь, ко мнѣ, отнынѣ я буду твоимъ цензоромъ». Между прочимъ государь спросилъ: «Пушкинъ, если бы ты былъ въ Петербургѣ, принялъ-ли бы ты участіе въ 14-мъ декабрѣ».

— «Неизбѣжно, государь! отвѣчалъ прямодушный поэтъ, — всѣ мои друзья были въ заговорѣ и я былъ-бы въ невозможности отстать отъ нихъ. Одно отсутствіе спасло меня — и я благодарю за то небо!» (Р. Арх. 1867, 1868). Такая откровенность понравилась государю и онъ съ миромъ отпустилъ поэта, который вскорѣ отблагодарилъ его за освобожденіе стансами: «Въ надеждѣ славы и добра».

Пушкинъ скоро разочаровался въ своей свободѣ. Еще изъ Москвы, въ 1826 году, онъ писалъ Осиповой, что ему хотѣлось-бы вернуться въ Михайловское. Въ письмѣ, посланномъ ей-же вскорѣ послѣ переѣзда въ Петербургъ, онъ говоритъ: «Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и таже, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если-бы мнѣ дали обѣ на выборъ, я-бы выбралъ Тригорское, почти такъ-же, какъ арлекинъ, который, на вопросъ, хочетъ-ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: «Я предпочитаю молочный супъ» (Р. Арх. 1867, стр. 132—133). Въ другомъ письмѣ, говоря о своей петербургской жизни, Пушкинъ замѣчаетъ: «Признаюсь, что это житье довольно пошло и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, пріѣду-ли еще въ Михайловское, хотя это искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтическій, не смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія» (id. 134). Такъ печальна была столь желанная поэтомъ свобода. «Годунова» не дозволяли печатать вплоть до 1831 года, не проходило и многое другое, и въ то же время началось судебное дѣло о рукописномъ стихотвореніи Пушкина «Шенье». Во время этой исторіи поэту снова грозила прежняя участь —высылка. Онъ доходилъ до отчаянія и писалъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..
Цѣли нѣтъ передо мною;
Сердце пусто, празднен умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Тоже мрачное настроеніе выразилось въ стихотвореніяхъ Снова тучи надо мною и особенно въ Воспоминаніи, въ концѣ котораго поэтъ говоритъ:

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ,
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела, во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба.

Дѣло о стихотвореніи кончилось для Пушкина благополучно и по этому поводу онъ написалъ извѣстное стихотвореніе Послѣдняя туча разсѣянной бури, однакожь, внутреннія душевныя тревоги его не прекратились и выразились, между прочимъ, въ постоянныхъ его переѣздахъ, словно оно нигдѣ не могъ найдти себѣ мѣста. Зимой, 1827 года, онъ былъ въ Михайловскомъ, весной, 1828 года, въ Петербургѣ, гдѣ просилъ позволенія участвовать въ войнѣ съ турками, но получилъ отказъ, потомъ опять поѣхалъ въ Михайловское, осенью вернулся въ Петербургъ и тотчасъ-же уѣхалъ въ деревню Малинники, тверской губ., къ своимъ сосѣдямъ по Тригорскому, а къ новому году вернулся въ Петербургъ. Въ это время Пушкинъ влюбился въ московскую красавицу Гончарову, но мать ея отказала ему. Съ отчаянія онъ укатилъ на Кавказъ, гдѣ въ то время шла война съ турками. Эта поѣздка усилила подозрѣнія начальства относительно поэта, ему дѣлали выговоры за нее, требовали объясненій и т. д. Въ 1830 году Пушкинъ послалъ Бенкендорфу слѣдующее письмо: «Явившись къ вашему сіятельству и не имѣвъ счастія застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я-бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ-же, если на это не будетъ согласія, я-бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ мисіею, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпокоить. Въ мое отсутствіе г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію («Борисъ Годуновъ»), но не получилъ на то прямого разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ небогатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы тысячъ въ 15 рублей, которыя могла-бы доставить моя трагедія, и мнѣ было-бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ я наиболѣе доволенъ. Пору-

А. С. Пушкинъ (въ дѣтствѣ).
Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

СКУЛЬПТУРА ПИМЕНОВА.

Проектъ памятника Пушкину.

Рисовалъ **Н. Малышевъ**; рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ**.

чая себя вашему благорасположенію» и проч. (Р. Арх. 1872 г.).

Поѣздка не была разрѣшена Пушкину, что-же касается Годунова, то государь замѣтилъ, что лучше было-бы, «если-бы сочинитель передѣлалъ свою комедію въ историческій романъ». Сообщая объ этомъ Пушкину, Бенкендорфъ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ еще до представленія Годунова государю, читалъ его въ Москвѣ своимъ знакомымъ. Пушкинъ извинялся и признался, что онъ отдалъ въ разные журналы еще нѣсколько мелкихъ стихотвореній, считая ихъ не подлежащими цензурѣ государя. Бенкендорфъ отвѣчалъ: «Прошу васъ сообщать мнѣ для разсмотрѣнія государя всѣ и мелкіе труды блистательнаго пера вашего» (Р. Стар., IX, 696). Годуновъ оставался ненапечатаннымъ нѣсколько лѣтъ, какъ и Полтава и потомъ Мѣдный Всадникъ.

Въ февралѣ 1831 г. Пушкинъ былъ обвѣнчанъ съ Гончаровой, въ Москвѣ, въ церкви Вознесенія. Этому послѣднему обстоятельству поэтъ приписывалъ особое значеніе, такъ какъ и самъ онъ родился въ день Вознесенія и всѣ важнѣйшія событія его жизни были будто-бы связаны съ этимъ днемъ. «Ты понимаешь, говорилъ онъ одному пріятелю, что все это произошло не даромъ и не можетъ быть дѣломъ одного случая». Онъ хотѣлъ даже выстроить церковь во имя Вознесенія въ с. Михайловскомъ. Съ женитьбою Пушкинъ не только остепенился, но и сдѣлался гораздо религіознѣе, чѣмъ прежде. Онъ прилежно читалъ Четьи-Минеи, Прологъ, житія святыхъ, изъ которыхъ одно даже переложилъ на русскій языкъ, писалъ религіозныя стихотворенія, какъ—Молитва, Странникъ и т. д. Въ тоже время Пушкинъ былъ очень суевѣренъ, вѣрилъ въ примѣты, боялся встрѣчи съ попомъ и зайцемъ, держалъ «серебряную копѣечку» для разживы и т. д. (Девятнадцатый Вѣкъ, т. I, стр. 393). Первое время брачной жизни Пушкинъ просто блаженствовалъ, хотя началъ уже мучиться ревностью по поводу многочисленныхъ поклонниковъ жены, о которыхъ онъ еще въ 1831 г. сказалъ ей такой экспромтъ:

Для твоего поэта
Насталъ великій постъ,
Не ожидай, чтобъ въ эти лѣта
Я былъ такъ простъ!
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ для Пушкина началась новая жизнь. Возстаніе Польши и іюльская революція, какъ извѣстно, произвели сильное впечатлѣніе на общество, въ которомъ тогда вращался Пушкинъ, и онъ написалъ—Клеветникамъ Россіи и Бородинскую годовщину, изданныя въ одной книжкѣ съ стихотвореніемъ Жуковскаго Русская слава. Новая обстановка, новыя общественныя отношенія дѣйствовали на поэта до извѣстной степени обаятельно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они соотвѣтствовали лучшимъ стремленіямъ его гуманной природы. Такъ, напр., онъ былъ глубоко тронутъ милостями, оказанными семейству казненнаго Рылѣева, а когда государь въ самый разгаръ холеры пріѣхалъ въ Москву, Пушкинъ писалъ:

Небесами
Клянусь, кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ
Каковъ-бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой...

«Другой разъ, разсказываетъ Гоголь (Библ. Записки, 1859, 304), былъ вечеръ въ аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ приглашались одни избранные. Между нами былъ и Пушкинъ. Все въ залахъ собралось, но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца, онъ развернулъ Иліаду и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей ускользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило впечатлѣніе и плодомъ его была величественная ода:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ,
Тебя мы долго ожидали,
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что-жь? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ и также внемлешь ты
Жужжанью пчелъ надъ розой алой».

Но эта новая обстановка производила на поэта, и производила гораздо чаще, впечатлѣнія совершенно другого рода, такъ что въ итогѣ получался рѣшительный перевѣсъ недовольства новымъ положеніемъ. Такъ, въ 1830 г., онъ писалъ Вяземскому: «Ты говоришь, худая намъ вышла очередь. Вотъ! Да развѣ не видишь ты, что мечутъ намъ чистый баламутъ, а мы еще понтируемъ! Ни одной карты налѣво, а мы всетаки лѣземъ. По дѣломъ, если останемся голы, какъ бубны» (Рус. Арх. 1874, 444). Денежныя затрудненія тоже нѣсколько омрачали жизнь Пушкина. Еще до женитьбы онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, а теперь сталъ нуждаться въ нихъ еще больше. Ему нѣсколько помогла служба съ жалованьемъ по 5,000 р. въ годъ. Новыя связи, новое положеніе, историческія занятія не мало содѣйствовали усиленію въ поэтѣ консерватизма, органомъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать основанный имъ «Современникъ».

Но какъ ни старался Пушкинъ вполнѣ примириться съ дѣйствительностью, это ему не удавалось и либеральныя увлеченія даже въ послѣдніе годы его жизни нерѣдко брали перевѣсъ надъ увлеченіями консервативными. Онъ то являлся жрецомъ чистаго искусства, то служителемъ политики («Клеветникамъ Россіи» и т. д.), то заявлялъ, что ему нѣтъ дѣла до толпы, то собирался заняться бичеваніемъ этой толпы и восклицалъ—

О, муза пламенной сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!

Съ окончательнымъ переселеніемъ въ Петербургъ у поэта начались почти постоянныя столкновенія по службѣ: ему дѣлали выговоры за небытіе въ церкви, слѣдили за каждымъ его шагомъ, онъ прятался дома отъ начальства, рапортуясь больнымъ, и только ради жены бывалъ въ свѣтскомъ обществѣ и ѣздилъ на балы, гдѣ, какъ онъ выражается, ему приходилось «дремать да жрать мороженое». Все это чрезвычайно раздражало его. «Я не долженъ былъ вступать въ службу, писалъ онъ женѣ,—и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога». Но когда однажды онъ подалъ просьбу объ отставкѣ, изъ этого вышла цѣлая исторія и друзья заставили его не только взять назадъ просьбу, но даже просить за нее прощенія!.. Литературныя дѣла тоже шли плохо: «Годуновъ», «Мѣдный всадникъ» и нѣкоторыя другія пьесы не могли быть вполнѣ напечатанными; съ увеличеніемъ семейства росли расходы и долги; и поэта мучила мысль, что въ случаѣ его смерти семейство его останется безъ всякихъ средствъ. «Мнѣ, писалъ онъ по поводу не разрѣшенія ему издавать газету, не позволяютъ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода... Обѣщали газету, а тамъ запретили; заставляютъ меня жить въ Петербургѣ, а не даютъ жить своими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ». Къ тому-же ему приходилось еще помогать промотавшемуся отцу, заботиться о кутилѣ братѣ и входить въ самыя непріятныя столкновенія съ тещей, которая уже вскорѣ послѣ свадьбы начала вздорить съ Пушкинымъ и вооружать противъ него жену его.

Стараясь заглушить свои душевныя тревоги, Пушкинъ послѣдніе годы своей жизни метался изъ стороны въ сторону, то и дѣло уѣзжая изъ Петербурга въ деревню, въ Москву, въ Оренбургскій край, гдѣ онъ собиралъ матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта. Но въ дорогѣ его страстно мучили тоска по любимой женѣ и ревность. Возвращался онъ въ Петербургъ, ревность усиливалась еще больше въ виду многочисленныхъ поклонниковъ его жены, особенно послѣ того, какъ за нею началъ ухаживать кавалергардъ Дантесъ. Надъ Пушкинымъ смѣялись, о немъ сплетничали, а онъ мстилъ врагамъ нескрываемымъ презрѣніемъ къ нимъ, придирался къ нимъ, увеличивалъ число своихъ недруговъ, составившихъ, наконецъ, заговоръ, чтобы вывести его изъ себя и сбыть съ рукъ. Ему были посланы анонимныя письма о женѣ. Взбѣшенный поэтъ вызвалъ Дантеса въ концѣ 1836 г. На этотъ разъ столкновеніе было улажено, но вызвавшія его причины продолжали дѣйствовать, катастрофа могла случиться ежедневно, объ этомъ знала и полиція, но никто впродолженіи двухъ мѣсяцевъ не сдѣлалъ ничего, чтобы спасти поэта...

Смертельно раненый на дуэли съ Дантесомъ, Пушкинъ умеръ 27 января 1837 г., 37 лѣтъ отъ роду. Вызывая Дантеса, онъ вѣрилъ, что убьетъ его и его за это сошлютъ въ деревню, гдѣ онъ, избавившись отъ ненавистныхъ петербургскихъ отношеній, будетъ мирно жить съ семействомъ и работать. Онъ и не ошибся: ночью послѣ отпѣванья, Пушкина, дѣйствительно, отправили на почтовыхъ въ деревню, только уже не живого, а мертваго...

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича.**

(*Продолженіе.*)

VIII.

Національная пляска, какъ стихія непосредственнаго творчества.—Мѣстности, прославившіяся своими пѣсенниками и плясунами. — Сценическія стороны народныхъ игръ и плясокъ.

Въ новѣйшихъ балетахъ часто выводятся представители разныхъ народностей, причемъ каждая народность изображаетъ свой національный танецъ. Такимъ образомъ, балетоманы наряду съ наслажденіемъ пластикой получаютъ урокъ наглядной этнографіи и уже твердо знаютъ, что, напр., у испанцевъ національный танецъ — качуча, у итальянцевъ — тарантелла, у поляковъ—мазурка и краковякъ, у великоруссовъ—русская, у малороссовъ—казачекъ и т. д. Дальше этого, признаться, этнографическія свѣдѣнія по данному предмету простираются у весьма лишь немногихъ интелигентныхъ людей. Весьма немногимъ приходитъ въ голову, что эти, вошедшіе въ кругъ всеобщаго вѣдѣнія, балетные «національные» танцы ничего собой не выражаютъ и что самыя ихъ клички

нерѣдко—продуктъ лишь остроумія систематизаторовъ. Возьмите нашу «русскую» — конечно, нигдѣ въ народѣ вы не услышите этого названія, извнѣ приклееннаго къ его національной пляскѣ.

Систематизація—вещь безспорно хорошая, но съ нею нужно очень осторожно обращаться, хотя бы, напр., по отношенію къ занимающему насъ предмету. Народная пляска въ нетронутомъ цивилизаціей, примитивномъ бытѣ, какъ и народная пѣсня, — вѣчно движущаяся, живая стихія непосредственнаго творчества, не подчиняющаяся никакой систематизаціи и никакимъ условнымъ рамкамъ. Это, своего рода, хамелеонъ, по нѣсколько неуклюжему сравненію извѣстнаго знатока народнаго быта А. Терещенко.

«Пѣснь, только что пересказанную вамъ, говоритъ Терещенко, станете выслушивать отъ другого и выходитъ разница не въ однихъ словахъ, но и въ разстановкѣ стиховъ и въ порядкѣ самаго содержанія». Тоже самое и въ пляскѣ. Попытавшись изобразить «русскую», авторъ сознается въ концѣ: «невозможно описать этотъ народный танецъ! Онъ постоянно измѣняется самими плящущими, которые разнообразятъ его до безконечности, потому что всякій выражаетъ то, что у него на душѣ».

По этой причинѣ, разгруппировать народныя пляски на опредѣленныя, законченныя «піесы» съ неподвижными, разъ придуманными ярлыками, какъ это примѣняется къ балетнымъ и салоннымъ танцамъ, — трудъ напрасный и безполезный.

Конечно, основныя начала и элементы народной пляски и ея типъ, самобытно выработанный извѣстнымъ племенемъ, остаются безъ измѣненія, какъ не могутъ измѣняться и общія всему человѣчеству формы пластическаго выраженія того или другого инстинкта и ощущенія. Но въ этихъ предѣлахъ народное творчество развертывается уже съ полнымъ просторомъ, насколько его процвѣтанію и свободному полету не препятствуютъ внѣшнія неблагопріятныя условія: житейскія невзгоды, нужда и бѣдность, преслѣдованіе со стороны искоренителей «треклятаго еллинства», наконецъ, та поверхностная, фальшивая «образованность», которая внушаетъ презрѣніе къ родному, «мужичьему» укладу жизни и выражается въ неуклюжемъ обезьянничаньи образцовъ интелигентнаго общества. Къ сожалѣнію, всѣ эти, подавляющія народный духъ и обезличивающія его индивидуальность, неблагопріятныя условія не разъ имѣли мѣсто въ русской жизни и оказали таки свое парализирующее дѣйствіе на ея самобытное развитіе въ различныхъ отношеніяхъ.

Неизмѣнный, общій типъ нашей народной пляски — хороводъ, который, однако, имѣетъ множество разновидностей, зависящихъ какъ отъ различія мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ, такъ и отъ различія обрядовъ и игръ, присвоенныхъ тому или другому празднику. Завсѣмъ тѣмъ, хороводъ, составляя неизмѣнную общую форму каждаго игрища, вмѣщаетъ въ себѣ не одну пляску, но и всѣ другіе виды лирико-драматической области: пѣсню, музыку и сценическую игру. Пляска въ этомъ случаѣ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, служа лишь однимъ изъ элементовъ для образнаго выраженія данной поэтической идеи.

При условіи полнаго простора для творческой изобрѣтательности, на которое мы указывали выше, одна и таже пѣсня и сопровождающая ее пляска исполняются совершенно различно въ различныхъ мѣстностяхъ: въ одной полнѣе, ярче и искуснѣе, въ другой — проще и безвкуснѣе. Большую роль играютъ здѣсь, конечно, личная талантливость и душевное настроеніе участниковъ игрища.

Подобно тому, какъ извѣстныя народности стяжали себѣ преимущественную славу своей музыкальностью и веселонравіемъ, точно также есть и въ нашемъ отечествѣ мѣстности, прославившіяся своими хороводами, пѣсенниками и плясунами. Напр., въ народѣ «дразнятъ»: ярославцевъ—«пѣсенниками», владимірцевъ, суздальцевъ и витебцевъ «гудошниками» и «волынщиками» («Собирались кулики, на болотѣ сидючи, они суздальцы и володимірцы, и волынки и гудокъ»), вятичей — «свистоплясцами» и т. д. Подобная-же слава складывалась въ народѣ и о какомъ-нибудь околоткѣ или деревнѣ.

Сахаровъ разсказываетъ, что въ его время извѣстное подмосковное село Пушкино пользовалось у любителей особенной славой за свои хороводы. «Добрые москвитяне, пишетъ онъ, нарочно ѣздятъ слушать пѣсни въ Пушкино. Въ селѣ Братавшинѣ, по той-же дорогѣ, пляшутъ поселяне подъ тѣже пѣсни, но ихъ пляска не имѣетъ того очарованія, какъ пушкинская».

Такую-же артистическую извѣстность имѣло въ прошломъ столѣтіи другое подмосковное село Перово, гдѣ императрица Елизавета Петровна почасту гостила и, любя народныя пѣсни и пляски, нерѣдко лично принимала участіе въ перовскихъ крестьянскихъ хороводахъ.

Вообще Москва съ окрестными селѣніями искони славилась своими пѣсенниками, да и понынѣ славится въ лицѣ, напр., знаменитыхъ московскихъ цыганъ, возведшихъ нашу народную пѣсню и пляску въ самостоятельное искуство и професію. Много хвалили также въ свое время тульскихъ пѣсенниковъ, точно также, какъ въ Петербургѣ, до построенія желѣзной дороги, ходила слава о тверскихъ ямщикахъ за ихъ пѣснопѣвчество «съ птичьими высвистами». Пѣсни и мотивы поэтической Малоросіи давно распространены по всей Россіи и въ области нашей искуственной музыки занимаютъ выдающееся мѣсто. Столько-же популяренъ и характерный малороссійскій танецъ «Козакъ» или «Козачекъ». Подъ этимъ именемъ извѣстна даже хороводная игра, встрѣчаемая въ великорусскихъ поселеніяхъ.

Народная пляска, какъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ, всегда строго согласуется съ содержаніемъ и тономъ пѣсни, составляя съ нею нѣчто цѣлое. Обыкновенно плящущіе стараются мимикой и жестикуляціей образно представить всѣ отличительныя характеристическія черты тѣхъ лицъ и положеній, которыя обрисованы въ пѣснѣ.

Съ этой-же цѣлью участвующіе въ игрѣ прибѣгаютъ къ разнаго рода украшеніямъ и измѣненіямъ своей внѣшности: надѣваютъ праздничные наряды, дѣвушки накладываютъ на голову вѣнки изъ цвѣтовъ. Въ тоже время допускается переодѣванье мужчинъ въ женщинъ и женщинъ въ мужчинъ. Вообще костюмировка—«ряженье» и гримировка имѣютъ широкое примѣненіе въ народныхъ игрищахъ и, напр., на масляницѣ и святкахъ превращаются уже въ цѣлый маскарадъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ, сохранившихся со временъ язычества, празднествахъ являются дѣйствующими лицами куклы и чучела, олицетворяющія извѣстные идолопоклонническіе образы: Ярилы, Костромы, Мары или Мараны и проч.

Словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло со всѣми элементами театрально-драматическаго искуства въ зачаточномъ состояніи. Извѣстно, что на народномъ языкѣ говорится—играть пѣсню (вмѣсто пѣть). И дѣйствительно, о всѣхъ хороводныхъ и плясовыхъ пѣсняхъ, съ точки зрѣнія общихъ понятій объ искуствѣ, слѣдуетъ сказать, что онѣ не поются, а разыгрываются, въ смыслѣ драматическомъ. Каждая такая пѣсня въ исполненіи представляетъ цѣлую законченную сцену, въ которой воспроизводится какой-нибудь смѣшной или грустный, но всегда типичный эпизодъ изъ обыденной жизни. Чаще всего содержаніемъ такой сцены-пѣсни служитъ любовь въ различныхъ перипетіяхъ. Затѣмъ идутъ картины семейныхъ отношеній, бытовыхъ особенностей, сельско-хозяйственныхъ занятій и пр. Мы остановимся на нѣсколькихъ наиболѣе выразительныхъ сценахъ.

Нѣкоторыя изъ хороводныхъ плясокъ отличаются замѣчательной красотой и граціей своихъ сочетаній. Таковы, напр., Плетень, Вьюнецъ и друг.

«Плетень» исполняется подъ пѣсню, въ которой изображаются семейныя связи, уподобленныя плетню. Играющіе, мужчины и дѣвушки, становятся попарно и, при пѣніи первой половины пѣсни:

«Заплетися плетень, заплетися»,

смыкаются руками, вытягиваясь въ линію. Когда-же, при началѣ второй половины пѣсни, поется:

«Расплетися плетень, расплетися»,

крайняя пара отдѣляется и соединяетъ приподнятыя руки въ видѣ арки. Остальные проходятъ подъ эту арку и постепенно, пара за парой, расплетаются. Въ подобныхъ-же сочетаніяхъ происходитъ и Вьюнецъ. Эта пляска, при живости и ловкости исполненія, такъ класически-хороша, что нѣкоторые изслѣдователи усомнились даже — точно-ли она русская, «мужичьяго» изобрѣтенія? Имъ сейчасъ вспомнились античные хоры грековъ, съ которыми они нашли такое сходство въ «Плетнѣ», что возбудило серьезный вопросъ—не есть-ли онъ позаимствованіе, принесенное къ намъ изъ Греціи? Впрочемъ, было время, когда происхожденіе всего нашего народнаго пѣснопѣвчества приписывалось греческимъ источникамъ.

О хороводной пляскѣ, изображающей любовь и ухаживанье, мы говорили уже прежде. Самыя характерныя въ жанровомъ отношеніи сцены хороводной игры,—это тѣ, въ которыхъ воспроизводятся семейныя отношенія, нарушенныя несогласіемъ, разгуломъ, супружеской невѣрностью и т. п. пороками. Тутъ дается широкій просторъ здоровому юмору.

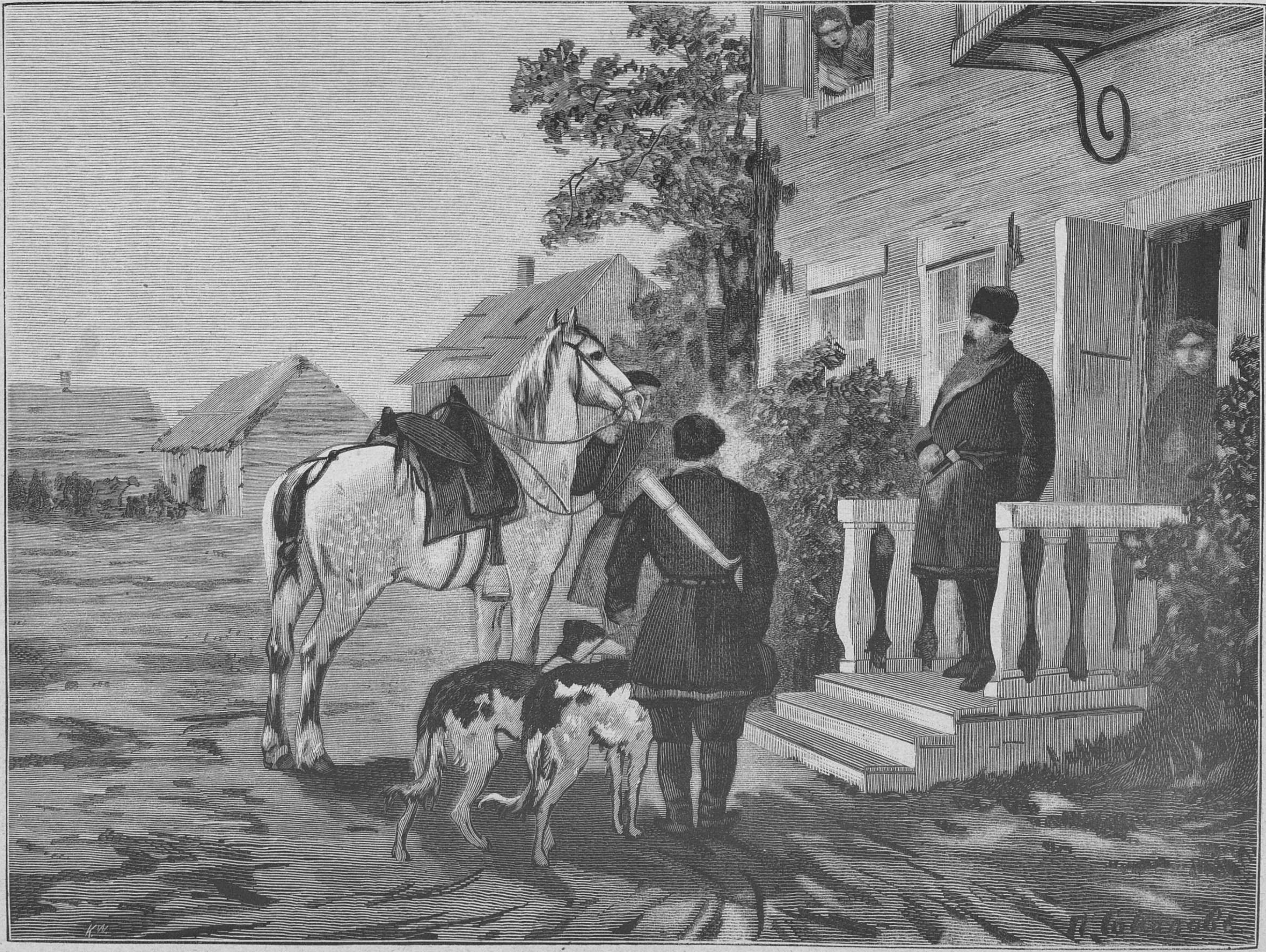
Вотъ молодая жена жалуется на свое житье съ постылымъ мужемъ. Хороводъ поетъ, въ кругу его «ходитъ» хороводница и жестами показываетъ, какъ мужъ бьетъ жену шелковой плетью «межъ бѣлыхъ плечъ», какъ она съ него кафтанъ скидываетъ, разуваетъ его и пр. Но не всегда жена жалуется на крутость нрава супруга. Въ другой сценѣ «жениха любовь» выражается такимъ, напр., образомъ:

Играющіе подъ пѣсню представляютъ мужа и жену. Мужъ сперва сулитъ женѣ, чтобъ угомонить ея «сердитое сердце», кисеи на рукава, потомъ «глазетовую юбку» и еще чего-то; но она каждый разъ гнѣвно отворачивается отъ него и отбрасываетъ его подарки. Наконецъ, онъ догадывается—привозитъ ей изъ Китай-города шелковую плеть. Жена сразу мѣняется, смотритъ ласково на мужа и кланяется ему въ ноги, послѣ того, какъ онъ ее постегалъ плеткой. Хороводъ радостно привѣтствуетъ это возвращеніе семейнаго согласія:

«Посмотрите, добры люди,
Какъ жена-то мужа любитъ» и т. д.

Такимъ-же образомъ разыгрываются и другія сцены изъ супружескаго житья-бытья. Нѣкоторыя изъ нихъ довольно сложны. Есть, напр., сцена, гдѣ выводятся жена, мужъ и его любовница, и дѣло получаетъ драматическій оттѣнокъ. Въ другой пѣснѣ на выборъ дѣвицы представляется старый и молодой мужъ. Играющій старика, изображаетъ его хилымъ, сгорбленнымъ, едва волочащимъ ноги. Пѣсня спрашиваетъ дѣ-

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ПЕТРА СОКОЛОВА.



Отъѣздъ на охоту. (Графъ Нулинъ Пушкина.)

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ" г. Діамантовскаго.

РИСУНОКЪ И. Н. КРАМСКОГО.

„Голова“ (къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», Пушкина).

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

вицу: «идти-ли ей замужъ за него?» Она отдергиваетъ его руку и поворачивается къ нему спиною.—«Слать-ли старому постелю?» Дѣвица бросаетъ на земь тряпку, толкаетъ на нее старика и, при вопросѣ: «будетъ-ли его обнимать и цѣловать?» — обнимаетъ надъ головой стараго воздухъ, цѣлуетъ его и сплевываетъ... Но вотъ на сцену выходитъ молодой. При видѣ его дѣвица весело пляшетъ и, при повтореніи тѣхъ-же вопросовъ пѣсни, мимикой показываетъ, какъ онъ любъ ей, какъ она стелетъ для него пуховую постелю, нѣжно укладываетъ его на ней, какъ прижимаетъ къ груди своей, цѣлуетъ и милуетъ.

Во многихъ пѣсняхъ дѣйствующими лицами являются животные: гуси, утки, зайцы, воробушки и т. д., въ лицѣ которыхъ, конечно, воспроизводятся тѣ-же люди, преимущественно семьяне и ихъ отношенія. При этомъ во время пляски играющіе стараются подражать движеніями выведенному въ пѣснѣ животному. Особенно часто фигурируетъ «сѣрый заинька», съ его забавными прыжками. Въ одной хороводной сценѣ онъ является вмѣстѣ съ тестемъ, тещей, свояченицей и молодыми супругами. Представляющій заиньку пляшетъ подъ пѣсню, бѣгаетъ по кругу и старается выскочить изъ него. Хороводъ не пускаетъ и приглашаетъ его продѣлать разныя заячьи штуки хореграфическаго свойства.

Заинька ускоки, сѣринькой ускоки,
И подъ бочки подоприсъ.

Заинька скачетъ и подпирается въ боки фертомъ. Потомъ вертится «кружкомъ-бочкомъ» и при стихѣ—

«Есть зайцу куда выскочить»,

прорывается изъ хоровода подъ улюлюканье мужчинъ и взвизгиванье женщинъ.

Не менѣе «заиньки» популяренъ воробушекъ, являющійся въ хороводной пѣснѣ истымъ комикомъ и сатирикомъ. Его амплуа изобразить въ пляскѣ каждаго съ смѣшной стороны.

Скажи, скажи воробушекъ,
Какъ дѣвицы ходятъ?

спрашиваетъ хоръ и воробушекъ показываетъ дѣвицъ во всей формѣ:

Онѣ этакъ и вотъ этакъ,
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ...

Точно такимъ-же образомъ воробушекъ представляетъ, какъ «ходятъ» молодцы, старики, старухи, горбатые, хромые, купцы, бояре, скупые, нищіе и т. д. Въ другой сценѣ, имѣющей много варіантовъ, воробушекъ изображаетъ пьяницу.

У воробушки головушка болѣла,
Такъ болѣла, такъ болѣла...

Болѣла и спина, и рученька, и ноженька, вслѣдствіе чего:

Ужь какъ сталъ воробей присѣдати,
Такъ присѣдати, такъ присѣдати!

Въ этой игрѣ требуется отъ исполняющаго роль воробушки много искуства и сценической даровитости, тогда она необыкновенно забавна. Въ другихъ пѣсняхъ воробушекъ изображаютъ всѣ участники хоровода. Весь хороводъ пускается плясать подъ веселый, бойкій напѣвъ:

Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелищутъ, попелищутъ, и т. д.

Изъ игръ, представляющихъ сельскія занятія, особенно любима въ народѣ картина уборки льна. Игра эта имѣетъ множество варіантовъ. Выбираемъ наиболѣе характерный.

Хороводъ выбираетъ мать и нѣсколько дочерей. Одна изъ послѣднихъ запѣваетъ:

Научи меня, мати,
На ленъ землю пахати!

Мать жестами показываетъ, какъ нужно пахати:

Да вотъ этакъ дочи, дочушки!
Да вотъ такъ, да вотъ этакъ!

подхватываетъ хоръ, а играющія дочерей подражаютъ движеніямъ матери. Такимъ порядкомъ продѣлываются всѣ пріемы при обработкѣ льна; но, наконецъ, дочери, во время работы, начинаютъ заглядываться на парней и, вдругъ, неожиданно озадачиваютъ мать такимъ предложеніемъ:

Научи меня, мати,
Съ молодцемъ гуляти!

Мать гнѣвается и, видя, что дочки начинаютъ плясать съ парнями, грозитъ бить ихъ; но онѣ ее не слушаютъ и не ждутъ уже наставленій. Что нужды, если мать не хочетъ научить «гуляти»:

А я сама пойду
И съ молодцемъ плясать буду;
Вотъ такъ, да вотъ этакъ,

отвѣчаетъ за дочерей хоръ...

Не менѣе замѣчательна хороводная сцена, «бурлаки», въ которой народный юморъ выставляетъ разгулъ бездомныхъ людей. Бурлаки сманиваютъ дѣвицу «горами золотыми», тогда какъ всѣ «бурлацкія пожитки».

Одна лямка да котомка...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Повѣсть **М. А. Филипова.**

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Странная ночь.

На другой день, взявъ формулярный списокъ моего отца, метрическое свое свидѣтельство и удостовѣреніе врача о привитіи мнѣ оспы, я отправился въ лицей.

Лицей помѣщался въ то время въ домѣ нынѣ принадлежащемъ Вагнеру, на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ. Ходъ въ правленіе лицея былъ со стороны той улицы, которая идетъ съ Екатериненской къ казенному саду. Я нашелъ въ правленіи сторожа и онъ указалъ мнѣ плотнаго, средняго роста мужчину, въ золотыхъ очкахъ.

— Это дилехторъ, сказалъ онъ.

Я подошелъ къ нему и, поклонившись, подалъ ему свои бумаги..

— А прошеніе, замѣтилъ онъ.

— Развѣ нужно прошеніе?

— Безъ прошеній я бумагъ не принимаю. Садись за столъ... Дайте ему листъ бумаги, пусть напишетъ.

Я сѣлъ къ столу и написалъ:

Въ Ришельевскій лицей
Ивана Берендѣева
Прошеніе.

Желая поступить въ гимназію, при семъ прилагаю документы мои.

И. Берендѣевъ.

Директоръ прочиталъ мое прошеніе, улыбнулся и сказалъ:

— Коротко и ясно; но только совѣтую тебѣ перечислить всѣ свои бумаги и въ заключеніе сказать: а посему прошу допустить меня къ экзамену въ такой-то классъ.

Я исправилъ прошеніе и вновь его подалъ.

— Теперь хорошо, сказалъ онъ, улыбаясь.— Зайди послѣ завтра сюда и здѣсь тебя проэкзаменуемъ... Да гляди: математику хорошо знать: самъ буду экзаменовать... По мнѣ, кто не знаетъ математики, тотъ никуда не годится...

— А латынь? спросилъ я, поощренный его любезностью.

— Латынь... два раза обошелъ вокругъ свѣта и безъ нея существовалъ, но ты на это не разсчитывай: у меня учителя и професора по части латыни собаку съѣли. Одинъ изъ нихъ, хотя имѣетъ собачью натуру и всѣхъ и вся обнюхиваетъ, но онъ всѣхъ латинскихъ авторовъ знаетъ наизустъ. Но помни одно: на аблативусахъ помѣшанъ. Если-же тебя будетъ экзаменовать другой, то того конекъ — акузативусы. Поэтому, если у тебя въ карманѣ будетъ и то и другое, то ты попадешь въ пятый класъ, впрочемъ, я приду къ тебѣ на выручку...

Онъ благосклонно мнѣ поклонился.

Возвратясь домой, я нашелъ, что самое благоразумное пристроиться на сѣновалѣ, такъ какъ тамъ никто не мѣшалъ-бы моимъ занятіямъ.

До обѣда было еще часа два и, забравъ съ собою тетради и книги, я отправился туда.

День былъ жаркій и на сѣновалѣ было дѣйствительно хорошо. Я притащилъ туда и маленькій столикъ, и карандашъ, и бумаги, и работа моя пошла успѣшно. Математика меня сильно озабочивала, такъ какъ самъ директоръ лицея обратилъ на нее мое вниманіе.

Прошло незамѣтно около двухъ часовъ, когда на сѣновалѣ показалась Зиновья.

— Я за вами: пора обѣдать...

— А ты, другъ мой, знаешь, что квадратъ гипотенузы равняется квадрату двухъ катетовъ? спросилъ я ее очень серьезно.

— Что за чушь...

— Ну, когда этого не знаешь, то, быть можетъ, ты поймешь вотъ эти стихи:

Се Росска флака зракъ: се тотъ, кто какъ и онъ
Выспръ, быстръ, какъ птицъ царь, вверхъ порхъ
на Геликонъ;
Се ликъ одъ, причь творца, музъ чтителя Хвостова,
Кой поле упестрилъ Россійска красна слова.

— Мочиньки нѣтъ, закричала она, покатываясь со смѣху,—ничего не поняла...

— Но знаешь-ли ты, воскликнулъ я патетически, — что эту какофонію сочинили вчетверомъ наши безсмертные писатели: Крыловъ, Дашковъ, Гнѣдичъ и Жихаревъ.

— Какъ вы сказали: како...

— Фонія, добавилъ я.

— Ну, эта фонія, что это такое?

— Неблагозвучіе въ словахъ... Ну, а эти стихи Третьяковскаго, понравятся тебѣ:

Плюнь на скуку, морску суку.
Держись черни да знай штуку...

— Какой вы шутникъ, Ванечка, и неужели этой чуши васъ учатъ...

— Какъ-же! это изъ реторики Кошанскаго. Ну, изъ исторіи: слышала-ли ты о Язонѣ.

— Іогансонъ? Это булочникъ на Преображенской...

— Не Іогансонъ, а Язонъ...

— О такомъ не слышала.

— Язонъ отправился въ Колхиду похитить золотое руно...

— Что это за золотое руно?

— Этого историки сами не знаютъ, но я догадываюсь, что это должна была быть женщина съ золотистыми волосами, такими, какъ у тебя... И я хочу сдѣлаться Язономъ...

Съ этими словами я всталъ и поцѣловалъ ее сначала въ голову, потомъ въ губы.

— Полно-те, Язонъ,—и она вырвалась изъ моихъ рукъ.

— Зиновья! раздался на дворѣ рѣзкій голосъ Семена Григорьевича.—Гдѣ ты пропала?

Оба мы бросились опрометью съ сѣновала.

Семенъ Григорьевичъ встрѣтилъ насъ на дворѣ съ подозрительнымъ и ревнивымъ взглядомъ.

Помню, что я тогда словно рака спекъ; но ничего: крѣпясь, пошелъ къ столу.

Послѣ обѣда я снова забрался на сѣновалъ и продолжалъ свои занятія; но часовъ въ пять сдѣлалось такъ знойно и душно, что я отправился къ морю покупаться.

На обратномъ пути я встрѣтилъ Евсея, продавца палокъ и тростей. Тотъ долго приставалъ ко мнѣ, предлагая свой товаръ.

Чтобы отвязаться отъ него, я началъ разсматривать его трости. Мнѣ понравилась одна: она была вся обмотана плотно ремнями и головка ея была свинцовая, такъ что это было хорошее оружіе.

«Ночью, подумалъ я, — иногда оружіе это пригодится, чтобы отогнать собакъ... Впрочемъ, пришла мнѣ мысль: если хватить кого-нибудь изъ ночныхъ злодѣевъ этой головкой, такъ тоже можно его разодолжить».

Я приторговался къ трости и она осталась за мною.

Придя домой, я никому не показалъ своей покупки и занялся тетрадями.

Семенъ Григорьевичъ, раздосадованный тѣмъ, что Зиновья провела со мною долго tête-á-tête, отправился тотчасъ послѣ обѣда къ брату и вернулся ночью пьяный, какъ говорятъ семинаристы—до положенія ризъ.

Укладывали его спать Зиновья и я.

Уходя, она шепнула мнѣ:

— Хотите быть Язономъ, приходите въ кухню... кухарка не будетъ ночевать дома.

— Вишь ты, подумалъ я,—когда нужно, то и Язона помнитъ. Впрочемъ, это я обязанъ все булочнику Іогансону.

Не раздѣваясь, я потушилъ свѣчу, не затворивъ двери своей комнаты. Сталъ я прислушиваться: храпѣлъ одинъ Семенъ Григорьевичъ, въ спальнѣ-же Анны Петровны была мертвая тишина; только стукъ часовъ, стоявшихъ на ея туалетѣ, казалось мнѣ, то иногда усиливается, то утихаетъ.

Пролежавъ полчаса въ тревожномъ состояніи, я поднялся съ дивана и въ однихъ чулкахъ началъ шагать въ гостиную, чтобы оттуда пробраться чрезъ переднюю въ кухню.

Сердце у меня замирало, дыханье сперлось и мнѣ казалось, что грудь лопнетъ.

Шаги мои, какъ я ни ступалъ легко, казалось мнѣ, производили и шумъ и скрипъ.

Я шелъ, какъ привидѣніе, и путь казался мнѣ безконечнымъ, между тѣмъ какъ я былъ только посреди маленькой гостиной, т. е. сдѣлалъ, быть можетъ, пять шаговъ. Но, о, ужасъ!.. въ дверяхъ Анны Петровны является привидѣніе и такими-же медленными шагами, какъ я, подвигается ко мнѣ...

Я окаменѣлъ: кровь у меня застыла, сердце почти перестало биться...

Привидѣніе все въ бѣломъ; черные, длинные, почти до земли, волосы распущены; бѣленькія туфли медленно движутся по полу и привидѣніе тихо, подступивъ ко мнѣ, шепчетъ:

— Твоя душа и моя душа связаны духовными узами... Необъяснимая сила подняла меня съ кровати, повлекла къ тебѣ... иди за мной...

Я узналъ Анну Петровну.

Машинально я пошелъ за нею.

Едва слышною и плавною поступью она вошла въ свою спальню и остановилась у двери въ ожиданіи меня. Когда-же я опустился на маленькій ея диванчикъ, она притворила дверь и тою-же медленною поступью, подойдя къ дивану, присѣла ко мнѣ и обняла меня правою рукою.

Она была чудно хороша въ своемъ бѣломъ нарядѣ, съ распущенными волосами; но взглядъ у нея былъ неподвижный. Я впился въ ея губы и сталъ ее цѣловать.

Она позволяла себя ласкать; но обратно ни сдѣлала ни одного движенія ласковаго. Она говорила мнѣ много и восторженно: говорила о чистотѣ своихъ помышленій и думъ, говорила о своихъ страданіяхъ и горестяхъ и, когда я былъ весь въ огнѣ и въ страсти, она вдругъ стала какъ будто прислушиваться и съ тревогой проговорила:

— Поди... возьми свою палку... иди въ кухню... тамъ разбойники... иди... побѣдишь...—И съ этими словами она упала въ обморокъ.

Я перенесъ ее на кровать.

— Ступай... проговорила она, какъ будто очнувшись,—ступай...

Я вышелъ изъ ея спальни и прямо пошелъ къ себѣ въ комнату.

Послѣдніе ея слова звучали въ моихъ ушахъ.

Прежняя робость смѣнилась смѣлостью: я взялъ вновь купленную мною трость и тихо пошелъ въ кухню.

Когда я вышелъ въ переднюю, меня поразило то, что двери оттуда—на балконъ двора—были отперты.

Я заглянулъ въ кухню и услышалъ тяжелое дыханье спавшей тамъ Зиновьи.

— Погляжу, что дѣлается на дворѣ, подумалъ я и тихо пошелъ на балконъ.

Ночь была темна и небо покрыто тучами.

У дверей балкона сталъ я прислушиваться, что дѣлается на дворѣ.

Послышались вблизи два голоса:

— Какъ долго она заставляетъ насъ ждать. молокососъ обѣщался къ ней придти и она обѣщалась дать сигналъ... Если его прихлопнемъ, сундукъ его съ денежками будетъ нашъ... Хозяинъ-то и сегодня мертвецки...

— Пойди-ка и узнай... а я пойду посмотрю, не утащилъ-ли кто-нибудь лѣстницу по ту сторону забора: пройдетъ по улицѣ кто-нибудь, увидитъ плохо лежитъ и, пожалуй, стащитъ...

— Ступай къ забору, а я пойду въ кухню.

Я быстро спрятался за дверью на балконѣ.

Въ темнотѣ не могъ я разобрать фигуры, но она была не особенно высокая; она тихо прошла въ переднюю и оттуда въ кухню.

Чрезъ нѣсколько минутъ изъ передней показалась съ нимъ Зиновья.

— Еще не приходилъ, я-бы тотчасъ дала знать: кашлянула-бы три раза... Пойди, посиди еще, Грицко, здѣсь на порогѣ... Онъ придетъ... безпремѣнно прійдетъ...

Грицко поцѣловалъ ее и ушелъ.

Онъ усѣлся на ступеняхъ балкона и сталъ тихо мурлыкать себѣ подъ носъ малороссійскую пѣсню.

Зиновья скрылась въ кухню.

Тихо вышелъ я тогда изъ своей засады и, подойдя къ дверямъ балкона, со всего размаха ударилъ Грицко головкою трости по лѣвому плечу и, не давъ опомниться, повторилъ ударъ по его правому плечу.

Какъ ужаленный змѣею, вскочилъ онъ и побѣжалъ къ забору.

Не смотря на то, что я былъ безъ сапоговъ, я побѣжалъ за нимъ и настигъ его, когда онъ былъ ужь на заборѣ; но я успѣлъ тростью нанести ему ударъ по ногамъ и онъ, не попавъ на лѣстницу, упалъ на улицу.

— Обходъ! раздался по той сторонѣ забора крикъ его товарища.

Что было дальше—не знаю; но я вернулся домой.

Зиновья, услыша шумъ моихъ шаговъ, выскочила изъ кухни.

Я схватилъ ее за руку, втолкнулъ въ кухню и заперъ ее на задвижку.

Тоже самое я сдѣлалъ со всѣми дверьми балкона и передней.

«Теперь пойду спать», подумалъ я; но страшная ночь не дала мнѣ покою и я, не смыкая глазъ, промаялся до утра на диванѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

II.

Въ уборной актрисы.

Въ то время, когда происходили описанныя сцены въ домѣ баронесы де-Марби, совершенно иное разыгрывалось въ одномъ изъ парижскихъ театровъ, въ уборной актрисы, сразу завоевавшей себѣ симпатіи публики, Лоизы Боттъ, болѣе извѣстной въ модномъ свѣтѣ подъ названіемъ «Рябой красавицы».

Прошло два года послѣ событій, въ которыхъ Элизѣ Буатель пришлось играть видную роль. Она очень измѣнилась; она не была уже поджарой дѣвочкой, а прелестной, очаровательной женщиной. Немногія рябины, виднѣвшіяся на ея лицѣ, стали почти незамѣтными и, расплывшись, только придали ея кожѣ бархатистую пухлость, отчего ее и называли «Рябой красавицей».

Разскажемъ въ двухъ словахъ исторію этого интереснаго превращенія.

Стараго американскаго доктора, пріютившаго ее изъ сожалѣнія къ ея несчастной судьбѣ въ медонскомъ родильномъ пріютѣ, звали Самюель Боттъ. Онъ почувствовалъ самую теплую дружбу и нѣжную симпатію къ молодой дѣвушкѣ, которая благодаря гнусному преступленію сдѣлалась матерью, никогда не бывъ женою, и отличалась прекраснымъ характеромъ и глубоко-нравственными принципами. Но не въ этомъ одномъ находился источникъ его привязанности къ Элизѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ потерялъ единственную дочь, которую по лѣтамъ и фигурѣ напоминала собою «Рябая красавица». Когда онъ ухаживалъ за Элизой, ему казалось, что онъ ухаживаетъ за своей дочерью.

Оправившись отъ болѣзни, Элиза передала ему короткую, но грустную исторію своей жизни. Выслушавъ ее, Самюель Боттъ сказалъ съ глубокимъ чувствомъ:

— У васъ нѣтъ ни родственниковъ, ни друзей и вы окружены врагами; я лишился моей дочери, единственнаго счастья моей жизни. Хотите занять ея мѣсто въ моемъ домѣ.

Элиза, не вѣря своему счастью, воскликнула со слезами на глазахъ:

— Какъ? вы примете меня въ свой домъ, вы будете со мною обращаться, какъ съ своей дочерью, со мною, которую всѣ станутъ теперь презирать?

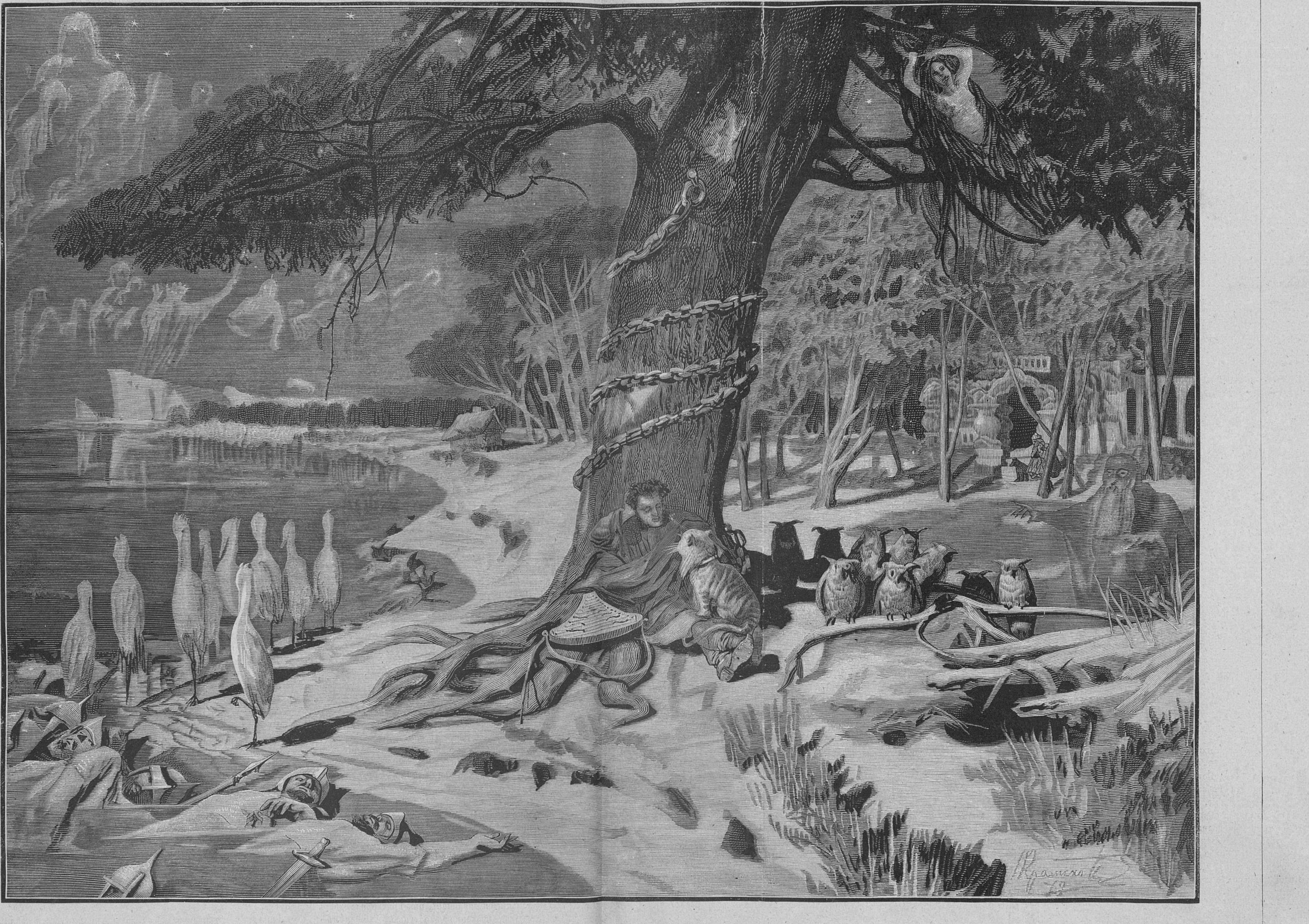
— Какое мнѣ дѣло до другихъ. Согласны вы?

Молодая дѣвушка молча бросилась въ объятія добраго старика.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, Элиза должна была отправиться въ Пасси, по одному дѣлу. Тамъ всѣ знали причину ея неожиданнаго исчезновенія и каждый считалъ долгомъ отвернуться отъ нея. Возвратясь къ доктору, она была такъ взволнована и огорчена, что онъ спросилъ причину. Она ему все разсказала.

— Вамъ, кажется, опротивѣла эта страна, въ которой вы столько страдали, сказалъ онъ, нѣжно обнимая ее и стараясь успокоить:—не лучше-ли вамъ перебраться въ такой уголокъ, гдѣ-бы никто не зналъ вашего жестокаго прошлаго?

РИСУНОКЪ И. Н. КРАМСКОГО.



Къ поэмѣ Пушкина «Русланъ и Людмила».

Рѣзалъ на деревѣ г. Скржимовскій.

— Конечно, отвѣчала съ жаромъ Элиза.—О, какъ-бы я желала не видѣть болѣе всѣхъ, кого я такъ ненавижу и презираю... Покинуть Парижъ, Францію и чтобъ никто не зналъ гдѣ я съ моимъ ребенкомъ...

— Хорошо, Элиза, черезъ мѣсяцъ мы будемъ въ Америкѣ.

На слѣдующее утро молодая дѣвушка поручила одному знакомому доктора продать всю движимость, оставленную ей Аристидомъ. Вырученную сумму и именныя акціи, составлявшія все ея маленькое состояніе, она передала Самюелю Ботту.

Узнавъ отъ него, что его дочь Лоиза прекрасно пѣла и особенно любила одинъ романсъ, который послѣ ея смерти продолжалъ лежать на фортепьяно, Элиза начала въ тайнѣ отъ него брать уроки пѣнія и игры на фортепьяно, такъ что однажды вечеромъ спѣла ему этотъ романсъ.

Старикъ пришелъ въ умиленіе и въ восторгъ. Дѣйствительно, она имѣла прекрасный голосъ и съ этой минуты было рѣшено, что она сдѣлается пѣвицей, почему она и начала серьезно заниматься музыкой съ лучшими учителями.

Найдя выгодный случай, Самюель Ботть продалъ свой родильный пріютъ въ Медонѣ и вмѣстѣ съ Элизой отправился въ Америку. Но онъ былъ старъ и въ немъ сильно развивался органическій недугъ. Онъ чувствовалъ, что его конецъ близокъ и, едва устроившись въ Нью-Іоркѣ, онъ сказалъ Элизѣ:

— Милое дитя мое, вамъ я обязанъ послѣдними счастливыми днями моей жизни; вы замѣнили мнѣ любимую дочь и воспоминаніе о ней сливается съ моей любовью къ вамъ. Я знаю, что вскорѣ меня не станетъ; у меня неизлѣчимая болѣзнь.

Легко понять горе молодой дѣвушки при этомъ неожиданномъ извѣстіи.

— Надо быть благоразумной, сказалъ онъ, успокоивъ немного Элизу:—послѣ моей смерти вы опять очутитесь въ ужасномъ положеніи, лишившись своего единственнаго друга. Одним вамъ будетъ трудно оставаться на чужбинѣ и вы захотите, быть можетъ, вернуться съ своимъ ребенкомъ на родину.

Элиза съ недоумѣніемъ смотрѣла на него, непонимая, къ чему онъ ведетъ свою рѣчь.

— Вотъ что я вамъ предлагаю, продолжалъ онъ:—вы сдѣлаетесь гражданкой Соединенныхъ Штатовъ и потомъ я повѣнчаюсь съ вами. Вашъ ребенокъ получитъ мое имя и вы сами, перемѣнивъ фамилію и національность, избѣгнете преслѣдованій Матье де-Тальи. Вы будете называться моей женой, но останетесь моей дочерью.

Элиза упала на колѣни и горячо благодарила своего великодушнаго друга.

Прошелъ мѣсяцъ и она сдѣлалась натурализованной американкой. Тогда пришлось ускорить свадьбу, такъ какъ докторъ чувствовалъ приближеніе конца. Эта свадьба совершилась, но почти въ послѣднюю минуту жизни Самюеля Ботта.

По смерти его, г-жа Лоиза Боттъ, или маленькая Луиза Буатель, или Рябая красавица, получила хорошенькое состояніе, позволившее ей окончить свое музыкальное образованіе.

Но предсказаніе старика исполнилось. Оставшись одна безъ друзей и даже знакомыхъ, Элиза начала скучать. Зная, что ей болѣе не угрожала нищета, что она очень измѣнилась, хотя и къ ея выгодѣ, что во вдовѣ доктора Боттъ было очень трудно заподозрить маленькую Элизу,—она рѣшилась возвратиться во Францію. Притомъ, изучая музыку, она пристрастилась къ ней и хотѣла показать своей сестрѣ, столь презиравшей ее, что она богата и уважаема.

Дѣйствительно, она вернулась въ Парижъ съ своимъ сыномъ, котораго отдала въ одну изъ окрест ныхъ деревень, наняла хорошую квартиру въ улицѣ Бланшъ и роскошно ее меблировала. Зная, что она своимъ голосомъ вернетъ всѣ расходы, она купила лошадей, экипажи и стала появляться ежедневно въ Булонскомъ лѣсу.

Ея дебютъ въ театрѣ имѣлъ громадный успѣхъ. Всѣ дамы полусвѣта, боясь новой соперницы, громко кричали, что американка была покрыта странными рябинами, но золотая молодежь прозвала ее «Рябой красавицей». Всѣ свѣтскіе франты, падкіе на новыя свѣтила, бросились толпами къ ней на квартиру, но она принимала у себя только букеты и карточки. Зато въ театрѣ къ ней доступъ былъ для всѣхъ и она одинаково была любезна съ каждымъ. Но на всѣ самыя блестящія предложенія, она отвѣчала только смѣхомъ. Подарки сыпались на нее дождемъ, она брала ихъ и только смѣялась.

Каждый вечеръ ея уборная въ театрѣ кишѣла цвѣтомъ свѣтскаго общества и журналистики. Всѣ любили съ нею болтать. Она пріѣхала только-что изъ Америки и знала Парижъ, какъ свои пять пальцевъ. Ея умъ былъ веселый, блестящій, возбуждавшій невольно смѣхъ ея саркастическими выходками; ея манеры были такъ свободны, что всякій, смотря на нее, могъ-бы подумать, что она женщина легкомысленная и, однако, никто не могъ гордиться полученнымъ отъ нея поцѣлуемъ.

Въ ту минуту, когда мы вводимъ читателя въ уборную Рябой красавицы въ одномъ изъ парижскихъ театровъ, уже раздался звонокъ за кулисами и въ коридорахъ, а режиссеръ два раза постучался къ ней въ дверь, говоря:

— Занавѣсъ поднятъ, сударыня.

Она съ видимымъ нетерпѣніемъ послала одну изъ одѣвавшихъ ее горничныхъ къ театральной привратницѣ узнать, нѣтъ-ли ей карточекъ или писемъ и, не смотря на крики режисера, не хотѣла идти на сцену, пока не вернется посланная. Однако отвѣтъ былъ неудовлетворительный. Выйдя на сцену, она бросила взглядъ на одно кресло перваго ряда и, увидавъ его пустымъ, еще болѣе разочаровалась.

Она была въ какомъ-то тревожномъ состояніи и играла съ удивительной поспѣшностью, вѣроятно, торопясь вернуться въ свою уборную, гдѣ она надѣялась, что найдетъ то, что она такъ нетерпѣливо ждала. Но и этой надеждѣ не суждено было исполниться.

Пьеса окончилась и самые пламенные поклонники ждали въ актерскомъ фойе, пока она переодѣнется, чтобъ войдти въ ея уборную, такъ какъ теперь она снимала свое шелковое трико, обтирала все свое тѣло духами и освобождалась отъ всѣхъ слѣдовъ бѣлилъ и румянъ. Во время этой операціи кто-то постучалъ въ дверь.

— Кто тамъ? спросила она поспѣшно.

Голосъ снаружи назвалъ себя по имени.

— Сейчасъ, подождите, отвѣчала она съ нетерпѣніемъ и, обращаясь къ своей горничной Марго, которую она привозила всегда изъ дома, прибавила: — пожалуйста, поскорѣе. Вы не видали г. де-Шапэ?

— Нѣтъ, ни его, ни его друга маркиза.

— Странно, они приходятъ каждый вечеръ. Вы не слыхали ничего объ нихъ?

— Ничего.

Горничная надѣла на нее платье и принялась застегивать корсажъ, какъ снова послышался стукъ.

— Можно съ вами проститься? спросили два голоса заразъ.

— Отворите, произнесла Рябая красавица,—иначе они меня не оставятъ въ покоѣ.

Горничная повиновалась.

Вошли два молодыхъ человѣка во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ. Они очень любезно пожали ей руку и одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Что это, вы нездоровы? Вы казались не въ своей тарелкѣ во все продолженіе послѣдняго акта.

— Да, у меня сильная мигрень.

— Такъ мы уходимъ, до свиданія, до завтра.

И они направились къ двери, но она ихъ остановила:

— Мнѣ показалось, что въ театрѣ было мало вашихъ пріятелей.

— Да, сегодня большой вечеръ и многіе изъ нихъ поѣхали туда, но мы предпочли любоваться вами.

— О, я теперь понимаю, почему Шапэ не принесъ мнѣ обѣщанной книги.

— Шапэ и маленькій маркизъ отправились вмѣстѣ на вечеръ прямо съ обѣда въ клубѣ.

— Что-жь это министерскій балъ?

— Нѣтъ, вечеръ у одной изъ самыхъ хорошенькихъ дамъ Парижа.

— А!

— Да, у барона де-Марби. Это новый домъ для насъ.

— Баронъ де-Марби даетъ вечера! произнесла Лоиза Боттъ съ страннымъ волненіемъ.

— Это второй вечеръ и оба очень блестящіе.

— Ну, такъ поѣзжайте. Желаю вамъ много веселиться.

Молодые люди снова пожали ей руку и исчезли.

— Оставьте, не застегивайте платья, воскликнула Элиза, обращаясь къ своей горничной.—Скорѣе шубу. Карета готова?

— Да.

— Скорѣе, скорѣе, торопила она Марго, которая складывала въ дорожный мѣшокъ всѣ брильянты, жемчугъ и пр., которые блестѣли на Рябой красавицѣ въ различныхъ ея костюмахъ.

Наконецъ она сбѣжала по лѣстницѣ и сѣла въ карету.

Вернувшись домой, она прошла прямо въ свою комнату и начала ходить взадъ и впередъ въ большемъ волненіи, громко говоря сама съ собою:

— А! Онъ у моей сестры. Онъ въ первый разъ сегодня не явился ко мнѣ. Но что это? Неужели я сошла съума и влюбилась? Съ перваго взгляда на этого человѣка я почувствовала къ нему какое-то невольное влеченіе и теперь онъ не выходитъ изъ моей головы. Этотъ вечеръ безъ него показался мнѣ нескончаемымъ и я страдаю при одной мысли, что онъ въ настоящую минуту у этихъ ненавистныхъ мнѣ людей. Впрочемъ, я свободна и, кажется, имѣю право любить кого хочу. Но они способны на все и одно слово меня можетъ погубить. Я уже два раза видѣла гнуснаго Матье-де-Тальи. Онъ меня узналъ и, конечно, станетъ меня преслѣдовать. Я его не боюсь, но онъ можетъ нанести мнѣ страшный ударъ, оклеветавъ меня передъ Оливье. Онъ, вѣроятно, тамъ, онъ другъ дома, а полиція ему, конечно, донесла обо всемъ, что я дѣлаю. Онъ поэтому долженъ знать, что за мною ухаживаетъ маркизъ Мейранъ. Онъ можетъ передать ему сочиненныя противъ меня клеветы. О! если это такъ, то я зло имъ отомщу. Какъ жаль, что я не поѣхала на этотъ балъ. Молодой Мельси не отказался бы меня ввести къ ней въ домъ, еслибъ я сказала: та, которую вы называете Рябой красавицей, сестра баронесы де-Марби. Однако, кажется, я съума схожу.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошла Марго.

— Уже поздно, сударыня, сказала она,—вамъ надо отдохнуть.

— Нѣтъ, оставьте меня. Когда онъ пріѣзжалъ? Что сказалъ?

— Кто?

— Маркизъ де-Мейранъ.

— Онъ вовсе не былъ.

Горничная удалилась, но черезъ секунду вошла обратно въ комнату съ большимъ букетомъ и карточкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, извините, вотъ что онъ вамъ оставилъ.

Лицо молодой женщины просіяло. Она взяла букетъ и понюхала цвѣты съ восторгомъ.

— Вотъ и выздоровѣла, Марго, сказала она съ улыбкой; —раздѣньте меня, я хочу спать.

И, ложась въ постель, она думала:

«Хотя онъ тамъ, но всегда думаетъ обо мнѣ. Теперь я ихъ не боюсь. Впрочемъ, они никогда не посмѣютъ сознаться въ своемъ родствѣ со мною. Я могу быть спокойна. Какое ей дѣло, если меня любитъ маркизъ де-Мейранъ и я его люблю?»

Она прочла еще разъ на карточкѣ слова «До завтра» и спокойно заснула.

А въ эту самую минуту Орели среди своего блестящаго бала бросила своего кавалера, виконта де-Шапэ, у котораго она очень ловко разузнала всѣ подробности объ отношеніяхъ де-Мейрана къ Рябой красавицѣ, и подозвала къ себѣ Матье де-Тальи. Отведя его въ сторону, къ окну, она сказала вполголоса:

— Пора дѣйствовать, можно опасаться катастрофы.

— Вамъ нечего бояться, милый другъ. Намъ надо было только найдти предлогъ, сегодня я таковой получилъ. Въ виду ея поведенія и по просьбѣ семейства маркиза де-Мейрана я вышлю ее изъ предѣловъ Франціи.

— О, благодарю тебя, Матье, сказала она съ жаромъ, — я буду спокойна только тогда, когда она выѣдетъ изъ Парижа.

— Это будетъ черезъ два дня.

Увидавъ проходившаго мимо маркиза де-Мейрана, Орели ему крикнула:

— Вы забыли, что танцуете со мной.

И они вдвоемъ направились въ гостиныя.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Въ прошломъ и настоящемъ году мы помѣстили нѣсколько иллюстрацій къ произведеніямъ Пушкина. Въ настоящемъ нумерѣ, посвященномъ памяти великаго поэта, мы помѣщаемъ слѣдующія иллюстраціи къ его произведеніямъ.

Отъѣздъ на охоту (къ поэмѣ «Графъ Нулинъ»), рисунокъ Петра Соколова. Этотъ рисунокъ иллюстрируетъ слѣдующіе стихи поэмы:

Пора, пора! рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзыя прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ,
Чекмень, затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.

Голова (къ поэмѣ «Русланъ и Людмила»), рисунокъ И. Н. Крамского. Предлагаемый рисунокъ сдѣланъ нашимъ высокодаровитымъ художникомъ спеціально для «Живописнаго Обозрѣнія».

Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ,
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ спокойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь
И чудо видитъ предъ собою.
Найду-ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова
Огромны очи сномъ объяты,
Храпитъ, качая шлемъ пернатый,
И перья, въ темной высотѣ,
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безъимянный
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной

Такова блестящая тема для рисунка талантливаго художника, который, впрочемъ, взялъ и другую тему изъ той-же поэмы и создалъ другой рисунокъ, также спеціально для «Живописнаго Обозрѣнія».

Къ «Руслану и Людмилѣ», рисунокъ И. Н. Крамского.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ,
Одну я помню — сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

Нечего распространяться о талантливости исполненія рисунка. Г. Крамской слишкомъ хорошо извѣстенъ русской публикѣ. Одно замѣтимъ, что какъ-бы ни была хороша гравюра, она не въ состояніи передать всей прелести рисунка, подобнаго созданному г. Крамскимъ.

Смѣсь.

Изъ воспоминаній объ А. С. Пушкинѣ (Статья А. Фелькнера.)

I. *)

Кому не извѣстно, какъ находчивъ и остроуменъ былъ нашъ незабвенный народный поэтъ, къ сожалѣнію, преждевременно сошедшій въ могилу? Въ разныхъ періодическихъ и иныхъ изданіяхъ встрѣчается не мало разсказовъ объ изумительной быстротѣ и мѣткости отвѣтовъ Александра Сергѣевича,—но, сколько мнѣ помнится, еще нигдѣ не сообщено о слѣдующемъ эпизодѣ, слышанномъ мною отъ него самого на вечерѣ у князя Дмитрія Алексѣевича Эристова, его друга и однокашника по царскосельскому лицею. Передаю разсказъ почти дословно:

Въ городѣ Одессѣ, во время нахожденія тамъ А. С. Пушкина, проживала вдова одного отставного генерала. Покойный супругъ ея былъ далеко не аристократическаго происхожденія и, начавъ военную службу съ низшихъ чиновъ, самъ проложилъ себѣ дорогу, пользуясь общимъ уваженіемъ и расположеніемъ. Въ отечественную войну 1812 года, состоя шефомъ какого-то армейскаго полка, онъ былъ довольно тяжело раненъ, не то подъ Бородиномъ, не то подъ Краснымъ: пуля, угодивъ ему въ переносицу, раздробила ее и вышла въ щекѣ; скула, а отчасти и челюсть, были тоже повреждены. Оставляя службу вслѣдствіе обезобразившей его раны, онъ получилъ чинъ генерала и изрядную пенсію, а на скопленныя крохи купилъ въ Одессѣ домъ и женился на не молодой, но весьма красивой дѣвушкѣ, при томъ бѣдной, не получившей высшаго воспитанія. Это нисколько не помѣшало имъ, впрочемъ, жить хорошо, въ мирѣ и согласіи, не говоря уже о любви, которая съ обѣихъ сторонъ была обильна; одно огорчало счастливую чету: Богъ не благословилъ ихъ дѣтьми, но вѣдь извѣстно давно, что полнаго блаженства на свѣтѣ не бываетъ.

Лѣтъ черезъ шесть или семь послѣ женитьбы генералъ умеръ, а неутѣшная его вдова и наслѣдница возымѣла страстное желаніе почтить дорогую память друга и благодѣтеля своего возведеніемъ надъ его могилою величественнаго памятника. Вздумано—сдѣлано; памятникъ изъ бѣлаго карарскаго мрамора былъ скоро готовъ, но не ставился на мѣсто потому только, что не имѣлось приличной надписи, безъ которой, по убѣжденію скорбной вдовицы, оказываемый ею почетъ незабвенному супругу, былъ-бы далеко не полонъ и не соотвѣтствовалъ-бы его доблестямъ и заслугамъ.

Обладая изрядными средствами и ведя жизнь довольно открытую, генеральша была знакома со всѣмъ высшимъ одесскимъ обществомъ, посѣщая которое, имѣла случай обмѣняться нѣсколькими словами съ Пушкинымъ. Это дало ей поводъ пригласить Александра Сергѣевича къ себѣ и сообщить о своемъ горѣ. Разсѣянно пообѣщавъ помочь такому, т. е. написать надпись для памятника, онъ, однако, по пословицѣ: «посулъ и исполненіе его—двѣ вещи совершенно разныя»,—если ужъ не вовсе забылъ про данное обѣщаніе, то, по меньшей мѣрѣ, не торопился сдержать его.

— Да что мнѣ было сказать о ея миломъ покойникѣ? говорилъ Пушкинъ.—Я его лично не зналъ и ничего такого не слыхалъ о его доблестяхъ, что могло-бы вдохновить мою, крайне озлобленную въ то время музу!

Проходили дни, недѣли, даже мѣсяцы, а обѣщанная надпись не появлялась на свѣтъ Божій, къ вящему огорченію генеральши, которая при каждой встрѣчѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ не уставала напоминать о ней, но увы,—безуспѣшно!

Въ день ангела вдовы все одесское общество спѣшило къ ней съ поздравленіями; поѣхалъ и Пушкинъ, никакъ не ожидавшій, что его мучительница ждала этого дня съ такимъ-же лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, съ какимъ ожидаютъ евреи второго пришествія Мессіи. Едва переступилъ онъ черезъ порогъ гостиной, какъ генеральша бросилась къ нему на встрѣчу, что говорится, «завладѣла имъ» и, приставъ, словно съ ножемъ къ горлу, немедленно требовала надписи.

— Нѣтъ ужъ, Александръ Сергѣевичъ, теперь не отдѣлаетесь отъ меня обѣщаніями, говорила она, крѣпко ухвативъ Пушкина за руки,—не выпущу, пока не напишете! И все-то я приготовила, что нужно: и бумагу, и перья и чернила; садитесь вотъ къ тому столику и пишите, а тамъ съ Богомъ, на всѣ-то четыре стороны! Мнѣ лишь-бы моего покойника ублажить и должный ему великій почетъ оказать.

Видитъ Пушкинъ, что попалъ въ капканъ и что генеральша дѣйствительно способна исполнить свою угрозу: не выпуститъ его отъ себя до исполненія ея желанія. Ему стало и смѣшно и досадно, а дѣлать нечего: не въ окно-же въ самомъ дѣлѣ выскочить! «Удружу-же ей, распотѣшу ее! думаетъ онъ, садясь къ указанному ею столику.—Сама выпроводитъ меня отъ себя!»

Надгробная надпись покойному генералу мигомъ была написана и почтительно поднесена торжествующей вдовѣ его, которая поспѣшила прочесть во всеуслышаніе слѣдующее четверостишіе:

«Никто не знаетъ, гдѣ онъ росъ,
Но въ службу поступилъ капраломъ;
Французскимъ, чѣмъ-то, раненъ въ носъ
И умеръ генераломъ».

— Что было потомъ съ ея превосходительствомъ по прочтеніи моихъ стишковъ—доподлинно не знаю, добавилъ Александръ Сергѣевичъ, съ усмѣшкою поглядывая на своихъ слушателей,—потому что, передавъ ихъ ей, призналъ за благо не ожидать послѣдствій ея гнѣва, а поторопился проскользнуть незамѣченнымъ въ двери прихожей и улепетнуть по добру-по здорову. Слышалъ, что она пришла въ безумную ярость и костила меня на пропалую, не стѣсняясь употреблять самыя неблагозвучныя выраженія. Ну, да Богъ съ ней: я былъ радешенекъ, что отвязался отъ нея, такъ какъ съ тѣхъ поръ она всячески избѣгала встрѣчи со мною; ужь больно, знать, гнѣваться изволила!

II.

Изъ товарищей своихъ по лицею Александръ Сергѣевичъ особенно любилъ князя Дмитрія Алек-

*) Начало этой статьи было помѣщено въ 1878 г. въ «Пчелѣ» и по ошибкѣ подписано «Афонасьевъ».

СКУЛЬПТУРА П. П. ЗАБѢЛЛО.

Проектъ памятника Пушкину.

По фотографіи рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

Скульптура Опекушина.

Памятникъ Пушкину.

Рѣзалъ на деревѣ А. Ковнацкій.

сѣевича Эристова, автора «Житія святыхъ отецъ», неистощимое остроуміе котораго всегда благотворно вліяло на расположеніе его духа, то возбуждая въ немъ порывы шумной веселости, то желаніе, въ свою очередь, бросить камешекъ въ огородъ князя. Живо помню одну изъ такихъ выходокъ Пушкина. У покойнаго сенатора Бориса Карловича Данзаса, тоже лицеиста, былъ товарищескій обѣдъ по случаю полученія имъ высочайшей награды; въ числѣ приглашенныхъ былъ и я, какъ давній знакомецъ всего семейства Данзасовъ. Обѣдъ прошелъ очень весело; князь Эристовъ былъ, какъ говорится, въ ударѣ и сыпалъ остротами и анекдотами эротическаго пошиба. Всѣ хохотали до упада, одинъ только Пушкинъ оставался невозмутимо серьезнымъ и не обращалъ, повидимому, никакого вниманія на разсказы князя. Вдругъ, въ самомъ разгарѣ какого-то развеселаго анекдотца, онъ прервалъ его вопросомъ:

— Скажи, пожалуйста, Дмитрій Алексѣевичъ, какой-ты совѣтникъ: коллежскій или статскій?

— Я статскій совѣтникъ, отвѣчалъ нѣсколько смущенный князь;—но зачѣмъ понадобилось тебѣ это знать?

— Затѣмъ, что отъ души желаю скорѣе видѣть тебя «дѣйствительнымъ» статскимъ совѣтникомъ, проговорилъ Александръ Сергѣевичъ, кусая губы чтобы не увлечься примѣромъ присутствовавшихъ, оглашавшихъ столовую дружнымъ смѣхомъ, починъ котораго былъ сдѣланъ княземъ Эристовымъ, со школьной скамьи освоившимся съ сарказмами своего дорогого однокашника и друга.

III.

Это было въ концѣ 1836 года, незадолго до праздниковъ Рождества Христова. Около восьми часовъ вечера обычные посѣтители четверговъ князя Дмитрія Алексѣевича Эристова были уже въ сборѣ: Константинъ Карловичъ Данзасъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ, Иванъ Ивановичъ Панаевъ, Сергѣй Алексѣевичъ Авдулинъ, Петръ Николаевичъ Звѣревъ, я и еще нѣсколько лицъ, мало или вовсе мнѣ неизвѣстныхъ. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ пріѣхалъ послѣ всѣхъ; онъ, видимо, былъ не въ своей тарелкѣ, казался озабоченнымъ, разстроеннымъ. Умѣстясь, по обыкновенію, на широкой отоманкѣ съ поджатыми подъ себя ногами, онъ обратился къ хозяину съ просьбою велѣть подать лафита, которому оказывалъ предпочтеніе предъ другими винами, называя его «классическимъ» напиткомъ. Желаніе его было немедленно исполнено; наливъ стаканъ, онъ залпомъ осушилъ его.

Разговоръ, всегда весьма оживленный, на этотъ разъ, какъ говорится, не клеился; даже неистощимое остроуміе и сообщительная веселость радушнаго хозяина не властны были измѣнить мрачное настроеніе духа маленькаго дружнаго общества. Всѣ мы подъ тревожнымъ впечатлѣніемъ ходившихъ тогда по городу слуховъ съ грустью глядѣли на Пушкина, нервныя подергиванья лица котораго краснорѣчиво свидѣтельствовали, что безысходное горе камнемъ легло ему на сердце. Помнится, Авдулинъ прервалъ молчанье разсказомъ объ испугѣ, испытанномъ имъ наканунѣ, вслѣдствіе необычайнаго стука въ пустой комнатѣ, смежной съ его дачнымъ кабинетомъ, гдѣ онъ, по порученію отца, повѣрялъ аптекарскіе счеты управляющаго. Испугъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ вызванъ весьма обыкновенною причиною: крыса сронила съ этажерки какую-то вещицу, а произведенный ея паденіемъ стукъ особенно громко огласился въ нежилой комнатѣ.

Потрунивъ надъ Авдулинымъ и его суевѣрнымъ страхомъ, всѣ снова стихли. Но вотъ Пушкинъ, проведя рукою въ своихъ черныхъ, какъ смоль, курчавыхъ волосахъ и окинувъ общество быстрымъ взглядомъ, заговорилъ:

— Не удивляюсь, что Сергѣй Алексѣевичъ струхнулъ не много; онъ слышалъ стукъ и, зная, что въ сосѣдней комнатѣ никто не живетъ, легко могъ составить себѣ представленіе о чемъ-либо необычайномъ, сверхъестественномъ. Разскажу случай, бывшій со мною, заранѣе сознаваясь, что ощущенный мною страхъ ничѣмъ не могъ и не можетъ быть оправданъ: я испугался не стука, не видѣнья, а живого существа, представшаго мнѣ въ многолюдномъ обществѣ, въ образѣ человѣческомъ и—въ мундирѣ кирасирскаго офицера! Скажите господа, развѣ это не нелѣпо?

Мы силились улыбаться.

— Да, я испугался кирасира, продолжалъ Пушкинъ, — каюсь въ моемъ тяжкомъ прегрѣшеніи, а все-же вотъ испугался! И замѣтьте: какъ до той минуты, такъ и послѣ, а прошло безъ чего-то или съ чѣмъ-то десять лѣтъ, я никогда, и ни предъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ не испытывалъ чувства страха. Вотъ какъ было дѣло:

Зимою 182* года, мнѣ нежданно-негаданно привелось побывать въ одномъ изъ нашихъ степныхъ губернскихъ городовъ. Тамъ я встрѣтилъ нѣкоего товарища по лицею, — ты, Данзасъ, его знаешь,—человѣка весьма состоятельнаго, страстно желавшаго сдѣлаться губернскимъ предводителемъ; а такъ какъ въ мой пріѣздъ происходили большие дворянскіе выборы, то онъ проживалъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ обладалъ прекраснымъ, просторнымъ домомъ. Онъ настоялъ, чтобы я перебрался изъ гостинницы къ нему, помѣстилъ меня очень удобно, окружилъ всевозможнымъ комфортомъ и кормилъ, какъ на убой...

На другой или на третій день по водвореніи моемъ у товарища, дворянство давало большой балъ. Меня поспѣшили представить утромъ того дня губернатору, а вечеромъ, волей-неволей, повезли въ собраніе. Я долго отговаривался тѣмъ, что никогда не былъ любителемъ танцевъ и замѣчательно не преуспѣвалъ въ изученіи таинствъ хореографическаго искуства: всѣ Вестрисы, Дютаки, Гольцы и другія балетныя знаменитости съ первыхъ-же преподанныхъ уроковъ отказывались обучать меня. «Поѣзжай хоть взглянуть на наше общество»,—говорилъ мой товарищъ,—и я поѣхалъ.

Войдя въ огромную, ярко освѣщенную залу и оставленный товарищемъ, незамедлившимъ пуститься въ погоню за губернскими тузами и вьюномъ увивавшимся около нихъ, — я умѣстился у одной изъ мраморныхъ колонъ, чтобы лучше всѣхъ видѣть... Прошло около часа времени; я не только не скучалъ, напротивъ, былъ даже доволенъ, что пріѣхалъ на балъ: я не былъ, по обыкновенію, предметомъ общаго, назойливаго любопытства и вниманія. Меня не оглядывали съ ногъ до головы, никто не проталкивался въ толпѣ, чтобы ближе взглянуть на диво дивное, словно съ неба свалившееся въ губернскую глушь; на меня даже не указывали пальцами!.. Къ тому-же, я случайно подмѣтилъ среди роскошныхъ губернскихъ дѣвъ, одно прелестное созданіе. почти ребенка, дѣвушку лѣтъ 17-ти, и жадно слѣдилъ за нею. То была въ полномъ смыслѣ слова красавица: движенія ея были полны граціи и непринужденности, т. е. не заучены передъ зеркаломъ, черты лица отличались замѣчательною правильностію, были тонки и нѣжны, во взглядѣ искрились умъ, ласкательность, дѣтская радость, увлеченье!.. Впечатлѣніе, произведенное на меня милою дѣвушкою, было самое отрадное: мнѣ казалось, что я давно ее знаю, что именно ея образъ постоянно являлся мнѣ въ моихъ грезахъ и вдохновлялъ меня!.. Словомъ, я былъ очарованъ ею, видѣлъ только ее и, посвящая ей всѣ свои мысли, совершенно забывалъ, гдѣ я... Замѣтила-ли она, что я неотступно слѣжу за нею, или по простой случайности, только взоры наши неоднократно встрѣчались и я явственно видѣлъ, какъ всякій разъ щечки ея покрывались яркимъ румянцемъ, а длинныя, густыя рѣсницы, точно черною вуалью опускались на ея большіе, синіе глаза. Въ то время я охотно соглашался съ Бальзакомъ, что женщины всегда инстинктивно угадываютъ, на кого онѣ производятъ впечатлѣніе, кому нравятся, и въ душѣ радовался, что восторгъ, возбужденный во мнѣ прелестною дѣвушкою, не былъ для нея тайной.

Вдругъ, притомъ въ самый разгаръ моего упоенія, когда я вращался въ заколдованномъ кругѣ фантастическихъ мечтаній, надъ самымъ моимъ ухомъ прогремѣлъ, выходившій какъ бы изъ пустой бочки, зычный голосъ:

— Танцуете вы слѣдующую кадриль?

Я задрожалъ какъ осиновый листъ; мнѣ стало невыносимо страшно, я чуть было не лишился чувствъ! Ноги мои дрожали и подкашивались и я непремѣнно грохнулся бы на полъ, еслибъ не опирался на колону. Едва переводя духъ и съ трудомъ поднявъ глаза, я увидѣлъ передъ собою гиганта въ образѣ кирасирскаго офицера. Въ жизнь мою мнѣ не доводилось встрѣчаться съ подобнымъ страшилищемъ: ростомъ онъ былъ чуть-ли не въ сажень, круглая голова его была болѣе самаго огромнаго астраханскаго арбуза, маленькіе оловянные глазки едва виднѣлись изъ-подъ нависшаго надъ ними лба, носъ буквально исчезалъ между мясистыми щеками, усѣянными веснушками, а ротъ, обрамленный толстыми, красными губами, простирался отъ одного уха до другого. Вся фигура этого чудовища была до страсти неуклюжа; руки-же представляли верхъ безобразія: непомѣрно длинныя, онѣ кончались ладонями невообразимой величины, способными прикрыть собою куполъ любой деревенской часовни...

Я словно остолбенѣлъ на нѣсколько секундъ и положительно не могъ собраться съ мыслями... Густой-ли басъ чудища, такъ грубо прервавшій мои сладкія грезы, неожиданное-ли его появленіе, или иное что, хотя бы въ родѣ «Знаменія лихой бѣды»—только я чувствовалъ, что нахожусь въ крайне неловкомъ, тяжеломъ положеніи, выйдти изъ котораго и притомъ съ честью было настоятельно необходимо: вѣдь онъ могъ замѣтить, что я струсилъ и возмечтавъ, что все ему съ рукъ сойдетъ, сдѣлать мнѣ какую-либо непріятность, или, пожалуй, чего добраго, оскорбить меня!.. Поэтому, порѣшивъ, что ни за что въ мірѣ не обнаружу своего глупаго, невольнаго страха, я, скрѣпя сердцемъ, отвѣчалъ ему, какъ только могъ громко:

— Танцую!

— Хотите быть моимъ vis-à-vis? вновь прогремѣлъ кирасиръ.

— Хочу! возразилъ я, напрягая всѣ силы.

— А есть-ли у васъ дама? продолжалъ онъ тѣмъ-же страшеннымъ басомъ.

— Еще нѣтъ, но будетъ! простоналъ я, чувствуя, что еще одно такое усиліе и горловыя жилы мои порвутся.

— То-то-же, рявкнулъ кирасиръ; затѣмъ повернувшись разомъ на обоихъ каблукахъ и ухарски звякнувъ большущими шпорами, зашагалъ по залѣ.

По удаленіи кирасира я немного успокоился и принялся размышлять о случившемся. Мнѣ было стыдно и совѣстно передъ собою за мой испугъ! Ну чего я струсилъ? Чего трясся, какъ въ лихорадкѣ? Положимъ, что кирасиръ дѣйствительно смахиваетъ на пугало, что видъ его грозенъ и суровъ, да мнѣ-то какое до этого дѣло? Что могъ мнѣ-то онъ сдѣлать и какая могла приключиться отъ него напасть? За чтобы онъ ни съ того, ни съ сего, вдругъ накинулся на меня и, конечно, раздавилъ какъ муху?.. Чушь чистѣйшая чушь, тѣмъ болѣе, что я не подалъ ему и малѣйшаго повода злобствовать и вобще глубоко сочувствую народной мудрости, гласящей: «удались отъ зла и сотвори благо!»

«Я Россъ незлобивый, покорный
«Передъ закономъ трепещу...
«Но избѣгая ссоры вздорной,
«Обиды кровной не прощу!
«Потомокъ негра Ганнибала,
«Ретивъ и скоръ на мщенье я,
«Не дрогнетъ лезвіемъ кинжала
«Сразить врага рука моя!»

Однако, какъ ни успокоительны были мои размышленія, страхъ не проходилъ окончательно... Я боязливо отыскивалъ глазами кирасира и слѣдилъ уже за нимъ, а не за прелестною дѣвушкою, поглощавшею все мое вниманіе до его неожиданнаго оклика и появленія. Я нервно вздрагивалъ, замѣчая, что онъ оборачивается въ мою сторону и дышалъ свободнѣе, когда онъ направлялся въ противоположную. Мысль, что кирасиръ снова выростетъ передъ мною, какъ грибъ изъ земли послѣ дождя, заставляла меня дрожать всѣмъ тѣломъ.

Раздался ритурнель кадрили... Съ ужасомъ вспомнивъ, что у меня еще нѣтъ дамы, я порывисто отскочилъ отъ колоны и опрометью бросился отыскивать даму. Послѣ двухъ, трехъ неудачныхъ приглашеній я обрѣлъ, наконецъ, желанную и поспѣшилъ занять съ нею мѣсто противъ кирасира. Какъ прошла кадриль, какъ я справился съ ея фигурами, почти вовсе мнѣ чуждыми, что говорилъ и говорила-ли даже съ моею дамою—рѣшительно не помню; я буквально былъ въ безсознательномъ положеніи и очнулся лишь по окончаніи ненавистнаго танца, увидѣвъ кирасира, протянувшаго мнѣ свою чудовищную лапу, въ которой рука моя не замедлила исчезнуть почти по локоть, протяжно произносившаго тѣмъ-же, хорошо знакомымъ мнѣ грубымъ голосомъ: «m-e-r-s-i!»

Оставаться долѣе на балѣ мнѣ было положительно не въ моготу... Тщательно избѣгая встрѣчи съ моимъ мучителемъ, я пробрался къ выходу и былъ таковъ!.. Но и вернувшись домой, я долго не могъ успокоиться: мнѣ слышался зычный гласъ кирасира, мерещилась уродливая, колосальная его фигура; я явственно видѣлъ его страшенную лапу, грозно поднятую надо мною! Только къ утру мнѣ удалось заснуть. Никто, конечно, не подозрѣвалъ случившагося; на спросъ-же моего хозяина, почему я такъ рано оставилъ балъ, я отвѣчалъ, что почувствовалъ себя нездоровымъ. Эта ложь подтверждалась моимъ усталымъ, страдальческимъ видомъ и мнѣ повѣрили.

Я уже сказалъ, что съ тѣхъ поръ прошло около десяти лѣтъ; кажется, можно-бы было забыть всю эту нелѣпую исторію, тѣмъ болѣе, что мнѣ нигдѣ не случалось встрѣчаться съ кирасиромъ? Такъ нѣтъ-же! Воспоминаніе о немъ, какъ тяжелый кошмаръ, то и дѣло встаетъ передо мною, всегда возбуждая чувство невольнаго страха и отвращенія. Въ послѣднее время онъ даже чаще мнѣ чудится и съ каждымъ разомъ видъ его становится грознѣе, нахальнѣе... Какъ хотите, а тутъ что-то неладное

кроется! Хотя я вовсе не суевѣренъ, однако въ голову мнѣ втемяшилось, что все случилось неспроста и мнѣ навѣрно придется жутко отъ какого-нибудь кирасира, если ужъ не отъ того именно, который такъ напугалъ меня на дворянскомъ балѣ.

Послѣдовало общее молчаніе... Всѣмъ намъ было крайне неловко, Пушкинъ-же былъ видимо взволнованъ и, по привычкѣ, безпрестанно проводилъ рукою въ волосахъ. Наконецъ, обращаясь къ хозяину, онъ сказалъ:

— Сегодня, милѣйшій и добрѣйшій князь, даже

«Твой класическій лафитъ
Сердцѣ мнѣ не веселитъ!»

Выпилъ я его, кажется, не мало, а все чортъ знаетъ какая дребедень въ голову лезетъ!.. Ужъ эти мнѣ проклятые кирасиры!.. Не къ добру я припомнилъ и разсказалъ вамъ мою глупую встрѣчу! Хотѣлъ начать «за здравіе», а свернулъ «за упокой!» Прощайте, господа...

Тутъ Александръ Сергѣевичъ быстро вскочилъ съ отоманки, сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ въ прихожую.

Съ того времени я уже болѣе не видѣлъ его...

— Пушкинскій капиталъ. Въ общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ внесено предложеніе объ образованіи при немъ особаго пушкинскаго неприкосновеннаго капитала, на проценты съ котораго будутъ преимущественно выдаваться пособія на изданіе замѣчательныхъ литературныхъ трудовъ. На образованіе этого капитала уже собрана между членами комитетовъ «литературнаго фонда» и «объ устройствѣ памятника Пушкина» нѣкоторая сумма.

Пожертвованія на образованіе этого капитала принимаются въ С.-Петербургѣ: въ конторахъ «Голоса», «Отечественныхъ Записокъ» (Бассейная, 2), «Вѣстника Европы» (Васильевскій остр., 2 линія, 7); въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій просп., 60), Я. И. Исакова (Гостиный дворъ), Н. И. Мамонтова и Н. Г. Мартынова (Невскій пр., 46); а въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» предлагаетъ свое содѣйствіе гг. подписчикамъ отъ которыхъ будетъ принимать и передавать по назначенію пожертвованія на это національное дѣло.

— Новое изданіе сочиненій Пушкина. Газеты собщали въ свое время, что извѣстный библіофилъ П. А. Ефремовъ,—обязательно предоставившій въ наше распоряженіе подлинное письмо Пушкина къ Гнѣдичу и стихотвореніе, отпечатанные на первой странице настоящаго нумера,—принялъ на себя редакцію новаго полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина. Теперь «Голосъ» передаетъ, что I и VI томы выйдутъ изъ печати и поступятъ въ продажу 24-го мая 1880 года; II, III, IV и V томы выйдутъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ.

— Интересное совпаденіе. Пушкинъ родился 26-го мая; лучшій изъ его критиковъ, Бѣлинскій умеръ 26 мая; Пушкинъ умеръ 27 января; другъ его, поэтъ Жуковскій родился 27 января.

— Депутація. Въ засѣданіи комитета литературнаго фонда 14-го мая между прочимъ постановлено избрать депутацію, которая отправится въ Москву ко дню открытія памятника Пушкину. Въ составъ этой депутаціи вошли: предсѣдатель «общества» В. П. Гаевскій, помощникъ предсѣдателя А. А. Краевскій и члены комитета: И. С. Тургеневъ, Д. В. Григоровичъ и А. А. Потѣхинъ.

— Празднества въ память Пушкина въ Москвѣ. Въ память Пушкина, московское общество любителей словесности намѣрено устроить слѣдующее: по утрамъ 27 и 28 произойдутъ два торжественныя засѣданія общества. Читать будутъ С. А. Юрьевъ, г. Гротъ, И. С. Тургеневъ, г. Достоевскій, И. С. Аксаковъ, А. Н. Островскій, Н. А. Чаевъ, А. Ф. Писемскій, а въ вечера этихъ дней будутъ даны художественно-драматическіе, музыкальные вечера, составленные изъ увертюръ оперъ, писанныхъ на сюжеты Пушкина и изъ романсовъ, писанныхъ лучшими композиторами къ стихотвореніямъ Пушкина. Приметъ въ этихъ вечерахъ участіе также г. Мельниковъ. Вечера устраиваются отъ «общества любителей россійской словесности» гг. Рубинштейномъ, Самаринымъ и Трутовскимъ. Живыя картины представятъ сцены изъ драмъ Пушкина и апофеозъ. При этомъ будетъ трехдневная выставка портретовъ Пушкина, писанныхъ знаменитыми художниками гг. Тропининымъ, Кипренскимъ и др., картинъ, писанныхъ на поэмы соч. Пушкина и изъ жизни самого Пушкина, гравюръ, виньетокъ въ старинныхъ изданіяхъ Пушкина, самихъ этихъ изданій, лубочныхъ даже картинъ на сюжеты стихотвореній Пушкина, множество рукописей Пушкина, которыхъ будетъ сундука два, писемъ Пушкина, собранныхъ отъ дѣтей его, друзей и его родныхъ; будутъ выставлены портреты знаменитаго араба, дѣда Пушкина, Осипа Абрамовича Ганибала, жены Пушкина 16-лѣтней, когда въ нее влюбился Пушкинъ, множество вещей, оставшихся послѣ Пушкина, бюсты и модели памятника Пушкина и т. д. Г. Гротъ будетъ читать въ засѣданіяхъ «общества любителей россійской словесности» о Пушкинѣ въ 1-е засѣданіе. Такъ какъ «общество» будетъ держать засѣданія свои въ залахъ дворянскаго собранія, то университетъ уже раздѣляется съ «обществомъ» и будетъ имѣть свое засѣданіе 26 мая въ стѣнахъ университета, тотчасъ послѣ церемоніи открытія на площади. Такимъ образомъ сложится слѣдующій порядокъ празднества: 25-го числа — чтеніе отчета Высочайше учрежденной коммисіею въ актовой залѣ университета. 26 числа,—открытіе памятника, засѣданіе въ университетѣ (читаютъ гг. Тихонравовъ, Стороженко и Ключевскій); обѣдъ въ залахъ дворянскаго собранія. 27-го утромъ, публичное засѣданіе «общества любителей россійской словесности», вечеромъ, драматическо-литературный вечеръ. 28-го утромъ—второе засѣданіе «общества»; вечеромъ — второй драматическо-музыкальный вечеръ.

Въ «Новое Время» телеграфируютъ изъ Москвы, что въ засѣданіи думы 13 мая постановлено: поддержать «общество любителей словесности» денежной субсидіей, принять на счетъ города депутаціи, которыя пріѣдутъ въ Москву по поводу открытія памятника Пушкина; избрать комиссію для соглашенія со всѣми учрежденіями, намѣревающимися праздновать день Пушкина, и самостоятельно выразить отъ города чествованіе свое.

— Выставка. На выставкѣ портретовъ и бюстовъ Пушкина и близкихъ къ нему лицъ, которую предполагается устроить во время торжественныхъ засѣданій въ «обществѣ любителей россійской словесности» будутъ помѣщены между прочими слѣдующія художественныя произведенія: Родной племянникъ великаго поэта Левъ Николаевичъ Павлищевъ имѣетъ въ своемъ владѣніи слѣдующіе портреты: 1) Второй подлинный портретъ кисти Кипренскаго (первый находится у сыновей). 2) Портретъ брата поэта Л. С. Пушкина, карандашемъ, работы Орловскаго. 3) Портретъ его-же, миніатюрный. 4) Портретъ матери поэта Надежды Осиповны Пушкиной, на слоновой кости, работы знаменитаго де-Мэстра. 5) Портретъ отца поэта С. Л. Пушкина. 6) Портретъ сестры поэта, покойной О. С. Павлищевой, сдѣланный карандашемъ и ея-же фотографическій портретъ.

— Литература въ Японіи. Успѣхъ развитія литературной дѣятельности въ Японіи принимаетъ необычайные размѣры, такъ, напр., въ отчетѣ за минувшій годъ значится: учреждено 236 новыхъ редакцій (за періодъ послѣдняго 15-лѣтія ихъ было всего 80). Книгъ и брошюръ вышло 5,317; изъ нихъ — научныхъ 543, политическихъ и юридическихъ 470, педагогическихъ 454, географій и путешествій 313, лексикографическихъ 280, историческихъ 225, арифметикъ и вообще математическихъ 107, богословскихъ 61, комерческихъ 46, химій популярныхъ и научныхъ 81 и 2,818 различныхъ брошюръ, театральныхъ пьесъ, нотъ и т. п. предметахъ. Сравнивая результаты просвѣщенія съ успѣхами до 1860 года, когда въ Японіи печатались только одни приказы и распоряженія, приходится изумляться той необычайной дѣятельности въ странѣ за послѣднее время.

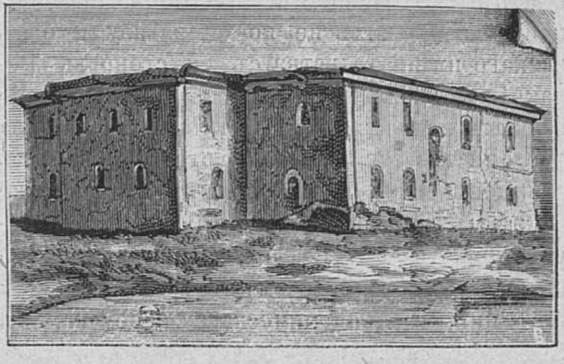
— Европейскія постройки въ Японіи. Стиль древне-японской архитектуры значительно измѣнился, въ особенности въ настоящее время. Въ большихъ постройкахъ уже не видно той причудливости внѣшнихъ украшеній, какими обыкновенно украшали свои дома японцы и ихъ ближайшіе сосѣди китайцы. Европейскія нововведенія въ архитектуру дошли до того, что микадо издалъ повелѣніе соорудить для него въ гор. Іеддо новый дворецъ по чисто европейскому образцу, въ которомъ онъ и будетъ имѣть свою главную резиденцію. На постройку асигновано около 5,000,000 руб.

— Новое изданіе. Вдова извѣстнаго композитора Клара Шуманъ предприняла роскошное изданіе оставшихся послѣ смерти ея мужа, еще неизвѣстныя его композиціи, съ полною его біографіею.

— Археологическія изысканія. Въ лондонское географическое общество доставлены чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о позднѣйшихъ раскопкахъ на Олимпѣ; между прочимъ найдено туловище съ хорошо сохранившеюся головою и правою рукою знаменитой нѣкогда мраморной статуи греческаго полубога Діониса.

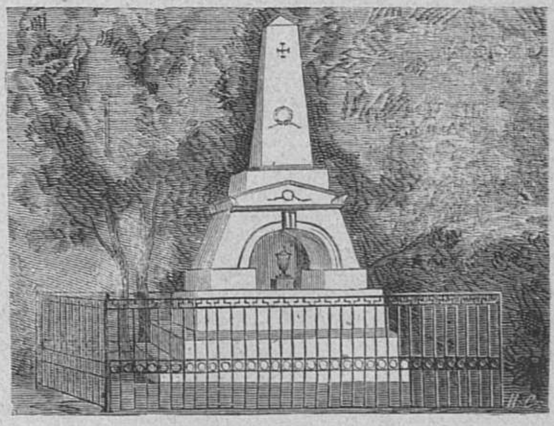
— Мануфактурная выставка. Въ Дюссельдорфѣ 9-го мая открыта выставка промышленности, въ которой принимаютъ участіе только нѣмецкія государства. Выставка своими размѣрами превосходитъ только-что окончившуюся австралійскую международную.

— Въ Кишиневѣ, въ Петербургѣ и въ Святогорскомъ монастырѣ. Скучна и однообразна была жизнь въ



Кишиневѣ, куда былъ высланъ Пушкинъ. Не особенно пригядно было и жилище, въ которомъ помѣщался великій поэтъ. Этотъ домъ напоминалъ скорѣе какую-то казарму или острогъ, чѣмъ жилое помѣщеніе. Онъ существовалъ еще въ 1859 году, когда и былъ зачерченъ въ альбомъ однимъ изъ художниковъ. Впервые рисунокъ этого дома, помѣщаемый нами здѣсь, былъ помѣщенъ въ «Русскомъ художественномъ листкѣ», издававшемся Тиммомъ.

Другой домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Петербургѣ, домъ кн. Волконскихъ на Мойкѣ, не былъ мѣстомъ ссылки поэта, но здѣсь поэту пришлось пережить самые тяжелые годы тѣхъ нравственныхъ страданій, которыя окончились роковой катастрофой. Здѣсь провелъ поэтъ послѣднее время своей жизни, здѣсь онъ мучился въ предсмертной агоніи, отсюда его увезли на вѣчный покой въ Святогорскій монастырь, гдѣ онъ и былъ похороненъ. Скромный памятникъ былъ поставленъ надъ могилой поэта, но и этотъ скромный памятникъ никто не думалъ и не думаетъ поддерживать. Теперь, какъ недавно писали въ газетахъ, онъ превратился чуть не въ развалины, сдѣлавшись притономъ летучихъ мышей: ни общество, ни монашествующая братія монастыря, ни родные поэта не сочли нужнымъ втеченіи сорока лѣтъ позаботиться о поддержаніи надгробнаго мавзолея надъ могилой самаго сильнаго изъ русскихъ поэтовъ...



ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Получивъ предложеніе г. Каррика объ уступкѣ для гг. подписчиковъ на «Живописное Обозрѣніе» по уменьшенной цѣнѣ фотографій съ картинъ русскихъ художниковъ, произведенныхъ въ его фотографическомъ заведеніи,—Редакція объявила о томъ гг. подписчикамъ, предлагая свое содѣйствіе въ высылкѣ этихъ фотогра-

фій. Этимъ и ограничивается участіе Редакціи. Она не брала и не могла на себя брать отвѣтственность за достоинство снимковъ, сдѣланныхъ не по ея заказу и безъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны. Редакція объявляетъ объ этомъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній. Отвѣтственность за достоинство исполненія фотографическихъ снимковъ несетъ г. Каррикъ. Редакція-же въ этомъ дѣлѣ является не болѣе, какъ комисіонеромъ. Фотографія г. Каррика помѣщается на Васильевскомъ островѣ, на углу 5-й линіи и Академическаго переулка, въ С.-Петербургѣ.

II. Случается иногда, что высылка требуемыхъ гг. подписчиками олеографическихъ картинъ замедляется. Это происходитъ оттого, что весь запасъ извѣстной картины вышелъ, а новой серіи не получено еще изъ-за границы.

III. Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, приславшихъ деньги на пересылку премій, заявили свои адреса на станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій и куда слѣдовательно преміи не могутъ быть отправлены застрахованной посылкой. Просимъ ихъ указать ближайшую почтовую контору, куда можно выслать посылку.

IV. За перемѣну адреса иногородняго на иногородній слѣдуетъ присылать 24 к. Иногородняго на городской до 1 іюля — 1 р., съ 1 іюля 50 к. Городскаго на иногородній до 1 іюля 85 к., съ 1 іюля — 48 к.

Цѣна первыхъ листовъ «Гигіены», выданныхъ въ 1878 году стоитъ 60 коп. съ пересылкою; цѣна всего I тома «Гигіены», выданнаго въ 1878 и 1879 годахъ, безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

Шахматный отдѣлъ.

С. Розенталь, пріѣхавшій въ Лондонъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля для матча съ Цукертортомъ, былъ встрѣченъ восторженными оваціями со стороны мѣстныхъ шахматистовъ,—оваціями, которыя ясно показываютъ до какой степени шахматный міръ интересуется состязаніемъ двухъ первоклассныхъ игроковъ. Банкетъ, устроенный для состязателей «шахматнымъ клубомъ Сити» (City of London Chess club) прошелъ въ безконечныхъ тостахъ. Самый матчъ уже начатъ, въ Сен-Джорджскомъ шахматномъ клубѣ, и намъ извѣстенъ результатъ пяти первыхъ партій: четыре были ничьи и одну (3-ю) выигралъ Цукертортъ.

Начавшійся 14 апрѣля матчъ между г. Чигоринымъ и г. Шифферсомъ (см. № 17 «Жив. Об.») оконченъ 9 мая; всего было сыграно 11 партій, изъ которыхъ 7 выигралъ г. Чигоринъ, 1—г. Шифферсъ и 3 было ничьихъ. Одну изъ партій этого матча даемъ въ настоящемъ нумерѣ.

ПАРТІЯ № 12.

Играна 16-го апрѣля 1880 г. въ петербургскомъ шахматномъ обществѣ. 2-я партія матча.

Дебютъ двухъ коней.

М. Чигоринъ. *Бѣлые*	Э. Шифферсъ. *Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. С f1—c4	3. К g8—f6
4. К f3—g5 *a*	4. d7—d5 !
5. e4 : d5	5. К c6—a5 !
6. С c4—b5 †	6. c7—c6
7. d5 : c6	7. b7 : c6
8. С b5—e2	8. h7—h6
9. К g5—f3	9. e5—e4
10. К f3—e5	10. Ф d8—c7 *b*
11. f2—f4 *c*	11. С f8—d6
12. d2—d4	12. 0—0 *d*
13. c2—c3 *e*	13. c6—c5
14. К b1—a3	14. Л a8—b8 *f*
15. К a3—b5	15. Л b8 : b5
16. С e2 : b5	16. c5 : d4
17. Ф d1 : d4 *g*	17. С d6—c5
18. Ф d4—a4	18. К f6—g4
19. К e5 : g4	19. С c8 : g4
20. С b5—e2	20. С g4—d7
21. Ф a4—c2	21. К a5—c6
22. Ф c2 : e4 *h*	22. Л f8 - e8
23. Ф e4—f3	23. К c6—a5 *i*
24. Кр e1—f1 !	24. С d7—c6
25. Ф f3—d3 *k*	25. С c6—e4
26. Ф d3—g3	26. Л e8—e6 *l*
27. f4—f5 *m*	27. С c5—d6
28. Ф g3—g4	28. h6—h5 *n*
29. Ф g4 : h5	29. Л e6—e5
30. Ф h5—h4	30. Ф c7—c6 ! *o*
31. Ф h4—d8 †	31. Л e5—e8
32. Ф d8—g5	32. Л e8—e5
33. Ф g5—d8 †	33. С d6—f8
34. Л h1—g1	34. К a5—b7
35. Ф d8—b8 !	35. К b7—d6
36 С c1—e3	36. Л e5—e8 *p*
37. Ф b8—b3 ? *q*	37. С e4—d5
38. c3—c4	38. К d6 : c4
39. Кр f1—f2	39. К c4 : e3
40. Ф b3—b5	40. С f8—c5
41. Л a1—c1	41. К e3—c4

Бѣлые сдались.

Примѣчанія къ партіи.

a) См. примѣчанія къ этому ходу и къ послѣдующимъ въ партіи № 2, помѣщенной въ № 46 «Ж. О.» за 1879 г.

b) Въ партіи № 2 было играно Ф d8 — d4. 10 ... Ф d8—c7 тоже очень хорошій ходъ; при немъ атака черныхъ еще даже сильнѣе.

c) Это лучше, чѣмъ 11. d2—d4, С f8—d6; 12. f2—f4; черные могутъ продолжать e4 : f3; 13. К e5 — f3, С c8 — g4 и выигрываютъ пѣшку, если бѣлые рокируютъ; а если 14. h2 — h3, то С d6—g3 † и партія бѣлыхъ будетъ очень плоха.

d) Здѣсь черные могутъ взять пѣшку на проходѣ: e4 : d3, но это было-бы слабѣе, въ виду слѣдующаго продолженія: 12 ... e4 : d3; 13. С e2 : d3 ! (при 13. К e5 : d3, бѣлые сохраняютъ пѣшку, но подвергнутся сильной атакѣ; игра-же ихъ стѣсняется), С d6 : e5; 14. Ф d1 — e2 !, 0—0; 15. f4 : e5, Л f8—e8; 16. 0—0, Л e8 : e5 (если Ф e5 :, то послѣ размѣна послѣдуетъ С c1 : h6); 17. Ф e2 — f2 — бѣлые получили лучшую партію; они угрожаютъ С c1 — f4, а также b2 — b4, К a5 — b7, а затѣмъ С c1 — b2, получая очень сильную атаку.

e) Можно здѣсь также рокировать; ходъ c2 — c3 необходимъ теперь или послѣ.

f) Черные играютъ такъ съ намѣреніемъ жертвовать качество для сохраненія атаки, если бѣлые пойдутъ конемъ на b5. Эта жертва, однако, очень рискованна; бѣлые имѣютъ средства къ достаточной защитѣ.

g) На 17. c3 : d4 черные играютъ Л f8 — e8 и если 18. 0 — 0, то С d6 — c5 и бѣлые имѣютъ опасное положеніе.

h) Если 22. b2 — b4 ?, то К c6 : b4; 23. c3 : b4, С c5 : b4 †; 24. Кр e1 — d1, Л f8 — d8; 25. С c1 — d2! (если 25. Ф c2 : c7, то С d7 — a4 †† и матъ), С d7 — a4; 26. Ф c2 : a4, Л d8 : d2 †; 27. Кр d1 — e1, Ф c7 — c3!; 28. Л a1 — b1, Ф c3 — e3; 29. Ф a4 — a6, Л d2: e2 †† и матъ въ слѣдующій ходъ.

i) Черные угрожаютъ С d7 — b5.

k) Бѣлые не пошли Ферземъ теперь-же на g3 потому, что они желали, чтобы черные сыграли Сл. на e4 и тѣмъ, хотя на время, замаскировать дѣйствіе ладьи.

l) Черные весьма энергично продолжаютъ атаку; они дѣлаютъ рядъ лучшихъ ходовъ, ставящихъ игру бѣлыхъ въ опасное положеніе.

m) Бѣлымъ лучше было избрать такое продолженіе: 27. С e2 — d3, Л e6 — g6; 28. С d3 : e4, Л g6 : g3; 29. h2 : g3 и партія ихъ была-бы сильнѣе: за ферзя—двѣ ладьи и двѣ пѣшки; развить свои фигуры было бы не трудно.

n) Лучшій ходъ; необходима жертва пѣшки, чтобы отвлечь ферзя; если теперь-же Л e6 — e5, то С c1 : h6. Продолженіе-же 28 ... С e4 : f5; 29. Ф g4 : f5, Л e6 — f6; 30. Ф f5 : f6, g7 : f6; 31. С c1 : h6 было бы крайне не выгодно для черныхъ.

o) Послѣ 30 ... Л e5 : f5 †; 31. Кр f1 — e1 атака черныхъ ослабѣла-бы, такъ какъ на 31 ... Л f5 — e5 послѣдовало-бы С c1 — f4.

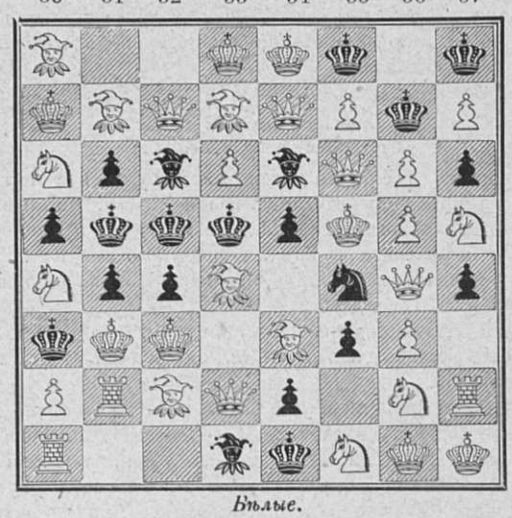
p) И здѣсь взятіе пѣшки f5 было хуже; вообще черные послѣ жертвы качества съ большею энергіею вели атаку и мало-мальски слабый ходъ бѣлыхъ рѣшилъ бы партію въ пользу черныхъ.

q) Грубая ошибка. Бѣлые отражали всѣ атаки до сихъ поръ очень хорошо и здѣсь единственный, очевидный ходъ былъ Ф b8 : a7, послѣ чего, какъ показалъ разборъ обоихъ игроковъ, черные хотя имѣютъ еще атаку 37 ... К d6 : f5; 38 . С e3 — f2, Ф c6 — e6; 39. Ф a7 — a6, С e4 — c6; 40. Ф a6 — d3 и затѣмъ g2 — g4, но уже перевѣсъ былъ на сторонѣ бѣлыхъ.

ЗАДАЧИ №№ 30—37.

Мартиндэля (въ Соедин. Штат.)

30 31 32 33 34 35 36 37



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Каждый рядъ фигуръ по линіямъ *a*, *b*, *c* и т. д., представляетъ отдѣльную задачу.

Рѣшенія задачъ:

№ 20. Веннберга (въ № 13.)

1. Ф c2—c1 / ∞ ; 2. Ф, К или Л ✕ смотря по ходу черныхъ.

Правильно рѣшили: *К. Сердешневъ, Н. Даржанъ, М. Кроль, В. Гориневскій, А. Корсбергъ, «Новгородецъ», С. Мееровичъ, В. Венна, В. Есиповъ, К Львовскій, Н. Петеръ, Э. Пертель, Н. Лобшицъ, Н. Пикачевъ, В. Коробановъ.*

№ 21. Шведе (въ № 14)

1. С g8—d5 / ; 2. Ф b2—h2, a3 или С d8—e7 ✕ смотря по ходу черныхъ.

Рѣшили: *К. Сердешневъ, «Новгородецъ», А. Су—ринъ, А. Сафоновъ, В. Гориневскій, Н. Даржанъ, А. Корсбергъ, С. Мееровичъ, Н. Пикачевъ, В. Венна, В. Есиповъ, Д-ръ Снитовскій, К. Львовскій, Н. Петеръ, Романовскій, Н. Лобшицъ, Э. Пертель, П. Ланевскій.*

№ 22. Барбе (въ № 14.)

1. a2—a3 ! / Кр e5—d6   2. Ф g4—f4 † / Кр d6—c5 (e7)   3. Ф f4—b4 (f8)

1. . . . / Кр e5—f6   2. Ф g4—f4 † / Кр f6—g6   3. С b3—f7 ✕

Правильно рѣшили: *«Новгородецъ», В. Гориневскій, Н. Даржанъ, А. Корсбергъ, Д-ръ Снитовскій, К. Львовскій, Романовскій, В. Эсиповъ, П. Ланевскій, Н. Пикачевъ.*

ОТВѢТЫ.

Выс—ову (Сергачь). Задачу (?) не помѣстимъ. Посудите сами: у черныхъ два слона (а не офицера, какъ вы ихъ именуете) на черныхъ клѣткахъ. Одинъ изъ нихъ какъ попалъ на h8, когда пѣшка черныхъ стоитъ на g7 ? Да, впрочемъ, допуская и эту несообразность, задача не рѣшается въ 2 хода.

Н. Л—иу (Лунна). Задача была бы очень слаба, если бы даже была и вѣрна; не рѣшается въ два хода.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 20-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 17 мая въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 19 мая въ 2 часа по полудни.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Стих. Открытіе памятника А. С. Пушкину.— А. С. Пушкинъ, біогр. очерк. ст. **С. С. Шашкова** — Пляски и танцы на Руси, истор.-біолог. очерки **Вл. Михневича.**—Изъ отдаленныхъ мѣстъ, повѣсть **М. А. Филипова.**— Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**— Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.

Рисунки: Факсимиле съ письма Пушкина.—А. С. Пушкинъ (въ дѣтствѣ).—Проектъ памятника Пушкину, скульптура **Пименова.**—Отъѣздъ на охоту, ориг. рис. **Петра Соколова.**—«Голова» (къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», Пушкина) рис. **И. Н. Крамского.**— Къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», рисун. **Его-же**— Проектъ памятника Пушкину, скульпт. **Забѣлло.**— Памятникъ Пушкину, скульптура **Опекушина.**— Три рис. въ Смѣси.

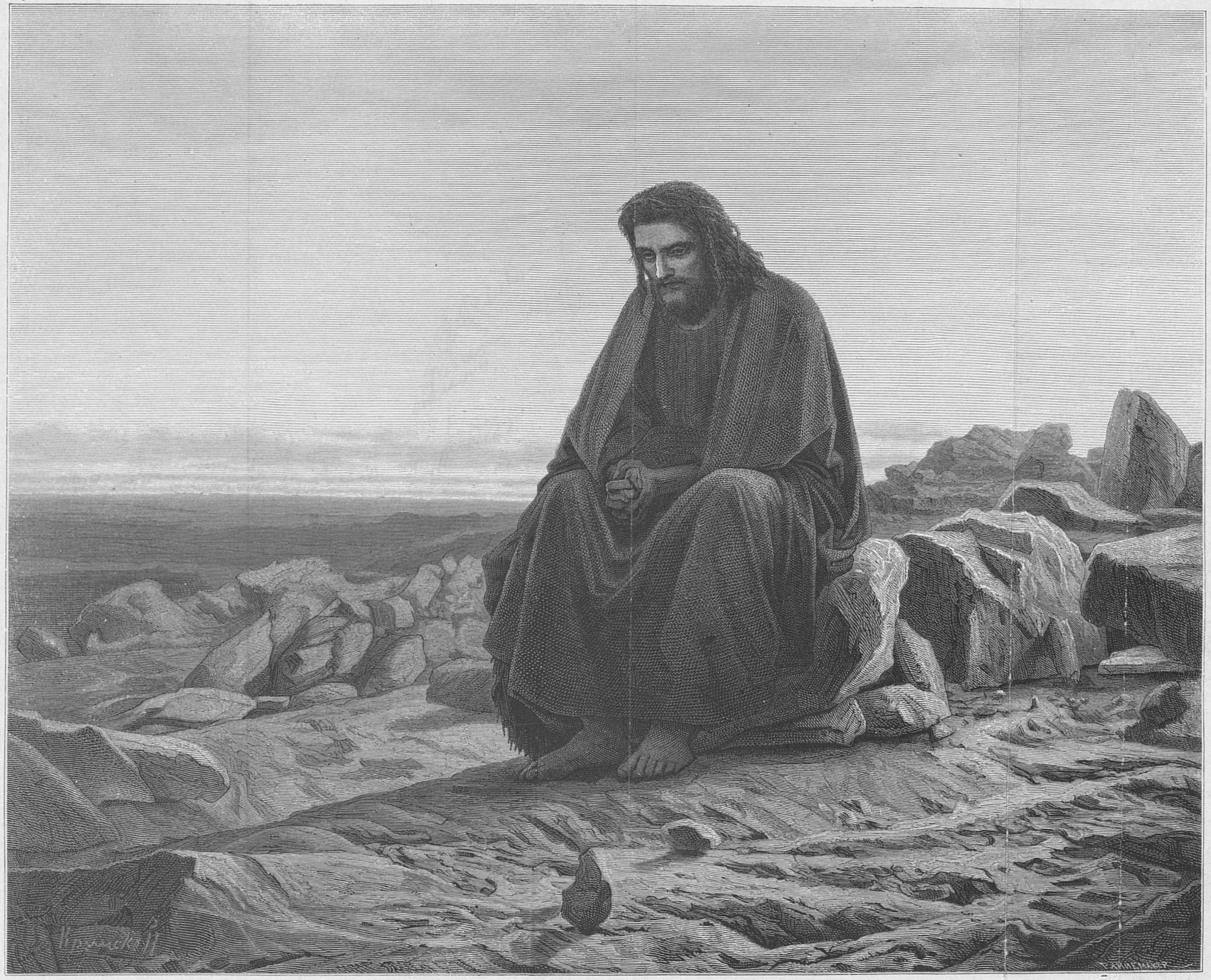
Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

При этомъ нумерѣ разсылается гг. подписчикамъ, кромѣ Петербурга и Москвы, объявленіе отъ книжной торговли **С. И. Леухина.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 мая 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ПРЕМІЯ КЪ ЖУРНАЛУ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. КАРТИНА И. Н. КРАМСКОГО.



ХРИСТОСЪ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Рѣзалъ на деревѣ **Паннемакеръ** въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 апрѣля 1880 г.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Томъ I. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. **Годъ VIII.**

№ 22. За годъ съ пер. и дост.—7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 к. за нумеръ. За полгода—4 руб. **31 Мая 1880 года.**

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

царь польскій, великій князь финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Богу Вседержителю, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Его святаго Промысла, угодно было ниспослать Намъ тяжкое испытаніе, поразившее Насъ и весь Домъ Нашъ безпредѣльною скорбію: въ 22-й день сего мая Любезнѣйшая Супруга Наша Императрица Марія Александровна скончалась послѣ продолжительной болѣзни, давно уже возбуждавшей тревожныя опасенія. Всѣ принятыя, по указаніямъ опытныхъ врачей, къ возстановленію Ея здоровья мѣры, все усердіе и нѣжныя попеченія окружающихъ, внушенныя горячею къ Ней любовію и живѣйшею преданностію, оказались, къ глубокой горести Нашей, безсильными противъ недуга, пресѣкшаго драгоцѣнную жизнь Ея, которую Она съ самоотверженіемъ, до самой кончины, неуклонно посвящала высокимъ обязанностямъ Своего земнаго призванія и подвигамъ христіанскаго милосердія.—Неустанная материнская заботливость въ Бозѣ почившей Императрицы о благѣ многочисленныхъ питомицъ, въ непосредственномъ Ея вѣдѣніи состоявшихъ воспитательныхъ учрежденій; Ея сердобольное участіе къ жертвамъ минувшей войны и ихъ семействамъ, не ограниченное предѣлами отечества, но простиравшееся и на отдаленныхъ единовѣрцевъ,—Мы твердо уповаемъ,—навсегда запечатлѣются въ благодарной памяти Ею облагодѣтельствованныхъ и достойно оцѣнятся Всеблагимъ Праведнымъ Судіею въ другомъ лучшемъ мірѣ.

Въ семъ убѣжденіи находя единственное для Себя утѣшеніе и благоговѣйно преклоняясь предъ опредѣленіемъ Всевышняго, призываемъ любезныхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ вознести, вмѣстѣ съ Нами, сердечныя искреннія молитвы къ Отцу Небесному объ упокоеніи чистой души Усопшей въ горнихъ обителяхъ вѣчнаго блаженства.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 22-й день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восьмидесятое, Царствованія-же Нашего въ двадцать шестое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

---

21 № былъ уже отпечатанъ, когда опубликовано было извѣстіе о горестной потерѣ, понесенной Императорской Фамиліей. Государыня Императрица Марія Александровна опочила въ Бозѣ 22 мая въ 8 часу покойно, безъ агоніи. Болѣзнь опочившей Императрицы продолжалась нѣсколько лѣтъ и лѣченіе ея професоромъ Боткинымъ составитъ одну изъ самыхъ видныхъ страницъ въ исторіи медицины.

Покойная императрица была дочерью великаго герцога гессенъ-дармштадтскаго Людвига II. Она родилась 27 іюля 1824 года. Съ 16 апрѣля 1841 года она стала Государыней Великой Княгиней Цесаревной. Съ самаго дня прибытія Ея въ Россію имя Ея было связано съ женскимъ образованіемъ въ странѣ и со многими благотворительными заведеніями. Вначалѣ она помогала Своей Августѣйшей Свекрови, а со вступленія на престолъ нынѣ царствующаго Императора приняла на себя главное руководительство дѣломъ женскаго образованія и благотворенія.

Въ настоящее царствованіе особенное развитіе и совершенно новую постановку получили женскія среднія учебныя заведенія. Исключительность и недостаточность прежняго институтскаго закрытаго воспитанія уничтожены. Правильное женское образованіе получило еще болѣе широкое развитіе и правильную опору, благодаря открытію женскихъ гимназій. Въ одномъ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи съ 1858 года, втеченіи 15 лѣтъ, такихъ гимназій открыто 32. Сверхъ того по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія уже къ 1878 г. женскихъ гимназій и равныхъ съ ними по курсу учебныхъ заведеній числилось 75 и прогимназій 159, съ 37,972 ученицами.

Не говоря уже о многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, находившихся подъ покровительствомъ покойной императрицы, укажемъ на созданное ею общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, носящее названіе «Красный Крестъ»,—общество, оказавшее незамѣнимыя услуги въ послѣднюю турецкую войну.

Изъ Тардье.

Стих. В. Немировича-Данченко.

Сіяютъ мнѣ твои глаза,
Но если ихъ затмитъ слеза
Еще привѣтнѣй и милѣй
Ихъ грустный свѣтъ душѣ моей...
Такъ неба темнаго луна
Чиста, покойна и ясна,
Но мнѣ милѣе изъ-за тучъ
Ея печальный, кроткій лучъ

О, не стыдись при мнѣ рыдать,
Больному сердцу волю дать,
Когда тоска въ душѣ твоей,
Не улыбайся, не краснѣй...
Понятна мнѣ твоя печаль!
Тебѣ прошедшаго не жаль,
Оно пришло, ушло грозой,
Отважно встрѣченной тобой...
Не жаль тебѣ далекихъ грезъ,
Былой любви, пролитыхъ слезъ,
И приговоръ чужихъ людей
Не омрачилъ души твоей.
Ты не устала для любви,
Мятежно страсть кипитъ въ крови,
Ты ищешь счастья, но въ отвѣтъ
Тебѣ въ грядущемъ счастья нѣтъ!

Повсюду ложь и клевета
Смыкаютъ сердце и уста...
Нельзя отважно маску снять,
Душѣ и мысли волю дать...
Тоскуешь ты затѣмъ, что вновь
Должна таить свою любовь...
Такъ ландыши въ глуши лѣсной
Таятся, чудные, порой...

Ихъ знаетъ только темный лѣсъ,
Имъ недоступна ширь небесъ...
Никѣмъ невѣдомы, одни
Отъ свѣта прячутся они...
Сіяютъ мнѣ твои глаза,
Но если ихъ затмитъ слеза,
Еще привѣтнѣй и милѣй
Ихъ кроткій лучъ душѣ моей!..

Изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Повѣсть **А. М. Филипова.**

(*Продолженіе*)

Глава IV.

Пробужденье льва.

На другой день, часовъ въ восемь утра, я вышелъ изъ своей комнаты и направился въ кухню, чтобы умыться. Къ удивленію моему, я увидѣлъ, что замокъ снятъ съ кухонныхъ дверей. Я вошелъ туда. Кухарка ставила самоваръ. Зиновья мыла дѣтское бѣлье. Я думалъ, что кухарка освободила Зиновью изъ подъ ареста; но это не могло случится, потому что я заперъ всѣ двери передней и балкона на задвижки. Впослѣдствіи я узналъ, что Анна Петровна, услышавъ стукъ въ дверь балкона, встала съ кровати и открыла ее; но страннымъ ей показалось одно: кто могъ запереть снаружи дверь кухни. Зиновья, само собою разумѣется, показалась при этомъ удивленною; кухарка-же приписывала дѣло «нечистому», такъ какъ де домъ старый да въ немъ давно не было ни окропленія святой водой, ни молебна. Когда я вошелъ въ кухню, Зиновья нагло на меня взглянула и продолжала стирку бѣлья. Я взялъ кружку воды и сталъ мыться.

Кухарка въ это время вышла.

— Ты съ любовникомъ своимъ хотѣла убить меня, произнесъ я сквозь зубы.

Зиновья молчала.

— Это подло, низко, продолжалъ я.— Ты польстилась на мой сундукъ, въ которомъ денегъ всего пятьдесятъ рублей. И ради этихъ денегъ ты хотѣла извести душу...

— Зачѣмъ-же вы хвастали, что у васъ сотни тысячъ.

— Да хоть бы и сотни тысячъ... Но такъ измѣннически назначать свиданье, чтобы выдать потомъ разбойникамъ... Но я огрѣлъ твоего любовника: будетъ онъ меня помнить.

— Глядите, чтобы онъ не отплатилъ вамъ...

— Я дамъ знать въ полицію о вчерашней ночи и его сошлютъ.

— Смѣйте только: я разскажу барину, какъ вы всю ночь просидѣли у барыни.

Въ свою очередь я замолчалъ.

— Такъ я самъ расправлюсь съ твоимъ Грицко. Я догадываюсь: это крѣпостной Федора Моисѣевича.

Сказавъ это, я удалился.

Въ десять часовъ я пошелъ въ лицей. Экзаменаторы всѣ ужь были на лицо. Экзаменующихся было много и экзаменъ мой окончился благополучно, но не такъ скоро: часовъ около четырехъ. Я возвратился радостный домой.

Первая встрѣтила меня Анна Петровна и, дружески пожавъ мнѣ руку, поздравила отъ всего сердца. Семенъ Григорьевичъ встрѣтилъ меня холодно и за обѣдомъ говорилъ мнѣ колкости, въ видѣ любезностей.

— Вѣроятно, Зиновья ему что-нибудь шепнула, подумалъ я и махнулъ рукой: — пускай сердится, продолжалъ я думать,—посердится и пересердится. На сердитыхъ коняхъ воду возятъ.

Послѣ обѣда мнѣ принесли гимназическое платье: тогда носили двухбортные сюртуки съ красными воротниками и съ металическими желтыми пуговицами, на которыхъ были губернскіе гербы. Мундиры-же, т. е. фраки, были съ петлицей на воротникахъ. Я почувствовалъ себя рѣшительно военнымъ въ этомъ платьѣ. Открывъ свой сундукъ, я вынулъ оттуда одноствольный маленькій пистолетъ, зарядилъ его пулей и положилъ къ себѣ въ карманъ. Про запасъ я взялъ въ карманъ еще одинъ зарядъ.

— Куда ты идешь? спросилъ Семенъ Григорьевичъ, встрѣтивъ меня на дворѣ.

— Пройдтись, процѣдилъ я сквозь зубы.

— Показать свой новый мундиръ; ну, а я спать пойду...

Онъ зѣвнувъ на весь дворъ. Выйдя изъ дому, я прямо пошелъ къ Федору Моисѣевичу.

Его я засталъ въ томъ-же магазинѣ, гдѣ въ прошлый разъ онъ меня принялъ. Онъ обрадовался моему приходу, сталъ подчивать бесарабскимъ полыннымъ. Хотя медленно, но разсказывалъ онъ безъ умолку и о кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ онъ воспитывался, и о походахъ своихъ и вдругъ перешелъ къ тому, что подлаго Грицко взяли ночью разбитаго на улицѣ и привели къ нему.

— Гдѣ-же онъ теперь? спросилъ я лихорадочно.

— Лежитъ въ саду подъ грушею: сильно побитъ.

— Интересно посмотрѣть эту личность,— сказалъ я.—Кстати со мною пистолетъ. Я его зарядилъ на дорогу, а у Семена Григорьевича боялся разрядить его; шомпола у меня нѣтъ, нужно выстрѣлить... Позволите-ли выстрѣлить въ вашемъ саду?

— Можете, только не подстрѣлите Грицко.

— Кстати и его я увижу.

Я пошелъ въ ту часть двора, гдѣ виднѣлась высокая, старая груша. Подъ грушей, дѣйствительно, кто-то лежалъ. Когда я подошолъ къ дереву, лежавшій подъ нею человѣкъ полуприподнялся. Это былъ блѣдный, исхудалый, измученный еще очень молодой парень. Въ глазахъ его виднѣлся какой-то странный свѣтъ: не то злоба, не то страданье, а что-то такое, что производитъ на васъ непріятное впечатлѣніе.

Съ удивленіемъ онъ поглядѣлъ на меня, потомъ явно смутился. Съ минуту мы глядѣли другъ на друга молча. Прервалъ молчаніе я:

— Тебѣ не удалось вчера совершить преступленье, убійца!

Онъ молчалъ.

— Ты жестоко наказанъ; но этого мало.

Я вынулъ изъ кармана пистолетъ.

— Поклянись, продолжалъ я,—что ты сегодня или завтра совсѣмъ уйдешь изъ Одессы. Если не дашь сейчасъ клятвы, я пущу тебѣ пулю въ лобъ.

Я навелъ на него пистолетъ.

— Клятвы не дамъ, сказалъ онъ мрачно.

— Не дашь клятвы, гляди.

Я поставилъ въ пятнадцати шагахъ сучекъ и выстрѣлилъ въ него: сучекъ разбила пуля.

Снова я зарядилъ запаснымъ зарядомъ пистолетъ и навелъ его снова на Грицко.

— Вы не шутите?

— Какъ вчера не шутилъ, когда огрѣлъ тебя тростью и гонялся за тобой по двору... Я рѣшителенъ, не мѣшкай.

— Клянусь, пробормоталъ онъ.

— Сними крестъ съ шеи, поклянись на немъ и поцѣлуй его!

Онъ вынулъ было крестъ, хотѣлъ поцѣловать его, но вдругъ пріостановился, спряталъ его на груди и, закрывъ глаза, сказалъ:

— Стрѣляйте...

— Буду стрѣлять, громко и рѣшительно произнесъ я.

— Стрѣляйте...

Я опустилъ пистолетъ.

— Почему ты не хочешь поклясться?

— Не исполню слова...

— Почему не исполнишь?

— Злобу сорвать на васъ хочу: выздоровлю — убью васъ... Стрѣляйте... Божусь — убью васъ...

Я положилъ пистолетъ въ карманъ и подсѣлъ къ нему.

— Открой глаза, Грицко. Дай руку: ты честный и храбрый человѣкъ...

Я взялъ его за руку и пожалъ ее. Онъ открылъ глаза и странно взглянулъ на меня.

— Какъ... вы и барину моему ничего не скажете?

— Никому на свѣтѣ...

Онъ приподнялся съ мѣста и сдѣлалъ мнѣ поклонъ до земли.

— Теперь я поцѣлую крестъ: завтра-же меня не будетъ въ Одессѣ... онъ вынулъ быстро крестъ изъ запазухи и поцѣловалъ.

— Напрасно... Оставайся въ городѣ, пробормоталъ я...

— Нѣтъ: цѣловалъ крестъ, теперь, нельзя: слово надо держать.

Я поднялся съ мѣста, досталъ изъ кармана деньги и подалъ ему пять рублей.

— Это тебѣ на дорогу..

Онъ отвелъ мою руку и сказалъ:

— Вамъ самимъ пригодится. Я чернорабочій, работу вездѣ найду: косить, молотить— что угодно.

— Такъ прощай...

— Счастливо оставаться... полегчаетъ и уйду...

Съ грустнымъ чувствомъ я ушелъ отъ него и, попростившись съ Федоромъ Моисѣевичемъ, отправился домой. Дома я засталъ Анну Петровну одну. Семенъ Григорьевичъ куда-то ушелъ; дѣти рѣзвились на дворѣ. Анна Петровна сидѣла у себя въ спальнѣ и что-то шила. Я вошелъ къ ней. Она оставила шитье. Придвинувъ маленькую скамеечку къ ея ногамъ, я присѣлъ на нее и взялъ Анну Петровну за руку. Она тихо отняла ее и положила ее ко мнѣ на голову.

— Ты, Ваня, такой-же ласковый, какъ былъ въ дѣтствѣ. Помню, что ты и ребенкомъ просиживалъ долго у моихъ ногъ и все цѣловалъ мои руки... Дѣти чувствуютъ, кто ихъ любитъ...

— Я васъ очень любилъ, но теперь, кажется, больше...

Страстно я поцѣловалъ ея руку. Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Отчего, спросилъ я,—вы сожалѣли, что я у васъ остановился?

— Чтобы ты не видѣлъ моей жизни; притомъ мой самодуръ ревнивъ, но есть еще одна причина...

Она замолчала.

— Какая? Не стѣсняйтесь...

— Я—лунатикъ...

Я вскочилъ съ мѣста.

— Вы лунатикъ, Анна Петровна? Я—негодяй, достойный быть выгнаннымъ изъ дому...

— За что? Успокойся, садись...

— Нѣтъ, не сяду; у ногъ вашихъ буду молить о прощеніи...

Я сталъ на колѣни. Она сдѣлалась тревожна: яркій румянецъ покрылъ ея щеки.

— Вы знаете, я былъ вчера ночью въ вашей спальнѣ...

— Ничего не знаю...

— Я былъ...

— Постой... мнѣ снился сонъ: разбойники... ты гнался по двору за однимъ... Ничего больше не помню...

— Я былъ...

— Постой... еще вспомнила... ты ласкалъ меня такъ горячо... горячо...

— Это не былъ сонъ, а дѣйствительность...

— Дѣйствительность... что ты говоришь... въ умѣ-ли ты... дѣйствительность...

Я цѣловалъ ея руки и молилъ о прощеніи; въ это время за моей спиной послышался голосъ Семена Григорьевича:

— Мерзавецъ, негодяй... кричалъ онъ, неистово топая ногами,—вонъ изъ моего дома.

Я приподнялся съ полу, взглянулъ на него съ ненавистью и съ угрожающимъ видомъ и удалился. Полчаса спустя, я уже переѣхалъ въ гостинницу.

Сердце мое разрывалось на части, голова была въ огнѣ, весь я былъ въ лихорадкѣ. Все, что случилось со мною за это короткое время, казалось мнѣ сномъ и бредомъ. Вечеромъ тогоже дня, пользуясь темнотою ночи, я пошелъ къ дому Анны Петровны. Ставни въ немъ были закрыты; тамъ было тихо и мертво.

На другой день я пытался проходить днемъ мимо оконъ Анны Петровны; но не смотря на часовую мою прогулку по панели, я никого не увидѣлъ въ окнѣ.

Однакожь эти прогулки я долженъ былъ прекратить: у меня начались въ гимназіи лекціи и въ то время были утреннія и послѣобѣденныя занятія. Нужно было учиться и работать.

Такъ прошло около трехъ мѣсяцевъ. Настала зима и мои прогулки около дому Анны Петровны сдѣлались еще затруднительнѣе, такъ какъ панели на этой улицѣ были невообразимо грязны.

Однажды въ воскресный день былъ небольшой морозъ. Я воспользовался этимъ и пошелъ утромъ, часовъ въ десять, къ драгоцѣнному для меня домику, разсчитывая, что, быть можетъ, Анна Петровна выйдетъ въ соборъ къ обѣднѣ.

Но подойдя къ нему, я былъ пораженъ: у воротъ его стояли похоронныя дроги и тамъ толпился народъ. И я подошелъ туда:

— Кого хоронятъ? спросилъ я съ замирающимъ сердцемъ.

— Барыню, отвѣчала какая-то женщина.

Не успѣла она это произнести, какъ послышалось пѣніе пѣвчихъ и показался гробъ. Гробъ, по введенному обычаю, былъ открытъ и я узналъ Анну Петровну.

Что со мною сдѣлалось, не могу выразить: какъ я шелъ за гробомъ, какъ его опустили въ могилу и какъ засыпали ее, все это мнѣ чудится нынче, какъ сонъ. Пришелъ я въ сознаніе, когда уже никого не было на кладбищѣ: я сталъ на свѣжей могильной насыпи на колѣни, припалъ къ землѣ и горько, горько зарыдалъ. Въ это время я услышалъ за собою шорохъ. Я оглянулся—за мною стоялъ на колѣняхъ Саша и, припавъ лицомъ къ землѣ, тоже сильно плакалъ.

Вставъ на ноги, я тихо пошелъ съ кладбища. Саша послѣдовалъ за мною.

Догнавъ меня, онъ спросилъ:

— Знаешь-ли ты причину смерти моей тети?

— Нѣтъ, не знаю...

— Она еще пятаго дня была здорова...

Я остановился.

— Пойдемъ, сказалъ я,—по бульвару. Меня сильно интересуетъ все, что касается покойницы.

Не смотря на то, что онъ сильно заикался, по сущности его разсказа заключалась въ слѣдующемъ:

Съ недѣлю передъ тѣмъ онъ замѣтилъ, что дядя его все перешептывается съ отцомъ его, при чемъ упоминается имя тети, мое имя и говорится о какой-то ночи. Онъ ничего не понималъ и при томъ разговоръ велся такъ таинственно, что онъ не могъ уловить его сути.

Но въ среду дядя зашелъ къ отцу его въ то время, когда отправлялся на службу и, не замѣчая его присутствія, произнесъ:

— Ну, братъ, она обѣщалась сегодня вечеромъ навѣстить тебя: я сказалъ, что ты болѣнъ.

— Мы и расправимся съ нею, отвѣчалъ мой отецъ и глаза его злобно засвѣтились.

— Посмотримъ, подумалъ я,—какъ вы расправитесь съ нею... не дамъ тети въ обиду. Весь день я думалъ, какъ подать ей помощь. Самое благоразумное было-бы ее предупредить; но это оказалось невозможнымъ. Грицко и мать его скрылись и отецъ нанялъ стараго инвалида, который едва двигалъ ногами: поэтому онъ меня не отпускалъ отъ себя и заставлялъ себѣ прислуживать. Но это самое и дало мнѣ возможность кое-что приготовить къ вечеру для защиты тети. Вечеромъ, часовъ въ восемь, постучались въ воротахъ. Я хотѣлъ было побѣжать отворить калиточку; но отецъ запретилъ мнѣ и послалъ солдата. Анна Петровна вошла въ магазинъ съ дядей и освѣдомилась о здоровьи моего отца. Онъ сталъ жаловаться на боль подъ ложечкой и тутъ-же вручилъ сторожу письмо, которое тотъ долженъ былъ отнести по назначенію. Меня онъ заставилъ идти закрыть за сторожемъ калитку и затѣмъ, по его приказанію, я долженъ былъ идти во флигель и тамъ ждать, пока онъ не позоветъ меня. Сторожа я выпроводилъ, но приказанія отца не исполнилъ: хотя я вошелъ во флигель, но только для того, чтобы взять оттуда спрятанный мною тамъ въ шкафѣ отцовскій пистолетъ, который былъ у него всегда заряженъ. Съ этимъ оружіемъ я тихо подкрался къ магазину и сѣлъ у порога дверей. Въ магазинѣ спорили: дядя обвинялъ тетю въ измѣнѣ, вспоминалъ снова твое имя и какую-то ночь... говорилъ, что онъ съ нею не живетъ больше года, а между тѣмъ она въ такомъ подозрительномъ положеніи... Тетка клялась, что она невинна и чиста... Но созналась, что она, дѣйствительно, чувствуетъ себя въ такомъ положеніи, какъ они говорятъ. Тогда оба: и дядя и отецъ мой напали на Анну Петровну. Дядя схватилъ ее за волосы, а отецъ стегалъ ее плеткой. Тетя ни однимъ звукомъ не обнаружила боли и страданія. Кровь прихлынула мнѣ въ голову, виски застучали, сердце сжалось, я бросился какъ безумный въ магазинъ, толкнулъ отца такъ сильно кулакомъ въ грудь, что онъ отлетѣлъ далеко въ сторону; потомъ однимъ скачкомъ я очутился близъ дяди и такъ сильно ударилъ его пистолетомъ по рукѣ, что тотъ выпустилъ изъ руки косу тети...

— Мерзавцы... не смѣть трогаться съ мѣста, заревѣлъ я,—или тому смерть...

Я поднялъ съ угрожающимъ видомъ пистолетъ и сталъ наводить его то на отца, то на дядю.

Они стояли, какъ пораженные громомъ. Когда тетя высвободилась изъ рукъ дяди, она вскочила и побѣжала къ выходу. Я послѣдовалъ за нею. Она, какъ безумная промчалась чрезъ дворъ, отворила калитку и исчезла на улицѣ. Нѣсколько минутъ я прослѣдовалъ за нею; потомъ тихо вернулся во флигель, зажегъ свѣчу, раздѣлся и легъ спать, положивъ пистолетъ рядомъ съ собою.

Долго я не могъ заснуть: все прислушивался къ тому, что дѣлается на дворѣ. Но вотъ дядя мой ушелъ: объ этомъ я заключилъ по голосамъ, слышавшимся на дворѣ. Дверь магазина тоже тяжело скрипнула на своихъ петляхъ: значитъ, отецъ легъ спать.

Я успокоился и заснулъ.

Когда я утромъ проснулся, пистолета не было на моей кровати. Я вскочилъ и началъ одѣваться. Въ это время въ комнату мою появился отецъ мой со сторожемъ. Они бросились на меня и связали мнѣ руки. Сопротивленіе было безполезно: они повлекли меня къ погребу и бросили туда. Тамъ они держали меня на хлѣбѣ и водѣ до сегодняшняго утра. Часа за полтора предъ этимъ я услышалъ, что кто-то отворяетъ дверь подвала. Я подумалъ, что это сторожъ несетъ мнѣ хлѣбъ и воду. Но къ удивленію моему въ погребъ вошелъ Грицко.

— Ты откуда взялся? спросилъ я.

— Меня поймали, какъ безпаспортнаго бродягу въ Тирасполѣ и переслали сюда... Здѣсь меня баринъ призналъ своимъ крѣпостнымъ и велѣлъ высѣчь... въ полиціи меня высѣкли и привезли сюда...

— Кто-же далъ тебѣ ключи въ погребъ: они были у отца моего.

— Самъ взялъ...

— Какъ самъ взялъ?

— Онъ лежитъ теперь, задравши ноги...

— Я тебя не понимаю...

— Баринъ сильно захворалъ: держится за животикъ и оретъ благимъ матомъ... Выходите изъ погреба... ступайте на похороны къ тетѣ: она Богу душу отдала и у дома уже стоятъ дроги... когда вернетесь, быть можетъ, отцу вашему будетъ легче...

Я такъ и побѣжалъ къ тетѣ; но похоронная процесія уже ушла на кладбище... я и пришелъ туда...

Разсказъ этотъ встревожилъ меня.

— Я пойду съ тобою къ отцу твоему, сказалъ я послѣ нѣкотораго раздумья.

— Тѣмъ лучше, возразилъ онъ. — Ты защитишь меня, когда онъ вздумаетъ меня бить...

Я быстро пошелъ и мы скоро были въ домѣ Федора Моисеевича. Послѣдняго я засталъ почти безъ сознанія: но по симптомамъ я ясно увидѣлъ, что онъ отравленъ мышьякомъ, такъ какъ годъ предъ тѣмъ я видѣлъ у себя такую-же больную дѣвушку, которая отравилась изъ ревности къ своему любовнику.

Я вышелъ изъ магазина и сталъ звать Грицко. Тотъ пришелъ на мой зовъ.

— Твой баринъ отравленъ, сказалъ я.

Онъ молчалъ.

— Ты отравилъ его?

— Я.

— Зачѣмъ ты его отравилъ?

— Сторожъ сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ отправить Сашу въ смирительный домъ: мнѣ обидно стало.

— Если ты успѣешь спастись, то это будетъ твое счастье: я дамъ сейчасъ знать полиціи о случившемся.

Я пошелъ ускоренными шагами къ воротамъ, сѣлъ на перваго извощика и поѣхалъ въ полицію.

Тамъ я передалъ о случившемся дежурному квартальному надзирателю. Онъ послалъ за городовымъ врачемъ и самъ немедленно-же, взявъ городового, поѣхалъ къ Федору Моисеевичу.

Послѣ тщательнаго розыска Грицко нигдѣ не оказался. Федоръ Моисеевичъ въ тотъ-же день умеръ; надъ Сашей назначили опеку. Я-же занялся наукой; но Анна Петровна глубоко и сильно запала въ мое сердце: каждый праздникъ и воскресный день я посѣщалъ ея могилу и, не смотря на то, что въ Одессѣ въ то время трудно было доставать свѣжіе цвѣты, но я доставалъ ихъ и украшалъ ими стоявшій на ней скромный деревянный крестъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Иванъ Николаевичъ Крамской.

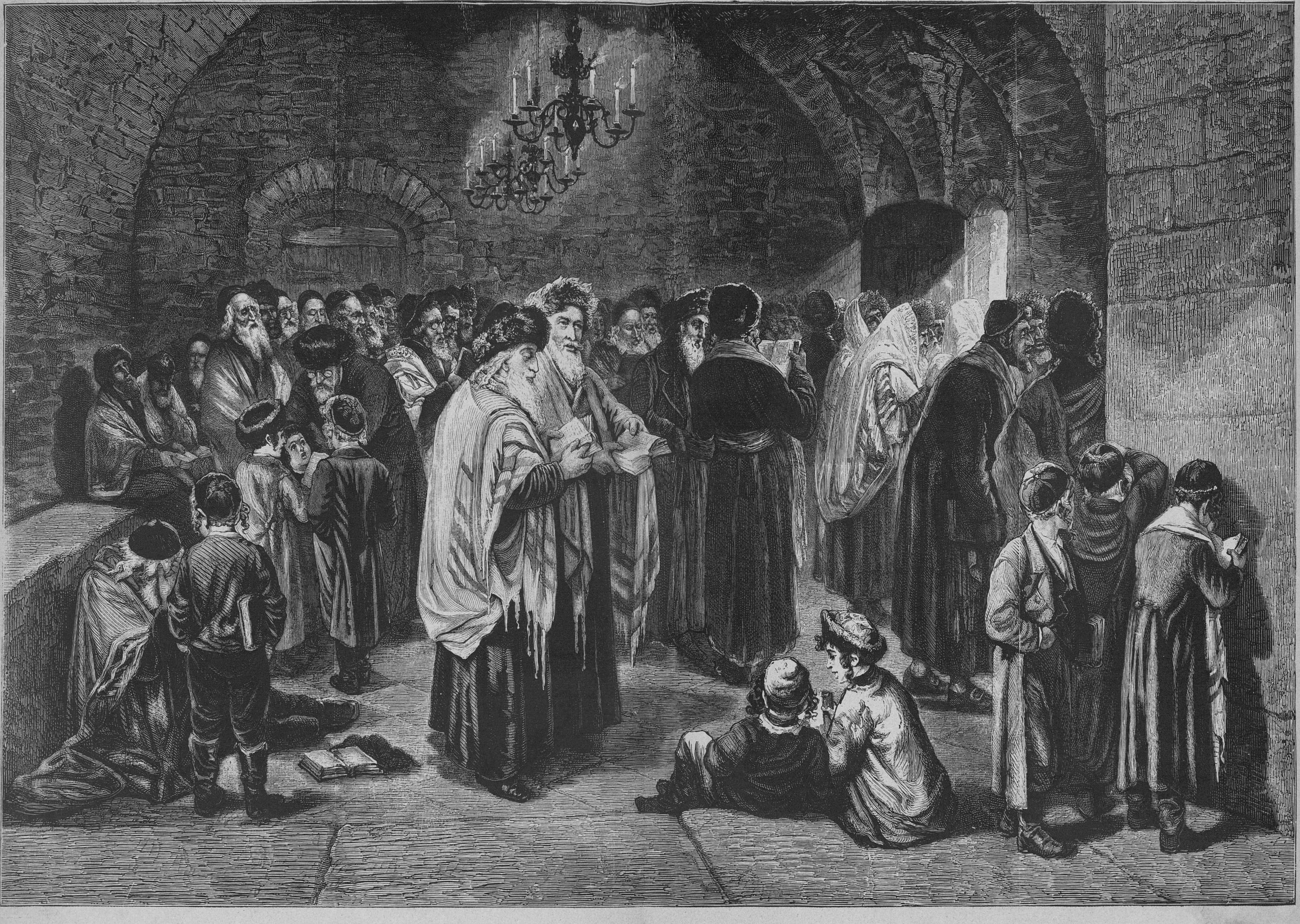
Диллетанта.

По странной случайности и вслѣдствіе нѣкоторыхъ, еще мало извѣстныхъ и трудно опредѣляемыхъ условій нашей общественной жизни, большинство нашего художественнаго персонала выходитъ изъ бѣдныхъ сословій; дворянство и высшій класъ почти совершенно не выдѣляютъ изъ себя художественныхъ элементовъ. Иванъ Николаевичъ Крамской въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Родился онъ 27 мая 1837 года, въ воронежской губерніи, въ уѣздномъ городѣ Острогожскѣ, въ пригородной слободѣ Новой Сотнѣ, отъ родителей, принадлежавшихъ къ мѣстному мѣщанству. Отецъ нашего художника служилъ въ городской мѣстной думѣ чѣмъ-то въ родѣ журналиста; дѣдъ художника былъ, такъ-называемымъ, войсковымъ жителемъ и служилъ тоже какимъ-то писаремъ въ Украйнѣ. Весьма понятно, что при подобной, чрезвычайно бѣдной обстановкѣ, при зависимомъ и подчиненномъ положеніи семьи, при отсутствіи прочнаго общественнаго положенія, при низкомъ уровнѣ умственныхъ потребностей, развивающихся только при извѣстномъ достаткѣ,—условія, въ которыя былъ поставленъ мальчикъ, были крайне неблагопріятны для правильнаго и нормальнаго развитія его способностей въ какомъ-бы то ни было направленіи. При подобныхъ обстоятельствахъ, когда окружающая жизнь является, такъ сказать, задерживающимъ элементомъ и идетъ на перекоръ потребностямъ натуры,—часть духовныхъ силъ обыкновенно уходитъ на борьбу съ окружающимъ. Свободное и нормальное теченіе развитія, само собой разумѣется, немыслимо; оно можетъ совершаться только скачками, порывами при богатыхъ природныхъ задаткахъ. Подобный ходъ развитія не можетъ, конечно, не отразиться впослѣдствіи.

Отецъ Ивана Николаевича Крамского былъ человѣкъ суровый и имѣлъ тяжелый характеръ. Когда мальчикъ началъ подростать, его отдали сперва въ ученье къ грамотному сосѣду, а потомъ въ острогожское уѣздное училище, гдѣ онъ и окончилъ курсъ съ разными отличіями и похвальными листами, первымъ ученикомъ, какъ говорится въ атестатѣ. Ему не было еще и двѣнадцати лѣтъ, какъ отецъ его умеръ. Мать, разсудившая, что мальчикъ еще слишкомъ малъ, чтобы быть поддержкой семьи, оставила его еще на одинъ годъ въ старшемъ класѣ училища. На слѣдующій годъ ему выдали тотъ-же атестатъ,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА А. ШЁНА.



Евреи на молитвѣ.

Гѣвано на деревѣ въ Барселонѣ.

съ тѣми-же отмѣтками, только съ перемѣною года. Этимъ, собственно, и закончилось школьное образованіе И. Н. Крамского. Правда, онъ мечталъ попасть въ воронежскую гимназію, но это его желаніе не могло осуществиться: для поступленія въ гимназію и для продолженія образованія были необходимы денежныя средства, а ихъ-то именно и не было. Такимъ образомъ, для житейской необходимости, которая безвозвратно губитъ столько богато-одаренныхъ натуръ, пришлось пожертвовать жаждой знанія. Эта жертва, конечно, принесена была не безъ внутренней борьбы, но Иванъ Николаевичъ уже въ юности отличался практическимъ тактомъ и поэтому легко сообразилъ, что то, что «съ воза упало»—не пропало. Вслѣдствіе этого, онъ остался въ уѣздномъ городѣ и принялся за писаніе и переписку безъ жалованья на первый разъ, въ той-же городской думѣ, гдѣ служилъ его отецъ и гдѣ теперь мѣсто его отца занялъ его старшій братъ. Далѣе мы встрѣчаемъ юношу служащимъ у посредника по полюбовному межеванію и пребывающимъ вплоть до шестнадцати лѣтъ въ томъ-же уѣздномъ городѣ.

Условія, внутреннія и внѣшнія, при которыхъ пробуждаются художественные инстинкты, образующіе впослѣдствіи особенный цѣльный душевный міръ и овладѣвающіе всецѣло нравственнымъ существомъ человѣка, — тайна, далеко еще не разгаданная нашими психологами. Они такъ многочисленны и разнообразны, что даже указаніе на нихъ нисколько не уясняетъ вопроса и не освѣщаетъ тайны. Эти инстинкты, точно богиня Минерва, выступающая во всеоружіи изъ головы Юпитера. Когда мы ихъ замѣчаемъ, они уже совершенно оформлены и возникли совершенно непонятнымъ для насъ образомъ. Такъ случилось и съ И. Н. Крамскимъ; что возбудило въ мальчикѣ эти художественные инстинкты—мы не знаемъ, не знаетъ, по всей вѣроятности, и самъ художникъ. Несомнѣнно, однакожь, что мальчикъ очень рано полюбилъ природу, именно съ ея, такъ сказать, художественной стороны; рѣчки, левады, рощи, переливы свѣта, — все это охватывало ребенка какимъ-то непонятнымъ ему восторгомъ. Пробуждался, если можно такъ выразиться, поэтическій лиризмъ. Къ тому-же присоединились случайно и другія впечатлѣнія дѣтства, дѣйствовавшія въ томъ-же направленіи; такъ, напр., онъ очень любилъ слушать по ночамъ игру на флейтѣ въ саду сосѣда Крупченко. Немало также интересовала его живопись кладбищенской церкви въ Острогожскѣ, еще екатерининскаго времени Картины эти принадлежали какому-то, нынѣ совершенно забытому, художнику Величковскому. Эти художественныя произведенія прошлаго вѣка—не Богъ вѣсть что, но и не суздальщина. По выходѣ изъ училища, молодой Крамской приставалъ къ роднымъ, главнымъ образомъ къ брату, чтобы его отдали къ живописцу учиться, только не къ одному изъ тѣхъ, которые были въ городѣ. Родные не соглашались, говоря, что живописцы ходятъ безъ сапогъ и «неужели-же онъ хочетъ быть похожъ на Петра Агѣевича?» (живописецъ въ Острогожскѣ, ходившій на базаръ въ опоркахъ и халатѣ). На этотъ аргументъ мальчикъ возражалъ, что есть такіе живописцы, о благополучіи которыхъ въ Острогожскѣ и не подозрѣваютъ! Онъ уже въ это время слышалъ кое-что о Брюловѣ. Тѣмъ не менѣе, намекъ на Брюлова не производилъ надлежащаго дѣйствія: родные по прежнему продолжали съ пренебреженіемъ относиться къ художественной карьерѣ. Какъ-бы то ни было, но уже съ семилѣтняго возраста мальчикъ сталъ лѣпить изъ глины казаковъ, а потомъ, по выходѣ изъ училища, прилежно копировалъ всякую нравящуюся ему картину, попадавшуюся ему на глаза, хотя въ училищѣ по части рисованія онъ вовсе не отличался, такъ какъ школьнаго рисованія вовсе не понималъ. Старшій братъ его былъ въ то время учителемъ въ приготовительныхъ класахъ училища; онъ тогда только-что приготовился и выдержалъ экзаменъ въ Воронежѣ; онъ-то и носилъ изъ училищной библіотеки много книгъ и журналовъ, къ чтенію которыхъ молодой Крамской очень пристрастился, но тѣмъ не менѣе не охладѣлъ въ своей любви къ искуству. Долго между нимъ и родными шли споры на этотъ счетъ; наконецъ, когда ему было около пятнадцати лѣтъ, мать отвела его пѣшкомъ въ Воронежъ и отдала къ лучшему тамъ иконописцу на шесть лѣтъ въ ученье; иконописецъ согласился съ тѣмъ, однакожь, условіемъ, что когда обнаружатся въ мальчикѣ способности къ живописи, то заключитъ контрактъ. У него мальчикъ пробылъ, однакожь, не болѣе трехъ мѣсяцевъ, растирая краски, нося ему обѣды на другой конецъ города въ кладбищенскую церковь, которую онъ тогда расписывалъ. Осенью, будущій художникъ, вмѣстѣ съ подмастерьями, долженъ былъ таскать изъ рѣки бочки для разныхъ соленій и поднимать ихъ на высокую гору. Само собой разумѣется, что молодому Крамскому такое художественное образованіе не особенно нравилось. Онъ, наконецъ, возмутился и въ письмѣ просилъ мать взять его отъ иконописца, такъ какъ его не учатъ. Когда мать явилась, то живописецъ требовалъ, чтобы былъ заключенъ контрактъ; но дѣло кое-какъ уладилось, живописецъ съ ругательствами отпустилъ мальчика... Онъ опять возвратился въ родной городъ.

Когда юношѣ минуло шестнадцать лѣтъ, ему представился случай уѣхать изъ уѣзднаго города. Въ то время, по случаю собравшихся здѣсь войскъ и происходившихъ тутъ ученій, въ городъ пріѣхалъ одинъ херсонскій фотографъ. Ему понадобился ретушеръ и вотъ нашъ юный рисовальщикъ-самоучка поступаетъ къ фотографу и объѣзжаетъ съ нимъ большую половину Россіи втеченіи трехъ лѣтъ, въ качествѣ ретушора и акварелиста. Конечно, эта была суровая школа, но она-то именно и дала окончательный толчокъ его художественному развитію. Ретушевка и раскрашиваніе были, такъ сказать, подготовительнымъ періодомъ его художественнаго образованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пополнялъ и свое умственное образованіе. Онъ много работалъ для фотографа, но много работалъ также и для себя, съ жадностью читая все, о чемъ только могъ услышать, какъ о стоющемъ чтенія. Жажда знанія была очень сильна въ юношѣ и если онъ кому-нибудь завидовалъ, такъ это людямъ дѣйствительно образованнымъ. Былъ въ его жизни періодъ, когда онъ, успѣвшій уже прочесть многое, чувствовалъ чуть не страхъ передъ каждымъ университетскимъ студентомъ, какъ передъ какимъ-то носителемъ всяческой премудрости.

Таковы были дѣтство, отрочество и юность И. Н. Крамского. Онъ былъ всѣмъ обязанъ самому себѣ и только себѣ: онъ учился и жилъ всегда только на то, что могъ заработать. Никогда ни отъ кого, ни отъ отца, ни отъ брата, ни отъ матери, ни отъ какихъ-нибудь благодѣтелей онъ не получалъ ни гроша; служилъ онъ сначала за 2 рубля 50 копѣекъ въ мѣсяцъ; на заработанный рубль уѣхалъ изъ Острогожска къ фотографу въ Харьковъ, а въ 1857 году мы уже видѣли его въ Петербургѣ, ученикомъ академіи художествъ. Въ 1863 году за картину «Моисей источаетъ воду изъ камня» онъ получилъ вторую золотую медаль; онъ имѣлъ, благодаря этому обстоятельству, право ѣхать на казенный счетъ заграницу, но вдругъ, совершенно неожиданно, онъ отказывается отъ исполненія програмы, предложенной для соисканія первой золотой медали и выходитъ съ нѣсколькими товарищами, въ числѣ четырнадцати человѣкъ, изъ академіи.

Дѣло въ томъ, что молодой Крамской и большинство его товарищей были жанристами, между тѣмъ на первую золотую медаль была задана картина на историческую тему. Не желая работать на подобную тему, ученики вошли въ совѣтъ съ прошеніемъ приблизительно слѣдующаго содержанія: «въ виду того, что совѣтъ академіи дѣлаетъ какъ бы первый шагъ къ свободѣ выбора сюжетовъ; въ виду того, что мѣра эта принимается въ видѣ опыта къ предстоящему столѣтію академіи; въ виду, наконецъ, того, что конкурировать на большую золотую медаль отнынѣ полагается только однажды и только одному изъ насъ достанется золотая медаль, дающая право поѣздки заграницу, — мы просили бы совѣтъ дозволить намъ, хотя бы тоже въ видѣ опыта, полную свободу выбора сюжетовъ, такъ какъ по нашему мнѣнію, только такой путь испытанія, какъ менѣе ошибочный, и можетъ доказать, кто изъ насъ наиболѣе талантливъ...» На прошеніе отвѣта не послѣдовало. Тогда они выбрали изъ своей среды депутацію для личныхъ объясненій съ членами совѣта. Вотъ какъ самъ И. Н. Крамской разсказываетъ объ этомъ событіи («Судьбы русскаго искуства», № 646 «Новаго Времени») «Приходимъ къ одному, имѣвшему репутацію звѣря. Принимаетъ полуБольной, лежа на огромной постели. Излагаемъ. Выслушалъ. «Не согласенъ, говоритъ, и никогда не соглашусь: конкурсы должны быть—они необходимы, и я вамъ теперь-же заявлю, что я не согласенъ и буду говорить противъ этого...» Затѣмъ прибавилъ: «Если бы это случилось прежде, то васъ бы всѣхъ въ солдаты. Прощайте». Вышли. Думаемъ: это, по крайней мѣрѣ, прямо и мы знаемъ, въ чемъ дѣло. Пришли къ другому, предлагавшему дать намъ кресла въ совѣтѣ; излагаемъ опять; въ отвѣтъ получаемъ: «Вы говорите глупости и ничего не понимаете, я и разсуждать съ вами не хочу». Тутъ тоже ясно. Пошли къ третьему, горячему и талантливому скульптору. Слышимъ: «Нигдѣ въ Европѣ этого нѣтъ, во всѣхъ академіяхъ конкурсы существуютъ, другого способа для экзамена Европа не выработала, да, наконецъ, и неудобно; какъ вы станете экзаменовать разнородныя вещи? Нѣтъ, этого нельзя!» Ушли; показалось неубѣдительно. Стоимъ, раздумываемъ; однако, самаго важнаго и вліятельнаго приберегли подъ конецъ. Приходимъ, принимаетъ, проситъ въ кабинетъ, даже сажаетъ! Мы по порядку начинаемъ опять свою пѣсню снова. Онъ соглашается; говоритъ, что все сказанное нами принимаетъ близко къ сердцу и сдѣлаетъ все возможное. Намъ какъ будто стало поспокойнѣе. Не помню, въ какихъ именно выраженіяхъ, но только слышимъ, потекла тихая рѣчь, нѣсколько внушительная, правда, по осторожная, на такую тему: «что академія призвана развивать искуство высшаго порядка, что слишкомъ много уже вторгается низменныхъ элементовъ въ искуство, что историческая живопись все больше и больше падаетъ, что...» Въ это время одинъ изъ депутатовъ, Песковъ, талантливый жанристъ, къ сожалѣнію, давно умершій, почуявъ порицаніе, хотя и косвенное, своей святыни, такъ сказать, не вытерпѣлъ: «Да что-же, говоритъ, по вашему, Федоръ Антоновичъ,—развѣ уже жанристы и не художники?..» (Пауза). Я пробую поправить дѣло и сказалъ что-то въ родѣ того, что художники, дескать, того высшаго порядка, о которомъ вы изволите говорить, вообще слишкомъ рѣдки, что если и есть въ настоящее время, то они пойдутъ добровольно и сознательно по тому пути, на который вы указываете, что мы, наконецъ, просимъ принять мѣры, по нашему мнѣнію, обезпечивающія

только справедливость...» и, чувствуя необходитость кончить объясненіе, мы встали. Професоръ насъ провожаетъ и такъ это хорошо говоритъ намъ на прощаніе: «что онъ вполнѣ понимаетъ наше положеніе (еще бы! да мы-то его не понимали), что онъ сочувствуетъ намъ, что онъ самъ на нашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое и что, потому, онъ обѣщаетъ сдѣлать все отъ него зависящее». Хлопоты депутаціи не привели, однакожь, ни къ какому результату. Конкурсъ былъ назначенъ. Тогда всѣ четырнадцать человѣкъ, протестовавшихъ, подали прошенія объ освобожденіи ихъ отъ участья въ конкурсѣ и о выдачѣ имъ дипломовъ на званіе художниковъ. «Когда всѣ прошенія были уже отданы, заключаетъ свое повѣствованіе г. Крамской, мы вышли изъ правленія, затѣмъ и изъ стѣнъ академіи, я почувствовалъ себя наконецъ на этой страшной свободѣ, къ которой мы всѣ такъ жадно стремились. Дальше вспоминать нечего. Началась дѣйствительность, а не фантазіи...»

«Страшная» дѣйствительность, однакожь, не была особенно жестока для И. Н. Крамского. Онъ вскорѣ завоевалъ себѣ положеніе и извѣстность. Несомнѣнный и значительный талантъ, жизненный опытъ, практическій тактъ, знаніе людей облегчили ему путь къ этой извѣстности и сдѣлали его однимъ изъ выдающихся нашихъ художниковъ. И. Н. Крамской, по преимуществу, портретистъ, благодаря, если можно такъ выразиться, нѣкоторой вялости его художественнаго воображенія, но портретистъ первокласный, придающій необыкновенную жизненность и индивидуальность всякому портрету, выходящему изъ подъ его кисти. По временамъ, онъ настоящій реальный поэтъ въ портретѣ и эта особенность отличаетъ его отъ всѣхъ нашихъ портретистовъ. Не перечисляя всѣхъ его портретовъ (списокъ, къ тому-же безполезный, оказался бы слишкомъ длиннымъ), укажу на одинъ изъ нихъ, необыкновенно удачный, могущій считаться образцомъ портретной живописи. Это—портретъ Д. В. Григоровича, нашего извѣстнаго белетриста. Удивительная мягкость тоновъ, необыкновенное сходство, пріятная манера,—только техническія особенности, всегда присущія таланту г. Крамского. Но отличительная черта портрета заключается въ извѣстной позѣ фигуры, въ приподнятой рукѣ, держащей лорнетку, въ головѣ, нѣсколько откинутой назадъ, въ оживленіи лица. Глядя на это необыкновенно живое лицо, точно кажется, что оно сейчасъ заговоритъ...

Вообще, изученіе человѣческаго лица въ самыхъ мелкихъ и быстро преходящихъ психическихъ движеніяхъ, отражающихся въ немъ,—вотъ, какъ мнѣ кажется, специальность, совершенно поглотившая г. Крамского, специальность, въ которой онъ, по временамъ, достигаетъ изумительной глубины. Я-бы, однакожь, затруднился причислить г. Крамского къ одному изъ двухъ лагерей, на которые раздѣлилась современная европейская живопись: къ реалистамъ или къ идеалистамъ. Эти наименованія, совершенно законныя и понятныя въ Европѣ, у насъ приложимы только въ весьма рѣдкихъ исключеніяхъ: русская живопись еще не оформилась въ рѣзкоопредѣленныя направленія, въ ней еще не выработались школы, имѣющія свое прошедшее и свои традиціи. Г. Крамской — несомнѣнно реалистъ въ точномъ воспроизведеніи типа, въ характерномъ и живомъ изображеніи индивидуальности, но въ свое произведеніе онъ всегда вноситъ нѣчто, совершенно личное, ему лишь одному принадлежащее, вноситъ свою индивидуальность и въ этомъ отношеніи онъ — идеалистъ. Это замѣтно въ его портретахъ, но еще рѣзче выступаетъ въ его картинахъ; укажу для примѣра на его «Созерцателя», на «Христа въ пустынѣ» и на послѣднюю его картину, носящую названіе «Ночью». Здѣсь вы видите передъ собой уже настоящаго художника-психолога, по временамъ, чрезвычайно глубоко проникающаго въ тайны духовной жизни человѣка. Въ особенности «Созерцатель» (снимокъ съ котораго былъ помѣщенъ въ «Живописномъ Обозрѣніи») обнаруживаетъ это психологическое направленіе г. Крамского. Къ тому-же роду психологическихъ этюдовъ, къ которымъ принадлежитъ «Созерцатель», можно отнести и «Мельника». Какъ въ одной, такъ и въ другой картинѣ, г. Крамской обнаруживаетъ значительный талантъ въ передачѣ типичности и выраженія. Въ этомъ отношеніи русская живопись едва-ли представляетъ соперника г. Крамскому. Въ подобнаго рода произведеніяхъ, г. Крамской въ одно и тоже время и психологъ, и народникъ; народные типы онъ передаетъ съ замѣчательнымъ совершенствомъ, изучая въ лицѣ всѣ тѣ наслоенія жизни, если можно такъ выразиться, которые изрыли это лицо морщинами и наложили на него печать страданій. Въ «Христѣ» это психологическое направленіе, какъ мнѣ кажется, уже нѣсколько утрировано: въ этой видимой заботѣ выразить съ особенной рельефностью «невыразимое»; г. Крамской принужденъ былъ пожертвовать до извѣстной степени живописностью и такимъ образомъ вышелъ за предѣлы своего искуства. Въ послѣдней картинѣ «Ночью» И. Н. Крамской оставляетъ это психологическое направленіе, но за то прибѣгаетъ къ нѣкоторой изысканности колорита, что производитъ впечатлѣніе какъ-бы нѣкоторой манерности, впрочемъ, чрезвычайно пріятной. То-же колебаніе мы замѣчаемъ и въ портретахъ: послѣдніе портреты г. Крамского, гораздо болѣе совершенные въ техническомъ отношеніи,—болѣе пріятны по тонамъ и манерѣ, но въ нихъ замѣчается менѣе художественной правды. Въ фантастическомъ родѣ у г. Крамского мало картинъ, но онѣ исполнены самой чарующей поэзіи. Къ подобнаго рода сюжетамъ принадлежитъ, напр., „Майская ночь“, на сюжетъ изъ Гоголя. Трудно себѣ представить удачнѣе и поэтичнѣе илюстрацій къ повѣсти Гоголя. Ночной пейзажъ въ фонѣ картины, чуть-чуть освѣщенныя деревья, окружающія какое то строеніе, вода внизу и цѣлая толпа фантастическихъ русалокъ, освѣщенныхъ луной,—вся эта нѣсколько волшебная и фантастическая обстановка чрезвычайно удачно и въ тоже время смѣло передаетъ народныя повѣрья, въ которыхъ такъ много поэзіи. Изъ этого я считаю себя вправѣ заключить, что г. Крамской еще не вполнѣ выразился, какъ художникъ: онъ еще ищетъ и пробуетъ, но уже и то, что онъ сдѣлалъ, даетъ намъ право заключить, что въ г. Крамскомъ мы имѣемъ одного изъ первокласныхъ художниковъ...

Литературные и драматическіе очерки.

Ст. **Эмиля Золя**

III.

Реализмъ Флабера *).

Я только что перечелъ еще разъ «Сантиментальное воспитаніе», появившееся недавно новымъ изданіемъ. Это чтеніе возбудило во мнѣ цѣлый рой мыслей. Я не знаю болѣе интереснаго литературнаго явленія, какъ «Сантиментальное воспитаніе», которое встрѣтило такой странный пріемъ въ публикѣ и производитъ на меня и на многихъ другихъ очень сильное вліяніе.

Прежде всего я долженъ сознаться, что пишу эти строчки подъ впечатлѣніемъ моихъ чувствъ; это не столько критика, сколько вѣрный анализъ того, что я ощущаю какъ читатель. Всякій разъ, когда я сознаю необходимость, а это бываетъ часто, почитать Флебера, я прямо беру «Сантиментальное воспитаніе». Я открываю книгу гдѣ ни попало и вполнѣ удовлетворенъ. Это сочиненіе возбуждаетъ во мнѣ неутолимое любопытство и представляетъ для меня неизсякаемый источникъ интереса. Желая всегда отдать себѣ отчетъ въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ, составляющихъ всю нашу ежедневную жизнь, я кончилъ тѣмъ, что задалъ себѣ вопросъ: почему я всегда беру «Сантиментальное воспитаніе», а не «г-жу Бовари» или «Саламбо», и подвергнулъ тщательному анализу причины этого предпочтенія.

Замѣтьте, что «Саламбо» отличается гораздо большимъ блескомъ изложенія и большимъ величіемъ картинъ. Замѣтьте еще, что въ «г-жѣ Бовари» драма гораздо патетичнѣе; тамъ есть сказка, которая возбуждаетъ любопытство неразвитаго читателя. Всякій помнитъ громадный успѣхъ «г-жи Бовари» и литературный переворотъ, произведенный этимъ романомъ, который остается доселѣ въ глазахъ большинства публики лучшимъ произведеніемъ, chef-d'oeuvre Флобера.

Появившись послѣ этихъ двухъ книгъ, «Сан-

*) Настоящій очеркъ представляетъ прекрасную характеристику самаго глубокомысленнаго и наиболѣе отдѣланнаго въ художественномъ отношеніи романа главы реальной французской школы и получаетъ особое значеніе въ настоящую минуту, когда вся французская преса наполнена сочувственными отзывами о Флоберѣ по случаю неожиданной его смерти отъ удара 9-го мая, въ его помѣстьи Крусе, близъ Гуана. Жизнь этого талантливѣйшаго изъ послѣдователей Бальзака и, можно сказать, творца новаго реальнаго романа не представляла никакихъ любопытныхъ эпизодовъ. Сынъ довольно богатаго провинціальнаго доктора, онъ родился въ Гуанѣ, въ 1821 г., воспитывался въ мѣстной колегіи, потомъ изучалъ медицину, много путешествовалъ по востоку и, наконецъ, предался всецѣло литературѣ. Сначала онъ писалъ стихи, подражая Байрону и Виктору Гюго, но вскорѣ покинулъ поэзію для прозы, хотя, въ сущности, въ немъ навсегда осталась поэтическая закваска. Поэтому всѣ его произведенія можно раздѣлить на два отдѣла: на фантастично-поэтическія, какъ «Саламбо», «Искушеніе св. Антонія», «Иродіада», «Легенда св. Юліана» и на трезво-реальныя, хотя по формѣ въ высшей степени художественныя: «Г-жа Бовари», «Сантиментальное воспитаніе» и «Простая душа». Драматическіе опыты не увѣнчались успѣхомъ, хотя представленная въ Парижѣ его комедія «Кандидатъ» была очень мѣткой сатирой на парламентскіе выборы при второй имперіи, остальныя двѣ «Le sexe faible» и «Le choeur à droite» никогда не были даже напечатаны, а его волшебная пьеса «Замокъ сердецъ», отличающаяся многими юмористическими сценами, только въ настоящее время выходитъ въ «La Vie Moderne». Хотя Флоберъ былъ признаннымъ главою современной реальной школы и находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Гонкуромъ, Додэ, Зола и съ ихъ юными учениками, онъ, однако, не принималъ участія въ журнальной полемикѣ, которую ведутъ его послѣдователи, и относился съ самымъ теплымъ сочувствіемъ къ Виктору Гюго, который его очень любилъ. Человѣкъ чрезвычайно скромный и добродушный, онъ большую часть времени проводилъ въ своей вилѣ и въ послѣднее время очень старательно работалъ надъ новымъ романомъ «Буваръ и Пекюше», который почти оконченъ и заключаетъ въ себѣ самую пламенную и жестокую сатиру на невѣжество и глупость столь презираемаго имъ буржуазнаго класа. «Пишите только то, что вы сами прочувствовали и испытали», говорилъ онъ одному изъ молодыхъ реалистовъ незадолго до своей смерти, и въ этихъ немногихъ словахъ резюмируется вся сущность созданнаго имъ истинно-реальнаго романа, важное значеніе и великія достоинства котораго никто такъ блестяще и вѣрно не охарактеризовалъ, какъ Эмиль Золя въ предлагаемомъ небольшемъ очеркѣ.

Кстати, на памятникъ Флоберу въ нѣсколько дней собрано 200,000 франковъ. Что-бы собрала Франція, если-бы ей пришлось собирать на памятникъ писателю, имѣющему для нея такое-же значеніе, какое имѣетъ для Россіи Пушкинъ?

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ 1880 Г.

КАРТИНА А. И. МЕЩЕРСКАГО.

Ростепель.

Рисовалъ самъ авторъ. Рѣзалъ на деревѣ А. Зубчаниновъ.

ВЫСТАВКА ВЪ ПЕТЕРБУРГСК. ОБЩЕСТВѢ ПООЩРЕН. ХУДОЖНИКОВЪ.

КАРТИНА ЛИЦЕНЪ-МЕЙЕРА.

Маргарита въ тюрьмѣ.

Рисовалъ **А. Неровлевъ**; рѣзалъ на деревѣ **Зубчаниновъ**.

тиментальное воспитаніе» было встрѣчено очень холодно публикой. Правда, этотъ романъ вышелъ въ свѣтъ въ 1869 г., въ смутную эпоху, когда вымиравшая имперія готовилась усѣять Францію своими развалинами. Безъ сомнѣнія, онъ сильно пострадалъ отъ быстро надвигавшейся грозы. Но нельзя не сознаться, что это произведеніе осталось почти невѣдомымъ для публики. Критическія статьи того времени изобиловали самыми странными сужденіями. Критики, повидимому, даже не поняли смыслъ многихъ эпизодовъ романа. Автору его приписывали различныя нелѣпыя намѣренія и не обращали вниманія на настоящій характеръ романа. Публика вообще нашла его длиннымъ, неяснымъ, скучнымъ. Женщины не дочитали его до конца. И это мнѣніе сохранилось доселѣ; «Сантиментальное воспитаніе» похоронено подъ общимъ хладнокровіемъ и никогда не встрѣтишь въ современныхъ критическихъ статьяхъ ни малѣйшей на него ссылки. Прошло десять лѣтъ со времени перваго появленія этой книги и ее читаютъ только преданные литературные поклонники, которые питаютъ къ ней религіозный культъ.

Что-же это за книга? Просто историческій трудъ, отрывокъ изъ нашей общей жизни. Авторъ взялъ около тридцати живыхъ людей въ 1840 году и довелъ ихъ до 1851 года, анализируя каждаго изъ нихъ въ его индивидуальной и общественной роли. Тутъ нѣтъ никакой сложной интриги. Центромъ является юноша нерѣшительный, полный смутныхъ стремленій и всевозможныхъ слабостей, Фредерикъ Моро, который даромъ губитъ свою жизнь, раздѣляя ее между четырьмя женщинами, поочередно ускользающими изъ его рукъ по его собственной винѣ. Вокругъ него и за нимъ копошится цѣлая толпа другихъ человѣческихъ самолюбій, лихорадочно дрожащихъ и въ концѣ концовъ тонущихъ въ человѣческой глупости.

Эта книга—безконечная исторія неудачнаго поколѣнія неудачной исторической эпохи. Впрочемъ, я не хочу здѣсь анализировать всѣхъ ея эпизодовъ, а только передаю производимое ею впечатлѣніе.

Вотъ чѣмъ объясняется равнодушіе публики. Первый упрекъ, заслуживаемый этимъ романомъ: отсутствіе сказки; я хочу сказать интересной драмы, патетическаго устройства фактовъ и фантастическихъ театральныхъ эфектовъ. Второй упрекъ: всѣ выведенныя лица неудачники, всѣ они подходятъ подъ одинаковый уровень посредственности, ни одинъ изъ нихъ не герой, побѣждающій превратную судьбу блестящими подвигами; такъ какъ цѣлью автора было представить жизнь съ ея пошлыми занятіями и вѣчными горестями, то неизбѣжно, что сѣрый цвѣтъ нашей ежедневной жизни стушевалъ весь романъ, придавъ ему одинаковый сѣрый колоритъ, что должно было испугать публику, читающую только для возбужденія своихъ нервовъ необыкновенными фактами. Третій упрекъ: громадная грусть, навѣваемая подобнымъ человѣческимъ анализомъ; публика не поняла чувства, которое по мѣрѣ чтенія стѣсняло все болѣе ея грудь; она стала кричать о скукѣ, когда ею овладѣвали страхъ и горечь. Дѣло именно въ томъ, что эта слишкомъ правдивая книга невольно ужасаетъ.

Вотъ я уже не далекъ отъ объясненія моихъ нѣжныхъ чувствъ къ «Сантиментальному воспитанію». По моему мнѣнію, всѣ наши книги, которыя мы считаемъ правдивыми, въ сравненіи съ этимъ сочиненіемъ—романтичныя произведенія, оперы, сочиненныя для музыки и декорацій. Въ немъ одномъ выражается широта жизни, хотя ничто не раздуто съ цѣлью увеличить общее впечатлѣніе. Конечно, я не отрицаю необходимости выработки внутренней канвы всякаго романа; напротивъ, я убѣжденъ, что Флоберу стоило громаднаго труда соединить всѣ отдѣльные элементы въ одно общее цѣлое; но чудодѣйственной силою искусства эта канва исчезаетъ и вы видите только естественное, роковое теченіе жизни, нѣчто въ родѣ протокола, написаннаго подъ диктовку самихъ фактовъ. Мнѣ надо было взять перо, составить подробное оглавленіе каждой главы и близко изучить, какъ человѣку, занимающемуся тѣмъ-же ремесломъ, остовъ этого произведенія, чтобъ узнать, какъ оно создано, чтобъ понять противоположность и соотвѣтствіе сценъ, всю внутреннюю стряпню нашихъ романовъ, которая стоитъ намъ столько труда, хотя насъ часто упрекаютъ въ недостаточной изобрѣтательности. Иначе при чтеніи, даже самомъ внимательномъ, канва исчезаетъ и, какъ я уже сказалъ, остается только протоколъ мелкихъ ежедневныхъ поступковъ групы людей, составленный однимъ изъ первыхъ французскихъ стилистовъ.

Я настаиваю на этомъ, ибо тутъ именно заключается великая характеристическая черта и могучая оригинальность «Сантиментальнаго воспитанія». Всѣ три романа рядомъ съ нимъ поэмы, хотя онъ рисуетъ неудовлетворенную, пламенную любовь Фредерика къ г-жѣ Арну, столь глубокую и непорочную. Флоберъ никогда не лжетъ; онъ приводитъ факты и ничего болѣе; тогда какъ мы, грѣшные, часто идемъ далѣе, чтобъ увеличить эфектъ, выставить нашихъ дѣйствующихъ лицъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ и устроить блестящій финалъ при громѣ всего оркестра. Эта черта меня поразила во всѣхъ мелочахъ. Мы никогда не рѣшились-бы разбить подобнымъ образомъ анализъ на части, нарушить общее впечатлѣніе постояннымъ возвращеніемъ къ мелкимъ эпизодамъ, стушевать блескъ книги монотоннымъ колоритомъ тридцати личностей, одинаково площадныхъ и погружающихся въ свое болото посредственности послѣ каждой попытки проявить мужественную энергію. Вотъ образецъ натуралистическаго романа; это для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Никто не пойдетъ далѣе въ истинной правдѣ, я говорю о той правдѣ обыденной, точной, которая кажется отрицаніемъ самаго искусства романиста.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ воображенія въ смыслѣ придумыванія фактовъ и неожиданнаго ихъ сопоставленія, но за то постоянно присутствуетъ воображеніе въ смыслѣ воспоминанія фактовъ, ихъ выбора и распредѣленія. Впрочемъ, этотъ смыслъ воображенія — единственный чисто философскій. А для изображенія жизни, для воспроизведенія ея истинныхъ ощущеній, горестей и величія, Флоберъ владѣетъ удивительнымъ литературнымъ языкомъ — самымъ яснымъ, трезвымъ и живымъ, какимъ когда либо писали книги.

Теперь я легко понимаю, что происходитъ во мнѣ, когда моя рука невольно беретъ «Сантиментальное воспитаніе», а не другія сочиненія того-же автора. Я въ немъ нахожу болѣе жизни, болѣе чѣмъ въ поразительной драмѣ «Г-жи Бовари» и въ блестящихъ картинахъ «Саламбо». Жизнь тутъ, какъ море, необъятна и, какъ море, представляетъ всегда новое зрѣлище, новое ощущеніе, новый урокъ. Я могу открыть эту книгу, гдѣ ни попало, и интересъ начинается тамъ, гдѣ открылъ; я нахожу на каждой ея страницѣ новыя истины, которыхъ я не замѣчалъ въ предъидущіе десять разъ, когда я ее читалъ. Она неисчерпаемый источникъ, каждое ея слово находитъ откликъ въ моемъ умѣ и тѣлѣ, во всемъ моемъ человѣческомъ существѣ. Она не возбуждаетъ грубаго интереса болѣе или менѣе искусно придуманной фабулой, но это эхо всего человѣческаго, всѣхъ нашихъ надеждъ и горестей, вѣчнаго возобновленія нашихъ желаній, разбивающихся о безчувственную матеріальную природу. Я въ ней узнаю себя; это я; я хотѣлъ всего этого въ такой-то день и расхотѣлъ на слѣдующее утро. Вотъ что я чувствовалъ, вотъ рана, изъ которой сочится кровь до сихъ поръ, вотъ слабость, въ которой я не смѣлъ сознаться. Поэтому я и жажду постоянно читать книгу, которая составляетъ сводъ всего нашего существованія.

Говорятъ о скукѣ. Неудача всего составляетъ величіе и грусть этой книги. Она не возбуждаетъ во мнѣ скуки, но глубоко меня волнуетъ. Я никогда не могу прочесть второй ея части безъ тревожнаго чувства, и я плачу, читая конечную катастрофу, когда постарѣвшіе Фредерикъ и Деларье бесѣдуютъ у камина о своей неудачной, потерянной жизни. Какая драма трогательнѣе этой правды, доходящей до величія по своей простотѣ? Развѣ тутъ не выражена вполнѣ вся наша безпомощная слабость, большія надежды, пламенная любовь, громадныя желанія и общее поглощеніе всею тупостью и пустотою нашей жизни? Посмотрите на бѣднаго Фредерика, его исторія—наша исторія; поэтому она и возбуждаетъ во мнѣ такое сожалѣніе, такую злобу. Какимъ онъ мнѣ кажется мелкимъ и какъ онъ меня ужасаетъ! Что онъ—дуракъ? Нѣтъ. Непонятый герой? Нисколько. Онъ просто слабый человѣкъ, онъ—вы и я, болѣе ничего. Но онъ меня и потрясаетъ болѣе всѣхъ грандіозныхъ куколъ нашей литературы, потому что вопль безпомощности этого человѣка находитъ отголосокъ въ каждой изъ моихъ костей.

Я убѣжденъ, что общество вернется къ «Сантиментальному воспитанію» и пойметъ удивительную глубину видимаго однообразія этой книги. Повторяю, въ нашей литературѣ нѣтъ ни одного произведенія, въ которомъ такъ громко звучала бы правда и которое представляло бы такое громадное хранилище человѣческихъ документовъ. А отъ этого происходитъ постоянное, неизсякаемое впечатлѣніе, производимое чтеніемъ этой книги и ея грустная прелесть. Теперь, быть можетъ, насъ очень не много, знающихъ этотъ драгоцѣнный источникъ, и вотъ почему я указываю на него нашей молодежи. Читая подобную книгу, любишь правду, понимаешь ея силу и говоришь себѣ, что она одна существуетъ и что она одна составляетъ геній.

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава III.

После бала.

Уже свѣтало, когда баронеса де-Марби удалилась въ свою спальню. Пока горничная раздѣвала ее, она думала о томъ, что произошло въ эту ночь. То, что она придумала для своей защиты, т. е. влюбить въ себя маркиза Мейрана, стало теперь для нея пламенной потребностью. Она вздумала играть съ любовью и сама попалась въ ея сѣть. Страстная натура молодой женщины не могла разыгрывать комедіи. Въ любви она вскорѣ забывала свою роль и вмѣсто кажущихся чувствъ начинала дѣйствительно ощущать то, въ чемъ она хотѣла увѣрять свою жертву. Поэтому она серьезо спрашивала теперь себя, не влюбилась-ли она въ Оливье.

Эта женщина представляла смѣсь страсти и разврата. Съ одной стороны холоднымъ развратомъ она пріобрѣтала себѣ роскошную жизнь, съ другой—готова была всѣмъ рисковать, чтобы удовлетворить минутному капризу своей страстной натуры.

Не было сомнѣнія, что она влюбилась въ молодого маркиза и хотѣла, чтобы и онъ полю-

билъ ее. Она желала теперь удалить свою сестру, не только какъ компрометирующаго свидѣтеля ея прошлой жизни, но и какъ опасную соперницу. При этомъ она не чувствовала никакихъ укоровъ совѣсти, сердце ея было теперь переполнено страстными желаніями. Она сладострастно вздрагивала, вспоминая полный любви взглядъ Оливье и его нѣжныя ласки во время вальса. Въ ея глазахъ побѣда была одержана и ей оставалось только сдаться, послѣ ловко сыграннаго сопротивленія, — комедіи хорошо ей извѣстной и нетребовавшей большого труда. Конечно, на слѣдующей день пріѣдетъ къ ней маркизъ и тогда она рѣшила привести въ исполненіе свой хитрый планъ: заставить его порвать всѣ отношенія съ Элизой, написавъ ей письмо, въ которомъ заключался бы ясный намекъ на то, что ему было извѣстно ея скандальное прошлое. Добиться этого Орели казалось очень легкимъ.

Молодая женщина была теперь гораздо спокойнѣе. Узнавъ о возвращеніи сестры въ Парижъ, она испугалась. Судя всѣхъ по себѣ и чувствуя, что еслибъ она перенесла столько гнусныхъ преслѣдованій, какъ Элиза, то никогда не простила бы своимъ врагамъ, Орели была убѣждена, что «Рябая красавица» явилась въ Парижъ только съ цѣлью мести. Получая всѣ свои свѣденія отъ Матье де-Тальи, она не подозрѣвала замужества Элизы; ей было извѣстно только, что до отъѣзда изъ Парижа Элиза родила; она думала, что ребенокъ ея сестры былъ отъ Аристида. Въ виду этого она была убѣждена въ возможности выслать изъ Парижа куртизанку, носившую вымышленное имя, и интригантку, старавшуюся женить на себѣ юношу вопреки желанія его семейства. Къ тому-же Матье де-Тальи имѣлъ громадное значеніе.

Однимъ словомъ, завтрашній день улыбался. Одно только могло разстроить ея планы — возвращеніе ея мужа. Но въ этомъ отношеніи она была совершенно успокоена на балу однимъ изъ приближенныхъ къ военному министру.

Раздѣвшись и взявъ ванну, она отпустила горничную, но прежде чѣмъ лечь спать, подошла къ окну въ роскошномъ пеньюарѣ, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. День еще только начинался среди сѣраго тумана. Вездѣ царила безмятежная тишина. Орели постояла нѣсколько минутъ у отвореннаго окна, мечтая о красивомъ юношѣ, котораго, ей казалось, она любила болѣе чѣмъ кого-нибудь изъ прежнихъ ея обожателей. Потомъ она затворила окно, задернула занавѣси и, распустивъ волосы, подошла къ постели. Въ эту минуту изъ-за кровати выскочилъ какой-то мужчина.

Орели вскрикнула, но онъ схватилъ ее одной рукой за талію, а другою зажалъ ротъ.

— Не кричи, красотка, сказалъ онъ, — мнѣ надо съ тобою поговорить и я не хочу, чтобы намъ помѣшали.

Обезумѣвъ отъ страха и узнавъ человѣка, тайно пробравшагося въ ея спальню, Орели была не въ силахъ сопротивляться.

— Я буду молчать, прошептала она, — только оставьте меня, мнѣ больно.

Онъ повиновался, посадилъ Орели въ кресло и пошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ и, вернувшись къ молодой женщинѣ, сказалъ:

— Ну, теперь я спокоенъ, поговоримъ.

Орели смотрѣла на него съ ужасомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ты теперь узнала меня, продолжалъ онъ, — я не такъ перемѣнился въ десять лѣтъ, что мы съ тобою не видались, чтобы ты могла оправдать чѣмъ-нибудь жестокій пріемъ, сдѣланный мнѣ на лѣстницѣ при всѣхъ. Какъ ты, Орели, однакожь, неблагодарна! — и къ кому-же? — къ первому мужчинѣ, котораго ты любила. Десять лѣтъ я тебя не безпокоилъ. Я бѣднякъ, ты счастлива. Вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль протянуть тебѣ руку и ты отворачиваешься отъ меня. Развѣ у тебя нѣтъ сердца?

— Я васъ не узнала, прошептала она.

— Ну, со мной нечего жеманиться. Ты можешь говорить мнѣ «ты». Ты именно потому и прогнала меня, что очень хорошо узнала.

— Къ чему мнѣ было это дѣлать! Вы никогда у меня ничего не просили. Вы нѣкогда были моимъ другомъ. Еслибъ я узнала васъ, то, конечно, протянула бы вамъ руку.

— Я твой другъ! Полно врать. Если ты хочешь отъ меня скоро отдѣлаться, то будемъ говорить откровенно. Помнишь, когда ты, молоденькой дѣвочкой говорила мнѣ: «Ты, Жюль, первый мужчина, котораго я полюбила и буду любить всю жизнь». О, тогда твое сердце было такъ-же просто, какъ твой туалетъ.

— Вы были причиной всего. Вы давали мнѣ дурные совѣты, вы меня толкнули на дурную дорогу.

— Что? Я тебя толкнулъ къ этому старику? А ты забыла, какъ я избилъ тебя въ тотъ день, когда узналъ о твоемъ старикѣ?

При этомъ воспоминаніи Орели вздрогнула и взглянула на него изъ подлобья, желая удостовѣриться, не имѣетъ-ли онъ и теперь намѣренія повторить побои.

— Что-же тебѣ надо? спросила она рѣзко.

— А, вотъ такъ-то лучше. Я узнаю тебя. Но не будемъ ссориться... Право, какая ты удивительная красавица... какъ въ тебя не влюбиться...

— И ты затѣмъ пришелъ, чтобы сказать мнѣ это! воскликнула съ ужасомъ Орели.

Жюль презрительно улыбнулся.

— О, нѣтъ, успокойся. У меня несравненно болѣе серьезныя мысли. Все на этомъ свѣтѣ покупается или любовью или деньгами.

— Ты остался тотъ-же! воскликнула Орели съ презрѣніемъ.

— Да, я не краснѣю при своихъ воспоминаніяхъ.

— Чего-же тебѣ надо?

— Я сказалъ: денегъ.

— Сколько?

— Сколько мнѣ потребуется.

— О!

— Ты пугаешься! Но подумай, какъ необходимо тебѣ купить мое молчаніе. Представь себѣ, что я пойду къ одному изъ блестящихъ кавалеровъ, съ которыми ты танцовала сегодня, напримѣръ, къ тому, котораго зовутъ маркизомъ, и разскажу ему о нашей любви, о старикѣ и т. д. Ты можешь себѣ представить, какой эфектъ произвелъ бы такой разсказъ на поклонниковъ баронесы де-Марби.

— Ты осмѣлишься это сдѣлать! воскликнула съ ужасомъ Орели.

— Ты знаешь, что меня ничто не остановитъ, когда дѣло идетъ о наживѣ.

— Но я могу по твоемъ уходѣ отсюда...

— Не торгуйся, Орели, ты только набьешь цѣну, сказалъ Жюль, пожимая плечами. — Знаешь, о чемъ я мечталъ, поджидая тебя здѣсь?.. Кстати, ты была удивительно хороша въ бальномъ платьѣ, каюсь, я вспомнилъ о нашей былой любви... Но не въ этомъ дѣло... Я сказалъ себѣ: у нея много лакеевъ въ домѣ, однимъ лишній ничего не значитъ; она возьметъ меня къ себѣ въ домъ; я буду ея довѣреннымъ лицомъ. Такимъ образомъ я буду близко наблюдать за нею и буду въ состояніи предупредить всякое ея желаніе возстать противъ моей воли.

— Ты съума сошелъ? Ты не могъ думать, что я на это соглашусь.

— Я думалъ и думаю, что ты на все согласишься. Я позволяю тебѣ говорить, если тебя это забавляетъ. Но я пришелъ сюда не для того, чтобы обсуждать условія, а чтобы ихъ предписывать.

— Покончимъ съ этой непріятной сценой. Я не завѣдую хозяйствомъ въ домѣ. Я тебѣ дамъ все, что у меня есть въ рукахъ и впослѣдствіи, если тебѣ понадобится еще денегъ, я тебѣ дамъ ихъ.

— Хочешь, Орели, чтобы я сказалъ твои сокровенныя мысли въ эту минуту? Ты думаешь: я дамъ ему теперь небольшую сумму, а потомъ я напишу словечко старику и моего Жюля посадятъ въ тюрьму. Я видѣлъ его, онъ былъ на твоемъ балу. Такъ ты все еще съ нимъ возишься. Ну, хорошъ гусь долженъ быть твой мужъ. Ну что, я правъ?

— Нѣтъ, но это слѣдовало-бы сдѣлать.

— Хорошо, я сейчасъ отниму у тебя всякую охоту выкидывать подобную шутку. Вотъ что я знаю про тебя. Ты вышла замужъ за человѣка грубаго, жестокаго, но честнаго и считающаго тебя честной женщиной. Вы стали богатыми людьми; ты его увѣрила, что онъ получаетъ громадное содержаніе за свои личныя достоинства, да кромѣ того, ты выдаешь ему за фальшивые настоящіе бриліанты, которые ты получаешь отъ своихъ любовниковъ. Я знаю, что твой мужъ убилъ-бы тебя, какъ собаку, еслибъ узналъ, что ты его обманываешь. Я знаю, наконецъ, что ты считаешься въ свѣтѣ легкомысленной женщиной, но ты такъ хитро скрываешь свой развратъ, что никто не говоритъ о тебѣ ничего дурного.

— Что все это значитъ?

— Ты сейчасъ поймешь. Одного моего слова, подкрѣпленнаго доказательствами, достаточно, чтобъ изгнать тебя навсегда изъ свѣтскаго общества.

— Этимъ ты уже грозилъ мнѣ.

— Да, но это еще ничего, это не помѣшало-бы тебѣ исполнить свой маленькій планъ, ты приказала-бы меня арестовать сегодня или завтра и я не успѣлъ-бы никому открыть твое прошлое, а если-бъ я даже и успѣлъ это сдѣлать, то ты стала-бы упорно отрицать справедливость моихъ словъ: даже если-бъ я открылъ глаза твоему мужу, который, въ сущности, тебя очень любитъ, ты ему во всемъ созналась-бы, но оправдывала-бы себя тѣмъ, что это было до замужества. Конечно, это было-бы для тебя большимъ униженіемъ, но ты осталась-бы жива и заставила-бы меня дорого заплатить за мою болтливость.

— Что-же ты хочешь сдѣлать?

— А вотъ послушай. Женщины имѣютъ неосторожную страсть писать письма; если я не вернусь домой въ опредѣленный часъ сегодня или въ другой какой-нибудь день, одинъ изъ моихъ пріятелей или одна изъ моихъ пріятельницъ, — я надѣюсь, ты не ревнива, — передастъ тотчасъ г. де-Марби запечатанную связку изъ двѣнадцати писемъ.

Орели вскочила и пристально посмотрѣла на Жюля.

— Это сказка. Ты хочешь испугать меня. Чьи это письма?

— Онѣ писаны тобою къ человѣку, котораго ты любила, къ Аристиду де-Фаржу.

Орели поблѣднѣла и въ изнеможеніи упала въ кресло.

— У тебя эти письма! прошептала она.

И тотчасъ въ головѣ ея блеснула мысль, что этотъ человѣкъ былъ орудіемъ ея сестры, что она утаила письма и, узнавъ о прошлыхъ отношеніяхъ Орели къ Жюлю, пользовалась имъ для своей мести. Орели даже не посовѣстилась навязать Элизѣ въ любовники этого негодяя.

— А, эти письма у тебя или у твоей любовницы, сказала она съ ложнымъ спокойствіемъ.

— Положимъ, что и у любовницы, отвѣчалъ небрежно Жюль.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ВИЛЬГЕЛЬМА ВИДЕРА.

Уличный писецъ.

Рѣзано на деревѣ по фотографіи Густава Шауера въ Берлинѣ.

САЛОНЪ ВЪ ПАРИЖѢ 1880 ГОДА.

СКУЛЬПТУРА Г. ДОРЕ́.

Мадона.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

— Такъ покончимъ это дѣло. Ты напрасно придаешь этимъ письмамъ такую важность. Это старая исторія. Ну, пожалуй, я куплю ихъ; сколько ты просишь за нихъ и за свое молчаніе?

— Я не понимаю тебя.

— Однако я говорю, кажется, ясно, продолжала Орели и голосъ у нея началъ дрожать: — ты просишь денегъ; ну, сколько тебѣ надо и дѣло будетъ въ шляпѣ. Я не хочу быть вѣчно подъ страхомъ опасности. Говори свою цѣну и мы разомъ покончимъ дѣло.

— Это будетъ слишкомъ для тебя дорого. Отдавъ письма, я знаю, что меня ждетъ. Нѣтъ, письма останутся у меня. Это дѣло особое и я посмотрю, какъ ты будешь вести себя, такъ и я поступлю съ тобою Сегодня мнѣ надо только денегъ.

— Я тебѣ уже сказала, что готова отдать тебѣ сколько у меня есть. Но мнѣ надо-же имѣть увѣренность, что ты оставишь меня въ покоѣ.

— Ты, Орели, забываешь, что я пришелъ не обсуждать твои условія, а предписывать свои.

— Такъ если я тебѣ дамъ сегодня денегъ, ты сохранишь за собою право всегда повторять эту сцену?

— Если эти письма не имѣютъ значенія, то дѣйствуй, какъ знаешь.

— Чего-же ты хочешь? воскликнула Орели, вскакивая съ кресла.

— Всѣхъ денегъ, которыя у тебя находятся въ настоящую минуту. Впослѣдствіи я назначу тебѣ свиданіе и покончимъ это дѣло. Но сегодня будетъ довольно, если ты поймешь мою силу надъ собою.

— Но я буду дурой, если соглашусь на это. Ты забываешь, что я у себя въ домѣ. Слуги, которые тебя видѣли днемъ, узнаютъ тебя; я велю арестовать тебя и предать тебя въ руки Матье де-Тальи и разомъ освобожусь отъ шантажа.

— Но ты забываешь письма.

— Нисколько, въ эту самую минуту полиція уже производитъ обыскъ у той, которая прислала тебя сюда. Письма будутъ отобраны, а Элизу вывезутъ за предѣлы Франціи.

— Что ты болтаешь! сказалъ Жюль, смотря на нее съ недоумѣніемъ.—Что это за Элиза? Я ничего не понимаю. А, вотъ твоя угроза; она проста и ясна! Ну, смотри, я сяду въ это кресло, а ты звони слугъ. Я даю тебѣ слово, что не буду сопротивляться.

— Вы оба съ ума сошли, продолжала Орели, немного смущенная: — ты составилъ съ моей сестрой планъ дѣйствія. У васъ вѣрно есть сообщники въ моемъ домѣ; иначе я не могу понять, какъ ты попалъ сюда. Но вы ошиблись въ своихъ расчетахъ. Если у васъ есть могучее орудіе противъ меня, то у меня есть могущественные защитники. Ваши письма подложныя, а скандала я не боюсь и потому на отрѣзъ отказываюсь исполнить твое требованіе. Я сейчасъ позову слугъ и велю тебя арестовать.

Она подошла къ окну и отворила его. Жюль не дрогнулъ.

— Ты этого не сдѣлаешь, отвѣчалъ онъ, пожимая плечами; — можетъ быть, подобная комедія подѣйствовала-бы на нервнаго человѣка, но со мной ты не пытайся играть ее. Ну, начинай, кричи.

Орели дрожала отъ злобы. Ея энергія упала передъ хладнокровіемъ Жюля. Онъ былъ правъ. Скандалъ могъ погубить ее. Она молча облокотилась на балконъ и стала смотрѣть въ садъ, гдѣ слуги занимались уборкой.

— Ты не можешь всегда оставаться здѣсь, сказала она наконецъ мягкимъ тономъ.—Что-же ты рѣшилъ?

— Сегодня дай мнѣ денегъ, а въ другой разъ мы поговоримъ, отвѣчалъ Жюль со смѣхомъ.

Орели вынула изъ стола портфель и бросила Жюлю четыре стофранковыхъ билета.

— Вотъ все, что у меня есть.

Жюль, не тронувшись съ мѣста, пересчиталъ билеты и съ гримасой сказалъ:

— Мало. Ну, хорошо, это будетъ задаткомъ. Ты меня не ждала. Нельзя быть очень взыскательнымъ.

Онъ свернулъ билеты и спряталъ ихъ въ карманъ.

— Ну, теперь уходи, да́ такъ, чтобы тебя никто не видалъ, сказала Орели.

— Не бойся, я уйду такъ-же тайно, какъ вошелъ, но, помни, это только задатокъ. Когда мы съ тобой опять увидимся?

Въ эту минуту послышался шумъ колесъ. Какой-то экипажъ остановился передъ рѣшеткой. Въ домѣ засуетились. Орели подбѣжала къ окну и въ сильномъ испугѣ закрыла окно и спустила занавѣси.

— Это онъ! Уходи скорѣе! Да не попадайся ему на встрѣчу.

— Я не могу уйдти, если сюда кто-нибудь пріѣхалъ.

— Но ты не можешь здѣсь остаться.

— Спрячь меня. Я ничего не боюсь: въ твоемъ-же интересѣ, чтобы меня здѣсь не нашли. Впрочемъ, я и самъ спрячусь. А ты будь какъ дома.

И онъ быстро подползъ подъ кровать.

Орели, дрожа всѣмъ тѣломъ, сбросила съ себя пеньюаръ, кинулась въ постель и черезъ минуту всякій-бы нашелъ, что она спокойно спитъ.

Дверь отворилась и на порогѣ показался капитанъ де-Марби. Онъ подбѣжалъ къ постели, отдернулъ занавѣси и, увидавъ спящую жену, схватился за сердце.

— Спокойно спитъ! воскликнулъ онъ: — подлецы! какъ они меня перепугали.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Ростепель, картина А. И. Мещерскаго. Изъ всѣхъ пейзажей г. Мещерскаго, бывшихъ на академической выставкѣ 1880 года,—«Ростепель», по нашему мнѣнію, представляетъ наиболѣе поэтической правды. Художникъ изобразилъ тотъ моментъ, когда зима уже уступила вліянію солнечныхъ лучей, но весна еще не наступала. Въ этомъ переходѣ есть много поэтическаго, потому что ранняя весна, съ ея нерастаявшимъ снѣгомъ, голыми деревьями, съ лужами, образующимися отъ медленно тающаго снѣга, — несомнѣнно возбуждаетъ какую-то грусть, соединенную съ ожиданіями близкаго возрожденія природы. Очень мѣтко и очень талантливо схватилъ этотъ моментъ художникъ. Его сосновая рощица, еще укутанная снѣгомъ уже тающимъ и, мѣстами, образующимъ лужи, очень характерно и очень вѣрно изображаетъ ростепель и художественно воспроизводитъ начало русской весны, въ которой такъ много поэзіи, хотя и нѣтъ блеска красокъ и свѣта южной природы. О техническихъ достоинствахъ картины было-бы лишне распространяться: талантъ г. Мещерскаго достаточно извѣстенъ въ этомъ отношеніи, а въ послѣдней его картинѣ этотъ талантъ выступаетъ еще рѣзче, чѣмъ въ прежнихъ произведеніяхъ, выступаетъ со всѣмъ своими достоинствомъ и недостатками.

Проекты памятника Пушкину (№. 21). Въ числѣ проектовъ памятника Пушкину было представлено не мало очень талантливыхъ произведеній. Такъ, оригиналенъ былъ проектъ Антокольскаго: скульпторъ проектировалъ изобразить поэта сидящимъ на вершинѣ скалы, по которой къ нему идутъ главныя дѣйствующія лица его поэмъ и драмъ. Прекрасенъ былъ и проектъ Пименова: копія съ этого проекта находится въ прошломъ нумерѣ нашего журнала и намъ нечего пояснять ее. Но всѣ эти грандіозные проекты, какъ и идея памятника, набросанная г. Микѣшинымъ, обошлись-бы слишкомъ дорого при исполненіи, а лица, распоряжавшіяся постановкой памятника поэту, не имѣли на это достаточныхъ средствъ. Пришлось выбрать болѣе скромный памятникъ и эксперты остановились на одной изъ статуй, представленныхъ на конкурсъ г. Опекушинымъ. Копію съ этой статуи мы помѣстили въ прошломъ нумерѣ нашего изданія. Рядомъ съ ней читатели найдутъ и копію съ эфектной статуи, сдѣланной скульпторомъ Забѣлло. Статуя Опекушина болѣе проста по своей позѣ, по костюму.

Портретъ А. С. Пушкина (№ 21). Портретовъ А. С. Пушкина у насъ существуетъ не много и всѣ они болѣе или менѣе удачные снимки съ одныхъ и тѣхъ же оригиналовъ, которыхъ сколько намъ извѣстно, очень мало. Первый изъ изданныхъ портретовъ поясной и изображаетъ поэта въ ранней его молодости, въ рубашкѣ, съ открытой шеей (à la Byron); въ №№ 9 и 10 «Художественной газеты», 1837 года, между прочимъ сказано, что портретъ сей нарисованъ наизусть, безъ натуры, К. Б., и обличаетъ руку художника, въ нѣжной молодости уже обратившаго на себя вниманіе. Кого разумѣла «Художественная газета» подъ буквою К. Б.— не знаемъ; но, по словамъ племянницы поэта, Н. Н. Павлищевой, этотъ портретъ А. С. Пушкина сдѣланъ учителемъ рисованія въ лицеѣ, покойнымъ С. Г. Чириковымъ; по отзыву семейства послѣдняго, С. Г. Чириковъ дѣйствительно снялъ съ Пушкина-лицеиста какой-то портретъ, въ которомъ играла роль рука. Гравюра съ этого рисунка сдѣлана Е. Гейтманомъ. Этотъ портретъ былъ приложенъ къ первому изданію «Кавказскаго плѣнника», въ 1822 году; потомъ къ № 1 «Художественной газеты», въ 1837 году; далѣе онъ появился въ № 32 «Русскаго художественнаго листка», изд. Тиммомъ; наконецъ, въ прошломъ году онъ воспроизведенъ въ «Русской старинѣ». Читатели найдутъ его въ прошломъ нумерѣ нашего журнала.

Грѣшница (№ 19). Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ. Среди пирующихъ шли толки о силѣ новаго пророка, именующагося Христомъ, о его строгой жизни, о его власти обращать людей на путь истины. Одна изъ присутствовавшихъ на оргіи женщинъ смѣялась, слушая эти разсказы, и вызвалась подать чашу съ виномъ Христу, если онъ явится на пиръ. И вотъ она видитъ приближеніе красиваго, серьезнаго юноши. Она поднялась къ нему на встрѣчу съ чашею вина. Но въ собраніи пронесся шепотъ: «Она ошиблась, это ученикъ Христа, Іоаннъ...» Слѣдомъ за Іоанномъ появился другой мужъ, полный простоты и благости. Его кроткіе глаза смотрѣли на грѣшницу безъ укора, безъ строгости, съ выраженіемъ сожалѣнія и прощенія. Грѣшница сдѣлала шагъ ему на встрѣчу и выронила, смущенная, изъ рукъ чашу... Вотъ содержаніе поэмы графа Алексѣя Толстого, которая дала матеріалъ для картины Генриха Семирадскаго, безспорно одного изъ талантливѣйшихъ польскихъ художниковъ, воспитывавшагося и образовавшагося въ Россіи. Картина Семирадскаго замѣчательна по отдѣлкѣ деталей. Наша гравюра по возможности вѣрно передаетъ всѣ мелочныя подробности этого произведенія, доставившаго художнику видное мѣсто среди современныхъ представителей живописи.

Водоносы (№ 19). Эта картина французскаго художника принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя до мельчайшихъ подробностей вѣрно передаютъ народныя сцены, народные типы, народный бытъ, не задаваясь никакими другими цѣлями, кромѣ этнографической вѣрности. Таковы многія картины Жерома, Бенжамена Констана, Маковскаго, В. В. Верещагина и др. Кромѣ жизненной правды, въ воспроизводимой нами картинѣ очень красивы подробности и живописна група этихъ дѣтей Востока.

Явленіе Св. Георгія (№ 19). Легенды о явленіи разныхъ святыхъ во время битвъ очень распространены у различныхъ народовъ. Св. Георгій Побѣдоносецъ чаще другихъ играетъ роль вдохновителя и поддержки войскъ. Преданіе о его явленіи крестоносцамъ было такъ распространено, что его изображеніе было сдѣлано на всѣхъ знаменахъ этихъ воиновъ, считавшихъ его главнымъ своимъ покровителемъ. Доре на своей картинѣ передаетъ именно тотъ моментъ, когда святой заступникъ крестоносцевъ является передъ ними. Рисунокъ Доре по обыкновенію боекъ и эфектенъ.

Смѣсь.

— Къ празднованію открытія памятника Пушкина. Петербургская дума, желая увѣковѣчить память великаго поэта, пряняла слѣдующія рѣшенія: 1) Назвать, «Новую» улицу «Пушкинской». Нѣкоторые изъ домовладѣльцевъ этой улицы заявили о своемъ желаніи поставить въ маленькомъ скверѣ, находящемся на этой улицѣ, бронзовый бюстъ поэта на мраморномъ пьедесталѣ. 2) Отпускать въ распоряженіе общества литературнаго фонда на содержаніе въ гимназіяхъ 2 мальчиковъ и 2 дѣвочекъ, по 75 руб. на каждаго, а всего по 300 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы выборъ стипендіатовъ былъ предоставленъ

старшему въ родѣ Пушкина, а въ случаѣ прекращенія послѣдняго, комисіи, завѣдующей назначеніемъ городскихъ стипендіатовъ. 3) Предоставить особой комисіи разработать проектъ учрежденія народныхъ школъ, которыя назвать пушкинскими. 4) Прибить мраморную доску на томъ домѣ, въ которомъ проживалъ Пушкинъ послѣдніе годы его жизни.

Газета «Современныя Извѣстія» передаетъ, что московскую думою, согласно докладу избранной ею пушкинской комисіи, асигнованы на пушкинскій праздникъ 15,000 руб., которые распредѣляются такимъ образомъ: около 3,000 руб. на украшеніе думской залы, въ которой долженъ происходить пріемъ депутацій, и на декораціи и иллюминацію Тверской площади; 3,000 рублей обществу любителей россійской словесности; 4,000 руб. на содержаніе и помѣщеніе имѣющихъ прибыть въ Москву депутацій и до 5,000 руб. на торжественный обѣдъ въ честь депутаціи. Въ этомъ-же счетѣ значится и расходъ на мраморную доску, которая будетъ прибита къ дому, гдѣ родился А. С. Пушкинъ.

— **Экспедиція къ славянамъ.** Москва, подобно Петербургу, намѣрена снарядить экспедицію въ славянскія земли для изслѣдованія какъ быта славянъ, такъ и ихъ новаго политическаго устройства, а равно и для уясненія ихъ нынѣшнихъ отношеній между собою, а также и къ Россіи. Экспедиція эта будетъ отправлена на частныя средства и частными лицами. Никакихъ политическихъ цѣлей она преслѣдовать не будетъ.

— **Новыя книги** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Я познакомился на этихъ дняхъ съ нѣсколькими новыми изданіями. А. Савельевъ издалъ брошюру о зубахъ. Въ ней читатель найдетъ обстоятельныя свѣденія о сохраненіи и сбереженіи зубовъ на долгое время и ихъ леченіи безъ выдергиванія. Кто не знаетъ какъ важны здоровые зубы для общаго состоянія здоровья. Вставными, какъ бы ни были они хороши, природныхъ не замѣнить. Преподаватель с.-петербургской первой военной гимназіи А. Н. Овсянниковъ составилъ библіографическій указатель по литературѣ всеобщей исторіи за 25 лѣтъ, именно 1855—80 г. Нечего, полагаю, распространяться, о пользѣ подобныхъ изданій. Хотя указатель г. Овсянникова и не совсѣмъ полонъ, но это въ своемъ родѣ единственный и притомъ дешевый (всего 70 к.). Къ нему присоединенъ перечень историческихъ руководствъ и статей о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Подпоручикъ артилеріи Г. Х. Дмитріевъ издалъ популярное руководство къ составленію самыхъ наилучшихъ цвѣтныхъ огней съ объясненіемъ работъ и матеріаловъ, употребляемыхъ для изготовленія фейерверковъ. Это настоящій подарокъ для любителей таковыхъ. Молодежь особенно любитъ позабавиться фейерверками лѣтомъ; однако тутъ требуется осторожность во время приготовленія составовъ, почему лучше доходить до таковыхъ не своимъ умомъ, а по заранѣе изученнымъ методамъ или формуламъ. Наконецъ д-ръ Б. Оксъ перевелъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями д-ра К. Богрова, спеціалиста по ушнымъ болѣзнямъ, сочиненіе д-ра Эд. Левенштейна «Основанія практической отіатріи съ примѣненіемъ новѣйшей терапевтической техники и пневматическаго кабинета». Эта книга небезполезна для врачей и студентовъ. У насъ переведено недавно класическое сочиненіе по ушнымъ болѣзнямъ Трельча; но оно болѣе пригодно для спеціалистовъ.

— **Вездѣ англичане** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Нѣсколько лѣтъ назадъ въ зоологическій музей академіи наукъ представлено было яйцо огромныхъ размѣровъ, найденное въ херсонскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ помѣщика Малиноваго, въ руслѣ высохшей рѣки (балка). Яйцо это всплыло при размытіи водой балки и было поймано окрестными мужиками, которые и передали его г. Малиновому. Этотъ передалъ его въ собственность землевладѣльца александрійскаго уѣзда, г. Добровольскаго. Грунтъ, въ которомъ это яйцо было найдено, былъ глинистый, а подъ нимъ имѣется алебастръ, такъ что яйцо, вѣроятно, найдено было въ третичной формаціи. Это яйцо, желтоватаго цвѣта, по объему равнялось 40 яйцамъ курицы, тогда какъ вѣсъ страусова равенъ лишь вѣсу 24 обыкновенныхъ яицъ курицы. Владѣлецъ просилъ за яйцо 1000 рублей; но наша академія наукъ отказалась пріобрѣсти его по неимѣнію для покупки спеціальныхъ средствъ и просила лишь дозволенія описать яйцо и снять съ него модель. Въ недавнее время это яйцо, какъ слышно пріобрѣтено англичанами.

— **Продажа жены.** Въ газету «Русскій Курьеръ» сообщаютъ изъ Богучара, что въ камеру мѣстнаго мирового судьи явилась на-дняхъ крестьянка и устно заявила жалобу на своего мужа, который, во время ярмарки въ слободѣ Красноженовой, отдалъ ее одному крестьянину за пару воловъ. Въ качествѣ жены, она осталась у своего новаго мужа до тѣхъ поръ, пока сынъ ея не выручилъ ее, отдавъ назадъ воловъ.

— **Пойманный воръ.** Газета «Правда» передаетъ, что на-дняхъ, по прибытіи одного изъ пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли изъ Таганрога въ Бердянскъ, при выгрузкѣ большого ящика на пристань, изъ сундука послышался человѣческій стонъ и, когда сундукъ былъ открытъ, то въ немъ оказался человѣкъ и при немъ найденъ ключъ, которымъ онъ затворялся извнутри въ сундукѣ и потомъ во время пути отворялъ замокъ, осматривалъ находящіяся въ трюмѣ багажныя мѣста и похищалъ изъ нихъ болѣе цѣнныя вещи. Повидимому, этотъ находчивый воръ, совершавшій такое путешествіе не въ первый разъ, не зналъ или упустилъ изъ вида длинное протяженіе бердянской гавани и такъ какъ сундукъ былъ тяжелъ, то его стали перекатывать; по всей вѣроятности, воръ не выдержалъ этой тряски, застоналъ и тѣмъ выдалъ себя.

— **Искуственное разведеніе грибовъ.** Въ газетѣ «Рус. Курьеръ» напечатано: «Приближается уже пора роста грибовъ въ лѣсахъ. Много у насъ есть охотниковъ и кушать грибы, и собирать въ лѣсу, сохраняя такой прогулкой и свои выгоды, и увеличивая свои удовольствія лѣтней жизни въ деревнѣ и на дачѣ. Но не всякій грибной любитель имѣетъ вблизи отъ себя изобилующія грибами рощи, за то у многихъ имѣются при дачахъ и усадьбахъ рощицы дубковъ, березъ, осинъ, липъ, орѣшнику, сосенъ, елей. Въ такихъ-то рощахъ, легко развести самому какіе угодно грибы. Для этого стоитъ только сгребать въ кучи опавшіе осенью листья и сучья и на этихъ мѣстахъ сажать разломанныя на кусочки грибныя шляпки. Подъ этими кучами и около нихъ выростаютъ мѣсяцемъ ранѣе, нежели въ лѣсу. цѣлыми гнѣздами прекрасные, чистые, плотные, душистые бѣлые грибы. При подобномъ искуственномъ разведеніи грибы можно собирать по нѣскольку разъ. Въ подтвержденіе этого можно указать, что при такомъ способѣ разведенія грибовъ на дачѣ г. Никатова, въ Петровскомъ-Разумовскомъ, грибы собирались постоянно на пространствѣ весьма незначительномъ. Такая-же система искуственнаго разведенія грибовъ съ успѣхомъ примѣняется въ деревнѣ Селезневой, переяславскаго уѣзда, владимірской губ., въ усадьбѣ г-жи Малаховой.

— **Китайсній способъ высиживанія рыбы курами.** Извѣстно, что въ послѣднее десятилѣтіе во многихъ странахъ Европы, особенно во Франціи, обращено было усиленное вниманіе на искуственное размноженіе рыбы, а близъ Парижа устроено даже особое заведеніе съ прудами и басейнами для этой цѣли *). Китайцы-же, наши предшественники во многихъ открытіяхъ, давно уже опередили насъ и въ этомъ отношеніи и занимаются искуственнымъ размноженіемъ рыбы, употребляя для этого чрезвычайно оригинальный способъ. Собравъ въ заливахъ и плесахъ рыбью икру и молоки, они наполняютъ ими пустую скорлупу яицъ, съ добавленіемъ извѣстной доли воды; потомъ задѣлываютъ отверстіе воскомъ или какимъ-нибудь смолистымъ веществомъ и кладутъ подъ курицу. Чрезъ недѣлю или дней черезъ 10, зародыши получаютъ жизнь. Тогда разбиваютъ скорлупу и маленькія рыбки переносятся сначала въ небольшіе ящики съ частою проволочною сѣткою, которые погружаются въ проточную воду, а потомъ, когда выводки достаточно уже подросли, ихъ переводятъ въ большіе басейны. Оригиналенъ этотъ способъ и нельзя не сказать, что кромѣ китайцевъ никому-бы не пришла мысль высиживать рыбъ, какъ цыплятъ, посредствомъ курицы.

— **Оспа въ Тибетѣ.** Оспу тибетцы считаютъ однимъ изъ величайшихъ несчастій, посылаемыхъ на родъ человѣческій, и не проходитъ года, въ который-бы она не производила въ Х'Ляссѣ (Хлассѣ) страшныхъ опустошеній. При совершенномъ безсиліи тибетской медицины, единственнымъ средствомъ, употребляемымъ народомъ противъ этой болѣзни, служитъ изгнаніе тѣхъ несчастныхъ семействъ, въ которыхъ окажутся заболѣвшіе. Едва показалась въ какомъ-либо жилищѣ оспа, всѣ въ немъ живущіе должны волею-неволею удалиться изъ города на вершины горъ или въ пустыню. Никому не дозволяется имѣть сообщенія съ этими злополучными изгнанниками, которые обыкновенно скоро погибаютъ отъ голода и дѣлаются добычею дикихъ звѣрей. У якутовъ существуетъ такое-же обыкновеніе и больные, среди зимы, въ трескучіе морозы, изгоняются въ лѣса или на тундры, гдѣ, окоченѣвъ, умираютъ, хотя-бы могли выздоровѣть, оставаясь въ теплѣ среди родственныхъ семействъ. Умершіе отъ оспы не пользуются въ Тибетѣ даже похоронными почестями; на это имѣютъ право лишь умирающіе отъ другихъ болѣзней. Въ послѣднемъ случаѣ у нихъ существуетъ 4 способа погребенія: первый—сожженіе, второй—погруженіе тѣлъ въ озера и рѣки, третій—выставленіе тѣлъ на возвышенностяхъ, гдѣ ихъ клюютъ хищныя птицы и, наконецъ, четвертый и уже самый почетный—разрѣзаніе труповъ на куски, которые отдаются на съѣденіе собакамъ. Отъ этого происходитъ большое уваженіе къ собакамъ которые не убиваются и бродятъ по улицамъ Х'Ляссы безчисленными стаями.

— **Тюремное заключеніе въ Китаѣ.** Тюрьмы въ Китаѣ, въ одной изъ которыхъ заключенъ теперь злополучный Чунъ-Хоу, бывшій китайскій посланникъ въ Россіи, устроены до крайности дурно. Тамъ на каждомъ шагу поражаетъ самое вопіющее безчеловѣчіе. Лордъ Эльджинъ, англійскій посланникъ въ Китаѣ, посѣщавшій кантонскія тюрьмы, утверждаетъ, что эти китайскія зданія состоятъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ дворовъ, соединенныхъ между собою и обнесенныхъ одною общею стѣною. Вокругъ этихъ дворовъ расположены клѣтки, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ держатъ въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ дикихъ звѣрей. Рѣшетка обыкновенно дѣлается изъ бамбуковыхъ тростей, до того часто расположенныхъ, что даже свѣтъ не вполнѣ проникаетъ въ глубину клѣтки. Обыкновеннымъ арестантамъ еще дозволяется во время дня быть на дворѣ, но болѣе преступные подвергаются самымъ страшнымъ истязаніямъ. Ноги ихъ закованы въ желѣзо, руки также. Въ этомъ ужасающемъ помѣщеніи зловоніе нестерпимое. Лордъ Эльджинъ посѣтилъ эти смрадныя логовища среди бѣлаго дня. Онъ полагалъ сначала, что всѣ клѣтки пусты, однако изъ одной послышался раздирающій душу стонъ. Лордъ подошелъ къ ней и съ ужасомъ отступилъ, пораженный страшнымъ запахомъ. Онъ велѣлъ немедленно отворить клѣтку, и глазамъ его представилось слѣдующее зрѣлище: на полу лежалъ трупъ, наполовину изъѣденный крысами, а другіе заключенные живые сидѣли скованными вокругъ мертваго тѣла. Тотчасъ-же было сдѣлано распоряженіе вывести ихъ оттуда; это были скорѣе скелеты, чѣмъ живые люди; ихъ положили на землю. Они до того были истощены, что не могли говорить. Вся вина этихъ несчастныхъ заключалась только въ томъ, что они пытались бѣжать отъ жестокаго съ ними обращенія. Страшное зрѣлище ранъ и рубцовъ, покрывавшихъ тѣла заключенныхъ, исхудавшихъ до послѣдней крайности, было, однако, менѣе поразительно, чѣмъ выраженіе ихъ потухавшихъ глазъ. Взоръ ихъ наводилъ ужасъ. Они уже 4 дня не получали пищи, и тѣ изъ нихъ, которые не могли удержать криковъ, исторгаемыхъ голодомъ, подвергались отъ тюремщиковъ страшнымъ побоямъ бамбуковыми палками. При самомъ началѣ каждаго года, въ этихъ клѣткахъ умирало не менѣе 15 человѣкъ; можете-же изъ этого заключить, сколько втеченіи всего года умирало ихъ во всѣхъ тюрьмахъ. Союзные комисары, такъ какъ это было тотчасъ по окончаніи войны съ Китаемъ, произвели осмотръ 6,000 заключенныхъ, которые всѣ привели ихъ въ ужасъ, а во время новыхъ смутъ въ Пекинѣ и другихъ городахъ Китая, такая-же страшная участь выпала въ тамошнихъ тюрьмахъ на долю 4 англичанъ и 2 французовъ. Упомянутый осмотръ тюремъ сдѣланъ былъ по случаю изданія повелителемъ небесной имперіи манифеста о помилованіи всѣхъ китайскихъ купцовъ, торговавшихъ съ иностранцами. Комисары трехъ державъ хотѣли убѣдиться на дѣлѣ, приведена-ли обнародованная амнистія въ исполненіе.

— **Раскопки подъ Плевной.** Подъ Плевной идутъ дѣятельныя работы; въ настоящее время раскапываются вокругъ города и курганы сглаживаются. Копая землю, рабочіе нашли въ землѣ 16 пушекъ и до 10,000 ружей. Эти военные трофеи, вѣроятно, зарыты Османъ-пашою, передъ его неудачной вылазкой, окончившейся, какъ извѣстно, плѣномъ всей его арміи.

— **Потребленіе булавокъ.** Одинъ досужій туристъ доставилъ свѣденія, которыя онъ собиралъ втеченіи 10 лѣтъ. Свѣденія эти относятся къ потребленію булавокъ Европою. Оказывается, что ежедневно въ Европѣ выдѣлывается 80,000,000 штукъ булавокъ и почти тоже число теряется въ день. Самые большіе производители: Лондонъ и Дублинъ (50,000,000), а потребитель—Парижъ.

— **Въ пользу голодающихъ.** Американцы по примѣру парижанъ въ настоящее время приступили къ изданію роскошнаго журнала, который будетъ выходить въ Нью-Іоркѣ, съ цѣлію облегчить по возможности страданія голодающихъ ирландцевъ. Журналъ этотъ носитъ названіе «The Art Autograph»; сотрудниками его пожелали быть многіе художники, литераторы, ученые, механики, архитектора и госу-

*) Такія-же заведенія находятся теперь и у насъ въ Россіи.

дарственные люди заатлантической республики. Журналъ выйдетъ въ свѣтъ въ 20,000 экземплярахъ, объемъ немного болѣе «Paris-Murcie».

— **Народныя школы Америки.** На дѣло народнаго образованія американцы имѣютъ свой особый взглядъ и вообще къ научному образованію непремѣнно присоединяютъ какую-нибудь спеціальность въ родѣ изученія практически различныхъ ремеслъ, хозяйства и тому подобное. Въ школахъ Нью-Іорка и Бостона мальчиковъ и дѣвочекъ учатъ разнымъ работамъ; смотря по наклонностямъ ребенка, его направляютъ или на ремесла, или на поварскія обязанности, лакейскія, кучерскія и т. д., при этомъ выдаются атестаты, которые служатъ рекомендаціею желающему поступить на мѣсто. Кромѣ того каждый воспитанникъ или воспитанница подобной школы выучиваются чтенію, письму, арифметикѣ; каждый или каждая обучены шитью и кройкѣ своего костюма.

— **Новая летающая машина.** Въ Германіи идетъ дѣятельная работа надъ устройствомъ воздухоплавательной машины. Къ громадному воздушному шару помощью особаго приспособленія укрѣплены 3 цилиндра на подобіе наглухо закупоренныхъ ящиковъ съ механизмомъ, изъ котораго наружу выходятъ по 12 осей съ навинченными на нихъ крыльями; эти крылья, при вращеніи шара и направленіи линіи его полета, приводятся въ движеніе и вращаются съ произвольной быстротой; ящики находятся одинъ надъ другимъ, въ среднемъ помѣщается воздухоплаватель, приводящій въ движеніе всю машину имѣющимися подъ руками клапанами. Первый опытъ въ Лейпцигѣ былъ, однакожъ, неудаченъ. Когда обрѣзали веревки, шаръ очень медленно началъ подыматься, затѣмъ порывисто рванулся въ верхъ; спутники воздухоплавателя перепугались и, когда шаръ поднялся на высоту дома, двое изъ нихъ выпрыгнули изъ своей корзины и, по счастію, только сильно разбились. Послѣ этого машина съ такою силою устремилась въ верхъ, что въ минуту шаръ уже достигъ 4000 футовъ и со страшнымъ гуломъ разорвался, масса полетѣла внизъ, но благодаря быстротѣ вращенія крыльевъ, и не потерявшему присутствія духа изобрѣтателю г. Бауму, машина спустилась благополучно, не причинивъ никому вреда. Въ слѣдующій разъ опыты будутъ производиться съ тяжестію, дабы не могло случиться подобныхъ прыжковъ, могущихъ причинить серьезныя послѣдствія.

— **Австралійскій театръ.** Мельбурнскій театръ большой оперы поставилъ интересную пьесу подъ названіемъ «Счастливая страна», въ которой главными дѣйствующими лицами являются Гладстонъ и Биконсфильдъ.

— **Международный музыкальный конкурсъ.** Въ г. Гагѣ устраивается національный и международный вокальный и музыкальный конкурсъ; днемъ состязанія будетъ назначено 14 и 15 числа августа этого года. Въ пѣніи будетъ состязаться извѣстное англійское общество хорового пѣнія «Св. Сесиліи». Желающихъ принять участіе въ конкурсѣ приглашаютъ адресоваться къ секретарю общества въ Гагу; къ музыкальнымъ обществамъ будутъ посланы особыя приглашенія.

— **Девятисотлѣтній юбилей.** Въ верхней Австріи, въ Штиріи, маленькій городокъ Штейа въ будущемъ августѣ будетъ праздновать свой 900-лѣтній юбилей. Городокъ этотъ замѣчателенъ по мѣсту рожденія знаменитаго народнаго пѣвца Ганса Офтердингена.

— **Домикъ Жанъ-Жака Руссо.** Въ Парижѣ, въ улицѣ Кордье, почти въ центрѣ латинскаго квартала, небольшой домикъ, въ которомъ жилъ Жанъ-Жакъ Руссо и гдѣ впослѣдствіи проживала Жоржъ Зандъ, перешелъ въ національную собственность и обращенъ въ пріютъ для рабочихъ.

Шахматный отдѣлъ.

Матчъ Розенталя съ Цукертортомъ, по всей вѣроятности, окончится не скоро; по послѣднимъ извѣстіямъ результатъ первыхъ десяти партій таковъ:

Цукерторъ выигралъ....	2
Розенталь..................	1
Ничьихъ было..........	8

ПАРТІЯ № 13.

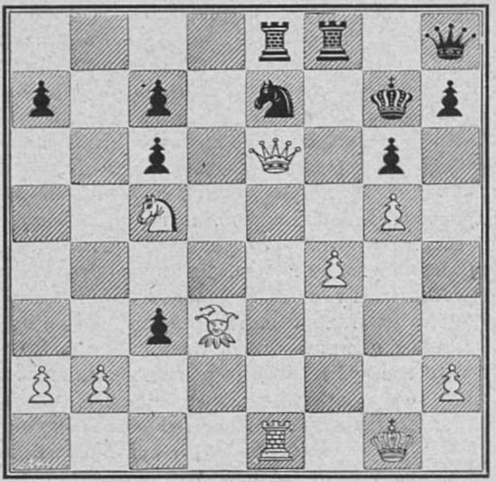
Играна 28-го апрѣля 1880 г. въ петербургскомъ шахматномъ обществѣ. 6-я партія матча.

Шотландская партія.

М. Чигоринъ.	Э. Шифферсъ.
Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. d2—d4 *a*	3. e5 : d4
4. К f3 : d4 *b*	4. С f8—c5 *c*
5. С c1—e3 *d*	5. Ф d8—f6
6. c2—c3	6. К g8—e7
7. С f1—c4	7. d7—d6 *e*
8. f2—f4	8. Ф f6—g6
9. 0—0	9. Ф g6 : e4 *f*
10. Л f1—e1	10. Ф e4—g6 *g*
11. К d4 : c6	11. С c5 : e3 †
12. Л e1 : e3	12. b7 : c6
13. Ф d1—e2	13. Ф g6—f6
14. К b1—d2	14. d6—d5
15. С c4—d3	15. С c8 : e6
16. Л a1—f1!	16. g7—g6
17. К d2—b3	17. 0—0
18. g2—g4 *h*	18. Л a8—e8
19. К b3—c5	19. d5—d4
20. g4—g5	20. Ф f6—h8 *i*
21. Л e3 : e6	21. f7 : e6
22. Ф e2 : e6 †	22. Кр g8—g7
23. Л f1—e1!	23. d4 : c3 *k*

Положеніе партіи послѣ 23 хода черныхъ.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые дѣлаютъ матъ въ 5 ходовъ:

24. Ф e6 : e7 †	24. Л e8 : e7
25. Л e1 : e7 †	25. Кр g7—g8 *l*
26. С d3—c4 †	26. Л f8—f7
27. Л e7—e8 †	27. Кр g8—g7
28. К c5—e6 † и матъ.	

Примѣчанія къ партіи.

a) Этому началу и присвоено названіе дебюта.

b) Это лучшее продолженіе; также играютъ здѣсь 4. С f1—c4, но это слабѣе: 4... С f8—c5; 5. К f3—g5, К g8—h6; 6. К g5 : f7, К h6 : f7; 7. С c4 : f7 †, Кр e8 : f7; 8. Ф d1—h5 †, g7—g6; 9. Ф h5 : c5, d7—d5!; 10. e4 : d5 (или 10. Ф : d5, Ф : d5; 11. e4 : d5, Л h8—e8 †; 12. Кр e1—d1; К c6—b4 и т. д.), 10... Л h8—e8 †; 11. Кр e1—d1, Л e8—e5; 12 c2—c4, Ф d8—h4; 13. Ф c5—a3, С c8—g4 †; 14. f2—f3, Ф h4—f2; 15. С c1—d2, Ф f2 : g2 и черные должны выиграть.

c) Продолженіе 4... Ф d8 h4 ведетъ къ выигрышу пѣшки: 5. К d4—b5, Ф h4 : e4 †; 6. С f1—e2, С f8—b4 †; 7. С c1—d2! (если 7. c2—c3, то С b4—a5, защищая пѣшку c7), Кр e8—d8; 8. 0—0, С b4 : d2; 9. К b1 : d2 — за пѣшку черные подвергаются атакамъ, и чрезъ это игра уравнивается.

d) Хуже 5. c2—c3, тогда Ф d8—e7 и выигрываютъ пѣшку.

e) Если 7... К c6—e5, то бѣлымъ лучше всего отступить слономъ на e2 и послѣ рокировки продолжать атаку посредствомъ f2—f4.

f) За выигрышъ этой пѣшки черные подвергаются очень сильной атакѣ; трудно, конечно, предвидѣть всѣ опасности, которымъ они теперь подвергаются.

g) 10... С c5 : d4 было всетаки лучше, но и при этомъ бѣлые, отвѣчая 11. c3 : d4!, 0—0; 12. К b1—c3, Ф e4—g6; 13. d4—d5, К c6—b8!; 14. С e3 : a7, возвращаютъ пѣшку, имѣютъ атаку и положеніе ихъ нѣсколько лучше. Рокировать же черные не могли на 10 ходѣ, вслѣдствіе потери ферзя: 10... 0—0; 11. С c4—d3, Ф e4—d5; 12. c3—c4.

h) Необходимо не допустить коня на f5 и это стѣсняетъ игру черныхъ.

i) Если 20... Ф f6—g7, то 21. К c5 : : e6, f7 : e6; 22. Л e3 : e6, d4 : c3; 23. b2 : c3 и бѣлые могутъ выиграть фигуру послѣ Л f1—e1 и С d3—c4.

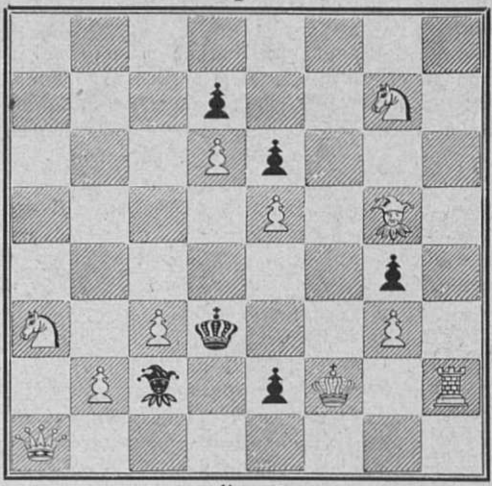
k) На 23... К e7—f5 бѣлые отвѣтили бы 24. Ф e6—d7 † и выигрываютъ ладью. На 23... h7—h6, послѣдствія были бы: 24. Ф e6 : e7 †, Л e8 : e7; 25. Л e1 : e7, Кр g7—g8 (Л f8—f7; 26. К c5—e6 † и въ 2 хода матъ); 26. С d3—c4 †, Л f8—f7; 27. Л e7 : f7, ∞; 28. Л f7 : c7 † и выигрываютъ ферзя.

l) При 25... Л f8—f7 послѣдовалъ бы матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 38.

С. Пирсона.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшенія задачъ:

№ 23. Беннетъ.

1. $\frac{\text{Л b5—b4}}{\infty}$; 2. одинъ изъ коней дѣлаетъ матъ.

Правильно рѣшили: *К. Сердешневъ, Н. Пикачевъ, П. Ланевскій, А. Бекеневъ, Н. Петеръ, Н. Лобшицъ, Э. Пертель, «Новгородецъ», В. Горинескій, Н. Даржанъ, В. Коробановъ, С. Меерович, А. Корсбергъ.*

№ 24. Іенсена.

1. $\frac{\text{Л g4—d4!}}{\infty}$; 2. Л или С ✕

Рѣшили: тѣ же лица и *А. Сварчевскій, В. Бинштокъ, Романовскій, Захаровъ.*

№ 25. Урсина.

1. $\frac{\text{К c7—a6}}{\text{Кр a5 : a6}}$ 2. $\frac{\text{b2—b4}}{\text{c3—c2}}$ 3. b4—b5 ✕

1. $\frac{\text{. . .}}{\text{Кр a5—a4}}$ 2. $\frac{\text{К a6—c6 †}}{\text{Кр} \infty}$ 3. С e1 : c3 ✕

Рѣшили: *Н. Пикачевъ, П. Ланевскій, А. Сварчевскій, А. Бекеневъ, Н. Петеръ, В. Горинескій, Э. Пертель, «Новгородецъ», В. Бинштокъ, Романовскій, Захаровъ, Н. Даржанъ, С. Меерович, А. Корсбергъ*

ОТЪ КОНТОРЫ. № 21-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 24 мая въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 26 мая въ 2 часа по полудни.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Высочайшій манифестъ.—Изъ Тардье, стих. **В. Немировича-Данченко.**—Изъ отдаленныхъ мѣстъ, повѣсть **М. А. Филипова.**— Иванъ Николаевичъ Крамской, **Диллетанта.**—Литературные и драматическіе очерки, ст. **Эмиля Золя.**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Евреи на молитвѣ, картина **А. Шена.**—Ростепель, картина **А. И. Мещерскаго.**—Маргарита въ тюрьмѣ, картина **Лиценъ-Мейера.**—Уличный писецъ, карт. **Вильгельма Видера.**—Мадонна, скульп. **Г. Доре.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ.

Карманные солнечные **часы, угломѣръ и компасъ** въ «Регуляторѣ часовъ». Привилегированный. Цѣны съ пересылкою 3 р., большій 4 р., посеребр. 5 р., позолоч. 6 р., Адресъ: въ гор Вытегру, Олонецкой губерніи, Іосифу Андреевичу Милевскому.

При этомъ нумерѣ прилагается седьмой двойной листъ романа А. Михайлова **„Чужіе грѣхи“.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 мая 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Томъ I. Годъ VIII.

№ 23. За годъ съ пер. и дост.—7 руб. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 к. за нумеръ. За полгода—4 руб. 7 Іюня 1880 года.

Пѣсня писателей.

Изъ Драгутина Раковца *).

Стих. В. Немировича-Данченко.

Ружье на гвоздь и мечъ долой,
Друзья, пришла пора иная,—
Проложатъ намъ широкій путь
Теперь перо и мысль живая.

На стражѣ были мы давно
И жгли мы пороху не мало,
Въ борьбѣ окрѣпъ народный умъ
И наше чувство возмужало.

Стяжали въ битвахъ роковыхъ
Знаменъ изодранныхъ мы груду,
Но нива знанія за то
Пуста и мракъ царитъ повсюду!

Мы Божій крестъ спасли мечемъ,
Теперь пора иного вѣка —
И честной мыслью и перомъ
Въ рабѣ разбудимъ человѣка.

Ружье на гвоздь и мечъ долой,
Друзья, пришла пора иная,—
Проложатъ намъ широкій путь
Теперь перо и мысль живая.

*) Сербо-иллирійскій поэтъ.

Изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Повѣсть М. А. Филипова.

(*Продолженіе.*)

Глава V.

Бомбардировка Одессы.

Прошло съ того времени много лѣтъ: я успѣлъ поступить въ лицей, перейдти оттуда въ петербургскій университетъ и, по окончаніи курса наукъ, снова возвратился въ Одессу, гдѣ поселились мои престарѣлые родители.

Я занялся частными дѣлами и они шли не дурно, да стряслась всеобщая бѣда: загорѣлась крымская война.

Съ лихорадочнымъ трепетомъ одесситы слѣдили за политикой и послѣ синопскаго погрома, когда англо-французы вступили въ Черное море, они еще сильнѣе встревожились: одескій портъ совершенно открытъ и могъ легко подвергнуться непріятельскому нападенію.

На вербной недѣлѣ слухи разнеслись по городу, что какой-то непріятельскій пароходъ подходилъ къ порту и выслалъ катеръ съ парламентерскимъ флагомъ, но прибрежная батарея по немъ стрѣляла, такъ какъ онъ производилъ промѣры.

Катеръ и пароходъ исчезли; но въ страстную пятницу, послѣ обѣда, показалась на горизонтѣ огромная эскадра, которая расположилась на рейдѣ, внѣ выстрѣловъ.

Ночь въ городѣ была тревожная. Поговаривали, что съ эскадры былъ къ командующему нашими войсками парламентеръ и что будто-бы онъ требовалъ сдачи города.

Кто имѣлъ лошадей, тотъ тотчасъ выѣхалъ изъ него; по большая часть удалилась въ предмѣстье Одессы—въ такъ называемую Молдаванку.

Родители мои ни за что не хотѣли покинуть города, и, и томъ у насъ для этого и средствъ не было, потому что втеченіи зимы былъ совершенный застой въ дѣлахъ.

До глубокой полночи я бродилъ по городу и въ особенности по бульвару.

Ночь была темная и всѣ улицы, прилегающія къ нему, заняты были войсками: явно боялись ночной высадки непріятельскихъ войскъ.

Городская молодежь сильно волновалась: если будетъ высадка, говорили многіе,—мы будемъ стрѣлять изъ оконъ.

И замѣчательно, когда приблизилась опасность, боязнь у всѣхъ исчезла и явилось лишь негодованіе и озлобленіе на врага, который нападаетъ на мирный и беззащитный городъ.

Часа въ два ночью я возвратился домой и зашелъ къ плацъ-адъютанту, который жилъ со мною въ одномъ домѣ.

Я засталъ его въ большой суетѣ: онъ укладывалъ свои бумаги и вещи въ чемоданы.

— Куда это вы? спросилъ я.

— Сдѣлано распоряженіе на случай высадки—выступить на Тираспольскую заставу.

— Развѣ опасность такъ велика?

Онъ подалъ мнѣ отпечатанную на четвертушкѣ бумаги прокламацію командующаго войсками, которая приблизительно гласила слѣдующее: «граждане! непріятель желаетъ овладѣть городомъ; спасайте свои семейства и имущество.

Прочитавъ прокламацію, я сказалъ:

— Едва-ли непріятель будетъ брать городъ: нѣтъ расчета. Чтобы удержать его, необходимо много войска. При томъ, если будетъ высадка, жители и безъ вашей прокламаціи разбѣгутся.

— Такъ, по вашему мнѣнію, не слѣдуетъ раздавать прокламацію по городу.

— Я думаю, что она сдѣлаетъ много несчастій; она произведетъ панику... Представьте себѣ такой случай: жители завтра зажгутъ городъ; а непріятель, полюбовавшись пожаромъ, можетъ уйдти, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

— Это совершенно справедливо, замѣтилъ плацъ-адъютантъ —Сейчасъ-же ѣду къ коменданту, а отъ него къ командующему войсками.

Онъ сѣлъ на стоявшую у крыльца его лошадь и поскакалъ.

Чрезъ полчаса онъ вернулся домой, съ радостною вѣстью, что прокламацію велѣно уничтожить.

Я отправился къ себѣ спать. Къ удивленію моему мать моя еще не спала: она возилась въ кухнѣ.

— Что вы дѣлаете, мамаша? спросилъ я.

— Приготовляю на завтра тѣсто для бабъ и куличей...

— Теперь не до бабъ и куличей, замѣтилъ я.

— Ужь какъ хочешь, хотя-бы непріятель ворвался въ городъ, все-же на пасху у меня будетъ все готово...

Я поцѣловалъ у нея руку и пошелъ спать. Мужество моей матери успокоило и меня и я заснулъ.

Часовъ въ шесть утра ко мнѣ въ комнату влетѣлъ короткій мой пріятель болгаринъ, окончившій въ Вѣнѣ медицину и проживавшій въ Одессѣ по дѣламъ.

На немъ была турецкая феска и онъ припоясанъ былъ кривою турецкою саблею.

— Разбойникъ! кричалъ онъ,—непріятель на носу... городъ въ огнѣ.. а онъ спитъ...

Я открылъ глаза:

— Не ори, дай мнѣ спать...

— Развѣ не слышишь выстрѣлы?

— Слышу.

— Забирай семью и отправляйся со мною на Молдаванку. Я у водовоза своего нанялъ помѣщеніе; а на бочку свою онъ привязалъ мои чемоданы... Проворнѣй... ворочайся... каждый часъ дорогъ...

— Убирайся къ чорту, сказалъ я, потягиваясь.—Гей! мальчикъ!..

Явился мой лакей.

— Принеси кофе... хочешь кофе?..

— Къ чорту иди ты съ своимъ кофеемъ... слышишь выстрѣлы... сейчасъ бомба влетитъ къ тебѣ въ комнату... бр... бѣгу...

— Стой... подожди: одѣнусь и, по крайней мѣрѣ, выйдемъ вмѣстѣ со двора.

Онъ торопилъ меня, лихорадочно ходилъ по комнатѣ и порывисто говорилъ:

— Просто съумасшедшіе... не понимаютъ опасности... будетъ высадка, всѣхъ перерѣжутъ... они баши-бузуковъ не знаютъ.

Какъ смѣшонъ онъ ни былъ, но я поторопился одѣться и, на походѣ выпивъ кофе, вышелъ съ нимъ.

За воротами стояла бочка. На ней навязанъ былъ чемоданъ, туда-же взгромоздился болгаринъ.

Лошадь тронули, бочка затряслась и болгаринъ, ухватясь за веревку, которою прикрѣпленъ былъ чемоданъ, представлялъ уморительное зрѣлище.

Вся фигура его подскакивала, кривая сабля стучала о пустую бочку и производила оглушительный шумъ.

Я расхохотался громко.

— Пропадай здѣсь, съумасшедшій, крикнулъ онъ мнѣ и исчезъ на поворотѣ въ другую улицу.

Я пошелъ по направленію къ соборной церкви.

Въ отдаленіи слышались глухіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ учащенные выстрѣлы.

Я вошелъ въ соборъ. Плащаница стояла на обычномъ мѣстѣ, къ ней прикладывалось много народу и много солдатъ.

Въ то время, когда я приложился къ плащаницѣ, выстрѣлы до того усилились, что огромное церковное паникадило стало качаться, какъ маятникъ.

— Ухъ, жарко... замѣтилъ солдатикъ.

— Пойду посмотрю, что тамъ дѣлается, отвѣчалъ я.

— Шальная убьетъ еще, улыбаясь, продолжалъ солдатикъ.

— Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать, подхватилъ другой.

— Это справедливо, сказалъ я и, выйдя изъ церкви, пошелъ по направленію къ бульвару.

Улицы были пустынны. На Сабанѣевомъ мосту я увидѣлъ верхомъ штабъ-офицера. Подойдя къ нему, я узналъ въ немъ стараго моего пріятеля М... онъ былъ ординарцемъ при командующемъ войсками.

Мы другъ другу пожали руки.

— Нѣтъ-ли огонька, спросилъ онъ,—хочется покурить.

— Зайдите въ любой домъ, сказалъ я.—Тамъ, вѣроятно, найдете спички.

— Дома всѣ пусты, возразилъ онъ.

— Что-же вы здѣсь дѣлаете?

— Отсюда виденъ хорошо дѣйствующій флотъ да и безопасно...

Едва онъ это произнесъ, какъ надъ головами нашими прошипѣла неистово и оглушительно бомба, влетѣла въ окно сосѣдняго магазина и тамъ разорвалась.

Изъ окна магазина показался дымъ.

— Вотъ гдѣ мы найдемъ огонь, замѣтилъ я, вынимая изъ кармана папиросу.

М... слѣзъ съ лошади.

— Дѣло, только какъ мы туда попадемъ?..

Въ это время изъ сосѣдняго дома выскочила крестьянка съ ведромъ воды.

— Куда? спросилъ я.

— Тушить пожаръ... меня господа оставили для этого въ домѣ.

— Тебѣ нестрашно?

— Чего?.. Мы не господа какіе-нибудь...

Она отомкнула ключемъ замокъ магазина и вошла туда.

М... привязалъ лошадь свою къ воротамъ и мы послѣдовали за крестьянкой.

Оказалось, что бомба, хотя ее разорвало, не причинила ни особеннаго разоренія, ни пожара...

— Ну, баба, давай огня, сказалъ я.

— Сейчасъ принесу сюда; подождите...

Въ это время на крышу магазина упала бомба и ее разорвало.

— Нѣтъ, сказалъ я, — лучше мы пойдемъ на улицу.

Мы вышли на улицу; еще одна бомба прошипѣла надъ нами и ее разорвало въ сосѣднемъ дворѣ.

— Эге!.. воскликнулъ я.—Это вы съ вашей лошадью надѣлали столько бѣдъ. Непріятель васъ увидѣлъ и предполагаетъ, что здѣсь войска.

Едва я произнесъ эти слова, какъ бомба шагахъ въ ста отъ насъ упала на мостовую и разорвалась.

— Когда такъ, то лучше уйдти, сказалъ я.

— А я поѣду къ войскамъ.

М... вскочилъ на лошадь.

Крестьянка вынесла спички, мы закурили папиросы и пожали другъ-другу руки.

— Вы куда? спросилъ М...

— На бульваръ.

— Тамъ еще жарче...

— Посмотримъ.

— Любопытство погубило нашихъ прародителей.

— Яблоко отъ яблони далеко не падаетъ...

Мы раскланялись: М... пришпорилъ коня и помчался; я отправился на бульваръ.

Не успѣлъ я отойдти на сто шаговъ, какъ на то мѣсто, гдѣ мы вели бесѣду, упали двѣ бомбы и разорвались.

— Благо, что ушли: мы бы обратились въ битки или котлетки, подумалъ я и поторопился на бульваръ.

Бульваръ былъ пустъ. У памятника Ришелье я остановился и съ удивленіемъ увидѣлъ близъ него осколки бомбы и гранита: бомба ударила въ памятникъ и отбила кусокъ гранита.

— Французы, подумалъ я, — мѣтятъ вѣрно въ своихъ великихъ людей.

Вѣтеръ былъ сильный и на бульварѣ вихрь подымалъ пыль столбомъ.

— Ну, продолжалъ я думать,—при такомъ вѣтрѣ и качкѣ едва ли выстрѣлы могутъ быть мѣтки и на одного меня едва ли непріятель станетъ тратить порохъ. Я пошолъ смѣло по бульвару. На немъ не было никого. Когда я взглянулъ на море, мнѣ представилась слѣдующая картина: на-право за карантиннымъ моломъ въ правильные ряды были выстроены до 50 вымпеловъ англо-французскихъ; они состояли изъ винтовыхъ и колесныхъ кораблей, фрегатовъ и бриговъ. На - лѣво, между Андросовскимъ моломъ и пересыпомъ, виднѣлось пять вымпеловъ, стрѣлявшихъ то въ городъ, то на Андросовскій молъ.

Наши батареи имѣлись въ карантинной гавани, на карантинной горѣ, на Андросовскомъ молѣ и внизу бульвара. Но такъ какъ непріятель былъ внѣ нашихъ выстрѣловъ, потому что всѣ наши старыя орудія были не дальняго боя, то на непріятельскіе выстрѣлы отвѣчала только одна пушка съ Андросовскаго мола и то тогда, когда какое-нибудь судно проходило мимо батареи.

Когда я вошолъ на бульваръ, въ это время шестой непріятельскій вымпелъ отдѣлился отъ флота и сталъ равняться съ Андросовскою батареею.

Съ нея раздался выстрѣлъ и я перекрестился. Ну, подумалъ я, не скажутъ, что мы оробѣли. Но ядро показалось надъ водою (значитъ, не долетѣло) саженяхъ въ двухъ стахъ отъ шедшаго непріятельскаго судна.

Злость меня взяла. Я пошелъ вдоль бульвара, какъ тигръ въ клѣткѣ. Гляжу, верхомъ на каменныхъ перилахъ сидитъ кто-то. Я подошелъ къ нему.

— Саша!..

— Ваня!..

Оба мы невольно воскликнули.

— Гляди, сказалъ онъ,—какъ безнаказанно непріятель стрѣляетъ прямо въ тылъ Андросовской батареѣ... орудія направили на-право и забыли, что непріятель можетъ догадаться и зайдти намъ въ тылъ. Слѣдовало бы предать суду и строителей батареи и тѣхъ, кто на вѣрную смерть оставляетъ ея команду.

— Кто командуетъ батареею?

— Прапорщикъ Щеголевъ.

— Вотъ ужъ два часа, продолжалъ онъ, — я сижу здѣсь и слѣжу за этой неровной борьбой и жду, что чрезъ нѣкоторое время появится десантъ, чтобы взять съ тыла эту батарею... о! тогда я побѣгу къ Щеголеву на помощь...

Мужественное лицо его зарумянилось, глаза у него сверкали, да и заикался онъ мало, говоря это.

Онъ вынулъ папиросу и спички и предложилъ мнѣ.

Мы закурили папиросы. Подобно ему, я сѣлъ верхомъ на перила.

— Мы давно не видались, сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, со смерти моего отца.

Я разсказалъ ему, какъ я устроился.

— Я не такъ устроился, какъ ты, замѣтилъ онъ.—Я учиться не хотѣлъ; попалъ, притомъ, въ дурное общество; домишко свой прокутилъ и остались кое-какія крохи. Въ гимназіи достигъ только четвертаго класса и дальше не пошелъ. Пошелъ бы въ военную службу да заика — не гожусь, нужно командовать.

Въ это время надъ головами нашими пролетѣла бомба и ударила въ сосѣдній домъ.

— Какая пріятная музыка, сказалъ онъ.— Меня эта музыка воодушевляетъ, какъ будто я хватилъ хорошую порцію водки.

Нѣсколько минутъ мы молчали и слѣдили за полетомъ бомбъ съ пристани.

— Зачѣмъ ты не вывезъ своихъ родителей изъ города? спросилъ онъ.

Я разсказалъ ему причину.

— Чтожь, воскликнулъ онъ, — вѣдь на это нужно всего рублей пятьсотъ... Я завезу тебѣ... у меня сохранился еще одинъ банковый билетъ...

— А ты что будешь дѣлать безъ средствъ къ жизни.

— Поступлю въ какую-нибудь канцелярію: у меня хорошій почеркъ.

— Я не возьму у тебя денегъ: не имѣю права лишать тебя послѣдняго. Притомъ, война продолжится, быть можетъ, долго и Богъ знаетъ, когда можно будетъ тебѣ заплатить.

— Объ этомъ не безпокойся... половину своихъ денегъ я роздалъ бѣднякамъ, получилъ векселя и потомъ ихъ уничтожилъ...

— Я этого вовсе не желаю...

— Я такъ, къ слову... Знаю, что ты мнѣ возвратишь и что моего ты не захочешь...

Чтобы перемѣнить разговоръ, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Гдѣ теперь бывшій вашъ крѣпостной Грицко...

— Съ того времени, какъ онъ отравилъ моего отца, онъ бѣжалъ...

— А Семенъ Григорьевичъ?

— Все продолжаетъ это... это... это... и падаетъ въ обморокъ, когда видитъ предъ собою графинъ съ водою... ужь не водобоязнь-ли это?..

— Должно быть...

— А у тети Анны Петровны каждое воскресенье свѣжіе цвѣты на могилѣ... продолжалъ онъ.

Я покраснѣлъ и какъ-то глупо произнесъ:

— Неужли...

— Гдѣ ты живешь, спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Я разсказалъ ему.

— Непремѣнно буду у тебя и, быть можетъ, сегодня-же. Теперь пойду домой: ужасно ѣсть хочу.

Мы встали и пошли съ бульвара. Близъ Палерояля мы растались. Съ искреннимъ чувствомъ я пожалъ ему руку.

Когда я пришелъ домой, мать моя встрѣтила меня съ разстроеннымъ видомъ.

— Что случилось, воскликнулъ я съ испугомъ.

— Такое несчастье... такое несчастье...

— Не бомба-ли кого убила?

— Хуже...

— Да хуже не можетъ быть...

— Я тебѣ говорю—хуже...

— Говорите скорѣй... не мучьте меня...

— Проклятые непріятельскіе выстрѣлы... да, именно, проклятые... Я простить имъ це могу...

чрезъ это стрѣлянье мои бабы не взошли, какъ слѣдуетъ...

Съ души слегло.

— Мамаша, вы все съ своими бабами...

— Тебѣ хорошо, а мнѣ-то каково: въ первый разъ въ жизни бабы у меня не взошли такъ, какъ слѣдуетъ...

— Дай Богъ, чтобы у насъ больше и горя не было.

— Нѣтъ, какъ хочешь, настаивала матушка моя, — я англо-французамъ до смерти этого не забуду...

— И не забывайте; а я ѣсть хочу и не пора-ли обѣдать.

Подали обѣдъ и мы, пообѣдавши съ апетитомъ, пошли съ отцомъ по своимъ комнатамъ спать.

Я сладко заснулъ. Снилось мнѣ, что непріятель вступилъ въ городъ, ружья и пушки стрѣляютъ, солдаты наши и жители дерутся съ непріятелемъ... Шумъ, гамъ...

Но вотъ я проснулся: предо мною стоялъ докторъ болгаринъ.

— Можно-ли спать, кричалъ онъ,—когда непріятель наступаетъ... все взорвано на воздухъ... на новомъ базарѣ бомбы летаютъ, какъ рой пчелъ... когда...

— Когда что?.. прервалъ я его, зѣвая.

— Когда всѣ батареи наши умолкли...

— Да они все время молчали... Одинъ прапорщикъ Щеголевъ стрѣлялъ изъ единственнаго орудія и то больше попадалъ въ волны морскія и, вѣроятно, много молюсковъ побилъ.

— Но на Молдаванкѣ говорятъ, что онъ три корабля и четыре парохода взорвалъ на воздухъ...

— Можетъ быть, и больше; но я сидѣлъ на бульварѣ и при мнѣ онъ только два выстрѣла сдѣлалъ.

— Вотъ какъ люди врутъ... А я съ Молдаванки пріѣхалъ сюда, чтобы порадовать васъ и перетащить къ себѣ...

Въ это время вошелъ ко мнѣ Саша.

Я его представилъ доктору. Тотъ сѣлъ молча въ уголокъ.

— Ѣду, продолжалъ докторъ,—сюда и вдругъ, о, ужасъ! слышу трескъ и грохотъ... встрѣчаю бѣгущаго мальчика и онъ говоритъ мнѣ: все погибло, все взлетѣло на воздухъ, все сдалось и десантъ идетъ... впрочемъ, я турокъ не боюсь, да и англо-французовъ, не даромъ я въ фескѣ: она защититъ меня...

— Я только-что съ бульвара, прервалъ его Саша. — Высадка готовится, сотни лодокъ подплываютъ ужь къ берегу и на лодкахъ все турки... турки... и турки...

При послѣднихъ словахъ болгаринъ вскакиваетъ съ мѣста и, не давая намъ руки, кричитъ:

— Ужь вы оставайтесь здѣсь, а я — покорнѣйше благодарю...

И съ этими словами исчезаетъ.

— И правда то, что ты сказалъ.

— Нѣтъ... я хотѣлъ его прогнать, хохоча, отвѣчалъ Саша. — Непріятель, продолжалъ онъ, взорвалъ пороховой погребъ на андросовскомъ молѣ и болѣе ничего. Щеголевъ по этому случаю получилъ приказъ: заклепавъ орудія, оставить батарею. Высадка-же заключалась въ томъ, что два непріятельскіе катера подъѣхали къ пересыпу и бросали туда конгревовы ракеты, не замѣчая того, что тамъ притаилась наша пѣшая батарея. Когда они приблизились къ берегу на картечный выстрѣлъ, два орудія выстрѣлили и потопили одинъ изъ катеровъ. Другой ушелъ. За то непріятельскія суда подняли адскую бомбардировку по пересыпу. Пѣшая артилерія наша тоже пострадала. Вотъ и все тутъ... Теперь обратимся къ дѣлу: возьми отъ меня въ пятьсотъ рублей банковый билетъ. Онъ тебѣ пригодится; у меня-же онъ исчезнетъ, какъ и все наслѣдственное мое имущество.

— Хорошо, замѣтилъ я, — но дѣло въ томъ, что чѣмъ ты будешь жить.

— Послѣ праздниковъ мнѣ обѣщались въ канцеляріи градоначальника дать мѣсто въ двадцать пять рублей ежемѣсячнаго жалованья. Этого будетъ съ меня довольно.

— Я беру твои деньги, но подъ условіемъ: возьми вотъ это заемное письмо; оно писано однимъ богатымъ витебскимъ помѣщикомъ на тысячу пятьсотъ рублей и чрезъ мѣсяцъ ему срокъ. Я поставлю свой бланкъ...

Я взялъ перо и написалъ на другой сторонѣ документа свою фамилію.

Саша не хотѣлъ взять заемнаго письма; но я иначе не принималъ его банковаго билета.

— Хорошо, сказалъ онъ наконецъ,—я возьму документъ твой, но съ тѣмъ, чтобы онъ оставался у тебя на храненіи: ты его лучше сбережешь.

Мы разстались.

Деньги Саши значительно меня поддержали и дали мнѣ возможность быть готовымъ на случай выѣзда изъ города; но этого не пришлось сдѣлать, такъ какъ непріятель, пострѣлявъ въ тотъ день по городу, болѣе не возобновлялъ бомбардировки и если англо-французскій флотъ втеченіи войны стоялъ въ виду Одессы, то явно было, что онъ приходилъ туда или на стоянку, или для того, чтобы задержать въ Одессѣ войска.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Сумасшествіе отъ любви.

Повѣсть **Катюлля Мендеса**. Переводъ **М. А. Мелехиной**.

(*Продолженіе*.)

Три года студенческой жизни прошли для Симеона такъ, что онъ ее не видѣлъ и къ ней не прикасался. Онъ двигался и работалъ, какъ автоматъ. Кисейныя платья вдоль уединенныхъ заборовъ никогда не увлекали его мыслей, всегда занятыхъ заботой о завтрашнемъ днѣ. Ему не были знакомы сердечныя слабости. Его товарищи, увлекаемые наслажденіями, удалялись въ лѣса, онъ-же поглядывалъ на нихъ только изъ за угла. Его не могли соблазнить сострадательныя искусительницы, которыя, видя его одного, приходили ему напоминать, что сегодня воскресенье и что погода хороша. Краснѣя, онъ отвѣчалъ имъ:

— Вы ошибаетесь, барышня, сегодня вторникъ и, кажется, будетъ дождь.

И онъ смотрѣлъ на удалявшихся тѣмъ-же взглядомъ, какимъ нѣкогда на бабочекъ въ саду своей матери.

Разъ онъ встрѣтилъ Раймонда Пишара. Послѣдній увлекался биржевой игрой: выигрывалъ и проигрывалъ поочередно.

— Здравствуй, Симеонъ, сказалъ онъ, —тебѣ, вѣрно, хорошо живется, ты растолстѣлъ. Одолжи мнѣ двадцать франковъ. Мы обѣдаемъ вмѣстѣ.

Послѣ обѣда Раймондъ повелъ друга въ театръ. Давалось волшебное представленіе, въ которомъ фигурировали полунагія женщины.

— О! о! сказалъ Симеонъ.

— Что такое? спросилъ Раймондъ.

— Ничего, отвѣтилъ тотъ.

Но онъ вышелъ подъ предлогомъ, что забылъ въ ресторанѣ носовой платокъ и не далъ своего адреса Раймонду Пишару.

Между тѣмъ онъ изучалъ римское право. Онъ выучилъ наизустъ «дигесты»; держалъ нѣсколько экзаменовъ и былъ принятъ изъ состраданія.

Онъ вернулся къ старинному другу отца.

— Это я; я теперь адвокатъ.

— Что такое? спросилъ администраторъ.—Я васъ не знаю. Кто вы такой?

— Симеонъ Шарлери, отвѣтилъ, запинаясь, молодой человѣкъ.

— Ахъ, да, я знаю—Симеонъ Шарлери. Чего вы отъ меня хотите?

Испуганный Симеонъ искалъ глазами выхода.

— Я угадываю, вы желаете мѣста? Вы думаете, что достаточно быть адвокатомъ для того, чтобы получить мѣсто? Сильно ошибаетесь, молодой человѣкъ. Тѣмъ не менѣе я постараюсь сдѣлать что-нибудь для васъ. Желаете-ли вы взять мѣсто экспедитора? Есть ваканція, постарайтесь ею воспользоваться.

Симеонъ воспользовался ею и съ тѣхъ поръ сдѣлался счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Ему не было никакой надобности думать. Онъ былъ одною изъ тысячи пружинъ сложнаго механизма. Рожденный автоматомъ, онъ двигался довольный, что ему не нужно было заранѣе обдумывать своихъ движеній. Ремесло экспедитора было совершенно по немъ: списывать почти тоже, что повиноваться.

Онъ вставалъ съ восходомъ солнца. Остановивъ будильникъ, заставившій его подняться, онъ самъ убиралъ свою маленькую комнатку, варилъ яйца на таганѣ, доканчивалъ какое-нибудь спѣшное дѣло, взятое изъ конторы для того, чтобы не оставаться празднымъ; затѣмъ, прилично одѣтый, довольный собою, съ дождевымъ зонтикомъ въ рукахъ, онъ выходилъ изъ дому. Ни разу онъ не приподнималъ занавѣски своего окна, чтобы посмотрѣть, есть-ли солнце на небѣ. Дорогой, пока еще не настало время идти на службу, онъ читалъ объявленія, но не театральныя, а тѣ, въ которыхъ говорилось о продажѣ недвижимостей. Какъ только онъ находилъ въ нихъ слово съ незнакомой орфографіей, онъ тотчасъ его списывалъ на одну изъ страницъ своего журнала для того, чтобы при случаѣ съумѣть его написать правильно. День у него проходилъ спокойно; онъ забавлялся тѣмъ, что выводилъ и разукрашивалъ заглавныя буквы. Его часто хвалили за прекрасный почеркъ и онъ былъ очень чувствителенъ къ этой похвалѣ. Ему обѣщали повышеніе. По воскресеньямъ онъ скучалъ: гулялъ по улицамъ и читалъ объявленія около закрытаго бюро.

Однажды (онъ уже не былъ болѣе экспедиторъ, а чиновникъ), господинъ Фовель, его ближайшій начальникъ, пригласилъ его обѣдать.

Это было особенное вниманіе. Симеонъ имъ справедливо гордился и не преминулъ облечься въ черный фракъ своего отца. Этотъ начальникъ былъ шестидесятилѣтній старецъ, только что женившійся на молоденькой и довольно хорошенькой дѣвушкѣ. Онъ принялъ Симеона по отечески, предсказалъ ему прекрасную карьеру, поручилъ его вниманію госпожи Фовель и за обѣдомъ упрашивалъ брать по три раза каждаго блюда.

— Да, молодой человѣкъ, говорилъ онъ,— со временемъ вы будете помощникомъ начальника, какъ я теперь. Клементина, я думаю, господинъ Шарлери охотно скушалъ бы еще кусочекъ цыпленка?

Симеонъ былъ сытъ по горло, до такой степени онъ уступалъ настояніямъ своего начальника, но онъ скорѣе рѣшился бы лопнуть, нежели отказаться отъ крылышка дичи, предложеннаго ему маленькими, розовыми пальчиками госпожи Фовель, все время ему улыбавшейся.

Съ этого дня Симеонъ Шарлери влюбился. Пора любви настала и для него. Но онъ любилъ, самъ того не сознавая. Если бы кто-нибудь сказалъ ему въ то время: вы обожаете госпожу Фовель, онъ былъ бы этимъ крайне удивленъ.

А между тѣмъ онъ готовъ былъ отдать за

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА А. ДИФФЕНБАХА.

Наканунѣ свадьбы.

Рѣзалъ на деревѣ Клаудіусъ.

нее свою жизнь. Ему уже болѣе не снилась кошка, заѣдавшая воробья; онъ видѣлъ каждую ночь во снѣ госпожу Фовель, улыбавшуюся и предлагавшую ему крылышко дичи. Онъ помнилъ каждое слово молодой женщины: «Юлія, вы подадите кофе въ гостиную» была фраза, которая постоянно раздавалась у него въ ушахъ.

Начальникъ, восхваляя достоинства своей жены, замѣтилъ между прочимъ, что она очень хорошо понимала хозяйство и особенно отличалась въ искуствѣ приготовлять макароны по неаполитански. Симеонъ сталъ каждый день обѣдать въ итальянскомъ ресторанѣ и ѣсть только однѣ макароны.

Утромъ, прежде чѣмъ отправиться въ бюро, онъ гулялъ подъ окнами своего начальника. По воскресеньямъ онъ уже болѣе не скучалъ, поджидая госпожу Фовель у входа въ церковь передъ обѣдней и передъ всенощной. Вслѣдъ за нею и онъ входилъ въ церковь, но тамъ уже болѣе не смотрѣлъ на нее, потому что былъ очень набоженъ.

Иногда онъ обѣдалъ у своего начальника. Въ тѣ дни, онъ обыкновенно вставалъ изъ за стола очарованный и пресыщенный. Онъ былъ какъ съ похмѣлья.

Во время работы въ бюро его ласкали уже менѣе однообразныя мечты. Однажды онъ написалъ слово: «Клементина», переписывая министерскій рапортъ и съ такимъ искуствомъ украсилъ его росчерками всевозможныхъ тоновъ и тонкими штрихами, что когда онъ подалъ этотъ рапортъ господину Фовелю, послѣдній воскликнулъ:

— Вотъ такъ превосходно написанное слово и это какъ разъ имя моей жены. Я это покажу госпожѣ Фовель.

Но, поступая такимъ образомъ, Симеонъ дѣйствовалъ инстинктивно. Мысль, что онъ любилъ жену своего начальника, не приходила ему даже въ голову. Онъ и не думалъ спрашивать себя, почему онъ теперь дѣлалъ то, чего прежде не дѣлалъ. Не будучи еще въ состояніи отдѣлить побужденія страсти отъ побужденій долга, онъ слѣдовалъ за госпожею Фовель въ церковь методически, совершенно также, какъ онъ ходилъ въ бюро.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Симеона произвели въ главные конторщики. Господинъ Фовель внезапно умеръ отъ воспаленія легкихъ. Вдовѣ его было не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Однажды она попросила Симеона провести ее въ церковь. Она была очень хороша. Миніатюрное, бѣленькое, розовое личико ея походило на яблоко.

Симеонъ надѣлъ фракъ отца, бережно сохраняемый имъ. Онъ рѣшился спросить госпожу Фовель: думаетъ-ли она вступить когда нибудь во вторичный бракъ?

— Покойный мужъ мой былъ помощникомъ начальника, отвѣтила она.

Симеонъ съ тѣхъ поръ сдѣлался честолюбивъ. Онъ смутно предвидѣлъ неоцѣненное счастье. Получить мѣсто помощника начальника и сдѣлаться мужемъ хорошенькой вдовы, эти двѣ мечты стали его преслѣдовать.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія, первая мечта сбылась; что-же касается до второй, Симеонъ трепеталъ. Глаза госпожи Фовель какъ будто спрашивали его: "Ну, что-же?» но онъ не осмѣливался отвѣчать.

— Женитесь на мнѣ, сказала она однажды;— я думаю, что вы меня сдѣлаете счастливой.

Во время вѣнчанья въ самой церкви безпокойство Симеона дошло до того, что въ ту минуту, когда жена его произносила «да», съ нимъ сдѣлался обморокъ, потому что ему послышалось «нѣтъ».

Счастье, это божественное царство, есть удѣлъ нищихъ духомъ. Симеонъ пребывалъ на колѣняхъ въ какомъ-то экстазѣ. Онъ смотрѣлъ на жену и смѣялся. Бралъ ея голову и говорилъ: она моя! Онъ не понималъ, какъ это могло случиться, что онъ сдѣлался мужемъ такой красоты и прелести. Когда онъ уходилъ, то бралъ у нея потихоньку перчатки или носовой платокъ для того, чтобы дорогой вдыхать ихъ ароматъ.

Онъ сдѣлался такъ добръ, что госпожа Шарлери принуждена была принимать мѣры противъ того, чтобы онъ бралъ съ собою деньги: онъ всѣ ихъ раздавалъ нищимъ на улицахъ. Онъ не зналъ, что придумать, чтобы развлекать ее. Ему казалось, что онъ уродъ и что нужно сдѣлать ее слишкомъ счастливой для того, чтобы она не соскучилась съ нимъ, она такая прелестная съ нимъ такимъ противнимъ; онъ сдѣлался геніаленъ: онъ выучилъ языкъ цвѣтовъ для того, чтобы ежедневно приносить ей символическій букетъ.

Госпожа Шарлери смотрѣла на все съ кротостью. Она его цѣловала каждый разъ, какъ онъ возвращался изъ бюро и называла его: «Мой добрый Симеонъ!»

Симеонъ говорилъ ей:

— Что-же ты хочешь? я счастливѣе святыхъ въ раю. Если ты чего нибудь желаешь, ты должна мнѣ только сказать. Ты меня не находишь слишкомъ безобразнымъ или слишкомъ глупымъ?

Затѣмъ прибавлялъ:

— Я принесъ тебѣ пару кораловыхъ серегъ.

И въ то время, какъ она любовалась ими, онъ, стоя на колѣняхъ, опрокинувъ голову, какъ лѣнивый медвѣдь, цѣловалъ ладонь хорошенькой, пухленькой ручки.

Ихъ квартира была маленькая, но уютная. Красное дерево, чисто отполированное, такъ и блестѣло. Все было ново и глядѣло весело. На бронзовыхъ, позолоченныхъ часахъ два голубка, распустивъ крылья, цѣловались. Симеонъ, глядя на нихъ, потиралъ руки. Окна съ чистыми стеклами не боялись солнца и пропускали на паркетъ, время отъ времени, играющую тѣнь вѣтвей, такъ какъ неподалеку покачивались деревья большого сада. Иногда подъ окнами чирикали птички. Въ старомъ Парижѣ встрѣчаются эти веселые уголки, въ которыхъ вѣчно пребываетъ весна.

Госпожа Шарлери чрезвычайно любила домъ, въ которомъ они жили, потому что на лѣстницѣ стѣны были гладко оштукатурены, а ступеньки хорошо натирались воскомъ. Симеонъ-же былъ въ восторгѣ отъ множества зеркалъ, украшавшихъ ихъ комнаты: онъ могъ такимъ образомъ смотрѣть на свою жену со многихъ сторонъ сразу. Мало-по-малу, чтобы ей жилось хорошо, онъ украсилъ квартиру множествомъ различныхъ бездѣлушекъ. На каминѣ были разставлены вазочки изъ бѣлаго фарфора, съ нарисованными на нихъ бабочками, чаши изъ оникса, въ которыя онъ посадилъ тюльпаны. Однимъ словомъ, все улыбалось: веселенькій цвѣтной ситецъ, удобные, хорошо набитые диваны, опрятныя мельхіоровыя блюда, сверкавшія на поставцѣ въ столовой. Симеонъ, взявъ жену за талью, часто говорилъ: «Это настоящее гнѣздышко!»

По воскресеньямъ, если погода была хороша, они отправлялись за городъ. Она надѣвала кисейное платье, какъ молодая дѣвушка, и розовую шляпку на гладко причесанныя косы. Онъ ее спрашивалъ: «Любишь-ли ты меня?» Они отправлялись съ поѣздомъ въ Мёдонъ или въ Вилль-д'Авре. Она обожала сирень и онъ срывалъ ей вѣтки, которыя свѣшивались съ заборовъ. Завтракали они подъ деревомъ. Онъ разсказывалъ ей повѣсти, нѣкогда вычитанныя имъ изъ книгъ. Объяснялъ, желая показаться ученымъ, что во всѣхъ долинахъ есть рѣки и что раковины встрѣчаются на самыхъ высокихъ горахъ. Затѣмъ, если никого не было по близости, онъ бралъ ее за руки и, поднявъ глаза къ небу, восклицалъ:

— Ты прекрасна, какъ небо!

Потомъ они отправлялись въ самую глушь лѣса. Дѣлили поровну землянику, которую она находила. Онъ указывалъ ей на птицъ и называлъ тѣхъ, которыхъ самъ зналъ.

Одинъ разъ она увидала бѣлую козочку съ черной бородой.

— Какая она хорошенькая, замѣтила она.

Онъ отыскалъ человѣка, пасшаго козочку и купилъ ее у него. Цѣлый день они бѣгали съ козочкой въ папоротникѣ, придерживая ее за фуляръ, который навязалъ ей на шею Симеонъ. Къ вечеру они были въ затрудненіи, не зная, что имъ дѣлать съ хорошенькой козочкой. Симеонъ подарилъ ее въ трактирѣ, гдѣ они обѣдали, одной маленькой дѣвочкѣ.

Вотъ до какой степени они были сумасшедшіе. Дѣтство, молодость, игры и радости, которыхъ онъ прежде не зналъ, все это онъ нашелъ въ своей любви. Достаточно было женѣ его наклонить къ нему голову, чтобы отстраниться отъ паутины, протянутой отъ одного края дорожки къ другому, или сказать ей: «какъ вѣтви хорошо пахнутъ», чтобы онъ сталъ прославлять Бога, за то, что Онъ создалъ весну. И вечеромъ, возвращаясь изъ Мёдона или Вилль-д'Авре, онъ съ восторгомъ думалъ, пожимая между складками юбокъ маленькія ручки своей жены: «Мы опять вернемся туда въ слѣдующее воскресенье».

У нихъ родился сынъ. Восторгу не было границъ. Симеонъ впродолженіи трехъ дней повторялъ: «Мальчикъ! мальчикъ!» Первый разъ въ пятнадцать лѣтъ онъ испросилъ себѣ отпускъ, потому что ему недостаточно было цѣлую ночь слышать крикъ ребенка. Онъ глядѣлъ на него, качалъ его, говорилъ: «Клементина, я нахожу, что онъ на тебя похожъ». Иногда онъ вдругъ вскакивалъ, подходилъ къ зеркалу и, видя себя въ немъ, восклицалъ: «А я его отецъ!»

Этотъ добрый малый былъ смѣшонъ и въ тоже время прелестенъ.

Однажды утромъ, съ сыномъ на рукахъ, онъ подбѣжалъ къ кровати госпожи Шарлери, еще больной, но уже улыбавшейся, и вдругъ остановился, какъ вкопанный, съ разинутымъ ртомъ. Повидимому, онъ хотѣлъ что-то сказать, но не находилъ словъ выразить ту радость, которая его волновала. Жена смотрѣла на него съ удивленіемъ. Онъ-же безмолвно шевелилъ губами, подыскивая слова. Вдругъ, послѣ замѣтнаго напряженія мысли, онъ поднесъ ребенка къ больной и произнесъ голосомъ, какимъ обыкновенно кричатъ: пожаръ! «Incipe, parve puer, risu cognoscere matrem». (Научись, маленькій мальчикъ, привѣтствовать мать улыбкой). Память школьника пришла на помощь его отцовской любви и онъ, наконецъ, припомнилъ эти слова.

— Онъ также, сказалъ онъ послѣ такого изліянія, — онъ также будетъ учиться по латыни.

Такимъ-то образомъ это доброе сердце, такъ долго таившееся, проявилось въ припадкѣ нѣжности.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

А. Н. Островскій.

Критическій этюдъ **В. А. Пинчука.**

(*Окончаніе.*)

IV.

«Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать?
Намъ жизнь для радости дана»...

Такъ говоритъ или, по крайней мѣрѣ, думаетъ почти всякій «россійскій гражданинъ», получаю-

щій порядочный годовой окладъ изъ того учрежденія, въ которомъ служитъ. Другими словами, русскій человѣкъ бодръ, веселъ и вообще смотритъ оптимистомъ, пока у него имѣются въ достаточномъ количествѣ въ карманѣ государственные кредитные билеты, говорящіе ему, что если онъ и не гражданинъ своего государства, то, по меньшей мѣрѣ, его сомнительный кредиторъ. И чѣмъ больше у него этихъ кредитныхъ обязательствъ государства, тѣмъ лучше онъ смотритъ на міръ Божій и тѣмъ чаще онъ напѣваетъ или готовъ напѣвать тѣ двѣ строчки, которыя поставлены мною эпиграфомъ къ этой главѣ. Еще любитъ русскій оптимистъ не прочь, но только такой любовью, которая не влечетъ за собой никакихъ страданій. Принимать любовь онъ тоже не прочь, но такую, которая ограничивается опустошеніемъ его кошелька, впрочемъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, заранѣе имъ строго обозначенныхъ; или-же принимаетъ такую любовь, которая ему кромѣ матеріальныхъ выгодъ еще и почетъ доставляетъ. Вотъ для такого-то «россійскаго гражданина» все, что ни дѣлается (не наносящее ему, конечно, матеріальнаго ущерба), прекрасно. Собой онъ, разумѣется, тоже очень доволенъ: сытъ, одѣтъ, обутъ, а вслѣдствіе этого обладаетъ хорошимъ состояніемъ духа, какъ-же не быть собой довольнымъ, тѣмъ болѣе, что все это добыто собственнымъ умомъ или собственной поясницей. Бѣда, если кто-нибудь смутитъ вдругъ довольство «россійскаго гражданина», покажетъ ему, что не все на свѣтѣ прекрасно, что нищета неискоренима и что человѣкъ, какъ происшедшій отъ животнаго, часто ничѣмъ не лучше его. Рѣшившійся на это вызоветъ тысячу проклятій на свою голову со стороны «россійскаго гражданина». Оптимистъ россіянинъ всѣмъ былъ доволенъ: доволенъ и тѣмъ, что нищихъ много, такъ какъ это даетъ ему возможность благодѣтельствовать, а благодѣтельствуя увеличивать свое довольство; доволенъ и тѣмъ, что время отъ времени совершаются разныя преступленія, такъ какъ послѣднія влекутъ за собой «праведный и милостивый судъ», который способствуетъ развитію его оптимистическаго взгляда, ибо тутъ онъ видитъ, что зло наказуется, а правда торжествуетъ; доволенъ и тѣмъ, что въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ войны не прекратились, такъ какъ безъ войны русскіе не оказали-бы чудесъ храбрости, не освободили-бы отъ рабства несчастныхъ болгаръ, а русская женщина не показала-бы своего милосердія, своей любви къ человѣчеству. И вотъ при такомъ довольствѣ россіянина ему показываютъ, какъ это сдѣлалъ, напр., Верещагинъ, ужасы войны. Глядя на эти картины, бѣдный оптимистъ приходитъ въ негодованіе, теряетъ апетитъ (т. е. лишается самаго большого наслажденія), вслѣдъ за этимъ теряетъ сонъ, это раздражаетъ его, доводитъ до бѣшенства. У Верещагина есть двѣ-три картины изъ тѣхъ, которыя посвящены русско-турецкой войнѣ, имѣющія глубокое общечеловѣческое значеніе. Эти двѣ-три картины указываютъ на мерзкую черту въ человѣкѣ: способность быстро привыкать ко всему, включая сюда и чужія страданія. Чѣмъ болѣе человѣкъ оптимистъ, тѣмъ сильнѣе у него эта черта. Чѣмъ менѣе человѣкъ образованъ, тѣмъ легче къ нему прививаются оптимистическія возрѣнія. Образованіе русскаго средняго человѣка не Богъ вѣсть какое, но за то оптимистическія возрѣнія на людей и на всѣ обстоятельства нашей русской жизни, довольно сильно вкоренились въ немъ. Верещагинъ своей картиной «Побѣдители» говоритъ вамъ: «посмотрите, какъ человѣкъ способенъ оскотиниться, посмотрите, далекъ-ли онъ отъ своихъ прародителей обезьянъ. Вотъ цѣлая толпа людей, только что убившая тысячи себѣ подобныхъ, хохочетъ надъ ихъ трупами. Эта толпа обдираетъ эти трупы, обагренные еще дымящейся, теплою кровью, надѣваетъ ихъ одежды и со смѣхомъ, обличающимъ неподдѣльное веселье, любуется собой. Эта толпа не замѣчаетъ лежащей неподалеку отъ нея отдѣленной отъ туловища головы съ вырванной челюстью и глазами, обращенными на нее, эту массу скотовъ, именующихся по неизвѣстной причинѣ людьми». Сердце оптимиста-патріота, смотрящаго на эту картину, радуется. Онъ видитъ въ художникѣ тоже настоящаго патріота. Вѣдь толпа эта турки, извѣстные всему просвѣщенному міру своими злодѣйствами! Да, эти турки тоже люди, но люди привыкшіе къ крови, привыкшіе къ стонамъ себѣ подобныхъ, но только искалѣченныхъ людей. Что они грабятъ только русскіе трупы и русскихъ раненыхъ, это весьма понятно, имъ нравится одежда русскихъ, одежда—какой у нихъ нѣтъ, ихъ привлекаетъ костюмъ, котораго они раньше не имѣли возможности не только надѣвать, но даже видѣть; нѣтъ сомнѣнія, конечно, что при случаѣ они также хорошо грабили и своихъ, кто побогаче. Я хочу этимъ сказать, что тоже самое могли дѣлать и не турки. Да наконецъ, въ болѣе смягченной формѣ мы найдемъ у того-же Верещагина картину, наводящую на тѣже мысли. Эта картина подписана двумя словами: «вѣчная память», при чемъ картина прямо противорѣчитъ подписи. На картинѣ изображено небольшое кладбище, украшенное простыми, грубо-сдѣланными, деревянными крестами съ надписями на нѣкоторыхъ изъ нихъ. На-право отъ зрителя видна небольшая група людей, занятая погребеніемъ. На-лѣво беззаботная фигура солдата, обращеннаго къ зрителю спиной. Вся фигура, надѣтое ухарски кепи, заложенныя назадъ руки, нѣсколько приподнятая голова заставляютъ васъ думать, что либо онъ насвистываетъ, либо напѣваетъ какую-нибудь пѣсенку, забывъ о томъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ, быть можетъ, за день или даже еще сегодня утромъ пѣли его товарищу-земляку «вѣчную память», вотъ также точно, какъ сейчасъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него поютъ какому-то неизвѣстному ему человѣку, пришедшему сюда умереть за свободу мало-извѣстнаго ему народа. Вдали виднѣются еще два солдата, также беззаботно прогуливающихся по могиламъ своихъ пострадавшихъ товарищей.

Эта картина, правда, болѣе мягко, чѣмъ первая, говоритъ тоже самое: говоритъ о способности человѣка, будь онъ русскій или турокъ, свыкаться со всякой гадостью, даже съ убійствомъ.

Вторая картина возмущаетъ патріотическое чувство «русскаго гражданина», возмущаетъ не меньше, чѣмъ та, которая изображаетъ транспортъ раненыхъ. Послѣдняя возмущаетъ россіянина, потому что тутъ онъ видитъ массу безпомощныхъ, изувѣченныхъ людей, помѣщенныхъ на тряскихъ арбахъ и сопровождаемыхъ такими же увѣчными, но имѣющими силы кое-какъ еще двигаться, тогда какъ, по его мнѣнію, этого быть не можетъ: есть сестры милосердія, есть красный крестъ, а художникъ ничѣмъ не обнаружилъ ихъ присутствія. Но возмущеніе овладѣваетъ патріотомъ не вдругъ. Нѣтъ, въ первый моментъ онъ чувствуетъ даже себя неловко при видѣ двухъ десятковъ картинъ Верещагина, картинъ, изображающихъ войну во всей ея чудовищности. Патріотъ невольно вспоминаетъ о томъ, какъ онъ радовался побѣдамъ русскихъ войскъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, какою цѣною покупались эти побѣды. Ему дѣлается неловко за свои телячьи восторги по поводу побѣдъ, за фразы въ родѣ слѣдующей: «слыхали, какъ наши турокъ побили-то? Молодцы, право!» Этому патріоту, хоть на одну секунду, при видѣ картинъ Верещагина должна придти въ голову мысль о всеобщей человѣческой любви, а также о томъ, что на свѣтѣ далеко не все прекрасно, что онъ самъ даже былъ гадокъ въ ту минуту, когда радовался, что русскіе «солдатики» много турокъ избивали. Сознаніе гадости лишаетъ его апетита и ведетъ за собой скверное расположеніе духа, а вслѣдъ затѣмъ онъ начинаетъ ругать картины и художника, писавшаго ихъ, забывая, что эти картины вывели его на минуту изъ коровьяго самодовольства и изъ русскаго гражданина сдѣлали его на минуту человѣкомъ. Въ этомъ сила картинъ Верещагина, рисующихъ русско-турецкую войну! Въ нихъ мало самостоятельнаго творчества, они имѣютъ видъ эскизовъ, «въ большинствѣ случаевъ это иллюстрація масляными красками», соглашусь я съ другими, но иллюстрація, заставляющая человѣка задуматься, вызывающая у него понятіе о любви къ себѣ подобнымъ, имѣетъ громадное общественное значеніе. Побольше такихъ иллюстрацій изъ современной жизни, которыя-бы напоминали людямъ объ ихъ дрянности; побольше иллюстрацій, пробуждающихъ самодовольное общество воплями такихъ мученій, которыхъ оно не хочетъ знать, тогда, быть-можетъ, станутъ легче прививаться идеи о всеобщей любви.

Такая-же общая идея и произведеній А. Н. Островскаго. Какъ Верещагинъ заставляетъ зрителя въ частномъ, исключительномъ случаѣ сознать свои недостатки, также точно заставляетъ сознать ихъ и Островскій, но не при такой исключительной обстановкѣ. Островскій беретъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ особую, мало извѣстную интелигентному человѣку среду, беретъ ея семейную обстановку, ея семейныя отношенія и показываетъ всю мерзость ихъ. Интелигентные русскіе люди увидѣли въ произведеніяхъ Островскаго нѣчто совершенно новое: новая жизнь, новые люди, какъ они есть со всѣми недостатками. Грубость, самодурство, безсердечность главы семейства этой среды возмущаетъ интелигентнаго человѣка.—«Помилуйте, деспотизмъ родителей, рабство дѣтей, приниженность человѣческаго достоинства у людей, стоящихъ ниже по общественному положенію... Это возмутительно». Хуже этого, дѣйствительно, ничего не придумаешь. Но всѣ эти недостатки—цѣликомъ недостатки русскаго человѣка, не исключительной среды купцовъ, нѣтъ, они недостатки всѣхъ класовъ русскаго общества, только въ средѣ торговаго класа они проявляются гораздо рѣзче, грубѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Возьмемъ, напр., нашъ средній класъ. Развѣ здѣсь мы не видимъ полнѣйшей зависимости семьи отъ одного человѣка — мужа и отца. Жена здѣсь либо кухарка, либо ключница, съ той разницей, что если кухаркѣ или ключницѣ (настоящей) не нравятся хозяева, то она ихъ спокойно оставляетъ, чего не можетъ сдѣлать жена. Мужъ, цѣлые дни проводящій внѣ дома и являющійся только къ обѣду, да на ночлегъ, считаетъ себя въ семьѣ великимъ труженикомъ, работникомъ, которому жена обязана оказывать преданность и уваженіе, потому что «онъ любитъ, чтобы ему оказывали преданность и уваженіе». Придя домой, онъ требуетъ также, чтобы жена, да и вообще вся семья предупреждали его желанія. Онъ, конечно, не спроситъ жену: «чего моя нога хочетъ», но жена обязана знать, какое кушанье ему нравится и какое не нравится, въ противномъ случаѣ за каждымъ обѣдомъ будутъ происходить непріятныя сцены. Но все это пустяки, разумѣется; самыя непріятныя исторіи въ семьяхъ этой среды всегда происходятъ изъ за денегъ. Тутъ изъ за рубля, не вовремя израсходованнаго, подымается со стороны труженика - супруга цѣлая мелодрама, причемъ въ концѣ концовъ оказывается, что жена сидитъ у него на шеѣ и

даромъ ѣстъ хлѣбъ. Но этотъ-же самый человѣкъ возмущается, когда видитъ пьесу Островскаго, въ которой яркими красками изображенъ мужъ-привередникъ. Матери и отцы просвѣщенной части общества возмущаются также тѣмъ, что родители-купцы принуждаютъ своихъ дочерей выходить за-мужъ за людей, которыхъ онѣ не только не любятъ, но и не знаютъ. Развѣ не тоже повторяется и у нихъ? Но разъ это возмущаетъ ихъ и то уже хорошо. Разъ съумѣлъ художникъ или писатель обратить вниманіе общества на недостатки этого общества, онъ значитъ уже сдѣлалъ многое.

Островскій не далъ капитальныхъ произведеній, рисующихъ жизнь и интересы людей болѣе образованнаго класса, въ этомъ его недостатокъ, но онъ былъ первый указавшій на скверное состояніе русской семьи. Положимъ, повторяю, онъ взялъ исключительную среду, но это дало ему возможность гораздо яснѣе указать недостатки русскаго общества; онъ показалъ, что у русскаго человѣка далеко не все хорошо; не разъ онъ дѣлалъ изъ русскаго гражданина человѣка, способнаго на минуту страдать и любить. Указывая на грубое проявленіе деспотизма Титъ Титычей, Пузатовыхъ и другихъ, Островскій не разъ заставлялъ главу образованной семьи подумать о томъ, какую роль у себя играетъ эта самая глава.

Разъ мы сознаемъ въ душѣ, что фактъ, который совершается на нашихъ глазахъ, есть подлость, когда онъ дѣйствительно таковъ, мы противупоставляемъ ему другой противуположный фактъ; подобное сознаніе и противупоставленіе дѣлаетъ насъ выше, по крайней мѣрѣ, хоть на короткое время. Если художникъ или писатель вызывалъ въ насъ такое сознаніе, указывалъ намъ наши пороки и заставлялъ сознаться въ нихъ, онъ сдѣлалъ для насъ многое.

Верещагинъ указалъ намъ отсутствіе настоящей любви въ человѣкѣ къ себѣ подобнымъ. Островскій показалъ намъ отношеніе русскаго человѣка къ «дорогой и страстно любимой» имъ семьѣ, указалъ на холопскую услужливость нашу, на наши хищническія наклонности. Причемъ въ послѣднее время онъ не пропускалъ безъ вниманія ни одного класа людей. Въ его произведеніяхъ передъ вами проходятъ всевозможныя лица, мы видимъ всѣ отрицательныя стороны русскаго человѣка. Мы видимъ его купцомъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ и купцомъ нашего времени, мы видимъ его чиновникомъ, слугою, военнымъ, дѣльцомъ послѣдняго времени, мотомъ, шелопаемъ, наконецъ, мы видимъ его даже актеромъ (въ пьесахъ Лѣсъ и Безприданница). И всѣ, и купецъ, и чиновникъ, и слуга, и военный должны быть благодарны Островскому за изобличеніе ихъ дурныхъ сторонъ. (Не можетъ, конечно, и провинціальный актеръ не отнестись съ благодарностью къ Островскому, который такъ безпощадно осмѣялъ русскаго служителя драматическаго искуства. Островскій безъ всякаго стѣсненія показалъ, какому Богу служитъ въ большинствѣ случаевъ русскій актеръ—Бахусу).

Тридцать лѣтъ на литературномъ поприщѣ отслужилъ Островскій русскому обществу, рисуя его темныя стороны и не мудрено, что одинъ изъ нашихъ критиковъ сказалъ про него по поводу послѣдней пьесы «Сердце не камень»: «онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ крупныхъ талантовъ, которые составляютъ основу современной литературы нашей и, стало быть, каждый журналъ его новымъ работамъ только радоваться долженъ». Но врядъ-ли что новое можетъ намъ дать много поработавшій, почтенный драматургъ: новая жизнь едва-ли доступна для него, о чемъ, конечно, искренно приходится пожалѣть. Въ наше именно время и нужны такіе писатели и художники, какъ Островскій, которые бы почаще напоминали намъ о нашихъ, такъ называемыхъ, человѣческихъ слабостяхъ.

Я упомянулъ въ началѣ этихъ очерковъ о драматическихъ хроникахъ А. Н. Островскаго, но, къ сожалѣнію, въ нихъ мало исторической правды, а еще меньше народности; всѣ эти историческія хроники представляютъ слабое мѣсто А. Н. Островскаго, а потому я считаю за лучшее не касаться ихъ вовсе: онѣ ничего не прибавляютъ къ вполнѣ заслуженной извѣстности талантливаго драматурга.

Изъ прошлаго и настоящаго Америки.

Ст. Н. В. Шелгунова.

(*Продолженіе.*)

Патріоты демократы.

Когда въ 1774 году американскіе борцы за независимость собрались для обсужденія отношеній колоній къ Англіи—первый вопросъ заключался въ томъ, слѣдуетъ-ли разорвать рѣзко съ метрополіей, или-же прибѣгнуть къ мирному сопротивленію. Возбужденіе умовъ доходило до крайней степени и все населеніе недовольныхъ штатовъ раздѣлилось на двѣ партіи—пылкихъ и умѣренныхъ. Тѣ и другіе, конечно, старались залучить въ свою партію наибольшее число приверженцевъ и вотъ появился цѣлый рядъ памфлетовъ, между которыми обратилъ на себя особенное вниманіе памфлетъ подъ заглавіемъ: «Простая защита мѣръ, предложенныхъ конгресомъ». Памфлетъ между прочимъ настаивалъ на развитіи промышленности и указывалъ на выдѣлку хлопчатой бумаги, какъ на лучшее средство для обогащенія южныхъ провинцій. Въ то время хлопчато-бумажнаго производства въ Америкѣ еще не существовало. Памфлетъ обратилъ на себя общее вниманіе по зрѣлости и принципіальности мысли и по вѣрности соображеній. Авторомъ памфлета былъ Александръ Гамильтонъ, 17-лѣтній юноша, не окончившій еще курса въ колегіи.

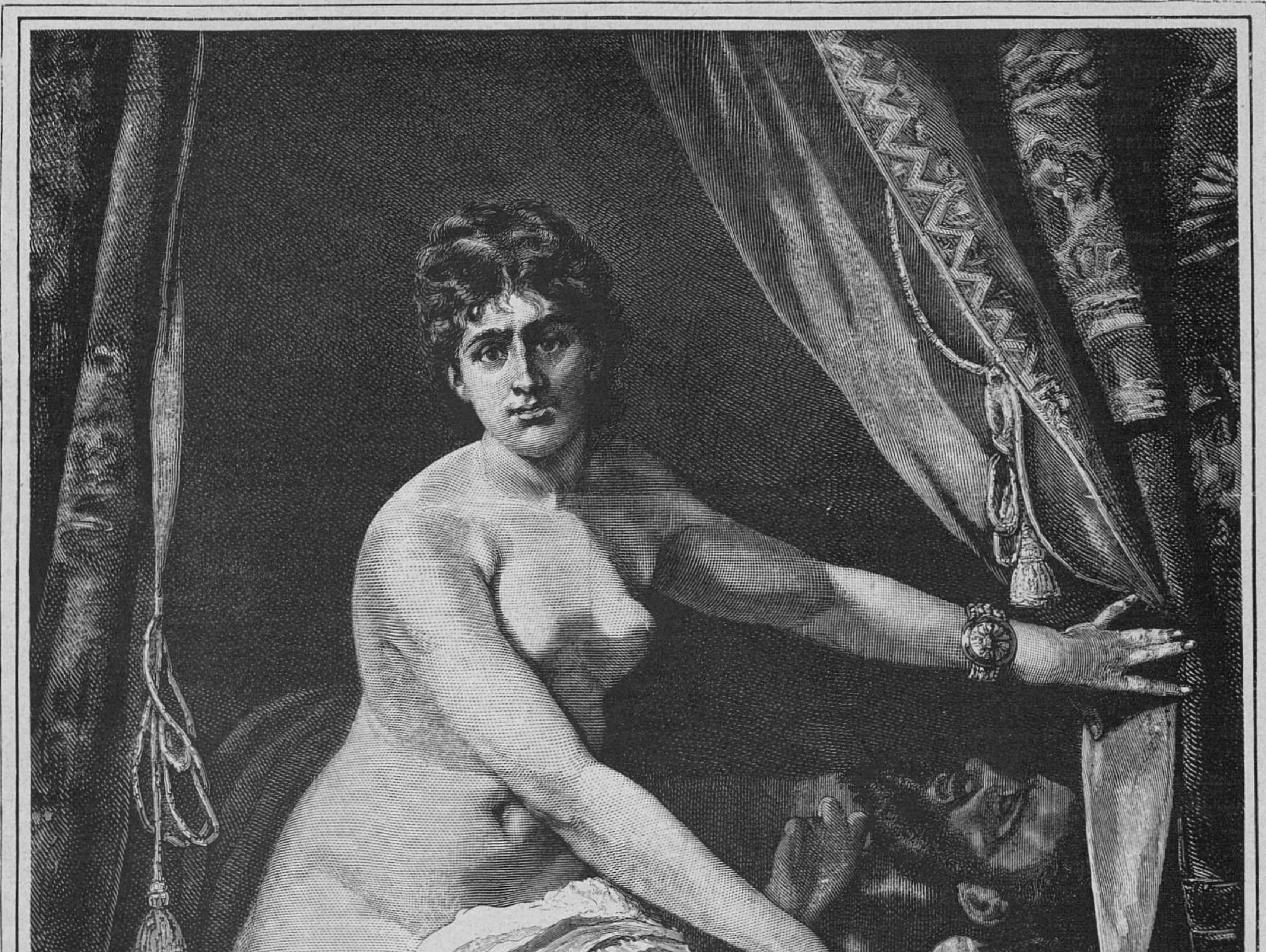
Послѣ Вашингтона Гамильтонъ оказалъ американскому союзу самыя важныя услуги. Когда открылась война, Гамильтонъ поступилъ въ армію и 19 лѣтъ былъ уже капитаномъ артплеріи. На одномъ изъ смотровъ генералъ Гринъ указалъ Вашингтону на батарею, находившуюся подъ командой мальчика и отличавшуюся особеннымъ порядкомъ и ловкостью въ маневрахъ. При отступленіи подъ Лонгъ-Эйлендомъ Гамильтонъ обнаружилъ очень недюжинныя военныя способности; Вашингтонъ наградилъ его чиномъ полковника и взялъ къ себѣ въ адъютанты. Двадцатилѣтній Гамильтонъ сталъ съ тѣхъ поръ ближайшимъ и довѣреннымъ лицомъ главнокомандующаго. Вашингтонъ, бывшій 25 годами старше своего адъютанта, питалъ къ нему отеческую привязанность и звалъ его своимъ «мальчуганомъ». Гамильтонъ былъ облеченъ особенной довѣренностью Вашингтона и служилъ ему секретаремъ, а въ 1780 году, вслѣдствіе одного недоразумѣнія съ Вашингтономъ, вышелъ въ отставку. Не имѣя никакого состоянія, Гамильтонъ долженъ былъ создать себѣ какую-нибудь професію и сдѣлался адвокатомъ въ Нью-Іоркѣ. Только американцы способны къ такимъ противуположнымъ переходамъ отъ одной професіи къ другой. Нечего говорить, что Гамильтонъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ Нью-Іорка и въ 1782 году былъ посланъ городомъ въ конгресъ. Съ этого времени начинаются главныя гражданскія заслуги Гамильтона.

Однимъ изъ наиболѣе трудныхъ вопросовъ былъ для Америки вопросъ финансовый. Гамильтонъ первый наперекоръ общему мнѣнію возсталъ противъ объявленія банкротства и требовалъ признанія долговъ. По предложенію Гамильтона конгресъ принялъ на счетъ конфедераціи долги штатовъ и военный долгъ. Но трудность вопроса заключалась не въ признаніи долговъ, а въ уплатѣ ихъ; у американцевъ-же не было ничего, кромѣ асигнацій. И вотъ Гамильтонъ предложилъ учредить по всѣмъ берегамъ Америки таможни. Это предложеніе встрѣтило сильное противодѣйствіе демократической партіи, но Гамильтонъ былъ не изъ такихъ людей, чтобы падать духомъ отъ неудачъ. Вмѣстѣ съ Мадисономъ онъ задумалъ собрать конвентъ въ Анаполисѣ съ цѣлью регулировать внутреннюю торговлю Америки. Такъ какъ конгресъ не привелъ ни къ чему, то Гамильтонъ сдѣлалъ обращеніе ко всему американскому народу, убѣждая его спасти самого себя. Вслѣдствіе этого обращенія конвентъ собрался въ Филадельфіи.

Существенная услуга, оказанная Гамильтономъ Америкѣ, заключается въ устройствѣ ея финансовъ. По его настоянію правительство приняло на себя долги штатовъ, устроило таможенное управленіе и для возстановленія валюты учредило американскій банкъ. Но не въ этихъ мѣрахъ проявилось патріотическое величіе Гамильтона, а въ томъ, что онъ сдѣлалъ для принятія конституціи. Гамильтонъ принадлежалъ къ противникамъ демагогіи и мечталъ о республикѣ, основанной на мудрости и умѣренности. Придавая особенное значеніе умственнымъ качествамъ и развитію, Гамильтонъ мечталъ объ исполнительной власти по примѣру англійской конституціи и о сенатѣ изъ высшихъ представителей страны. Республиканецъ по убѣжденіямъ, онъ въ тоже время боялся, что власть, слишкомъ часто смѣняемая, помѣшаетъ спокойному развитію Америки. По этому Гамильтона считали сперва послѣдователемъ монархическихъ тенденцій. Но когда пришла пора обсуждать конституцію, оказалось, что патріотизмъ Гамильтона, какъ и всѣхъ остальныхъ членовъ конвента, стоялъ выше ихъ личнаго мнѣнія: имъ было дорого не то, какъ они сами смотрятъ на недостатки конституціи, для нихъ стояло выше всего умиротвореніе союза. Не соглашаясь со многими идеями конституціи, Гамильтонъ тѣмъ не менѣе явился въ числѣ главныхъ ея защитниковъ. Гамильтонъ и всѣ остальные очень хорошо видѣли, что всякое дальнѣйшее разъединеніе поведетъ къ гибели союза. А защищать конституцію было не легко. Одного принятія ея конгресомъ было недостаточно, нужно было убѣдить еще штаты. Въ штатахъ-же господствовало полнѣйшее разногласіе вслѣдствіе различія мѣстныхъ интересовъ и привести штаты къ соглашенію было не такъ легко. Чтобы объединить общественное мнѣніе, Гамильтонъ вмѣстѣ съ Мадисономъ и Джеемъ задумали издать рядъ статей для популяризаціи конституціи. Статьи эти подъ общимъ названіемъ «Федералиста» состояли изъ 85 нумеровъ, между которыми 51 написанъ Гамильтономъ. Въ предисловіи къ изданію Гамильтонъ говоритъ, что въ вопросѣ о конституціи дѣло идетъ о судьбѣ союза, ибо вопросъ заключается въ томъ, «способны-ли мы устроить для себя хорошее правительство съ помощью размышленія и выбора, или-же осуждены на то, чтобы подчиняться правительству случая и силы». «Кризисъ, въ которомъ мы находимся, говоритъ Гамильтонъ далѣе, есть рѣшительный моментъ для разрѣшенія этой задачи. Если мы ошибемся—наша ошибка будетъ гибельна для всего человѣчества». Этотъ взглядъ на американскій союзъ раздѣляли съ Гамильтономъ и всѣ остальные американскіе патріоты. Америка дѣлала первый опытъ республики въ большихъ размѣрахъ. Ничего подобнаго еще никогда не видывала исторія. Когда Римъ захотѣлъ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЧЕЗАРЕ.



Далила.

Рѣзано на деревѣ въ Туринѣ.

превратиться въ большую республику, онъ сталъ имперіей, лишенной всякихъ политическихъ гарантій и очутившейся вполнѣ въ рукахъ солдатчины. Поэтому вопросъ о хорошо организованной власти являлся главнымъ, основнымъ вопросомъ творцевъ американской конституціи. И вотъ «Федералистъ» взялся убѣдить страну въ необходимости могущественной исполнительной власти, ограниченной настолько законодательной и юридической властью, что-бы она не могла перейдти въ произволъ и угрожать свободѣ. Отказываясь отъ своихъ личныхъ симпатій и нѣкоторыхъ политическихъ воззрѣній, Гамильтонъ съ энергіей и увлеченіемъ взывалъ къ народу, убѣждая его проникнуться идеями общаго блага и принять ту форму правленія, которая была предначертана конституціей.

Особенную поддержку встрѣтилъ Гамильтонъ со стороны Мадисона и Франклина. Мадисонъ былъ менѣе образованъ, чѣмъ Гамильтонъ, не отличался и особенно яркими способностями, но смотрѣлъ на вещи непосредственнѣе и практичнѣе. Поэтому Мадисонъ считалъ болѣе подходящею демократическую, а не аристократическую республику, но былъ вполнѣ согласенъ съ Гамильтономъ относительно необходимости энергической исполнительной власти. Гамильтонъ желалъ аристократической республики съ пожизненными сенаторами, а Мадисонъ требовалъ двухъ палатъ. Франклинъ такъ же, какъ Мадисонъ и Гамильтонъ понимавшій важность общаго согласія, въ нѣкоторыхъ политическихъ частностяхъ проводилъ мысли, несовсѣмъ согласныя съ идеями американской конституціи. Онъ, напримѣръ, былъ сторонникомъ одной палаты и двѣ палаты уподоблялъ двумъ лошадямъ, запряженнымъ спереди и сзади въ одну телѣгу. Не меньше ошибался Франклинъ, когда предполагалъ, что президентъ республики и высшія должностныя лица не должны получать жалованья. Не смотря на всѣ эти разнорѣчія, когда дошло дѣло до вотированія конституціи, люди, чувствовавшіе, что конституція не удовлетворяетъ никого и можетъ вызвать гибельныя для нея разнорѣчія, поняли, что ее слѣдуетъ защищать изо всѣхъ силъ. И эта защита была самымъ труднымъ дѣломъ. Американцамъ, привыкшимъ къ мѣстной независимости, система союза съ сильной центральной властью, превращавшей Америку въ большое государство, казалась странной и потому общее недовѣріе къ конституціи было весьма понятно. Былъ одинъ моментъ въ конвентѣ, когда вопросъ о конституціи, казалось, былъ поставленъ на карту. Изъ 68 членовъ конвента 34 высказались за конституцію и 34 противъ нея. Въ числѣ противниковъ были такіе энергическіе бойцы, какъ Патрикъ Генри, Монроэ и Мезонъ. Съ ними бороться было не легко, но такой боецъ нашелся въ лицѣ Мадисона. Мадисонъ обладалъ особеннымъ искуствомъ говорить такъ, чтобы не оскорблять никого и склонять всѣхъ въ сторону защищаемаго имъ дѣла. Очень можетъ быть, что одного примиряющаго таланта Мадисона оказалось-бы и недостаточно, если-бы онъ не нашелъ себѣ достаточно сильной поддержки въ Франклинѣ. Франклину въ то время было 82 года и онъ не только пользовался всеобщимъ уваженіемъ за патріотическія услуги своему отечеству, но его частью и боялись за его тонкій, насмѣшливый умъ. Франклину не нравилась конституція, но онъ тоже считалъ необходимымъ поспѣшить организаціей правительства и когда въ конвентѣ разыгрались страсти, то Франклинъ со своимъ обыкновеннымъ, добродушнымъ ехидствомъ замѣтилъ, что собраніе созвано не для того, чтобы ссориться, а чтобы дать Америкѣ конституцію. Нашлись между членами и такіе, которые говорили, что не могутъ отречься отъ своихъ мнѣній. Франклинъ имъ замѣтилъ, что «объявлять о неизмѣнности своихъ убѣжденій не всегда есть доказательство ума, да и этимъ способомъ возраженій никого нельзя убѣдить». Въ самый рѣшительный моментъ, т. е. когда пришлось подписывать конституцію, на выручку опять явился Франклинъ. Онъ поручилъ Вильсону прочитать собранію его рѣчь. Въ рѣчи своей Франклинъ говоритъ, что если въ настоящее время онъ и не одобряетъ нѣкоторыхъ частей конституціи, то не можетъ ручаться за то, что не одобрилъ-бы ихъ впослѣдствіи. «Я жилъ долго, говорилъ Франклинъ, и опытъ часто заставлялъ меня перемѣнять мнѣніе о важныхъ предметахъ. Мнѣ казалось, что я былъ правъ, но лучшія свѣдѣнія, болѣе глубокое изученіе предмета доказывали мнѣ, что я ошибался. Вотъ почему чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ болѣе сомнѣваюсь въ своемъ собственномъ сужденіи и имѣю болѣе уваженія къ сужденіямъ другихъ». Далѣе Франклинъ говоритъ, что въ томъ настроеніи, въ которомъ онъ находится, онъ принимаетъ конституцію со всѣми ея недостатками и поступаетъ такимъ образомъ потому, что видитъ необходимость въ общемъ правительствѣ. По словамъ Франклина, не существуетъ на свѣтѣ такой формы правленія, которая не была-бы благодѣтельна для народа, если только это управленіе будетъ хорошо примѣняемо на практикѣ. Такъ какъ съ людьми, собравшимися въ конвентъ, явились и всѣ ихъ предразсудки, страсти, ложныя идеи, мѣстные интересы и весь ихъ эгоизмъ, то отъ подобнаго собранія невозможно ожидать совершеннаго произведенія. «И такъ я принимаю эту конституцію, сказалъ Франклинъ, потому что не надѣюсь на лучшую и не увѣренъ, что она не есть лучшая. Я приношу въ жертву общественному благу мнѣніе, которое имѣлъ о ея недостаткахъ. Я никогда не говорилъ о ней ни слова на сторонѣ. Въ этихъ стѣнахъ родились мои сомнѣнія и въ нихъ они должны умереть». Рѣчь свою Франклинъ кончилъ такъ: «Я не могу не выразить желанія, чтобы каждый, у кого есть возраженія противъ конституціи, поступилъ-бы подобно мнѣ и, усумнившись на этотъ разъ въ своей непогрѣшимости, подписалъ-бы этотъ актъ для заявленія нашего единодушія». Единодушія однако не оказалось и три члена конгреса конституціи не подписали. Но это не помѣшало представленію конституціи на утвержденіе народу; слѣдовательно, цѣль была достигнута.

Сравнивая американскихъ патріотовъ демократовъ съ французскими, Лабулэ справедливо замѣчаетъ, что во всѣхъ политическихъ переворотахъ Франціи на первомъ мѣстѣ являлись партіи, которыя вели ожесточенную, безпощадную войну противъ каждаго съ ними несогласнаго. Лабулэ доказываетъ, что даже между жирондистами и якобинцами не было, въ сущности, такого различія, чтобы стоило тащить противниковъ на гильотину. Что-же касается до Дантона и Робеспьера, то ихъ раздѣляли не политическіе принципы, а страстная нетерпимость. Но посмотрите, что происходитъ въ Америкѣ, говоритъ Лабулэ. Конституція не удовлетворяетъ никого. Гамильтонъ, созвавшій собраніе, объявляетъ, что онъ менѣе всѣхъ доволенъ проектомъ конституціи. Онъ-бы желалъ ее сдѣлать болѣе аристократическою. Франклинъ хотѣлъ-бы ее сдѣлать болѣе демократическою. Джеферсонъ несогласенъ съ Вашингтономъ и сомнѣвается въ ея успѣхѣ. Однимъ словомъ, всякій видитъ только недостатки и въ тоже время никому и въ мысль не является ниспровергнуть едва возникающее зданіе, а напротивъ всѣ готовы принести свое личное несогласіе въ жертву общему умиротворенію и спокойствію. «Вотъ великое качество американской революціи, замѣчаетъ Лабулэ. Страна эта показала міру благородный примѣръ честныхъ людей, разъединенныхъ мнѣніями, но соединенныхъ патріотизмомъ, одушевленныхъ одною мыслью упрочить свободу своей страны. Въ этомъ вѣчная слава людей, подобныхъ Гамильтону, Мадисону, Франклину, и перваго изъ всѣхъ нихъ—Вашингтона».

Чтобы понять все величіе здраваго смысла американцевъ, нужно представить себѣ нѣсколько глубже всю сущность возможности разнорѣчія. Главная трудность заключалась въ примиреніи самодержавія штатовъ съ самодержавіемъ союза. Каждый штатъ старался тянуть въ свою сторону и боялся, что его интересы пострадаютъ отъ всемогущества союза. Федералисты-же хотѣли, чтобы американская конфедерація превратилась въ единую націю и чтобы представительство народа стояло выше представительства штатовъ. Заставить почувствовать справедливость этой идеи было гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго раза. Американскіе штаты не знали единства. Каждый изъ нихъ, какъ ячейка, жилъ своею собственною жизнью, привыкъ управляться только своими собственными интересами и не зналъ надъ собою ничьего главенства. Съ устройствомъ-же союза верховная власть каждаго штата прекращалась и онъ долженъ былъ поступиться множествомъ правъ въ пользу общей центральной власти. Понятно поэтому недовѣріе, съ которымъ взглянули представители штатовъ на проектъ конституціи.

Но нужно отдать справедливость и государственной проницательности защитниковъ федераціи. Напримѣръ, Гамильтонъ отлично понималъ, что возстановленіе единства финансовыхъ или экономическихъ интересовъ послужитъ лучшею связью для объединенія штатовъ и, когда онъ предлагалъ конгресу признать всѣ долги, онъ отлично понималъ, что, создавая финансовое единство, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ и единство національное. Устраивая таможни по всѣмъ берегамъ Америки, Гамильтонъ создавалъ тѣмъ единство ресурсовъ, а слѣдовательно и единство національнаго фонда. Совершенно тойже цѣли достигалъ Гамильтонъ, когда требовалъ, чтобы штаты не имѣли своихъ частныхъ долговъ. Соединяя долги штатовъ, сдѣланные ими для революціи, въ одинъ общій федеральный долгъ, Гамильтонъ связывалъ еще больше штаты солидарностью финансовыхъ интересовъ и чтобы провести эту мѣру, долженъ былъ вынести сильные нападки демократовъ. Особенно непримиримымъ противникомъ его являлся Джеферсонъ, который и самъ говоритъ, что они съ Гамильтономъ ссорились вѣчно, какъ пѣтухи.

Но и на сторонѣ Гамильтона стояли тоже сильные бойцы. Къ числу ихъ, напримѣръ, принадлежалъ Руфусъ Кингъ, который не хуже Гамильтона понималъ, что гражданскіе законы дѣйствуютъ гораздо сильнѣе законовъ политическихъ. Сближая интересы людей, гражданскіе законы сближаютъ, такъ сказать, и всѣ ихъ чувства. Страна, имѣющая одинаковый законъ для своихъ гражданскихъ обязательствъ, имѣющая одну монету, общія таможни, единство мѣръ и вѣсовъ, сдѣлаетъ непремѣнно великій шагъ къ единству.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и еще на одно обстоятельство или особенность Америки, которую Вильсонъ опредѣлилъ слѣдующимъ глубокомысленнымъ афоризмомъ. «Въ Америкѣ, сказалъ онъ, територія монархическая, а народъ республиканскій». Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что сама природа Америки создаетъ изъ нея великую націю. Американскій континентъ изображаетъ собою двѣ необъятныя долины и въ странѣ нѣтъ естественнаго раздѣленія, ни въ видѣ горъ, ни въ видѣ озеръ или имъ подобныхъ большихъ водныхъ площадей.

Но въ тоже время на этой территоріи, заключавшей въ себѣ всѣ естественныя условія для развитія большой монархіи, народъ привыкъ жить свободной республиканской жизнью въ полнѣйшей независимости, управляясь самъ собою. Дать перевѣсъ демократическимъ учрежденіямъ значило угрожать единству цѣлаго. Если бы Америка была похожа на Грецію или на Швейцарію, то, конечно, естественнымъ путемъ развитія было бы для нея учрежденіе мелкихъ республикъ. Но такъ какъ Америка представляла изъ себя громадную равнину, то понятно, что населенная народомъ съ республиканскимъ образомъ мыслей, она могла образовать собою лишь громадную республику. Исторія не представляла ни одного примѣра подобной республики и потому въ возможности ея осуществленія нужно было убѣдить людей. Эту-то задачу и взяли на себя тѣ, кого мы назвали патріотами демократами.

Въ числѣ ихъ видное мѣсто занималъ Вильсонъ. Разбирая извѣстныя исторіи формы правленія, Вильсонъ, подобно Макіавели, находилъ, что монархія способна вырождаться въ тиранію, аристократическая республика въ олигархію, а демократическая въ охлократію. Поэтому' чтобы меньшинство не подавляло большинства, а большинство не подавляло меньшинства, необходимо придумать такую систему, при которой бы ни аристократія, ни демократія не переходили въ тиранію. Представительная система хотя и полнѣе всего удовлетворяетъ требованіямъ общей гармоніи, но, къ сожалѣнію, система эта никогда не была примѣняема искренне къ управленію народами. Въ Англіи, напримѣръ, говорилъ Вильсонъ, аристократія является представительницей только собственныхъ интересовъ, а народные интересы представительства никакого не имѣютъ. При системѣ-же, предлагаемой для американскаго союза, исполнительная власть будетъ лишь делегаціей. Такой-же делегаціей отъ народа явится и аристократія. Про палату представителей и говорить ужь нечего. Слѣдовательно, американская конституція будетъ наиболѣе совершенной формой народнаго представительства. «Примемъ эту систему, говоритъ Вильсонъ, и я думаю, что въ такомъ случаѣ мы можемъ обѣщать безопасность, прочность и спокойствіе правительствамъ отдѣльныхъ штатовъ. Они не будутъ подвергаться территоріальнымъ спорамъ и никакимъ другимъ поводамъ къ волненію и войнѣ. Мы будемъ имѣть трибуналъ, справедливо и мирно рѣшающій всѣ жалобы. Мы осуществимъ мечту великаго короля Франціи, Генриха IV; мы положимъ основаніе политической системѣ, обнимающей собою обширную совокупность территорій, соединенныхъ подъ начальствомъ главы, который можетъ улаживать всѣ несогласія, не истребляя человѣческаго племени. Штаты не могутъ вести между собою войны; общее правительство есть верховный судья въ ихъ распряхъ; вся сила союза соединяется, чтобы вразумить зачинщика. Какое благодѣяніе взамѣнъ шаткой и сварливой самостоятельности штатовъ! Что касается до меня, то разсматривая эту систему, я теряюсь въ созерцаніи ея величія».

Можно подумать, что Вильсонъ и остальные творцы американской конституціи увлекались идеализмомъ и старались плѣнить воображеніе американцевъ только идеальными картинами будущаго. Конечно, не только Вильсонъ, но даже Вашингтонъ и Франклинъ смотрѣли пророчески въ будущее, но вѣдь сущность ихъ задачи и заключалась только въ томъ, чтобы составить конституцію, способную утвердить прочный порядокъ вещей и такая именно конституція и была предложена американскому народу. Редакція была поручена Морису и она была написана имъ безъ всякихъ лишнихъ фразъ, ясно, просто, слогомъ законодателя. Американцы были слишкомъ практическіе и разсудительные люди, чтобы увлекаться какими-нибудь фразами, или гоняться за неосуществимостями. Если они и отдавались увлеченію воображенія, то настолько, чтобы убѣдиться, что устанавливаемый ими у себя порядокъ вещей обезпечиваетъ спокойствіе и благополучіе ихъ дѣтей и внуковъ. Опытъ показалъ, что американцы не ошиблись. Съ разсудительностью и проницательностью англосаксонской расы, они съумѣли отличить истинное отъ неистиннаго, вѣрное отъ невѣрнаго, прочное отъ непрочнаго. Не увлекаясь фикціями, не преувеличивая своего личнаго значенія, американскіе выборные поступили подобно Франклину и, не довѣряя своей непогрѣшимости, отказались отъ своихъ частныхъ мнѣній, чтобы примириться на общихъ принципахъ и основахъ, предоставивъ времени поправку частностей. Мы думаемъ, что на мнѣніе 84-лѣтняго Франклина можно достаточно положиться, когда онъ писалъ Вашингтону, что, страдая втеченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ острыми болями, онъ не жалѣетъ объ этихъ страданіяхъ, потому что они дали ему возможность убѣдиться въ томъ, что порядокъ, къ которому стремились творцы конституціи—установился и утвердился. Но нельзя не повторить еще разъ, что американцы въ лицѣ Вашингтона нашли единственнаго человѣка съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, который былъ способенъ утвердить подобный порядокъ. Заключительныя слова въ письмѣ Франклина къ Вашингтону служатъ лишь подтвержденіемъ этой истины. «Я оканчиваю свой 84-й годъ и, вѣроятно, и свою земную жизнь, но чтобы со мною ни было по смерти, мнѣ остается воспоминаніе о происшедшемъ на землѣ. Я сохраняю почтеніе, уваженіе и любовь, съ которыми я такъ долго былъ вашимъ другомъ». Въ своемъ же завѣщаніи Франклинъ говоритъ: «Я оставляю свою трость изъ дикой яблони съ золотымъ набалдашникомъ, изображающимъ шапку свободы, другу моему, другу человѣчества, генералу Вашингтону. Если бы эта трость была скипетромъ, то она была бы достойна его и могла бы быть ввѣрена ему безъ сожалѣнія».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Мѣста недавнихъ битвъ.

Очеркъ В. И. Немировича-Данченко.

V.

Петко Словейковъ.

Первый разъ я познакомился съ нимъ при очень оригинальныхъ условіяхъ.

Былъ яркій солнечный день въ августѣ 1877 года. Я только что вернулся въ Габрово отдохнуть отъ пятидневнаго безотлучнаго пребыванія на Шибкѣ. Какъ теперь помню, сидимъ мы на балконѣ, надъ Янтрой, которая шумитъ здѣсь и пѣнится отъ безсильной злости, встрѣтивъ на пути своемъ колосальную глыбу скалъ... Направо — горбатый каменный мостъ, налѣво въ безоблачной дали—смѣло очерченный конусъ св. Николая и вершины Лысой Горы и Куруджи. Сквозь шумъ рѣки оттуда порою доносились глухіе удары. Надъ Шибкинскимъ пикомъ точно шапка стоялъ пороховой дымъ. Тамъ на нашихъ и турецкихъ позиціяхъ длился, не остававливавшійся иначе какъ ночью, артилерійскій бой.

На горбатомъ мосту показалась очень оригинальная група. Очень оригинальная, яркая, живописная.

Мелкорослыя турецкія лошаденки бодро бѣжали на нашъ берегъ, позвякивая колокольчиками и бубенцами; на какихъ-то красныхъ сѣдлахъ, сгорбясь, сидѣло нѣсколько болгаръ въ короткихъ, не смотря на зной, обшитыхъ мѣхомъ курткахъ, барашковыхъ шапкахъ и своеобразныхъ шальварахъ, узко обтягивающихъ икры, за то вокругъ пояса до колѣнъ висящихъ мѣшкомъ. Всадники сидѣли по мѣстному обычаю, согнувъ колѣна и высоко подтянувъ стремена. За плечами у нихъ цѣлые арсеналы, за поясомъ—ятаганы и пистоли, изъ которыхъ несомнѣнно стрѣлялъ-бы нашъ прародитель Адамъ, если-бы Господь въ седьмой день не опочилъ отъ трудовъ и создалъ-бы огнестрѣльное оружіе...

— Слава Богу!.. Наконецъ-то... Цѣлъ значитъ! вскочилъ сидѣвшій рядомъ со мной полковникъ С.

— Кого это вы?

— Да Словейковъ!... Видите—вонъ впереди ѣдетъ.

— Какой это Словейковъ, Петко, извѣстный писатель?

— Прибавьте къ этому еще—честный гражданинъ и безукоризненный патріотъ... Такихъ какъ онъ въ Болгаріи двое, трое, да и обчелся. Вся интелигентная молодежь здѣсь выросла подъ его вліяніемъ.

Я сильно заинтересовался этимъ человѣкомъ, имѣвшимъ такое громадное и такое благотворное вліяніе на Болгарію. Онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, кому страна обязана своимъ возрожденіемъ. Самоучка—онъ сталъ въ полномъ европейскомъ смыслѣ этого слова—просвѣщеннымъ человѣкомъ. По отношенію къ исторіи своей родины, къ ея древностямъ свѣденія его такъ же глубоки, какъ и разносторонни. Здѣсь у него нѣтъ соперниковъ. Двадцать пять лѣтъ онъ трудился надъ громадною работою—описаніемъ Болгаріи въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Задача уже приходила къ концу. Онъ изъѣздилъ для этого отдаленнѣйшіе закоулки Македоніи и Фракіи, проникалъ въ албанскую глушь, перерылъ архивы всѣхъ монастырей, собралъ памятники древности, посѣтилъ развалины римскихъ и иныхъ городовъ, записалъ тысячи народныхъ преданій, легендъ и былинъ. Еще годъ—и трудъ-бы этотъ явился въ свѣтъ, но судьба берегла для Словейкова потрясающій ударъ. Когда мы сунулись первый разъ за Балканы, насъ встрѣтили тамъ такъ восторженно, что въ упоеніи дешево доставшихся побѣдъ никому и въ голову не приходила возможность отступленія русскихъ войскъ. Словейковъ жилъ тогда въ Ескизагрѣ. Говорили о приближеніи грозныхъ полчищъ Сулеймана, толковали о малочисленности нашихъ войскъ, но городу, засыпанному цвѣтами, впервые испытывавшему всю прелесть свободы, и не грезилось о тучахъ, что скоплялись на его горизонтѣ. Отступленіе наше было неожиданностью. Словейковъ не успѣлъ собрать своихъ работъ; какъ истый патріотъ, онъ схватилъ ружье и бросился вмѣстѣ съ другими болѣе отважными болгарами защищать городъ. Эпизоды боя подъ Ескизагрой извѣстны. Четыре дружины легли передъ нимъ, все остальное въ слѣпомъ ужасѣ бросилось за Балканы. На улицахъ башибузуки стали уже рѣзать женщинъ. Дочери и жена Словейкова выбѣжали въ чемъ были на габровскую дорогу, а онъ самъ, нѣсколько часовъ спустя, съ малыхъ Балканъ видѣлъ, какъ въ бѣшеномъ пожарищѣ Ескизагры гибли не только его домъ и дома его родныхъ, но и сгорало до тла то, что было результатомъ всей его жизни, его неустаннаго и безпросыпнаго труда—исторія и географія Болгаріи. Словейковъ, рыдая, простиралъ руки къ этимъ неистовымъ взрывамъ огня, окутаннаго чернымъ знаменемъ дыма, хотѣлъ броситься назадъ, но, къ счастью, его удержали сыновья. Потеря эта неоцѣненна для науки. Погибла масса незамѣнимыхъ историческихъ документовъ, сборниковъ, рисунковъ, грамотъ; погибъ

матеріалъ, накоплявшійся изо дня въ день втеченіи двадцати пяти лѣтъ.

До тѣхъ поръ Словейковъ уже былъ замѣтною личностью для славистовъ и знаменитостью для болгаръ.

Онъ вмѣстѣ съ Каравеловымъ создалъ литературу, написалъ массу несуществовавшихъ до того времени въ Болгаріи учебниковъ для школъ, призвалъ къ дѣлу десятки народныхъ учителей, открывалъ училища, гимназіи, издавалъ газету; пользуясь своимъ вліяніемъ на турокъ, настоялъ ресовъ своей родины. Если-бы собрать все написанное имъ, въ Словейковѣ каждый призналъ-бы болгарскаго Крашевскаго, можетъ-быть, безъ силы таланта польскаго писателя, но съ такой-же глубиной знаній, съ такой-же громадной энергіей и главное съ тѣмъ, что Крашевскій не имѣлъ возможности обнаружить, — безграничнымъ политическимъ вліяніемъ на свой народъ. Въ самомъ дѣлѣ, Словейковъ въ Болгаріи — это знамя, къ которому и за которымъ идутъ. Всюду, гдѣ звучитъ болгарская рѣчь, нѣтъ та- фамиліями, скрываясь днемъ, переодѣваясь. Словейковъ считалъ ниже своего достоинства прибѣгать къ маскарадамъ. Даже когда нелюбившій его Митхадъ-паша сдѣлалъ уже распоряженіе о ссылкѣ Словейкова въ Діарбекиръ или куда-то въ другое мѣсто — Словейковъ не тронулся изъ своего дома и не подумалъ уходить. Впрочемъ, впослѣдствіи съ храбростью политическаго агитатора Словейковъ соединилъ и мудрость змія. Онъ вкрался въ довѣріе къ турецкимъ властямъ и пользовался ихъ располо-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА И. Н. КРАМСКОГО.

Мельникъ.

Рисовалъ П. Чистяковъ; рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ" г. Діаментовскаго.

на разрѣшеніи священникамъ устроить школы по всѣмъ селамъ своей родины. Онъ работалъ при самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Семья и онъ первое время питались бараньими башками, нищета была самая безъисходная; какъ образованный человѣкъ онъ могъ идти служить, турки ему предлагали мѣсто вице-губернатора, могъ заняться торговлей. Его вызывали въ Константинополь, тянули въ Солоники, въ Адріанополѣ обезпечивали ему благосостояніе, но Петко Словейковъ отказался отъ всего ради интекого мужлана, который-бы не зналъ, кто такой Словейковъ и что онъ сдѣлалъ для народа. Турки то ухаживали за Словейковымъ, то грозили ему петлей, но какъ въ первомъ случаѣ онъ не поддавался имъ и не примыкалъ къ подлой воровской шайкѣ чорбаджіевъ, такъ и во второмъ онъ ни на минуту не пріостанавливалъ своей дѣятельности изъ-за опасенія попасть на висѣлицу... Лучшіе люди Болгаріи за послѣдніе годы бѣжали изъ страны и агитировали извнѣ, появлялись на родинѣ инкогнито, подъ чужими женіемъ въ интересахъ своего отечества. Не смотря на свое образованіе, Словейковъ тѣмъ не менѣе все это время оставался вѣренъ всѣмъ безъ исключенія обычаямъ своей родины. Вмѣстѣ съ ея страданіями онъ пріучился уважать и ея особенности, такъ, что когда другіе болгары интелигентнаго кружка фыркали на свое, — Словейковъ остался вѣренъ и мѣстному костюму и болгарскимъ нравамъ и даже отстаивалъ нѣкоторыя неправильности и грубости языка потому только, что они обосо-

бливаютъ его отъ стоальныхъ славянскихъ идіомовъ.

Понятно, насколько мнѣ было интересно увидѣть эту въ высшей степени даровитую, энергическую и славную въ своей странѣ личность.

— Да гдѣ-же онъ? обернулся я къ С., воображая себѣ Словейкова не иначе, какъ въ черномъ сюртукѣ и таковой-же шляпѣ.

— Да вонъ, впереди ѣдетъ.

— Этотъ—братушко?

— Онъ самый... А что, вы удивлены? Я и самъ сѣрые глаза. Спаленное солнцемъ лицо безъ морщинки, не смотря на то, что Словейкову было болѣе пятидесяти лѣтъ. Губы весело улыбались. Руку пожалъ такъ, что кости хрустнули...

— Откуда?

— Прямо изъ-за малыхъ Балканъ. Сутки въ дорогѣ.

Утомленія не замѣтно, по-русски говоритъ чисто, оказывается что и пишетъ литературно.

— Ну, каковы дѣла?

Точно тѣнь пробѣжала по лицу у Словейкова. спасались голодные полуодѣтые бѣженцы, нѣкоторые — раненные. Турки принимались ихъ рѣзать, да что-то помѣшало и оставили недорѣзанными... Слезы стояли на глазахъ у Словейкова, когда онъ передавалъ объ этомъ. Меня въ его разсказѣ тогда-же поразила одна замѣчательная черта. Въ то время, какъ остальные болгаре кляли наше легкомысліе, съ какимъ мы, сунувшись за Балканы, отдали подъ ножъ жившихъ тамъ христіанъ, въ то время, какъ всѣ они жаловались и плакали—Словейковъ ни разу не

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ФАНЪ-ДЕЙКА.

Дитя.

Рѣзано на деревѣ въ Дрезденѣ.

былъ также удивленъ въ первое время...

Оригинальная кавалькада, сопровождаемая цѣлою толпою болгаръ, изъ которыхъ каждый старался пожать руку Словейкову, въѣхала, наконецъ, во дворъ нашего дома. Словейковъ самъ разсѣдлалъ своего коня, отдалъ его поводить какому-то голодному бѣженцу и, наконецъ, поднялся къ намъ. Передо мной стоялъ крѣпкій, коренастый болгаринъ съ короткими сѣдыми волосами, круглымъ лицомъ, на которомъ замѣчательно умно и энергично смотрѣли крупные Оказалось, что этотъ предпріимчивый человѣкъ организовалъ конную чету, съ нею отправился черезъ Калоферъ прямо въ тылъ туркамъ, нѣсколько разъ пробирался черезъ ихъ аванпосты, разъ выдержалъ бой съ ними и всѣ эти дни провелъ среди дымящихся обгорѣлыхъ развалинъ, еще нѣсколько времени назадъ счастливыхъ болгарскихъ городовъ и деревень. Всюду по дорогѣ ему попадались трупы зарѣзанныхъ женщинъ и дѣтей, на деревьяхъ—повѣшеные ихъ отцы и братья... Въ трущобахъ—по лѣсамъ упрекнулъ русскихъ ни единымъ словомъ.

— Великое дѣло не достигается безъ великихъ жертвъ. Только тотъ народъ и можетъ дорого цѣнить свою свободу и отстаивать ее,—кому она дорого досталась!.. говорилъ онъ по этому поводу, онъ, лично, потерявшій все! И это не было маской, я съ нимъ сошелся потомъ очень коротко и всюду его слова чужды были горечи, на которую, разумѣется, имѣло право многострадальное населеніе Казанлыка и Ески-загры.

Вечеромъ въ тотъ-же день Словейковъ со своей четой исчезъ опять. Оказалось, что онъ отправился на Ямболь, Гузово и Сельцы со стороны Трейна. Радецкій высоко цѣнилъ тогда свѣденія, доставленныя Словейковымъ. Анучинъ говорилъ о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Правая рука князя Черкасскаго—полковникъ Соболевъ—не разъ выражался: «я не знаю, чтобы дѣлали безъ Словейкова»... Писатель, кабинетный дѣятель впервые вступилъ на это поприще и тотчасъ-же сталъ здѣсь необходимымъ шибкинскому отряду. Нѣсколько дней спустя, я увидѣлъ Словейкова въ огнѣ ожесточенной бойни на подступахъ къ Лысой Горѣ. Словейковъ поѣхалъ туда не драться, а спасать нашихъ раненыхъ; и здѣсь въ этой боевой обстановкѣ я научился уважать въ немъ смѣлость и спокойствіе, какъ ранѣе я уважалъ въ немъ дарованія и глубокую любовь къ своей роднѣ.

Съ Черкасскимъ Словейковъ не могъ сойдтись и поэтому князь не воспользовался всею тою пользой, какую, несомнѣнно, принесъ бы этотъ патріотъ, если бы ему дали просторъ для дѣятельности. Дѣло въ томъ, что Черкасскій всюду и вездѣ повторялъ, что онъ пріѣхалъ въ Болгарію для русскаго дѣла, что ничего болгарскаго онъ не признаетъ, а Словейковъ на своемъ знамени ставилъ прежде всего «Болгарія—для болгаръ». Глубоко любя Россію, онъ не умѣлъ отдѣлять русскаго дѣла отъ дѣла болгарскаго и считалъ ихъ одинаковыми; спеціальныхъ задачъ, которыми скрутилъ себя по рукамъ и ногамъ Черкасскій, Словейковъ не понималъ. Сверхъ того Словейковъ уже и потому не могъ сойдтись съ княземъ, что тотъ прежде всего, еще въ бытность свою въ Бухарестѣ, постарался познакомиться съ представителемъ партіи чорбаджіевъ Евлогіемъ. Черкасскій вообще благоволилъ къ нимъ, видя въ нихъ силу капитала и, какъ ошибочно онъ думалъ, силу ума. Хитрость и подлость въ данномъ случаѣ была принята за политическую мудрость—отсюда цѣлый рядъ заблужденій и нашихъ административныхъ неудачъ.

Плевненскія неудачи, сразившія столькихъ довѣрчивыхъ людей, въ Словейковѣ ни на одну минуту не поколебали его надеждъ на будущее Болгаріи. Онъ въ это время объѣзжалъ страну, вездѣ наставляя, какъ надо править дѣлами въ градскихъ совѣтахъ, какъ помогать русскимъ, какъ организовывать помощь бѣженцамъ, которыми тогда были переполнены болгарскіе города и села. Онъ не скрывалъ отъ себя великихъ недостатковъ своего народа — скупости и эгоизма и ни одинъ изъ нашихъ болгарофобовъ такъ ни бичевалъ братушекъ своимъ осужденіемъ, какъ онъ. Ему, впрочемъ, удавалось расшевеливать самую апатичную среду. Во время этихъ поѣздокъ и столкновеній съ россійскими строителями царства Болгарскаго, Петко Словейкову случалось нарываться на крупныя непріятности. Наши верхолеты и офицерики, мнившіе себя чуть не зевсами-громовержцами, интенданты и всевозможные чиновники хозяйственныхъ управленій третировали Словейкова, какъ простого «вшиваго» (обыкновенное тогда выраженіе) братушку. Словейковъ съ большимъ юморомъ разсказывалъ о такихъ случайностяхъ, не заразившись враждою къ намъ, которая оторвала отъ насъ много иныхъ честныхъ и хорошихъ силъ. Словейковъ въ каждомъ русскомъ видѣлъ одну изъ единицъ русскаго народа, народа, къ которому издавна онъ чувствовалъ благоговѣйную восторженную любовь,—любовь, выдержавшую всякія испытанія до конца. Часто, когда онъ говорилъ о насъ, мнѣ казалось, что онъ понимаетъ Россію больше многихъ нашихъ мудрецовъ халдейскихъ. Не было въ это время дѣла, гдѣ бы онъ отказался отъ содѣйствія обезпечить-ли продовольствіемъ отрядъ, или купить офицерику какую-нибудь мелочь. Достаточно было быть русскимъ, чтобы имѣть право разсчитывать на его услуги, трудъ, свѣденія и даже маленькія средства.

Но во всемъ блескѣ дѣятельность Словейкова выразилась во время нашего перехода черезъ Балканы въ декабрѣ 1877 г. Тутъ Словейковъ работалъ за сто человѣкъ—одинъ.

— Это великій патріотъ и драгоцѣнный помощникъ! говорилъ о немъ М. Д. Скобелевъ, къ отряду котораго онъ присоединился.

— Я не знаю, что бы дѣлали безъ него! сознавался А. Н. Куропаткинъ — одинъ изъ лучшихъ дѣятелей этого похода.

И дѣйствительно, трудно сказать, какъ бы мы обошлись безъ Словейкова.

Онъ доставлялъ массы свѣденій о положеніи турецкихъ отрядовъ за Балканами. Организовалъ цѣлыя четы, переходившія туда и высматривавшія турецкія позиціи. По всему пути Скобелевскаго отряда къ перевалу устранялъ множество затрудненій по снабженію почти двухъ съ половиною дивизій всѣмъ необходимымъ. Заготовилъ до 800 вьючныхъ коней въ Габровѣ, добылъ проводниковъ и счелъ свое дѣло оконченнымъ только тогда, когда мы перевалили Балканы и турки были разбиты подъ Шейковымъ. Я помню этотъ моментъ побѣды... Когда отрядъ Скобелева выстроился передъ редутами, заваленными трупами, когда съ конца въ конецъ по боевому полю грянуло такое «ура!» о которомъ не дадутъ понятія никакіе парады, къ нему сіяющій, со слезами, счастливыми слезами на глазахъ подъѣхалъ Словейковъ.

— Шибка свободна!.. Шибка свободна! повторялъ онъ, потомъ съ неудержимымъ порывомъ протянулъ руки къ небу и, чуть не рыдая, произнесъ: «Нынѣ, Господи, отпущаеши раба твоего съ миромъ, яко видяста очи мои спасеніе твое!..»

За все это время мнѣ приходилось изумляться чисто юношеской неустанной энергіи Словейкова. Когда онъ спалъ—я не знаю. Съ сѣдла—въ штабъ со свѣденіями, оттуда опять въ сѣдло. Цѣлые дни по селамъ и деревнямъ, сегодня толкуетъ съ болгарами, собираетъ цѣлыя сходки, завтра, смотришь, ужь кинулся неизвѣстными горными проходами за Балканы высматривать позиціи турокъ. Онъ работалъ больше, чѣмъ могла работать молодежь, отказывая себѣ въ какихъ-бы то ни было удобствахъ. Въ Сельви я засталъ его въ полуразвалившейся хижинѣ какого-то болгарскаго бѣженца. Некогда было разбирать гдѣ и какъ пріютиться... Заговаривали съ нимъ о будущемъ устройствѣ Болгаріи — Словейковъ отмахивался только.

— Теперь некогда, теперь не объ этомъ... Теперь освободить надо, а устроиться мы устроимся сами.

Онъ былъ человѣкъ на-столько безпристрастный, что во время частыхъ случаевъ грабежей, совершаемыхъ болгарами надъ турками и носившихъ характеръ личной мести, въ Словейковѣ находили не защитника, а самаго суроваго обвинителя.

— Дѣло свободы не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ мести. Народу, желающему независимости, нужно быть прежде всего великодушнымъ... Только рабы мстятъ такъ, граждане даютъ права и свободу своимъ врагамъ, проповѣдовалъ Словейковъ.

Почва, разумѣется, была несовсѣмъ удобна для воспріятія этихъ истинъ. Раздраженные звѣрствами турокъ, потерявшіе все свое имущество, вернувшіеся въ раззоренные дома, въ сожженныя деревни, гдѣ кругомъ были вырублены подъ корень сады, сожжены лѣса, вытоптаны поля, болгаре были мало расположены дѣлать различіе между местью раба и местью гражданина. Передъ ними еще живы были воспоминанія о зарѣзанныхъ матеряхъ, отцахъ и братьяхъ, объ уведенныхъ неизвѣстно куда сестрахъ и невѣстахъ.

Послѣдній разъ въ эту войну я видѣлъ Словейкова въ С.-Стефано.

Мы встрѣтились съ нимъ на берегу Босфора. Налѣво, словно спящая красавица, у синихъ водъ дремалъ Константинополь. На вершинахъ его дворцовъ и мечетей играло солнце... Серебрянныя вершины малоазійскаго берега горѣли передъ нами ослѣпляющимъ глаза блескомъ.

— Змѣя у васъ подъ ногами — раздавите ее! повторялъ Словейковъ, указывая на Византію.— Она опять подниметъ голову... Берегитесь!..

Черезъ годъ я уже встрѣтилъ его въ Болгаріи политическимъ дѣятелемъ въ совершенно новой роли, гдѣ онъ опять явился вполнѣ хозяиномъ дѣла.

Объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Явленія развитія въ мірѣ насѣкомыхъ.

Энтомологическіе очерки **Л. К. Попова.**

(Продолженіе.)

IV.

Помимо всего предъидущаго, весьма важно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Если-бы даже указанныя Керби и Спенсомъ условія дѣйствительно выполняли ту роль, которую приписываютъ имъ эти ученые, — превращеніе насѣкомыхъ оставалось-бы тѣмъ не менѣе совершенно не выясненнымъ явленіемъ. Дѣло въ томъ, что данныя условія вовсе не отвѣчаютъ на самый существенный вопросъ,—вопросъ о причинѣ переходнаго состоянія, состоянія куколки, когда насѣкомое впадаетъ въ оцѣпенѣніе, чѣмъ опредѣляется необходимость такой неподвижности, составляющей наиболѣе замѣчательную черту въ явленіяхъ метаморфозы насѣкомыхъ. Помимо того, гипотеза Керби и Спенса совершенно обособляетъ самыя явленія метаморфозы, словно послѣднія составляютъ исключительную принадлежность насѣкомыхъ и нигдѣ болѣе не встрѣчаются. А между тѣмъ въ дѣйствительности такое обособленіе не имѣетъ мѣста; превращеніе существуетъ не только среди многочисленныхъ, низшихъ формъ животной организаціи, но среди высшихъ формъ, среди позвоночныхъ, и въ послѣднемъ случаѣ, что, конечно, весьма поучительно, тамъ именно, гдѣ объ особенномъ прожорствѣ не можетъ быть и рѣчи.

Прежде всего отмѣтимъ наиболѣе характерный, болѣе типическій признакъ того сложнаго размноженія, къ которому относится состояніе метаморфозы. Эта типическая черта состоитъ въ томъ, что въ противоположность простому размноженію, когда молодыя животныя рождаются на свѣтъ похожими въ общей формѣ на своихъ родителей, въ данномъ случаѣ, напротивъ, молодая форма совершенно непохожа на взрослую; примѣромъ можетъ служить гусеница и происходящая отъ нея бабочка. Но, повторяемъ, тоже явленіе встрѣчается также и среди высшихъ животныхъ формъ, среди позвоночныхъ. Сюда между прочимъ относится общеизвѣстное превращеніе лягушки. По выходѣ изъ яйца, лягушка представляетъ удлиненное безногое тѣло, снабженное длиннымъ, плоскимъ и широкимъ хвостикомъ и дышетъ, подобно рыбамъ, жабрами. Въ этомъ состояніи, состояніи личинки, лягушка извѣстна подъ именемъ головастика. Затѣмъ у головастика появляется одна пара ногъ, потомъ другая, а по мѣрѣ дальнѣйшаго возрастанія у него развиваются легкія, тогда какъ жабры и хвостъ, постепенно уменьшаясь, наконецъ, совершенно уничто-

жаются; тогда именно и получается уже законченная форма лягушки. Мы видимъ такимъ образомъ, что молодая форма лягушки вовсе не похожа на взрослую и гораздо болѣе напоминаетъ рыбу, но затѣмъ уже путемъ различныхъ измѣненій головастикъ превращается въ лягушку.

Но это еще не все. Слѣды метаморфозы можно подмѣтить даже среди нѣкоторыхъ млекопитающихъ, именно сумчатыхъ, дѣтеныши которыхъ являются на свѣтъ «совершенно въ иномъ состояніи чѣмъ у прочихъ млекопитающихъ; они совершенно голы, слѣпы, глухи, не имѣютъ даже задняго прохода, а конечности существуютъ только въ видѣ отростковъ». Лучшимъ примѣромъ того, до какой степени у этихъ млекопитающихъ отличается молодая форма отъ взрослой, можетъ служить исполинскій кенгуру: «Черезъ 12 часовъ послѣ рожденія дѣтенышъ исполинскаго кенгуру имѣетъ около 14 линій въ длину. Его можно сравнить развѣ съ зародышами другихъ животныхъ, потому что онъ совершенно не зрѣлъ, прозраченъ, мягокъ и червеобразенъ; глаза у него закрыты, уши и ноздри только обозначены, конечности еще не образовались. Дѣтеныши не имѣютъ никакого сходства съ матерью. Переднія конечности на цѣлую треть длиннѣе заднихъ. Онъ виситъ у соска, не производя никакихъ замѣтныхъ движеній, согнувшись и поджавъ короткій хвостъ подъ заднія ноги; онъ даже не можетъ самъ сосать» (Бремъ).

И такъ мы видимъ, что явленія превращенія не составляютъ исключительной принадлежности насѣкомыхъ, слѣды метаморфозы хотя въ слабой степени встрѣчаются даже среди нѣкоторыхъ млекопитающихъ, не говоря уже о такихъ земноводныхъ, какъ лягушки. Но и у послѣднихъ однако совершенно отсутствуетъ промежуточное состояніе, соотвѣтствующее куколкѣ. Вотъ это-то обстоятельство и приводитъ къ заключенію, что для надлежащаго изученія явленій метаморфозы у насѣкомыхъ необходимо имѣть въ виду два главныхъ момента: во-первыхъ, тѣ условія, которыя опредѣляютъ общія явленія метаморфозы, именно несходство молодой формы со взрослой, и во-вторыхъ, условія, опредѣляющія собою болѣе спеціальную особенность, именно промежуточное состояніе оцѣпенѣнія, состояніе куколки. Только при возможно всестороннемъ изслѣдованіи всѣхъ этихъ условій, а не одной какой-нибудь ихъ групы—явленія превращенія могутъ быть научно выяснены. Попытка Керби и Спенса, какъ мы видѣли, далеко не отвѣчаетъ этому требованію. Рѣшенія задачи слѣдуетъ искать въ другомъ направленіи.

V.

Мы видѣли, что явленія метаморфоза или превращенія не составляютъ исключительнаго достоянія насѣкомыхъ, что превращеніе встрѣчается даже среди позвоночныхъ животныхъ; при этомъ было показано, что для надлежащаго изученія этихъ явленій въ мірѣ насѣкомыхъ необходимо принять во вниманіе: 1) тѣ условія, которыя опредѣляютъ существенную черту сложнаго размноженія вообще, именно несходство молодой формы со взрослою, и во 2) тѣ причины, которыя обусловливаютъ собою происхожденіе промежуточнаго состоянія, состоянія оцѣпенѣнія, такъ рѣдко характеризующія собою спеціальную черту явленій превращенія у насѣкомыхъ.

Итакъ, вотъ два вопроса, къ разсмотрѣнію которыхъ намъ предстоитъ теперь обратиться:

Вопросъ первый: отчего, въ случаѣ сложнаго размноженія, молодая форма совершенно не похожа на взрослую, тогда какъ при простомъ размноженіи, т. е. размноженіи, которое несопровождается превращеніемъ, подобное различіе совершенно отсутсутствуетъ.

Вопросъ второй: отчего, помимо черты общей явленіямъ метаморфоза, именно несходства молодой формы съ взрослою, у насѣкомыхъ обнаруживается еще промежуточное состояніе, въ которомъ животное впадаетъ въ состояніе покоя и окукляется?

Такъ какъ послѣдній изъ этихъ вопросовъ затрогиваетъ явленія, составляющія, такъ сказать, придаточную часть болѣе общихъ явленій метаморфоза, то уже по одному этому намъ прежде всего необходимо обратиться къ первому вопросу о несходствѣ молодой формы со взрослою. — Какое отношеніе представляетъ этотъ случай сложнаго размноженія и обнаруживаемые имъ процесы измѣненія къ явленіямъ эмбріональнаго, зародышеваго развитія вообще? Другими словами, несходство молодой формы со взрослою при сложномъ размноженіи и отсутствіе такого несходства при размноженіи простомъ—составляетъ-ли качественное различіе, различіе по существу, или только количественное различіе? Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ различными случаями явленій развитія или-же первое изъ нихъ представляетъ собою рядъ такихъ органическихъ измѣненій, которыя не могутъ быть сведены къ законамъ развитія?

Чтобы дать надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ необходимо теперь-же ближе ознакомиться съ существенными чертами эмбріональнаго развитія вообще, съ тѣми основными признаками, которыми выражается это развитіе. Мы увидимъ тогда, что между упомянутыми выше случаями размноженія нѣтъ иного различія помимо количественнаго, что какъ въ одномъ случаѣ, такъ и въ другомъ организмъ развивается рядомъ постепенныхъ измѣненій и достигаетъ своего взрослаго возраста не скачками, а путемъ послѣдовательнаго осложненія своей организаціи, путемъ преемственныхъ переходовъ изъ болѣе однороднаго къ болѣе разнородному строенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы увидимъ тогда, что такая общность развитія, указывая на единство данныхъ явленій по происхожденію, устраняетъ уже всякое рѣзкое разграниченіе между метаморфозомъ и обычнымъ размноженіемъ; мало того, она дозволитъ намъ установить взаимную связь для изслѣдуемыхъ здѣсь явленій, а стало быть и тѣ переходныя состоянія, которыя необходимо должны существовать и которыя дѣйствительно существуютъ между метаморфозомъ и обычнымъ размноженіемъ. Такимъ образомъ явится уже возможность указать метаморфозу его истинное мѣсто среди тѣхъ измѣненій, которыми выражается эмбріональное развитіе животной организаціи.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Наканунѣ свадьбы, картина Диффенбаха. Сцена происходитъ въ одной изъ прирейнскихъ мѣстностей. Хозяинъ,—почтенный старикъ,—одинъ изъ тѣхъ зажиточныхъ прирейнскихъ крестьянъ, которые считаютъ свое состояніе мѣшками муки, надѣляютъ своихъ дѣтей возможно тщательнымъ образованіемъ и даютъ въ приданное своимъ дочерямъ по нѣсколько тысячъ флориновъ. Диффенбахъ своей картиной вводитъ насъ на семейный праздникъ именно такой зажиточной нѣмецкой семьи; балъ происходитъ наканунѣ свадьбы дочери хозяина: работницы и работники хлопочутъ, торопясь съ приготовленіями къ завтрашнему пиру, дѣти играютъ, дѣвушки плетутъ вѣнки, женщины разсматриваютъ свадебные подарки. Вдали видны боченки пива; музыканты явились со своими инструментами, фасадъ дома увѣшивается гирляндами цвѣтовъ. По срединѣ этой оживленной сцены, нѣсколько въ глубинѣ, сидитъ самъ хозяинъ, — почтенный старикъ, съ гордымъ и довольнымъ выраженіемъ лица, за столомъ, покуривая свою трубочку; онъ видимо съ удовольствіемъ смотритъ на всю эту суету, происходящую вокругъ него. На первомъ планѣ, почти въ центрѣ картины, только-что вошедшій, почтенный пасторъ поздравляетъ жениха и невѣсту; холодная и какъ-бы офиціальная важность пастора, очевидно повторяющаго общія мѣста, какія обыкновенно говорятся въ подобныхъ случаяхъ, нѣсколько глуповатое лицо жениха, держащаго свою шляпу обѣими руками и безсмысленно улыбающагося, сконфуженное лицо невѣсты, необособенно красивое, въ то время, какъ пасторъ взялъ ее за руки,—всѣ подробности этой оживленной сцены переданы съ замѣчательнымъ талантомъ. Картина Диффенбаха можетъ служить прекраснымъ образчикомъ нѣмецкаго реалистическаго жанра. Область этого жанра—семейныя, чаще всего сентиментальныя сцены; всѣ подробности схвачены необыкновенно живо, художникъ ни на шагъ не отступаетъ отъ непосредственнаго наблюденія и передаетъ натуру такою, какою видитъ; но картинѣ своей придаетъ всегда нѣкоторый сентиментальный характеръ, и большинство лицъ надѣляетъ какимъ-то слащавымъ выраженіемъ, которое не всегда пріятно. Но въ границахъ этихъ условій, нѣмецкіе жанристы—настоящіе реалисты, а между ними Диффенбахъ—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ.

Далила, картина Чезаре.—Сюжетъ, выбранный итальянскимъ художникомъ, принадлежитъ къ тѣмъ сюжетамъ, которые вдохновляютъ большинство художниковъ, и которые, вслѣдствіе этого, дѣлаются нѣсколько избитыми. Оно и понятно: Далила, отрѣзывающая у спящаго Самсона его волосы и дѣлающая его тѣмъ самымъ безсильнымъ, — по преимуществу, сюжетъ живописный и драматическій; въ подобномъ сюжетѣ художникъ имѣетъ возможность выказать всю силу и всѣ особенности своего таланта, тѣмъ болѣе, что драматизмъ положенія не оставляетъ зрителя безучастнымъ. Къ сожалѣнію, слишкомъ частое повтореніе этого сюжета оставляетъ зрителя безучастнымъ, и онъ по необходимости обращаетъ лишь вниманіе только на тѣ техническія особенности, которыя болѣе другихъ бросаются въ глаза. Чезаре посчастливилось въ этомъ отношеніи: прекрасныя, тяжелыя драпировки кровати, въ глубинѣ и въ тѣни спящій Самсонъ, сидящая, полунагая Далила—выполнены превосходно и обличаютъ въ художникѣ не только превосходную технику, но и драматическое чувство...

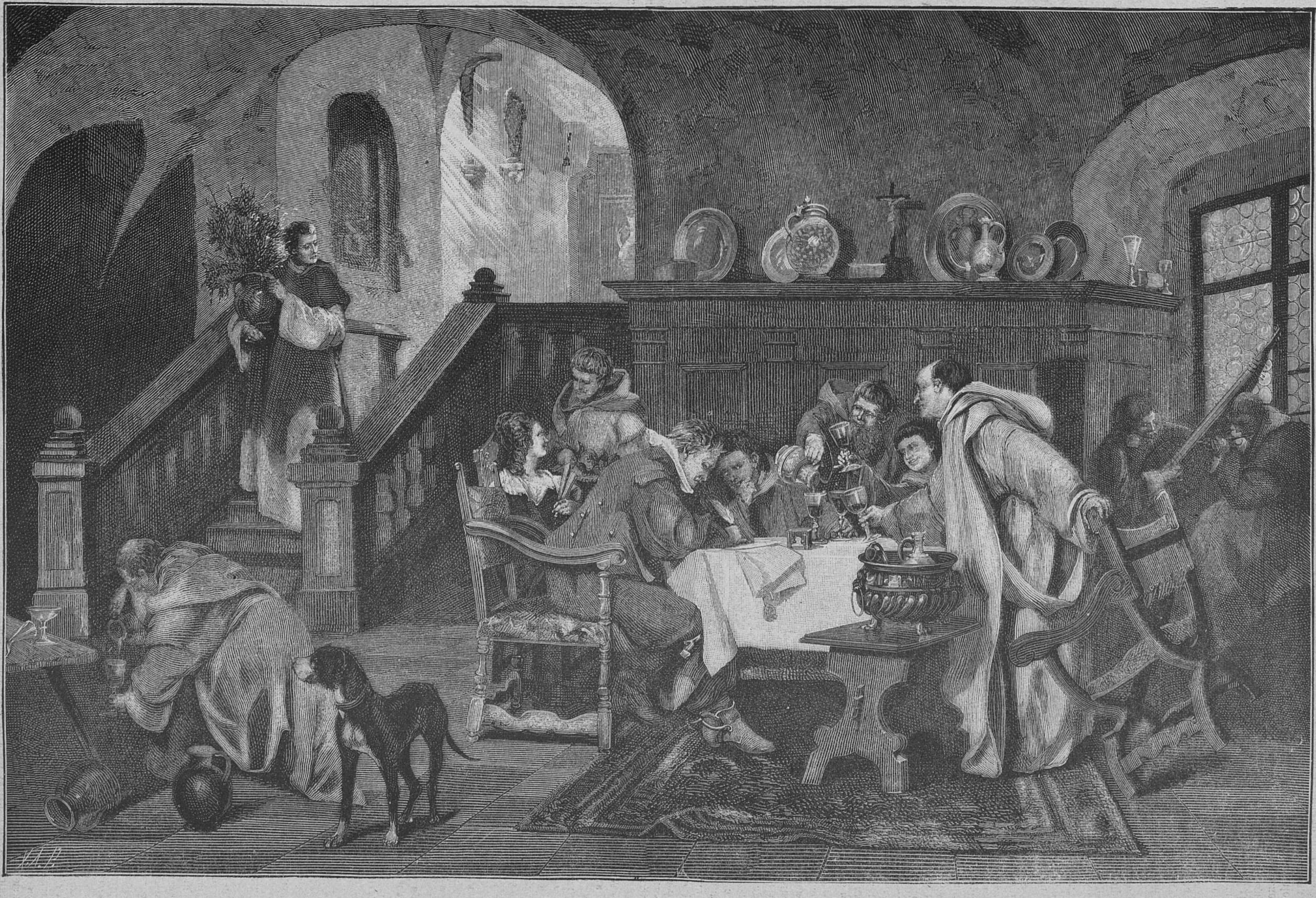
Ребенокъ, съ рисунка Фанъ-Дейка, находящагося въ королевскомъ дрезденскомъ музеѣ.—Было-бы совершенно излишне распространяться о совершенствѣ этого замѣчательнаго рисунка одного изъ величайшихъ фламандскихъ живописцевъ. Даже въ самыхъ мелкихъ произведеніяхъ великихъ мастеровъ прежде всего поражаетъ зрителя необыкновенная правда и изумительная наблюдательность. Такъ въ настоящемъ рисункѣ — лицо ребенка, манера держаться, движеніе ручекъ, костюмъ, переданы въ изумительномъ совершенствѣ; одинъ Фанъ-Дейкъ такъ тонко понималъ дѣтскую натуру, съ такою любовью изучалъ ее, въ такомъ совершенствѣ передавалъ ее.

Наслѣдство, картина Мейселя.—Одинъ изъ удачнѣйшихъ историческихъ жанровъ нѣмецкой школы. Монастырь получилъ наслѣдство, какъ это часто случалось въ доброе старое время. Монахи, заканчивая всѣ формальности, празднуютъ полученіе наслѣдства. На столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, судебные чиновники въ средневѣковыхъ костюмахъ пишутъ какія-то бумаги, въ то время, какъ монахи весело пируютъ, похлебывая вино. Въ монастырѣ видно значительное оживленіе и всеобщая радость. Очень типичны лица монаховъ и прекрасны всѣ аксесуары; сцена живо схвачена и при всемъ своемъ реализмѣ не поражаетъ грубостью ни формъ, ни мотивовъ.

Бой быковъ въ арагонскомъ мѣстечкѣ, картина Вальдивія. — Бой быковъ, какъ извѣстно, составляетъ характерическую особенность Испаніи; теперь, правда, это зрѣлище выводится изъ нравовъ, но еще недавно оно составляло любимѣйшее увеселеніе испанскаго народа. Вальдивій представилъ намъ такой бой быковъ въ маленькомъ городкѣ Арагоніи или, вѣрнѣе, одну изъ моментовъ боя. Разъяренный быкъ, гонясь за тореадоромъ, который перескочилъ за заборъ, устремляется туда-же. Публика, разумѣется, въ страхѣ и стремится бѣжать; одни стараются защищаться, другіе падаютъ; тореадоры между тѣмъ продолжаютъ свое дѣло: одинъ продолжаетъ дразнить быка краснымъ плащемъ, другой готовится нанести ему послѣдній ударъ. Вдали, толпа смотритъ съ возрастающимъ интересомъ. Эта драматическая минута изображена художникомъ необыкновенно удачно: оживленіе и движеніе группъ, выраженіе лицъ, фигуры тореадоровъ, толпа вдали, а за нею бѣдные домики маленькаго городка, — все это передано съ удивительной правдой и приковываетъ вниманіе зрителя.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА МЕЙСЕЛЯ.



Наслѣдство.

Рѣзано на деревѣ въ Мюнхенѣ.

КАРТИНА ВАЛЬДИВІЯ. Бой быковъ. (Собственность короля Альфонса XII.)
По фотографіи **Лорана.**

Евреи на молитвѣ, картина Шёна (№ 22).—Едва-ли представляется необходимымъ объяснять нашимъ читателямъ сюжетъ этой прекрасной картины,—произведенія одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ художниковъ Германіи. Евреи всѣхъ возрастовъ и положеній собрались на молитву. Разнообразнѣйшіе типы, прекрасная композиція, самый правильный рисунокъ въ частностяхъ, и гармонія въ цѣломъ,—указываютъ на то, что въ Германіи, такъ-называемая, реалистическая живопись встрѣтила плодотворную почву и быстро развивается. Въ картинѣ нельзя насмотрѣться на еврейскіе типы, очевидно, тщательно изученные съ натуры художникомъ и переданные съ замѣчательнымъ талантомъ.

Мадонна, статуя Дорэ (№ 22).—Знаменитый Французскій илюстраторъ рѣшительно пристрастился къ скульптурѣ, и въ этомъ новомъ для него родѣ искусства пользуется такимъ-же блестящимъ успѣхомъ, какъ и въ живописи. Этотъ успѣхъ, впрочемъ, объясняется очень просто: талантъ Дорэ такъ разнообразенъ, въ немъ такъ много специально пластическихъ особенностей, что въ живописи и въ рисункѣ онъ никогда не могъ выразиться вполнѣ. Можно даже сказать, что Дорэ гораздо болѣе скульпторъ, чѣмъ живописецъ. Извѣстно, напр., что онъ совершенно лишенъ чувства красокъ, что грязножелтый колоритъ его картинъ производитъ крайне непріятное впечатлѣніе; извѣстно также, что онъ крайне небрежно относится къ рисунку и эти ошибки въ рисункѣ рѣзко бросаются въ глаза даже въ его лучшихъ илюстраціяхъ (напр. въ Данте). Но то, что составляетъ положительный недостатокъ въ живописи и въ рисункѣ, то очень часто является достоинствомъ въ скульптурѣ. Скульптура не нуждается въ колоритѣ, имѣя дѣло съ мраморомъ или бронзой; съ другой стороны, для скульптурнаго произведенія строгость рисунка нужна только въ анатомическомъ отношеніи; изящество и строгость формъ въ скульптурѣ достигаются не рисункомъ, а выпуклостями и гармоніей линій. Эти особенности всегда обращали вниманіе знатоковъ въ илюстраціяхъ Дорэ. Стоитъ обратить только вниманіе на его рисунки къ поэмѣ Данте. Фигуры Виргилія, напр., и самого Данте имѣютъ совершенно скульптурный, пластическій характеръ. Весьма естественно поэтому, что Дорэ отъ рисунка, въ которомъ онъ не могъ выразить вполнѣ всѣхъ своихъ качествъ, перешелъ къ пластикѣ, и тутъ онъ является столь-же оригинальнымъ и новымъ. Его «Мадонна» въ этомъ отношеніи произведеніе чрезвычайно интересное: такъ, младенецъ Іисусъ, крестообразно распростершій руки въ объятіяхъ Богоматери,—составляетъ оригинальную, своеобразную, чисто пластическую концепцію. Было-бы безполезно указывать на великолѣпную фигуру Божіей Матери, на выраженіе ея лица, на оригинальность складокъ платья, на изящество всей статуи, въ которой такъ много правды и такъ много трагическаго чувства,—на все то, однимъ словомъ, что въ пластическомъ произведеніи является новымъ и возбуждающимъ интересъ.

Уличный писецъ, картина Видера (№ 22).—Прекрасный и своеобразный жанръ. Молодая итальянка явилась къ уличному писцу, который тутъ-же расположился со всѣми своими апаратами для писанія; дѣло касается, вѣроятно, любовнаго письма: это видно и по скромному, нѣсколько сконфуженному, съ опущенными глазами лицу молодой итальянки, разсказывающей содержаніе письма, и по улыбающемуся лукаво лицу стараго писца, который въ своей жизни не разъ, вѣроятно, слышалъ подобнаго рода интимную исповѣдь. Кромѣ интереса самого содержанія, прекрасно переданнаго въ выраженіи лицъ, картина Видера отличается еще чрезвычайнымъ изяществомъ рисунка и прелестными деталями.

Маргарита въ тюрьмѣ, картина Лиценъ-Мейера (№ 22).—Мы уже имѣли случай говорить о картинахъ Лиценъ-Мейера къ поэмѣ Гете; мы тогда-же высказали нашъ взглядъ на особенность таланта нѣмецкаго художника и на достоинство его картоновъ. Теперь читатели наши могутъ сами судить объ илюстраціяхъ Лиценъ-Мейера. Его «Маргарита въ тюрьмѣ» не можетъ, конечно, дать полнаго понятія о талантѣ художника, но представляетъ одну изъ сторонъ этого таланта, характеристической чертой котораго, безъ сомнѣнія, является изящество и гармонія формъ.

Смѣсь.

— **М. Н. Ермолова.** Извѣстная даровитая артистка труппы московскаго малаго театра М. Н. Ермолова будетъ принимать участіе въ спектакляхъ театра въ Ораніенбаумѣ. Между прочимъ, она намѣрена выступить въ драмѣ Лессинга «Эмилія Галотти» въ заглавной роли. Говорятъ, что на нѣсколько спектаклей приглашенъ туда г. Ленскій (также московскій артистъ), но дѣйствительно-ли это такъ,—покажетъ недалекое будущее.

— **М. К. Стрѣльскій.** Извѣстному провинціальному артисту г. Стрѣльскому, дебютировавшему весной въ александринскомъ театрѣ и имѣвшему успѣхъ во многихъ роляхъ, въ особенности въ комедіи Мелевиля «Любовь и предразсудокъ», въ роли Сюливана, предложено поступленіе въ труппу помянутаго театра, на что онъ согласился. Въ драматическую труппу также принятъ г. Вейнбергъ, извѣстный разсказчикъ сценъ изъ еврейскаго быта.

— **Раздѣленіе драматической труппы.** Вопросъ о раздѣленіи драматической труппы на два отдѣла (театры александринскій и малый) рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. О томъ-же, кто изъ артистовъ и артистокъ будетъ куда отнесенъ—неизвѣстно.

— **Наши лѣтніе загородные театры.** Въ прошлый лѣтній сезонъ театръ въ «Озеркахъ» занималъ очень видное мѣсто среди нашихъ лѣтнихъ загородныхъ храмовъ сценическаго искусства. Совершенно обратное явленіе представилъ намъ этотъ театръ нынче. Для открытія его шла извѣстная драма Шиллера «Разбойники» въ переводѣ Достоевскаго, но до того неумѣло сокращенной и передѣланной очевидно совсѣмъ неопытной въ театральномъ дѣлѣ рукой, что ее право и узнать-то было трудно! Постановка намъ представила нѣчто грандіозно ужасное. Исполненіе—тоже. Только г. Стрѣльскій въ роли Карла Моора выдѣлился изъ массы артистовъ, но вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ. Г. Горинъ и г-жа Федорова (Роллеръ и Амалія) были сносны, но что касается остальныхъ исполнителей, то, право, ни объ одномъ изъ нихъ не приходится сказать чего-нибудь благопріятнаго. Г. Базаровъ, играя роль Франца, на каждомъ шагу впадалъ въ неумѣстный мелодраматическій пафосъ. Такой-же неблагопріятный отзывъ намъ приходится выразить и касательно исполненія другой пьесы—трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ» (въ переводѣ Шишкова), представленной во второй спектакль. Полнѣйшее неустройство режисерской части очень ярко выразилось. Извѣстная провинціальная артистка О. Ф. Козловская исполняла въ этотъ разъ заглавную роль и, какъ и слѣдовало ожидать, съ большимъ успѣхомъ. Послѣ третьяго акта трагедіи ее вызвали 3 раза. Театръ въ этотъ разъ былъ почти пустъ (сбору было 134 р.); какъ видите, уже съ начала сезона оно посѣщается очень плохо. Труппа театра составлена большею частью изъ неудачныхъ актеровъ. Послѣ двукратнаго фіаско, которое потерпѣлъ г. Щербаковъ (содержатель) при постановкѣ пьесъ класическаго репертуара, онъ намѣренъ перейдти къ болѣе легкому. Не обошелся первый спектакль и безъ курьеза, такъ «верхи» очень дружно вызывали «автора». Въ дивертисментахъ спектаклей принимаетъ участіе хоръ подъ управленіемъ г. Гаврюшко.

— **Памятникъ Байрону.** 24 мая, въ Лондонѣ, въ окрестностяхъ Гайдъ-Парка, въ гамильтонскомъ скверѣ открыта статуя Байрона, но безъ всякой церемоніи, такъ какъ мраморный пьедесталъ, пожертвованный греческой націей, еще не привезенъ. Въ настоящее время статуя, работы англійскаго скульптора Бельта, вышиною въ 11 футовъ, возвышается на временномъ деревянномъ пьедесталѣ до прибытія мрамора съ мыса Матапана, который съ лицевого фаса будетъ украшенъ подлиннымъ обломкомъ одной изъ колонъ Парфенона. До того времени отложено и офиціальное торжество, теперь-же дѣло обошлось безъ всякой помпы и даже безъ рѣчей. Эта поздняя дань Англіи одному изъ величайшихъ ея геніевъ, который тщетно до сихъ поръ ждетъ, чтобъ передъ нимъ открылись двери Вестминстера, составляетъ дѣло частной иниціативы и преимущественно женской. Комитетъ, собиравшій пожертвованія и завѣдывавшій сооруженіемъ памятника, составленъ преимущественно изъ дамъ и находится подъ предсѣдательствомъ лорда Гугтона, болѣе извѣстнаго подъ его прежнимъ именемъ Монктона Мильнса, талантливаго поэта, публициста и предсѣдателя газетнаго фонда.

— **Городъ Гапсаль** (ст. П. В. Га—на). Съ наступленіемъ весны доктора нерѣдко совѣтуютъ больнымъ уѣзжать на лѣто къ морскимъ купаньямъ, между которыми рекомендуютъ и Гапсаль, расположенный на берегу Балтійскаго моря, въ эстляндской губ., въ викскомъ уѣз., въ 18-часовомъ разстояніи отъ Петербурга *). Желая ознакомить читателей на случай ихъ поѣздки въ Гапсаль съ его исторіей, цѣлительными грязями и купальнями, передаемъ въ сжатомъ очеркѣ, что извѣстно о немъ на основаніи печатныхъ источниковъ и свѣденій отъ лицъ, проводившихъ лѣтній сезонъ въ Гапсалѣ. Основанный епископомъ Германомъ Фон-Буксгевденъ въ 1279 году, Гапсаль втеченіи 6 вѣковъ своего существованія подвергался нападеніямъ эстовъ (1343) и рыцарей Черноголовыхъ (1383), а въ 1561 г. вмѣстѣ съ г. Ревелемъ призналъ власть шведскаго короля Эриха XIV; но черезъ 15 лѣтъ, въ январѣ 1576 г. былъ взятъ русскими, которымъ и принадлежалъ втеченіи 5 лѣтъ, до обратнаго завоеванія шведами (1581), владѣвшими Гапсалемъ 47 лѣтъ до продажи его королемъ Густафомъ-Адольфомъ въ 1628 г. графу де-Лагарди, бывшему губернатору Эстляндіи, за 67,000 талеровъ. Потомки графа владѣли городомъ втеченіи 63 лѣтъ. Въ 1691 г. Гапсаль былъ снова присоединенъ къ Швеціи; но чрезъ 19 лѣтъ генералъ Бацеръ занялъ русскими войсками Гапсаль и замокъ безъ сопротивленія гарнизона въ іюлѣ 1710 г. Изъ шведскихъ королей только Магнусъ посѣтилъ Гапсаль (1351); изъ нашихъ же государей посѣщали его Петръ Великій въ іюлѣ 1710 г. и въ августѣ 1715 г., Александръ I въ маѣ 1803 г., а позднѣе въ 1852, 56 и 59 годахъ пользовался купаньями въ Гапсалѣ царствующій нынѣ Государь Императоръ съ августѣйшимъ семействомъ. Названіе свое Гапсаль получилъ отъ осиновой рощи, въ которой совершались жертвоприношенія богамъ до обращенія эстовъ въ христіанство. На мѣстномъ нарѣчіи осина называется «хапа», а слово «саль» означаетъ рощу. Отсюда и названіе города—Хапсаль или Гапсаль, т. е. осиновая роща, сохранившаяся, какъ говорятъ, и по настоящее время вблизи города. Разстояніе отъ Гапсаля до Петербурга 450 верстъ, до Риги 334 версты, до Ревеля 100 в., до Балтійскаго порта 80 верстъ. Расположенный на пространствѣ 600 десятинъ земли, Гапсаль находится на полуостровѣ, омываемомъ съ юга и сѣвера двумя бухтами, имѣющими до 12 верстъ въ ширину, до 3 верстъ въ длину, и всего отъ 4 до 7 футъ глубиной. Мѣстность, окружающая городъ, ровная, каменистая, поросшая мелкимъ кустарникомъ и сосновымъ лѣсомъ. Изъ 350 домовъ, составляющихъ городъ, двѣ трети принадлежатъ нѣмцамъ и шведамъ, остальная-же часть—эстамъ и русскимъ. Многіе изъ домовъ имѣютъ по нѣсколько квартиръ, отдаваемыхъ въ наймы пріѣзжающимъ на лѣто, среднее число которыхъ доходитъ до 300 семействъ и болѣе. При каждомъ почти домѣ имѣется небольшой садъ. Городъ раздѣляется на 2 главныя части: на древній замокъ, построенный полустолѣтіемъ ранѣе Гапсаля, въ 1228 г., расположенный на возвышенности, и на самый городъ, лежащій у основанія замка въ направленіи къ морскому берегу. Дома въ Гапсалѣ представляютъ не дачи, а скромныя городскія квартиры, вполнѣ, впрочемъ, меблированныя, и отдаются въ наймы съ посудой и всѣми кухонными принадлежностями. Для любителей морскихъ путешествій слѣдуетъ рекомендовать переѣздъ изъ Петербурга на пароходѣ рижскаго общества, контора и пристань котораго находятся на Васильевскомъ островѣ, на набережной, противъ 13 линіи. Пароходы этого общества начинаютъ свои рейсы съ 20 мая и кончаютъ ихъ въ исходѣ августа, доставляя въ Гапсаль, при благопріятной погодѣ, чрезъ 30 часовъ плаванія.

Для прогулки и развлеченія пріѣзжающихъ на лѣто въ Гапсаль служитъ береговая алея на протяженіи версты, называемая «променадъ», гдѣ находится кабинетъ для чтенія газетъ, лодочная пристань и павильонъ для желающихъ пользоваться разными минеральными водами. На променадѣ ежедневно играетъ небольшой хоръ музыки утромъ и вечеромъ. Для прогулки служатъ также развалины замка (Руины) съ окружающимъ ихъ паркомъ. Для развлеченій имѣется «салонъ», т. е. обширная гостиница съ бильярдомъ, буфетомъ и бальною залой, въ которой даются танцовальные вечера по воскресеньямъ для взрослыхъ, а по четвергамъ для дѣтей. Право пользованія этими вечерами за весь сезонъ обходится отъ 5 до 15 руб., смотря по числу лицъ, составляющихъ семейство. Мѣстомъ загородныхъ прогулокъ служитъ сосновый лѣсъ, называемый «паралепъ» въ двухъ верстахъ отъ города, а также и мыза Вейсенфельдъ, принадлежащая доктору Гуніусу, отцу котораго Гапсаль многимъ обязанъ въ отношеніи устройства купаленъ для теплыхъ ваннъ, составляющихъ главное средство лѣченія отъ многихъ болѣзней. Для сообщенія съ загородными мѣстами прогулокъ имѣются извощичьи коляски и шарабаны за небольшую плату. Для кавалькадъ можно получать также и верховыхъ лошадей. Для катанья по заливу имѣются лодки съ платою 50 коп. въ часъ. Для любителей чтенія имѣются 2 библіотеки. Что-же касается воздуха и климата, то еще древніе римляне называли воздухъ «pabulum vitae», т. е. пастбищемъ жизни (главною

*) Считая 14 часовъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ до Балтійскаго порта и 4 часа ѣзды на пароходѣ изъ Балтійскаго порта до Гапсаля.

пищей). Такое значеніе его относится въ особенности къ морскому воздуху, что подтверждается отсутствіемъ большинства болѣзней, какъ, напр., скарлатины, кори и даже холеры между жителями морскихъ береговъ. Гапсаль служитъ тому доказательствомъ; такъ, въ сильный разгаръ холерной эпидеміи въ 1831 и 48 годахъ въ немъ не было ни одного холернаго случая. Воздухъ, окружающій Гапсаль, очень здоровъ, благодаря присутствію въ немъ соляныхъ паровъ, выдѣляющихся изъ морской воды, чѣмъ и объясняются преимущества морского воздуха сравнительно съ мѣстностями, удаленными отъ моря, гдѣ чистота его зависитъ отъ времени года, направленія вѣтра и температуры. Послѣдняя не имѣетъ въ Гапсалѣ значительныхъ колебаній; такъ, въ самыя жаркія лѣта она рѣдко бываетъ выше 20 градусовъ Реомюра, а зимой почти не бываетъ большихъ морозовъ. Средняя годовая температура въ Гапсалѣ + 5° R, а въ Москвѣ, напримѣръ, 4°, хотя она лежитъ почти на 600 верстъ южнѣе Гапсаля, окруженнаго обширной водяной поверхностью, служащей дурнымъ проводникомъ теплу, но, принимая его, выдѣляетъ несравненно медленнѣе, чѣмъ это совершается земной поверхностью, въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ моря. Умѣренностью климата въ Гапсалѣ объясняется и замѣчательная въ немъ растительность. Здѣсь зимуютъ многія изъ растеній, требующихъ болѣе южнаго климата. Буковыя деревья и грѣцкая орѣшина ростутъ въ нѣкоторыхъ садахъ и не защищаются зимой отъ морозовъ. Послѣдняя доходитъ до высоты 4 саженъ, хотя и незначительной толщины, но приноситъ плоды. Виноградъ зрѣетъ на открытомъ воздухѣ, но требуетъ особаго ухода въ зимнее время. Дожди и грозы бываютъ здѣсь сравнительно рѣдко. Сырости, даже въ полночь, на берегу моря не чувствуется. Это счастливое свойство климата въ Гапсалѣ, имѣющаго очевидныя преимущества сравнительно съ другими мѣстами купанья на Балтійскомъ прибрежьи, зависитъ отъ положенія его на полуостровѣ, не вдающемся далеко въ море и омываемомъ двумя бухтами, закрытыми съ сѣвера полуостровомъ Нюко, съ запада лѣсистыми островами Даго, Вормсомъ и другими, а съ юга и съ востока лѣсами. Все это, защищая ближайшія окрестности Гапсаля отъ бурь и сильнаго морского вѣтра, способствуетъ умѣренности и постоянству его климата. Средняя температура воды въ гапсальскихъ заливахъ лѣтомъ отъ +17 до +18° R. Сравнительно высокая температура воды, доходящая нерѣдко лѣтомъ до + 23° R, объясняется самымъ положеніемъ заливовъ, имѣющихъ при незначительной глубинѣ длину до 3, а ширину до 12 верстъ, и защищенныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ и бурь лѣсами и островами. Дно заливовъ состоитъ изъ грязи, или ила, который представляетъ смѣсь разныхъ породъ земли, образовавшуюся изъ остатковъ раковинъ и растеній, въ особенности изъ морского мха. Илъ или морская грязь имѣетъ видъ мягкой, легко растирающейся черной съ сѣроватымъ отливомъ масы, способной долго удерживать въ себѣ теплоту, отчего температура ила всегда нѣсколько выше температуры воды; сѣрный запахъ ила полезенъ для страдающихъ грудными болѣзнями. Вкусъ воды солено-горькій. Ни прилива, ни отлива нѣтъ въ заливахъ Гапсаля, какъ равно нѣтъ ихъ и въ другихъ мѣстахъ Балтійскаго прибрежья. Морскія купанья въ Гапсалѣ и въ особенности теплыя ванны изъ грязи считаются съ давняго времени цѣлебными отъ болѣзней: золотушныхъ, ревматическихъ, нервныхъ, желудочныхъ, параличныхъ, ушныхъ, застарѣлыхъ сыпей, дыхательныхъ и мочевыхъ органовъ, общаго разслабленія, англійской болѣзни, сифилиса и онанизма.

Сезонъ лѣченія въ Гапсалѣ начинается съ половины мая и продолжается до сентября. Морскими купаньями начинаютъ пользоваться только съ половины іюня, такъ какъ температура воды до того времени не достигаетъ должной теплоты. Съ 15 мая по 15 іюня больные пользуются по указанію врачей: Ринне, Гуніуса, Абельса и Берга, живущихъ въ Гапсалѣ, теплыми ваннами въ двухъ частныхъ заведеніяхъ: г. Штюрмера, на сѣверномъ берегу у променада, и г. Бергфельда на западномъ берегу. Въ нихъ-же имѣются и приспособленія для разнаго вида душей. Здѣшнія морскія купанья въ виду относительно высокой температуры воды особенно полезны людямъ слабаго сложенія, дѣтямъ, старикамъ и женщинамъ. Кромѣ купанья въ морѣ и лѣченія теплыми ваннами, въ Гапсалѣ можно пить разныя минеральныя воды, получаемыя изъ заграницы, а равно имѣть паровыя и песчаныя ванны. Устройство заведеній для теплыхъ ваннъ обязано извѣстному въ Гапсалѣ доктору Гуніусу, уже умершему, но сынъ котораго также пользуется извѣстностью опытнаго врача втеченіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Обыкновенный курсъ лѣченія въ Гапсалѣ состоитъ изъ 30 теплыхъ ваннъ, послѣ которыхъ купаются въ морѣ отъ 40 до 60 разъ. Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ полезны только морскія купанья, или теплыя ванны съ одной морской водою. Многія болѣзни вылѣчиваются здѣсь въ одно лѣто, другія проходятъ только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лѣченія въ Гапсалѣ. Для купанья въ морѣ устроены деревянныя будки, отъ 1½ до 2 саженъ въ квадратѣ, поставленныя на глубинѣ 3 или 4 футъ, въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ берега, съ которымъ соединены мостками съ перилами. Будки служатъ для раздѣванья; по небольшой лѣстницѣ, обитой парусиной, сходятъ въ воду, гдѣ пространство въ нѣсколько квадратныхъ саженъ обсажено березками и устроены души, бьющія струями и дождемъ, по желанію Продолжительность купанья опредѣляется врачемъ для дѣтей отъ 2 до 5 минутъ, а для взрослыхъ не болѣе 10 минутъ. Первая общественная купальня для теплыхъ ваннъ была устроена въ 1825 г. графомъ Де-Лагарди. Число пріѣзжающихъ въ Гапсаль съ 1840 г. настолько увеличивалось ежегодно, что явилась необходимость устроить болѣе обширныя помѣщенія для теплыхъ ваннъ. Дѣтскія и женскія болѣзни въ особенности излѣчиваются здѣсь морскими купаньями, укрѣпляющими и взрослыхъ, страдающихъ нервными болѣзнями. Для лицъ-же подверженныхъ кровохарканію или имѣющихъ расположеніе къ удару облегченія не послѣдуетъ ни отъ теплыхъ ваннъ, ни отъ купаній въ Гапсалѣ.

Въ Гапсалѣ больнымъ предписывается слѣдующій образъ жизни. Встаютъ рано—въ сѣдьмомъ часу; до чаю пьютъ молоко, минеральныя воды, чистую морскую воду, или сыворотку. Послѣ питья водъ, молока или сыворотки, слѣдуетъ часовая прогулка; а потомъ, втеченіи 2 недѣль, принимаютъ теплыя ванны съ примѣсью грязей, или разсола, вывариваемаго изъ морской воды, или грязей и разсола вмѣстѣ. Послѣ того, втеченіи 4 недѣль, берутъ холодныя ванны въ морѣ съ душью, или безъ нея, смотря по роду и степени развитія болѣзни. Послѣ теплыхъ ваннъ, а также послѣ купанья въ морѣ, возвращаются домой и пьютъ чай. Обѣдаютъ въ 2 часа. Отъ 7 до 9 часовъ вечера прогулка на «променадѣ», а потомъ на балу, или въ концертѣ, даваемыхъ въ «салонѣ», пріѣзжающими во время лѣта артистами. Всѣ увеселенія однакожь оканчиваются къ 11 часамъ вечера.

Въ заключеніе нашего очерка передаемъ сохранившееся въ лѣтописяхъ Гапсаля преданіе, касающееся двухъ посѣщеній его Петромъ Великимъ. Первый разсказъ относится къ 22 іюля 1710 г., когда, по осмотрѣ стараго замка въ Гапсалѣ, Петръ I, проѣзжая усадьбу дворянина Рама, послалъ ему сказать, что будетъ у него къ обѣду. «А я не хочу этого», отвѣчалъ Рамъ посланному царя, полагая, что имѣетъ право принимать гостей по своему выбору и приглашенію. Царь, пріѣхавъ къ Раму, проучилъ по своему негостепріимнаго хозяина за его отвѣтъ и остался у него обѣдать. Убѣдясь изъ разговора съ Рамомъ, что онъ былъ человѣкъ образованный, царь помирился съ нимъ Геніальный умъ Петра очаровалъ хозяина до того, что онъ готовъ былъ пожертвовать жизнью за царя, который, прощаясь съ Рамомъ, спросилъ его: какой онъ хочетъ милости отъ своего непрошеннаго гостя? «Государь, отвѣчалъ хозяинъ,—подари мнѣ трость, которою меня проучилъ за нежеланіе принять тебя. Этотъ подарокъ будетъ мнѣ напоминать твое посѣщеніе». Царь, смѣясь, отдалъ Раму свою трость, которая и теперь хранится, по разсказамъ сторожиловъ Гапсаля, у потомковъ его.

Во время второго посѣщенія Гапсаля, въ августѣ 1715 г., Петръ I былъ въ Линденѣ, имѣніи барона Унгернъ-Штернберга, котораго зналъ прежде лично, но нашелъ только молодую его вдову съ малюткою сыномъ. Царь съ живымъ участіемъ отнесся къ потерѣ баронессы, рожденной фон-деръ-Паленъ, и остался у нея обѣдать. Увидѣвъ на поданномъ ему бокалѣ надпись съ именемъ Карла XII, царь, взявъ его, сказалъ: «пью здоровье брата Карла!» Замѣтивъ же надъ дверями въ столовой свой портретъ, а надъ другою дверью слѣды снятой недавно картины, Петръ I спросилъ, что изображала другая картина, и, видя смущеніе хозяйки, отыскалъ за угломъ печки снятый со стѣны портретъ Карла XII. «Эй, братъ Карлъ! теперь ты за печкой спрятанъ! А кто знаетъ, если-бы мнѣ пришлось проиграть сраженіе, тогда моему портрету пришла-бы очередь здѣсь стоять!» смѣясь, сказалъ царь и самъ повѣсилъ на прежнее мѣсто портретъ Карла XII. Въ Гапсалѣ Петръ I останавливался въ домѣ судьи, перестроенномъ въ 1843 г., близъ нынѣшней православной церкви *).

*) Печатными источниками для настоящаго очерка служили: Беккеръ, «Поѣздка въ остзейскія губерніи». Груммъ, «Минеральныя воды». Hunnius, «Seebäder Hapsal's». Гунніусъ, «Цѣлебныя силы воздуха, воды и ила при Гапсалѣ». Сухаро, «Гапсаль и его жители». Russwurm, «Das Schloss zu Hapsal». А. Ш, «Замѣтки о дачной жизни въ Гапсалѣ (1878)».

— **Чудо современной механики.** Въ Англіи изобрѣтена новая подводная лодка, конусообразной формы, облеченная въ крѣпчайшую стальную броню. Лодка эта предназначается для полярной экспедиціи къ сѣверному полюсу.

— **Колосальный дѣтскій пріютъ.** Въ Лондонѣ устроенъ въ настоящее время величайшій въ мірѣ дѣтскій пріютъ, въ которомъ помѣщается 60,000 дѣтей обоего пола, обучающихся всевозможнымъ ремесламъ и грамотѣ.

— **Появленіе кометы.** Южно-сиднейская обсерваторія извѣщаетъ, что на югѣ отъ гор. Мельбурна, на горизонтѣ появилась комета; свѣтъ ядра былъ настолько силенъ, что былъ замѣтенъ и днемъ. Комета имѣетъ громадный свѣтовой хвостъ, который еще скрывается за горизонтомъ, не смотря на то, что самое ядро находится на высотѣ 48°. Въ настоящее время путь кометы измѣняется съ сѣверо-западнаго на сѣверо-восточный.

— **Женщина съ бородой.** Въ Арканзасѣ проживаетъ женщина, имѣющая довольно большую щетинистую бороду, которую, впрочемъ, она теперь тщательно выбриваетъ, что дѣлаетъ по желанію своего 14-го мужа, который только подъ условіемъ «обритія бороды и воспрещенія впредь до истеченія трехлѣтняго срока контракта носить таковую», рѣшился вступить съ нею въ 14-й бракъ. До этого времени первые ея мужья возили ее по циркамъ и разнымъ балаганамъ Америки и показывали за деньги, которые и проматывали. Такимъ образомъ, эта почтенная дама переходила отъ одного мужа къ другому. Наконецъ, ей удалось при послѣднихъ трехъ мужьяхъ собрать значительный капиталъ, завести роскошную обстановку, сбрить свою бороду и преобразиться въ богатую леди. Въ ея роскошномъ домѣ имѣется особая комната, въ которой хранятся наслѣдія ея 13 мужей,—это ихъ старыя шляпы. Женщинѣ съ бородой около 30 лѣтъ и ее считаютъ очень красивой.

— **Выставка машинъ.** Въ Англіи открывается чрезвычайно интересная выставка машинъ и образцевъ всѣхъ вообще изобрѣтеній и открытій, сдѣланныхъ за послѣднее время

— **Воздушная прогулка.** Въ Парижѣ и въ Лондонѣ составилось чрезвычайно интересное общество, члены котораго будутъ совершать втеченіи настоящаго лѣта прогулки на аэростатѣ изъ Парижа въ Лондонъ и обратно.

— **Южно-полярная экспедиція.** Итальянская экспедиція къ Южному полюсу уже сформировалась и скоро отправится въ путь.

— **Орангутангъ виртуозъ.** Въ Мюнхенѣ былъ привезенъ колосальныхъ размѣровъ орангутангъ, замѣчательный, какъ необыкновенный виртуозъ на скрипкѣ; владѣлецъ его часто устраивалъ концерты и выручалъ огромныя деньги. Въ послѣднемъ концертѣ случился слѣдующій казусъ: орангутангъ долженъ былъ играть превосходно разученный имъ «Венеціанскій карнавалъ». Какъ всегда, необыкновенный скрипачъ на четверенькахъ вбѣжалъ въ залъ, потомъ на эстраду; ему подали скрипку и онъ началъ свою дѣйствительно изумительную игру. Кончилъ онъ, видимо утомленный; публика потребовала повторенія; хозяинъ долго не соглашался, наконецъ, долженъ былъ уступить. Орангутангъ послѣ первыхъ-же движеній бросилъ скрипку и пустился бѣжать, но кто-то изъ посѣтителей, совершенно машинально, схватилъ за хвостъ пробѣгавшую мимо него обезьяну; та сильно рванулась и въ рукахъ его оставила свой хвостъ съ довольно большимъ кускомъ своей шкуры. Эфектъ вышелъ полный, когда предъ публикой очутился одинъ изъ извѣстныхъ скрипачей, обтянутый шкурою орангутанга.

— **300-лѣтній юбилей.** 15 сентября этого года Аргентинская республика будетъ праздновать свой 300-лѣтній юбилей. Въ этотъ день въ Буэносъ-Айресѣ откроется мануфактурная выставка, которая продолжится до конца года.

— **Путешествіе перваго сіамскаго короля.** Въ г. Банкокѣ въ настоящее время идутъ дѣятельныя приготовленія къ путешествію сіамскаго короля въ Европу. Первый визитъ его будетъ сдѣланъ въ Англію.

— **Находка.** Въ лѣсахъ Штиріи, близъ мѣстечка Дромелинга дровосѣки срубили громадный пустой дубъ; когда-же дерево свалилось, глазамъ ихъ представилось необычайное зрѣлище: въ дуплѣ дерева лежалъ человѣческій скелетъ хорошо сохранившійся, по зубамъ ему можно было дать около 25 лѣтъ;

подлѣ на ременномъ поясѣ лежалъ рогъ съ порохомъ, трубка и серебряныя часы съ надписью въ вензелѣ «H. von Krackowitz 1812 годъ». Вѣроятно, несчастный случайно попалъ въ дупло, не могъ оттуда выбраться и умеръ голодной смертью.

— **Батальная живопись.** Въ парижской національной галереѣ извѣстный парижскій художникъ Невиль выставилъ свои новыя произведенія, сюжеты которыхъ заимствовалъ изъ войны Англіи съ зулусами.

— **Желѣзный дождь.** Въ Сициліи, въ гор. Катаніи, въ ночь на 16 апрѣля, при совершенно тихой, безоблачной погодѣ и ясной свѣтлой ночи, со стороны еле-дымящейся Этны вдругъ начали надвигаться темно-свинцовыя тучи, спустя нѣсколько времени, все небо заволоклось ими и наступила непроглядная тьма. Чрезъ часъ подулъ вѣтерокъ и началъ накрапывать мелкій, но довольно рѣзкій дождь, который, увеличиваясь, перешелъ, наконецъ, въ ужаснѣйшій ливень; спустя 4 часа, ливень смѣнился дождемъ, но уже сухимъ, сыпавшимъ какъ-бы изъ рѣшета мелкую, острую желѣзную пыль, покрывшую громадныя пространства. Желѣзная пыль, собранная при помощи магнита, представляла необычайной величины кристалы (въ половину рисоваго зерна) метеорическаго происхожденія. Массы этой пыли теперь собраны и представляютъ величайшій интересъ для изслѣдованій ученыхъ.

— **Калифорнійскій крезъ.** Въ Пенсильваніи праздновалъ день своего рожденія 89-лѣтній Іоганъ Сутеръ, первый американскій богачъ, пришедшій въ 1840 г. въ Калифорнію пѣшкомъ съ котомкою на плечахъ и работавшій поденно. Авантюристъ этотъ, бывшій ветеранъ французской арміи, поселился въ штатѣ Мисури, въ 1834 году, и постоянно эмигрировалъ изъ штата въ штатъ, пока случайно не попалъ въ Калифорнію и, углубясь далеко внутрь страны, случайно наткнулся на золотой самородокъ, что подало ему идею заняться точнымъ изслѣдованіемъ почвы. Результатъ вышелъ блистательный. Въ 1849 году онъ открылъ первыя величайшія золотыя розсыпи и такъ разбогатѣлъ, что его богатства въ точности опредѣлить невозможно.

— **Бундеръ** (Разсказъ Бретъ-Гарта). Я никогда не могъ понять, какимъ образомъ этотъ невзрачный песъ могъ сдѣлаться такимъ близкимъ и неразлучнымъ членомъ нашей семьи; это была далеко не породистая собака, а воспитанія, даже самаго посредственнаго, въ ней не было и слѣда! Родословная ея для насъ такъ и осталась покрытой мракомъ неизвѣстности, и если у нея, быть можетъ, и были родичи, то все-таки мнѣ, при всемъ моемъ обширномъ знакомствѣ между собаками, ни разу не удалось подмѣтить ни у одной изъ нихъ особенностей, свойственныхъ нашему Бундеру. Во 1-хъ у него было необыкновенно длинное туловище, а переднія и заднія ноги такъ далеко отставлены одна отъ другой, что, казалось, будто природа предназначала помѣстить между ними еще пару, но это почему-то осталось невыполненнымъ! Между тѣмъ, эта особенность имѣла то неудобство, что Бундеру для того, чтобы пройдти нужно было чуть не настежь отворенную дверь. И такъ какъ онъ пользовался у насъ замѣчательной свободой, то въ холодныя ночи, мы были мучениками въ ожиданіи его возвращенія, оставляя дверь полуотворенною, почему къ намъ въ сѣни забѣгало обыкновенно нѣсколько большихъ уличныхъ собакъ.

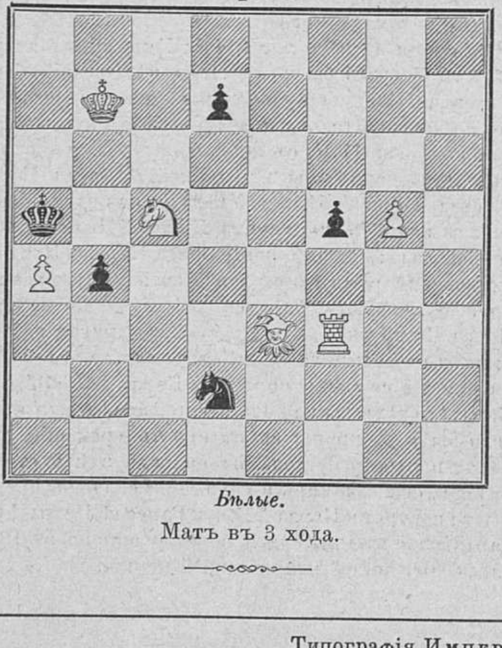
Возвращаюсь къ описанію наружности Бундера: пальцы у него были какъ-то особенно вывороченны наружу и въ спокойномъ состояніи его поза всегда напоминала собою первое па танцевъ. У него были свѣтлые глаза, какъ будто не ему принадлежащія уши и заостренный, обладающій особенною способностію проникать во всѣ щели, носъ.—Вотъ точный портретъ его! Я начинаю думать, что въ семьѣ нашей собака эта водворилась только благодаря своей удивительной безцеремонности; потому что съ той поры, когда мы нашли ее свернувшеюся въ кольцо на коврѣ одной изъ заднихъ комнатъ, — и она ни мало не смутилась, когда ее стали разсматривать,—она усвоила себѣ полнѣйшую свободу дѣйствій, нисколько не стѣсняясь своими далеко не деликатными привычками: напр., она ложилась вездѣ, гдѣ ни попало, такъ что нерѣдко ее находили въ корзинѣ съ бѣльемъ или на чемъ-нибудь платьѣ, но если даже при этомъ оставались слѣды ея лапъ, всѣ обыкновенно говорили только: Ахъ! Это ужь опять Бундеръ! Но тѣмъ обыкновенно дѣло и кончалось, и никому не приходило въ голову сердиться или взыскать съ него за это. Затѣмъ его любимымъ занятіемъ было—собирать и закапывать кости; онъ обыкновенно уносилъ ихъ куда-нибудь далеко во дворъ или садъ и тамъ зарывалъ, не разбирая мѣста; потомъ, вѣроятно забывъ его, снова рылъ, отыскивая свое сокровище, новыя ямы; конечно отъ всего этого не мало страдали фіалки и маргаритки въ нашемъ саду, но и тутъ опять-таки никто не пробовалъ отучить его отъ этой привычки. Развѣ иногда только поворчитъ кто-нибудь, да и то дружелюбно, какъ будто такъ и слѣдуетъ, и только! Но при всемъ томъ, хотя Бундеръ, какъ вы видите, и не былъ особенно умной и развитой собакой, въ немъ были нѣкоторыя замѣчательно благородныя черты; напр., если онъ продѣлывалъ свой единственный фокусъ становился на заднія лапы (получая при этомъ замѣчательное сходство съ пингвиномъ) и кто-нибудь давалъ ему кусочекъ пирога или сухарь, онъ никогда не принималъ подачки, какъ награду за свое искуство. И вообще презабавно относился всегда ко всякому предложенному лакомству, въ особенности, если это было отъ кого-нибудь посторонняго; вначалѣ онъ обыкновенно бралъ его въ ротъ и даже дѣлалъ видъ, что глотаетъ; но лишь только замѣчалъ, что на него не обращаютъ больше вниманія, тотчасъ-же старался улизнуть и клалъ кусокъ въ какое-нибудь укромное мѣстечко, нерѣдко даже въ калошу гостя. За то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, гдѣ можно было обойтись безъ церемоній, онъ, уже не стѣсняясь, явно выказывалъ свое неудовольствіе и даже злобу. Такъ напр. онъ почему-то не любилъ желѣзной дороги! И когда черезъ нашу улицу прокладывали рельсы, сердито ворчалъ надъ каждой вновь положенной шпалой, когда-же пустили первый пробный поѣздъ, можно было думать, что онъ просто надорвется отъ продолжительнаго лая. Какъ только вагоны показались на полотнѣ, Бундеръ (онъ какъ угорѣлый кинулся имъ на встрѣчу), то отскакивая въ сторону, то снова подбѣгая къ самымъ колесамъ, цѣлые полчаса отчаянно надрывалъ свои легкія! Впослѣдствіи оказалось, что онъ вообще не долюбливалъ никакихъ нововведеній; какъ знать, быть можетъ, у него въ сознаніи и являлась мысль: что всѣ они большею частью не обходятся безъ несчастій; но только онъ снова страшно волновался, когда у насъ проводили газъ, и даже въ тотъ день забылъ зарыть свои любимыя кости, ярко бѣлѣвшія на солнцѣ въ различныхъ мѣстахъ сада! Затѣмъ онъ также недружелюбно отнесся къ водопроводу и наконецъ, когда у насъ размежевывали сосѣдній участокъ земли, сдѣлался страшнымъ врагомъ работавшаго землемѣра. Все это, конечно, доказывало въ немъ съ одной стороны большую отсталость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ, у насъ въ семьѣ съ тѣхъ поръ его прозвали Бундеръ-консерваторъ. Между прочимъ надо замѣтить, что у него были чрезвычайно чуткіе нервы и когда у насъ начинали играть на фортепьяно, въ особенности, если раздавался минорный аккордъ, онъ начиналъ жалобно подвывать и когда его выпроваживали за это на задній дворъ, онъ продолжалъ выть еще сильнѣе; но мы перестали обращать на это вниманіе и продолжали играть. Конецъ Бундера былъ очень печаленъ. Разъ какъ-то поутру, онъ по обыкновенію вышелъ изъ дому съ костью въ зубахъ, но уже болѣе не возвращался. Его нашли мертвымъ на рельсахъ; вѣроятно онъ опять сунулся къ вагонамъ, и утренній поѣздъ, шедшій отъ станціи, переѣхалъ его!

Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧА № 39.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Редакція имѣетъ честь увѣдомить гг. подписчиковъ, что отправка премій начнется со среды 11 іюня. Ежедневно будетъ отправляться по 300 экземпляровъ, такъ что можно будетъ окончить отправку втеченіи іюня мѣсяца. Въ конторы журнала въ Москвѣ и Одессѣ преміи будутъ отправлены въ понедѣльникъ 16 іюня.

О времени выдачи премій гг. петербургскимъ подписчикамъ будетъ объявлено въ слѣдующемъ нумерѣ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 22-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 31 мая въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднѵю почту 2 іюня въ 2 часа по полудни.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Пѣсня писателей, стих. **В. Немировича-Данченко.**—Изъ отдаленныхъ мѣстъ, повѣсть **М. А. Филипова.** - Сумасшествіе отъ любви, повѣсть **Катюлля Мендеса.** Пер. **М. А. Мелехиной.**—Н. А. Островскій, крит. этюдъ **В. А. Пинчука.**—Изъ прошлаго и настоящаго Америки, ст. **Н. В. Шелгунова.**—Мѣста недавнихъ битвъ, очеркъ **В. И. Немировича-Данченко.**—Явленія развитія въ мірѣ насѣкомыхъ, энтомол. очерки **Л. К. Попова.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Наканунѣ свадьбы, карт. **А. Диффенбаха.**—Далила, карт. **Чезаре.**—Мельникъ, карт. **И. Н. Крамского.**—Дитя, карт. **Фанъ-Дейка.**—Наслѣдство, карт. **Мейселя.**—Бой быковъ, карт. **Вальдивія.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

новость **КОСЫ** новость

ШИНЬОНЫ, ЛОКОНЫ И БУФФОНЫ.

ИЗЪ РАСТИТЕЛЬНАГО ВОЛОСА

ПРИГОТОВЛЕНІЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННАГО СПОСОБА

ЕВГЕНІЯ ФЕВАЛЯ

легко, чисто, безвредно и дешево.

Косы отъ **1** рубля **75** коп. до **8** рублей.

Высылка по заказнымъ письмамъ и по присылкѣ образчика волосъ въ толщину спички и на почтовые расходы съ косы по 75 коп., 50 различныхъ тѣней.

ЕДИНСТВЕННЫЙ МАГАЗИНЪ

ПАРИЖСКИХЪ МОДЕЛЕЙ

ДАМСКИХЪ И ДѢТСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ

И

ВЫКРОЕКЪ.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ НА ПАРИЖСКІЕ МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

АГЕНТЪ ПАРИЖСКАГО МОДНАГО ДОМА

ДЕМОРЕСТЪ.

Книга съ картинками модъ Демореста.

Цѣна **75** коп., съ пересылкой **1** рубль.

С.-Петербургъ,

Невскій проспектъ, уголъ Новой улицы, домъ №75—2, кв. № 5.

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА

КИРѢЕВСКАЯ.

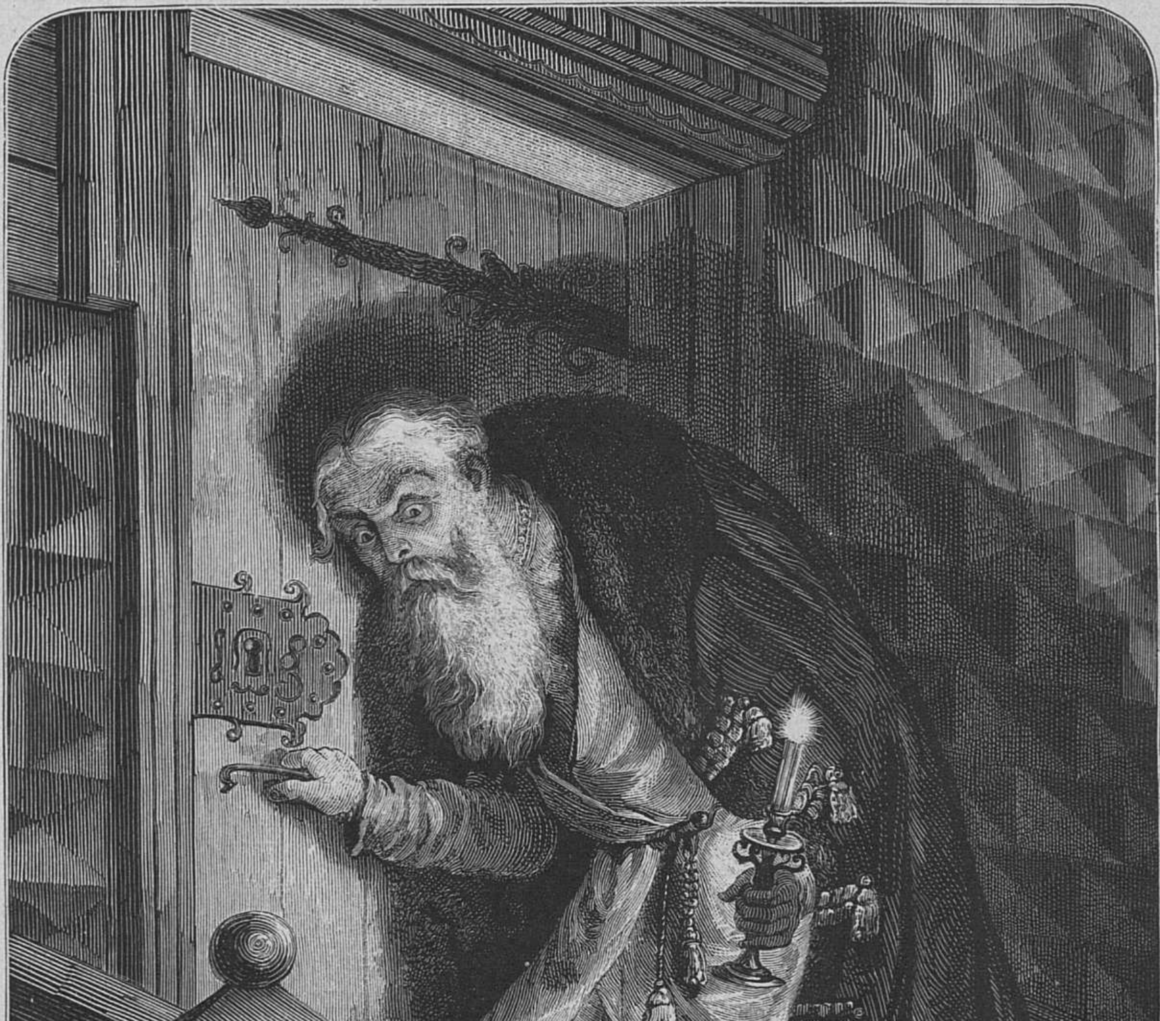
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Томъ I. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. Годъ VIII.

№ 24. За годъ съ пер. и дост.—7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 к. за нумеръ. За полгода—4 руб. 14 Іюня 1880 года.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ЗЕМЦОВА.



Бояринъ Орша. (Поэма М. Ю. Лермонтова.)

Рѣзалъ на деревѣ А. Зубчаниновъ.

Привычка.

Стих. **С. Прюдома**. Пер. **Д. Михаловскаго**.

Привычка—это незнакомка,
Что къ намъ случайно втерлась въ домъ;
Привычка—это экономка,
Что самовластно правитъ въ немъ.

Не занимаемся мы ею,—
Старуха такъ тиха, скромна,—
Но незамѣтно намъ на шею
Потомъ взбирается она.

Какъ нянька; всюду съ нами ходитъ,
Во всемъ стараясь угодить,
И незамѣтно насъ заводитъ
Туда, гдѣ намъ не снилось быть,

Безмолвно посреди работы
Она въ углу своемъ сидитъ,
Но взглядомъ пристальнымъ заботы
Движенья наши сторожитъ.

Блаженъ, кто разомъ съ ней простится,
Но горе бѣдному уму,
Что безразсудно покорится
Ея тяжелому ярму!

Какую горькую обиду
Ему старуха нанесетъ:
Онъ будетъ человѣкъ лишь съ виду,
На дѣлѣ-жь—неразумный скотъ.

Изъ Ады Кристенъ.

Стих. **Н. Гриднева**.

I.

Какъ много ты горя мнѣ далъ, но тебя
Могу-ль я покинуть, не видѣть?.
Любовь меня пуще и пуще ростетъ,
А я бы должна ненавидѣть!..

Когда ты покинулъ меня, въ этотъ мигъ
Навѣкъ я съ надеждой разсталась;
Тогда-то я жизни безцѣльной, пустой
Безумно, всѣмъ сердцемъ отдалась.

II.

Увы! это вѣрно... Ничто для тебя
Вся жизнь моя вмѣстѣ съ любовью!
Хоть даже пожертвуй я ради тебѣ
Горячею, юною кровью...

Вѣдь кровь-только кровь, и не можетъ во вѣкъ
Она обратиться въ мильоны..
А развѣ безъ денегъ ты жизнь проживешь?
У жизни есть тоже законы!..

Ничто для тебя моя жизнь, это такъ.
Но еслибъ—вотъ лучшее средство!—
За смерть мою мнѣ заплатилъ кто-нибудь,
Ты завтра-жь имѣлъ бы наслѣдство!

III.

Я, закрывъ глаза, во мракѣ
Шла впередъ, какъ въ смутномъ снѣ...
Все: и мысль, и даже чувство
Притупилося во мнѣ.
Вдругъ очнулась я. Мой взоръ
Снова полонъ упованья...
Въ этотъ мракъ ты мнѣ принесъ
Яркій лучъ самосознанья!.. Н.

* * *

Стих. **Дмитрія Черткова**.

Нѣтъ, не пой... твоя пѣсня веселая
Отголоска во мнѣ не найдетъ!
Все томитъ меня дума тяжелая
И безжалостный жизненный гнетъ.

Въ твоей пѣснѣ надежда безпечная,
На душѣ у меня тяжело.
Твоя жизнь будетъ пѣснь безконечная,
Въ ней все будетъ чудесно, свѣтло.

Я отправлюсь дорогою торною
Съ охладѣвшей своею мечтой,
И съ душой терпѣливой, покорною
Буду жить и умру сиротой.

Изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Повѣсть **А. М. Филипова**.

(*Продолженіе*.)

Глава VI.

Ссылка.

Очень рѣдко послѣ бомбардировки Одессы заходилъ ко мнѣ Саша, а если и захаживалъ, то у него имѣлось всегда наготовѣ какое-нибудь уголовное дѣло, къ которому, по его мнѣнію, онъ былъ прикосновененъ.

То, спасая какую-нибудь погибшую дѣвушку, онъ разнесъ увеселительный домъ и при этомъ дастъ мнѣ слѣдующій вопросъ:

— А... а... а... скажи... на... на... на... милость, подъ какую статью уложенія я подхожу?

Или, идя по улицѣ, онъ останавливался при спорѣ городового съ какимъ-нибудь извощикомъ или съ тянувшимся транспортомъ мужиковъ и, принимая сторону правую, лѣзъ въ драку.

Но, однажды, онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ попыхахъ и объявилъ, что онъ непремѣнно попадетъ, по его выраженію, въ ку... ку... ку... ту... зку...

— За что? спросилъ я.

Онъ разсказалъ мнѣ, что уѣздный судъ рѣшилъ одно дѣло неправильно и онъ полѣзъ въ присутствіе и выругалъ уѣзднаго судью.

— Были при этомъ свидѣтели?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ это останется безъ послѣдствій; но при свидѣтеляхъ не совѣтую тебѣ дѣлать такихъ глупостей и вообще пора образумиться...

— Меня возмущаетъ всякая несправедливость.

— Но ты слишкомъ энергично изъявляешь свое неудовольствіе и, дѣйствительно, рано или поздно попадешь въ кутузку.

Недовольный моимъ выговоромъ, онъ ушелъ и пропалъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Однажды онъ явился ко мнѣ явно не въ духѣ съ подбитымъ глазомъ.

Пожавъ мнѣ руку, онъ усѣлся въ креслѣ и ждалъ моего вопроса.

— Отчего у тебя глазъ подбитъ?

— Подбили...

— Какъ подбили? Кто и за что?

Саша разсказалъ мнѣ слѣдующее новое его приключеніе: онъ пришелъ въ канцелярію и занялся какимъ-то дѣломъ. Товарищи сообщили ему при этомъ, что по этому дѣлу поступила новая бумага и чтобы онъ пошелъ за нею ко вновь поступившему въ канцелярію журналисту. Журнальная помѣщалась въ пріемной комнатѣ, рядомъ съ кабинетомъ градоначальника. Приходитъ Саша къ журналисту, закрываетъ глаза и начинаетъ:

— Дай... дай.. дай... те... го... го... го... сподинъ... жур... жур... жур...

При этомъ онъ открываетъ глаза и видитъ, что журналистъ поднялся съ мѣста, закрылъ глаза, дѣлаетъ страшныя рожи и вдругъ произноситъ:

— Вы... вы... вы.. скве... скве.. скве... рный че... че... че... ло...

Саша въ отвѣтъ даетъ ему оплеуху; но, получивъ сдачу, вцѣпился противнику въ волосы. Пошла потасовка, окончившаяся паденіемъ обоихъ на полъ.

Вся канцелярія сбѣжалась, явился и градоначальникъ и обоихъ отправилъ на гауптвахту. Виновнымъ признанъ Саша и исключенъ изъ службы.

— Дѣло плохо, замѣтилъ я.—Чтожь ты теперь думаешь предпринять?

— Хотѣлось-бы выѣхать изъ города, поискать счастья внѣ родины...

— Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ...

— Да, быть можетъ, въ другомъ мѣстѣ повезетъ.

— Попытай счастья... Я могу тебѣ дать сто рублей; поѣзжай въ Витебскъ, тамъ получишь свои деньги по заемному письму и, быть можетъ, устроишься. У градоначальника можно выяснить твое дѣло: здѣсь виновны болѣе твои товарищи, они должны были предупредить тебя, что журналистъ заика... Хотя драться не слѣдуетъ, безусловно; но, можетъ быть, начальство проститъ тебя, въ особенности когда узнаетъ, что ты Одессу совсѣмъ оставляешь. Саша обрадовался этому и въ тотъ-же день я началъ хлопотать объ амнистіи: начальство его обѣщалось выдать ему чистый атестатъ.

Нѣсколько дней спустя, Саша уѣхалъ въ Витебскъ. Не прошло и мѣсяца, какъ я получилъ денежную повѣстку съ почты: это Саша выслалъ мнѣ излишекъ денегъ. Получивъ деньги по документу, онъ удержалъ только то, что ему слѣдовало, а остальныя выслалъ мнѣ съ первой-же почтой.

Въ письмѣ своемъ онъ увѣдомлялъ меня, что онъ поступилъ на мѣсто помощника столоначальника въ одно изъ тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ и что онъ доволенъ своимъ положеніемъ.

Послѣ того я цѣлый годъ не получалъ отъ него ни писемъ, ни извѣстій.

Между тѣмъ дѣла мои принимали такой оборотъ, что мнѣ необходимо нужно было выѣхать въ Петербургъ на неопредѣленное время.

Предъ выѣздомъ моимъ я написалъ многимъ изъ своихъ кліентовъ и ждалъ отъ нихъ отвѣта; поэтому я захаживалъ ежедневно на почту.

Захвативъ однажды на почтѣ цѣлый ворохъ писемъ, я отправился въ одинъ изъ лучшихъ трактировъ пообѣдать и на досугѣ кстати почитать и письма.

Первое попавшееся мнѣ письмо было отъ Саши.

«Дорогой Ваня, писалъ онъ.—Я приговоренъ къ ссылкѣ. Не знаю, правильно-ли подвели мое дѣло подъ статью уложенія; но ты пріѣзжай и выясни мнѣ все, какъ слѣдуетъ: тогда я увѣрую въ правосудіе. Неизмѣнно любящій тебя Саша».

— Коротко и ясно, подумалъ я.—Наконецъ-то, его угораздило таки въ ку... ку... ку... тузку...

Нечего дѣлать: думалъ я ѣхать на Москву, чтобы навѣстить бѣлокаменную матушку и послушать вновь концертъ ея сорока-сороковъ но пришлось повернуть дорогу въ другую сторону.

Тогда еще не было желѣзныхъ дорогъ и почтовые экипажи шли только по шоссе; поэтому пришлось ѣхать на перекладныхъ до Кіева и тамъ уже пересѣсть въ почтовую карету.

На другой день я такъ и сдѣлалъ и на десятые сутки, самымъ ускореннымъ движеніемъ, я при звукѣ трубы кондуктора, въѣхалъ въ почтовой каретѣ ночью въ Витебскъ.

Городъ показался мнѣ грязнымъ и неопрятнымъ и вообще не европейскимъ, а жидовскимъ, не смотря на его костелы и церкви.

Выспавшись въ гостинницѣ въ сытость и въ сласть послѣ утомительной дороги я на другой день отправился къ прокурору, чтобы исходатайствовать себѣ разрѣшеніе на свиданіе съ Сашей.

Прокуроръ былъ образованный юристъ изъ правовѣдовъ. Онъ принялъ меня очень любезно и внимательно. Я спросилъ его, въ чемъ дѣло Саши.

— Это дѣло темное по моему мнѣнію, невыясненное... Его обвиняютъ въ составленіи подложнаго завѣщанія. Но вы съ нимъ увидитесь и онъ самъ вамъ разскажетъ все и, быть можетъ,

сущую правду. Даже въ интересахъ правосудія крайне необходимо, чтобы вы съ нимъ повидались: онъ разскажетъ вамъ, вѣроятно, дѣло свое съ полнымъ довѣріемъ.

Съ этими словами онъ подписалъ бумагу на имя смотрителя тюремнаго замка о допущеніи меня къ подсудимому.

Когда я вошелъ въ камеру, гдѣ содержался Саша, онъ бросился ко мнѣ на шею и заплакалъ. Онъ похудѣлъ и лицо его обросло густою бородою. Я потребовалъ отъ него объясненія о случившемся и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Столоначальникъ, у котораго онъ служилъ, имѣлъ жену и дочь—Петурнелу. Онъ сталъ посѣщать ихъ домъ и полюбилъ хорошенькую Петурнелу. Но послѣдняя имѣла много поклонниковъ и на него не обращала почти вниманія. Между тѣмъ вскорѣ послѣ поступленія его на службу, столоначальникъ простудился, получилъ тифъ и чрезъ десять дней умеръ. Семейство его осталось, буквально, безъ куска хлѣба. Между тѣмъ Саша заступилъ на службѣ мѣсто покойнаго и потому считалъ себя вправѣ просить руку Петурнелы, разсчитывая, что онъ можетъ въ этомъ семействѣ замѣнить умершаго. Но Петурнела дала ему рѣшительный отказъ на томъ основаніи, что за схизматика-москаля она, католичка, никогда не выйдетъ. Это ввергло его въ отчаяніе и онъ перестаіъ у нихъ бывать. Однажды по городу разнеслась вѣсть, что бездѣтный дядя Петурнелы, жившій въ Витебскѣ, извѣстный скряга и процентщикъ, умеръ и оставилъ ей по духовному завѣщанію все свое состояніе и что завѣщаніе представлено въ гражданскую палату на утвержденіе; вслѣдъ за этимъ разнеслись другіе слухи, что болѣе прямые наслѣдники его отъ роднаго брата (Петурнела была отъ его сестры) оспариваютъ завѣщаніе по подложности его.

Началось слѣдствіе; улики были сильны противъ Петурнелы и ея матери и обѣихъ заключили въ тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Саша выхлопоталъ разрѣшеніе о допущеніи его въ тюрьму къ Петурнелѣ.

Исхудалое ея лицо, красные отъ слезъ глаза подѣйствовали на него одуряюще; онъ цѣловалъ ея руки и умолялъ позволить ему спасти ее.

Для этой цѣли онъ написалъ ей на имя губернатора жалобу на слѣдователей о томъ, что они давали ей пристрастные вопросы и заканчивалъ жалобу просьбою истребовать къ себѣ дѣло и дать ему законное направленіе.

Петурнела перебѣлила это прошеніе и чрезъ прокурора переслала его начальнику губерніи.

Жалоба была передана въ столъ Саши; тогда онъ составилъ докладъ о необходимости истребовать отъ слѣдователя подлиннаго дѣла.

Дѣло было истребовано; тогда Саша вынулъ изъ него подложное завѣщаніе, переписалъ его вновь своею рукою и, сдѣлавъ всѣ подписи, пришилъ этотъ новый документъ на мѣсто прежняго. Затѣмъ онъ составилъ докладъ, что дѣло посредствомъ экспертизы нужно переизслѣдовать. Губернаторъ согласился съ докладомъ и дѣло поручено было другимъ слѣдователямъ. При экспертизѣ находились обвинители и, къ удивленію ихъ, они въ предъявленномъ документѣ не узнали прежняго. Они подали о томъ формальный протестъ. Началось новое слѣдствіе о подмѣнѣ завѣщанія, напали на слѣдъ поддѣлки и Сашу арестовали. Но онъ на слѣдствіи показалъ что иного завѣщанія не было, что это подлинное и что, дѣйствительно, онъ его составилъ изъ тѣхъ видовъ, чтобы жениться на богатой наслѣдницѣ.

Дѣло поступило въ судъ. Противъ Петурнелы и ея матери не имѣлось прямыхъ уликъ, а потому ихъ оставили по дѣлу въ сильномъ подозрѣніи и освободили; а Сашу судъ осудилъ къ лишенію особыхъ правъ и преимуществъ, т. е., къ лишенію дворянства и къ ссылкѣ.

Рѣшеніе это, утвержденное правительствующимъ сенатомъ, ожидало лишь высочайшей конфирмаціи.

— Гдѣ-же то завѣщаніе, которое составила Петурнела? спросилъ я.

— Оно у меня, здѣсь оно зашито въ моемъ пальто.

— Я не понимаю, для какой цѣли ты это сдѣлалъ? Она тебя не любитъ?

— Мнѣ было такъ жаль ее, за нее я-бы пошелъ въ самый адъ; она такъ прелестна... это такой ангелъ...

— Знаемъ мы этихъ ангеловъ...

— Не говори... поѣзжай къ ней и ты убѣдишься, что я правъ.

— Для какой надобности я къ ней поѣду?

— Ради меня: ты дашь мнѣ вѣсточку отъ нея... можетъ быть, она велитъ мнѣ передать свое сердечное спасибо... можетъ быть, она пожелаетъ проститься со мною... можетъ быть, на прощаньи она... она... дастъ мнѣ на память хоть ленточку.

— Полно дурить... Пожалуй, я сейчасъ-же къ ней поѣду.

Онъ сообщилъ мнѣ ея адресъ.

Я тотчасъ уѣхалъ и при отъѣздѣ просилъ смотрителя вновь чрезъ часъ допустить меня къ арестанту.

Онъ обѣщался это сдѣлать.

Когда я пріѣхалъ къ Петурнелѣ, она тотчасъ меня приняла, причемъ въ гостиную вышла и мать.

Обѣ личности мнѣ не понравились. Мать была типъ провинціальныхъ маменекъ: жеманная барыня съ претензіями на хорошіе манеры. Петурнела была бойкая барышня, съ безтрепетными руками и наглымъ взглядомъ; впрочемъ, она была недурна.

Я отрекомендовался, какъ короткій знакомый Саши, пріѣхавшій облегчить какъ-нибудь его судьбу.

Маменька выразила свое удивленіе, какъ такая важная персона, какъ я, можетъ принять участіе въ злодѣѣ, который чуть-чуть не погубилъ ее и дочь.

— Какъ, воскликнулъ я невольно,—онъ спасъ васъ, а вы еще его обвиняете...

Тутъ маменька и дочка, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали разсказывать, какъ этотъ злодѣй былъ облагодѣтельствованъ покойнымъ своимъ начальникомъ, какъ онъ потомъ дерзнулъ свататься къ Петурнелѣ и въ отместку, по случаю смерти ихъ родственника, сочинилъ завѣщаніе, которое чуть-чуть ихъ не погубило.

Мнѣ было противно ихъ слушать. Я поднялся съ мѣста и спросилъ:

— И такъ, вы ничего не имѣете передать несчастному: онъ скоро отправится въ ссылку.

— Ничего...

— Ничего...

Подхватили обѣ дамы въ одинъ голосъ.

— Я его презираю...

— А я его ненавижу и презираю... скажите ему, что онъ злодѣй... душегубецъ...

Я схватилъ шапку въ охабку и былъ таковъ.

Когда я вошелъ вновь въ камеру къ Сашѣ, онъ встрѣтилъ меня съ лихорадочнымъ вопросомъ:

— Что?

— Ничего. Мое предположеніе оправдалось: барыни не заслужили никакихъ жертвъ; я-бы не пожертвовалъ для нихъ и отрѣзаннымъ кускомъ ногтя.

— Полно. Это ты сердишься на нихъ за меня.

— Нисколько, я говорю сущую правду.

Я разсказалъ ему все, что происходило между мною и ими.

Онъ слушалъ внимательно и когда я кончилъ, онъ тихо прошепталъ:

— Люди всѣ на одинъ покрой: эгоизмъ и неблагодарность во всемъ. Не она первая, не она послѣдняя.

Онъ всталъ съ мѣста, открылъ свое пальто и началъ распарывать подкладку.

— Ну, подумалъ я,—онъ разсердился и передастъ мнѣ подлинное завѣщаніе для передачи прокурору.

Саша вынулъ изъ подъ подкладки завѣщаніе и, поглядѣвъ на него пристально, сказалъ:

— Бумажка! отъ тебя зависитъ теперь будущность человѣка: или Сибирь... или—перспектива выйдти замужъ, сдѣлаться счастливой женой и матерью... Пропадай моя жизнь безталанная! Чтобы въ дни скорби, упадка духа и малодушія ты не смущала меня и не искушала на подлый доносъ, лучше обратись въ ничто.

Онъ неистово разорвалъ завѣщаніе на мельчайшіе кусочки.

Все это такъ быстро совершилось, что я сидѣлъ, какъ сраженный молніею.

— Теперь поѣзжай въ Петербургъ, сказалъ онъ мнѣ послѣ нѣкотораго молчанія,—и молись иногда о бѣдномъ изгнанникѣ.

Слишкомъ тяжела была сцена: я всталъ, обнялъ его и прослезился.

— Постой, произнесъ я,—возьми себѣ сто рублей: въ ссылкѣ пригодятся.

— Не нужно, я имѣю руки и ноги здоровыя.

Онъ тихо отклонилъ мою руку.

Съ чувствомъ пожалъ я его честную руку и удалился.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

V.

Времена года, народный календарь, судьба.

Времена года въ народной фантазіи представляются часто не отвлеченными понятіями, а живыми существами и даже въ памятникахъ старинной письменности они изображаются такъ: «Весна наречется, яко дѣва украшена красотою и добротою, сіяюще чудно и преславнѣ, яко дивитися всѣмъ зрящимъ доброты ея, любима бо и сладка всѣмъ... Лѣто-же нарицается мужъ тихъ, богатъ и красенъ, питая многи человѣки и смотря о своемъ дому, и любя дѣло прилежно, и безъ лѣности востая заутра до вечера и дѣлая безъ покоя. Осень подобна женѣ уже старѣ и богатѣ, и многочаднѣ, овогда дряхлующи и сѣтующи, овогда-же радующися и веселящися, рекше иногда (печальна отъ) скудости плодъ земныхъ и глада человѣкомъ, а иногда весела сущи, рекше ведрена и обильна плодомъ всѣмъ, и тиха, и безмятежна. Зима-же подобна женѣ-мачихѣ, злой и нестройной, и нежалостливой, ярѣ и немилостивѣ; егда милуетъ, но и тогда казнитъ; егда добра, но и тогда знобитъ, подобно трясавицѣ, и гладомъ моритъ, и мучитъ грѣхъ ради нашихъ». Согласно съ этимъ, церковная живопись допускала алегорическія изображенія Весны, Лѣта, Осени и Зимы. Чѣмъ ближе подходитъ время къ зимѣ, тѣмъ болѣе и болѣе замираетъ природа послѣ Семена Лѣтопровода (1 сентября), когда встарь женщины и дѣвушки съ обрядовымъ плачемъ хоронили мухъ и тараканов въ гробикахъ изъ свеклы и рѣдьки. Настаютъ и морозы; Морозко—низенькій старикъ съ длинной сѣдой бородой; онъ бѣгаетъ по полямъ и улицамъ и стучитъ; отъ его стука и рождаются трескучіе холода. На рождество и на пасху старшій въ семьѣ беретъ ложку киселя или

кутьи, выходитъ на порогъ сѣней или лѣзетъ на печь и въ волоковое окно говоритъ: «Морозъ, Морозъ, приходи кисель ѣсть; Морозъ, Морозъ, не бей намъ овёсъ, ленъ да конопли, въ землю вколоти». У малороссовъ-же: «Морозе, Морозе, иды до насъ кути исти, та не поморозь нашей гречкы» и немного погодя: «нейдешъ? нейди-же ни на жито, ни на пшеницу, ни на всяку пашницу». Приближеніе весны празднуется длиннымъ рядомъ самыхъ характерныхъ торжествъ, о чемъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, здѣсь-же приведемъ лишь сказку, въ которой поэтически олицетворено исчезновеніе зимы. «Жилъ да былъ крестьянинъ Иванъ, жену его звали Марья; жили они въ любви и согласіи, состарились, а дѣтей у нихъ все не было; сильно они о томъ сокрушались! Вотъ наступила зима, молодого снѣгу выпало много—чуть не по колѣна; ребятишки высыпали на улицу играть, бѣгали, рѣзвились и, наконецъ, стали лѣпить снѣговую бабу. Иванъ да Марья глядѣли въ окно. «Пойдти-бы и намъ, жена, да слѣпить себѣ бабу!»—«Чтожъ, пойдемъ! только на что тебѣ бабу? будетъ съ тебя—и меня одной; слѣпимъ лучше дитя изъ снѣгу, коли Богъ живого не далъ!»—«И то правда!» Вышли они изъ хаты и принялись лѣпить куклу, сдѣлали туловище и съ ручками, съ ножками, приставили головку. «Богъ въ помочь!» сказалъ имъ прохожій.—«Спасибо; божья помочь на все хороша!» Вылѣпили они носикъ, сдѣлали вмѣсто глазъ двѣ ямки во лбу и только что Иванъ начертилъ ротикъ, какъ тотчасъ дохнуло отъ куклы теплымъ духомъ. Смотритъ Иванъ—а вотъ ужь изъ ямокъ голубые глазки выглядываютъ и алыя губки улыбаются. Зашевелила Снѣгурка, точно живая, и ручками, и ножками, и головкою. «Ахъ, Иванъ! вскрикнула Марья отъ радости,—да вѣдь это Господь намъ дитя даетъ!» Бросилась обнимать Снѣгурку и на рукахъ у нея очутилась въ самомъ дѣлѣ живая дѣвочка. Ростетъ Снѣгурка не по днямъ, а по часамъ, что день—то все пригожѣе, красивѣе, и стала за зиму словно лѣтъ трипадцати, да такая смышлёная,—все разумѣетъ, про все разсказываетъ и такимъ сладкимъ голосомъ, что заслушаться можно; завсегда добрая, послушная, привѣтливая, а собой бѣлая-бѣлая, какъ снѣгъ, румянца совсѣмъ не видать—словно ни кровинки нѣтъ въ тѣлѣ. Прошла зима, стало пригрѣвать весеннее солнце, Снѣгурка сдѣлалась грустна, и чѣмъ ближе къ лѣтнимъ жарамъ, тѣмъ она печальнѣе; все прячется отъ яснаго солнышка подъ тѣнь. Только и любо ей, какъ набѣгутъ на небо пасмурныя тучи, или какъ пойдетъ она плескаться у студёнаго ключа. «Ужь не больна-ли она!» думала старуха. Разъ надвинулась градовая туча и Снѣгурка такъ обрадовалась граду, какъ другая не обрадуется и жемчугу; а когда градъ растаялъ отъ солнечныхъ лучей—она горько по немъ плакала. На Ивановъ день собрались дѣвки гулять, пошли въ рощу и взяли съ собой Снѣгурку; тамъ онѣ рвали цвѣты, вили вѣнки, пѣли пѣсни, а вечеромъ разложили костеръ и вздумали прыгать черезъ огонь. «Смотри-же, говорятъ дѣвки Снѣгурушкѣ, не отставай отъ насъ!» Затянули купальскую пѣсню и поскакали черезъ костеръ. Побѣжала и Снѣгурка, но только поднялась надъ пламенемъ, какъ въ туже минуту раздался жалобный крикъ и потянулась Снѣгурка вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко и унеслась въ поднебесье». Астрономическій годъ такъ распредѣляется въ народномъ календарѣ: декабря 12—Спиридона Солоноворота, солнце на лѣто, зима на морозъ; января 16—Петръ Полукормъ, половина запасовъ съѣдена, 18—Афанасій Ломоносъ, морозы, «на Афанасія береги носъ»; 22—Тимофей Полузимникъ; 24—Аксинья Полухлѣбница; февраля 2—Срѣтенье, зима съ лѣтомъ встрѣчается; 11—Власъ, сшиби рогъ съ зимы; 28—Василій Капельникъ; марта 1—Евдокія Плющиха (плющать—капать); 4—Герасимъ Грачевникъ, грачи прилетѣли; 9—Сорокъ мучениковъ, будетъ еще до весны сорокъ морозныхъ утренниковъ; прилетаетъ сорокъ разныхъ пташекъ, начинаетъ вить гнѣздо сорока и кладетъ въ него сорокъ палочекъ; 17—Алексѣй, съ горъ вода; 19—Дарья, загадь проруби; 25—птица гнѣзда не вьетъ; въ мартѣ вообще солнце начинаетъ марить, припекать, а въ апрѣлѣ земля прѣетъ, 1—Марья, пустые щи; 5—Пришелъ Федулъ, теплый вѣтеръ подулъ; 8—Руфъ, земля рухнетъ, оттаиваетъ; Родіонъ Ледоломъ; 11—Антонъ Водополъ; 12—Василій Парійскій, землю паритъ; 23—Егорій Скотопасъ; 26—Степанъ Ранопашецъ; мая 1—Еремей запрягальникъ, паханье земли; 2—Борисъ и Глѣбъ, засѣваютъ хлѣбъ (Глѣбъ) барышдень (Борисъ); соловьинъ день; 3—зеленые щи; 5—Ирина Разсадница; 6—Іовъ Горошникъ; 9—Никола травной; 13—Лукерья Комарница; 23—Леонтій Огуречникъ; 29—Федосья Колосяница; 31—Еремей Распрягальникъ, конецъ паханья; іюня 12—Петръ солоноворотъ; 13—Акулина, задери хвосты; іюля 23—Пудъ и Трифонъ Безсонники, безсонная страда; 27—Никола качанный; августа 1—Макавѣя, макъ собирай; 4—Евдокія Малинуха, собирай малину; 26—Наталья Овсяница; 28—Анна Скирдница; сентября 1—Семенъ Лѣтопроводъ; 14—Воздвиженье, птица на отлетъ двинулась; 15—Никита Рѣпникъ или Гусепролетъ; октября 14—Прасковья Льняница; ноября 11—Федоръ Студитъ, землю студитъ; декабря 1—«Пророкъ Наумъ наведетъ на умъ», начинай дѣтей учить.

Время на время не приходитъ, есть счастливые дни и часы, и есть несчастные, черные, тяжелые. На Украйнѣ разсказываютъ, что однажды баба въ одну изъ легкихъ для нея минутъ кликнула на теленка: «чтобъ ты подохъ», и онъ подохъ немедленно; баба бросилась къ къ окну и отмѣтила углемъ время по тѣни, какую дѣлало солнце; въ слѣдующіе дни, какъ только солнце доходило до этой черты, она начинала проклинать своихъ недруговъ и извела всѣхъ ихъ. Въ тяжелые-же дни и часы человѣка преслѣдуютъ однѣ неудачи. Въ старинномъ сказаніи о часахъ добрыхъ и злыхъ указывается, какіе часы въ извѣстный день недѣли счастливы и какіе несчастны. «Въ недѣлю (воскресенье) 1-й часъ добръ, 2-й часъ добръ, 3-й часъ золъ, 4-й часъ средній, 5-й часъ добръ, 6-й часъ золъ» и т. д. На каждый день въ недѣлѣ отдѣльно указываются счастливые и несчастные часы. Въ статьѣ о дняхъ лунныхъ указывается, какіе дни лунные счастливы или несчастливы. «Въ первый день луны, говорится здѣсь, Адамъ сотворенъ: тотъ день для всего пригоденъ—купить, продавать, по водѣ плавать, сѣять и садить, стричь волосы,—тонки и гладки бываютъ... если родится мужескъ полъ, веселъ будетъ и разуменъ во всемъ, мудръ книжникъ будетъ... Въ третій день луны Каинъ родился: тотъ день золъ и лютъ, осужденнаго ради Каина; отъ всего надо беречься; не должно ни покупать, ни продавать, ни сѣять, ни садить; если свадьбу сдѣлать, скоро разлучатся. Въ четвертый день луны Авель родился: тотъ день добръ на все: землю дѣлати, по водѣ плавати.. домъ строити, храмъ строити, пиръ чинити, дѣтей на ученіе давати. Въ четырнадцатый день луны языцы размѣсишася зижду(ще) столпъ: добро глиняные сосуды чинити, печи строити, кто родится—многолѣтенъ будетъ, язычень, образенъ на бесѣду... кровь пущай весь день». Особенно тяжелымъ днемъ считается понедѣльникъ, а пятница—не только легкимъ, но даже святымъ. Въ народѣ до сихъ поръ ходитъ сказаніе о 12 пятницахъ:

«Въ одномъ городѣ западной страны у христіанъ съ жидами происходили постоянные споры о вѣрѣ. Чтобы покончить эти споры, часто сопровождавшіеся кровопролитіемъ, та и другая сторона рѣшились выбрать отъ себя по одному философу и предоставить имъ право рѣшить этотъ споръ. Христіане выбрали богобоязненнаго мужа, Елевферія, а жиды своего философа Тарасія. Съ Божіею помощью Елевферій побѣдилъ жидовина; жидовинъ призналъ себя побѣжденнымъ, но сказалъ Елевферію: «ты ничего не знаешь о 12-ти пятницахъ, которыя весьма полезны душамъ христіанскимъ», и убѣжалъ отъ Елевферія. Елевферій обратился къ стоявшему тутъ сыну жидовина, Малху, и спросилъ его о 12-ти пятницахъ. Малхъ сказалъ: дѣды наши взяли одного изъ вашихъ апостоловъ и отняли отъ него свитокъ, на которомъ было написано о 12-ти пятницахъ; апостола умертвили, а свитокъ, прочитавши, сожгли. Есть клятва между нами—не объявлять этого сказанія христіанамъ; но душа моя желаетъ вѣры вашей, — и онъ началъ разсказывать Елевферію о 12-ти пятницахъ. Едва онъ только окончилъ разсказъ, какъ вошелъ его отецъ и, узнавши, что сдѣлалъ сынъ, тутъ-же убилъ и его, и себя самого. Я-же, говоритъ Елевферій, узнавши, не потаилъ, но написалъ о 12-ти пятницахъ для всѣхъ христіанъ. Потомъ слѣдуетъ перечисленіе 12-ти пятницъ, которыя должно почитать. Первая пятница въ мартѣ мѣсяцѣ въ 6-й день: въ этотъ день Адамъ преступилъ заповѣдь Божію и былъ изгнанъ изъ рая. Вторая пятница—предъ Благовѣщеніемъ: въ этотъ день Каинъ убилъ Авеля, въ третьемъ часу дня. Третья пятница — на страстной недѣлѣ, когда распятъ Христосъ Богъ нашъ, въ девятомъ часу дня. Четвертая пятница — предъ вознесеніемъ Господнимъ, когда потоплены были Содомъ и Гомора и другіе города (по другой редакціи—въ мѣсяцѣ апрѣлѣ, по св. Георгіи, когда агаряне плѣнили многія страны). Пятая пятница — предъ Пятидесятницей или сошествіемъ Святого Духа, когда агаряне плѣнили Іерусалимъ съ Навуходоносоромъ, въ лѣто пророка Іереміи, во второмъ часу дня. Шестая пятница—въ мѣсяцѣ іюнѣ, предъ Петровымъ днемъ (по другой редакціи—предъ днемъ Іоанна Предтечи): въ этотъ день Господь послалъ десять казней на землю египетскую. Седьмая пятница — предъ успѣніемъ Богородицы (по другой редакціи — предъ днемъ Иліи пророка): въ этотъ день измаильтяне плѣнили многія страны. Восьмая пятница — предъ усѣкновеніемъ главы Іоанна Крестителя, когда Иродъ царь усѣкнулъ Іоанна въ десятомъ часу дня. Девятая пятница — предъ воздвиженіемъ честнаго креста. Десятая пятница — по воздвиженіи (по другой редакціи — предъ днемъ Михаила архангела), когда Моисей Чермное море раздѣлилъ жезломъ. Одиннадцатая пятница — предъ рождествомъ Христовымъ (по другой редакціи—предъ Андреевымъ днемъ), когда пророкъ Іеремія знамена кивотъ святыни Господни. Двѣнадцатая пятница—по Рождествѣ Христовѣ: въ это время Иродъ избилъ младенцевъ; тогда-же былъ убитъ и пророкъ Захарія между церковью и алтаремъ въ пятомъ часу дня. Затѣмъ слѣдуетъ наставленіе почитать эти пятницы постомъ, молитвою, милостынею, чистотою тѣлесною и душевною: «ничтоже подобаетъ творити (въ эти пятницы), ни путешествовати, ни садити, ни купити, ни продавати... сдѣланное не будетъ на пользу, а на пакость превратится... зачатое или рожденное въ тѣ дни будетъ нездорово, или криво, или хромо, или слѣпо будетъ». Въ народѣ и у раскольниковъ сказаніе о

12-ти пятницахъ ходитъ большею частью въ краткомъ видѣ, съ однимъ перечисленіемъ 12-ти пятницъ, безъ указанія тѣхъ причинъ или событій, на которыхъ основывается ихъ почитаніе. За то въ немъ пространнѣе говорится о томъ, какъ слѣдуетъ проводить 12 пятницъ и какую милость и награду получатъ почитающіе ту или другую пятницу. «Кто первую пятницу чтитъ, тотъ внезапною смертію не умретъ; кто вторую пятницу чтитъ, отъ напраснаго (внезапнаго) убійства сохраненъ будетъ; кто третью пятницу чтитъ, отъ непріятеля сохраненъ будетъ; кто четвертую пятницу чтитъ, отъ утопленія сохраненъ будетъ; кто пятую и шестую пятницы чтитъ, отъ всякаго недостатка и скудости избавленъ будетъ; кто седьмую пятницу чтитъ, отъ вѣчныя муки избавленъ будетъ; кто восьмую пятницу чтитъ, отъ искушенія и трясавицы избавленъ будетъ; кто девятую пятницу чтитъ, отъ великаго и смертнаго грѣха сохраненъ будетъ; кто десятую пятницу чтитъ, имя того человѣка написано будетъ у Пресвятой Богородицы на престолѣ; кто одиннадцатую пятницу чтитъ, тотъ человѣкъ при смерти узритъ Пресвятую Богородицу; кто двѣнадцатую пятницу чтитъ, имя того человѣка написано будетъ у самого Господа въ книгахъ животныхъ». Изъ Стоглава видно, что въ его время ходили «по погостомъ и по селомъ и по волостемъ лживые пророки, мужики, и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія и велятъ имъ заповѣдати хрестьяномъ каноны засвѣчивати; они-же заповѣдуютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручного дѣла не дѣлати и женамъ не прясти и платья не мыти и каменья не разжигати и иные заповѣдаютъ богомерзкіе дѣла творити». Въ Регламентѣ указывается на обычай «водить простоволосую жонку, подъ именемъ Пятницы, въ церковномъ ходу и воздавать ей честь и дары». Во время неурожаевъ и засухи или скотскаго падежа, крестьяне на Вагѣ обязывались праздновать «обѣтныя пятницы». Несомнѣнно, что на пятницу были перенесены представленія о какой-то древней богинѣ. Въ четьи-минеяхъ разсказывается, что родители мученицы Параскевы особенно чтили пятницу и когда она родилась въ этотъ день, назвали ее Παρασκευή, т. е. Пятницей, у насъ-же ее зовутъ Парасковьей-Пятницей, а построенныя въ честь ея церкви и часовни—«пятницкими». По пятницамъ ни прядутъ, ни пашутъ, чтобы не запылить матушку Пятницу и не засорить ей глазъ; въ противномъ случаѣ Пятница наказываетъ ногтоѣдою, заусеницею и болѣзнью глазъ. По мѣстамъ въ пятницу стараются раньше ложиться спать, потому что «св. Пятинка» ходитъ по домамъ и наказываетъ неспящихъ. Въ Малороссіи Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и веретенами нечестивыхъ бабъ, работающихъ по пятницамъ. Пятница спасаетъ отъ лихорадки и помогаетъ урожаю. Въ калужской губ., при началѣ жатвы, старуха, извѣстная легкостью руки, выходитъ ночью въ поле и жнетъ снопъ, причитывая: «Пятница Параскева матушка, помоги рабомъ божіимъ безъ скорби и болѣзни кончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдуницы, еретика и еретицы». Во время падежей и эпидемій Пятницѣ служатъ молебны, а молитвы ей, написанныя на клочкѣ бумаги, носятъ на шеѣ отъ недуговъ или прикладываютъ къ головѣ больного. На праздникъ Покрова дѣвицы молятся ей о женихахъ: «матушка, Пятница Параскева, покрой меня поскорѣе».

Кромѣ пятницы въ старину олицетворялись и обожались Недѣля (воскресенье) и Среда, о которой и теперь еще можно слышать такую легенду: «Молодая баба пряла поздно вечеромъ; уже было за полночь, когда вздумала она оставить работу, положила гребень и молвила: «матушка Середа! помоги мнѣ завтра пораньше встать и допрясть мои початки». Ранехонько еще до свѣту слышитъ она, кто-то въ избѣ возится. Открыла глаза — въ свѣтцѣ лучина горитъ, печка затоплена, а по избѣ ходитъ и прибираетъ немолодая женщина, покрытая сверхъ кички бѣлымъ полотенцемъ. Подошла къ хозяйкѣ: «вставай! говоритъ. Я — Середа, пришла помогать тебѣ; нитки я отпряла, холсты выткала, теперь давай золить. Пока печка топится, сходика на рѣку да принеси воды». Баба взяла ведра, но отправилась посовѣтоваться съ старухой-сосѣдкой. «Нехорошо! сказала старуха, на томъ холстѣ она тебя удавитъ».—Что-же мнѣ дѣлать?— «А ты постучись въ избу и закричи: на морѣ Серединскія дѣти погорѣли! Она выскочитъ посмотрѣть, а тѣмъ временемъ ты запрись и закрести дверь». Баба послушалась совѣта и достались ей холсты даромъ.

Знаніе счастливыхъ и несчастныхъ дней и часовъ однакожъ не можетъ спасти человѣка отъ того, что ему суждено: «судьба придетъ и руки свяжетъ». «Смерь да жена Богомъ суждена». Вѣра въ судьбу до сихъ поръ особенно прочно держится въ обычаѣ жребія: «жеребій—божій судъ», «жеребій сыщетъ», «отъ жеребья не уйдешь». Отвлеченная идея судьбы нерѣдко представляется олицетворенною Долею, особою для каждаго отдѣльнаго человѣка. «Жили-были два брата рыбака: одинъ богатый, другой бѣдный. У богатаго завсегда всѣ верши рыбой полны, а бѣдному коли попадется двѣ-три плотички — и то слава Богу! «Что за чудо! ужь не воруетъ-ли кто мою рыбу?» подумалъ онъ, взялъ плеть и пошелъ почью на рѣку. Послышался плескъ по водѣ; глядь — кто-то въ братнину сѣть рыбу загоняетъ. «Ты кто?» спрашиваетъ рыбакъ.—Я Доля твоего брата, гоню ему рыбу. «А гдѣ-жь моя Доля?»— Твоя доля — лѣнивая, вверхъ брюхомъ на камнѣ лежитъ, пѣсни поетъ да въ гусли играетъ; отъ того ты и бѣденъ. Рыбакъ бросился къ камню и давай стегать свою Долю плетью».. Особенно живо народная фантазія олицетворяетъ злую судьбу, Недолю, Горе-Злосчастіе:

Ужь и гдѣ ты, Горе, ни моталося—
На меня, бѣдную, навязалося....
Ужь я отъ Горя во чисто поле;
Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
«Ужь я выжну-повыжну все чисто поле,
А сыщу я, найду тебя горькую!»
Я отъ Горя во темны лѣса,
Оглянусь я назадъ — Горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
«Порублю я, посѣку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя горемычную!»
Ужь я отъ Горя къ гробовой доскѣ,
Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой.
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго...
Ай Горе, Горе-Гореваньице!
А и лыкомъ Горе подпоясалось,
Мочалыми ноги изопутаны.
А я отъ Горя въ темны лѣса—
А Горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
А я отъ Горя въ почестной пиръ—
А Горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ Горя на царевъ кабакъ—
А Горе встрѣчаетъ, ужь пиво тащитъ:
Какъ я нагъ-то сталъ—насмѣялся онъ.

Сюда-же относятся малороссійскіе Злыдни, маленькія существа, которыя въ какомъ дому ни поселятся, непремѣнно разорятъ хозяина. Злыдни живутъ обществами, что напоминаетъ поговорку «бѣды вереницами ходятъ», «бѣда не приходитъ одна».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сумасшествіе отъ любви.

Повѣсть **Катюлля Мендеса**. Переводъ **М. А. Мелехиной**.

(Продолженіе.)

Когда настало время, онъ самъ отнялъ сына отъ груди. Онъ умѣлъ его превосходно пеленать. Маленькіе капризы ребенка онъ выносилъ съ терпѣніемъ кормилицы. Госпожа Шарлери говорила, смѣясь:

— Ты слишкомъ любишь Фердинанда; я буду ревновать.

Онъ отвѣчалъ:

— Онъ и ты — одно!

Между тѣмъ Фердинандъ, подростая, въ одинъ прекрасный день прошелъ по комнатѣ невѣрными шагами; отецъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ всѣмъ говорилъ: «Мой сынъ ходитъ, это замѣчательно; ему еще нѣтъ двухъ лѣтъ: это неслыханная вещь!»

Въ скоромъ времени новый Шарлери былъ уже въ состояніи ходить по улицѣ, какъ человѣкъ.

Въ этотъ день, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Симеонъ купилъ ребенку костюмъ зуава, самъ его нарядилъ и затѣмъ сказалъ женѣ:

— Я нахожу, что онъ теперь похожъ на генерала!

Внѣ городовъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ, очень хороши лѣса, но въ Парижѣ прелестны сады. Безъ нихъ легко позабыть природу; вновь расцвѣтая, они призываютъ и насъ къ возрожденію и, начиная съ апрѣля, полны радости, потому что въ Парижѣ все, что въ немъ есть дѣтей, собирается подъ лучи весенняго солнца. Свѣтъ улыбается въ гущѣ обнаженныхъ вѣтвей, которыя, рисуясь на голубомъ фонѣ неба, напоминаютъ собой огромныя ткани паутинъ. Птички чирикаютъ, порхая; одна изъ нихъ намѣревается сѣсть на плечо маленькой дѣвочки, которая боится; другія фамильярно расхаживаютъ по грядамъ или-же по песку, кажущемуся чрезвычайно бѣлымъ. Въ первые весенніе дни солнце такъ слабо свѣтитъ, что заставляетъ, какъ луна, блѣднѣть все то, что оно освѣщаетъ. Иногда съ верхушки каштановаго дерева вдругъ вспархиваетъ вяхирь, испуганный шумомъ рѣзвящихся дѣтей, и вскорѣ затѣмъ исчезаетъ въ небѣ, такомъ-же синемъ, какъ и онъ. Это благословенный часъ. Все дышетъ удовлетвореніемъ. Атмосфера внушаетъ довѣріе. Въ ясности лежитъ упованіе; дѣтство и весна составляютъ двойную зорю.

Въ этой радости возродившихся садовъ можно было видѣть и Симеона Шарлери, гордо выступающаго, съ одной стороны подъ руку его жена, улыбающаяся, бѣленькая и розовенькая, съ другой—за руку сынъ въ костюмѣ зуава. И въ правдивыхъ глазахъ этого добраго человѣка можно было прочесть, что онъ вдвойнѣ и честно гордился быть мужемъ такой хорошенькой женщины и отцомъ такого красиваго ребенка.

Однажды утромъ, идя въ бюро, онъ встрѣтилъ Раймонда Пишара.

— Это онъ! воскликнулъ Пишаръ съ шляпой на бекрень и толстой палкой въ рукѣ.—Онъ самый! Здравствуй, Симеонъ! Ты все тотъ-же толстый Шарлери? Ты, кажется, женился? Бьюсь объ закладъ, что твоя жена очень хорошенькая! Поцѣлуй-же меня, дурень.

И Раймондъ потрясъ Симеона такимъ объятіемъ, что прохожіе приняли это привѣтствіе за драку.

— На этотъ разъ, дикарь, ты не уйдешь отъ меня! продолжалъ Пишаръ. — Ты уже успѣлъ позавтракать? Да? Ну, такъ мы будемъ вмѣстѣ обѣдать. Сегодня вечеромъ въ пять часовъ у Бонваля. Смотри-же, не обмани! Одолжи мнѣ пятьдесятъ франковъ. Благодарю. Ты вѣдь знаешь, я другъ, слѣдовательно, тебѣ платить. Этотъ

добрякъ Симеонъ! Онъ все такой-же. Пожирѣлъ только. И такъ, до вечера, да? Я разсчитываю.

— Да, сказалъ Симеонъ, побѣжденный.

Конечно, уже нѣсколько лѣтъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, мысли Симеона прояснились. Запасшись нѣкоторою опытностью, онъ порядкомъ измѣнилъ свой взглядъ на Раймонда Пишара. Онъ сознавалъ, что старый пріятель его, со своимъ грубымъ голосомъ и буйными жестами, не долженъ былъ внушать особаго довѣрія людямъ ему незнакомымъ. Госпожа Шарлери, впрочемъ, всегда говорила: «Рыжій, красный—человѣкъ опасный!» Но, въ присутствіи Пишара, добрый Симеонъ не могъ ничего другого испытывать кромѣ сильнаго удивленія, смѣшаннаго съ поклоненіемъ. Онъ снова превращался въ ребенка, едва только переставши имъ быть. Тяжеловѣсный, неподвижный, говорившій медленно, онъ приходилъ въ восторгъ отъ рукъ, поднятыхъ къ верху, отъ круговъ, описываемыхъ палкой по воздуху, и отъ дерзкаго сниманья и надѣванья шляпы, которыми Раймондъ обыкновенно прерывалъ потоки своей бурной рѣчи. «Что за человѣкъ! думалъ Симеонъ.—Онъ былъ правъ, когда говорилъ про себя, что онъ—сила».

Весь этотъ день, однако, Симеонъ былъ пасмуренъ.

Онъ часто поглядывалъ въ окно на хорошенькій, недавно разведенный скверъ, въ который госпожа Шарлери каждый вечеръ приходила вмѣстѣ съ Фердинандомъ ожидать его выхода изъ бюро. Онъ думалъ: «что-то скажетъ жена, когда узнаетъ, что я обѣдаю не дома? Мнѣ слѣдовало отказать. Но отказать Пишару? Нѣтъ, это невозможно. Если-бы я пошелъ, какъ обыкновенно, по улицѣ Бургонь, то не повстрѣчался-бы съ нимъ. Почему-же я пошелъ по улицѣ Де-Бакъ? Ахъ да! потому что на площади Пале-Бурбонъ вырываютъ сточную трубу. Наконецъ, не могъ-же я отказать Пишару, моему другу».

И когда госпожа Шарлери пришла и сѣла, по своему обыкновенію, на одну изъ скамеекъ маленькаго сквера, пославъ дружескій знакъ мужу, между тѣмъ какъ Фердинандъ въ одной изъ алей деревянной лопаточкой разрывалъ песокъ, Симеонъ отвѣтилъ ей только сконфуженной улыбкой.

Однако, онъ обѣдалъ съ Раймондомъ Пишаромъ. Госпожа Шарлери замѣтила ему:

— Совершенно естественно, старый другъ приглашаетъ тебя отъобѣдать, это такъ просто; наконецъ, ты такъ много работаешь, нужно-же тебѣ и поразвлечься. Иди, иди, мой другъ.

Симеонъ отвѣтилъ ей:

— Ты ангелъ! и прибавилъ:—Дай мнѣ денегъ, потому что, я думаю, мнѣ придется платить за обѣдъ.

— Видишь-ли, мой милый, сказалъ Раймондъ Пишаръ, выпивъ вина, съ локтями на столѣ.—Бордо—хорошее вино, но бургондское—лучше. Вино все равно, что женщины; есть маконъ и медокъ; есть блондинки и брюнетки; маконъ—это блондинки; медокъ—брюнетки. Я предпочитаю блондинокъ и маконъ. Это подходитъ подъ одинъ вкусъ. Я увѣренъ, что твоя жена—блондинка.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Симеонъ,—она брюнетка.

— Тѣмъ хуже для тебя! Ты женился на брюнеткѣ? Это удивительно. Самъ не знаю почему, но мнѣ это досадно! Я, который только что хотѣлъ просить тебя представить меня госпожѣ Шарлери. Потому что, вѣдь ты меня знаешь, я хорошій товарищъ и мое правило, что твое—мое.

— Да, да, сказалъ Симеонъ,—я тебя знаю.

— Наконецъ, не могу-же я за это на тебя сердиться. Меня не было и ты поступилъ по своей фантазіи. Все равно, брюнетка, но это очень досадно!

Вслѣдъ за этимъ Раймондъ Пишаръ, опорожнивъ стаканъ, которымъ онъ заканчивалъ третью бутылку бургондскаго, позвонилъ, чтобы велѣть себѣ подать четвертую.

— О, женщины! продолжалъ онъ.—Ты былъ всегда скромницей, ты ихъ не знаешь. Я-же всегда былъ, что называется, шалопай. Ужъ что касается до женщинъ, то въ нихъ я понимаю толкъ. И такъ, знаешь, что я тебѣ скажу: лучшая изъ нихъ не стоитъ веревки, на которой слѣдовало-бы ее повѣсить. Вначалѣ онѣ всѣ кротки, какъ агнецы, невинныя дѣвочки, недотроги. Но не слѣдуетъ имъ довѣрять ни въ какомъ случаѣ.

— Есть между ними исключенія, замѣтилъ Шарлери.

— Ни одного. Если-бы было хотя одно исключеніе въ мірѣ, неужели-бы я его не встрѣтилъ?

— Это правда, сказалъ Симеонъ.

— Ты понимаешь, я совсѣмъ не желаю тебя разочаровывать. Илюзіи, мой другъ,—и, произнеся эти слова, Раймондъ Пишаръ тяжело вздохнулъ,—илюзіи, это еще самое что ни есть лучшаго въ жизни. Постарайся сохранить свои! Хорошо сдѣлаешь. Но только не нужно быть слишкомъ большимъ простофилей. Я знаю, что ты мнѣ на это скажешь. Ты познакомился со своей женой въ ея семьѣ, честной, благочестивой семьѣ изъ Море или Батиньоля. Ты долго ухаживалъ за ней, познакомился съ ней прежде, чѣмъ на ней жениться. Ты вполнѣ увѣренъ, что до твоего появленія она не поднимала взоровъ ни на одного изъ мужчинъ. Хорошо! хорошо! мнѣ знакома эта пѣсенка. Вы всѣ одинаковы, женатые люди, и нѣтъ между вами ни одного, который-бы не былъ готовъ поклясться, что онъ сдѣлалъ важное открытіе. Поди-ка, отыщи ихъ! Такъ слушай-же, я тебѣ вотъ что скажу: эти флеръ д'оранжъ, по наружности, суть тѣже розовые бутоны и порядочно-таки распустившіеся!

— Но, возразилъ Симеонъ,—у меня на свадьбѣ не было флеръ д'оранжъ, потому что я женился на вдовѣ.

— На вдовѣ, ну вотъ, только этого не доставало. Если-бы ты обратился ко мнѣ за совѣтомъ, ужь я-бы тебѣ помѣшалъ сдѣлать такую глупость. Но вѣдь вотъ каковы друзья! Они поступаютъ по своему, не посовѣтовавшись заблаговременно съ тѣми, кто умнѣе и опытнѣе ихъ, и ужь когда зло сдѣлано и его нельзя больше поправить, они приходятъ къ вамъ съ жалобами и сѣтованіями: «Ахъ, милый Раймондъ, я такъ несчастливъ; если-бы ты только зналъ... ты не можешь себѣ представить...» Ахъ ты, дурачина, да вѣдь ужь поздно, ну, что-же я могу теперь сдѣлать?

— Но, чортъ возьми! воскликнулъ Шарлери, который клялся всего только во второй или третій разъ въ своей жизни;—да я нисколько не жалуюсь. Жена моя—Божье созданье и я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ.

— Счастливъ со вдовой? Да еще со вдовой брюнеткой? Поди ты! Впрочемъ, это возможно. Ты человѣкъ простого, неотесаннаго ума. Ты не разсуждаешь; ты принимаешь все такъ, какъ оно есть по виду, не задавая себѣ вопросовъ, почему, да отчего? Тебѣ говорятъ: «это бѣло», ты отвѣчаешь: «это бѣло». Я—другое дѣло. Я все вижу насквозь. Къ тому-же я обладаю щепетильностью, которая заставляетъ меня страдать при всякихъ пустякахъ. Мое несчастье составляетъ моя чувствительность. Въ этомъ отношеніи я не человѣкъ—я растеніе «Нетронь меня». Если-бы я женился на вдовѣ, всю жизнь свою чувствовалъ-бы себя, какъ на горячихъ угольяхъ. Тебѣ никогда и въ голову не приходило, что вдова, вступившая во второй бракъ, можетъ иногда вспоминать о своемъ первомъ мужѣ? Будь я на твоемъ мѣстѣ, меня загрызла-бы ревность. Какъ видѣть влюбленные глаза любимой женщины, устремленные на васъ, и всегда думать о томъ, что она такими-же глазами смотрѣла на другого! Когда она говоритъ «милый мой», думать, что существовалъ другой человѣкъ, котораго она еще прежде такъ называла! Отъ одной этой мысли меня уже пробираетъ дрожь. Правда, что не всѣ люди созданы на одинъ ладъ. Я тебѣ уже говорилъ мое несчастье, это чувствительность. Есть люди—ты тому примѣръ—которые женились на вдовахъ и были спокойны. Глупцы! Но они счастливы, особенно, когда у нихъ нѣтъ дѣтей.

— Счастливы, когда у нихъ нѣтъ дѣтей! Что ты говоришь, Пишаръ? Только съ тѣхъ поръ, какъ родился мой маленькій Фердинандъ, жизнь для меня сдѣлалась настоящимъ раемъ. Ему четыре года; это маленькій ангелъ, уменъ, какъ бѣсенокъ. Я его одѣваю зуавомъ по воскресеньямъ, когда мы отправляемся въ Тюльери. Ты не можешь себѣ представить, какой онъ хорошенькій въ этомъ костюмѣ.

— Ребенокъ! воскликнулъ Раймондъ Пишаръ;—у него есть ребенокъ!

Послѣ этихъ словъ онъ всталъ медленно, потому что отъ бургондскаго ноги его нѣсколько отяжелѣли, обошелъ кругомъ стола, подошелъ къ Симеону, удивленнымъ взоромъ слѣдившему за нимъ, взялъ его дружески за голову обѣими руками и, покачивая ее изъ стороны въ сторону съ отеческимъ видомъ и какъ-бы съ состраданіемъ, снова продолжалъ съ умиленіемъ:

— Ребенокъ! У него есть ребенокъ! Бѣдный другъ!

— Да что съ тобой? воскликнулъ Шарлери, стараясь освободить свою голову.—Да, у меня есть ребенокъ и я надѣюсь имѣть еще и еще. Въ чемъ-же ты тутъ видишь несчастье и почему ты смотришь на меня съ такимъ безнадежнымъ видомъ?

Раймондъ Пишаръ воротился опять на свое мѣсто и тяжело опустился, повторяя про себя: «Бѣдный другъ! Бѣдный Симеонъ!»

— Ты мнѣ надоѣлъ, наконецъ! Что ты хочешь этимъ сказать: бѣдный другъ?

— О, ничего, ровно ничего!

— Однако, вѣдь у тебя должна-же быть какая-нибудь мысль. Я тебя знаю, у тебя всегда есть какія-нибудь мысли.

— Это совершенно вѣрно, сказалъ Пишаръ.

— Такъ объяснись-же.

— Нѣтъ, это безполезно. Чего я хочу? твоего счастья; ты счастливъ, я доволенъ. Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ, это гораздо лучше. Я уже слишкомъ много сказалъ, прошу у тебя извиненія. Знаешь, иногда, позабывшись, начинаешь думать вслухъ и потомъ раскаиваешься, потому что совсѣмъ нечаянно обидишь друга. Повторяю тебѣ снова, будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ. Впрочемъ, вѣдь это, можетъ быть, и неправда. Я только слышалъ, что это такъ, ну, вотъ и все. Благоразумно вѣрить только своимъ собственнымъ глазамъ и, не смотря даже на эту предосторожность, все-таки очень часто ошибаются. Что касается до меня, то я Фома невѣрный. А что до того, о чемъ я думаю, то я даже и не помню, кто именно мнѣ объ этомъ разсказывалъ. Какъ видишь, это неособенно важно. Ахъ, да! припоминаю, мнѣ это объяснялъ одинъ охотникъ. Не вѣрь охотникамъ! Они всегда убиваютъ полдюжины зайцевъ, не успѣвъ еще сдѣлать и четырехъ шаговъ по полю. Прибавь къ этому, что охотникъ, о которомъ идетъ рѣчь—гасконецъ. Совѣтую тебѣ никогда не обращать вниманія на вранье гасконцевъ. У него была сука, т. е. я тебѣ говорю, прелесть, что за животное! совершенно черная болонка.

Можешь себѣ представить, какъ онъ за нею слѣдилъ! Но, увы! она завела интригу съ собакой мызника, отвратительнымъ короткошерстымъ шпицемъ. Понятно, что мой охотникъ свернулъ шею щенятамъ и что онъ удвоилъ надзоръ за болонкой и далъ ей товарища чистѣйшей породы, а все-таки трудъ былъ напрасный. Не смотря на то, что мать съ тѣхъ поръ не видала своего перваго любовника, всѣ щенята походили, какъ двѣ капли воды, на ужаснаго шпица мызника. Охотникъ мой приходилъ въ неистовство, но мужики утверждали, что этотъ фактъ совершенно въ порядкѣ вещей и что такъ всегда бываетъ. Ты видишь, что это вранье, отъ котораго можно заснуть, стоя. Ну, да и, наконецъ, что-же это доказываетъ? Какое-же отношеніе между болонкой и женщиной? Вотъ ужъ чистое сумасшествіе вообразить себѣ, что если женишься на вдовѣ, то дѣти отъ нея будутъ походить на ея перваго мужа. Я тебя узнаю въ этомъ. Ты ищешь, доискиваешься, работаешь самъ надъ собой, задаешь себѣ вопросы и когда тебѣ по добротѣ сердечной отвѣчаютъ, спрашивается, кто-же остается въ дуракахъ? Ты-же.

Симеонъ Шарлери всталъ, весь блѣдный, показывая кулакъ своему другу:

— Ты злой человѣкъ, Раймондъ Пишаръ, проговорилъ онъ, заикаясь. — Я у тебя ничего не спрашивалъ, я ничего не хотѣлъ знать и вотъ уже цѣлый часъ, какъ ты стараешься вбить мнѣ въ голову дурныя мысли и мучаешь меня. Теперь я тебя знаю. Ты меня никогда не любилъ. Я счастливъ и тебѣ это завидно. Но я тебѣ не вѣрю и не хочу больше тебя видѣть, злой, злой, злой человѣкъ!

И Шарлери быстро схватилъ свою трость и шляпу, открылъ дверь и выбѣжалъ, какъ человѣкъ чего-нибудь испугавшійся. Пишаръ послѣдовалъ за нимъ, придерживаясь за стѣну, и крикнулъ ему съ лѣстницы: «Не забудь, между прочимъ, заплатить по счету, потому что ты меня пригласилъ!»

Симеонъ между тѣмъ снова сдѣлался счастливъ и спокоенъ. Наступило лѣто. Это было время, когда снова можно было возобновить прелестныя поѣздки въ Медонъ и въ Вилль д'Авре. Теперь ихъ было трое. Прелестно быть мужемъ; но быть мужемъ и отцомъ — божественно. Есть экстракты — квинтэсенціи, одной капли которыхъ достаточно, чтобы придать удивительный вкусъ самымъ безвкуснымъ напиткамъ; ребенокъ, присоединяющійся къ четѣ, производитъ такое впечатлѣніе. Они были менѣе безумны, менѣе смѣшливы, но болѣе счастливы. Ихъ радость болѣе сильная была тиха, какъ вода, по тѣмъ глубже и покойнѣе. Они говорили менѣе, чтобы лучше слышать лепетъ ребенка. Это внимательное молчаніе родителей отчасти встрѣчается въ природѣ: самки птицъ, высиживающія птенцовъ, не поютъ. Они слушали въ лепетѣ ихъ ребенка свою собственную жизнь. Симеонъ лазилъ на деревья для забавы Фердинанда, который былъ еще слишкомъ малъ, чтобы за нимъ слѣдовать. Онъ дѣлался игрушкой своего сына. Если-бы ребенокъ пожелалъ открыть свою большую куклу, чтобы посмотрѣть, что въ ней заключалось, онъ и это-бы позволилъ. Однажды при немъ разсказали про пеликана, разрывающаго себѣ утробу, чтобы накормить птенцовъ; онъ этому даже не удивился: умирать для своихъ дѣтей ему казалось такъ-же естественно, какъ и жить для нихъ.

Возвращаясь съ сельскихъ прогулокъ, онъ всегда несъ на рукахъ спящаго маленькаго человѣчка. Жаловался онъ только на толчки кареты, потому что они будили Фердинанда и заставляли его открывать хорошенькіе глазки, какъ разъ послѣ каждой выбоины на дорогѣ. Вернувшись домой, онъ его укладывалъ спать, загораживалъ кровать, заставлялъ повторять молитву, цѣловалъ его въ лобъ, въ глаза, въ губы и едва могъ выйдти изъ своего маленькаго рая, въ которомъ покоился его ангелъ. Потомъ онъ отправлялся, застѣнчиво, — застѣнчивость не покидала его — въ комнату, гдѣ его ожидала, раздѣваясь, госпожа Шарлери. Онъ бралъ ее за руки, смотрѣлъ на нее съ видомъ глубочайшей благодарности. Все его счастье выходило изъ нея. Онъ все боялся, что она недостаточно чувствовала его любовь и его благодарность. Черезъ нѣсколько времени послѣ рожденія Фердинанда, онъ придумалъ, онъ — такой наивный, простой и глупый, — онъ придумалъ нѣчто удивительное: называть свою жену не Клементиной, а Фернандой.

Однажды, ночью, въ началѣ зимы, Симеонъ вдругъ проснулся. Эти внезапныя пробужденія, свойственныя нервнымъ людямъ, были совершенно незнакомы лимфатическому Шарлери. Онъ объяснялъ впослѣдствіи, что почувствовалъ какъ-бы два удара въ високъ, точно кто-то постучалъ въ дверь его ума. Онъ вскочилъ на постели и началъ всматриваться въ темноту. Темнота была совершенная, онъ ничего не могъ разглядѣть; однако, онъ что-то видитъ: передъ нимъ, на очень небольшомъ разстояніи, почти передъ самымъ его носомъ, какъ-бы въ рамкѣ, въ величину кабинетнаго портрета, маленькій, сердитый, во всѣ стороны бросающій брызги водопадъ съ трудомъ пробирался въ тростникѣ. Видѣніе это давно перестало ему являться. «Ахъ! сказалъ онъ самъ себѣ, ужъ не боленъ-ли я?» Онъ снова опустилъ голову на подушку, но наволочка жгла его. Онъ нѣсколько разъ поворачивался въ постели, надѣясь на правомъ боку найдти тотъ покой, который онъ не могъ найдти на лѣвомъ. Онъ не чувствовалъ никакой опредѣленной боли. Какое-то стѣсненіе въ груди, постепенное, упорное, сильный жаръ и больше ничего. Совсѣмъ не думая о сынѣ, онъ, къ своему удивленію, два или три раза безсознательно повторилъ: «Фердинадъ, Фердинандъ!»

Госпожа Шарлери сказала ему нѣсколько сердитымъ голосомъ:

— Да перестань-же ты ворочаться, ты мнѣ мѣшаешь спать.

Онъ тогда сдѣлалъ надъ собою невообразимое усиліе, чтобы оставаться неподвижнымъ. Вытянувшись во весь ростъ, онъ думалъ: я не шевельнусь болѣе. Но напрасно: онъ все-таки снова поворачивался. Что-же съ нимъ такое было? Онъ ни о чемъ не думалъ, а между тѣмъ его какъ-будто мучила терзающая забота. Безъ всякой къ тому причины, имъ овладѣло сильное отчаяніе. Вещь понятная въ натурахъ, въ которыхъ мысли формулируются неясно и медленно; онъ испытывалъ дѣйствіе, не разобравъ причины. Однажды онъ воскликнулъ: «Да вѣдь онъ-же уѣхалъ въ Америку!» И затѣмъ прибавилъ: «Кто-же это уѣхалъ?» Онъ не могъ себѣ отдать отчета въ томъ, что онъ думалъ о Раймондѣ Пишарѣ, дѣйствительно отправившемся искать счастья въ Филадельфію.

Все это, впрочемъ, происходило въ неопредѣленности лихорадочнаго полусна.

Утромъ онъ почувствовалъ себя крайне усталымъ. «Останься дома», сказала ему госпожа Шарлери. Онъ отвѣтилъ: «Да, лучше будетъ, если я останусь дома, ты права». Онъ сѣлъ въ кресло и не шевелился. Мысли его были немного менѣе смутны, нежели ночью; онъ понималъ, что во снѣ ему пришла дурная мысль, которая и разбудила его. Но онъ очень смутно помнилъ самый сонъ. Видимо, дѣло шло о Раймондѣ Пишарѣ и Фердинандѣ. Что могло быть общаго между Фердинандомъ и Раймондомъ Пишаромъ? За завтракомъ онъ ѣлъ мало и сначала мало говорилъ, но вдругъ, когда госпожа Шарлери, разсказывая случай изъ своей молодости, произнесла имя господина Фовеля, своего перваго мужа, доброе и толстое лицо Симеона превратилось въ радостную гримасу.

— Да, да, воскликнулъ добрякъ, опрокидываясь на спинку своего кресла, — теперь я понимаю, понимаю!

И онъ затѣмъ разразился такимъ веселымъ, громкимъ и искреннимъ смѣхомъ, что госпожа Шарлери и Фердинандъ не могли не разсмѣяться такимъ-же образомъ.

— Теперь я припоминаю, продолжалъ Симеонъ, прерывая себя на каждомъ словѣ, чтобы смѣяться во все горло, — мнѣ приснилось то, что мнѣ говорилъ Раймондъ Пишаръ. Вѣдь нужно-же мнѣ было быть такимъ дуракомъ, чтобы вспомнить слова этого мерзавца, ночью, во время сна. Все равно я теперь совершенно счастливъ, потому что знаю, чего собственно держаться. Я думалъ, ужъ не боленъ-ли я. Этотъ добрый господинъ Фовель! Я его любилъ отъ всей души. Потому что, дѣйствительно, Пишаръ со своими глупостями могъ-бы мнѣ причинить большой вредъ, если-бы я былъ на столько глупъ. Но, благодаря Бога, я обладаю здравымъ смысломъ. Поди ко мнѣ, поцѣлуй меня, мой сынъ. Поцѣлуй меня, Фернанда! И такъ какъ я не иду сегодня въ бюро, мы возьмемъ карету и отправимся въ булонскій лѣсъ.

Этотъ день былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ дней Симеона Шарлери. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы посмѣяться. Въ елисейскихъ поляхъ онъ бросился на шею своей жены и расцѣловалъ ее въ обѣ щеки при народѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича.**

(***Продолженіе.***)

IX.

Почему русскія пляски не доразвились до искуства? — Вліянія аскетическаго ученія на художественную стихію русской жизни въ старину. — Исторія гоненія пляски и веселья на Руси и его нравственно-бытовыя послѣдствія.

Наши національныя пляски не доразвились до обособленнаго самостоятельнаго искуства, не диференцировались культурно изъ области стихійно-безъискуственнаго народнаго творчества. У насъ нѣтъ національнаго балета, нѣтъ даже національнаго танца, въ родѣ, напр., польской мазурки, нѣмецкаго вальса, французской кадрили и т. п., который былъ-бы выработанъ и обязательно усвоенъ образованной частью общества, входя въ составъ нашихъ бальныхъ развлеченій. Русская пляска навсегда осталась принадлежностью нашего простонародья, да и тамъ она выходитъ изъ употребленія при первыхъ наносахъ культивирующей новизны общеевропейской цивилизаціи.

Для объясненія этой стороны изслѣдуемаго нами предмета, весьма существенной по многимъ причинамъ, намъ необходимо начать нѣсколько издалека. Мы разскажемъ послѣдовательно исторію того, какимъ образомъ русское общество сперва отъучивалось отъ національныхъ игрищъ, въ томъ числѣ и отъ національныхъ плясокъ, путемъ многолѣтняго систематическаго мерзенія къ нимъ, какъ къ душепагубному изобрѣтенію дьявола, а потомъ кинулось, сгоряча и очертя голову, плясать «чиномъ французскимъ и нѣмецкимъ», продолжая еще съ большимъ омерзеніемъ относиться ко всему родному по этой части, уже какъ къ продукту грубаго варварства.

Эта участь выпала на долю всего нашего народнаго творчества вообще, начиная съ пѣсни и музыки и кончая дѣтскими играми. Вся область самобытной поэзіи и искуства, въ чемъ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА К. ФРЁШЛЯ.

Въ мастерской художника.

Рѣзано на деревѣ въ Германіи.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА МЕЙЕРА.

Цвѣты съ поля.

Рѣзалъ на деревѣ Ротъ.

выражался народный геній и что составляло духовную индивидуальную физіономію русскаго народа, цѣлые вѣка проклиналось, преслѣдовалось и искоренялось, какъ «бѣсовская прелесть», «треклятое еллинство», т. е. язычество. Гоненіе это началось съ первыхъ дней введенія на Руси христіанства; исходило оно изъ совершенно естественнаго въ принципѣ стремленія учителей новой вѣры искоренить въ міровозрѣніи, въ правахъ и обычаяхъ народа все то, что противорѣчило ея ученію или казалось противорѣчащимъ, что носило на себѣ отпечатокъ и слѣды язычества. А такъ какъ у младенческаго народа религіозный культъ проникаетъ во всѣ поры и отправленія жизни, въ особенности-же въ праздничныя, обрядныя ея стороны, то, понятно, что распространители на Руси христіанства, стремясь, по выраженію Стоглава, «попрать до конца» еллинское бѣснованіе, должны были съ наибольшей энергіей возстать именно на народныя игры, пѣсни и пляски. Это тѣмъ болѣе, что пришедшая къ намъ изъ Византіи христіанская проповѣдь, ставя идеаломъ жизни человѣческой суровый монашескій аскетизмъ, по принципу отрицала всякую мірскую «прелесть», всякія плотскія наслажденія и радости, для смиренія, поста и молитвы, въ видахъ достиженія вѣчнаго блаженнаго живота за гробомъ.

Въ такомъ духѣ церковная проповѣдь неустанно гремитъ противъ народныхъ игрищъ, «глумовъ», пѣсенъ и плясокъ съ начала введенія на Руси христіанства вплоть до конца XVII столѣтія. Сперва одна церковь, въ лицѣ патріарховъ, митрополитовъ и проповѣдниковъ, съ церковнаго амвона, въ «учительныхъ грамотахъ», «намятяхъ» и «посланіяхъ», а впослѣдствіи и государственная власть путемъ указовъ и запрещеній, подъ страхомъ «жестокаго наказанія», которому нерѣдко подвергались и на самомъ дѣлѣ любители веселыхъ игрищъ, пѣсенъ и плясокъ.

Мы уже имѣли случай подробно и послѣдовательно разсказать исторію этого многовѣковаго гоненія на Руси во имя аскетической идеи самобытныхъ поэтическихъ проявленій народнаго духа въ нашей книгѣ («Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи»), и потому повторяться здѣсь не станемъ. Ограничиваемся лишь констатированіемъ этого, чрезвычайно важнаго въ судьбахъ русскаго творчества и русскаго искуства, историческаго факта, надолго задержавшаго свободное развитіе русской художественной мысли. За всѣмъ тѣмъ сдѣлаемъ справку о тѣхъ историческихъ данныхъ по этому вопросу, которыя касаются спеціально народной пляски.

Уже по самому существу пляски, которая, какъ это было пояснено нами въ своемъ мѣстѣ, представляетъ собою, такъ сказать, торжество тѣла, его игру и самое рельефное проявленіе и символизацію плотской эротической страсти, она должна была особенно возмущать и фанатизировать чувство благочестія у суровыхъ ревнителей аскетизма.

Въ цѣломъ рядѣ старинныхъ проповѣдей и поученій пляска называется «лестью идольской», «хулной потѣхой», «бѣсовской игрой», «богомерзкимъ дѣломъ» и пр. Гдѣ затѣвается игра и пляска, оттуда отлетаютъ ангелы Божіи; ибо, по выраженію преподобнаго Нифонта, «плясанья и плесканья сбираютъ около себѣ студныя бѣсы». Отсюда, кто любитъ «въ сласть гусли и пѣнья, плесканья и плясанья, тотъ чтитъ темнаго бѣса». По этой причинѣ благочестивый христіанинъ, какъ учили митрополиты Іоаннъ, Даніилъ и др., не долженъ былъ посѣщать пировъ и игрищъ или уходить прочь, какъ скоро начнется на нихъ гуденіе и плясаніе. «Не подобаетъ хрестьяномъ, говорится въ другомъ памятникѣ (XV в.) въ пирехъ и свадьбахъ бѣсовьскихъ игръ играти, аще-ли то не бракъ наречется, но идолослуженіе, иже есть: плясба, гудба, пѣсни бѣсовьскія, сопѣли, бубны и вся жертва идольска». То-же и почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ повторяетъ попъ Сильвестръ въ «Домостроѣ». Наконецъ Стоглавъ въ «отвѣтѣ» на царскій вопросъ «о игрищахъ еллинскихъ», указывая на то, что «мнози отъ неразумія простая чадь» въ городахъ и селахъ «творятъ различныя игры и плясанія», строго предписывалъ: «отнынѣ и впредь православнымъ хрестьяномъ на таковая древняя еллинская бѣсованія не исходити...»

Но особенно сильно возмущались наши старинные іерархи и проповѣдники присутствіемъ въ «богомерзкой» пляскѣ женскаго элемента и вообще участіемъ въ игрищахъ женщины. Оно и совершенно понятно, зная какой до крайности отрицательный взглядъ на женщину проповѣдывало аскетическое ученіе, видя въ ней «начало грѣху» и своего рода «сѣть, дьяволомъ сотворенную» на пагубу человѣчества.

«О, лукавыя жены, многовертимое плясаніе! восклицаетъ одна проповѣдь (по списку XVII в.). Плящущи-бо жена невѣста нарицается сатанина, любодѣица діаволя, супруга бѣсова; не токмо сама будетъ плящущая сведена во дно адово, но и ти, иже съ любовію позорують и во сластѣхъ раздвизаются на ню съ похотію... Плящущая-бо жена многимъ мужемъ жена есть; тою діаволъ многихъ прельститъ во снѣ и на явѣ. Вси любящіи плясаніе со Иродіею въ негасимый огонь осудятся... Братіе и сестры, блюдитеся и не любите беззаконныхъ игоръ бѣсовскихъ, паче-же удаляйтеся плясанія, да не злѣ въ муку вѣчную осуждени будете!»

На основаніи такого взгляда, нашъ старинный правственно-аскетическій кодексъ мирился съ женщиной только въ томъ случаѣ, когда она уходила изъ міра и дѣлалась, если не монастырской схимницей, то, по крайней мѣрѣ, теремной затворницей, чуждой всякихъ общественныхъ забавъ и увеселеній.

Противодѣйствіе народнымъ игрищамъ, «паче-же плясанію», не ограничивалось одною церковной проповѣдью и устрашеніемъ загробною «мукой вѣчною». Увѣщанія проповѣдниковъ съ теченіемъ времени стали подкрѣпляться преслѣдованіями и карами со стороны гражданскихъ властей. Власти эти возставали, главнымъ образомъ, на професіональныхъ затѣйщиковъ всякихъ народныхъ игрищъ, «глумовъ», и плясокъ — скомороховъ, класъ, который въ старинной Руси былъ весьма многочисленный. Они скитались по всей странѣ «многими ватагами», какъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ, состоявшими изъ всякаго рода «умѣльцевъ», музыкантовъ, «глуматворовъ», «шпыней», плясуновъ и пр. Являясь въ села и города, они импровизировали публичныя скоморошескія «дѣйства», веселили народъ своими пѣснями и плясками, заохочивая къ нимъ и соблазняя православныхъ христіанъ. Благодаря этому скоморошескому соблазну, случалось нерѣдко, что въ самой Москвѣ народъ, «вмѣсто духовнаго торжества и веселія, какъ говоритъ патріархъ Іосафъ (1636 г.), воспріимше игры и кощуны бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ», на улицахъ и на торжищахъ «сатанинскія игры» творилъ, пускаясь, подъ бой бубенъ и ревъ суренъ, «руками плескати и плясати и иная неподобная дѣяти...»

Вслѣдствіе этого, какъ духовенство, такъ и правительство, съ давняго времени и непрерывно преслѣдовали скомороховъ и словомъ и дѣломъ. Въ «жалованныхъ граматахъ» и «памятяхъ» князей и царей разнымъ «волостелемъ» и областнымъ властямъ постоянно встрѣчаемъ запрещеніе впускать въ села и принимать скомороховъ. Въ случаѣ, если-бы они явились произвольно и оказали сопротивленіе запрещенію, дозволялось «выбивать» ихъ изъ селъ «безстрашно», т. е. не опасаясь наказанія за насиліе.

Не ограничиваясь гоненіемъ скомороховъ, правительство преслѣдовало также ихъ любителей и покровителей. Подъ страхомъ попасть на «съѣзжую» и попробовать «батоговъ», всѣмъ и каждому повсемѣстно воспрещалось призывать скомороховъ «со всякими бѣсовскими играми». Особенно строго было на этотъ счетъ правительство царя Алексѣя Михайловича, стремившееся искоренить въ государствѣ «многое неистовство», т. е., чтобы никто и нигдѣ «медвѣдей не водилъ, съ сучками не плясалъ и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творилъ», чтобы православные даже пѣсенъ не пѣли, «не плясали, въ ладони не били и никакихъ богомерзкихъ игръ не слушали...»

Безъ сомнѣнія, ни проповѣдническія увѣщанія, ни строгія, со стороны властей, запрещенія, преслѣдованія и кары не достигали цѣли и не могли искоренить въ народѣ естественныхъ художественно-увеселительныхъ потребностей и наклонностей. Во времена самыхъ строгихъ и энергическихъ мѣръ противодѣйствія «еллинскому бѣсованію» и скоморошескимъ забавамъ, народъ, особенно въ низшихъ класахъ, не переставалъ имъ предаваться и «многое неистовство», по выраженію указа царя Алексѣя Михайловича, продолжало бушевать по всей странѣ, не выключая самой благочестивой Москвы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ-же указы, «памяти» и проповѣди, вызывавшіеся именно неискоренимостью народныхъ игрищъ.

Но, не говоря уже о простомъ народѣ, жившемъ «по старинѣ» и крѣпкомъ осужденнымъ церковью языческимъ обычаямъ, самый высшій класъ московскаго общества точно также былъ не безгрѣшенъ въ пунктѣ аскетическаго отрицанія «хулныхъ потѣхъ», пѣсенъ и плясокъ.

Самъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, издавшій «Стоглавъ», съ цѣлью исправленія «поисшатавшихся» нравовъ и прекращенія «еллинства», нерѣдко однако-же самолично на дворцовыхъ пирахъ со своими «ближними» людьми наряжался въ «хари», т. е. въ маски, и плясалъ, къ великому соблазну благочестивыхъ людей. Въ дни «тишайшаго» Алексѣя Михайловича, доведшаго преслѣдованіе музыки и пляски до послѣдней границы нетерпимости, случалось однако, и почасту, что въ самомъ дворцѣ, въ присутствіи всего государева семейства и придворныхъ раздавались звуки веселой заморской музыки, плясали заѣзжіе искусники-нѣмцы, давались «комедійныя дѣйства», существовало даже спеціальное по этой части придворное вѣдомство—«потѣшная палата».

То-же самое, конечно, творилось и въ боярскихъ домахъ, въ числѣ многочисленной дворни которыхъ всегда содержались для увеселенія господъ разные «умѣльцы»—игрецы, пѣвцы и плясуны.

Одинъ польскій писатель, бывшій въ Москвѣ въ началѣ XVII столѣтія и близко познакомившійся съ бытомъ и нравами москвитянъ, разсказываетъ, что хотя сами бояре на своихъ вечеринкахъ не танцуютъ, «считая неприличнымъ плясать честному человѣку; но за то есть у нихъ такъ называемые шуты, которые тѣшатъ ихъ русскими плясками, кривляясь, какъ скоморохи на канатѣ, и пѣснями, большею частью весьма безстыдными...»

Позднѣе, подобныя-же увеселенія видѣлъ въ домахъ московскихъ бояръ Олеарій, тоже неодобрительно отозвавшійся насчетъ характера тогдашнихъ русскихъ танцевъ, которые «полны, по его выраженію, самыхъ страстныхъ и наглыхъ тѣлодвиженій».

Тѣмъ не менѣе, вліяніе аскетическаго ученія въ данномъ случаѣ не прошло безслѣдно: про-

водимый этимъ ученіемъ рѣзко-отрицательный взглядъ на игрища и пляски глубоко проникъ въ сознаніе русскаго человѣка, какъ одинъ изъ принциповъ религіозно-нравственнаго порядка. Даже и въ томъ случаѣ, когда русскій православный человѣкъ предавался соблазну къ игрищамъ, онъ не переставалъ въ душѣ относиться къ нимъ съ омерзѣніемъ, какъ къ дѣлу завѣдомо грѣховному.

Отсюда происходило то презрительное, гадливое отношеніе къ игрецамъ, плясунамъ, скоморохамъ и всякимъ артистамъ, которое не совсѣмъ еще исчезло въ сознаніи многихъ русскихъ людей (напр., старовѣровъ) и въ наши дни. Извѣстно, напр., что слово скоморохъ и понынѣ нерѣдко употребляется въ смыслѣ брани.

Вѣроятно, отсюда-же получилъ начало распространенный въ крестьянской средѣ во многихъ мѣстностяхъ обычай примѣненія пляски для публичнаго опозоренія личности, въ видѣ наказанія, по мірскому приговору, за извѣстнаго рода проступки.

Такъ, во многихъ мѣстностяхъ крестьяне нерѣдко наказываютъ своихъ односельчанъ, попавшихся въ воровствѣ, тѣмъ, что торжественно водятъ ихъ по улицамъ съ музыкой и пѣснями, со звономъ въ колокольчики и бубенчики. Подобнымъ-же образомъ малороссы наказываютъ женщинъ за развратъ. Вотъ одинъ случай, характеризующій этотъ варварскій обычай. Въ одномъ селѣ балтскаго уѣзда крестьяне, заподозривъ вдову Оксану Верещиху въ незаконной связи съ писаремъ, раздѣли ее до нага, сперва приковали цѣпями къ столбу, а потомъ «присудили провести ее съ музыкой по улицѣ и высѣчь розгами. Впереди шла музыка, вслѣдъ за ней Верещиха, потомъ староста и народъ. Осужденную семь разъ провели по улицѣ, въ это время ее били кулаками, сѣкли розгами и пили водку. Во время наказанія на голову Верещихи надѣли соломенный вѣнокъ съ будяками (репейникомъ) и заставляли ее танцовать»... *)

Примѣрами такого опозориванія личности при посредствѣ музыки и пляски богата исторія русской жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Глава IV.

Объясненіе.

Спустя два дня послѣ блестящаго вечера, даннаго баронесою де-Марби, скандальная новость служила предметомъ всѣхъ разговоровъ въ клубахъ и на бульварахъ. Разсказывали, что новая звѣзда, молодая американка, прозванная «Рябой Красавицей», была арестована по обвиненію въ очень важномъ преступленіи. Въ первый день директоръ театра выхлопоталъ позволеніе, чтобы ее отпустили на представленіе изъ тюрьмы. Другіе увѣряли, что ее не арестовали, но что ей было приказано выѣхать изъ предѣловъ Франціи; наконецъ, третьи сообщали подъ секретомъ, что одинъ знатный вельможа влюбился въ нее и, желая жениться на ней, обязалъ ее покинуть сцену. И каждый изъ вѣстовщиковъ этихъ разнородныхъ слуховъ приводилъ доказательства справедливости своего варіанта.

Обстоятельство, подавшее поводъ всѣмъ этимъ разсказамъ, заключалось въ томъ, что имя Лоизы Ботъ исчезло съ афиши театра, на которомъ она играла, и ея роль передана другой актрисѣ. Слѣдовательно, произошло нѣчто необыкновенное. Дѣйствительно, въ то самое утро, когда происходилъ памятный разговоръ между Орели и Жюлемъ, полицейскій агентъ явился къ Элизѣ и объявилъ ей приказъ объ отъѣздѣ изъ Франціи въ 24 часа въ силу закона общественной безопасности. Элиза была въ первую минуту очень удивлена, но потомъ поняла въ чемъ дѣло. Наканунѣ на вечерѣ Орели, вѣроятно, узнала, можетъ быть, отъ самаго Оливье, объ его желаніи жениться на ея сестрѣ и тотчасъ возстала противъ этого. Она, конечно, переговорила тотчасъ съ Матье де-Тальи и добилась отъ него приказа объ изгнаніи Элизы.

Но мы уже сказали, что «Рябая Красавица», возвратясь во Францію, рѣшила энергично дѣйствовать. Сильная сознаніемъ своей честности, она не хотѣла страдать за другихъ, не хотѣла подчиняться своему странному, недостойному положенію. Ея сердце возмущалось при одной мысли, что ея сестра, которая вела себя самымъ позорнымъ образомъ, никогда не имѣла ни одного человѣческаго чувства, руководствовалась въ жизни только своими страстями и жестокимъ эгоизмомъ, приносящимъ въ жертву всѣхъ, и заслуживала только общее презрѣніе, была всѣми уважаемой знатной дамой; а она, преслѣдуемая всю жизнь несчастьями, неподдавшаяся никакому соблазну и оставшаяся честной, считалась женщиной презрѣнной, непринимаемой ни въ какомъ обществѣ. Такое явленіе было ненормально. Она не признавала девиза современнаго общества: «горе добрымъ, радость злымъ».

Выслушавъ приказъ полицейскаго агента, она, повидимому, согласилась его исполнить, но какъ только онъ удалился, она отправилась въ американское посольство и потребовала немедленной аудіенціи у посланника. Тотъ поспѣшилъ исполнить ея желаніе и Элиза, объяснивъ, что она вдова извѣстнаго доктора Самюэля Бота, просила защиты своего новаго отечества. Она сообщила о странной полицейской мѣрѣ, принятой противъ нея, и заявила готовность присягнуть, что такое нарушеніе свободы американской гражданки не было вызвано никакимъ поступкомъ съ ея стороны, такъ какъ ея поведеніе было самое образцовое. Она никогда не производила ни малѣйшаго скандала, а если ея пѣніе и красота обратили на нее общее вниманіе, то она въ этомъ не виновна.

Посланникъ успокоилъ ее, обѣщалъ свое содѣйствіе и выразилъ убѣжденіе, что, вѣроятно, полиція сдѣлала ошибку. Однако Элиза не успокоилась и, боясь, чтобъ данный приказъ не исполнили немедленно, рѣшилась скрыться на время въ какомъ-нибудь вѣрномъ убѣжищѣ.

Тогда-то она написала директору театра, что она не можетъ явиться на представленіе въ тотъ день по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ и проситъ его отдать ея роль другой актрисѣ. Потомъ она уложила свои драгоцѣнности и необходимыя вещи въ маленькій чемоданъ и вмѣстѣ съ горничной отправилась въ Монморанси, гдѣ и поселилась подлѣ лѣса.

Освободившись такимъ образомъ на время отъ преслѣдованій, она сказала себѣ съ сердечнымъ трепетомъ: «пора кончить» и отправила въ Парижъ свою горничную съ запиской, которая была адресована «маркизу де-Мейрану»; въ запискѣ заключалась просьба пріѣхать къ ней въ Монморанси на слѣдующее утро. Она чувствовала, что ей угрожали гибелью и хотѣла на этотъ разъ вступить въ борьбу и не поддаться молча преслѣдовавшимъ ее злодѣямъ. Она особенно боялась, чтобъ клевета, которую, конечно станутъ распространять о ней, не повліяла на Оливье, и рѣшилась сказать ему откровенно все. Поэтому она съ безпокойствомъ ожидала возвращенія горничной и когда та привезла словесный отвѣтъ маркиза: «буду въ назначенный часъ», Элиза легла спать, говоря себѣ мысленно: «Онъ пріѣдетъ завтра и я отъ него ничего не скрою. Надо покончить разомъ». Однако тревожныя мысли не давали ей заснуть всю ночь и только къ утру тяжелый сонъ сомкнулъ ея глаза.

За часъ до пріѣзда Оливье она встала и кокетливо одѣлась. Она прежде всего была женщина и не хотѣла, чтобы онъ замѣтилъ на ея лицѣ слѣды безпокойства и страданій.

Оливье не заставилъ себя ждать ни минуты, но по его лицу и манерамъ Элиза тотчасъ замѣтила, что ему уже наговорили противъ нея.

Они сѣли и молодая женщина начала.

— Васъ, вѣроятно, удивило мое приглашеніе, милый Оливье; послѣ того, какъ я упорно отказывалась принять кого-нибудь у себя.

— Я только что хотѣлъ умолять васъ о свиданіи, когда получилъ ваше письмо.

— Это только доказываетъ, что мы оба имѣемъ многое и очень серьезное сказать другъ другу. По крайней мѣрѣ, я должна откровенно объясниться съ вами. Вы человѣкъ честный и я увѣрена, что вы также будете со мною искренни.

— Я для этого и пріѣхалъ.

— Оливье, вы должны меня хорошо знать. Вамъ извѣстно, кто я, и если вы составили обо мнѣ дурное мнѣніе, то это благодаря низкимъ клеветамъ. Я не принадлежу къ тѣмъ актрисамъ, которыя смотрятъ на сцену, какъ на трамплинъ, съ котораго легко прыгнуть на вершину парижскаго полусвѣта. Я довольно богата и независима, чтобъ не нуждаться ни въ комъ и я предалась театру всей душей, какъ артистка. Вы знаете, что свѣтъ большею частію видитъ въ актрисѣ куртизанку и потому самыя блестящія предложенія сыпались на меня дождемъ. Я всѣмъ отказала, но это только поджигало мужчинъ и обратило на меня ваше вниманіе. Вы помните, что я вамъ отвѣтила на ваши пламенныя слова. «Я вдова и ношу честное имя; я никогда не буду ни чьей любовницей, а только женою моего мужа». Это объясненіе вамъ показалось до того страннымъ, что вы впродолженіи нѣсколькихъ дней смѣялись надо мною съ вашимъ другомъ виконтомъ де-Шапэ. Но вы меня любили и черезъ нѣсколько времени вы вернулись ко мнѣ и объявили, что если я брошу сцену, вы женитесь на мнѣ. Правду я говорю?

— Совершенную правду.

— Я теперь васъ спрашиваю, серьезное-ли это было предложеніе или шуточное?

— Оно было совершенно серьезное, отвѣчалъ просто молодой человѣкъ.

— Я рѣшилась бросить сцену, готовы вы жениться на мнѣ?

И, говоря эти слова, молодая женщина пристально смотрѣла на Оливье, стараясь прочесть въ его глазахъ, какое впечатлѣніе они произвели на него.

Но маркизъ молчалъ. Онъ былъ очень спокоенъ и холоденъ.

— Что-же вы мнѣ не отвѣчаете? воскликнула Элиза.

— Я васъ однажды спросилъ о вашемъ прошломъ и вы мнѣ отвѣчали: «моя жизнь была всегда безупречна. Бѣдной молодой дѣвушкой я всегда оставалась честной; выйдя замужъ, я жила счастлива и осталась честной женщиной. Мнѣ нечего краснѣть ни за одинъ мой проступокъ и такой я хочу остаться на всю жизнь. Я не хочу краснѣть передъ моимъ ребенкомъ».

— Такъ что-же? Все это правда.

— Поклянитесь.

— Клянусь! воскликнула молодая женщина, поднимая руку.

Оливье, повидимому, было неловко. Онъ искалъ

---

*) «Обычное право», Е. Якушкинъ, стр. XXXX.

КАРТИНА Л. ДЕЛЛЕАНИ.

Плѣнные въ Венеціи.

Рѣзано на деревѣ въ Венеціи.

глазами взгляда Элизы. Она смотрѣла на него прямо, гордо. Глаза ея блестѣли благороднымъ сознаніемъ своей правоты. Молодой человѣкъ поникъ головой и не зналъ, что сказать. Рябая Красавица первая прервала молчаніе.

— Оливье, между нами не должно существовать ни малѣйшаго сомнѣнія. Я вижу, что вы мнѣ не вѣрите, я поклялась и вы все-таки не вѣрите. Ничто въ моей теперешней жизни не оправдываетъ вашего недовѣрія ко мнѣ. Я всегда вела себя достойно. Если, явившись на одномъ изъ парижскихъ театровъ, я искала блеска, шума, рекламъ, то это необходимое условіе для успѣха актрисы, но никто никогда не сказалъ ни одного слова противъ моей частной жизни. Какъ актрису, меня хвалили и бранили, но какъ о женщинѣ—обо мнѣ упорно молчали. И если-бъ кто-нибудь вздумалъ распускать клеветы, я начала-бы тотчасъ судебный процесъ. Но передъ вами я должна защитить себя какъ женщина.

— Вамъ нечего себя защищать. Я не имѣю права вамъ дѣлать упреки.

— Извините. Будьте честны и искренни. Вы имѣете право требовать отъ меня всего послѣ даннаго мнѣ обѣщанія. Вашей благородной душѣ претитъ требовать объясненія у женщины, но я чувствую, что вы вѣрите клеветамъ, которыя слышали обо мнѣ. Вы сегодня совершенно другой человѣкъ въ отношеніяхъ со мною. Прежде вы пылали ко мнѣ страстью, вы меня любили, вы меня уважали. Теперь вы совершенно измѣнились. Вы только ищете предлога, чтобъ взять назадъ свое слово.

Молодой человѣкъ гордо поднялъ голову.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ,—я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы искать предлоговъ для разрыва съ вами, а чтобы вы уничтожили тѣ предлоги, которые мнѣ представляли.

— А! Я была въ этомъ увѣрена. Вамъ говорили обо мнѣ на вечерѣ у баронесы де-Марби.

— Да.

— Можетъ быть, она сама?

Оливье ничего не отвѣтилъ. Элиза схватила его за обѣ руки и произнесла съ лихорадочнымъ пыломъ:

— Все, что вамъ сказали обо мнѣ, такъ недостойно, такъ низко, что вы не рѣшаетесь мнѣ повторить. Хорошо, я вамъ сама скажу, что произошло на вечерѣ у баронесы де-Марби. Я вижу по вашимъ глазамъ, что вы думаете только о ней. Баронеса очаровательница, она плѣнила васъ своими прелестями, она свела васъ съ ума своими взглядами, она вамъ сказала, что человѣку съ вашимъ именемъ нельзя жениться на актрисѣ, она вамъ намекнула, что въ ваши года съ вашей красотой не трудно найдти любовь, она вамъ дала понять своими томными взглядами и соблазнительными движеніями, что сама готова васъ полюбить. Не лгите, Оливье, вы видѣли баронесу де-Марби и влюбились въ нее. Вы ее полюбили, прибавила Элиза съ страннымъ смѣхомъ,—потому что меня любите, потому что въ ея глазахъ вы нашли мой взглядъ, въ ея улыбкѣ узнали меня. Всѣ говорятъ, что я очень похожа на нее, что даже у насъ одинаковый голосъ.

Оливье смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и не зналъ, что отвѣчать.

— Сознайтесь, что вы любите ее и что она васъ любитъ, продолжала Элиза;—она влюбляется очень быстро.

— О! сказалъ молодой человѣкъ,—вы только что жаловались на клевету, распространяемую противъ васъ.

— Но если я клевещу на нее, то лишь плачу ей той-же монетой, воскликнула Элиза, выходя изъ себя.—Она возстановила васъ противъ меня. Но я должна оправдаться передъ вами, Оливье, и требую, чтобъ вы передали мнѣ, въ чемъ меня обвиняютъ.

Наступило молчаніе. Рябая Красавица рѣшительно, смѣло ждала, что скажетъ Оливье. А онъ, холодный, суровый, старался побороть свое волненіе. Наканунѣ онъ находился подъ чарующимъ вліяніемъ баронесы и воспоминаніе объ актрисѣ исчезло. Теперь повторилось тоже явленіе. Онъ видѣлъ передъ собою актрису и забылъ о баронесѣ. Любовь, на минуту отуманенная, воскресла въ немъ съ новой силой. Ему казалось, что эти прелестныя губы не могли лгать, что этотъ чудный взглядъ сіялъ правдой и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говорила Элиза, дѣйствительно ему мерещились въ очаровательномъ лицѣ Рябой Красавицы взглядъ, улыбка, черты баронесы.

— Что-же вамъ сказали обо мнѣ? повторила Элиза.

— Лоиза, отвѣчалъ онъ наконецъ,—я васъ люблю искренно и пламенно. Моя любовь не измѣнилась со вчерашняго дня. Я готовъ исполнить свое слово. Я просилъ у васъ одной жертвы—бросить сцену. Маркиза Мейранъ не можетъ остаться актрисой. Не смотря на всѣ толки, на протестъ моего семейства, я стоялъ на своемъ. Помните я вамъ сказалъ: если моя семья будетъ противъ моего брака, я не обращу на это вниманія. Я женюсь для себя, а не для моей семьи. Въ наше время, слава Богу, не существуютъ предразсудки. Конечно, ни ваше плебейское имя, ни ваше званіе актрисы не остановятъ меня отъ брака.

— Такъ что-же?

— Мнѣ сказали, что вы не вдова доктора Бота, что ваше настоящее имя Элиза Буатель и что у вашего ребенка нѣтъ отца. Мнѣ сказали, что вы уѣхали въ Америку для того только, чтобъ время изгладило воспоминаніе о скандальномъ прошломъ...

Молодая женщина поблѣднѣла и ноги у нея подкосились. Но, призвавъ себѣ на помощь всѣ свои силы, она спокойно отвѣчала:

— Да, я уѣхала въ Америку, чтобъ дать времени изгладить воспоминаніе объ ужасномъ прошломъ; это справедливо, г. маркизъ.

— Это правда! воскликнулъ съ отчаяніемъ Оливье, который надѣялся, что она докажетъ неосновательность взведенной на нее клеветы.

— Да, я дочь работника и меня зовутъ Элиза Буатель, да, у меня ребенокъ, не знавшій никогда своего отца,—все это правда.

— Боже мой! Боже мой! промолвилъ молодой человѣкъ, закрывъ лицо руками.

— Да, все это правда, воскликнула съ жаромъ Элиза,—и все-таки, Оливье, клянусь, я непорочна. Я была Элизой Буатель, пока не вышла замужъ за доктора Бота. Онъ не былъ отцомъ моего сына, но онъ его узаконилъ. Еще разъ клянусь, что я никогда не знала ни любовника, ни мужа...

Оливье со страхомъ взглянулъ на нее. Онъ боялся, не сошла-ли она съ ума.

— Да, я непорочная, честная женщина. Слышите, никогда и никого я не любила, кромѣ васъ. Все это кажется вамъ безумнымъ и вы правы, я сама ничего не понимаю.

— Послушайте, Лоиза, сказалъ Оливье,—успокойтесь, вы такъ взволнованы, что бредите! Я не знаю, какой вы смыслъ придаете слову непорочность, но вы мать, у васъ есть ребенокъ. Или это, можетъ быть, не вашъ ребенокъ, прибавилъ онъ вдругъ, просіявъ:—можетъ быть, вы, жертвуя собою для спасенія другой женщины, приняли этого ребенка и назвали его своимъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она, грустно качая головою:—ребенокъ этотъ мой. Узнавъ, что я беременна, вслѣдствіе ужаснаго, непонятнаго преступленія, я пожелала его смерти, но при первомъ его крикѣ сердце у меня забилось материнскимъ чувствомъ, съ тѣхъ поръ я безумно люблю его.

— Или я сошелъ съ ума, или я васъ не понимаю! воскликнулъ Оливье внѣ себя.

— Вы не сошли съ ума и сейчасъ поймете, когда я вамъ разскажу все, отвѣчала молодая женщина.—Я знаю, что ставлю на карту свою жизнь, свое счастье. Но я должна разсказать вамъ исторію страшнаго преступленія, котораго я стала жертвою.

Слова, голосъ, тонъ Элизы дышали искренностью. Оливье посадилъ ее на диванъ и самъ сѣлъ подлѣ. Онъ былъ глубоко тронутъ и взволнованъ. Молодая женщина закрыла лицо руками. Прошло нѣсколько минутъ. Потомъ она взглянула на Оливье съ довѣрчивой любовью и начала свой разсказъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ она передала Оливье разсказъ объ ея прошлой жизни, скрывъ только имена сестры, ея мужа, Аристида и Матье де-Тальи. Оливье слушалъ ее изумленный, пораженный тяжелыми страданіями, которыя вынесла эта молодая женщина.

— Неужели все это правда! невольно воскликнулъ онъ, когда Элиза умолкла.

— Истинная правда!

— И вы не были жертвою насилія со стороны этого отвратительнаго судьи во время аудіенціи?

— Нѣтъ.

— И вы не любили любовника вашей сестры?

— Никогда.

— Такъ это ужасное преступленіе! Злодѣй воспользовался вашимъ безсознательнымъ положеніемъ во время вашей болѣзни въ тюрьмѣ.

— Да, такъ полагалъ и докторъ Ботъ. Другого объясненія трудно пріискать къ мрачной трагедіи моей жизни. Докторъ Ботъ всегда говорилъ мнѣ, что этотъ гнусный судья изъ мести за мое сопротивленіе и пощечину, которую я ему дала при его слугахъ, велѣлъ меня посадить въ тюрьму, какъ падшую женщину, и, придя на другой день въ мою келью, когда я лежала въ обморокѣ, надругался надо мною.

— Но онъ чудовище! Это послѣдній изъ подлецовъ! Скажите мнѣ его имя. Онъ заплатитъ жизнью за свое низкое злодѣйство.

— Нѣтъ не теперь; когда-нибудь послѣ я открою вамъ его имя.

— Бѣдная Лоиза! И васъ-же обвиняютъ!

— Какое мнѣ дѣло, что думаютъ обо мнѣ другіе, если вы послѣ моей исповѣди считаете меня честной женщиной.

— Ты честная женщина и я на колѣняхъ прошу у тебя прощенія, что могъ сомнѣваться! воскликнулъ Оливье, падая на колѣни и цалуя ея руки.

Лицо бѣдной Элизы просіяло. Счастливая улыбка появилась на ея губахъ.

— Вы теперь знаете все, судите меня, я жду, сказала она.

Онъ привсталъ на одно колѣно, схватилъ ее за голову обѣими руками и губы ихъ слились въ долгомъ поцалуѣ.

— Я тебя люблю! Я тебя люблю, шепталъ онъ,—ты святая.

Они остались нѣсколько минутъ въ объятіяхъ другъ друга. Элиза была счастлива. Оливье ее любилъ, иначе одно ея слово не уничтожило бы въ его глазахъ всѣ взведенныя на нее клеветы.

Наконецъ, онъ всталъ и, не выпуская изъ своихъ рукъ ея рукъ, нѣжно сказалъ:

— И ты рѣшилась сойдти со сцены?

— Я сдѣлаю все, что ты пожелаешь.

— Но ты мнѣ еще не сказала причины, побудившей тебя рѣшиться сегодня на то, чего ты не хотѣла сдѣлать вчера.

— Я только что хотѣла тебѣ объ этомъ ска-

зать и спросить твоего совѣта. Какъ только мои враги узнали о моемъ возвращеніи въ Парижъ, они начали меня снова преслѣдовать. Мнѣ объявленъ приказъ немедленно покинуть Парижъ въ силу закона объ общественной безопасности.

— Какъ, васъ смѣютъ изгонять изъ Парижа! Я этого не позволю. Да по какому праву васъ изгоняютъ, развѣ вы занимаетесь политикой?

— Нѣтъ, но полиціи не надо никакихъ предлоговъ...

— Ты останешься во Франціи. Я вамъ за это ручаюсь. Я умолялъ тебя бросить сцену, чтобъ сдѣлаться моей женой. Ты исполнила мою просьбу. Нашъ бракъ хотѣли всячески разстроить. Мои пріятели по просьбѣ моего семейства старались опорочить тебя въ моихъ глазахъ, увѣряя, что ты недостойна моей любви, моего имени. Теперь, послѣ твоего откровеннаго объясненія, я вижу, что я не ошибся. Съ этой минуты ты моя невѣста, Лоиза, и я твой защитникъ.

— Благодарю тебя, моя любовь.

— Когда ты получила приказъ о выѣздѣ?

— Вчера. Мнѣ дали на отъѣздъ двадцать-четыре часа. Моимъ врагамъ неизвѣстно мое настоящее положеніе, потому что въ приказѣ меня называютъ дѣвица Элиза Буатель, рожденная въ Парижѣ и называющая себя Лоизой Ботъ.

— Что ты сдѣлала до сихъ поръ?

— Я была у американскаго посланника въ качествѣ гражданки Соединеныхъ Штатовъ и просила его защиты. Онъ обѣщалъ меня увѣдомить о результатѣ своего ходатайства.

— Прежде всего необходимо обезпечить твою безопасность.

— Я для этого и переѣхала сюда.

— Ты твердо рѣшилась не повиноваться.

— Я твердо рѣшила повиноваться только тебѣ.

— Хорошо. Никому неизвѣстно, гдѣ ты скрылась?

— Никто и не подозрѣваетъ. Я распустила слухъ, что, испугавшись полицейскаго приказа, я тотчасъ уѣхала за границу.

— Ты отлично сдѣлала. Здѣсь ты внѣ всякой опасности. Но при первой угрозѣ, при первомъ сомнѣніи ты тотчасъ пошли за мною. Тебѣ нечего бояться. Я пойду прямо къ императору, если это будетъ необходимо.

— Будь остороженъ. Не погуби своей карьеры.

— Моя карьера кончена. Я уже подалъ въ отставку. Теперь всѣ мои мысли о тебѣ одной...

— Благодарю тебя, благодарю, моя любовь, сказала Элиза.

— Значитъ, тебѣ нечего бояться, моя радость, продолжалъ Оливье, прижимая ее къ своему сердцу: — я открою гнусный заговоръ, составленный противъ тебя, я убью презрѣннаго разбойника, осмѣлившагося обезчестить тебя.

— Мнѣ страшно!

— Успокойся, Лоиза, и скажи мнѣ, какъ зовутъ этого гнуснаго судью.

— Нѣтъ, не спрашивай этого сегодня.

— Отчего? Что тебя заставляетъ скрывать его имя?

— Семейныя причины, очень важныя причины заставляютъ меня сегодня молчать. Но я даю слово, что я открою тебѣ его имя въ слѣдующее твое посѣщеніе. Теперь-же умоляю тебя, поѣзжай въ Парижъ и узнай, по чьему приказанію и по чьей просьбѣ выданъ этотъ приказъ. Тогда я буду, по крайней мѣрѣ, убѣждена, что этимъ новымъ оскорбленіемъ я обязана своимъ прежнимъ врагамъ.

— Хорошо, Лоиза. Я не настаиваю сегодня. Но ты клянешься, что завтра скажешь мнѣ его имя.

— Клянусь.

— Я тотчасъ отправляюсь въ Парижъ и прежде всего напечатаю въ газетахъ извѣстіе, которое возстановитъ ваше доброе имя и свяжетъ насъ обоихъ вѣчными узами.

— Что ты хочешь сдѣлать?

Онъ вынулъ изъ кармана памятную книжку, вырвалъ изъ нея листъ и, написавъ на немъ нѣсколько строкъ, подалъ Элизѣ.

Она, покраснѣвъ отъ счастья, прочла слѣдующее:

«Свѣтское общество возбуждено скандальнымъ злоупотребленіемъ власти, которое дозволилъ себѣ полицейскій префектъ. Одна изъ парижскихъ звѣздъ, стольже извѣстная своимъ талантомъ и красотой, какъ строго нравственной жизнью и своимъ личнымъ богатствомъ, получила надняхъ безъ всякой причины и основанія приказъ немедленно выѣхать изъ предѣловъ Франціи. Тщетно доискиваются мотива подобнаго непонятнаго распоряженія тѣмъ болѣе, что молодая артистка, поступившая на сцену только изъ пламенной любви къ театру, должна была выйдти замужъ за маркиза М. Послѣдній уже подалъ въ отставку и если приказъ объ изгнаніи г-жи Б. не будетъ измѣненъ, онъ поѣдетъ заграницу и тамъ съ нею обвѣнчается».

— Ты напечатаешь это въ газетахъ? спросила со страхомъ Элиза.

— Да, сегодня-же вечеромъ и это извѣстіе возбудитъ такой скандалъ, что правительство отмѣнитъ распоряженіе о твоемъ изгнаніи. Завтра я привезу тебѣ удовлетворительный отвѣтъ и, узнавъ отъ тебя имя злодѣя, тотчасъ примусь за него.

Онъ протянулъ ей руки. Она бросилась къ нему на шею.

— Отдавъ эту статейку въ редакцію всѣхъ вечернихъ газетъ, я заѣду къ своему мэру и попрошу, чтобы сдѣланъ былъ нашъ окликъ... До завтра, моя прелестная маркиза.

Онъ еще разъ громко поцаловалъ ее и удалился.

Вся раскраснѣвшись отъ счастья, Элиза посмотрѣлась въ зеркало и, сдѣлавъ очаровательную гримаску, сказала:

— Я маркиза!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Въ мастерской художника. Старинные ковры и ткани, картины, древнія вещи, живописный безпорядокъ въ комнатѣ, все говоритъ, что мы находимся въ мастерской художника, собравшаго всѣ эти рѣдкія вещи не для украшенія своего жилища, а какъ матерьялъ, съ котораго онъ будетъ писать аксесуары на своихъ картинахъ. Какъ матерьялъ, съ котораго будетъ писаться картина, попали сюда и эти дѣти и эта женщина. Это «натура». Съ этой женщины, можетъ быть, напишется Мадонна, мальчикъ на ея рукахъ изобразитъ Христа, мальчикъ, стоящій на полу, явится въ роли Іоанна Крестителя. Художникъ превосходно скомпоновалъ свою картину, полную блеска и граціи. Особенно хорошъ стоящій спиною къ зрителю мальчикъ, граціозный и привлекательный, какъ амуръ.

Цвѣты съ поля. Онъ возвращается съ полевой работы, она тоже только что освободилась отъ дневной лѣтней работы. Онъ принесъ ей букетъ съ поля, она, улыбаясь, принимаетъ этотъ даръ. Вотъ и все содержаніе картины. Но вы угадываете, что это любящая пара, что передъ вами разыгрывается идилія сельской любви, полная свѣжести и простоты. Нѣмецкій художникъ съумѣлъ очень просто и очень граціозно передать эту сценку, обставленную лѣтнимъ пейзажемъ.

Мученники христіанства, г. Бронникова. Мрачное помѣщеніе со сводами, горящіе и дымящіе во мракѣ свѣтильники, исхудалыя фигуры прощающихся другъ съ другомъ, обреченныхъ на смерть христіанъ, какое-то полуфантастическое освѣщеніе, все это прекрасно въ картинѣ г. Бронникова, производящей сильное впечатлѣніе.

Смѣсь.

— Новый способъ чтенія публичныхъ лекцій. Въ гор. Ньюпортъ пріѣзжаетъ нѣкто Арчибальдъ Форбсъ, нанимаетъ роскошную залу и выпускаетъ афиши, объявляющія, что онъ, Арчибальдъ Форбсъ, будетъ читать лекціи о зулуской войнѣ и ея ужасахъ. Къ назначенному часу публики собралось множество, зала роскошно убрана и освѣщена; ждутъ лектора; проходитъ полчаса, часъ, начинается ропотъ, проходитъ еще часъ, публика уже неистовствуетъ и требуетъ Форбса; докладываютъ, что его нѣтъ, вызываютъ хозяина залы; тотъ въ испугѣ приходитъ и предъявляетъ только-что полученную телеграму, что професоръ Форбсъ будетъ читать лекціи въ назначенный часъ, но какого числа, этого онъ не назначалъ, такъ какъ онъ только-что уѣхалъ къ зулусамъ, и виноватъ хозяинъ, поспѣшившій освѣтить и вообще приготовить залу. Публика посмотрѣла афишу и дѣйствительно въ ней назначенъ былъ только часъ начала лекціи, а числа не обозначено. Видя себя одураченными, всѣ безъ исключенія тихо и безмолвно удалились.

— Карамболь бомбъ. Подъ этимъ курьезнымъ названіемъ давалось оригинальное представленіе въ циркѣ Лидса. На аренѣ цирка появилась група замѣчательныхъ силачей, которые играли огромными чугунными шарами-бомбами, какъ мячиками; но вотъ на сцену выходитъ знаменитый силачъ Голтумъ, становится на барьеръ, товарищи выкатываютъ огромную мѣдную мортиру, заряжаютъ ее; происходитъ выстрѣлъ, ядро подымается къ потолку и подъ угломъ падаетъ; Голтумъ одною рукою ловитъ его, не дѣлая ни малѣйшаго содроганія тѣла, затѣмъ ловитъ въ другую руку ядро и потомъ играетъ ими. Это чрезвычайно заинтересовало публику и пошли толки, что ядра внутри пустыя и что настоящее ядро поймать невозможно и т. п. Эти замѣчанія показались обидными Голтуму и онъ предложилъ отъ себя 50 ф. ст. тому, кто пожелаетъ поймать это ядро. Тотчасъ нашлось трое желающихъ. Первымъ вышелъ извѣстный въ городѣ комерсантъ и началъ ловить ядро, но руки дрогнули и ядро уклонилось въ сторону головы, раздавило челюсти и грудь, несчастный упалъ разбитымъ. Дальнѣйшіе опыты не производились. Узнавъ объ этомъ, мѣстный судья приговорилъ Голтума къ штрафу и полному содержанію больного впредь до его выздоровленія. Однакожь, пострадавшій былъ правъ: ядра дѣйствительно были составныя и сила ихъ зависѣла отъ степени свинчиванія.

— Ростовщики древней Греціи. Греческіе ростовщики и, по преимуществу, афинскіе брали ужасающіе проценты. Они никогда не давали денегъ на годъ или вообще на сроки, болѣе или менѣе продолжительные, а ссужали нуждавшихся только на сутки и за эти сутки брали по 25 процентовъ; при значительной просрочкѣ долгъ дѣлался положительно неоплатнымъ, такъ что, взявъ, напр., на наши деньги одинъ рубль и продержавъ его цѣлый годъ, должникъ обязанъ-бы былъ уплатить ростовщику 92 рубля или 9,200 процентовъ. При займѣ должны были непремѣнно присутствовать свидѣтели, которые, на случай суда, замѣняли своимъ показаніемъ нынѣшніе векселя и вообще всѣ нотаріальные акты. Свидѣтели обыкновенно присутствовали для того, чтобы должникъ не отказался отъ долга въ подрывъ кредитору, или наоборотъ, по безчестности, свойственной и обыкновенной въ класѣ лихоимцевъ, не отперся въ полученіи долга. Должники, уплачивая долгъ, обыкновенно приводили съ собою много свидѣтелей, чтобы они видѣли и могли удостовѣрить честность уплаты, а также чтобы убѣдились сами въ ненасытной жадности ростовщиковъ.

— Новые американскіе вѣера. Форма этихъ вѣеровъ очень похожа на японскіе, съ тою только разницею, что они громадныхъ размѣровъ и сдѣланы изъ прозрачнѣйшаго бѣловатаго крепа или изъ тончайшей шелковой матеріи блѣдныхъ цвѣтовъ; они украшаются различными надписями. Вѣера эти имѣютъ складную ручку и служатъ также и зонтикомъ.

— Ловля жемчуга. Нынѣшняя весна для ловли жемчуга въ Персидскомъ заливѣ причинила ужасныя бѣдствія, болѣе 30 водолазовъ сдѣлались жертвою морскихъ чудовищъ, которыхъ появилось такое количество, что дѣлаютъ всякую дальнѣйшую попытку ловли безполезною.

— Празднованіе памяти Пушкина въ Петербургѣ. Слѣдуя заранѣе составленной програмѣ, чествованіе памяти великаго поэта въ Петербургѣ 6 іюня—въ день открытія ему памятника въ Москвѣ—началось панихидою, отслуженною въ исаакіевскомъ соборѣ соборне о. протоіереемъ Васильевымъ, извѣстнымъ

проповѣдникомъ, бывшимъ настоятелемъ нашей церкви въ Парижѣ. Исаакіевскій соборъ во время панихиды былъ освѣщенъ тремя большими люстрами, на клиросахъ прекрасно пѣли два хора пѣвчихъ; богослуженіе прошло торжественно; публики собралось около тысячи человѣкъ, но этой массѣ народа было очень просторно въ громадномъ соборѣ и могло казаться, что собралось очень немного почитателей произведеній А. С. Пушкина. Особенно поражало отсутствіе учениковъ учебныхъ заведеній; кое-гдѣ мелькали гимназическіе мундиры и совершенно терялись въ массѣ одеждъ другихъ покроевъ. Можно было замѣтить нѣсколькихъ оффиціальныхъ лицъ въ полной парадной формѣ, съ лентами и звѣздами; было нѣсколько военныхъ мундировъ; были чуйки и сѣрые кафтаны; очень немного женщинъ; присутствовали почти всѣ литераторы и журналисты, оставшіеся въ Петербургѣ. Всѣ ожидали, что по окончаніи панихиды отцемъ Васильевымъ будетъ произнесено слово, но этому ожиданію не суждено было сбыться. О. Васильевъ произнесъ рѣчь, но не въ соборѣ, а на завтракѣ, на который старостою исаакіевскаго собора были приглашены распорядители петербургскаго празднества. Панихида началась въ $11^3|_4$ часа и окончилась въ $12^1|_4$ час.

Въ 2 часа пополудни въ народной аудиторіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній устроено было литературное утро, посвященное памяти великаго поэта. На эстрадѣ аудиторіи былъ поставленъ бюстъ Пушкина. Публики собралось такое множество, что многимъ пришлось помѣститься въ залѣ, прилегающей къ аудиторіи. Первымъ читалъ професоръ Незеленовъ статью о «Пушкинѣ, какъ человѣкѣ и поэтѣ». Затѣмъ Н. С. Курочкинъ прочелъ свое стихотвореніе, посвященное памяти Пушкина и напечатанное въ «Молвѣ» и «Странѣ». Читая послѣднія слова стихотворенія:

И лавры пышные—какъ дань величію сплесть
Съ эмблемой кроткаго незлобья—повиликой
Въ день честный праздника для всей Руси великой.

г. Курочкинъ, при взрывѣ рукоплесканій присутствовавшей публики, возложилъ на бюстъ Пушкина лавровый вѣнокъ. Послѣ г. Курочкина Г. К. Градовскій прочиталъ стихотвореніе графа А. А. Голенищева-Кутузова, напечатанное въ журналѣ «Русская Мысль». Затѣмъ О. Ѳ. Миллеръ прочелъ рѣчь, въ которой развивалъ мысль, что Пушкинъ болѣе обязанъ деревнѣ, чѣмъ Москвѣ, что онъ одинаково дорогъ для каждаго русскаго и пр. Онъ-же, г. Миллеръ, прочелъ стихотвореніе Я. П. Полонскаго, по желанію публики, два раза. Вслѣдъ затѣмъ публика пожелала еще разъ прослушать стихотвореніе г. Курочкина. Въ заключеніе професоръ Незеленовъ прочелъ стихотвореніе А. Н. Майкова. Каждое чтеніе сопровождалось громомъ рукоплесканій.

Въ $5^1/_2$ часовъ состоялся обѣдъ по подпискѣ. Мѣстомъ для обѣда избрана зала русскаго купеческаго клуба,—избрана потому, что въ томъ домѣ, гдѣ помѣщается теперь клубъ, 44 года тому назадъ нерѣдко бывалъ Пушкинъ. Пожелавшихъ участвовать въ обѣдѣ собралось гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать—всего 115 человѣкъ. Бюстъ Пушкина, украшенный цвѣтами и лавровымъ вѣнкомъ, былъ поставленъ впереди эстрады, на которой помѣстились музыканты кавалергардскаго полка. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Первый тостъ «за здоровье Государя Императора» былъ провозглашенъ однимъ изъ распорядителей, професоромъ В. И. Модестовымъ, и сопровождался громкимъ «ура!» и гимномъ «Боже, Царя храни». Затѣмъ былъ произнесенъ рядъ рѣчей и много тостовъ. Передаемъ здѣсь нѣкоторыя изъ рѣчей по тексту, напечатанному въ газетѣ «Молва». Первой рѣчью была слѣдующая рѣчь г. Модестова:

«Мнѣ выпала на долю высокая честь прежде другихъ провозгласить на этомъ торжественномъ обѣдѣ, въ которомъ приняли участіе представители столичнаго населенія, славу Пушкину, великому русскому поэту, съ именемъ котораго соединяется представленіе о томъ, что въ нашей литературѣ есть самаго высокаго и неоспоримо геніальнаго, о томъ, что составляетъ нашу законную гордость въ средѣ другихъ образованныхъ народовъ, наше неотъемлемое право на признаніе за нами значенія въ исторіи человѣческаго просвѣщенія. То, что представляетъ собою для Италіи Дантъ, для Испаніи – Сервантесъ, для Португаліи—Камоэнсъ, трехсотлѣтняя память котораго шумно праздновалась на этихъ дняхъ въ Лисабонѣ, что для Англіи Шекспиръ,—словомъ, то, что другіе народы въ своихъ національныхъ литературахъ считаютъ каждый у себя самаго великаго, для насъ составляетъ Пушкинъ, высшій и самый полный представитель русскаго генія въ области поэтическаго творчества. Ни одинъ изъ русскихъ писателей съ такимъ класическимъ изяществомъ и съ такою гармоніей чарующихъ звуковъ не передавалъ въ сильномъ словѣ нашей народной думы, важнѣйшихъ моментовъ нашей исторіи, нашихъ сердечныхъ стремленій и задушевныхъ мыслей, какъ безсмертный авторъ «Евгенія Онѣгина», «Полтавы», «Бориса Годунова» и множества лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ свѣтлая мысль, благородное чувство являются передъ нами въ новыхъ и привлекательныхъ образахъ или передаются намъ въ невѣдомыхъ прежде звукахъ то мужественной, то страстной, то нѣжной, то веселой, то грустной мелодіи. Не мое дѣло, да и не мѣсто здѣсь вдаваться въ подробный разборъ и оцѣнку произведеній нашего великаго поэта, тѣмъ болѣе, что этому предмету посвящено, особенно въ послѣдніе дни и недѣли, не мало разсужденій нашей печати и онъ-же послужилъ темой двухъ рѣчей, выслушанныхъ сегодня многочисленною публикою и еще свѣжихъ въ нашей памяти. Мой долгъ высказать лишь въ немногихъ словахъ одушевляющее насъ чувство благоговѣнія и признательности къ генію безсмертнаго поэта, «слухъ» о которомъ (говоря его пророческими словами) ужь давно прошелъ «по всей Руси великой», и имя котораго давно уже громко раздается въ средѣ всего образованнаго человѣчества, и провозгласить сердечный тостъ въ честь геніальнаго представителя русской литературы, во славу его безсмертныхъ твореній,—тостъ за вѣчную и всемірную славу Пушкина».

По окончаніи рѣчи г. Модестова раздались громкія рукоплесканія. Еще большимъ взрывомъ аплодисментовъ сопровождалась вторая рѣчь, внятно и громко произнесенная Г. К. Градовскимъ.

Едва окончилась эта рѣчь, ораторъ былъ окруженъ участниками обѣда, которые спѣшили пожать ему руку и чокнуться съ нимъ.

Чтобы не повторять каждый разъ, скажемъ, что всѣ послѣдующіе тосты и рѣчи вызывали громъ рукоплесканій.

Третью рѣчью была слѣдующая рѣчь В. А. Полетики:

«Не для прославленія Пушкина важно и нужно сегодняшнее празднество: никакими монументами, никакими чествованіями мы не можемъ, ни увеличить, ни уменьшить ни его славы, ни его значенія для нашей народности. Сегодняшнее празднество гораздо болѣе важно и нужно для насъ самихъ, для непосредственныхъ преемниковъ того общества, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ Пушкинъ, которое изъ его устъ слышало его вдохновенныя пѣсни, которому онъ оставилъ неоцѣнимое наслѣдство и которое тѣмъ не менѣе не переставало его терзать и мучить при жизни и «позоромъ мелочныхъ обидъ» вырыло ему преждевременную могилу. Великій поэтъ—это народное знамя, выраженіе народнаго сознанія, откровеніе народнаго духа, крѣпчайшая связь для національности, могущественнѣйшая ея сила и охрана. И вотъ, въ тѣ минуты, когда теченіемъ исторіи среди общества начинаетъ обнаруживаться броженіе розни и несогласія, когда въ рукахъ его начинаетъ колебаться народное знамя, когда идеалы его мельчаютъ и омрачается его сознаніе, тогда ярче и осязательнѣе выступаютъ гражданскія заслуги великихъ людей, давшихъ своими трудами и завѣтами внутреннюю связь и крѣпость своей національности. Сегодня вся мыслящая Россія благоговѣйно припомнитъ завѣты и идеалы Пушкина. Да будетъ-же сегодняшній праздникъ благодатнымъ лучемъ свѣта среди омраченнаго тучами нашего общественнаго горизонта, да соединитъ насъ всѣхъ вокругъ себя великое имя нашего народнаго поэта, да никогда не умолкнутъ для нашего слуха звуки его вдохновенныхъ пѣсенъ, да неусыпаютъ въ душѣ нашей его идеалы и, напутствуемые его геніемъ, который есть также геній русской народности, да пойдемъ мы твердо, согласно, рука въ руку къ той, имъ-же пророчески намѣченной цѣли, на встрѣчу тому благодатному времени, когда по его вѣщему слову:

«Надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
«Взойдешь ты наконецъ прекрасная заря!»

«Предлагаю тостъ за величіе, славу, мирное развитіе и благоденствіе безпредѣльно любимой нами нашей и Пушкина родины».

Затѣмъ извѣстный поэтъ Д. Д. Минаевъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА.

(6-го іюня 1880 г.).

Пускай Москва пируетъ нынѣ
По праву родины пѣвца
И на великой годовщинѣ
Въ цвѣты и лавры безъ конца
Поэта памятникъ вѣнчаетъ,
Пусть въ день такого торжества
Своимъ поэта величаетъ,—
Но не уступимъ первенства
Мы въ проявленіяхъ привѣта
И здѣсь у царственной Невы,
Не отдадимъ Москвѣ поэта:
Онъ нашъ, не менѣе Москвы!

* * *

Пусть тамъ, близь береговъ Яузы
Его качалась колыбель,
Но здѣсь ему вручили музы
Свою волшебную свирѣль,
Здѣсь приводилъ всѣхъ въ изумленье
Могучей силы раннiй всходъ
И первый лепетъ вдохновенья,
И первый генія полетъ;
Здѣсь пѣсня первая имъ спѣта
И онъ кумиромъ сталъ молвы...
Нѣтъ, мы не отдадимъ поэта:
Онъ нашъ не менѣе Москвы!

* * *

Его подъ небо Петрограда,
Изъ дальнихъ мѣстъ родной земли
Влекла любовь, друзей плеяда
Воспоминанія влекли.
Сіяньемъ славы восходящей
Отсюда Русь онъ ослѣпилъ;
Пѣвца, у гроба прорицавшій,
Державинъ здѣсь благословилъ,
Прозрѣвъ лучи иного свѣта
Вкругъ еще юной головы...
Такъ намъ-ли уступать поэта?
Онъ нашъ не менѣе Москвы!

* * *

Онъ нашъ, въ величіи единый,
И въ роковой, зловѣщій часъ,
Съ послѣдней пѣсней лебединой
Онъ здѣсь безвременно угасъ,
Какъ жертва лжи и злобы черной.—
Не будемъ поминать мы ихъ,—
По памятникъ нерукотворный
Его—вкругъ насъ и въ насъ самихъ.
Имъ наша молодость согрѣта,
Онъ – гордость лучшая Невы...
Нѣтъ, не уступимъ мы поэта:
Онъ нашъ не менѣе Москвы!

Печатаемъ это стихотвореніе съ согласія автора въ томъ видѣ, какъ оно было прочитано на обѣдѣ. Это стихотвореніе напечатано въ газетѣ «Страна» въ первой редакціи, которую авторъ нѣсколько измѣнилъ послѣ его напечатанія.

Это стихотвореніе вызвало рѣчь Л. А. Полонскаго, который, пользуясь присутствіемъ барона Корфа, петербургскаго городского головы, выразилъ раздѣленное всѣми присутствовавшими пожеланіе, чтобъ и Петербургъ съ своей стороны проникся мыслью выразить свое уваженіе къ Пушкину достойнымъ его памятникомъ на одной изъ площадей столицы, съ чѣмъ, конечно, согласился и баронъ Корфъ.

Послѣ того Е. А. Погожевъ прочиталъ до сихъ поръ неизвѣстное слѣдующее письмо Пушкина къ А. А. Орлову. Подъ именемъ Фиглярина разумѣется Булгаринъ.

Милостивой государь
Александръ Анфимовичъ!

Искренно благодарю за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужды ни въ чемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камешекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіафу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего «Выжигина» есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анфимовичъ! Удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростію пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей «Пчелы». Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. Косичкинъ заварить такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ «Молвѣ» объявленіе о намѣреніи вашемъ писать «Исторію Русскаго Народа»: можно-ли вѣрить сей пріятной новости?

Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовымъ къ вашимъ услугамъ
А. Пушкинъ.

24 ноября 1831, Спб.

P. S. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, милостивой государь Александръ Анфимовичъ.

Но, отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидѣться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется теперь г. Полевой нападаетъ на

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БРОННИКОВА.

Мученики христіанства.

Рисовалъ на деревѣ Петръ Чистяковъ; рѣзалъ А. Шлиперъ.

васъ и на меня; собираюсь на него разсердиться; покамѣсть съ нимъ возятся —ковъ и —мовъ подъ именемъ Н. Луговова—мое дѣло сторона.

1832 г. 9 янв. Спб.

С. Б. Данзасъ, племянникъ секунданта Пушкина доставилъ маску, снятую съ лица поэта тотчасъ по его смерти, и письмо Пушкина къ Дантесу съ вызовомъ на дуэль.

Сказано было еще много рѣчей, въ которыхъ упоминалось о нянѣ Пушкина, Аринѣ Родіоновой, о его другѣ Дельвигѣ и о лучшемъ истолкователѣ его произведеній, Бѣлинскомъ. Мы не приводимъ этихъ рѣчей по недостатку мѣста; скажемъ только, что въ одной изъ рѣчей—Н. П. Столпянскаго—выражена мысль о крайней необходимости озаботиться увеличеніемъ у насъ числа народныхъ школъ. Во время-же обѣда г. Герардомъ было прочитано извѣстное стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина» и послана телеграма въ Москву на имя предсѣдателя общества любителей россійской словесности, г. Юрьева.

Дамъ было на обѣдѣ очень немного, но въ числѣ ихъ находилась симпатичная пѣвица Д. М. Леонова. Она чтеніемъ и пѣніемъ стиховъ Пушкина доставила участникамъ въ обѣдѣ истинное наслажденіе. Много лѣтъ провела на петербургской сценѣ г-жа Леонова; нѣсколько лѣтъ уже прошло съ той поры, какъ она оставила ее; много звѣздъ въ это время появлялось на нашемъ оперномъ театрѣ, но можно смѣло сказать, что и до сихъ поръ Д. М. Леонова остается самой симпатичной исполнительницей русскихъ романсовъ. И читаетъ она прекрасно; прочтенный ею отрывокъ изъ «Бахчисарайскаго фонтана» произвелъ сильное впечатлѣніе. Ея чтеніе и пѣніе вдохновили поэта Д. Д. Минаева и онъ сказалъ артисткѣ слѣдующій экспромтъ:

У насъ на Пушкинской поминкѣ,
Леонова ужь если запоетъ,
То лишь она одна сплететъ
Вѣнокъ изъ Пушкина и Глинки.

Вслѣдъ за импровизированнымъ концертомъ явилась жжонка, предложенная старшинами купеческаго собранія Н. П. Анучинымъ и Н. И. Маевскимъ. За жжонкой также произнесено было много рѣчей и предложено нѣсколько тостовъ. Присутствіе на обѣдѣ посланника Сербіи, бывшаго министра г. Протича вызвало обращеніе къ нему и тостъ за него, за которымъ послѣдовалъ тостъ «За славянъ». Г. Протичъ произнесъ рѣчь, въ которой напомнилъ о помощи, оказанной русскими сербскому дѣлу. Это напоминаніе побудило А. К. Шеллера заявить, что въ числѣ присутствующихъ находится А. П. Межаниновъ, получившій отъ сербскаго народа саблю съ надписью «храбрѣйшему изъ храбрыхъ» и предложилъ тостъ за его здоровье. Одинъ изъ присутствовавшихъ, сказавъ, что только одна Франція, прислала въ Москву офиціальнаго представителя, предложилъ почтить ее въ лицѣ ея великаго гражданина, перваго современнаго поэта, Виктора Гюго, который и отъ себя прислалъ поздравительную телеграму въ Москву. Было рѣшено послать ему телеграму слѣдующаго содержанія: «Представители петербургскаго общества, собравшіеся для чествованія памяти національнаго русскаго поэта Пушкина, пьютъ за здоровье великаго учителя поэзіи, Виктора Гюго».

Бесѣда участниковъ въ праздникѣ продолжалась за полночь.

— Празднество открытія памятника Пушкину въ Москвѣ. Пригласивъ двоихъ изъ участниковъ въ московскомъ празднествѣ составить обстоятельныя статьи по поводу совершившагося торжества, мы здѣсь передаемъ о немъ краткія извѣстія, извлекая ихъ изъ телеграмъ ежедневныхъ газетъ. Празднество открытія памятника Пушкину въ Москвѣ началось 5 іюня пріемомъ депутацій въ роскошно-убранной залѣ городской думы. Депутаціи представлялись Высочайше утвержденному комитету открытія памятника, въ этотъ день состоявшему подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, изъ членовъ: статсъ-секретаря Корнилова и академика Грота. Въ качествѣ почетныхъ гостей здѣсь присутствовали дочери и сыновья поэта: графиня Меренбергъ, г-жи Гартунгъ, А. А. Пушкинъ, командиръ гусарскаго нарвскаго полка, Г. А. Пушкинъ, земскій дѣятель въ опочецкомъ уѣздѣ. По окончаніи представленія депутацій, академикъ Гротъ, предсѣдатель комитета, сообщилъ отчетъ о ходѣ дѣла по устройству памятника. Изъ отчета оказывается, что всѣхъ денегъ на устройство памятника собрано слишкомъ 106,000 руб.; употреблено на памятникъ около 88,000 руб., такъ что въ остаткѣ имѣется около 19,000 руб., которымъ дано будетъ подходящее назначеніе. Затѣмъ были прочитаны поздравительныя телеграмы изъ различныхъ мѣстъ Россіи. Изъ всѣхъ иноплеменныхъ странъ только одна Франція прислала на наше народное торжество въ Москву депутацію, представляемую академикомъ Леже. Вмѣстѣ съ тѣмъ президентъ французской республики прислалъ орденъ почетнаго легіона предсѣдателю «общества россійской словесности».

Открытіе самого памятника произошло 6 іюня. Ровно въ 10 часовъ въ главной церкви Страстного монастыря началась заупокойная литургія, совершенная соборне московскимъ митрополитомъ Макаріемъ. По окончаніи обѣдни отслужена панихида, заключившаяся слѣдующимъ словомъ высокопреосвященнаго:

«И сотвори ему вѣчную память.

«Нынѣ свѣтлый праздникъ русской поэзіи и отечественнаго слова. Россія чествуетъ торжественно знаменитѣйшаго изъ своихъ поэтовъ открытіемъ ему памятника, а церковь отечественная, освящая это торжество особымъ священнослуженіемъ и молитвами о вѣчномъ успокоеніи души чествуемаго, возглашаетъ вѣчную память. Всѣ, кому дорого родное слово и родная поэзія на всѣхъ пространствахъ Россіи, безъ сомнѣнія, участвуютъ сердцемъ въ настоящемъ торжествѣ и какъ-бы присутствуютъ въ лицѣ васъ, достопочтеннѣйшіе представители и любители отечественной словесности, науки и искуства. А тебѣ, Москва, градъ первопрестольный, естественно ликовать нынѣ болѣе всѣхъ: ты была родиной нашего славнаго поэта: на одной изъ твоихъ возвышенностей воздвигнутъ въ честь его достойный памятникъ и подъ твоимъ гостепріимнымъ кровомъ совершается нынѣ сынами Россіи, стекшимися къ тебѣ со всѣхъ сторонъ, настоящее торжество. Мы чествуемъ человѣка—избранника, котораго Самъ Творецъ отличилъ и возвысилъ посреди насъ необыкновенными талантами и коему указалъ этими самыми талантами на особенное призваніе въ области русской поэзіи. Чествуемъ нашего величайшаго поэта, который понялъ и вполнѣ созналъ свое призваніе, не зарылъ въ землю талантовъ, данныхъ ему отъ Бога, а употребилъ ихъ на то самое дѣло, на которое былъ избранъ и посланъ и совершилъ для русской поэзіи столько, сколько не совершилъ никто. Онъ поставилъ ее на такую высоту, на которой она никогда не стояла и надъ которою не поднялась доселѣ. Онъ сообщилъ русскому слову въ своихъ твореніяхъ такую естественность и простоту и вмѣстѣ такую обаятельную художественность, какихъ мы напрасно стали-бы искать у прежнихъ нашихъ писателей. Онъ создалъ для насъ такой стихъ, какого до того времени не слыхала Россія, стихъ въ высшей степени гармоническій, который поражалъ, изумлялъ, восхищалъ современниковъ и доставлялъ имъ невыразимое эстетическое наслажденіе и который надолго останется образцовымъ для русскихъ поэтовъ. Мы чествуемъ не только величайшаго нашего поэта, но и поэта нашего народа, какимъ явился онъ, если не во всѣхъ, то въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ. Онъ отозвался своей чуткой душой на всѣ преданія русской старины и русской исторіи, на всѣ своеобразныя проявленія русской жизни. Онъ глубоко проникся русскимъ духомъ и все воспринятое имъ отъ русскаго народа перетворилъ своимъ геніальнымъ умомъ, воплотилъ и передалъ тому-же народу въ сладкозвучныхъ пѣсняхъ своихъ, которыми, и услаждалъ соотечественниковъ, и укрѣплялъ въ чувствахъ патріотизма и любви ко всему родному. Мы воздвигли памятникъ нашему великому народному поэту потому, что еще прежде онъ самъ воздвигъ себѣ «памятникъ нерукотворный» въ своихъ безсмертныхъ созданіяхъ; и въ этомъ памятникѣ воздвигъ памятникъ и для насъ, для всей Россіи, который никогда не потеряетъ для насъ своей цѣны и къ которому потому «не заростетъ народная тропа». Къ нему будутъ приходить отдаленные потомки, какъ приходимъ мы и какъ приходили современники.

«Сыны Россіи! Освящая нынѣ памятникъ знаменитѣйшему изъ нашихъ поэтовъ, какъ дань признательности къ его необыкновеннымъ твореніямъ, которыя онъ намъ оставилъ можемъ-ли удержаться, чтобы не вознести живѣйшей всеблагодарности къ Тому, кто даровалъ намъ такого поэта, кто надѣлилъ его такими талантами, кто помогъ ему исполнить свое призваніе. А съ этою столько естественною въ настоящія минуты благодарностію, можемъ-ли не соединить и теплой молитвы отъ лица всей земли русской, да посылаетъ ей Господь еще и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей не на литературномъ только, но и на всѣхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія! Да украсится она, наша родная, во всѣхъ краяхъ достойными памятниками въ честь достойнѣйшихъ сыновъ своихъ».

Прослушавъ слово митрополита, всѣ бывшіе въ монастырѣ отправились съ обнаженными головами, многіе съ вѣнками въ рукахъ, на площадь передъ памятникомъ. Площадь была кругомъ обтянута канатомъ и входъ на нее допускался только по билетамъ; поэтому на ней было просторно. Влѣво отъ памятника построенъ помостъ, обтянутый краснымъ сукномъ, и на немъ поставлены кресла для принца Ольденбургскаго, членовъ комитета, генералъ-губернатора и почетныхъ лицъ; справа отъ памятника, въ глубинѣ площади, устроена эстрада для музыкантовъ. Кругомъ памятника расположились депутаціи, каждая подъ своимъ знаменемъ, далѣе стояла публика и были устроены мѣста для дамъ. Когда процесія вышла изъ монастыря, раздались звуки музыки; солнце на нѣсколько мгновеній показалось изъ-за тучъ и облило площадь золотистымъ свѣтомъ. Когда всѣ заняли свои мѣста, музыка заиграла народный гимнъ. Потомъ принцъ Ольденбургскій поднялся съ мѣста, встали и всѣ окружавшіе его и началась церемонія передачи памятника городу. Членъ комитета статсъ-секретарь Корниловъ обратился къ представителямъ городского управленія съ краткою рѣчью слѣдующаго содержанія:

«Геній великаго Пушкина есть лучшее, прекраснѣйшее олицетвореніе русскаго народнаго духа и мысли. Заслуги Пушкина родному слову и права его на признательность потомства, сознаны нетолько Россіей, но и всѣмъ образованнымъ міромъ. Державный вождь и отецъ русскаго народа Государь Императоръ разрѣшилъ подписку на сооруженіе памятника народному поэту и пожертвованія стеклись со всѣхъ концовъ Россіи. Высочайше учрежденный подъ главнымъ наблюденіемъ принца Ольденбургскаго комитетъ потрудился съ любовью. Непосредственными исполнителями порученнаго комитету дѣла были русскіе люди: ваятель академикъ Опекушинъ, строитель академикъ Богомоловъ и мастеръ каменнаго дѣла Бариновъ. Нынѣ, представляя на судъ Россіи оконченный сооруженіемъ памятникъ, комитетъ счастливъ, что ввѣряетъ охраненіе этого народнаго достоянія заботливости городского управленія древнепрестольной Москвы златоверхой. Да здравствуетъ на многія лѣта Государь, верховный цѣнитель заслугъ русскихъ людей! Да процвѣтаетъ и благоденствуетъ святая Русь и да множатся русскіе люди, составляющіе славу и гордость своего отечества!»

По произнесеніи рѣчи, статсъ-секретарь Корниловъ вынулъ изъ футляра переплетенную въ зеленый бархатъ тетрадь съ золотою надписью: «Актъ передачи памятника Пушкина въ вѣдѣніе московскаго городскаго управленія» и громко прочелъ слѣдующее: «Высочайше утвержденный комитетъ для сооруженія памятника Пушкину, по исполненіи возложеннаго на него волею Государя Императора порученія и по открытіи нынѣ памятника сего въ присутствіи его императорскаго высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, его сіятельства господина московскаго генерала-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова, городскихъ властей и собравшихся изъ многихъ мѣстностей депутацій отъ различныхъ вѣдомствъ, учрежденій и обществъ, симъ передаетъ означенный памятникъ въ вѣдѣніе московской городской думы. Составивъ въ удостовѣреніе того, настоящій актъ и прилагая къ оному чертежъ и планъ памятника, комитетъ поручаетъ это драгоцѣнное народное достояніе просвѣщенной заботливости городского управленія первоначальной столицы, бывшей колыбелью великаго поэта. Москва, 6-го іюня 1880 года». Подписали: принцъ Ольденбургскій, члены комитета: статсъ-секретарь Корниловъ и академикъ Гротъ. Принявъ изъ рукъ статсъ-секретаря Корнилова футляръ съ означеннымъ актомъ, московскій городской голова произнесъ слѣдующую рѣчь: «Отъ лица московской городской думы, имѣю счастіе выразить глубокую благодарность вашему императорскому высочеству и Высочайше утвержденному комитету за исходатайствованіе державной воли воздвигнуть памятникъ Александру Сергѣевичу Пушкину въ нашей первопрестольной столицѣ, мѣстѣ его рожденія. Принявъ этотъ памятникъ въ свое вѣдѣніе, Москва будетъ хранить его какъ драгоцѣнное достояніе народа и да воодушевляетъ изображеніе великаго поэта насъ и грядущія поколѣнія на все доброе, честное, славное!»

Въ это мгновеніе предъ обнаженными головами многотысячной толпы упала закрывавшая памятникъ пелена; публика, бывшая всюду, откуда только могъ видѣть глазъ—на окружающихъ улицахъ, въ окнахъ, на крышахъ домовъ—на минуту какъ-бы замерла. То была дѣйствительно, высокая минута, когда колосальная фигура поэта, во всей ея красотѣ и во всемъ величіи, предстала какъ эмблема славы столь дорогой всѣмъ окружавшимъ ее людямъ родины. Прошло мгновеніе и громкое «ура!», перекатившееся кругомъ всей площади, возвѣстило

что открытіе памятника совершилось. Отнынѣ онъ достояніе Москвы; твердо стоитъ онъ на своемъ гранитномъ пьедесталѣ и никакая буря не въ состояніи поколебать его, потому что онъ—созданіе русскаго народа. Депутаціи окружили памятникъ и возложили на него перевитые лентами вѣнки. Тогда сняты были окружавшіе мѣстность канаты, публика прорвалась къ памятнику и все смѣшалось.

Затѣмъ приглашенные лица и депутаціи отправились въ актовую залу московскаго университета. Засѣданіе открылось чтеніемъ о Пушкинѣ ректора московскаго университета профессора Тихонравова. Потомъ читали професоры Ключевскій и Стороженко. Всѣ чтенія были привѣтствованы громомъ рукоплесканій. Здѣсь-же прочитана была телеграма изъ Праги, оканчивающаяся такъ: «Слава памяти великаго Пушкина, слава великому народу, прославляющему сыновъ своихъ».

За торжествомъ въ университетѣ послѣдовалъ обѣдъ, данный Москвою съѣхавшимся гостямъ. Принцъ Ольденбургскій, по причинѣ траура, не могъ присутствовать на этомъ обѣдѣ; генералъ-губернатора также не было, но тутъ собралось все высшее общество и всѣ пріѣхавшіе депутаты. Оживленіе было всеобщее. Первый бокалъ поднялъ министръ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Сабуровъ. Громкимъ, выразительнымъ, энергическимъ голосомъ сказалъ онъ слѣдующія слова: «При праздновaніи всякаго народнаго торжества, прежде всего долженъ быть нами помянутъ тотъ, кто скорбитъ скорбью народа и радуется его радостямъ, тотъ, чье имя никогда не произносилось въ этихъ стѣнахъ безъ самыхъ восторженныхъ, горячихъ кликовъ; за здоровье Государя Императора—«ура!». Слова эти были покрыты долго неумолкавшими «ура!» и громкими звуками музыки, заигравшей народный гимнъ. Вслѣдъ затѣмъ, московскій городской голова провозгласилъ цѣлый рядъ тостовъ: за здоровье принца Ольденбургскаго, московскаго генералъ-губернатора, министра народнаго просвѣщенія и присутствующихъ членовъ комитета по сооруженію памятника Пушкину, наконецъ, за здоровье дѣтей и внуковъ великаго поэта. Провозглашая этотъ послѣдній тостъ, городской голова сказалъ, что нынѣшній день представляется для Москвы тѣмъ болѣе дорогимъ, что тутъ присутствуютъ дѣти Пушкина, бывшія свидѣтелями горячей любви, благоговѣнія и всѣхъ тѣхъ почестей, которыя оказала сегодня Россія ихъ великому отцу. Въ отвѣтъ на эти слова, сынъ Пушкина обратился къ городскому головѣ и въ теплыхъ выраженіяхъ просилъ его передать городу безпредѣльную благодарность за его гостепріимство и радушіе; потомъ, онъ предложилъ тостъ въ память своего отца. Послѣ тоста, провозглашеннаго сыномъ Пушкина, всталъ И. С. Аксаковъ. Его краснорѣчивая рѣчь, сказанная громкимъ голосомъ, съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, видимо сильно подѣйствовала на слушателей и была неоднократно прерываема шумными аплодисментами. «Настоящее торжество, говорилъ ораторъ—это побѣдное торжество, это благовѣстъ того, что мужаетъ и крѣпнетъ наше народное самосознаніе. Не случайно произошло, а глубокій историческій смыслъ сказался въ томъ, что въ Москвѣ торжественно воздвигнута мѣдная хвала первому истинно-русскому поэту. Отъ имени Москвы поднимаю бокалъ не въ память отошедшаго въ вѣчность, но въ память вѣчно живущаго межь насъ поэта». Затѣмъ говорилъ М. Н. Катковъ. «На всенародный праздникъ торжества русскаго генія, сказалъ г. Катковъ, собрались во-едино люди различныхъ убѣжденій, разныхъ партій, даже враги; всѣхъ ихъ соединила одна идея». Въ этомъ ораторъ видитъ залогъ примиренія, смягченія существующей розни и надежду, что эта рознь мало-по-малу утихнетъ, хотя и не скоро, не безъ усилій. «Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!» были заключительныя слова рѣчи. Затѣмъ, петербургскій предводитель дворянства сказалъ нѣсколько словъ въ благодарность Москвѣ отъ имени пріѣзжихъ гостей за радушное гостепріимство. Преосвященный Амвросій произнесъ довольно длинную рѣчь, въ которой разсматривалъ Пушкина, какъ поэта и христіанина и приводилъ много отрывковъ изъ его стихотвореній. Рѣчь эта была часто прерываема одобрительными возгласами слушателей и, въ заключеніе, была покрыта громкими криками «ура!» «браво!» и звуками музыки, съигравшей тушъ. Послѣ преосвященнаго говорилъ депутатъ дерптскаго университета. Затѣмъ было прочитано нѣсколько адресовъ, присланныхъ изъ различныхъ мѣстъ. Кромѣ поименованныхъ произнесено еще много тостовъ: за Тургенева, Опекушина, Богомолова, Грота, кн. Горчакова и др. Въ 9 часовъ вечера въ той-же залѣ состоялся литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ участвовали гг. Достоевскій, Писемскій, Самаринъ и др.

7 іюня въ той-же залѣ, гдѣ происходили обѣдъ и литературно-музыкальный вечеръ состоялось торжественное засѣданіе общества любителей словесности. Первымъ взошелъ на каѳедру предсѣдатель общества С. А. Юрьевъ. «Нѣтъ для народа торжествъ выше тѣхъ, которыя соединены съ воспоминаніями о великихъ людяхъ, двинувшихъ впередъ его жизнь и просвѣщеніе, сказалъ между прочимъ г. Юрьевъ.—И изъ этихъ воспоминаній наиболѣе возвышающее душу есть воспоминаніе о великомъ народномъ поэтѣ». Очертивъ Пушкина какъ народнаго поэта, г. Юрьевъ продолжалъ:

«Пушкинъ стоялъ на рубежѣ двухъ періодовъ историческаго развитія нашей народной жизни; онъ пришелъ къ намъ въ тотъ моментъ, когда сила нашего государства, созданная великими усиліями народа, встала на высшую точку своего внѣшняго могущества и долженъ былъ начаться поворотъ творческихъ силъ народа на устроеніе его внутренней жизни, на началахъ самодѣятельности, правды и нравственной красоты. Прозорливый умъ поэта измѣрилъ эту страшную высоту, на которую была поднята русская государственная сила безстрашною волею царя-исполина, и ту зіяющую ужасами бездну внутренняго нестроенія, надъ которою нависла эта сила». Указавъ далѣе на то, какъ поэтически вѣрно очертилъ Пушкинъ исполинскую фигуру Петра, этого царя-работника, г. Юрьевъ продолжалъ: «Ждалъ нетерпѣливо Пушкинъ, чтобы тяжесть крѣпостного ига, подавляющая творческія силы народа, была сброшена, открыла просторъ этимъ могучимъ силамъ. Онъ писалъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство павшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?»

Ораторъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Войдемъ въ святыню храма, воздвигнутаго нашимъ великимъ поэтомъ, который громко взываетъ намъ: не угашайте духа и дѣйствуйте, и все прочее приложится, и жизнь проникнется правдой и красотою; одѣнется она и озарится солнцемъ свободы, исполненной братской любви другъ къ другу. Не угашайте духа!»

Едва смолкли рукоплесканія, покрывшія эту рѣчь, какъ раздались снова съ страстною силой. На каѳедру съ листкомъ бумаги въ рукахъ взошелъ депутатъ французской республики профес. Люи Леже. Рукоплесканія долго не давали ему говорить, такъ неудержимо хотѣлось русскому обществу выразить свою симпатію прекрасной Франціи: Наконецъ все смолкло и Леже прочелъ по-русски, съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ: «Милостивыя государыни, милостивые государи! Посылая делегата на настоящее литературное торжество, министерство народнаго просвѣщенія французской республики хотѣло этимъ выразить и свою симпатію умственному движенію Россіи и свое удивленіе вашему великому народному поэту. Имя Пушкина такъ-же хорошо извѣстно во Франціи, какъ имена Байрона, Гёте, Манцони. Мы смотримъ на Пушкина, какъ на величайшаго представителя русскаго народнаго генія и съ гордостью можемъ припомнить имя одного изъ нашихъ знаменитыхъ писателей, Мериме, который наибольше содѣйствовалъ распространенію славы Пушкина въ нашемъ отечествѣ. Мы чувствуемъ себя счастливыми, что настоящее торжество, къ сожалѣнію омраченное недавней вашей утратой, нашедшей живой отголосокъ и во Франціи, даетъ намъ новый случай выразить то горячее неизмѣнное сочувствіе, съ которымъ мы слѣдимъ за судьбами Россіи. Въ настоящее время во Франціи существуетъ цѣлая група людей, которая изучаетъ произведенія русскихъ писателей съ такимъ-же живымъ интересомъ, съ какимъ прежде изучались памятники литературъ класическихъ. Милостивые государи! отъ имени этой групы, я обращаю къ вамъ мое слово и смѣю васъ увѣрить, что честь представлять французскій народъ въ эту торжественную минуту останется однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Не намъ, иностранцамъ, говорить въ настоящемъ собраніи о Пушкинѣ: мы здѣсь затѣмъ, чтобъ слушать васъ, поучаться у васъ и благодарить васъ за радушный искренній братскій пріемъ, который мы находимъ въ Россіи».

Послѣ Леже, рѣчь котораго была покрыта долго неумолкаемыми рукоплесканіями, говорили професора Сухомлиновъ и Шпилевскій, а затѣмъ г. Аксаковымъ былъ прочитанъ рядъ поздравительныхъ телеграмъ, между которыми отмѣтимъ письма отъ французскаго поэта Виктора Гюго, англійскаго—Тениссона и нѣмецкаго романиста — Ауэрбаха. Засѣданіе на нѣкоторое время было прервано; по возобновленіи-же его продолжалось чтеніе адресовъ, а затѣмъ послѣдовало чтеніе И. С. Тургенева, вызвавшее восторженный, горячій энтузіазмъ публики. Чтеніе это будетъ напечатано въ «Вѣстникѣ Европѣ». Въ это-же засѣданіе между прочимъ послѣдовало заявленіе г. Леже о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія французской республики положилъ украсить академическими пальмами, какъ представителей русской литературы, русской науки и русскаго искусства въ Москвѣ гг. Юрьева, Тихонравова и Рубинштейна.

7-го-же іюня состоялся обѣдъ общества любителей россійской словесности. Рѣчей было произнесено множество; между ними особенно выдѣлилась рѣчь А. Н. Островскаго. «Памятникъ Пушкину, сказалъ между прочимъ г. Островскій, – поставленъ; память великаго народнаго поэта увѣковѣчена, заслуги его засвидѣтельствованы. Всѣ обрадованы. Мы видѣли вчера восторгъ публики; такъ радуются только тогда, когда заслугамъ отдается должное, когда справедливость торжествуетъ. О радости литераторовъ говорить едва-ли нужно. Отъ полноты обрадованной души позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. На этомъ праздникѣ каждый литераторъ долженъ быть ораторомъ, обязанъ громко благодарить поэта за тѣ сокровища, которыя онъ завѣщалъ намъ. Сокровища, дарованныя намъ Пушкинымъ, дѣйствительно велики и неоцѣненны. Первая заслуга великаго поэта въ томъ, что чрезъ него умнѣетъ все, что можетъ поумнѣть. Пушкинымъ восхищались и умнѣли, восхищаются и умнѣютъ. Наша литература обязана ему своимъ умственнымъ ростомъ; и этотъ ростъ былъ такъ великъ, такъ быстръ, что историческая послѣдовательность въ развитіи литературы была какъ будто разрушена, связь съ прошедшимъ разорвана. Все это, понятно, иначе не могло быть. За то слѣдующее поколѣніе, воспитанное исключительно Пушкинымъ, когда сознательно оглянулось назадъ, увидало, что предшественники его и многіе современники для нихъ ужь даже не прошедшее, а далекое давнопрошедшее. Вотъ когда замѣтно стало, что русская литература въ одномъ человѣкѣ выросла на цѣлое столѣтіе. Другое благодѣяніе, оказанное намъ Пушкинымъ, еще важнѣе и значительнѣе. До Пушкина наша литература была подражательная; вмѣстѣ съ формами, она принимала отъ Европы разныя исторически сложившіяся тамъ направленія, которыя въ нашей жизни корней не имѣли, но могли приняться. Прочное начало освобожденію нашей мысли положено Пушкинымъ; онъ первый сталъ относиться къ темамъ своихъ произведеній прямо, непосредственно; онъ захотѣлъ быть оригинальнымъ и быть самимъ собой. Пушкинъ, какъ всякій великій писатель, оставилъ за собою школу послѣдователей. Онъ завѣщалъ имъ искренность, самобытность, завѣщалъ каждому быть самимъ собой, далъ смѣлость русскому писателю быть русскимъ. Вѣдь это только легко сказать! Это значитъ, что онъ, Пушкинъ, раскрылъ русскую душу. Конечно, для послѣдователей путь его труденъ; но если литература наша проигрываетъ количествомъ, то выигрываетъ качествомъ. Не много нашихъ произведеній идетъ на оцѣнку Европы, но въ этомъ немногомъ оригинальность наблюдательности, самобытный складъ мысли замѣчены и оцѣнены по достоинству. Теперь остается желать, чтобъ Россія производила поболѣе такихъ талантовъ, пожелать русскому уму поболѣе развитія, простора, а путь, по которому идти талантамъ, указанъ нашимъ великимъ поэтомъ. Я предлагаю тостъ за русскую литературу, которая пошла и идетъ по пути, указанному Пушкинымъ. Выпьемъ весело за вѣчное искуство, за литературную семью Пушкина, за русскихъ литераторовъ! Мы выпьемъ очень весело этотъ тостъ. Нынче на нашей улицѣ праздникъ!»

8 іюня состоялось второе торжественное засѣданіе общества любителей русской словесности. Вотъ какъ разсказано о немъ въ телеграмѣ кореспондента газеты «Новое Время»: «Сегодняшнее засѣданіе общества любителей россійской словесности открылось рѣчью г. Чаева; послѣ него читалъ г. Достоевскій. Многочисленная публика встрѣтила его восторженной оваціей. Онъ охарактеризовалъ Пушкина, какъ единственное по самобытности явленіе русскаго духа. Даже въ началѣ своей поэтической дѣятельности, Пушкинъ не былъ подражателемъ. Въ образѣ Алеко поэтъ возсоздаетъ движущуюся Русь, ищущую идеала всемірнаго счастья, ибо русскій человѣкъ ищетъ удовлетворенія только во всемірномъ счастьѣ. Эта бродячая сила сказывается теперь ненормальными явленіями, интелигенція бросается въ соціализмъ. Алеко идетъ къ цыганамъ, живущимъ безъ законовъ, любитъ дикую женщину, убиваетъ ее. Его гонятъ; ему говорятъ: «уйди отъ насъ, гордый человѣкъ». Это значило — «Смирись, праздный гордецъ, потрудись за родной народъ, пойми его». Въ Онѣгинѣ живетъ тотъ-же идеалъ. Г. Достоевскій даетъ блестящую характеристику Онѣгина и

Татьяны. Татьяна умнѣе Онѣгина; это лучшій типъ русской женщины, который потомъ почти не встрѣчается въ русской литературѣ, исключая развѣ Лизу Тургенева. Татьяна смѣла, но не измѣняетъ мужу, который ее любитъ. Развѣ можно основать свое счастье на несчастіи другихъ—это прекрасный русскій принципъ. Перебирая всѣ типы Пушкина, г. Достоевскій доказываетъ, что онъ создавалъ одинаково художественно русскіе и иностранные типы, и въ этомъ отношеніи Пушкинъ выше всѣхъ поэтовъ вселенной. Никогда никто не достигалъ такой ясности созиданія. Онъ перевоплощался въ чужую народность, возсоздавалъ ее, какъ свою. Перевоплощаться, не дѣлать различія между племенами, угадывать будущее всемірное братство—свойство русскаго человѣка. Пушкинъ былъ всечеловѣкъ и этимъ онъ народенъ, пророкъ возсоединенія, будущаго идеала, истолкователь русскаго сердца, которое стремится къ великой гармоніи и братству по Христовой заповѣди.

«Вотъ остовъ рѣчи, сказанной тономъ убѣжденнаго проповѣдника. Не разъ Достоевскаго прерывали шумными оваціями. Описать восторгъ слушателей невозможно. Крики, рукоплесканія, маханіе платками продолжались нѣсколько минутъ. Обнимаютъ Достоевскаго, члены общества единогласно провозглашаютъ его почетнымъ членомъ.

«Аксаковъ всходитъ на кафедру. Онъ называетъ рѣчь Достоевскаго событіемъ, геніальной. Вчера стоялъ вопросъ о народномъ значеніи Пушкина въ рѣчи Тургенева, сегодня онъ упраздненъ. Славянофилы и западники единодушно согласны. Аксаковъ отказывается читать свою рѣчь, написанную на туже тему, но убѣжденный Тургеневымъ и требованіями публики — читаетъ... Женщины подносятъ лавровый вѣнокъ Достоевскому.

«Среди этой чудесной оваціи всходитъ на кафедру Алексѣй Потѣхинъ и говоритъ, что памятникъ Пушкину—актъ гражданства литературы, атестатъ зрѣлости, выданный геніемъ Пушкина; онъ предлагаетъ собрать деньги на сооруженіе памятника Гоголю въ Москвѣ. Пусть Москва сдѣлается Пантеономъ русской литературной славы. Предложеніе встрѣчаетъ общее шумное одобреніе. Городской голова подписалъ тысячу рублей, Юрій Самаринъ триста, въ двѣ-три минуты собрано нѣсколько тысячъ. Возбужденіе необыкновенное, благодаря Достоевскому; праздникъ Пушкина знаменуетъ поворотъ въ національномъ сознаніи, въ литературѣ».

Въ этотъ день, въ 9 часовъ вечера, состоялся второй литературно-музыкальный пушкинскій вечеръ, при участіи всѣхъ собравшихся писателей, которые, въ заключительномъ апофеозѣ, одинъ за другимъ, возложили вѣнки на освѣщенный электрическимъ свѣтомъ бюстъ великаго поэта.

Этимъ вечеромъ закончилось чествованіе памяти Пушкина въ Москвѣ.

— **Ораніенбаумскій театръ.** (Замѣтка М Л). Новое произведеніе талантливаго автора «Маіорши», И. В. Шпажинскаго, драма «Поздній разцвѣтъ», поставленная на сценѣ ораніенбаумскаго театра для открытія спектаклей лѣтняго сезона, прошла съ успѣхомъ. Драма эта была напечатана мѣсяца 3 назадъ въ журналѣ «Дѣло» и разобрана критикою, какъ литературное произведеніе («Суфлеръ», №№ 29, 30, 31, 32). Вотъ вкратцѣ ея содержаніе. Бѣдная молодая дѣвушка находится подъ нравственнымъ давленіемъ матери, которая, желая ее скорѣе сбыть съ рукъ, хочетъ выдать замужъ за какого-нибудь богача. Между тѣмъ ее любитъ молодой человѣкъ, Бориспольскій, не имѣющій состоянія, вслѣдствіе чего и получаетъ «отставку». Дочь, Зинаида, выходитъ замужъ за нѣкоего старика Баршина; Бориспольскій тоже женится. Въ это время Зина сильно влюбляется въ Бориспольскаго, становится холодна къ мужу и когда, наконецъ, Бориспольскій говоритъ, что онъ ее не любитъ, то та приходитъ къ нему съ намѣреніемъ его убить. Стрѣляетъ въ него; но въ это время жена Бориспольскаго подталкиваетъ ея руку; она не попадаетъ и вновь возвращается къ мужу. Роль Зинаиды съ большимъ успѣхомъ исполнила г-жа Ермолова; артистка выказала много неподдѣльнаго чувства и роль провела съ увлеченіемъ. Ее нѣсколько разъ вызывали. Очень недуренъ былъ и г. Толченовъ въ роли Баршина. Благодаря впервые поставленной пьесѣ и участію М. Н. Ермоловой, публики на спектакль собралось много. Сборъ достигъ 500 рублей.

— **Пушкинскій вечеръ въ «Ливадіи».** Состоявшійся 6-го іюня въ загородномъ увеселительномъ заведеніи «Ливадія» вечеръ, посвященный памяти Пушкина, удался какъ нельзя лучше. Публики собралось весьма много. На возвышеніи былъ поставленъ бюстъ поэта; кромѣ того, на декораціи, выставленной въ саду, былъ изображенъ памятникъ поэта, открытый въ этотъ день въ Москвѣ. Въ саду оркестръ исполнилъ 4 пьесы: увертюру изъ оперы «Русланъ и Людмила», славянскую пляску изъ оперы «Русалка», прелюдію къ поэмѣ «Бахчисарайскій фонтанъ» и увертюру изъ оперы «Русалка». Въ театрѣ было исполнено: маршъ для духовыхъ инструментовъ, написанный на смерть А. С. Пушкина г. Порошинымъ, сцену у фонтана («Борисъ Годуновъ») прочли г. Градовъ-Соколовъ и г-жа Корсакова и т. д. Между прочимъ, оркестръ исполнилъ отрывокъ изъ новой оперы Г. А. Лишина «Графъ Нулинъ». Програма вечера была выполнена довольно удачно.

— **Павловскій театръ.** Въ спектакляхъ павловскаго театра будутъ принимать участіе гг. Глазуновъ, Каширинъ, Стрѣльскій, Толченовъ, Арскій, Правдинъ, Ленскій, г-жи Алексѣева, Бороздина, Волгина, Владимірова, Кузьмина и др. Спектакли открылись 8-го іюня.

— **Неизвѣстные промыслы.** I. (Арлекины. Искуственныя блестки въ супѣ. Мясо на прокатъ). Статья Прива д'Англемонъ. — Члены центральной комисіи собственниковъ и обывателей 12-го округа оказали мнѣ содѣйствіе своей опытностью и сопутствовали въ изслѣдованіи странностей, присущихъ исключительно этой части города. Но уже темнѣло; ночь быстро надвигалась; въ лавочкахъ догорали и чадили сальныя свѣчи, оплывая въ видѣ длинныхъ сталактитовъ. Мои спутники оставили меня Тогда я обратился къ одному изъ мѣстныхъ промышленниковъ, которыхъ я посѣтилъ утромъ, и тотъ согласился быть моимъ проводникомъ.

— Знаете-ли вы, спросилъ онъ, — чѣмъ питается часть этого населенія?

— Знаю, отвѣчалъ я, — порція говядины въ два су и овощей на 5 сантимовъ; слышалъ также разсказы о жребіи вилки и неизсякаемой струѣ супа.

— Да, но вы не знаете, что только рабочіе, имѣющіе работу, получаютъ блюдо въ два су; остальные-же продовольствуются у брильянтщика.

— Какъ у брильянтщика! Ужь не кормитъ-ли онъ ихъ супомъ изъ драгоцѣнныхъ перловъ, о которыхъ я такъ много сказокъ слышалъ въ дѣтствѣ?

— Нѣтъ: идите за мной и вы увидите. Постарайтесь только преодолѣть отвращеніе, чтобъ успѣшнѣе изучать. А въ разсказахъ вашихъ объ этомъ ограничьтесь изображеніемъ только того, что видѣли. Нѣтъ надобности преувеличивать тягости положенія этихъ несчастныхъ, чтобы вызвать состраданіе къ нимъ компетентныхъ лицъ.

Мы шли по одной изъ тѣхъ маленькихъ крутыхъ улицъ, которыхъ мостовая состоитъ изъ рядовъ камней, на подобіе лѣстницы. Улица постепенно возвышалась до Мон-Сентъ-Иларъ.

— Прежде всего пройдемся по окрестностямъ рынка. Вотъ тетка Мальяръ, брильянтщица, или продавщица арлекиновъ. Я не знаю, откуда взялось слово брильянтщикъ, но арлекинъ происходитъ отъ того, что всѣ блюда состоятъ изъ обрѣзковъ и кусочковъ, собранныхъ случайно, совершенно какъ платье бергамскаго гражданина. Видите, сколько тамъ этихъ кусочковъ и всѣ они продаются по одному су безразлично. И нѣтъ ничего страннаго въ этой дешевизнѣ. Дѣло въ томъ, что тетка Мальяръ заключила договоръ съ судомойщиками почти всѣхъ большихъ ресторановъ. Эти господа, обязанные торчать въ банѣ при жарѣ отъ 60° до 80° Ц., получаютъ обыкновенно 25 фр. жалованья въ мѣсяцъ; но благодаря остаткамъ, которые уже составляютъ ихъ собственность, у нихъ образуется до 400, до 500 фр. въ мѣсяцъ. Куски, собранные со всевозможныхъ тарелокъ, которые у этихъ дѣлъ мастеровъ называются остатками—сваливаются въ ведро. Это и есть то, что Мальяръ скупаетъ и изъ чего она составляетъ свои арлекины. Ведро стоитъ 3 фр. и чего тамъ только нѣтъ: и куры, и дичь съ трюфелями, и капуста и овсянки (ихъ также ѣдятъ въ Парижѣ). Жирная вода, кости, обрѣзки и мусоръ продаются отдѣльно. Жиръ въ маленькихъ боченкахъ сбывается шкалечникамъ для иллюминацій по 6 фр., цѣна вполнѣ установившаяся, какъ на пирожки. Но вотъ оборотная сторона медали. Судомойщики не могутъ заниматься своимъ ремесломъ болѣе 3-хъ лѣтъ. Они свариваются и кончаютъ тѣмъ, что вмѣсто крови по ихъ жиламъ течетъ вещество, похожее на клей, нѣчто въ родѣ смородиноваго сиропа. Атмосфера, которой дышатъ истопники на стекольномъ заводѣ—весна, въ сравненіи съ пекломъ этихъ несчастныхъ, худоба которыхъ, подобно худобѣ жокеевъ, по истинѣ замѣчательна. Мальяръ обработываетъ всѣ эти остатки. Она ихъ собираетъ, сортируетъ, очищаетъ и продаетъ людямъ достаточнымъ для домашняго скота, а бѣднымъ для ихъ собственнаго употребленія.

— Это грустно.

— Я съ вами согласенъ. А изъ костей вотъ что дѣлаютъ: прежде, чѣмъ попасть въ руки продавца чернаго мяса, токаря, или фабриканта пуговицъ онѣ перевариваются два, или три раза. Сперва мясникъ продаетъ по 4 франка за фунтъ въ придачу къ хорошей говядинѣ буржуазіи и въ большіе рестораны для бульона. Эти продаютъ ихъ съ уступкой трактирщикамъ 4-го разряда, которые варятъ изъ нихъ жирную похлебку для своихъ абонентовъ; отсюда кости препровождаются къ харчевникамъ, которые кладутъ ихъ въ горячую воду и съ помощью моркови, жаренаго лука, сженаго сахара и тому подобныхъ ингредіентовъ дѣлаютъ какую то бурду; но такъ какъ всѣ эти снадобья не даютъ любителямъ того, чего они ищутъ въ супѣ, а именно блестокъ, то одинъ ловкій спекуляторъ придумалъ способъ наводить блестки. Вотъ приблизительно какъ это дѣлается: въ извѣстное время дня, передъ самымъ приходомъ посѣтителей, кто-нибудь набираетъ въ ротъ рыбьяго жиру и, сжавъ губы, выдуваетъ его оттуда съ большимъ усиліемъ прямо въ котелъ, гдѣ и получаются столь любезныя потребителямъ блестки. Такіе наводильщики блестокъ чрезвычайно цѣнятся; въ харчевняхъ ихъ берутъ на расхватъ.

— Но это должно имѣть отвратительный вкусъ!

— Э, Боже мой! Вкусъ развивается практикой. Какъ вы хотите, чтобы люди, привыкшіе къ «арлекину» Мальярши и которымъ алкоголь притупилъ всякій вкусъ—были лакомками.

— Къ счастью, добавилъ я, — кажется, мясо, вывѣшенное на окнахъ въ харчевняхъ, довольно хорошо.

— Оно вывѣшено только для виду.

— Какъ для виду?

— Да, эти части говядины, телятины и баранины, которыя мы видимъ, увы!—взяты на прокатъ.

— Мясо на прокатъ! у кого и зачѣмъ?

— Чтобъ заманивать покупателей въ лавочку. Эти господа продаютъ мясное блюдо отъ 3 до 6 су. Могутъ-ли они при этомъ употреблять хорошіе сорта мяса. А между тѣмъ у васъ передъ глазами филе сочной, антрекотъ превосходной баранины. Еслибъ они пускали все это въ дѣло, они бы разорились. Они условливаются съ мясниками и тѣ за умѣренную плату даютъ имъ на прокатъ иногда цѣлыхъ быковъ, пока имъ самимъ не понадобится.

— Это, стало быть, одинъ изъ невѣдомыхъ промысловъ. — И не подозрѣвалъ о существованіи нанимателей говядины. Однако, когда мы были въ улицахъ Кло-Брюно и Траверсинъ, мы кое гдѣ видѣли, какъ кипѣли котлы.

— Да, я знаю; но это, конечно, были котлы съ обрѣзками и потрохами.

— Такъ, стало быть, предприниматели также бѣдны, какъ ихъ потребители.

— Нѣтъ, это не такъ: они много получаютъ денегъ и большинство изъ нихъ начало съ мѣднаго гроша, а теперь ведетъ счетъ луидорами. Всѣ четыре дочери Мальярши пристроены въ хорошихъ лавочкахъ. Мать ихъ имѣетъ побочныя заведенія во всѣхъ рынкахъ Парижа, гдѣ она оптомъ сбываетъ свой товаръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

— **Опытъ акклиматизаціи.** Лондонскій ботаническій садъ сдѣлалъ чрезвычайно интересные опыты разведенія китайскихъ фруктовъ и овощей, еще не акклиматизированныхъ въ Европѣ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 23-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 6 іюня въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 8 іюня въ 2 часа по полудни.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Привычка, стих. **С. Прюдома**, пер. **Д. Михаловскаго.**—Изъ Ады Кристенъ, стих. **Н. Гриднева.**—Стих. **Дм. Черткова.**—Изъ отдаленныхъ мѣстъ, повѣсть **М. А. Филипова.**—Русскія суевѣрія, очерки **С. С. Шашкова.**—Сумасшествіе отъ любви, повѣсть **Катюлля Мендеса**, пер. **М. А. Мелехиной.**—Пляски и танцы на Руси, истор.-біолог. очерки **Вл. Михневича.**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.

Рисунки: Бояринъ Орша, рис. **Земцова.**—Въ мастерской художника, карт. **К. Фрёшля.**—Цвѣты съ поля, карт. **Мейера.**—Плѣнные въ Венеціи, карт. **Л. Деллеани.**—Мученики христіанства, карт. **Бронникова.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 іюня 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Томъ I. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. Годъ VIII.

№ 25. За годъ съ пер. и дост.—7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ по 20 к. за нумеръ. За полгода—4 руб. 21 Іюня 1880 года.

Уединеніе.

Изъ Ламартина. **А. Шатохина.**

Случалось часто мнѣ садиться надъ горою
И солнечный закатъ съ зарею провожать,
Когда мой взоръ блуждалъ надъ нивой золотою
И раскрывалъ вдали сіяющую гладь.

Тутъ пѣнится потокъ съ шумящими волнами,
И вьется, и скользитъ, и прячется въ скалахъ,
Тамъ озеро блеститъ дремотными струями
И отражаетъ сводъ небесъ въ своихъ водахъ

На гребни горъ, кругомъ покрытые лѣсами,
Бросаетъ сумракъ свой послѣдній темный лучъ,
Царица тьмы ночей, царица надъ тѣнями
Летаетъ надъ землей съ толпою мелкихъ тучъ.

А между тѣмъ вдали звукъ колокола чудный
Весь наполняетъ міръ духовной красотой
И путникъ не спѣшитъ въ свой путь далекій, трудный,—
Въ раздумьи онъ стоитъ, поникнувъ головой.

Но я давно молчу предъ чудными красами,
Восторговъ я въ душѣ своей не нахожу,
Гробовъ согрѣть нельзя блестящими лучами,
На землю-жь я, какъ тѣнь бѣгущую, гляжу.

Напрасно я ищу чего-то межъ холмами,
На западъ, на востокъ напрасно я иду
И чувствую душой, и вижу я глазами,
Что счастья никогда во вѣкъ я не найду.

Слѣжу за солнцемъ я безъ цѣли, наслажденья,
Когда встаетъ съ зарей иль прячется оно,
Отъ дней своихъ не жду я больше утѣшенья...
Что солнце для меня? Не все-ли мнѣ равно?

Надъ всей землей оно въ величіи сіяетъ,
Но духъ находитъ мой одну лишь суету,
Не нужно мнѣ того, что солнце освѣщаетъ:
Оно откроетъ мнѣ вселенной нищету.

Но, можетъ быть, въ странахъ, гдѣ свѣта нѣтъ земного,
Гдѣ солнце ужь не то, гдѣ небеса не тѣ,
Нашелъ-бы счастье я, о чемъ мечталъ такъ много,
Оставивъ жалкій трупъ въ могильной темнотѣ.

Найду я тамъ святой источникъ упоеній,
Надежду и любовь я встрѣчу въ небесахъ
И идеалъ добра, душевныхъ наслажденій,
Котораго не зналъ въ подзвѣздныхъ я краяхъ.

Зачѣмъ-же улетѣть я не могу съ зарею
Подальше отъ земли, поближе къ небесамъ,
Зачѣмъ, какъ каторжникъ, живу я надъ землею
И жду разлуки съ ней нетерпѣливо самъ?

Когда завядшій листъ на землю упадетъ,—
Его вечерній вихрь уноситъ по полямъ;
О вѣтры! желтый листъ мой ликъ напоминаетъ,
Гоните, какъ его, меня вы къ облакамъ.

Изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Повѣсть **М. А. Филипова.**

(*Окончаніе.*)

ГЛАВА VII.

Изъ ссылки.

Прошло много лѣтъ, я переселился давно въ Петербургъ и бросился, подобно всѣмъ грѣшнымъ, въ водоворотъ жизни.

Общественные и общечеловѣческіе интересы поглотили всю мою дѣятельность, всѣ мои помышленія и чувства. Въ усиленномъ трудѣ и въ постоянной работѣ имѣлось мало времени даже для настоящаго, не только для прошедшаго. Притомъ время если не изглаживаетъ, то притупляетъ многое въ памяти, даже иногда самыя завѣтныя воспоминанія: и я, слабый смертный, поэтому совершенно забылъ даже о существованіи Саши.

Между тѣмъ, три года тому назадъ, я имѣлъ дѣло въ Одессѣ. Желѣзная дорога по курьерскому поѣзду варшавскаго пути доставила меня чрезъ Брестъ въ пятьдесятъ два часа въ Одессу.

Не смотря на быстроту ѣзды и скорую доставку меня къ мѣсту назначенія, я, однакожь, порядочно усталъ въ дорогѣ и потому сильно обрадовался, когда почувствовалъ себя въ Одессѣ въ петербургской гостинницѣ, на самомъ бульварѣ.

Номеръ мой выходилъ окнами на море и состоялъ изъ двухъ чистенькихъ комнатъ, прилично меблированныхъ.

Стоялъ іюль мѣсяцъ и зной былъ невыносимый; но въ открытыя окна проникалъ морской, свѣжій воздухъ и я почти не чувствовалъ жары.

Устроился я, такимъ образомъ, уютно и расположился отдыхать съ дороги съ большимъ комфортомъ тѣмъ болѣе, что гостинница имѣетъ отличный столъ и я могъ достать мѣстныя лакомыя блюда: скумбріи и камбалу.

Словомъ, я почувствовалъ себя если не въ магометовскомъ раю, то приблизительно къ этому.

Развѣ не рай подобная жизнь: утромъ, вставъ отъ сна, отправляешься выкупаться въ море и отсчитаешь внизъ двѣстипятьдесятъ ступеней по знаменитой лѣстницѣ. Выкупаешься въ 21° водѣ и отсчитываешь вверхъ тѣ-же двѣстипятьдесятъ ступеней при 30° зноѣ. Придешь домой и покажется тебѣ прохладно, хотя реомюръ показываетъ 25° въ тѣни; а на тебѣ нѣтъ нитки сухой. Принимаешь видъ легкаго неглиже и приказываешь человѣку принести прохладительнаго, т. е., основательную рюмку очищенной и порцію жареной камбалы. Насытившись, выпиваешь чашку кофе съ папиросой и затѣмъ облачаешься въ костюмъ изъ тончайшей матеріи и, вооружившись бѣлымъ шелковымъ зонтикомъ, выѣзжаешь хлопотать по дѣламъ. Въ четыре часа возвращаешься домой и снова принимаешь почти видъ Адама, такъ какъ на тебѣ нѣтъ нитки сухой и, отдохнувъ немного, велишь подать обѣдъ. Тебѣ подаютъ ботвинью, жареную рыбу, котлетку, циплята и мороженое. Вечеромъ отправляешься вновь купаться и съ купанья остаешься ужь на бульварѣ остывать, потому что снова на тебѣ нѣтъ нитки сухой.

Въ такомъ пріятномъ препровожденіи времени я жилъ въ Одессѣ и работалъ по своимъ дѣламъ.

Къ концу-же второй недѣли моего пребыванія въ столицѣ юга, я, по обыкновенію, ровно къ четыремъ часамъ по полудни возвратился домой.

Номерной лакей доложилъ мнѣ, что какой-то господинъ два раза въ моемъ отсутствіи заходилъ ко мнѣ, но фамиліи своей не хотѣлъ говорить.

Я раздѣлся и велѣлъ подать обѣдъ.

Человѣкъ удалился и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился. Онъ снова доложилъ о приходѣ неизвѣстнаго господина.

— Проси, сказалъ я и накинулъ на себя легкое пальто.

Вошелъ высокій человѣкъ съ окладистою бородою. Лицо и руки его были загорѣлыя. На немъ былъ пиджакъ; а панталоны изъ грубаго сукна вложены въ высокіе сапоги.

Онъ остановился у дверей.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Вы меня узнаете?

Я подошелъ къ нему.

— Рѣшительно не узнаю...

— Я... тотъ Саша...

При этомъ я его узналъ.

— Саша, воскликнулъ я, обнялъ и поцѣловалъ его. — Какъ ты попалъ въ Одессу? Садись, давно-ли ты здѣсь?

— Я вчера прибылъ въ городъ и завтра, а быть можетъ, даже сегодня я возвращусь домой...

— Откуда ты?

— Изъ западной Сибири: плелся сюда два съ половиною мѣсяца, то пѣшкомъ, то гужомъ водою по Дону.

— Для какой-же надобности ты пришелъ сюда...

— Побывать на родинѣ, на дорогихъ могилахъ... Это, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Хотѣлось и тебя повидать. Сроки мои давно окончились, я приписался къ мѣщанству, женился на казачкѣ, имѣю свое хозяйство, двухъ дѣтей: мальчика и дѣвочку. Нужно торопиться, чтобы успѣть къ уборкѣ хлѣбовъ, иначе зимою останешься на бобахъ.

Я позвонилъ и велѣлъ подать обѣдъ для двухъ. Намъ подали обѣдъ и за обѣдомъ я велъ съ Сашей самый оживленный и сердечный разговоръ.

— Откуда ты узналъ, что я въ Одессѣ спросилъ я.

— Ты догадаешься... я былъ на кладбищѣ и на могилѣ тети увидѣлъ вѣнокъ изъ свѣжихъ иммортелей... Ваня, вѣрно, въ Одессѣ, подумалъ я. Да и трава вся скошена вокругъ могилы и песочкомъ посыпано. Спрошу сторожа, какой это баринъ распоряжается здѣсь. Пошелъ къ сторожу, а онъ говоритъ мнѣ, что это заказывалъ пріѣзжій баринъ, который остановился въ «Петербургской гостинницѣ». Я и прибѣжалъ сюда.

— Скажи мнѣ, прервалъ я его,—встрѣчалъ-ли ты гдѣ-нибудь бывшаго твоего крѣпостного Грицко?

— Говорятъ, только гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда сойдется... я съ нимъ встрѣтился въ ссылкѣ: онъ попался въ воровствѣ со взломомъ въ Кіевѣ и съ подложнымъ паспортомъ и его тоже сослали въ Сибирь. За нимъ послѣдовала жена его, Зиновья.

— Такъ они кончили законнымъ бракомъ?

— Какъ-же: она обокрала моего любезнаго дядю и бѣжала въ Кіевъ къ Грицко, за котораго и вышла замужъ. Встрѣча моя съ нимъ была случайная. По приходѣ въ маленькій городъ Каинскъ, я тотчасъ-же отправленъ былъ въ больницу. Болѣзнь моя была серьезная: какъ кажется, изнурительная лихорадка. Я былъ довольно долго въ безпамятствѣ. Когда я очнулся, я увидѣлъ около своей постели господина въ больничномъ халатѣ, а на кровати моей сидѣла женщина. Приглядываюсь къ нимъ и, представь себѣ мое удивленіе: узнаю Грицко и Зиновью. Послѣдняя пришла навѣстить больного своего мужа и тотъ указалъ ей на меня; не смотря на болѣзнь мою, онъ узналъ меня. Нужно было видѣть, какъ они въ больницѣ ухаживали за мною, въ особенности — она; какъ отличную швею и прачку ее брали на расхватъ и она хорошо заработывала. Мнѣ она носила чай, кофе и варенье. Несчастье сближаетъ людей и они становятся сердечнѣе. По выходѣ изъ больницы, я нашелъ у нихъ пріютъ и почти годъ они меня содержали: я былъ сильно изнуренъ и къ тяжелому ручному труду, который и можно было только отыскать въ этомъ городишкѣ, я не могъ приступить. Когда-же силы мои возстановились, я началъ ходить съ Грицко на черную работу. Онъ помогалъ мнѣ или, лучше, дѣлалъ за двоихъ. Впослѣдствіи и я попривыкъ и работа пошла иначе. Втроемъ мы хорошо заработывали и устроились по немногу: купили корову, лошадку и повозку и сколотили маленькую избенку.

Но не повезло намъ въ этой избенкѣ: въ первую-же зиму она оказалась такою сырою, что со стѣнъ текло. Зиновья простудилась и чрезъ двѣ недѣли мы ее схоронили. Хозяйство наше стало расстраиваться: мы продали сначала корову, потомъ лошадку, а подъ конецъ и избенку. Между тѣмъ сроки нашей ссылки окончились, мы записались въ тамошніе мѣщане, взяли паспорты и пошли бродить по западной Сибири. Во время бродячей моей жизни я попалъ въ одну казачью станицу и тамъ съ Грицко мы нанялись къ зажиточному казаку въ батраки. Работали мы усердно и насъ хозяинъ полюбилъ, какъ людей трезвыхъ. Зажили мы у него припѣваючи. Полюбилась мнѣ его дочь, да хозяинъ и слышать не хотѣлъ; дочь моя, говорилъ онъ, казачка и выйдетъ за казака. За то дочь его Агафья была не прочь отъ брака со мною: мы съ нею частенько-таки гдѣ-нибудь за заборомъ перешептывались. Но сама судьба мнѣ благопріятствовала: хозяинъ мой поѣхалъ весною верхомъ на базаръ въ сосѣднее село, во время половодья и по обыкновенію хотѣлъ переплыть на лошади рѣченку. Но въ эту весну она была очень бурлива: она понесла лошадь по теченью. Та начала тонуть и увлекла съ собою моего хозяина. Оба утонули. Съ мѣсяцъ дочь его потосковала по отцѣ, а тамъ обвѣнчалась со мною. Богъ далъ намъ двухъ дѣтокъ. Грицко съ нами живетъ и работаетъ за десятерыхъ. Но пора проститься. Видѣлъ тебя и слава Богу, теперь умру спокойно. Съ могилы Анны Петровны взялъ земли и съ вѣнка иммортелей одинъ цвѣтокъ; я завернулъ то и другое въ тряпочку и повѣсилъ у себя на груди. Это будетъ гостинецъ моей женѣ...

— Другъ мой, сказалъ я, растроганный его простымъ разсказомъ,—я въ долгу у тебя, возьми у меня сто рублей для своихъ дѣтей...

— Что это ты, Ваня... обижать меня хочешь... вотъ фотографическую твою карточку я возьму съ удовольствіемъ.

— Къ счастью, у меня имѣются карточки: я здѣсь снимался. Возьми нѣсколько.

Я отсчиталъ ему полдюжины.

— Всѣмъ раздамъ въ моемъ семействѣ и Грицко получитъ: онъ часто разсказываетъ намъ о какой-то ночи, когда онъ хотѣлъ тебя ограбить и какъ его уничтожилъ шестнадцатилѣтній мальчикъ. Знатно, говоритъ онъ, огрѣлъ меня и теперь еще помню его трость. Ты—его идеалъ...

— Жаль, что грубая физическая сила сдѣлалась его идеаломъ...

— Нѣтъ, не говори. Въ его удивленіи видно вовсе другое: сознаніе твоего мужества и нравственнаго превосходства надъ нимъ. Когда Зиновья была жива и онъ все еще надѣялся имѣть дѣтей, онъ мечталъ о томъ, что сынъ у него будетъ такой, какъ Ваня, да и Ваней хотѣлъ онъ его назвать... Но я заболтался, мнѣ еще нужно кое-гдѣ побывать и поклониться въ послѣдній разъ всѣмъ церквямъ и кладбищу. До свиданья.

Онъ протянулъ мнѣ свою жилистую и огрубѣлую руку. Я обнялъ его. Мы оба расплакались. Онъ вынулъ платокъ, вытеръ слезы, молча пожалъ мнѣ руку и быстро вышелъ.

Я посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и подумалъ: кто изъ насъ лучше, тѣ-ли, которые живутъ по сю сторону Урала или—по ту сторону.

Судъ небесный въ этомъ случаѣ лучше разрѣшитъ этотъ вопросъ, чѣмъ наши порядки и нашъ общественный строй.

Сумасшествіе отъ любви.

Повѣсть **Катюлля Мендеса**. Переводъ **М. А. Мелехиной**.

(Окончаніе.)

Иногда онъ ловилъ себя на томъ, что слишкомъ долго и слишкомъ пристально смотрѣлъ на сына. «Что я, говорилъ онъ тогда, мнѣ кажется, я начинаю терять разсудокъ. Какой мерзавецъ этотъ Пишаръ!»

И онъ смѣялся до упаду.

— Да, наконецъ, что-же у тебя такое? спрашивала его госпожа Шарлери.

— У меня моя жена и мой сынъ!

И онъ былъ очень доволенъ.

Это былъ послѣдній день полнаго счастья для него. Дурная мысль осталась въ немъ. Вначалѣ она возвращалась къ нему только послѣ долгихъ промежутковъ; зло было тогда еще перемежающимся. Но эти повторенія, хотя и не частыя, отравляли и тѣ минуты, когда онъ вовсе не думалъ объ этомъ. Онъ сталъ менѣе разговорчивъ, рѣже игралъ съ Фердинандомъ, иногда вечеромъ, передъ сномъ, забывалъ поцѣловать госпожу Шарлери.

— Какой ты сдѣлался серьезный, говорила ему жена.

— Я начинаю старѣть, отвѣчалъ онъ.

А между тѣмъ ему было всего только сорокъ лѣтъ.

Самъ онъ, по правдѣ сказать, никакъ не думалъ, что какая-нибудь мысль могла такъ сильно вліять на человѣка, и онъ былъ совершенно искрененъ, когда говорилъ, что сдѣлался серьезенъ, потому что состарѣлся. Когда на него находило то, что онъ называлъ «дурачествомъ», то оно ему надоѣдало, а не пугало его; онъ говорилъ себѣ: «не стоитъ объ этомъ думать», и ему казалось, что больше онъ думать объ этомъ и не будетъ.

До сихъ поръ онъ еще не усвоилъ себѣ эту мысль. Она всецѣло принадлежала Раймонду Пишару, отъ котораго онъ ее впервые услышалъ, а отвращеніе, внушаемое ему его старымъ товарищемъ, еще съ большей силой помогало ему сопротивляться бѣсовскому навожденію, первый виновникъ котораго былъ Пишаръ. Онъ часто повторялъ себѣ: «Лгунъ могъ сказать только одну ложь. Ему хотѣлось меня огорчить; но я не такой идіотъ, чтобы доставить ему удовольствіе и сдѣлаться изъ-за него несчастнымъ. То, что онъ мнѣ поразсказалъ, не имѣетъ здраваго смысла. Нѣтъ, это невозможно, чтобы Фердинандъ былъ похожъ на господина Фовеля; я надѣюсь, знаю побольше, чѣмъ охотники. Да и, наконецъ, я не вижу въ этомъ ничего дурного? Даже если-бы Фердинандъ дѣйствительно походилъ на господина Фовеля—вѣшаться тутъ все-таки не изъ чего. Развѣ это можетъ помѣшать моей женѣ — быть моей женой, а моему сыну — быть моимъ сыномъ? Онъ былъ очень хорошій человѣкъ, первый мужъ моей жены; да и потомъ, онъ совсѣмъ на него не похожъ, ничуть не похожъ; я это очень хорошо знаю, потому что онъ весь въ Клементину!»

Онъ уже болѣе не называлъ жену Фердинандой.

Впрочемъ, онъ не переставалъ быть сердеченъ къ женѣ, нѣженъ къ сыну. Повидимому, онъ былъ все тѣмъ-же человѣкомъ, но только немного посерьезнѣе. Госпожа Шарлери не замѣчала тѣхъ взглядовъ, какіе онъ иногда украдкой бросалъ на Фердинанда.

Однажды въ воскресенье онъ остался дома; госпожа Шарлери, входя въ залу для того, чтобы сказать ему, что она хочетъ навѣстить одну изъ своихъ подругъ, застала его поспѣшно запирающимъ шкафъ.

— Что ты искалъ? спросила она его.

— Ничего, книгу, отвѣтилъ онъ.

Онъ покраснѣлъ, потому что солгалъ. Но она не замѣтила его замѣшательства и, уже готовая уйдти, подставила ему свой лобъ для поцѣлуя.

— Ты берешь съ собою Фердинанда?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше.

— Почему-же?

— Потому что мы будемъ вмѣстѣ играть.

Она улыбнулась ему на это и вышла.

Симеонъ искалъ совсѣмъ не книгу. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ когда-то, самъ того не помня гдѣ, портретъ господина Фовеля. Ему захотѣлось снова посмотрѣть на него. Онъ очень хорошо помнилъ черты своего стараго начальника и былъ убѣжденъ, что между нимъ и Фердинандомъ не было ни малѣйшаго сходства; тѣмъ не менѣе ему хотѣлось еще въ этомъ убѣдиться. Такимъ образомъ, онъ уже нуждался въ доказательствахъ. Но гдѣ-же могъ быть этотъ портретъ? Онъ пошарилъ во всѣхъ углахъ, но безуспѣшно, спросилъ прислугу:

— Магдалина, вы не видали картинки въ черной рамкѣ?

Онъ не смѣлъ сказать: портрета.

— Что на вашей картинкѣ нарисовано то было?

— Старый господинъ въ орденахъ.

Онъ не смѣлъ назвать господина Фовеля, котораго однако знала Магдалина.

— Нѣтъ, не видала, отвѣтила Магдалина.

И она вернулась къ своей печи.

— Ты ищешь портретъ папаши Фовеля? спросилъ Фердинандъ, игравшій на коврѣ въ углу залы.

— Что такое? Что ты говоришь? Что это за папаша Фовель? воскликнулъ Симеонъ, быстро подбѣгая къ сыну.

— Папаша Фовель, ты очень хорошо знаешь—это мамашинъ мужъ.

Симеонъ опустился въ кресло; на лицѣ его выступилъ потъ. Онъ помнилъ, что самъ нѣкогда имѣлъ обыкновеніе говорить «папаша Фовель», что ребенокъ повторялъ только слышанное имъ; но не смотря на это, эти немногія слова перевернули всю его внутренность и онъ вскричалъ.

— Мнѣ непремѣнно нужно отыскать этотъ портретъ!

— Онъ въ моей комнатѣ, на полкѣ, что надъ постелью, сказалъ ребенокъ;—онъ, вѣрно, порядочно тамъ соскучился, повернутый лицомъ къ стѣнѣ.

Нѣсколько секундъ спустя, Симеонъ Шарлери, сидя на коврѣ передъ окномъ одной рукой держалъ сына, другой—портретъ господина Фовеля.

— Никакого отношенія, никакого... Ахъ! ахъ! развѣ у моего Фердинанда носъ круглый, какъ картошка! Нисколько. Дай, сынокъ, я тебя поцѣлую въ носикъ. Фердинандъ блондинъ, впрочемъ. Мерзавецъ, этотъ Пишаръ. А этотъ ротъ! ни малѣйшаго сходства, ни, ни!

Взглядъ Симеона не переставалъ переходить отъ желтаго лица портрета къ розовому личику Фердинанда.

— Въ формѣ глазъ, можетъ быть, есть что-нибудь. Цвѣтъ глазъ, напримѣръ, другой. У моего сына глаза голубые, какъ у Клементины, а глаза портрета... Ахъ! да что это, точно будто на портретѣ глаза тоже голубые. Нѣтъ, это обманчивость свѣта. Я помню, что у господина Фовеля были сѣрые глаза. Относительно лба я не знаю, что думать. Эти выпуклости надъ бровями, есть-ли онѣ у Фердинанда? Да, онѣ у него есть! Странно, только что я не находилъ никакого сходства, а теперь, вглядываясь...

Бѣдняга по мѣрѣ того, какъ онъ все больше и больше смотрѣлъ, кончилъ, наконецъ, тѣмъ, что ничего уже болѣе не видѣлъ.

— Да я сумасшедшій! Я сумасшедшій! воскликнулъ онъ, схватившись вдругъ за голову обѣими руками; затѣмъ, прижавъ сына къ груди, долго рыдалъ, спрятавъ лицо въ волосы изумленнаго ребенка.

Прошло три мѣсяца. Симеонъ худѣлъ; у него уже не было больше того пухлаго и кроткаго лица, на которомъ никакія заботы не успѣли еще оставить морщинъ. Съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался молчаливъ; дошелъ, наконецъ, до того, что и вовсе перестал говорить. Госпожа Шарлери подмѣтила, наконецъ, тотъ странный, почти злой взглядъ, какой онъ иногда устремлялъ на Фердинанда. Спалъ онъ дурно и приказалъ себѣ поставить постель въ залѣ. Однажды, ночью, госпожа Шарлери услышала за перегородкой, какъ онъ плакалъ и нѣсколько разъ повторялъ: «Поразительно! поразительно!» Она встала и побѣжала къ нему. Симеонъ въ одной рубашкѣ ходилъ большими шагами по комнатѣ. Какъ только онъ ее замѣтилъ, тотчасъ-же бросился въ одинъ уголъ залы и всталъ, какъ бы желая прикрыть собою что-то четырехугольное, приставленное къ стѣнѣ.

— Поди прочь! Поди прочь! закричалъ онъ;— да поди-же прочь, мадамъ Фовель!

Бѣдная женщина испугалась. Первый разъ онъ заговорилъ съ нею такъ грубо.

— Зачѣмъ ты меня называешь мадамъ Фовель? сказала она, заплакавъ.

Онъ подбѣжалъ къ ней и обнялъ ее.

— Клементина! я злой! Фердинанда, прости меня!

Она успокоилась, думая, что онъ теперь выздоровѣлъ; но на слѣдующій день онъ не произнесъ ни одного слова во весь день.

Постоянная мысль въ этомъ неясномъ и тихомъ умѣ подобна большому пауку, попавшему въ лужицу; послѣдній старается выкарабкаться изъ воды, путается и, наконецъ, тонетъ.

Случились новыя несчастья. Однажды госпожа Шарлери распечатала, не обративъ вниманія на адресъ, письмо, адресованное къ мужу. Письмо это было отъ министра. Симеона извѣщали, что вслѣдствіе его, вначалѣ рѣдкаго, а затѣмъ постояннаго отсутствія, вынуждены замѣнить его другимъ. Въ то время какъ госпожа Шарлери, какъ громомъ пораженная, дочитывала письмо, она услышала на лѣстницѣ шаги своего мужа, бросилась къ двери и быстро отворила ее.

— Правда-ли это? спросила она, показывая ему письмо.

Симеонъ страшно поблѣднѣлъ; онъ не смѣлъ сказать ни да, ни нѣтъ, руки и ноги у него дрожали, онъ спустился съ лѣстницы, выбѣжалъ на улицу и воротился домой только тогда, когда надѣялся, что жена его уже легла спать и заснула.

Давно, дѣйствительно, Симеонъ почти совсѣмъ перестал ходить въ бюро. Сидя неподвижно за своимъ столомъ, онъ не имѣлъ болѣе силъ бороться съ мрачными мыслями, которыя въ немъ все глубже и глубже пускали свои корни. На ходьбѣ онъ менѣе думалъ и оттого менѣе страдалъ.

Послѣ отставки, онъ мало оставался дома, потому что боялся упрековъ жены; безцѣльныя прогулки изъ одного конца города въ другой занимали у него весь день. Онъ все шелъ по прямому направленію, наталкивался на прохожихъ, избѣгая экипажей только инстинктивно. Онъ шевелилъ губами и тихо говорилъ про себя: «Это не мой сынъ. У меня нѣтъ сына. Это сынъ того—другого!» Одинъ разъ вѣтеръ снесъ у него шляпу съ головы; онъ не замѣтилъ даже, что голова его была непокрыта. «Я никогда бы не повѣрилъ, что это возможно, но это правда. Ученые должны умѣть объяснить это. Вчера особенно онъ страшно на него походилъ. Когда онъ подошелъ меня поцѣловать, мнѣ стало страшно». Чувство, которое имъ овладѣло, было ему непонятно. Онъ не понималъ хорошенько, почему это сходство мучило его, но все-таки мучался. Когда вечеромъ онъ возвращался домой, то пробирался, крадучись, въ надеждѣ, что его не замѣтятъ и старался проскользнуть въ зало, гдѣ стояла его постель, такъ, чтобы никто его не увидѣлъ. Но госпожа Шарлери подстерегала его.

— Послушай, Симеонъ, скажи мнѣ: ты боленъ, что съ тобой?

Онъ отвѣчалъ.

— Да, да, у меня мигрень, но это пройдетъ.

И начиналъ ходить большими шагами по комнатѣ. Жена приставала.

— Не желаешь-ли посмотрѣть на Фердинанда, прежде чѣмъ отправишься спать?

Онъ ускорялъ шаги и говорилъ:

— Я его вижу! Я его постоянно вижу!

Или-же вдругъ останавливался и разражался слезами. Когда онъ плакалъ, то чувствовалъ себя менѣе несчастнымъ.

Вскорѣ всѣ деньги вышли и у нихъ ничего не было. Они жили жалованьемъ Симеона; потерявъ мѣсто, онъ остался безъ всякихъ средствъ. Госпожа Шарлери пробовала увѣщевать.

— Тебѣ бы слѣдовало, говорила она,—отправиться къ министру.

Онъ ей отвѣчалъ:

— Если бы господинъ Фовель былъ живъ, онъ бы представилъ меня.

Бѣдная женщина хотя она и очень далека была отъ подозрѣнія настоящаго рода болѣзни Симеона, почувствовала въ этомъ отвѣтѣ нѣчто, дѣлавшее всякое возраженіе безполезнымъ. Она замолчала и покорилась. Впрочемъ, она испытывала передъ мужемъ тотъ родъ удивленія, какой внушаютъ сумасшедшіе и который гораздо ближе къ восхищенію, нежели это обыкновенно думаютъ. Оригинальность Симеона ее поражала гораздо болѣе, нежели его непорочность и добродушіе. Она становилась молчаливою. Въ обществѣ отца, который молчалъ, и матери, которая говорила мало, и ребенокъ сдѣлался несообщителенъ. Эта семья нѣкогда веселая, теперь сдѣлалась печальной.

Всѣ трое двигались, входили, выходили, не глядя другъ на друга. Фердинандъ обыкновенно забивался подъ столъ и не двигался съ мѣста, особенно въ присутствіи отца. Онъ инстиктивно понималъ, что въ присутствіи отца ему слѣдовало какъ можно меньше напоминать о себѣ. Имъ пришлось отказать Магдалинѣ, потому что не чѣмъ было платить ей. Въ той улицѣ, гдѣ они жили, находилось отдѣленіе ломбарда. Сосѣди видѣли, какъ мадамъ Шарлери исчезала въ длинныхъ коридорахъ, на которые прежде и смотрѣла-то украдкой. Въ короткое время шкафы опустѣли. Однажды госпожа Шарлери вынесла подъ шалью довольно объемистый и рельефно выдававшійся предметъ — это были бронзовые, позолоченые часы съ цѣлующимися голубками.

Симеонъ не замѣтилъ исчезновенія даже и этого нѣкогда столь любимаго имъ предмета, который долгое время казался ему символомъ его счастья. Онъ равнодушно присутствовалъ при разореніи того, что составляло его гордость и радость. Онъ не замѣчалъ, что мебель постепенно исчезала изъ квартиры, что на мадамъ Шарлери было некрасивое, темное, мультановое съ клѣтками платье, на ней, прежде такой кокетливой и нарядной, и что у Фердинанда, котораго онъ болѣе не наряжалъ въ костюмъ зуава, панталоны на колѣнкахъ были порваны и никто ихъ не чинилъ. Самъ онъ, прежде такъ много заботившійся о своемъ туалетѣ, былъ одѣтъ бѣдно; на немъ былъ лѣтній костюмъ, порванный и грязный, въ которомъ онъ ходилъ и въ зимній дождь. Онъ не брился уже съ четыре мѣсяца. Эта борода, которую онъ отпустилъ въ первый разъ въ жизни и которая начинала сѣдѣть, его жесткіе и безпорядочные волосы, его глаза, прежде такіе кроткіе, теперь устремленные на одну точку и дико смотрѣвшіе, его впалыя щеки, пожелтѣвшія отъ желчи, — все придавало ему видъ, который пугалъ госпожу Шарлери.

Кромѣ того онъ становился грубъ. Однажды, безъ всякой причины пристально посмотрѣвъ на Фердинанда, онъ взялъ его одной рукой за плечо, а другой — далъ ему пощечину. Приближался кризисъ нравственной болѣзни Симеона. Одно только крайне удивило госпожу Шарлери: одинъ разъ отыскивая двѣ простыни, которыя она намѣревалась продать, она нашла портретъ господина Фовеля, весь изодранный, изрѣзанный на кусочки; ей показались даже слѣды зубовъ на болтавшихся лохмотьяхъ. Сначала это ее безпокоило, но потомъ она равнодушно замѣтила: «это сдѣлали крысы».

Однажды, утромъ, они получили письмо, въ которомъ ихъ приглашали на обѣдъ.

— Мы не пойдемъ, сказала госпожа Шарлери.

Симеонъ весь день не выходилъ изъ дому и

все время сидѣлъ передъ потухшимъ каминомъ и, повидимому, былъ погруженъ въ глубокое размышленіе. Наступилъ вечеръ.

— Ну, что-жь, ѣдемъ, сказалъ онъ и прибавилъ: — это мои старые друзья; я тамъ встрѣчу одну особу, которая мнѣ обѣщала мѣсто.

Эти слова заставили госпожу Шарлери рѣшиться; она въ первую минуту повѣрила, что ея мужъ стыдился своего бездѣйствія. Она сочинила себѣ туалетъ изъ стараго тряпья, которое не приняли въ ломбардѣ; но, когда она принялась одѣвать Фердинанда, Симеонъ сказалъ ей:

— Не нужно, люди, къ которымъ мы идемъ, не любятъ дѣтей.

— Есть-же люди, сказала она, — которые не любятъ дѣтей!

— Да, и которые имѣютъ на то свои причины.

Фердинандъ далъ себя уложить безъ сопротивленія. Скука, среди которой онъ прозябалъ, до такой степени забила въ немъ живость, что онъ и представить себѣ не могъ праздника — обѣдать въ гостяхъ.

За столомъ Шарлери былъ странно веселъ. Онъ ѣлъ, пилъ, улыбался своей сосѣдкѣ и даже сказалъ какой-то каламбуръ. За десертомъ онъ предложилъ спѣть пѣсенку. Госпожа Шарлери не знала, что и думать.

— Дѣло, кажется, хорошо идетъ? спросила она его, когда встали изъ-за стола.

— О, да, очень хорошо, превосходно!

Онъ подошелъ къ хозяйкѣ дома, объявилъ ей, что ему необходимо отлучиться на короткое время, что онъ не замедлитъ вернуться къ десяти часамъ и проситъ его извинить. Жена смотрѣла на него съ удивленіемъ. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ:

— Подожди меня.

И онъ вышелъ, насвистывая какой-то танецъ.

По улицѣ онъ шелъ разухабисто, какъ кутила, вышедшій изъ-за стола. «У нихъ отличныя вина въ домѣ», говорилъ онъ самъ себѣ. Шляпа его была на бекрень и онъ помахивалъ тростью. Въ походкѣ его замѣчалось нѣкоторое сходство съ походкой его стараго товарища, Раймонда Пишара. Онъ дошелъ до бульвара и, улыбаясь, смѣшался съ прохожими. Мимо него прошла женщина; онъ остановился, чтобы посмотрѣть на нее и подумалъ: «хе, хе, нужно-же мнѣ повеселиться». Дѣйствительно, онъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Онъ, кажется, рѣшился поразвлечься. Вошелъ въ кафе и, на вопросъ мальчика: «Что прикажете, баринъ?» отвѣтилъ: «Дайте мнѣ самого, что ни на есть крѣпкаго напитка». Мальчикъ удивился. Шарлери разразился громкимъ смѣхомъ.

— Ну, подумалъ мальчикъ,—этотъ не зараженъ меланхоліей.

Ему подали стаканъ рому.

— Самое лучшее, сказалъ онъ самъ себѣ, — это рѣшиться на что-нибудь. Отчаяваться всю свою жизнь ни къ чему не поведетъ. Нужно покончить съ тѣмъ, что вамъ надоѣдаетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился, я веселъ, какъ зябликъ. Толочь воду безразсудно. Раймондъ Пишаръ не развилъ-бы себѣ желчи, какъ я. Раймондъ Пишаръ, вотъ такъ умная голова.

Выпивъ рюмку рому, онъ вспомнилъ, что ему нечѣмъ было заплатить за нее: не то, чтобы онъ позабылъ или потерялъ свой кошелекъ, но у него денегъ вовсе не было въ домѣ уже цѣлые сутки.

— О! о! это будетъ очень забавно; я начну спорить съ мальчикомъ, пошлютъ за полицейскимъ и полицейскій поведетъ меня въ участокъ. Это ужасно смѣшно—участокъ!

Онъ началъ смѣяться такъ громко и такъ шумно, что рыжая дѣвушка, сидѣвшая возлѣ него, сказала ему, желая вступить съ нимъ въ разговоръ: «Вы очень веселы, господинъ?» Онъ не отвѣтилъ, у него блеснула мысль. Онъ воспользовался той минутой, когда мальчикъ, подававшій ему, былъ занятъ въ другой комнатѣ, открылъ дверь и бросился бѣжать, смѣясь, какъ сумасшедшій.

— Славная штука! Бьюсь объ закладъ, Раймондъ Пишаръ остался-бы мною доволенъ. Вотъ попадется-то мальчикъ, когда замѣтитъ, что меня уже нѣтъ. То, что я выпилъ, должно стоить, по крайней мѣрѣ, десять су. Это было очень вкусно. Я укралъ десять су, это очень смѣшно!

Когда онъ довольно удалился, то перестал бѣжать.

— Теперь, продолжалъ онъ,—нужно подумать о серьезныхъ дѣлахъ. Я веселюсь, веселюсь въ залогъ! Но я буду сейчасъ гораздо болѣе доволенъ

Онъ осмотрѣлся и затѣмъ пошелъ по улицѣ Ришелье. Онъ шелъ и громко разговаривалъ.

— Я твердо рѣшился сдѣлать себя счастливымъ. До сихъ поръ я былъ дуракъ и Пишаръ былъ правъ. Семейная жизнь прежде всего—скучна. Я буду заработывать деньги, посѣщать театръ, заведу себѣ любовницу. Должно быть, очень весело ужинать въ ресторанахъ; я буду ужинать. Нужно мнѣ постараться отыскать Пишара, когда онъ вернется изъ Америки. Мы будемъ вмѣстѣ проказничать. Было-бы чѣмъ вспомянуть молодость.

Онъ дошелъ, наконецъ, до дому и вошелъ въ него. Дверь въ дворницкую была открыта и онъ увидалъ дворничиху, угощавшуюся вмѣстѣ со своими сосѣдками каштанами, которые онѣ запивали бѣлымъ виномъ.

— Здравствуйте, сударыня, сказалъ онъ;—у васъ вечеръ, на сколько я вижу. Это очень хорошо. Ничего не можетъ быть дурного въ томъ, что вы желаете повеселиться. Вѣчно хмурые люди — дураки. Вотъ хорошіе каштаны, я вамъ скажу.

— Они къ вашимъ услугамъ, господинъ Шарлери.

— Я не откажусь. Цвѣтъ ихъ прельщаетъ меня.

— Вы не откажетесь также и отъ стакана вина?

— Нѣтъ, отчего-же?

— Браво! прибавилъ онъ, опорожнивая предложенный ему стаканъ вина,—у васъ хорошее вино!

Потомъ онъ ихъ оставилъ и, поднимаясь къ себѣ въ четвертый этажъ, все время напѣвалъ: Gai! gai! la Faridonde. Онъ вошелъ въ свою квартиру, заперъ дверь за собой и зажегъ маленькую лампочку, стоявшую на столѣ въ передней.

— Уже давно, говорилъ онъ,—я не былъ такъ веселъ, воротившись домой.

Онъ имѣлъ, дѣйствительно, чрезвычайно довольный видъ. Глаза его сильно блестѣли. Онъ дѣлалъ тысячу ненужныхъ жестовъ, какъ дѣти, когда они шалятъ; еще немного и онъ поскакалъ-бы на одной ножкѣ. Чтобы дойдти до залы, въ которой онъ спалъ, ему нужно было пройдти черезъ столовую; въ ней онъ остановился на минутку, поискалъ что-то въ буфетѣ—вина, можетъ быть—и затѣмъ отправился дальше. Онъ пѣлъ:

Tant qu'on le pourra
Larirette
L'on se damnera
Larira.

На радости онъ старался припомнить всѣ пѣсни, какія только когда-либо слышалъ. Но онъ не дошелъ до залы. Не выпуская изъ рукъ лампы, онъ открылъ дверь въ комнату, въ которой спалъ его сынъ. Это была длинная комната въ одно окно, выходившее на дворъ; онъ вошелъ въ нее и подошелъ къ кроваткѣ, которая была едва-ли больше люльки. Ребенокъ спалъ; его бѣлокурые, длинные волосы лежали въ безпорядкѣ на подушкѣ.

— Что за прелесть спящій ребенокъ! Я всегда обожалъ дѣтей. Я уже самъ давно не спалъ, но теперь-то я ужь буду спать... Однако, нечего терять времени, потому что мнѣ кажется, что я уже начинаю хотѣть спать...

Онъ подошелъ еще ближе къ кроваткѣ и, все еще держа лампу въ одной рукѣ, другой рукой снялъ съ Фердинанда одѣяльце.

Маленькая, худая и блѣдная грудка его обнажилась.

— Какая у него бѣлая кожа, сказалъ онъ.

И онъ нагнулся, конечно, съ тѣмъ, чтобы поцѣловать сына. Онъ вынулъ изъ кармана что-то, что держалъ въ рукѣ,—это былъ столовый ножъ.

— Ты понимаешь, маленькій Фовель, мнѣ очень жаль доходить до этой крайности, но, наконецъ, я не вижу другого исхода. Я уже довольно долго страдалъ. Это совсѣмъ непріятно, видишь-ли, дать жизнь ребенку, который потомъ оказывается ребенкомъ другого, именно того другого, который до васъ... Но ты еще слишкомъ малъ, чтобы это понять; къ тому-же я тебѣ это очень дурно объясняю. Если-бы Раймондъ Пишаръ былъ здѣсь, онъ-бы объяснилъ тебѣ это... Вѣрно только то, что съ этимъ нужно покончить. Я хочу воротить себѣ сонъ и начать веселиться. Пока ты здѣсь, это невозможно. Мнѣ это очень жаль, потому что я тебя очень люблю. О! о! кто это будетъ завтра крѣпко, крѣпко спать? Кто не будетъ откликаться, когда его будутъ звать на завтракъ? Маленькій Фовель!

И Симеонъ съ блестящимъ взоромъ, лукавой улыбкой, медленно опускалъ ножъ на блѣдную грудь ребенка,

— Шарлери! Шарлери, ты дома? Гдѣ ты?

Не дождавшись своего мужа, госпожа Шарлери вернулась домой одна. Волнуемая какимъ-то неопредѣленнымъ безпокойствомъ, она быстро прошла въ столовую и вошла въ комнату Фердинанда. Симеонъ повернулся, заслышавъ шумъ. Лицо его вдругъ покрылось мертвенной блѣдностью; выпучивъ глаза и разинувъ ротъ, онъ глупо смотрѣлъ на жену.

— Что ты тамъ дѣлаешь? спросила она, объятая ужасомъ.

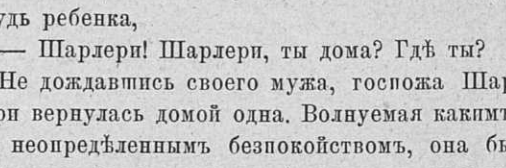
Тогда ему сдѣлалось страшно и онъ началъ издавать слабые крики ужаса, затѣмъ, какъ животное, пойманное въ норѣ, сталъ бѣгать изъ угла въ уголъ по комнатѣ, ища выхода. Ребенокъ проснулся. Это въ конецъ испугало Шарлери.

— Фовель! Фовель! закричалъ онъ.

Онъ подбѣжалъ къ окну, быстро отворилъ его и однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ него на дворъ, продолжая держать въ одной рукѣ лампу.

Нѣсколько минутъ спустя, когда сбѣжавшіеся на крики госпожи Шарлери, сосѣди отправились поднимать его съ мостовой двора, онъ былъ уже мертвъ.

Слава Богу!



ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г. ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

КАРТИНА МЯСОѢДОВА.

Свиданіе.

Рѣзалъ на деревѣ А. Зубчаниновъ.

Театральное дѣло во Франціи.

(Замѣтки очевидца *).

I.

Урокъ въ консерваторіи.

Существуетъ ходячее мнѣніе, будто каждый французъ родится актеромъ. Мнѣніе это далеко неточно и неудовлетворительно, потому что если правда, что французы обладаютъ большими сценическими способностями, то вмѣстѣ съ тѣмъ они проходятъ самую тщательную школу и, благодаря ей достигаютъ того совершенства, которому мы привыкли удивляться въ нихъ. Никто не можетъ имѣть понятія объ основательности этого подготовительнаго процеса, кто незнакомъ хотя сколько-нибудь съ французскою консерваторіею, этимъ университетомъ сценическаго искуства, въ которомъ самые знаменитые актеры и музыканты состоятъ преподавателями. Люди, находящіеся на верху славы, сознаютъ, что они какъ-бы обязаны пожертвовать частью своего времени молодежи; благодаря этому сознанію, извѣстный живописецъ будетъ терять еженедѣльно нѣсколько драгоцѣнныхъ часовъ дня, чтобы въ École des Beaux Arts обучать неумѣлыя руки элементамъ живописи, а Го, наигравшись до полуночи, добровольно лишитъ себя на другой день утренняго сна, чтобы заняться своимъ класомъ въ Faubourg Poissonnière.

Вообразимъ себѣ, что мы принадлежимъ къ этому класу. Мы должны быть на мѣстѣ акуратно въ 10 часовъ утра. Дворъ, чрезъ который приходится проходить, пустъ и голъ и имѣетъ какой-то дѣловой характеръ. Пріемная достигла совершенства въ простотѣ и рядомъ и съ нею сарай могъ бы показаться нарядной постройкой. Вокругъ стѣнъ тянется деревянная скамья и составляетъ все убранство. Это пріемная для мужчинъ; женская пріемная находится въ другой части зданія. Система раздѣленія половъ во всемъ, не относящемся прямо до работъ въ класѣ, строго соблюдается въ консерваторіи. Большинство ученицъ состоитъ изъ незамужнихъ женщинъ и французскія понятія о необходимости ихъ обособленія отъ мужчинъ поразительно строги. Въ комнатѣ уже находятся 2 или 3 молодыхъ человѣка. Одинъ изъ нихъ, со скрипкою подъ мышкой, ожидаетъ начала музыкальнаго класа; другой, гордо закинувшій назадъ голову, безъ сомнѣнія, великій теноръ будущаго; третій, завернутый въ потертый плащъ и съ длинными волосами, такъ и просящимися подъ ножницы, ученикъ драматическаго отдѣла. Вскорѣ къ нему присоединяются еще нѣсколько человѣкъ и съ послѣднимъ ударомъ 10 часовъ они видятъ идущаго по двору господина лѣтъ 50, съ спокойной наружностью и нѣсколько длиннымъ носомъ. Всѣ устремляются вслѣдъ за нимъ. Это Го, быть можетъ, величайшій актеръ въ свѣтѣ. Онъ одѣтъ просто и въ его внѣшности нѣтъ ничего професіональнаго. Онъ смотритъ не актеромъ, а просто человѣкомъ. Его маленькая свита увеличивается контингентомъ изъ женской пріемной и въ числѣ 15 человѣкъ они всходятъ по лѣстницѣ, ведущей въ его класную комнату. Комната эта имѣетъ такой-же дѣловой видъ, какъ и все остальное въ этомъ зданіи, и она была бы гола, еслибъ не своеобразное расположеніе деревянныхъ столбовъ на одномъ концѣ ея, въ грубой формѣ изображающихъ боковыя части сцены и входы. Аудиторія состоитъ изъ двухъ рядовъ скамеекъ, одинъ рядъ для молодыхъ женщинъ, другой для мужчинъ. Го садится въ пустомъ пространствѣ между ними, лицомъ къ сценѣ. Ученики его, судя по внѣшности, принадлежатъ къ различнымъ соціальнымъ слоямъ. Иные могли-бы быть дѣтьми мелкихъ торговцевъ; одинъ или два, очевидно, принадлежатъ къ высшимъ сферамъ общества. Дѣвушекъ больше, чѣмъ молодыхъ людей, и большинство изъ нихъ сопровождается женщинами среднихъ лѣтъ, родственницами или служанками, которыя приносятъ съ собой свое вязанье и во все продолженіе урока не думаютъ, какъ кажется, ни о чемъ другомъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей не представляютъ по внѣшнему виду очень цѣннаго матеріала для сцены. Вотъ, напримѣръ, мальчикъ лѣтъ 16, низкаго роста и, что всего хуже, узкоплечій, скорѣе нуждающійся въ курсѣ гимнастики, чѣмъ декламаціи. Физіономія его товарища смахиваетъ на гротескную маску; это можетъ, впрочемъ, составить его карьеру, если онъ захочетъ быть комическимъ актеромъ. Другой болѣе счастливо одаренъ и лицомъ и всей фигурою и небольшое количество гримировки сдѣлаетъ изъ него образцоваго трагическаго героя.

Система преподаванія несложна. Каждый изъ учениковъ обязанъ выучить для произнесенія въ класные дни отрывки изъ класическихъ драматурговъ. Всякій разъ учитель вызываетъ двухъ или трехъ изъ учениковъ и столько-же стоятъ вокругъ съ книгами въ рукахъ, для подаванія реплики въ то время, какъ Го слѣдитъ за каждымъ жестомъ, выраженіемъ и интонаціею говорящаго. Тѣ, которые не призваны декламировать въ этотъ день, поучаются замѣчаніями, которыя учитель дѣлаетъ ихъ товарищамъ.

Первымъ вызывается болѣзненный юноша, который, взбѣжавъ по ступенямъ, ведущимъ на нѣсколько возвышенную сцену, сразу начинаетъ монологъ въ звучныхъ стихахъ. Дѣло идетъ очень хорошо или, по крайней мѣрѣ, это намъ такъ кажется, пока Го не начинаетъ доказывать, что оно идетъ скверно. Строки произносятся безъ малѣйшей запинки и хорошо закругленныя слова сыплются, какъ перлы, изъ устъ говорящаго. Вотъ почему монологъ кажется такъ хорошъ; онъ напоминаетъ стиль актеровъ Comédie Française, у ногъ которыхъ, или, быть можетъ, надъ чьими головами юноша, безъ сомнѣнія, часто сиживалъ. Но онъ слишкомъ много напоминаетъ ихъ и поэтому-то онъ и плохъ. Это только подражаніе манерѣ, а не истинной жизненности стиля. Го, впрочемъ, не осуждаетъ юношу; онъ говоритъ, что передача вполнѣ правильна, если смотрѣть на этотъ отрывокъ, какъ на собраніе словъ, но что теперь слѣдуетъ посмотрѣть на него, какъ на сочетаніе мыслей, и вникнуть въ самую глубь содержанія. «Soyez le personnage, или, по крайней мѣрѣ, вообразите себя на его мѣстѣ», это не говорится докторальнымъ тономъ, а со всей живостью французской манеры. Зачастую Го самъ исполняетъ свои предписанія, а не произноситъ ихъ наставительно; еще чаще онъ придаетъ своимъ словамъ оттѣнокъ легкой насмѣшки, который приводитъ весь класъ въ отличное расположеніе духа и заставляетъ даже жертву относиться добродушно къ своей неудачѣ.—«Что вы такое?»—«Генералъ, monsieur».—«Очень хорошо; такъ смотрите-же генераломъ. Не доставляйте никогда вашей командѣ удовольствіе видѣть васъ въ такомъ положеніи, иначе она въ ту-же минуту взбунтуется... Ахъ нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я желалъ-бы прослушать это мѣсто еще разъ. Voyons, вѣдь вы произносите ложь; скажите ее, Бога ради, какъ слѣдуетъ. Помните, что лжецъ почти всегда утрируетъ интонацію правды. (Въ сторону: Къ счастію для насъ). C'est ça! отлично солгали. Но что это вы дѣлаете съ вашими руками? Оставьте ихъ въ покоѣ; онѣ вамъ пока не нужны. Повторите эту фразу еще разъ, прошу васъ; мнѣ нужна вся музыка этихъ строкъ. Не забывайте, что это лучшіе французскіе стихи; только не говорите, пожалуйста, нараспѣвъ. Недурно! Благодарю васъ. Теперь приступимте къ Мизантропу».

Тогда двѣ молодыя дѣвушки выступаютъ впередъ, чтобы исполнить передъ нами ту чудную сцену, гдѣ Арсиноя и Селимена по всѣмъ правиламъ вѣжливости наносятъ смертельные удары тщеславію и гордости другъ друга. Дѣвушки, конечно, много теряютъ оттого, что онѣ не въ костюмахъ, но увѣренность ихъ манеръ дѣлаетъ тѣмъ не менѣе всю сцену весьма привлекательной. Однако, какъ ни мила эта сцена, разыгрываемая двумя лицами, она много выигрываетъ во всѣхъ отношеніяхъ отъ участія въ ней Го, въ качествѣ сверхкомплектнаго дѣйствующаго лица.

Арсиноя (съ чопорнымъ видомъ, входитъ):

За дѣломъ важнымъ я пріѣхала сюда.
Нелицемѣрный другъ не на словахъ привязанъ,
Но въ важныхъ случаяхъ всегда подастъ совѣтъ;
А такъ какъ ничего важнѣе чести нѣтъ —
Честь друга охранять надежный другъ обязанъ;
И за долгъ я себѣ священнѣйшій почла,
Вамъ дружбу выразивъ, спасти васъ отъ позора.
Вчера я въ обществѣ достойнѣйшемъ была
И тамъ, средь умнаго, живого разговора,
Рѣчь и объ васъ зашла. Я услыхала то,
Чего бы во всю жизнь услышать не желала:
Вашъ образъ жизни тамъ не похвалилъ никто
И въ немъ хорошаго нашли, къ несчастью, мало;
Что вы окружены толпою волокитъ,
Что въ васъ безпечности, кокетства очень много,
Что весь Парижъ объ васъ теперь кричитъ—
Тамъ осудили всѣ—и осудили строго.

Го (прерывая). У васъ слишкомъ язвительное выраженіе лица и вмѣстѣ съ тѣмъ вы не достаточно злы. Произносите тѣ слова, которыя должны всего болѣе оскорбить ее, самымъ привѣтливымъ образомъ. Дѣлайте ваши булавочные уколы съ улыбкою на лицѣ.

Арсиноя (продолжаетъ):

Я въ положеніи ужаснѣйшемъ была!
Честь вашу защитить отъ всей души старалась
И извиняла васъ, конечно, какъ могла...
За чистоту мыслей я, напримѣръ, ручалась,
Что вы такъ молоды, я говорила имъ,
Что вы неопытны, сказала въ оправданье...

Го. Не совсѣмъ правильно. По вашему тону можно бы, пожалуй, повѣрить, что вы это въ самомъ дѣлѣ думаете. Вспомните, что я сейчасъ говорилъ о лганьѣ; тоже самое относится и къ предательству. Предатель утрируетъ внѣшній видъ доброты, подобно тому, какъ лгунъ утрируетъ тонъ правды! Вы изображаете не настоящее чувство, а какъ бы поддѣльное.

Арсиноя (кротко): Oui, monsieur. (Продолжаетъ).

...... Я не поддалась злословію молвы;
Нѣтъ, Боже сохрани! я васъ всегда считала
Въ душѣ невинною и чистою, какъ день.
Свѣтъ судитъ иначе. Ему и нужды мало,
Что чисты вы въ душѣ. Ему порока тѣнь
Порокомъ кажется и, вы замѣтьте это,
Мы добродѣтельны должны быть и для свѣта.

Го. А, вотъ она, наконецъ, въ своемъ настоящемъ видѣ, чопорная, нетерпимая! Но если вы не обратите вниманія, мы, пожалуй, лишимся этого оттѣнка. Повторимте это мѣсто еще разъ.

Теперь наступаетъ очередь Селимены, высокой дѣвушки въ голубомъ платьѣ, ловко приподнятомъ, точно она шла издалека на свой утренній урокъ.

Силимена: Какъ васъ благодарить—я словъ не нахожу.

Го (Арсиноѣ): Слушайте ее, слушайте каждое слово.

*) Изъ новаго англійскаго журнала «The Time».

Селимена (продолжаетъ):

На васъ сердиться мнѣ? Помилуйте! за что-же?
Напротивъ, вашу честь предохраняя тоже,
Я благодарность вамъ скорѣе докажу.
И такъ какъ, дружбу выражая,
Всѣ сплетни про меня вы сообщили мнѣ,
Я, вашей дружбѣ подражая,
Что говорятъ про васъ, вамъ сообщу вполнѣ.
Разъ въ обществѣ людей достойныхъ всякой вѣры
О добродѣтели судили цѣлый часъ,
И, кстати приводя различные примѣры,
Случайно вспомнили про васъ;
Но вашу набожность, и ревность, и смиренье,
Не похвалили, къ сожалѣнью.
...... «Кого она морочитъ?
Поклоны жалобно творитъ,
А бьетъ своихъ людей и имъ платить не хочетъ;
Съ усердьемъ ревностнымъ слѣдитъ церковный чинъ,
А на лицѣ ея румяны и бѣлила...»

Го. Этимъ она наноситъ ей самый тяжкій ударъ. Старайтесь, чтобъ она его почувствовала.

Арсиноя: Кто правду говоритъ, тотъ ко всему готовъ,
Но я... я не ждала подобныхъ возраженій,
А вижу, между тѣмъ, изъ вашихъ ѣдкихъ словъ
Что вы оскорблены моимъ расположеньемъ.

Селимена: Вѣдь можно все хвалить и порицать весь міръ,
Но свой чередъ всему—таковъ законъ природы.
Во всякомъ возрастѣ особенный кумиръ:
Есть годы для любви и для молитвы годы.
Быть строго набожной—расчетъ,
Подъ маской многое сойдетъ,
Не такъ замѣтятся морщинки...
Съ лѣтами все придетъ: мнѣ опротивитъ свѣтъ,
Я, можетъ быть, пойду по вашей-же тропинкѣ...
Но развѣ можно быть ханжею въ двадцать лѣтъ?

Го. Отлично произнесено, особенно: «Не такъ замѣтятся морщинки»... Весь смыслъ въ этомъ.

Слѣдующая сцена заимствована изъ Амфитріона и такъ какъ стихи эти теряютъ всю свою прелесть въ переводѣ, я приведу нѣкоторые отрывки въ подлинникѣ. Дѣвушка, исполняющая роль Алкмены отличается чисто французскою красотою; внѣшность ея аристократическая; такъ бы и хотѣлось узнать ея исторію, еслибъ это было возможно. Грудь у нея узкая и физическихъ силъ очевидно мало. Юпитеръ (передъ нами разыгрывается третья сцена перваго акта) подъ пару ей по внѣшности. Онъ начинаетъ умолять Алкмену отпустить факельщиковъ.

Юпитеръ. Défendez, chère Alcmène, aux flambeaux d'approcher.
Ils m'offrent des plaisirs en m'offrant votre vue,
Mais ils pourraient ici découvrir ma venue,
Qu'il est à propos de cacher.

Го (Алкменѣ). Вы все еще стоите въ полномъ свѣтѣ факеловъ. Вы забыли отослать слугъ.

Она дѣлаетъ знакъ рукой.

Го. Не такъ рѣзко; малѣйшій знакъ вашъ долженъ равняться для нихъ приказанію.

Юпитеръ. Mon amour, que gênaient tous ces soins éclatants
Où me tenait lié la gloire de nos armes,
Aux devoirs de ma charge a volé les instants
Qu'il vient de donner à vos charmes.

Го. Подвиньтесь оба впередъ, или васъ подслушаютъ. Вамъ надо слегка придвинуться къ рампѣ, чтобы зрители догадались, что передъ ними происходитъ тайное свиданіе.

Вскорѣ наступаетъ очередь дѣвушки и богатымъ груднымъ голосомъ она начинаетъ:

Алкмена. Je prends, Amphitryon, grande part à la gloire
Que repandent sur vous vos illustres exploits;
Et l'éclat de votre victoire
Sait toucher de mon coeur les sensibles endroits:
Mais, quand je vois que cet honneur fatal
Eloigne de moi ce que j'aime,
Je ne puis m'empêcher, dans ma tendresse extrême
De lui vouloir un peu de mal,
Et d'opposer mes voeux à cet ordre suprême
Qui des Thébains vous fait le général.

Го всего болѣе заботится въ эту минуту о томъ, чтобы она помнила, что произноситъ прекрасные французскіе стихи; онъ отбиваетъ тактъ рукою, точно управляетъ оркестромъ. «Отлично, mademoiselle, отлично, не забывайте, что это чистѣйшая музыка», и, ободренная этимъ, она порывисто устремляется впередъ, пока голосъ ея не обрывается за недостаткомъ дыханія.

Го. Вотъ этого-то я и боялся. У васъ теперь врядъ-ли достаточно силъ, но онѣ придутъ, если вы съумѣете себя сдерживать. Стойте прямо. Вдохните въ себя хорошенько воздухъ, прежде чѣмъ начать. И такъ...

Алкмена. Et de quelque laurier qu'on couronne un vainqueur,
Quelque part que l'on ait à cet honneur suprême—

Го. Тише, тише. Вы несетесь галопомъ. Помните всегда размѣръ стиха и никогда не идите скорѣе его.

Алкмена. Vaut-il ce qu'il en coûte aux tendresses d'un coeur
Qui peut, à tout moment, trembler pour ce qu'il aime?

Го. Ну теперь вы, Юпитеръ.

Юпитеръ оказывается весьма удовлетворительнымъ въ діалогѣ, за исключеніемъ конца, гдѣ какая-то деревянность обоихъ любовниковъ вовсе не согласуется съ пылкостью выражаемыхъ ими чувствъ.

Го (насмѣшливо). Не согласитесь-ли, быть можетъ, обнять mademoiselle за талью.

Юпитеръ. Mademoiselle стоитъ въ совершенно неудобной для этого позиціи.

Го. А, я вижу, что вы любите, чтобы все дѣлалось за васъ другими!

И урокъ кончается среди общаго веселаго смѣха.

Вотъ, какъ создаются актеры во Франціи!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

(Письмо изъ Москвы, М.)

Москва не даромъ такъ долго ждала дня открытія памятника великому русскому поэту. День 6 іюня на всю жизнь останется въ памяти каждаго, кому удалось присутствовать на этомъ торжествѣ.

Напрасно говорили, что постоянныя откладыванія охладятъ общество, что не можетъ быть того одушевленія въ публикѣ, что собравшіяся на этотъ праздникъ знаменитости разъѣдутся и т. д. Ничего этого не было. Торжественнѣе и одушевленнѣе не могло пройдти празднество. Уже съ самаго ранняго утра толпы народа стали окружать Тверскую площадь, которая вся была оцѣплена канатами и полиціей. На первый взглядъ и намъ и многимъ другимъ это показалось страннымъ: открывается памятникъ «народному поэту», который самъ сказалъ, что «къ нему не заростетъ народная тропа», и что-же? Народу отводится только самый отдаленный край площади и только избранные могутъ пройдти за протянутый канатъ. Но это могло думаться только пока не кончилась обѣдня въ Страстномъ монастырѣ и не потянулся длинный рядъ депутатовъ. Площадь въ 5 минутъ была переполнена офиціальными лицами, приглашенными и депутатами. Сверху видѣнъ былъ сплошной рядъ головъ, среди которыхъ постоянно выдѣлялись головы «знаменитостей», почтившихъ праздникъ своимъ присутствіемъ. Ярче всѣхъ вырисовывалась въ толпѣ бѣлая, какъ снѣгъ, голова И. С. Тургенева Неподалеку отъ него виднѣлась длинная фигура Д. В. Григоровича. Представители литературы, науки и искусства собрались подъ знаменами, чтобы поочередно подойдти къ памятнику и положить вѣнки. Всѣхъ знаменъ было двадцать пять: нѣсколько депутацій шли подъ однимъ знаменемъ. Какихъ только депутацій не было. Почти всѣ высшія учебныя заведенія, всѣ общества, многіе журналы и газеты прислали своихъ представителей.

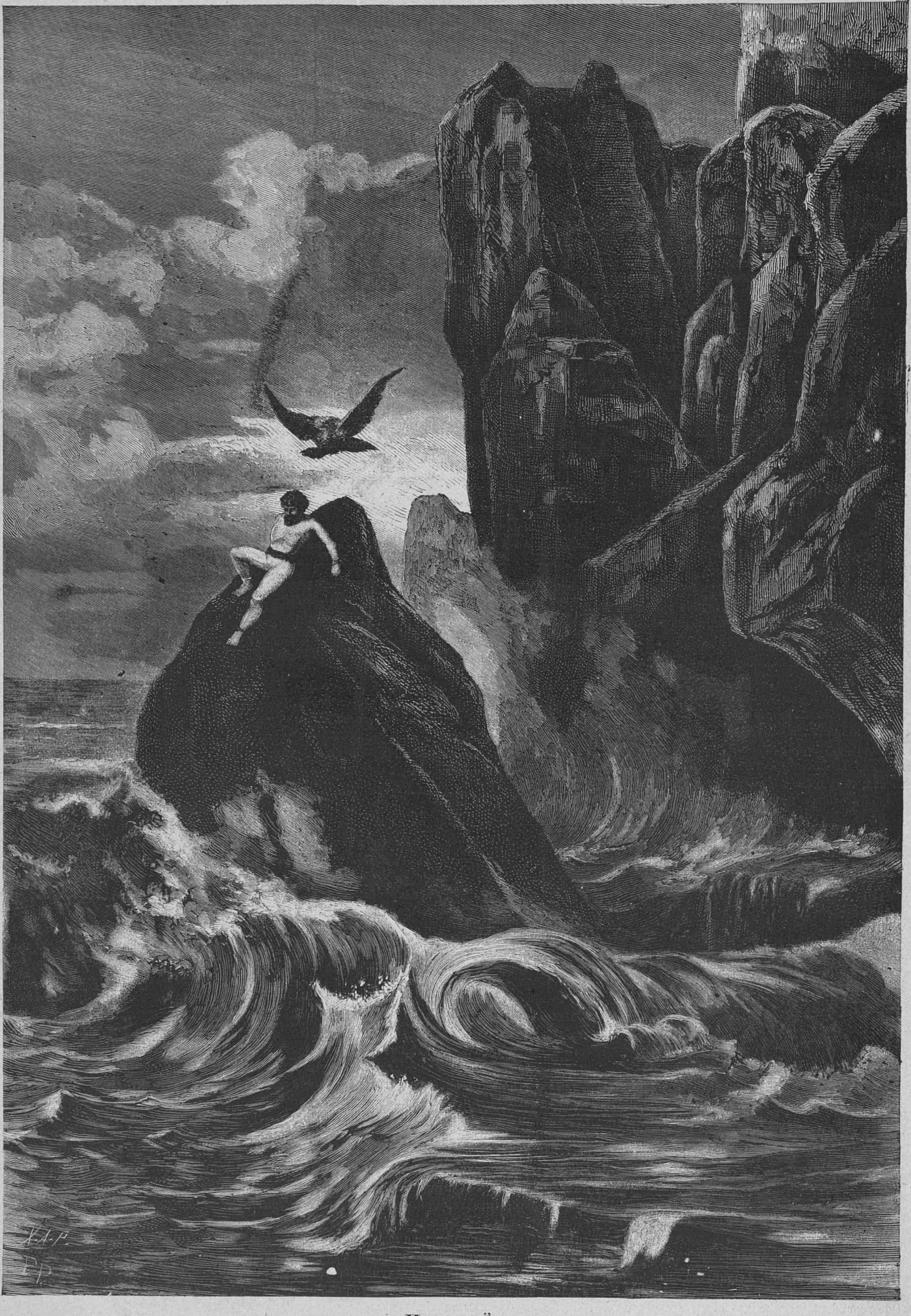
Послѣ заупокойной обѣдни и панихиды по А. С. Пушкинѣ, всѣ депутаты заняли мѣста на площади подъ своими знаменами, а генералитетъ, съ принцемъ Ольденбургскимъ во главѣ, взошелъ на устроенное для нихъ возвышеніе, покрытое краснымъ сукномъ. Толпа, гудѣвшая и волновавшаяся впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, притихла, замерла. Давно жданная минута,—минута, когда долженъ спасть бѣлый саванъ съ бронзовой фигуры поэта,—наступила. На возвышеніе взошелъ московскій голова, г. Третьяковъ, и выслушалъ отъ статсъ-секретаря Корнилова чтеніе акта о передачѣ его городу. Генералъ-губернаторъ махнулъ платкомъ и полотно спало. Тысячеголовая толпа заревѣла. «Ура» не смолкало впродолженіи нѣсколькихъ минутъ. А гигантъ-поэтъ стоитъ, задумчиво глядя на эту толпу; его спокойная поза, опущенная голова удивительно симпатично предстала передъ взволнованнымъ народомъ. Музыка, игравшая все время, была заглушена оживленнымъ говоромъ толпы. Канатъ прорвали и народъ громадными волнами хлынулъ на площадь. Сотни вѣнковъ были сложены у подножія памятника. Первый вѣнокъ совершенно бѣлый, съ бѣлыми лентами—положенъ былъ сыномъ Александра Сергѣевича А. А. Пушкинымъ, явившимся на торжество со всей семьей. Между прочимъ, одинъ изъ членовъ этой семьи, молодой морякъ, удивительно напоминаетъ чертами лица покойнаго поэта: тѣ-же крупныя губы, тотъ-же носъ, даже взглядъ такой-же, какъ на лучшихъ портретахъ Пушкина.

Когда памятникъ былъ открытъ, когда были сложены всѣ вѣнки, наступилъ настоящій народный праздникъ. Толпа, наэлектризованная общимъ торжественнымъ настроеніемъ, долго сдерживаемая жандармами и полиціей, прорвавшись, неудержимо бросилась къ памятнику и тутъ, можетъ быть, дико, но во всякомъ случаѣ искренно и чистосердечно выказывала свой восторгъ. Общій видъ былъ совсѣмъ новый и очень пріятный. Красивый памятникъ, окруженный лавровыми гирляндами и щитами съ надписями произведеній Пушкина, тонулъ въ сплошной массѣ людей: гимназисты, мужчины, женщины—все слилось у подножія великаго поэта, все отдавало дань уму и генію. Чувствовалось во всемъ этомъ несвойственное намъ, русскимъ, оживленіе, пробужденіе... Смотрѣлось легче и веселѣе вдаль...

Съ площади, приглашенные университетомъ лица, отправились на засѣданіе, состоявшееся въ память Пушкина. Это собраніе почтилъ присутствіемъ и принцъ Ольденбургскій. Когда всѣ уже были въ сборѣ, въ залу вошелъ новый министръ народнаго просвѣщенія, г. Сабуровъ, и занялъ предсѣдательское мѣсто. Актовая зала университета представляла необыкновенно парадный видъ. Множество разноцвѣтныхъ лентъ, камергерскихъ и генеральскихъ мундировъ, звѣзды на фракахъ — придавали залѣ совсѣмъ несвойственную ей физіономію.

Ректоръ университета, г. Тихонравовъ, от-

КАРТИНА А. ГРОССА.



Прометей.

Рисовалъ на деревѣ самъ авторъ; рѣзалъ Паръ.

РИСУНОКЪ ПЕТРА́ СОКОЛОВА.

Охота на зарѣ.

Рисовалъ самъ художникъ; рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“

крылъ собраніе сообщеніемъ, что совѣтъ московскаго университета, желая ознаменовать торжественный день открытія памятника, избираетъ своими почетными членами гг. Грота, какъ перваго положившаго начало серьезному изученію русскихъ писателей; Анненкова, какъ самаго лучшаго біографа Пушкина и, наконецъ, нашего художника-белетриста И. С. Тургенева. При послѣднемъ имени взрывъ аплодисментовъ заглушилъ дальнѣйшія слова ректора. Публика съ восторгомъ привѣтствовала эту честь, оказанную даровитому писателю. Пушкинскій праздникъ на нѣкоторое время обратился въ Тургеневское торжество, но Иванъ Сергѣевичъ, скромный и конфузливый, старался избѣжать его. Онъ поторопился сѣсть и тѣмъ прекратить аплодисменты. Но они не смолкали... Тургеневъ долженъ былъ встать; къ нему подошли съ поздравленіями принцъ, г. министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-губернаторъ и др. Затѣмъ г. Тихонравовъ привѣтствовалъ отъ собранія—семью Пушкиныхъ, и перешелъ къ своей рѣчи. Уважаемый ректоръ очень мѣтко и умно охарактеризовалъ Пушкина какъ поэта. Послѣ г. Тихонравова взошелъ на кафедру даровитый преемникъ покойнаго Соловьева—В. А. Ключевскій. Онъ остроумно и своеобразно показалъ мѣсто Пушкина и значеніе его для русскаго историка. «Пушкинъ не мемуаристъ и не исторіографъ, сказалъ г. Ключевскій, но въ поэтѣ-художникѣ соединилось и то и другое». Рѣчь г. Ключевскаго была покрыта громкими рукоплесканіями. За нимъ говорилъ професоръ всеобщей литературы Н. И. Стороженко; онъ прослѣдилъ вліяніе западныхъ корифеевъ на развитіе таланта Александра Сергѣевича.

Собраніе окончилось къ 5 часамъ, а вечеромъ всѣ присутствовавшіе на немъ собрались въ залѣ дворянскаго собранія, чтобы чествовать искуствомъ поэта.

И такъ весь день 6-го іюня былъ безраздѣльно посвященъ памяти Пушкина. Съ 9-ти часовъ утра до разсвѣта 7-го іюня, онъ одинъ владѣлъ умами москвичей. А 7-го іюня къ 12 часамъ дня зала собранія опять была переполнена публикой, явившейся на торжественное собраніе общества любителей россійской словесности. На эстрадѣ стоитъ бюстъ Пушкина, весь утонувшій въ лаврахъ; сзади стѣна сплошь увѣшана вѣнками. Внизу за столомъ помѣстились: И. С. Тургеневъ, Ф. М. Достоевскій, Писемскій, Полонскій, Юрьевъ и др. Взглянешь и станетъ грустно;—сидятъ всѣ съ сѣдыми бородами, съ бѣлыми или лысыми головами и никого молодыхъ. Тутъ какъ будто нарочно подобраны люди почти одного возраста, одной эпохи. Всѣ уже стары, устали отъ многихъ лѣтъ труда, борьбы и страданій. Да, они устали, но способны живо чувствовать, способны увлекать толпу своимъ страстнымъ и горячимъ сочувствіемъ таланту.

На первомъ собраніи говорили изъ извѣстныхъ дѣятелей: гг. Тургеневъ, Писемскій, Полонскій, Юрьевъ и Майковъ. Взглянешь: одинъ старше другого. А какое одушевленіе каждый изъ нихъ возбудилъ въ публикѣ своей рѣчью!

Первымъ говорилъ предсѣдатель общества С. А. Юрьевъ. Онъ увлекательно и горячо, какъ всегда, показалъ, что Пушкинъ проникъ въ тайникъ души русскаго народа. За нимъ слово было дано депутату французскаго правительства г. Леже. Леже маленькій, черненькій, съ очень симпатичнымъ лицомъ и довольно хорошимъ русскимъ выговоромъ. Онъ прочелъ по запискѣ простую и искреннюю рѣчь; упомянулъ, какъ высоко ставитъ Францiя Пушкина, какъ благодарна переводчику за то, что онъ познакомилъ ее съ твореніями поэта, занявшаго у нихъ мѣсто на ряду съ Байрономъ и Гёте, и, наконецъ, высказалъ искреннюю признательность за братскій пріемъ, какой онъ, французскій депутатъ, нашелъ въ Россіи. Публика отвѣтила ему шумными привѣтствіями. Но всѣхъ шумнѣе, всѣхъ радушнѣе встрѣтила она опять Ивана Сергѣевича. Правда, И. С. Тургеневъ теперь не можетъ показаться нигдѣ, чтобы не завладѣть сейчасъ-же общимъ вниманіемъ, общимъ сочувствіемъ. На площади, 6 іюня, онъ, проходя отъ памятника къ коляскѣ, встрѣтилъ непринужденный и искренній взрывъ аплодисментовъ и криковъ. Онъ поспѣшилъ уѣхать. И въ собраніи общества любителей россійской словесности, опять таже власть надъ толпой. Смотря на него чувствуешь, что это сила, нравственная сила. Иванъ Сергѣевичъ очертилъ дѣятельность «поэта-учителя» нѣсколькими легкими, но мѣткими штрихами. Г. Писемскій привелъ нѣсколько отрывковъ изъ «Капитанской дочки», какъ образцы прозы Пушкина.

Во второмъ собраніи общества любителей россійской словесности случилось нѣчто совсѣмъ небывалое; случилось «событіе», какъ сказалъ тутъ-же И. С. Аксаковъ. Событіе это — рѣчь Ф. М. Достоевскаго. Ее давно ждали, давно говорили о ней, но такой силы слова никто и вообразить себѣ не могъ. Г. Достоевскій подѣйствовалъ непосредственно на массу и увлекъ ее до самозабвенія. Передать его талантливую рѣчь, имѣвшую, впрочемъ, мистическую подкладку, почти невозможно. Ораторъ, съ свойственнымъ ему мистицизмомъ, освѣтилъ нѣкоторыя событія и значеніе русскаго народа. Разбирая типы Алеко и Евгенія Онѣгина,—г. Достоевскій коснулся нѣкоторыхъ явленій современной жизни, указалъ на широкія стремленія русскихъ, объяснилъ значеніе «народности» по отношенію къ Пушкину и пророческую роль самаго поэта. Вся рѣчь г. Достоевскаго дышала такой глубокой вѣрой въ то, что онъ говоритъ, что никто не могъ-бы холодно выслушать ее. О критическомъ анализѣ не могло быть и рѣчи: слишкомъ ужь сильное впечатлѣніе она производила. Достоевскаго постоянно прерывали рукоплесканіями; каждая мѣткая фраза, каждая оригинальная мысль падали въ публику, какъ масло въ огонь. Когда ораторъ кончилъ—восторгу не было предѣловъ. Всѣ члены общества, начиная съ И. С. Тургенева, разцѣловали его; публика стучала, топала; махали шляпами и, наконецъ, поднесли лавровый вѣнокъ растроганному Федору Михайловичу.

Трудно было говорить другому послѣ такой оваціи. Аксаковъ открыто сознался въ этомъ. Онъ приготовилъ рѣчь, но г. Достоевскій уже сказалъ все, о добавленіи и думать нельзя, «а потому и толковать не о чемъ», сказалъ г. Аксаковъ и сошелъ съ кафедры. Но Тургеневъ и Юрьевъ вернули его и онъ прочелъ нѣкоторыя выдержки изъ своей рѣчи, искренней и горячей. За нимъ говорили гг. Анненковъ, Бартеневъ и Калачевъ. Всѣ они съ той или другой стороны освѣтили значеніе для Россіи Пушкина, значеніе, признанное всецѣло русскимъ обществомъ, что можно было видѣть изъ того, какъ оно приняло торжество открытія памятника поэта.

Для закрытія собранія общества г. Потѣхинъ объяснилъ истинное значеніе этого торжества, «это признаніе права гражданства за русской литературой, это нашъ атестатъ зрѣлости» сказалъ онъ; но Пушкинъ сдѣлалъ не все, его дѣло продолжалъ Гоголь; самъ Пушкинъ сказалъ: «это сдѣлаетъ лучше меня Гоголь». «А потому необходимо, прибавилъ г. Потѣхинъ, теперь-же, открывъ памятникъ А. С. Пушкину, начать сборъ на памятникъ Гоголю. Онъ долженъ быть поставленъ въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ и Москва со временемъ станетъ пантеономъ русской мысли».

Подписка принята съ громаднымъ сочувствіемъ. Въ этотъ-же день собрано до 4,000 руб. Однимъ изъ первыхъ подписалъ И. С. Тургеневъ. Надо надѣятся, что эта подписка пойдетъ быстро и самое сооруженіе памятника состоится не черезъ десятки лѣтъ, какъ это бывало до сихъ поръ. Общество проснулось; въ народѣ сталъ замѣчатся интересъ къ таланту, къ умному слову. Невозможно думать, не хочется вѣрить, чтобы это было только увлеченіе торжествомъ, самой внѣшней стороной событія...

То-же неутомимое общество люб. рос. словесности дало въ память Пушкина 2 музыкально-вокально-литературныхъ вечера въ залѣ дворянскаго собранія. Програма обоихъ вечеровъ была одна и та-же; програма разнообразная и въ высшей степени интересная. Музыкальная часть, подъ управленіемъ Н. Г. Рубинштейна, ограничилась исполненіемъ двухъ увертюръ «Руслана и Людмилы» Глинки и «Русалки» Даргомыжскаго. Обѣ были исполнены превосходно, особенно первая — геніальное твореніе безсмертнаго таланта.

Для вокальной части вечера въ Москвѣ не нашлось силъ, кромѣ г-жи Климентовой. Пригласили изъ Петербурга г-жу Каменскую и г. Мельникова. Оба произвели самое пріятное впечатлѣніе на москвичей. Г-жа Каменская пѣла нѣсколько романсовъ на слова Пушкина; г. Мельниковъ исполнилъ арію изъ оперы «Русланъ и Людмила» и нѣсколько романсовъ. Принимали ихъ обоихъ восторженно. Про г-жу Климентову и говорить нечего. Публика Москвы ее очень любитъ. Она пѣла сцену изъ оперы Чайковскаго «Евгеній Онѣгинъ» и, надо сказать, пѣла довольно слабо. Или это казалось послѣ двухъ могучихъ голосовъ г-жи Каменской и г. Мельникова, или она была не въ голосѣ, но пѣніе ея было и слабѣе и тусклѣе, чѣмъ прежде въ этой-же самой сценѣ съ письмомъ.

Г. Самаринъ сыгралъ сцену изъ «Скупаго» Пушкина съ силой и громаднымъ талантомъ.

Но самую интересную часть вечера составляло, конечно, его литературное отдѣленіе. Пѣніе можно услышать, игру можно увидѣть — только имѣй деньги и охоту. Но за какія деньги увидишь такое собраніе корифеевъ нашей литературы? Въ обоихъ вечерахъ участвовали: гг. Тургеневъ, Достоевскій, Григоровичъ, Писемскій, Анненковъ, Плещеевъ, Чаевъ и др. Каждый изъ нихъ прочелъ что-нибудь изъ Пушкина. И. С. Тургеневъ для перваго раза взялъ «Опять на родинѣ», а для второго «Зиму» и отрывокъ изъ «Цыганъ». Читаетъ онъ очень хорошо, только слишкомъ слабъ голосъ для большой залы. Г. Достоевскій прочелъ между прочимъ «Пророка» Пушкина. Казалось, каждый нервъ его чувствуетъ, когда онъ читаетъ. Онъ вкладываетъ такъ много чувствъ и силы въ каждую мысль, что она является передъ вами въ гигантскомъ размѣрѣ.

По окончаніи чтенія назначенъ былъ апотеозъ. Посреди сцены стоялъ бюстъ Пушкина и всѣ участвовавшіе въ вечерѣ, шли поочередно и клали вѣнки у его подножія. На первомъ вечерѣ г. Тургеневъ положилъ вѣнокъ на чело Пушкина, на второмъ это сдѣлалъ г. Достоевскій. Потомъ всѣ длинной вереницей встали за бюстомъ. Сверху раздавался хоръ "Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный", муз. Чайковскаго.

Апотеозъ вышелъ простой, но очень торжественный и трогательно-скромный.

Этимъ завершился такъ называемый «Пушкинскій праздникъ». Долго ждала его Москва; навѣрное долго и не забудетъ.

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава V.

Орели дѣйствуетъ.

Счастье капитана де-Марби при видѣ спокойно спящей жены было неописанно. Онъ выносилъ адскія муки, получивъ, одно за другимъ, нѣсколько анонимныхъ писемъ, въ которыхъ его обвиняли, что онъ пользуется для своего повышенія по службѣ безнравственнымъ поведеніемъ жены. Правда, любя искренно жену, питая къ ней довѣріе и сознавая свои великіе таланты, капитанъ считалъ всѣ эти письма плодомъ зависти къ его высокому положенію. Но все-таки эти обвиненія Орели, хотя и смутныя, неопредѣленныя, глубоко терзали его, особенно при его страстной, ревнивой натурѣ и онъ торопился кончить свою командировку, чтобы вернуться въ Парижъ, гдѣ, какъ ему было извѣстно, жена назначила вечеръ въ честь его возвращенія. Онъ уже отправлялся на желѣзную дорогу, какъ неожиданно получилъ изъ Парижа депешу съ приказаніемъ остаться еще на два дня. Тогда онъ немедленно отправилъ извѣстную намъ телеграму женѣ и, въ сущности, былъ не очень огорченъ этимъ, потому что онъ терпѣть не могъ свѣтскихъ развлеченій и если давалъ балы, то лишь въ угоду своему начальнику, который говорилъ, что это необходимо для поддержанія его достоинства. Отправивъ телеграму, онъ спокойно отправился въ кофейню и сѣлъ играть въ карты съ военнымъ инспекторомъ, у котораго выигралъ къ ряду пять партій въ безигъ. Поэтому онъ вернулся въ свою гостинницу въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа. Но тутъ его ждало новое анонимное письмо, которое привело его въ такую ярость, что слуга испугался, не сошелъ-ли онъ съ ума.

«Баронъ, писалъ неизвѣстный, какъ вы не стыдитесь вашихъ эполетъ и креста; только человѣкъ безъ совѣсти и сердца можетъ согласиться сдѣлать карьеру подобной цѣной. Вы не будете сегодня на балу у вашей жены подъ предлогомъ служебныхъ занятій и она свободно приметъ своего любовника. Вы это хорошо знаете, но чтобы сохранить свое мѣсто должны это терпѣть. Когда любовникъ назначаетъ свиданіе, мужъ стушевывается. Это стыдъ, это позоръ. Снимите мундиръ, который вы безчестите. Если я лгу, то докажите это фактически. Ваша жена проведетъ сегодня всю ночь съ своимъ любовникомъ на балу и онъ потомъ останется у нея до утра. Дѣйствуйте, вы предупреждены.

«Вашъ старый товарищъ по оружію».

Это было уже слишкомъ! Капитанъ побагровѣлъ отъ злобы, отчаянія, стыда и ревности. Новое обвиненіе, уже не туманное, а впервые опредѣленное, точное, показалось ему нестерпимой оплеухой. Онъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и поскакалъ верхомъ на станцію желѣзной дороги, стоявшую въ трехъ миляхъ, гдѣ ночью проходилъ поѣздъ въ Парижъ.

Въ пять часовъ утра, какъ мы видѣли, онъ вбѣжалъ, какъ бѣшенный, въ спальню жены и засталъ ее одну, спящей. Злоба, ревность, отчаяніе—все мгновенно исчезло и ему стало стыдно за себя, что онъ повѣрилъ такой черной клеветѣ; не желая разбудить жены, онъ тихонько ушелъ къ себѣ въ комнату.

Едва онъ удалился, Орели соскочила съ кровати, заперла дверь и, нагибаясь къ Жюлю, лежавшему подъ кроватью, сказала:

— Онъ ушелъ, но можетъ опять вернуться. Уходи скорѣе.

Жюль выползъ на четверенькахъ изъ своего убѣжища, совершенно спокойный и держа въ зубахъ охотничій ножъ.

— Ты видишь, сказалъ онъ, показывая ей ножъ,—что у меня были готовы объясненія, еслибъ твой мужъ ихъ потребовалъ; но какъ онъ вошелъ? Я заперъ двери. Развѣ у него былъ свой ключъ?

Увидавъ ножъ, Орели вздрогнула.

— Уходи скорѣе, мы вскорѣ увидимся.

Жюль протянулъ руку, чтобы обнять ее, но въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь.

— Я погибла! сказала Орели, дрожа всѣмъ тѣломъ;—уходи-же скорѣе.

— Вотъ, не даютъ ни минуты покоя въ этомъ домѣ! Ну, ухожу.

И онъ исчезъ въ дверь, выходившую въ туалетную.

Орели бросилась въ постель и крикнула, точно просыпаясь:

— Кто тамъ... войдите!

Но никто не откликнулся. Она вспомнила, что сама заперла дверь и разсердилась на себя за эту неловкость. Капитанъ, вернувшись и увидавъ запертой дверь, которая только что была незаперта, могъ подумать, что она представлялась спящей. Черезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь, но изъ туалетной. Орели вздрогнула.

— Извините, сказала входя ея горничная,—я хотѣла васъ предупредить, что пріѣхалъ баронъ.

Орели насупила брови. Горничная должна была встрѣтить Жюля и слѣдовательно была его сообщницей. Однако ничего въ лицѣ молодой дѣвушки не подтверждало этого подозрѣнія и въ самомъ дѣлѣ Жюль вышелъ изъ дома такъ-же незамѣтно и безъ посторонней помощи, какъ и вошелъ въ него.

Мало-по-малу Орели успокоилась и заснула сладкимъ сномъ. По глазамъ Жюля она видѣла, что онъ можетъ опять влюбиться въ нее и тогда она можетъ легко получить отъ него компрометирующія ее письма и потомъ смѣло предаться своей новой любовной интригѣ съ маркизомъ Мейраномъ. Во снѣ она видѣла даже, что мужъ ея умеръ и она, получивъ отъ императора большую пенсію, вышла замужъ за Оливье.

На другой день послѣ поѣздки Оливье въ Монморанси Орели встала очень поздно и сидѣла еще у своего туалета, когда служанка доложила, что герцогиня де-Мейранъ и молодой маркизъ желаютъ видѣть ее.

Сонъ былъ въ руку.

— Попросите ихъ подождать въ гостиной, я сейчасъ выйду! воскликнула Орели, покраснѣвъ отъ удовольствія и стала быстро оканчивать свой туалетъ. Черезъ нѣсколько минутъ она была уже въ гостиной.

Герцогиня пожелала узнать отъ сына подробности о вечерѣ баронесы де-Марби. Въ сущности, сама хитрая старуха просила виконта Шапэ принять всѣ мѣры къ разторженію брака ея сына съ «Рябой Красавицей» и устроила сцену, происшедшую между Оливье и Орели. Поэтому естественно она хотѣла узнать о результатахъ своей интриги. Но Оливье былъ очень сдержанъ и не сказалъ ни слова о впечатлѣніи, произведенномъ на него баронесой, которое, впрочемъ, уже почти совершенно стушевалось. Видя, что сынъ не все ей говоритъ, герцогиня предложила ему поѣхать съ нею и сестрою къ баронесѣ. Онъ былъ такъ удивленъ этимъ предложеніемъ, что не могъ пріискать предлога для отказа.

Впрочемъ, надо сказать, что молодой маркизъ, потерявъ еще въ дѣтствѣ отца, находился подъ вліяніемъ матери и всякое ея слово было для него закономъ. Поэтому лицо его даже не выразило неудовольствія и онъ съ улыбкой согласился, желая внутренно только поскорѣе покончить съ этимъ визитомъ и всецѣло заняться дѣлами «Рябой Красавицы».

Войдя въ гостиную, Орели бросила нѣжный взглядъ на молодого человѣка, но онъ поклонился ей очень холодно. Это ей показалось дурнымъ предзнаменованіемъ, тѣмъ болѣе, что ея сердце было не спокойно. Капитанъ, обыкновенно вставашій рано, еще не выходилъ изъ своей комнаты и она, боясь непріятной сцены съ нимъ, прежде чѣмъ сойдти внизъ, написала два слова Матье де-Тальи о неожиданномъ возвращеніи мужа.

Однако, она весело заговорила съ герцогиней и ея дочерью о свѣтскихъ новостяхъ. Около получаса продолжался этотъ разговоръ, втеченіи котораго молодая женщина тщетно искала случая сказать хоть одно слово маркизу наединѣ. Наконецъ, когда уже мать и сестра его, простившись, пошли къ дверямъ, Орели быстро нагнулась къ Оливье и шепотомъ сказала, но такимъ повелительнымъ тономъ, что онъ пришелъ въ тупикъ:

— Мнѣ надо васъ видѣть и съ вами поговорить. Вернитесь!

И въ ту-же минуту она снова обратилась къ дамамъ, которыхъ проводила до сѣней.

Оливье доѣхалъ съ матерью до Елисейскихъ полей и тамъ вышелъ изъ экипажа подъ предлогомъ, что ему необходимо зайдти въ министерство.

Какъ только экипажъ исчезъ изъ виду, онъ взялъ фіакръ и вернулся къ г-жѣ Марби, которая ждала его въ гостинной. Она только-что повидалась на минуту съ мужемъ, который получилъ приглашеніе явиться немедленно въ министерство и боялся, что ему сдѣлаютъ выговоръ за его неожиданное возвращеніе въ Парижъ. Это обстоятельство, конечно, нисколько не удивило Орели, такъ какъ оно было, по всей вѣроятности, результатомъ ея записки къ Матье де-Тальи.

Увидавъ Оливье, она быстро пошла къ нему на встрѣчу.

— Извините меня, маркизъ, сказала она;—что я такъ безцеремонно обошлась съ вами. Мое поведеніе, вѣроятно, кажется вамъ очень страннымъ. Я знаю, что меня называютъ оригиналкой, и я хочу заслужить это названіе.

— Помилуйте, я считаю большимъ удовольствіемъ видѣть васъ лишній разъ, отвѣчалъ Оливье.

— На моемъ вечерѣ мы разговаривали съ вами, какъ старые друзья, и я взяла съ васъ слово вскорѣ пріѣхать ко мнѣ.

— Вы видите, что я исполнилъ свое слово.

— Но я просила не свѣтскаго визита, который спѣшатъ сбыть съ плечъ. Я желала посѣщенія друга, съ которымъ можно долго и по душѣ поговорить.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Знаю, такъ всегда отвѣчаютъ свѣтскіе люди, а я хочу видѣть въ васъ искренняго друга. Сегодня, здороваясь съ вами, я искала на вашемъ лицѣ дружескаго сочувствія, но нашла лишь свѣтскую холодность.

Оливье былъ поставленъ въ очень неловкое положеніе и не зналъ, что отвѣтить. Это черезъ чуръ смѣлое, интимное обращеніе его смущало. Онъ подумалъ, что даже куртизанка повела-бы себя скромнѣе этой свѣтской дамы.

— Я увѣрена, что послѣ нашего послѣдняго свиданія, продолжала Орели,—кто-нибудь возстановилъ васъ противъ меня.

— Я просто смущенъ отъ вашего милостиваго ко мнѣ вниманія, но я слишкомъ мало знакомъ съ вами, чтобы кто-нибудь вздумалъ говорить мнѣ за васъ или противъ васъ.

— Маркизъ де-Мейранъ, сказала вдругъ Орели, вставая,—я убѣждена, что вы видѣли «Рябую Красавицу», называющую себя Луизой Ботъ, и что эта женщина говорила вамъ обо мнѣ.

Оливье былъ пораженъ этими словами, но вопросъ былъ поставленъ прямо и онъ не колебался отвѣтить также прямо:

— Не понимая вашего неожиданнаго сочувствія ко мнѣ, я, однакожъ, отвѣчу вамъ, что дѣйствительно видѣлъ г-жу Лоизу Ботъ, но въ нашемъ разговорѣ ваше имя не было упомянуто ни разу.

— Поклянитесь, что вы говорите правду.

— Всякому другому я сказалъ-бы, что моего слова достаточно, но для вашего успокоенія я готовъ поклясться, что г-жа Лоиза Ботъ не говорила о васъ ни слова.

— Это странно, сказала съ удивленіемъ Орели.

— Я не зналъ, что вы знакомы съ г-жею Лоизой Ботъ.

— Я именно о ней и желала съ вами поговорить. Она меня не знаетъ, но я ее знаю. Мнѣ извѣстна ея прошлая жизнь и потому ваша семья просила меня уговорить васъ отказаться отъ вашихъ безумныхъ намѣреній.

— И, исполняя это порученіе моей семьи, вы такъ странно предложили мнѣ свою дружбу. Я могъ подумать совершенно иное и потому очень радъ, что ваша откровенность объяснила ваше желаніе сблизиться со мною. Но и я скажу вамъ откровенно, что ничто не заставитъ меня отказаться отъ моихъ намѣреній. Я люблю г-жу Лоизу Ботъ и, не смотря на всѣ распространяемыя о ней клеветы, женюсь на ней.

— Вы невѣрно выражаетесь, г. маркизъ; это не клевета, а правда.

— Вы женщина и я не могу отвѣтить вамъ, какъ-бы желалъ. Но въ виду вашего отзыва о моей будущей женѣ, я буду принужденъ порвать съ вами всякія, даже свѣтскія отношенія. Но если, не смотря на все, что я вамъ сказалъ сегодня, вы будете повторять тѣ гнусныя клеветы, которыя взводятъ на мою невѣсту, я буду принужденъ потребовать удовлетворенія отъ барона де-Марби.

— Вы мнѣ угрожаете, вы угрожаете женщинѣ.

— Я считаю своей обязанностью защитить честную женщину отъ клеветы.

Наступило молчаніе.

— Я поступила неблагоразумно, сказала, наконецъ, Орели:—я слишкомъ увлеклась моей любовью къ вашему семейству и увѣренностью, что честные люди должны предостерегать другъ друга о грозящихъ имъ опасностяхъ. Я вижу, что правду невсегда можно говорить. Я очень сожалѣю, что навлекла на себя вашъ гнѣвъ, но все-же надѣюсь, что другой, болѣе могучій голосъ образумитъ васъ.

— Чей голосъ?

— Голосъ общественнаго мнѣнія. Вы, вѣроятно, не знаете, что эта женщина своимъ скандальнымъ поведеніемъ обратила на себя вниманіе полиціи и что, можетъ быть, въ настоящую минуту ее вывозятъ изъ предѣловъ Франціи.

— Мнѣ это извѣстно. Но позвольте мнѣ удалиться, чтобъ поскорѣе отыскать низкихъ людей, которымъ она обязана этимъ новымъ гнуснымъ преслѣдованіемъ. Этотъ непріятный разговоръ однако послужитъ мнѣ на пользу, открывъ коекого изъ ея враговъ. Повторяю еще разъ, сударыня, что я съ гордостью поведу къ алтарю и дамъ свое имя моей невѣстѣ. Я знаю всю ея прошлую жизнь съ того времени, какъ, нося имя Элизы Буатель, она принесла себя въ жертву, чтобы спасти свою низкую сестру, до того дня, когда она вернулась въ Парижъ всѣми уважаемой вдовой доктора Самюеля Бота. А теперь, баронеса, имѣю честь кланяться.

И онъ удалился, не бросивъ даже взгляда на Орели, пораженную его послѣдними словами, которыя она не могла не принять за преднамѣренное оскорбленіе.

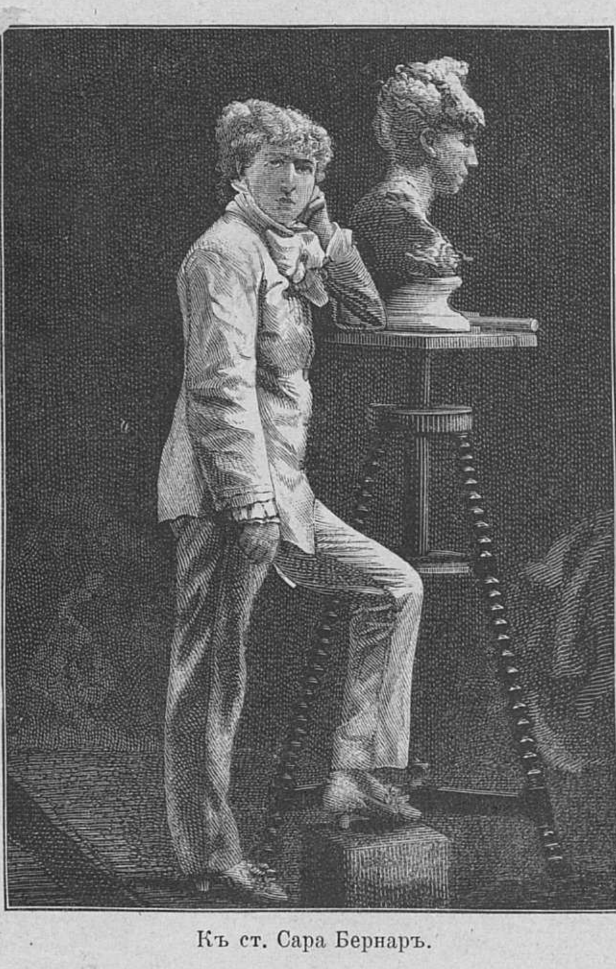
Взволнованный этой сценой съ женщиной, которую онъ почти любилъ наканунѣ и ненавидѣлъ теперь, Оливье поспѣшилъ домой.

Слуга доложилъ ему, что во время его отсутствія пріѣзжала служанка г-жи Ботъ и сказала, чтобъ онъ не ѣздилъ, куда обѣщалъ пріѣхать. Извѣстная ему особа должна была поспѣшно бѣжать оттуда.

Это новое усложненіе вывело изъ себя молодого человѣка.

— Я найду злодѣевъ, преслѣдующихъ ее, воскликнулъ онъ съ яростью,—и горе имъ!

Между тѣмъ баронъ де-Марби явился въ министерство и былъ принятъ очень строго своимъ начальникомъ, который почти прямо обвинилъ его въ дезертирствѣ. Бѣдный баронъ, покраснѣвъ какъ ракъ, не зналъ, что ему дѣлать. Его



Къ ст. Сара Бернаръ.

смущеніе однако еще болѣе увеличилось, когда начальникъ сталъ укорять его въ томъ, что онъ повѣрилъ нелѣпымъ клеветамъ людей, которые только хотѣли удалить его съ цѣлью купить цѣлую партію лошадей, приведенныхъ для ремонта, и отправить ихъ въ Германію. Эта уловка совершенно имъ удалась, благодаря его странному способу исполнять возложенныя на него обязанности изъ довѣрія къ его честности.

— Генералъ, воскликнулъ де-Марби, — простите меня на этотъ разъ. Вы правы, я очень виноватъ, но постараюсь загладить свою вину.

— По счастью, вы можете это сдѣлать, если не будете терять ни минуты, отвѣчалъ генералъ,—до насъ дошло извѣстіе, что тѣ-же самыя лица торгуютъ новую партію лошадей, но сдѣлка еще не покончена и ей не трудно помѣшать. Вамъ предстоитъ блестящимъ образомъ загладить свою ошибку.

— Клянусь вамъ, генералъ, я исполню свой долгъ!

— Но, замѣтилъ генералъ, смотря на часы и открывая путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ, — у васъ остается только полчаса до отхода поѣзда, вы не успѣете заѣхать домой.

— О, генералъ, служба прежде всего.

— Ну, скорѣе, не теряйте ни минуты.

Тенаръ де-Марби низко поклонился и вышелъ изъ министерства очень довольный, что отдѣлался такъ дешево. Онъ тотчасъ взялъ фіакръ и поскакалъ на станцію желѣзной дороги. Вечеромъ въ тотъ-же день онъ былъ на мѣстѣ своего назначенія, но къ величайшему своему удивленію узналъ, что никакія ремонтныя лошади не продавались и никакихъ лошадей никто не скупалъ.

Вотъ какимъ образомъ освободилась отъ своего мужа баронеса де-Марби, желая на свободѣ предаться своей любовной интригѣ съ молодымъ маркизомъ Мейраномъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Сара Бернаръ.

Много лѣтъ тому назадъ, двѣ молодыя дѣвушки, понаружности и одеждѣ непоходившія на парижанокъ, сѣли на стулья въ саду Пале-Рояля. Одной было нѣсколько болѣе 15 лѣтъ, другой менѣе. Онѣ смотрѣли на кипѣвшую вокругъ нихъ толпу съ удивленіемъ и восторгомъ. Вскорѣ старуха, собиравшая деньги за стулья, подошла къ нимъ и спросила по 5 сантимовъ съ каждой. Молодыя дѣвушки засмѣялись; у нихъ не было ни сантима. Старуха настаивала, дѣвушки просили оставить ихъ въ покоѣ. Дѣло дошло до полицейскаго сержанта и дѣвушекъ свели въ ближайшій полицейскій постъ. Тамъ дѣло объяснилось. У нихъ дѣйствительно не было денегъ. Онѣ только-что прибыли изъ Амстердама и принадлежали къ хорошему голандскому семейству еврейскаго происхожденія. Почему онѣ бѣжали изъ родительскаго дома съ нѣсколькими мелкими монетами въ карманѣ и прибыли въ дилижансѣ въ Парижъ, онѣ не хотѣли сказать; но, по ихъ словамъ, онѣ обманули контору дилижансовъ, набивъ полѣньями старый чемоданъ и оставивъ его въ обезпеченіе платы за мѣста; прибывъ-же въ Парижъ, улетѣли какъ птички и такимъ образомъ очутились въ саду Пале-Рояля.

Одна изъ нихъ, меньшая, была беременна и спустя 2 мѣсяца родила дочь — Сару, которой суждено было сдѣлаться знаменитой актрисой, «божественной Сарой», какъ ее еще недавно называлъ весь Парижъ. Отецъ ея, по имени Бернаръ, также еврейскаго происхожденія, былъ стряпчимъ въ Гаврѣ и настоялъ, чтобъ ее окрестили. Впослѣдствіи, мать ея, отличавшаяся замѣчательной красотой, прославилась многими похожденіями и блестящими успѣхами въ скандальной парижской хроникѣ. Что-же касается маленькой Сары, ее помѣстили въ аристократическій пансіонъ въ Версали, при гроншанскомъ монастырѣ. Съ раннихъ лѣтъ она прославилась своими эксцентричными выходками и ее выгоняли 4 раза изъ монастыря, но всякій разъ монахини, тронутыя ея слезами, принимали ее обратно. До сихъ поръ сохранилась монастырская книга съ отмѣткой, что «ученица Сара Бернаръ рождена не для обыкновенной житейской доли, но ей суждено роковымъ образомъ быть или однимъ изъ лучезарныхъ свѣточей христіанства или однимъ изъ самыхъ страшныхъ орудій нечестія, когда-либо подвергавшихся проклятію святой церкви».

Окончивъ курсъ первой, Сара вышла изъ монастыря съ грудой вѣнковъ и наградъ. На вопросъ матери, чѣмъ она желаетъ быть, молодая дѣвушка отвѣчала съ пламеннымъ энтузіазмомъ:

— Монахиней.

Но тотчасъ прибавила:

— Или актрисой.

Испуганная первымъ желаніемъ своей дочери и успокоенная вторымъ, г-жа Бернаръ отправилась съ нею въ консерваторію, но не зная существующихъ тамъ правилъ, она не подготовила Сару къ экзамену. Какъ извѣстно, этотъ экзаменъ состоитъ въ томъ, что каждая кандидатка выбираетъ сама какой-угодно монологъ и произноситъ его передъ комисіей экзаменаторовъ. Сара знала только басню Лафонтена «Два голубка»; едва она произнесла двѣ первыя строфы, одинъ изъ экзаменаторовъ, знаменитый композиторъ Оберъ, остановилъ ее.

— Довольно, подойди сюда дѣвочка.

Она подошла смѣло, развязно. Въ то время она была очень худощавой и некрасивой; но ея глубокіе глаза блестѣли умомъ.

— Тебя зовутъ Сарой? спросилъ Оберъ.

— Да.

— Ты еврейка.

— Да, по рожденію, но я крещеная.

— Она крещеная! воскликнулъ Оберъ, обращаясь къ другимъ экзаменаторамъ,— жаль было-бы еслибъ такой милый ребенокъ не былъ крещенъ. Она отлично сказала свою басню «Два голубка». Ее надо принять.

Сара была принята въ консерваторію и сдѣлалась ученицей Прово и Самсона, лучшихъ учителей сценической дикціи. Пройдя съ успѣхомъ курсъ и получивъ первый призъ въ трагедіи на публичномъ экзаменѣ, она по праву поступила на первую парижскую сцену, въ театръ «французской комедіи». Но ея дебютъ въ «Ифигеніи» прошелъ незамѣченнымъ и критика только посмѣялась надъ странной орфографіей имени дебютантки. Находя, что ея имя и фамилія недостаточно звучны для театра, Сара написала на афишѣ вмѣсто Сара Бернаръ (Sarah Bernard) Сара-Бернгардтъ (Sarah-Bernhardt), прибѣгнувъ къ помощи соединительной черты между именемъ и фамиліей, чего никогда не дѣлается и къ излишнимъ вставнымъ буквамъ, которыхъ все-таки никто не произноситъ. Такимъ образомъ съ перваго шага Сара ознаменовала себя эксцентричностью и погоней за общественнымъ вниманіемъ. Однако, не смотря на эту выходку, ей сначала не повезло. Какъ всѣмъ молодымъ дебютанткамъ, ей не давали ролей, а она хотѣла во что-бы то ни стало прославиться; къ тому-же она отличалась неуживчивымъ, вспыльчивымъ характеромъ, доведшимъ ее до того, что она однажды на репетиціи дала пощечину старой заслуженной актрисѣ. Вскорѣ ея положеніе во «французскомъ театрѣ» стало невозможнымъ и директоръ Тьери посовѣтовалъ ей искать счастья на другой сценѣ.

Она перешла на театръ «гимназіи» и стала играть въ водевиляхъ, но не имѣла никакого успѣха. Впрочемъ и тутъ она оставалась недолго. Однажды она не явилась въ театръ, хотя ея имя стояло на афишѣ. За нею послали на домъ, но и тамъ ея не оказалось. На другой день директоръ Монтиньи получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она отказывалась отъ ангажемента и объясняла свое бѣгство очень характеристичной фразой: «Простите взбалмошной бѣдняжкѣ». Парижская мелкая пресса много занималась этимъ таинственнымъ бѣгствомъ и про Сару были распущены эксцентричные и скандальные слухи. Зачѣмъ и куда она бѣжала никто изъ ея біографовъ прямо не высказываетъ, только извѣстный театральный критикъ и пламенный ея поклонникъ, Сарсэ, съ милой граціей чистокровнаго парижанина, лукаво замѣчаетъ: «а пока французскіе репортеры посылали ее въ Америку и Брюсель, она преспокойно наслаждалась апельсинами на берегахъ Мансанареса, такъ какъ это былъ сезонъ, когда апельсинное дерево, «потерявъ свои дѣвственные цвѣты, даетъ золотые плоды». Это таинственное изрѣченіе бульварнаго сфинкса дѣлается понятнымъ, когда мы вспомнимъ, что первое театральное бѣгство Сары совершилось въ 1864 году, и что, по словамъ болѣе практическихъ и не столь медоточивыхъ англійскихъ хроникеровъ, Сару Бернаръ въ прошломъ году сопровождалъ въ Англію ея сынъ, 15-лѣтній мальчикъ.

Вернувшись въ Парижъ, Сара долго не могла найдти себѣ мѣста ни на одной сценѣ, наконецъ, выступила на театрѣ «Сен-Мартенъ» въ волшебной пьесѣ «La Biche aux Bois», гдѣ принимала участіе въ хорахъ и пѣла, по увѣренію Сарсэ, очень мелодичнымъ голоскомъ дуэтъ съ г-жею Угальдъ. Однако и мишурное торжество феэріи вскорѣ надоѣло ея подвижной, безпокойной натурѣ. Она отправилась къ директору «Одеона», который считается разсадникомъ молодыхъ талантовъ и смѣло сказала ему:

Къ ст. Сара Бернаръ.

— Меня отовсюду гонятъ, куда я ни обращусь, но, увѣряю васъ, у меня есть талантъ.

Дюкенель повѣрилъ ей на слово и въ 1867 году Сара Бернаръ поступила на сцену «Одеона» и переиграла тамъ множество ролей стараго и новаго репертуара, но безъ большого успѣха. Если-же ея имя стало пріобрѣтать все большую и большую извѣстность на парижскихъ бульварахъ, то это происходило не отъ ея сценической славы, а отъ постоянныхъ эксцентрическихъ выходокъ и поразительныхъ анекдотовъ, разсказываемыхъ объ ней въ газетахъ Нѣсколько разъ она посягала на свою жизнь (однажды не на шутку она приняла яду послѣ представленія пьесы La drame de la rue de la Paix) и всегда во время являлся спаситель, дававшій ей противоядіе. Потомъ у нея сгорѣли всѣ ея вещи въ квартирѣ и злые языки увѣряли, что она нарочно сама подожгла, чтобъ обратить на себя вниманіе. Наконецъ, разсказывали, что она спитъ въ гробу, что лучшимъ развлеченіемъ она считаетъ играть въ крокетъ мертвыми черепами, или рѣзать лягушекъ и т. п. Всѣ эти толки, въ которыхъ, конечно, было много преувеличеннаго, доставляли ей славу, но совершенно особаго рода.

Наконецъ въ январѣ 1869 года она одержала свою первую настоящую побѣду, какъ актриса, въ маленькой поэтической пьескѣ Копэ «Le Passant». Ея худощавая фигурка въ мужскомъ костюмѣ уличнаго флорентинскаго пѣвца и нѣжное воркованіе мелодичныхъ стиховъ привели въ восторгъ публику и впродолженіи долгаго времени «Le Passant» имѣла громадный успѣхъ. Почти ни одного бенефиса, почти ни одного представленія въ аристократическихъ домахъ не обходилось безъ этой пьески и Сары Бернаръ. Франко-прусская война пресѣкла успѣхи Сары и она послѣдовала за французской арміей на поля сраженій въ санитарномъ фургонѣ. Послѣ заключенія мира Сара снова вернулась на «Одеонъ» и представленіе 2 февраля 1872 года, драмы Виктора Гюго—«Рюи-Блазъ» увѣнчало ея вѣнцемъ славы, котораго она такъ давно жаждала. Маститый поэтъ пришелъ въ энтузіазмъ отъ ея игры и провозгласилъ ее первой актрисой нашего времени. Публика вторила его похваламъ и осаждала театръ.

Этотъ блестящій успѣхъ заставилъ задуматься Перена, директора «французской комедіи». Ему необходимо было обновить устарѣвшій персоналъ первой французской сцены и, забывъ старое, необращая вниманія на эксцентричности Сары, которыя плохо вязались съ серьезными правами «дома Мольера», онъ предложилъ ей ангажементъ. Она этого только и ждала, чтобъ увѣнчать зданіе своей славы и тотчасъ подписала контракъ. Но тутъ оказалось, что она была связана на годъ своимъ условіемъ съ «Одеономъ» и Дюкенель нехотѣлъ отпустить ее.

— Это пустяки, воскликнула Сара, — я заплачу неустойку.

Дѣйствительно она заплатила значительную сумму Дюкенелю и перешла снова во «французскій» театръ, гдѣ такъ неудачно дебютировала. Однако и теперь она не сразу завоевала себѣ первое мѣсто въ этой образцовой трупѣ. Она выступила въ извѣстной пьесѣ Дюма-отца «M-lle de Belle-Jsle» и почти что провалилась, къ величайшему удовольствію ея враговъ. Потомъ она играла въ класическомъ репертуарѣ юныхъ принцесъ Расина съ нѣкоторымъ успѣхомъ, но вообще публика была къ ней холодна до «Сфинкса»—Октава Фелье, въ которомъ, несмотря на колосальный успѣхъ Круазеттъ, примѣнившей впервые на сценѣ патологическій эфектъ смерти съ настоящими судорогами, Сара Бернаръ съумѣла выдвинуть на первый планъ второстепенную, но симпатичную роль нѣжной, любящей, оскорбленной въ своемъ супружескомъ достоинствѣ Берты. Съ этого дня всѣ признали въ ней звѣзду первой величины, а сыгранная ею затѣмъ «Федра» заставила многихъ критиковъ поставить ее наравнѣ съ великой Рашель.

Послѣ долгихъ усилій цѣль была достигнута: эксцентричная Сара стала «божественной» Сарой, «воскресшей Рашелью», по словамъ Эмиля Жирандена, первымъ свѣтиломъ «французской комедіи, любимымъ кумиромъ публики и пресы. Съ тѣхъ поръ каждая пьеса, сыгранная ею только вплетала новые лавры въ вѣнецъ ея славы. «Дочь Ролана», Борнье, «Побѣжденный Римъ», Паради, «Иностранка», Ожье и особенно «Эрнани» и «Рюи Блазъ» сводили съ ума весь Парижъ. По мѣткому выраженію Золя, «впродолженіи 8 лѣтъ Сара Бернаръ была божествомъ, передъ которымъ всѣ преклонялись. Публика

и преса какъ бы заключили безмолвный контрактъ находить все въ ней прекраснымъ. Втеченіи этихъ 8 лѣтъ нельзя отыскать ни одной строчки, написанной противъ нея авторитетнымъ именемъ. Весь Парижъ былъ у ея ногъ».

Повидимому, и чрезмѣрное самолюбіе могло довольствоваться славой первой французской актрисы; нѣтъ, Сарѣ этого было недостаточно. Она сдѣлалась скульпторомъ, живописцемъ, писателемъ. Ея статуи, картины и портреты появляются на выставкахъ; она пишетъ отчеты о художественныхъ произведеніяхъ въ газетахъ и печатаетъ книгу о своемъ путешествіи подъ небеса въ «шарѣ на привязи» во время Парижской выставки. Парижъ всему рукоплещетъ, всѣмъ восторгается. Увлекши парижанъ, Сара захотѣла увлечь и лондонцевъ; въ прошломъ году съ «французской комедіей» она ѣздила въ Лондонъ и свела съ ума хладнокровныхъ англичанъ, которые прощали ей всевозможныя выходки. На завтракѣ у лорда-мэра она наговорила хозяину грубостей, на одномъ вечерѣ въ аристократическомъ домѣ она заставила ждать себя все общество болѣе часа, хотя ей заплатили 120 фун. стерлинговъ за игру въ безсмысленной пьескѣ, въ которой она, болтая, ваяетъ статуетку; наконецъ, она не явилась на представленіе «Иностранки» безъ всякой причины и заставила разойдтись публику, заплатившую баснословныя деньги за мѣста. Но все это забывалось и англійская публика, даже болѣе парижской, баловала Сару и искренно любовалась ея выставкой картинъ, которыя однако, по словамъ одного серьезнаго художественнаго критика, сдѣлали бы честь только 14-лѣтней дѣвочкѣ, взявшей 10 уроковъ. Все это поклоненіе свернуло окончательно голову «взбалмошной бѣдняжкѣ», тѣмъ болѣе, что англійскіе и американскіе антрепренеры сулили ей милліоны. Она воспользовалась какой-то статьей театральнаго критика «Фигаро», Витю, показавшейся ей не достаточно почтительной и подала въ отставку изъ актрисъ-пайщицъ «французской комедіи». Эта исторія произвела скандалъ въ Парижѣ, но ее удалось замять и Сара Бернаръ осталась, но выговорила согласіе директора на новую поѣздку въ нынѣшнемъ году въ Лондонъ.

Все шло хорошо до памятнаго воскресенья 18 апрѣля, Сара попрежнему приводила всѣхъ въ восторгъ; Парижъ по прежнему лежалъ у ея ногъ. «Вдругъ въ одну ночь все измѣнилось, скажемъ словами Золя. — Наканунѣ вечеромъ всѣ ей рукоплескали, а на слѣдующій день у нея не оказывалось никакого таланта, такъ-таки никакого. Пресса, преклонявшаяся передъ нею въ субботу, возстала на нее въ воскресеніе. Ее поносили, доказывали, что она никогда не посмѣетъ болѣе появиться на французской сценѣ изъ боязни, что ее ошикаютъ. Боже мой, что-же случилось? Очень простой фактъ: Сара Бернаръ подала въ отставку».

Второе бѣгство Сары произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ субботу 17 апрѣля она играла въ первый разъ роль «Клоринды» въ извѣстной пьесѣ Ожье, «Aventurière» и публика встрѣтила ее не съ обычнымъ восторгомъ, вѣроятно, потому, что она отошла отъ типа аристократки, созданнаго г-жей Арну-Плесси и представила куртизанку. Однако все-таки ей много аплодировали и такой безпристрастный въ этомъ случаѣ судья, какъ Золя, никогда не курившій ей фиміамъ, отозвался съ большей похвалой объ ея игрѣ, даже увѣрялъ, что въ сценѣ страстнаго порыва она была выше своей предшественницы. Но другіе критики на слѣдующій день отнеслись къ Сарѣ очень холодно, а злосчастный Витю въ «Фигаро» снова срубилъ ей, осмѣлившись сказать, что она играла не донну Клоринду въ «Aventurière», а Виржини въ «Assomoir». Этого было достаточно, чтобы взбѣсить Сару, она тотчасъ написала письмо Перену, въ которомъ взваливала на него всю вину ея перваго фіаско, такъ какъ онъ далъ ей всего 8 репетицій и приказалъ играть, когда она еще не была готова. По этому она подаетъ въ отставку. Въ тотъ-же день она скрылась изъ Парижа. Перенъ и Ожье немедленно объяснили публикѣ, что дѣло происходило вовсе не такъ, какъ увѣряла Сара, что репетицій было 18 и что если не на каждую изъ нихъ являлась Сара, то въ этомъ они не были виноваты, что, наконецъ, она сама объявила, что готова и ручалась за успѣхъ. Въ концѣ своего письма Ожье ядовито прибавилъ: «она играла такъ-же хорошо, какъ всегда, съ тѣми-же недостатками и достоинствами, которыя вовсе не касаются искуства; будемъ снисходительны къ этой выходкѣ хорошенькой женщины, которая подвизается въ столькихъ различныхъ художествахъ съ одинаковымъ успѣхомъ и прибережемъ строгость для артистовъ менѣе всеобъемлющихъ, но болѣе серьезныхъ». Нота была дана; почти вся пресса начала ломать свой недавній кумиръ, «божественная» Сара оказалась «балаганной акробаткой», какъ ее въ гнѣвѣ называли и прежде актрисы и актеры «французской комедіи», съ которыми она никогда не ладила. Публика присоединилась къ прессѣ и, когда Перенъ поторопился отдать ея роли въ «Aventurière» Круазетъ, а въ «Рюи Блазѣ» Барте, она сдѣлала блестящія оваціи ея преемницамъ, хотя по трезвому голосу безпристрастной критики, если первая дѣйствительно выше Сары въ этой роли, то послѣдняя, еще очень молодая актриса, далеко остается позади, что однако не мѣшаетъ Виктору Гюго съ восторгомъ прославлять ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ актеровъ и актрисъ-пайщиковъ «французской комедіи» вычеркнулъ изъ своего списка Сару Бернаръ и предъявилъ въ судъ искъ о взысканіи съ нея за убытки 300,000 фр. Такимъ образомъ «божественная» Сара уничтожена, убита въ Парижѣ, но на долго-ли и справедливо-ли?

Золя, нисколько не защищая легкомысленнаго и неприличнаго поступка Сары Бернаръ, которая, если хотѣла подать въ отставку, могла найдти лучшій предлогъ, однако совершенно справедливо возстаетъ противъ неожиданнаго охлажденія къ ней публики и прессы. «Вы говорите теперь, что у нея нѣтъ таланта, пишетъ онъ, — такъ зачѣмъ-же вы одуряли ее фиміамомъ втеченіи 8 лѣтъ? Вы развили въ ней эту нервную щепетильность, которая вамъ теперь кажется чрезмѣрной. Вы портите женщинъ, а потомъ убиваете ихъ. Эта намъ надоѣла, подавайте другую. У васъ нѣтъ никакой мѣры, ни въ похвалахъ, ни въ осужденіи. Вы возносите актрису на небеса и потомъ вдругъ ударомъ кулака низвергаете ее въ грязь. Какъ-же тутъ удивляться, что такая деликатная машина приходитъ въ разстройство. О! народъ паяцовъ! Гораздо лучше имѣть тебя противникомъ, тогда по крайней мѣрѣ можно бояться только твоей внезапной нѣжности». Также строго относится Золя къ Ожье, который самъ выбралъ Сару для роли Клоринды, хотя Перенъ хотѣлъ отдать эту роль Круазетъ, и теперь отрицаетъ въ ней всякій талантъ. Что-же касается послѣдствій этой исторіи, то Золя очень философски замѣчаетъ: «Французской комедіи нанесенъ большой ударъ, Сара Бернаръ оставила послѣ себя громадную пустоту, но требовать съ нея 300,000 фр. уже слишкомъ строго. Лучше всего кончить дѣло миролюбиво. Но для этого необходимо время. Сара Бернаръ вернется во «французскую комедію», гдѣ ее никѣмъ не замѣнятъ, потому что она прежде всего самобытная натура. Тогда съ той и съ другой стороны удивятся, изъ-за чего сыръ боръ загорѣлся. Милые бранятся только тѣшатся».

Однако теперь еще незамѣтно желанія мириться ни съ одной стороны, особенно Сара объ этомъ и не думаетъ. Она отдалась всецѣло жаждѣ наживы, что впрочемъ объясняется ея громадными долгами. Убѣжавъ изъ Парижа, она отправилась въ Лондонъ и дала тамъ рядъ представленій съ плохой, наскоро набранной труппой, и хотя англичане не выказали къ ней прошлогодняго безумнаго энтузіазма, но все-таки она имѣла большой успѣхъ, особенно денежный. Въ одинъ свой бенефисъ она выручила 26,000 фр. и изъ Лондона отправилась на 3 представленія въ Манчестеръ и Ливерпуль. Репертуаръ ея состоитъ изъ немногихъ пьесъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ: «Адріена Лекувреръ» и «Фру-Фру», еще неигранныя ею въ Парижѣ. По словамъ англійскихъ драматическихъ критиковъ Тома Тэлора и Сала, она въ обоихъ этихъ пьесахъ доходитъ до высшей, недосягаемой ступени искуства. А Сарсэ, послѣдовавшій за нею въ Лондонъ, увѣряетъ, что не видѣвшіе Сары Бернаръ въ «Адріенѣ», особенно въ «Фру-Фру», не могутъ себѣ представить, до какого совершенства можетъ дойти сценическое искуство. Какъ только кончится артистическая поѣздка Сары Бернаръ по Англіи, она отправится на нѣсколько представленій въ Брюссель, а оттуда въ Америку, гдѣ она будетъ играть въ Нью-Іоркѣ и въ главнѣйшихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. За это путешествіе она получитъ по 2,500 фр. за представленіе, извѣстный процентъ со сбора и на расходы по 1,500 фр. въ недѣлю. Затѣмъ она вернется въ Лондонъ и, говорятъ, въ будущемъ году осенью посѣтитъ и Петербургъ. Тогда наша публика убѣдится, насколько преувеличены, какъ слѣпое поклоненіе передъ «божественной» Сарой, такъ и отрицаніе въ ней всякаго таланта.

Пишущему эту замѣтку удалось видѣть Сару Бернаръ въ лучшихъ ея роляхъ; не отрицая, что она замѣчательная актриса, нельзя не сказать, что въ ней есть все — и удивительная пластика, и рѣдкая, особенно во французской актрисѣ, простота, и сценическая наружность, и знаніе сцены, и, главное, такой мелодичный, бархатный и подкупающій голосъ; — только недостаетъ: огня, силы, геніи. Она всегда играетъ ровно, всегда пріятно видѣть ее на сценѣ, но она не производитъ потрясающаго впечатлѣнія, не заставляетъ ни на минуту забыть, что передъ зрителемъ актриса, она никогда не потрясетъ нервовъ, не вызоветъ искренней слезы. Поэтому какъ-то трудно вѣрится, что въ «Фру-Фру», въ которой Петербургъ еще живо помнитъ высокоталантливую Деляпортъ, Сара могла заставить плакать на взрыдъ холодныхъ англичанъ. Такую власть надъ своей публикой можетъ имѣть только артистка, всецѣло преданная искуству, которая отдается ему вполнѣ, а по мѣткому выраженію Ожье, «Сара Бернаръ занимается слишкомъ многими художествами», чтобъ быть дѣйствительно увлекающейся и увлекающей актрисой. Наконецъ, самъ ея ревностный заступникъ Сарсэ разсказываетъ, что, сомнѣваясь въ успѣхѣ «Фру-Фру», она предлагала антрепренеру, въ случаѣ неудачи, разучить въ 3 дня роль Гамлета, такъ какъ, конечно, англійская публика побѣжала-бы толпами на такую диковину. Если Сара серьезно имѣла подобное намѣреніе, отъ котораго ее удержалъ только успѣхъ «Фру-Фру», то, конечно, ей скорѣе идетъ титулъ «балаганной акробатки», чѣмъ «воскресшей Рашели». Еще послѣдняя черта: въ Парижѣ готовится какой-то громадный благотворительный праздникъ и устроители его, аристократическія дамы, обратились съ просьбой къ Сарѣ Бернаръ участвовать въ немъ. Сара тотчасъ согласилась, но, боясь, чтобъ

ее не ошикали, и зная отлично легкомысленную парижскую публику, она рѣшилась явиться передъ своими недавними поклонниками въ совершенно новой роли—танцовщицы. Послѣ этого намъ остается только вспомнить ея искреннія слова, которыя отлично характеризуютъ всю ея жизнь, полную странностей, несообразныхъ контрастовъ и эксцентричностей, хотя въ 35 лѣтъ пора-бы остепениться:

«Простите мнѣ, взбалмошной бѣдняжкѣ».

Настоящая замѣтка иллюстрирована двумя рисунками: на одномъ Сара Бернаръ изображена въ мужскомъ костюмѣ, въ ея мастерской скульптора; на второмъ—въ роли «Маріи Нейбургской» въ драмѣ Виктора Гюго, «Рюи Блазъ».

Явленія развитія въ мірѣ насѣкомыхъ.

Энтомологическіе очерки **Л. К. Попова.**

(Продолженіе.)

VI.

бращаясь къ разсмотрѣнію упомянутыхъ выше соотношеній, намъ необходимо прежде всего замѣтить, что среди многочисленныхъ животныхъ формъ, у которыхъ вовсе не наблюдается превращеніе, сходство молодыхъ животныхъ съ ихъ родителями представляетъ однако нѣкоторыя ограниченія. Правда, въ общихъ чертахъ это сходство можетъ быть названо совершеннымъ и мы не найдемъ такихъ, напримѣръ, рѣзкихъ различій въ строеніи между только-что вылупившимся цыпленкомъ и курицей, какое обнаруживаютъ гусеница и бабочка или головастикъ и лягушка. Но тѣмъ не менѣе и для животныхъ, неподлежащихъ метаморфозу, это сходство далеко не полное; и здѣсь обнаруживается различіе, но различіе не столь рѣзкое, различіе въ деталяхъ, весьма, впрочемъ, характерныхъ. Достаточно уже обратить вниманіе на то обстоятельство, что многія животныя, принадлежащія къ той или другой групѣ, обнаруживая значительныя особенности въ періодъ возмужалости, гораздо болѣе приближаются другъ къ другу въ молодости, или, вѣрнѣе, въ дѣтствѣ. Такъ, напримѣръ, птицы не только одного рода, но иногда и двухъ различныхъ родовъ, достигнувъ законченнаго развитія, отличаются различной окраскою оперенія, тогда какъ въ состояніи дѣтства они окрашены болѣе или менѣе однообразно.

Тоже самое обнаруживается и среди млекопитающихъ, и здѣсь также періодъ молодости составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ наибольшаго сходства, а время зрѣлости—время обособленія, время наибольшаго расхожденія признаковъ. Сравните, напримѣръ, только-что родившихся дѣтенышей кошачьей породы; не говоря уже о болѣе мелкихъ особенностяхъ, но вначалѣ трудно, даже не всегда возможно уловить между ними видовыя различія, которыя однако по мѣрѣ возмужалости выступаютъ все рѣзче и рѣзче. Правда, молодыя животныя, принадлежащія къ двумъ далеко отстоящимъ другъ отъ друга групамъ, напримѣръ, хищнымъ и травояднымъ, обнаруживаютъ между собою, въ сущности, также мало сходственныхъ чертъ, какъ и ихъ родители.

Было-бы, однако, крайне поспѣшно обобщать такое положеніе. Примѣръ съ сумчатыми можетъ представить наглядныя свидѣтельства такой поспѣшности. Молодыя животныя этихъ млекопитающихъ, какъ мы знаемъ, совершенно не походятъ на своихъ родителей; но тѣмъ болѣе они приближаются другъ къ другу по своему крайнему недоразвитію формъ. Они въ этомъ періодѣ напоминаютъ зародышей другихъ млекопитающихъ и вотъ на это-то обстоятельство намъ и надлежитъ теперь обратить вниманіе.

Между щенкомъ и котенкомъ легко усмотрѣть ихъ родовыя различія, но если мы обратимся къ зародышевому состоянію этихъ животныхъ, то не найдемъ уже этихъ различій. Мало того, мы увидимъ тогда, что различія уменьшаются по мѣрѣ перехода къ болѣе ранней стадіи зародыша. И это справедливо не только по отношенію къ кошкѣ и собакѣ, но по отношенію ко всѣмъ животнымъ, не исключая человѣка. Даже Агасицъ, этотъ поклонникъ всевозможныхъ пертурбацій, съ такимъ упорствомъ отрицавшій идею постепеннаго развитія, дошедшій въ своемъ упорствѣ чуть-ли не до признанія теоріи оборотней,—даже Агасицъ, говоримъ мы, не могъ закрыть глаза передъ той послѣдовательностью, съ какою выражается эмбріональное развитіе животныхъ. Онъ говоритъ: «зародыши различныхъ животныхъ тѣмъ болѣе походятъ другъ на друга, чѣмъ они моложе». Но ранѣе другихъ это положеніе было совершенно опредѣленно формулировано знаменитымъ Карломъ фонъ-Бэромъ, который показалъ, что въ самыхъ первичныхъ, начальныхъ стадіяхъ зародышеваго развитія организмъ обнаруживаетъ наибольшее число такихъ признаковъ, которые общи всѣмъ другимъ организмамъ въ ихъ раннихъ стадіяхъ; что въ слѣдующей затѣмъ стадіи его строеніе подобно строеніямъ, обнаруживаемымъ на соотвѣтствующихъ ступеняхъ меньшимъ числомъ организмовъ, и что, вообще, съ каждымъ дальнѣйшимъ развитіемъ зародыша, въ немъ постепенно все рѣзче и рѣзче обозначаются признаки, послѣдовательно отличающіе его отъ групъ другихъ зародышей, которымъ онъ былъ вначалѣ подобенъ. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ изъ общихъ признаковъ типа выдѣляются сперва родовыя, затѣмъ видовыя особенности, организмъ зародыша постепенно все болѣе и болѣе приближается къ организаціи его родителей.

Эмбріологія всего органическаго міра подтверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ достовѣрность только-что сказаннаго. Въ самомъ начальномъ зародышевомъ состояніи всѣ организмы, начиная съ простѣйшаго и заканчивая наиболѣе сложнымъ, въ сущности, совершенно подобны другъ другу, потому что всѣ они въ этотъ періодъ состоятъ изъ сравнительно однороднаго протоплазматическаго образованія, не отличающагося опредѣленнымъ строеніемъ. Наиболѣе простѣйшіе организмы такъ и остаются въ этомъ состояніи; у нѣкоторыхъ это протоплазматическое образованіе распадается на 2 части—содержимое и ядро, или на 3—содержимое, ядро и оболочку, чѣмъ и заканчивается все развитіе такъ называемыхъ одноклѣточныхъ организмовъ. У сложныхъ организмовъ вначалѣ одноклѣточный зародышъ дробится на нѣсколько новыхъ клѣточекъ, которыя, однако, не распадаются на самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга существа, не обособляются совершенно, а, напротивъ, остаются вмѣстѣ. Будучи въ первомъ періодѣ однородными, эти клѣточки путемъ взаимодѣйствія исподволь измѣняются: нѣкоторыя пріобрѣтаютъ болѣе удлиненную форму, другія становятся плоскими, постепенно у нихъ развиваются тѣ или другія специфическія особенности и онѣ, соединяясь групами, даютъ начало тканямъ, которыя въ свою очередь соединяются для образованія органовъ, которые въ совокупной ихъ цѣлости и составляютъ тѣло зародыша.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что «сложный организмъ начинаетъ свою жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ низшее существо пребываетъ во время всего своего существованія». Другими словами, зародышъ сложнаго организма вначалѣ совершенно подобенъ тому несложному органическому образованію, отъ котораго въ отдаленномъ прошломъ произошли его предки. Но послѣдніе должны были пройдти цѣлый рядъ переходныхъ состояній, послѣдовательно усложнявшихся, прежде чѣмъ достигнуть своей современной формы; тотъ-же рядъ переходныхъ состояній, но, конечно, въ сокращенномъ видѣ, предстоитъ пройдти и зародышу. Для примѣра обратимъ вниманіе на тѣ послѣдовательныя измѣненія, которыя обнаруживаетъ человѣческій организмъ въ эмбріональномъ состояніи.

Какъ-бы ни казалось страннымъ, а между тѣмъ положительно извѣстно, что въ начальномъ періодѣ зародышъ человѣка ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ зародыша, изъ котораго развивается любое животное или растеніе. «Первое замѣтное структурное измѣненіе, происходящее въ этомъ человѣческомъ зародышѣ, есть измѣненіе, характеризующее исключительно зародышей животныхъ, отдѣляющее ихъ отъ зародышей растеній. Слѣдующее затѣмъ отличіе есть отличіе, представляемое всѣми позвоночными, но никогда не представляемое суставчатыми или молюсками. До сихъ поръ человѣческій зародышъ походилъ еще на зародыши всѣхъ рыбъ, пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ, но теперь онъ принимаетъ строеніе, которое существуетъ только у зародышей млекопитающихъ. Позднѣе зародышъ подвергается измѣненіямъ, которыя исключаютъ его изъ групы неплацентныхъ млекопитающихъ *) и доказываютъ, что онъ принадлежитъ къ групѣ плацентныхъ млекопитающихъ. Еще позже онъ становится не похожимъ на зародыши тѣхъ плацентныхъ млекопитающихъ, которыя извѣстны подъ именемъ копытныхъ, и продолжаетъ имѣть сходство только съ когтными. Мало-по-малу онъ становится похожимъ только на зародышей четверорукихъ. Наконецъ, при рожденіи ребенокъ, принадлежащій къ какой-бы то ни было человѣческой расѣ, по строенію очень походитъ на дѣтей всѣхъ другихъ человѣческихъ расъ и только впослѣдствіи пріобрѣтаетъ различныя мелкія особенности формы, характеризующія разновидность человѣка, къ которой онъ принадлежитъ» (Гербертъ Спенсеръ).

VII.

Принимая во вниманіе тѣ измѣненія, которыя испытываетъ организмъ втеченіи своего эмбріональнаго развитія, мы видимъ, что вопросъ о сходствѣ молодой формы съ взрослою есть вопросъ степени. Въ самомъ дѣлѣ, предъидущее показываетъ намъ наглядно, что даже для наиболѣе высокоорганизованнаго существа, какъ человѣкъ, имѣется въ его жизни такой періодъ, когда она не обнаруживаетъ ни малѣйшаго сходства съ вполнѣ развитою формою,—это періодъ первой стадіи утробной жизни человѣческаго организма, первой стадіи его эмбріональнаго состоянія. Различіе между данными двумя періодами въ тысячу разъ превосходитъ всѣ тѣ несходства, которыя замѣчаются въ случаяхъ метаморфоза, между личинкою какого-нибудь насѣкомаго и его вполнѣ развитою формою, но тѣмъ не менѣе это различіе выполняется не разомъ, переходъ отъ одного состоянія къ другому достигается рядомъ естественныхъ измѣненій и никто въ этихъ измѣненіяхъ не усмотритъ, конечно, никакихъ быстрыхъ превращеній, хотя данныя измѣненія несравненно глуб-

*) Сюда именно относятся сумчатыя; групу плацентныхъ составляютъ всѣ остальныя млекопитающіяся, исключая однопроходныхъ, каковы утконосъ и ехидна.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА ЖЮЛЯ БРЕТОНА.

Вечеръ.

По фотографіи **Гупиля**, собственника картины; рѣзалъ на деревѣ **А. Лѣвейль.**

КАРТИНА МУКАРЖОВСКАГО.

Непріятный соперникъ.

Рѣзалъ на деревѣ А. Паръ.

же тѣхъ, которыя обнаруживаетъ метаморфозъ насѣкомыхъ.

Но почему-же это такъ? Только потому, что всѣ тѣ предварительныя, переходныя, временныя состоянія, которыя предстоитъ пройдти организму прежде, чѣмъ молодое животное достигнетъ своего полнаго развитія, что всѣ эти измѣненія, въ первомъ случаѣ, организмъ испытываетъ во время своей утробной жизни, тогда какъ во второмъ, напротивъ, онъ претерпѣваетъ если не всѣ, то нѣкоторыя изъ переходныхъ состояній послѣ рожденія; они не скрыты, подобно предъидущимъ, напротивъ, ихъ легко наблюдать каждому, и потому понятно, они легко производятъ впечатлѣніе такихъ видимо рѣзкихъ превращеній, какія яко-бы отсутствуютъ въ организмахъ съ несложнымъ размноженіемъ. Возьмите для сравненія зародышъ человѣка и личинку лягушки: мы видѣли выше, что на извѣстной стадіи развитія человѣческій зародышъ бываетъ подобенъ зародышу рыбъ; та-же стадія развитія наблюдается и у лягушки; но человѣческій организмъ проходитъ эту стадію въ утробѣ матери, до рожденія, тогда какъ лягушка переживаетъ туже стадію послѣ рожденія, по выходѣ изъ яйца, переживаетъ ее въ видѣ головастика. Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ мы имѣемъ простое размноженіе, въ другомъ—сложное, сопровождаемое явленіемъ метаморфозы. Между этими двумя, повидимому, совершенно разнохарактерными явленіями не замѣчается никакого существеннаго различія. Тамъ и тутъ мы имѣемъ дѣло съ развитіемъ, тамъ и тутъ это развитіе достигается однимъ и тѣмъ-же путемъ, путемъ преемственныхъ измѣненій. Мы теперь понимаемъ также легко, почему дѣтеныши сумчатыхъ, напримѣръ, кэнгуру, въ первомъ періодѣ обнаруживаютъ такое рѣзкое несходство съ взрослой формой, какое не замѣчается у другихъ млекопитающихъ; причина очень простая: зародышъ сумчатыхъ рождается ранѣе своего полнаго развитія и заканчиваетъ это развитіе внѣ утробы матери, что у другихъ млекопитающихъ не имѣетъ мѣста. Точно такимъ-же образомъ, если-бы зародышъ насѣкомаго успѣвалъ пройдти въ яйцѣ всѣ переходныя, промежуточныя стадіи, подобно тому, какъ это наблюдается у птицъ, то онъ рождался-бы на свѣтъ совершенно похожимъ на своихъ родителей, похожимъ, по крайней мѣрѣ, въ такой-же степени, въ какой цыпленокъ походитъ на курицу.

И такъ мы видимъ, что положеніе будто явленіямъ метаморфозы или превращенія подлежатъ только нѣкоторыя животныя, въ сущности, невѣрно. Напротивъ, мы должны признать, что превращеніе, по скольку рѣчь идетъ о несходствѣ молодой формы со взрослою, испытываютъ всѣ животныя, но только одни до рожденія, а другія послѣ рожденія; у каждаго животнаго есть своя «личинка», но у однихъ эта личинка живетъ только эмбріональной жизнію, она не способна къ самостоятельному существованію, а у другихъ — напротивъ. Мы можемъ такимъ образомъ повторить положеніе Катрфажа, что личинка насѣкомыхъ и вообще животныхъ съ сложнымъ размноженіемъ, есть ничто иное, какъ зародышъ въ состояніи независимаго, самостоятельнаго существованія.

VIII.

Въ виду всѣхъ этихъ положеній, достовѣрность которыхъ засвидѣтельствована масою разнообразнѣйшихъ данныхъ, не только было-бы ошибочно противопоставлять превращеніе явленіямъ развитія, но совершенно наоборотъ, это превращеніе хотя-бы и насѣкомыхъ составляетъ необходимое слѣдствіе постепенныхъ преемственныхъ измѣненій, разъ зародышъ не успѣваетъ пройдти въ яйцѣ всѣ стадіи своего развитія.

Вопросъ, стало быть, сводится къ опредѣленію тѣхъ причинъ, которыя обусловливаютъ это количественное различіе. Въ самомъ дѣлѣ, если вся разница состоитъ въ томъ, что одни животныя испытываютъ превращеніе до рожденія, а другія послѣ, то естественно спросите: почему-же это такъ? Въ силу какихъ причинъ зародыши нѣкоторыхъ животныхъ проходятъ всѣ свои промежуточныя, временныя фазы въ утробѣ матери или въ яйцѣ, а зародыши другихъ животныхъ, напротивъ, доканчиваютъ эти превращенія на свободѣ, по выходѣ изъ яйца?

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, что развитіе организма, какъ знаетъ каждый, находится въ несомнѣнной зависимости отъ питанія; это вовсе не значитъ, чтобы пищевыя вещества опредѣляли собою самый характеръ развитія организаціи, его особенности; но пищевыя вещества служатъ тѣмъ сырымъ матеріаломъ, безъ котораго невозможны образовательные процесы, подобно тому, какъ безъ камня и цемента нельзя построить каменнаго дома, хотя архитектура зданія, расположеніе помѣщеній и пр. вовсе не зависитъ отъ самаго матеріала.

Но какое-же отношеніе представляетъ эта зависимость развитія отъ питанія къ вышепоставленному вопросу? Очень важное, какъ мы сейчасъ увидимъ, она болѣе или менѣе полно разъясняетъ загадку.

Какъ мы знаемъ, зародыши всѣхъ животныхъ, даже наиболѣе сложныхъ, являются вначалѣ въ видѣ клѣточекъ; каждая такая клѣточка составляетъ прототипъ яйца. Такое яйцо отличается отъ куринаго, напримѣръ, существенно только тѣмъ, что послѣднее помимо бѣлка содержитъ сравнительно очень большую масу желтка, служащаго для питанія зачаточной клѣтки, изъ которой имѣетъ развиться будущій цыпленокъ. Замѣтимъ однако, что не только у птицъ, но и у другихъ также животныхъ, хотя и не у всѣхъ, яйца снабжены питательнымъ желткомъ. При этомъ обнаруживается еще слѣдующее различіе: у нѣкоторыхъ животныхъ яйца надѣлены этимъ питательнымъ желткомъ въ избыткѣ, у другихъ, напротивъ, въ недостаточномъ количествѣ. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ благодаря именно избытку пищевого запаса, зародышъ получаетъ возможность совершить все свое развитіе въ яйцѣ, примѣромъ чего служатъ, между прочимъ, птицы; во второмъ-же случаѣ, когда питательнаго желтка мало, не говоря уже объ его совершенномъ отсутствіи, этотъ пищевой матеріалъ весь исчерпывается прежде, чѣмъ зародышъ успѣетъ достигнуть своего полнаго развитія и потому, естественно, онъ рождается на свѣтъ не похожимъ на своихъ родителей. Такими именно особенностями и отличаются яйца лягушки, насѣкомыхъ, и такъ какъ упомянутое только-что недоразвитіе зародыша составляетъ, какъ мы знаемъ, условіе метаморфозы, то теперь уже легко понять, почему животныя съ сложнымъ размноженіемъ, въ томъ числѣ и насѣкомыя, испытываютъ превращенія.

И такъ первый вопросъ о несходствѣ молодой формы—личинки съ взрослою—совершеннымъ насѣкомымъ, можно считать законченнымъ. Мы видимъ, что съ этой стороны превращеніе насѣкомыхъ не только не противорѣчитъ ученію о постепенности развитія, но какъ нельзя лучше истолковывается этимъ ученіемъ. Мало того, указанная выше связь подтверждается еще въ другомъ отношеніи.

Мы замѣтили выше, что если-бы насѣкомое успѣвало пройдти въ яйцѣ всѣ переходныя, промежуточныя стадіи, подобно тому, какъ это наблюдается у птицъ, оно рождалось-бы на свѣтъ совершенно похожимъ на своихъ родителей, похожимъ, по крайней мѣрѣ, въ такой-же степени, въ какой цыпленокъ походитъ на курицу. Мы знаемъ теперь, почему это невозможно; но было-бы, однако, ошибочно полагать, что это невозможно для всѣхъ насѣкомыхъ; зародыши нѣкоторыхъ насѣкомыхъ для своего законченнаго развитія какъ нельзя болѣе довольствуются тѣмъ запасомъ пищевого матеріала, который имѣется въ яйцѣ, и всѣ такія насѣкомыя являются на свѣтъ въ такой-же мѣрѣ похожими на родителей своихъ, какъ и животныя съ простымъ размноженіемъ. Для такихъ насѣкомыхъ термины «личинка» и «куколка» совершенно теряютъ свое характерное значеніе. Правда, и по отношенію къ этимъ насѣкомымъ поименованные термины удерживаются, но болѣе по старой привычкѣ все укладывать въ извѣстную рамку, хотя природа на каждомъ шагу доказываетъ несостоятельность всѣхъ подобныхъ ограниченій. Такъ и въ настоящемъ случаѣ личинки и куколки тѣхъ насѣкомыхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, почти также мало походятъ на «личинки» и «куколки», какъ и взрослое насѣкомое; личинка не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ періодомъ оцѣпенѣнія, который наблюдается, напримѣръ, у бабочекъ, напротивъ, куколка такъ-же подвижна, какъ взрослое насѣкомое, и иногда или совершенно походитъ на послѣднее, какъ, напримѣръ, у многихъ прямокрылыхъ (кузнечиковъ и друг.), или-же, какъ у полужесткокрылыхъ, отличается отъ совершенныхъ насѣкомыхъ тѣмъ только, что вмѣсто крыльевъ имѣетъ одни зачатки ихъ.

Всѣ подобныя насѣкомыя съ такъ-называемымъ «неполнымъ превращеніемъ», а сюда принадлежатъ помимо упомянутыхъ: тараканы, сверчки, клопы, уховертки и пр. — всѣ эти насѣкомыя представляютъ дальнѣйшее подтвержденіе предъидущаго, доказывая именно, что явленіе метаморфозы, въ смыслѣ несходства молодой формы со взрослою, и въ мірѣ насѣкомыхъ имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда зародышъ выходитъ изъ яйца ранѣе своего законченнаго развитія; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда это развитіе завершается въ яйцѣ, насѣкомыя не испытываютъ превращеній, они рождаются похожими на родителей, подобно животнымъ съ простымъ размноженіемъ.

И такъ мы знаемъ уже почему, въ силу какихъ причинъ нѣкоторыя изъ насѣкомыхъ по выходѣ изъ яйца не обнаруживаютъ никакого сходства съ тою формою, которую они пріобрѣтаютъ въ періодѣ полнаго развитія; но мы знаемъ также, что это не обнимаетъ собою всѣхъ явленій метаморфозы насѣкомыхъ; намъ остается еще отвѣтить на второй вопросъ: о причинѣ промежуточнаго состоянія оцѣпенѣнія, которое такъ характерно, напримѣръ, для куколки бабочки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ рисункамъ.

Вечеръ, картина Жюля Бретона. — Изъ всѣхъ французскихъ пейзажистовъ наибольшей поэтичностью и наибольшимъ чувствомъ реальной правды отличается Жюль Бретонъ; всѣ его картины переполнены жизнію полей, полевыми работами, радостями и печалями деревенской жизни. Безъ всякаго сомнѣнія, одна изъ самыхъ возвышенныхъ задачъ художника заключается въ томъ, чтобы, вдохновляясь явленіями ежедневной и будничной жизни, извлекать помощью художественнаго произведенія все то, что въ этихъ явленіяхъ скрыто истинно прекраснаго и прочнаго. Цѣли и задачи своего искусства понимаетъ именно такимъ образомъ Жюль Бретонъ. Замѣчательно, что своею спеціальностью художникъ выбралъ исключительно нормандскую природу и нормандскихъ крестьянокъ. Всѣ его картины наполнены ими. Но какъ удивительно правдивы, какъ жизненны эти крестьянки! Но не смотря на поэтичность его картины, Бретонъ не забылъ дѣйствительно художественной ноты и не впалъ въ ошибку, напр., Бугро́, который напи-

салъ своихъ жницъ слишкомъ красиво, какъ будто-бы вмѣсто красокъ у него былъ кольдъ-крэмъ, какъ выразился одинъ изъ французскихъ критиковъ. Не таковы полольщицы (sarcleuses) Бретона въ его картинѣ «Вечеръ». Сельскую идилію Бретонъ изобразилъ не въ задумчивыхъ и мечтательныхъ глазахъ полевыхъ работницъ, въ родѣ, напр., «Миньоны» Шеффера; онъ перенесъ ее въ самую природу и надѣлилъ ее всѣми чарами самой высокой поэзіи. Другой великій французскій пейзажистъ, Моллэ, такъ характеризовалъ особенности таланта Бретона: «Бретонъ всегда изображаетъ въ деревнѣ дѣвушекъ, которыя ни за что тамъ не останутся». Въ этомъ, безъ сомнѣнія, есть нѣкоторая доля правды. Его крестьянки, здоровыя, красивыя дѣвушки, очевидно, имѣютъ сильное желаніе попасть въ Парижъ и сдѣлаться парижанками. У Моллэ-же, напротивъ, крестьянки совершенно не знаютъ этихъ порывовъ и совершенно довольны своей деревенской жизнью: онѣ работаютъ и умрутъ работая. Въ первыхъ картинахъ Бретона несомнѣнно мы видѣли мечтательницъ, но въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ и въ особенности въ «Вечерѣ» уже не замѣчается этого недостатка: поэзію, которую художникъ прежде искалъ въ мечтательномъ лицѣ, онъ нашелъ теперь въ самой природѣ и картины его выигрываютъ отъ этого поэтическаго реализма.

Непріятный соперникъ, картина Мукаржовскаго.—Очень остроумно задуманный и прекрасно выполненный нѣмецкій жанръ. Сцена, какъ легко догадаться, происходитъ въ кухнѣ. Миловидная кухарка угощаетъ своего возлюбленнаго, солдата, который сѣлъ за столъ и только-что намѣревался приняться за ѣду и питье, какъ изъ печки вылѣзъ его соперникъ,—трубочистъ, съ очевидною цѣлью помѣшать любовному свиданію и сыграть злую шутку съ красавцемъ-солдатомъ и съ хорошенькой кухаркой, которая и къ нему, трубочисту, была, какъ видно, благосклонна. Картина очень живо передаетъ этотъ психологическій моментъ: зло улыбающееся лицо трубочиста, переполохъ кухарки, закрывающей своимъ передникомъ возлюбленнаго воина и недоразумѣніе самого воина,—очень комичны. Всѣ детали отвѣчаютъ сценѣ и придаютъ ей еще болѣе пикантности.

Прометей, историческій пейзажъ Гольца. —Извѣстно, что Прометей и его трагическая судьба, разсказанная Эсхиломъ, не разъ служили сюжетами для живописи. Всѣ европейскія галереи непремѣнно имѣютъ своего Прометея, той или другой великой школы живописи. Но каждая эпоха изображала съ своей точки зрѣнія древне-греческій типъ. Концепція г. Гольца—одна изъ удачнѣйшихъ концепцій. Весь трагизмъ сцены нѣмецкій художникъ перенесъ съ самого Прометея, прикованнаго къ скалѣ, на окружающую грозную природу Кавказа. Громадныя скалы, бушующее море, грозное небо, горный орелъ, витающій надъ головой Прометея, — вся эта мрачная обстановка природы какъ-бы отвѣчаетъ трагическому положенію легендарнаго героя Всѣ усилія художника именно обращены на эту основную идею и можно сказать, что онъ съ замѣчательной силой таланта достигъ своей цѣли.

Свиданіе, Мясоѣдова.—Картина г. Мясоѣдова принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній послѣдней передвижной выставки, бывшей въ нынѣшнемъ году. У насъ уже упоминалось о ней, когда говорилось о передвижной выставкѣ.

Себастьянъ Веньеро представляетъ венеціанской синьоріи плѣнныхъ, взятыхъ въ сраженіи при Лепанто, картина Лоренцо Деллеани (№ 24). — Нѣтъ ни одной школы въ живописи, которая превосходила-бы венеціанцевъ въ свѣтовыхъ эфектахъ, въ роскоши красокъ, въ блескѣ и оживленіи. Венеціанскіе художники только объ этомъ и заботятся; остальное для нихъ почти не существуетъ; вотъ почему въ ихъ произведеніяхъ вы такъ часто встрѣчаете самые явные анахронизмы. Обратите вниманіе, напр., на извѣстную картину Бонифаччіо «Моисей». Всѣ персонажи этой картины, одѣтые въ костюмы XV столѣтія суть кавалеры и и синьоры Венеціи, а сцена представляетъ собою, такъ сказать, сборище царедворцевъ. Чѣмъ-же мотивировано названіе картины? Женщиной, выходящей изъ рѣки и несущей ребенка, который долженъ изображать собою Моисея. Такова венеціанская школа, къ которой принадлежитъ также и пьемонтецъ Лоренцо Доллеани. Онъ, конечно, не идетъ такъ далеко въ своей живописной свободѣ, какъ старые венеціанскіе мастера; но и онъ также во многомъ удаляется отъ той исторической точности, которая такъ замѣтна у французовъ, напр., у Делароша и Жерома. Для Деллеани, какъ и для венеціанцевъ, историческій сюжетъ есть не болѣе какъ предлогъ для живописныхъ эфектовъ. Къ такому именно роду принадлежитъ и картина, воспроизводимая намп. Очень жаль, что гравюра не въ состояніи передать всю яркость колорита этого талантливаго произведенія; эфектъ свѣта въ картинѣ такъ великъ, что картина кажется дѣйствительной сценой, на которую вы смотрите изъ окна. Названіе картины указываетъ на сюжетъ, составляющій одну изъ славнѣйшихъ страницъ въ исторіи Италіи. Фонъ картины, изображающій дворъ герцогскаго палаццо и лѣстницу гигантовъ, — представляетъ образцикъ изумительной перспективной живописи. Толпа, группирующаяся около дожа, напоминаетъ лучшія картины Веронеза по костюмамъ и блеску; затѣмъ толпа плѣнныхъ и народъ,—все это сгруппировано въ необыкновенномъ оживленіи, красивыми пятнами.

Смѣсь.

— Еще о булавкахъ. Въ № 22 «Жив. Об.», въ отдѣлѣ смѣси,было помѣщено исчисленіе ежедневнаго производводства булавокъ, доходящаго до громадной цифры 80 мил. Прибавимъ къ этому другое, не менѣе интересное исчисленіе, сдѣланное однимъ извѣстнымъ статистикомъ, а именно опредѣленіе стоимости каждой булавки при ея производствѣ; принимая въ расчетъ обыкновенную цѣнность булавки въ продажѣ, на фабрикѣ стоимость каждой обходится отъ 3 до 2 тысячныхъ долей одного сантима. Не безинтересно также прибавить, что не такъ давно еще каждая булавка до окончательнаго своего поступленія въ продажу, при своемъ производствѣ проходила черезъ 14 разныхъ рабочихъ рукъ, а каждый работникъ, участвовавшій въ производствѣ, ежедневно изготовлялъ 100,000 булавокъ. Въ настоящее-же время ручная работа совсѣмъ почти замѣнена машинной.

— Анекдотъ. Вѣроятно, большей части нашихъ читателей извѣстны имя Лессепса, его высокій умъ и замѣчательная его дѣятельность. Сообщаемъ здѣсь анекдотъ, имъ разсказанный недавно, на обѣдѣ въ Парижѣ, данномъ въ его честь ученымъ обществомъ. «Недавно, разсказывалъ Лессепсъ,—мнѣ случилось быть на дипломатическомъ раутѣ, гдѣ я долго бесѣдовалъ съ русскимъ и англійскимъ послами. Утромъ этого дня въ академіи наукъ мой товарищъ, Фэй, обратилъ мое вниманіе на замѣчательное исчисленіе, и потому я не могъ упустить благопріятнаго случая, чтобы не передать его князю Орлову, зная заранѣе, что этимъ сдѣлаю ему пріятное. «Вашему сіятельству, сказалъ я ему, можетъ быть, неизвѣстно довольно замѣчательное совпаденіе, что владѣнія его величества русскаго Императора, включая царство польское и великое княжество финляндское, покрываютъ пространство, совершенно равняющееся пространству, занятому луною».—«Одна разница только, вмѣшался лордъ Лайонсъ, съ тонкой улыбкой на губахъ,—что Россія постоянно увеличиваетъ свои размѣры, тогда какъ луна остается неизмѣнной».

— Величайшій въ мірѣ драгоцѣнный камень. Берлинскій политехническій музеумъ показываетъ въ настоящее время величайшую рѣдкость: громадный сафиръ, принадлежащій частному лицу, которое не желаетъ продать его, не смотря на предлагаемую сумму 3,280,000 лиръ.

— Ураганъ. Вотъ уже третій ураганъ опустошаетъ Америку. Новое бѣдствіе постигло штаты Миссури, Іова, Иллинойсъ, Висконсисъ и Канзасъ; надъ ними пронесся ужаснѣйшій ураганъ; рѣка Джемсъ вышла изъ береговъ и затопила мѣстность на протяженіи 160 верстъ, такъ что все, что уцѣлѣло отъ урагана, погибло въ водѣ. Громадный и богатѣйшій городъ Маршсфельдъ погибъ въ развалинахъ, уцѣлѣло только 14 домовъ, подъ развалинами одного дома найдено около 150 труповъ. Несчастія неисчислимы, убытки громадны.

— Еще примѣненіе электричества. Въ Нью-Іоркѣ сдѣлано новое примѣненіе электричества къ пожарнымъ машинамъ. При помощи этого приспособленія, человѣкъ, находящійся во время пожара хотя-бы на крышѣ дома, можетъ подавать сигналы, требующіе воды, усиленной дѣятельности, помощи и т. п.

— Колосальный монументъ. Французы думаютъ приступить къ сооруженію громаднѣйшаго монумента, подъ наименованіемъ монументъ «Республики», въ составъ котораго войдутъ всѣ болѣе выдѣляющіяся личности временъ всѣхъ республикъ, которыя пережила Франція. На стражѣ «Республики» будутъ поставлены 4 конныя статуи знаменитыхъ генераловъ: Клебера, Гоша, Марсо и Дезе. Вершина украсится фигурою Тьера, увѣнчаннаго лаврами. Задуманное сооруженіе настолько смѣло и грандіозно, что если оно будетъ выполнено, то займетъ мѣсто въ ряду первыхъ міровыхъ сооруженій XIX вѣка.

— Золотые розсыпи. Въ Индіи, подлѣ мѣстечка Винодъ, открыты богатыя золотоносныя долины, изобилующія самородками.

— Картина. Знаменитая картина художника Каро, бывшая на парижской всемірной выставкѣ, подъ названіемъ «Лунный свѣтъ», въ настоящее время находится въ Англіи и продана за 7,560 фун. стерлинговъ.

— Статистика вулканическихъ изверженій и землетрясеній за 1879г. Астрономъ Фуксъ сообщаетъ чрезвычайно интересныя свѣденія о вулканическихъ проявленіяхъ подземнаго огня и приводитъ время продолжительности ихъ дѣйствій. Такъ, напр., послѣднія 3 сильнѣйшія изверженія въ Сан-Сальвадорѣ начались въ сентябрѣ и выдвинули новыя горы, образовавъ три, доселѣ дымящіеся кратера; одновременно съ этимъ, на островѣ Гопанго открылось 11 новыхъ кратеровъ, изъ которыхъ въ настоящее время 5 потухло. Изверженіе Этны началось въ маѣ, продолжалось 11 дней, лава излилась на протяженіи 10 верстъ. Вулканъ Мерапи, на островѣ Ява, началъ свое дѣйствіе въ мартѣ мѣсяцѣ, производилъ сильнѣйшія колебанія и извергалъ ужаснѣйшій огонь втеченіи одного дня. Изъ 99 землетрясеній, бывшихъ въ Китаѣ, самое сильнѣйшее было въ іюнѣ; оно причинило ужасныя бѣдствія: гор. Іой-хо былъ разрушенъ и сотни людей погибли. Въ Мехикѣ было одно землетрясеніе въ маѣ мѣсяцѣ. Въ Романьи втеченіи апрѣля было 3 сильныхъ подземныхъ удара, сопровождавшихся волнообразными колебаніями земли. Въ Персіи изверженія сопровождались водянымъ дождемъ и сильнымъ паромъ, выбрасываемымъ на значительную высоту. Землетрясенія, бывшія въ Бессарабіи, Австріи, Каринтіи, Карніолѣ, Германіи продолжались въ общей сложности 13 дней. Самыя сильнѣйшія были въ восточной Франціи, юго-западной Германіи и близъ Женевскаго озера.

— Оригинальныя повадки одичалыхъословъ. Въ своемъ недавнемъ путешествіи на Черепаховыя острова, Т. Вольфъ сообщаетъ, между прочимъ, о встрѣчающихся здѣсь одичалыхъ ослахъ любопытныя свѣденія: ослы держатся обыкновенно групами отъ 10 до 15 штукъ. Ночью они собираются вмѣстѣ къ водопою и здѣсь подымаютъ такую бѣшеную оргію, такой ужасный шумъ и крикъ, что, кажется, мертвые могутъ поднять на ноги, не говоря уже о спящихъ. Хотя они очень дики и при поимкѣ страшно бѣснуются, но втеченіи какихъ-нибудь 8 дней приручаются и становятся уже годными для упряжки. Наиболѣе характерной чертой этихъ одичалыхъ ословъ служитъ крайне оригинальная и совершенно несвойственная этимъ животнымъ привычка: собравшись групами на водопой, играя другъ съ другомъ, они вдругъ садятся на заднія ноги, подобно сурку или кролику. Невозможно безъ смѣха, замѣчаетъ Вольфъ, смотрѣть на этихъ животныхъ, когда они принимаютъ совершенно неестественную для нихъ позу и вовсе не гармонирующую съ ихъ неуклюжимъ тѣломъ.

— Пищеварительная способность дыньяго дерева. Опыты Вюрца и Болло показали, что млечный сокъ этого растенія, принадлежащаго къ одному изъ видовъ американской пальмы, отличается способностью, подобно желудочному соку, растворять и сваривать мясо, куриный бѣлокъ и др. азотистыя вещества. Недавно Болло сдѣлалъ новый замѣчательный опытъ. Онъ помѣстилъ въ сосудъ, содержащій сокъ названной пальмы, цѣлую лягушку, снявъ съ нея предварительно кожу. По истеченіи нѣкотораго времени всѣ мягкія части гада совершенно сварились и остался нетронутымъ одинъ только скелетъ лягушки. Это даетъ еще одно доказательство въ пользу того, что пищеварительной способностью отличаются не только животные, но и растительные соки.

Шахматный отдѣлъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ нами положеніе матча Цукерторта съ Розенталемъ слѣдующее:

Цукерторъ выигралъ....	5	партій.
Розенталь...............	1	»
Ничьихъ было..........	8	»

ПАРТІЯ № 14.

Играна 25-го апрѣля 1880 г. въ петербургскомъ шахматномъ обществѣ. 5-я партія матча.

Испанская партія.

Э. Шифферсъ. *Бѣлые*	М. Чигоринъ. *Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. С f1—b5 *a*	3. К g8—f6 *b*
4. К b1—c3 *c*	4. d7 : d6 *d*
5. С b5 : c6 *e*	5. b7 : c6
6. d2—d4	6. e5 : d4
7. Ф d1 : d4	7. С f8—e7
8. e4—e5	8. К f6—g4
9. e5 : d6	9. c7 : d6
10. С c1—f4	10. 0—0
11. 0—0	11. С c8—f5

12. Л f1—e1	12. С e7—f6 ! *f*
13. Ф d4—d2	13. Ф d8—b6
14. Л a1—b1 *g*	14. Л f8—d8
15. h2—h3	15. К g4—e5
16. К c3—e4 *h*	16. К e5 : f3 †
17. g2 : f3	17. С f6—e5
18. Кр g1—h2	18. d6—d5
19. С f4 : e5	19. d5 : d4
20. Ф d2—e2	20. e4 : f3
21. Ф e2 : f3	21. С f5 : c2
22. Ф f3—g3	22. g7—g6
23. С e5—c7	23. Л d8—d3
24. С c7 : b6	24. Л d3 : g3 *i*
25. Л b1—c1	25. Л g3—f3 !
26. Кр h2—g2	26. Л f3—f5
27. Л c1 : c2	27. a7 : b6
28. Л c2 : c6	28. Л f5—b5
29. Л e1—e2	29. Л a8 : a2
30. Л c6—c2	30. Л b5—b3 *l*
31. Л e2—d2	31. Кр g8—g7
32. Л d2—e2	32. h7—h5
33. Л c2—d2	33. Л a2—a4
34. Л d2—d7	34. Л a4—f4
35. Л e2—c2	35. Кр g7—h6
36. Л d7—e7	36. b6—b5
37. Л c2—d2	37. b5—b4
38. Л e7—b7	38. Кр h6—g5
39. Л b7—d7	39. Кр g5—h4
40. Л d7—d3	40. Л b3 : d3
41. Л d2 : d3	41. Кр h4—g5
42. Л d3—d5 †	42. Кр g5—f6
43. Кр g2—g3	43. g6—g5
44. Л d5—b5	44 h5—h4 †
45. Кр g3—g2	45. Кр f6—g6
46. Л b5—b8	46. f7—f6
47. Л b8—e8	47. Кр g6—f5
48. Л e8—e7	48. Л f4—e4
49. Л e7—b7	49. Л e4—d4
50. Л b7—b6	50. Кр f5—e5
51. Л b6—b8	51. Кр e5—d5
52. b2—b3	52. Кр d5—d4
53. Л b8—b6	53. f6—f5
54. Л b6—b5	54. g5—g4
55. Л b5—b8	55. g4 : h3 †
56. Кр g2 : h3	56. Кр e4—f3
57. Л b8—f8	57. Л d4—f4
58. Л f8—g8	58. Кр f3 : f2
59 Л g8—g2 †	59. Кр f2—e3

Бѣлые сдались.
(Партія длилась 4 часа).

Примѣчанія къ партіи.

a) Эта атака наиболѣе разработана испанскимъ игрокомъ Рюи-Лопецомъ, жившимъ въ XVI стол., почему игра носитъ также названіе: дебютъ Рюи-Лопеца. Ходъ 3. С f1—b5 дѣлается не съ цѣлью взять въ слѣдующій ходъ коня, а чтобы заставить черныхъ защищать тѣмъ, или другимъ способомъ пѣшку e5.

b) Этотъ ходъ, а также 3 . . a7—a6 признаются наилучшими защитами; всѣ другіе, какъ напр. 3 . . . К g8—e7, 3 . . . С f8—c5, 3 . . . d7—d6 — хуже.

c) Наиболѣе разнообразные и интересные варіанты даетъ продолженіе 4. 0—0 (также 4. d2—d3), К f6 : e4 !; 5. d2—d4, С f8—e7 ! (но не 5 . . . e5 : d4, вслѣдствіи 6. Л f1—e1, d7—d5; 7. К f3 : d4, угрожая К e5 : c6, а также f2—f3).—Продолженіе же 4. С b5 : c6, d7 : c6; 5. К f3 : e5, Ф d8—d4, не доставляетъ никакой выгоды бѣлымъ.

d) Здѣсь также можно играть 4 . . . С f8—c5 или на b4.

e) На 5. d2—d4, лучшій отвѣтъ черныхъ С c8—d7; 6. С b5 : c6, С d7 : c6; 7. d4 : e5, d6 : e5; 8. Ф d1 : d8, Л a8 : d8; 9. К f3 : e5, С c6 : e4—игра равна.

f) Бѣлые угрожали Л e1 : e7. Теперь атака перешла къ чернымъ, которые и ведутъ ее до конца очень хорошо. Если бѣлые берутъ пѣшку d6, то послѣдствія будутъ: 13. Ф d4 : d6, Ф d8—b6; 14. Ф d6—d2, Ф b6 : b2 и выигрываютъ еще пѣшку c2, если черные уведутъ коня.

g) Если 14. С f4 : d6, то Л f8—d8, угрожая c6—c5 и Ф b6 : b2.

h) Если 16. К f3—d4, то Ф b6 : d4 !; 17. Ф d2 : d4, К e5—f3 †, g2 : f3; 18. С f6 : d4 и затѣмъ выигрываютъ одну изъ пѣшекъ.

i) Интересное положеніе. Если бѣлые возьмутъ ладью то С c2 : b1 и черные во всякомъ случаѣ останутся съ лишней пѣшкой.

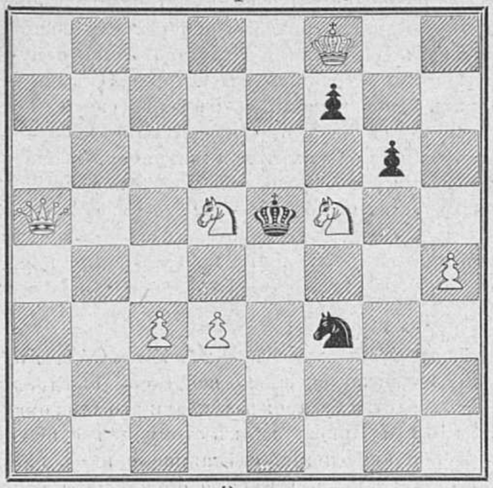
k) Этотъ и послѣдующіе ходы черныхъ — наилучшіе

l) Выигрышъ партіи для черныхъ окончательно обезпеченъ, теперь только вопросъ во времени.

ЗАДАЧИ.

№ 40. Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.

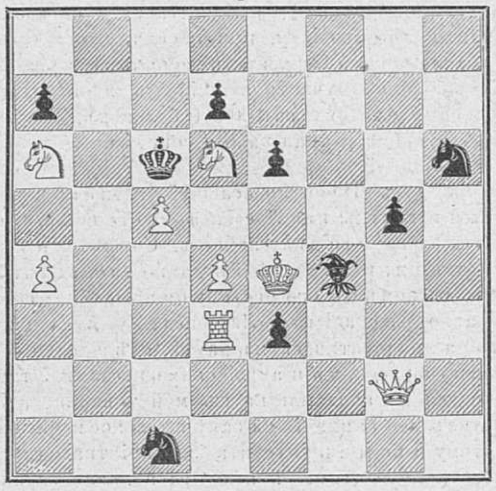


Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 41. Р. Брауна (въ Австріи).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачъ (въ №№ 17 и 18.)

№ 26. Д. Кларка.

1. К d4—f5 / какъ угодно   2. Л, или К, или С X.

Рѣшили: *К. Сердешневъ, М. Быстрицкій, Н. Даржанъ, В. Коробановъ, Н. Петеръ, Е. Бекеневъ, В. Бинштокъ, Н. Пикачевъ, Романовскій, «Новгородецъ», Е. Магидсъ, Э. Пертель, Н. Лобшицъ, В. Гориневскій, В. Есиповъ, Т. Г—я.*

№ 27. Хохолуша.

1. С c8—d7 / Кр e4—d5   2. К e6—c7 † / Кр d5—e4 (c4, d6)   3. Ф d8—a8 (С d7—e6, e8) X

1. . . . / Кр e4—f5 (f3)   2. Ф d8—g8 / Кр f5—e4 (f6)   3. К e6—g5 (Ф g8—f8) X

1 . . . / h7—h6   2. Ф d8—a8 † / Кр e4—f5;   3. Ф a8—f3 X

Рѣшили: *Н. Даржанъ, Н. Петеръ, Н. Пикачевъ, М. Кроль, В. Гориневскій.*

№ 28. Финлинсона.

1. К e4 : d2 / Л e7—e3 †   2. К d2—f3 †† и матъ.

1. . . . / ∞   2. Одинъ изъ коней дѣлаетъ матъ

Рѣшили: *Е. Бекенева, К. Сердешневъ, Н. Даржанъ, Н. Петеръ, А. Сафоновъ.*

№ 29. Д. Кларка.

1. Ф h3—d7 / Л c7 : d7   2. Л f4—c4 † / Кр c5 : d6   3. Л c4—c6 X

1. . . . / С b6—a5   2. Л f4—c4 † / Кр c5—b6   3. Ф d7 : c7 X

1. . . . / ∞   2. К d6—b7 † / Л c7 : b7   3. Ф X

Рѣшили: *Н. Даржанъ, А. Бекеневъ, А. Сафоновъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Преміи гг. подписчикамъ въ Москвѣ и Одессѣ отправлены въ мѣстныя конторы: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева (Страстной бульваръ, д. Алексѣева); въ Одессу, въ Южное агентство газетъ и журналовъ (на углу Екатерининской и Ланжероновской, д. Вагнера). Просимъ г. московскихъ и одесскихъ подписчиковъ пожаловать, или самимъ, или прислать кого-нибудь въ означенныя мѣста за полученіемъ **пяти** премій.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 24-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 13 іюня въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 15 іюня въ 2 часа по полудни.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Уединеніе, стих. **А. Шатохина.**—Изъ отдаленныхъ мѣстъ, повѣсть **М. А. Филипова.**—Сумасшествіе отъ любви, повѣсть **Катюлля Мендеса,** пер. **М. А. Мелехиной.**—Театральное дѣло во Франціи.—Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Сара Бернаръ.—Явленія развитія въ мірѣ насѣкомыхъ, энтомолог. очерки **Л. К. Попова.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Свиданіе, карт. **Мясоѣдова.**—Прометей, карт. **А. Гросса.**—Охота на зарѣ, рис. **Петра Соколова.**—2 рис. къ ст. Сара Бернаръ.—Вечеръ, карт. **Жюля Бретона.**—Непріятный соперникъ, карт. **Мукаржовскаго.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

Вышла и раздается подписчикамъ майская книжка ежемѣсячнаго журнала

„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

Содержаніе: I. Степныя тайны. Романъ въ двухъ книгахъ; кн. II, гл. VI—X. П. В. Засодимскаго.—II. Поэзія и философія агрономіи. В. Б.—III. Святой кладъ. Стихотвореніе. А. Арсеньева.—IV. Съ мѣста на мѣсто. Записки наемнаго человѣка. Г. Иванова.—V. Ночью въ деревнѣ. Стихотвореніе. В. О.—VI. Съ поволжья. Путевыя замѣтки и думы. М. Тим—а.—VII. Изъ Гейне. Стихотвореніе В. О.—VIII. Горная идилія. Разсказъ Н. И. Наумова.—IX. Чудная ночь! Стихотвореніе. К. О—лева.—X. Народный вопросъ. Оранскаго.—XI. На каторгу или въ больницу? В-л-на.—XII. Испорченная книга (Три праведника и одинъ Шерамуръ. Н. Лѣскова)—ина.—XIII. Къ насущнымъ вопросамъ земской школы. Письмо изъ провинціи. В. Н.—XIV. Смѣсь.—XV. Листокъ открытій и изобрѣтеній.

Въ прежде вышедшихъ книжкахъ «Русскаго Богатства» были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія произведенія: Кающійся. Очеркъ Н. И. Наумова.—Исповѣдь Казимира Корсака. Поэма Влад. Сырокомли. Л. Н. Трефолева.—Attalea princeps. Сказка. В. М. Гаршина.—Деревенскій Лиръ. Разсказъ. Н. Н. Златовратскаго.—Безрукій. Очеркъ. П. Волохова.—Люди и война. Очерки. В. М. Гаршина.—Вѣчный женихъ. Повѣсть изъ жизни евреевъ. А. Чудновскаго.—Строгій. Очеркъ изъ «Устоевъ» Н. Н. Златовратскаго.—Разсказы Ришпена.—Разладъ мыслителя и художника. Статья А. М. Скабичевскаго.—Эпидемія легкомыслія. Ст. П-ій-м-а.—Герой нашего времени. Ст. М. Протопопова.—Призраки будущаго. Ст. —ина.—Современныя проявленія капитализма въ Россіи. Ст. Н. С. Русанова.—Женщина въ русской семьѣ. Ст. И. М. Харламова.

Подписка продолжается. Подписная цѣна на годъ (12 книжекъ, каждая отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ) **8 рублей** съ доставк. и пересылкою, **7 р.** безъ доставки и пересылки. Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями въ контору редакціи журнала «Русское Богатство»: **С.-Петербургъ, Знаменская ул., д. № 11, кварт. № 10.**

При этомъ нумерѣ разсылается всѣмъ подписчикамъ 3-й № приложенія «**Парижскія моды**».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 іюня 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

№ 3-й. С.-Петербургъ. 1880 г.

Рис. 1.

Послѣ грустнаго событія—кончины ея императорскаго величества Государыни Императрицы, на петербургскихъ улицахъ очень часто приходится встрѣчать траурныя платья; многія изъ нашихъ читательницъ одѣлись въ трауръ, и потому, казалось-бы, намъ слѣдовало начать наше обозрѣніе съ траурнаго наряда, но мы уже дали въ прошломъ нумерѣ описаніе такого костюма; къ тому-же мы не замѣчали даже въ траурныхъ туалетахъ наклонности уклоняться отъ послѣднихъ модъ. Въ этихъ соображеніяхъ мы не сочли нужнымъ перемѣнять цвѣта туалетовъ въ описаніи модныхъ костюмовъ, оставляя каждой желающей возможность воспользоваться ими, измѣнивъ ихъ цвѣта. Прежде всего позвольте подѣлиться съ вами тѣмъ, что пишутъ намъ изъ Парижа.

Послѣ долговременной холодной зимы, тамъ не запомнятъ подобной чудной весны и начала лѣта; парижане, какъ-бы желая вознаградить себя послѣ продолжительнаго невольнаго заточенія, спѣшатъ воспользоваться прекрасной погодой, и потому замѣчается необыкновенное оживленіе вездѣ на улицахъ, на гуляньяхъ. Обыкновенно въ это время года, очень многія изъ свѣтскихъ женщинъ уже уѣзжали, кто въ свои замки, кто въ путешествіе; нынѣшній-же годъ наоборотъ; какъ-будто всѣ сговорились какъ можно долѣе не покидать столицу и воспользоваться всѣми удовольствіями и развлеченіями, которыми она такъ изобилуетъ. Такое веселое настроеніе духа не могло не отразиться на модахъ и, говорятъ, давно невидно было такого изобилія разнообразныхъ прелестныхъ выставокъ матерій, костюмовъ, шляпъ, накидокъ и проч., тѣмъ болѣе, что еще никогда кажется фантазія изобрѣтателей такъ не разыгрывалась, какъ нынѣшній сезонъ. Чтобы вы ни вздумали надѣть, все будетъ по модѣ; нѣтъ шляпы, какого-бы она ни была фасона, которая не имѣла-бы успѣха; нѣтъ цвѣта костюма, который можно-бы назвать въ настоящую минуту невозможнымъ, стоитъ только соображаться съ лѣтами, станомъ и обстановкой, въ которой находишься, и позволительно все. Оттого болѣе чѣмъ когда-либо видѣнъ тактъ и вкусъ особы, умѣющей воспользоваться дарами природы, не впадая въ эксцентричность. Что позволительно стройной молодой особѣ, было-бы смѣшно на болѣе пожилой.

Полагаясь на вкусъ нашихъ читательницъ, мы ограничимся описаніемъ нѣсколькихъ совершенно различныхъ костюмовъ, надѣясь этимъ удовлетворить самыхъ взыскательныхъ изъ нихъ.

Парижскіе скачки въ Лоншанѣ издавна были любимымъ весеннимъ развлеченіемъ французовъ; въ этотъ день обыкновенно издается законъ моды на весь лѣтній сезонъ, въ это замѣчательное утро вы увидите все, что Парижъ можетъ назвать изящнымъ, элегантнымъ и богатымъ. Особенно поразилъ всѣхъ на этотъ разъ прелестный костюмъ герцогини Б., невиданный еще никогда ни на комъ, и кѣмъ-то удачно названный Costume de diablotin riccanant d'avoir échappé aux rigueurs de l'enfer (костюмъ скалящаго зубы чертенка, вырвавшагося изъ челюстей ада). Весь костюмъ состоитъ изъ мягкой шелковой ткани двуличнаго цвѣта, сине-голубоватого съ ярко-пламеннымъ отливомъ, названнымъ flamme de punch. Дѣйствительно, кто не знаетъ этого страннаго соединенія голубовато-синеватаго и огненно-краснаго цвѣта, происходящаго отъ блуждающаго огонька надъ пуншемъ. Юбка, вся покрытая воланами съ сборчатыми головками; по краямъ во-

Рис. 2 и 3.

лановъ самое узенькое плисэ, чуть видное, огненнаго цвѣта, подобно струйкѣ пламени. Назади юбки ниспадаетъ синее полотнище, подбитое яркимъ цвѣтомъ и такъ искусно подобрано, что кажется, будто видишь трещины кратера съ огненнымъ пламенемъ, выходящимъ изъ нихъ. Корсажъ-баска съ мысомъ временъ Генриха II, изъ-подъ котораго сзади спадаютъ нѣсколькими петлями двуличные ленты, одинаковыя съ платьемъ. На головѣ шляпа рококо изъ черной соломки съ длиннымъ завитымъ перомъ. Трудно представить себѣ костюмъ оригинальнѣе этого; онъ произвелъ такой фуроръ, что со всѣхъ сторонъ только и слышны были одобрительные восклицанія.

ной тарелки, свѣтло-лиловой матеріи съ коротенькой бѣлой ручкой, на концѣ котораго придѣлано большое серебряное кольцо, для вдѣванья въ него букета. Говоря о зонтикѣ, нельзя не упомянуть объ особенностяхъ зонтиковъ въ нынѣшнемъ году. Послѣ громадныхъ прошлогоднихъ плоскихъ, красныхъ и синихъ бумажныхъ, напоминавшихъ собою зонтики, выставленные въ коллекціяхъ музеумовъ, собранныхъ извѣстными путешественниками у дикихъ племенъ, мода перешла на самые миніатюрные, получившіе названіе «томъ-пусъ», способные только защитить лицо отъ лучей солнца, но никакъ не отъ дождя. Если они изъ шелковой ткани, то на одномъ боку вышиваются разноцвѣтными шелками букетъ цвѣ-

на обѣихъ сторонахъ. Шляпа вся изъ мелкихъ чайныхъ розъ съ длинной вуалью чернаго тюля, покрытой золотыми мушками. Этотъ туалетъ въ высшей степени поражалъ своимъ изяществомъ и элегантностью. Болѣе скромные туалеты состоятъ почти исключительно изъ фуляра: шелковаго, бумажнаго, пестраго или гладкаго; надо сказать, что это почти не замѣнимая матерія для лѣта, такъ какъ она отлично моется и, не смотря на ея дешевизну, изъ нея можно сдѣлать прелестные туалеты.

Особенность новыхъ рисунковъ на матеріяхъ, — это склонность къ фруктамъ, между которыми преимущество дано вишнямъ, начиная отъ самыхъ темныхъ шпанскихъ до самыхъ прозрачно-желтыхъ.

Рис. 4 и 5.

Знаменитая дива, Аделина Патти, какъ-бы въ противоположность яркимъ цвѣтамъ вышеописаннаго костюма, была удивительно мила въ свѣтлосиреневомъ платьѣ, состоящемъ изъ бульоне и мелкихъ削 волановъ; на гладкомъ лифѣ была надѣта стеклярусовая кираса clair de lune (лунный отблескъ), плотно облегающая ея граціозный станъ. Легкая тюлевая черная шляпочка, отдѣланная золотымъ кружевомъ. На шеѣ, вмѣсто колье, гирлянда фіалокъ (это весенняя новинка, удивительно граціозная, очень идетъ къ молодымъ дѣвицамъ; гирлянды всегда изъ мелкихъ цвѣтовъ: ландышей, сирени, розовыхъ бутоновъ или полевыхъ цвѣтовъ). Въ рукахъ микроскопическій зонтикъ, не больше десерт-

товъ, или птичка съ распущенными крылышками. Иныя птички до того натурально изображены, что глядя на нихъ кажется, что они, не соразмѣривши своего полета, нечаянно ударились о зонтикъ и остались на немъ.

Не смотря на теплую погоду, встрѣчаются нерѣдко туалеты изъ разноцвѣтнаго атласа, который при солнечныхъ лучахъ имѣетъ особенный блескъ. Замѣчателенъ одинъ костюмъ изъ дымчатаго атласа, обшитый въ нѣсколько рядовъ на юбкѣ бѣлыми кружевными плисэ point désprit, съ передникомъ въ видѣ вѣера, схваченнымъ прелестно вышитой райской птичкой. Баска, приподнятая складками и драпированная на бокахъ съ подобными-же птичками

Мы видѣли батистъ табачнаго цвѣта съ полосами гирляндъ бѣло желтоватыхъ вишенъ на зеленыхъ листьяхъ; онъ очень красивъ. Костюмъ, убранный лентами яркого бордо, долженъ выйдти очень изящнымъ; онъ будетъ имѣть уже то преимущество, что не будетъ въ японскомъ вкусѣ, который, признаться, по пестротѣ своей достаточно утомилъ глазъ. Впрочемъ, не надо предполагать, чтобы гладкія матеріи не носились; напротивъ, для уличнаго костюма нѣтъ ничего лучшаго, какъ гладкіе или черные туалеты, что отлично понимаютъ парижанки.

Мантилій, пардесю и накидокъ, хотя и много разнообразныхъ фасоновъ и названій, но особенно выдающихся не замѣтно, и то, что было въ модѣ въ

прошлое лѣто, легко можетъ носиться въ нынѣшнемъ сезонѣ, безъ страха быть одѣтой не по модѣ.

Много отдѣлокъ синелевыхъ, стеклярусовыхъ съ бахромой, только однѣхъ отдѣлокъ изъ перьевъ болѣе невидно. Пелеринъ начинаетъ завоевывать себѣ первенство, и потому очень совѣтуемъ нашимъ читательницамъ попробовать самимъ себѣ его сдѣлать. Работа не трудная и веселая, обходится гораздо дешевле, чѣмъ купленная въ магазинѣ. Стоитъ сперва сдѣлать выкройку пелерины изъ бристольской, бумаги совершенно круглую, или съ длинными полами спереди, потомъ наложить тоненькую синель въ видѣ сѣтки, судя по желанію, рѣже или чаще, прикрѣпляя ее на краяхъ и оставляя довольно длинные концы, которые, сложенные вдвое, составятъ бахрому пелерины. Когда вся сѣтка натянута на бумагѣ, слѣдуетъ схватывать синель тонкой ниткой въ мѣстахъ ея скрещиванія, не отрывая, а прямо вести ее по синели, стараясь не стягивать нитку, которая совсѣмъ не будетъ замѣтна по снятіи работы съ бумаги. Въ мѣстахъ скрещиванія синели можно посадить по стеклярусной бусѣ, что еще болѣе украситъ пелеринъ.

Пріятная новость для нашихъ читательницъ, которыя сохранили свои индійскія и французскія шали, такъ давно лежавшія въ дальнемъ уголкѣ гардероба. Шалямъ опять суждено появиться на свѣтъ Божій; кто не любитъ носить ихъ просто, сложеннымъ платкомъ, можетъ, сложивши вдвое и сдѣлавъ на спинкѣ кутюръ для обозначенія таліи, драпировать нѣсколькими складками у локтя и закрѣпить пестрымъ аграфомъ съ кистями, что и составитъ самый модный нарядъ, который можетъ быть надѣтъ, какъ для визитовъ, такъ и для простого гулянья. Нельзя не поблагодарить услужливую моду, дающую намъ возможность, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бережливости, вновь воспользоваться давно покинутымъ предметомъ.

Шляпы и головные уборы до того разнообразны не только одними фасонами, но и наименованіями, что перечислить ихъ нѣтъ никакой возможности, и потому ограничимся тѣмъ, что считаемъ болѣе достойнымъ вниманія. Послѣдняя закрытая шляпа, особенна своимъ названіемъ «вега», въ честь недавно возвратившейся шкуны съ полярныхъ странъ, капитанъ которой, професоръ Норденшильдъ недавно былъ такъ чествуемъ всѣмъ образованнымъ міромъ, а въ особенности Парижемъ. Шляпа сама по себѣ нисколько не напоминаетъ морскую шкуну; она очень граціозна, почти вся покрыта висячими пѣтушиными перьями, такъ что кромѣ завязокъ почти не видать даже матеріи, изъ которой она сдѣлана. Вѣроятно професоръ Норденшильдъ пріобрѣлъ такую шляпу для своей супруги, которая можетъ показать ее своимъ соотечественницамъ, какъ примѣръ, что Парижъ даже модными нарядами свидѣтельствуютъ о своемъ восторженномъ сочувствіи къ подвигу неустрашимаго мореплавателя. Наше національное чувство тоже можетъ быть удовлетворено; отъ насъ заимствована куафюра, произведшая въ Парижѣ фуроръ, на балѣ у княгини Т., данномъ въ честь принца Уэльскаго. Красавица баронеса Д. въ великолѣпномъ бѣломъ атласномъ платьѣ, обшитомъ бахромой изъ бусъ, не нашла ничего лучшаго для куафюры, какъ завязать на лбу съ висячими сзади концами пунцовый атласный брошэ платочекъ, совершенно такъ, какъ повязываются наши деревенскія дѣвушки, съ той разницей, что ея чудные черные волосы, гладко причесанные въ бандо, были болѣе видны, чѣмъ мы привыкли видѣть на нашихъ крестьянкахъ, да большая брильянтовая звѣзда ярко блестѣла надъ правымъ

Рис. 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12.

ухомъ. Куафюра эта возбудила всеобщій восторгъ и, вѣроятно, найдется не мало подражательницъ фантазіи баронесы. Не знаю, рѣшатся-ли наши соотечественницы послѣдовать ея примѣру, съ ихъ стороны это была-бы не малая отвага.

Описаніе модныхъ картинокъ.

Рис. 1. Костюмъ для визитовъ. Изъ легкаго индійскаго кашемира сиреневаго цвѣта; юбка вся заложена широкими складками. Два шарфа, обшитые фуляромъ, немного темнѣе, вшиты въ боковыхъ кутюрахъ и перевязаны на лѣвомъ боку; концы шарфа, подбитые фуляромъ, собраны тремя кулисами въ видѣ тюльпана, извнутри котораго выходитъ богатый висячій аграмантъ. Сзади спадаетъ кашемировый пуфъ. Кашемировый корсажъ, спереди зашнурованный шелковымъ шнуркомъ, изъ подъ котораго видѣнъ фуляровый плисэ-пластронъ. Корсажъ вырѣзанъ четырех-угольными зубцами, подбитыми и обшитыми фуляровымъ лизерэ. Воротъ вырѣзанъ en caré и отдѣланъ нѣсколькими буфами. Кашемировый шарфъ, состоящій изъ полотнища, сложеннаго вдвое и обшитый фуляровымъ лизере, перекрещиваясь на груди, спускается до половины задняго пуфа, перехватываетъ его разъ, перевязанный петлей, и оканчивается такою-же отдѣлкой, какъ шарфы спереди юбки. Рукавъ отдѣланъ собранной драпри и обшитъ, какъ и воротъ, обшивкой крепъ-лисъ. Шляпа изъ итальянской соломки съ лентами и перьями сиреневаго цвѣта. Трудно вообразить себѣ болѣе изящный, а вмѣстѣ и простой туалетъ для дѣвицы; мы видѣли такой туалетъ, сдѣланный изъ чернаго индійскаго кашемира.

Рис. 2. Вечерній туалетъ изъ фая блѣдно-голубого съ серебристымъ газомъ. Юбка фай спереди заложена крупными складками; длинный шлейфъ, отдѣланный 3-мя плисэ-воланами. 6 маленькихъ газовыхъ полотнищъ, обшитыхъ кружевами кашемиръ, перекрещиваются на переди юбки. Сзади спадаетъ каскадомъ газовое полотнище, перемѣшанное съ кружевами. Корсажъ газовый впереди соотвѣтствуетъ отдѣлкѣ тюника. Спинка длиннѣе передковъ безъ кружевъ, внизу заложена глубокими складками. Рукавъ простой, очень узкій, оканчивается отдѣлкой изъ фая. Сложенное изъ фая плисэ въ видѣ бабочки спереди у ворота, который обшитъ, какъ и рукава, кружевами.

Рис. 3. Костюмъ изъ гладкаго брошэ атласа фіолетоваго цвѣта. Длинный трепъ обшитъ плисэ-воланами. Шарфъ передникъ изъ брошэ атласа драпированъ справа на лѣво и въ 2 ряда обшитъ кружевомъ со стеклярусной отдѣлкой надъ ними, образуя какъ-бы 2 отдѣльные шарфа. Заднее полотнище, гладкое сверху, очень низко образуетъ нѣсколько пуфовъ, оканчивающихся круглымъ треномъ надъ плисэ-воланами, тоже обшито кружевомъ и стеклярусомъ. На лѣвомъ боку большой брошэбантъ съ двумя широкими концами, обшитыми какъ весь тюникъ. Корсажъ habit anglais прямо застегнутъ, только внизу расходится двумя реверами изъ гладкаго атласа. Бочекъ подъ рукой соединяется съ бочкомъ отъ спинки, который со спинкой вмѣстѣ образуетъ фалды фрака и потому гораздо длиннѣе. Ниже таліи задній шовъ расходится, изъ-подъ него видны внутренніе карманы, какъ на мужскихъ одеждахъ. Гладкій атласный реверъ съ богатымъ стеклярусныммъ аграфомъ и кистью положенъ въ видѣ кармана; изъ-подъ него выходитъ треугольникъ изъ кружевного плисэ. Рукавъ со сборками на локтѣ, отдѣланъ въ томъ-же вкусѣ, какъ и карманъ. Обшивка изъ крепъ-лиса. Шляпа «Тиціанъ» атласная капуциноваго цвѣта съ такими-же завязками и отдѣлкою марабу.

Рис. 4. Черное гренадиновое платье съ атласными горошинками; внизу юбка отдѣлана двумя широкими плисэ, обшитыми желтоватыми кружевами, надъ которыми 3 атласные біэ, или ленточки. Тюникъ съ отдѣлкой, подобной какъ на юбкѣ, заходитъ на лѣвый бокъ. Корсажъ-баска съ расходящимися концами весь отдѣланъ спереди кружевами en coquillés. Надъ отдѣлкой рукава съ боку кружевной бантъ. Волосяная бѣлая шляпа съ поднятыми круглыми полями съ ниспадающими бѣлыми перьями спереди на правой сторонѣ.

Рис. 5. Костюмъ изъ полосатаго полотна или батиста золотистаго и коричневаго цвѣта съ двойнымъ тюникомъ, нижній расходящійся, а верхній сложенный угломъ платка. Юбка съ воланами, заложенными плоскими складками съ широкой полосой. Жакетка длинная безъ выточекъ, собранная у пояса, съ приподнятыми сзади складками. Большой коричневый пелеринъ-воротникъ, приколотый 3-мя бантами спереди. Сзади полотнище положено угломъ платка, какъ спереди, и приподнято нѣсколькими бантами. Шляпа жардиньеръ съ высокой тульею, вокругъ которой гирлянда изъ маковъ и туфомъ бѣлыхъ перьевъ наверху. Этотъ туалетъ удобно сдѣлать изъ нѣсколькихъ большихъ батистовыхъ платковъ, продаваемыхъ спеціально для платьевъ. 8 платковъ въ $1^1|_4$ арш. величины достаточно на этотъ костюмъ.

Рис. 6 и рис. 13 представляютъ одинъ и тотъ-же костюмъ, представленный съ двухъ сторонъ. Костюмъ изъ бежа моховаго цвѣта съ атласомъ и вышивкой тѣнью темнѣе. Юбка бежъ оканчивается двумя плисэ: атласнымъ и бежъ. Тюникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ глубокихъ складокъ, обшитыхъ вышитой полосой; атласный бульонэ, спереди въ видѣ киля, оканчивается красивымъ бантомъ. Сзади спадающіе 2 пуфа обшиты также вышитой полосой. Корсажъ изъ бежа. Передъ вырѣзанъ en carré, двухбортный съ 2-мя рядами перламутровыхъ пуговицъ. Вышитая полоса окаймляетъ баску бокового задняго шва, гдѣ оканчивается большимъ бантомъ изъ атласныхъ лентъ. Спинка, фасонъ tailleur, образуетъ 2 длинныя четырех-угольныя фалды, гарнированныя висячимъ бантомъ. Рукавъ со сборками на локтѣ отдѣланъ атласнымъ плисэ и вышитой полосой и обшитъ бретонскимъ кружевомъ. На рис. 6 шляпа изъ темной соломки, приподнятая съ лѣваго бока атласнымъ бантомъ бабочкой и перьями. Шляпа рис. 13. Токъ изъ бѣлой соломы съ бусовой бахромой, спадающей на бандо коричневаго бархата.

Рис. 7. Большая мантилья Фелиція изъ чернаго индійскаго кашемира и шелковаго брошэ. Передки, совершенно прямые съ бахрамой съ каждой стороны, соединяются со спинкой швомъ на плечѣ вдоль руки и внизу подрукавникомъ. Рукавъ пришивной, швъ котораго скрытъ драпированной от-

Рис. 13.

Рис. 14.

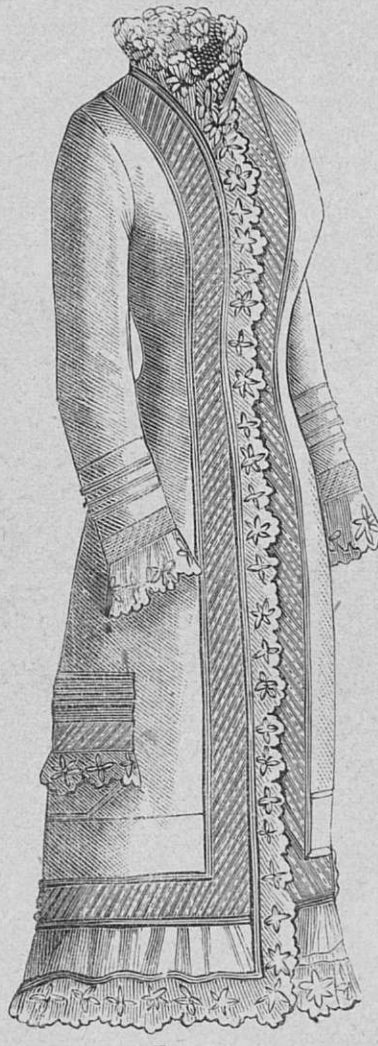


Рис. 15.

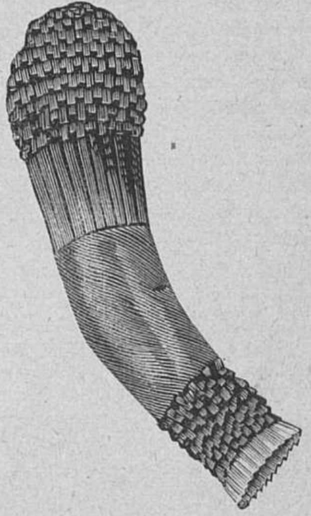


Рис. 17.

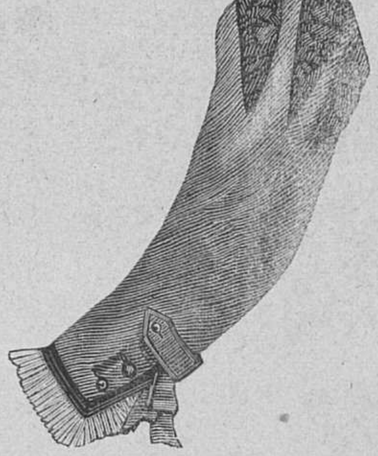


Рис. 18.

Рис. 19.

Рис. 16.

Рис. 20.

дѣлкой изъ брошэ; такая-же отдѣлка положена какъ фишю у ворота. Синелевая бахрома вокругъ всей мантильи. Вдоль спинки киль изъ аграманта со стеклярусомъ. Платье синее. Шляпа соломенная, золотистая съ отдѣлкой изъ перьевъ и красныхъ розановъ.

Рис. 8 Казакъ черный атласный. Передки очень длинные съ 2-мя выточками, воротъ вырѣзанъ шалью, застегивается у тальи и съ очень скругленными боками. Спинка tailleur спадаетъ 2-мя четырехугольными фалдами. Весь казакъ обшитъ 2-мя кружевными плисэ вверху и внизу, между которыми положена богатая басонная отдѣлка. Кружевная рюшь у ворота съ большимъ висячимъ бантомъ на груди. Рукавъ со сборчатымъ локтемъ, отдѣланный кружевами и басонной отдѣлкой. Костюмъ изъ атласа двуличнаго цвѣта vieille or и воронова крыла. Соломенная черная шляпа, подбитая

Рис. 21.

Рис. 22.

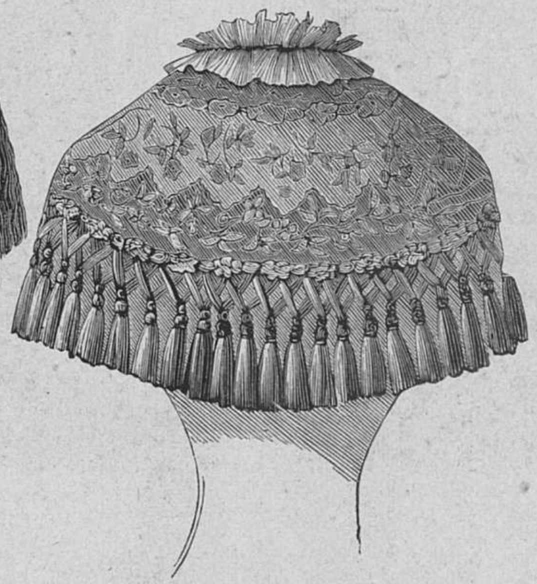


Рис. 23.

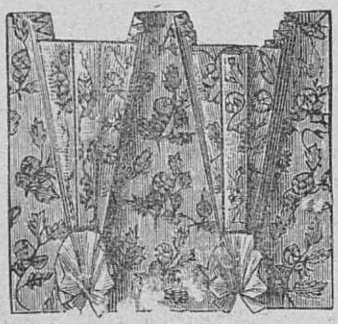


Рис. 24.

бархатомъ воронова крыла съ подобной отдѣлкой и райской птичкой.

Рис. 9. Костюмъ молодой дѣвицы изъ синяго кашемира, перемѣшаннаго съ атласомъ. Юбка кашемировая, на которой плисэ съ атласной полосой. Кашемировый тюникъ. Широкое полотнище, драпированное какъ передникъ, на правомъ боку спускается угломъ, на лѣвомъ-же высоко приподнято въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно драпировано сборчатой килью, оканчивающейся нѣсколькими спускными петлями изъ атласныхъ лентъ. Заднее полотнище сложено пуфомъ въ нѣсколько глубокихъ складокъ съ лѣвой стороны; весь тюникъ отороченъ атласнымъ біэ. Корсажъ кашемировый, въ серединѣ котораго пластронъ изъ сборчатаго атласа, окаймленнаго кашемировымъ плисэ. Пришивныя баски спереди гладкія, драпированныя къ спинкѣ, которая имѣетъ коротенькія фалды, съ атласнымъ бантомъ посерединѣ. Большой атласный воротникъ, прикрѣпленный бантомъ спереди. Рукава очень узкіе, внизу отдѣланные атласомъ. Атласный поясъ, идущій только отъ бочковъ, со стальной пряжкой. Шляпа изъ итальянской соломы подбита атласомъ; перья того-же цвѣта.

Рис. 10. Костюмъ блѣдно-зеленаго фуляра съ пестрымъ японскимъ фуляромъ. Гладкая юбка отдѣлана широкимъ воланомъ: въ перемежку одно полотнище гладкое, другое пестрое, надъ которымъ спереди перевязано драпри изъ пестраго фуляра, что составляетъ передникъ. Задній пуфъ изъ гладкаго фуляра. Жакетъ гладкій съ пришивной баской изъ пестрой матеріи. Спинка обыкновенная, безъ пестрой отдѣлки внизу, кромѣ суфлэ, выходящаго изъ задняго кутюра. Рукавъ гладкій съ пестрой отдѣлкой, на шеѣ такой-же пестрый фишю. Шляпа бѣлая бастовая, съ пестрой фуляровой отдѣлкой, сзади очень высока

Рис. 13. Мантилья Манюэль изъ китайскаго крепа, состоитъ изъ двухъ кусковъ, соединенныхъ на спинѣ, съ обозначеніемъ таліи и выточками на плечахъ. Большой воротникъ, обшитый богатой басонной отдѣлкой со стеклярусомъ и бахромой, какъ вокругъ всей мантильи. Переднія полочки очень угловаты и оканчиваются большою кистью. При костюмѣ, описанномъ подъ рис. 9, шляпа черная, соломенная, отдѣланная чернымъ тюлемъ съ золотыми блестками и золотой тесьмой.

Рис. 14. Мантилья Клоринда, показанная спереди и сзади, изъ чернаго индійскаго кашемира. Переда прямые, совершенно застегнутые, съ боль-

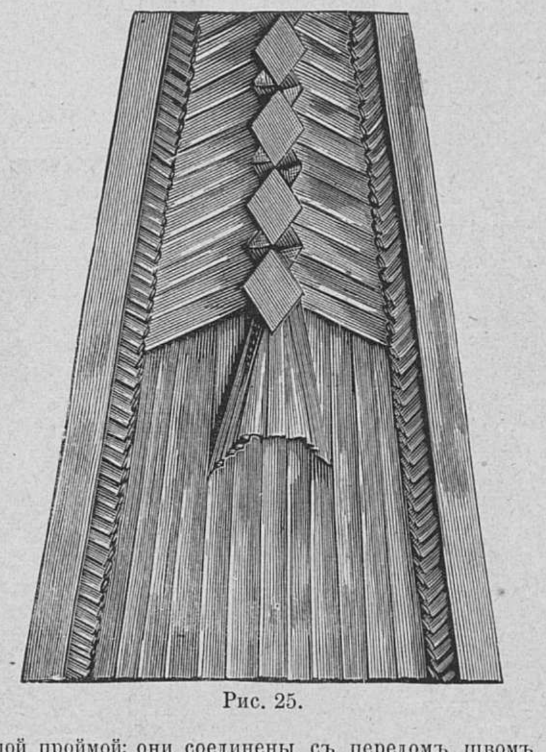


Рис. 25.

шой проймой; они соединены съ передомъ швомъ подъ рукавомъ. Рукавъ-же соединяетъ спинку съ передомъ кутюромъ на плечѣ. Спинка съ однимъ швомъ посерединѣ, съ выемкой у таліи. Рукавъ, скругленный спереди, имѣетъ подрукавникъ; онъ подобранъ въ видѣ драпри сзади, гдѣ прикрѣпленъ аграфомъ съ кистью. Большой атласный воротникъ съ разрѣзомъ на спинѣ обшитъ бахромой со стеклярусомъ, такая-же отдѣлка вокругъ рукава и всей мантильи.

Рис. 15. Утренняя кофта, называемая matinée, можетъ быть сдѣлана не только изъ бѣлаго нансука съ вышивками, но даже изъ цвѣтного батиста; тогда она надѣвается на темную юбку и удобна для утренней прогулки надачѣ и въ деревнѣ.

Рис. 19. Шляпа Викторія изъ шелковаго плюша съ приподнятыми полями на лбу и нѣсколькими богатыми страусовыми перьями и брошэ бантомъ, очень нарядная, только для визитовъ.

Рис. 20. Шляпа бретонъ, болѣе скромная и можетъ служить для траурной шляпы.

Рис. 17 и 18. Двѣ разныя отдѣлки для рукавовъ, которыя считаемъ лишнимъ описывать, такъ какъ они легко могутъ быть скопированы порисунку.

Рис. 24. Отдѣлка платья изъ вывернутаго плисэ. Она только тогда выходитъ красиво, когда ее исполнятъ изъ двухъ разныхъ матерій, особенно разноцвѣтныхъ.

Рис. 26. Фуляровый бантъ съ кружевами можетъ быть сдѣланъ изъ крепа съ плисэ кисейной обшивкой, вмѣсто кружева.

Рис. 25. Отдѣлка для переда платья. Эта отдѣлка особенно хороша для нансуковаго длиннаго дѣтскаго платья, такъ какъ легко моется и удобно гладится. Если среднюю полоску положить изъ цвѣтного батиста на бѣломъ нансукѣ, выйдетъ еще красивѣе; мы рекомендуемъ ее вполнѣ.

Рис. 26.

Рис. 21. Пелеринъ изъ черной синели съ такой-же бахромой и большимъ атласнымъ бантомъ, выше предлагается нашимъ читательницамъ сдѣлать его самимъ.

Рис. 22. Пелеринъ изъ вышитаго гренадина, обшитаго въ нѣсколько рядовъ черными и бѣлыми кружевами, атласнымъ бантомъ и бахромой.

Рис. 23. Пелеринъ изъ шелковаго полосатаго тюля съ 3-мя рюшами изъ тюля фриволитэ; шелковая бахрама съ кистями. Бантъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ.

Дѣтскіе костюмы:

Рис. 27. Для 6-лѣтней дѣвочки. Блѣдно-голубое батистовое платье съ 2-мя плисэ, надъ которыми воланъ сложенъ трубочками. Казакъ полушарокій съ баской сзади, обшитый бѣлыми кружевами къ верху головкой. Шарфъ, идущій отъ боковой баски, завязывается спереди, изъ подъ него выходитъ широкій воланъ, сложенный трубочкой. Бѣлый фуляровый жилетъ въ бульонэ. Воротникъ и рукава кружевные. Соломенная итальянская шляпа, отдѣланная голубыми шелковыми понпонами.

Рис. 28. Для 7-лѣтней дѣвочки. Юбка бати-

стовая, розовая, клѣтчатая съ 3-мя воланами, обшитыми вышевкой. Соломенная шляпа, подбитая бѣлымъ атласомъ съ розовыми перьями, ниспадающими напередъ.

Рис. 29. Для 9-лѣтней дѣвочки, костюмъ изъ кашемира газель. Вся юбка изъ бульонэ и косыхъ сборчатыхъ велановъ. Казакъ съ баской, жилетъ съ закругленными бочками отъ переда, образуетъ родъ фрака сзади. Воротникъ, пелеринъ, реверъ фрака, отдѣлка на жилетѣ и рукавахъ изъ рубиноваго фая, вышитые бѣлымъ шелкомъ. Чулки того-же цвѣта. Лайковые бронзовые сапожки. Круглая бастовая шляпа съ рубиновыми страусовыми перьями. При настоящемъ нумерѣ прилагается выкройка этого костюма. Она состоитъ изъ слѣдующихъ кусковъ: юбка, переднее вмѣстѣ съ боковымъ полотнищемъ, заднее полотнище; рѣзцомъ показана ширина бульоне на юбкѣ; передъ казака, жилетъ, бочекъ, спинка, рукавъ, воротникъ-пелеринъ и обшлагъ на рукавѣ.

Рис. 30. Для 8-лѣтней дѣвочки. Синяя фуляровая юбка съ собранными воланами. Казакъ изъ синяго фуляра съ бѣлыми горошинками, отдѣланный біэ изъ гладкаго синяго фуляра, отороченнаго бѣлымъ кантомъ. Косой фишю, сложенный изъ гладкаго фуляра, оканчивающійся у лѣваго кармана большимъ бантомъ съ петлями. Отдѣлка кармана и рукавовъ изъ гладкаго-же фуляра. Соломенная шляпа съ бѣлыми страусовыми перьями.

Рис. 31. Туалетъ 14-лѣтней дѣвочки, изъ сѣраго фуляра съ коричневыми горошинками и коричневаго гладкаго фуляра. Нижняя юбка съ двумя плисэ изъ пестраго фуляра съ коричневой полосой. Вторая юбка изъ пестраго-же фуляра, съ приподнятыми боками, закрѣпленными большими коричневыми бантами. Корсажъ пестрый, съ маленькимъ фракомъ, отдѣланъ коричневымъ фуляромъ. Шляпа изъ англійской соломки съ васильками и коричневымъ фуляровымъ бантомъ.

Рис. 32. Для ребенка отъ 2 до 4 лѣтъ. Все платье изъ англійскаго шитья и нансука, фасонъ принсесъ, застегивается сзади со вставнымъ жилетомъ изъ вышивокъ, бочка и спинка всѣ собраны буфами; на подолѣ 3 волана изъ англійскаго шитья. Широкій голубой шарфъ, завязанный одной петлей сзади; голубой торсадъ на рукавчикѣ, голубые туфли. Шляпа бѣлая бастовая съ высокимъ бѣлымъ бантомъ. Этотъ костюмъ можетъ служить, какъ для дѣвочки, такъ и для мальчика.

Рис. 33. Для 8-лѣтней дѣвочки. Юбка изъ суроваго фуляра заложена большими складками сверху до низу, на 3 вершка отъ подола плисэ перехвачено біэ изъ той-же матеріи. Длинный казакъ суровый съ помпадуръ цвѣточками, съ длиннымъ, острымъ реверомъ, кончающимся мысомъ изъ коричневаго фуляра. Жилетъ вставной, гладкій, бѣлый пикэ, или заложенный складками суроваго фуляра. Шарфъ помпадуръ, положенный на серединѣ юбки впереди, мелкосборчатой съ коричневымъ отворотомъ, сзади приподнятъ коричневыми бантами. Соломенная шляпа съ гирляндой изъ мака.

Рис. 27, 28, 29, 30, 31, 32 и 33.

Редакторъ-издатель Н. И. Шульгинъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 іюня 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Томъ I. **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.** Годъ VIII.

№ 26. За годъ съ пер. и дост. — 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ по 20 к. за нумеръ. За полгода - 4 руб. 28 Іюня 1880 года.

Ея Императорское Высочество Наслѣдница Цесаревна съ августѣйшими Дѣтьми.

Высочайшіе рескрипты.

на имя Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны.

I.

Ваше Императорское Высочество.

Съ кончиною въ Бозѣ почившей любезнѣйшей Супруги Нашей Императрицы Маріи Александровны, воспитательныя и благотворительныя заведенія вѣдомства Императрицы Маріи, пользовавшіяся въ теченіе безъ малаго 20-ти лѣтъ любвеобильнымъ и мудрымъ Ея попечительствомъ, лишились августѣйшей своей благодѣтельницы и покровительницы.

Нынѣ, проводивъ тѣло незабвенной Супруги Нашей до послѣдняго жилища, Мы исполняемъ сердечный долгъ въ отношеніи всѣхъ учрежденій Императрицы Маріи, ввѣряя ихъ Вашему Высочеству со всѣми правами, принадлежавшими блаженной памяти Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Мы питаемъ твердую увѣренность, что непосредственное Ваше покровительство послужитъ для означенныхъ учрежденій залогомъ преуспѣянія и дальнѣйшаго развитія на пользу дорогого отечества, и что къ осуществленію высокихъ воспитательныхъ и благотворительныхъ задачъ ввѣряемаго Вамъ нынѣ вѣдомства Вы отнесетесь съ тою-же полнотою истинно христіанскаго, материнскаго чувства, какая постоянно проявлялась въ царственной дѣятельности незабвенной усопшей Императрицы. Переселившаяся-же въ вѣчность любезнѣйшая Супруга Наша да поможетъ Вамъ на семъ священномъ поприщѣ чистыми Своими молитвами передъ престоломъ Всевышняго, низводя щедрыя благословенія Отца любви и милосердія на близкія материнскому сердцу Ея учрежденія вѣдомства Императрицы Маріи.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Царскомъ селѣ,
29-го мая 1880 года.

II.

Ваше Императорское Высочество.

На основаніи учрежденія орденовъ (статей 155, 299, 300, 301, 303 и 176, по изданію 1876 года), съ кончиною въ Бозѣ почившей Любезнѣйшей Супруги Нашей Императрицы Маріи Александровны, Начальницы ордена святыя Великомученицы Екатерины, пожалованіе симъ орденомъ, съ соизволенія Нашего, а равно подписаніе рескриптовъ на таковое пожалованіе возлагаемъ на Ваше Императорское Высочество, какъ Намѣстницы ордена.

III.

Ваше Императорское Высочество.

Съ кончиною въ Бозѣ почившей Любезнѣйшей Супруги Нашей Императрицы Маріи Александровны пожалованіе знакомъ отличія Краснаго Креста, съ соизволенія Нашего, на точномъ основаніи утвержденнаго Нами въ 19-й день февраля 1878 года устава о семъ знакѣ, равно подписаніе рескриптовъ о таковомъ пожалованіи на имя Канцлера Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ предоставляемъ Вашему Императорскому Высочеству.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Царскомъ Селѣ,
9-го іюня 1880 года.

Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна Великая Княгиня Марія Феодоровна назначена шефомъ полковъ: лейбъ-гвардіи кирасирскаго Ея Величества и 2-го лейбъ-драгунскаго псковскаго Ея Величества, которымъ сохранено и впредь наименованіе «Ея Величества».

Лѣтней порою.

Стих. **П. Быкова.**

I.

Съ первымъ проблескомъ ясной зари
Отворилъ я окно свое въ садъ.
О, голубка моя, посмотри,
Какъ на листьяхъ росинки горятъ.

Какъ хорошъ липъ кудрявыхъ уборъ,
Позлащенный восхода лучемъ,
Гладь серебряныхъ дальнихъ озеръ,
Сизый, легкій туманъ надъ селомъ...

О, какой это радостный мигъ,
Пробужденья всѣхъ жизней земли!..
Къ намъ доносится птицъ переклик̾ъ,
Затянулъ кто-то пѣсню вдали...

Копошатся, снуютъ у Днѣпра
У лодченокъ своихъ рыбаки;
Гдѣ-то слышится стукъ топора
И свистятъ въ камышахъ кулики...

Отъ души наслаждаюсь, вполнѣ
Этимъ утромъ природы родной,
Но весь міръ краше кажется мнѣ
Оттого, что и ты здѣсь со мной.

II.

Зеркальныя воды пустынной рѣки,
Лазурный, небесный шатеръ,
Зеленыя пашни вдали, хуторки,
Безлюдье, и ширь, и просторъ.

Съ тобою вдвоемъ въ челнокѣ мы сидимъ,
Восторга живого полны;
И, молча, другъ съ другомъ мы дѣлимся имъ,
Внимая журчанью волны.

Торжественно тихо, покойно вокругъ
И вѣетъ отрадой такой;
Лишь изрѣдка птица какая-то вдругъ
Полетомъ нарушитъ покой...

Мы бросили весла, не правимъ рулемъ
И быстро теченье насъ мчитъ;
Мы громкую, вольную пѣсню поемъ
И страстью та пѣсня звучитъ.

Мы здѣсь на свободѣ, вдали отъ людей,
Отъ зоркихъ, смущающихъ глазъ,
Не видимъ здѣсь грозныхъ и лживыхъ судей,
Не слышимъ заученныхъ фразъ...

Какъ рыбкамъ привольно, уйдя изъ сѣтей,
Во влагѣ своей голубой,—
Такъ намъ, послѣ гнета житейскихъ цѣпей,
Легко и привольно съ тобой!

III.

Въ огняхъ заката лѣтній день,
Спѣша ко сну, едва алѣетъ,
Еще на высяхъ горъ свѣтлѣетъ,
А по доламъ легла ужь тѣнь.

Она растетъ, растетъ стѣной,
Свою развертывая тогу,
И вотъ стихаетъ понемногу
И шумъ назойливый дневной.

Иными звуками полна
Пора таинственная... Слышно,
Какъ мышь шуршитъ средь нивы пышной,
Какъ съ вѣтромъ шепчется волна.

Какъ въ тепломъ гнѣздышкѣ своемъ
Воркуетъ нѣжно голубь дикій
И толстый бражникъ надъ гвоздикой
Слегка гудитъ своимъ крыломъ.

Нѣтъ больше зноя, духоты
И легче дышется, вольнѣе;
Росой обрызганы, сильнѣе
Запахли травы и цвѣты.

А миріады звѣздъ, блестя,
Глядятъ привѣтно съ небосвода,
И миромъ дышетъ вся природа,
Какъ сладко спящее дитя...

Сползла съ души тоска-змѣя,
Мозгъ освѣжился отъ прохлады,
И сердце трогаютъ рулады
Волшебной пѣсни соловья...

Жаль, скоро минетъ эта ночь
И снова день наступитъ шумный,
И суетой своей безумной
Прогонитъ ночи чары прочь.

Едва взойдетъ свѣтило дня,
Вновь жизни безтолочь начнется
И рѣдко кто отъ сна очнется,
Земной удѣлъ свой не кляня!

У креста.

Разсказъ **К. С. Баранцевича.**

— Фу, какое запустѣніе!

Двое мужчинъ входили въ ограду одного изъ городскихъ кладбищъ. Тотъ, который произнесъ эту фразу, былъ высокій, плотный господинъ, лѣтъ 30, съ роскошными, падавшими на бѣлоснѣжную грудь рубашки русыми бакенбардами, съ золотымъ пенснэ на носу, одѣтый безукоризненно; другой составлялъ полнѣйшую противоположность первому. Онъ былъ старше его лѣтъ на десять, бородатый, худой, съ какимъ-то скорбно-утомленнымъ взглядомъ, держался сутуловато и одѣтъ былъ въ поношенное, выцвѣтшее пальто и клѣтчатыя, старенькія панталоны.

Съ перваго взгляда, казалось, не было между ними ничего общаго, но, вглядѣвшись, можно было найдти большое сходство въ верхней части лица, въ особенности у глазъ.

— Вотъ ужь именно жилище мертвыхъ, продолжалъ первый, — мертвымъ, дескать, ничего не нужно. Пожалуй, что оно и такъ, но вѣдь ихъ посѣщаютъ живые... Какая разница съ заграницей! Тамъ кладбища,—лучшее мѣсто прогулки и содержатся хорошо. Здѣсь-же... посмотри, пожалуйста, на что похожи ботинки!

Старшій взглянулъ на ботинки спутника, къ подошвамъ которыхъ пристало немного грязи, и заодно, кинувъ взглядъ на свои заплатанные сапоги, конфузливо поднялъ глаза на перваго.

— Былъ дождь...

— Дождь тутъ не причемъ, если-бы сыпали песку.. А это что такое? повелъ онъ носомъ и, вынувъ надушенный платокъ, приложилъ его къ лицу.—Пахнетъ чѣмъ-то?

— Тутъ, неподалеку, свалка...

— Какая свалка?

— Мусору, нечистотъ...

— Вотъ гадость-то!

Они все шли между рядами молодыхъ, зеленѣющихъ березокъ. Была весна. Наканунѣ шелъ дождь и трава поднялась значительно. На припекахъ образовались уже порядочные кустики. Птицы щебетали на вѣтвяхъ. Почки распускались. Въ лицо вѣяло теплымъ воздухомъ.

Старшій шелъ нѣсколько впереди, вполнѣ увѣренно, какъ идутъ къ очень знакомому мѣсту; младшій лѣниво слѣдовалъ за нимъ, заложивъ руки за спину и посматривая по сторонамъ.

— Вотъ уродство-то, остановился онъ передъ однимъ неуклюжимъ памятникомъ изъ «купеческихъ»,—какое безвкусіе! И эта бесѣдка,—гниль и мерзость запустѣнія. Ну, ужь!

Онъ пожалъ плечами и отошелъ.

— Вотъ здѣсь, сейчасъ, сказалъ старшій.

Они сошли съ дорожки и пошли по узкой тропинкѣ. Передъ мѣстомъ въ сажень, огороженнымъ полусгнившимъ палисадникомъ, съ бѣлымъ крестомъ по серединѣ, старшій остановился и снялъ шляпу. Младшій послѣдовалъ его примѣру.

Кругомъ плотно сомкнулись могилы. Большинство было увѣнчано крестами и памятниками, но были между ними и забытыя, безъ крестовъ,

съ развалившимся, перегнившимъ дерномъ. Между могилами лежали ворохи прошлогоднихъ листьевъ, сквозь которые мѣстами уже пробивалась молодая жизнь.

— Войдемъ, Сережа, тутъ можно посидѣть.

Старшій отомкнулъ замокъ и они вошли. Сергѣй тотчасъ опустился на скамейку, передъ которой былъ воткнутъ небольшой, кругленькій столикъ.

— Скажи, пожалуйста, Александръ, это все еще съ того времени?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, снимая пальто и вѣшая его на палисадникъ, причемъ оказался въ какомъ-то буромъ, сильно поношенномъ пиджакѣ, — то все развалилось... Это я вновь, на сколько могъ...

— А палисадникъ?

— Палисадникъ тотъ. Очень дорого стоитъ новый.

— Да, постарѣлъ, постарѣлъ, Сергѣй ткнулъ ногой въ сгнившую перекладину.—Посмотри-ка, сейчасъ отвалится.

— Что дѣлать! вздохнулъ Александръ и, присѣвъ на корточки, принялся выдергивать появившуюся молодую травку.

— Ты давно здѣсь былъ?

— Сегодня первый разъ послѣ болѣзни. Тогда все снѣгомъ было занесено, а теперь, видишь, какъ заростать стало. Немного запоздалъ съ цвѣтами, не знаю, пойдутъ-ли?

— Ты хочешь посадить цвѣты?

— Еще-бы! Я каждый годъ сажаю. Вотъ тутъ; онъ очертилъ рукою порядочный кругъ около креста, гдѣ земля была чернѣе и меньше заросла и, вытащивъ изъ подъ скамейки что-то въ родѣ самодѣльной лопатки, принялся ею разрыхлять землю.

— Въ прошломъ году у меня былъ великолѣпный левкой, гвоздика хорошо шла, маргаритки, а вокругъ креста я посадилъ вьюны. Ты знаешь это растеніе?

— Нѣтъ, съ чуть замѣтной усмѣшкой, отвѣчалъ Сергѣй,—не знаю.

— Прелестное растеніе; въ родѣ плюща, и вьется отлично, такъ что къ августу уже весь крестъ былъ въ зелени. Цвѣточки на немъ бѣлые, въ формѣ лиліи.

Онъ повернулъ голову и замѣтилъ, что братъ его не слушаетъ, а разсѣянно смотритъ по сторонамъ.

— Знаешь, кто здѣсь часто бываетъ?

Сергѣй посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Вотъ ужь пари можно держать, что не угадаешь. Я думаю, ты его считаешь ужь умершимъ.

— Кто это?

— Евграфъ Петровичъ! Можешь себѣ вообразить: сѣдой, какъ лунь, почти ослѣпъ, едва ходитъ. Я думаю ему лѣтъ за семьдесятъ!..

— Да кто этотъ Евграфъ Петровичъ?

Тотъ даже лопаточку бросилъ и весь обернулся къ нему.

— Господи, неужели ты его забылъ?

— Право, не помню.

— Евграфа-то Петровича? Ну!

Онъ укоризненно покачалъ головой.

— Да кто онъ за птица такая, что его нельзя и забыть?

— Что за птица! вспылилъ было Александръ, но вдругъ стихъ, даже словно испугался, что такъ крикнулъ, и усердно сталъ копать лопаточкой.— Какъ-же забыть Евграфа Петровича, грѣхъ забыть такого человѣка. Конечно, ты тогда еще былъ очень молодъ, могъ даже не знать... но вѣдь у насъ тогда только и разговору было... Вѣдь онъ тогда всѣ свои деньги, все, что накопилъ за цѣлую жизнь, все отдалъ! И спасъ, можетъ быть, отъ Сибири спасъ отца... Ты помнишь, вѣроятно, эту кражу казенныхъ денегъ, вѣдь отецъ долженъ былъ отвѣчать... Еще тогда Марья Гавриловна,—царство ей небесное, добрая была старушка,—ѣздила хлопотать и ничего не могла сдѣлать. А вѣдь у ней какая рука была! Племянникъ, Филиппъ Ильичъ, важный постъ занималъ, директоромъ департамента былъ, и все-таки ничего не могъ сдѣлать. Кабы не Евграфъ Петровичъ...

Сергѣй сидѣлъ, облокотившись локтями на столикъ, курилъ и размышлялъ.

«Вотъ какъ жизнь-то коверкаетъ, думалось ему, — трудовая, безпросвѣтная жизнь! И это братъ! Какіе у него интересы? Интересы чердака, кухни, мелочь какая-то все, и самъ человѣкъ измельчалъ. Вотъ оно, родное болото! Ну, чѣмъ онъ живетъ? Какими-то воспоминаніями Богъ знаетъ о какихъ-то Евграфахъ Петровичахъ да о Филиппахъ Ильичахъ. За то вонъ онъ какимъ приниженнымъ выглядитъ. Всякій-то, кажется, можетъ его обидѣть. И обижаютъ, должно быть, и оскорбляютъ, и всего, всего натерпится человѣкъ. Немудрено, что покровительство какой-нибудь Марьи Гавриловны кажется ему ужь Богъ знаетъ чѣмъ, онъ его и оцѣнить не можетъ по достоинствамъ. А въ сущности, что такое эта Марья Гавриловна?»

Не безъ усилія удалось ему мысленно перенестись въ забытую обстановку протекшихъ годовъ, припомнить тѣ связи, которыя нѣкогда такъ крѣпко соединяли его съ этимъ теперь устарѣлымъ и чуждымъ для него міромъ, и вотъ одно за другимъ поплыли передъ его глазами блѣдные образы прошлаго...

...Вотъ сморщенная, сѣдая старушка, вся въ черномъ, съ какимъ-то курьезнымъ ридикюльчикомъ, распространяющая вокругъ себя запахъ мускуса, вѣчно таскающая съ собою какія-то «житія», какія-то «христіанскія наставленія» и «бесѣды», эта ханжа (какъ онъ теперь ее опредѣляетъ) это—Марья Гавриловна.

Мимо, мимо, забытый образъ! Что ему въ немъ? А старикъ?.. Теперь онъ его припомнилъ. Онъ и тогда былъ сѣдъ и держался такъ важно. Придетъ, бывало, свою палку съ золотымъ набалдашникомъ поставитъ въ уголъ, сядетъ въ кресло, вытянетъ ноги, выметъ табакерку, пощелкаетъ по ней и начнетъ набивать носъ табакомъ... Припоминается одинъ случай. Тогда онъ былъ уже въ шестомъ классѣ и заспорилъ съ старикомъ о чемъ-то изъ физики. Старикъ несъ чушь, но говорилъ съ апломбомъ, важно, медленно, растягивая слова и не злоупотребляя жестами. Онъ попробовалъ его по гимназической привычкѣ «оборвать». Боже, что вышло! Старикъ закричалъ о неуваженіи, назвалъ его вольнодумцемъ и сказалъ, что въ прежнія времена такихъ, какъ онъ, мальчишекъ драли!

Тогда-же онъ возненавидѣлъ Евграфа Петровича. А между тѣмъ, этотъ старикъ...

Но, мимо, мимо!

Все мимо. Связи съ этими людьми порвались давно, случай помогъ ему вылѣзти изъ родной тины, уѣхать заграницу, окончить тамъ свое образованіе, а другая жизнь, другіе интересы оторвали его разъ навсегда отъ прошлаго.

Что ему, новому человѣку, всѣ эти Евграфы Петровичи, Марьи Гавриловны, эти кресты, эти могилы, эти цвѣты, Богъ вѣсть зачѣмъ сажаемые, словомъ, всѣ эти преданія тяжелыхъ, минувшихъ годовъ? Какое дѣло кораблю, вышедшему на всѣхъ парусахъ въ открытое море, до тѣхъ жалкихъ, рыбачьихъ лодченокъ, которыя тамъ, гдѣ-то сзади, топорщатся и выбиваются изъ силъ, чтобы плыть съ нимъ вровень?

Но не всѣ еще связи порваны, осталась одна,—живой памятникъ прошлаго,—братъ, товарищъ дѣтскихъ игръ, невольно на минуту ставшій на пути тріумфальнаго шествія и какъ-бы насильно заставляющій о себѣ думать.

И онъ пристальнѣе вглядѣлся въ эту худую, изможденную фигуру, пачкавшую въ землѣ свои блѣдныя, сухія руки, и чувство жалости, словно острымъ ножемъ, рѣзнуло его по сердцу.

— Позволь, всталъ онъ,—я помогу тебѣ.

— Нѣтъ, спасибо, я самъ, тутъ немного.

«Да, да, все тотъ-же неизмѣнный чудакъ, вѣкъ свой незнающій покоя, вѣчно пекущійся о другихъ, не думающій о себѣ. Когда-то и онъ цвѣлъ молодостью, смѣло глядѣлъ впередъ, думалъ бороться съ жизнью, а каковъ результатъ? Чудакъ! Что онъ теперь? Больной, хилый, преждевременно состарившійся, съ кучею ребятъ на шеѣ...»

— На сегодня довольно, всталъ Александръ, смахивая съ колѣнъ приставшую землю,—завтра приду сажать.

— Неужели ты и завтра придешь? Далеко вѣдь.

— Я привыкъ. Послѣ службы пройдешься, прогуляешься. Здѣсь, право, не худо: зелень и прочее... Вотъ только пахнетъ иногда при вѣтрѣ.

Онъ сѣлъ рядомъ съ братомъ. Тотъ протянулъ ему изящный портсигаръ. Этотъ, какъ-то неловко, выпачканными пальцами взялъ папироску и закурилъ.

Оба хранили молчаніе. Александръ словно впалъ въ какое-то созерцательное настроеніе: онъ сидѣлъ, не шевелясь, въ согбенной, приниженной позѣ, устремивъ глаза въ пространство.

Сергѣю было, какъ будто, не по себѣ. Лицо его приняло скучающее выраженіе. Онъ какъ-то неопредѣленно-брезгливо переводилъ взгляды съ одного предмета на другой. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Нужно будетъ собраться поставить памятникъ, сдѣлать желѣзную рѣшетку... Вообще привести въ порядокъ.

— Зачѣмъ-же памятникъ, Сережа, ты забылъ волю отца.

— Волю отца? Ахъ, да, это чтобы не душило... Но, послушай, вѣдь это смѣшно.

— Что смѣшно?

— Ну, вообще... Странно какъ-то, какая-то больная фантазія. Красивый, легкій памятникъ не испортитъ впечатлѣнія, да, наконецъ, могила дольше сохранится.

— Послушай, Сережа, если ты не сдѣлалъ этого раньше и хорошо поступилъ, то прошу тебя, не ставь теперь. Ты живешь за-границей, пріѣхалъ на пару дней, не станешь-же ты измѣнять нашихъ порядковъ. Умирая, отецъ говорилъ намъ не ставить памятника и я, какъ старшій, обязанъ исполнить его волю. Вотъ рѣшетку, если ты хочешь..

— Да, да, поставлю непремѣнно!

Александръ грустно улыбнулся. Сколько разъ онъ слышалъ эти: «непремѣнно», между тѣмъ года шли, палисадникъ ветшалъ да ветшалъ, а обѣщаніе все не исполнялось.

Братъ подмѣтилъ улыбку.

— На-дняхъ-же закажу, заговорилъ онъ торопливо, бросая вокругъ бѣглые взгляды,—хочешь, поѣдемъ и закажемъ вмѣстѣ... Рисунокъ полегче, поизящнѣе... Въ Парижѣ я видѣлъ, просто кружева, тонкость работы изумительная. Не знаю только, сдѣлаютъ-ли здѣсь... Не сегодня-завтра, я долженъ получить нѣкоторую сумму... Кстати, не нужно-ли тебѣ денегъ?..

— Нѣтъ.

«Гордость заѣла, гордость передъ братомъ, это ужь просто свинство!»

— Не можетъ быть, я видѣлъ, ты нуждаешься, этотъ чердакъ... дѣти безъ сапогъ... Возьми, пожалуйста, онъ сталъ рыться въ бумажникѣ,— отъ брата вѣдь, не отъ чужого!

— Я не нуждаюсь вовсе, съ чего ты взялъ?

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

АКВАРЕЛЬ ФАЛЬКЕНБУРГА.

Ея пѣснь — ея скорбь.

Рисовалъ на деревѣ самъ авторъ; рѣзано въ Берлинѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ПРОФЕССОРА ШЕЙРЕНБЕРГА (изъ Касселя).

Импровизаторъ.

Рисовалъ самъ авторъ; рѣзалъ на деревѣ Бончъ.

— Но я видѣлъ-же, своими глазами видѣлъ...

— Пожалуйста, оставь, отстранилъ онъ его руку,—ни я, ни дѣти мои ни въ чемъ не нуждаемся.

— Что это, гордость? Бѣденъ, молъ, но за то честенъ?

— Ты мнѣ братъ, я не хочу тебя судить... Но если ты ужь непремѣнно хочешь что-нибудь... Ты теперь при деньгахъ, говоришь, вотъ оно и кстати и какъ кстати-то будетъ... Вотъ что: жена моя познакомилась съ Болтовой.

— Ага, вскочилъ тотъ, при чемъ яркая краска бросилась ему въ лицо,—я такъ и зналъ... Она ужь и къ вамъ отыскала дорожку... Жалуется, плачетъ, ограбилъ-де, пустилъ по міру!.. У ней еще, кажется, дѣти есть?

— Трое. Но если-бы ты видѣлъ эту нищету!.. Боже мой, сердце обливается кровью!

— Ну да, ты жалостливъ, извѣстно, а она не дурная актриса! Съумѣла притвориться, на этомъ стоитъ!

— Ты жилъ въ Германіи съ ея мужемъ.

— Ну да, ну что-же?

— Братъ, братъ, какъ ты спокоенъ!

— Ну хорошо, ну что-же дальше? Спокойствіе мое тутъ не при чемъ.

— Ты управлялъ его дѣлами; послѣ него осталось состояніе...

— Въ самомъ дѣлѣ? Кто тебѣ сказалъ? Она? Вотъ прекрасная вещь! Баба рехнулась, распускаетъ всякія небылицы, клевещетъ, а онъ ей вѣритъ! Наконецъ, мнѣ это такъ все надоѣло, я не понимаю: къ чему весь этотъ разговоръ и притомъ здѣсь?

— Вотъ именно здѣсь, Александръ взялъ его за руку и крѣпко держалъ ее,—мнѣ хотѣлось поговорить съ тобой. Сережа, если-бы ты зналъ, какъ страшно тяготитъ меня это дѣло. Ты знаешь мой несчастный характеръ, я почи не сплю, это дѣйствуетъ на меня ужасно, тѣмъ болѣе ты здѣсь замѣшанъ, такъ гадко замѣшанъ! Можетъ быть, это и было настоящей причиной моей болѣзни. Это дѣло всю душу у меня вымотало, я покоя нигдѣ не нахожу, вездѣ мнѣ мерещится эта голодная семья! Послушай, Сережа, вспомни нашего отца, который вѣкъ прожилъ безъ пятна, безъ упрека... Я сознаюсь: у меня былъ планъ... я хотѣлъ... я нарочно привелъ тебя сюда, чтобы ты на могилѣ отца, (голосъ его вдругъ дрогнулъ, въ немъ послышались слезы) на могилѣ дорогого отца сказалъ, что все, что она говоритъ—ложь!

Тотъ стоялъ молча, растерянный, словно пораженный неожиданностью.

— Сережа, голубчикъ, скажи!

— Я удивляюсь тебѣ, братъ, эта театральность...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори такъ, ради Бога не говори! Не нужно, совсѣмъ не нужно такъ! Скажи только: правда, да?

— Выслушай, что за ребячество, неужели годы нисколько не повліяли на тебя?

— Скажи, успокой!

— Ну, ужь это Богъ знаетъ, что такое! Я вижу теперь, что ты не совсѣмъ еще оправился, нервы у тебя не въ порядкѣ. Не волнуйся, пожалуйста, пойдемъ!

Онъ круто повернулся, но тотъ судорожно ухватилъ его за край пальто.

— Сережа, я тебя не пущу, скажи!

— Что тебѣ сказать, сумасшедшій ты человѣкъ!

— Правду!

— Ха, ха, ха, съ какой-то неудержимо-бѣшенной злостью расхохотался Сергѣй ему прямо въ лицо,—правду! Эко дитятко! Ну, такъ вотъ, слушай, что я тебѣ скажу: эту твою правду я не признаю, смѣюсь надъ ней и тѣхъ, кто ее говоритъ, считаю дураками. Понялъ?

Онъ рванулъ край своего пальто, за которое тотъ еще продолжалъ держаться и, выйдя изъ палисадника, зашагалъ по тропинкѣ.

Онъ почувствовалъ себя вдругъ совсѣмъ легко, словно порвались какія-то невидимыя путы, связывавшія его все время, не дававшія ему быть самимъ собой. Послѣдняя связь порвана, и странное дѣло, даже почти безъ всякой боли. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше.

А тотъ на минуту остался стоять, какъ пораженный громомъ, но потомъ тихо, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, пошелъ сзади.

За оградой Сергѣй сталъ садиться въ дрожки.

— Садись, я подвезу, сказалъ онъ, глядя не на брата, а какъ-то въ сторону.

— Нѣтъ, я останусь.

Лошадь тронула. Онъ также безсознательно сталъ смотрѣть вслѣдъ и, проводивъ глазами брата до поворота въ улицу, пошелъ обратно.

Дверь палисадника такъ и оставалась отворенной.

Онъ вошелъ и, опустившись на колѣни, закрылъ лицо руками...

Солнце садилось, перебѣгая багровыми змѣйками въ густой листвѣ кустарниковъ. Кругомъ не было ни звука. Сквозь нѣмую, мертвую тишину кладбища слышался отдаленный грохотъ столицы. Синичка печально чирикала.

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

VI.

Земля и растенія.

Древняя богиня Мать-Сыра-Земля до сихъ поръ называется въ Малороссіи святою. Въ XIV в. новгородскіе стригольники исповѣдывались не священнику, а землѣ, и патріархъ писалъ имъ: «еще же и сію ересь прилагаете, стригольници, велите къ земли каятися человѣку, а не къ попу. Не слышите ли Господа глаголюща: исповѣдайте грѣхы своя, молитеся другъ за друга, да исцѣлѣете? Яко же бо болный человѣкъ объявитъ врачю вредъ свой и врачь приложитъ ему зеліе, по достоянію вреда того, и исцѣлѣетъ: такоже и духовному отцу исповѣдаетъ грѣхы своя человѣкъ, и духовный отецъ отъ грѣха того престати повелитъ, и противу грѣха того въздастъ ему епитемью понести; того дѣля ему Богъ отдаст грѣха того. А кто исповѣдается къ земли, то исповѣданіе нѣсть ему въ исповѣданіе; земля бо бездушная тварь есть, и не слышитъ и не умѣетъ отвѣчати». Многіе раскольники до сихъ поръ каются землѣ и призываютъ ее въ своихъ молитвахъ:

Гой, земля еси сырая,
Земля матерая,
Матерь намъ еси родная!
Всѣхъ еси насъ породила,
Воспоила, воскормила
И угодьемъ надѣлила;
Ради насъ, своихъ дѣтей,
Зелій еси народила,
И злакъ всякій напоила
Польгой бѣса отгоняти
И въ болѣзняхъ помогати.
Повели съ себя урвати
Разныхъ надобьевъ, угодьевъ,

Ради польги на животъ (нижегор. губ.), скопцы, призывая Св. Духа, молятся и небу, и землѣ, и всей природѣ: «прости меня, Господи, прости меня пресв. Богородица, простите меня ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся небесная сила! Прости небо, прости матушка сыра-земля, прости солнце, прости луна, простите звѣзды, простите озера, рѣки и горы, простите всѣ стихіи небесныя и земныя». Больной лихорадкою идетъ на то мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію, она пристала къ нему, посыпаетъ вокругъ него ячменемъ и, кланяясь на всѣ стороны, говоритъ: «прости мать сыра-земля, вотъ тебѣ крупицъ на кашу». Въ нижегородской губ. крестьяне, ушибленные при паденіи на земь, на томъ мѣстѣ, гдѣ они упали, просятъ прощенія у наказавшей ихъ земли. Для огражденія полей отъ нечистой силы въ августѣ рано утромъ выходятъ съ конопляннымъ масломъ въ поле и, обратясь на востокъ, говорятъ: «мать сыра-земля, уйми ты всяку гадину нечистую отъ приворота и лихого дѣла»; на западъ: «мать сыра-земля, поглоти ты нечистую силу въ бездны кипучія, въ смолу горючую»; на югъ: «мать сыра-земля, утоли ты всѣ вѣтры полуденные съ ненастью, уйми пески сыпучіе со мятелью»; на сѣверъ: «мать сыра-земля, утоли ты вѣтры полуночные со тучами, содержи морозы со мятелями». За каждымъ обращеніемъ часть масла выливается на землю, а въ заключеніе бросается вся чашка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при спорѣ о межахъ, до сихъ поръ существуетъ обрядовая клятва землею. Земля держится на трехъ китахъ, движенія которыхъ производятъ землетрясенія. Нѣкоторые-же полагаютъ, что китъ одинъ и что когда

Китъ-рыба потронется,
Тогда мать-земля всколеблется,
Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Сибири, думаютъ, что земля держится на трехъ слонахъ, которые роются подъ нею, какъ кроты. Прежде ихъ было больше, но многіе подохли и земля извергаетъ ихъ кости (мамонты).

Отдѣльныя части земли, особенно горы, служатъ тоже предметомъ суевѣрнаго почитанія, какъ, напр., Святой Носъ и Кадильный Мысъ на Байкалѣ. Въ черниговской губ. есть Чортова Гора на берегу озера, въ которомъ утонулъ единственный сынъ одной бѣдной вдовы. Она прокляла озеро и чортъ рѣшился завалить его, мигомъ слеталъ въ Кіевъ и принесъ оттуда на мизинцѣ часть Лысой Горы, но только-что хотѣлъ бросить ее въ воду, какъ запѣли пѣтухи а чортъ съ перепуга уронилъ ношу у самаго берега и улетѣлъ. Въ Новгородѣ есть камень, который грызутъ отъ зубной боли. Въ 25 верстахъ отъ гор. Одоева есть два камня, Башъ и Башиха, пользующіеся большимъ уваженіемъ въ народѣ, думающемъ, что это богъ и божиха, окаменѣвшіе мужъ и жена, которые мстятъ людямъ за обиду и щедро награждаютъ почитающихъ ихъ. На поклоненіе имъ около Петрова дня народъ толпами стекается въ село, сначала служатъ молебенъ Божіей Матери—Умиленію, потомъ ходятъ кланяться камнямъ, у которыхъ оставляютъ деньги, холстъ, шерсть, обираемые потомъ церковнымъ старостою. Когда въ одномъ домѣ стали падать овцы, то Башъ и Башиха, явившись хозяйкѣ, велѣли поклониться имъ и взять изъ-подъ нихъ земли; когда это было исполнено, падежъ прекратился.

Первобытное обожаніе земли стояло въ тѣснѣйшей связи съ обожаніемъ растеній, особенно питательныхъ и дающихъ опьяняющіе напитки, какъ, напр., виноградный сокъ, олицетворенный въ индійскомъ богѣ Сомѣ, о которомъ поется: «мы напились Сомы и сдѣлались безсмертными». Въ Ассиріи, Индіи, Египтѣ, Перу всюду были

«дерево жизни», «дерево познанія»—растеніе богъ, плодъ котораго, вкушаемый человѣкомъ, давалъ ему безсмертіе. У насъ такимъ растеніемъ былъ хлѣбъ. «Хлѣбъ даръ божій»; ронять хлѣбъ, тѣмъ болѣе бросать его, страшный грѣхъ. Приготовлять опару для хлѣба должно такъ, чтобы выходило нѣкое священнодѣйствіе, благословясь и т. д. За обѣдомъ и ужиномъ тоже нужно сидѣть благоговѣйно и ничѣмъ «бѣса не тѣшить». За хлѣбомъ идутъ волшебныя травы, описываемыя въ травникахъ, какъ существа живыя.

«Есть трава Хлеповникъ, а ростетъ подлѣ рѣкъ, а собою смугла, а ростомъ въ стрѣлу, кустиками, а духъ вельми тяжекъ. Есть трава Узикъ, собою листочки долги, что стрѣльныя желѣзца, а кипулися по сторонамъ, а верхушечка мохната, ростомъ въ пядь и выше. Есть трава Царскія Очи, а собою вельми мала и только въ иглу, желта, яко злато, цвѣтъ багровъ, а какъ посмотришь противъ солнца — кажутся всякіе узоры; а листвія на ней нѣтъ, а ростетъ кустиками. Трава Уликъ, а сама она красновишневая, глава у ней кувшинцами, а ротъ цвѣтетъ, то аки желтый шелкъ, а листвіе лапками. Трава Быліе, а ростетъ она на горахъ подъ дубьемъ; образъ ея человѣческою тварію, а у корени имѣетъ 2 яйца, едино сухо, а другое сыро. Есть трава Иванъ, собою ростетъ въ стрѣлу, на ней 2 цвѣта, одинъ синь, другой—красенъ...»

«Очень премудро выростаетъ цвѣтокъ Петровъ Крестъ,—кому кажется, а иному нѣтъ. Ростетъ онъ по лугамъ при буграхъ и горахъ, на новыхъ мѣстахъ. Цвѣтъ у него желтъ, отцвѣтетъ—будутъ стручки, а въ нихъ сѣмя; листъ что гороховый, крестомъ; корень дологъ, на самомъ концѣ подобно просфирѣ и крестъ. Трава премудрая. Если ее найдешь нечаянно, то верхушку заломи, а ее очерти и оставь, и потомъ въ другое уреченное время, на Ивановъ или на Петровъ день, вырой. Если не заломить ее, то она перейдетъ на иное мѣсто, на полверсты, а старое мѣсто пусто оставитъ...»

«Трава Царь или Царемъ Царь, всѣмъ травамъ и древамъ глава, видомъ ни трава, ни древо; постасіемъ много походитъ на древо березу; цвѣтетъ около Петрова дня, а издали кажетъ, будто огонь горитъ. Не всякому ищущему кажется, а кто ее нечаянно найдетъ, хотя и замѣтитъ, но въ другой разъ уже найдти не можетъ, скроется».

«Трава Левъ ростетъ невелика, а видомъ какъ левъ кажется. Въ день ее не увидишь, а сіяетъ она по ночамъ. На ней 2 цвѣта, одинъ желтый, а другой, какъ свѣча, горитъ. Около ея поблизку травы нѣтъ никакой, а которая трава и есть, и та приложилась къ ней».

«Трава Ревяка по утреннимъ и вечернимъ зарямъ стонетъ и реветъ, а кинешь ее на воду, дугой противъ воды пойдетъ. И сорванная, она реветъ. Трава Зимаргъ очень бѣла, сорви ее и брось на воду, то она противъ воды поплыветъ. Трава Киноворотъ, хотя какая буря, она кланяется на востокъ всѣми стволами вдругъ, хотя и вѣтру нѣтъ».

«Трава Кликунъ кличетъ гласомъ по зарямъ по дважды: «ухъ! ухъ!» Близъ себя человѣка не допускаетъ и сѣмя съ себя долой скидаетъ, не даетъ человѣку взять... А находить ее, на коемъ мѣстѣ она стоитъ, тутъ кругъ около ея на сажень и больше, а она поклонилась, стоитъ въ серединѣ. А корень той травы, яко человѣкъ, глава, руки, ноги и все по подобію человѣка. А силу она имѣетъ, къ чему хочешь, къ тому и годна».

«Трава Разрывъ, иначе Муравецъ и Муравей, ростетъ по старымъ селищамъ и въ тайныхъ и темныхъ лугахъ и мѣстахъ. Изъ земли сія трава не выростаетъ, но въ землѣ пребываетъ. Если на ту траву скованная лошадь найдетъ—желѣза спадутъ; если подкованная наступитъ—подковъ вырветъ изъ копыта; а коса набѣжитъ, то вывернется или изломится; а узелъ отъ нея всякій развязывается. А рвать ее такъ: если гдѣ соха вывернулась или лошадь расковалась, то по зарямъ выстилай на томъ мѣстѣ сукно, или кафтанъ, или епанчу, или что-нибудь, лишь-бы чистое,—и она выдетъ насквозь и ты возьми шелкомъ лишь поднеси, и она къ шелку пристанетъ и прильнетъ. А класть ее въ скляницу или въ воскъ, и скляницу залепляй воскомъ, а окромя ни въ чемъ не удержишь, уйдетъ и пропадетъ. Или шубу вверхъ мездрами настлать и она на нихъ упадетъ, то ее возьмешь, а бери шелкомъ щипанымъ; а если на землю упадетъ, то пропадетъ и не сыщешь».

«Трава Сириндарх-Херусъ ростетъ прекрасно со всякими цвѣты, аки древо кудревато. Если найдешь, должно признаменить (замѣтить) мѣсто, потомъ купить всякихъ напитковъ въ малые сосуды и, не дошедъ травы, положить 3 земныхъ поклона; не дошедъ еще за двѣ сажени, еще положить 3 поклона, а пришедъ, опять поклониться трижды и поставить питья подъ траву и говорить: «Ача Маріамъ (ave Maria?)» 5 разъ; и вѣтви всѣ оной травы во вся питія вникнутъ, и сронитъ она, трава, съ себя только три цвѣты, и тѣ цвѣты возьми и тако-жъ кланяйся, какъ пойдешь прочь; и цвѣтъ носи въ чистомъ воску при себѣ и вездѣ честенъ будешь, а носи въ чистотѣ».

Плакунъ трава смиряетъ чертей, заставляетъ ихъ плакать, разрушаетъ чары, открываетъ клады.

Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати:
Когда жидовья Христа ро́спяли,
Святую кровь его пролили,
Мать пречистая Богородица
По Іисусу Христу сильно плакала,
По своемъ сыну, по возлюбленномъ,
Ронила слезы пречистыи
На матушку на сырую землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыихъ
Зарождалася плакунъ-трава.

«Въ Москвѣ у москворѣцкихъ воротъ и на Глаголѣ вмѣстѣ съ Адамовой Головой и Петровымъ Крестомъ до сихъ поръ продается—и продается дорого—Плакунъ-трава. Не менѣе дѣйствительны противъ чертей Чертополохъ и особенно Одолѣнь-трава, которая и нечистую силу одолѣваетъ, и въ пути хранитъ, и стада оберегаетъ, и зубную боль прогоняетъ. Волшебный горохъ: убей весной змѣю и, распоровъ ей брюхо, положь въ него три горошины и закопай въ землю. Когда горохъ разцвѣтетъ, сорви цвѣтокъ и закатай его въ воскѣ: стоитъ только положить его въ ротъ, и узнаешь все, что на умѣ у каждаго человѣка». Выше всѣхъ волшебныхъ травъ—мифическій цвѣтокъ папоротника, будто-бы распускающійся въ полночь на Ивановъ день, подъ грозой и бурей. Онъ освѣщаетъ природу, какъ солнце, но на одно мгновеніе: черти немедленно срываютъ и уносятъ его. Чтобы предупредить ихъ, нужно, отправляясь въ лѣсъ, взять скатерть, на которой святили пасху, ножъ, которымъ ее разрѣзывали, и свѣчу, горѣвшую въ пасхальную заутреню. Найдя кустъ папоротника, очертить около него ножемъ кругъ и сѣсть въ немъ, разославъ скатерть и не сводя глазъ съ растенія. Нечистая сила будетъ клонить ко сну, но поддаваться не слѣдуетъ и какъ только цвѣтокъ загорится, тотчасъ сорвать его и, накрывшись скатертью, тотчасъ бѣжать домой, хотя въ это время заколеблется земля, загремитъ громъ, заблистаетъ молнія, завоетъ буря, а черти начнутъ кричать, хохотать, полѣзутъ на человѣка въ видѣ звѣроподобныхъ чудищъ съ высунутыми огненными языками. «Въ то время, говоритъ одинъ травникъ, приходятъ множество демоновъ и великіе страхи творятъ, что уму человѣческому непостижимо. Цвѣтъ папороти, когда отцвѣтетъ, осыплется на то, что постлано, и ты тотъ цвѣтъ смети перушкомъ въ одно мѣсто бережно и залепи воскомъ (отъ свѣчи горѣвшей у запрестольнаго образа Богородицы); тотъ цвѣтъ завсегда цѣлъ будетъ. А если не залѣпишь, то нечистые унесутъ у тебя; для того людямъ не даютъ его взять, что онъ очень имъ противенъ и всю ихъ силу разрушаетъ. Если кто его возьметъ, то никакой діяволъ, и ворожея, и грѣшникъ укрыться не можетъ, и дьявольская сила вся ему будетъ видна и знатна, и ни съ какой своей пакостію отъ него не укроется. Тотъ цвѣтъ носи на лбу: узнаешь и увидишь, гдѣ какая поклажа (кладъ) лежитъ, и какъ что положено и сколь глубоко, и можешь взять безъ всякаго вреда и остановки — для того, что ты уже демоновъ увидишь; а съ нимъ тебя жестоко бояться станутъ, и когда ты куда ни поѣдешь, если нечистые тутъ на мѣстѣ есть, то они отходить съ того мѣста станутъ, и можешь всякія поклажи съ тѣмъ цвѣтомъ получить—не заперто! Все узнаешь, что гдѣ есть или лежитъ, или дѣлается, и какъ, куда и въ коемъ мѣстѣ; просто сказать — все будешь знать, хотя и въ чужіе города и иныя государства дороги и пропуски. Тотъ цвѣтъ положи въ ротъ за щеку и поди, куды хошь: никто тебя не увидитъ; что хошь—дѣлай!.. Тотъ-же цвѣтъ носить на головѣ— все видѣть и знать станешь, и вельми счастливъ будешь и достоинъ всякому начальству, во всякой чести будешь. А сія трава самая наисильнѣйшая надъ кладами, царь надъ цвѣтами, трава папороть!»

Второстепенныхъ волшебныхъ растеній множество, напр., верба или калина. Нѣкоторыя изъ нихъ представляются метаморфозами людей, какъ тополь въ извѣстной поэмѣ Шевченки. Одна сестра убила брата и закопала его въ землю; надъ трупомъ его выросла калина, проѣзжіе чумаки срѣзали изъ нея тростинку, сдѣлали дудочку, которая сама заиграла

Ой, по малу-малу, чумаченьку, грай,
Да не врази моего серденька въ край:
Мене сестрица з'свиту сгубила,
Ножъ у серденько дай устромила.

Въ другой пѣснѣ братъ убиваетъ брата и на могилѣ убитаго выростаетъ бузина; въ третьей двѣ сестры убиваютъ третью и прикрываютъ ея елкой, на которой выростаетъ цвѣтокъ, поющій о совершенномъ убійствѣ. Въ сказкѣ подруги убили Снѣжевиночку и зарыли ее подъ сосенкой; она превратилась въ камышъ, срѣзанный бурлаками, сдѣлавшими изъ него дудочку, доставшуюся родителямъ убитой; когда они разломили дудочку, изъ нея выскочила ихъ дочь. Въ малорусской пѣснѣ утонувшая дѣвица превращается въ плакучую березу и говоритъ брату—

«Не рубай, братику, билой березоньки,
Не коси, братику, шовковой травы,
Не зривай, братику, чорного тёрну;
Билая березонька—то я молоденька,
Шовковая трава—то моя руса коса,
Черній тёрнъ—то мои чорни очи».

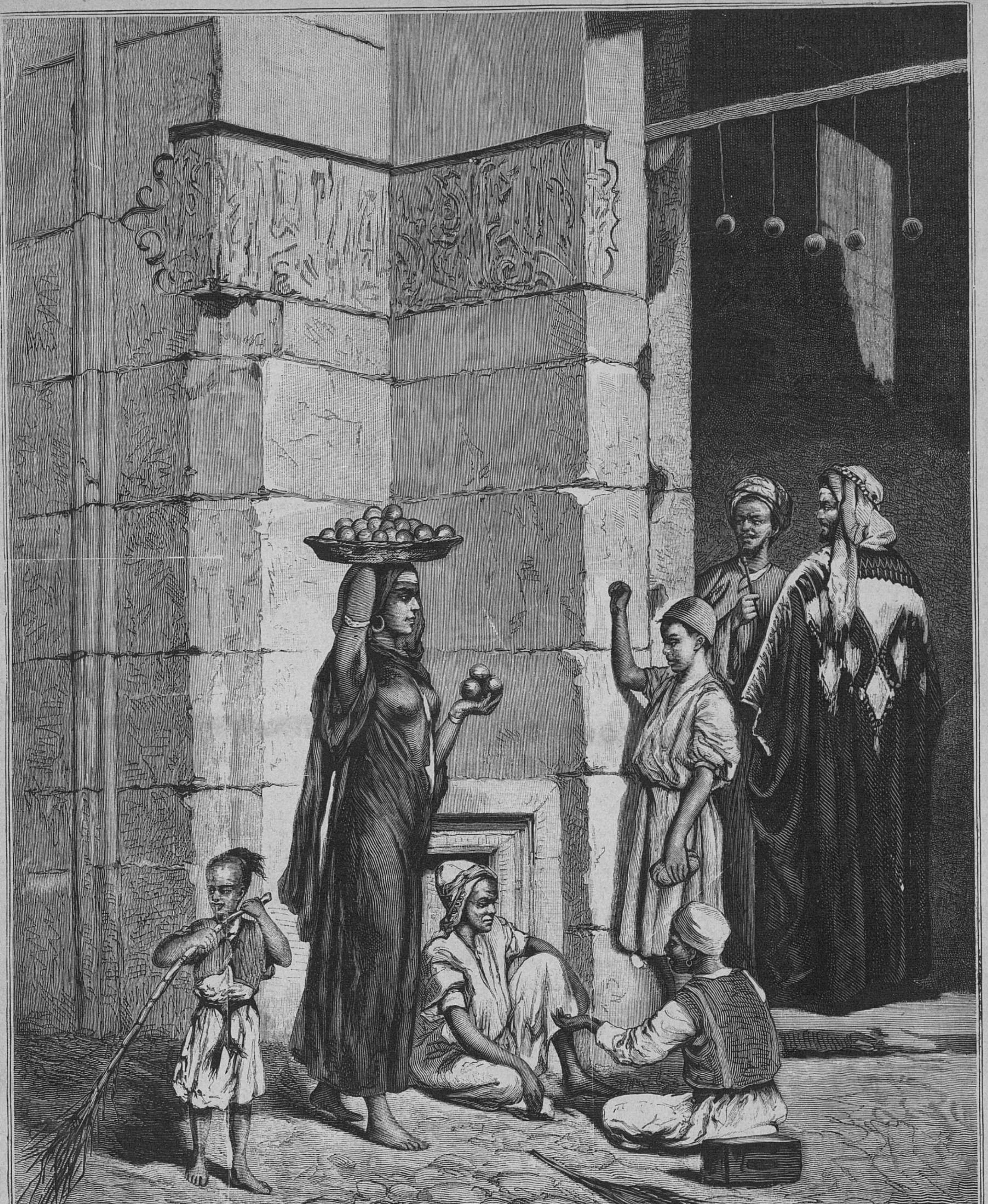
Въ другой пѣснѣ сварливая свекровь отпустила сына въ походъ и журила невѣстку день и ночь:

«Иди, невистко, отъ мене прочь!
Иди дорогою широкою,
Да-й стань у поли грабиною
Тонкою да високою,
Кудрявою, кучерявою».

Возвратился сынъ съ походу и сталъ говорить матери: «весь свѣтъ я прошелъ, а нигдѣ не видалъ такого дива—на полѣ грабина и высокая, и кудрявая!»

КАРТИНА ВИЛЛЕГАСА. Послѣ боя быковъ, праздникъ тореадоровъ.

Рѣзалъ па деревѣ Вела въ Барселонѣ.



Продажа плодовъ.

Рисовалъ самъ авторъ, рѣзано въ Варшавѣ.

— «Ой бери, сынку, вострый топоръ,
Да рубай грабину изъ корени»
Первый разъ цюкнувъ—кровь дзюрнула,
Другій разъ цюкнувъ—биле тило,
Третій разъ цюкнувъ—промолвила:
«Не рубай мене зелененькую,
Не розлучай мене молоденькую;
Не рубай мене з́ гильечками,
Не розлучай мене з́ диточками,
У мене свекруха—розлучница,
Розлучила мене з́ дружиною
И з́ маленькою дитиною».

Въ русской пѣснѣ мать отравляетъ сына и его молодую жену; мужъ сдѣлался вербою, жена кипарисомъ, но любовь ихъ не прекратилась:

Корешокъ съ корешкомъ соросталися,
Прутъ съ прутомъ совивается,
Листокъ съ листкомъ солипается.

По мнѣнію раскольниковъ, хмѣль и табакъ выросли изъ тѣла блудницы. По старинной легендѣ, когда Ной началъ тайно строить на горѣ ковчегъ, то дьяволъ, искони ненавистникъ человѣческаго рода, подстрекалъ Еву: «испытай, гдѣ ходитъ мужъ твой? Она-же рече: крѣпокъ есть мужъ мой, не могу испытати его. И рече діяволъ: надъ рѣкою ростетъ трава, вьется около дерева, и ты возмъ травы тоя (хмѣлю), скваси съ мукою, да пой его—исповѣстъ ти все! Единою-же пріиде Ной по обычаю изъ горы пища (и) ради... спедши-же, рече женѣ своей: дай-же ми квасу, яко вждадахся отъ дѣла своего. Она-же нальяша чашу и дасть ему. Ной-же испивъ и рече: есть-ли еще? Испивъ-же 3 чаши и возлеже опочити, яко-же веселъ сотворился Ной. Она-же нача ласковыми словесами вопрошати его». Ной повѣдалъ ей тайну и на утро нашелъ ковчегъ разоренным. По другому сказанію, изобрѣтеніе винокуренія сдѣлано пьянымъ бѣсомъ. Въ южной Россіи говорятъ, что первую горѣлку выкурилъ сатана изъ куколя и, напоивъ Адама, соблазнилъ Еву, давъ ей закусить запрещеннымъ яблочкомъ. У бѣлоруссовъ жилъ-былъ мужикъ, взялъ онъ чуть-ли не послѣднюю краюшку хлѣба и поѣхалъ на пашню. Пока онъ работалъ, пришелъ чортъ и утащилъ краюшку. Захотѣлось мужику обѣдать, хвать — а хлѣба нѣту! «Чудное дѣло! сказалъ мужикъ, никого не видалъ, а краюшку кто-то унесъ. А на здоровье ему!» Пришелъ чортъ въ пекло и расказалъ обо всемъ набольшому дьяволу. Не понравилось сатанѣ, что мужикъ не только не ругнулъ вора, а еще пожелалъ ему здоровья, и послалъ онъ чорта назадъ: «ступай, заслужи мужикову краюшку!» Обернулся чортъ добрымъ человѣкомъ и присталъ къ мужику въ работники: въ сухое лѣто засѣялъ ему цѣлое болото—у другихъ крестьянъ все солнцемъ сожгло, а у этого мужика уродился знатный хлѣбъ; въ мокрое, дождливое лѣто засѣялъ по отлогимъ горамъ—у другихъ весь хлѣбъ промокъ и пропалъ, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда дѣвать хлѣбъ? Чортъ и принялся за выдумки: давай затирать да выспиживать горькуху, и таки ухитрился! Послѣ него всѣ переняли дѣлать горькуху и пошла она, окаянная, гулять по бѣлому свѣту! Встарь бѣлая горячка представлялась одержаніемъ пьянаго бѣсомъ, что слышится еще въ архангельскомъ названіи этой болѣзни хмѣлевикъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

На пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ.

Ст. Вл. Михневича.

I.

— Ужасная выйдетъ сумятица, вотъ увидите!—напутствовали насъ кое-кто изъ петербургскихъ скептиковъ, когда мы, послѣ троекратнаго закупориванія чемодановъ, облаченія въ дорожную амуницію и такого-же числа странствій на желѣзнодорожную станцію, вслѣдствіе отсрочекъ пушкинскаго праздника, усѣлись, наконецъ, въ вагонъ экстреннаго «депутатскаго» поѣзда, чтобы ѣхать въ Москву.

«Сумятицу» намъ пророчествали впереди—на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ. Не смотря на возможно торжественное и любвеобильное настроеніе нашего духа, мы, къ сожалѣнію, не могли оспорить злоязычныхъ скептиковъ: досадливые признаки «сумятицы» задолго еще до праздника сами собою лѣзли въ глаза и кололи ихъ своей неотразимостью.

Начиная уже съ отсрочекъ дня открытія памятника Пушкина, порядочно таки поохладившихъ нашъ восторгъ, дурныя предсказанія росли и множились съ каждымъ днемъ. Находились патріоты, которые умышленно усугубляли ихъ изобрѣтеніемъ презрѣнныхъ кляузъ и инсинуацій, въ чемъ особенно отличилась газета г. Цитовича.

Самымъ-же существеннымъ признакомъ «сумятицы» представлялось намъ то обстоятельство, что пушкинское празднество оказалось въ рукахъ трехъ хозяевъ - распорядителей (московской думы, общества любителей словесности и комисіи по постройкѣ памятника).

Хотя число это, положимъ, далеко еще не соотвѣтствовало комплекту традиціонныхъ «семи нянекъ», но тутъ-же намъ приходила на память и напрашивалась на сравненіе не менѣе фатальная крыловская тройка: «Лебедь, щука и ракъ», которою баснописецъ такъ безподобно охарактеризовалъ нашу исконную славянскую рознь во всякихъ «мірскихъ», колективныхъ дѣлахъ. Помните:

«Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду...»

Оставалось ждать, какъ распредѣлятся эти роли между хозяевами предстоящаго праздника: кто здѣсь сыграетъ намъ ретиво-прогресивную «лебедь бѣлую», кто окажется консерваторомъ-ракомъ, а кто изобразитъ любительницу мутной воды, своекорыстную хищницу-щуку?...

Съ такими-то недобрыми предчувствіями мчались мы на нашемъ «депутатскомъ» поѣздѣ въ компаніи петербургскихъ ученыхъ и литераторовъ, развлекаясь — одни поучительными бесѣдами, другіе «винтомъ» «по маленькой», а третьи дарами Морфея... Отъ скуки и томленія чего ни сдѣлаешь? Одинъ почтенный депутатъ, ради разсѣянія, съѣдалъ, напр., почти на каждой большой станціи по порціи ботвиньи и привезъ въ Москву разстроенный желудокъ... Все-же развлеченіе!

«Сумятицей» повѣяло на насъ уже за добрую сотню верстъ отъ Москвы, когда на нашъ поѣздъ попалъ послѣдній, свѣжій нумеръ «Моск. Вѣдомостей». Тамъ мы нашли письмо предсѣдателя общества любителей словесности г. Юрьева, въ которомъ онъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, извинялся передъ г. Катковымъ, какъ передъ редакторомъ «Московск. Вѣдомостей», въ томъ, что по ошибкѣ послалъ ему пригласительный билетъ на пушкинское празднество... Выходило тоже самое, какъ еслибъ васъ кто-нибудь позвалъ въ гости, а потомъ вытолкалъ въ шею, деликатно извиняясь, что позвалъ васъ «по ошибкѣ»... Зло и откровенно!

Была-ли это наивность или предумышленная грубость съ цѣлью унизить г. Каткова, но мы не могли не почуять въ этой закулисной распрѣ «любителей» съ издателемъ московской газеты новаго предвѣстника грозной «сумятицы»...

Вообразите, наконецъ, наше смущеніе, когда, по пріѣздѣ въ Москву, первое слово, которое мы тамъ услышали, опять-таки было — «сумятица!» Его высказалъ намъ любезный секретарь думы, когда мы явились къ нему за билетами на думскія зрѣлища. Онъ тонко и деликатно намекнулъ намъ, что многаго онъ не можетъ для насъ сдѣлать, вслѣдствіе возникшихъ между думою и университетомъ довольно странныхъ пререканій изъ за пріема депутацій.

Въ довершеніе всего, вечеромъ въ день пріѣзда нашего въ Москву и наканунѣ назначеннаго офиціальнаго пріема депутацій, кто-то пустилъ слухъ среди съѣхавшихся депутатовъ, что будто-бы опять вышла какая-то непредвидѣнная задержка и опять послѣдуетъ отсрочка дня открытія памятника.

Послѣ цѣлаго ряда предшествовавшихъ искушеній въ такомъ родѣ, мы ничего не видѣли невѣроятнаго въ этомъ тревожномъ слухѣ и предчувствіе «сумятицы» упрочилось въ нашемъ сознаніи такъ основательно, что болѣе впечатлительные изъ насъ легли спать въ тотъ день съ чувствомъ почти отчаянія въ сердцѣ, мысленно восклицая: «доколѣ-жь, о, Господи!»

II.

Московская дума—нужно отдать ей честь—отличилась на этотъ разъ необыкновенной дѣятельностью, предупредительностью и гостепріимствомъ.

Пригласивъ съѣхавшихся депутатовъ въ гости къ себѣ, она размѣстила ихъ въ трехъ лучшихъ московскихъ гостиницахъ на полномъ иждивеніи города. Большинство депутатовъ (человѣкъ до 40) остановилось въ «Лоскутной гостиницѣ». На первыхъ порахъ къ нимъ въ номера то и дѣло деликатно стучались любезные администраторы и лакеи гостиницы, почтительно останавливались у дверей и освѣдомлялись:

— Не нужно-ли чего? Не прикажете-ли подать что-нибудь? Удобно-ли вамъ? Ради Бога, не стѣсняйтесь: требуйте, приказывайте! Въ сей минутъ все будетъ предоставлено-съ... Намъ такое приказаніе вышло, чтобы гг. депутаты во всемъ были удовлетворены... Птичьяго молока развѣ спросите — скажемъ, что нѣту, а то все, что угодно-съ... Честь города въ этомъ самомъ заключается, чтобы гг. депутаты ни въ чемъ лишенія не имѣли...

И дѣйствительно, изобиліе было ужасающее: спросишь рюмку водки—смотришь—тащутъ цѣлый графинъ; потребуешь бутербродъ съ балыкомъ — несутъ чуть не цѣлаго осетра, и такъ во всемъ... Боюсь, что въ счетахъ, поданныхъ потомъ думѣ изъ гостиницъ, мы, депутаты, явимся просто левіафанами по обжорству... Это-то опасеніе и заставляло многихъ изъ насъ возможно умѣреннѣе пользоваться московскимъ хлѣбосольствомъ, да и не изъ голодной-же страны мы, наконецъ, пріѣхали!

Благодаря предупредительности думы, разсѣялись и наши опасенія насчетъ новой отсрочки праздника, а равно и предчувствія вообще «сумятицы».

Утромъ, 5 іюня, вмѣстѣ съ чаемъ намъ подали объемистые пакеты, въ которыхъ мы нашли пригласительные билеты на разные акты предстоявшаго празднества и знаки отличія депутатскаго званія: бѣлыя шелковыя кокарды, съ золотыми литерами въ срединѣ А. П., для ношенія въ петлицѣ фрака. Такимъ образомъ, насъ какъ бы санкціонировали въ рангѣ депутатовъ и открывали двери на празднество... Грибоѣдовскій Скалозубъ не напрасно придавалъ такую огромную важность «выпушкамъ, кантикамъ, петличкамъ»: на Руси эти и иные знаки отличія и привилегированнаго положенія съиспокон имѣютъ большое значеніе. Отсюда вы поймете, почему невинная бѣлая кокарда въ петлицѣ фрака сразу превратила смирнаго депутата въ своего рода «чинъ», который извощики и лакеи стали величать «вашимъ сіятельствомъ» и смотрѣть ему въ карманъ, и передъ которымъ даже сумрачные

московскіе sergents de ville почтительно разступались, а то и подъ козырекъ дѣлали.

Настоящее, впрочемъ, торжество посвященія въ депутатскій «чинъ» совершилось въ думской залѣ въ полдень 5 іюня. Тамъ происходила церемонія пріема депутацій, которую я не стану здѣсь подробно описывать, имѣя въ виду набросать въ предлагаемомъ разсказѣ только наиболѣе характеристическія черты всего видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго нами на пушкинскомъ праздникѣ.

Церемонія пріема депутацій, не смотря на торжественность обстановки, въ виду колосальнаго гипсоваго бюста поэта, убраннаго тропической зеленью, не лишена была нѣкотораго—неизбѣжнаго, впрочемъ,—комизма.

Извѣстно, что русскіе люди не грѣшатъ ораторскимъ искуствомъ, поэтому большинство депутатовъ, порознь и вкупѣ, неловко, съ смущеннымъ видомъ, подходили къ предсѣдательскому столу, низко и церемонно кланялись и, не проронивъ ни одного словечка, поворачивали налѣво-кругомъ и маршировали вспять. Другіе, повидимому, были обуреваемы намѣреніемъ что-то сказать и, должно быть, превосходныя рѣчи были у нихъ заготовлены, но жаль, что онѣ безслѣдно пропали—пропали для публики, пропали для тѣхъ, къ кому были адресованы, а можетъ быть, пропали и для самихъ ораторовъ... Подойдетъ это иной краснорѣчивый депутатъ, съежится какъ-то и зашевелитъ губами: пошепчетъ, пошепчетъ и — давай Богъ ноги... Отличились болѣе другихъ отчетливостью дикціи и громкогласіемъ, кажется, только Бурдинъ да Шрейеръ—первый, въ качествѣ депутата отъ петербургской драматической труппы, второй, должно быть, отъ самого себя, ибо кого иного можетъ представлять Шрейеръ, Юлій Осиповичъ, кромѣ Юлія Осиповича Шрейера?

Не болѣе удачны и счастливы были и депутатскіе адресы. Ихъ было множество, такъ что еслибъ ихъ не убирали, то предсѣдательскій столъ отъ груды ихъ свертковъ превратился-бы въ своего рода монбланъ россійской элоквенціи. Нѣкоторые изъ адресовъ поражали своей внѣшней грандіозностью; напримѣръ, нашъ почтеннѣйшій стихотворецъ, П. И. Вейнбергъ, взгромоздилъ что-то похожее на 12-дюймовую пушку, подъ видомъ адреса отъ петербургскихъ женскихъ гимназій, заключеннаго въ картонажѣ исполинскихъ размѣровъ, въ которомъ легко моглибы умѣститься сердца всѣхъ петербургскихъ гимназистокъ...

Тутъ-же мы увидѣли въ первый разъ дѣтей нашего незабвеннаго поэта и его камердинера. 2 сына и 2 дочери Пушкина мало напоминаютъ отца чертами лица и внѣшностью. Старшій сынъ, гусарскій полковникъ, пожилой, съ проседью, мужчина небольшого роста, коренастый, представляетъ собою обычный типъ армейскаго офицера; младшій—брюнетъ, съ окладистой бородою, нѣсколько болѣе похожъ на отца. Дочери—обѣ представительныя дамы, съ розовыми личиками, стройныя, высокія и изящныя; хотя уже и не первой молодости, но прекрасно сохранившіяся. Онѣ по внѣшности пошли въ мать, извѣстную красавицу.

Очень заинтересовалъ всѣхъ камердинеръ поэта, 80-лѣтній старикъ, Никифоръ Федоровъ, бывшій крѣпостной Засѣцкаго. Онъ еще довольно бодръ на видъ, хорошо помнитъ Александра Сергѣевича и охотно разсказываетъ разные эпизоды изъ его домашней жизни, о томъ, какъ онъ женился, какъ занимался дома «сочинительствомъ» по ночамъ и «изволилъ кушать» при этомъ лимонадъ—его любимый напитокъ и пр.

III.

Утро, въ первый день пушкинскаго праздника, было пасмурное и явилось опасеніе, что дождь помѣшаетъ церемоніи открытія памятника; но, кажется, еслибъ даже ливень пошелъ, то и онъ не охладилъ бы того искренняго, горячаго восторга, съ которымъ москвичи и съѣхавшіеся депутаты привѣтствовали «мѣдную хвалу» поэту, по картинному выраженію Аксакова, въ тотъ торжественный моментъ, когда она разоблачилась отъ покрова, при звукахъ колоколовъ, оркестра музыки, хора пѣвчихъ и тысячеголосомъ «ура». Это была прекрасная, незабвенная минута!

Не было тутъ ни особенной пышности, ни парадности въ обстановкѣ, даже большого порядка не замѣчалось. Весь внѣшній декорумъ заключался въ довольно аляповатыхъ щитахъ, разставленныхъ вокругъ памятника и на которыхъ простымъ сурикомъ, безъ всякихъ затѣй, были намазаны оглавленія важнѣйшихъ сочиненій поэта, да въ депутатскихъ знаменахъ. Знамена эти были 3 цвѣтовъ: бѣлаго, синяго и краснаго. На каждомъ изъ нихъ сусальнымъ золотомъ обозначены были депутаціи въ довольно курьезномъ сочетаніи. Такъ, напр., варшавскій и дерптскій университеты вмѣстились на одномъ знамени съ городскими больницами; присяжные повѣренные—съ трактирной депутаціей и т. д. Не менѣе курьезныя выходили, мѣстами, совпаденія между щитами и размѣстившимися близъ нихъ депутаціями: надъ головами ученыхъ и литераторовъ пришлась, напр., надпись—«Братья-разбойники», надъ «обществомъ литературнаго фонда» — «Скупой рыцарь», «лицей» г. Каткова афишировался «Кавказскимъ плѣнникомъ» и т. д.

Но вся эта мизерность обстановки, всѣ эти курьезы и самый безпорядокъ въ процесіи совершенно поглощались тою внутренней торжественностью, грандіозностью охватившаго огромную толпу всенароднаго восторга, которыя составляютъ истинную красоту и величіе подобныхъ моментовъ.

Невозможно описать стремительное, восторженное волненіе толпы, хлынувшей къ памятнику въ ту минуту, когда съ него упала пелена и ея глазамъ представилась стройная, гармонически-изящная фигура поэта, съ задумчиво-склоненной головою, возвышаясь на своемъ гранитномъ пьедесталѣ, какъ скала среди клокочущаго моря. Въ нѣсколько мгновеній все подножіе памятника было закидано грудами лавровыхъ вѣнковъ и цвѣтовъ, которые потомъ алчно расхватывались толпою, какъ драгоцѣнная реликвія...

Сбылось предсказаніе поэта, что народъ его узнаетъ и что

.....«будетъ онъ народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ!»

Не смотря на сложившееся мнѣніе, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ грамотные люди въ простомъ народѣ знаютъ Пушкина и что первое литературное имя, которое ими произносится, есть имя нашего поэта. Относительно этого предмета мы услышали въ одномъ изъ пушкинскихъ торжественныхъ засѣданій московскаго «общества любителей словесности» весьма любопытный разсказъ. Професоръ казанскаго университета (не припомнимъ теперь его фамиліи), въ своемъ чтеніи о Пушкинѣ, коснувшись того, насколько онъ извѣстенъ народу, передалъ нѣсколько фактовъ изъ практики инородческой сельской школы, изъ которыхъ мы узнали, что имя Пушкина и его сочиненія становятся извѣстны даже въ средѣ киргизовъ, башкиръ, чувашей и проч. Въ доказательство своихъ словъ, онъ сослался на выставленныя въ пушкинской выставкѣ 4 портрета Пушкина, рисованные карандашемъ и по собственной иниціативѣ 4 воспитанниками казанской учительской семинаріи: киргизомъ, башкиромъ, чувашемъ и мордвиномъ.

Тѣмъ менѣе, разумѣется, можетъ быть сомнѣній, чтобы имя Пушкина было неизвѣстно для русскаго грамотнаго, особенно городского простонародья. И однакожъ, разные сочинители «народныхъ сценъ» не преминули воспользоваться удобной оказіей, чтобы въ тысяча первый разъ поглумиться надъ «простотой» и глупостью русскаго мужика. Такъ, въ нашу бытность въ Москвѣ, въ моментъ самаго праздника, ходилъ, между прочимъ, слѣдующій разсказъ, неизвѣстно чьего сочиненія.

Разсказъ относится къ тому времени, когда еще статуя поэта была закрыта сѣрой парусинной пеленой и—нужно признаться—представляла въ этомъ одѣяніи очень некрасивый и даже, можно сказать, постыдный видъ.

Двое мѣщанъ встрѣчаются у памятника и заводятъ такого рода разговоръ.

— Кого изображаетъ этотъ самый статуй?

— Извѣстно кого — Пушкина...

— Какого Пушкина? Того, значитъ, который у Лентовскаго въ «Эрмитажѣ» на гитарѣ играетъ и жидовъ передразниваетъ?

— Вѣстимо, его... Кого-ж другого? За то и статуй ему поставили, что ловко, собака, жида перенялъ.

— Для чего-же его въ чехлѣ содержатъ?

— А видишь какая причина. Малкіель, подрядчикъ, больно на этого самого Пушкина осерчалъ за то, что тотъ про него въ кіатрѣ поетъ, какъ онъ гнилыя подметки солдатамъ ставилъ... Вотъ видитъ Малкіель, что Пушкину статуй ставятъ—пуще того озлился: метнулся туда—сюда, кого слѣдоваетъ подмазалъ, задобрилъ, говоритъ, тыщъ не пожалѣю, а только не бывать эфтому монументу на Москвѣ... Ну, вѣстимое дѣло, сила... Деньгами чего не сдѣлаешь? Чтобы доставить удовлетворенство г. Малкіелю, строители взяли да и надѣли этотъ самый чехолъ на Пушкина—пущай, молъ, постоитъ въ скрытности, а тамъ, что Богъ дастъ. Одначе, каверза эта, братецъ ты мой, дошла до вышняго начальства и вотъ теперича постановили открыть монументъ, не взирая на г. Малкіеля... Тамъ ужь, какъ онъ себѣ хочетъ, а Пушкина безпремѣнно откроютъ...

Ходили и другіе разсказы въ такомъ-же, неособенно остроумномъ родѣ. Одинъ изъ нихъ былъ «изображенъ» извѣстнымъ актеромъ-разсказчикомъ г. Андреевымъ-Бурлакомъ даже на литературномъ обѣдѣ, данномъ обществомъ любителей словесности на второй день пушкинскаго праздника.

IV.

Въ день открытія памятника намъ пришлось столько испытать за разъ сильныхъ, можно сказать, потрясающихъ впечатлѣній, что теперь, когда вспоминаешь эти минуты, онѣ представляются въ совокупности какимъ-то порывистымъ вихремъ чувствъ, мыслей, картинъ и сценъ, который высоко, высоко вознесъ насъ внутренно надъ уровнемъ обыденныхъ интересовъ и суетъ суетствій.

Какой, напр., глубоко-знаменательный, экстатическій моментъ пережили мы въ университетской актовой залѣ на торжественномъ засѣданіи ученаго ареопага, посвященнаго чтеніямъ о Пушкинѣ!

Моментъ этотъ былъ тотъ, когда ректоръ Тихонравовъ, упомянувъ въ своемъ чтеніи имя тутъ-же присутствовавшаго И. С. Тургенева, какъ преемника Пушкина по красотѣ и изяществу языка, вызвалъ громъ рукоплесканій. Вся публика, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, встала на ноги, какъ одинъ человѣкъ, сотни глазъ обратились на среброкудрую, изящную, львиную голову нашего маститаго белетриста, изъ сотенъ грудей вырвался восторженный кличъ художнику-творцу чудныхъ образовъ и еще болѣе, чѣмъ художнику—представителю и борцу

прогрессивныхъ идей и народнаго блага, знаменосцу лучшихъ надеждъ и упованій мыслящей Россіи!..

Эту минуту мы никогда не забудемъ... И какъ чудесно украсилъ ее г. министръ народнаго просвѣщенія, почтивъ своимъ личнымъ вниманіемъ Тургенева: онъ подошелъ и обнялъ его, чѣмъ превратилъ восторгъ публики въ энтузіазмъ!..

Вслѣдъ затѣмъ, безъ отдыха и перерыва, ложится на душу цѣлый рядъ другихъ, такихъ-же патетическихъ, полныхъ интереса и высокаго возбужденія минутъ.

Вотъ передъ нами пылающій огнями чертогъ... Столы, украшенные цвѣтами и зеленью, ломятся отъ роскошныхъ яствъ... Въ прозрачномъ хрусталѣ сверкаетъ и пѣнится золотистое вино, столь любимое и такъ игриво воспѣтое виновникомъ этого пиршества... Звучатъ сладкія ноты Моцарта... Веселый шумъ, бойкій говоръ, оживленныя свѣтлыя лица... Но вотъ всѣ смолкли: вниманіе! Въ чертогѣ раздается плавная, блестящая, вдохновенная рѣчь одного изъ амфитріоновъ... Говоритъ И. С. Аксаковъ «первый человѣкъ» неофиціальной Москвы... Смолкъ и — зала гремитъ аплодисментами. За нимъ встаетъ другой, еще и еще... Льются рѣчи, льется вино и далеко разносится гулъ веселаго пиршества, одухотвореннаго святой памятью безсмертнаго пѣвца-гражданина...

Всѣ слились здѣсь въ одномъ чувствѣ, у всѣхъ на устахъ миръ и любовь... даже на устахъ г. Каткова, который вставилъ и свое слово въ общій хоръ тостовъ и рѣчей...

Быть можетъ, съ наибольшимъ вниманіемъ была выслушана именно рѣчь г. Каткова. Ее ждали, ея боялись, какъ диссонанса общему миротворному, праздничному тону. Но г. Катковъ оправдалъ свою репутацію—человѣка умнаго, образованнаго и тактичнаго. Онъ заговорилъ о примиреніи, о забвеніи прошлаго, о дружномъ единеніи всѣхъ «партій» во имя поэта, во имя блага народа... Рѣчь его плохо, неровно произнесенная оказалась блестящей по мысли и по чувству.

Была попытка—неизвѣстно чья—испортить финалъ рѣчи г. Каткова страннымъ перерывомъ. Когда ораторъ, цитируя стихи поэта, ударилъ рукой по столу и провозгласилъ: «Поднимемъ стаканы...» его прервалъ изъ толпы чей-то гласъ: «за Некрасова!..» Это, во всякомъ случаѣ неумѣстное, предложеніе не нашло себѣ поддержки въ окружающихъ.

Въ томъ-же чертогѣ, при той-же почти обстановкѣ и съ тѣми-же участниками происходило обѣденное пиршество и на другой день—отъ общества любителей словесности, за плату (Первый обѣдъ далъ городъ дѣтямъ Пушкина и депутатамъ на свой счетъ). Опять полилось вино, опять полились рѣчи... На этотъ разъ наибольшее вниманіе пирующихъ привлекли рѣчи гг. Тургенева и Островскаго (драматурга).

Г. Тургеневъ блеснулъ необыкновенной эрудиціей, цитируя всѣхъ иностранныхъ писателей, давшихъ оцѣнку Пушкину. Г. Островскій разсыпалъ самоцвѣтные камни чисто русскаго остроумія и русскаго языка, которымъ онъ такъ артистически владѣетъ. Его фразы, что «Пушкинъ дѣлаетъ умнымъ всякаго, кто только можетъ поумнѣть», и что, благодаря ему, теперь «на нашей улицѣ праздникъ», т. е. на «улицѣ» русской литературы, въ честь которой ораторъ поднялъ въ заключеніе бокалъ—были встрѣчены веселымъ, дружнымъ одобреніемъ и, конечно, войдутъ въ пословицу.

Вотъ память переноситъ насъ въ другой, «историческій» залъ московскаго «благороднаго собранія». Колосальныя, подъ бѣлый мраморъ, колоны, высокія стѣны, безсчетное число рядовъ стульевъ, сплошь занятыхъ интелигентной публикой... Толпы публики виднѣются и съ боковыхъ галерей и съ хоръ... Огромный залъ, точно улей, дышетъ, гудитъ и рокочетъ отъ толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ; но вотъ онъ мгновенно смолкъ и притаилъ дыханіе.. пролетѣла-бы муха и ту можно было-бы услышать... Въ переднемъ концѣ залы, передъ сценой, украшенной довольно аляповато росписанными подзорами, на которой бѣлѣетъ, среди зелени растеній и лавровыхъ вѣнковъ, бюстъ поэта, возсѣдаетъ почтенный синедріонъ заслуженныхъ членовъ «общества любителей россійской словесности». Среди нихъ и всѣ наши литературныя свѣтила: Тургеневъ, Достоевскій, Аксаковъ, А. Потѣхинъ, Майковъ, Полонскій, Островскій, Писемскій et cetera... Словомъ, чуть не вся насущная умственная «соль» русской земли—полное созвѣздіе знаменитостей науки и литературы.

Чередуясь, одинъ за другимъ, всходятъ они на кафедру и сколько ума, таланта, знанія и остроумія проносится въ живомъ словѣ подъ этими громадными сводами и жадно схватывается внимательной, чуткой и отзывчивой толпой!

И здѣсь опять, какъ и вездѣ, наибольшая дань уваженія и восторга отдается И. С. Тургеневу. Читаетъ-ли онъ свой прелестный по языку и по мысли рефератъ о Пушкинѣ, доказывая универсальность его таланта, декламируетъ-ли на литературно-музыкальномъ вечерѣ его дивныя стихотворенія, публика неизмѣнно встрѣчаетъ его выраженіемъ самаго горячаго поклоненія и нѣтъ у него соперниковъ по громадной популярности... Только на мгновеніе нашелся такой соперникъ, который съумѣлъ своей оригинальной блестящей талантливостью и своей подкупающей искренностью завоевать такое пламенное одобреніе публики, какого по степени температуры не доставалось никому. То былъ Ф. М. Достоевскій, вызвавшій просто бурю своимъ чтеніемъ во второмъ (послѣднемъ) засѣданіи «общества любителей словесности».

Г. Достоевскій занялся характеристикой типичныхъ особенностей героевъ самаго геніальнаго и наиболѣе зрѣлаго произведенія Пушкина, «Евгенія Онѣгина», которое слѣдовало-бы назвать, по его мнѣнію, «Татьяной». Онъ провелъ необыкновенно тонко и остроумно психологическую паралель между характерами Татьяны и Евгенія. Преклонившись передъ первой, какъ передъ живымъ, рельефнымъ типомъ русской женщины, нравственные корни которой питаются плодотворнымъ сокомъ народнаго духа, лекторъ кругомъ осудилъ и отрекъ типъ Евгенія, какъ вѣчнаго, празднаго и гордаго «скитальца», чуждаго своей землѣ и своему народу и являющагося продуктомъ той «оторванности отъ почвы», которую создала на Руси петровская реформа. Г. Достоевскій подобралъ черты этого типа послѣдовательно, во всѣ эпохи «петербургскаго періода» включительно до нашихъ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА АЙДУКЕВИЧА.

Арабка.

Рѣзано на деревѣ въ Варшавѣ.

КАРТИНА ПРЁЛЬСА.

Блестящій художественный успѣхъ.

Рисовалъ на деревѣ самъ авторъ; рѣзалъ Р. Брендамуръ.

дней, въ лицѣ, напр., современныхъ «нигилистовъ».

Но онъ вѣритъ въ мощь и животворную силу русскаго народнаго духа и заканчиваетъ свое чтеніе вдохновеннымъ пророчествомъ, что русскій человѣкъ въ концѣ концовъ явится тѣмъ идеальнымъ «всечеловѣкомъ», который вмѣститъ въ себѣ всѣ другія человѣческія разновидности, и силою своей любви и смиренія умиротворитъ вселенную...

Г. Аксаковъ, говорившій вслѣдъ за г. Достоевскимъ, совершенно вѣрно замѣтилъ, что чтеніе его есть своего рода квинтъ-эсенція славянофильскаго ученія. Да, г. Достоевскій объявился ревностнымъ, вдохновеннымъ проповѣдникомъ славянофильства и, безъ сомнѣнія, его чтеніе не выдержитъ строгой критики; но публика, да еще въ такія торжественныя минуты, плохой критикъ. Ее всецѣло подкупила необыкновенная талантливость лектора, его остроуміе, а главное его какая-то, можно сказать, вдохновенная искренность... Овація, сдѣланная ею г. Достоевскому, превзошла все, когда-нибудь видѣнное нами въ этомъ родѣ. Особенно восторженно отнеслись къ нему женщины. Онѣ махали ему платками, вставали на стулья, а нѣкоторыя доходили до истерики... Охватившій всѣми экстазъ дошелъ до своего апогея, когда Тургеневъ на виду у всѣхъ обнялъ Достоевскаго и когда, вслѣдъ затѣмъ, общество любителей торжественно провозгласило Федора Михайловича своимъ почетнымъ членомъ.

4 раза, утромъ и вечеромъ, втеченіи 2 дней, сходились мы въ залѣ благороднаго собранія, чтобы слушать хвалу безсмертному поэту въ стихахъ и въ прозѣ, въ пѣсняхъ и въ звукахъ музыки, исполненныхъ свѣтилами нашей науки, литературы и искусства. 4 раза потрясалась зала такими безконечными изступленно-восторженными аплодисментами и кликами возбужденной публики, что, право, удивительно, какъ она не обрушилась. И, несомнѣнно, никогда въ стѣнахъ этой залы не дышала и не волновалась публика, болѣе чуткая, болѣе зрѣлая и интелигентная, и никогда въ ея атмосферѣ не носилось столько осмысленныхъ, единодушныхъ общественно-прогресивныхъ упованій, стремленій и надеждъ...

Вотъ чѣмъ былъ великъ и знаменателенъ пушкинскій праздникъ и вотъ почему въ нѣкоторой доли правъ тотъ публицистъ, который сказалъ надняхъ въ своей газетѣ: «Вѣрьте мнѣ на слово — несчастный тотъ человѣкъ, который не былъ въ Москвѣ на пушкинскомъ праздникѣ!..»

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

Глава VI.

Прошлое воскресаетъ.

На берегу Сены, въ разстояніи одной мили отъ Парижа, между Сен-Клу и Пюто стоялъ кабачекъ, кокетливо потонувшій въ зелени. Всѣ любители-гребцы стекались сюда въ теплые лѣтніе дни, зная, что у тетки Маделены можно хорошо поѣсть и попить. Въ нижнемъ этажѣ была расположена столовая, она-же кухня съ конторкой, за которой царила добрая, толстая, расторопная Маделена, а во второмъ этажѣ находились меблированныя комнаты, отдаваемыя на день и по-мѣсячно.

Однажды въ воскресенье вечеромъ, когда всѣ гости удалились, тетка Маделена спокойно усѣлась ужинать съ своимъ племянникомъ, Эмилемъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, очень красивый и симпатичный. Хотя онъ былъ одѣтъ какъ простой работникъ, но его наружность носила на себѣ отпечатокъ порядочности. Онъ былъ бѣлокурый, съ большими голубыми глазами и добрымъ, прямымъ взглядомъ, но выраженіе лица его было грустное, озабоченное.

— Ты ничего не ѣшь и не пьешь, Эмиль! воскликнула старуха Маделена;—неужели ты всегда будешь такимъ мрачнымъ? Или тебѣ у насъ скучно?

— Нѣтъ, нисколько, тетка Маделена, вы лучшая на свѣтѣ женщина; выписавъ сюда меня съ матерью, вы исполнили всѣ наши желанія.

— Нѣтъ, это не то. Поговоримъ серьезно. Ты не всегда былъ благоразуменъ.

При этихъ словахъ молодого человѣка передернуло.

— Но съ тѣхъ поръ ты загладилъ все, продолжала старуха:—ты образцовый сынъ и одинъ, безъ посторонней помощи, создалъ себѣ порядочное положеніе. Твои дѣла идутъ хорошо; твоя мать и я уже старѣемъ и можемъ каждый день отправиться на тотъ свѣтъ. Тогда ты останешься одинъ. Пора тебѣ обзавестись своимъ собственнымъ семействомъ; къ тому-же твоей матери было-бы очень отрадно увидѣть передъ своей смертью внучатъ. У меня нѣтъ никого на свѣтѣ кромѣ тебя и твоей двоюродной сестры и очень естественно, я желала-бы, чтобъ вы оба наслѣдовали всему, что я имѣю. Она знаетъ твое положеніе, ни въ чемъ тебя не упрекаетъ и съ радостью сдѣлается твоею женою. Это тебя избавитъ отъ непріятностей, неизбѣжныхъ при женитьбѣ на чужой молодой дѣвушкѣ. Ну, голубчикъ, подумай объ этомъ. Ты отъ того такой мрачный, что всегда одинъ. Въ твои годы надо любить. Рѣшайся, Эмиль, и сыграемъ поскорѣе веселую свадьбу. Что-же, сказать мнѣ Анетѣ, чтобъ она приготовлялась къ свадьбѣ?

— Нѣтъ, тетка Маделена, отвѣчалъ молодой человѣкъ, насупивъ брови.

— Что-же ты хочешь съ собою сдѣлать? Ты не останешься-же вѣчно холостякомъ?

— Вы знаете, что я не могу и не долженъ жениться. Въ моемъ положеніи это невозможно.

Эмиль закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

— Полно, полно, не плачь! воскликнула добрая старуха,— прости, я тебя разстроила. Успокойся-же; мужчины не плачутъ.

И у нея самой навернулись на глазахъ слезы.

— Я уже сказала тебѣ, что ты давно загладилъ свое прошлое и пора о немъ забыть. Скажи мнѣ прямо, любишь-ли ты мою дочь или нѣтъ, хочешь-ли ты на ней жениться или нѣтъ?

Принужденный отвѣтить на такой категорическій вопросъ, Эмиль промолвилъ сквозь слезы:

— Вы знаете, что я люблю Анету и женился-бы на ней, если-бъ это было возможно. Если она выйдетъ за другого, я буду самый несчастный человѣкъ.

— Послушай, Эмиль, ты мнѣ просто надоѣлъ своимъ плачемъ, сказала рѣзко Маделена:—я, кажется, тебя не обижаю. Ты говоришь, что любишь мою дочь, я тебѣ говорю «возьми ее» и ты плачешь. Или ты знаешь объ ней что-либо предосудительное?

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ внѣ себя молодой человѣкъ,— не объ ней, а обо мнѣ всѣ знаютъ много предосудительнаго.

— Ты все свое! отвѣтила старуха съ сердцемъ;—ну, хорошо, ты сдѣлалъ ошибку въ жизни, ты укралъ, тебя приговорили къ наказанію. Ты отбылъ его. Кому до этого теперь какое дѣло?

Эмиль снова зарыдалъ. Добрая старуха смотрѣла на него, широко раскрывъ глаза отъ изумленія.

Однако черезъ нѣсколько минутъ онъ отеръ свои слезы.

— Вы убьете меня своей добротою, сказалъ онъ.—Вы всегда говорите, что все прощено, все забыто. Да я не хочу прощенія и забвенія, я хочу справедливости. Вы мнѣ постоянно повторяете: «ты былъ приговоренъ и срокъ наказанія уменьшенъ за твое хорошее поведеніе, значитъ, ты искупилъ свою вину». Нѣтъ, я не искупилъ своей вины, я не заслуживалъ наказанія. Я былъ молодъ и поступилъ безумно.

— Не тоже-ли самое и я говорю.

— Вы меня не понимаете. Я поступилъ безумно потому, что былъ любовникомъ замужней женщины и, застигнутый на мѣстѣ преступленія ея мужемъ, для спасенія ея, выдалъ себя за вора. Но, клянусь вамъ, тетка Маделена, я не воръ. Мой отецъ, говорятъ, умеръ съ отчаянія, что сынъ его воръ, но, клянусь, я не виновенъ.

— Зачѣмъ ты повторяешь намъ, которые давно тебя простили, сказку, сочиненную тобой для судей, чтобъ спасти себя?

— Это не сказка, я ее не сочинялъ! воскликнулъ Эмиль, ударяя кулакомъ по столу:—меня бѣситъ, что вы, хорошо меня зная, не вѣрите мнѣ.

— Не сердись, Эмиль, но твоя исторія не выдерживаетъ никакой критики.

— Отчего? воскликнулъ онъ сверкающими глазами:—скажите, что въ ней кажется вамъ невѣроятнымъ, задавайте мнѣ вопросы, опровергайте меня и дайте мнѣ случай убѣдить васъ въ моей невиновности. Вы не ужасный предсѣдатель суда, который обдавалъ меня холодомъ и извращалъ каждое мое объясненіе. Онъ, этотъ ненавистный Матье де-Тальи, имѣлъ на то свои причины. Я впослѣдствіи узналъ, что онъ былъ однимъ изъ любовниковъ несчастной, которая погубила всю мою жизнь. Да, вы не улыбайтесь, тетка Маделена, я докажу, что онъ былъ ея любовникомъ. Пора, тетка Маделена, намъ покончить это недоразумѣніе. Выслушайте меня, я вамъ разскажу все подробно, какъ это случилось: клянусь головой моей матери, а вы знаете, какъ я ее люблю, клянусь прахомъ отца, что я скажу вамъ правду. Послѣ такихъ клятвъ вы мнѣ повѣрите?

Голосъ молодого человѣка, вся его фигура дышали такой искренностью, такимъ чистосердечнымъ отчаяніемъ, что глубоко тронутая Маделена отвѣчала:

— Я тебѣ повѣрю, Эмиль... Послѣ такой клятвы, ты не можешь солгать.

Молодой человѣкъ тяжело вздохнулъ и началъ свой разсказъ:

— Орели, т. е. госпожа де-Марби, была моей любовницей лишь нѣсколько дней, когда случилось это несчастье. Я любилъ ее безъ ума и готовъ былъ ради нея на всякія жертвы, считая, что она для меня пожертвовала своей честью. Однажды она сказала мнѣ, что мужъ ея долго не вернется изъ министерства и пригласила меня къ себѣ. Я, конечно, прилетѣлъ на крыльяхъ любви. Вдругъ Орели бѣжитъ къ дверямъ и съ ужасомъ кричитъ: «Боже мой, мужъ! Мы погибли». Я мужественно отвѣчалъ ей: «Не бойся, прежде, чѣмъ дотронуться до тебя, онъ переступитъ черезъ мой трупъ». Она поспѣшно отвѣчала: «Нѣтъ, нѣтъ; скорѣе одѣвайся!» Я повиновался, но не успѣлъ еще надѣть сапогъ, какъ она толкнула меня къ окну,—ея спальня была въ первомъ этажѣ,—умоляя, чтобы я спасался бѣгствомъ. Въ тоже время, вынувъ изъ комода портфель и какую-то коробку, она сунула ихъ мнѣ въ руки, говоря: «Спрячь это, если все обойдется благополучно, отдай мнѣ ихъ

завтра». Я ничего не понималъ, но, ослѣпленный любовью, я вообразилъ, что она мнѣ отдала свои бумаги и драгоцѣнности въ намѣренiи бросить мужа и жить со мною. «Прыгай въ окно и спасайся», шепнула она еще разъ и, бросившись въ свою постель, прикинулась спящей. Въ ту самую минуту, какъ я выпрыгнулъ въ садъ, отворилась дверь и вошелъ ея мужъ. Увидавъ отворенный ящикъ комода и неизвѣстнаго мужчину, выскакивавшаго безъ сапогъ въ окно, онъ бросился къ Орели и, схвативъ ее за плечи, закричалъ такъ, что я слышалъ изъ сада: «Кто этотъ мужчина?» Орели тотчасъ отвѣчала: «Мужчина здѣсь? Боже мой, спасите! спасите!» Тогда капитанъ заоралъ во все горло: «Караулъ! Воры!» и, выпрыгнувъ въ окно, погнался за мною. Калитка была заперта и изъ сада не было выхода. Онъ повалилъ меня на землю. На его крики сбѣжался народъ и меня повели въ его кабинетъ. Я былъ внѣ себя отъ отчаянiя и уже представлялъ себѣ скандальный процесъ и разводъ Орели съ мужемъ. Одно для меня было ясно, что теперь я ея единственный покровитель и я твердо рѣшился послѣ процеса взять ее къ себѣ и жить съ нею, какъ съ женою, потому что она погубила себя изъ любви ко мнѣ. Представьте-же себѣ мой ужасъ, когда полицейскiй комисаръ вынулъ изъ моего кармана портфель и коробочку, а капитанъ воскликнулъ: «ахъ, разбойникъ, это мой портфель и мой крестъ». Я всетаки ничего не понималъ и, сгорая отъ стыда, смотрѣлъ на Орели, которая пришла въ кабинетъ мужа и бросала на меня умоляющiе взгляды, какъ-бы прося, чтобъ я молчалъ. У меня нашли еще ножъ, который я всегда носилъ при себѣ. «Онъ вооруженъ, сказалъ комисаръ, — и еслибъ г-жа Марби проснулась, онъ убилъ-бы ее». Я могъ только сказать съ отчаянiемъ: «Какъ, я воръ, я убiйца!» Но Орели снова взглянула на меня съ раздирающей мольбой и упала въ обморокъ. Меня увели въ префектуру, а капитанъ Марби понесъ ее на рукахъ въ спальню. Вотъ все, что произошло, тетка Маделена.

— Такъ это правда! сказала добрая старуха: —да, теперь все ясно и просто. Ты не такъ говорилъ на судѣ. А она послѣдняя изъ тварей. Зачѣмъ ты молчалъ во время слѣдствiя, мы-бы ее силой принудили показать правду.

— Я молчалъ потому, что любилъ ее и думалъ, что она спасетъ меня. Мое признанiе погубило-бы ее, а я надѣялся, что она найдетъ средство спасти насъ обоихъ. Только когда она отреклась отъ меня на судѣ, я убѣдился, что это за женщина и сказалъ всю правду. Вы были въ публикѣ и помните какой общiй смѣхъ возбудили мои слова. Съ этой минуты я возненавидѣлъ ее и поклялся отомстить ей. У меня еще и теперь раздается въ ушахъ ея восклицанiе: «Ахъ, злодѣй, онъ не только воръ и почти убiйца, но онъ еще оскорбляетъ честь женщины». Ея слова вызвали такое замѣчанiе предсѣдателя: «Не защищайтесь; его утвержденiе достойно только презрѣнiя». Ну, посмотримъ, какъ-то теперь она защититъ себя.

— Что ты хочешь дѣлать, мой бѣдный Эмиль? воскликнула Маделена. — Лучше всего забудь обо всемъ этомъ. Даю тебѣ слово, я вѣрю, что ты честный человѣкъ и несчастная жертва. Я очень этому рада.

Она встала, подошла къ нему и поцѣловала его три раза.

— Мой тебѣ совѣтъ, прибавила она,—женись на Анетѣ и будь счастливъ.

— Нѣтъ, я не могу и не хочу, чтобы считали меня воромъ.

— Но вѣдь ты знаешь, что эта женщина сильна. Если ты скажешь хотя слово противъ нея, ты навлечешь на себя новыя несчастья. Оставь это дѣло.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобъ, женившись на Анетѣ и идя подъ руку съ нею и съ нашимъ ребенкомъ, я могъ слышать на улицѣ: «вотъ воръ». Я хочу гордо поднять голову и доказать публично, что я былъ любовникомъ этой женщины. У меня было доказательство, но оно пропало. Я, кромѣ того, докажу, что она всегда вела себя преступно. Я тотчасъ примусь за это дѣло; пора его покончить. Не браните меня, тетка Маделена, если нѣсколько дней я не буду работать, а напротивъ, поддержите мое мужество. Когда я успѣю въ своемъ намѣренiи, то приду къ вамъ и попрошу руки Анеты.

— Дѣлать нечего, пусть будетъ по твоему. Только будь благоразуменъ.

— Хорошо, а теперь прощайте.

Маделена посмотрѣла на часы. Было уже два.

— Послушай, Эмиль, сказала она, — очень уже поздно и въ это время на берегу не благонадежно, всякiе негодяи...

— Я ничего не боюсь.

— Чѣмъ чортъ не шутитъ. Лучше переночуй здѣсь.

— Вы правы, я очень усталъ и если я васъ не стѣсню...

— Нисколько, ты можешь занять комнату, гдѣ жилъ негодяй Жюль, котораго я прогнала за неплатежъ денегъ, взявъ съ него въ обезпеченiе уплаты узелъ съ его вещами. Хотя онъ и увѣрялъ, что у него въ узлѣ важныя семейныя бумаги, но вотъ прошло болѣе года, а онъ не является за ними.

— Благодарю васъ, доброй ночи.

Они обнялись и Эмиль Обле направился въ указанную ему комнату. Онъ тотчасъ легъ въ постель, но не могъ заснуть, такъ взволновали его воспоминанiя о страшномъ событiи, погубившемъ всю его жизнь. Долго метался онъ со стороны на сторону и, наконецъ, всталъ, чтобы поискать, нѣтъ-ли въ комнатѣ книги или газеты. Но его поиски были тщетны. Онъ нашелъ въ шкапу только узелъ съ старымъ платьемъ и съ ярлыкомъ Жюля. Онъ припомнилъ слова тетки о вещахъ, оставленныхъ въ видѣ обезпеченiя за долгъ жильца, котораго она прогнала за неплатежъ денегъ и хотѣлъ бросить его, какъ вдругъ почувствовалъ подъ рукою шелестъ бумаги. Онъ развязалъ узелъ, въ надеждѣ найдти тамъ книгу. Дѣйствительно, въ узлѣ оказалась небольшая книга, не особенно интересная: «Кодексъ Наполеона», и портфель съ свидѣтельствомъ на имя Жюля Минге, освобожденнаго изъ тюрьмы и находившагося подъ надзоромъ полицiи, и нѣсколько писемъ. Эмиль собирался уже снова связать узелъ, какъ изъ него выпалъ небольшой свертокъ, завернутый въ газетную бумагу. Наконецъ-то онъ могъ кое-что почитать.

Онъ развернулъ свертокъ; тамъ оказались письма, писанныя женскою рукою. Эмиль улыбнулся и сказалъ себѣ: «Интересно, какiя женщины могли писать такому негодяю». Эмиль взялъ одно изъ писемъ и развернулъ его. Почеркъ письма заставилъ его вздрогнуть и онъ поспѣшно взглянулъ на подпись.

— Это невозможно! воскликнулъ онъ громко: —она писала къ такому негодяю! Не можетъ быть!

Съ лихорадочнымъ любопытствомъ, онъ открылъ всѣ письма.

— Да, я не ошибаюсь, это она, это она.

Эмиль едва не сошелъ съ ума отъ радости. Давно желанное орудiе возстановленiя его чести было въ его рукахъ.

«Ну, теперь она отъ меня не отвертится, думалъ онъ, — я ей отомщу. Она должна будетъ сознаться во всемъ или я покажу суду эти письма и скажу: «вотъ честная женщина, которую я оскорбилъ по вашему. Она обманывала мужа съ этимъ человѣкомъ такъ-же, какъ со мною. И мнѣ теперь повѣрятъ».

Онъ положилъ эти драгоцѣнныя для него письма въ свой портфель. Это не было кражей. Эти письма не имѣли для другихъ никакой цѣны; его тетка, наконецъ, могла ихъ нечаянно сжечь или вымести съ соромъ.

— Впрочемъ, произнесъ онъ вслухъ, — если это и не совсѣмъ честно, то я уже отбылъ впередъ наказанiе за воровство.

Онъ завязалъ узелъ, положилъ его на мѣсто и снова легъ въ постель. Но сонъ еще упорнѣе бѣжалъ отъ него. Эмиль дождался той минуты, когда прислуга засуетилась въ домѣ и, одѣвшись, ушелъ къ себѣ. Его безпокоила мысль, что Жюль можетъ во всякое время вернуться и потребовать свои вещи и онъ поторопился спрятать письма въ своей квартирѣ въ безопасномъ мѣстѣ.

На слѣдующiй день дѣйствительно случилось то, чего онъ боялся. Тетка Маделена съ удивленiемъ увидала въ дверяхъ своего кабачка ея прежняго жильца Жюля.

— Чего тебѣ надо? спросила она рѣзко.

— Я пришелъ заплатить вамъ свой долгъ.

— Не можетъ быть?

— Правда. Сколько я вамъ долженъ?

Маделена открыла приходо-расходную книгу и отвѣтила:

— Новаго долга сто двадцать франковъ. Старый я тебѣ простила.

— Вотъ деньги, тетка Маделена, сказалъ Жюль и подалъ шесть золотыхъ,—а теперь пожалуйте мой узелъ.

Служанка принесла узелъ; развязавъ его, Жюль закричалъ съ гнѣвомъ:

— Вы меня обворовали.

— Что! Я воровка! я воровка! отвѣчала съ сердцемъ старуха. — Погоди голубчикъ, вонъ идетъ жандармъ, ты за эти слова поплатишься.

И она направилась къ двери. Жюль быстро взглянулъ по этому направленiю и дѣйствительно увидалъ издали жандарма, проходившаго по берегу. Онъ схватилъ свой узелъ и, оттолкнувъ старуху такъ сильно, что она упала на полъ, выбѣжалъ изъ кабачка, крича во все горло:

— Вы мнѣ ихъ отдадите или горе вамъ!

(*Продолженiе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Ея пѣснь — ея скорбь, съ акварели Фалькенбурга. — Чрезвычайно удачный и полный чувства пейзажъ: несчастная нищая, вѣроятно, слѣпая, которую водитъ вѣрный пудель, прислонилась къ стѣнѣ улицы и затянула съ акомпаниментомъ гитары свою печальную пѣсню, надѣясь выручить этимъ путемъ нѣсколько копѣекъ. Но сколько печали и страданiя въ этой пѣснѣ! Какъ печально настоящее и какъ безнадежно будущее. Этимъ чувствомъ, если можно такъ выразиться, пропитана вся картина и даже пудель, старый, вѣрный спутникъ несчастной нищей, понурилъ свою голову, и съ такимъ-же безотраднымъ чувствомъ слушаетъ печальную пѣсню... Акварель написана прекрасно.

Импровизаторъ, картина Шейренберга. — Импровизаторъ, въ костюмѣ прошлаго столѣтiя, въ треугольной шляпѣ, шелковомъ кафтанѣ, бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ, стоитъ по серединѣ комнаты и, акомпанируя себѣ на гитарѣ, поетъ... Вся фигура очень удачно схвачена, а лицо чрезвычайно типично; этотъ уличный поэтъ и пѣвецъ, очевидно, очень увѣренъ въ себѣ: онъ можетъ на всякую заданную тему сейчасъ-же сочинить стихотворенiе и даже спѣть его, положивши на музыку также собственнаго сочиненiя. Эта увѣренность придаетъ его лицу выраженiе самодовольства, которое еще рѣзче выступаетъ на глупомъ лицѣ, благодаря глупой, самодовольной улыбкѣ. Художникъ, словомъ, создалъ чрезвычайно удачный типъ.

Послѣ боя быковъ: праздникъ тореадоровъ, картина Виллегаса. — Бой быковъ только что кончился; тореадоры-побѣдители празднуютъ свою побѣду и успѣхъ представленiя при заходящемъ солнцѣ въ саду. Одинъ изъ нихъ играетъ съ увлеченiемъ на гитарѣ, любовница другого пляшетъ качучу, остальные хлопаютъ и любуются. Въ картинѣ необыкновенно много жизни и художествен-

ной правды. Типичныя лица и фигуры тореадоровъ, не успѣвшихъ снять еще своего офиціальнаго костюма, точно списаны съ натуры. Молодая плясунья полна граціи въ своихъ движеніяхъ, не смотря на то, что лицо ея не отличается правильной, условной красотой. Но верхъ совершенства въ картинѣ—широкая, какъ-бы эскизная манера художника. Въ этомъ, впрочемъ, заключается главное достоинство испанской школы. Она идетъ по слѣдамъ Фортуна и Замокоиса: одинъ создалъ удивительный, однимъ лишь испанцамъ доступный колоритъ и эфектъ свѣта; другой—внесъ въ испанскую живопись реалистическій элементъ: удивительную, по временамъ даже рѣзкую правду въ передачѣ типа, движеній, выраженія. Этими достоинствами въ замѣчательной степени отличаются испанцы: ни одинъ художникъ другой націи не достигалъ такого блестящаго колорита, такой неподдѣльной художественной правды и такой живописности: глядя на картину испанскаго художника, точно дышешь испанскимъ воздухомъ и чувствуешь лучи горячаго и яркаго испанскаго солнца.

Арабка и Продажа плодовъ, съ картинъ Айдукевича.—Обѣ помѣщаемыя въ настоящемъ нумерѣ картины талантливаго польскаго художника указываютъ на то, что онъ непосредственно и долго изучалъ востокъ, не только со стороны его колорита и эфектовъ свѣта, но также и со стороны типовъ, представляющихъ собою такое безконечное разнообразіе именно на востокѣ. Молодая арабка въ этомъ отношеніи прекрасный образчикъ. Въ другой картинѣ, изображающей сцену на улицѣ, типы очень разнообразны, безъ всякаго сомнѣнія, непосредственно взяты съ натуры и прекрасно переданы. Но и помимо типовъ, чисто восточныхъ, въ этой картинѣ замѣчается прекрасная групировка фигуръ, хотя, можетъ быть, фигура продавщицы плодовъ нѣсколько натянута и обнаруживаетъ слишкомъ мало движеній, за то мальчишка, стоящій рядомъ съ нею съ какой-то палкой въ рукахъ—рѣдкій образчикъ «мѣстнаго колорита».

Блестящій художественный успѣхъ, картина Прѣльса.—Спеціальность нѣмецкаго жанра заключается въ семейныхъ сценахъ; очень часто этотъ семейный жанръ сопровождаетъ нѣкоторая мѣщанская слащавая сантиментальность, но рядомъ съ нею много типичности, много реальной правды, что-то свѣжее, непосредственно схваченное въ жизни. Картина Прѣльса представляетъ одинъ изъ удачнѣйшихъ образчиковъ такого жанра. Дѣло происходитъ, очевидно, въ бѣдной, но почтенной семьѣ (нѣмецкіе художники всегда изображаютъ почтенныя семьи); молодой человѣкъ—надежда семьи, начинающій художникъ,—только-что окончилъ портретъ своей жены и выставилъ теперь его на судъ семьи. Жена, стоящая у стола и внимательно разсматривающая портретъ, должно быть, довольна,—портретъ похожъ. Она красивая женщина, съ рѣзко выдающимся нѣмецкимъ типомъ; рядомъ съ нею, въ нѣмомъ благоговѣніи передъ талантомъ сына, сидятъ старики, отецъ и мать, отецъ, должно быть, бывшій солдатъ, съ очками на глазахъ и нѣмецкой трубочкой въ рукѣ, мать — симпатичная старушка, рѣшительно погруженная въ восторгъ. Тутъ-же и другія лица, столь-же выразительныя, молодая дѣвушка, сидящая спиной къ зрителю, и дѣти—мальчикъ и дѣвочка. Самъ художникъ—на противоположномъ концѣ стола; онъ еще держитъ въ рукѣ палитру и съ гордостью любуется произведеннымъ эфектомъ. Художникъ съ большимъ талантомъ передалъ эту семейную сцену.

Смѣсь.

— Перевозочныя средства для похода въ Среднюю Азію. Въ виду предстоящей нашимъ войскамъ средне-азіятской экспедиціи, интересно привести вычисленіе, какія перевозочныя средства необходимы для переходовъ войскъ черезъ безводныя пустыни средней Азіи. Не надо забывать, что закаспійская часть Азіи, нѣкогда богатая и населенная, теперь превратилась въ безводную пустыню, гдѣ колодезь отъ колодезя отстоитъ иногда на 50 верстъ. Самые колодцы, большею частью очень глубокіе (до 10 саженъ), не богаты водою. Подножный кормъ въ этой степи встрѣчается не часто и къ тому-же дурного качества. Вотъ почему лошадиный обозъ для арміи здѣсь почти невозможенъ и приходится обращаться къ верблюду, какъ извѣстно, способному гораздо болѣе лошади переносить безкормицу и, въ особенности, жажду; верблюдъ довольствуется всякимъ подножнымъ кормомъ, ѣстъ всякую колючую траву, до которой лошадь не дотронется. Но и верблюдъ полезенъ только для небольшихъ отрядовъ; для большихъ-же отрядовъ необходима такая масса верблюдовъ, что пріобрѣтеніе ихъ въ краѣ крайне затруднительно. О верблюдѣ многіе составляютъ неправильное понятіе по его величинѣ и кажущейся силѣ. Но на самомъ дѣлѣ верблюдъ слабѣе лошади: для груза, везомаго 4-мя лошадьми, необходимо отъ 6 до 8 верблюдовъ. Понятно, что при большихъ военныхъ операціяхъ лошади еще менѣе возможны, чѣмъ при кратковременныхъ небольшихъ экспедиціяхъ. Но и добыть достаточное количество верблюдовъ не легко. Какъ ни богаты ими ближайшія населенныя мѣстности, но пріобрѣсти въ нихъ сразу, напримѣръ, 15,000 штукъ невозможно, не смотря даже на самыя высокія цѣны, которыя только могутъ назначать экспедиціонные отряды. А какъ велико число верблюдовъ, потребное для отряда, можно заключить изъ слѣдующаго вычисленія. На 100 человѣкъ отряда, отправляющагося въ семидневную экспедицію, нужно: для перевозки семидневнаго запаса продовольствія 15 верблюдовъ, для перевозки воды—5; для перевозки семидневнаго корма для самихъ-же верблюдовъ—7; для перевозки запасныхъ патроновъ—4; для палатокъ и войлоковъ, на которыхъ спятъ солдаты,—8; для кухни—2; для офицерскихъ и солдатскихъ вещей—10; всего 51 верблюдъ. При страшной жарѣ въ пустыняхъ средней Азіи солдатъ не можетъ нести на себѣ столько, сколько носитъ въ европейскихъ походахъ, вотъ почему многія его вещи приходится возить на верблюдахъ. Разсчетъ числа верблюдовъ сдѣланъ, полагая, что верблюдъ въ жару и при отсутствіи постоянныхъ водопоевъ не можетъ снести на себѣ болѣе 10 пудовъ.

Можно заключить, какое громадное число верблюдовъ требуется для нашей текинской экспедиціи. Впрочемъ, для избѣжанія затрудненія въ пріобрѣтеніи ихъ въ огромномъ числѣ, ходятъ слухи, что уже приступлено къ постройкѣ желѣзной дороги.

— Новая книга. Г. Горяиновъ, членъ с.-петербургскаго окружного суда, бывшій уѣздный предводитель дворянства, издалъ книгу «Уставы о воинской повинности», дополненные всѣми позднѣйшими узаконеніями по 15 мая 1880 г., съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшеній правительствующаго сената, циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ, главнаго штаба и другихъ правительственныхъ распоряженій съ приложеніемъ указателей: хронологическаго—законовъ и алфавитнаго—предметовъ. Настоящій трудъ вызванъ желаніемъ представить лицамъ, имѣющимъ по своимъ служебнымъ обязанностямъ дѣло съ уставами о воинской повинности, а равно лицамъ, подлежащимъ отбыванію этой повинности,—сборникъ, заключающій въ себѣ, какъ подлинный текстъ уставовъ, такъ и относящіяся къ нимъ дополненія и разъясненія. Необходимость такого сборника для означенныхъ лицъ была сознана составителемъ, когда онъ, еще въ недавнее время, исполнялъ, какъ уѣздный предводитель дворянства, должность предсѣдателя уѣзднаго по воинской повинности присутствія. Составлена книга хорошо и издана г. Гартье (Россійская Библіографія).

— Сара Бернаръ. Въ біографіи Сары Бернаръ, напечатанной въ прошломъ нумерѣ «Жив. Об.», было упомянуто, что театръ «Французской комедіи» началъ искъ противъ этой артистки, требуя съ нея 300,000 фр. и уничтоженія контракта ея, какъ актрисы-пайщицы «Французскаго» театра. Дѣло уже разсматривалось въ судѣ и кончилось не въ пользу талантливой артистки. Судъ опредѣлилъ считать Сару Бернаръ лишенной всѣхъ правъ и преимуществъ, которыми она могла пользоваться по контракту съ «Французской комедіей», взыскать съ нея за причиненные убытки 100,000 фр. и секвестровать ея долю въ общемъ пенсіонномъ фондѣ пайщиковъ «Французской комедіи» (около 44,000).

— Раздѣленіе русской драматической труппы. Въ 25 нумерѣ «Жив. Об.» мы уже сказали о раздѣленіи нашей драматической труппы. Теперь можемъ дополнить замѣтку нѣкоторыми подробностями. Такъ, бенефисы артистовъ и артистокъ будутъ устраиваться въ обоихъ театрахъ (александринской и малый), смотря по тому, къ труппѣ какого изъ нихъ кто причисленъ. Изъ главныхъ персонажей драматической труппы въ малый театръ переходятъ г-жи Читау 2 и Федорова.

— Лѣтніе спектакли. Лѣтніе спектакли въ императорскихъ театрахъ начнутся 12 іюля.

— Женскій университетъ. Въ Лондонѣ открыто высшее училище съ пятигодичнымъ курсомъ на подобіе университета, въ которое принимаются исключительно женщины.

— Замѣчательная долговѣчность. Въ Варшавѣ, на 118 году отъ рожденія, скончался одинъ старецъ, бывшій нѣкогда капуциномъ; онъ оставилъ потомство въ 235 человѣкъ, которые всѣ его и провожали на кладбище.

— Курьезъ. Въ Лондонѣ появилась полупомѣшанная, выдающая себя за седьмого сына Бога и занимающаяся колдовствомъ. Она избрала себѣ двухъ помощницъ и онѣ всѣ три предсказываютъ будущее и гадаютъ на картахъ. Курьезнѣе всего, что число вѣрующихъ въ ея чары постоянно возрастаетъ и пока нѣтъ еще на нее жалобъ, а слѣдовательно, и повода для офиціальнаго вмѣшательства.

— Парижскія литературныя утра. Парижскій женскій литературный кружокъ въ занимаемомъ имъ помѣщеніи устраиваетъ литературныя собранія, бывающія обыкновенно отъ 12 до 2 часовъ, на которыхъ члены кружка, т. е. женщины-литераторы, дѣлаютъ собранію свои доклады и обсуждаютъ текущіе вопросы, касающіеся литературы въ Европѣ вообще, также читаютъ свои произведенія и произносятъ рѣчи, нерѣдко блистательныя.

— Гидро-техническія сооруженія. Въ Австріи на разсмотрѣніе правительства поступилъ новый колоссальный проектъ проведенія канала для соединенія р. Эльбы съ Дунаемъ.

— Птица-феноменъ. Въ Шотландіи недавно была поймана ворона необыкновеннаго цвѣта; туловище и голова покрыты темнокоричневыми перьями съ необычайнымъ блескомъ, крылья-же и хвостъ—свѣтло-коричневыми перьями съ лиловатымъ оттѣнкомъ. Птица эта названа коричневою вороною и помѣщена въ зоологическій садъ при музеѣ, гдѣ она уже пережила зиму.

— Новѣйшія изслѣдованія и раскопки. Афинское археологическое общество открыло чрезвычайно интересныя историческія древности и нашло мѣсто древнѣйшаго элевзинскаго храма, воздвигнутаго въ честь богини Цереры, гдѣ происходили знаменитыя элевзинскія мистеріи. Мѣсто это близъ Саламинскаго залива и на развалинахъ храма теперь находится роскошная деревня, которая и будетъ перенесена на другое мѣсто. Германскіе археологи въ олимпійскихъ раскопкахъ нашли извѣстную по своей древности крошечную статую Меркурія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Просимъ гг. петербургскихъ подписчиковъ, уплатившихъ полную годовую сумму за изданіе, пожаловать самимъ или прислать кого-либо въ контору Редакціи для полученія еще не выданныхъ имъ **премій.**

II. Статья г. Василевскаго «Разъ въ мѣсяцъ» по недостатку мѣста отложена до будущаго 27 нумера.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 25-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 20 іюня въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 23 іюня въ 2 часа по полудни.

СОДЕЖАНІЕ.

Статьи: Высочайшіе рескрипты.—Лѣтней порой, стих. **П. Быкова.**—У креста, разсказъ **К. С. Баранцевича.**—Русскія суевѣрія, очерки **С. С. Шашкова.**—На пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, ст. **Вл. Михневича.**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Ея Императорское Высочество Наслѣдница Цесаревна съ августѣйшими дѣтьми.—Ея пѣснь—ея скорбь... акварель **Фалькенбурга.**—Импровизаторъ, картина профессора **Шейренберга.**—Продажа плодовъ, картина **Айдукевича.**—Послѣ боя быковъ, праздникъ тореадоровъ, картина **Виллегаса.**—Арабка, картина **Айдукевича.**—Блестящій художественный успѣхъ, картина **Прѣльса.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

При этомъ нумерѣ прилагается восьмой двойной листъ романа А. Михайлова **„Чужіе грѣхи“.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 іюня 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

5ОКИ
Ж-I-D-3547

1
124 шиз
М|Ф
Т. N
1880, № 14-26